

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт археологии

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Archaeology

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

3 (45)

Июль–Август–Сентябрь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2014

Научная подготовка журнала осуществляется в сотрудничестве
с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)
член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *С. П. Карпов*, член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *А. А. Масленников*, д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаиров*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь),
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*,
д.филол.н. *С. Г. Шулежкова*

Выпуск подготовили

д.филол.н. *С. Г. Шулежкова* (отв. ред.),
к.филол. н. *А. Н. Михин* (ред.),
к.филол. н. *А. А. Осипова* (ред.),
к.филол. н. *Н. В. Позднякова* (ред.)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov, I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova,
I. E. Surikov

The publication was prepared by

S. G. Shulezhkova (resp. edit)
A. N. Mikhin (edit)
A. A. Osipova (edit)
N. V. Pozdnyakova (edit)

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2014
© Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова, 2014
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2014

*Международный симпозиум
«Русская культура как объект современной
лексикографии и фразеологии»*

Магнитогорск, 27–29 ноября 2014 г.

Международный комитет славистов
(Фразеологическая комиссия)

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
(Научно-исследовательская словарная лаборатория)
Санкт-Петербургский государственный университет
Ernst-Moritz-Arndt-Universität

Оргкомитет

Председатель: д-р филол. н., проф., член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов Шулежкова С. Г. (Россия, МГТУ им. Г. И. Носова)

Зам. председателя: д-р филол. н., проф., председатель Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов Мокиенко В. М. (Россия, СПбГУ)

Члены оргкомитета

Абрамзон М. Г., д-р ист. н., проф., директор Института истории, филологии и иностранных языков МГТУ им. Г. И. Носова

Байрамова Л. К., д-р филол. н., проф. (Россия, г. Казань)

Баранов В. А., д-р филол. н., проф. (Россия, г. Ижевск)

Вальтер Х., д-р филол. н., проф., зам. председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов (Германия, Эрнст-Моритц-Ардт ун-т)

Георгиева С., д-р филол. н., проф. (Болгария, г. Пловдив)

Дядечко Л. П., д-р филол. н., проф. (Украина, г. Киев)

Костючук Л. Я., д-р филол. н., проф. (Россия, г. Псков)

Михин А. Н., канд. филол. н., ст. науч. сотрудник НИСЛ МГТУ им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск)

Осипова А. А., канд. филол. н., ст. науч. сотрудник НИСЛ МГТУ им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск)

Позднякова Н. В., канд. филол. н., ст. науч. сотрудник НИСЛ МГТУ им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск)

Финк-Арсовски Ж., д-р филол. н., проф. (Хорватия, г. Загреб)

Редакционная коллегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» публикует в данном номере научные статьи докладчиков Международного симпозиума, в котором приняли участие более 180 лингвистов из 11 стран мира. На Симпозиуме были представлены зарубежные научные школы из Белоруссии, Болгарии, Германии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Польши, Сербии, Украины и Хорватии, где занимаются проблемами русского языка и русской культуры. Самой представительной, по понятным причинам, оказалась отечественная делегация. О своих достижениях докладывали исследователи из 34-х научных центров России (Астрахани, Балашова, Белгорода, Великого Новгорода, Волгограда, Екатеринбурга, Ельца, Забайкалья, Ижевска, Казани, Костромы, Красноярска, Куйбышева, Кургана, Липецка, Магнитогорска, Москвы, Новосибирска, Омска, Оренбурга, Орла, Перми, Пскова, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саранска, Саратова, Северодвинска, Смоленска, Тобольска, Тюмени, Чебоксар, Челябинска). Осознавая высокую ответственность перед мировым сообществом, собравшиеся на этом представительном форуме в год, объявленный Годом культуры, учёные продемонстрировали высокую заинтересованность в укреплении международных контактов между славянскими народами, в усилении позиций русского языка как важнейшей составляющей русской культуры на международной арене.

На Симпозиуме обсуждались проблемы, которые встали перед филологами-славистами в условиях глобализации и внедрения новых технологий в систему коммуникации. В общности культурных корней, исторических судеб и этических ценностей русского этноса и других славянских народов, которая отражается в языках и может быть описана в лингвокульту-

рологических, исторических, этимологических, сопоставительных, ассоциативных, фразеологических, паремиологических и прочих словарях, участники Симпозиума видят основу для укрепления международных отношений, взаимовыгодных контактов в сфере культуры и науки.

Научные статьи участников Симпозиума распределены по 14 разделам. В первом помещены работы, посвящённые проблемам лингвокультурологической и идеографической лексикографии; во втором – статьи, в которых рассматривается отражение русского менталитета в паремиографии и крылатографии. Авторы третьего раздела изучают как объект словарного описания православный дискурс и его истоки, а авторы четвёртого анализируют специфику русского языкового сознания через лингвокультурные типажи. Исторические словари русского и других славянских языков как лингвокультурологический источник стали объектом исследования авторов пятого раздела, а региональные и субкультурные словари – авторов шестого раздела. Вопросы, связанные со своеобразием русской национальной концептосферы и русским языком как реципиентом иноязычных слов, обсуждаются в статьях седьмого раздела, а русская культура как объект описания в двуязычных и многоязычных словарях и русизмы в языках Европы – в статьях восьмого раздела. Несомненный интерес у читателей вызовет тематика последних шести разделов журнала. Так, девятый раздел объединяет работы, посвящённые лексикографическому анализу устной спонтанной речи современных носителей русского языка, насыщенной «скрепами», «дискурсивами», а десятый раздел – электронным ресурсам и электронным словарям как источникам изучения русской культуры. В одиннадцатом разделе обсуждается проблема кодифицирующей роли словарей и их места в системе российского образования, в двенадцатом – проблема отражения русской культуры в словаре писателя, в тринадцатом ставятся вопросы о лингвокультурологических принципах представления фразеологизмов в специальных словарях. Последний раздел – «Лингвистика и правовая культура. Слово лексикографа как аргумент в лингвистической экспертизе» – отражает становление нового направления в современной лексикографии.

В работе Симпозиума приняли участие 58 докторов наук и более 100 кандидатов наук. С фундаментальными докладами выступили ведущие учёные-лингвисты России и зарубежья: Э. Н. Акимова, Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Бабенко, Л. К. Байрамова, В. А. Баранов, Н. В. Богданова-Бегларян, Х. Вальтер, Н. Л. Васильев, К. Р. Галиуллин, Л. П. Дядечко, С. Георгиева, Л. А. Глинкина, В. Г. Дидковская, Е. И. Зиновьева, М. В. Иванова, Л. Я. Костючук, В. В. Красных, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, С. А. Песина, Е. Р. Ратушная, Е. И. Селиверстова, К. П. Сидоренко, Л. В. Табаченко, Н. В. Уфимцева, О. В. Фельде, Ж. Финк-Арсовски, М. А. Фокина, В. К. Харченко, Е. В. Харченко, Т. В. Чернышова, Л. Н. Чурилина, Г. А. Шиганова, Л. А. Шкатова, С. С. Шляхова и др.

Председатель оргкомитета С. Г. Шулежкова

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

© 2014

Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых

ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

Рассматриваются две основные проблемы структурирования словарной статьи фразеологического словаря лингвокультурологического типа: а) принципы отбора фразеологических выражений и б) построение самой словарной статьи. Обращается внимание на те параметры фразеогрфии, которые позволяют пользователю словаря погрузиться в её ценностно-смысловые глубины во взаимоотношении образного слова, познания и культуры.

Ключевые слова: познание, ценностно-смысловое пространство, лингвокультурология, лексикография, фразеологизм

При структурировании словарной статьи фразеологического словаря лингвокультурологического типа в центре внимания находятся две проблемы: а) принципы отбора фразеологических выражений¹ и б) построение самой словарной статьи.

Принципами отбора фразем для нашего словаря² послужили следующие положения.

- Фразеологическим является устойчивый, воспроизводимый словесный комплекс со структурой словосочетания, сочетания слов или предложения, раздельно оформленный и обладающий повышенной экспрессивностью и усложненной культурными смыслами коннотативностью.

- Культурно маркированными нами признаются фраземы, которые либо отсутствуют в других (даже близкородственных) языках, либо передают особое мировидение и миропонимание, несмотря на близость компонентного состава фразем родственных языков.

- Особо сложной задачей является определение культурно маркированных фразем, поскольку, кроме фразем с явной представленностью этнокультурного компонента, фразеографированию подлежат и единицы со скрытым культурологическим смыслом. В конечном итоге в словаре были описаны следующие разряды фразем:

- 1) фраземы, отражающие элементы античной культуры: *ахиллесова пята* (книжн.) — 'наиболее уязвимое место у кого-л., слабая сторона в каком-л. деле'. Согласно древнегреческой мифологии, Ахилл — один из самых сильных и храбрых героев, тело которого было неуязвимо, за исключением пятки. В мифе рассказывается: мать Ахилла, морская богиня Фетида, желая сделать сына неуязвимым, окунула мальчика в воды священной реки Стикс. Она держала его за пятку (пяту), поэтому пятка оказалась его единственным уязвимым местом. Именно туда Ахилл и был смертельно ранен стрелой Париса;

- 2) фраземы, содержащие указание на собственно русские культурно-исторические реалии: *бить баклуши* — 'просто проводить время, бездельничать'. Известно, что в старину на Руси хлебали щи и ели кашу деревянными ложками, которые делали кустари: раскалывали, разбивали осиновый или липовый чурбан на баклуши (чурки), т.е. делали заготовки (*били баклуши*) для мастера-ложкаря. Работа эта считалась пустячной, её выполнял обычно подмастерье. Потому и считалась она скорее бездельем, чем делом. Всё, конечно, познаётся в сравнении, и работа эта казалась лёгкой лишь по сравнению с тяжёлым крестьянским трудом;

- 3) фраземы, в компонентном составе которых имеются культурно и семантически освоенные лексемы. Такие фраземы кажутся исконно русскими, и лишь историко-культурный комментарий раскрывает их ценностно-смысловое содержание. Так, фразема *бить рынду* 'звонить особым способом (обычно в полдень)' содержит необычный компонент *рында*, который в современном русском языковом сознании является белым пятном. Лишь специалисты знают, что в допетровской Москве рындами называли царских телохранителей, стоявших у трона. С конца XVII в. звание это было упразднено. Зато выражение *рынду бить* долгое время употреблялось в морском жаргоне. На флоте оно не имело отношения ни к царским стражникам, ни тем более к их... избитию. Русские моряки переделали на русский лад английское выражение *Ring the bell*, передающее флотскую команду: *Ударь в колокол!* Заимствованная фраза была изменена не только фонетически: изменили свои значения и слова-компоненты (*ring* 'бей' преобразовали в русское слово *рында* 'колокол на корабле'; *bell* по-английски означает 'колокол', его преобразовали в русский глагол *бить*);

Алефиренко Николай Федорович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета. E-mail: n-alefrenko@rambler.ru

Золотых Лидия Глебовна — доктор филологических наук, заведующая кафедрой современного русского языка Астраханского государственного университета. E-mail: zolotyhl@yandex.ru

¹ Голева 2005.

² Алефиренко, Золотых 2008.

4) фраземы, состоящие из слов общенародного языка, но по своей семантике являющиеся культурно маркированными образованиями. Например, *быть в ответе* — ‘быть ответственным, отвечать за кого-л. или что-л.’. Казалось бы, очень понятное и простое словосочетание. Но это лишь поверхностное впечатление! Знакомство с русскими традициями, сложившимися при царском дворе, за обычным выражением вскрывают невидимый смысл. Оказывается, данная фразема хранит «следы» старинных дворцовых обычаев. После челобитной бояр и прочих чинов при появлении царя государь шёл в церковь, после чего начинал «сиденье с бояры» (заседание царской палаты, или думы). Царь слушал судные дела, назначал боярам пути (должности) и среди них — самые ответственные и важные, которые обязывали государственных мужей «быть в ответе». В обязанности этих чиновников входило вести переговоры с иностранными послами, давать царские ответы или решения посольских дел. Происходили переговоры в особой палате — «ответной» (или «посольской»);

5) фраземы, возникшие путём фразеологизации фрагментов — сочетаний слов из художественных произведений (поэзии, басен, колоритных выражений известных литературных персонажей. Так, фразема *<хоть> видит око, да зуб неймёт* (шутл.) ‘о чём-л. недоступном’ своим появлением в русском языке обязана басне И. А. Крылова «Лисица и виноград»: хитрая лисица не может ухватить зубами ягоды («неймёт» зуб, то есть не берёт, не достаёт). Передаётся всем понятный смысл: ‘близкая, но недоступная удача’. Этому способствует и буквальный смысл выражения: глаза видят желанный предмет, а добыть его невозможно. И в обычной жизни также нередко встречаются ситуации, когда что-то оказывается недостижимым, когда приходится порой мириться с тем, что «заветного» не видеть как своих ушей;

6) фраземы библейского происхождения. Особенно нуждаются в интерпретации те библеизмы, которые не содержат прямых религиозных номинаций. Так, фразема *вносить (приносить) / внести (принести) свою лепту* во что — ‘принимать посильное участие в чём-л.’ — лишена внешних признаков библейского происхождения. На самом же деле она отражает суть одной из евангельских притч, рассказывающей про бедную вдову, которая во время сбора пожертвований в храме положила в денежную чашу, рядом с богатыми дарами знатных людей, всё, что у неё было, — две жалкие лепты. Лепта — самая мелкая древняя монетка — грошик («лептос» по-гречески — ‘тоненький, мелкий’). Но Богу, говорится в притче, эти лепты вдвойне были приятнее всех остальных даров. Кстати, «лептой вдовицы» называют всякое скромное пожертвование, сделанное от чистого сердца;

7) фраземы, отражающие этнокультурную специфику бытового характера. Так, этнокультурная специфика выражения *как с гуся вода* ‘ничто не волнует, не трогает, ничто не действует’ обусловлена давним магическим обычаем. Оказывается, это не простая поговорка, а часть древнего заклинания. Обливая больного «наговорной водой», знахарки или заботливые родители, купая чадо в бане, приговаривали: «Как с гуся вода, с нашего (Ивана, Катеньки) — худоба» (то есть болезнь). И верили, что всякие напасти «сбегут» с больного так же, как вода скатывается, не задерживаясь, с гусиных перьев. Действительно, с перьев любой водоплавающей птицы, т.к. они смазаны жиром, который выделяет особая железа, находящаяся на спинке птицы, у корня хвоста, вода легко скатывается. Гуси, например, в/на воде выглядят свежо и бодро. Другие птицы, оказавшись в воде, приобретают жалкий вид. Поэтому и не говорят «как с курицы вода». Промокшая курица выглядит и на самом деле жалко и непривлекательно. Это зрелище вызывает совсем иные ассоциации; о жалком на вид или бесхарактерном человеке говорят: *как мокрая курица*;

8) фраземы, восходящие к народным поверьям и обычаям. В обороте *как рукой сняло*, пожалуй, ярче всего отразился обычай целительных «отводов». До сих пор в его переносном значении звучит вера в эффективность этого средства. Нередко слышим: «На даче стала чувствовать себя лучше. *Как рукой сняло* прежние недомогания». Такие выражения обычно обладают предельно «узкой» денотацией, всегда означая быстрое излечение от болезней. Знахари широко пользовались и пользуются этим приёмом. Особенно часто отводили рукой зубную или головную боль. При этом они проводили по больному месту рукой, делая своеобразный массаж. Создавалось впечатление, что боль буквально «снимается рукой». Этот способ врачевания распространён у многих народов. Недаром подобные выражения сохранились в активной речи не только у славян.

Словарную статью фразеологического словаря лингвокультурологического типа целесообразно разрабатывать в соответствии с общепринятыми в русской фразеологии принципами. Однако имеется и специфика представления фразем, вызванная жанровыми особенностями.

В словарной статье даётся разносторонняя интерпретация фразем³. В связи с этим словарная статья подразделяется на несколько частей — заголовочную, функционально-грамматическую, иллюстративную, лингвокультурологическую и справочную информацию об особенностях употребления фраземы в речи.

Заголовочная фразема дана прописными буквами полужирным шрифтом:

ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ (СУЛИТЬ / ПОСУЛИТЬ, ОБЕЩАТЬ) кому;

В ломаных скобках тем же шрифтом указаны факультативные лексические компоненты:

БАБУШКА <ЕЩЁ> НАДВОЕ СКАЗАЛА, <ОСТАЛЬНОЕ> ОТ ЛУКАВОГО.

В круглых скобках *строчными* буквами полужирным шрифтом приводятся варианты лексические, формальные, фонетические и словообразовательные компоненты фраземы:

ТОЧИТЬ ЛЯСЫ (блясы, балы) с кем; ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ (песнь) кого; МЕЖДУ (меж) ДВУХ ОГНЕЙ (двумя огнями).

Слова-сопроводители, или слова, в окружении которых данная фразема обычно употребляется, даются обычным шрифтом без скобок.

Кроме этого, заголовочная часть содержит указание на стилиевую принадлежность и стилистическую окраску, на характер изменчивости/неизменчивости и на некоторые морфологические свойства лексических компонентов. Затем следует толкование фраземы и, если имеются, — её синонимы и антонимы.

Тип толкования фраземы в словаре диктуется соотносённостью фраземы с определённой частью речи. Именные (субстантивные) фраземы толкуются с помощью имени существительного или именного сочетания:

ВАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ. Полная неразбериха, беспорядок, путаница; шум, гам, суматоха.

АНИКА-ВОИН (ирон.). Задира, хвастун, храбрый лишь на словах.

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА (пятка) (книжн.). Наиболее уязвимое место у кого-л., слабая сторона в каком-л. деле.

³ Аюпова 2008, 83.

Глагольные фраземы толкуются посредством глагола или глагольно-именного словосочетания, например:

БАНО ЗАДАВАТЬ / ЗАДАТЬ / УСТРОИТЬ кому (прост.) 1. Сильно ругать, бранить кого-л. 2. Жестоко побить, по-колотить и т.п.

БРАТЬ / ВЗЯТЬ БЫКА ЗА РОГА (одобр.). Начинать действовать энергично, решительно и сразу с самого главного в трудном деле.

Фраземы, характеризующие лицо или предмет с точки зрения присущих ему свойств, качеств, толкуются с помощью прилагательных или определительных словосочетаний. Указание на отношение признака к лицу, предмету содержится в структуре толкования. Например:

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ. Человек, умеющий всё делать, искусный во всяком деле.

ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ (разг., неодобр.). Человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели; лицемер.

ПУГАННАЯ ВОРОНА (пренебр.). О крайне боязливом, трусливом человеке.

Наречные фраземы толкуются посредством наречий или наречных словосочетаний. Например:

ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ. 1. Очень громко. 2. Очень быстро, со всей силой и т.п. (делать что-л.).

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ (разг.). Совершенно противоположно тому, как должно быть или как было; не так, как следует, как бывает.

Значение фразем, имеющих структуру предложения, раскрывается описательным глагольно-именным оборотом, представляющим собой предложение, в котором грамматическим подлежащим является неопределённое местоимение, например: ВСЁ ПУСТЯКИ В СРАВНЕНИИ С ВЕЧНОСТЬЮ (шутл.). Не стоит беспокоиться по пустякам, данные проблемы ничтожны, маловажны.

Фраземы, выступающие в речи в роли отдельных предложений, объясняются также посредством предложений, например:

ГУСИ РИМ СПАСЛИ (книжн.). Случай, который помог избежать большой неприятности.

БАБУШКА <ЕЩЁ> НАДВОЕ СКАЗАЛА. Неизвестно ещё, будет так или нет, удастся ли осуществить то, что намечено.

Целый ряд фразем, прежде всего, модально-междометной семантики, связочные фраземы, нуждаются, помимо толкования, в указании на ситуацию употребления в речи, которое даётся в скобках, например:

В НОГАХ ПРАВДЫ НЕТ. Не стоит стоять, лучше сесть. Обычно при обращении с приглашением сесть.

После толкования значения фраземы даются фраземы-синонимы и фраземы-антонимы. Например:

ВНОСИТЬ (приносить) / ВНЕСТИ (принести) СВОЮ ЛЕПТУ во что. Принимать посильное участие в чём-л. Синонимы: Вносить/внести <свой> вклад во что, принимать/принять участие в ком. А н т о н и м ы: Вставлять (ставить) палки в колёса кому (разг.) — ‘преднамеренно мешать кому-л. делать что-л.’; стоять (торчать, сидеть) над душой у кого, чьей — ‘мешать своим присутствием, надоедать’; ‘излишне контролировать ход работы другого, мешая вести, осуществлять эту работу’; ставить/поставить в тупик кого (разг.) — ‘приводить в крайнее затруднение’; ‘делать невозможной какую-л. работу из-за тяжелых, непреодолимых помех’.

Вторая часть словарной статьи содержит сведения содержания коммуникативного, культурологического и когнитивного характера⁴. Такого рода словарь ориентирован, прежде всего, на те параметры русской фраземики, которые позволяют его пользователю погрузиться в её ценностно-смысловое пространство во взаимоотношении со всеми его составляющими — языком, познанием и культурой⁵. И, пожалуй, самое главное: словарь должен раскрывать весь культурологический потенциал фраземики — «святая святых» идиоматики любого языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. 2001: Дискурсивно-когнитивные модели репрезентации фразеологического значения в слове // *Frazeografia slowian*. Opole, 61–69.
- Алефиренко Н. Ф. 2004: Дискурсивная идиоматика как объект когнитивной лингвистики // *Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской лексикографии: Третьи Жуковские чтения*. В. Новгород, 4–12.
- Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. 2008: Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М.
- Аюпова Р. А. 2008: Фразеологическая дефиниция как основной элемент словарной статьи // *Уч. зап. Казанск. гос. ун-та*. Т. 150, кн. 2. Сер. Гуманитарные науки. Казань, 83–89.
- Берков В. П., Мокшено В. М., Шулежкова С. Г. 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка. М.
- Голева Г. С. 2005: Фразеологическая система современного персидского языка (фарси) и принципы составления Фарси-русского фразеологического словаря: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Телия В. Н. (отв. ред.) 2008: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.

BASIC PRINCIPLES OF MODELLING A VOCABULARY ARTICLE IN A PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL TYPE

N. F. Alefirenko, L. G. Zolotykh

The article discusses two key problems of structuring articles in a phraseological dictionary of a linguistic and culturological type: a) the principles of selecting phraseological expressions, and b) the construction of the article itself. The authors draw attention to the phraseographic parameters that allow the dictionary user plunge into its axiological and conceptual depths considering the relationships between figurative speech, cognition and culture.

Key words: cognition, axiological and conceptual space, linguoculturology, lexicography, phrase

⁴ Телия 2008.

⁵ Алефиренко 2001, 2004.

© 2014

Л. Г. Бабенко

БОЛЬШОЙ СЛОВАРЬ-ТЕЗАУРУС РУССКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ*

В статье рассматриваются этапы становления идеографической лексикографии в России, намечаются перспективы её развития, излагается концепция Большого словаря-тезауруса русского языка, освещаются проблемы формирования синопсиса и словника словаря.

Ключевые слова: идеографическая лексикография, Большой словарь-тезаурус русского языка

В 2004 г. В. А. Козырев и В. Д. Черняк писали, что «Подготовка полного словаря-тезауруса — дело будущего. В нём значение каждого слова должно определяться прежде всего указанием его включений в вышестоящие ярусы системы. Словарь должен воплотить в лексикографической форме языковую картину мира»¹. А ещё раньше, в 1970 г. крупнейший лексикограф современности В. В. Морковкин в программной статье «Идеографические словари» писал, что «русская наука о языке до сих пор не имеет идеографического, или, как его иногда называют, идеологического словаря русского языка, хотя такой тип словаря достаточно хорошо разработан за рубежом»².

Прошло чуть более 40 лет после высказывания В. В. Морковкина об отсутствии идеографических словарей в России и 10 лет после утверждения В. А. Козырева и В. Д. Черняк о полном словаре-тезаурусе как деле будущего, и положение дел в русской лексикографии принципиально изменилось: создание полного словаря-тезауруса стало реальностью. Основанием этого являются успехи русской идеографической лексикографии, достигнутые за этот период. В конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. началось активное развитие концепции идеографических словарей и их внедрение в практику. Большой вклад в русскую идеографическую лексикографию, как в теоретическом, так и в практическом аспектах, внесли Ю. Н. Караулов (1976, 1981, 1982), В. В. Морковкин (1970, 1984, 1985), О. С. Баранов (1990, 1995). На Урале в 1970-е гг. эту лексикографическую идею активно поддерживала и развивала Э. В. Кузнецова, в Башкирии — Л. М. Васильев.

Идеографическая лексикография в России прошла несколько этапов: от постановки самой проблемы идеографических словарей — до создания первых словарей в виде списков слов, объединённых общим понятием (1970–1980-е гг., 1 этап), позднее — до создания толково-идеографических словарей (конец XX — начало XXI в., 2 этап).

Как показало время, развитие идеографической лексикографии на **первом этапе** проявилось в расширении объекта идеографического описания, которое обнаруживалось в разных аспектах: во-первых, последовательно привлекались для рассмотрения разные категориально-грамматические классы слов: глаголы, существительные, прилагательные и др. части речи. Во-вторых, начали исследоваться сферы употребления анализируемой лексики: наряду с литературным языком стали активно изучаться в идеографическом аспекте региональные диалекты, языки. В-третьих, в качестве объекта анализа стали привлекаться фразеологизмы и паремии. В-четвёртых, сопоставительные исследования велись с целью создания двуязычных идеографических словарей (Башкирия, Татарстан, Бурятия).

Второй этап развития идеографической идеографии связан с созданием толковых идеографических словарей на понятийной основе, т. е. толково-идеографических словарей. Почти одновременно над проектами подобных словарей с конца 1980-х гг. начали работать два научных коллектива: коллектив авторов-составителей под руководством Н. Ю. Шведовой и коллектив Уральской семантической школы, результатом деятельности которых явились публикации в конце 1990-х гг. первых подобных словарей³. Принципы идеографического описания лексики и последовательность рассмотрения отдельных категориально-грамматических классов в данных словарях различны: от существительных — к глаголам (словари под ред. Н. Ю. Шведовой) и от глаголов — к существительным, прилагательным (словари под ред. Л. Г. Бабенко). Общее, что объединяет словари указанных авторских коллективов, — это то, что различные семантические группы слов рассматривались в них в составе отдельных категориально-грамматических классов, прежде всего знаменательных частей речи.

Сегодня намечается **третий этап** (и открываются новые перспективы в развитии идеографической лексикографии), который связан с разработкой концепций и созданием комплексных толковых идеографических словарей активного типа — словарей-тезаурусов, в полном объёме охватывающих в совокупности всю лексику русского языка и, соответственно, состоящих из семантических группировок слов различной частеречной принадлежности — межчастеречных идеографических групп слов.

В настоящее время коллектив Уральской семантической школы обратился к разработке концепции и созданию Словаря-тезауруса русского языка нового типа. Предмет его — глобальное идеографическое описание русской лексики всех категориально-грамматических классов слов, как знаменательных, так и незнаменательных, а объект — вся совокупность этих слов, рассматриваемая как целостная семантическая межчастеречная система. Постановка подобной задачи для авторского коллектива учёных-лексикографов школы не является случайной. Наоборот, она отражает логику идеографических исследований данного коллектива: от описания в лексикографических параметрах различных категориально-грамматических классов слов (глаголов, существительных, прилагательных с учётом синонимии) — к описанию их совокупности как специфической межчастеречной системы слов.

Уже на начальном этапе работы над этим словарём приходится решать целый ряд принципиально важных и сложных вопросов.

1. Проблема синопсиса. Ранее нами был создан Общий Синопсис на основе идеографических классификаций русских глаголов, существительных, прилагательных и их синонимов, воплощённых в серии изданных словарей. При этом обна-

Бабенко Людмила Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. E-mail: lgbabenko@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-04-00322 «Русская лексика как межчастеречная система: полное идеографическое описание в лексикографических параметрах»).

¹ Козырев, Черняк 2004, 126.

² Морковкин 1970, 5.

³ РСС 1998; БТСРГ 1999; 2007; БТСРС 2005 и др.

ружилось, что простое наложение идеографических сеток уже созданных словарей с целью создания единого синопсиса оказалось невозможным, т.к., во-первых, идеографические сетки лексикой разной грамматической природы пересекаются, совпадая, но лишь частично, ибо они имеют специфические для того или другого грамматического класса слов особенности. Во-вторых, целый ряд слов различной категориально-грамматической природы (наречия, модальные слова, предлоги и предложные сочетания, союзы, междометия), обладающих уникальностью семантики, в полном объёме до сих пор был вне поля зрения создателей идеографических словарей, хотя подобная лексика должна занять своё место в сводной идеографической классификации русской лексики. К настоящему времени нами создан новый синопсис на основе идеографического описания всех без исключения грамматических классов слов, в котором выделено 15 сфер на высшем уровне иерархии и около 900 подгрупп на нижнем уровне иерархии.

2. Проблема Словника словаря. Глобальное идеографическое описание русской лексики предполагает охват всех слов без исключения для включения в словарь, но это является нереальным при создании однотомного словаря. Наша установка при формировании Словника Большого словаря-тезауруса русского языка ориентирована на отбор только самой употребительной лексики различных категориально-грамматических классов слов, поэтому в качестве основного критерия был избран, во-первых, **принцип частотности** употребления слова: в состав словника включалась лексика с индексом частотности выше 3.0. Но одного этого критерия оказалось недостаточно, особенно это касалось многозначных слов, поэтому, во-вторых, учитывался и **принцип когнитивной значимости слова** для описываемой группы слов. Соблюдение этого принципа особенно важно для небольших денотативно-идеографических групп (далее — ДИГ), состоящих зачастую не из самой частотной лексики, но в то же время активно участвующих в структуре языковой картины мира (ЯКМ). Есть группы, состоящие только из редкоупотребительных слов, поэтому исключение подобных групп из словаря может привести к искажению ЯКМ, к когнитивным «пустотам». Например, ДИГ «Простейшие» (бактерия, микроб, микроорганизм, палочка и под.), ДИГ «Ископаемые животные» (динозавр, мамонт) и др.

3. Учёт фактора изосемической/неизосемической номинации при рассмотрении состава ДИГ, в которых обязательно должны быть представлены прежде всего изосемические репрезентации категорий. В случае их отсутствия следует дополнять ими состав группы. Например, в ДИГ «Материки и части света» большей частотностью обладают прилагательные (*австралийский, азиатский, американский, арктический, африканский, европейский, континентальный* и др.), хотя в соответствии с её типовой семантикой она в первую очередь должна быть представлена существительными: *Австралия, Азия, Америка* и под. Приведём ещё пример. В ДИГ «Зачатие и рождение живого существа» наиболее частотные слова *беременность* и *беременный*, хотя в неё в первую очередь должен быть включён глагол *беременеть/забеременеть*, т.к. типовая семантика группы содержит компонент процессуальности.

4. Учёт категориально-грамматической вариативности внутри группы. Денотативно-идеографические группы полного Словаря-тезауруса русского языка состоят из лексики разной категориально-грамматической природы, что приводит к тому, что в группах имеются различные категориально-грамматические варианты слов, выражающих общую семантическую идею. В этом случае проблемой становится выбор изосемического варианта, который в дальнейшем будет описан в составе группы как основной (изосемический вариант) в ряду других, неосновных. Например, в группе «Жидкие вещества» (*вода, водный, водяной* и др.) слово *вода* будет иметь полную многоаспектную дефиницию в качестве основного варианта, а остальные — частично редуцированную. Учитывать приходится и функционально-стилистические, и экспрессивные характеристики слова. Так, например, в группе «Человек определённого возраста» из имеющихся существительных (*старенький, стареть, старец, старик, старина, старичок*) таковым избирается слово *старик*.

В некоторых случаях бывает достаточно трудно однозначно квалифицировать какое-л. слово как основной вариант лексикографического описания в составе группы. Например, в ряду слов с семантикой любви (*любовь, любить, влюбить, любимая, любимец, любимый, любитель, любовник, любовница, любовно, любовный, любящий*) таковым может быть как слово *любовь*, так и слово *любить* с учётом рассмотрения разных семантических характеристик их лексического значения. Кроме того, при наличии нескольких деривационно связанных слов в одной ДИГ лексем следует соблюдать определённую последовательность в порядке их расположения в словарной статье, связанную с отображением свойственной им модели регулярной многозначности.

5. Выбор ключевого слова (ключевых слов) для ДИГ слов. Учёт характера категориально-грамматической соотносительности слов-членов одной группы с типовой семантикой ДИГ, проявляющийся в их изосемической и неизосемической соотносительности, влияет и на выбор лексической доминанты группы. Так, например, для ДИГ одежды это будут субстантивы, для ДИГ перемещения — глаголы, для ДИГ цветового признака — прилагательные и т.д. Различные ДИГ слов будут отличаться и грамматической природой идентификаторов, и внутренней структурой группы, обусловленной количеством и качеством членоразличительной принадлежности составляющих их слов. Для большинства групп обычно свойствен набор из нескольких ключевых слов. Так, например, в ДИГ слов «Радость» типовая семантика заключается в отображении чувства большого удовольствия и душевного удовлетворения, состояния душевного подъёма, весёлого настроения, обусловленных чем-л. приятным, положительным (достигнутыми успехами, неожиданным хорошим известием, приятными событиями и пр.), обычно проявляющимся внешне (в улыбке, смехе, активной жестикуляции, эмоциональной восторженной интонации, в экспрессивных восклицаниях и др.), а потому **ключевыми словами** здесь являются *радость, веселье, бодрость, жизнерадостность*, которые формируют в свою очередь четыре подгруппы в составе одной ДИГ слов «Радость». Выбор ключевых слов-идентификаторов влечёт за собой проблему представления внутренней иерархии распределения слов разных частей речи в составе ДИГ, что связано с выявлением принципов организации как ДИГ, так и русской лексики как межчленоразличительной системы в целом, формируемой совокупностью ДИГ слов, принципиально отличающихся от лексико-семантических групп слов.

В перспективе создание полного словаря-тезауруса позволит реконструировать языковую картину мира на основе репрезентированной в языке типологии категорий в их иерархии, а также выявить общее и специфическое в словарном (лексикографическом) представлении различных семантических категорий, их места и роли в семантическом пространстве языка, в отображении частных фрагментов мира.

ЛИТЕРАТУРА

- БТСРГ* 2007: Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / И.М. Волчкова, Ю.В. Казарин [и др.] (сост.); Л.Г. Бабенко (отв. ред.). М.
- БТСРС* 2005, 2008: Большой толковый словарь русских существительных. Идеографическое описание: Синонимы. Антонимы / Т.М. Воронина, М.В. Дудорова [и др.] (сост.); Л.Г. Бабенко (отв. ред.). М.
- БТССР* 2008: Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы / Т.М. Воронина, М.В. Дудорова [и др.] (сост.); Л.Г. Бабенко (отв. ред.). М.
- Козырев В.А., Черняк В.Д.* 2004: Русская лексикография. М.
- Морковкин В.В.* 1970: Идеографические словари. М.
- РСС* 1998: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Н.Ю. Шведова (ред.). М.

THE BIG THESAURUS DICTIONARY OF RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT IDEOGRAPHIC LEXICOGRAPHY DEVELOPMENT

L. G. Babenko

The article considers the stages of ideographical lexicography development in Russia; its perspectives have been outlined. The goals to develop the concept of the Big Thesaurus of Russian language and to create it are defined; the problems of organizing its synopsis and wordlist are reviewed.

Key words: ideographical lexicography, the Big Thesaurus Dictionary of Russian Language

© 2014

Л. К. Байрамова, М. В. Иванова

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В «АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»*

На основе Аксиологического фразеологического словаря русского языка анализируются фразеологизмы со значением 'жизнь' (ценность) и 'смерть' (антиценность), их связь с русской культурой (народность, религиозность, историзм и др.).

Ключевые слова: аксиологический, фразеологизм, жизнь, смерть, культура, народность, ценность, антиценность

«Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей» является уникальным справочником¹. При его создании автор исходил из того, что основные ценности и антиценности могут быть отражены в десяти диадах, каждая из которых представлена в виде двух блоков, раскрывающих ценности и антиценности, закодированные в сознании, культуре социумов и нашедшие отражение во фразеологизмах разных языков, в том числе и русского языка.

1. *Жизнь — Смерть*. 2. *Здоровье — Болезнь* — витальные ценности и антиценности (< лат. *vita* — жизнь, *vitalis* — жизненный). 3. *Счастье — Несчастье* — гедонистическая/духовная ценность и её антиценность (< греч. *hedone* — удовольствие). 4. *Родина — Чужбина* — священная ценность и её антиценность. В философии: *священное* — «таинственная покоряющая сила», которая «одновременно восхищает и делает счастливым»². 5. *Труд — Отдых. Безделье* — социально-утилитарная ценность и антиценность (< лат. *socialis* — общий, общественный; утилитарный < греч. *utilitas* — польза, выгода)³. 6. *Богатство — Бедность* — материально-утилитарная ценность и антиценность. 7. *Ум — Глупость* — интеллектуально-когнитивная ценность и антиценность, указывающие на интеллект человека (< лат. *intellektus* — ум, рассудок), знания, познания (< лат. *cognitio* — знание, познание). 8. *Правда — Ложь* — нравственно-этическая ценность и антиценность. Учение о нравственности, морали представлено этикой (< греч. *ethiká*, от *ethos* — обычай, нравственный характер). 9. *Смех — Плач* — эмоционально-утилитарная ценность и антиценность. Они раскрывают пользу эмоций (*Смех*) или их вред (*Плач*) (< лат. *emoveo* — потрясаю, волну; < фр. *émotion* — волнение). 10. *Рай — Ад*. Фразеологизмы о рае и аде отражают представление о религиозных ценностях и антиценностях.

Как показало исследование, аксиологические фразеологизмы являются отражением культуры, ибо «область применения понятия культуры не ограничена тем или иным типом предметности. С точки зрения культуры может быть рассмотрен любой объект или процесс, в котором нас интересует не только его прикладная значимость, но и скрытый в нём способ интерпретации и ценностной окраски мира, предполагающий неутилитарный выбор»⁴.

Байрамова Луиза Каримовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Казанского федерального университета. E-mail: luiziana08@mail.ru

Иванова Мария Валерьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой словесности Высшей школы (факультета) телевидения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: g-vinograd@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ «Российская и европейская культуры в зеркале аксиологической фразеологии русского, татарского, английского, немецкого и французского языков: эквиваленты, уникалии и лакуны» (2014, № 14-04-00195).

¹ Байрамова 2011.

² Губский, Кораблёва, Лутченко 2005, 407.

³ Губский, Кораблёва, Лутченко 2005, 470.

⁴ Доброхотов 2004, 411.

Русская культура имеет определённые характеристики, которые отражены в русских аксиологических фразеологизмах, соотносимых с ценностями и антиценностями. Рассмотрим эти характеристики, соотносимые, например, с ценностью *жизнь* и антиценностью *смерть*. Они, на наш взгляд, следующие.

1. Народность, которая проявляется во фразеологизмах на разной основе.

Исследование народности очень важно, ибо «именно народ является создателем, носителем, хранителем языка и культуры, в поле которых только и могут осуществляться художественный процесс, его социальные результаты. Именно народ вырабатывает в своей практике и хранит в исторической памяти социально-эстетические предпосылки искусства»⁵.

На уровне аксиологической фразеологии народность в культуре русского народа проявляется:

1.1. На основе верований народа, песен, песенок, сопровождающих народные игры. Например, фразеологизм *Жив курилка* (*шутл. ирон. / одобр.*) о том, «кто проявляет себя, существует, действует», является восклицанием из песни, сопровождавшей старинную народную игру с зажжённой лучиной — курилкой, которую играющие в кругу передавали из рук в руки до тех пор, пока она не погаснет: *Жив, жив курилка! Жив, жив да не умер...* Тот, у кого курилка погаснет, выходит из круга. Игра и соответственно песня (с восклицанием «*Жив курилка!*») отражали народные верования: горящий огонь — это жизнь, его угасание — смерть⁶. Прототип — Прометей, похитивший огонь, который передаётся от него из рук в руки; встречается у Лукреция: *Et quasi cursores, vitae lampada tradunt* (И, как бегущие, передают факел жизни; т.е. одно поколение передаёт другому факел жизни)⁷.

1.2. На основе бытующих у простого народа некоторых обычаев. Так, при рождении внебрачного ребёнка его тайно приносят в дом завернутым в подол женской одежды, потому и говорят об этом — *принести в подоле*. «*Бабий подол*» — выражение с отрицательной коннотацией. Ср. *Лучше умирать в поле, чем в бабьем подоле*⁸.

1.3. На основе национального характера русского человека. Это:

1.3.1. Мужественное отношение к смерти.

Фразеологизм *сложить (буиную) голову/головушку* («погибнуть, быть убитым на войне») связан с универсальной символикой: *голова* — символ жизни. По одной из версий, оборот возник в военной среде, в древнерусской боевой практике; встречается в летописях, в «Слове о полку Игореве», в «Задонщине», что свидетельствует о его древнем происхождении. В «Повести временных лет» приводится обращение князя Святослава к своим воинам, в котором говорится о готовности отдать свои жизни: «... свои главы сложим»⁹. Компонент фразеологизма *буиный* имеет значение «непокорный», что подчёркивает готовность русского человека умереть, но не покориться.

Отсутствие страха перед смертью выражено и фразеологизмами, имеющими шутливую стилистическую окраску, являющимися «прозрачными» эвфемизмами или построенными на каламбуре. Во фразеологизме *пожаловать (кого) двумя столбами с перекладиной* (*разг. шутл.*) со значением «повесить» эвфемистически использовано шутливое название виселицы: *два столба с перекладиной*.

Во фразеологизмах этой группы используется и каламбур наряду с шутливой тональностью: *ухать в Ершову слободу* («утонуть»). Каламбур основан на созвучии слова *ёрш* (рыба) и сочетания *Ершова слобода* — якобы места обитания ершей.

1.3.2. Положительная черта характера русского человека выражается в почтительном отношении к умершему человеку: *отдать последний долг; проводить в последний путь* («прощаться с умершим, присутствовать на похоронах»), *под дерновое одеяльце (положить)* — «похоронить»; эвфемистический фразеологизм даёт образное представление о похоронах: могилу обкладывают *дёрном* — вырезанными пластинами густо заросшего верхнего слоя почвы. Не случайны поэтому в данных фразеологизмах компоненты: торжественно-почтительное *последний долг, последний путь*, ласковое *одеяльце*.

II. Религиозность — одна из черт, присущих русской культуре и нашедших отражение во фразеологизмах: *Ангел смерти, религ.* — в религиозной мифологии «бесплотное существо с крыльями, исполняющее приказание Бога: нести смерть»¹⁰. *Жить как птица небесная* — жить беззаботно. Образность фразеологизма создаётся на основе сравнения с птицами в раю, обитатели которого живут беззаботно. Фразеологизм *на том свете* — «в загробном мире» отражает древние мифологически-религиозные представления о посмертном существовании человека в другом, загробном мире. О загробном мире и фразеологизм *Царствие небесное* — выражение, восходящее к ветхозаветным текстам и означающее «Местопребывание душ праведных людей после их смерти, рай; будущая блаженная жизнь праведных»¹¹.

III. Историзм русской культуры раскрывается через фразеологизмы с компонентами-антропонимами, обозначающими исторических лиц. Во фразеологизме *стольпинский галстук, устар. публ. неодобр.* — «виселица» дана аллюзия на П. А. Столыпина, председателя Совета министров Российской империи, «прославившегося» тем, что он покрыл страну виселицами, жестоко, кроваво расправляясь с участниками революционного движения в период 1-й русской революции 1905–1907 гг.¹².

IV. Литературная «крылатость» в русской культуре создавалась на основе произведений русских и советских деятелей искусства (писателей-классиков, художников), и некоторые авторские строки-цитаты стали устойчивыми крылатыми выражениями: *Без руля и без ветрил, неодобр.* — «без ясного направления и определённой цели в жизни». (*Ветрило, устар.* — парус; цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», 1842: *На воздушном океане / Без руля и без ветрил / Тихо плавают в тумане / Хоры стройные светил*)¹³. Фразеологизм *неравный брак* («женитьба или замужество, когда один из супругов значительно моложе или старше другого») стал особенно популярным после появления картины В. В. Пукирёва «Неравный брак» (1852).

Широко известна и цитата-наказ из произведения Н. Островского. «Как закалялась сталь»: *Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы,*

⁵ Беляев, Новикова, Толстых 1989, 224.

⁶ Бирх, Мокиенко, Степанова 1998, 323.

⁷ Михельсон 1894, 14.

⁸ Даль 3, 1955, 192.

⁹ Козырев 1984, 71–81; Бирх, Мокиенко, Степанова 1998, 123–124.

¹⁰ Афанасьев 1983, 333.

¹¹ Шулежкова 2011, 738.

¹² Ашукин, Ашукина 1955, 523; Бирх, Мокиенко, Степанова 1998, 107.

¹³ Ашукин, Ашукина 1955, 37.

чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества.

V. Интралингвистическая контактность русской культуры раскрывается фразеологизмами-заимствованиями, фразеологическими кальками и полукальками иноязычных фразеологизмов: *лебединая песня/песнь* — ‘последнее, обычно наиболее значительное произведение кого-л.; последнее проявление таланта, способностей, предсмертное сочинение’. Калька < греч. *κόκκυο άσνα*. Выражение употребил древнегреческий мыслитель Платон в день смерти своего учителя Сократа, сравнивая его смерть со смертью лебедя: лебедь, умирая, издаёт последний вздох с криком, напоминающим звон хрусталя. В народе этот крик называли *лебединой песней*¹⁴. Фразеологическими кальками являются также: *дорого продать (свою) жизнь* — ‘бороться до конца в смертельной схватке’ (калька < нем. *sein Leben teuer kaufen*); *во цвете лет/сил* — ‘в молодые годы, в пору расцвета физических и духовных сил’ (калька < фр. *á/dans la fleur des ans/de l’áge*); *борьба за жизнь, публ.* — ‘упорное стремление выжить в жёстких условиях, на грани смерти’. Калька < англ. *struggle for existence* (Т. Р. Мальтус. «Essay on the principles of population», 1798); < англ. *struggle for life* (Ч. Дарвин. «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь», 1859): *On the origin of species by means of natural selection or the preservation of favoured races in the struggle for life*¹⁵.

Итак, исследование аксиологических фразеологизмов на фоне культуры страны представляется значимым, ибо они образно транслируют ценности и антиценности, сложившиеся в культуре народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А.Н. 1983: Древо жизни. М.
 Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. 1955: Крылатые слова. М.
 Байрамова Л.К. 2011: Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей. Казань.
 Беляев А.А., Новикова Л.И., Толстых В.И. 1989: Эстетика: Словарь / А. А. Беляев (ред.). М.
 Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. 1998: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / В. М. Мокиенко (ред.). СПб.
 Губский Е.Ф., Короблёва Г.В., Лутченко В.А. 2005: Философский энциклопедический словарь. М.
 Даль В.И. 1955: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.
 Доброхотов А.Л. 2004: Культура // Философия. Энциклопедический словарь / А. А. Ивин (ред.). М.
 Козырев Л.И. 1984: Из истории фразеологизма *сложить голову* // Семантика языковых единиц. Минск.
 Михельсон М.И. 1894: Меткие и ходячие слова. Сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. СПб.
 Шулежкова С.Г. 2011: «И жизнь, и слёзы, и любовь...» Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых выражений русского языка. М.

RUSSIAN CULTURE IN “AXIOLOGICAL PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF RUSSIAN LANGUAGE: THE DICTIONARY OF VALUES AND ANTI-VALUES”

L. K. Bayramova, N. V. Ivanova

On the basis of “Axiological phraseological dictionary of Russian language: the dictionary of values and anti-values” phraseological units with value “life” and anti-value “death” are being analyzed, their connection with the Russian culture (nationality, religiousness, historicism and some others).

Key words: axiological, phraseological, value, anti-value, life, death, culture, nationality

© 2014

Т. М. Воронина

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

В статье рассматриваются средства и особенности репрезентации пространственных концептов, их когнитивных признаков модально-оценочного и ценностного характера (на материале статей «Близкий» и «Далёкий» лингвокультурологического словаря концептов под ред. Л. Г. Бабенко).

Ключевые слова: семантика, лексикография, пространство, лингвокультурологический словарь, концепт

В современных когнитивных исследованиях большое внимание уделяется изучению категории пространства и особенностей репрезентации пространственных параметров, ориентиров и т.д. в языке. Неоднократно подчёркивалась мысль о том,

¹⁴ Михельсон 1894, 223–224; Ашукин, Ашукина 1955, 292–293; Бирих, Мокиенко, Степанова 1998, 441.

¹⁵ Михельсон 1894, 32.

Воронина Татьяна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. E-mail: tmv313@ua.ru

* Исследование выполнено в рамках госзадания «Большой лингвокультурологический словарь русского языка: ключевые концепты и их репрезентации».

что «одна из наиболее фундаментальных областей в познании мира — категоризация пространства»¹. Значимость понятий и характеристик пространства обуславливает значительное количество языковых средств репрезентации пространственных концептов: они характеризуются высокой степенью номинативной плотности, т.е. «... получают детальное и множественное однословное наименование, между лексическими и фразеологическими выражениями соответствующих концептов устанавливаются различные системные отношения уточнения, сходства и различия...»². Кроме того, важно, что «... в осмыслении разных концептов нашего сознания постоянно присутствует не только отражение объективного мира, мира “как он есть”, но и чисто человеческое отношение к миру со всей субъективностью его взглядов и оценок и — в то же самое время — свободой выбора собственной позиции»³.

Исследователи на различном материале делают выводы об относительности и субъективности пространственных характеристик. Так, Е. С. Яковлева пишет, что «... сама возможность описания объектов в терминах “далеко/близко” характеризует именно языковое пространство; в пространстве же геометрическом такие (субъективные!) характеристики исключены, там местоположение определяется в точных метрических терминах»⁴. О. Ю. Богуславская указывает на то, что для пространственных прилагательных «существенны контексты, указывающие на субъективность восприятия»⁵. В. Н. Телия, говоря об идиомах, обозначающих место или местоположение, отмечает, что они «не идентифицируют, а квалифицируют локацию, обретая свойства оценочно-экспрессивного значения»⁶.

Рассмотрим национально-культурные представления, а также субъективно-модальные и оценочные смыслы в структуре концептов «Ближний» и «Далёкий». В соответствии с моделью анализа, разработанной Л. Г. Бабенко, «структуру концепта формируют следующие типы когнитивных признаков: 1) основные, среди которых выделяются ядерные (базовые) и приядерные (конкретизирующие); 2) сопряжённые (включённые); 3) прагматические ассоциативно-образные, среди которых разграничиваются метафорически-образные (основаны на внутрисловных ассоциациях) и культурологические (основаны на внешних ассоциациях); 4) модально-оценочные»⁷; т.е. культурологические и оценочные смыслы составляют периферию ментальной сущности концепта. Прежде всего данные смыслы отображаются в семантике фразеологизмов и паремий⁸.

Близкое/далёкое расположение чего-либо в русском языке связывается с человеком как «точкой отсчета», т.е. оценивается как связанное с возможностью/невозможностью дотянуться (близко — *рукой подать, под рукой, на лотке подать, бабы через улицу из окна в окно горшки ухватом передают*; далеко — *рукой не достанешь*), прикоснуться (близко — *голова к голове, под боком, лоб в лоб, лицом к лицу*), возможностью/невозможностью дойти, добраться, причём в качестве единицы измерения близкого расстояния выступает шаг, а далёкого — верста или другой (квази)этalon (близко — *в трёх шагах, далеко не ходить, в пяти минутах ходьбы*; далеко — *не по дороге, рукой подать да двадцать вёрст побежать, за версту, за семь вёрст, на пушечный выстрел не подпускать, не подойти*). Ещё большая степень удалённости объекта подчёркивается наличием препятствий между ним и говорящим: далеко — *за горами, за морями, за долами, семь вёрст до небес и всё лесом, заоблачные дали*; тогда как близко — *не за горами [а за дворами, за плечами]*.

Если расположение объекта максимально отдалённое, используются фольклорные формулы *в тридевяти царстве [в тридесяти государстве], за тридевять земель*; тем самым далёкое пространство оценивается как ирреальное. Представления о близком/далёком связываются с их оценкой по признаку реальности/ирреальности и в русских пословицах: далёкое оценивается как не совсем реальное, т.к. из-за недостижимости не поддаётся проверке (*Славны бубны за горами; Грозен враг за горами, а грозней за плечами; Дом — корень, а сторона — похвальба*). Далёкое осмысливается как удалённое от своего, т.е. освоенного человеком пространства (*медвежий угол; куда Макар телят не гонял*), как чужое, враждебное, связанное с нечистой силой (*у чёрта на рогах, у чёрта на куличках, куда ворон костей не заносил, богом забытое место*). С другой стороны, близкое расположение чего-либо связывается с домом, т.е. своим пространством: *на пороге, не за горами [а за дворами, за плечами], у ворот, под окнами, по соседству*.

В пословицах близкое и далёкое оцениваются не только в категориях своё/чужое, хорошее/плохое, но и с утилитарной точки зрения: в модальности утверждения или совета пословицы выражают идею о том, что вполне можно довольствоваться тем, что есть в пределах досягаемости, и не стремиться к тому, что далеко: *Зачем далеко? И здесь хорошо; Ближняя соломка лучше дальнего сенца; Ближний сосед лучше дальней родни; Не бери дальней хвалёнки, бери ближнюю хаянку*. С другой стороны, близкое может оцениваться и не как лучшее, если оно трудно достижимо, т.е. предпочтение отдаётся объекту, расположенному дальше, если его получение предполагает меньше усилий: *Вода-то близко, да ходить склизко; Хоть далеко, да легко; а близко, да склизко*.

В последних примерах проявляется взаимодействие смыслов ‘расстояние’ и ‘путь’, причём близкое/далёкое расстояние — категория более объективная и связывается со зрительным восприятием, ближний/далёкий (в пересечении с признаками прямой/непрямой, окольный) путь — категория относительная и связывается с отсутствием/наличием препятствий, трудностей в преодолении того или иного расстояния: часто более далёкий путь оказывается удобнее и быстрее близкого или единственно возможным: *Близко видно, да ногам обидно; Близко видать, да далеко шагать; Кто прямо ездит, в поле ночует; В объезд, так к обеду; а прямо, так дай бог к ночи; Далеко околицей, да напрямик не попадёшь*.

Пословицы отражают также представление об относительности оценки расстояния или пути как далёкого/близкого. Основанием оценки может быть, во-первых, соотношение с окружающим пространством: в масштабах огромных российских просторов даже дальние расстояния оцениваются как небольшие (*В Сибири триста вёрст не расстояние; На Колыме тысяча вёрст не расстояние*). Во-вторых, основанием оценки могут быть качества субъекта и его отношение к преодолеваемому расстоянию (*Бешеной собаке семь вёрст не крюк*). В-третьих, основанием оценки может быть цель пути: расстояние до

¹ Кубрякова 1997, 22.

² Карасик 2004, 111.

³ Кубрякова 2000, 91.

⁴ Яковлева 1994, 20.

⁵ Богуславская 2000, 20.

⁶ Телия 1996, 163.

⁷ Бабенко 2010, Бабенко 2011.

⁸ Источники анализируемого материала: Даль, Зимин 2010; Баранов, Добровольский (ред.) 2007.

чего-то желанного, необходимого характеризуется в любом случае как близкое, даже если объективно является далёким (*Где мило — семь вёрст не криво; Для милого дружка (к милому [идти]) семь вёрст не околица*).

Таким образом, пространственные концепты «Близкий» и «Далёкий» в русском языке характеризуются наличием значительной культурной и ценностной составляющей. Расстояние связывается со зрительным восприятием объекта и достижением этого объекта, оценкой его как реального или ирреального, лёгкостью/трудностью перемещения по пути к нему, необходимостью такого перемещения и некоторыми другими признаками. Взаимодействуя и пересекаясь как друг с другом, так и с другими концептами («Путь», «Прямой/непрямой», «Центр/край», «Своё/чужое»), рассмотренные концепты представляют расстояние как относительное, субъективное, антропометрическое.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко Л. Г. 2010: Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремнологии): проспект словаря / Л. Г. Бабенко (ред.). Екатеринбург, 3–19.
- Бабенко Л. Г. 2011: Лексикографическая параметризация ментальной сущности концепта // Вопросы когнитивной лингвистики. 3, 5–12.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). 2007: Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М.
- Богуславская О. Ю. 2000: Динамика и статика в семантике пространственных прилагательных // Логический анализ языка: Языки пространств / Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). М., 20–29.
- Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа // Медианциклопедия Кирилла и Мефодия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://megabook.ru/DictionariesPages.asp?AID=20&page=dictionaries>.
- Зимин В. И. 2010: Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.
- Карасик В. И. 2004: Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. М.
- Кубрякова Е. С. 1997: Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. Т. 56. 3, 22–31.
- Кубрякова Е. С. 2000: О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка: Языки пространств / Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). М., 84–92.
- Телия В. Н. 1996: Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.
- Яковлева Е. С. 1994: Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.

EVALUATIVE COMPONENT OF SPATIAL CONCEPTS: LEXICOGRAPHICAL ASPECT

T. M. Voronina

The article deals with the means and specificities of the representation of spatial concepts, their evaluative cognitive components (on the material of the dictionary articles "Near" and "Distant" in Linguistic and culturological dictionary of concepts under the supervision of prof. Babenko L.).

Key words: semantics, lexicography, space, Linguacultural dictionary, concept

© 2014

В. Е. Гольдин

АССОЦИАТИВНЫЕ СЛОВАРИ И ОБРАЗ МИРА

Автор предлагает модель образа мира, построенную в результате анализа ассоциативных реакций, представленных в русских ассоциативных словарях.

Ключевые слова: вербальные ассоциации, ассоциативные словари, лингвистическая картина мира

Начало XXI в. ознаменовалось крупными достижениями в области создания русских ассоциативных словарей и в развитии лингво-когнитивного анализа ассоциативного материала. На основе рассмотрения различных форм вербального воплощения знаний Ю. Н. Караулов и Ю. Н. Филиппович представили модель образа мира, которая имеет многоуровневое иерархическое строение и на верхнем уровне соотносится с тремя сущностями: действительностью (куда входят «мир вне человека», «человек-люди», «артемир»), виртуальной реальностью (включает «искусство», «мифологию» и «игру») и языком (включает «знание языка», «знание о языке» и «знания в языке»)¹. Это целостная модель образа мира, наполненная конкретным содержанием, теоретически обоснованная и опирающаяся на строгую систему эвристических процедур, поэтому её можно использовать в качестве точки отсчета и инструмента для сопоставления при попытках получать модели образа мира на ином вербальном материале или на том же, но иными способами.

Такая попытка осуществлена нами в процессе поиска универсальной (или приближающейся к ней по своим свойствам) фреймовой структуры ассоциативных полей русских предметных имён, выступающих в качестве слов-стимулов в ходе свободных ассоциативных экспериментов (использованы данные словарей РАС, САНРЯ и АСП). Известно, что предметные имена в силу особой комплексности их содержания, гетерогенности компонентов значения² и способности представлять тему речи вызывают наиболее разнотипные реакции и позволяют исследовать содержательные характеристики вербальных ассоциаций в целом.

Гольдин Валентин Евсеевич — доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: goldinve@yandex.ru

¹ Караулов, Филиппович 2009, 234.

² Арутюнова 1976, 333.

Для выявления фреймовой модели ассоциативных полей предметных имён нами использовалась «челночная» процедура постепенного приближения к искомой структуре. Фреймы рассмотренных вначале ассоциативных полей предметных имён (*бабочка, брат, стол, гора*) использовались в качестве формата для структурирования ассоциативных полей других стимулов предметного характера (*очки, бегемот, собака, роза* и под.). Обнаруживаемое своеобразие новых полей, включаемых в анализ, позволяло корректировать строение фрейма и требовало многократного возвращения к ранее рассмотренным полям для проверки возможности приписать вновь обнаруживаемые линии ассоциаций предметным именам в целом или же необходимости изменить формулировку тех или иных слотов фрейма.

В результате для русских предметных имён удалось установить 10 типичных направлений ассоциативных связей (см. схему 1). Они представлены вербальными реакциями на вербальные же стимулы, но нельзя утверждать что во всех случаях ассоциации отражают связи собственно языкового (или речевого) характера: в обыденном сознании ряд ассоциаций тематического типа (например, *роза* → *шипы*, *роза* → *клуба*, *роза* → *8 Марта* и под.) вербально представляют прежде всего связи между явлениями неязыковой действительности (реальной или виртуальной), и поэтому кажется правильным формулировать соответствующие направления ассоциаций, ссылаясь на денотаты стимулов предметного характера.

Схема 1. Направления ассоциаций слов-стимулов предметного характера

1. Ситуации с участием S (предмета, названного стимулом).
2. Предметно-логические связи S.
3. Связи части и целого.
4. Место и время S.
5. Предметы, сопутствующие S в типичных для него ситуациях.
6. Качества, оценки S.
7. Действия S, состояния, деятельность.
8. Связь S с человеком.
9. Речевое направление ассоциаций.
10. Символическое использование S.

Ассоциации, вызываемые символическим использованием предметов, частотны, но отмечаются не во всех полях. Остальные 9 направлений ассоциирования имеют более универсальный характер.

Каждое из названных направлений ассоциативных связей представлено иерархически подчиненными ему разновидностями³.

Таблица 1 даёт примеры реализации 9 направлений ассоциирования на основе стимула *город* (по материалам РАС, САНРЯ и АСШ). Курсивное начертание показывает, что соответствующая реакция может быть отнесена к нескольким направлениям ассоциирования одновременно.

Таблица 1. Типы реакций на стимул ГОРОД

Направления ассоциативных связей	Ассоциативные словари		
	РАС (R= 549)	САНРЯ (R= 237)	АСШ (R=415)
1. Ситуации с S	детство	<i>учёба</i>	<i>учёба, жизнь...</i>
2. Предметно-логические связи	деревня, село, <i>населённый пункт ...</i>	деревня, поселок, столица...	село, <i>населенный пункт</i> , деревня...
3. Часть и целое	улица, площадь...	улицы, центр, сквер...	<i>дома, улица, метрополитен</i>
4. Место и время	ночь, вечерний, в Крыму...	вечерний, на реке...	вечер, ночь, близко, место...
5. Сопутствующее	шум, грязь, огни...	вузы, театр	грязь, машины, <i>люди, суета...</i>
6. Качество, оценка	большой, красивый, древний...	большой, красивый...	большой, красивый, многоэтажный, мой...
7. Действия, состояния, деятельность	<i>спал, не спит</i> , строится, <i>жить...</i>	<i>жить, учёба, спит...</i>	заблудиться, <i>учёба, жизнь...</i>
8. Связь с человеком	наш, любимый, чужой, <i>жить...</i>	мой, родной, <i>жить...</i>	<i>дома, улица, житель, люди</i>
9. Речевые связи	герой, Москва, Зеро, солнца, голод, <i>спал, не спит ...</i>	Алма-Ата, <i>спит населённый пункт</i> , голод, град, герой...	Москва, Париж, гора, <i>населённый пункт...</i>

Заполнение слотов фрейма, построенного на ассоциативных полях предметных имён, конкретными реакциями и отнесенная значимость слотов в составе фрейма различны для разных предметных имён, но направления ассоциативных связей остаются одними и теми же, что позволяет рассматривать полученный конструкт как модель языкового сознания, «овнешнего» ассоциативными реакциями. Сама категория предметных имён в совокупности с выделенными направлениями ассоциативных связей образует устойчивую по составу компонентов, достаточно дифференцированную и вместе с тем цельную модель образа мира.

Сравнивая данную модель образа мира с той, которую представили Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Филиппович⁴, отметим, что в нашей модели нет противопоставления виртуального мира реальному: ассоциативный материал не потребовал соответствующего разделения, так как принципы реагирования на номинации объектов двух миров — одни и те же.

Как и в модели, полученной Ю. Н. Карауловым и Ю. Н. Филипповичем, компоненты нашей модели тесно связаны между собой и способны совмещаться. Это более всего характеризует компонент «Связь с человеком» и, по-видимому, является неустранимым при моделировании видения человеком его человеческого мира.

³ Подробнее см.: Гольдин 2010.

⁴ Караулов, Филиппович 2009.

Предельное обобщение десяти компонентов модели (категория предметных имён + 9 типичных направлений их ассоциативных связей) преобразует модель в четырёхчастную. На своём высшем уровне она включает, во-первых, представления о ситуациях, их компонентах и свойствах компонентов ситуаций, во-вторых, о человеке и его связях с ситуациями и их компонентами, в-третьих, классификационные представления о мире, т.е. результаты предметно-логической деятельности человека, в наибольшей степени характеризующие научное знание, но, несомненно, свойственные и обыденному мировосприятию, в-четвертых, — представления о языке и речевой деятельности.

Тесные связи между частями данной модели и их частичная взаимообратимость проявляются в многократных взаимных отражениях их ассоциативной структуры, усложняющих общую картину мира в сознании носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д.* 1976: Предложение и его смысл. М.
АСШ 2011: Гольдин В.Е., Слобнова А.П., Мартыанов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 т. Саратов.
Гольдин В.Е. 2010: Концептуальные переменные образа мира по данным ассоциативных словарей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16), 97–101.
Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. 2009: Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.
РАС 2008: Русский ассоциативный словарь. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>.
САНРЯ 1977: Словарь ассоциативных норм русского языка / А.А. Леонтьев (ред.). М.

ASSOCIATIVE DICTIONARIES AND THE PICTURE OF THE WORLD

V.E. Goldin

The author suggests a model of the world picture which resulted from the analysis of associative reactions in Russian associative dictionaries.

Key words: verbal associations, associative dictionaries, linguistic picture of the world

© 2014

О. Н. Ковалёва

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ ПРИ ОЦЕНКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается национально-культурная специфика русскоязычных фразеологизмов, содержащих оценку профессиональной деятельности, выявленная в ходе их лексикографического описания.

Ключевые слова: фразеологизм, профессиональная деятельность, оценочное знание, оценочная категория, национальное сознание

При подготовке «Словаря английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности»¹ (далее Словарь) предпринята попытка систематизированного описания русских и английских фразеологизмов в аспекте соотношения языка, познания и культуры.

Принципы отбора материала Словаря включают понимание фразеологизма как устойчивого, воспроизводимого словесного комплекса со структурой словосочетания, отдельно оформленного и обладающего экспрессивностью и умышленной коннотативностью. Кроме того, фразеологизм рассматривается как особый способ языковой концептуализации и категоризации знаний о мире и оценки отдельных его сторон (в данном случае профессиональной деятельности). Словарь содержит фразеологизмы, возникшие в профессиональной среде и в ходе функционирования приобретшие оценочный смысл, а также фразеологизмы, возникшие в результате обыденного познания, в повседневном действии, употребляемые для оценки в том числе и профессиональной деятельности.

Словарь содержит 550 словарных статей: 332 фразеологические единицы (ФЕ) английского языка и 227 ФЕ русского языка с семантическим компонентом оценки профессиональной деятельности, с указанием контекстуальных вариантов.

В ходе анализа ФЕ данного Словаря удалось выявить национально-культурную специфику русскоязычных фразеологизмов, содержащих оценку профессиональной деятельности.

Словарная статья состоит из заголовочной части (фразеологизма в начальной форме, указания на характер оценки — положительная / отрицательная); когнитивной части; иллюстративного материала (цитаты из газетных статей 2000–2012 гг.).

Когнитивная часть словарной статьи указывает на те когнитивные структуры, которые лежат в основе фразеологической семантики: описывается процесс концептуальной деривации, основанный на метафорической / метонимической моделях. В описании фразеологизмов субординатного уровня оценочной категоризации, образованных с привлечением профессионального знания, указана профессиональная сфера, которая послужила источником профессионального знания.

Ковалёва Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета. E-mail: babushkina_on@mail.ru

¹ Бабушкина, Голованова 2012.

Приведём пример словарной статьи:

до мозга костей / до конца (до кончика, до кончиков) ногтей (положит. оц.)

Выражение содержит знание о строении костей, в самом центре которых расположен костный мозг, и о строении руки, где кончики ногтей являются самыми крайними точками. Когнитивная модель пространства-источника «до мозга костей» переносится в пространство-цель, и ФЕ означает ‘ответственно (с радением) относиться к работе’.

•Актёр *до мозга костей*, Слейтер будет рваться на сцену [Слейтер рвётся в Ленком // Труд-7. 2007.03.31].

Обратимся к когнитивной части словарных статей, исходя из понимания когниции как познавательного процесса, включающего в т.ч. категоризацию объектов окружающей действительности, осознание и оценку субъектом самого себя, своего поведения, своей деятельности.

Оценочная категоризация профессиональной деятельности носит уровневый характер². Он наглядно представлен в словнике, который включает 11 разделов, соответствующих 11 оценочным категориям: Радение (ответственность) работника (30% от общего количества словарных статей), Наличие квалификации работника (15%), Результативность (успешность) труда (13%), Сложность труда (11%), Качество труда (10%), Общественная польза труда (7%), Временные затраты на выполнение работы (5%), Финансовое вознаграждение за выполненную работу (3%), Творческий подход к труду (3%), Созидательный характер труда (2%), Отношение к физическому труду (1%). Первые пять категорий относятся к базовому уровню оценочной категоризации, и процентные показатели вполне соответствуют логике реальной жизни, когда энергичный, целеустремленный, позитивно настроенный квалифицированный (и опытный) профессионал старается выполнить работу качественно, затрачивая адекватное количество времени и сил для достижения желаемого успешного результата. Другие шесть оценочных категорий относятся к субординатному уровню оценочной категоризации, уровню детализации, конкретизации оценки и качества.

Русскоязычные ФЕ, содержащие оценку профессиональной деятельности, репрезентируют все указанные оценочные категории. Однако при рассмотрении каждой категории как компонента фрейма «Оценка профессиональной деятельности» выявляются специфичные ценностно-смысловые ориентиры, характерные для русского национального сознания. Именно факультативные признаки субфреймов показывают когнитивно выделенные черты профессионала. Далее приведём оценочные смыслы, когнитивно выделенные только для русского сознания (не выявленные в рассматриваемых ФЕ английского языка) (см. таблицу 1):

Таблица 1

Факультативные признаки компонентов фрейма «Оценка профессиональной деятельности»

Факультативные признаки	Фразеологизмы русского языка
Радение (ответственность) работника	
(+) <i>помогать тому, кто отстаёт в каком-л. деле, содействовать продвижению дела (порой бескорыстно)</i>	(+) <i>брать / взять на буксир, внести свою лепту</i>
(-) <i>препятствовать продвижению дела</i>	(-) <i>вставлять палки в колёса, тянуть / разводиться волынку, тянуть / разводиться канитель</i>
Наличие квалификации работника	
(+) <i>кто-л. умён, сообразителен, сведущ</i>	(+) <i>голова / котелок варит у кого-л.</i>
(-) <i>кто-л. не очень умён, средних способностей</i>	(-) <i>звёзд (с неба) не хватает, (мастер) средней руки, не ахти какой (-ая, -ое, -ие), ни в зуб (ногой) не знает / не понимает / не смыслит</i>
Результативность (успешность) труда	
(-) <i>не оправдавший надежд</i>	(-) <i>артист (из) погорелого театра</i>
(-) <i>не иметь результата из-за пассивности, бездеятельности</i>	(-) <i>лежащий камень / под лежащий камень (вода не течёт)</i>
(-) <i>не верить в успех дела из-за бесполезности усилий</i>	(-) <i>руки опускаются</i>
(-) <i>присваивать лучшее из результата труда без достаточных оснований</i>	(-) <i>снимать сливки</i>
(-) <i>выполнять работу, результатами которой пользуется другой</i>	(-) <i>таскать каштаны из огня для кого-л. / кому-л.</i>
Сложность труда — специфичных оценочных смыслов не выявлено	
Качество труда	
(+) <i>без помех и затруднений выполнять работу</i>	(+) <i>без сучка (и) (без) задоринки, как по маслу, как по нотам разыгрывать / разыграть</i>
(-) <i>организация, где царит беспорядок, неразбериха в ведении дел</i>	(-) <i>авгиевы конюшни, шарашикина контора</i>
(+) <i>выполнять работу тщательно, превосходя себя</i>	(+) <i>превосходит / превзойти самого себя, приложить руки</i>
Общественная польза труда	
(+) <i>трудиться много, напряжённо</i>	(+) <i>от зари до зари</i>

² Бабушкина 2010.

Факультативные признаки	Фразеологизмы русского языка
Временные затраты на выполнение работы, Финансовое вознаграждение за выполненную работу, Творческий подход к труду, Созидательный характер труда — специфичных оценочных смыслов не выявлено	
Отношение к физическому труду	
(–) выполнять тяжёлую, изнурительную (обычно физическую) работу, надрываться	(–) гнуть / ломать спину / хребет / горб, рвать кишки / пуп (пупок)

Лексикографическое описание ФЕ английского и русского языков свидетельствует о пересекающихся, но всё же различных оттенках оценочного смысла, указывающих на национальные особенности двух лингвокультур.

В конце Словаря приведена таблица соотношения оценочных ФЕ и профессиональных сфер. Сопоставление материалов английского и русского языков свидетельствует о национально-культурной специфике в осмыслении ряда профессий. Особенности военного и морского дела, транспортная составляющая жизни общества отражены во внутренней форме ФЕ обоих языков, что обусловлено историей России и Великобритании. Значительная часть русских ФЕ апеллирует к профессиональным знаниям в таких областях, как деревообработка и ювелирное дело (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Соотношение оценочных фразеологизмов русского языка и профессиональных сфер

Сфера профессиональной деятельности человека	Оценочные фразеологизмы, возникшие в профессиональной среде
1) деревообработка	<i>бить баклуши, через пень-колоду валить, точить ласы / балясы с кем-л. / кому-л., без сучка (и) (без) задоринки, топорная работа</i>
2) охота	<i>гоняться / гнаться (погнаться) за двумя зайцами</i>
3) ювелирное дело	<i>тянуть / разводить канитель, филигранная работа</i>
4) морское дело / рыболовство	<i>брать / взять на буксир, нести трудовую вахту / трудовая вахта, стоять на вахте / встать на вахту, ловить рыбу в мутной воде, мутить воду</i>
5) военное дело	<i>не нюхать / не понюхать пороха / пороху, пороху не хватает (не хватит, не хватало, не хватило)</i>
6) транспорт	<i>вставлять палки в колёса, жать / нажимать на все педали / всю / полную железку / пускать в ход (все) пружины</i>
7) связное дело	<i>на всю / полную катушку</i>
8) цирковое искусство	<i>из-под палки (делать что-либо)</i>
9) музыкальное искусство	<i>задавать тон</i>
10) театральное искусство / актёрское дело	<i>разводить бодягу / муру</i>
11) художественное искусство	<i>задавать тон</i>

В целом, число ФЕ, отражающих оценку профессиональной деятельности, с отрицательной оценкой в русском языке больше (62%), чем число ФЕ с положительной оценкой (38%). Преобладание ФЕ с отрицательной оценкой, по-видимому, объясняется тем, что положительная оценка коррелирует с представлением о норме, о должном, а потому в меньшей степени нуждается в вербализации. Во ФЕ с негативной оценкой наиболее ярко проявляется воздействующая функция языка.

ЛИТЕРАТУРА

Бабушкина О. Н., Голованова Е. И. 2012: Словарь английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности. Челябинск.

Бабушкина О. Н. 2010: Оценочная категоризация профессиональной деятельности средствами фразеологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск.

VALUE-NOTIONABLE GUIDELINES IN RUSSIAN NATIONAL CONSCIOUSNESS IN EVALUATION OF PROFESSIONAL ACTIVITY: LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

O. N. Kovaleva

The article views national and cultural peculiarities of the Russian phraseological units which contain evaluation of professional activity revealed through their lexicographic description.

Key words: phraseological unit, professional activity, evaluative knowledge, evaluative category, national consciousness

© 2014

В. В. Красных
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ СЛОВАРЯ И ГРАММАТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ
(психолингвокультурологический подход)

В статье излагаются некоторые теоретические основания психолингвокультурологии как отдельного направления исследований и предлагаются возможные подходы к лексикографированию единиц лингвокультуры и созданию словарей нового типа.

Ключевые слова: культура, лингвокультура, словарь и грамматика лингвокультуры, психолингвокультурологический подход

Сегодня исследователь, работающий в области гуманитарных наук, имеет дело, как правило, со сложным, многокомпонентным и многомерным объектом научных изысканий. С одной стороны, такое положение дел предопределяется как объективно существующими реалиями сегодняшнего дня, так и внутренней логикой развития научной мысли. С другой стороны, расширение объекта с одновременным его «уплотнением» предопределяет новые подходы к его изучению — подходы сугубо интегративного характера. В силу сказанного представляется несчастливым появление в последние десятилетия таких дисциплин, как лингвокультурология (см. работы В. Н. Телия и её школы¹, этнопсихолингвистика (см. работы Н. В. Уфимцевой², последователей), неопсихолингвистика³, психолингвокультурология⁴.

В рамках психолингвокультурологии, унаследовавшей лингвокультурологическое понимание *КУЛЬТУРЫ*, последняя рассматривается как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой»⁵. Соответственно, *ЛИНГВОКУЛЬТУРА* понимается как культура оязыковлённая, т.е. воплощённая и закреплённая в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых/речевых процессах, т.е. в языке и через язык⁶.

Лингвокультура занимает «промежуточное» положение между языком и культурой, с одной стороны, произрастая из языка и культуры, а с другой — прорастая в них. По природе своей лингвокультура — феномен лингво-когнитивный: *содержательно* она формируется знаками языка культуры (точнее — культурными смыслами и находящимися с ними в отношении взаимосвязанности образами сознания в их вербальных одеждах), а *формально* — знаками языка, выполняющими роль «тел для знаков языка культуры»⁷. Иначе говоря, форма знака — вербальная единица, его содержание — культурноносные смыслы и образы сознания. Это значит, что на этом «поле» язык выполняет функцию *означающего*, а в роли *означаемого* выступает культура (ее смыслы, образы и под.)⁸. Таким образом, здесь мы имеем знаки особой природы: принадлежа и языку (по форме), и культуре (по содержанию), они в то же время создают новую семиотическую систему, обладающую законами, отличными от законов языка и культуры. Следовательно, мы имеем знаки, онтологически и функционально отличные от знаков собственно языка и собственно культуры, это — знаки особой семиотической системы, т.е. *знаки лингвокультуры*.

Лингвокультура как отдельная самостоятельная система обладает своим словарём и своей грамматикой⁹. *Словарь* (лексикон) *лингвокультуры* есть оязыковлённые культурные смыслы и образы. Словарь лингвокультуры как совокупность единиц обуславливает возможность и необходимость создания словаря лингвокультуры как систематического описания таковых, что предполагает выявление реестра и лексикографирование, как минимум, основных (базовых) единиц всех подсистем лингвокультуры (см. далее). Лексикографирование единиц лингвокультуры предполагает инвентаризацию языковых единиц, содержащих культурноносную информацию.

Первоначальные (и вместе с тем основные — *sic!*) принципы описания единиц лингвокультуры были разработаны и применены на практике в первых собственно лингвокультурологических словарях: «Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь»¹⁰ и «Большой фразеологический словарь русского языка»¹¹. В настоящей статье будут приведены некоторые иллюстрации того, как «работает» на конкретном материале предложенный алгоритм. При этом следует учесть, что конкретный вид словарной статьи во многом предопределяется той единицей, которая подлежит описанию.

Так, если речь идёт, например, о фразеологической единице (ФЕ) или лексеме, т.е. единице, сохраняющей свой статус знака языка и в то же время имеющей статус единицы лингвокультуры, то собственно лингвокультурологическое описание может строиться по следующей модели: 1) предъявление грамматического, этимологического, фольклорного, культурологического, страноведческого, лингвострановедческого и под. материала; 2) выявление сотнесённости данной единицы с глубинными слоями, древнейшими формами осмысления мира и представлениями, имеющими архетипическую природу; 3) выявление метафорических оснований анализируемой единицы, а также возможности выполнения ею функции образного основания для последующего метафорического осмысления действительности; 4) на основе анализа контекстов употребления данной единицы определение функций, выполняемых ею в культуре (напр., функции эталона или символа); 5) по возможности представление аналогов и образных эквивалентов, существующих в других культурах/лингвокультурах. Более детально данная модель, равно как и описание структуры словарной статьи, представлена в теоретических статьях В. Н. Телия¹² к

Красных Виктория Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры общей теории словесности МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: Victoryvk@gmail.com

¹ Напр., Телия 1996, 2005, 2006а, 2006б, 2006в; Ковшова 2012.

² Напр., Уфимцева 2009, 2012.

³ Бубнова, Красных 2013.

⁴ Красных 2013а; Красных, Бубнова 2013.

⁵ Телия 1996, 222.

⁶ Подробнее см. Красных 2011, 2013а, 2013б.

⁷ Телия 1996, 2006а.

⁸ Красных 2012, 2013а, 2013б.

⁹ См., напр., Красных 2008, 2013а, 2013б.

¹⁰ Брилёва, Вольская, Захаренко (ред.) 2004.

¹¹ Телия (ред.) 2006в. В виде самой общей модели они были представлены, напр., в: Красных 2011.

¹² Телия 2006а, 2006б. См. также: Зыкова 2014.

упомянутому фразеологическому словарю. То, как эта модель описания может быть применена на практике, демонстрируют материалы самого словаря¹³.

При лексикографировании единиц собственно лингвокультуры (прецедентных феноменов, стереотипов и др.) представляется более целесообразным несколько другой принцип описания и подачи материала: 1) предъявление общей («энциклопедической») информации о данной единице: указание «источника» (исторический/литературный персонаж, фольклорный или авторский текст и под.); бытующие представления (по данным этнолингвистики, фольклористики и под.); реализация данных представлений в последующих текстах; сферы функционирования и т.д.; 2) описание современного представления, бытующего в сознании носителей языка/представителей культуры (напр., для прецедентных феноменов — инварианта восприятия, для стереотипов — собственно образа; выявляется на основе анализа контекстов, опроса информантов, интроспекции); 3) описание условий апелляции к единице и семантизация единицы при определённом употреблении (выявляется на основе анализа корпуса контекстов и иллюстрируется аутентичным материалом); 4) предъявление устойчивых выражений, образ которых мотивирован (1, 2), если таковые имеются; 5) определение основных функций, которые данная единица выполняет в культуре (эталона, символа, метафорического основания и под.). При описании текстов приводятся неразрывно связанные с самим текстом имена и высказывания, последние кратко комментируются (кем, кому, в какой ситуации произносятся) и семантизируются. В качестве иллюстрации приведу только одну авторскую статью из готовящегося Выпуска 2 упомянутого ранее лингвокультурологического словаря¹⁴.

АПОЛЛОН — один из персонажей античной мифологии (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3).

1. А. — персонаж древнегреческой мифологии, сын Зевса и Латоны, брат-близнец Артемиды (Дианы), олимпийский бог (см. *Олимп*), покровитель искусств, целитель и прорицатель. Местом поклонения ему был город Дельфы, где оглашались его пророчества.

2. А. — греческий бог, отличающийся красотой и музыкальными талантами.

3. Современные русские могут называть **Аполлоном** или обращаться к образу А. для характеристики:

очень красивого, привлекательного мужчины; при этом может подразумеваться, что он вызывает глубокие симпатии женщин и имеет у них большой успех: Женщине хотелось рассказать о возлюбленном, и она принялась расхваливать супруга. Вышло, что муж красив, как *Аполлон*, талантлив, умен, добр, интеллигентен, порядочен. *Д. Донцова, Дантисты тоже плачут*. Но вообще-то Мариша и сама открыла фирму знакомств, надеясь найти себе и подругам подходящих женихов. Однако фокус не удался. В фирму приходили вовсе не *Аполлоны* или Крезы, а вполне обычные, чтобы не сказать заурядные, мужички. *Д. Калинина. Рыцарь с буйной фантазией*.

4. В русской культуре **Аполлон** выполняет функцию эталона мужской красоты (см. вышеприведённые примеры) и функцию символа искусств (см.: управляющий квадригой А. на фронтоне Большого театра в Москве).

Что касается **ГРАММАТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ**, то первое, что необходимо отметить, — это недостаточную её разработанность. Если исходить из того, что грамматика языка — это (в самом широком понимании), с одной стороны, «устройство» языка, а с другой — описание такового, то грамматика лингвокультуры есть «устройство» лингвокультуры, а также его (устройства) системное описание. Итак, грамматика лингвокультуры есть таксоны (базовые классы единиц), их категории, система, структура, отношения и функционирование. Грамматика лингвокультуры как «наука о...» требует выявления, описания, структурирования и систематизации основных категорий, классов, видов и типов единиц, их структуры, отношений между ними (включая структуру данных отношений), а также правил их функционирования (первые попытки создания грамматики лингвокультуры были предприняты автором ещё в середине 2000-х¹⁵). В целях выявления грамматики лингвокультуры, можно выдвинуть ряд гипотез: 1) *основная гипотеза* — система координат лингвокультуры предстаёт как совокупность осей, задаваемых (предположительно четырьмя) самостоятельными подсистемами, сосуществующими в рамках данной культуры и находящимися — в силу гибкости и прозрачности границ между ними — в отношениях взаимопроникновения; 2) *дополнительная гипотеза* — лингвокультура может быть описана в параметрах следующих подсистем: когнитивной, метафорической, эталонной, символической — либо фрагментарно (в пределах одной подсистемы), либо целостно (в совокупности всех подсистем); 3) *частные гипотезы* — базовыми единицами данных подсистем являются: а) ментефакты — когнитивная подсистема; б) базовые метафоры — метафорическая подсистема; в) содержательные «ниши» базовых эталонов — подсистема эталонов; г) базовые символы — символическая подсистема¹⁶.

Когнитивную подсистему формирует система ментефактов, в которую входят (на первом ранге разбиения) выявленные на сегодня четыре класса феноменов, являющихся таксонами лингвокультуры: знания, понятия, концепты и представления¹⁷.

Знания и понятия, как представляется, не нуждаются в разработке специального алгоритма их описания, поскольку они широко представлены в различных энциклопедиях, толковых словарях и под.

Концепты, думается, представляют особую сложность для лексикографирования, ибо они плохо поддаются формализации, о чём свидетельствуют многочисленные работы концептологов. Вместе с тем нельзя не отметить, что существует широко известный словарь Ю. С. Степанова¹⁸, однако, на мой взгляд, данный труд содержит скорее «авторские концепты», отражающие индивидуальные представления, впечатления, воспоминания и под., нежели собственно концепты в терминологическом их понимании. Значит ли это, что концепты вообще чужды лексикографической практике? Думается, нет. И возможный путь решения проблемы лежит, вероятно, в попытке их описания, например, через гештальты, в том виде, как они представлены в работах Л. О. Чернейко¹⁹. Иные варианты представления концептов можно найти в работах С. Г. Воркачёва²⁰

¹³ Телия (ред.) 2006в.

¹⁴ Брилёва, Вольская, Захаренко (ред.) 2004.

¹⁵ См., напр., Красных 2005, а также Красных 2008 и др. работы.

¹⁶ См., напр., Красных 2005, а также Красных 2008 и др. работы.

¹⁷ Красных 2008, 2013 и др. работы.

¹⁸ Степанов 2004.

¹⁹ См., напр., Чернейко 1997.

²⁰ Напр., Воркачёв 2007.

и В. И. Карасика²¹, хотя их описания концептов всё-таки трудно признать собственно словарным описанием (справедливости ради, надо заметить, что данные исследователи не всегда ставили, насколько мне известно, такую задачу).

Представления могут описываться, в частности, в соответствии с представленным ранее алгоритмом по соответствующим моделям.

Метафорическая, эталонная и символная подсистемы практически вообще не изучены и не описаны, что делает их лексикографирование предельно затруднённым. Тем не менее уже сегодня можно предложить некоторые принципы их возможного представления в словаре. Учитывая, что любая словарная статья должна открываться вокабулой, то в данном случае в роли таковой должны выступать «имена» единиц данных подсистем: базовых метафор, эталонов и символов.

Определённую сложность в данном случае будут представлять «имена» базовых метафор. И не только потому, что их список не определён (равно как и списки эталонов и символов), но и потому, что сами «имена» могут быть не до конца очевидными для потенциального адресата. Такова, например, базовая метафора *движения*, лежащая в основе осмысления любого проявления жизнедеятельности человека (как, впрочем, и жизнедеятельности, вероятно, любого существа); см.: *жизненный путь, встать на путь, идти своей дорогой, встретить на своём пути, встать на пути/дороге* и под.; *вести в курс дела, вынести на обсуждение, завести в тупик*; сюда же: *мысль пришла в голову, вылетела из головы; слово сорвалось с языка; дела идут*, и обратная ситуация, нарушающая «правильный» ход вещей — *топтаться на месте, не продвинуться ни на шаг/йоту*, что «плохо» и, наконец, *сдвинуть дело с мёртвой (!) точки*; и т.д., и т.п.²²

Эталонная подсистема видится более «простой» для словарного описания: от «имени» «содержательной ниши» эталона можно переходить к представлению знаков-эталонов, эту «нишу» заполняющих; напр., *эталон труженика — пчела, муравей, вол, лошадь, шпак, Золушка, папа Карло*. Каждую из данных единиц далее можно описывать в соответствии с представленным ранее алгоритмом создания статей словаря лингвокультуры, выбирая для предъявления только то, что относится именно к эталонной функции конкретной единицы. Главная трудность в данном случае состоит в том, чтобы выявить сам список соответствующих знаков-эталонов.

Символьная подсистема имеет те же проблемы, что и метафорическая, и эталонная: она практически не изучена и не описана. Возможный путь лексикографирования базовых символов, насколько можно сегодня судить, представляется следующим: от «имени» символа — к описанию его смысла и возможных причин выполнения именно данной единицей символьной функции.

В силу гибкости и прозрачности границ между подсистемами (см. основную гипотезу), представляется целесообразным комплексное описание единиц лингвокультуры. Будучи ограниченной рамками жанра статьи, приведу только один пример того, что, на мой взгляд, должно быть включено в словарную статью (особо подчеркну, что это — не предлагаемый «вид» статьи, а именно изложение того содержательного компонента, который должен учитываться при написании словаря). Итак.

Крест — изначально имя предмета из мира сугубо материального (имя конкретное), но он может рассматриваться и как имя ментефакта, в данном случае — как имя концепта (имя абстрактное), за которым стоят культурноносные смыслы, проявляющиеся в метафорической сфере и позволяющие данному феномену выполнять функцию символа.

1) В *когнитивной подсистеме*: ментефакт — концепт, репрезентант концептуального поля *ВЕРА* (точнее — входящего в общее концептуальное поле более частного поля *ВЕРА*, связанного с сакральной, религиозной сферой²³).

2) В *метафорической подсистеме*: 1. результат метафорического осмысления архетипического представления «свет — верх — Бог» и т.д. (базовой метафоры); 2. основа для дальнейшего метафорического осмысления: а) проявлений и жизнедеятельности человека (*нести свой крест*) или б) самого бытия, жизни человека (*крест на всю жизнь*).

3) В *символьной подсистеме*: 1. символ христианства; 2. символ испытаний, лишений, тягот и под. (*крест на всю жизнь, нести свой крест*); 3. символ сжатого сюжета, выступающий в роли его имени и отсылающий к прецедентной ситуации, прецедентному имени и прецедентному тексту (последние суть ментефакты).

В заключение следует особо подчеркнуть, что вызов нашего времени явно требует от филологов интегрирования достижений разных дисциплин для того, чтобы адекватно описывать тот сложный предмет, который подлежит изучению сегодня. И представляется, что психолингвокультурологический подход, фокусирующий внимание на триединстве «язык — культура — лингвокультура», которое рассматривается сквозь призму человека говорящего, позволяет не только изучать указанную триаду на фоне более широкого неслиянного единства «язык — сознание — человек — культура — лингвокультура — коммуникация — сообщество»²⁴, но и создавать словари нового типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Брилёва И. С., Вольская Н. П., Захаренко И. В. (ред.) 2004: Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М.
- Бубнова И. А., Красных В. В. 2013: Личность постиндустриального общества как объект неопсихлингвистики // 10th International Congress Of the International Society of Applied Psycholinguistics. М., 53–54.
- Воркачёв С. Г. 2007: Любовь как лингвокультурный концепт. М.
- Зыкова И. В. 2014: О типах культурной информации во фразеологическом знаке // Язык, сознание, коммуникация. 50, 100–109.
- Карасик В. И. 2004: Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. М.
- Карасик В. И., Стернин И. А. (ред.) 2005: Антология концептов. Волгоград.
- Ковинова М. Л. 2012: Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.
- Красных В. В. 2005: Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 7 (12), 10–24.
- Красных В. В. 2008: Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов // *Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России*. СПб., 333–344.
- Красных В. В. 2011: Возможные пути лексикографического описания единиц лингвокультуры // ПИФК. 3 (33). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 106–110.

²¹ Напр., Карасик 2004, а также Карасик, Стернин 2005.

²² Подробнее см., напр., Красных 2013а.

²³ Подробнее см.: Сулиман 2013.

²⁴ См., напр., Красных 2013а.

- Красных В. В. 2012: Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 3, 67–73.
- Красных В. В. 2013а: Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2, 7–18.
- Красных В. В. 2013б: Преподавание русского языка в условиях языковой и культурной полифонии: необходимость учёта культуры и лингвокультуры в процессе обучения // Вестник Российск. ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 4, 55–66.
- Красных В. В., Бубнова И. А. 2013: Человек говорящий в свете психолингвокультурологического подхода // 10th International Congress Of the International Society of Applied Psycholinguistics. М., 55–56.
- Степанов Ю. С. 2004: Константы: Словарь русской культуры. М.
- Сулиман Эльтайеб Эльзейн Эльтайеб. 2013: Русское концептуальное поле *ВЕРА* (на фоне арабо-мусульманской лингвокультуры): дис. ... канд. филол. наук. М.
- Телия В. Н. 1996: Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.
- Телия В. Н. 2005: О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 30. М., 4–42.
- Телия В. Н. 2006а: Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В. Н. Телия (отв. ред.). М., 6–14.
- Телия В. Н. 2006б: Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В. Н. Телия (отв. ред.). М., 776–782.
- Телия В. Н. (ред.) 2006в: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М. (Фундаментальные словари).
- Уфимцева Н. В. 2009: Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 4, 98–111.
- Уфимцева Н. В. 2012: Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии // Филология и культура. 2 (28), 129–132.
- Чернейко Л. О. 1997: Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.

MAIN PROBLEMS OF LINGUISTIC CULTURE VOCABULARY AND DESCRIPTION OF GRAMMAR
(psychological, linguistic and culturological approach)

V. V. Krasnykh

The article outlines some theoretical foundations of psychological, linguistic and culturological studies as a certain discipline. Possible approaches towards lexicographic description of linguistic and cultural units and towards dictionaries of a new type are offered.

Key words: culture, linguistic culture, linguistic and cultural, grammar vocabulary, psychological and linguistic culturological approach

© 2014

А. М. Плотникова

НАИМЕНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И КОЛЛЕКТИВОВ В ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ
СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА *

В статье рассматриваются семантические и лингвокультурные особенности русских слов, обозначающих социальные общности. Особое внимание уделяется единообразному представлению имён социальных групп и коллективов в идеографических словарях. Фиксируются некоторые тенденции развития семантического класса.

Ключевые слова: идеографический словарь, семантический класс, социальные объединения

Социальная стратификация является теоретической проблемой целого ряда научных дисциплин. В литературе существуют различные определения социальной системы и социальной среды, по-разному осмысляется соотношение понятий «социальное» и «общественное». Сложность в обозначении границ социальной сферы объясняет и трудности, возникающие при классификации лексики, относящейся к этому классу единиц. Насколько обширен данный класс слов, следует судить по тому множеству социальных отношений, в которые может вступать человек, являющийся членом различных макро- и микро-структур общества. Не углубляясь в сущность понятия «социальные группы», неопределённость толкования которого неоднократно отмечалась в литературе по социальной психологии, социологии, юридическим наукам, остановимся на именах социальных совокупностей, которые мы вслед за А. В. Румянцевой разделяем на коллективные (*оппозиция*), собирательные (*чиновничество*) и актуально-ситуативные (*толпа*)¹.

В соответствии с концепциями идеографических словарей под редакцией Л. Г. Бабенко (в словаре существительных 448 единиц обозначают совокупности лиц²) между именем класса и его членами устанавливаются гиперо-гипонимические отношения. Гипонимические гнезда возникают также в составе лексико-семантического класса, например, между именем *оппозиция* и наименованиями таких совокупностей лиц, как *декабристы*, *народники*, *народовольцы*, *анархисты*, *большевики*, *диссиденты*. Этот класс слов пополняется в современном русском языке новыми единицами (ср. *белоленточники*, *креаклы*, *креативный класс*, *болото*, *экоузники*). Появление этих единиц и заметное расширение семантического класса слов, связан-

Плотникова Анна Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. E-mail: annamp@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-04-00322 «Русская лексика как межчлестеречная система: полное идеографическое описание в лексикографических параметрах»).

¹ Румянцева 2009.

² Бабенко 2005.

ных с отображением социальных групп, объясняется внешними факторами, общественно-политической и экономической жизнью социума, порождающей необходимость в новых номинациях.

По мнению В. А. Марьянич, в современном политическом дискурсе «ценностью объявляется не само общество, а его характеристика (*единство*), обеспечивающая успешное функционирование государства и являющаяся результатом этого функционирования. Понятие «единство» (*единство межнационального народа, единство российских наций*) заменило функционирующую в политическом дискурсе прошлых лет идеологию *братство* (*братство советских народов, братство народов СНГ*)»³. Декларирование этой ценности не препятствует противопоставлению социальных групп в современных публицистических текстах. Например, *Наводнение ...хорошо умеет стирать социальные барьеры — настоящие и мнимые. «Жулики и воры», оказывается, тоже родину любят, да и вообще не такие уж они жулики и не всегда воры. А белоленточники вовсе не обязательно наивная офисная плесень <...> И когда кто-нибудь в курилке в очередной раз ляпнет что-нибудь про «уралвагонзавод», у него уже не будет такой моральной поддержки окружающих*⁴. В приведённой иллюстрации подчёркнуты те наименования (заметим, что использование кавычек указывает на их прецедентный характер), которые служат маркером определённых социальных групп: «жулики и воры» — чиновники, функционеры, белоленточники — представители оппозиции, «уралвагонзавод» — рабочие.

Известно, что важнейшим признаком слов, называющих совокупности лиц, является семантическая дискретность, предполагающая корреляцию между именами коллектива и его отдельного представителя (например, *электорат* — *избиратель*, *чиновничество* — *чиновник*, *профессура* — *профессор*). В то же время для многих наименований дискретность оказывается неактуальной, что объясняется, с одной стороны, коммуникативными причинами. Так, в политической коммуникации важно идентифицировать группу лиц, сведя к минимуму индивидуальность её членов (например, *политические элиты*). С другой стороны, есть семантические факторы, связанные с неопределённым статусом этих групп лиц, нечёткостью семантических признаков слов, размытостью их значений (это хорошо видно на примере устойчивого словосочетания *средний класс*, значение которого по экстралингвистическим причинам определить довольно сложно).

Использование наименований классов слов в функции идентификации «своей» либо другой, возможно, «чужой» группы ведёт к трансформациям значений. Сосуществование официального политического дискурса власти и дискурса либеральной оппозиции привносит эмоционально-оценочные смыслы в семантику лексических единиц. Например, в либеральных средствах массовой информации *креативный класс* — это представители интеллигенции, которые проявляют активную гражданскую позицию, в официальном дискурсе — это те, кого метафорически называют «офисным планктоном» и «офисными хомячками», то есть те, чьи действия оцениваются отрицательно. По данным контекстов, в течение двух-трёх лет функционирования единиц *оппозиция* и *креативный класс* обнаруживается динамика ассоциативного фона этих неологических номинаций⁵.

Для анализа семантической группы слов «Социальные объединения» как фрагментов языковой картины мира значимым оказывается такой признак, как ценностные элементы их значений, к вопросу определения которых обращается Е. В. Петрухина: «Ценностные различия в семантике между собирательными существительными и синонимичными им формами множественного числа могут быть столь велики, что их взаимозамена вообще невозможна без потери или искажения важных элементов смысла»⁶. Исследовательница показывает это различие на примере коррелятов *интеллигенция* и *интеллектуалы*. Аналогичными примерами, на наш взгляд, могут послужить слова *чиновничество* и *бюрократия* как обозначения социального класса и *чиновники* и *бюрократы* как имена представителей соответствующих социальных классов. Согласно данным толковых словарей, *чиновник* реализует два значения: 1) государственный служащий и 2) должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле. Однако контексты свидетельствуют о регулярном совмещении этих значений, например: «Иерархия ценностей наших чиновников примерно такая: воля начальника, инструкция и только затем — Конституция и воля народа» (газета). Слово *чиновник* приобретает в современной коммуникации устойчивый ассоциативный фон и обозначает некоего антигероя, действующего в ущерб интересам людей и намеренно затягивающего решение всех вопросов, причастного к взяточничеству и коррупции. Примечательно, что слова *чиновник* и *чиновники* не используются, по данным контекстов, в функции самоидентификации. Факты метаязыковой рефлексии указывают на некоторые прагматические особенности употреблений лексики *чиновники*: *Они не любят, когда их называют чиновниками. «Не чиновники, — поправляют, — а государственные служащие»; Чиновники почти никогда не называют себя чиновниками, предпочитая иные термины. Раньше достаточно распространённым было обозначение «ответственный работник». В наши дни они любят называть себя управленцами или менеджерами. Приведённые примеры демонстрируют подавление дискретности множества лиц и демонстрацию единства социального класса, за которым стоят определённые социальные стереотипы.*

Актуализацию одного из признаков множества можно проследить на примере формы *бюджетники*, которая, в отличие от *бюджетник*, обозначает не только работника органов, финансируемых из государственного бюджета, но и определённую социальную группу лиц (*врачей, учителей, библиотекарей*, однако не чиновников, чья заработная плата также выделяется из средств бюджета). В связи с этим важным семантическим признаком классов слов, называющих социальные объединения, является их способность выступать в качестве гиперонимов по отношению к конкретным представителям классов, при этом функциональная гиперонимия может существенно отличаться от языковой.

Значение целостности множества также характерно для нескольких семантических классов: безотносительно к лексическому своеобразию слов они развивают регулярные метонимические переносы, не всегда единообразно отражаемые словарями: «населённый пункт — жители данного населённого пункта» (*город, деревня, область* и т.п.), «кучреждение — сотрудники этого учреждения» (*почта, больница, институт* и т.п.). Такие семантические сдвиги в соответствии с регулярной и продуктивной моделью возникают у актуализированных в языке либо новых лексических единиц (*Всякий раз, когда наши ученики выступают, об этом знает вся гимназия, Как пошутить над коллегой, чтобы об этом знал весь офис*). Данное

³ Марьянич 2013, 47.

⁴ Русский репортёр, 37 (315), 2013.

⁵ См. об этом: Иссерс, Ганиева 2013.

⁶ Петрухина 2009, 55.

явление требует поиска определённых лексикографических инструментов для системной параметризации данной модели в словарях идеографического типа, в которых семантически близкие единицы оказываются расположенными рядом.

Значимым для лексикографического представления наименований классов слов оказывается их лингвокультурная специфика, связанная с коллективистской идеологией русских, с приоритетом коллективных целей и интересов над личными, что должно найти отражение в иллюстративной зоне словарных статей идеографического словаря.

Таким образом, интеграция человека в сложную систему социальных отношений обуславливает расширение семантического класса слов, называющих социальные объединения. Конституирующие признаки множеств, такие, как однородность и неоднородность, дискретность и целостность, оказываются релевантными для языкового представления социальных совокупностей лиц и характеристики тенденций развития слов, называющих множества лиц в русском языке. Концептуально, семантически и прагматически значимым является актуализация отдельных элементов значений у коррелирующих собирательных имён и форм множественного числа, расширение экстенционала значений этих единиц. Возникающие в речи новые номинации социальных объединений свидетельствуют о лингвокультурной значимости рассматриваемого семантического класса и его широком коммуникативно-прагматическом диапазоне.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко Л. Г. 2005: Предисловие // Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание / Л. Г. Бабенко (ред.). М.

Иссерс О. С., Ганеева Д. А. 2013: «Новое русское слово» в контексте политического дискурса: диалог, оппозиция, креативный класс // Политическая лингвистика. 3 (45), 37–47.

Марьянич В. А. 2013: Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.

Петрухина Е. В. 2009: Имена коллективов в современном русском языке: ценностные элементы значения // Оценки и ценности в современном научном познании / С. С. Ваулина, В. И. Грешных (ред.). Ч. 2. Калининград, 51–60.

Румянцева А. В. 2009: Комплексный анализ способов выражения множеств лиц в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.

DENOMINATIONS OF SOCIAL GROUPS AND COLLECTIVES IN IDEOGRAPHIC DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE

A. M. Plotnikova

The paper deals with the semantic and linguistic and cultural peculiarities of Russian words nominating social communities. The particular attention is paid to a homogeneous notion of denominations of social groups and collectives in ideographic dictionaries. Some tendencies of developing a semantic class are recorded.

Key words: ideographic dictionary, semantic class, social communities

© 2014

Е. Г. Трещева

АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА НОМИНАТИВНЫХ СВОЙСТВ СЛОВ

В статье рассматривается возможность изучения семантики слов на материале данных ассоциативного словаря. С помощью методики фреймового анализа показано, что структура ассоциативного поля зависит как от семантического класса стимула, так и от его номинативного типа.

Ключевые слова: ассоциативный словарь, структура ассоциативного поля, фреймовый анализ ассоциаций

Номинативные возможности слов давно являются предметом изучения и споров в лингвистике и смежных науках. Изучаются и характер языковой номинации, и её виды¹, — различен и материал научных исследований, посвящённых данному вопросу. В настоящей работе характер языковой номинации изучается на материале ассоциативных связей слов, а ассоциативный словарь рассматривается в качестве надёжного, достоверного источника данных для такого рода исследований, поскольку открывает доступ к глубинным когнитивным структурам, отражая через связи слов знание говорящих о мире.

В центре нашего внимания находится изучение структуры ассоциативных полей, хотя анализ вербальных ассоциаций может быть проведён и на других уровнях организации ассоциативного словаря: в частности, на уровне ассоциативных пар, на уровне словаря как целого, на уровне отдельных анкет².

В рамках различных подходов к представлению структуры ассоциативного поля (далее АП) изучается соотношение в нём частотных и редких, единичных и неединичных, синтагматических и парадигматических реакций (А. А. Залевская, В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, Е. И. Горюшко, В. В. Красных, Ю. Н. Караулов и мн. др.), — всё это попытки создать модели, обобщающие ассоциативные поля разных стимульных слов. Эти модели могут быть построены с опорой как на количественные, так и на содержательные характеристики ассоциативных реакций.

Трещева Елена Геннадиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: treshyova@gmail.com

¹ См., в частности, одно из ранних исследований такого рода — Mill 1843, 32–33, 37–38, где предложено деление слов на индивидуальные и общие наименования, на конкретные и абстрактные имена, на имена референтные и коннотативные.

² Гольдин, Сдобнова 2008, 19.

Обращаясь к содержательному анализу структуры АП, исследователи отмечают, что она зависит от совокупности разных факторов, прежде всего — от семантического класса слова-стимула: разную структуру имеют АП имён поступков и событий и предметных имён, различны также и АП предметных существительных, называющих онтологически разные объекты (артефакты, животных, людей, природные объекты)³.

В качестве методики исследования мы используем методику фреймового анализа, заключающуюся в построении для каждого АП фрейма, отражающего знания разного типа. Процедура проведения свободного ассоциативного эксперимента не ограничивает испытуемых в характере реагирования, и в вербальных ассоциациях отражаются как знания участников эксперимента о явлениях внеязыковой действительности, так и их знания о языке и речевом употреблении; кроме того, ассоциативными реакциями фиксируются знания категориального характера (логические отношения между понятиями), а также отношения говорящих к обозначаемому стимулом явлению. Важно отметить, что в ассоциациях отражаются лишь знания вербализованные, но именно они, по Ю. Н. Караулову, составляют большую часть наших знаний о мире⁴.

Исследование было проведено на материале ассоциативных полей слов особого семантического класса, имён ситуаций-событий — таких номинаций, которые обозначают событие целиком, в совокупности всех его компонентов и включают в свою семантику как статический компонент (целостную ситуацию), так и динамический компонент происходящего (переход одной ситуации в другую). С точки зрения категориальной семантики, данный класс объединяет в себе слова, которые могут выступать в качестве свёрнутых пропозиций и, в общем смысле, употребляются в речи для обозначения того, что произошло, случилось, состоялось (*авария, взрыв, встреча, праздник, случай, событие, урок* и др.). Общий объём материала составил 95 АП, или более 43 тысяч ассоциативных пар, зафиксированных Русским ассоциативным словарём (далее РАС)⁵ и Ассоциативным словарём школьников Саратова (далее АСПС)⁶.

Фреймовый анализ АП стимулов этого семантического класса показывает, что все поля имеют сходную структуру.

Так, большинство событийных имён имеют в составе своего фрейма следующие слоты: «Участники события» (*разговор → с девушкой, с соседом; митинг → студентов, рабочих; поход → археологов, пионеров*), «Время события» (*прогулка → вечером, ночью, весна, летняя; экзамен → скоро, не скоро, на носу; ярмарка → воскресенье*), «Локализация события» (*встреча → вокзал, в парке, у фонтана, метро, на улице; операция → больница, на хирургическом столе*), «Атрибуты» (*путешествие → рюкзак, чемодан, карта; бал → платье, костюм, люстра, шампанское; встреча → цветы, платье, свеча*), «Обстоятельства» (*операция → без наркоза; скачки → ставки, шум; беседа → наедине, с глазу на глаз, в дружеской обстановке*), «Действия» (*праздник → отдых, отмечать, гулять; война → стреляют, бомбёжка, стрельба; охота → стрелять, бег, догонять, искать, стрельба*). Реакции, приведённые здесь, объединяет то, что они называют компоненты событий, обозначаемых стимулом, т.е. имеют выраженный референтный характер.

Между тем, событийный стимул вызывает в сознании испытуемых не только реакции, основанные на их внеязыковом опыте, — важную роль играет также переосмысление, категоризация этого опыта, что отражено в наличии таких слотов, как «Связи логического характера» (верхнего уровня: *авария → происшествие; беседа → мероприятие*; нижнего уровня: *праздник → день рождения, рождество, свадьба*; одноуровневые понятия: *экзамен → зачёт*, в т.ч. оппозиты: *беседа → молчание, война → мир*) и «Оценка и эмоции» (*беседа → бойкая, бурная, тёплая, приятная, весёлая, задумчивая, пустая, хорошая; эксперимент → удачный, не удался, трудный, подвиг; операция → страх, боль; беседа → интерес; экзамен → страх, ужас, волнение, нервы*).

Наконец, важной частью любого ассоциативного фрейма является блок реакций, отражающих отношения стимульного слова с другими языковыми знаками: формальные реакции (*выборы → бор, вборы, буран → бурое, бурый, бурный*), реакции прецедентного характера (*путешествие → Гулливер, из Петербурга в Москву, Мюнхгаузена*), речевые формулы, устойчивые сочетания (*завтрак → в постель; война → холодная; разговор → по душам*) и др.

Набор слотов в событийных фреймах не является строго одинаковым, однако имеется ряд слотов, повторяющихся в структуре каждого АП имени ситуации-события. Так, ассоциативный фрейм обязательно содержит реакции, называющие такие компоненты события, как его участники, время, локализацию, атрибуты и обстоятельства, действия; обязательно и ассоциаты, отражающие внешнесобытийные связи, связи логического характера, оценку события, а также речевые особенности стимульного слова. Это, однако, не означает, что во всех ассоциативных фреймах слоты заполнены одинаково: соотношение долей разных групп и подгрупп в АП зависит от ряда факторов. Среди них — номинативный тип стимульного слова.

Как любой другой естественный класс, имена ситуаций-событий обнаруживают неоднородность своего номинативного состава: 1) наряду с частнособытийными номинациями (*встреча, операция, охота, ссора, урок*), в этот класс слов входят общие наименования событий (*происшествие, случай, событие*, в т.ч. имена более низкого уровня обобщения *праздник, конфликт*); 2) класс событийных имён с преимущественно референтным значением (*авария, бал, праздник, развод, происшествие, случай*) противопоставлен событийным именам-интерпретациям (*беда, катастрофа, радость, счастье*), в семантике которых большую значимость приобретают эмоции и оценка.

Указанные различия в номинативном характере слов с событийной семантикой находят отражение в структуре их АП. При этом если макроструктура поля в целом одинакова у всех имён ситуаций-событий, то наполнение реакциями отдельных слотов существенно варьируется.

Так, при сравнении АП частнособытийных наименований и событийных имён-классификаторов выделяются следующие особенности:

1) в АП частнособытийных имён велико число реакций, называющих различные «подробности» события: его участников, атрибуты и обстоятельства, условия протекания; малые доли реакций со значением «подробностей» события, напротив, отличают АП имён с общей семантикой, которые не связываются в сознании испытуемых с образом конкретной ситуации;

³ см. Гольдин 2008, 2010; Гольдин, Слобнова 2008; Трещева 2012.

⁴ Караулов 1994, 194.

⁵ Караулов и др. 2002.

⁶ Гольдин, Мартянов, Слобнова 2011.

2) наличие в АП большого числа гипонимических реакций в слоте «Логические связи» отличает имена-классификаторы от частнособытийных номинаций, чаще вызывающих реакции гиперонимами или же словами, обозначающими понятия того же уровня (когипонимы или оппозицы);

3) реакции, называющие части события или, напротив, события-целые по отношению к обозначаемому стимулом явлению, чрезвычайно редки в АП стимулов с общесобытийным значением, которые выступают в качестве родовых терминов для частных имён событий и лишены конкретности.

В целом, главное отличие фреймовых структур частнособытийных имён от наименований классов событий состоит в том, что их фреймы тяготеют к фиксации референтных смыслов, актуализируемых стимулом, в то время как фреймы имён-классификаторов отражают скорее результат когнитивной обработки внеязыковой действительности.

Сопоставление ассоциативных структур, образованных именами с преимущественно референтным значением и именами-интерпретациями, выявляет различия между ними не только на уровне микроструктуры поля (наполнение слотов), но и на уровне его макроструктуры.

Так, во фреймах оценочно-событийных имён могут отсутствовать слоты «референтного» характера, обязательные в структуре прототипического событийного имени (к примеру, во фрейме стимула *беда* актуализированы лишь слоты «Локализация» и «Участники»; а в АП стимула *горе* из «референтных» слотов имеется лишь один — «Участники»). Кроме того, во фреймовой структуре имён-интерпретаций имеет место наложение слотов «концептуального» блока: слот «Оценка и эмоции» пересекается со слотом «Связи логического характера», что обусловлено семантикой стимульных слов. Наконец, важной особенностью АП оценочных наименований событий является значительно большая доля реакций, отражающих речезыковые связи стимула: в АП стимула *беда* слот «Речевой аспект стимула» характеризуется долей 67,92% (РАС) и 45,66% (АСПС), в АП стимула *горе* (РАС) он объединяет в себе 79,41% реакций АП. Самые низкие доли реакций данного слота отмечены во фреймах стимулов *победа* (33,98%) и *катастрофа* (30,19%) в РАС, в которых он, тем не менее, занимает первый ранг по частотности.

Сопоставление, таким образом, позволяет заключить, что фреймовая структура АП имён-интерпретаций отличается меньшим количеством ассоциативных связей референтного характера (что сближает их с ассоциативными структурами событийных имён-классификаторов) и большей ориентированностью на речевые и языковые связи слов-стимулов.

Выявленные различия между ассоциативными структурами событийных имён разного номинативного типа позволяют сделать выводы относительно организации фрагмента лексической системы языка, объединяющей событийные наименования: семантический класс имён ситуаций-событий неоднороден и имеет полевой характер; ядро этого класса составляют частнособытийные номинации с выраженным референтным значением, к периферии относятся событийные имена с общей семантикой, переходный характер имеют событийные имена-интерпретации.

Как показывает анализ ассоциативных полей слов, входящих в один большой семантический класс событийных имён, структура ассоциативного поля существенно зависит от номинативного характера стимула. Фреймовый анализ АП помогает вскрыть регулярные связи, пронизывающие лексический слой языка, а также выявить, какие факторы управляют организацией внутреннего лексикона. Таким образом, ассоциативный словарь можно рассматривать как мощный инструмент анализа системных связей в лексике, позволяющий наблюдать важные закономерности, характеризующие слова с точки зрения их места в лексической системе языка, а стоящие за ними понятия — с точки зрения их места в концептуализации мира сознанием человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Гольдин В. Е. 2008: Конфигурации ассоциативных полей и языковая картина мира // Язык. Сознание. Культура. Социум / В. Е. Гольдин и др. (ред). Саратов, 147–152.
- Гольдин В. Е. 2010: Концептуальные переменные образа мира // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог». Вып. 9 (16). М., 97–102.
- Гольдин В. Е., Мартынов А. О., Сдобнова А. П. 2011: Русский ассоциативный словарь: Ассоциативные реакции школьников I–XI кл.: в 2 т. Саратов.
- Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. 2008: Русская ассоциативная лексикография. Саратов.
- Залевская А. А. 2007: Введение в психолингвистику. М.
- Караулов Ю. Н. 1994: Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. М., 191–218.
- Караулов Ю. Н. и др. 2002: Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.
- Трещева Е. Г. 2012: Имена ситуаций-событий и типология их ассоциативных полей: дис. ... канд. филол. наук. Саратов.
- Mill J. S. 1843: A System of Logic, Ratiocinative and Inductive: Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation. Vol. 1. London.

AN ASSOCIATIVE DICTIONARY AS AN INSTRUMENT FOR THE ANALYSIS OF NOMINATIVE PROPERTIES OF WORDS

E. G. Treshcheva

The article is focused upon a possibility to study word semantics based on associative dictionaries data. Using a frame analysis technique we show that an associative field structure is influenced by a stimulus semantic class as well as by its nominative type.

Key words: associative dictionary, associative field structure, frame analysis technique

© 2014

Н. В. Уфимцева

РУССКИЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена психолингвистическому подходу к описанию языковой картины мира. Ассоциативно-вербальная сеть русского языка, построенная по материалам массового ассоциативного эксперимента рассматривается как модель языковой картины мира «наивного» носителя языка.

Ключевые слова: языковая картина мира, модель, ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальная сеть, русский ассоциативный словарь

Российская психолингвистика, а точнее московская психолингвистическая школа уже в течение почти сорока лет занимается изучением обыденного (профанного) языкового сознания носителей русского языка и его моделированием.

Введённое для этих целей понятие «языковое сознание»¹, синонимичное психологическому понятию «образ мира», позволило впервые построить реальную модель языковой картины мира носителя языка, отвечающую системно-целостному принципу, и исследовать содержание языкового сознания носителей разных языков и культур. Под такой моделью я имею в виду ассоциативно-вербальную сеть (т.е. неполно связанный, ориентированный граф со взвешенной частотой), построенную по результатам массовых ассоциативных экспериментов для носителей разных языков (русского, английского, французского, испанского, украинского, белорусского, польского, немецкого и др.). Для русского языка этот граф имеет 103 000 разных вершин, т.е. разных слов, которые входят в эту сеть. Количество испытуемых (респондентов), которые «поделились» с нами фрагментами своего языкового сознания, составляет 6 600 человек — это студенты разных специальностей с родным языком русским в возрасте от 17 до 25 лет, проживающие в разных регионах Российской Федерации. Эксперимент проводился в конце XX в. (см. сайт в Интернете <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>, на котором можно ознакомиться с электронной версией Русского ассоциативного словаря² и возможностями его анализа). Для Русского ассоциативного словаря 2, экспериментальный материал для которого мы начали собирать в 2008 г., данные получены уже от 15 000 испытуемых — носителей русского языка примерно того же возраста и той же социальной группы.

Почему полученную таким способом ассоциативно-вербальную сеть можно рассматривать в качестве модели языковой картины мира носителя того или иного языка/культуры?

Во-первых, эта модель описывает опыт носителя языка как создателя и потребителя текстов и отражает структуру «разумно-человеческого общения» (А. Ф. Лосев). Эта модель отражает предречевую готовность носителя языка, и, тем самым, она отражает и весь предыдущий речевой и неречевой опыт носителя языка.

Во-вторых, эта модель имеет системно-целостный характер, общий с языковой картиной мира носителя языка, поскольку организована с точки зрения значимости/ценности тех или иных элементов в общей их иерархии. Для анализа этого аспекта модели вводится понятие ядра языкового сознания, в котором выделяется центр ядра и указывается ранг каждого входящего в него элемента.

В-третьих, ассоциативно-вербальная сеть строится на материале любого языка при наличии достаточно большого количества данных, полученных в ассоциативных экспериментах.

В-четвёртых, ассоциативно-вербальная сеть не строится искусственно, она просто «выводится» из материала, в котором имплицитно содержится, а значит, отражает структуру, объективно присущую языковой картине мира наивного носителя языка, культуре как системе сознания, поскольку мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы «наложенных» на восприятие этого мира. И каждой культуре свойственна своя система организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур. Уникальной же является именно система организации элементов опыта.

Организуя для такой модели в целом и для каждого её отдельного фрагмента является принцип значимости/ценности (value в терминологии Ф. де Соссюра). Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет и значение, и значимость одновременно. Именно это и свидетельствует, что он входит в систему, и его значимость/ценность определяется исходя именно из системы как целого.

Приведём несколько примеров.

Ассоциативное поле слова-стимула **Я** в Русском ассоциативном словаре (РАС, материалы собирались в 1988–1998 гг.) включает следующие слова-реакции (указаны все, кроме единичных):

• Ты 77, человек 62; студент 21; я 18; мы 17; личность, он 16; сам 13; люблю, студентка, это я 11; и ты, учусь 8; иду, хороший 7; женщина 6; девушка, дурак, живу, кто, не я, никто, пишу, сама, свинья, устал, хорошая, хочу 4; знаю, умница, учитель 3; большая, вопрос, вселенная, гений, думаю, жду, инженер, и она курсант, Люда, май, могу, молодец, не люблю, не что, одна, они, оптимистка, пришёл, самая, Света, семья, сижу, смотрю, такой, ушёл, хороший человек, эгоист 2.

Ассоциативное поле того же слова-стимула **Я**. (Электронная База данных для Европейской части РФ, РАС 2, материалы собирались в 2008–2011 гг.):

• человек 59; личность 33; девушка, ты 13; студент 10; студентка, я 7; люблю, он, хороший 6; хорошая 5; лучшая, мы, самая 4; лучший, молодец, умный 3; бог, буква, десантник, добрый, друг, есть, живу, жизнь, и всё, индивидуальность, король, красавица, крут, я, кто, курсант, лучшие всех, любимая, мама, пришёл, сам, сок, такая, умная 2.

Как мы видим, ассоциативное значение слова **Я** изменилось, и это изменение есть изменение прежде всего значимости отдельных его элементов, таких, как человек, личность и ты и др. Ты с первой позиции переместилось на четвёртую, потеряв

Уфимцева Наталья Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН. E-mail: nufimtseva@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке грантов: НШ-5740.2014.6; РГНФ № 12-04-12059в.

¹ Тарасов 1996, 2004.

² Караулов, Черкасова, Уфимцева, Сорокин, Тарасов 2002.

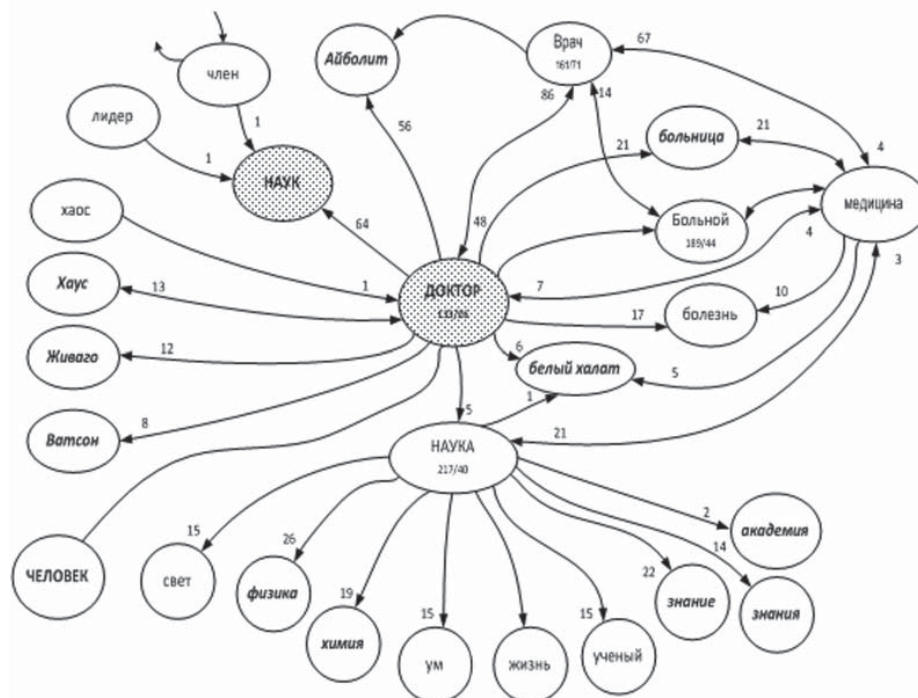
в частотности (с 77 в РАС до 13 в РАС 2), а слово-реакция *личность* повысило свой ранг, переместившись с шестой позиции на вторую, и удвоило свою частоту (с 16 до 33).

Посмотрим, связаны ли эти изменения в структуре ассоциативного значения слова-стимула Я с его позицией в ядре языкового сознания носителей русской культуры. Рассмотрим часть ядра, условно названную нами «Персоналии».

Русские (РАС)			Русские (РАС 21) ³		
1	человек	1404	1	человек	510
9,5	друг	565	8	друг	244
9,5	дурак	565	10	я	216
12,5	мужчина	438	15	мужчина	182
19	ребенок	413	19,5	ребенок	172
27	парень	368	28	парень	160
36	я	347	35,5	люди	147
42	женщина	321	42,5	дурак	132
46,6	мальчик	308	56	враг	120
49	девушка	302	66	мальчик	114
50	мужик	301	70	студент	111
62	муж	272	70	народ	111
71,5	он	258	75,5	девушка	108

Как мы видим, изменения, которые произошли в структуре ассоциативного поля слова-стимула **Я**, не случайны, и являются отражением тех изменений, которые произошли в структуре самого ядра языкового сознания носителей русской культуры за последние 10–12 лет. Ранг **Я** изменился с 36-го в РАС на 10-й в РАС 2, следовательно, его значимость повысилась и, скорее всего, это связано с повышением ценности личности в картине мира современных носителей русской культуры. Эти изменения не зависят от языка, они с помощью языка лишь фиксируются.

Рассмотрим ещё один пример — ассоциативное поле (АП) слова-стимула **ДОКТОР**, представленное в виде отдельного графа. Как мы видим, в АП выделяются два крупных фрагмента, соответствующих определённым значениям: доктор — 1) врач (медицина), 2) человек, занимающийся наукой и наука, её конкретные области и её атрибуты. Опираясь на указанные частоты слов-реакций, можно определить значимость того или иного значения в пределах ассоциативного поля для носителя языка.

³ Цифра перед словом указывает на его ранг в ядре языкового сознания, цифра после — на количество разных слов, с которыми оно связано во всей ассоциативно-вербальной сети.

Необходимость и важность для современной лингвистики изучения именно целостной языковой картины мира, по мнению В. М. Алпатов, вытекает из того, что «если сравнение языков на этапе их становления — это типология, то сравнение языков на этапе их совершенствования — это прежде всего сопоставление их “мировидений”, картин мира, создаваемых с помощью языков»⁴. С большой ясностью на это указывал ещё В. фон Гумбольдт, который писал, что различие между языками «есть не различие звучаний и знаков, но различие самих картин мира. В этом содержится причина и последний смысл всякого изучения языка»⁵. Следовательно, мы изучаем язык для того, чтобы понять и описать ту картину мира, средством овнешнения которой он служит.

Почему именно свободный ассоциативный эксперимент выбран в качестве метода получения материала для построения модели языковой картины мира носителя языка (русского или любого другого)? Дело в том, что традиционные лингвистические словари, которые также можно рассматривать как отражение языковой картины мира носителя того или иного языка, как правило, являются результатом рефлексии лингвиста над своим языковым сознанием, в результате чего лингвист, по мнению Р. М. Фрумкиной, «наделяет других носителей языка “языковым сознанием”, не слишком отличающимся от своего»⁶. Однако «наивная» языковая картина мира зачастую сильно отличается от результатов, получаемых лингвистом, что нам и демонстрируют материалы массовых ассоциативных экспериментов.

Следовательно, Русский ассоциативный словарь — это такая модель языковой картины мира, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями (вербальными и невербальными значениями) о культуре, в результате которого у потребителя словаря формируется представление о фрагменте картины мира определённой культуры. Одновременно Русский ассоциативный словарь является отображением уникальных моделирующих способностей вербальной памяти «усреднённого» носителя языка, принадлежащего к определённому поколению, и моделью знаковой языковой системы, указывающей на образы сознания коммуникантов, — образы, достаточные для взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М. 2001: История лингвистических учений. М.
 Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. 2002: Русский ассоциативный словарь. Т. 1–2. М.
 Лобанова Л. П. 2013: Концепция языковой картины мира и её истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. М.
 Лосев А. Ф. 2004: Введение в общую теорию языковых моделей. М.
 Тарасов Е. Ф. 1996: Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Н. В. Уфимцева (ред.). М., 7–22.
 Тарасов Е. Ф. 2004: Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2, 34–47.
 Фрумкина Р. М. 1983: Психолингвистические методы изучения семантики // Психолингвистические проблемы семантики / А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович (ред.). М., 46–96.
 Humboldt W. von 1963: Ueber das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung (1820) // Wilhelm von Humboldt. Werke: in 5 B. / A. Flitner, K. Geil (hrsg.). B. 3. Darmstadt, 1–25.

RUSSIAN ASSOCIATIVE DICTIONARY AS A SOURCE OF RUSSIAN LANGUAGE WORLD PICTURE STUDY

N. V. Ufimtseva

The article is devoted to the psycholinguistic approach to the language world picture description. Verbal associative network of the Russian language, based on the mass associative experiment materials is considered as a model of the world picture by a “naive” native speaker.

Key words: language world picture, model, associative experiment, verbal associative network, Russian associative dictionary

© 2014

Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СЛОВАРЬ КОРПОРАЦИИ

В статье рассматриваются структура и содержание тематического лингвокультурного словаря, отображающего философию организации, дефиницию ключевых терминов, речевое наполнение типичных ситуаций и этикетные формулы, рекомендуемые к использованию в профессиональном общении.

Ключевые слова: профессиональное общение, философия организации, лингвокультурный словарь, корпоративная культура, этикетные формулы

⁴ Алпатов 2001, 66.

⁵ Humboldt W. von 1963, 19–20. Цитируется по: Лобанова 2013, 173.

⁶ Фрумкина 1983, 65.

Харченко Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета. E-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

Шкатова Людмила Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета. E-mail: labcsu@yandex.ru

Современные рыночные отношения требуют от участников бизнес-процессов чёткой идентификации. Особенно важной становится эта задача для организаций, предлагающих товары или услуги. В погоне за узнаваемостью корпорации участвуют в шоу-проектах, создают положительный образ в средствах массовой коммуникации, пытаются всеми путями завоевать лояльность клиентов. Можно отметить, что чаще сознательно формируются информационные потоки с внешними клиентами, делаются попытки включения потребителя в деятельность фирмы (использование CRM-систем для сбора, анализа и предоставления информации о потребителях для поддержания эффективного взаимодействия).

Любая корпорация (объединение) обладает своей культурой, которая имеет системную организацию, позволяющую формировать особый образ мира для членов этой организации. Именно системность культуры позволяет чётко разделять на своих и чужих, поскольку даже знание отдельных элементов не даёт общую картину мира, закреплённую в культуре. В данной статье мы остановимся на участии филологов в формировании корпоративной культуры коммерческих фирм.

Многолетнее сотрудничество с различными организациями по обучению персонала культуре профессионального общения привело нас к мысли о необходимости лексикографического описания наиболее значимого для сотрудников материала¹. Продолжение работы в этом русле выявило необходимость создания нового по качеству текста, который представляет собой некую разновидность толкового словаря и своеобразного разговорника, отражающего системность корпоративной культуры.

В каждой организации у персонала есть своё видение, т.е. идеал, представляющий или отражающий общие ценности, к которым должна стремиться компания. Для руководства также важно донести свои взгляды до каждого работника. Даунлинг Грэм пишет о зарубежных фирмах: «В некоторых организациях видение и миссия излагаются в едином официальном документе. Он может называться «Изложение видения», «Заявление о целях и задачах», «Изложение миссии», «Кredo или Хартия». Выбор названия не имеет реального значения — это выражение эмоционального настроя, а в некоторых случаях, что важно, дань традиции»².

Согласимся с тем, что выбор названия не столь значим, однако форма представления материала существенна. Как известно, словарь — это вселенная в алфавитном порядке. Упорядоченный материал языковой среды корпорации может достаточно полно отразить картину мира сотрудников и дать чёткое представление о корпоративном видении, породить чувство причастности к происходящему в организации, воспитать у сотрудников более ответственное отношение к своей работе, повлиять на имидж компании. В процессе работы были апробированы разные варианты подачи материала, которые оставались в организациях для критического использования и дальнейшего пополнения. Так, для сотрудников «Арбат Престижа» мы сформировали рабочую тетрадь, состоящую из нескольких разделов. Основными были разделы, посвящённые созданию сети магазинов этой фирмы, философии организации, истории и особенностям челябинского магазина, фирменному стилю одежды и речевого поведения.

Продемонстрируем содержание лингвокультурного словаря на примере разработки для челябинского магазина женской одежды «БОН». Словарь тематический. **Первый раздел** включает философию организации в виде словарных статей. Например,

МИССИЯ — это выраженное в краткой форме предназначение организации. Миссия нашей компании: «Удовлетворение запросов потребителей путём предоставления качественных услуг по продаже женской одежды».

Второй раздел — терминологический. В нём помещаются дефиниции ключевых терминов, используемых в организации. Например,

КЛИЕНТ — постоянный покупатель, ориентированный на нашу фирму. Клиенты при обращении к нам проходят несколько стадий:

з р и т е л ь — тот, кто случайно оказался в нашем магазине и не предполагает сделать покупку;

п о с е т и т е л ь — тот, кто сознательно зашёл в магазин с целью сравнить его с аналогичными;

п о к у п а т е л ь — тот, кто намеревается произвести или производит покупку;

к л и е н т — тот, кто постоянно делает покупки в нашем магазине;

а г е н т (приверженец) — человек, не только предпочитающий делать покупки именно в нашем магазине, но и пропагандирующий его услуги.

Третья часть тематического словаря содержит речевые формулы, предпочтительные для представителей данной корпорации в типичных ситуациях общения с потребителями. Например,

Привлечение внимания (если потенциальный покупатель проходит мимо изделий, особо не останавливаясь, или разглядывает товар, не задерживая ни на чём внимания):

Вы, вероятно, ищете классическую (авангардную, самую новую...) модель?

Вам показать новые поступления?

Что бы Вы хотели посмотреть?

Какие товары Вас интересуют?

На что бы Вы хотели взглянуть повнимательнее?

Что-то привлекло Ваше внимание?

Речевая поддержка (если покупательница начинает примерять изделие)

Вы не хотите примерить что-либо ещё? Мы посмотрим, какое лучше на Вас сидит.

У нас есть разные цвета (модели), я могу Вам их показать.

Обратите внимание на..., это самая модная деталь в этом сезоне.

Мне тоже очень нравится эта модель...

Эта модель пользуется большим спросом.

Такие вещи выбирают элегантные женщины...

На Вашей фигуре это изделие смотрится просто великолепно.

На Вас вещь приобрела новый вид.

На плечиках и на человеке изделия смотрятся совсем по-разному. Давайте примерим, и Вы убедитесь в этом.

¹ Харченко, Шкатова 2011.

² Грэм 2003, 81–82.

Четвёртый раздел содержит формулы профессионального речевого этикета. Например,

Приветствие

Нейтральной формой приветствия является *Здравствуйте!*, произнесённое тёплым тоном, с улыбкой, с приостановкой на расстоянии примерно двух вытянутых рук. Установку на доброжелательность подчёркивают фразы *Доброе утро!*, *Добрый день!*, *Добрый вечер!*, обращённые к конкретному человеку. Слова *Добро пожаловать!* сопровождаются жестом приглашения в салон.

Рекомендуется фирменное обращение *Мы рады Вас видеть в нашем магазине!* Приветствуется обращение к клиентам по имени-отчеству: *Здравствуйте, Елена Владимировна! Мы рады снова видеть Вас!* Не рекомендуется обращаться к посетителям со словами *Приветствую Вас!*, которые выражают более высокое ролевое положение говорящего.

Извинение

Нейтральная форма извинения — *Извините, пожалуйста!* Официальные формы — *Простите за... Прошу прощения, Позвольте извиниться за... Личностные формы — Я должна извиниться, Я хочу просить у Вас прощения, Мне не хотелось Вас обидеть, Я виновата перед Вами, Боюсь, что я утомила Вас, Я причинила Вам столько хлопот!*

Фирменная фраза *Простите великодушно!* Даже если Вы не чувствуете себя виноватой, лучше извиниться: Вы профессионал. Не рекомендуются длинные витиеватые фразы типа *Я не могу не принести Вам свои (глубокие) извинения* или просьбы *Позвольте мне извиниться, Разрешите мне просить у Вас прощения за... Если можете, не сердитесь, Не обижайтесь, пожалуйста, на меня.*

В случае, если Вы принимаете извинения от посетителя, нужно использовать следующие фразы: *Не стоит извинения!, Ничего страшного!, Ну что Вы! Это пустяки!, Какая мелочь! Не стоит об этом и говорить!* Фирменная фраза — *Я уже забыла об этом (эпизоде).*

Функции словарей подобного типа заключаются в формировании корпоративной культуры, закреплении фирменного стиля и оптимизации включения в социальный капитал организации новых сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

Грэм Д. 2003: Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности. М.
Харченко Е. В., Шкатова Л. А. 2011: Словарь устойчивых речевых формул как компонент культуры организации // ПИФК. 3 (33). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 115–119.

LINGUISTIC-CULTURAL DICTIONARY OF CORPORATION

E. V. Kharchenko, L. A. Shkatova

The article considers the structure and content of linguistic-cultural topical glossary, reflecting the philosophy of the organization, definition of key terms, verbal message of typical situations and etiquette formula recommended for professional communication.

Key words: professional communication, philosophy of the organization, linguistic-cultural dictionary, corporate culture, etiquette formula

© 2014

С. И. Шумарин

СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ АББРЕВИАТУР: ЛИНГВОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В процессе функционирования аббревиатуры могут приобретать различные культурные коннотации, которые необходимо учитывать при лексикографическом их описании.

Ключевые слова: аббревиатура, толковые словари, словари сокращений, культурные коннотации

В современной лексикографической практике накоплен значительный опыт описания аббревиатур как в толковых словарях, так и — в большей степени — в специальных словарях сокращений. Однако в настоящее время аббревиатуры переживают период стремительных перемен: происходит активизация исконных и заимствованных аббревиатур в разных сферах человеческой деятельности, расширяется их употребление не только в письменной, но и в устной речи, в интернет-коммуникации; в сфере аббревиации происходят многочисленные семантические преобразования; расширяются словообразовательные возможности аббревиатур¹. Всё это делает актуальной новую лексикографическую задачу — создание многоаспектного словаря аббревиатур и отаббревиатурных дериватов², содержащего информацию об их структурных, семантических особенностях, словообразовательных возможностях, парадигматических и синтагматических отношениях внутри словообразовательных гнезд, прагматических свойствах и культурных коннотациях.

Одним из важных аспектов лексикографического описания слова, в том числе и аббревиатуры, является культуроведческий аспект, суть которого заключается в выявлении особых культурных коннотаций (культурных сем; фоновых элементов) в семантике аббревиатуры.

Шумарин Сергей Иванович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Балашовского института (филиал Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского). E-mail: sshumarin@yandex.ru

¹ См. подробнее: Шумарин 2011б.

² Шумарин 2011а, 94–96.

Развитие культурных коннотаций характерно, в первую очередь, для аббревиатур, которые выступают в роли «ключевых слов эпохи» или «ключевых слов текущего момента», обозначающих наиболее важные для общественно-политической и социально-экономической жизни страны реалии и понятия. И чем более значимо явление, обозначаемое аббревиатурой, тем более богатые коннотации она приобретает, независимо от того, в течение какого промежутка времени сохраняется её актуальность или онтологическая ценность.

Рассмотрим в качестве примера сокращение *шкрав* (*школьный работник*) и некоторые его производные.

Появившись в 20-е гг. XX в., слово *шкрав* получило свою первую лексикографическую фиксацию с пометой *устар.* только в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка». К. И. Чуковский приводит отрывок из воспоминаний Народного комиссара просвещения А. В. Луначарского о том, как он прочитал В. И. Ленину телеграмму о тяжёлом положении учительства в северо-западных губерниях: «Телеграмма начиналась так: “*Шкрабы* голодают”. — Кто? Кто? — спросил Ленин. — *Шкрабы*, — отвечал я ему, — это новое обозначение для школьных работников. С величайшим неудовольствием он ответил мне: — Я думал, что какие-нибудь крабы в каком-нибудь аквариуме. Что за безобразия назвать таким отвратительным словом учителя!» (К. И. Чуковский. Живой как жизнь. 1962. НКРЯ³). В 1924 г. слово *шкрав* приказом Наркомпроса было официально запрещено. Однако, несмотря на запрещение, оно, по свидетельству А. С. Макаренко, ещё долгое время бытовало в разговорной речи «как прозвище, порой насмешливое и даже унижительное»⁴.

Неблагозвучное («шершавое», по определению К. И. Чуковского) звуко сочетание *шкр* в начале слова также повлияло на отрицательное отношение к этому сокращению, постепенно превратившемуся в некий символ всей системы образования в целом и приобретшему негативную оценочность. Ср.: *А шкрав? И звучит-то даже не по-человечески, а напоминает какое-то животное, не то ползающее по земле, не то живущее в воде* (А. Успенский. Переподготовка. 1920–1929. НКРЯ); *... со школьными учителями повезло. Они были ещё дореволюционной выучки, не шкрабы, а настоящие педагоги* (З. Масленникова. Разговоры с Пастернаком. 2001. НКРЯ). И ещё одно интересное свидетельство, дающее представление о национально-культурном своеобразии обозначаемой реалии: *Шкрабы бывали двух типов — сельские и городские. Различие между ними состояло в том, что одним давали капусту, а другим нет. Пришвин был шкравом сельским, и ему овощи не полагался, так что на пропитание он должен был зарабатывать сам* (А. Варламов. Пришвин, или Гений жизни. 2002. НКРЯ).

В ироническом смысле слово *шкрав* употребляется и в речи современных педагогов. Так, например, учительница одной из московских школ, делясь опытом организации коллективных экскурсий-путешествий, рассказывает, что организаторы экскурсий разработали своего рода «Соглашение», составленное в шуточной форме и начинающееся следующим образом: «Мы, нижеподписавшиеся, учителя “Школы Сотрудничества”, с одной стороны, именуемые в дальнейшем ШКРАБЫ (школьные работники — читай классику!), и учащиеся, именуемые в дальнейшем УЧЕНИКИ, с другой стороны, заключили СОГЛАШЕНИЕ...»⁵. Н. Еськова в связи с этим предлагает включить это слово в современные толковые словари не с пометой «устаревшее», а с пометой «ироническое»⁶.

Так же, как и существительные муж. рода, называющие лиц по роду деятельности, слово *шкрав* послужило производящей базой для соответствующего наименования лица женского пола с модификационным суффиксом *-их* разговорного характера — *шкрабиха*. В современной, преимущественно разговорной, речи слово *шкрабиха* употребляется чаще всего с отрицательной оценочностью. Ср., например, употребление этого слова на разных интернет-форумах, в чатах и т.п.: *Карелия Александровна преподавала музыку в начальных классах, и очень сильно выделялась на фоне совдеповских шкрабих — аристократическая осанка, литературная русская речь, чинная походка и милостивая улыбка; Общаюсь с ними и понимаю, что типаж шкрабихи времён моего ученичества, отчаянно невротизирующейся на серёжки-заколочки-рубашку-не-по-уставу, он — вечен.*

И ещё одно производное — существительное *шкрабиловка*. Н. Огнев в «Дневнике Кости Рябцева» поясняет значение этого слова: *Теперь пойдёт канитель. Вяжется учком, потом шкрабиловка (общее собрание шкрабов), потом школьный совет.* Для современного употребления это значение является неактуальным, хотя так называется, например, один из тегов на Livejournal, где учителя, работники образования обсуждают вопросы, связанные с преподаванием, организацией учебного процесса. Чаще всего слово *шкрабиловка* употребляется как негативное окрашенное название законченной системы образования, не восприимчивой ни к чему новому, например, на Интернет-форумах: *Гордитесь собой, реформаторы от образования, сознание «шкрабов», запертых в своей «шкрабиловке», не критично воспринимает всю околесницу, которую вы несёте в учительские массы; При этом не менее чётко я понимаю, что в обычной среднестатистической школе с стандартной школьной шкрабиловкой и отношениями между людьми (и с учителями, и с детьми) я работать просто не смогу.*

В художественной литературе 2-й половины XX в. встречаются и другие производные, более позднего образования, не зафиксированные в источниках 20–30-х гг.: *шкрабский* — в значении ‘свойственный тому, кто назван мотивирующим словом’. Ср.: *Алёшка — это было сплошное везение и удача, несмотря на глупость и шкрабскую манеру излагать чужие мысли* (В. Корнилов. Демобилизация. 1969–1971. НКРЯ); *Оля, что нужно сказать дяде? — ровным шкрабским голосом спросила Анна Моисеевна* (А. Рыбаков. Тяжёлый песок. 1975–1977. НКРЯ). В романе В. Корнилова «Демобилизация» употребляются и такие дериваты, как *шкрабство* в значении ‘свойство, качество, присущее чему-л., кому-л.’ (*Но всё равно это не наука, а шкрабство*) и *шкрабничать* в значении ‘работать учителем, преподавать’ (*Будущего у меня нет. Ещё спасибо, что досталась эта халабуда, а то бы вообще в общежитии замерзай, и тогда уж точно устраивайся на завод или стройку или уезжай в Тмутаракань шкрабничать семиклассникам абортированную, никому не нужную историю*).

Культурные коннотации могут актуализироваться в оценочных характеристиках аббревиатур, в метаязыковых комментариях носителей языка. Часто оценочные суждения по поводу аббревиатур отражают отношение говорящих к реалиям, обозначаемым этими аббревиатурами, причём чаще всего такие оценки носят негативный характер⁷: *Страшная аббреви-*

³ Примеры с пометой НКРЯ получены из Национального корпуса русского языка.

⁴ Макаренко 1988, 89.

⁵ Афанасьева 2004.

⁶ Еськова 2001.

⁷ Шумарин, Шумарина 2012, 154–167.

*атура ЕГЭ каждую весну с завидным постоянством оккупирует заголовки новостей*⁸. Аббревиатура может оцениваться также с точки зрения неблагозвучия: *Как «экспериментальная площадка» может «отчитаться», знают, наверное, только в институте переподготовки учителей с жуткой аббревиатурой ГАОУ ДПО «СарИПКиПРО»*⁹; может отмечаться «модный» характер аббревиатуры: *В последнее время модной аббревиатурой в политической тусовке России стало ЕЭП (единое экономическое пространство). Им щеголяют так же, как раньше словом «ВТО»*¹⁰ и т.п.

В качестве своеобразного «наивного» культуроведческого комментария к аббревиатуре можно рассматривать и некоторые неконвенциональные расшифровки аббревиатур (дезаббревиацию) — в тех случаях, когда эти расшифровки мотивированы оценкой означаемого аббревиатуры: *ВДВ — Военно-воздушные войска и «Войска Дяди Васи»* (в честь одного из основателей ВДВ генерала армии Василия Маргелова), *ВТО — Всемирная торговая организация и «Вас тут обманут», «Все Трудящиеся Ограблены»* и т.п.

Подобные коннотативные элементы значения аббревиатур не зафиксированы в современных толковых словарях или словарях сокращений, в то время как они содержат важную культурно-историческую информацию о реалиях прошлого и современности; в них отражается взаимосвязь фактов языка и истории, языка и культуры народа; они являются составной частью аксиосферы культуры, выражающей «коллективные этноспецифические оценочные суждения»¹¹. Именно поэтому они заслуживают специального изучения и включения в словарные описания аббревиатур.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьева Е.* 2004: Записки классного руководителя. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.1september.ru/2004/24/ras2.htm>.
- Еськова Н.* 2001: Причуды словарной фиксации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/5336/>.
- Ефимова Н.Н.* 2007: Соотнесение аксиологических параметров культур как условие адекватной межкультурной коммуникации // Основные направления разработки моделей межкультурных компетенций для языков СНГ / Г.Б. Воронина, Е.В. Александрова, Г.М. Фадеева, И.В. Космарская (ред.). М., 34.
- Макаренко А.С.* 1988: Марш тридцатого года. М. Национальный корпус русского языка: сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorp.org.ru/>.
- Огнев Н.* Дневник Кости Рябцева. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/213962/read>.
- Шумарин С.И.* 2011а: Лексикографическое представление семантических и деривационных процессов в сфере аббревиации // ПИФК. 3 (33), 94–96.
- Шумарин С.И.* 2011б: Новые тенденции в аббревиации // Русский язык в школе. 6, 85–91.
- Шумарин С.И., Шумарина М.Р.* 2012: Аббревиатуры в обыденном сознании (опыт реконструкции «наивных» метаязыковых представлений) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. IV / Н.Д. Голев (ред.). Кемерово, 154–167.

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF ABBREVIATIONS:
LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL ASPECT

S. I. Shumarin

While functioning abbreviations may acquire cultural connotations which should be considered in lexicographical description of abbreviations.

Key words: abbreviations, dictionaries, dictionaries of abbreviations, cultural connotation

⁸ Радио «Эхо Москвы в Санкт-Петербурге». 08.07.2013.

⁹ Новая версия. 13.04.2012.

¹⁰ Политический журнал. 36. 2004.

¹¹ Ефимова 2007, 34.

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА В ПАРЕМИОГРАФИИ И КРЫЛАТОГРАФИИ

© 2014

О. П. Альдингер

СОПОСТАВЛЕНИЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ СБОРНИКОВ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК XVII–XIX ВВ. КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА РУССКОЙ ФРАЗЕОНОМАСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена описанию типов имён собственных, зафиксированных в сборниках пословиц и поговорок XVII — первой половины XIX в. Статистический анализ употребления онимов разных разрядов в составе паремий является одним из способов выявления приоритетов в мировоззрении и жизни носителей языка.

Ключевые слова: оним, имя собственное, пословицы и поговорки, ассоциативно-культурный фон, лингвокультурология

Одним из ведущих направлений современной лингвистики является изучение и описание языковой картины мира (КМ). В трансляции мировосприятия народа особую роль играет фразеология, так как в образном содержании её единиц воплощено культурно-национальное мировидение¹. Вследствие этого можно говорить о *фразеологической КМ*, которую образует совокупность фразеологических единиц (ФЕ) определённого языка.

Фразеологизмы — одна из самых древних форм устного народного творчества, и наряду с ФЕ, появившимися сравнительно недавно, в языке активно функционируют выражения, сформировавшиеся столетия назад и отразившие факты народной жизни предыдущих эпох. Точно определить происхождение фразеологизмов можно крайне редко. Фиксация ФЕ в сборнике пословиц и поговорок или словаре (вслед за Н. М. Шанским мы относим паремии к фразеологическим выражениям²) указывает не на время появления, а на существование её в языке в данную эпоху. Таким образом, исследование фразеологической КМ является шагом в описании мировоззрения определённой языковой общности, которое складывалось на протяжении многих веков.

Многие ФЕ содержат в своём составе имена собственные, обладающие богатым ассоциативно-культурным фоном, под которым понимается сопутствующая информация, не входящая в непосредственное содержание слова³. Так, поговорка *Бородка Минина, а совесть глиняна* содержит не только нравственную оценку человека, но и информацию о видном историческом деятеле Кузьме Минине, выражение отношения к нему простого народа.

Специфику функционирования онима в составе фразеологизма составляет совмещение ономастической характеристики с характеристикой имени нарицательного, поскольку, попадая в устойчивый оборот, имя подвергается обобщению. Вследствие этого оно приобретает качественно новые свойства, дополнительные оттенки смысла и становится особым образованием. На основе взаимодействия фразеологизма с его ономастическим компонентом формируется особая единица — *фразеоним*⁴.

Описание ассоциативно-культурного фона фразеонима даёт представление о значимой части истории и культуры той или иной языковой общности, поскольку во фразеологии оставили свой след только те явления, события и лица, которые представлялись важными народу, были близки ему. Таким образом, совокупность фразеонимов формирует фрагмент русской языковой картины мира — *фразеономастическую картину мира*⁵. Важным её свойством является выражение собственно языкового и концептуального содержания в неразрывном единстве.

Одной из задач описания фразеономастической КМ может стать лингвокультурологический анализ фразеонимов, зафиксированных в сборниках пословиц и поговорок разного времени. Периодизация анализируемых источников позволит выявить особенности тех или иных этапов развития страны и общие черты менталитета, культуры русского человека.

Особое место в ряду источников русской фразеологии занимает фундаментальный труд В. И. Даля «Пословицы русского народа», так как это наиболее полное собрание русских пословиц и поговорок (более 30 тысяч единиц), в которое, по словам автора, включены только те выражения, которые употреблялись народом. Кроме того, практически все последующие составители в большей или меньшей степени опирались на собрание В. И. Даля.

Альдингер Ольга Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Смоленской государственной медицинской академии. E-mail: aldinger@mail.ru

¹ Телия 1996.

² Шанский 1985.

³ Максимчук 2002, 167.

⁴ Максимчук 2006, 86.

⁵ Максимчук 2006, 86.

Целью нашей работы является анализ состава фразеонимов сборников паремий, появившихся до «Пословиц русского народа». Все исследуемые источники можно разделить на три группы: сборники XVII, XVIII и первой половины XIX в. Кратко охарактеризуем их.

Первые сборники, дошедшие до нас, относятся к XVII — нач. XVIII в.: «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий», изданные П. Симони. Следующие собрания, оказавшиеся доступными для исследования, были созданы в XVIII в.: «Сборник пословиц Большой Петровской галереи»; «Собрание пословиц И. В. Пауса»; «Сборник пословиц В. Н. Татищева»; «Сборник пословиц А. И. Богданова» (М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков»). С начала XIX в. в России начинается активное исследование народной фразеологии, так как к этому времени пришло осознание необходимости сохранения произведений народного творчества. Выходит большое количество сборников, разных по объёму и содержанию: «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии» и «Пословицы и поговорки Нижегородской губернии» Н. А. Добролюбова, «Полное собрание русских пословиц и поговорок...» Д. Княжевича, «Русские пословицы и поговорки, собранные и объяснённые Ф. Буславым», «Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах» и «Русские народные пословицы и притчи» И. М. Снегирёва.

Сборники XVII в. включают в себя 342 выражения с фразеонимами, XVIII в. — 213, XIX в. — 1419.

Наиболее распространённые имена собственные в пословицах и поговорках — антропонимы. В народных выражениях встречаются личные имена исторических лиц (*Бог не Мануков, и без посула милует*), употребление которых строго мотивировано. Однако основное количество личных имён входят в паремии в качестве средства художественного изображения (*Упрись, Гаранька, в губернскую тащат* — аллитерация; *Добр Мартын, коли есть алтын* — рифма и т.д.).

В народных выражения в большом количестве включены топонимы, отражающие географию центральной части России — той территории, где собирались пословицы и поговорки. В паремии чаще всего получает характеристику определённая местность (*Вятка — всему богатству матка*). Географические названия могут указывать на исторические события, произошедшие на той или иной территории (*Пропал, как швед под Полтавой*), а также во многих случаях со временем приобретают переносное значение и способность обобщать (*До Москвы не перевешаешь*).

Значительную группу фразеонимов составляют религионимы. Одним из результатов влияния христианства является существование в русском языке выражений, основанных на библейских текстах. Именно благодаря хождению таких ФЕ многие библейские имена приобрели символическое значение: *По бороде Авраам, а по делам Хам*. Часть выражений связана с представлениями народа о том или ином святом (*Что у волка в зубах, то Егорий дал*). Ещё один тип религионимов — народные названия церковных праздников. Они употребляются для обозначения определённого дня в году (*У скупого и в Крещенье льду не выпросишь*); включаются в выражения-приметы (*На отданье Пасхи не плюй в окошко: нищего убьёшь*); приобретают переносное значение (*У него то Саввы, то Варвары*). Небольшую группу составляют хрематонимы (*Коротка молитва «Отче наш», да спасает*).

В собраниях XVII в. встречается большое количество ФЕ с именами персонажей Священного Писания, причём многие из них непонятны современному носителю языка: *Ависана дева Давида грела* и под. Большинство из этих выражений сохраняют ярко выраженные архаичные языковые признаки. XVII в. отличался большей религиозностью, неодобрением светской жизни, что и повлияло на составление сборников. В источниках XVIII и XIX вв. большое количество религионимов сохраняется, но основу составляют народные названия праздников, то есть со временем христианские понятия адаптируются народом к повседневной жизни, становятся частью быта.

Хрематонимы в народных выражениях обозначают предметы народного быта (*Полюби Андреевну (соху), будешь с хлебом*), архитектурные сооружения (*Кабы не кабы, так бы Ивана Великого в бутылку спрятал*). В сборники XIX в. включены также названия свода законов (*Уложение читает, а дела не знает*) и произведений литейного искусства (*Царь-колокол, Царь-пушка*).

Мифонимы в паремиях могут отражать языческие представления славян (*Пускай Кострому в Волгу*), некоторые являются плодом народной шутки (*До царя Гроха*). Отдельную группу составляют имена персонажей других жанров фольклора (*Фома не без ума, Ерёма не без промысла*).

Зоонимы включают клички сказочных персонажей и домашних животных: *Лиса Патрикеевна; Умыкали Бурку крутые горки*.

Данные определения разрядов имён собственных в составе паремий представлены ниже. Однако отметим, что из-за утраченности значения мотивирующего признака некоторые онимы остаются неидентифицированными.

Сборники Разряд ИС	XVII в.	XVIII в.	1-я пол. XIX в.	XVII в.	XVIII в.	1-я пол. XIX в.
	количество онимов			% от общего количества онимов		
Антропонимы	260	157	926	61	59	52
Топонимы	64	39	474	15	15	27
Религионимы:	93	60	277	22	23	16
Теонимы	1	2	25	0,2	0,8	1,4
Агионимы	26	9	43	6	3	2,4
Антропонимы	49	10	80	11	4	5
Хрононимы	11	35	110	3	13	6
Хрематонимы	3	2	14	0,7	0,8	0,8
Топонимы	3	2	5	0,7	0,8	0,3
Мифонимы	1	—	12	0,2	—	1,6
Хрематонимы	—	2	29	—	0,8	1,6

Сборники Разряд ИС	XVII в.	XVIII в.	1-я пол. XIX в.	XVII в.	XVIII в.	1-я пол. XIX в.
	количество онимов			% от общего количества онимов		
Зоонимы	1	2	6	0,2	0,8	0,3
Ктематонимы	–	1	–	–	0,4	0
Литературные персонажи	–	–	4	0	0	0,2
Политонимы	–	–	1	0	0	0,1
Этнонимы	–	–	2	0	0	0,1

Наиболее распространёнными являются антропонимы, топонимы и религиозные. Статистические данные показывают, что процентное соотношение этих типов имён в первых двух группах практически совпадает! Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что основные категории жизни, менталитета, нравственности русского человека на протяжении XVII–XVIII вв. существенно не менялись. Однако состав наглядно демонстрирует, что к XIX в. ситуация изменяется: вторыми по употребительности становятся географические названия, а религиозные — третьими.

В сборниках XIX в. религиозные значительно меньше. Следовательно, христианство остается одной из самых важных составляющих жизни народа, но всё же отступает на второй план. Необходимо учитывать и тот факт, что в ранние собрания составители включали книжные выражения, которых в источниках XIX в. гораздо меньше. Резкое увеличение количества топонимов, на наш взгляд, объясняется несколькими факторами. Во-первых, в XIX в. проводилась огромная работа по собиранию пословиц и поговорок, и исследователи записывали паремии в разных регионах. Это обусловило фиксацию большого количества ФЕ с топонимами, так как в каждой губернии были свои пословицы и поговорки, упоминающие местные реалии, а также присловья, характеризующие соседние города, сёла и их население. Во-вторых, в XIX в. крестьяне стали всё чаще уходить из деревни на заработки и несли свою речь в города, другие губернии, оценивали увиденное в присловьях, в свою очередь получали характеристику от местных жителей. Кроме того, как кажется, другими стали и задачи при составлении сборников.

Таким образом, состав ономастического наполнения паремий отражает приоритеты в мировоззрении народа. Самыми распространёнными являются антропонимы, поскольку человек в первую очередь обращает внимание на себя самого, и лишь потом — на окружающее. Наиболее употребительны в народных выражениях топонимы, идентифицирующие географическое пространство вокруг человека, и религиозные, свидетельствующие, что христианство прочно вошло в ежедневный народный быт. Онимы других разрядов немногочисленны, но они также отражают историю и культуру страны и вносят важное дополнение в общую картину. Необходимо также сказать, что не только ФЕ, но и собственные имена повторяются из сборника в сборник (так, только 14% онимов из источников XVII–XVIII вв. не встречаются в изданиях XIX в.). Всё это говорит о вхождении понятий, идей, которые выражаются через фразеонимы, в основу менталитета русского человека XVII — первой половины XIX в.

Анализ состава фразеонимов показывает устойчивость народного сознания на протяжении исследуемого периода: лишь то, что важно для человека, сохраняется и передаётся из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА

- Максимчук Н. А. 2002: Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: в 2 ч. Ч. 1. Смоленск.
 Максимчук Н. А. 2006: Фразеонимы в системе ономастических единиц // Русский язык в современном обществе: проблемы преподавания: сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений конф. Смоленск, 81–87.
 Телия В. Н. 1996: Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.
 Шанский Н. М. 1985: Фразеология современного русского языка. М.

COMPARISON OF THE ONOMASTIC CONTENT IN THE RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS COLLECTIONS OF THE 17th — 19th CENTURIES AS A TOOL OF RUSSIAN PHRASEONASTIC WORLDVIEW ANALYSIS

O. P. Aldinger

The article is devoted to the description of proper names types, fixed in collections of proverbs and sayings of the 17th — first half of the 19th century. Statistical analysis of different class onyms used in proverbs and sayings structure is one of the ways to identify the priorities in the outlook and lives of native speakers.

Key words: onym, proper name, proverbs and sayings, associative and cultural background, linguistic and cultural studies

© 2014

С. Л. Андреева

ОБ АВТОРСТВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ *ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ* СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье осуществляется попытка выстроить семантическую структуру многозначного фразеологизма *хрустальный дворец* и, опираясь на лингвокультурологические исследования, установить источники, авторство и примерное время появления каждого значения.

Ключевые слова: авторство, семантическая структура, лингвокультурологический подход, фразеологизм *хрустальный дворец*

Рассмотрение системы культурных ценностей, отражённых в том или ином естественном языке представляет суть лингвокультурологического анализа и позволяет решить вопрос об авторстве фразеологической единицы (ФЕ) и об особенностях её фразеографического описания.

В центре нашего внимания находится устойчивое сочетание *хрустальный дворец* (ХД), которое пока не вошло ни в известные фразеологические словари, ни в словари крылатых слов и выражений и только ждёт своего словарного описания. Мы уже посвящали значению этого оборота статью¹, придерживаясь широкого понимания объекта фразеологии и расценивая его в целом как ФЕ. Предыдущий опыт преимущественно когнитивного анализа свидетельствует, что история ФЕ ХД — это история фиксации в сознании (в рамках концепта) определённых человеческих ценностей, прежде всего, утопических, проливающая свет на источники возникновения и развития значений ФЕ. В связи с этим необходимо уточнить статус устойчивого сочетания ХД, определив его как крылатое выражение (КВ), по крайней мере, для некоторых его значений: «... крылатые выражения — это необычные языковые единицы. Обладая набором дифференциальных признаков, свойственных любой устойчивой раздельнооформленной языковой единице, они отличаются от “безмянных” языковых единиц своеобразным семантическим “довеском”: их значения “отягощены”, “чреватые” генетической памятью об авторах, их создавших, произведённых, из которых они вычленились, или исторических событиях, послуживших почвой для их возникновения»².

Сразу заметим, что в основе данного КВ лежит совершенно уникальный образ ХД, заложивший архетипическую основу соответствующего концепта. Образ ХД давно известен мировой культуре и относится к разряду «бродячих». «Всплески активности» образа-основы, которые наблюдались в течение его многовекового существования, и различные способы его объективации породили в итоге семантическую многоплановость оборота ХД. Лингвокультурологический и когнитивный анализ показали, как факты реальной действительности (горы, облака, лёд, постройки и т.п.) благодаря художественному мышлению то превращались в художественный образ, то художественный образ превращался в символ, то религиозно-мифологические представления о ХД находили в материальных объектах своё воплощение, превращая объекты реального мира в аллегории, то, наоборот, объекты реального мира находили себе архетипическую идею, становясь символом чего-то «главного», «глубинного», «абсолютного» в человеческой жизни. Вскрытые культурные пласты помогли понять не только, как развивается полисемия, но и как различные источники, питавшие эти значения, умещаются и сосуществуют в рамках одной ФЕ. Среди семантических вариантов ФЕ можно обнаружить как факты заимствования, так и факты, относящиеся к собственно русской семантической деривации. Структура семантики оборота ХД сложилась по типу радиально-цепочечной полисемии и напоминает фрагмент сети, состоящий из нескольких узлов, где возможен ассоциативный переход от одного узла к другому.

В русском языке свободное сочетание *хрустальный дворец* (и все его варианты) как знак первичной номинации без всяких признаков языковой устойчивости используется только в фольклорно-мифологических текстах, поскольку реально дворец, полностью построенный из хрустала, никогда не существовал. Для всех языков, зафиксировавших в фольклорных и/или мифологических текстах «бродячий» образ высокого здания, построенного волшебным образом из хрустала (или другого прозрачного сверкающего материала) для бога/-ов или избранного/-ых, фразеологизация оборота ХД (если она наблюдалась) началась с тиражирования этого художественного образа, который стал постепенно символом в самой фольклорно-мифологической среде. Хрустальный замок/дом/дворец, в котором живёт колдун/колдунья, или сидит в заточении царевна, или который выстраивается за ночь хитроумной Василисой Премудрой и т.п., встречается во многих русских сказках. Хрустальные дворцы появляются также и в авторских сказках, к примеру: в «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина, в новых сказках (в сказке для взрослых Л. Петрушевской «Маленькая волшебница» 1996 г.), в мультфильмах (не только российских). Это свидетельствует о закреплении за словосочетанием ХД значения № 1 ‘волшебный, сказочный дворец, сделанный из хрустала, скрытый за горами, за лесами’. Примеры использования можно встретить в текстах, использующих сказочные образы: *Будем думать, что в хрустальный // Ты дворец заключена, // Что тебя я похищаю // От седого колдуна...³; Хрустальный замок до небес, // Вокруг стоит дремучий лес, // Кто в этот замок попал, // Назад дорожку забывал⁴*. Данное значение можно признать интернациональным, восходящим к достаточно древнему «бродячему образу», встречающемуся не только в славянской, но и в германской, кельтской, античной, иранской, индийской, китайской и других фольклорно-мифологических системах. Далее можно проследить несколько линий развития значения сочетания ХД, берущих своё начало от интернационального значения № 1.

Активная фразеологизация оборота ХД в русском языке и развитие структуры его значения начались в 1851 г. благодаря событию мирового масштаба — открытию Всемирной промышленной выставки в Лондоне. Здание, в котором размещались её экспонаты, получило название «Crystal Palace» (‘Хрустальный дворец’). Развитие соответствующего значения ФЕ ХД и производных от него началось с восторженных отзывов славянофилов А. Хомякова и А. Кошелева: «Наружный вид этого

Андреева Светлана Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры документоведения и архивоведения Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: 216zamsv@mail.ru

¹ Андреева 2010.

² Шулежкова 2002, 31.

³ Плещеев 1857.

⁴ Абельмас 2005 (сост.).

здания поражает своею огромностью, простотою и изящностью. Смотришь и не можешь дать себе отчёта в том, что видишь... Не во сне ли я это всё вижу? Не сказку ли читаю?»⁵

Английское название *Crystal Palace* было дано дворцу еще в период постройки здания ироничным журналистом из лондонского сатирического журнала «Панч» (Punch). С. Чернов в своёмopusе, посвящённом истории создания Хрустального дворца, пишет: «2 ноября журналист Дуглас Джерролд саркастически отозвался в «Панче» о строящемся выставочном павильоне: «Он похож на какой-то Хрустальный дворец». Прозвище публике понравилось и тотчас прилипло к творению Пакстона, быстро потеряв иронический оттенок»⁶. Высказывание русского славянофила А. Кошелева и английского журналиста Дугласа Джерролда, как и многих других их современников, указывает на источник метафоры — сказку, т.е. фольклорно-мифологическую основу. Итак, вторичная номинация как онимизация появляется для *Crystal Palace* на основе метафорического переноса наименования с вымышленного материального объекта на реальное конкретное архитектурное сооружение из стекла и металла — павильон Всемирной выставки (1851–1936) в Лондоне. Отметим его как значение № 2. Переход в имя собственное привёл к потере формы множественного числа и появлению сочетаемости, типичной для собственных наименований, а также способствовал появлению устойчивости и воспроизводимости сочетания. Русским языком данное значение заимствовано, хотя вообще онимизация сочетания ХД является далеко не только английским явлением: сказочно-мифологический образ обеспечивает метафорический перенос и использование сочетания *хрустальный дворец* в качестве оного для наименования карстовых пещер, например, в Китае или Испании; шахмат; украшений; балета; отделочных материалов и т.п.

В русском языке имя собственное *Хрустальный дворец* в значении № 2 является калькой с английского *Crystal Palace* и появилось в русской публицистике (в газетах и журналах «Современник», «Сын отечества») в том же 1851 г. Первоначально его перевели как *Кристаллическая палата*⁷, но затем использовали в двух равноправных вариантах *Кристаллический и Хрустальный дворцы*. Сегодня мы встречаем его только в варианте *Хрустальный дворец*: *Просматривая архитектурные сайты и листовые журналы, регулярно обнаруживаешь сообщения о новых видах стекла и прозрачных конструкций. Будто и сегодня, спустя более чем 150 лет после постройки Хрустального дворца, эра стекла только начинается*⁸.

Далее эта цепь семантической деривации в русском языке фиксирует новое значение сочетания ХД: «огромное высотное здание из стекла и металла» (значение № 3). В этом отчасти терминологическом значении сочетание используется в среде архитекторов и употребляется в форме как ед. ч., так и мн. ч., а синонимом его иногда выступает термин «хай-тек»⁹ (англ. hi-tech, от high technology — высокие технологии): *Под «хрустальными дворцами» в России мы подразумеваем здания, принадлежащие к группе подобных сооружений из металла и стекла. Это могут быть крупные оранжереи с репрезентативными функциями, а также выставочные павильоны*¹⁰. Возникновение такого значения спровоцировано лавинообразным появлением (начиная с 1851 г.) огромного числа архитектурных проектов (домов, дворцов, городов и т.п.) из стекла и металла.

От значения № 3 образовалось другое значение: «стеклянные корпуса, здания каких-л. организаций» (значение № 4). Оно возникло как конструктивно-ограниченное при регулярном сочетании с формой вин. падежа существительных, т.е. *хрустальные дворцы* (чего-л.), например: *Хрустальные дворцы офисов и торговых центров, музеев и театров, домов и квартир к нашему времени заполнили, кажется, уже весь мир, кроме самых беспокойных его уголков*¹¹. Анализ функционирования сочетания ХД в архитектурной среде в качестве термина позволяет говорить, что эта ветвь семантической деривации может быть продолжена. Есть попытки называть ХД стройматериалы, создающие иллюзию прозрачности.

Значение № 2 стало источником для другой деривационной ветки в семантике ФЕ ХД. Производным от него следует считать значение «воплощение мечты человечества о гармоничной, абсолютно счастливой жизни всех людей» (значение № 5): *В будущем начинал грезиться вполне конкретный «Город солнца», хрустальный дворец и всеобщее благоденствие*¹². Л. Гроссман определяет содержание ФЕ ХД в творчестве Ф. М. Достоевского как «идеальное общежитие для человечества»¹³. Можно сказать, что это значение появилось почти одновременно вместе со значением № 2. Дело в том, что PR-кампания, развернутая устроителями выставки, представляла экспонаты и сам павильон как чудо, совершенное человеческим разумом, как долгожданное воплощение мечты. Позже стеклянные здания превратились в обязательный атрибут социальных утопий. Это значение следует считать заимствованным: образ *Crystal Palace*, трансформированный в образ стеклянно-чугунного дома, был перенесён в роман-утопию «Что делать?» Н. Г. Чернышевским, побывавшим в Лондоне и вдохновлённым достижениями разума и английского прагматизма. Но устойчивость ФЕ ХД в этом значении получила в произведениях Ф. М. Достоевского.

Далеко не все восприняли с энтузиазмом английскую идею постройки стеклянного Рая на земле, поэтому один и тот же объект (павильон) для одних был символом Будущего, для других (например, того же Ф. М. Достоевского) — декорацией, ложным божком. Негативные оценки самой идеи рукотворного рая на земле сформировали от значения № 5 значение № 6 с отрицательной коннотацией: «имитация земного рая, счастливой жизни для всех людей, ограничивающая и подавляющая их личность; ложный идеал»: *Вечность, бессмертие — уникальное оружие против земного рая. С помощью них может быть разрушен «хрустальный дворец», в котором всё от времени, а сам он всего лишь задержка времени, остановка, бегство от смерти <...> Впрочем, «хрустальный дворец», который не имеет против неё оружия, не устоит и перед словом «время»*¹⁴. Одна из попыток сформулировать такое значение принадлежит В. В. Розанову, который в своём очерке 1894 г. «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского», пишет, что *хрустальный дворец — это искусственное, возведённое на началах разума и искусства здание человеческой жизни, которое хуже всякой действительности, потому что, удовлетворяя всем человеческим нуждам и потребностям, не отвечает одной и главной — потребности индивидуального, особенного*

⁵ Денисов 2006.

⁶ Чернов 2006.

⁷ Аронов 2004.

⁸ Тропченко 2008.

⁹ Огородникова 2008.

¹⁰ Веселова 2009.

¹¹ Тропченко 2008.

¹² Александров 2004.

¹³ Гроссман 1963.

¹⁴ Мионов 2013.

желания; оно подавляет личность¹⁵. Любопытно, что антиутопическая линия, введённая Достоевским, несколько трансформировала образ-основу. Писатель видел в нём уже не столько сказочный волшебный дворец, сколько соединение двух образов — Божественного Нового Иерусалима и библейского грешного города Вавилона, на развалинах которого должен был возникнуть Город праведников. Чувство сопротивления общей эйфории заставляют Достоевского воспринимать павильон как «декорацию», иллюзорность благополучия: «Но если бы вы видели, как горд тот могучий дух, который создал эту колоссальную декорацию, и как гордо убеждён этот дух в своей победе и в своем торжестве, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слепоту, содрогнулись бы и за тех, над кем носится и царит этот гордый дух»¹⁶. Лондонский ХД оказался, с точки зрения Достоевского, идолом, ложным идеалом. Достоевский за то, чтобы не подменять светлую мечту о ХД элементарным комфортом: *Ну, перемените, прельстите меня другим, дайте мне другой идеал. А покамест я уж не приму курятника за дворец. Пусть даже так будет, что хрустальное здание есть пух, что по законам природы его и не полагается и что я выдумал его только вследствие моей собственной глупости, вследствие некоторых старинных, нерациональных привычек нашего поколения*¹⁷. Вот современный пример использования оборота ХД в значении ложного идеала: *Да не от духовного света оно [человечество — С.А.] устанет, а от блёсток хрустальных дворцов, от всех этих подделок духовного света — бело-розовых зданий и «золотых гребней»; и не от порываний ввысь, а от бесчисленных куполов верграда, заслоняющих настоящее небо*¹⁸.

Однако идея всеобщности, массовости может нейтрализоваться, и тогда сочетание ХД приобретает значение: «мир иллюзий, тихий, скрытый от всех приют мятущейся души; внутренний мир человека, идеальные, оторванные от реальности мысли или мечты» (значение № 7). В таких ХД человек один на один с собой (и Богом): *Христиан часто обвиняют в том, что они живут в хрустальных дворцах. Дескать, вы не видите реальной жизни, скрываетесь от правды, отгораживаетесь от реального мира за стенами ваших мечтаний*¹⁹.

Причём «приютом для человеческой души» может служить не только любовь к Богу, но и простая земная любовь между мужчиной и женщиной: *Хрустальный дом, а в нём живет богиня, // Ест, спит, мечтает только лишь о том, // Как я войду к ней в этот светлый дом, // Оставшись там до века и отныне*²⁰. Оборот ХД развивает значение № 8 «идеальное жилище для влюблённых; гармония отношений между мужчиной и женщиной», как например, в известной песне В. С. Высоцкого «*Дом хрустальный на горе — для неё*». В том же значении ФЕ встретилось в стихотворении «Хрустальный замок»²¹ петербургского поэта К. Венского. *Хрустальным домом* К. Венский называет гармонию отношений между мужчиной и женщиной, счастье в любви. Женщина отвергла любовь, и поэтому *хрустальный дом счастья* превратился в *дом из льда* (типичная трансформация образа).

Наконец, в зоне функционирования сочетания ХД можно обнаружить случаи, когда его значение полностью отрывается от фольклорно-мифологических, религиозных или философских корней и сводится к значению «жизнь у всех на виду; институт с открытыми, прозрачными механизмами управления» (значение № 9): *Да всё <...> деревня всегда была открытым стеклянным каким-то замком. Все всё знают / и никогда ты ничего ни от кого <...> Наоборот / надо открываться всегда*²²; *Любые нововведения в таком «стеклянном доме», каким является русскоязыщее ЖЖ-сообщество, должны быть прозрачны для пользователей...*²³. Это значение было зафиксировано в русском языке ещё до появления Crystal Palace, не позднее 1849 г.: *Худому верится как-то легче, нежели хорошему; а кому какая нужда заглядывать в стеклянный дом, в котором я живу*²⁴. Первые опыты стеклянного строительства показали, что стеклянная архитектура не пригодна для жилья именно из-за своей прозрачности. Она делает доступной частную, интимную жизнь человека, лишая его по сути убежища. Акцент на прозрачность ХД, которая не совместима с повседневной жизнью человека и очень удобна для органов надзора, в яркой художественной форме поставлен Е. Замятиным в романе «Мы», где активно эксплуатируются образ ХД (но не сочетание ХД) и иллюзии почти на все значения многозначной ФЕ.

Таким образом, решить вопрос авторства для многозначного фразеологического оборота *хрустальный дворец* можно, но только для каждого из его лексико-семантических вариантов отдельно, исходя из лингвокультурологических принципов анализа речевого материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Абельмас Н. В. 2005: Дворовая песня. Пионерский фольклор 80-х. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dutc-tourist.ucoz.ru/forum/4-11-1>.
- Александров Н. 2004: К несчастью, мечты сбываются. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>.
- Андреева С. Л. 2010: Значение и употребление фраземы «хрустальный дворец» // И вновь продолжается бой...: сб. науч. ст., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Г. Шулежковой / В. М. Мокиенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова (ред.). Магнитогорск, 27–31.
- Аронов В. 2004: Россия на первой Всемирной выставке. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://artkommunalka.ru/rossiya_na_pervoi_vsemirnoi_vystavke.html.
- Беляева А. 2011: Стихи о любви любимому и любимой. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lovestih.ru>.
- Булгарин Ф. В. 2003: Воспоминания (1846–1849). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Венский К. 2006: Хрустальный замок. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://venskik.narod.ru>.
- Веселова С. 2009: «Хрустальные дворцы» в России: фантазии и реалии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.archjournal.ru/rus/04%2057%202009/hrustal.htm>.

¹⁵ Розанов 1894.

¹⁶ Достоевский 4, 1956.

¹⁷ Достоевский 4, 1956.

¹⁸ Эпштейн 2010.

¹⁹ Южная 2006.

²⁰ Беляева 2011.

²¹ Венский 2006.

²² О деревне 2006.

²³ Новый регион 25.10.2006.

²⁴ Булгарин 2003.

- Гроссман Л.* 1963: Достоевский. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0770.shtml.
- Денисов Б.* 2006: Конец Хрустального дворца. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vm.ru/news/2006/11/30/konets-hrustalnogo-dvortsa-28967.html>.
- Достоевский Ф. М.* 1956: Собр. соч.: в 10 т. Т 4. М. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0290.shtml.
- Мионов Н. М.* 2013: Духовный кризис и пути его преодоления: Взгляд из прошлого. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://grani.agni-age.net/articles4/sofia.htm>.
- Национальный корпус русского языка 2003–2014: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Новый Регион* 2006: В СУПе больше пиара, чем политики и экономики — эксперты «Нового Региона» (картинки, нецензурное видео) / Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>.
- Огородникова А.* 2008: Дедушка хай-тека. Как обычный садовник удивил весь мир. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.grandsmeta.ru/n7-2008int/pages/id_1100.
- О деревне* 2006: Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>.
- Плещеев А. Н.* 1964: Полное собрание стихотворений. М.-Л. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/p/plesheew_a_n/text_0100-1.shtml.
- Розанов В. В.* 1894: Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml>.
- Тропченко В.* 2008: Хрустальные замки. За что архитекторы любят стекло. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zagorod.spb.ru/articles/construction/>.
- Чернов С.* 2006: Хрустальный дворец: от задумки до постройки. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svetozarchernov.livejournal.com/17870.html>.
- Шулежкова С. Г.* 2002: Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие: монография. М.
- Эпштейн М.* 2009: Роза мира и царство Антихриста: О парадоксах русской эсхатологии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rodonism.narod.ru/books/Epshtein/ch09.htm>.
- Южная Ю.* 2006: Хрустальный дворец. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.foru.ru/slovo.7866.2.html>.

THE QUESTION OF AUTHORSHIP OF PHRASEOLOGICAL UNIT “CRYSTAL PALACE” THROUGH THE PRISM OF LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL ANALYSIS

S. L. Andreyeva

The article is an attempt to build semantic structure of a polysemantic phraseological unit “crystal palace” and, on the basis of linguistic and culturological studies, to determine the sources, authorship, and approximate time of the occurrence of each meaning.

Key words: authorship, semantic structure, linguistic and culturological approach, phraseological unit “crystal palace”

© 2014

Г. Ф. Богачёва

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В КОМПЛЕКСНОМ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОМ СЛОВАРЕ

В докладе представлены плюсы и минусы решений, связанных с интерпретацией крылатых выражений в корпусе комплексного объяснительного словаря или в его присловарной части, которые могли бы способствовать более рациональному (в пользовательском и техническом отношении) представлению рассматриваемых единиц.

Ключевые слова: комплексный учебный объяснительный словарь, присловарная часть, крылатые выражения

По сложившейся в отечественной лексикографии традиции крылатые выражения (КВ) не включаются в объяснительные словари, основной единицей описания которых является слово. В отличие от других информационных составляющих словарной статьи подобных словарей, эти единицы не столь очевидно связаны с заголовочными единицами. Связь эта представляется вполне случайной, зависящей от внеязыковых причин (популярности текста, актуальности на тот или иной исторический момент какого-л. высказывания и др.), чего нельзя твёрдо сказать о других компонентах словаря (например, синонимах, антонимах, фразеологических единицах (ФЕ), стилистической маркированности, грамматических особенностях и др.), наличие которых в лексикографическом описании обуславливается внутриязыковыми отношениями единиц лексической и — шире — языковой системы. Таким образом, решение о включении/невключении КВ в объяснительный словарь упомянутого выше типа требует особого рассмотрения.

КВ, случайно войдя в язык и тем не менее став принадлежностью языкового сознания его носителей, заняли в лексической системе своё место, вступив в определённые отношения со словами, их образующими. Отношения эти выражаются в том, что рассматриваемые единицы дополнили, расширили круг ассоциаций, связанных с лексическим значением (абсолютной ценностью) того или иного слова, став принадлежностью его денотативного представления. Под денотативным представлением мы, вслед за В. В. Морковкиным, понимаем ту часть абсолютной ценности слова, которая наиболее удалена от его ядерной, сигнификативной, части и характеризуется ассоциативностью связей с центральными областями значения и, как

Богачёва Галина Фёдоровна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела учебной лексикографии Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. E-mail: ms.galbo@mail.ru

правило, отсутствием общезначимости для носителей языка¹. Относительно отсутствия общезначимости требуется, однако, отметить, что существует некоторый массив КВ, определённо общий для абсолютного большинства носителей языка, в чём легко убедиться, просто читая нынешние СМИ или обратившись к Национальному корпусу русского языка, — они представляют нам широкую картину употребления КВ как в их исходной форме, так и в преобразованном виде.

Присутствие КВ в области денотативного представления того или иного слова обуславливает, таким образом, возможность включения их в словарь, интерпретирующий слова. Тем не менее принципиальная возможность включения КВ в такой словарь вовсе не означает, что делать это нужно обязательно. Всё зависит от типа словаря, его адресатной направленности и ряда других причин. Так, в «строгом» толковом словаре для массового пользователя — носителя языка это вряд ли нужно: такой словарь должен удовлетворять запросы прежде всего относительно сигнификативной части значений включённых в него слов — всякая другая информация рискует остаться невостребованной. Другое дело — словарь широкой адресатной направленности, предназначенный как для лиц, изучающих русский язык на разных уровнях обучения, так и для лиц, его преподающих, и имеющий целью представить весь спектр языковой информации, которой можно сопроводить слово и которая в систематизированном виде представляет собой некий фрагмент лексической системы русского языка (в состав информационных блоков словарной статьи такого словаря могут входить сведения о значении слова, его семантической структуре, синонимических, антонимических, омонимических и т.п. отношениях, стилистической, фразеологической, статистической, деривационной и некоторых других характеристиках, сочетаемостных свойствах и т.д.). КВ в этой системе являются её частью и в силу их отношения к семантике описываемых заголовочных слов, и в силу того что справочные сведения о них могут понадобиться в учебном процессе как учащимся, так и преподавателям.

Принципиальное решение вопроса о возможности включения КВ в комплексный (универсальный) объяснительный словарь предполагает поиск лексикографических решений, касающихся, во-первых, описания КВ, а во-вторых, способов их представления в словаре.

Разумеется, жанр комплексного учебного словаря широкой адресатной направленности не предполагает такого полного описания КВ, какое свойственно специализированным словарям, т.е. в нём вряд ли целесообразно приводить фрагменты исходного текста и демонстрировать способы введения описываемой единицы в текст в её исходном или преобразованном виде. Всё это следует оставить исключительно словарям крылатых единиц (КЕ) — именно для этого они и существуют. Назначение описания (интерпретации) КЕ в учебном словаре несколько иное — такой словарь должен помочь пользователю-учащемуся опознать некоторое выражение, во-первых, как цельную единицу, во-вторых, как культурно/национально нагруженную единицу, а в-третьих, помочь ему правильно понять её, с тем чтобы адекватно воспринять смысл содержащего её текста, порождаемые ею ассоциативные или коннотативные элементы. Первая задача решается приведением самого КВ в соответствующей зоне словарной статьи, что само по себе указывает не только на некую спаянность выражения, но и на его специфику (национальную, культурную, историческую и т.д.). Правильное понимание той или иной КЕ может быть достигнуто интерпретирующим текстом, либо представляющим собственно значение данного выражения, либо ситуацию его употребления и общий смысл, который оно приобретает в данной ситуации. Стилистическая помета (при наличии стилистической отмеченности единицы) задаёт регистр употребления КВ, способствуя углублению его языковой характеристики. Наконец, национальная, культурная, историческая и т.п. маркированность выражения подкрепляется указанием на его источник (литературное, публицистическое, фольклорное и т.п. произведение, автор, год написания, появления, в случае необходимости — даются некоторые поясняющие комментарии). Например: **Бензин** <...> **Бензин ваш — идеи наши** *разг.* — мы обеспечиваем интеллектуальную сторону дела, а вы — материальную, финансовую (из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок», 1931); **Падать, упасть и пасть** <...> **Мадам, уже падают листья** *разг., шутл.* — а) употр. как напоминание о приближающейся старости и уходящей молодости; б) употр. как напоминание о том, что время чего-л. на исходе и пора прекращать что-л. (разговор, визит и т.п.) (из песни А. Н. Вертинского, конец XIX — начало XX в.); **Поле** <...> **Поле чудес** *ирон.* — место, где возможны самые невероятные события, абсурдные явления, чудеса (из сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936), созданной по мотивам книги К. Коллоди «Приключения Пиноккио» (1881); популярным выражение стало после выхода телефильма «Приключения Буратино» (1975) с песенкой Б. Ш. Окуджавы «Поле чудес»).

Что касается способов представления КВ в комплексном словаре широкой адресатной направленности, то этот аспект предполагает по крайней мере два решения. Первое — традиционное, аналогичное тому, которое принято для ФЕ, — в одной словарной статье даётся полное описание КВ, а в других, относящихся к формирующим выражение словам, оно дублируется без всяких характеристик с отсылкой к исходной статье, например: **Чудо** <...> **Поле чудес** — см. **поле**. В основе такого решения лежит учёт сложившегося пользовательского стереотипа по поиску нужной словарной информации, и в этом, безусловно, его положительная сторона. Однако, как почти всегда, в таком решении есть и свои минусы. Среди них — невозможность принять единый для всего массива КВ, вошедших в словарь, принцип выбора исходной статьи. Так, если принять за основной принцип какой-л. из формальных признаков, к примеру, алфавитный (т.е. расположение полного описания в статье, возглавляемой первым словом КВ), это может повлечь за собой ничем не обоснованную, нелогичную «привязку» КВ к статьям, возглавляемым словами, выполняющими в формировании этих единиц исключительно служебную функцию. Более того, это может привести к чрезмерному увеличению их объёма. То же можно сказать о структурном принципе, т.е. об опоре на синтаксически основное слово (такое слово не обязательно является главным в формировании значения единицы). Если же выбрать смысловой принцип, т.е. расположение полного описания КВ в статье того слова, которое является основным в формировании его смысла, то далеко не всегда можно определить, какое из слов КВ является «главным», а кроме того, существуют определённые ограничения по словнику — учебный словарь может и не включать в свой состав это «главное» слово. Иными словами, в любом случае при целенаправленном пользовании словарём могут возникнуть некоторые затруднения, не говоря уже о значительном увеличении объёма словаря как следствии многократного воспроизведения одной и той же единицы в разных словарных статьях.

Избежать негативных последствий традиционного представления и расположения КВ можно с помощью их присловарного описания. Присловарное описание массива системно связанных с заголовочным словом единиц предполагает формиро-

¹ Морковкин 1990, 19–21.

вание информационно однородного модуля, расположенного вне основного корпуса словаря и связанного с ним посредством указателей-индексов. Впервые такое решение, а именно присловарное расположение лексико-методических групп (синонимических, антонимических, лингвострановедческих, этимологических и др.), формируемых на основе какого-л. единого признака, было предложено В. В. Морковкиным² и реализовано в Лексической основе русского языка³ — словаре демонстрационного (т.е. не объяснительного) типа. Возможности модульного представления соположенной заголовочной единице информации в объяснительном словаре были рассмотрены в приложении к таким её характеристикам, как регулярная многозначность (метонимия, метафора)⁴, словообразовательная деривация главным образом модификационного плана⁵.

Суть модульного представления КВ состоит в следующем. Сами КВ и вся информация о них располагаются и систематизируются в приложении к словарю, а в словарных статьях, описывающих лексические единицы, формирующие КВ, выделяется отмеченная специальным знаком зона, содержанием которой является только указатель-индекс, отсылающий к, условно говоря, страноведческому модулю. (Страноведческим он называется, поскольку включает не только КВ, но другие культурно, исторически и т.д. значимые единицы и разного рода справочные материалы подобного характера.) В основном массиве словаря это может выглядеть так: **Бензин** <...> [Б-15], **Идея** <...> [Б-15], **Ваш** <...> [Б-15]; **Падать, упасть** и **пасть** <...> [П-1], **Лист** <...> [П-1]; **Поле** <...> [П-63], **Чудо** <...> [П-63] и т.д., где буква отсылает к соответствующему алфавитному разделу присловарной части (в нашем случае это буква начального слова описываемой единицы, хотя принцип упорядочивания единиц может быть любой, лишь бы был удобен пользователю), а цифры указывают на порядковый номер КВ в этом разделе. В присловарном страноведческом модуле в соответствии с указателем-индексом в разделе Б под номером 15 будет представлена единица **Бензин ваш** — **идеи наши** с полной интерпретацией; в разделе П под номером 1 — единица **Мадам, уже падают листья** и т.д. Таким образом, КВ в словаре (в его присловарной части) даётся всего один раз, что делает словарь более компактным, существенно уменьшая его объём.

Однако уменьшение объёма — всего лишь технический, хотя и немаловажный плюс. Гораздо важнее то, что такое структурирование материала в учебном словаре широкой адресатной направленности позволяет дифференцировать и более чётко учитывать запросы пользователей — адресат с невысоким уровнем владения языком только информируется о наличии страноведческой нагруженности заголовочного слова, а пользователь с хорошим знанием языка, равно как и преподаватель, в случае необходимости может обратиться к присловарному страноведческому модулю и извлечь из него всю нужную ему информацию. Кстати, модульное представление может дать возможность более углублённой интерпретации входящих в него единиц.

ЛИТЕРАТУРА

Бёме Н. О., Дорогонова И. А., Иванова Т. Ф., Морковкин В. В. (ред.) 1984: Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь. М.

Богачёва Г. Ф. 2013: К вопросу о словообразовательном расширении учебного объяснительного словаря (на примере существительных со значением лица) // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. материалов IV Междунар. науч.-метод. конф. Новосибирск, 10–17.

Морковкин В. В. 1990: Основы учебной лексикографии: дис. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук. М.

Ольховская А. И. 2013: Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении: дис. ... канд. филол. наук. М.

CATCH-WORDS IN A COMPREHENSIVE EXPLANATORY DICTIONARY

G. F. Bogacheva

The article presents reasons for and against the interpretation of Russian catch-words within the main body of a comprehensive learners' dictionary or in a special explanatory catch-words appendix.

Key words: comprehensive learners' explanatory dictionary, special explanatory catch-words appendix

© 2014

X. Вальтер

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФОН В ПОСЛОВИЦАХ-«ПЕРЕВЁРТЫШАХ»

В статье демонстрируется семантическая амбивалентность пословиц, которая и становится основой для их возможных различных интерпретаций. На примере немецких пословиц-«перевёртышей», обсуждается, как исходная так называемая «народная мудрость» в силу разных экстралингвистических обстоятельств превращается в свою противоположность, служа конкретным идеологическим мутациям общества. Такая амбивалентность может привести даже к разрушению исходного смысла, заложенного в пословице.

Ключевые слова: пословица, пословица-перевёртыш, эпоним, фразеография, паремиография, пословица и идеология, культурологический фон

² Морковкин 1990, 42–43, 49.

³ Бёме, Дорогонова, Морковкин 1984.

⁴ Ольховская 2013, 284–312.

⁵ Богачёва 2013.

Вальтер Харри — доктор филологических наук, профессор кафедры славянского языкознания, старший научный сотрудник Института славистики Грайфсвальдского университета им. Эрнста Морица Арндта (Германия), член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. E-mail: walter@uni-greifswald.de

Русская фразеология и лексикография за последние 20 лет обогатились фундаментальными словарями фразеологии, паремологии и этнонимии¹. В этом ряду двухтомный «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка»² под редакцией С. Г. Шулежковой, изданный в Магнитогорске и Грайфсвальде, выситя монументальным памятником русского языка и культуры, так же, как и её словарь с поэтическим названием «И жизнь, и слёзы, и любовь»³. Читая эти словари, русский и зарубежный читатель получает не только представление о языковой картине России, но и о динамике развития её образных и литературных ресурсов. Вот почему, предлагая тему моей статьи, я в первую очередь попробовал отыскать такого рода языковые единицы в этих замечательных источниках. И, естественно, нашёл массу примеров, где патетизм содержания и формы русских крылатых афоризмов и пословиц превращается в свою противоположность, либо достаточно ярко смещает свою стилистическую тональность. Вот несколько таких примеров.

Выражение *в горящую избу войдёт* из хрестоматийной поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» давно уже в русском языке стало патетической характеристикой храбрых, решительных и самоотверженных женщин⁴. До сих пор оно в такой тональности и употребляется, что показывают «нормативные» иллюстрации к словарю. Однако во второй части словарной статьи к этому выражению уже просматривается тенденция к его депатетизации. В одном из контекстов *в горящую избу* рекомендуют *войти* не женщине, а ... мужику. Причём советуют это сделать недалеко от Магнитогорска, в Челябинске: **В горящую избу пусть входит мужик... в Челябинске прошёл первый областной конкурс “Женщина — директор года”** (Репортаж О. Микушина. КП, 22.11.2001)⁵.

В другом же, анекдотическом, контексте крылатое выражение (КВ) Н. А. Некрасова уже превращается, по сути, в этноним-перевертыш, поскольку не только в нём женщина-герой превращается в мужика, но и мужик становится трусом, вызывая одобрение своего собутыльника: *Сидят два мужика в канаве. Один другому говорит: — Вася, ты коня на скаку остановишь? — Да ты что! Он же меня затопчет! — Вася, а в горящую избу войдёшь? — Не-ет, сгорю ещё! — Вот за что я тебя уважаю, Вася, так это за то, что ты не баба* (Анекдот в номер. КП, 7.03.2001)⁶.

Лишь установленные лимиты наших статей не позволяют мне привести другие яркие примеры, где крылатые фразы «перевертышаются», меняя свой исходный смысл и стилистику — ср. *Жизнь даётся человеку только один раз, и прожить её надо так...?*⁷; *Как наше слово отзовётся?*⁸; *Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо*⁹ и др.

Цель моей статьи — продемонстрировать аналогичные семанτικο-стилистические превращения на материале немецких пословиц в сопоставлении с русскими и другими славянскими.

Всем, кто занимается паремологией, известно древнее и расхожее мнение об их универсальности, «вневременности» и устойчивости как хранилище народной мудрости. Такой взгляд освящён традицией и подчёркивается как фольклористами, так и популяризаторами пословиц и поговорок. В то же время никто не оспаривает и взгляда на пословицу как носителя национальной специфики народного колорита, отражателя конкретной исторической действительности. В какой-то степени два этих взгляда на паремологию противоречат друг другу. Ведь если пословица — аккумулятор универсальной человеческой мудрости, то она не может быть, как кажется, носителем сугубо национальной, конкретно исторической, узко идеологической и т. д. информации. Это кажущееся противоречие, по нашему мнению, разрешается функционированием той или иной пословицы в конкретных историко-политических обстоятельствах, в конкретном языковом пространстве.

В. Хлебда в своей блестящей статье «Пословицы советского народа» тонко показал, как «универсальная пословичная мудрость» адаптируется для пропаганды советского образа жизни и социалистической морали¹⁰. Заключая свой анализ, польский исследователь замечает: «Если происхождение и природу советских пословиц нельзя понять без знания истории “советского народа”, то и, наоборот, наши знания о феномене этой “новой исторической общности людей” будут далеко неполными без проникновения в самую глубину и суть сборников советских пословиц»¹¹. Хотя сказанное профессором В. Хлебдой относится к советским пословицам, сам его подход к природе пословицы в её идеологическом преломлении, как нам кажется, имеет более общую «дальнобойность». Он относится и к возможности интерпретации пословицы как семантически амбивалентной структуре¹².

Продемонстрируем несколько случаев различного восприятия одной и той же древней пословицы в различных исторических периодах. Покажем идеологическое злоупотребление таких пословиц под влиянием конкретных идеологий и политических обстоятельств.

Пример первый.

Jedem das Seine (книжн; досл: ‘Каждому своё’): Каждый человек должен выстраивать свою жизнь так, как ему хочется. У каждого человека есть свои особенные черты, которые отличают его от других людей. Каждый член общества должен получать то, что ему полагается (причитается). *Каждому (всякому) своё.*

Эта пословица была заимствована немецким языком из латинского: *Suum cuique*. В современном языке она употребляется в необходимых смысловых контекстах. Ей при этом более 2500 лет. Она использовалась как КВ уже в Античности¹³. *Suum cuique* восходит, в свою очередь, к сентенции из Древней Греции. В диалоге «Государство» Платон отмечает, что справедливость есть, «если кто-либо делает своё и не вмешивается в дела других» („to ta autou prattein kai me polypragmonein dikaiosyne esti“, IV 433a). Каждый должен делать своё (для общества, государства), а именно обрабатывать в полной мере и

¹ Бирх, Мокиенко, Степанова 2005; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000; Walter 2013; Walter, Mokiенko 2011.

² Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008; 2, 2009.

³ Шулежкова 2011.

⁴ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 147.

⁵ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 147.

⁶ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 147.

⁷ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 375–376.

⁸ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 485–486.

⁹ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2, 2009, 633.

¹⁰ Хлебда 1994, 74–84.

¹¹ Хлебда 1994, 81.

¹² Weiss 1998, 470.

¹³ DZR 2007, 721–722.

объёме своих знаний, возможностей и личных условий. Платон, кроме того, считает, что каждый должен получить своё и не может быть лишён своего.

В политическом и юридическом контекстах фраза *присуждать каждому своё* использовалась также Цицероном (De legibus 1, 6 19), который указывает на происхождение греческого существительного νόμος (νόμος 'закон') от νέμο (νέμο 'присуждать, давать'): „Eamque rem (имеется ввиду: legem) illi Graeco putant nomine a suum cuique tribuendo appellatam“ (досл.: 'И это дело (закон), как те полагают, происходит от греческого 'присуждать каждому своё')¹⁴. В 44 г. до н.э. Цицерон использовал эту фразу в своих сочинениях под названием „De officiis“¹⁵. В «Своде римского гражданского права» („Corpus Iuris Civilis, Institutiones“ (1. 10, 1)) указывается: „Iuris praeccepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere“ (досл.: 'Закон основывается на трёх положениях: жить праведно, не обижать близких, позволять каждому получить причитающееся ему')¹⁶. Здесь проявляется значение выражения, характерное для античной философской теории морали и политики: многократно используемый для формулировки понятий права и справедливости, в частности, справедливости распределения, принцип, свидетельствующий о том, что каждому гражданину некоего общества должно присваиваться (или должно быть присвоено) то, что ему надлежит, например, через справедливое распределение благ/товаров. В зависимости от практической или политической направленности теории предлагаются разные уточнения данного принципа, и его правовое положение оценивается также по-разному.

К.Ф.В. Вандер¹⁷ сообщает о некоей проповеди на тему данной поговорки, которую доктор И. И. Г. ам Энде, суперинтендент в Дрездене, читал в присутствии короля Пруссии, Фридриха II, 21 ноября 1756 г. Он делал акцент на различии между: 1) Богу своё, 2) Императору своё, 3) ближнему своё, 4) миру своё, 5) смерти своё и 6) вечности своё. Эта проповедь была переиздана в 1831 г. «На задней стороне Роланда к Бремену можно было некогда видеть нарисованных льва и собаку, спорящих о кости с надписью: Eenen jeden dat syne. Та же надпись была изображена на прусском ордена чёрного орла, учреждённого королём Фридрихом I»¹⁸, по всей вероятности, в значении 'Каждому за заслуги его'. Ф.В. Ницше полагал: «Дать каждому своё означает: хотеть справедливости и достичь хаоса»¹⁹.

Изречение *Jedem das Seine* было прикреплено как циничный девиз над входом сооружённого в 1937 г. немецкими фашистами концентрационного лагеря Бухенвальд под Веймаром (здесь в значении 'Каждому то, что он заслуживает'), вследствие чего употребление данного выражения сопровождается в немецком современном языке негативными ассоциациями²⁰. Эта фраза была типичным пропагандистским лозунгом того времени, подобным лозунгу *Arbeit macht frei* (досл. 'Труд освобождает'), вывешенному над входом в некоторых нацистских концлагерях, в том числе в Освенциме, Дахау, Гросс-Розене, Заксенхаузене и Терезиенштадте.

В последнее время обсуждается вопрос, не слишком ли сильно фраза *Каждому своё* перенагружена негативным историческим контекстом. Требованию хранить достойную память о жертвах национал-социализма отказом от необдуманного употребления фразы и проявлением уважения к оставшимся в живых жертвам противостоит мнение, что выражение *Каждому своё* используется в большинстве случаев в уважительном контексте, в противоположность выражению *Труд освобождает*.

В последнее время необдуманное или основанное на незнании употребление древнего афоризма в качестве слогана в отдельных рекламных и политических кампаниях приводило к протестам, после чего некоторые из этих рекламных кампаний были запрещены. Таким образом, например, реклама фирмы Tchibo²¹, в которой использовалось это изречение, вызвала острые дискуссии, т.к., по распространённому мнению, речь шла о «крайней степени безвкусицы»²². В 1998 г. компания Nokia рекламировала сменные цветные панели для мобильных телефонов, используя данную фразу. Вскоре надпись на рекламных плакатах была заменена на шекспировский заголовок «Что вы хотите», в частности, после того, как Американский комитет евреев (American Jewish Committee) выступил против. Позже торговый концерн Rewe больше не мог использовать свой рекламный проспект с фразой: «Поджаривание на гриле: Каждому своё». Rewe публично просил прощения. В 1999 г. Burger King в Эрфурте после протестов остановил акцию по распространению рекламного листка с тем же слоганом. В 2001 г. клиенты были возмущены рекламной кампанией для моделей ведения счёта Мюнхенского банка Merkur-Bank. В 2009 г. ХДС запретила кампанию под слоганом «Каждому своё». Речь шла о протесте ученического союза в Северном Рейне-Вестфалии против школ совместного обучения, который выбрал для этого упомянутый выше девиз. Руководство ХДС требовало замены слогана, ученический союз принёс извинения²³.

С другой стороны, в марте 2007 г. в городском театре Клагенфурга впервые была поставлена так называемая «Народная оперетта» П. Туррини и З. Хасслер с заголовком «Каждому своё». В пьесе, которая была экранизирована в 2009/2010 гг. под названием «Полуправда» (нем. досл.: 'Вероятно, в другой жизни'), речь идёт о марше смерти венгерских евреев в конце Второй мировой войны²⁴.

¹⁴ Bartels 2010, 161.

¹⁵ Князев 2010, 261.

¹⁶ In medias res 2003, 6980; Bartels 2010, 161.

¹⁷ Wander 4, 1987, 525.

¹⁸ Wander 4, 1987, 525.

¹⁹ Humboldt 2004.

²⁰ Шулежкова 2011, 311.

²¹ <http://www.fr-online.de/home/et-tu--tchibo/-/1472778/3364422/-/index.html>. 6.1.2014.

²² Представитель Tchibo Ангелика Шольц объяснила, что у предприятия никогда не было «намерения оскорблять чувства». Она допустила, что слоган был выбран «неудачно»; плакаты должны быть уничтожены «как можно скорее». Представитель Eppo Олаф Мартин сказал, что уполномоченное рекламное агентство, очевидно, не учло исторического значения предложения. Саломон Корн, вице-президент Центрального Совета евреев в Германии, подчеркнул, что плакат является либо «высшей степенью безвкусицы», либо примером «тотальной исторической неграмотности». До тех пор пока жив хотя бы ещё один человек, который при употреблении этого выражения вспомнил бы о Бухенвальде, эту фразу нельзя использовать. Причину того, что это всё ещё происходит, надо «в значительной степени» искать в плохом качестве преподавания истории в школах. Он выступил за то, чтобы плакаты были сняты (<http://www.fr-online.de/home/et-tu--tchibo/-/1472778/3364422/-/index.html>. 6.1.2014).

²³ SpiegelOnline, 11.3.2009: <http://www.spiegel.de/schulspiegel/wissen/0,1518,612757,00.html>. 1.2.2014

²⁴ http://de.wikipedia.org/wiki/Jedem_das_Seine. 1.2.2014

Эти примеры отчётливо показывают, что в античном КВ речь идёт не просто о классической образной цитате — как часто бывает в других языках²⁵, и что, по меньшей мере, в немецкоязычных странах его употребление очень тщательно должно взвешиваться. Подробно эта тема рассматривается Ф. Брунзенем в работе «Каждому своё — анализ лексического наследия национал-социалистов» (Из политики и современной истории)²⁶. Нужно согласиться с автором, что, несмотря на усилия юристов, журналистов и учёных, призывающих к критическому использованию выражения *Kaждому своё*, несущего в себе негативный контекст, пока ещё не найден консенсус в отношении его употребления. Скорее этот вопрос носит дифференцирующий характер. Использование латинской формы *Suum cuique* приемлемо, т.к. речь идёт при этом о выражении, которое никак не ассоциируется с национал-социалистическими преступлениями 1945 г. Его использование в юриспруденции, в историографии о Пруссии, в залах судебного заседания или в знаке берета фельдгегерей не может ставиться под сомнение. Нечего возразить также против немецкой формы выражения в случаях, когда речь идёт о просветительском характере использования изречения, как например, у Шног (Schnog), Оливере (Olivier) или Бродере (Broder). Запрещение было бы здесь контрпродуктивным, т.к. оно нарушило бы контекст рассуждений на тему Холокоста.

Иначе дело обстоит в случае неисторического использования выражения в обыденной ситуации. Необдуманное употребление выражения также в высшей степени сомнительно в развлекательной индустрии или рекламной отрасли. С одной стороны, т.к. в таких случаях затрагиваются чувства жертв фашистов, и, с другой стороны, происходит подрыв общественно-политической работы Федеративной республики, направленной на исправление исторического национал-социалистического прошлого. И дальше Брунзен констатирует: «То, что в этом отношении существуют и другие недоработки, можно наблюдать не только на примере выражения *Kaждому своё*, но и в употреблении ряда других слов и выражений. Также, например, использование слова *Entartung* (досл. ‘дегенерация’, ‘падение’) происходит исключительно гетерогенно. В то время как Гюнтер Грасс, после того, как он весной 2007 г. назвал реакции прессы на его раннее членство в СС как “дегенерацию” немецкой журналистики, был призван средствами массовой информации публично опровергнуть использование данного выражения; ни один рецензент не оспорил до сих пор употребление того же слова в отчёте Хельмута Шмидта в своём произведении „Außer Dienst“ 2008 — досл.: “В отставке”»²⁷.

Нередко эта пословица расширяется, трансформируется, используется в пародийном контексте: *Jedem das Seine ist nicht zu viel* (досл. ‘Каждому своё никогда не слишком много’); *Jedem das Seine, [und] mir das Meiste!* (досл. ‘Каждому своё, а мне больше всех’); *Jedem das Seine, mir ein bisschen mehr* (досл. ‘Каждому своё, а мне немного больше остальных’); *Jedem die Seine!* (досл. ‘Каждому своя’); *Toleranz: Jedem das Seine. Aber alles zu seiner Zeit* (досл. ‘Толерантность: Каждому своё. Но всё в своё время’)²⁸; ср. фр.: *Chacun le sien, n’est pas trop. A tout seigneur tout honneur*; нидерл.: *Elk het zijne houdt de beste vriendschap* (досл.: ‘Каждому своё, и тогда дружба не постареет’); исп.: *A cada uno lo suyo, así no tiene nada el Diablo* (досл.: ‘Каждому своё и тогда дьяволу ничего не останется’).

Один из веллеризмов звучит так: *Jedem das Seine, sagte der Bauer, da aß er dem Kinde den Brei auf* (досл. ‘Каждому своё, сказал фермер и съел у ребёнка остатки каши’); ср. нидерл.: *Dat smaakt, zei de boer, en hij at de pap van zijn kind op* (досл. ‘Каждому своё — а мне ноги, сказал каннибал’). Шуточное продолжение: *Jedem das Seine, wenn ich nur erst mein Geld habe* (досл. ‘Каждому своё, в случае если только я первый получу свои деньги’); „*Jedem das Seine*“ würde, zeitgemäß ausgedrückt, lauten müssen: *Keinem das Seine* (досл. ‘Каждому своё звучало бы актуально в современной ситуации как: *Никому ничего*’) (1860 г.)²⁹. Ср. рус.: *Всякому своё счастье; Каждый по-своему с ума сходит*.

Пословица широко распространена в европейских языках, ср. англ. *Each to his own; To each his own; Give every one his due*; фр. *Chacun à son tour; A chacun son dû*; ит. *Tutti il suo [così va bene]*; *Egli è ragion che Berto bea*; исп. *A cada uno lo suyo*.

Пример второй.

«Проблемы» у говорящего по-немецки появляются и с употреблением известного выражения *In einem gesunden Körper wohnt ein gesunder Geist; Gesunder Geist in gesundem Körper* (досл.: ‘В здоровом теле живёт здоровый дух’): Хорошая физическая форма создаёт условия для эффективного мыслительного процесса и развивает силу духа. В русском языке эта пословица известна в вариантах *В здоровом теле — здоровый дух; Здоровая душа в здоровом теле*.

В своих сатирах почти 2 000 лет назад римский сатирик Ювенал (ок. 58–138 гг.) иронично высказывается о часто глупых желаниях людей, выражаемых ими в своих молитвах. Он советует оставлять право за всеведущими богами решать, что они хотят предоставить человеку, а что нет. Нужно молиться, во всяком случае, лишь о том, чтобы дух был здоров и жил в здоровом теле³⁰. „*Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano*“ (досл.: ‘Нужно молиться о том, чтобы в здоровом теле жил здоровый дух’). Пословица также цитируется сегодня во многих европейских языках в своей латинской форме³¹.

Эта мысль высказывалась рядом античных поэтов, например, Петронием: «И даже не просит о правильном образе мысли или о хорошем здоровье»³². Особое гимнастическое движение XIX столетия интерпретировало выражение *Mens sana in corpore sano* очень односторонне, что имело мало общего с первоначальным текстом³³, а именно, что только в здоровом теле мог бы жить здоровый разум. Также и укороченная латинская форма *Mens sana in corpore sano* понимается сегодня в том же смысле, в чём легко можно убедиться.

При этом выражение часто понимается неправильно, поверхностно, прямолинейно или умышленно интерпретируется ошибочно, поскольку в обратном смысле укороченная форма выражения должна пониматься в том смысле, что в больных и слабых телах здорового духа быть не может. Такая аналогия ведёт напрямик к дискриминации людей с физическими недостатками. Следует вспомнить хотя бы о расистской идеологии немецкого фашизма, которая осуждала «малоценную жизнь» и вела к представлению, что из упомянутой цитаты (в обратном смысле) нужно вынести такой основной принцип: ‘Слабые,

²⁵ ср. Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 469–470.

²⁶ ApuZ 8/2010: http://www.bpb.de/publikationen/RV8BZI,0,Jedem_das_Seine_zur_Aufarbeitung_des_lexikalischen_NSErbes.html.2.2.2014

²⁷ ApuZ 8/2010: http://www.bpb.de/publikationen/RV8BZI,0,Jedem_das_Seine_zur_Aufarbeitung_des_lexikalischen_NSErbes.html.2.2.2014

²⁸ Mieder 2008, 256–257.

²⁹ Wander 4, 1987, 525.

³⁰ DZR 2007, 293.

³¹ Шулежкова 2011, 94.

³² Bartels 2010, 96.

³³ Büchmann 2007, 419–420.

больные люди, инвалиды обладают более низким интеллектом'. А. Гитлер пишет в 1926 г. во второй части «Моей борьбы» (Mein Kampf): «И так же, как в общем, предпосылка умственных способностей лежит в расовом качестве данного человеческого материала, то и воспитание должно следить в частности прежде всего за физическим здоровьем и развивать его; поскольку в целом здоровый, энергичный дух находится только в здоровом и сильном теле. Тот факт, что гении довольно часто являются физически малоразвитыми и даже больными людьми, никак не опровергает эту мысль. Здесь речь идёт об исключениях, которые — как обычно — только подтверждают правило. Если народ, однако, в своей массе состоит из физических дегенератов, то действительно большой дух поднимается из этого болота очень редко. Однако его деятельность не будет, пожалуй, отличаться большим успехом. Обесилённая оболочка либо его вообще не поймёт, либо она в плане воли будет ослаблена таким образом, что она будет больше не в состоянии следовать за высотным полётом такого орла»³⁴.

Учитывая всё вышесказанное, не только представители интересов инвалидов (союзы инвалидов) с полным правом отклоняют истолкованное в обратном смысле выражение *Mens sana in corpore sano*. В качестве примера того, как физически больной человек может быть блестящим учёным, приведём физика Стивена Хокинга. Вспомним также выдающихся победителей параолимпийских игр. Английский философ Джон Локк (1632–1704) и французский писатель Жан-Жак Руссо (1712–1778) говорили даже, наоборот, о необходимости достижения гармонии тела и духа, которая редко существует в реальности³⁵.

Здесь необходимо также объяснять определённое семантическое различие между немецким и русским языками. В то время как в немецком языке в большинстве случаев актуализируется вышеназванное значение, для русского языка в ведущих словарях указывается как раз стремление к гармоничности тела и духа, т.е. скорее «первоначальное» значение пословицы: 'о стремлении к гармоничному развитию человека'³⁶; 'физическое и душевное здоровье [должны быть] гармонично взаимосвязаны'³⁷. К сожалению, во многих словарях это различие не учитывается, и немецкое и русское выражения рассматриваются в них как абсолютные эквиваленты.

Пословица представлена практически во всех европейских языках, но и здесь они употребляются практически «свободно», ср. укр. *Здорове тіло — здоровий дух*; пол. *W zdrowym ciele zdrowy duch*; чеш. *Ve zdravém těle zdravý duch*; словац. *V zdravom tele zdravý duch*; словен. *Zdrav duh v zdravem telesu*; хорв. *U zdravom tijelu zdravi duh*; болг. *Здрав дух в здраво тяло*; англ. *A sound mind in a sound body*; нидерл. *Een gezonde geest in een gezond lichaam*; ит. *Mente sana in un corpo sano*; исп. *Orandum est ut sit mens sana in corpore sano*; венг. *Ép testben ép lélek* (досл.: 'В здоровом теле — здоровый дух').

Мы попытались продемонстрировать одно из важных свойств пословицы как малого жанра фольклора, а именно — её семантическую амбивалентность, которая и становится основой для её возможных различных интерпретаций. Пословицы-«перевёртыши» демонстрируют, как исходная так называемая «народная мудрость» в силу разных экстралингвистических обстоятельств превращается в свою противоположность, служа конкретным идеологическим мутациям общества. Такая амбивалентность может привести, как мы видели, даже к разрушению исходного смысла, заложенного в пословице. Дальнейший же этап развития паремии в этом направлении — это создание антипословиц, где разрушение исходного смысла обретается и за счёт разрушения формы. Но это уже особая тема, которая может стать предметом иной работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка. М.
 Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2008–2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2 т. / С. Г. Шулежкова (ред.). Магнитогорск; Greifswald, 2008. Т. 1. А–М; Магнитогорск; Greifswald, 2009. Т. 2. Н–Я.
 Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. 2005: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / В. М. Мокиенко (ред.). М.
 Князев Ю. П. 2010: Словарь живых крылатых выражений русского языка. М.
 Серов В. 2005: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.
 Хлебца В. 1994: Пословицы советского народа // Russistik. 1–2. Berlin, 85–95.
 Шулежкова С. Г. 2011: «И жизнь, и слёзы, и любовь...». Происхождение, значение, судьба 1 500 крылатых слов и выражений русского языка. М.
 Bartels K. 2010: Veni — vidi — vici. Geflügelte Worte aus dem Griechischen und Lateinischen. Neuausgabe. München.
 Büchmann 2007: Der Neue Büchmann. Geflügelte Worte. Der klassische Zitatenschatz. Berlin.
 DZR 2007: DUDEN. Das große Buch der Zitate und Redewendungen. Mannheim.
 Humboldt W. 2004: 10.000 Zitate, Redensarten und Sprüche. CD-ROM für PC. Baden-Baden.
 In medias res 2003: Lexikon lateinischer Zitate und Wendungen. Berlin.
 Mieder W. 2008: Verdrehte Weisheiten. Antisprichwörter aus Literatur und Medien. Wiesbaden.
 Walter H. 2013: Deutsch-Russische Sprichwörter. Historisch-etymologisches Wörterbuch mit europäischen Parallelen / J.-M. Becker (red). Greifswald.
 Walter H., Mokienko V. 2011: (K) Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie. Greifswald.
 Wander K. F. W. 1987: Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. Vol. I–V. Darmstadt, 1987.
 Weiss D. 1998: Die Entstalinisierung der Propaganda. Locher J. P. (Hrsg.) // Schweizer Beiträge zum XII. Internationalen Slavisten-Kongress in Krakau, August 1998. Frankfurt; Bern, 461–506.

³⁴ Цит. по: <http://www.magister.msk.ru/library/politica/hitla004.htm>. 6.1.2014 http://books.google.de/books?id=fNG6caR0cZsC&pg=PA7&lpg=PA7&dq=hitler+geistiger+Leistungs%C3%A4higkeit+in+der+rassischen+Qualit%C3%A4t+des+gegebenen+Menschenmaterials+liegt&source=bl&ots=0NcNtU7DtF5&sig=EprPrGL4tQr_UkvLW1Fyac4kqg&hl=de&sa=X&ei=fR_UlyiLM7MgaC4oG4CA&sqi=2&ved=0CC0Q6AEwAw#v=onepage&q=hitler%20geistiger%20Leistungs%C3%A4higkeit%20in%20der%20rassischen%20Qualit%C3%A4t%20des%20gegebenen%20Menschenmaterials%20liegt&f=false. 18.1.2014.

³⁵ Князев 2010, 72.

³⁶ Серов 2005, 93.

³⁷ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 169; Шулежкова 2011, 94.

H. Walter

The paper discusses semantic ambivalence and contradictions of proverbs and different ways of their interpretation. The case in the point is German sayings and their Russian equivalents. It is shown how these „folk wisdoms“ change their contextual meaning in consequence of social circumstances. This may cause a damage of the origin sense of proverbs.

Key words: proverb, twisted proverb, eponym, phraseography, paromiography, proverb and ideology; culturological background

© 2014

Л. П. Дядечко

КАИН, ГДЕ ТВОЙ БРАТ АВЕЛЬ? (о лакунах в русской библейской фразеографии)

В статье рассматриваются крылатые выражения с компонентами Каин/каинов и Авель в их современном функционировании как пример количественно-качественной неполноты отражения библеизмов в русской фразеографии. Намечаются пути восполнения таких лакун.

Ключевые слова: фразеологизмы библейского происхождения, ономастический компонент фразеологизма, русская фразеография

Описание крылатых выражений (КВ) библейского происхождения — константа русской лексикографии, обнаруживаемая ещё в древнерусской экзегетике и отчётливо проявляемая в словарном деле начиная с первого собственно фразеологического сборника И. И. Редникова (книга открывается отделом, который так и называется «Цитаты и изречения из Священного Писания»)!, а с 90-х гг. XX в. эксплицируемая к настоящему времени уже сформировавшимся направлением — библейской фразеографией, насчитывающей до двух десятков изданий, а с учётом сетевых вариаций и дополнений, по-видимому, и более того. О мощи данного направления говорит то, что в нём представлены словари разного типа, дифференцируемые: 1) по количеству языков — одноязычные и переводные (дву-, трёхязычные² и даже шестязычный³), охватывающие языки от английского до эсперанто; 2) по объекту описания — а) с учётом формально-структурного признака: лексико-фразеологические, фразеологические, цитатные; б) с учётом содержательного признака, т.е. в зависимости от узкого или широкого толкования термина «библеизм»: издания, отражающие эпонимы, или крылатые единицы в строгом смысле, и издания, описывающие любые единицы, связанные с библейскими текстами, включая апеллятивы-церковнославянизмы, единственные наименования определённых реалий, понятий, например: *аггел, агнец, ад, алтарь, аллиллуйя, алтарь* и др.; 3) по количеству охватываемых единиц — краткие (малые) и большие; 4) по способу описания — толковые и словари-индексы, где перечень единиц обычно сопровождается указанием источника (типично для словарей цитат); 5) по типу передаваемой информации — лингвистические и лингвоэнциклопедические; 6) по глубине проработки — касается толковых словарей — в первую очередь в зависимости от наличия/отсутствия экземплификационной зоны.

Данная классификация, безусловно, не носит исчерпывающего характера: она может быть дополнена, детализирована, в том числе и вследствие появления оригинальных трудов. Важно другое: библейско-фразеографическое обилие и концептуальное многообразие не означают, однако, что одна из ключевых задач русского языкознания — описание в полном объёме слов и КВ, восходящих к Книге книг, решена. В научном мире даже бытует мнение, что эта задача вряд ли выполнима, тем не менее планомерная работа в рассматриваемом направлении необходима: только так можно оценить реальный вклад библейских текстов в русскую лингвокультуру, глубину их проникновения в русское языковое сознание.

Принцип лексикографической полноты, сформулированный ещё Б. А. Лариним и среди украинских лингвистов активно поддерживаемый М. А. Карпенко, стал теоретической и практической базой для создания серии словарей разного типа, включая и самый большой на сегодня по количеству единиц толковый словарь библейских слов и выражений⁴. Этот принцип в одинаковой степени касается как количественных, так и качественных сторон лексикографирования языковых феноменов.

Относительно первых показателей учёные единодушны: в любом справочнике должны быть представлены все единицы в соответствии с избранным объектом описания и введёнными ограничениями (ср. общие и учебные словари). Для некоторых типов изданий это реальная цель, например, для писательского словаря, но для многих — прежде всего словарей общего типа — остаётся недостижимой, однако такой, к которой следует стремиться каждому лексикографу.

Относительно вторых показателей единодушия нет: вопрос о них решается применительно к каждому конкретному случаю. Если говорить в общем о содержательной полноте во фразеографическом издании, посвящённом описанию библейских эпонимов, то в структуру словарной статьи должны входить: 1) вокабула, 2) зона источника, которая включает соответствующие цитаты из разных вариантов библейского текста (при наличии — также информацию об экфразисах, популяризовавших данный сюжет); 3) зона узальной вариантности оборота с фонетико-грамматической, стилистико-функциональной и историко-этимологической характеристиками слов-компонентов; 4) зона толкования; 5) зона экземплификации (с неперменным указанием на самое раннее употребление); 6) зона трансформов и производных фразеологизмов; 7) зона отсылки к предшествующим справочным изданиям, фиксирующим данный оборот.

Дядечко Людмила Петровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина), член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. E-mail: erptonim@ukr.net

¹ Редников 1883, 1–18.

² Адамия 2006; Балакова, Вальтер, Мокиенко 2012.

³ Туровер Санчес, Мартинес и др. 2009.

⁴ Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010, 11.

Пристальное внимание к современному функционированию ветхозаветизмов, а точнее — КВ только из Бытия, первой книги Ветхого Завета, с компонентами-именами *Адам, -а / Адамов* и *Ева, -ы / Евин*, помогло выявить весьма глубокие лакуны качественно-количественного характера в русской фразеографии⁵ и показало, что масштабность фразеографического предприятия требует его поэтапной реализации. Уже первые предпринятые шаги в этом направлении свидетельствуют, что начинать следует с максимально тщательного изучения одной группы библеизмов.

В развитие сказанного можно остановиться на некоторых моментах словарного описания бытийных оборотов с компонентами *Каин/каинов* и *Авель*.

В русской фразеографии зафиксировано только одно выражение, имеющее компонент *Авель*: *Каин, где твой брат Авель?*⁶. Однако в русском обиходе встречается по крайней мере еще два оборота с этим компонентом, фиксируемые с XIX в.: широко распространенное КВ *Каин и Авель/Авель и Каин*: *Сегодня я получил определение к должности в***. Невыразимо тяжело. По всем правилам рассудка, я должен бы радоваться... Видно, чувство и рассудок — два родные брата, только такие, как Каин и Авель...* (Ю. Жадовская. Переписка, 1848)⁷ — и менее частотное *со времён Каина и Авеля/со времён Авеля и Каина*: *Да не семейная ли вражда искони веков, со времён Каина и Авеля, была первым источником войн и кровавых неурядиц?* (П. Каратыгин. Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий, 1871). Причём оборот *Каин и Авель* многозначен: во-первых, он выступает как олицетворение добра и зла: *... включишь телевизор — и вовсе затоскуешь по быломu. Каин и Авель — оба тут «великие родители». Вот Сталин, например, этаким добрейшим, мягким по натуре человек, любящий семью и детей. А его ведь считают врагом рода человеческого <...> Поверит он [«пилл»] вдове и наследнику незабвенного Лаврентия Павловича, что был тот тоже образцовый семьянин, а также организатор многих наших побед* (М. Симашко. Пятый Рим, 2000); во-вторых, так говорят о братьях, один из которых стал убийцей другого; об убившем любого человека и убитом: *...и на той, и на другой стороне пленных десятками тысяч рубили, стреляли, сжигали, топили, вешали <...> контрразведка ВСУРА соперничала в жестокости с большевицкой Чекой <...> не Авель и Каин, а два Каина сражаются на Руси...* (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев, 1995–1996); в-третьих, это обманщик и обманутый; преследователь и его жертва: *Бедные пустились в поиски социальной справедливости, потому что есть намёки, будто когда-то при разделе имущества и купеческих капиталов после смерти родителя один брат обманул другого. Каин и Авель. И вот этим, обманутым, братом был его, Сумаедова, дед* (Есин, 378).

Судьба прилагательных *Авелев* и *Каинов* в русском языке разная. По-видимому, она отражает известную перенасыщенность отрицательной части оценочной шкалы в языковой картине мира. Первое из них употребляется только в составе свободных словосочетаний, носящих окказиональный характер: *Авелев певец* (у Д. Фонвизина), *Авелева тень* (у Н. Лескова⁸), *Авелев голос* (у А. Кобенкова⁹). Второе — также и в составе КВ, из которых два зафиксированы в справочной литературе: *каинова печать* (практически во всех словарях библеизмов) и *каинов грех*¹⁰, — хотя оно является компонентом ещё трёх фразеологизмов: 1) известного со времён «Повести временных лет» как перифрастическое наименование убийства (реже — предательства, коварства, разрушительной деятельности) оборота *каиново дело/каинова работа*: *Святополк же окаянный стал думать: «... как бы убить Глеба?». И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовёт: сильно он болен»* (XII в.; в переводе Д. С. Лихачева); 2) обозначения убийц, предателей, коварных людей (обычно как бранное) *каиново племя*, имеющее несколько лексико-грамматических вариантов: *каиново отродье/семя/колено; кайнов род; кайновы дети/сыновья и дочери; кайновы потомки*; 3) их синонима *каинова душа*. Закрепление оборотов в узусе подтверждается десятками примеров в Национальном корпусе русского языка, в текстах Интернета.

Обращение к этим источникам — важный путь восполнения фразеографических лакун, касающихся не только словника, но и глубины проработки реестровых единиц. Так были выявлены границы узальной структурной вариантности упоминавшегося библеизма *каинов грех* (*грех Каина, кайнов грех братоубийства*) и уточнена семантическая характеристика зафиксированных в словарях оборотов. Здесь следует иметь в виду и количество установленных значений, и набор сем каждого из них. Например, для оборота *Каин, где твой брат Авель?*, обычно дефинируемого слишком общо — как намёк на скрываемое гнусное дело, оказалась важной сема 'ответственность за гибель, сломанную судьбу других': *... нестерпимый страх овладел убийцей. Он бежал <...> в лесную чащу и лежал там <...> пока не услышал голос разгневанного бога: «Каин, где брат твой Авель?» — «Уйди, не мучь меня!» — с трудом шевелил губами Марков* (А. Куприн. Бред, 1907); *Дося сразу как-то загрустил, сгорбился <...> «Может, он уже погиб там, в лагере. Может, его уже в живых нет. Каин, Каин, где брат твой Авель? Почему ты не с ним?»* (Г. Петров. Терпеливый Арсений). Безусловно, два значения выделяются у выражения *каинова печать* (в большинстве изданий приводится только первое): 1) внешние признаки преступника, знак чьих-л. прегрешений; 2) неудаляемый, постоянный характерный признак, примета кого, чего-л. При этом сема 'убийца' должна быть непременно эксплицирована в первом толковании; см. типичный контекст: *... я боюсь посмотреть на себя в зеркало, чтобы не увидеть на своём лбу кайнову печать неопознанного убийцы... Раскольников с его опрокинутым лицом* (Катаев, 1977, 181).

Таким образом, целенаправленное изучение одной группы библеизмов с привлечением широчайшего круга источников должно содействовать фразеографическому описанию библеизмов, адекватному их истинному значению в русской лингвокультуре.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамия Н. Л. 2006: Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и библейских изречений. М. Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В. М. 2012: Лепта библейской мудрости (Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов). Ружомберок, Грайфсвальд, СПб.
Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2008–2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / С. Г. Шулежкова (ред.). Магнитогорск; Greifswald.

⁵ Дядечко 2010; Дядечко, Суховий 2011.

⁶ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 473.

⁷ Здесь и далее примеры, кроме имеющих специальные отсылки, взяты из Национального корпуса русского языка.

⁸ Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010, 29.

⁹ Кобенков 2004.

¹⁰ Дубровина 2010, 269–271.

- Дубровина К. Н. 2010: Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.
- Дядечко Л. П. 2010: Адамов след в русской фразеологии // Живодействующая связь языка и культуры: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. / М. Л. Ковшова (ред.). Т. 1. М.; Тула, 114–119.
- Дядечко Л. П., Суховой О. А. 2011: «Евин шлейф» в русской и украинской фразеологии // Русский язык в полицентричном мире: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч.-метод. конф. / М. О. Чичина (ред.). М., 286–291.
- Есин С. Н. 1990: Типы. М.
- Катаев В. П. 1977: Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона // В. П. Катаев. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. М.
- Кобенков А. И. 2004: Попытка утешения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novy_mi/2004/2/k5-pr.html.
- Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И. 2010: Толковый словарь библейских выражений и слов. М.
- Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>.
- Редников И. И. 1883: Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т. п. различных времён и народов с историческим и сравнительным объяснением. Вятка.
- Туровер Г. Я., Санчес Г., Мартинес Х. Л. и др. 2009: Словарь библеизмов: англо-русский, немецко-русский, французско-русский, испанско-русский, итальянско-русский / Г. Я. Туровер (ред.). М.

CAIN, WHERE IS ABEL, THY BROTHER?
(on gaps in Russian biblical phraseography)

L. P. Dyadchko

The article focuses on the phraseological units with constituents *Cain / Cain's* and *Abel* in their contemporary use as an example of quantitative and qualitative incompleteness of description of phraseological units in Russian biblical phraseography and suggests ways filling in the gaps.

Key words: phraseological units of biblical origin, an onomastic constituent of a phraseological unit, Russian phraseography

© 2014

Е. И. Зыкова

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО РУССКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ
(по материалам этимологических словарей)

В статье рассматриваются русские крылатые выражения с «комедийным» значением. Анализируется специфичность семантики и функционирования крылатых выражений в качестве средства создания комического.

Ключевые слова: крылатика, фразеология, языковая игра, окказионализмы

Смех во многих своих проявлениях является важной составной частью культуры. Смех не только суть человеческого мировоззрения, но и характерная черта русской ментальности, о чём неоднократно писали русские писатели и языковеды: Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, М. М. Пришвин, Д. С. Лихачёв, В. В. Колесов. Они считали, что смех рождается в словесной игре ещё с древних времён.

Однако, как отмечал В. Т. Бондаренко, «смеховая культура русской фразеологии исследована незаслуженно мало, а ведь именно через фразеологизмы со смешным содержанием можно узнать национальный характер, менталитет народа»¹.

Фразеологизмы в большинстве своём обладают богатейшими возможностями в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к окружающему миру. По мнению В. Н. Вакурова, «сама природа фразеологизма позволяет использовать их как средство достижения комического эффекта»². Об этом же пишет В. З. Санников³. В состав фразеологизмов русского языка входит множество крылатых выражений (КВ), которые отличаются от «безымянных» языковых единиц «своеобразным семантическим «довеском»: их значения «отягощены», «чреватые» генетической памятью об авторах, их создавших, произведениях, из которых они вычленились, или исторических событиях, послуживших почвой для их возникновения»⁴. КВ — одно из важнейших средств русской языковой культуры, о чём свидетельствуют собрания крылатых единиц начала XXI столетия⁵. Какие же особенности структуры и функционирования КВ могут обеспечивать их использование в создании комического?

Прежде всего комедийность может заключаться в специфике значения КВ. Различные теории, связанные с проблемой изучения семантики КВ последних лет, были структурированы и описаны Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым в их монографии «Язык и культура», где авторы предложили оригинальную концепцию соотношения лингвистического и культурологического в языке⁶. Совершенно понятно, что краеугольным камнем рассмотрения данной проблемы стали КВ (фразеологизмы и афоризмы в терминологии авторов).

Признавая трёхступенчатость семантики КВ, авторы данной концепции на первое место поставили кумулятивную СД-долло значения КВ, в которой, по их мнению, «фиксируется, хранится и передаётся немалый объём информации о достигнутой обществу действительности», который был назван лексическим фоном⁷.

Зыкова Елена Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ezukova@mail.ru

¹ Бондаренко 2001, 74.

² Вакуров 1969, 35.

³ Санников 2002.

⁴ Шулежкова 2002, 31.

⁵ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008–2009; Дядечко 2001–2003 и др.

⁶ Верещагин, Костомаров 2005.

⁷ Верещагин, Костомаров 2005, 176.

Думается, что именно в этой «передаче» и сосредоточены столь эффективные комедийные возможности этих выражений. Речь идёт прежде всего об информации источника или автора КВ. Комедийность ситуации или шутивная фраза «запечатлевается» в семантике КВ и используется носителями русского языка как средство создания комического эффекта.

Какие же источники порождают «комедийные» КВ?

Самым распространённым источником являются русские кинофильмы, среди которых заметно выделяются комедии Л. Гайдая «Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница», «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Иван Васильевич меняет профессию». Значительное количество шутивных КВ восходит к комедиям Э. Рязанова («Джентльмены удачи», «Ирония судьбы, или С лёгким паром»), Г. Данелия («Мимино», «Осенний марафон») и многим другим.

Большое количество комедийных КВ вышло из текстов эстрадных миниатюр М. Жванецкого, А. Хайта, которые звучали в исполнении А. Райкина, Р. Карцева и В. Ильченко (*В Греческом зале, в греческом зале; Скус спесфисский; Завсклад, директор магазин; До того; Доцент тупой; У нас с собой было*). Специфика КВ этого вида во многом заключается и в переносе своеобразной формы исполнения этой фразы в миниатюре, т.к. она звучит (а иногда и пишется) в том виде, в котором её исполняет артист. Примером могут послужить КВ из миниатюры М. Жванецкого «Дефицит» в исполнении А. Райкина (*Скуус спесфисский! Завсклад, туваровео*) или КВ *Уууу ты какая!* из миниатюры Е. Смолина «Курортный роман» в исполнении Г. Хазанова.

Немало «комедийных» КВ появилось из произведений художественной литературы, в числе которых на первом месте литературные цитаты Н. В. Гоголя (*А подать сюда Ляпкина-Тяпкина; брать борзыми щенками; дама, приятная во всех отношениях; лёгкость в мыслях необыкновенная*); И. Ильфа и Е. Петрова (*Утром деньги — вечером стулья; Знойная женщина — мечта поэта; Отец русской демократии; Нью-Васюки; Сбылась мечта идиота*); цитаты из шутивных песен В. Высоцкого (*Где деньги, Зин?; Ты, Зин, на грубость нарываешься; Жираф большооой, ему видней*).

КВ с «комедийным» содержанием могут порождать и мультфильмы, имеющие шутивную составляющую: *Ну, заяц, погоди!* (из м/ф «Ну, погоди» реж. В. Котёночкина); *Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро!*, *Кажется, дождь начинается* (из м/ф «Винни-Пух идёт в гости» реж. Ф. Хитрука); *А баба Яга против* (из м/ф «Баба Яга против» реж. В. Печкаря); *Пустяки, дело житейское, Плюшками балуемся* (из м/ф «Малыш и Карлсон» реж. В. Степанцева); *Щас спою* (из м/ф «Жил-был пёс» реж. Э. Назарова).

Значительное количество «комедийных» КВ восходит к анекдотам (*вымрем все, как мамонты*) или к текстам шутивных песен (*мадам Брошкина; То ли ещё будет, ой-ой-ой* (из песен в исполнении А. Пугачёвой); *Всё хорошо, прекрасная маркиза* (из песни «Всё хорошо» в исполнении Л. Утёсова).

Как же влияет источник на «комедийную» СД-долю семантики КВ?

Во-первых, смешные реплики персонажей комедийных текстов напрямую переносятся в контексты и выполняют не только номинативную функцию, но и функцию создания комического эффекта. Например, реплика героини (арт. С. Светличная) в кинокомедии «Бриллиантовая рука» *Не виноватая я, он сам пришёл* используется для описания ситуации, в которой персонажу необходимо оправдываться в несовершенном преступлении: *Мужественно разлепив глаза, я вернулась к рабочему столу с тем, чтобы продолжить опус на тему “не виноватая я, он сам пришёл”. Мне было грустно. Теперь ряды моих мужей поредели*.

Реплики героев могут стать шутивным выражением оценки, эмоционального состояния человека. Например, знаменитая фраза Шерлока Холмса *Элементарно, Ватсон* используется для обозначения отношения героя к чему-л. (*Для начала нужно поменять имидж. — Как? — Элементарно, Ватсон! Первым делом постричься и, может быть, немного подкрасить волосы*). А фраза Шурика, героя кинокомедии «Кавказская пленница», *Птичку жалко* служит шутивным обозначением жалости: *Пора предложить Коше Серой попробовать биологически соответствующий корм. Ведь, как говорил герой легендарного фильма: «Птичку жалко», — может, перестанет воробьёв да цыплят таскать, и местные птахи почувствуют себя более вольготно?*

Реплика комедийного персонажа может служить шутивной характеристикой человека. Так, комичным наименованием советского туриста за границей стала фраза мошенника Геши (актёр А. Миронов) *Русо туристо, обико морале*, которую он произнёс, разговаривая с дамой лёгкого поведения (кинокомедия «Бриллиантовая рука»): *Россияне едут за рубеж по разным причинам: кто-то как руссо туристо, другие учатся, третьи — гляди-ка — от спецслужб прячутся в Лондоне. А сокращённая реплика героя кинокомедии «Кавказская пленница» товарища Саахова (арт. В. Этуш) Студентка, комсомолка, спортсменка и, наконец, просто красавица* стала обозначением красивой девушки: *Виновницей переворота стала известная модель Эстель Халлидей — спортсменка, комсомолка и просто красавица*.

В КВ может застыть фрагмент шутивного диалога и перенести свою экспрессию в контекст, как, например, случилось с цитатой — *Нормально, Григорий? — Отлично, Константин!* из одноимённой миниатюры М. Жванецкого в исполнении автора. Этот шутивный фрагмент используется в значении *‘Всё хорошо!’: Исследовали всю крышу, ничего, кроме антенн, не увидели. Где водопотребление, за которое начисляются ОДН?.. Правда, у нас с собой было. Посидели, отдохнули. Ничего, говорю, ходьба как физическая нагрузка всегда на пользу. И потом какая красота с высоты: слева спорткомплекс «Ерофей» достраивается, справа — жилой комплекс «Парус» прирастает высотками. Нормально, Григорий? Отлично, Константин!*

Но наряду с использованием «комедийной» семантики КВ значительную роль в создании языковой шутки с их участием играет языковая игра, точнее — языковое обыгрывание этих единиц.

Обычно под языковой игрой понимают языковую шутку, т.е. словесную форму комического или цельный текст с комическим содержанием. Однако В. М. Мокниенко призывает рассматривать понятие языковой игры «в русле двух основных аспектов языковой иронии вообще — и как средство, т.е. вид тропа, создаваемый контрастом между буквальным (эксплицированным) и переносным (имплицированным) значением, и как результат, целостный эффект единого высказывания, включающего комплекс взаимодействия содержания языковой единицы, ситуации, условий и участников коммуникации»⁸.

И действительно, языковая игра как осознанное и намеренное нарушение нормы в специальных коммуникативных и художественных целях позволяет создателям художественных текстов реализовывать свою авторскую индивидуальность, оставаясь в границах языковой компетенции массовой читательской аудитории. В этом отношении фразеология представляет

⁸ Мокниенко 2012, 100.

с собой обширный материал для языкового творчества, что вполне объясняется как образной природой фразеологизмов, так и их принадлежностью к общенациональному языковому фонду, единицы которого усваиваются носителями русского языка естественным путём и используются ими в разных формах коммуникации. Поэтому разнообразные формы преобразования фразеологизмов опознаются и осознаются читателями и достигают того коммуникативного и стилистического эффекта, на который были рассчитаны.

Приёмы индивидуально-авторской трансформации фразеологизмов хорошо известны фразеологической науке: это и преобразования чисто семантические, и структурно-семантические.

К семантическим трансформациям комедийных КВ можно отнести погружение их в контекст, при котором происходит буквализация прямого их значения. Так, КВ *Птичку жалко*, которое используется для обозначения жалости, печали, употребляется в контексте, описывающем жалость к птицам, которые замерзают зимой без корма: *Кормушки могут быть разные — все сгодятся в суровое зимнее время. На худой конец, сойдут и хлебные крошки. Или кусок чёрствого хлеба, который вы всё равно собрались выбросить, — его можно прикрепить к ветке дерева, или просто наколоть на неё. Примерно, так. В общем, птичку жалко? Покорми её!*

Но чаще всего происходит погружение КВ в такой контекст, который семантически контрастирует со значением самой КВ, что создаёт иронический эффект: *УУУ... Тёпленькая пошла* (Надпись под фотографией, изображающей прорыв трубопровода с горячей водой).

Нередки структурно-семантические трансформации, где КВ подвергается либо субституции (*Чингисхан, открой личико; Взрослым — политика, детям — конфеты; Торзуют все!; Инспектор, не жми на тормоза; Ну, бультерьер, погоди!*), либо происходит вклинивание новых слов в структуру КВ (*Чтоб вы сами жили на одну ассистентскую зарплату*). Возможно эллиптирование КВ, в результате которого осколки исходной единицы, попадая в контекст, привносят комедийность в описание эпизода или персонажа (*Чтобы костюмчик сидел; Потому что без воды...*)

Нельзя не согласиться с Л. П. Дядечко в том, что языковая игра с КВ проявляется на любом языковом уровне — от фонетического до синтаксического⁹.

Это очень хорошо можно проиллюстрировать на примере некоторых КВ, которые появились в кинофильмах или восходят к эстрадным миниатюрам. К их числу относятся специфические фонетические трансформации КВ, используемые актёром или исполнителем в кадре. Например, КВ *Семёён Семеныч* (к/ф «Бриллиантовая рука»), *Мне так ка-а-а-тца; Скуууус спесфисский* (миниатюра в исполнении А. Райкина), *Ууу ты какая!* (миниатюра в исполнении Г. Хазанова). На синтаксическом — *Чей туфля? — Моё!* (Реплика Труса (арт. Г. Визин) из кинокомедии «Кавказская пленница»), *Я один умный вещь скажу* (фраза шофёра Рубика (арт. Ф. Мкртчян) из к/ф «Мимино»).

Зачастую различные речевые «ошибки» используются для обозначения речи персонажа, который плохо знает русский язык и произносит фразы-КВ неправильно, коверкая их. Такие КВ появились из к/ф «Мимино» (*Ларису Ивановну хочу; Спасибо, я пешком постою*), из речи бандита Лёлика, героя кинокомедии «Бриллиантовая рука» (*Усё упорядке, шеф*), из речи Балбеса (арт. Ю. Никулин), героя кинокомедии «Кавказская пленница» (*Короче, Склихасовский!*).

В языковой игре с КВ могут сочетаться как лингвистические, так и экстралингвистические аспекты. Таким экстралингвистическим фактором, оказывающим большое влияние на шуточный характер КВ, является личность комедийного актёра, чей персонаж произносит реплику. Благодаря мастерству актёров фразы их персонажей запомнились зрителям и стали употребляться в качестве шутки. Это Б. Новиков в телесериале «Тени исчезают в полдень» (*Загремим под панфары*); Е. Леонов в к/ф «Осенний марафон» (*Хорошо сидим; Тостумый пьёт до дна; Коктейль, коктейль, подумаешь, хиппи лохматая*).

Таким образом, появившись из комедийного источника, неся в себе его комический заряд, КВ являются важным средством смеховой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В.П., Мокшанко В.М., Шулежкова С.Г. 2008–2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / С.Г. Шулежкова (ред.). Магнитогорск; Greifswald.
- Бондаренко В.Т. 2001: О смеховой функции русской фразеологии // Русский язык в школе. 3, 74–76.
- Вакуров В.Н. 1969: Речевые средства создания юмора и сатиры. М.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. 2005: Язык и культура. Три лингвистических концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапientesмы / Ю.С. Степанов (ред.). М.
- Дядечко Л.П. 2001–2003: Новое в русской и украинской речи. Крылатые слова: в 4 ч. Киев.
- Дядечко Л.П. 2012: Языковые игрушки для детей и взрослых // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. Т. 25 (64). 2 (1). Ч. 1 / Ю.Ф. Прайд (ред.). Симферополь, 308–314.
- Мокшанко В.М. 2012: Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. Т. 25 (64). 2 (1). Ч. 1 / Ю.Ф. Прайд (ред.). Симферополь, 100–109.
- Санников В.З. 2002: Русский язык в зеркале языковой игры. М.
- Шулежкова С.Г. 2002: Крылатые выражения, их источники и развитие: монография. М.

CATCH-EXPRESSIONS AS A MEANS OF RUSSIAN CULTURE OF LAUGHTER (on the basis of eptologic dictionaries)

E. I. Zykova

The article deals with the Russian sayings with "comic" meaning. It analyzes the specificity of semantics and functioning of aphorisms as a means of creating a comical.

Key words: catch-phrases, phraseology, language game, occasionalisms (nonce-words)

⁹ Дядечко 2012, 308.

© 2014

И. В. Локтева

ОПЫТ ПАРЕМИОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ

В данной статье рассматривается опыт семантизации трудных для понимания лексем в паремиографических словарях, доказывается необходимость создания словаря просторечной и забытой лексики из сборника пословиц В. И. Даля.

Ключевые слова: паремия, паремиография, просторечная лексика, психолингвистический эксперимент

Слова и выражения, употреблённые в паремиологических текстах, даже став архаичными, не утрачивают свежести в синтаксических конструкциях. Язык паремий предоставляет исследователю богатый лексический материал. Это удивительно, так как слово, являясь центральной языковой единицей и отражая грамматическую структуру языка, требует комплексного и разностороннего изучения. Выявление исторических закономерностей и ведущих тенденций становления литературного языка невозможно без изучения и систематического описания языковых особенностей пословиц, в которых закреплены лексические и грамматические нормы общенародного языка.

Несмотря на то, что паремиография представлена множеством сборников и словарей, изданных в период с XIX по XXI вв., лишь немногие составители собраний пословиц и поговорок ставили своей задачей сопровождать паремии семантизацией. Одним из образцов семантизации интересующего нас материала является работа В. П. Жукова «Словарь русских пословиц и поговорок»¹, хотя у него не все единицы сопровождаются толкованием. В «Большом словаре русских пословиц»² значения приводятся лишь sporadически.

Некоторые составители паремиографических трудов ограничиваются толкованием отдельного компонента у ряда паремий, незнание которого может привести к неправильному их пониманию. В. И. Даль в сборнике «Пословицы русского народа»³ в некоторых случаях комментирует компоненты пословиц, что помогает понять смысл последних. Такой же тактики придерживаются составители «Большого словаря русских пословиц», когда в составе паремии содержатся диалектизмы, неизвестные большинству носителей русского языка.

Лингвокультурологический словарь-справочник русских паремий Л. Б. Кацюба представляет собой попытку описания когнитивно-дискурсивной сущности паремий⁴. В словарных статьях справочника описаны ассоциативные поля русских паремий определённых концептосфер, что даёт возможность проникнуть в языковое сознание носителей русского языка. В работе над словарем Л. Б. Кацюба обращается «к опыту описания психолингвистического аспекта русской фразеологии и её представления на основе результатов ассоциативного эксперимента»⁵.

Как показывает практика работы с паремиологическими словарями, ценность собрания пословиц увеличивается, если словарные статьи содержат толкования единиц или хотя бы отдельных её компонентов.

Наше внимание привлекли пласты разговорно-бытовой просторечной и устаревшей лексики, которые широко представлены в пословицах и поговорках.

Корни просторечия уходят в XVII в. и ведут к «простой мове», о которой писал Б. Успенский в трудах по истории русского литературного языка. Он указывал на то, что оборот «проста мова» — это заимствование⁶. Большой вклад в описание просторечий внёс М. В. Ломоносов, который оперировал термином «простонародный». Ломоносов разработал и поместил в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1785) «теорию трёх штилей», где в пределах «чистой» лексики выделил в том числе и слова «российские простонародные»⁷.

Одним из ключевых этапов в формировании и описании стилистической системы русского языка является составление «Словаря Академии Российской». В данном словаре использованы следующие пометы: *умалительное, уменьшительное, уничижительное, в просторечии, простонародное, обветшалое слово*. Но в нём нет таких помет, например, как *областное, диалектное, бранное* и т.д., а также пометы *разговорное*. Просторечие определено в Словаре как «употребление слов простым народом»; в предисловии же было указано, что «просторечные» — это слова, употребляемые «в разговорах»⁸. Так как в нашем исследовании мы анализируем пословицы из сборника В. И. Даля, мы считаем себя вправе опираться на данное определение.

В XX в. картина меняется. Понятие о просторечии становится более определённым. Кроме того, в словарях используется достаточно подробная и детальная система стилистических помет. Вводится понятие разговорной речи. Теперь именно разговорная речь выступает в качестве той системы, с помощью которой описывают различные ситуации, возникающие в повседневной жизни. Изменения коснулись и просторечия. Часть слов, которая ещё в XIX в. наделалась пометами *просторечное* и *простонародное*, теперь классифицировалась как разговорная. Система помет стала более разветвлённой, т.е. область лексики, которая ранее покрывалась пометой *просторечное*, резко сократилась. В толковых словарях Д. Н. Ушакова⁹, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой¹⁰ представлены такие пометы, как *разг., простореч., фам., детск., вульг., арг., обл., презр., неодобр., пренебр., укор., шутил., ирон., бран., спец.*

Итак, мы будем понимать под просторечием разговорно-бытовую лексику, ограниченную в современном использовании.

В паремиях В. И. Даля мы можем встретить устаревшие слова, которые относятся к пассивному словарному запасу

Локтева Ирина Викторовна — учитель русского языка и литературы Челябинской гимназии № 76. E-mail: loktev131@mail.ru

¹ Жуков 2000.

² Мокшенко, Никитина, Николаева 2010.

³ Даль 2000.

⁴ Кацюба 2010а.

⁵ Кацюба 2010б, 306.

⁶ Успенский 1994.

⁷ Ломоносов 1785.

⁸ Словарь Академии Российской 1, 1789, XVI.

⁹ Ушаков (ред.) 1935–1940.

¹⁰ Ожегов, Шведова 1995.

языка: *сума, зипун, осминник, кафтан, оброть, келья, мошина, алтын, паче, кабак, шинок, докука, гарнец* и др. Они могут быть непонятны для носителей русского языка XXI в.

В ходе исследования нами был проведён эксперимент на узнавание учащимися 8–11 классов гимназии № 76 г. Челябинска в количестве 250 человек лексики стилистически ограниченной сферы употребления, собранной путём сплошной выборки из русских паремий.

За основу был взят сборник В. И. Даля, откуда методом сплошной выборки было извлечено около 2000 паремий, в которых используются просторечия, диалектизмы, а также устаревшие слова. В картотеке оказалось около 2500 просторечных, диалектных и устаревших лексем, имеющих соответствующие пометы в различных толковых словарях.

Большинство проанализированных слов в современных толковых словарях имеют пометы «разг.»: *неказистый, подмостье, умолот* и др.; «разг.-сниж.»: *харчистый, лытки* и др.; «прост.»: *зюзя*; «устар.»: *осил, алтын, келья* и др.; пометы «обл.»: *мутовка, скоп, балакирь* и др. Толкование некоторых лексем можно встретить в словаре самого Даля, например, *бережь, завсе, зауряд, окстить*. Часть лексем толкуется в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера¹¹, например, *нужа, балакирь*.

Данные лексемы мы отсортировали по степени употребления в паремиях, отобрали 200 наиболее часто встречающихся и провели опрос среди учащихся, направленный на выявление степени понимания и использования этого лексического материала.

60 лексем были отмечены учащимися как употребляемые ими в речи: *лихой* (употребляют в речи 48% опрошенных), *злыдень* (45% опрошенных), *канун* (42% опрошенных), *сени* (40% опрошенных), *неймёт* (32%) и др.

Некоторые лексемы оказались неизвестными для всех опрошенных. Другие слова, по признанию части учащихся, всё же им известны. Например, такие лексемы, как *батрак*, употребляют 2% опрошенных, *келья* — 2%, *кабала* — 1%.

Большинство респондентов отметило, что не слышали таких лексем, как *желвак* (97% опрошенных), *тороватый* (91%), *отопок* (92%), *тын* (90%), *однорядка* (88%) и некоторые другие.

Респонденты слышали, но не понимают, например, такие лексемы, как *нужа* (понимает 5% опрошенных), *мошина* (5%), *гашиник* (7%).

Таким образом, мы видим необходимость описания в паремиографических справочниках семантики просторечных лексем из русских паремий и создания словаря просторечной и малоупотребительной лексики из сборника пословиц В. И. Даля.

Данный словарь не может претендовать на исчерпывающую полноту материала, поскольку ориентирован на читателей подросткового возраста.

Просторечные и малоупотребительные слова в словаре будут располагаться в алфавитном порядке в начальной форме с соответствующими пометами о сфере употребления, в отдельных случаях — с данными о происхождении. Толкование лексемы предполагается проводить путём подбора синонимов и описательным способом. Каждая лексема будет сопровождаться подборкой пословиц, в которых она употребляется (пословицы в данном случае располагаются тоже по алфавиту). В словаре планируется приложение: перечень толкуемых слов в алфавитном порядке и указатель использованных лексем на основе тематического распределения паремий в сборнике В. И. Даля. Например, *баба: зауряд, казать, крома, нужа, содом, сума*. В особом приложении будут представлены ассоциативные поля лексем с реакциями на анализируемую лексему, полученными в ходе психолингвистического эксперимента¹². Данное приложение позволяет выделить корпус единиц активного речевого запаса школьников и поможет понять, какие именно лексемы из паремиологического дискурса рекомендуется учащимся освоить.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И. 2000: Пословицы русского народа: в 2 т. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.slova.ru/book_toc/1.html.
- Жуков В. П. 2000: Словарь русских пословиц и поговорок. М.
- Кацуба Л. Б. 2010а: Русские паремии: лингвокультурологический словарь-справочник. Челябинск.
- Кацуба Л. Б. 2010б: Русские паремии: опыт составления лингвокультурологического словаря-справочника // Лингво-Профи: материалы междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. Владимир, 304–307.
- Локтева И. В. 2013: Лексика стилистически ограниченной сферы употребления русских паремий в языковом сознании школьников // Вестник ЧелГУ. Сер. «Филология. Искусствоведение». Челябинск, 2 (293), 38–42.
- Ломоносов М. В. 1785: Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-5852.htm>.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. 2010: Большой словарь русских пословиц. М.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1995: Толковый словарь русского языка. М.
- Словарь Академии Российской 1789: в 6 т. Т. 1. СПб. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm>.
- Успенский Б. А. 1994: Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/uspenski-3.htm>.
- Ушаков Д. Н. (ред.) 1935–1940: Толковый словарь русского языка: в 4 т. М. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-19236.htm>.
- Фасмер М. 1986: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer>.

EXPERIENCE OF THE PAROIMIOGRAPHIC DESCRIPTION OF COLLOQUIAL VOCABULARY (VERNACULAR)

I. V. Lokteva

This article examines the experience of semantization difficult to understanding tokens in paroimiographic dictionaries based on psycholinguistic experiment conducted with a group of schoolchildren. The author considers the necessity of dictionary creation of forgotten vernacular vocabulary from the book of proverbs by V. I. Dahl.

Key words: proverbs, paremiografiya, colloquial vocabulary, psycholinguistic experiment

¹¹ Фасмер 1986.

¹² Локтева 2013.

© 2014

А. С. Макарова

ОТРАЖЕНИЕ ВАРИАНТНЫХ ФОРМ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ-ГАЛЛИЦИЗМОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: ТРУДНОСТИ ПОИСКА

Использование крылатых выражений в СМИ является сегодня отличительной чертой российской публицистики. Особый интерес для исследователя представляет функционирование КВ-трансформов. В статье говорится о трудностях, принципах поиска КВ в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: крылатые выражения, газетный подкорпус, трансформ, параметризация

Формирование фонда крылатых выражений (КВ) различных языков входит в число актуальных вопросов современной лингвистики и отражено в трудах Э. М. Солодухо, А. В. Кунина, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой, В. П. и О. В. Берковых, Л. П. Дядечко, В. Хлебды, М. Rat, A. Ray и др. Исследование КВ иноязычного происхождения русского языка находится в русле решения этой общей проблемы, что напрямую связано с их функционированием в разных стилях.

Изучению особенностей функционирования фразеологических единиц (ФЕ), в фонд которых входят и КВ, отведено значительное место в разработке прагматических проблем. Вопросы своеобразия фразеологической номинации, её отличие от лексической, особенности актуализации фразеологического значения не только в номинативном, но и в коммуникативном потенциале изучаются многими современными фразеологами: А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой, Л. П. Дядечко, В. Хлебдой, J. C. Bologne, A. Ray, S. Chantreau и пр.¹.

Сегодня наиболее широко ФЕ, в том числе и КВ, используются как в художественной литературе, так и в публицистическом стиле. Выбор языковых средств журналистикой объясняется её способностью отразить состояние языка в определённый исторический период, сделать номинацию явлений в жизни общества более эмоционально-экспрессивной, индивидуализировать речь автора, вовлечь в диалог читателя и т.п. Публицистический стиль оперативно реагирует на все изменения, происходящие в жизни общества. Диалогичность, усиление личностного начала, динамизм употребления языковых средств отличает язык современной российской журналистики. «Раскованность, раскрепощённость говорящего и пишущего действуют на все механизмы языка — на словоупотребление, слово- и фразеобразование, синтаксис, интонационное и фонетическое построение речи»².

Публицистика обладает большим разнообразием речевых средств, которые характеризуются яркой экспрессивностью и носят, как правило, оценочный характер. В периодике России отчётливо прослеживается тенденция к расширению области функционирования как КВ-инвариантов, так и их трансформов, при этом на газетной полосе чаще встречаются КВ-трансформы. Данная особенность объясняется тем, что КВ эффективно выполняют свою информативно-воздействующую функцию именно в публицистических текстах. Передачу информации КВ осуществляют экономными средствами, ярко, выразительно, а «обращение к интертекстуальным единицам подчёркивает стремление журналистов к интеллектуализации текстов»³. Действительно, для восприятия трансформированных КВ необходим широкий круг знаний, определённая начитанность. Газета ориентирована на большую аудиторию, поэтому статьи должны быть общепонятны. Однако доступность понимания не предполагает снижения интеллектуального уровня публицистического текста. «Понятным каждому должно быть основное, главное в содержании высказывания, а возникающие при этом дополнительные ассоциации у каждого читателя могут быть различными»⁴.

Для исследователя функционирование КВ-трансформов представляет особый интерес, так как преобразование означенных единиц говорит об их востребованности и жизнестойкости. Вместе с тем, трансформация может приобретать разные формы и порой влечёт за собой определённые трудности в сфере поиска КВ-трансформов непосредственно в контексте. Осуществлять поиск легче, когда КВ имеет структуру фраземы. Особенности сложности для поиска представляют КВ со структурой предложения, хотя благодаря данной структуре их трансформационные возможности становятся гораздо шире.

В нашей работе мы пользуемся материалами газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в котором представлены как центральные, так и областные газеты. Мы не анализируем публикации периодических журналов. В работе со словарями применяется метод сплошной выборки. Однако сложнее выявить не статичную фразеологию, а динамичную. Самый сложный поиск — это поиск аллюзий, когда от структуры КВ остаётся лишь один стержневой компонент. Поэтому поиск КВ-трансформов в публицистических текстах требует иного подхода: по стержневому или редкому лексическому компоненту. Такой подход по преимуществу является словоцентричным. В НКРЯ слова с «наивысшим весом» называются словами-«ключами». В газетном подкорпусе НКРЯ существует система фильтров, основанная на 4 500 частотных устойчивых сочетаниях слов, поскольку в таких текстах особенно велика доля языковых штампов (*вступить в силу, уровень жизни* и т.д.). Д. Н. Шмелёв отмечал растущую роль многословных оборотов в современном русском языке: «Некоторые из слов <...> всё активнее употребляются для выражения разного рода отношений между предметами и явлениями, обозначенными другими словами. В связи с этим их функция в предложении становится близкой функции предлогов, союзов. Ср. такое употребление слов *сфера, лицо, дух, мера* и т.п.: *перед лицом военной угрозы, в сфере распределения материальных благ, со стороны общества, в расчёте на массового потребителя, в духе взаимопонимания, по мере того как, в связи с этим, что* и т.п.»⁵. Очевидно, что учёт подобных конструкций — устойчивых коллокаций — может быть полезен не только

Макарова Александра Стефановна — заведующая кафедрой французской филологии Московского института иностранных языков. E-mail: aleste_63@mail.ru.

¹ См., напр., монографические исследования: Шулежкова 2002; Дядечко 2006; Chlebda 2005 и др., а также словари Мелерович, Мокиенко 2005; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000; Дядечко 2008 и др.

² Григораш 2008, 5.

³ Саютина 2011, 45.

⁴ Григораш 2008, 276.

⁵ Шмелёв 2002, 87–88.

при снятии морфологической омонимии, но также в «малом» синтаксисе и при разрешении лексической многозначности в семантической разметке. Кроме того, информация о вхождении слова в некоторый устойчивый оборот может представлять самостоятельную ценность для пользователя корпуса. Фасетность, т.е. параметризация словарного значения по нескольким основаниям, не ведёт к семантической омонимии: последняя возникает, если значения слова относятся к разным лексико-семантическим классам.

По нашим наблюдениям, в фонде КВ-галлицизмов выделяется группа единиц, которые всегда используются в речи без изменения плана содержания и плана выражения. Например, *Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли*. Как правило, подобные КВ имеют структуру простого распространённого или сложного предложения, которая влияет на способность языковой единицы к преобразованиям. Для поиска таких КВ лучше использовать другой принцип поиска — поиск точных форм. В строку вводится исходное КВ, затем появляются контексты-примеры. Например: *Этот невидимый контролёр сидит в каждом из нас и мешает творить тёмные дела. Руки заставляют дрожать в самый неподходящий момент. Или пропускает нотку злорадства во вполне мирных фразах. Талейран говорил: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли»*. Но нас выдают не столько слова, сколько поведение в целом⁶. Чтобы найти отдельное слово-компонент КВ, необходимо вводить его в разных грамматических формах (не в начальной форме), что, на наш взгляд, важно.

Чтобы найти интересующее нас трансформированное КВ в газетном подкорпусе, предлагается ввести два слова-компонента, выбрать расстояние между словами — «ключами» (от — до +). Для примера возьмём КВ-галлицизм *место под солнцем*, которое является одним из самых частотных в российской периодике. КВ имеет структуру С+П+С. В поиск мы вводим два стержневых компонента КВ (*место* и *солнце*) в именительном падеже, т.к. эти компоненты отражают образную семантику данного КВ. Семантика КВ может осложниться при их интерпретации в ином культурном контексте, когда происходит воздействие культуры на язык. Открывается большое количество контекстов (до 20 страниц), на каждой странице по десять примеров. Перейдём к их анализу. Из десяти примеров мы находим: инвариантов — ни одного; трансформов — 7 (*право на место под солнцем; ожесточённая борьба за место под солнцем; «место под солнцем» для своей машины; место «под солнцем» стоит дороже; продажа места под солнцем на берегу; своё место под солнцем; стоять в очереди за место под солнцем*). На данной странице имеется также три примера, которые не относятся к исходной КВ: *на острове Солнца <...> в том месте* (1); *страна восходящего солнца <...> стихия не затронула места...* (2).

Теперь возьмём в качестве примера КВ-галлицизм со структурой предложения *Аппетит приходит во время еды*. Для первого этапа поиска введём компоненты *аппетит* и *еда*. Корпус выдаёт восемь страниц с контекстами. На первой странице мы имеем 10 примеров, из которых семь употреблений инварианта, два — трансформа (*аппетит пришёл во время еды и аппетита во время еды не пришёл*) и один пример вне области поиска данного КВ-трансформа (*отказалась от еды, просто нет аппетита*). Изменим выбор компонентов КВ для поиска его трансформов. Вводим другие стержневые компоненты *аппетит* и *приходить*. Из десяти примеров употребление инварианта встречается семь раз, трансформов — три (*аппетит приходит во время игры* — два одинаковых примера; *теннисный аппетит приходит во время игры*). Употребление трансформа *аппетит приходит во время игры* встречается в газете «Советский спорт», но в статьях, написанных разными журналистами и в разных номерах. Статья «Матёрый Лось борозды не испортит»⁷ принадлежит А. Ванденко, а автором публикации «Всплеск энергии на 100-й минуте»⁸ является А. Куликов. Тот факт, что оба примера КВ-трансформа совпадают по форме, подтверждает мысль о моделируемости КВ. Употребление же КВ, изменённого по одной модели, объясняется тематической направленностью не только публикации, но и самой газеты.

В статье «Корпус как творческий проект» Е. В. Рахилина пишет, что когда работа над НКРЯ начиналась, баланс между жанрами текстов соблюдался условно. Так, для периода XIX в. и для большей части XX в. художественная литература была более доступной, чем публицистика. Как правило, акцент делался на полный охват художественной литературы. Однако публицистика оказывается очень важной для корпуса, потому что отражает несколько другой — по сравнению с художественными текстами — вариант языка, более близкий к повседневному разговорному языку. Следует отметить, что классические идиомы оказались большей частью вне зоны внимания создателей НКРЯ. Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым не только и дальше искать, обрабатывать и вводить в Корпус новые тексты этого жанра для соответствующих временных периодов, но и создать подкорпус ФЕ, в фонд которых входят паремии, КВ и пр. Данный подкорпус облегчил бы поиск означенных языковых единиц в разных функциональных разновидностях языка.

Такая задача представляется вполне реализуемой, так как «корпус — это не только интернет-продукт, но и творческое сообщество людей, которые работают вместе. Их творческий заряд и воплощается в структуре этой системы, так что «сама она максимально (из существующих корпусов) приспособлена для творческого поиска пользователя. Поле для такого поиска является русский язык»⁹.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка. М.
 Григораш А. М. 2008: Фразеологические инновации в современной публицистике Украины: (на материале русскоязычной и украиноязычной прессы 1990-х–2000-х гг.). Киев.
 Дядечко Л. П. 2006: «Крылатый слова звук», или Русская эптология. Киев.
 Дядечко Л. П. 2008: Крылатые слова нашего времени. М.
 Мелерович А. М., Мокиенко В. М. 2005: Фразеологизмы в русской речи. М.
 Рахилина Е. В. 2009: Корпус как творческий проект // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 7–26.
 Саютина Н. В. 2011: Трансформация фразеологических единиц как проявление стилиевой манеры журналиста // Изв. Саратовск. ун-та. Т. 11. Сер. Филология. Журналистика. Саратов, 44–48.
 Шмелёв Д. Н. 2002: О семантических изменениях в современном русском языке. М.

⁶ Комсомольская правда 26.11.2001.

⁷ Советский спорт 25.08.2009.

⁸ Советский спорт 06.08.2009.

⁹ Рахилина 2009, 25–26.

Шулешкова С. Г. 2002: Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие: монография. М.
Chlebda W. 2005: Szkice o skrzydlatych stowach: interpretacje lingwistyczne. Opole.

REFLECTION OF VARIANT FORMS OF CATCH-PHRASES-GALLICISMS IN NATIONAL RUSSIAN LANGUAGE CORPUS:
 DIFFICULTIES OF SEARCH

A. S. Makarova

The use of catch-phrases in media is a distinct trait of Russian social and political journalism now. The special interest for an explorer is functioning of their transformers. The article deals with difficulties, principles of catch-phrases search in newspaper subcorps of the National Russian language corpus.

Key words: catch-words, newspaper subcorps, transformer, parametrisation

© 2014

Е. И. Позднякова

ОТ СБОРНИКА К СЛОВАРЮ: ПАРЕМИОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОГНИТИВНО-
 ПРАГМАТИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ

В статье рассматривается влияние паремиографического фактора на расширение предмета современной паремиологии в аспекте семантического описания пословиц и поговорок как культурно значимых единиц. Особое внимание уделено сравнительно-историческому и лингвокультурологическому подходам к созданию современных многоязычных паремических словарей и сборников.

Ключевые слова: паремиография, словарь пословиц и поговорок, семантическое описание, тематическая группа, когнитивно-прагматическое моделирование

Становление и бурное развитие паремиологии как самостоятельного раздела лингвистики в рамках главенствующей в современном языкознании антропоцентрической парадигмы привело (в числе иных достижений) к усилению внимания к паремиографии как к научному направлению не только прикладного (собственно лексикографического) характера, но и лингвокультурологического свойства. «Составление сборников пословиц старо, как сама печать», отмечает американский исследователь Ч. Дойл¹ в своём кратком историческом обзоре англоязычных паремиографических трудов. С этим трудно не согласиться, учитывая, что сборники назидательных изречений (ещё не пословиц, но их афористических предвестников) были чрезвычайно популярны и на Руси (древнерусская «Пчела», «Апофегмата» и др.). Тем не менее для паремиолога работа с паремическими словарями и сборниками — это не просто знакомство с обширным фондом русских пословиц и поговорок, народной мудростью, но и прослеживание тенденций собирания и изучения паремий, особенностей и частотности фиксации тех или иных паремических единиц (ПЕ).

Первые рукописные собрания пословиц появляются в России в конце XVII — начале XVIII в. Вплоть до XX столетия за редким исключением «списки пословиц составлялись, очевидно, по трафарету, в который вписывались и добавлялись новые пословицы»². Но, несмотря на то, что многие пословицы кочевали в сборник в сборник, «подтверждая их актуальность и стабильность существования во времени и пространстве»³, каждый из пословичных сборников несёт на себе печать взглядов своего составителя. Это может проявляться в выборе опубликованных пословиц (особенно это касается издателей XX–XXI вв.): автор выбирал из бесчётного количества паремий те, которые считал наиболее яркими, точными, употребительными. Составитель решал и более сложную задачу: по какому принципу следует расположить паремии. Исторически сложилось несколько паремиографических общеевропейских традиций: упорядочивание пословиц в алфавитном порядке строго по первому слову (даже если оно является служебным); «стержневой» принцип — тот же алфавитный порядок, только уже по первому «ключевому» слову (как правило, это существительное); ещё один популярный принцип расположения паремий — тематический (В. М. Мокиенко, Ч. Дойл). Таким образом, за несколько столетий был собран огромный материал, который требовал тщательного изучения. В XX–XXI вв. в основном «собираетелная» тенденция сменяется описательно-исследовательской (со сравнительно небольшим перерывом на советский период, заслуживающий отдельного внимания в истории отечественной паремиографии). Сегодня мы имеем дело не просто со сборниками пословиц и поговорок, а скорее с изданиями, приближающимися по характеристикам к паремическим словарям, поскольку в них зачастую содержится этимологический, исторический, лингвокультурный комментарий, частотный анализ (число фиксаций и отсылки к другим сборникам, спискам, где эта паремия была зафиксирована), примеры употребления в речи, литературе и т.п.

Для современных паремиологов и паремиографов одной из наиболее актуальных задач является не столько анализ имеющихся источников и поиск наиболее оптимального для восприятия способа представления выражений в словаре пословиц; не просто фиксация изменений старых и появления новых паремических единиц, но и вопрос о помещении в паремический сборник-словарь хотя бы части накопленных знаний о паремиях. Строго говоря, все исследования ранее, как правило, касались макроструктуры сборников пословиц и поговорок, а именно объёма и характера выборки паремических единиц и прин-

Позднякова Елена Ивановна — аспирант кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: elena_palii@mail.ru

¹ Doyle 2007, 181.

² Шахнович 1936, 304.

³ Мокиенко 2009, 12.

ципа расположения материала. Сегодня же, несмотря на продолжающиеся споры о плюсах и минусах того или иного типа расположения паремий, на первый план выходят вопросы, касающиеся микроструктуры словаря: как должна выглядеть словарная статья, как будет соотноситься внутри неё разного рода информация о паремии. Очевидно, что уже недостаточно просто фиксации пословиц и поговорок в сборниках, мало имеющихся в них толкований. Необходимость обращаться к разного рода отраслевым языковым и энциклопедическим словарям; учёт экстралингвистических факторов при изучении пословиц требует создания нового типа словарей паремий. Результаты последних исследований о природе и лингвистическом статусе паремий, их прецедентности, одновременной универсальности и этнической уникальности, с одной стороны, дают богатый материал для словарной обработки, а с другой, ставят вопрос о направлениях развития современной паремиографии (варианты толкового, этимологического словаря пословиц, а также создания ценностного словаря на материале пословиц и т.п.).

Любой исследователь, изучая и систематизируя паремии, так или иначе сталкивается с проблемами их классификации. Это касается отбора пословиц по той или иной теме, их паспортизации и расположения как для картотеки, так и для сборника, а также вопросов актуальности и распространённости той или иной ПЕ. Составляя картотеку пословиц, необходимых для характеристики их ценностной составляющей, в частности отражения феномена народной религиозности в отечественной паремиологии, мы столкнулись с аналогичными вопросами. Какие пословицы считать имеющими отношение к вопросам осмысления православной культуры и традиций, а какие нет? Почему такая известная пословица, как *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*, несмотря на наличие лексемы из религиозного обихода (монастырь, устав) в плане изучения пословиц религиозного содержания, пословиц о вере (православии) нам менее интересна, чем пословица *Терпенье и труд всё перетрут*. В первом случае мы имеем дело с рекомендацией, как себя вести в чужой обстановке. Здесь лексемы *монастырь* и *устав* — национально значимые исторические реалии, послужившие образной основой для кристаллизации на базе когнитивной оси «Свой–Чужой» практической рекомендации: «Необходимо соблюдать принятые в том или ином окружении правила поведения». В пословице *Терпенье и труд всё перетрут* отражаются морально-этические ценности русского народа, сформированные во многом под влиянием православной культуры. Это так называемые «ключевые слова повседневной жизни, по своей семантике связанные с полем веры»⁴.

Современные исследователи постепенно, где-то интуитивно, где-то опираясь на полученный опыт систематизирования и методологические принципы лингвокультурологии, идут при анализе пословицы от формы к содержанию: от лексических маркеров — к концептам, от синтаксической структуры — к когнитивной модели. И сегодня представление о тематической группе пословиц уже намного шире и глубже: «Тематическая группа паремий, как и видовая тематическая парадигма, является не объединением, основанным, в первую очередь, на когнитивной общности высказываний, и основной тематический вектор в ней определяется не по лексическим маркерам, а по тем когнитивам, которые формируют смысловую модель паремии»⁵. В качестве примера рассмотрим паремии *Надсаженный конь, надломленный лук, да замирённый друг* и основания её расположения сразу в двух тематических разделах «Дружба» и «Верное, надёжное» в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа». Если рассматривать ПЕ с позиции семантического доминирования лексических маркеров, то лексема *друг* однозначно указывает на репрезентацию концепта «Дружба», что же касается концепта «Ненадёжность», он непосредственно лексически не репрезентирован в рассматриваемой паремии. Данная когнитива реализуется косвенно, через тесную связь с другим концептом — «Сломанное», репрезентированным лексемой «Надломленный». Так, образ неочевидный (или не всегда очевидный) «замирённый друг» раскрывается через образы, не требующие разъяснения: «надсаженный конь» и «надломленный лук». То есть «формообразующей» основой является когнитивная модель «сломанное не может быть надёжным», а ценностным акцентом в выражаемом прагматическом смысле является предупреждение о «ненадёжности замирённого друга». Относительно справедливости расположения паремии в тематических группах хочется отметить, что благодаря выраженному предостережению рассматриваемая паремия может быть отнесена к тематическому блоку, посвящённому пересечению антонимической пары «Друг–Враг/Недруг». Ср.: *Раздружится друг — хуже недруга, Друг до поры — тот же недруг*. Эта же пословица, выражая уверенность, что «сломанное не может быть надёжным», по праву занимает место в ряду пословиц о надёжности/ненадёжности. Мы, кстати, вполне можем допустить существование варианта пословицы «Замирённый друг — что надломленный лук», где благодаря форме сравнения когнитивная функция (выражения умозаключения) ПЕ и её паремиологический статус становятся более прозрачными. Таким образом, когнитивная общность высказываний — ключевой фактор объединения паремий в тематические блоки. Необходимость в процессе анализа выделять и соотносить денотативное, коннотативное и потенциальное содержание пословиц подчёркивается также в рассуждениях Н. Ф. Алефиренко относительно теоретических основ современной паремиологии и паремиографии: «Синергетическое фразеографирование преследует эксплицирование и структурирование взаимно соотносительных (системно связанных) сведений о денотативном, коннотативном и потенциальном содержании представляемой в словарной статье языковой единицы»⁶.

Другой важной и не менее сложной задачей, стоящей перед паремиографом, является уточнение статуса паремической единицы. Так, рассматриваемый нами выше пример *Надсаженный конь, надломленный лук, да замирённый друг* мы склонны отнести к поговоркам, опираясь на формальные (незамкнутая структура) и функциональные (номинативно-образная функция) признаки. Тем не менее, полученные в ходе анализа паремии результаты противоречат этому решению (обобщённое значение, выражающее умозаключение назидательного характера, что не всегда характерно для поговорок). Также обращает на себя внимание возможность трансформации выражения в пословичный вариант (*Замирённый друг — что надломленный лук*) и недосказанный вывод, потенциальное продолжение — «не пригодятся», «не помогут». Таким образом, скорее всего перед нами синкретичная единица, сочетающая в себе как признаки пословицы, так и поговорки.

Ещё одна современная паремиографическая тенденция, имеющая огромное значение для науки о языке в целом и паремиологии в частности, — новый взгляд на сравнительную паремиографию и работу над многоязычными словарями пословиц и поговорок. Попытки сопоставить русские пословицы с иноязычными (как правило, европейскими) предпринимались с XIX в. (И. Гольцух. Пословицы, поговорки и изречения, или народная мудрость на трёх языках: русском, французском и немецком: с прибавлением некоторых на латинском языке; И. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототипы

⁴ Никитина 2011, 429.

⁵ Семенов 2012, 294.

⁶ Алефиренко 2009, 121.

трёхсот русских пословиц и поговорок), но лишь на рубеже XX–XXI вв. активизируется работа в этом направлении и становится актуальным соответствующий анализ проблемы сходства и различия паремических единиц не только в плане выбора значимой для этноса лексики, но и в отношении способов выражения особенностей мышления и ценностных ориентировок различных народов. Влияние на указанный процесс оказывают, в первую очередь, такие работы, как «Русско-немецкий словарь пословиц с европейскими соответствиями» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» М. Ю. Котовой, сборник «Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów» С. Г. Шулежковой, В. Хлебды и В. М. Мокиенко, а также «Фразеологический словарь старославянского языка»⁷. Благодаря успешному взаимодействию учёных-славистов и русистов в рамках фразеологического семинара В. М. Мокиенко стремительно развиваются в современной паремиографии принципы сравнительно-исторического подхода. В результате идёт работа над немецко-польским словарём крылатых слов (Х. Вальтер, Э. Коморовска, А. Крзановска), над учебным словарём русской фразеологии на русском и чешском языках (Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва, Б. Бурешова, М. Рыковска), над украинсько-російсько-білорусько-болгарсько-польським словником порівнянь (О. П. Левченко) и над другими словарями.

Таким образом, расширение представлений о паремиях как предмете лингвистического и лингвокультурологического описания находит отражение в паремиографии в аспектах фиксации и паспортизации пословиц и поговорок. В то же время, учёт всех нюансов паремиографической истории отдельных народных афоризмов чрезвычайно значим для разработки методики когнитивно-прагматического моделирования паремической семантики.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф.* 2009: Методологические векторы когнитивно-синергетической фразеологии // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2 (24), 120–127.
- Жигулёв А. М.* 1965: Из истории изучения и собирания пословиц и поговорок // Русские народные пословицы и поговорки. М., 28–59.
- Котова М. Ю.* 2000: Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.
- Мокиенко В. М.* 2009: Большой словарь русских пословиц (опыт составления) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2 (24), 5–18.
- Никитина С. Е.* 2011: О конфессиональных словарях и материале для их построения // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 3 (33), 429–434.
- Семенов Н. Н.* 2011: Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол.
- Шахнович М. И.* 1936: Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок // Советский фольклор. М.; Л., 4–5, 299–369.
- Шулежкова С. Г., Коротенко М. А., Михин А. Н., Мишина Л. Н., Осипова А. А. [и др.]* 2011: Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / С. Г. Шулежкова (отв. ред.), М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова (члены редкол.). М.
- Chlebda W., Mokijenko W. M., Šhuležkova S. G.* 2003: Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask.
- Doyle Ch. C.* 2007: Collections of Proverbs and Proverb Dictionaries. Some Historical Observations on What's in Them and What's Not (With a Note on Current "Gendered" Proverbs) // Phraseology and Culture in English / P. Skandera (hrsg.). Berlin, 181–203.
- Walter H., Mokienko W. M.* 2006: Sprichwörter. Russisch-Deutsches Wörterbuch mit europäischen Parallelen. Greifswald.

FROM COLLECTION OF PROVERBS TO THE DICTIONARY OF PROVERBS: PAROIMIOGRAPHICAL FACTOR IN COGNITIVE-PRAGMATIC MODELLING

E. I. Pozdnyakova

The article deals with the influence of paroimiographical factor on the expansion of the object of modern paroimiology in the aspect of semantic description of proverbs and sayings as culturally significant units. Comparative, linguistic and cultural methods of writing of paroimiological dictionaries and collective books are greatly emphasized.

Key words: paroimiography, dictionary of proverbs and sayings, thematic grouping of paroimias, semantic description, cognitive-pragmatic modelling

© 2014

Е. И. Селиверстова

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ ПОСЛОВИЦ В СВЕТЕ ДАННЫХ МНОГОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ

Автор пытается показать, что в пословицах как единицах особого жанра содержится более интернационального, нежели национального, что подтверждается данными многоязычных словарей пословиц.

Ключевые слова: словарь, паремия, иноязычные параллели, пословичный тип, конденсат

В наши дни, когда при изучении языка и культуры определённого этноса особое значение приобретают духовно-нравственные и ментальные ценности, вектор развития научной парадигмы в изучении устойчивых выражений, несмотря на

⁷ Walter, Mokienko 2006; Котова 2000; Chlebda, Mokijenko, Šhuležkova 2003; Шулежкова [и др.] 2011.

Селиверстова Елена Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: selena754@inbox.ru

признание этноязыковой самобытности фразем и пословиц в каждом из национальных языков, смещается с акцента на их национальном своеобразии, на выявление общего в видении окружающего мира разноязычными говорящими, в логико-языковом оформлении увиденного, в выраженном к увиденному и «воязыченному» отношении. Свидетельством этого является как активность исследований, ориентированных на сопоставление материала, выражающего паремийные концепты нескольких языков, так и количество дву- и многоязычных словарей пословичных единиц (ПЕ), вышедших в последние десятилетия¹. Повсеместной практикой стало в серьёзных этимологических источниках указание на параллели из близкородственных и неродственных языков, подтверждающие, с одной стороны, ту или иную излагаемую версию происхождения паремий, или, с другой — демонстрирующие регулярность и продуктивность определённой модели, сходство и различия в лексическом оформлении паремий и т.д.².

Существенное сходство между ПЕ двухсот неблизких типологически и генетически языков убедительно показал в своё время Г.Л. Пермяков в словаре «Пословицы и поговорки народов Востока»³. Немало общего находит между ПЕ африканских и европейских языков, японского, китайского, арабского известный паремиолог В. Мидер⁴.

Хотя в ПЕ чаще закрепляются образы, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами и стереотипами, отражающими характерный для некоей лингвокультурной общности менталитет⁵ (ср.: *В Тулу со своим самоваром не ездят; Заставь дурака Богу молиться, он и лоб разобьёт; Чем лаптя кланяться, так уж поклонюсь сапогу*), нередко мы встречаем в разных языках ПЕ, не являющиеся результатом общего происхождения или языковых контактов, но имеющие сходство в значении, структуре и лексике. Чем же, как не некоей общностью в интеллектуальной деятельности человека и его наблюдениях за окружающим миром, можно объяснить наличие в китайском языке ПЕ 不勞動者, 不得食 (*Кто не работает, тот не ест*), столь широко распространённой в европейских языках благодаря своему библейскому первоисточнику?!

Общее и различное между ПЕ разных языков можно выявить на нескольких уровнях. В словарях и в сетевых подборках иноязычных паремий нередко группируются изречения на одну тему. Близки и тематические рубрики в одно- и многоязычных паремийных словарях. В словаре Е. Глуского⁶ 1100 пословиц каждого из шести языков разделены на 48 тематических рубрик (Везение — Неудача, Правда — Ложь, Знание — Опыт, Заём — Долг и т.д.), почти совпадающих с представленными в «Пословицах русского народа» В.И. Даля. У разных народов мы найдём ПЕ об отношении к другу, к дураку, к жене, к собственности, к богатству и проч., поскольку это базовые, жизненно важные вещи, хотя конкретная тема может разворачиваться в ПЕ отдельных языков и культур с разной степенью активности и с разными направлениями детализации. Так, сложные отношения между свекровью и невесткой, отразившиеся в ПЕ многих языков (ср.: нем. *Des Mannes Mutter, der Frauen Teufel*; англ. *The mother-in-law remembers not that she was a daughter-in-law*; араб. «Написано на двери рая: “Нет ни одной свекрови, которая любит свою сноху”»), в русском и китайском языках составляют целую пословичную энциклопедию: *Блудливая свекровь и невестке не верит; Свекровь злится, что невестка веселится; Свекровь кошку бьёт, а невестке наветки даёт; Сноха за порог, свекровь за пирог* и др.; кит. букв. «За одну сноху десять свекровей»; «Искусная сноха не боится привередливой свекрови»; «Сноха сделала дело, свекровь явилась»; «Сноха ступает ногами на след от ботинка свекрови» и т.д.⁷.

Весьма популярное научное направление в рамках изучения языковой картины мира — выявление общего и различного на уровне концептов, вербализованных в ПЕ. Совокупность ПЕ отражает представление носителей языка о существующих в окружающем мире вещах — реально-предметных или ментальных. Многие из этих концептов универсальны: «Душа» и «Сердце»,⁸ «Любовь»,⁹ «Грудь»,¹⁰ «Семья»¹¹ и др.

С другой стороны, образы тигра и слона мы скорее найдём в языках, носители которых имеют опыт наблюдения за этими животными. В русских ПЕ вообще отсутствует образ тигра, в то время как у азиатских народов на нём основано метафорическое содержание многих изречений: корейск. букв. «Голодному тигру что собака, что монах — всё едино»; бенгал. «В воде крокодил, на берегу тигр»; индонез. «С виду тигр, а в душе мышонок»; кит. «В одном лесу два тигра не живут»; «Волков и тигров бояться — на горе не жить»; «Если хочешь пощупать зад тигра, надо прежде понять его нрав» и др.

Более прозаический пример: свинья, согласно ПЕ, предстаёт во многих языках как недостойная, прожорливая, ленивая, жирная, опасная, шумная, хотя ассоциации свиньи с грязью (ср. *Свинья грязи найдёт; Наряди свинью хоть в серьги, а она всё в навоз пойдёт*) в китайском, например, нет¹².

Квота национального в пословичном фонде какого-л. языка становится намного меньше, если при сопоставлении материала разных языков учитывать некоторые особенности, общие для единиц этого жанра. Так, если мысленно исключить из ПЕ «декор» — метафоричность, лексическую избыточность, ритм, рифму и проч., то суть её может предстать в виде двух-трёх компонентов, выражающих в сжатом виде смысл паремии. Трудно назвать это «пословицей» — вследствие отсутствия необходимых пословичных маркеров, но можно назвать это *пословичным конденсатом, провербиальной идеей*; ср.: «Жена

¹ Среди источников XX–XXI вв. можно упомянуть сборники пословиц: Абаскулиев Т. 1981: Английские пословицы и их азербайджанские и русские эквиваленты. Баку; Arthaber A. 1952: Dizionario Comparato di Proverbi e Modi Proverbiali. 2-nd edit. Milan; Bachmannová J., Suksov V. 2007: Jak se to řečnické jinde. Česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky. Praha; Paczolay G. 2002: European proverbs in 55 languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese. Hobart, Tasmania; Świerczyński D. i A. 2001: Słownik przysłów w ośmiu językach. Warszawa и т.д.

² Бирих А.К., Мокшенко В.М. (ред.), Степанова Л.И. 2007: Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.; Walter H., Mokienco V. 2009: Deutsch-Russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald; Harry Walter, Petra Fojtů 2012: Schwarzes Schaf, falscher Prophet, barmherziger Samariter: Deutsch-tschechisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald и др. Богатейший список многоязычных словарей ПЕ приводит В. Мидер: Mieder W. 2004: Proverb: A handbook. “Greenwood Folklore handbooks”. Westport, Connecticut, London, 266–271.

³ Пермяков 2001.

⁴ Mieder 2004.

⁵ Золотых 2013, 70.

⁶ Gluski 1971.

⁷ Ван И-цзюнь 2005.

⁸ Вальтер 2013, 15.

⁹ Воркачёв 1995.

¹⁰ Савенкова 2002.

¹¹ Железнова 2009.

¹² Селиверстова, Цэн Кунь-цзяо 2013, 454.

и муж одинаковы», «Дети повторяют родителей», «Молчание похвально», «Малое эффективно», «Дурака не исправить», «Опытный <человек> надёжен», «Большое лучше маленького», «Маленькое лучше большого», «Работа калечит» и пр.

В свете данных многоязычных словарей и сопоставительных штудий особенно очевидно, что паремийные конденсаты не имеют национальной привязки — они интернациональны. Так, обобщённая идея «Ребёнок похож на родителя» представлена ПЕ самых разных языков. Идея сходства может передаваться: а) через образы яблока и яблони (дерева и плода) — *Яблоко от яблоньки недалеко падает*, нем. *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm*; чеш. *Nepadne jablko daleko od stromu*; болг. *Ябълката не пада далеч от дънера си*; франц. *Tel arbre, tel fruit*; англ. *As the tree so the fruit; Like tree, like fruit*; осет. «Яблоки на яблоне растут»; карел. «Яблоки на ели не растут»; дарг. «Каков корень, таковы и побеги»; груз. «От корня крапивы крапива же и растёт»; б) через образы животных и их детёнышей: *Не родится от свиньи бобрёнок, всегда — поросёнок*; индонез. «От лошади осёл не родится»; «У рябого отца и сын рябой»; вьетн. «Если отец лев, то и сын львёнок»; кит. «У тигрицы не рождаются дворняги»; в) без использования образных элементов: *Какова мать, такова и дочь*; англ. *Like mother, like daughter*; азерб. «Каков прадед, таков и потомок»; кит. «Каков отец, таков и сын» и т.д.

Пословицная идея «Пуганый (опытный) опаслив» объединяет представления разных народов об осторожности, основанной на опыте, и рисует разные виды возможных опасностей: *Обжжёшься на молоке, на воду дует; Пуганая ворона куста боится*; англ. *Birds once scared fear all bushes*; нем. *Eine erschreckte Krähe fürchtet jedes Gebüsch*; чеш. *Opařený kohout i před deštěm utíká*; болг. *Koÿmo e ханан от змия, той се бои и от зуцер*; корейск. «Кто был напуган тигром, теперь боится кошки»; кит. «Змея кусает вас одиножды, но ещё 10 лет вы боитесь шнура» и др.

В многоязычных словарях ПЕ объединяются как раз по такому принципу: сначала тематически — например, темой «опасливость, недоверие, предусмотрительность», а затем — по способу выражения идеи: «Имеющий негативный опыт опаслив». Тем самым авторы, сближая подобные единицы, указывают на определённые внациональные пословицные типы (ПТ). Тип образуют ПЕ, объединяемые системой образов адекватной семантики (это наиболее существенный признак), а также сходной поэтической и близкой синтаксической структурой, что определяет их принадлежность к одной структурно-семантической модели. ПТ выдвигается как «единица измерения» при сравнении ПЕ по таким критериям, как композиция, синтаксическая и образно-поэтическая структура, а также их обобщённое значение и функция¹³. О национальных «языковых одеждах» сопоставляемых выражений разных языков пишут Х. Вальтер и В. М. Мокиенко, ставя под сомнение расхожее представление об исключительно национальной маркированности идиоматики и паремиологии¹⁴.

Именно возможность выражения одинакового содержания с помощью различных образов и разного лексико-синтаксического оформления ПЕ представляет, собственно, наибольший интерес для составителей многоязычных пословицных коллекций. Мало кто из паремиографов включает в принципы подачи материала намеренное указание на лакуны в том или ином языке, с тем, чтобы подчеркнуть самобытность того или иного выражения на фоне других иноязычных, не говоря уже о расхождениях между сопоставляемыми единицами в значении, образности, структуре. Более того, в словаре Е. Глуского, например, сходство ПЕ шести языков акцентируется в нескольких аспектах — не только в отношении (1) логико-тематического принципа (ср. в разделе № 12 «Причины и последствия»: *Нет дыма без огня, Лес рубят — щепки летят, Без kota мышам раздолье* и соответствующие иноязычные параллели), но и внутри раздела сводятся ПЕ — в соответствии с (2) паремийным конденсатом «Малое способно испортить большое/много» и (3) пословицным типом. Под соседними номерами помещаются ПЕ о *паршивой овце, одном знилом яблоке и ложке дёгтя*. Вокруг каждой английской ПЕ собраны параллели, предельно близкие (4) по образно-лексической реализации идеи. Ср.: «Малое несъедобное испортит большое/целое, вкусное/ценное» (*Ложка дёгтя портит бочку мёда*; англ. *One drop of poison infects the whole tun of wine*; исп. *Poca hiel hace amarga mucha miel* (желчь — мёд); итал. *Una goccia d'assenzio guasta un vaso di miele* (полынь — мёд) и др.). Ср. также чеш. *Trůška žluče celou husu (rybu) skazí* (желчь — гусь/рыба). Две отдельных позиции составляют ПЕ типа «Один из многих портит остальных» — об овце и стаде (*Одна паршивая овца всё стадо портит*; англ. *One scabbed sheep will mar a whole flock*; нем. *Ein räudiges Schaf steckt die ganze Herde an*; исп. *Oveja infestada infesta a la manada*; итал. *Una pecora marcía ne guasta un branco* и др.) и об одном яблоке и других, соседних (*От одного порченого яблока целый воз загнивает*; англ. *The rotten apple injures its neighbours*; итал. *Una mela Marcia ne guasta cento* (одно — сотня) и др.¹⁵). Здесь, как видим, максимально высвечивается возможное сходство пословиц.

Паремиографическая практика показывает, что в словники ПЕ многоязычных коллекций включаются преимущественно изречения, располагающие практически во всех языках если не эквивалентами, то аналогами, и выбор авторов падает именно на единицы, обнаруживающие наибольшее сходство. В подобных источниках нам практически не встречалось лакун, т.е. графически отмеченных пробелов, — даже в 20-язычном словаре Б. Седлич¹⁶, что, с одной стороны, косвенно указывает на задачи составителей представить сходство в видении окружающего мира носителями разных языков, а с другой — на реальную близость способов осмысления окружающего мира в единицах паремийного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

- Вальтер Х. 2013: Немецкое сердце и русская душа: две вещи совместные? // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. / Н.Ф. Алефиренко (ред.). Белгород, 14–20.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М. 2013: Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: различное в едином // *Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie*. XV Междунар. съезд славистов. Минск; Greifswald, 6–24.
- Ван И-цзюнь 2005: Женщина и мужчина в зеркале русских и китайских пословиц (проспект докт. диссертации). Тайбэй.
- Воркачёв С. Г. 1995: Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // *Филологические науки*. 3, 56–67.
- Железнова Ю. В. 2009: Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск.

¹³ Кокаре 1978, 28.

¹⁴ Вальтер, Мокиенко 2013, 8.

¹⁵ В силу ограниченности объёма статьи за её пределами пока остаётся рассмотрение данной проблемы в аспекте паремийных биномов.

¹⁶ Sedlić 2001.

Золотых Л. Г. 2013: Взаимодействие фразеологической семантики и семиотических средств культуры // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. трудов по итогам III Междунар. науч. конф. / Н. Ф. Алефиренко (ред.). Белгород, 70–75.

Кокаре Э. Я. 1978: Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. Рига.

Пермяков Г. Л. 2001: Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов / Е. М. Мелетинского, Г. Л. Капчица (ред.). М.

Савенкова Л. Б. 2002: Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д.

Селиверстова Е. И., Цэн Кунь-цзяо 2013: Русские и китайские пословицы с зоосемическим компонентом (в аспекте межъязыковых соответствий) // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. трудов по итогам III Междунар. науч. конф. / Н. Ф. Алефиренко (ред.). Белгород, 451–456.

Gluski J. 1971: Proverbs. A Comparative Book of English, French, German, Italian, Spanish and Russian Proverbs with a latin Appendix / Compiled and Edit. by Jerzy Gluski. Amsterdam; London; New York.

Mieder Wolfgang 2004: Proverb: A handbook. "Greenwood Folklore handbooks". Westport; Connecticut; London.

Sedlič B. 2001: Lijepa lijepu donosi. Rječnik poslovice. Poslovice na dvadeset različitih europskih jezika / Edit. B. Sedlič. Zagreb.

NATIONAL IDENTITY OF PROVERBS IN THE CONTEXT OF MULTILINGUAL DICTIONARIES

E. I. Seliverstova

The author tries to show that proverbs as units of a specific genre contain more international, than national elements, and that is illustrated by data of multilingual dictionaries of proverbs.

Key words: dictionary, proverb, foreign-language parallels, proverbial type, condensate

© 2014

Н. Н. Семененко

ОТРАЖЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ СИМВОЛОВ РУССКОГО ЭТНОЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В ПАРЕМИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Ключевые символы этноязыкового сознания рассматриваются как когнитивные доминанты паремической картины мира. Сопряжение задач когнитивного моделирования и паремиографической практики видится в обосновании ключевого статуса отдельных ценностных категорий этноязыковой культуры.

Ключевые слова: этноязыковое сознание, паремическая картина мира, концепт, когнитивная интеграция

Этноязыковое сознание, как и языковое сознание в принципе, — понятие из области оживлённой научной дискуссии, обусловленной и сложностью предлагаемого к рассмотрению феномена, и методологической неоднородностью подхода к описанию данного явления в контексте проблемного поля собственно языковой семантики. На наш взгляд, применительно к задачам современной паремиологии в целом, и паремиографии, в частности, концепция этноязыкового сознания, предлагаемая Н. Ф. Алефиренко, позволяет привести в определённое логическое соответствие (1) задачи когнитивно-прагматического моделирования как семантической реконструкции когнитивно-дискурсивного основания паремического высказывания и (2) лингвокультурологические новации в русской паремиографии, выраженные в тенденции к созданию сборников-словарей с систематизацией *паремических единиц как стереотипных порождений культуры, означенных в ходе косвенно-производной номинации ситуативно обусловленной сентенции-правила*.

Обращаясь к проблеме синергии языкового и когнитивного, Н. Ф. Алефиренко отмечает, что в рамках когнитивно-семиологической теории наряду с понятием «сознание» находит свою нишу и понятие «языковое сознание» — причём последнее «использует вербализованные знания, которые служат средством активизации соответствующих элементов когнитивного сознания, прежде всего социального, культурного и мировоззренческого происхождения»¹. Когнитивные единицы и категории как оперативные единицы этноязыкового сознания «прочитываются» именно в национально-культурном компоненте языкового значения, поскольку, обретая материализованную форму с помощью того или иного вербализатора, содержание когнитивной категории являет нам не только прототипические признаки предметов и явлений окружающего нас культурного поля, но и общую для национального сообщества установку сознания.

Как отмечает А. А. Мельникова, «понимание специфики языкового кодирования мира <...> даёт возможность гораздо глубже исследовать культурные установки, чем непосредственный анализ культурных проявлений, ибо последние объёмны, многозначны и находятся в постоянном изменении, тогда как лингвистические правила конкретны, обозримы и лишь в малой степени изменяются...»² Соответственно, изучение языковых процессов позволяет наглядно и с привлечением относительно формализованных методов проследить способы и механизмы национально обусловленной языковой кодировки культурной действительности. При этом различные языковые категории, характеризующиеся различной степенью формализации методов их описания, в изучении культурной значимости языковых процессов дают результаты разного порядка. Так, изучение синтаксического строя языка или анализ развития лексического состава позволяют описывать номинативно-предикативное

Семененко Наталья Николаевна — доктор филологических наук, доцент кафедры филологии Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: nsemenenko@yandex.ru

¹ Алефиренко 2009, 71–72.

² Мельникова 2003, 113.

поле языковой категоризации, проникая в суть синергетических лингвокультурных процессов. Область же паремиологической семантики более субъективна и полифонична в оценке. Причём сама семантическая структура паремических знаков характеризуется изначальной культурной обусловленностью внутренней формы, пристальное изучение которой может «увести» в сторону от собственно семантического анализа.

Сложность и определённая «предвзятость» междисциплинарного исследования феномена этноязыкового сознания связана, в том числе, и с тем, что взаимопроникновение культурных, мыслительных и языковых процессов уже давно не позволяет рассматривать их изолированно друг от друга. Репрезентация в паремической семантике стереотипных элементов этноязыкового сознания предопределяется следующими сущностными свойствами паремий:

1) паремии свидетельствуют об установках и стереотипах этноязыкового сознания, поскольку сама их речевая функция предполагает репрезентацию стереотипа в процессе коммуникации;

2) введение понятия этноязыкового сознания позволяет последовательно разграничивать речевые образования (паремии), языковые факты (предложение или сочетание, воплотившее паремическое содержание), семантические категории (единое значение паремии), когнитивные единицы (концепты, фреймы, категории и т.д.), лингвокогнитивные категории (внутренняя форма и смысловая структура паремии) и прагматические аспекты паремиологии;

3) этноязыковое сознание выражается не только посредством паремий, но паремические единицы в аспекте изучения их семантики позволяют проследить ряд механизмов реализации когнитивных единиц в их сложных интегративных связях.

Все выделенные параметры паремических единиц актуальны и для обозначения того проблемного поля современной фразеологии и паремиологии, которое связано с учётом прагматического фактора в систематизации паремий в словарях и сборниках. Действительно, тематической группировке паремий предшествует интерпретация паремического значения и выражаемого в типовых контекстах смысла. В результате тематическая группа паремий, как и конкретная видовая тематическая парадигма (пословиц, поговорок, примет или загадок), является объединением, основанным, в первую очередь, на когнитивной общности высказываний; основной тематический вектор паремической парадигмы в этом случае определяется не по лексическим маркерам, а по тем когнитивным, которые формируют смысловую модель паремии.

В большинстве сборников паремий, как современных, так и изданных в прошлых столетиях, тематический принцип, которым руководствовались собиратели народных афоризмов, достаточно далёк от принципа когнитивного. Вместе с тем авторы ряда изданий, в том числе В. И. Даль, составитель сборника «Пословицы русского народа», интуитивно следуют данному принципу, нередко игнорируя явное лексическое доминирование в пользу учёта прагматической рекомендации, выраженной посредством философского подтекста высказывания, что более точно «выводит» пословицу, поговорку или загадку в её тематическое русло.

Современные сборники загадок и примет также большей частью следуют традиционным принципам описания паремий, ставя основной своей задачей систематизацию и толкование народных афоризмов, актуальных для современного носителя языка. Создаваемые сборники нередко носят энциклопедически-информативный характер, что обусловлено попыткой привлечь внимание читателя к афористическому фонду русского фольклора.

Вместе с тем к началу XXI в. чётко обозначилась проблема отсутствия в русской паремиографической практике словарей пословиц, примет и поговорок, охватывающих весь массив материала с уточнённой паспортизацией и соответствующими задачам современных антропоцентрически ориентированных исследований. Данная проблема была решена в последние годы публикацией крупнейших паремиографических собраний с принципиально новым подходом к тематической систематизации материала. В первую очередь, это «Большой словарь русских пословиц»³; «Большой словарь русских поговорок»⁴ и «Большой словарь примет»⁵. Именно на примере последнего попытаемся показать ряд нюансов тематической группировки, основанной на доминировании в семантической структуре паремии какого-л. ключевого символа этноязыкового сознания.

Ключевой символ этноязыкового сознания (КСЭС) понимается нами как *когнитивная доминанта, сформированная в результате прагматически обусловленного осмысления действительности*. Применительно к паремическим репрезентациям структура КСЭС может быть определена как интегрированная когнитивная единица — результат интеграции различных единиц и категорий, осуществляемой в когнитивном основании паремического значения.

Так, в первой группе паремий, представленных в «Большом словаре примет», основой тематической общности является указание на счастливый/несчастливый исход события, а внутренняя классификация базируется на особенностях сферы прогноза. Функциональное основание примет данной группы в некоторой степени приближено к функции сентенции у пословиц, поскольку достижение счастья, удачи «обещано» приметой в случае соблюдения правила поведения (*В новолуние дерева не рубят — сгниёт*), наблюдения (*Гуси летят — зимушку на хвосте тащат*), сновидческого предвидения (*Птицы в клетке снятся — к удачной любви*). Приведённые примеры, несмотря на структурное и поджанровое многообразие, по сути, выполняют одну прагматическую функцию — дают прогноз из какой-либо сферы для руководства действиями человека, желающего не упустить счастья, и потому «не рубящего дерево в полнолуние», «готовящегося к суровой зиме, если гуси уже полетели», и «настроенного не пропустить встречу с человеком, с которым его ждёт счастливая любовь».

Собственно выделение КСЭС, репрезентированных в подгруппах тематических объединений, возможно в результате когнитивно-прагматического моделирования семантики отдельных примет. Например, приметы тематической подгруппы «Родимое пятно»:

- (1) *Беременная не должна ничего шить, резать и латать, не то у ребёнка «заплата» (родимое пятно) на щеке будет;*
- (2) *Беременной нельзя на змею смотреть — а то родимое пятно будет;*
- (3) *Будущая мать не должна с испуга хвататься за своё лицо, руки, туловище, поскольку у ребёнка на тех местах могут появиться родимые пятна;*
- (4) *Если в присутствии беременной ругаться, то ребёнок с родимым пятном родится.*

Перечисленные приметы являются пример устойчивого единства с доминированием в прагматическом плане семантической структуры паремии КСЭС, который может быть обозначен как «Неприкосновенность (физическая и ментально-эмоцио-

³ Мокиенко, Никитина, Николаева 2010.

⁴ Мокиенко, Никитина 2007.

⁵ Никитина, Роголёва, Иванова 2009.

нальная) беременных». В примете (1) данный КСЭС сформирован как следствие интеграции концептов «Дефект внешности» и фрейма «Устранение повреждения поверхности» в условиях доминирования прагматической рекомендации 'не контактировать с колющим/режущим'. В примете (2) КСЭС репрезентирован в ходе интеграции концепта «Страх», традиционно связанного с символическим образом «Змеи-Угрозы» и гештальта «Табу на взгляд». Приметы (3) и (4) репрезентируют КСЭС при интегративном взаимодействии фрейма «Стресс» с концептом «Отметина». Причём, в примете (3) — в условиях доминирования гештальта «Гиперпроекция» (с тела матери на тело ребёнка), а в примете (4) — под влиянием когнитивного фона «Грязь» (ассоциативно-метафорический переход от образа «Грязного языка» к образу «Грязи-Пятна»).

Вне сомнения, выбранная для примера тематическая подгруппа нетипична в своём символическом единстве, — большая часть тематических объединений характеризуется сложной и неоднородной структурой в плане выражения данного элемента этноязыкового сознания. В контексте же ранее приведённых размышлений данный пример выглядит показательным именно для иллюстрации сопряжённости задач паремиографии и теоретической паремиологии в их общем стремлении к описанию паремического пространства языка как сложного дискурсивного феномена.

Помимо прочего, хочется отметить и тот факт, что паремиографический труд, созданный как попытка системного отражения национальной языковой картины мира, даже при отсутствии определённых исследовательских намерений у авторов (ни в коей мере не хотелось бы оставить впечатления «навязывания» уважаемым авторам «Большого словаря примет» теоретической позиции автора статьи), позволяет существенно расширить поле теоретических исследований в области паремической семантики.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н.Ф. 2009: «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М.
 Мельникова А.А. 2003: Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.
 Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. 2007: Большой словарь русских поговорок. М.
 Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. 2010: Большой словарь русских пословиц. М.
 Никитина Т. Г., Роголёва Е. И., Иванова Н. Н. 2009: Большой словарь примет. М.

REFLECTION OF THE MAIN SYMBOLS OF THE RUSSIAN ETHNIC LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN THE PRACTICE OF CREATING DICTIONARIES PARABLES

N. N. Semenenko

Key symbols of the ethnic language consciousness are considered as cognitive dominant picture of the world. Coupling tasks of cognitive modelling and practice of writing dictionaries are seen in the justification of the status of some key values of ethnic and linguistic culture.

Key words: ethnic linguistic consciousness, folk picture of the world, concept, cognitive integration

© 2014

Е. В. Тулина

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ АНЕКДОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Принимая во внимание особенности анекдотического пространства и его национально-культурную специфику, автор пишет о необходимости создания лингвокультурологического словаря прецедентных феноменов, фигурирующих в современных анекдотах.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст, лингвокультурологический словарь прецедентных феноменов

Феномен прецедентности получил разностороннее освещение в исследованиях по лингвистике и в настоящее время активно используется многими исследователями (Н. Д. Бурвикова, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, И. М. Михалева, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин, Ю. А. Сорокин и др.).

Первый шаг в исследовании явления прецедентности как особенности единиц, входящих в общий фонд знаний, был сделан Ю. Н. Карауловым. При этом в качестве объекта исследования учёным предложен прецедентный текст. Под прецедентными Ю. Н. Караулов понимает тексты:

- 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях;
- 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников;

3) а также такие тексты, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности¹.

В связи с различной интерпретацией термина *текст* и постановкой в ряд прецедентных разнопорядковых языковых единиц (таких, например, как прецедентное имя, название, фразеологизм, цитата, хрестоматийный текст целиком) в лингвистике появляется новый термин для объяснения явлений подобного характера — *прецедентный феномен*.

Тулина Екатерина Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета. им. Г. И. Носова. E-mail: tulina78@yandex.ru

¹ Караулов 1987, 216.

В. В. Красных, отталкиваясь от дефиниции прецедентного текста Ю. Н. Караулова, использует термин *прецедентный феномен*, одновременно несколько уточняя его. Так, в соответствии с точкой зрения В. В. Красных и Д. Б. Гудкова, к числу прецедентных относятся:

1) феномены, хорошо известные всем представителям определённой лингвокультурной среды. Данное утверждение означает, что представители определённой культурной среды должны знать, по крайней мере, о существовании того или иного прецедентного феномена и иметь некий общий и обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса минимизированный инвариант его восприятия. Данный инвариант может существенно отличаться от индивидуального понимания того или иного текста, «задавая жёсткие границы его понимания, с которыми каждый из нас может быть не согласен, но практически каждый член определённого общества знает этот инвариант, который актуализируется при каждом указании на текст»²;

2) феномены, актуальные как в познавательном и эмоциональном, так и в когнитивном плане. Это уточнение связано с тем, что «за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нём», из которого формируется «инвариант его восприятия». Это представление о прецедентном феномене является общим и обязательным для всех носителей национально-культурного менталитета;

3) феномены, обращение к которым постоянно возобновляется в речи. Причём, в уточнении В. В. Красных, апелляция к тому или иному прецедентному феномену может быть нечастой, и даже «потенциальной», что не мешает ей оставаться понятной для собеседника без дополнительной расшифровки. Таким образом, в данной трактовке признаков прецедентных явлений критерий постоянной возобновляемости признаётся факультативным³.

На основании того, что каждая отдельная личность может выступать как член определённого социума (например, семейного или профессионального) или как член «рода человеческого», выделяется несколько уровней прецедентности и, соответственно, различные виды прецедентных феноменов:

- 1) автопрецедентные;
- 2) социумно-прецедентные;
- 3) универсально-прецедентные;
- 4) национально-прецедентные.

Последний из указанных видов особенно актуален в рамках данного исследования, т.к. в группу национально-прецедентных феноменов входят известные «любому среднему представителю того или иного социума» и входящие «в когнитивную базу этого сообщества» явления⁴.

В рамках понятия «прецедентный феномен» рядом исследователей (Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Л. П. Ткаченко) выделяются:

- 1) «прецедентное имя»;
- 2) «прецедентная ситуация»;
- 3) «прецедентное высказывание»;
- 4) «прецедентный текст»;
- 5) «прецедентный жанр».

Прецедентное имя представляет собой индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная. Ссылка на прецедентное имя часто используется для создания экспрессивного эффекта, который неизбежно связан с оценкой⁵.

Персонажи анекдотов стереотипны, они носят прецедентный характер, т.е. являются известными, узнаваемыми фигурами-пародиями национальной культуры, либо мифологизированными этническими типажками, за которыми в массовом сознании закреплены характерные образы, ментальные стереотипы (чаще всего односторонние, условно-схематические) и комические стандарты их поведения, но которые адекватно воспринимаются при этом почти исключительно в пределах русской речевой культуры⁶.

Каждый из прецедентных персонажей наделяется определённым набором клишированных качеств: наивность чукчи, печальная обречённость и самоирония евреев, консерватизм англичан, хвастовство американцев и русских и т.д.

Прецедентная ситуация — это некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определённых коннотаций и представленная в виде дифференциальных признаков⁷. Прецедентная ситуация проводит параллель с определённым историческим фактом и в принимающем тексте, как правило, актуализируется прецедентным именем:

Захотел Вовочка стать президентом. ...И стал.

Поймали Бен Ладена. Хорошенько помыли, постригли, ... оказалось — Березовский.

Муже жене:

— Дорогая, ты у меня как Венера Милосская!

— Что, такая же красивая?

— Нет, такая же безрукая!

Под прецедентным высказыванием понимается репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая является сложным знаком, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Примером прецедентного высказывания может быть цитата, воспроизведённая как в полном, так и в усечённом или изменённом видах⁸: *Утро и NESCAFE созданы друг для друга. А ты — третий лишний; Жириновский передумал омы-*

² Гудков 2003, 111.

³ Красных 2002, 84.

⁴ Гудков 2003, 104.

⁵ Гудков 2003, 123.

⁶ Шмелёва, Шмелёв 2002, 7.

⁷ Гудков 2003, 107.

⁸ Гудков 2003, 104–108.

вать сапоги в Индийском океане. Он будет мыть их в Персидском заливе, свесившись с балкона собственной квартиры в Дубае.

Д. Б. Гудков и В. В. Красных определяют прецедентный текст как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности»; как сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу и обращение к которому «множественно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или символы»⁹.

Являясь текстом прецедентного жанра, анекдот отражает национально-культурную специфику, передаёт особенности мышления его представителей и концентрирует ценности, характерные для лингвокультурной среды:

Вызвал бог к себе Путина, Лукашенко и Януковича и говорит:

— У меня для вас плохая новость: через две недели наступит конец света.

Вернувшись, Путин обратился к россиянам:

— Есть две новости: одна хорошая, вторая плохая. Хорошая — я знаю, что бог есть, а плохая — через две недели конец света.

Лукашенко:

— Две новости, обе плохие: первая — я не бог, вторая — через две недели конец света.

Янукович:

— У меня две новости, и обе хорошие: первая — бог признал меня президентом, вторая — я буду президентом до конца света.

Для современных анекдотов весьма характерно включение в их состав разного рода прецедентных элементов. При этом прецедентные элементы, включённые в структуру анекдотов, отражают специфику культурной ситуации последних лет: по большей части это фрагменты рекламных текстов, цитаты из кино-, теле- и мультфильмов, устойчивые высказывания, известные номинации:

— Скажите, Холмс! Как эти русские смогли так точно определить в Челябинске: кто от метеорита пострадал, а кто сам себе окна выбил?

— Элементарно, Ватсон... У вторых — сосульки остались висеть...

«Теперь бритва бреет с меньшим раздражением»... Я так и знал, что количество порезов напрямую зависит от настроения бритвы!

Источником комического эффекта в приведённых примерах служит несоответствие между привычным, известным носителю языка содержанием прецедентного высказывания и общим смыслом анекдота, который возникает в контексте. При этом высокочастотными являются разного рода трансформации, которым может подвергаться прецедентный текст: лексические и грамматические искажения состава, перемещение лексических элементов, контаминация и др.

Все прецедентные феномены являются основными элементами когнитивной базы (совокупности знаний и представлений, релевантных как у отправителя информации, так и у реципиента). Основные признаки, характеризующие прецедентные феномены, закреплённые в памяти носителей языка, именно они обеспечивают понимание и передачу знаний об окружающей действительности¹⁰.

При описании национальной языковой картины мира актуальным является описание отдельных её пластов. Одним из наиболее значимых феноменов с точки зрения отражения национально-культурной специфики является прецедентность. Изучение прецедентных текстов представляется необходимым при социализации личности в лингвокультурной среде. Это обусловлено тем, что знание этих текстов позволяет предвосхищать и контролировать коммуникативные реакции внутри коллектива, тем самым, предоставляя индивиду и коллективу возможность определиться и «сориентироваться» в границах «своей» идеологической территории. Следует заметить, что для коллективного взаимопонимания не обязательно действительное знание тех или иных прецедентных текстов, достаточно указания на то, что носитель языка с ними знаком. Таким образом, в процессе идентификации по шкале «свой/чужой» для индивидуума допустимо не помнить прецедентный текст до конца, но недопустимо не помнить или не знать о его существовании¹¹. Своеобразным путеводителем может выступать лингвокультурологический словарь прецедентных феноменов анекдотического пространства.

Наиболее эффективным способом системного описания языковых единиц признаётся словарь, ведь отличительной чертой современной лексикографии является синтез языка и культуры в широком смысле слова. Данная тенденция предполагает необходимость теоретического исследования и практической разработки проблем, связанных с «лексикографированием лингвокультуры»¹².

Современная лексикография уже предпринимала попытки создания лингвострановедческих словарей или словарей «лингвокультуры»¹³, которые способствуют отражению лингвокультуры и когнитивной компоненты национально-языковой картины мира.

Так как текст современного анекдота изобилует прецедентными именами, высказываниями и ситуациями, а также является прецедентным по форме и содержанию, необходимо создание лингвокультурного словаря прецедентных феноменов, функционирующих в анекдотическом пространстве.

Лингвокультурные знания, полученные из словаря лингвокультуры, позволят создать единую с носителями языка лингвистическую и экстралингвистическую базу для овладения языком как средством межкультурной коммуникации, а также лучшей социализации личности.

ЛИТЕРАТУРА

Анимова О. С. 2012: Лингвокультурология как отдельная филиация общей лексикографии // Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии. 2, 12–18.

⁹ Иванова 2004, 66.

¹⁰ Козько, Тулина 2011, 42.

¹¹ Костомаров, Бурвикова 1994, 75.

¹² Анимова 2012, 14.

¹³ Городецкая 2009, 134.

- Городецкая Л.А. 2009: Лингвокультура и лингвокультурная компетентность: монография. М.
 Гудков Д.Д. 2003: Теория и практика межкультурной коммуникации. М.
 Иванова С.В. 2004: Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа.
 Караулов Ю.Н. 1987: Русский язык и языковая личность. М.
 Козько Н.А., Тулина Е.В. 2011: Лингвокультурный анализ составляющих лингвистики повседневности: монография. Магнитогорск.
 Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. 1994: Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1, 73–76.
 Красных В.В. 2002: Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.
 Сидорова М.Ю. 2000: Грамматика художественного текста. М.
 Шмельёва Е.Я., Шмельёв А.Д. 2002: Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М.

PRECEDENT PHENOMENA OF ANECDOTES: LINGUISTIC, CULTURAL AND LEXICOGRAPHIC ASPECTS

E. V. Tulina

Taking into consideration its specific cultural characteristics the author determines the importance of making a linguistic and culturological dictionary of precedent phenomena.

Key word: precedent phenomenon, precedent name, precedent phrase, precedent situation, precedent text, linguistic and culturological dictionary of precedent phenomena

© 2014

М. А. Фокина, Н. Н. Баскакова

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЕЙ-НАРОДНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Статья посвящена исследованию лексикографического и фразеологического потенциала произведений писателей-народников, изучению национально-культурного своеобразия их творчества.

Ключевые слова: словарная статья, лексические и фразеологические единицы, крылатое выражение, идеологема

Народничество как социально-политическое явление нашло убедительное воплощение в русской литературе второй половины XIX в. Произведения писателей-народников посвящены эволюции крестьянской общины, созданию реалистичного образа русского крестьянина в соответствии с исторической правдой. Продолжая классические традиции В.И. Даля, И.С. Тургенева, П.И. Мельникова-Печерского, Н.С. Лескова, писатели-народники в то же время ярко проявляют художественную самобытность, индивидуально-авторское своеобразие в использовании лексем, фразеологизмов, паремий и крылатых выражений (КВ), обладающих национально-культурной спецификой.

Писатели-народники (Г.И. Успенский, Н.Г. Помяловский, В.А. Слепцов) и литературные критики — идеологи народничества (Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров) обогатили русский литературный язык крылатыми словами и выражениями, которые отражены в современных лексикографических изданиях¹. Около 10 метафорических оборотов характеризуют социальные явления (*господин Купон*, Г.И. Успенский; *мещанское счастье*, Н.Г. Помяловский), крестьянскую жизнь (*власть земли, четверть лошади*, Г.И. Успенский), действия и поступки (*тащить и не пущать*, Г.И. Успенский; *танцевать от печки*, В.А. Слепцов), содержат иронические оценки жизненных ситуаций (*весёленький пейзажик*, Н.Г. Помяловский; *маленькие недостатки механизма*, Г.И. Успенский) и людей (*кающийся дворянин*, Н.К. Михайловский; *кисейная барышня*, Н.Г. Помяловский; *критически мыслящая личность*, П.Л. Лавров) и др. Перечисленные выражения приобретают символический смысл и становятся идеологемами, передающими мысли и чувства русского народничества.

Среди писателей-народников автором большего количества КВ является Г.И. Успенский, в произведениях которого рассматриваемые обороты нередко занимают сильные заголовочные позиции: *Власть земли* (название серии очерков из крестьянской жизни); *Нравы Растеряевой улицы* (название серии очерков о жизни рабочего предместья Тулы); *растеряевщина*; *живая дробь*; *в числе драки*; *Мымрецов* и др.

Крылатое слово (КС) *растеряевщина* представляет собой удачное социальное обобщение, используемое в качестве характеристики дикости и бескультуры простых людей². Сущность этого явления глубоко и точно раскрывается в литературоведческих исследованиях: «“Растеряевский человек” (чиновники, мещане, гарнизонные солдаты, мастеровой народ, обыватели) погряз в пьянстве и драках. Власть алкоголя породила нужду, неподвижность, бестолковщину <...> “Растеряевские нравы”, “растеряевская правда”, “растеряевщина” — авторские обобщения, достигающие значительного социального обличения»³.

Наиболее употребительными в художественной и публицистической речи являются КВ *кисейная барышня* и *танцевать от печки*, ставшие общеизвестными фразеологическими единицами (ФЕ) современного русского языка.

Фокина Мадина Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. E-mail: jan22284@kmtu.ru

Баскакова Наталья Николаевна — кандидат филологических наук, директор Межрегионального научно-просветительского центра им. И.А. Дедкова Костромского государственного технологического университета. E-mail: thalia3@yandex.ru

¹ Ашукин, Ашукина 1996; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2005.

² Ашукин, Ашукина 1996, 281.

³ Демченко, Успенский 1, 1990, 334.

КВ *кисейная барышня* (ирон. 'жеманная девушка с мещанским кругозором, не приспособленная к жизни'; пренебр. 'изнеженный, не приспособленный к жизни человек'⁴) восходит к повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» (1860), героиня которой носила кисейное платье. В 60-е годы XIX в. выражения *кисейная барышня*, *кисейная девушка*, *кисейная барыня* стали презрительным обозначением поверхностных и неразвитых светских женщин. Эти характеристики основаны на разговорной народной речи: *кисейница* — шеголиха, которая ходит в кисее⁵.

Во фразеологическом словаре «Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» (2008) отражены коммуникативно-прагматические свойства, когнитивное и культурологическое содержание фразеологизма *кисейная барышня*. Авторы словаря обращают внимание на особенности употребления КВ в образной речи: «Так хочется быть *кисейной барышней*. Мне кажется, это мой несыгранный образ — эдакой душечки из XIX — начала XX в. Что-то вроде Веры Холодной, только с другим “градусом” темперамента, с другой “начинкой”». Я должна быть «Верой Тёплой» (Из интервью с актрисой Марией Порошиной. «Невское время»⁶). В рассматриваемом словаре отмечается, что фразеологизм *кисейная барышня* является языковым репрезентативом концепта «Неприспособленность», относится к элитной культуре; языковая память поддерживается семантикой слова *барышня* 'девушка из барской семьи или вообще из интеллигентной среды'⁷.

Фразеологизм *танцевать от печки* (разг. шутол. 'начинать с самого простого, привычного'⁸) восходит к роману В. А. Слепцова «Хороший человек» (1871). Герой произведения вспоминает о том, как его в детстве учили танцевать: он должен был начинать движение от печки и, если он ошибался, его отправляли к ней обратно⁹. «Большой фразеологический словарь русского языка» (2006) дифференцирует фразеологизмы-омонимы: *танцевать (плясать) от печки* (1) 'повторять заново с самого начала'; *танцевать (плясать) от печки* (2) 'ориентироваться на что-л. привычное, принимать что-л. за образец'¹⁰.

По мнению создателей словаря, фразеологический образ отражает стереотипизированную обиходно-бытовую ситуацию действия *танцевать*. Обычай начинать пляску от печки известен в русской деревне. Ср. в фольклоре: «Я от печки иду, половичку чту» (свадебная песня подруг невесты, Костромская губерния). В метафорическом осмыслении фразеологизма печка выполняет роль символа, замещающего отправную точку, от которой начинается повторение ситуации. Являясь одним из сакральных центров дома, печь представляет собой наиболее мифологизированный, т.е. насыщенный смыслами, присутствиями мифологическому способу восприятия мира, предмет обихода¹¹.

В современных лексикографических изданиях проза писателей-народников часто используется в качестве иллюстративного материала.

Обратимся к «Словарю редких и забытых слов» (2009), в котором представлена малоупотребительная лексика — архаизмы, диалектизмы, экзотизмы, варваризмы. Здесь активно используются примеры из произведений писателей-народников для иллюстрации таких редких и забытых слов, которые отражают народническое мировоззрение. Анализируемую лексику можно объединить в тематические группы: «Профессия, род занятий» (*ратоборец, рядской, сиделец, черепеник, чинопёр, шишгаль, гужеед, мужварьё, прихотник* и др.); «Личностные качества и характеристика человека» (*алчба, скорохват* и др.); «Предметы быта» (*скрыня, фухтель, чёрная печь, столбуха, сутуга* и др.); «Предметы одежды» (*сибирка, хоботы, гашик* и др.); «Группы, объединения людей»: *кержсаки, печище* (община), *штунда* (секта) и др. Наиболее обширными являются группы слов «Род занятий» и «Предметы быта». Это объясняется тем, что писатели-народники были отличными знатоками быта, раскрывали особенности жизни крестьянской общины и хорошо знали народные обычаи и обряды, особенности речи деревенских жителей. Большой процент иллюстраций, представляющих цитаты из произведений писателей-народников, свидетельствует о том, что их художественная проза является богатым источником, отражающим культурно-языковую ситуацию эпохи.

В прозе писателей-народников широко представлена фразеология, употребляющаяся в авторском монолическом слове, речи рассказчика, в субъектно-речевых планах персонажей. Примеры таких употреблений используются в качестве иллюстраций во многих фразеологических изданиях. Так, например, во фразеологическом словаре под редакцией А. И. Молоткова находим свыше 300 иллюстративных примеров употребления ФЕ: в произведениях Ф. Решетникова — 81, Н. Помяловского — 74, А. Эртеля — 49, Н. Златовратского — 21, А. Левитова — 18, Г. Успенского — 98, Н. Успенского — 28. Например: *В богадельню я не пойду: там я в четырёх стенах должна жить, пить, есть казённое, по мерочке казённую одежду носить. А теперь я всё же вольная пташка* (Ф. М. Решетников)¹²; *Ребёнку кушать хочется — мамаша в книжку смотрит: «Потерпи пятьдесят три минуточки...» Терпеть! да ему, может быть, животишко подводит, драгоценнейшая madame!* (А. Эртель)¹³; *Неволя заставила его жениться, неволя заставила гнуть шею перед батюшкой, перед всем приходом, перед каждым мироедом* (Г. Успенский)¹⁴.

Произведения писателей-народников содержат также богатый материал, представляющий потенциальные возможности как узуального, так и трансформированного использования ФЕ. На основании этого считаем, что в словари языка писателей необходимо включать различные типы индивидуально-авторских преобразований устойчивых оборотов: *тернистый до кровавого пота путь; Кто намерен сунуться в воду, должен прежде поискать броду; обеими руками жар загребать; Зверь на него красный, как на ловца, со всех сторон повалил; Пуху бы лебединого под себя наклал, ежели бы знал, что в такой-то день упадёт он; Не на такового налетела — тёртый был* (А. Левитов); *Все под моим умом ходят; деревенский король Лир; Чужой век заедать — заедает, а распорядков хороших мало видно; Ей хоть золотой дворец посули, а она всё будет от своих на сторону глядеть* (Н. Златовратский) и др.

⁴ Фёдоров 1, 1997 (сост.), 22.

⁵ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2005, 222.

⁶ Алефиренко, Золотых 2008, 31.

⁷ Алефиренко, Золотых 2008, 32.

⁸ Фёдоров 2, 1997, 301.

⁹ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2005, 490.

¹⁰ Телия 2006 (ред.), 689.

¹¹ Телия 2006 (ред.), 688.

¹² Молотков 1968 (ред.), 426.

¹³ Молотков 1968 (ред.), 362.

¹⁴ Молотков 1968 (ред.), 489.

Творчеству рассматриваемых авторов свойственны афористичность и сентенциальность, в их текстах широко используются паремии, особенно это касается сказовой разновидности перволичного нарратива. Пословицы и поговорки занимают важное место в повествовательной структуре сказовых текстов, способствуют воссозданию народной разговорной речи, а также являются главным средством выражения русского национального менталитета, помогают отразить особенности жизни русской провинции. В художественном тексте паремии фиксируют константы сознания и культуры, значимые для всех носителей данного языка, определяют систему оценок окружающего мира. В произведениях писателей-народников встречаем интересные примеры образных выражений, которые могли бы послужить оригинальным материалом для словаря авторских афоризмов, КВ: *Наука — меч обоюдоострый <...> Этим мечом в равной степени можно и защитить, и убить; Зло приобретённое зло и погибает* (А. И. Левитов); *Наглость — могучее оружие в руках хищника* (Н. Н. Златовратский).

Исследование источников, способов и форм представления языка русских писателей-народников в современных словарях приводит к выводу о том, что их богатое и самобытное творчество, объёмно и полно отражающее жизнь России второй половины XIX в., национальное самосознание русских людей, ещё не стало отдельным, самостоятельным объектом глубоких лексикографических разработок. Представляется перспективным составление авторских словарей: словаря ФЕ, паремий в произведениях писателей-народников; словаря личных имён и прозвищ литературных героев; словаря ключевых метафор в повествовательном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г.* 2008: Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М.
Аиукин Н. С., Аиукина М. Г. 1996: Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения. М.
Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2005: Большой словарь крылатых слов русского языка. М.
Волкова Т. А. (ред.) 2012: Фразеологический словарь русского языка. М.
Демченко А. А., Успенский Г. И. 1990: Русские писатели: Биобиблиографический словарь: в 2 т. Т. 1. / П. А. Николаева (ред.) М., 333–337.
Молотков А. И. (ред.) 1968: Фразеологический словарь русского языка. М.
Самов В. П. 2009: Словарь редких и забытых слов. М.
Телия В. Н. (ред.) 2006: Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.
Фёдоров А. И. 1997: Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. М.

REFLECTION FEATURES OF FOLK-WRITERS LANGUAGE IN MODERN LEXICOGRAPHICAL PUBLICATIONS

M. A. Fokina, N. N. Baskakova

The article is devoted to study the lexicographical and phraseographical potential of works of folk-writers, to study of national and cultural identity of their creativity.

Keywords: dictionary entry, lexical and phraseological units, the popular expression, ideologem

РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО ИСТОКИ КАК ОБЪЕКТ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ

© 2014

А. В. Батулина

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ МИКРОПОЛЯ «ТИТУЛЫ И ОБРАЩЕНИЯ» В СОВРЕМЕННЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

В статье рассматриваются особенности представления в толковых словарях лексики церковного этикета, использующейся в функции обращения; анализируются способы её толкования, описания сочетательных возможностей и словообразовательных связей.

Ключевые слова: религиозная лексика, церковный этикет, обращение, словарное толкование

Значительные изменения, происходящие в современном русском языке, отразились на его стилистической структуре: церковнокнижный (религиозный) (под)стиль всё чаще рассматривается как самостоятельная функциональная разновидность литературного языка. В связи с этим особую актуальность приобретает необходимость оперативного включения религиозной лексики в толковые словари, выработка адекватных приёмов описания её синтагматического потенциала.

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются особенности лексикографического представления этикетных знаков обращения верующих к служителям культа и самих священнослужителей друг к другу в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова (БТС) и в Новом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой (НСРЯ). Оба словаря, по замыслу составителей, отражают состояние лексического состава русского языка конца XX в. При анализе толкований церковной лексики в этих словарях учитывался опыт Словаря православной церковной лексики «Прописная — строчная» (ПС), Словаря православной церковной культуры Г. Н. Скляревской (СПЦК), привлекались также публицистические тексты.

Формулы обращения, несомненно, являются одними из самых употребительных этикетных знаков, в связи с чем возникает необходимость включения соответствующих речевых клише в толковые словари. Незнание принятых в среде верующих традиций может приводить к коммуникативным сбоям, вызванным омонимией «светского» и «церковного» значений слова, как это произошло в приведённом ниже диалоге:

Я глубоко вздыхаю... и отвечаю: «Простите, но я не могу налить вам кофе, пока вы не извинитесь перед моим братом, которого вы только что обидели». Мужчина поражён:

— *Перед вашим братом?!*

— *Да, Миша — мой брат. И ваш брат. Он очень расстроен. Утешьте его.* (Рожнёва, 14).

Лексико-семантическая группа «Титулы и обращения» включает в себя две подгруппы этикетных знаков: обращения верующих к духовенству (а также к членам семей священников) и обращение мирян друг к другу. Обращение к духовенству подчиняется строгой иерархии в зависимости от степеней священства¹. Наиболее употребительными являются формулы обращения к диакону (протодиакону, иеродиакону, архидиакону) и к священнику (иеромонаху, игумену, архимандриту), с которыми чаще всего общаются прихожане при посещении служб. Речевые формулы обращения к лицам, обладающим высшей степенью священства — епископату (епископу, архиепископу, митрополиту, патриарху), — используются гораздо реже, чем, видимо, объясняется отсутствие в словниках обоих словарей титулов *Высокопреподобие*, *Высокопреосвященство*, *Блаженство*.

В отличие от лексем «канонического богословия» (*аксиос*, *анафема*, *амвон*, *ладан*, *кондак*, *ирмос* и т.п.), которые объективируют литургические понятия и обладают первоначальными, прямыми значениями, значения религиозных — этикетных знаков — вторичны, и сами они занимают периферийное положение в системе лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слова. Производные ЛСВ лексем *сестра*, *брат*, *матушка*, *отец* связаны с религиозной сферой опосредованно, через образные коннотации: «обычная, стилистически нейтральная лексика как бы “притягивается” к христианской, оказываясь нужной для отражения выработанных христианской традицией ценностей»².

В НСРЯ и в БТС отсутствуют стилистические пометы, указывающие на принадлежность слова или отдельного ЛСВ к религиозной сфере. В НСРЯ отмечены две формы обращения к церковнослужителям — *отец* и *преподобие*: *отец* — 5. «Употребляется при назывании служителей культа, монахов или при обращении к ним (обычно присоединяется к имени или к званию)»; *преподобие* — 1. «Титулование священника (в соединении с местоимением его, ваше, их)». Аналогичное толкование получают слова *отец* и *преподобие* и в БТС, в котором достаточно полно представлена сочетаемость соответствующего

Батулина Анна Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого. E-mail: b.av@bk.ru

¹ Зеленин 2005, 76.

² Дубровина 2009, 41.

значения: *Духовный отец* (духовник). *Честный отец, святой отец* (форма обращения к монахам, лицам высшего духовенства). Отметим, что в указанном значении прилагательное *честный* не встречается больше ни в одном из современных толковых словарей, включая БТС. Значение, имеющее отношение к религиозной сфере, отмечается у прилагательного *честной* в БТС и в НСРЯ с пометой «устаревшее»: *честной* – 1. «Почитаемый по своей святости и связи с религией; устраиваемый по принятому обычаю, по правилам религии» (БТС). В современной речи более употребительной является форма обращения *честной отец*: «к монаху, не имеющему духовного сана, обращаются: “честной брат”, “отец”»³.

При толковании слова *батюшка* в НСРЯ и в БТС фиксируется лишь его номинативная отнесённость и принадлежность к разговорной речи, о возможности использовать это слово в качестве обращения не упоминается: *батюшка* — «1. разг. Священник (обычно с оттенком почтительности). Ср.: “Обращение к священнику: “батюшка”, являющееся русской церковной традицией, допустимо, но не является официальным». Такой же способ толкования применяется в НСРЯ и в БТС и к слову *владыка*: «Архиерей (обычно с оттенком почтительности)» (НСРЯ). О включении титула *Владыка (Владыко)* в обращение к высшей степени священства не упоминается. Ср. СЦПК: *батюшка*. обиходн. «Священник (обычно в обращении)»; *Владыко*. «Форма обращения к митрополиту».

Как видно из приведённых толкований, наиболее широко представлены сведения о типовой сочетаемости слова *отец*, которые, однако, не являются полными, поскольку предлагаемая формула *отец + степень* используется лишь при обращении к диакону. При обращении к священнику приняты конструкции, включающие имя собственное: *отец + имя (церковнославянское)* или *отец + имя + фамилия*. В НСРЯ и БТС не учитывается традиция письменной коммуникации в церковной сфере: «при обращениях к священнослужителям любого чина с прописной буквы пишутся все слова: ... *Его Высокопреподобие* (для архимандритов, игуменов, протоиереев), *Его Преподобие* (для иеромонахов и священников) (прописная — строчная)». Ср. НСРЯ: *преподобие* — 1. «Титулование священника (в соединении с местоимениями *его, ваше, их*)».

Лексема *отче*, в языке верующих использующаяся исключительно в функции обращения, не отмечена в НСРЯ и БТС, однако в БТС она включается в иллюстративную часть статьи *отец*: *отец* — 8. Обычно присоединяется к имени или к званию служителей культа <...> <...> *отче*, звательная форма (обращение к Богу в молитве; название молитвы). Предлагаемая БТС семантизация формы *отче* является неполной, о чём свидетельствует толкование этого слова в СЦПК: *отче* — 1. «Форма обращения к Богу-отцу; *отче* — 2. Форма обращения к святому (святителю); *отче* — 3. Форма обращения к священнику, диакону и монаху». Об употребительности зв. падежа слова *отец* в современной речи свидетельствуют статистические данные: в Газетном корпусе НКРЯ (объём 173 миллиона слов, тексты 2001–2013 гг.) форма *отче* встречается 148 раз.

В среде верующих распространены обращения *брат, сестра, матушка*: *Один из монахов ходит и смотрит, не заснул ли кто. Задремавшего он тихонько постукивает по плечу: «Проснись, брат!»* (Дворкин, 37). В НСРЯ при семантизации данных лексем указывается лишь возможность их использования в качестве сниженного обращения в разговорной речи (*брат* — 3, *сестра* — 5, *матушка* — 3): *брат* — 3. «Употребляется как фамильярное или дружеское обращение к мужчине, юноше, мальчику». Ср. СЦПК: *матушка*. Обиходн. «Монахиня (обычно в обращении или с именем); 2. Жена священника; 3. Обращение к незнакомой (обычно пожилой женщине в церкви)».

В отличие от НСРЯ, БТС отражает языковую практику использования слов *брат, сестра, мать* в церковном этикете (*брат* — 4, *сестра* — 4, *мать* — 6): *Сестра* — 4. (обычно с именем собственным) «Член женского религиозного братства; монашка <...> В обращении верующих друг к другу или к другим людям». В БТС у слова *матушка* выделяется значение «Разг. О жене священника или принявшей пострижение монахине» (*матушка* — 4). В НСРЯ это значение не упоминается. В БТС и в НСРЯ отсутствует упоминание о функции обращения, имеющейся у лексемы *братия*, в своём прямом значении называющей монахов одной общины, одного монастыря (*братия* — 1) (БТС, НСРЯ).

В НСРЯ у слов *брат, сестра, братство* выделяются значения ‘член религиозного братства, монах (монахиня)’, ‘религиозная община’ (*брат* — 2, *сестра* — 4, *братство* — 2), однако отсылки к этим значениям не включаются в толкование производных слов *братский, сестринский*: *братский* — 1. «Соотносящийся по значению с существительным *брат* (1), *братство* (1)»; *сестринский* — «Принадлежащий сестре (1, 3)». Существование живых словообразовательных связей между названиями монашества, объединениями верующих и производными относительными прилагательными не вызывает сомнений: в Газетном корпусе НКРЯ, дающем представление о словоупотреблении «усреднённого» носителя языка с высшим образованием, содержится 11 вхождений словосочетаний *братский (сестринский) корпус*. О расширении сочетательных возможностей ЛСВ *братский* ‘относящийся к насельникам монастыря’ свидетельствует употребление словосочетания *братское кладбище* в значении ‘монашеское кладбище’: *Как-то мои тогда ещё совсем молодые друзья, иеромонахи Рафаил и Никита раздобыли ключи от старого братского кладбища. В этой части нещерного лабиринта не хоронили с 1700 года* (Шевкунов, 124, НКРЯ).

Такому же «насилственному» исключению из числа производных от *отец* — ‘название служителей культа’ (*отец* — 5) подверглись и слова *отеческий, отечески*, в НСРЯ ассоциируемые исключительно с исходным значением слова *отец* ‘мужчина по отношению к своим детям’ (*отец* — 1): *отеческий*: «Соотносится по значению с *отец* (1)»; *отечески*. «Свойственный отцу (1) // Преисполненный заботы и участия». Таким образом, в БТС и в НСРЯ не учитываются синтагматические связи слова *отеческий*, относящиеся к религиозной сфере: *отеческий стиль, отеческий метод, отеческая традиция, отеческие творения* и др. Следует отметить также, что в БТС и в НСРЯ отсутствует слово *сестричество*, активно использующееся в современном языке: 24 вхождения в Газетном корпусе НКРЯ.

Сравнительный анализ лексикографической интерпретации лексики церковного этикета в НСРЯ и в БТС показал, что многие употребительные в современном языке формулы обращения к духовенству и к верующим до сих пор отсутствуют в новейших толковых словарях. В БТС более полно представлены основные формы обращения, использующиеся в устной коммуникации, проведена более точная семантизация ЛСВ, имеющих отношение к религиозной сфере, показана типовая сочетаемость соответствующих лексем. К недостаткам словарного толкования религиозных терминов в БТС и в НСРЯ можно отнести отсутствие указаний на словообразовательные связи производящих и производных значений, относящихся к церковной сфере.

³ Головков 2007, 51.

ЛИТЕРАТУРА

- Архимандрит Тихон (Шевкунов) 2011: «Несвятые святые» и другие рассказы. М.
БТС 1998: Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.
Головков Марк 2007: Церковный протокол. М.
Дворкин А. Л. 2006: Афонские рассказы. М.
Дубровина С. Ю. 2009: Организация православной лексики русского языка по функционально-стилистическим разрядам // Вестник Московск. ун-та. Сер. 9. 1, 34–54.
Зеленин А. В. 2005: Православный этикет // Русская речь. 2, 74–82.
НСРЯ 2000: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. М.
ПС 2000–2014: Словарь православной церковной лексики «Прописная — строчная». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/pravosl/>.
Роженёва О. 2010: Монастырские встречи. М.
СПЦК 2000: Склиаревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.

LEXICOGRAPHIC CONCEPT OF RELIGIOUS VOCABULARY OF THE MICROFIELD “TITLES AND ADDRESSES”
IN MODERN EXPLANATORY DICTIONARIES

A. V. Batulina

This article deals with the feature of concept of vocabulary of church etiquette used in function of the addresses in modern explanatory dictionaries. The way of interpretation, reflection of combinative possibilities and word-formation communications of religious vocabulary are analyzed.

Key words: religious vocabulary, church etiquette, the reference, dictionary interpretation

© 2014

В. Э. Будейко

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВАРЯ РУССКИХ АЛФАВИТНЫХ
ДЕРИВАТОВ

Готовящийся к изданию словарь русских алфавитных дериватов XIX — начала XXI в. отражает восприятие алфавита русским обществом, а гносеологический анализ кириллицы открывает новые перспективы в исследовании русской языковой картины мира.

Ключевые слова: алфавит, гносеология, дериваты, русская азбука, теория познания, эпистемология

Составление словаря русских алфавитных дериватов преследует цели анализа познавательного диапазона русского языкового сознания в пределах XIX — начала XXI в., когда происходили и продолжают происходить процессы изменения графики, целостного образа русской письменности, её взаимодействия с письменностью западноевропейских языков.

Алфавитные дериваты есть та производная алфавита, при которой алфавит оказывается немаловажной функционирующей частью языковой деятельности. При этом алфавит, конечно, остаётся совокупностью средств, готовых к применению.

Остановимся на русском алфавитном письме, являющемся de facto посредником между миром вещей и миром звучащих слов. Вызывает удивление, что учёные, занимающиеся теорией познания эпохи модерна, не замечали этого посредника (письмо) или относились к нему с предубеждением. Они уверяли себя, что имеют дело с конвенциональной и малозначимой (не замечаемой в процессе познания) субстанцией, служащей неким маловажным мостом между миром вещей и миром звучащих слов. Но это не так. Материалы нашего исследования опровергают этот тезис¹. Мы разработали концепцию о неконвенциональном круге, который может быть представлен как модель связанности письменного знака с разными значениями, ассоциированными с отдельными субстанциями (от ментальной до вещественной и обратно).

Время постмодерна, определённо и значимо (см. Ж. Деррида), внесло поправку, связанную со своеобразным, но не вечным истирианием письменного знака, когда письмо и его знаки оказываются в некоторых случаях даже автономными.

Дериваты русского алфавита связаны с историей народа и его письмом, которое служит средством передачи информации. Оно через алфавитные дериваты проявляет своё внутреннее содержание и внешнюю форму; передаёт энергию, способствует «пробуждению» мотивации, за которой следует реакция на знак. Это обеспечивает целостность формы, эйдоса (внешнего графического вида) в обстоятельствах литературно-художественного стиля. И, напротив, письмо может быть не приметным средством, не играющим художественной роли в восприятии, если оказывается в условиях научного стиля и его жанров.

Словарь русских алфавитных дериватов опирается на анализ внутренней формы определённых дериватов, их направленности (интенциональности) и на их феноменологическую составляющую.

Алфавит и его дериваты — вербализаторы очень важного фрагмента языковой картины мира носителей русского языка.

Конечная цель нашего исследования — понять, проанализировать и определить, как и что видит и знает народ, использующий алфавитное письмо в качестве средства, орудия, посредствующего звена между вещами (очевидными и неоче-

Будейко Валерий Эдуардович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета. E-mail: btm2@yandex.ru

¹ Будейко 2012, 259.

видными) и словами (знаками), принадлежащими русскому языку. И тогда можно увидеть, что письмо органически входит в русский язык и русское сознание.

Буква А, имитирующая человеческую фигуру, воспринималась в русской культуре XIX–XX вв. как антропоморфный образ². Она ассоциировалась с человеком в различных хореографических позах.

Буква П. Обычно сравниваются вещи, предметы с образом (графическим видом) буквы *П*, как она есть в русской азбуке: *Немного погодя опять вошёл незнакомец и принёс с собой какую-то странную вещь, похожую на ворота и на букву П* (Чехов, 6, 436–437).

Литературное выражение *золотые буквы* служит обозначением крайней степени важности некоторого текста. Образ, цвет, материал букв указывает на высокую ценность таковых знаков, которые могут стать символом памяти о духовной реальности: *Вспомните, что Иисус Христос сказал нам: «Всё, что сделали вы людям, то сделали Мне». Запишите эти слова золотыми буквами на скрижалях ваших сердец* (Тихон, архимандрит, 205).

Походить на букву Ю. Сравнение человека с образом, формой букв *Ю, I, O*. Такое сравнение указывало, что человек культуры XIX в. обращает внимание на образ буквы. Символически, возможно, это сравнение восходит к мега-образу жизни как некоего текста, именно образу, потому что объём такого выражения (термина) стремится к нулю: *Секретарь земской управы Грязнов и учитель уездного училища Лампадкин <...> Идя под руку, они вместе очень походили на букву «Ю»* (Чехов, 5, 46).

Русские буквы «же» и «ша». Данная метафора является в стихах сложным развёрнутым сравнением пространства букв *Ж* и *Ш* с пространством неочевидного, духовного мира человека: *А в русских буквах «же» и «ша» / Живёт размашисто душа, / Метёт метель, шумя и пенясь. / В кафтане бойкий ямщикок, / Удаля, хмельён и краснощёк, / Лошадкой правит, подбоченясь* (Кушнер, 6).

Өта и Глаголь. Наименование этих первых букв имени и фамилии автора статьи встречается в «Московских ведомостях». К. Н. Леонтьев делает из этих инициалов имя, которое склоняет и оживляет, и уже только буква становится именем человека: *Пожалуй, я скажу, если хотите, о том самом «ханжестве», которого почему-то так боится г. Ө. Г-в, недавно негодовавший в «Московских ведомостях» на «обскурантизм» «Гражданина» <...> моя почтенная и учёная Ө-а!.. И эту азбуку учёному русскому человеку надо знать...* (Леонтьев, 220–223).

В виде опрокинутой ижицы. Сравнение положения тела человека с опрокинутой ижицей: *Егор Алексеевич должен был откинуть назад голову и расставить ноги в виде опрокинутой ижицы, то поднимать руки, то опускать* (Чехов, 5, 127).

Анализ подобных азбучных дериватов позволяет увидеть некоторые грани русского национального сознания, где изменяющийся во времени мир может восприниматься как текст, а человек (или некие вещи), подобно буквам в сложной мега- и полиаспектной модели не всегда очевидного текста, приобретают общий, свойственный этому великому книжному тексту сокровенный смысл.

Гносеологическая характеристика словаря алфавитных дериватов помогает понять природу познания грамотного человека и его возможностей. При этом устанавливаются не вызывающие препятствия (в виде определённых тропов, фразеологических единиц и т.п.) к пониманию реальности, а языковые средства, связующие знания с реальностью, духовную и культурную память — с объективным миром.

ЛИТЕРАТУРА

- БИЭ РМ 2008: Большая иллюстрированная энциклопедия «Русский мир». М.
 Будейко В. Э. 2012: Проблемы представления информации в алфавитах (на материале кириллицы восточнославянских языков): монография / Л. А. Шкагова (ред.). Челябинск.
 Кушнер А. С. 1990: Флейтист: стихотворения. М.
 Леонтьев К. Н. 2011: Храм и Церковь. Минск.
 Тихон, архим. (Шевкунов) 2012: «Несвятые святые» и другие рассказы. М.
 Чехов А. П. 1974–1982: Полное собр. соч.: в 18 т. Т. 5. М.

GNOSIOLOGICAL DESCRIPTION OF THE DICTIONARY OF RUSSIAN ALPHABETICAL DERIVATIVES

V. E. Boudeyko

The article is devoted to the research of dictionary of Russian alphabetical derivatives of the 19th — the 21st centuries, which introduces linguistic picture of Russian consciousness and reflection of the alphabet in social consciousness. Gnosiological description opens new perspectives in the assigned object more clearly, defines possibilities and prospects of the chosen research.

Key words: alphabet, alphabetical derivatives, gnoseology, derivatives, Russian alphabet, theory of cognition, epistemology

² БИЭ РМ, 10, 445.

© 2014

Е. Н. Деревскова

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ДУША — ЭТО СУБЪЕКТ» В СОВРЕМЕННОМ РЕЖИССЁРСКОМ ДИСКУРСЕ

(к идее создания словаря православной метафоры)

Автор анализирует способы объективации метафорической модели «ДУША — это СУБЪЕКТ», выявляет типичные метафорические выражения, характерные для режиссёрского православного дискурса. Проводимое исследование связано с идеей создания Словаря православной метафоры.

Ключевые слова: словарь, метафорическая модель, концепт, дискурс, метафорическое выражение

Идея Словаря православной метафоры, предложенная Л. Н. Чурилиной¹, связана с исследованием типичных метафорических моделей, характеризующих тот или иной тип дискурса. Метафора в православном дискурсе — одно из средств, используемых для осмысления сакральных сущностей, к которым, безусловно, относится и концепт «Душа». Варианты языковой экспликации метафорической модели «ДУША — это X» анализировались нами ранее². Настоящая статья посвящена реконструкции модели «ДУША — это СУБЪЕКТ».

Основной рассматриваемой метафорической модели является универсальная когнитивная операция уподобления неживого живому, или персонификация. Вовлечение концепта «Душа» в процесс метафоризации типично для русской языковой картины мира (возможно, речь идёт о когнитивной универсалии³).

Ю. С. Степанов описание константы «Душа» начинает с дефиниции, которую даёт слову *душа* В. И. Даль. Доминантными в предлагаемом толковании учёный считает семы 'бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею'; 'в общем значении: человек с духом и телом'. Такое определение, по мнению Ю. С. Степанова, «наилучшее, оно полностью отвечает тому концепту “Душа”, который присутствует в русской культуре и сегодня»⁴. Продолжая анализ толковых словарей уже советской эпохи (словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, словаря С. И. Ожегова, «Словаря русского языка» в 4-х томах — МАС), Ю. С. Степанов обращает внимание на трансформацию лексического значения слова *душа* (которую связывает с идеологией советского периода и партийной редактурой); речь идёт об исключении семантического компонента 'духовность' в словаре Д. Н. Ушакова и фактическом отождествлении понятий «Душа» и «Сознание» в словаре С. И. Ожегова. Наконец, МАС «несколько улучшает положение, не приравнивая “душу” к “сознанию”»: «Душа. 1. Внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т. п.»⁵. Таким образом, констатируется, что актуализация концепта «Душа» как 'мир внутри личности' в узусе русской языковой личности не исчезает и в XX в.

Предлагаемая в статье реконструкция метафорической модели «ДУША — это СУБЪЕКТ» основана на анализе фрагментов режиссёрского дискурса. Важным для исследования является тот факт, что субъекты всех проанализированных фрагментов дискурса (интервью с режиссёрами П. Лунгиным, Н. Михалковым, К. Райкиным) открыто позиционируют себя как носители православного мировоззрения.

Метафорическая модель «ДУША — это СУБЪЕКТ» соотносится с предложенной Ю. Д. Апресяном структурой образа человека. Ю. Д. Апресян отмечает, что в русской языковой картине мира человек мыслится как динамичное, деятельное существо; человек «выполняет три различных действия — физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определённые состояния — восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т. п. Наконец, он определённым образом реагирует на внешние или внутренние воздействия»⁶. Имеющийся в нашей картотеке текстовый материал позволяет говорить о том, что *душа*, как и *человек*, способна переживать физиологические и эмоциональные состояния, а также выполнять два типа действий — физическое и речевое. Остановимся на анализе используемых в дискурсе способов языковой репрезентации двух из названных систем: физиологического состояния и физические действия.

1. Физиологические состояния *души* связаны с необходимостью удовлетворения характерных для человеческого организма потребностей — сон, голод, сохранение здоровья.

В режиссёрском дискурсе устанавливается аналогия между физиологически воспринимаемой действительностью и миром внутренним, духовным. Языковой экспликацией этой аналогии является формируемая в тексте парадигма *просыпаться, мучительный, мука, конвульсия, боль*: «Все мои работы о том, как просыпается душа в человеке. И таксист в “Такси-блюзе”, и мальчик-антисемит в “Луна-парке” проходят через мучительное, тяжёлое, часто неприятное для человека открытие, ощущение в себе духовной сущности. Это даётся муками, конвульсиями, даже физической болью. Для меня это самая большая тайна в мире — просыпание души»⁷. Многократная актуализация семантического компонента 'боль' в попытке передачи состояния *души* оказывается в тексте доминирующей; ср.: *мука* — «Сильное физическое или нравственное страдание»⁸; *мучительный* — «Причиняющий муку, страдание»⁹; *конвульсия* — «Судорога»¹⁰; *судорога* — «Непроизвольное сокращение мышц (от боли, холода, при некоторых заболеваниях или душевных страданиях); конвульсия»¹¹.

Деревскова Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: august1667@mail.ru

¹ Чурилина 2009, 377–383.

² Байбулатова 2012, 78–82.

³ Лакофф, Джонсон 2004, 59–60.

⁴ Степанов 1997, 569.

⁵ Степанов 1997, 570.

⁶ Апресян 1995, 39–40.

⁷ Лунгин 2006а.

⁸ МАС 2, 1986, 302.

⁹ МАС 2, 1986, 304.

¹⁰ МАС 2, 1986, 86.

¹¹ МАС 4, 1988, 302.

Семантика ключевой в рамках фрагмента глагольной лексемы *просыпаться* в процессе метафорического переосмысления претерпевает трансформацию, что зафиксировано в тексте перифразой (формула «слово — его толкование»): *просыпаться* — ‘*делать что-то против собственных интересов*’: «Это тема свободы и процесс пробуждения души. Меня всегда волновало, что просыпается в человеке, когда он делает что-то против собственных интересов»¹².

Другая физиологическая потребность души обозначена в тексте лексемами *голод, питать*: «Душу ведь надо питать чем-то, в нашей жизни этого не хватает. Может, я как раз “упал” в то время, когда общество позабыло про свои постоянные ужасы и пришло к проблеме духовного голода». Пища, в которой нуждается душа, это *стыд и раскаяние*: «И вообще, видимо, накопилось у людей так много всего сделанного и прожитого, что чувство *стыда*, которое долго загонялось внутрь, вдруг стало осознанным, вышло на поверхность. <...> Он [фильм «Дирижёр» — Е.Д.] о чувстве *раскаяния* и *стыда*, которое может преобразить жизнь»¹³. Только эта «пища» способна *преобразить* (1. Придать иной образ, вид, совершенно изменить кого-, что-л.)¹⁴ душу, содействовать её пробуждению.

Душа — это орган, для которого характерно состояние здоровья и болезни: «Душа должна быть здорова, в первую очередь, ну и тело, конечно, желательно. Потому что у здорового человека и взгляд здоровый»¹⁵. В отличие от узуальной парадигмы, где концепты «Больной» и «Здоровый» связаны антонимическими отношениями, в рассматриваемых текстовых фрагментах *болезнь* и *здоровье* души отмечаются как состояния, одинаково положительно воздействующие на душу. Текстовый смысл признакового слова *здоровый* в случае установления синтагматических отношений с лексемой *душа* — ‘если душа болит, то она здорова’: «Душа — это тот орган, который болит и не позволяет тебе делать то, что, может быть, хочется и что тебе выгодно»¹⁶.

2. Физические действия души эксплицированы лексемами *работа* и *отмывать*. Анализ устанавливающих в рамках текстовых фрагментов семантических отношений позволяет говорить о том, что в рассматриваемом дискурсе эти лексемы синонимизируются. Так, лексема *работа* вступает в парадигматические связи с лексемами *исторгать* (‘выбросить из себя; извергнуть’)¹⁷ и *чистилище* (‘о том, что доставляет большие трудности, является испытанием силы, возможностей, выдержки кого-л.’)¹⁸, вследствие чего актуальным становится смысл ‘проядя через трудности, испытания, очиститься от плохого’: «Актеру полезно играть разные роли, особенно отрицательные. <...> Ты эту скверну из себя исторгаешь, и делаешь из неё произведение искусства. Чистилище, работа души, которая делает тебя в отрицательной роли положительным»¹⁹.

В лексическом значении слова *отмывать* сема ‘удаление грязи’ является доминирующей: ‘мытьём удалить (грязь, пятна и т.п.)’²⁰. В случае синтагматической связи со словом *душа* (*отмывать душу*) мы имеем дело с актуализацией того же смысла, что и в предыдущем фрагменте режиссёрского дискурса; ср.: «Понимаете, люди же в баню-то ходят раз в неделю, скажем так, или моются каждый день в душе, да? Но душу-то отмывать трудней, чем тело — тут тоже нужна регулярность. Поэтому одного раза мало»²¹.

Таким образом, проведённый анализ текстового материала позволяет говорить о том, что в процессе языковой объективации метафорической модели «ДУША — это СУБЪЕКТ» типичным для режиссёрского православного дискурса оказывается следующее:

- 1) душе свойственны такие же *физиологические состояния*, что и человеку: сон, голод, здоровье/болезнь. К специфическим чертам дискурса можно отнести несвойственные узуальной части русской языковой картины мира смыслы: душа бодрствует — если мучается, страдает; сыта — если испытывает стыд и раскаивается; здорова, если болит.
- 2) душа *работает*. Текстовый материал свидетельствует о том, что главное дело души — сохранить чистоту.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. 1995: Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1, 37–66.
- Байбулатова (Деревскова) Е. Н. 2012: Метафорическая модель с компонентом «ДУША» в режиссёрском дискурсе // Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Уфа, 78–82.
- БТС 1998: Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов (ред.). СПб.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 2004: Метафоры, которыми мы живём. М.
- Лунгин П. 2006а: Снег, вода, огонь и уголь. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nsad.ru/articles/sneg-voda-ogon-i-ugol>.
- Лунгин П. 2006б: Каждый фильм предопределяет мою судьбу. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lunjin.viperson.ru/wind.php?ID=524911>.
- Лунгин П. 2012а: Всегда привлекает кино, которое передаёт настоящую боль. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newtimes.ru/articles/detail/49729/>.
- Лунгин П. 2012б: Я верю в тех людей, которым некомфортно. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=6981>.
- МАС 1985–1988: Словарь русского языка: в 4 т. / А. П. Евгеньева (ред.). М.
- Михалков Н. 2006: Буду бить любого, кто посягнёт на мою честь и безопасность. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/333702>.
- Райкин К. 2003: Я становлюсь лучше, играя мерзавца. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.peoples.ru/art/theatre/actor/raykin/interview.html>.

¹² Лунгин 2006б.

¹³ Лунгин 2012а.

¹⁴ МАС 2, 1986, 380.

¹⁵ Михалков 2006.

¹⁶ Лунгин 2012б.

¹⁷ МАС 1, 1985, 690.

¹⁸ БТС 1988, 1482.

¹⁹ Райкин 2003.

²⁰ МАС 2, 1986, 692.

²¹ Райкин 2011.

Райкин К. 2011: Государству надо несравнимо больше заниматься культурой и образованием. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.1tv.ru/prj/pozner/vypusk/11540>.

Степанов Ю. С. 1997: Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.

Чурилина Л. Н. 2009: Современный православный дискурс: проблемы лексикографического представления // ПИФК. 2 (24). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 377–383.

THE METAPHORICAL MODEL “SOUL IS THE SUBJECT” IN CONTEMPORARY DISCOURSE OF DIRECTORS
(to the idea of creating a dictionary of orthodox metaphor)

E. N. Derevskova

The article is devoted to the analysis of possibilities of objectification in the metaphorical model “Soul is the Subject” which is used in an orthodox discourse of directors. We are planning to write Dictionary of orthodox metaphor.

Key words: dictionary, metaphorical model, concept, discourse, metaphorical expression

© 2014

Д. В. Жигулина

НАИМЕНОВАНИЯ РОДСТВЕННИКОВ ПО СВОЙСТВУ* В ДРЕВНЕЙ РУСИ
(по материалам исторических, этимологических и этнолингвистических словарей)

В статье на материале исторических, этимологических, этнолингвистических словарей анализируются древнерусские наименования родственников по свойству, которые сформировались по преимуществу ещё в доисторический период.

Ключевые слова: свойство, словарь, этимология, лексема, значение

Терминология родства у славян, как и сама сфера семейных отношений, начала складываться ещё в доисторический период. Об этом свидетельствуют данные древнейших славянских памятников, в которых, несмотря на их культовое христианское содержание, встречается немало терминов родства общеславянского происхождения, о чём пишет, например, С. Г. Шулежкова¹. В исторический период этот пласт лексики активно развивается благодаря принятию на Руси христианства, оказавшего существенное влияние на формирование института семьи.

Термины, называющие родственников по свойству, судя по данным славянских памятников, широко употреблялись в XI–XII вв. К лексемам, называющим родственников по свойству в древнерусском языке XI–XIV вв., относятся **деверь** (**дѣверь**), **зять**, **невѣста** (**невѣстка**), **снѣха** (**сноха**), **свекъръ** (**свекоръ**), **свекры**, **сватъ**, **тьсть** (**тестъ**), **тъща** (**теща**), **шѣринъ**.

В «Материалах к словарю древнерусского языка» лексема **деверь** (**дѣверь**) представлена в значении ‘мужнинь братъ’². По свидетельству И. И. Срезневского, эта лексема уже употреблялась в древнерусских памятниках с середины XI в. Так, она встречается в «Церковном уставе вел. князя Ярослава 1051–1054 гг.». Интересно происхождение этого слова. Согласно «Историко-этимологическому словарю русского языка» П. Я. Черных, лексема **деверь** восходит к «и.-е. *dāiūr, м.б., из языка сабинян или под влиянием laevus ‘левый’, с одной стороны, и vīr ‘муж, супруг’ — с другой»³. На наш взгляд, подобная этимология подчёркивает некровное родство деверя в семье, связанное с установлением брачных отношений.

Одним из значений слова **зять**, отмеченных в «Словаре старославянского языка», является ‘зять’. В «Материалах к словарю древнерусского языка» у данной лексемы зафиксировано три значения, два из которых имеют отношение к родственным связям по свойству: ‘породнившийся посредством брака’ и ‘муж дочери или сестры’. В этих значениях слово **зять**, судя по словарю, начинает активно использоваться в рукописях с XII в.⁴ Семантика этого слова сформировалась под влиянием его этимологии. В «Историко-этимологическом словаре русского языка» П. Я. Черных пишет, что «о.-с. *zētъ восходит к и.-е. *gʰepetis ‘познанный, узанный, ставший членом семьи вследствие брака’. И.-е. корень *gʰep- имел значение ‘рождать, производить на свет’»⁵. Значения этой лексемы развились на основе представления о зяте как о человеке, основная функция которого заключалась в продолжении рода. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечено, что в народной традиции мужчина предстаёт, прежде всего, как хозяин, отец, глава семьи, на котором лежит ответственность за её процветание⁶. Успех и благополучие семьи во многом зависят от рождения и правильного воспитания детей.

Жигулина Дарья Владимировна — аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: zhigulina1988@mail.ru

* Свойство — отношение близости между людьми, которое возникает «из брачного союза одного из родственников (отношения между супругом и кровными родственниками супруга, а также между родственниками супругов)» (СОШ 1999, 705).

¹ Шулежкова 2012а, 419–429; Шулежкова 2012б, 134–140.

² Срезневский 1, 1893, 650.

³ Черных 1, 1999, 235–236.

⁴ Срезневский 1, 1893, 1016.

⁵ Черных 1, 1999, 332.

⁶ Кабакова 2004, 317.

Лексема **невѣста** в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.)» и в «Словаре старославянского языка» представлена в двух значениях, одним из которых является ‘невестка, сноха’⁷. Данная лексема встречается в славянских памятниках с X–XI вв. Так, она упоминается в Зографском и Маринском евангелиях. В «Материалах к словарю древнерусского языка» И. И. Срезневским зафиксировано две лексемы со значением ‘сноха, жена сына’: **невѣста**, **невѣстѣка**. Последняя лексема, судя по словарю, начинает употребляться в памятниках с XIV в.⁸ М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» замечает, что для этих слов ‘лучшей по-прежнему остаётся стар. этимология, которая видит здесь первонач. знач. ‘неизвестная’». Для сравнения приведено в.-луж. *wěsty* ‘известный, определённый’ и *ñewěsty* ‘неизвестный’. Такое табуистическое название должно было защитить женщину, вступающую в чужой для неё дом, от злых духов⁹. А. К. Шапошников в «Этимологическом словаре современного русского языка» также полагает, что слово **невѣста** и его производные возникли «в результате действия табу и обычая “игры умолчания” в первые дни вступления невесты в дом жениха»¹⁰. Этимология лексем **невѣста**, **невѣстѣка** находит фактическое подтверждение. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» характеризуется положение замужней женщины в семье супруга. Г. И. Кабакова пишет о том, что женщина, вхлотившая в семью мужа, «должна была выказывать уважение своим родственникам». Кроме того, в течение первого года брака молодой было запрещено говорить со свёкрами и даже смотреть на них¹¹. Таким образом, принятая в семью мужа молодая женщина в первое время оставалась для родственников чужой.

Лексема **снѣха** (**сноха**) с семантикой ‘невестка, жена сына’ отмечена И. И. Срезневским в «Материалах к словарю древнерусского языка»¹². Согласно данным словаря, эта лексема употреблялась в славянских текстах с XI в. Так, она встречается в «Изборнике Святослава 1073 г.» (Изб. Св. 1073, л. 265). Происхождение слова спорно. Некоторые исследователи полагают, что «корень здесь тот же, что в слове **сынъ**». В этом случае буквальное значение лексемы — ‘сыновья жена’. Подобная этимология слова отражена в его семантике. По другой версии слово **снѣха** восходит к и.-е. корню **sneuc-* ‘вязать’. Тогда буквальным значением лексемы является либо ‘та, которая ткёт (вязет)’ (что можно объяснить: в Древней Руси главным занятием замужней женщины было ткачество и вязание), либо ‘та, которая связывает (два рода)’¹³. Действительно, посредством брачного союза молодая женщина входила в семью мужа, производила на свет детей, тем самым соединяя свой род и род супруга. Она занимала подчинённое положение среди родственников. Так, в словаре «Славянские древности» замечено, что «с момента вступления в брак женщина зачастую утрачивала своё настоящее имя. Она носила имя мужа или прозвище, от него образованное. Женщина обозначалась семейно-родственными терминами, описывающими её по отношению к семье мужа, со значениями ‘молодая жена’, ‘невестка’»¹⁴.

Слово **свекоръ** (**свекоръ**) со значением ‘отец мужа в отношении к снохе, к жене сына’ и слово **свекры**, имеющее значение ‘свекровь, мать мужа в отношении к невестке’, зафиксировано в «Материалах к словарю древнерусского языка»¹⁵. Первое упоминание этих лексем в славянских памятниках относится к X–XI вв. Так, лексема **свекры** встречается в Маринском и Зографском евангелиях, а слово **свекоръ** — в тексте «**Некоторая заповѣдь, свѣтлыхъ апостолъ правило**»¹⁶. Этимология слов **свекоръ** и **свекры** прозрачна. Они восходят к и.-е. **swékuros*, производному от древнего словосочетания **swe-* ‘свой’, **kgi-* ‘кровь’¹⁷. Родители мужа, принимающие невестку в свою семью, становятся для неё родственниками. Свекор и свекровь заменяют ей родителей, когда она выходит замуж и покидает отчий дом.

Лексемы **тѣсть** (**тестъ**) с семантикой ‘тесть, отец жены’ и **тѣща** (**теща**) в значении ‘мать жены, теща’ представлены в «Материалах к словарю древнерусского языка»¹⁸. Данные лексемы используются уже в текстах X–XI вв. Так, они употребляются в Зографском, Остромировом, Маринском евангелиях. В «Историко-этимологическом словаре русского языка» отмечено, что слово **тѣсть** «трудно в этимологическом отношении. Возможно, что это слово относится к группе терминов родства, восходящих по корню к и.-е. **tat-* : **tet-* : **tit-*. Для сравнения приведены лит. *tēte*: *tētis* — ‘папа’, ‘тятя’ и латин. *tata* — ‘папа’, ‘отец’»¹⁹. М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» пишет, что слово **тѣща** образовано от лексемы **тѣсть**, происхождение которой обосновывается и.-е. **tek-* ‘производить, рожать’²⁰. Таким образом, слова **тѣсть**, **тѣща** имеют буквальное значение ‘родители (жены)’. О том, что отец и мать жены как кровные родственники занимают более важное место в её жизни, чем свойственники, свидетельствуют материалы этнолингвистического словаря «Славянские древности». Г. И. Кабакова замечает, что молодая замужняя женщина «не порывает связь с отчим домом вплоть до того, что живёт у родителей всю весну или даже весь год. Родители продолжают обеспечивать её всем необходимым»²¹.

Лексема **сватъ** зафиксирована в «Материалах к словарю древнерусского языка» в нескольких значениях, среди которых лишь одно связано с отношениями по свойству у славян: ‘отец или родственник одного из вступающих в супружество в отношении к отцу или родственнику другого’. Согласно словарю, данное слово в этом значении известно в памятниках древнерусской письменности с XII в. Так, оно вошло в «**Написаніе на Латыноу ко Ярославу, князю мурьскомъ Стославичю и ересьху**», текст, датированный 1121 г.²² М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» утверждает, что «это слово связано с местоименной основой **svo-*, **sve-*. Для сравнения в словаре приведены соответствия в греч. *ετης* ‘родич, друг’, гот.

⁷ Цейтлин 1994 (ред.), 361; ССЯ 2, 2006, 346.

⁸ Срезневский 2, 1895, 369.

⁹ Фасмер 3, 1996, 54.

¹⁰ Шапошников 2, 2010, 4.

¹¹ Кабакова 1999, 206.

¹² Срезневский 3, 1903, 454.

¹³ Рут 2003, 370–371.

¹⁴ Кабакова 1999, 206.

¹⁵ Срезневский 3, 1903, 269–270.

¹⁶ ССЯ 4, 2006, 24.

¹⁷ Шапошников 2, 2010, 302.

¹⁸ Срезневский 3, 1903, 1089–1090.

¹⁹ Черных 2, 1999, 241.

²⁰ Фасмер 4, 1996, 54.

²¹ Кабакова 1999, 206.

²² Срезневский 3, 1903, 267.

swēs ‘собственный’, др.-инд. svás ‘свой, собственный’, латышск. savs ‘собственный’»²³. Исходное значение лексемы **сватъ**, таким образом, можно определить как ‘свой’, ‘родственный’. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» указано, что «наиболее чётко у восточных славян, в отличие от южных и западных, выделяются сваты в значении ‘родители’, а нередко и другие старшие женатые родственники одного из молодых по отношению к родителям и родственникам другого, обычно после достижения сторонами договорённости о браке»²⁴. Это, на наш взгляд, говорит о том, что для древних русичей были ценны родственные отношения. Семья для них являлась, прежде всего, поддержкой, силой, крепостью.

Лексема **швринъ**, представленная И. И. Срезневским в «Материалах к словарю древнерусского языка», имеет значение ‘братъ жены’ и используется, судя по словарю, в памятниках письменности с XII в.²⁵ Так, данная лексема встречается в «Повести временных лет». Н. М. Шанский полагает, что слово **швринъ** представляет собой суффиксальное производное от той же основы, что и *шурья*, ст.-сл. *шурь*, сербохорв. *шура* и т.д. Происхождение слова спорно. По мнению некоторых исследователей, оно имеет тот же корень, что и слово *шить*. Таким образом, у данного слова можно выделить первоначальное значение ‘соединяющий, связывающий’²⁶. Родственные связи скрепляют, соединяют людей, делают их ближе друг к другу.

Итак, разветвлённая терминология родства по свойству свидетельствует о том, что отношения между людьми, возникшие в результате оформления брака, занимают у славян не менее важное место, чем кровная связь, хотя именно родство по крови всегда оставалось основой, фундаментом, на котором строилась семья.

ЛИТЕРАТУРА

- Гура А. В., Узенёва Е. С. 2009: Сват // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Н.И. Толстой (ред.). Т. 4. М., 556–560. *Изб. Св.* 1073: Изборник Святослава 1073 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003546378#?page=1>.
- Кабакова Г. И. 1999: Женщина // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Н.И. Толстой (ред.). Т. 2. М., 205–208.
- Кабакова Г. И. 2004: Мужчина // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Н.И. Толстой (ред.). Т. 3. М., 317–319.
- СОШ 1999: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.
- ССЯ 2006: Словарь старославянского языка: в 4 т. / Й. Курц (ред.). СПб.
- ПВЛ 1997: Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси / Д. С. Лихачёв, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко (ред.). Т. 1: XI–XII века. СПб. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869>.
- Рут М. Э. 2003: Этимологический словарь русского языка для школьников. Екатеринбург.
- Срезневский И. И. 1893–1903: Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб.
- Фасмер М. 1996: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.
- Цейтлин Р. М. (ред.) 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): около 10 000 слов. М.
- Черных П. Я. 1999: Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.
- Шанский Н. М. 2005: Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.
- Шапошников А. К. 2010: Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.
- Шулежкова С. Г. 2012а: Взгляд на родственные отношения, отражённый в старославянских текстах X–XI вв. / С. Г. Шулежкова // *Slowo. Text. Czas IX. Frazeologia słowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym*. Szczecin; Greifswald, 419–429.
- Шулежкова С. Г. 2012б: Взгляд на супружество у средневековых славян (по материалам старославянских текстов) // *Русская словесность как основа возрождения русской школы*: в 2 т. Т. 1. Липецк, 134–140.

NAMES OF IN-LAW RELATIVES IN ANCIENT RUSSIA
(on materials of historical, etymological and ethnic and linguistic dictionaries)

D. V. Zhygulina

In this article the author analyses Old Russian names of in-law relatives having been created mainly in pre-historical period. The author also uses materials from historical, etymological and ethnic and linguistic dictionaries.

Key words: in-law relationships based on marriage, dictionary, etymology, lexeme, meaning

© 2014

Г. В. Звездова, Е. Н. Руднев

ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ В СЛОВЕ. ЦЕЛОСТНОСТЬ КАК ОСНОВА РУССКОГО
МИРОВОСПРИЯТИЯ
(по материалам толковых словарей XIX в.)

В основе русской ментальности лежит целостность мировосприятия. Авторы описывают специфику русского слова в плане соединения бытовых и бытийных, сакральных и профанных смыслов, что и позволяет соединить материальный и духовный мир в целом.

Ключевые слова: слово, синкрета, концепт, ментальность, этимон

²³ Фасмер 3, 1996, 570.

²⁴ Гура, Узенёва 2009, 556.

²⁵ Срезневский 3, 1903, 1600.

²⁶ Шанский 2005, 379.

Звездова Галина Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Липецкого государственного педагогического университета. E-mail: evgru81@rambler.ru

Руднев Евгений Николаевич — кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы СОШ № 11 г. Липецка. E-mail: evgru81@rambler.ru

Космически-целостное понимание природы в её единстве с человеческим естеством явилось главной предпосылкой мировосприятия русского этноса, в особенности в древнейший и средневековый периоды.

Представляется, что концептуализм как способ познания и исследования в этом отношении в наибольшей мере приближает нас к истине при изучении духовной жизни русского этноса и русского слова. Как известно, в основе его лежит не только принцип оппозиции, но и принцип дихотомии-соположения, что в целом и раскрывает диалектичность подхода к языку как «Дому Бытия».

Основные же дихотомии в древности (они же и оппозиции) образуют моногенные явления «жизнь-смерть», «жизнь-вечность», «смерть-вечность», а в связи с этим «временность-вневременность», «начало-конец», которые в языке отражены через вербализаторы концептов, т.е. через слова.

Содержание концепта не ограничивается объёмом семантики, отражённым в лексикографических источниках, и её иерархией, т.к. «русское мировосприятие принципиально асистемно»¹. Концепт не линейен, он сферичен, а потому отражает мир в сложном взаимодействии и формировании различных смыслов, связанных с развитием этимона. Только лишь всестороннее описание ключевого концепта языка помогает рассмотреть слово согласно его природе, в его исходной синкретности, а именно: от этимона, слова-синкреты и до настоящего его состояния.

Тщательное исследование проф. В. В. Колесовым грандиозного языкового материала, начиная с глубокой древности, в этом плане убеждает нас в истинности такого подхода. Концепт неизбежно связан с этимонами слова и должен пониматься как «результат предыдущих культурных движений смысла, дошедший до нас».

В этой связи особое место в иерархии ценностей русского человека занимают как бытовые реалии, так и те процессы, которые фиксируют жизнь на разных этапах её физического развития и духовно-нравственного совершенствования.

Толковые и аспектные словари, как барометр, фиксируют наименьшие движения в семантических и ассоциативных смещениях концептуально значимых лексем. Материал этих лексикографических источников наиболее объективен в плане отражения изменений, происходящих в языковой картине мира, национальном характере и ментальности этноса в целом.

Бережное отношение к слову предполагает особое понимание лексикографического источника, который, как мы полагаем, являет миру силу языка, истинного лексикографического источника. В этом отношении «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля дополняют друг друга. Семантическая структура слов, извлечённая из этих словарей, воспринимается большинством носителей русского языка как некий конгломерат значений, не имеющий внутренних связей. Объективно действовавшие когда-то законы символического отображения действительности в слове на сегодня утратили свою актуальность. Мир слова перестал существовать как действительный мир, т.к. потеряно понимание этимона, символа, первичного образа, взаимодействия реально-конкретных и сакральных смыслов.

Современные лексикографические источники ставят перед собой задачу отразить лишь строго определенный аспект функционирования лексемы в языке [объём понятия и значение понятия. — Г.З., Е.Р.], тогда как изначально авторов первых словарей характеризовало стремление к описанию жизни слова во всей полноте его содержания. Не случайно и обращение к этимологии, науке, название которой переводилось с греческого языка как «истиннословие». Правда, уровень и характер её понимания в указанных выше словарях разнятся. Так, И. И. Срезневский пытался отразить связь русского языка с латинским и греческим, определить место национальной культуры и языка как части этой культуры. Словарь же В. И. Даля отражает, как мы полагаем, истинно народное понимание слова в его сугубо национальных сакральных смыслах.

Безусловно, сама подача многогранного материала различна, однако нельзя не указать на весьма важную общность: слово, извлечённое из Словаря И. И. Срезневского и Словаря В. И. Даля, необычайно жизненно. Оно отражает, в первую очередь, вещественное значение, а далее — сакральное. Отсутствие чёткой понятийной парадигмы, условность в иерархии значений — важные признаки обозначенных лексикографических источников. Сама семантическая структура предполагает дальнейшее развитие слова в плане расширения образа, укоренения его в символе.

Символ является конечной точкой жизни слова, однако процесс его формирования может продолжаться достаточно долго, тем самым демонстрируя свою укоренённость в национальной картине мира. Только такое слово, которое отражает жизнь этноса в целом, способно жить вечно. В этом отношении оно предстаёт как уникальный и универсальный феномен. Описывая слово в плане фиксации этимона [первосмысла. — Г.В., Е.Р.], реально-конкретных и сакральных смыслов, формирования первичного образа, чёткого в своих границах понятия, В. И. Даль и И. И. Срезневский вплотную подходят к осознанию сущности, под которой современная когнитивная лингвистика понимает концепт. Современное понимание символа во многом учитывает специфику «свёрнутой точки потенциальных смыслов»², «архетипа мысли»³, «внутренней формы слова»⁴, отражающих, по существу, смысловое наполнение современного термина.

В системе ценностей любого этноса наиболее важной и значимой является дихотомия «начало — конец жизни», «жизнь — смерть». И то, и другое есть таинство, которое представляется в духовном плане постижением смысла бытия. Однако если рождение даже на современном этапе не потеряло сакрально-духовной основы, то смерть, к сожалению, воспринимается только как физическое умирание.

Показательна в этом плане семантическая структура лексемы *смерть*, представленная в Словаре 1847 г. двумя значениями: «1) Разлучение души съ тѣломъ; прекращение жизни; кончина. 2) Образъ или способъ прекращения жизни»⁵, — воплощающими синкрету слова и дела, священного таинства и быта.

По данным же современных лексикографических источников, слово *смерть* представлено четырьмя значениями. Одно выступает как биологический термин и содержит дефиницию «прекращение жизнедеятельности организма и гибель его», второе, сохраняя реально-физические смыслы — «прекращение существования человека, животного»⁶. Казалось бы, третье

¹ Колесов 2002, 106.

² Колесов 2004, 19.

³ Колесов 2000, 68.

⁴ Колесов 2004, 54.

⁵ СПСРЯ III, 1847, 156.

⁶ МАС IV, 1988, 152.

и четвёртое значения должны были сохранить сакрально-духовные смыслы, которые подтверждали бы тот факт, что смерть является одним из таинств жизни. Однако такой семантики в словарной статье мы не обнаруживаем. Более того, в современных словарях осмысление смерти как явления духовной жизни утрачено, хотя вплоть до XIX в. она воспринималась как необходимый этап жизни. Фольклорные жанры в полной мере отражают взаимообусловленность всех жизненных процессов. Представление о смерти являлось константой «не только в области мировоззрения, но и в области конкретной социальной жизни»⁷, тем самым стяжая быт и Бытие в сознании древнего русича. Выступавшая в качестве основного значения синкрета «разлучение души съ тѣломъ; прекращение жизни; кончина» в современных словарях при помощи метонимического переноса, видимо, трансформировалась, т.е. приобрела пометы *разговорное* и *просторечное* и, в сущности, стала «вместилищем» совершенно других сем: «плохо, нехорошо; горе, беда», «очень, чрезвычайно»⁸.

Интересные сведения о происхождении слова *смерть* дают нам этимологические словари, которые фиксируют не только очевидное родство анализируемой лексемы со словами *смердеть*, *смерд* и т.д., но и совершенно неясное для современного языкового сознания родство индоевропейского корня со значениями «дробить», «растирать»: как показывает Словарь А. Г. Преображенского, «инд. *meṅ- *умирать* первоначально то же, что *meṅā^x — *дробить, растирать*»⁹. Такое положение весьма симптоматично, ибо в русской языковой картине мира на образно-символическом уровне, как свидетельствует наш анализ, мертво всё то, что не целостно, и не целостно всё то, что мертво.

Как показывает анализ материалов древнерусских словарей, в языке долгое время функционировала и бесприставочная форма глагола *умереть*, которая, сохраняя общий смысл, тем не менее выражала древнюю идею перехода человека в мир иной.

К сожалению, отглагольное существительное *смерть*, тяготеющее к выражению, с одной стороны, абстрактной семантики, с другой — к персонализации (ср., например, номинации с тем же значением, воспринимаемые как имена собственные: *смёртушка* — *смеретка* — *смерёточка* — *смерётушка* — *смередушка*¹⁰), и глагол *мереть*, отражающий идею перехода в мир иной, перемещения тела и духа в пространстве, не даны в единой словарной статье, что для словаря В. И. Даля является редким случаем. Связано это, видимо, с тем, что *смерть* воспринималась как табуированное таинство, которое вместе с рождением являлось доминантой в жизненном цикле не только человека, но и всего живого в целом. Функционирование глагола *мереть* тоже является не столь очевидным в языке. Так, в одном из известнейших стихотворений С. А. Есенина «Мне осталась одна забава...» обнаруживаем, что анализируемая лексема выступает в качестве существительного, хотя ни в одном лексикографическом источнике такое словоупотребление и тем более словосочетание с такой номинацией нами не обнаружено:

Золотые, далёкие дали!

Всё сжигает *житейская мреть*.

И похабничал я и скандалил

Для того, чтобы ярче гореть¹¹.

Во фразеологических оборотах, зафиксированных в исторических и современных словарях, анализируемое слово *мереть* как таковое также не обнаруживается. В этом отношении уникальную форму даёт СРНГ: *уйти во мры*¹² (ср. с фольклорной формулой *уйти в лес*¹³). Сопоставление с дословным современным словосочетанием *уйти в смерть* демонстрирует языческую основу древнего сознания. Глагол *уйти* в этом отношении важен для осмысления философии смерти в русской ментальности. Фиксируемое им действие осуществляется непосредственно человеком, который вправе сам «избирать» момент перехода в пространство смерти. Вместе с тем этот уход не является свидетельством атеизма русского человека, как и характерной чертой иррациональности его характера. Непокколебимая даже в своём отступничестве вера в жизнь вечную убеждает его в правильности избранного пути. К сожалению, лексикографический материал не даёт нам возможность описать завершённо эту лексему.

В сознании же христианина незнание времени ухода является необходимым условием жизни праведной. Православный человек должен быть готов в любой момент предстать перед Богом и отвечать за свои грехи. Язык, фактически, отражает эту особенность во фразеологии. Так, в словосочетании *смертный час* неопределённость самого процесса угасания жизни обусловлена, видимо, исторически. Лексема *час*, родственная латинско-греческой параллели *hora, hora* 'время, мгновение, час'; макед. — 'мгновение, момент', 'пора, время, урок'; с.-хорв. — 'миг, мгновение', способна содержать как конкретное, так и общее значение¹⁴. Очевидно то, что в рассматриваемом словосочетании синкретичное значение лексемы *час* фиксирует разную величину (во временном отношении) длящегося ожидания смерти: от мгновения (ср. однокоренные слова *час* и *частить*) до гораздо больших (иногда даже неопределённых) временных отрезков, что опять-таки свидетельствует о целостности мировосприятия древнего русича.

Совершенно другой предстаёт исследуемая лексема в поговорке *На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь*¹⁵. Идеи жизни и смерти в данном случае не противопоставляются, а благодаря исключительности самой сочетаемости, в силу разной семантики слов, наложенной одна на другую, сопоставляются, создавая неожиданный смысловой и концептуально значимый комплекс¹⁶. Второй компонент приведённой пословицы (*солнце*), содержащий преимущественно сакральные семы 'Бог', 'жизнь', 'свет' и др., в данном контексте выступает явно благодаря метонимии в значении 'кончина'. Таким образом, повторяется христианская идея, которая является фундаментальной в постижении Бога: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец...» (Откр. 1: 8).

⁷ Пропп 2005, 37.

⁸ МАС IV, 1988, 152.

⁹ Преображенский I, 1959, 564.

¹⁰ Даль IV, 1956, 233.

¹¹ Есенин I, 1995, 185.

¹² СРНГ 18, 1982, 327.

¹³ Маслова 2004, 146.

¹⁴ Звездова 1996, 107.

¹⁵ Даль IV, 1956, 233.

¹⁶ Никольна 2003, 192.

Безусловно, патриархальные обычаи стяжали мировосприятие древнего русича. В этой связи мудрость слова по-особому определяла окружающий мир, высвечивала специфику русской языковой картины мира. Понимание высшей правды жизни облекалось в формулу, во многом отвечающую тем духовным устремлениям, которые определяли жизнь русского человека в миру: «Мы знаем, что мы перешли из *смерти* в жизнь, потому что любим братьев: не любящий брата пребывает в *смерти*» (1 Иоан. 3: 14).

С точки зрения современного языкового сознания словосочетание *пребывать в смерти* рассматривается как оксюморон. Словари не фиксируют данное словосочетание¹⁷, что предполагает уникальность и исключительность создаваемого образа.

Глагол *пребывать* в этом отношении достаточно важен для постижения духовной основы жизни. С одной стороны, он содержит наиболее очевидное пространственно-временное значение, а с другой — мысль о зле, о его «умножении, увеличении»¹⁸. В тесном концептуальном единстве эти смыслы предопределяют наличие семантики количественности, которая по-иному высвечивает идею жизни и смерти, что составляет самобытную черту русской языковой картины мира.

Пребывание в смерти — это выжигание человека изнутри. Преодоление данного состояния может как раз и возвысить человека. К этому выводу нас приводят данные этимологических словарей, в которых фиксируется взаимосвязанность существительного *грех* и глагола *греть*¹⁹. Синкрета, создающая ассоциативную цепочку *грех* — *болезнь* — *смерть*, сохраняет потенциальную возможность сочетаться друг с другом, усиливая образно-символический план возникающих синтагм (ср., например, *смертельная болезнь*, *смертный грех* и т.д.). При этом концептуально важно то, что в сознании древнего русича не смерть является грехом, а «понурая болезнь», которая в своей семантике определяется как уныние, душевный и духовный кризис.

В то же время народная традиция определяла смерть как переход от жизни земной к жизни вечной. По справедливому замечанию М. И. Михельсона, «См^ьрть к св^ьтлой в^ьчности намъ отверзаетъ дв^ьрь»²⁰, что актуализирует рассматриваемую сущность как границу, между. При этом вечность благодаря слову *дверь* и такой сочетаемости в целом имплицитно фиксирует значение «дом», что свидетельствует о целостности картины мира в языковом сознании русского человека, о нерасчленённости и гомогенности реально-физических и сакрально-духовных смыслов. В семантике *жизни-пути* эти смыслы, как нам представляется, служат философской основой не только быта, но и Бытия человека в целом. Такое понимание вовсе не свидетельствует о линейности самой жизни, ибо в сознании человека за смертью следует воскресение, которое противоречит сугубо материальному пониманию природы человека и актуализируется как в семантике лексемы *жизнь*, так и в семантике лексемы *смерть*. Пространство смерти, что очень важно, является миром предков, миром родичей. Вот почему уход туда воспринимался и как момент воссоединения со своими. В самом деле, «через родные могилы (“отеческие гробы”) осуществлялась непрерывная связь поколений <...> Как говаривали в старину: “из навеи дети нас емлют. . .”»²¹.

Современное сознание не в состоянии постичь многие ключевые смыслы нашего исконного мировоззрения, искажённо осознаются разные сущности. Это в большей мере касается слова как онтологической первоосновы религиозного сознания. Потеряв целый ряд важных смыслов, оно стало ущербным элементом дискретного видения, не отражающим в своём содержании весь объём концепта от первообраза, этимона до функционирующих в языке реальных и сакральных смыслов. Выхоленное слово порождает вакуум мысли. Бытовая и бытийная составляющие разводятся, становясь разомкнутыми. Безусловно, утрата целостности, которая заложена с самого начала в человеке и слове, разрушает язык, а вследствие этого и гармоничное восприятие мира человеком.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС 1961: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / В. В. Виноградов (ред.). Т. XI. М.—Л.
 Даль В. И. 1956: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.
 Есенин С. А. 1995: Собр. соч.: в 7 т. Т. I. М.
 Звездова Г. В. 1996: Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах. Воронеж.
 Колесов В. В. 2000: Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.
 Колесов В. В. 2002: «Судьба» и «Счастье» в русской ментальности // Размышления о философии на перекрёстке второго и третьего тысячелетий: сб. к 75-летию проф. М. Я. Корнеева. Сер. «Мыслители». Вып. 11. СПб., 98–106.
 Колесов В. В. 2004: Язык и ментальность. СПб.
 МАС 1985–1988: Словарь русского языка: в 4 т. / А. П. Евгеньева (ред.). М.
 Маслова В. А. 2004: Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск.
 Михельсон М. И. 1994: Ходячие и меткие слова. М.
 Никитина А. В. 2006: Русская демонология. СПб.
 Николина Н. А. 2003: Филологический анализ текста: учебное пособие для студентов пед. вузов. М.
 Преображенский А. Г. 1959: Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. I. М.
 Протп В. Я. 2005: Исторические корни волшебной сказки. М.
 Срезневский И. И. 1958: Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. II. М.
 СРНГ 1982: Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Л.
 СЦСРЯ 1847: Словарь церковнославянского и русского языка: в 4 т. Т. III. СПб.

¹⁷ БАС XI, 1961, 68–69; МАС III, 1987, 359.

¹⁸ Срезневский II, 1958, 1619.

¹⁹ Преображенский I, 1959, 164.

²⁰ Михельсон 1994, 408.

²¹ Никитина 2006, 218.

REFLECTION OF MENTALITY OF THE WORD. INTEGRITY AS THE FOUNDATION OF RUSSIAN WORLD VIEW
(on the basis of explanatory dictionaries of the 19th century)

G. V. Zvezdova, E. N. Rudnev

The article characterizes the Russian mentality, which is based on the integrity of the attitude. It describes the specifics of Russian words in terms of domestic and objective reality connection, sacred and profane meanings that allow you to connect the material and spiritual world as a whole.

Key words: word, sincreta, concept, mentality, etymon

© 2014

Е. В. Иванова

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «СТРАНСТВИЕ»
(по материалам исторических словарей)

В статье рассматривается формирование ядерной зоны лексико-фразеологического поля вербализаторов концепта «Странствие» в древнерусском языке.

Ключевые слова: странствие, странник, ксенос, хождение, путешествие, древнерусский язык

Концепт «Странствие» начинает развиваться в XI–XII вв. благодаря появлению в славянской христианизирующейся культуре такого явления, как паломничество и активному переводу на русский язык проскинитариев, которые часто служили «примером» написания русских хождений, когда наши древние соотечественники отправлялись к Земле Обетованной. Следы переводного «Поклонения святого града Иерусалима» обнаруживаются в Хождении Василия Позднякова, памятнике XVI в. Некоторые русские паломнические произведения, подобно греческим, имели название *проскинитарий*, например, Проскинитарий Арсения Суханова (1649 г.)¹. Однако стоит отметить, что греческие произведения могли служить «образцами литературных форм», но древнерусские хождения и греческие проскинитарии — это далеко не одно и то же. Н. И. Прокофьев считает, что гораздо большее влияние на развитие жанра древнерусской путевой литературы оказали устные рассказы о путешествиях в чужие края, бытовавшие на Руси ещё задолго до игумена Даниила².

Хождения формируются как жанр после принятия христианства. Ведь язычникам не было нужды искать Бога в далёких землях. Их небесные покровители всегда были рядом с ними. Присутствие своих богов славяне ощущали в вечном круговороте природы. Старшие боги помогали в охоте, скотоводстве, земледелии (Авсень³, Белобог, Велес, Лада, Лель, Ярило); сопровождали в ратных походах (Перун). Солнце было воплощением Световида, Хорса, Ярилы, Дажьдбога⁴. «В каждой местности были свои особенности, свои маленькие боги»⁵. Малые боги и днём, и ночью окружали людей, то глумясь и забавляясь (Аука, Баба Яга, Баечник, Бдазень, Лихо, Мавки, Пушевик), то помогая им (Банник, Белун, Дворовик, Домовой, Люб, Овинник). Для древнего русича, только принявшего христианство, было важно знать, как выглядит Бог, что может служить доказательством правдивости рассказов о Христе. Вполне естественно, что первым русским христианам захотелось попасть на *Землю Обетованную* и своими глазами увидеть животворящий крест, плащаницу, схождение благодатного огня на Пасху. Странники (СТРАНЬНЬ, ξένος — ‘чужой, чужестранец, чужеземец, путник, странник’⁶) перестают восприниматься древними русичами как враги, а наиболее предприимчивые из них сами отправляются в странствия.

В письменном наследии древнерусских путешественников концепт «Странствие» вербализуется множеством слов и устойчивых словесных комплексов (УСК). Ядро лексико-фразеологического поля (ЛФП) составляют лексемы *странствие*, *путешествие* и *хождение*. Слово *странствие* в древнерусском языке принадлежало к лексике активного словарного запаса. Словарь русского языка XI–XVII вв. приводит примеры со словом *странствие* из Архангельского евангелия (1092 г.) и Жития Феодосия Печерского в Успенском сборнике (XII–XIII вв.)⁷.

Этимологический словарь М. Фасмера отмечает, что слова *странствие* и *странник* восходят к слову *страна* и являются заимствованными из церковнославянского языка⁸. Словарь русского языка XI–XVII вв. толкует лексему *странствие* через синонимы *странничество* и *странство*⁹. В. И. Даль даёт объяснение словам *странствование*, *странствие*, *странство*, *странничанье* в статье «Страна» ‘дѣйствие по гл. Странничанье, бол. гов. о паломничествѣ, скитанье по святымъ мѣстамъ, монастырямъ и // нищенство’¹⁰.

Иванова Елена Валерьевна — аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: lenochkaiv@gmail.com

¹ Опарина 2002, 147.

² Прокофьев 1970, 13.

³ Другие варианты имени: Овсень, Говсень, Усень, Баусень, Таусень.

⁴ Афанасьев 1, 2002, 75, 99, 103, 122–156; Мизун 2003, 213–230.

⁵ Лихачёв 11, 2006.

⁶ Цейтлин 1994, 627.

⁷ СРЯ XI–XVII 28, 2008, 303.

⁸ Фасмер 3, 1973, 771.

⁹ СРЯ XI–XVII 28, 2008, 135–136.

¹⁰ Даль 4, 1991, 683.

В XVIII в. уже разводятся в разные словарные статьи слова *странствѣе* (*странство*) и *странствованіе*, хотя имеют одно и то же значение — ‘путешествіе по чужимъ краямъ’¹¹.

Современные толковые словари в качестве синонима к слову *странствие* приводят лексему *путешествіе*¹², а также слова *поездка*, *путь*, *дорога*, *турне*, *плавание*, *круиз*, *поход*¹³. Сопоставляя данные различных словарей, мы можем отметить у лексемы *странствие* следующие лексико-семантические варианты (ЛСВ): 1) ‘перемещение из одного места в другое’¹⁴; 2) ‘паломничество по святым местам’¹⁵. Для концепта «Странствие» в древнерусском языке доминантной была сема ‘перемещение из одного места в другое с целью поклонения святыням’. Именем же концепта для первых десятилетий паломничества к святым местам служило слово *хождение* с его старославянским вариантом *хождене*.

Лексема *странствие* в исследуемых памятниках нами не выявлена, но она в древнерусскую эпоху входила в большое лексико-семантическое гнездо (восходящее к слову *страна* (‘местность, край, область, государство’), включающее также слова *странникъ*, *странница*, *странствовати*, *страннолюбие*, *странноприимецъ*, *странноводница*, *странношество* (всего 51 единица)¹⁶. В качестве названия жанра в зачине Хожения Зосимы по одному разу употреблены слова *ксенос* и *странник*: *Книга глаголемая ксенос, сиречь странник, списанный Зосимом диаконом русском пути до Царя града и отъ Царя града до Иерусалима* (XV в.)¹⁷. Лексема *странник* один раз встретилась в названии путевых записей Стефана Новгородца: «От *странника* Стефана Новгородца» (середина XIV в.)¹⁸. Синонимом к слову *странствие* является *путешествіе*, имеющее старославянское происхождение: оно встречается в памятнике XI в. — Супрасльской рукописи¹⁹. И. И. Срезневский приводит примеры его употребления в письменной речи с XIV в.²⁰. В восточнославянских памятниках XI в. встречается УСК *путное шество* (‘относящийся к путешествію’) и *шество* *пути* (‘путешествіе’)²¹. В это время также существовали слова и УСК *путеходити* (‘быть въ (на) пути, въ дорогѣ’)²² *путь ити*, *путь (въ путь) шествовати* (‘совершать путешествіе’), *путьмь шествовати* (‘путешествовать, быть в пути’)²³. Лексема *путешествіе* встретилась всего один раз в Хожении священноинока Варсонофия: *Сотворих другое путешествіе ко святому Граду Ерусалиму по шести летех прихода моего на Русь* (нач. XV в.)²⁴. Игнатий Смольнянин назвал странствие к святыням путным *шеством*: *В неделю же святых Мироносиц жен оттуда же с митрополитом вси влезше в суды, поидохом рекою Доном, тужаше о путном шествови* (XIV в.)²⁵. Также единичны в его произведении употребления слова *шество* и *речное плавание* (как антоним *путному шествови*). Любопытно замечание «*тужаше о путном шествови*», дающее нам понять, что в Средневековье поездки и пешие странствия далеко не всегда были приятными и безопасными.

В XII–XV вв. странствия совершались по преимуществу по религиозным мотивам. Путешествия купцов и дипломатов были редки, а географических экспедиций ещё никто не предпринимал. Поэтому представления о странствии, других землях и народах, их населяющих, формировались благодаря хождениям к святыням Востока. Слово *хождение/хождение* — самое частотное из единиц, входящих в ядерную зону исследуемого поля вербализаторов. Оно встречается в привлечённых для анализа памятниках 14 раз, из них 7 раз в южнославянской огласовке²⁶. Это обусловлено способом передвижения: в основном странники ходили пешком. Редки случаи использования каких-л. видов транспорта. К тому же пешее путешествие к святыням символизировало смирение гордыни, одного из осуждаемых христианской религией грехов. Не случайно именно слово *хождение/хождение* стало названием жанра. В старославянском языке оно означало ‘ход, движение’²⁷. И. И. Срезневский слова *хождение* (‘движение, походка’), *хождение* (‘движение, походка, путешествіе, путь’) приводит в разных статьях и датирует старославянский вариант XI в., древнерусский вариант в значении ‘движение’ — 986-м годом: ... *звѣздное хоженіе и число, землю мѣру и всѣку мдрсть* (Сл. фил.), а в значении ‘путешествіе’ — 6835-м (1327): *Хоженіе его отъ Новагорода до Опоки три недѣли* (Псков. I л.)²⁸.

В основном лексема *хождение/хождение* встречается в названиях произведений: *Житие и хождене игумена русьския земли Даниила*²⁹; *Хоженіе Игнатия Смольнянина в Царьград*³⁰; *Пименово хоженіе в Царьград*³¹; *Хоженіе Варсонофия в Египет, на Синай и в Палестину*³²; *Анонимное хоженіе в Царьград*³³; *Хождение на Флорентийский собор неизвестного сузальца*³⁴; *Хоженіе гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину*³⁵. Если в данных текстах слово *хождение* использовано только в заглавии, то иннок Зосима 3 раза употребляет в своём произведении данную единицу, включая название: *Хоже-*

¹¹ САР 5, 2005, 855–853.

¹² БАС 14, 1963, 995; МАС 4, 1988, 281–282; БТС 2000, 1276.

¹³ СССРЯ 1989, 495.

¹⁴ БАС 14, 1963, 995; МАС 4, 1988, 281–282; БТС 2000, 1276.

¹⁵ Даль 4, 1991, 683; СРЯ XI–XVII 28, 2008, 303.

¹⁶ СРЯ XI–XVII 28, 2008, 126–137.

¹⁷ Зосима 1984, 120.

¹⁸ Стефан 1984, 92.

¹⁹ Цейтлин 1994, 563.

²⁰ Срезневский 2, 1895, 1739.

²¹ Срезневский 2, 1895, 1739; СРЯ XI–XVII 21, 1995, 65.

²² Даль 3, 1990, 554.

²³ СРЯ XI–XVII 20, 1995, 65.

²⁴ Варсонофий 1984, 162.

²⁵ Игнатий 1984, 99.

²⁶ См. серию «Памятники литературы Древней Руси».

²⁷ Цейтлин 1994, 763.

²⁸ Срезневский 3, 1903, 1382–1383.

²⁹ Даниил 1980, 24.

³⁰ Игнатий 1984, 99.

³¹ Пимен 1984, 108.

³² Варсонофий 1984, 162.

³³ Аноним 1984, 80.

³⁴ Собор 1984, 137.

³⁵ Гость Василий 1984, 169.

*дение и бытие грешного инока Зосимы диакона Сергеева монастыря*³⁶; *Глаголемая еже о хожденьи и бытии моем, то уже подобает ми начати*³⁷. Подражая отцу русской паломнической литературы, игумену Даниилу, Зосима обращается к своим читателям: *И никтоже (sic!) мы да не верует от вас, рустии сынове, слышавши и почитающие написание сие и не мните же мене гордящаяся о хождении сем*³⁸. Описывая своё странствие, гость Василий, как и Зосима, трижды употребляет данную единицу: в названии произведения (*Хождение гостя Василия в Малую Азию, Египет, Палестину*³⁹); в зачине повествования (*В лето 6974 хождение некоего гостя при великом Князе Иване Васильевичи всеа Руси Московском*⁴⁰); при описании маршрута путешествия (*А се наше хождение от Бусы ко Иерусалиму и к морю: ден 2 до Нишары, место, торги велики*⁴¹). Один раз в названии произведения встретилось слово *исхождение*: *Исхождение Авраамия Суждальскаго на Осьмыи Собор с митрополитом Исидором*⁴².

В древнерусскую эпоху концепт «Странствие» только начинает формироваться, и его в основном вербализуют слова и УСК, связанные с путешествиями к христианским святыням на Ближнем Востоке. В ядерной зоне поля вербализаторов концепта доминирует лексема *хождение/хожение*. С низкой частотностью употребляются слова *путешествие, путное шествие, шествие*. А слово *странствие* в значении 'хождение' в исследуемых памятниках не встретилось ни разу.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраамий* 1984: Авраамия Суждальскаго на Осьмыи Собор с митрополитом Исидором // Книга хожений. М., 152–161.
Аноним 1984: Анонимное хожение в Царьград // Книга хожений. М., 81–90.
БАС 1963: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 14 / Л. И. Балахонина, Л. А. Войнова (ред.). М.; Л.
БТС 2000: Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов (ред.). СПб.
Варсонофий 1984: Хожение Варсонофия в Египет, на Синай и в Палестину // Книга хожений. М., 162–168.
Гость Василий 1984: Хожение гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину // Книга хожений. М., 169–177.
Даль 1989–1991: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.
Даниил 1980: Хождение игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси. М., 24–115.
Зосима 1984: Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Книга хожений. М., 120–136.
Иенатий 1984: Хожение Игнатия Смольнянина // Книга хожений. М., 99–107.
Лихачёв Д. С. 2006: Об особенностях русского православия // Звезда. 11. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/11/li4.html>.
МАС 1981–1988: Словарь русского языка: в 4 т. / А. П. Евгеньева (ред.). М.
Пимен 1984: Пименово хожение в Царьград // Книга хожений. М., 108–119.
Прокофьев Н. И. 1966: Язык жанра «Хождение» // Язык и стиль художественного произведения: тезисы докл. IX Науч.-теоретич. и метод. конф. Московск. гос. пед. ин-та / А. И. Ревякин (ред.). М., 18–20.
РСС 1998: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Н. Ю. Шведова (ред.). М.
САР 1789–1794: Словарь Академии Российской: в 6 т. М.
Собор 1984: Хожение на Флорентийский собор неизвестного суздальца // Книга хожений. М., 137–151.
Срезневский И. И. 1893–1903: Материалы для Словаря древнерусского языка. в 3 т. СПб.
СРЯ XI–XVII 2008: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М.
СССРЯ 1989: Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов. М.
Стефан 1984: Из странствия Стефана Новгородца // Книга хожений. М., 92–98.
Фасмер М. 1996: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.
Цейтлин 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов / Р. М. Цейтлин (ред.). М.

TO THE HISTORY OF "PILGRIMAGE" CONCEPT FORMATION
(on the materials of the historical dictionaries)

E. V. Ivanova

The article is devoted to the formation of lexico-phraseological lexical kernel area of "Pilgrimage" concept verbalizers in the Old Russian language.

Key words: pilgrimage, pilgrim, xenos, wandering, journey, Old Russian Language

³⁶ Гость Василий 1984, 169.

³⁷ Зосима 1984, 120.

³⁸ Зосима 1984, 120.

³⁹ Гость Василий 1984, 169.

⁴⁰ Гость Василий 1984, 169.

⁴¹ Гость Василий 1984, 169.

⁴² Авраамий 1984, 152.

© 2014

П. М. Комшина

ЯДЕРНАЯ ЗОНА ВЕРБАЛИЗАТОРОВ КОНЦЕПТА «Прѣстѣплѣннѣ»
В СТАРОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ X–XI вв.
(опыт лексикографического описания)

Старославянские памятники X–XI вв. отразили начальный этап формирования концепта «Прѣстѣплѣннѣ» в условиях христианизации славян, и ядерная зона его вербализаторов обогатилась за счёт слова *грѣхъ* и его производных.

Ключевые слова: лексема, ядерная зона, концепт

Христианизация сыграла важную роль в истории славянских народов. Она послужила толчком к развитию славянской письменности и культуры. В результате миссионерской и просветительской деятельности христианских первосвященников на Руси появляются первые церковные книги: переводы Священного Писания и сочинений отцов церкви. Материалы данных источников представляют особый интерес для исследователей, в частности и для лексикографов. Эти памятники отражают не только процесс становления и развития старославянского языка, но и дают возможность проследить начальные процессы складывания важнейших для новообращённых христиан концептов, видоизменивших в значительной степени картину мира славян Средневековья; позволяют увидеть ряд социальных и экономических особенностей времени, отражённого в дошедших до нас рукописях X–XI вв. Так, по мнению Т. И. Вендиной, «средневековая культура <...> жила и развивалась в “языковой оболочке”, определяя тот мир смыслов, мир ценностей и идеалов человека, который отразился в языке»¹. В древних письменных памятниках, как в зеркале (пусть и очень условно), находят отражение средневековый человек, его взаимоотношения с обществом и с Богом.

В эпоху христианизации у принявших новую веру этносов начинает складываться новая правовая система, центральное место в которой занимает концепт «Преступление». Религиозные представления о правонарушениях накладываются на старые, освящённые традицией.

Древнейшие тексты указывают на то, что уже с самых ранних времён церковь и государство были тесно связаны между собой. Церковь призвала человека быть не только верующим христианином, но и законопослушным гражданином своего государства. Эта идея нашла отражение в библейском повествовании в эпизоде с «динарием кесаря», который описан в трёх Евангелиях: Мк 12: 13–17, Лк 20: 20–26, Мф 22: 15–22.

Когда Иисус, будучи молодым проповедником, находился в Иерусалиме, фарисеи попытались его скомпрометировать. Как бы испытывая его мудрость, они спросили, нужно ли платить налог кесарю. Гражданами Иудеи данный имущественный налог воспринимался болезненно, т.к. он считался признаком рабства. Ответ «да» настроил бы иудейское население против Христа. Ответ «нет» означал бы призыв к мятежу и расценивался бы как выступление против римской власти. Однако Христос попросил принести ему монету (римский динарий, который ходил тогда в провинции и, естественно, имел изображение императора) и мудро рассудил: (Мф 22: 15–21) *въздадите оубо цѣса(р)ева цѣсаревѣ и в(о)жи() в(о)ви* Сав 28, *въздадите оубо кесарева кесарю и в(о)гови* Ас 91, *въздадите оубо кесарева кесаревѣ и в(о)жѣ в(о)г(о)ви* Мар 80; (Лк 20: 25) *въздадите оубо ѣже сѣтъ кесарева кесаревѣ и ѣже сѣтъ в(о)жѣ в(о)г(о)ви* Мар 290². Этот ответ призывал христианина не просто терпимо относиться к государству, но и прямо участвовать в заботах о его сохранении и благополучии.

Наряду с государственностью в древнем обществе начинает зарождаться система регулирования общественного порядка и мироустройства, появляются первые законы, правила и нормы. Преступные деяния становятся наказуемыми и порицаемыми. Люди, досаждающие обществу и приносящие ущерб, обретают особый статус *преступника*, т.е. того, кто осмелился преступить закон, нарушить норму. Именно в этот момент начинает формироваться новый для культуры всего человечества в целом концепт. Зарождается представление о недозволенном, о преступном.

На современном этапе развития концепт «Преступление» присутствует в концептосфере любого общества и народа. Он довольно хорошо изучен лингвистами³. Однако, как уже упоминалось выше, особый интерес для исследования этого концепта представляют древние тексты, т.к. они не просто раскрывают сущность христианской религии, но и отражают процесс зарождения и формирования данного концепта в условиях влияния религиозных представлений на светские. После принятия славянами христианства рядом со словом *прѣстѣплѣннѣ* появляется слово *грѣхъ*, и интегральная сема вербализаторов концепта «Прѣстѣплѣннѣ» обогащается христианской семой. В ядерную зону концепта теперь входит не только лексема *прѣстѣплѣннѣ*, но и лексема *грѣхъ*, в структуре значения которой проявляется религиозный элемент семантики.

В период христианизации славян под воздействием религии происходит освоение новых, важнейших для верующих, этических категорий. Именно в этот период религия становится средством нравственной регуляции в социальной жизни людей. Вместе с представлениями о добре и зле, правде и лжи начинают формироваться наиболее важные понятия, такие, как грех и праведность. В христианском вероучении борьба с грехом, победа над грехом и, наконец, свобода от греха являются фундаментальными.

Происхождение лексемы *грѣхъ* не установлено. М. Фасмер связывает этимологию данного слова с глаголом *гореть* или *гореть*, т.е. иметь ‘жжение совести’⁴. П. Я. Черных возводит лексему *грѣхъ* к общеславянскому корню с исходным значением ‘заблуждение, ошибки, путаница’⁵. Составители «Этимологического словаря славянских языков» под ред. О. Н. Тру-

Комшина Полина Михайловна — аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: komshina.polina@mail.ru

¹ Вендина 2002, 6.

² Фразеологический словарь старославянского языка 2011, 346.

³ Данилов 2004; Евтушок 2003; Евтушок 2004; Микаелин 2010; Теплых 2013 и др.

⁴ Фасмер 1, 2003, 456.

⁵ Черных 1, 1999, 216.

бачѣва сближают значение этого слова с церковнославянским *грѣза* (смешение), отсюда *сѣгрѣзити*, т.е. ‘сделать что-л. плохое, причинить ущерб’⁶. В энциклопедическом словаре «Христианство» под ред. С. С. Аверинцева приводится следующее определение: «Грех — на богословском языке означает всякое, как свободное и сознательное, так и не свободное и бессознательное, отступление делом, словом и даже помышлением от заповедей Божиих и нарушения закона Божия»⁷. Все приведённые толкования имеют отсылку к идее отклонения, отступления, недозволенного выхода за пределы установленных границ, а также к идее некоего наказания, возмездия, которое непременно следует после самого проступка.

Отступление от божьих заповедей и заветов в древних славянских памятниках обозначалось лексемой *грѣхъ* ‘грех, проступок’, а человек, нарушающий законы божии, именовался не иначе, как *грѣшникъ* ‘грешник’. О важности этой нравственной категории свидетельствует частотность использования лексемы *грѣхъ* в 17 классических памятниках старославянского языка, которые послужили источником для «Старославянского словаря» 1994 г. Составители указывают на 300 случаев её употребления. В этом же словаре указывается на частотность лексемы *грѣшникъ* — около 100 случаев.

В рукописях X–XI вв. лексема *грѣхъ* и её производные входят в состав ряда устойчивых словесных комплексов (УСК). В соответствии с их общим значением можно выделить УСК, характеризующие человека, который совершает грех (*грѣшнын и недостоннын рабъ* ‘грешный и недостойный раб’ Евх. 17b: 7–8; *робъ грѣхоу* ‘раб греху’ Супр. 57: 24–27), и УСК, связанные с действием Бога или священника и процедурой избавления от грехов (*потопити водою при(с)нон грѣхъ* ‘потопить грехи водою’ Евх. 5b: 2–3; *отъпоуцати прѣгрѣшениѣ дроугъ дроугоу* ‘простить прегрешения друг другу’ Евх. 10a: 5–6; *оставити грѣхъ* ‘простить грех’ Супр. 407: 1–8, 419: 12–19; *грѣховъ раздрѣшение* ‘отпущение грехов’ Евх. 5a: 4; *ветъхыа грѣховныа ризы отъвръгыше* ‘отказавшись от прежних преступных замыслов и деяний’ Евх. 1b: 6–7).

Понятие о грехе, а также о сопутствующем ему наказании имело важное значение не только для религии, но и для традиции права. В ранний период (X–XI вв.) лексемы *грѣхъ* и *прѣстѣпленикѣ* были взаимосвязанными. Авторы «Старославянского словаря» 1994 г. в статье *грѣхъ* приводят несколько лексем близких по значению: *безаконик* (53) ‘нарушение закона, проступок’, *безаконеник*, *безаконьник* (71) ‘безаконие, проступок’, *грѣхъпаданик* (3) ‘грех, прегрешение’, *законопрѣстѣпленикѣ* (1) ‘нарушение закона, преступление’, *прѣгрѣшеник* (16) ‘вина, проступок, грех, прегрешение’, *прѣстѣпленикѣ* (7) ‘нарушение, проступок’.

В «Старобългарском речнике» 1999 г. *прѣстѣпленикѣ* характеризуется как ‘преступление, нарушение заповеди, закона обычая’; *прѣгрѣшеникѣ* — как ‘прегрешение, непозволительный по христианским нормам поступок, грех’. В этом же словаре *законопрѣстѣпленикѣ* трактуется как ‘нарушение, преступание закона, преступление’⁸. В «Словаре старославянского языка» 2006 г. *прѣстѣпленикѣ* семантизируется как ‘нарушение’; *прѣгрѣшеникѣ* — как ‘вина, проступок, грех, прегрешение’⁹.

Все приведённые выше лексемы обладают общей интегральной семой ‘нарушение чего-л.’. Именем концепта «Прѣстѣпленикѣ» является лексема *прѣстѣпленикѣ* с общим значением ‘нарушение, преступление закона, заповеди’. Слово *преступление* — отглагольное существительное, образованное путём присоединения к глаголу *преступать* суффиксов -л-, -ениј-. Глагол *преступать* образован с помощью приставки *пре-* от глагола *ступать*. В словаре М. Фасмера приставке *пре-* приписывается усилительное значение¹⁰. Заимствована приставка из церковнославянского *прѣ-* и соответствует исконно русской *пере-*. Глагол *стѣплити* в старославянском соответствовал греч. лексеме $\sigma \tau \acute{\epsilon} \mu \beta \omega$ ‘топчу, хулю, жестоко обращаюсь’¹¹.

В старославянском языке X–XI вв. ядерную зону концепта «Прѣстѣпленикѣ» составляли 6 лексем: *прѣстѣпленикѣ*, *грѣхъ*, *безаконикѣ*, *прѣгрѣшеникѣ*, *грѣхопаданикѣ*, *законопрѣстѣпленикѣ*.

В памятниках данные лексемы, так же, как и лексема *грѣхъ*, входят в состав многих УСК: *прѣзри безаконнѣ (наша щедротами твоима)* ‘презреть беззакония’ Евх. 62b: 10; *творити законопрѣстѣпление* ‘совершать законопреступление’ Пс 36, 7 Син; *отъпоуцати прѣгрѣшениѣ дроугъ дроугоу* ‘простить друг другу грехи’ Евх. 9b: 24–25; *прѣстѣпленикѣ заповѣди в(о)жныа* ‘нарушение заповеди Божьей’ Евх 52b: 25.

Опираясь на лексический материал памятников данного периода, можно говорить о том, что в общем виде все преступления воспринимались как грехи, а все грехи — преступлениями. Не проводилось чёткого различия тех проступков, которые надо было искупить церковным покаянием, и тех, которые надо было улаживать переговорами с сородичами или какими-л. другими процедурами.

Понятие греха имеет два основных значения: религиозное (нарушение религиозных заповедей, преступление перед Господом) и светское (предосудительный проступок, за который, по определению слова *предосудительный*, человек заслуживает порицания и несёт ответственность). Именно поэтому, наряду с лексемой *грѣшникъ*, в старославянских текстах употребляются слова *законопрѣстѣпленикѣ* (11) ‘нарушающий законы, установления’, *безаконьникѣ* (21) ‘тот, кто преступает законы, преступник’. Таким образом, уже на ранних этапах славянской истории в обществе начинает формироваться понятие не только о грехе как о преступлении перед Господом Богом, но и представление о преступлении как юридическом правонарушении.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С. С. 1993: Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 1 / С. С. Аверинцев (гл. ред.). М.
Вендина Т. И. 2002: Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.
Данюлов К. В. 2004: Репрезентация концептов CRIME и PUNISHMENT в британской и американской юридической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов.
Евтушок Ю. Г. 2003: Концепт как отражение опыта (на примере концепта «CRIME») // Язык. Этнос. Картина мира: сб. науч. тр. Кемерово, 132–139.

⁶ ЭССЯ 7, 1980, 114–116.

⁷ Аверинцев 1993, 430–433.

⁸ Старобългарски речник 2, 2009, 472, 519, 524.

⁹ Словарь старославянского языка 3, 2006, 415.

¹⁰ Фасмер 3, 2003, 356.

¹¹ Фасмер 3, 2003, 788.

- Евтушок Ю. Г.* 2004: Концепт Crime в аспекте биологической концепции языка (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск.
- Микаелян М. Е.* 2010: Концепт Crime в современной англоязычной картине мира: структурно-репрезентационный и когнитивно-дискурсивный подходы (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону.
- Старобългарски речник* 1999–2009: в 2 т. / Д. И. Иванова-Мирчева (ред.). София.
- Словарь старославянского языка* 2006: в 4 т. / Й. Курц, З. Гауптова (ред.). Т. 3. СПб.
- Теплых Р. Р.* 2013: Ядро семантического поля концепта «Преступление» // Вестник ВЭГУ. 6. Уфа, 157–161.
- Фасмер М.* 2003: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / О. Н. Трубачёв (ред.). Т. 3. М.
- Фразеологический словарь старославянского языка* 2011: свыше 500 ед. / С. Г. Шулежкова, М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова, А. Н. Михин [и др.] (сост.); С. Г. Шулежкова (отв. ред.). М.
- Цейтлин Р. М.* 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): около 10 000 слов / Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова (ред.). М.
- Черных П. Я.* 1999: Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. Т. 1. М.
- ЭССЯ* 1980: Этимологический словарь славянских языков / О. Н. Трубачёв (ред.). Вып. 7. М.

THE KERNEL AREA OF THE CONCEPT “CRIME” IN OLD SLAVONIC TEXTS OF THE 10th – 11th CENTURIES
(experinece of lexicographical description)

P. M. Komshina

This article deals with the lexemes forming a kernel area of the concept “Crime” in the 10th – 11th centuries. The author uses materials of etymological, historical, ethnic and linguistic dictionaries.

Key words: lexeme, a kernel area, concept

© 2014

И. В. Кузнецова

РУССКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ
ФРАЗЕОГРАФИИ

В статье рассматривается представленность в словарях русских библейских устойчивых компаративов и их функционирование в речи.

Ключевые слова: библейская фразеология, русские устойчивые сравнения, функционирование, фразеография

В фонде библейской фразеологии много единиц со структурой сравнения, которое выражается морфологически и синтаксически; среди последних немало конструкций с компаративным союзом: *таять яко воск от лица огня; дурён (страшен, безобразен) как смертный грех; исчезать/исчезнуть как дым; народоу как на Иордани; ждать (жаждать) как манны небесной (с неба); по морю (воде) аки по суху и т.д.* Опорные слова в них разнородны, но так или иначе связаны со Священным Писанием или церковно-религиозными понятиями.

Среди сравнений-библейзмов велико количество оборотов с обозначениями персонажей Книги книг. Это наименования людей (*беден как Иов; яко тать в ноци*), животных (*возвращаться как (аки) пёс на свою блевотину; аки лев рыкающий*), самого Бога (*как бог на душу (сердце) положит; бородастый как Саваоф*) и сверхъестественных существ, служащих Творцу или являющихся его противниками (*как херувим; словно (будто, точно) бес (дьявол) вселился [в кого]*). Сравнения-библейзмы часто становятся объектами фразеографического описания; их семантическая и стилистическая характеристика за редким исключением в разных изданиях совпадает или очень близка. Ср. фрагменты словарных статей: *счастлив как Енох* — 1) Книжн. архаич. Об очень счастливом, блаженном от счастья человеке; Устар. книжн. Об очень счастливом человеке; 2) Шутл.-иноск. Умер¹. В библейском сюжете ничего не говорится об эмоциях ветхозаветного персонажа, которому Бог за безграничную веру даровал бессмертие: «Енох <...> не видел смерти; и не стало его, потому что Бог переселил его» (Евр 11, 5), но столь щедрый дар не мог не вызвать чувства благодарности и счастья, чем и мотивирована семантика фразеологизма в первом случае. Ср. также строки: *Но Енох не умер, стало быть, не все умирают. «И почему же и всякий не может так же заслужить пред богом и быть взят живым на небо?»* — думал Серёжа. *Дурные, то есть те, которых Сережа не любил, те могли умереть, но хорошие все могут быть как Енох* (Толстой, Анна Каренина, 1878*)². Во втором случае в этимологическом комментарии указывается: Енох, седьмой после Адама праотец, прожил 365 лет, и как праведник был *взят живым на небо* [курсив наш — И.К.]. Видимо, в итоге на дефиницию сравнения повлияло значение выражения *бог (боженька, Господь) [кого] на небо (небеса) [к себе] взял (забрал)* ‘о чьей-л. смерти’. Заметим, что те и другие авторы приводят одну и ту же цитату из Библии³, а в качестве источника оборота отсылают к одному и тому же лексикографическому изданию, в котором толкования как такового нет, но приведена текстовая иллюстрация с выделенным курсивом сравнением: *Я так счастлив, так,*

Кузнецова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. E-mail: irinak47@yandex.ru

¹ Бирх, Мокиенко, Степанова 2005, 216; Мокиенко, Никитина 2008, 191; Кочедыков, Жильцова 1997.

² Звёздочка (*) означает, что тексты взяты из Национального корпуса русского языка.

³ И ходил Енох пред Богом, и не стало его, потому что Бог взял его (Быт 5: 24).

как будто взять, **аки Енохъ**, живой на небо (Данилевский, Княжна Тараканова, 1883)⁴. Здесь семантизации компаратива способствует иллюстративный материал, в котором акцент делается на слове *счастлив*. Но в контекстном окружении есть и другие лексемы (*взять, небо, живой*), встречающиеся в текстах чаще⁵.

Устойчивые сравнения — обширный пласт библейской фразеологии. Но в толковых словарях библейских выражений последних лет⁶ их не так много; это единицы с непредикативной и предикативной структурой: *хранить (беречь) как зеницу ока; как один человек; Возлюби ближнего, как самого себя; Будьте мудры, как змии [и просты, как голуби]*. Часть компаративов приводится внутри гнезда фразеологизмов с опорным словом — вокабулой рубрики:

МУХА.

ТОЧНО ПЁСЬЯ МУХА УКУСИЛА [кого]. О непонятном, необъяснимом поведении кого-л.

• <...> с этой же своей поездки к бабушке Дон-Кихот сразу махнул рукой на свою семейную жизнь. — Его точно песья муха у меня укусила, — рассказывала бабушка, — так от меня и побежал на своих одрах странствовать и подарок мой жене насилих к Рождеству привёз. Н. Лесков. Захудалый род.

ПЁСЬИ МУХИ. Устар. Кровососущие насекомые.

Согласно Библии, песьи мухи были четвертой казнью, посланной Богом на Египет (см. **Казни египетские**)...

Другие компаративы содержатся в контекстных иллюстрациях (что затрудняет поиск сравнений, причём читателю не всегда легко разграничить индивидуально-авторские образования и узуальные фразеологизмы):

ИСАИЯ. Один из великих ветхозаветных пророков, которого за точность и необычайную ясность пророчеств называли ветхозаветным евангелистом. Неумолимый обличитель зла, смело, открыто говоривший правду царям.

<...> • в сравн. Несколько раз я слышал, как он [Митропольский] обличал людей, подражая пророку: — Аз есмь Бога моего неподкупный слуга и се обличаю вы, яко Исаия! <...> М. Горький. В людях.

ИСАИЯ, ЛИКУЙ. Книжн. Молитвенный возглас во время церковного обряда венчания.

<...> • в сравн. Разноголосица какая // В трактирах буйных и в церквах, // А ты ликуешь, как Исаия, // О рассудительнейший Бах! О. Мандельштам. Бах.

МЕССИЯ. Книжн. (от др.-евр. masiah — ‘помазанный’). В Ветхом Завете — обещанный Богом избавитель, спаситель еврейского народа. В Новом Завете — Мессия — **Христос**, спаситель человечества.

<...> • в сравн. <...> Чтобы достигнуть своей цели и между тем согласить чувства верноподданного шведского короля с нетерпеливою любовью к знаменитости, он ожидал мира, как евреи мессию. И. Лажечников. Последний Новик⁷.

Формальным критерием принадлежности фразеологизма к уровню языка является его фиксация. Многие сравнения-библейзмы разбросаны по разного рода источникам — паремиологическим сборникам, историко-этимологическим справочникам, диалектным и фразеологическим словарям и др. Есть они и в специализированных словарях русских образных сравнений, различающихся принципами подачи материала. Так, в словаре В. М. Огольцева не указывается источник оборота, отсутствуют экскурсы в его этимологию, ибо задачи ставятся иные — показать в соответствии с профилем труда ряда синонимов и антонимов (если они есть) заголовочного фразеологизма:

ИОВ.

КАК ИОВ (книжн.)

<...> 2. Одинокий.

— Один остался... **Как Иов**... О, господи!.. Что сделаю? Я ли не умён? Я ли не хитёр? (А. М. Горький. Фома Гордеев). — Один мой сын погиб в Сербии, другой живёт в Петербурге и забыл меня. В старости я **одинок**, **как Иов**. Это справедливо! (Ю. В. Трифонов. Нетерпение).

Син.: *одинок(ий) как былинка в поле; один как перст (палец)*⁸.

В отличие от большинства фразеологических изданий собрание народных сравнений⁹ представляет собой словарь тезаурусного типа, итог кропотливой работы по выборке разбросанных по разным изданиям фразеологизмов. В нём объединены компаративы русского языка без разделения материала на литературный, диалектный и т.д. (что существенно обогащает корпус фразеологии, в т.ч. и библейской), на устойчивые и индивидуально-авторские обороты; по объективным причинам отсутствуют текстовые иллюстрации. Работа содержит точную паспортизацию компаративных фразеологизмов (практически все известные многочисленные словарные фиксации с указанием страницы), что позволяет судить об инновационном или архаическом характере выражения, а стилистические и эмотивные пометы — о сфере употребления. Фундаментальный по охвату языковых фактов труд иллюстрирует динамизм образной системы сравнений; их диапазон по рамкам хронологии широк — от устаревших до активно функционирующих в наши дни. Так авторы решают проблему сохранения компаративов из сокровищницы народной мудрости и фиксации оборотов, находящихся в активном обращении. Указание на Библию как источник и генезис сравнения даются, но не всегда.

В основном корпусе библейских сравнений наблюдается постоянная его динамика: одни единицы устаревают, другие формально или (и) семантически изменяются, появляются неологизмы и инновации. Свод компьютерного корпуса русских текстов и материалы сети Интернет позволяют вычлени из них частотные, активно используемые носителями языка сравнения, а также корректировать статус отдельных оборотов (новое, устаревшее и т.п.). Приведём некоторые сравнения, которые пока не получили словарную «прописку», но встречаются в текстах: устар. *говорить что [кому] как Вечному жиду* ‘побуждать к действию’; *бороться [с кем] как Иаков* ‘стараться осилить, схватившись друг с другом; сражаться с кем-л.’;

⁴ Михельсон 2, 2004, 334.

⁵ Восьмой час говорит: час девятый, ты как Енох на небо взятый (Введенский, Кругом возможно Бог, 1931*); Вообще, продолжал размышлять Королёв, не бессмыслен бытующий в народе слух, что Гагарин жив, что его упрятали с глаз долой, поменяв ему лицо, поселив в какой-нибудь горе на Урале. Или — что его на небо взяли живым. Как Еноха. Как бы там ни было, в русских деревнях фотографию Гагарина можно встретить чаще, чем икону (Илличевский, Матисс // «Новый Мир», 2007*).

⁶ Дубровина 2010; Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010.

⁷ Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010, 324; 245; 310.

⁸ Огольцев 2001, 225–226. Заметим, что приведённое сравнение не встречается в других словарях.

⁹ Мокиенко, Никитина 2008.

испытывать [кого] как *Иова* ‘подвергать кого-л. суровым жизненным испытаниям, проверять с целью выяснения качеств, пригодности к чему-л.’; *стар (старый) [кто, что]* как *Вечный жид* — ‘о ком-, чём-л. очень старом’; перен. ‘о духовно старом человеке’; *жить долго* как *Вечный жид* ‘очень долго’; *жить вечно* как *Вечный жид* ‘о ком-л., не подверженном забвению, надолго остающемся в памяти, незабываемом’; *вечен* как *Вечный жид* ‘не перестающий существовать; сохраняющий своё действие на всё время существования кого-, чего-л.’; [*жить, чувствовать себя* и т.п.] как у *Христа под мышкой*; [*кто*] *невиновен (неповинен) [перед кем]* как (*аки*) *Христос перед жидами* ‘абсолютно невиновен’; *распят [кого]* как [*Иисуса*] *Христа* — ‘пригвоздить к чему-л.; насильственно развести чьи-нибудь руки в разные стороны’; ‘тянуть за руки в разные стороны’; перен. ‘предать кого-л. каре, духовному наказанию’; устар. как [*будто*] (*словно*) *Христа ради* ‘делать что-л. из милости; делать одолжение кому-л.’¹⁰. Словарную фиксацию имеет сравнение *гол (голый) как Адам (голые как Адам и Ева)*¹¹, а его лексический вариант *наг (нагой) как Адам*, встречающийся в русских текстах, по данным Национального корпуса русского языка с конца XVIII в., — нет.

На наш взгляд, в справке-источнике к контекстным иллюстрациям, сопровождающим представленные в словаре фразеологизмы и позволяющим судить об их активности и актуальности, должны указываться не только автор и название произведения, газетной публикации, но и дата написания, которая позволит сделать вывод о примерном времени появления оборота или его ухода в пассив: *Набор начался в ноябре, и я принуждён был, брося всякое бумажное дело, чрез целые два месяца заниматься одним осмотром нескольких тысяч душ, кои, как Адамы в раю, проходили мимо глаз моих ежедневно с утра до вечера наги и босы* (Долгоруков. Повесть о рождении моём, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни. Ч. 4. 1799–1806 / 1788–1822*).

Из сказанного следует, что назрела необходимость объединения сравнений-библейзмов (прямых и косвенных) в один специализированный словарь.

Образцом может быть фрагмент словарной статьи планируемого «компаративного» раздела «Фразеологического словаря старославянского языка» с ключевым словом АГНЕЦ¹², где есть этимология, синонимы и антонимы, историко-культурологическая справка и информация о сравнении, извлечённая из словарей. Инославянские параллели, приведённые в статье, позволяют в данном случае сделать вывод о его интернациональности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. 2005: Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 ед. / В. М. Мокиенко (ред.). М.
- Дубровина К. Н. 2010: Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.
- Кочевыков Л. Г., Жильцова Л. В. 1997: Краткий словарь библейских фразеологизмов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vestnik-samgu.samsu.ru>gum/1997web1...199711202html>.
- Кузнецова И. В. 2010: Из наблюдений над русскими устойчивыми сравнениями-библейзмами // *Slowo. Tekst. Czas X* / М. Alekseenko і Н. Walter (red.). Szczecin; Greifswald, 240–251.
- Кузнецова И. В. 2012: Устойчивые сравнения с библейскими персонажами в русском языке // *Русистика в начале третьего тысячелетия: проблемы, итоги, перспективы*. Петрозаводск, 57–61.
- Кузнецова И. В. 2013: Иисус Христос в русских устойчивых сравнениях // *Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича*. Петрозаводск, 126–132.
- Михельсон М. И. 1994: Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: в 2 т. М.
- Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И. 2010: Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 ед. М.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. 2008: Большой словарь русских народных сравнений: более 45000 ед. / В. М. Мокиенко (ред.). М. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorgpora.ru>.
- Огольцев В. М. 2001: Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический): ок. 1500 ед. М.
- Шулежкова С. Г. 2011: Старославянские устойчивые компаративы как объект фразеологического описания // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 3 (33), 264–271.
- Stěpanova L. 2007: *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc.

BIBLICAL SET OF RUSSIAN FIXED SIMILES AS AN OBJECT OF PHRASEOGRAPHY

I. V. Kuznetcova

The article deals with presentation of Russian biblical fixed similes in dictionaries and their use by native speakers.

Key words: biblical phraseology, Russian fixed similes, functioning, phraseography

¹⁰ Текстовые иллюстрации см. в: Кузнецова 2010, 241, 243, 249; 2012, 57–59; 2013, 127–129.

¹¹ Бирих, Мокиенко, Степанова 2005, 17; Stěpanova 2007, 12.

¹² Шулежкова 2011, 268–270.

© 2014

А. А. Миронова

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ЛЕТОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. КАК ОБЪЕКТ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ*

В статье рассматриваются способы толкования слов, используемые священниками в церковно-приходской летописи Миасского завода, выявляются группы лексем, непонятных или малоизвестных как самому писцу, так и местным жителям.

Ключевые слова: церковно-приходское летописание, способы толкования слов писцами-священниками

Церковно-приходские летописи являются уникальным источником для изучения локальной истории культуры, церкви, истории населённых пунктов, лингвистического краеведения. Отражённый в них русский православный дискурс может быть объектом словарного описания речи уральцев второй половины XIX в.

Так, «Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви» (1882–1897 гг.) в трёх частях является оригинальным рукописным региональным памятником, содержит богатую фактографию и позволяет воссоздать общую картину жизни уральского завода: особенности быта, привычек, увлечений, вероисповедания, работы. Во «Введении» приводится копия указа Епископа Оренбургского и Уральского Варлаама от 12 апреля 1865 г.: «... летописи наши отъ начала Россіи <...> составлялись, писались и переписывались почти единственно лицами духовнаго званія <...> приходскія летописи эти могутъ послужить, съ теченіемъ времени, богатымъ матеріаломъ вообще для исторіи церкви и отечества»¹ (т. 1, 19).

«Летопись <...> Миасского завода», скорее всего, вёл священник Петропавловской церкви Николай Сементовский. Материала описания священнослужителями быта Южного Урала отличалась от подачи материала другими категориями авторов. С одной стороны, история конкретных церквей, часовен, богослужений, бесед с прихожанами, это история старообрядцев, сектантов (поморцев, австрийцев, молоканцев, скопцов и хлыстов), язычников. С другой стороны, глазами священника показана история «селения», приводится информация о школьном образовании, о преступлениях, о голоде из-за неурожая и мерах, принимаемых для спасения бедных людей, о трудностях работы на рудниках, особенно детей, об открытии больницы и библиотеки. Автор при записи сведений из всех сфер жизни завода-селения пытается объяснить значение терминов, малоизвестных или новых слов. От особенностей языковой личности летописца зависят наличие эмоциональности, оценочности событий, обращения к научным объяснениям природных явлений, а не к религиозным. В выборе тех или иных способов толкования лексем определённых тематических групп проявляется личностное начало летописца.

Можно выделить следующие тематические группы слов, требующие, с точки зрения летописца, пояснения значений:

- 1) болезни, эпидемии среди людей и домашнего скота; возбудители болезней (*тиф, грипп, кобылка, холера*);
- 2) природные явления (*полное, частичное солнечное, лунное затмение; северное сияние; погода; метеоры* и др.);
- 3) золотопромышленность (*илиховое золото, золотоносные пески, байда, золототолчейная фабрика*);
- 4) трудовая деятельность: работа на рудниках, в больнице, в библиотеке, торговля, преподавание (*казённое управление, старательские, компанейские работы, воскресная* (с профессиональным уклоном) *школа*);
- 5) финансовая деятельность (*ссуды, кредиты, пожертвования*);
- 6) технические новинки (*типо-литография, фотография* и др.);
- 7) быт, верования, обычаи прихожан: местные названия блюд, предметов, обрядов (*пельмени*).

Наиболее часто Николай Сементовский при толковании слов использует описательный способ, когда смысл передаётся посредством характеристики самого предмета или явления, например: *Промывка золотоносныхъ песковъ производится на <...> ручныхъ станкахъ [важгертахъ]. Устройство послѣднихъ представляетъ деревянную плоскость, съ трёхъ сторонъ которой идутъ закраины, называемыя тетивами; неограждённая часть важгерта называется хвостомъ, а часть противоположная хвосту — головкою* (т. 1, 35); *святки проводятъ въ переряживаніи или «окручиваніи», но не кличутъ коляды подъ окнами, не гадаютъ въ зеркало, не зовутъ суженаго-ряженаго къ себѣ ужинать* (т. 1, 57). При этом описания небесных явлений или наград, полученных членами причта, автор сопровождает цветными или чёрно-белыми рисунками.

Некоторые лексемы объясняются при помощи синонимов как литературных, так и диалектных: *На кладбищѣ устроены каменные памятники [катакомбы]* (т. 1, 38); *... мальчикъ Константинъ Мордасовъ <...> обмоталъ вокругъ своей талии длинный конецъ веревочной узды [«оброты»]* (т. 1, 169); *заболѣванія сыпнымъ [пятнистымъ] тифомъ* (Летопись... Миасского завода, т. 3, 73); *изъ племени нагайбаковъ [иначе — бакалицевъ]* (т. 3, 161).

При пояснении иностранных слов в основном приводится этимологическая справка или дается перевод слова на русский язык: *по обѣ стороны пилоновъ [т.е. колоннъ — каменныхъ столбовъ]* (т. 1, 93); *теперь я буду Бергауэръ*, изволилъ отозваться Государь и началъ работать *«Бергауэръ» — горный чинъ* (т. 1, 68); *Миасскіе жители были очень встревожены появленіемъ <...> лёгкой эпидемической болѣзни, по существу своему нѣсколько загадочной <...> она носитъ въ медицинѣ названіе инфлуэнцы [influenza], которую во Франціи переименовали въ гриппъ* (т. 2, 265).

Реже используется логическое определение, даваемое через родовидовые отношения между словами, например, в записи от 5 марта 1895 г. летописец комментирует новинку — световые картины, которую использовали на пятом духовном концерте в здании конторы: *Фонарь Малиновскаго — новое изобрѣтеніе, для непрозрачныхъ [бумажныхъ, а не на стеклѣ] картинъ* (т. 3, 201).

Выделение лексем лавка, лавочка, ларь как самостоятельных при описании торговых точек демонстрирует различие в значении между ними для автора: *... находится 57 деревянныхъ лавокъ <...> и болѣе 20 торговыхъ ларей <...> много лавочекъ въ домахъ жителей* (т. 1, 40).

Миронова Александра Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра культуры речи Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: amiron_rus@mail.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 14-34-01256.

¹ Цит. по: Миронова 2009–2011. Здесь и далее в круглых скобках указываются том и страница данного издания.

Летописец стремится в тексте к точности словоупотребления, которая достигается тщательным подбором слов и стремлением к толкованию местных слов (*náli, сполох*), терминов, профессиональных лексем, иностранных слов, малопонятных современнику автора или уже нам, потомкам. Лексика «Летописи... Миасского завода» позволяет проанализировать зафиксированное видение писца-представителя духовного сословия своей паствы.

Попытки автора летописи дать определение словам, лексическое богатство всего текста могут найти отражение в словарях, представляющих церковный православный и профессиональный дискурсы на языковом уровне с их национально-культурным своеобразием.

Политематичность записей в тексте, полипараметричность описаний как светской, так и церковной жизни обывателя, членов причта, учителей, представителей государственной действительной службы делают церковно-приходскую летопись второй половины XIX в. уникальным первоисточником уральской истории, объектом словарного описания, энциклопедией народной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Миронова А. А. (ред.) 2009–2011: Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882–1897): в 3 т. Челябинск.

CHURCH PARISH CHRONICLES IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY AS AN OBJECT OF DICTIONARY DESCRIPTION

A. A. Mironova

This article discusses the ways of interpreting the words used by the priests in the parish chronicle at Miass plant, identified groups of tokens, obscure or little-known as the scribe himself, and the residents alike.

Keywords: church parish chronicles, ways of interpreting the words by priests' scribes

© 2014

А. Н. Михин, С. Г. Шулежкова

СВЕРХСЛОВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ В ОСТРОМИРОВОМ ЕВАНГЕЛИИ, КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ В СЛОВАРЕ

Остромирово евангелие — богатейший культурно-исторический источник, содержащий около 340 сверхсловных наименований персонажей, большая часть которых входит в месяцеслов и должна подвергнуться фразеологическому описанию наряду с устойчивыми словесными комплексами из новозаветного текста.

Ключевые слова: Остромирово евангелие, месяцеслов, устойчивый словесный комплекс, словарь

Остромирово евангелие содержит более 340 сверхсловных наименований конкретных персонажей, упоминаемых либо в самих новозаветных отрывках, либо в месяцесловных заставках (таковых абсолютное большинство). Это связано с самим типом памятника, который, как и прочие богослужебные книги, подчинён календарному принципу¹. Будучи образцом одного из ключевых жанров христианского богослужения, Остромирово евангелие имеет характерную для апракосов двухчастную структуру. *Первая часть* (лл. 2–210) содержит чтения, связанные с подвижным лунным церковным календарём, «чтения пасхального круга (от пасхи до пасхи, т.е. повторяющиеся по датам через 532 года)»². *Вторая, месяцесловная часть* с заголовком «*Съборникъ църквѣнынъ начинатъ ся отъ мѣца септѣбра до мѣца августа рекомааго зарева*» (лл. 210б–294) связана с солнечным кругом, включающим постоянные, непереходящие календарные праздники; она содержит «соответствующие тексты, расположенные в порядке следования дней и месяцев года с 1 сентября по 31 августа»³.

Первая часть состоит из трёх разделов, отделённых друг от друга заставками и (или) миниатюрами. В *первом разделе* записаны тексты, читающиеся от Пасхи до Пятидесятницы (Пятидесятницы) включительно (лл. 2–56); во *втором* — от субботы 8-й недели (от Пятидесятницы) до святого поста, до 17-й недели (лл. 58–88). Затем следует *раздел чтений с заголовком* «*Начатъкъ новоуоумоу лѣтоу*» (л. 89), где расположены тексты, читающиеся в субботние и воскресные дни в течение 18 недель, к этому же разделу относятся чтения в субботы и недели мясопустную и сыропустную. Заставки *первой части* Остромирова евангелия⁴ интересны прежде всего как благодатный материал для изучения складывающегося в эпоху христи-

Михин Артём Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: fraz2014@yandex.ru

Шулежкова Светлана Григорьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского технического университета им. Г.И. Носова, член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. E-mail: shulezkova@gmail.com

¹ Лосева 2012, 7.

² Жуковская 1976, 6.

³ Жуковская 1976, 6.

⁴ Остромирово евангелие 1056–1057, лл. 2–210.

анизации славян нового праздничного календаря, подчинённого христианской обрядовой службе⁵. Именно здесь читатель найдёт наименования праздничных дней **великѣѣ недѣла**, **пасхальнѣѣ седмица** (**понедѣльникъ**, **въторникъ**, **срѣда**, **четвертъкъ**, **пяткъ**, **сѣбота свѣтълыѣ недѣла**), названия специфических христианских праздников (**възнесенникъ господне**, **свѣтън постъ**, **въздвигъ крѣста**, **свѣтокъ платикостникъ**), нередко адаптированных на славянской почве (ср. **маслопоустъна недѣла**, **стыропоустъна недѣла**, **недѣла цвѣтоносъна**)⁶. Персонажи, которых христианская церковь с IV в. начала причислять к ликам святых, в календарных заставках первой части Остромирова евангелия упоминаются очень редко. Исключения составляют записи, обнаруженные, например, на л. 17 (**нѣе :г: въ нѣж же бѣвакѣтъ памать ивсифоу нже отъ аримаѣе и прѣславнѣѣмъ мѣроносцамъ**), на л. 127 (**сѣж .а. стго пѣо. въ нен же бѣвакѣтъ пѣа прркомъ. монси. и ароноу и прочимъ пррокомъ**) и некоторые др.

Совсем по-другому выглядит *вторая месяцесловная часть* Остромирова евангелия. В месяцесловных заставках (их насчитывается около 240) содержится богатейший историко-культурный материал. Его ценность тем выше, чем больше он отличается от месяцесловов других евангелий-апракосов. Фактически все текстологи, занимавшиеся изучением календарных месяцесловных записей в богослужебных книгах древнейшей поры, отмечают несовпадение их календарных помет. О. В. Лосева, автор фундаментальной работы «Русские месяцесловы XI–XIV веков», пишет: «... каждый жанр и каждый список древнерусского месяцеслова представляет частный вариант изучаемой системы, даёт своё неповторимое сочетание праздников и памятей святых, священных и исторических событий. Среди древнейших месяцесловов не только нет одинаковых, но и близко сходные друг с другом являются большой редкостью»⁷. Данное обстоятельство ставит перед учёными важную задачу всестороннего исследования, «расшифровки» месяцесловных записей каждого евангелия-апракоса, их систематизации и описания. Имена, даты события, природные катаклизмы, религиозная борьба, мужество и жестокость конкретных людей, нашедшие отражение в месяцеслове древнейшего славянского датированного памятника, обладают огромной культурно-исторической ценностью⁸. В нашем случае полагаем необходимым рассмотреть сверхсловные именованья персонажей, удостоенных чести быть упомянутыми в месяцеслове Остромирова евангелия. Они войдут в специальный указатель к фразеологическому словарю старославянского языка в составе приложения.

Открытое и повсеместное чествование христианских святых было узаконено в IV в. двумя соборами — Гангрским и Лаодикийским. «Возникнув в христианской церкви на первых порах её существования, вера в богоугодность и спасительность должного чествования святых выразилась в установлении в память мучеников и других святых особых праздников, по примеру воскресного и других праздничных дней, с совершением соответствующих молитвословий и литургий»⁹. В Остромировом евангелии чаще всего отмечаются люди, причисленные христианской церковью к лику святых посмертно, после принятия жестоких мук во имя Христа. Об этом свидетельствуют сами записи их именованья, которым предшествует слово **страсть** (более 80 случаев). В старославянском языке это слово было полисемантом: могло обозначать ‘страдания, лишения’, ‘болезнь, физические страдания, муки’, — но в месяцесловах оно реализовывало своё специальное значение ‘подвиг мученичества, мученическая смерть’¹⁰. Так, например, 12 сентября в Остромировом евангелии предлагается отмечать праздник в честь епископа Итальяского, принявшего смертные муки в 313 г.: **стѣра стомоу мѣкоу автономоу епископоу** (218ba); под 12 октября помещена запись о христианах, погибших от пыток в 304 г.: **стѣра стѣхъ мѣкъ тараха прова андроника при диоклетянѣ цри ѡти бѣвѣше** (230 ba); под 14 октября — о замученных по приказу царя Нерона в Риме в 54–68 гг.: **стѣра стѣхъ мѣкъ азари геракла протаса и келса** (230 ba); 23 декабря — о 10-ти христианах, казнённых на Крите в 249–251 гг.: **стѣра стѣхъ .и. мѣкъ нже въ критѣ при декни цри** (249 ba) и др. Подобные «праздничные» записи могут начинаться и словом **памать** (более 90 случаев). Из многочисленных значений лексемы **памать**¹¹ в месяцесловах используются, как правило, три: ‘день церковного воспоминания о каком-л. событии’, ‘праздник в честь святого’, ‘церковная служба в честь святого’¹². Так, например, запись под 27 января напоминает о празднике в честь возвращения в 438 г. из Коман в Константинополь мощей одного из трёх знаменитых учителей христианской церкви, бывшего Константинопольского патриарха Иоанна Златоуста, умершего в изгнании: **пѣа възвращени мощни стааго ноана златоустааго** (263 ba); под 24 февраля в месяцеслове Остромирова евангелия отмечается 2-е обретение главы Иоанна Крестителя, которую, по преданию, Иродиада после казни запретила похоронить вместе с телом Предтечи: **пѣа обрѣтению главы Иоанна прѣрка и прдтеча и крста** (266ba). И всё же чаще всего слово **памать** в анализируемом месяцеслове означает ‘праздник в честь человека, обычно причисленного к лику святых после принятых за христианскую веру мучений’. Так, например, под 13 сентября в месяцеслове помещена запись о замученном в 107 г. родственнике Иисуса Христа Симеоне: **пѣа стмоу мѣкоу сѣмеоноу. по плѣти жжцѣ гню архиепоу нерсамскоу** (218 ba); под 22 декабря упоминается Анастасия Узорешительница, принявшая мученическую смерть во имя Христа около 304 г.: **пѣа стѣн мѣци. анастасии** (249aβ) и пр.

Характерная черта наименований персонажей, упоминаемых в месяцеслове, — сверхсловная структура, состоящая из двух частей: первая представляет собой слово или (чаще) устойчивый словесный комплекс (УСК), способные вне описываемых в данной статье структур выполнять роль гиперонимов по отношению к многочисленным гипонимам-конкретным номинациям: **свѣтън/свѣта**, **прѣподобнѣѣн/прѣподобна**; **исповѣдникъ свѣтън/свѣтъни** **исповѣдникъ**, **прѣподобнѣѣн отъць (нашь)**, **свѣта мѣченица**, **свѣтън апостолъ**, **свѣтън безмѣдникъ**, **свѣтън мѣченикъ**, **свѣтън отрокъ**, **(свѣтън) отъць нашъ (и мѣченикъ)**, **свѣтън наставникъ**, **свѣтън отрокъ**, **свѣтън пророкъ**, **свѣтън прѣвомѣченикъ**, **свѣтън свѣтитель**, **свѣтън свѣценомѣченикъ**, **свѣтъна жены**, **свѣтъна дѣвѣ** и пр.¹³. У большинства этих УСК ключевым для «попадания» в месяцесловную заставку является компонент **свѣтън**. В состав сверхсловного

⁵ См. об этом: Давыдова, Черторицкая 1993; Жуковская 1993, 81–87.

⁶ Шулежкова 2010, 148–152.

⁷ Лосева 2001, 5.

⁸ См., напр., Древнейшие русские святцы при Остромировом Евангелии 1852; Лисовой 1988, 12–14.

⁹ Христианство 2, 1995, 527.

¹⁰ Цейтлин 1994, 628.

¹¹ См., например: Цейтлин 1994, 441; Срезневский 2, 1895, 871–873; СРЯ XI–XVII 14, 1988, 140–142.

¹² См. Срезневский 2, 1895, 872–873; СРЯ XI–XVII 14, 1988, 141.

¹³ См. Индекс 2014.

наименования он вносит комплекс своих сем 'обладающий святостью, непорочный, праведный'. Награждая человека таким эпитетом, христианская церковь причисляет его к лику христианских святых за жизненный подвиг служения Господу или за мученическую смерть, принятую во имя веры в Бога. Не случайно самым частотным в месяцесловных заставках Остромирова евангелия оказался УСК **святѣи мѣченикъ** (160 употреблений с названием конкретных лиц + 830 указано в цифрах без конкретных имён) при возможном использовании «заменителей» — слов **свѣщенномѣченикъ** или **великомѣченикъ**. Далее следует антропоним — чаще полное личное имя, реже — неполное (**ноан**, **соусана**, **доромедонтъ**, **никола**, **порфиръ** и пр.), сопровождаемое какими-л. лексемами-конкретизаторами, которые сообщают дополнительные сведения о персонаже. Это может быть прозвище, полученное человеком при жизни за какие-л. выдающиеся интеллектуальные, «провидческие» или душевные качества (**златоустѣи**, **философъ**, **фелогъ**, **чюдотворецъ**, **пророкъ**, **везмъздѣникъ** и т.д.); наименование по характеру деятельности, прославившей человека в христианской среде (**апостолъ**, **евангелистъ**, **наставникъ**, **прѣдѣтечъ**, **крѣстителъ** и пр.), по роду занятий, принадлежности к определённой социальной среде, по должности, которую человек занимал в церковной иерархии или в государственном устройстве, по степени родства (**чръница**, **раба**, **стѣтникъ**, **патриархъ**, **папѣжъ**, **епископъ**, **архипископъ**, **диакопъ**, **цѣсаръ**, **жжика**, **жена**, **братъ господьнъ**, **братъ съ сестрома**, **мати**, **жена**, **чада**, **дѣти** и т.д.). Подобного рода конструкции, называющие лиц в старославянском языке, В. С. Ефимова называет «несколькословными наименованиями»¹⁴. Дополнительные сведения о персонажах, упоминаемых в месяцесловах, могут быть черпнуты в заставках из прозвищ, указывающих на страну, в которой родился, жил или занимался проповеднической деятельностью святой (**исаакъ епископъ кѣпрьскѣи**, **анани епископъ дамасковъ**, **нектарин патриархъ цр града**, **сѣмеонъ архипископъ нероусалимскѣи**, **свѣтителъ афанаси въ никодимни**, **свѣтъи григорин въ армении** и т.д.), или же из сообщения о месте казни святого (**въ перги памфильсѣи**, **въ антиохѣи**, **въ персидѣи** и т.д.), а также об императоре, при котором эта казнь была совершена (**при максимианѣ цри**, **при диоклитѣнѣ цри**, **при саворѣ цри**, **при ноулианѣ прѣстѣпникѣи** и пр.).

Персонажи, упоминаемые в Остромировом евангелии, жили в разные века, начиная с XIX в. до Р. Х., кончая 2-й половиной IX в. (самая поздняя вставка в месяцеслов, возможно, была сделана по поводу кончины Константина Философа в 869 г., память которого пришлась на 14 февраля (см. 265бβ)). Среди них есть ветхозаветные пророки и мученики, пострадавшие за веру в единого Бога до Р. Х., и христиане, отстаивавшие свои убеждения в период с I в. по 2-ю половину IX в. Они принадлежали к разным этносам, проповедовали в разных странах, занимали разное положение в обществе. Были среди них мужчины и женщины, отроки и юные девы, но их объединяло нечто очень важное с точки зрения автора синаксарных¹⁵ записей: все они отличались глубокой набожностью; прожили богоугодную жизнь и (в абсолютном большинстве случаев) приняли мученическую смерть за свои религиозные убеждения.

Указатель сверхсловных наименований персонажей, упоминаемых в месяцеслове Остромирова евангелия, который предполагается включить в особый Указатель Приложения к Фразеологическому словарю старославянского языка, будет подчинён алфавитному порядку. Каждая статья Указателя будет состоять из нескольких зон: 1) *инициальной*, где помещается а) имя собственное персонажа со всеми его вариантами, встреченными в источнике, и даётся этимологическая справка, касающаяся личного имени персонажа и его прозвища; б) развёрнутое сверхсловное наименование персонажа с возможными вариантами, встреченными в самом тексте Евангелия и в месяцеслове; 2) *хронологической* (с указанием дня празднования святого; времени его упокоения); 3) *справочной*, представляющей собой краткое изложение судьбы святого и его места в сонме христианских святых.

Сведения, которые содержатся в месяцеслове каждого из дошедших до нас из глубины веков Евангелия-апракоса, в том числе и Остромирова, играют огромную роль в понимании самого новозаветного текста. Учение Христа и «этнос» остаются тайнами, которые не допускают окончательного разъяснения на уровне психологии, характерологии или морали, но должны вновь и вновь истолковываться через парадоксы христианского богословия и ещё более через христианское «делание» святых»¹⁶.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С. С. 2001: Почему Евангелия — не биографии // Мир Библии: Иллюстрированный альманах. Вып. 8. М., 4–10. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://azbyka.ru/hristianstvo/bibliya/novyi_zavet/pochemu_evangelie_ne_biografii-all.shtml.
- Давыдова С. А., Черторицкая Т. В. 1993: К истории синаксаря // Труды отдела древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв (отв. ред.). Т. 47. Л., 151–163.
- Древнейшие русские святцы при Остромировом Евангелии 1852: // Христианское чтение. Ч. I, 485–517.
- Ефимова В. С. 2011: Наименования лиц в старославянском языке. М.
- Жуковская Л. П. 1976: Текстология и язык древних славянских памятников. М.
- Жуковская Л. П. 1993: Ещё о текстологии месяцеслова Евангелия по датированным древнерусским апракосам XI–XII вв. // Труды отдела древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв (отв. ред.). Т. 48. Л., 81–87.
- Индекс 2014: Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия / сост.: А. Н. Михин, А. А. Осипова, В. Ф. Хайдарова, С. Г. Шулежкова; С. Г. Шулежкова (гл. ред.). Магнитогорск.
- Лисовой Н. Н. 1988: Остромирово Евангелие как исторический источник // Остромирово евангелие 1056–1057. Л.; М., 12–14.
- Лосева О. В. 2012: Русские месяцесловы XI–XIV веков / Л. В. Милова (ред.). М.
- Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А. Х. Востокова 1843/2007. М.
- Срезневский И. И. 1895: Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. 2. СПб.
- СРЯ XI–XVII 1988: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Д. Н. Шмелёв (гл. ред.). Вып. 14. М.
- Цейтлин 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): около 10 000 слов / Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка и Э. Благова (ред.). М.
- Христианство 1995: Христианство: энциклопедический словарь: в 3 т. / С. С. Аверинцев (гл. ред.). Т. 2. М.

¹⁴ Ефимова 2011, 12.

¹⁵ Синаксарь или синаксарий — собрание исторических сведений о празднике или о каком-л. святом. Синаксарии помещены в Минеях и Триодях постной и цветной на все праздники, начиная от Недели мытаря и фарисея и до Недели всех святых. ... (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Синаксарь>). Именно из этих источников скорее всего черпали сведения авторы месяцесловных заставок в евангелиях-апракосах.

¹⁶ Аверинцев 2001.

Шулежкова С. Г. 2010: К истории формирования концепта «Праздник» у восточных славян // Фразеология, познание и культура: сб. докладов II Междунар. науч. конф.: в 2 т. / Н. Ф. Алефиренко (ред.). Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. Белгород, 148–152.

LARGER-THAN-THE WORD CHARACTERS' NAMES IN OSTROMIR CODEX AS A DICTIONARY OBJECTIVE

A. N. Mikhin, S. G. Shulezhkova

Ostromir Codex is the richest cultural and historical source containing about 340 larger-than-the- word characters' names, the greater part of which is included in the book of saints with the church calendar and they should be interpreted from the viewpoint of phraseology along with fixed verbal complexes from New Testament text.

Key words: Ostromir Codex, the book of saints with the church calendar, the book of saints with the church calendar, fixed verbal complex, dictionary

© 2014

А. А. Панова

ДЕЙСТВЕННОСТЬ СЛОВА
(дневники митрополита Вениамина Федченкова
как материал для исторического словаря 1-й половины XX в.)

Особенностью исследуемых дневников является их метапрозаическая направленность. В центре метапрозаических рефлексий В. Федченкова стоят размышления о слове, оттенках его значения, его уместности, действенности, слабо отражённые в словарях XX столетия.

Ключевые слова: жанр дневника, религиозный дискурс, лингвистическая рефлексия, публичная речь, письменный текст

Дневник как жанр текста предполагает реализацию авторской рефлексии по поводу объектов описания. Поэтому исследование языковой личности проповедника не может обойти стороной осмысление им действенности слова. Объектом анализа послужили дневники 1926–1948 гг. (объёмом в 532 страницы), написанные известным церковным деятелем, митрополитом Вениамином Федченковым. Осмысление о. Вениамином действенности слова на страницах его дневников нашло отражение в рефлексиях по поводу 1) языковой семантики (12 фрагментов), 2) процесса подготовки публичных выступлений (11 фрагментов), 3) процесса создания письменных текстов (13 фрагментов). В силу ограниченности объёма статьи продемонстрируем каждый тип на немногих ярких примерах.

Рефлексия по поводу языковой семантики обнаруживается в графическом выделении приставок: *Ты нарушаешь обет, или клятву, пред Троицей. А ПЕРЕЙти через клятву и значит навлечь на себя ПРОклятие* (Федченков 2008, 191). Интересна рефлексия митрополита Вениамина по отношению к клятве, отразившаяся в его размышлениях над семантикой лексем *перейти* (клятву) и *проклятие*, которая, в свою очередь, выражена при помощи выделения приставок *пере-* и *про-* в указанных лексических единицах. Рефлексия вызвана внутренним побуждением Федченкова перестать быть союзником опального митрополита Евлогия, в солидарности с которым он пребывал с момента своей эмиграции из Советской России. Если значение словосочетания *ПЕРЕЙти через клятву* представляется вполне прозрачным ('нарушить клятву, переступив через данные обещания', что подчёркивается акцентированием внимания на приставке *пере-*, содержащей идею перемены положения вещей в пространстве, каких-л. обстоятельств, нередко вопреки чему-л.), то причина выделения приставки *про-* в лексеме *ПРОклятие* менее очевидна. Слово *клятва* наделено и негативно-, и позитивно-оценочной семантикой — 'проклятие, присяга, заклиятие', имеет помету 'привычно для всех славян', что, как представляется, снижает отрицательные коннотации¹. Существительное *проклятие* ('отвержение, отлучение'²) и глаголы *клясть* ('проклинать, бранить, осуждать'³), *проклинать* ('призвать проклятие'⁴) в церковнославянском и древнерусском языках также были оценочно амбивалентными: в словаре Г. Дьяченко, например, лексема *клятва* имеет негативное значение — 'заклятое, проклятое'⁵, а *проклятие* — вдобавок к традиционному 'проклятие, заклиятие' наделяется положительной оценочностью — 'заповеданное'⁶. Приставка *про-* может передавать идею замены того, что названо мотивирующим словом⁷. Возможно, в приведённом контексте имеет место положительно-оценочное понимание *клятвы* как присяги — слова, данного автором митрополиту Евлогию, а *ПРОклятие* — то, что автор получает после нарушения клятвы: не просто 'желание худого'⁸, а некая пустота, утрата чего-то важного вследствие невыполнения обещания, что, по мнению автора, равнозначно признанию своей духовной слабости и несовершенства.

Размышления о. Вениамина о подготовке публичных выступлений и их презентации носят общий, в какой-то мере философский характер. Публичная речь в религиозном дискурсе нередко тесно связана с феноменом слова, что отразилось

Панова Анна Александровна — аспирант кафедры русского языка Южного федерального университета. E-mail: PanyAnn@yandex.ru

¹ Срезневский 1, 1893, 1235–1237.

² Срезневский 2, 1902, 1537.

³ Срезневский 1, 1893, 1237.

⁴ Срезневский 2, 1902, 1536–1537.

⁵ Дьяченко 1899, 254.

⁶ Дьяченко 1899, 510.

⁷ Шведова (ред.) 1, 1980, 227.

⁸ Дьяченко 1899, 509.

в некотором слиянии в сознании священнослужителя рассуждений о публичных выступлениях людей и слове Божьем: и то, и другое часто репрезентируются лексемой *слово*, которая в дневниках выступает в значениях ‘то же, что речь’, ‘что-нибудь сказанное’, ‘краткое выступление перед слушателями’⁹, ‘разговор, беседа’¹⁰.

Выступления, по мнению автора, должны отвечать требованиям содержательности, логичности и точности в плане выражения, ср.: *Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления* (Еф. 5, 6) (Федченков 2008, 204); *Часто иной, разглагольствуя об истине от невежества своего, говорит одно вместо другого, не умея сказать правильно, как дело есть (по истине), и тем приводит в ужас слушающих, а на безмолвников наводит поношение и смех, неразумным своим действием* (Св. Григорий Синаит) (Федченков 2008, 343); *Вот ныне лишь читал у апостола Павла: всякое слово не должно быть ни гнилым, ни даже праздным, — а должно доставлять благодать слушающим* (Еф. 4, 29) (Федченков 2008, 425). Отметим: о. Вениамин, рассуждая о публичных выступлениях, перечисляет отрицательные качества речи, которых хотел бы избежать в своих текстах. Так, не отвечающая требованиям речь описывается прилагательными *пустой, гнилой, праздный*, глаголом *разглагольствовать*, сочетанием отрицательной частицы с наречием — *неправильно*. Во всех трёх примерах присутствует частица *не*, маркируя данный негативный список. Все приведенные прилагательные демонстрируют неприятие подобной речи. Лексема *пустой* в русском языке имеет значения ‘ничтожный, ничего не значащий’¹¹, ‘бессодержательный, неосновательный’¹². Одно из значений прилагательного *гнилой* — ‘не имеющий внутреннего стержня’¹³, что также отражает отношение Федченкова к логичности речи, мотивированной её смысловым содержанием. Отметим, что *гнилой* для отрицательной характеристики речи употребляется в нелитературной разновидности современного русского языка (например, в словаре русского арго¹⁴ зафиксирован фразеологизм *гнилой базар* со значением ‘бессмысленный или неприятный разговор’). Лексема *праздный* тоже имеет негативные значения (‘пустой, в чём нет ничего дельного, полезного’¹⁵, ‘порождённый бездельем, бесполезный’¹⁶, ‘бесцельный, пустой’¹⁷), характеризую речь как лишённую содержательной основы. В значении прилагательного *праздный* обнаруживается сема ‘порождённый бездельем’, а безделье в христианском дискурсе считается одним из страшных человеческих пороков. Глагол *разглагольствовать* в кругу устаревших значений наряду с нейтральным ‘беседовать, разговаривать’¹⁸ имел и значение ‘высокопарная и длинная речь по-пустому’¹⁹, да и в современном русском языке прочно связан с неоправданным многословием, избыточной протяженностью речи во времени, ср.: ‘говорить долго, многословно и бессодержательно’²⁰.

Таким образом, о. Вениамин использует упомянутый лексический набор применительно к речи как предмету размышлений и через негацию выражает свои требования к публичным выступлениям. Их главные параметры — содержательная наполненность речи, отсутствие пустословия, максимальная краткость. Выполнение указанных требований представляется Вениамину Федченкову обязательным для достижения основной цели речи — *доставлять благодать слушающим*. Значение абстрактного существительного *благодать* складывается из нескольких основных элементов. В древнерусском языке лексема *благодать* имела значение ‘добро, благоденствие, дар, милость Божья’²¹. Иными словами, идея благодати была связана с Богом и характеризовалась через другое абстрактное существительное — *добро* в значении ‘благо, нечто, противопоставленное злу’²². В современном русском языке значение лексемы *благодать* конкретизируется: ‘благополучие, спокойствие, благоприятная, мирная обстановка, условия, доставляющие удовольствие, счастье’²³, — с пометой «в религиозных представлениях» зафиксированы значения ‘сила, ниспосланная человеку свыше (первоначально — для исполнения воли Бога)’²⁴, ‘вообще всё то, что даётся людям от Бога, по Его благодати’²⁵. Следовательно, публичное выступление, по мнению о. Вениамина, должно одновременно достигать двух целей: со стороны содержания — служить средством передачи воли Бога, с формальных позиций — иметь соответствующее риторическое оформление, чтобы способствовать установлению мирной обстановки, спокойствию.

Авторская рефлексия относительно процесса создания письменного текста, воспринимавшегося о. Вениамином как более интимный акт по сравнению с публичной речью, ошутима в следующих фрагментах: *писать так, как переживалось, не заботясь о системе* (Федченков 2008, 13); *А сейчас пишу по памяти, стараюсь не переживать: «трудно»* (Федченков 2008, 87). Оба примера по-разному решают один и тот же вопрос: позволить ли себе писать на страницах дневника чисто фактографически, изображая только события, или в процессе письма можно дать выход эмоциям? В обоих контекстах присутствуют глаголы *писать* и *переживать*. Однако если первый употреблён в обоих фрагментах в значении ‘составлять письменно какой-л. текст’²⁶, то семантика второго в них нетождественна. В первом примере *переживать* скорее является формой несов. вида от глагола *пережить* в значении ‘испытать, видеть, перенести многое на веку своём’²⁷, ‘подвергаться чему-л., испытать что-л.’²⁸, ‘прожить, просуществовать во время каких-л. важных событий, подвергаясь опасности быть уничтоженным или

⁹ Шведова 3, 2003.

¹⁰ Ожегов, Шведова 2010, 731.

¹¹ Даль 2012, 395.

¹² Ожегов, Шведова 2010, 633.

¹³ Ожегов, Шведова 2010, 134.

¹⁴ Елистратов 2000.

¹⁵ Даль 2012, 361–362.

¹⁶ Евгеньева 3, 1987 (ред.), 357.

¹⁷ Евгеньева 3, 1987 (ред.), 357; Ожегов, Шведова 2010, 578.

¹⁸ Даль 1912–1914.

¹⁹ Даль 1912–1914.

²⁰ Шведова 4, 2007; Ожегов, Шведова 2010, 645.

²¹ Срезневский 1, 1893, 96–97.

²² Срезневский 1, 1893, 674.

²³ Шведова 3, 2003.

²⁴ Ожегов, Шведова 2010, 49.

²⁵ Шведова 3, 2003.

²⁶ Евгеньева 3, 1987 (ред.), 125; Шведова 4, 2007; Кузнецов 2008 (ред.), 834; Ожегов, Шведова 2010, 519; Лопатин, Лопатина 2011, 498.

²⁷ Даль 2012, 313–314.

²⁸ Евгеньева 3, 1987 (ред.), 63.

переноса тяготы жизни²⁹, 'испытать в жизни, изведать'³⁰, 'перенести, выдержать'³¹. Другими словами, глагол *переживать* обозначает жизненный опыт автора. Так, В. Федченков в самом начале дневниковой тетради уславливается описывать события в их очередности, полноте — так, как они происходили, формируя его личный жизненный опыт.

Во втором примере, который представляет собой приписку на полях дневника после создания основного текста, глагол *переживать*, очевидно, фигурирует в значении 'испытывать волнение, беспокойство по поводу чего-л., беспокоиться, волноваться'³², 'волноваться, беспокоиться, мучиться, страдать по какому-л. поводу'³³ (то же самое, но с уточнением — «по огорчительному поводу»³⁴). Таким образом, глагол *переживать* здесь апеллирует не к фактографии, как в предыдущем случае, а к эмоциональному фону, на котором происходили события в разные периоды жизни автора, что также доказывается появлением наречия *трудно*, нередко маркирующего в дневниках психологическое состояние Федченкова. Так, оба фрагмента транслируют сложную идею о. Вениамина — излагать в дневнике все факты, стремясь эмоционально отстраниться от событий собственной жизни.

В целом возможность погружаться в размышления посредством текста помогла митрополиту Вениамину, попавшему в крайне сложные жизненные условия, временно укрыться от жестокой реальности.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И. 1912–1914: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246>.
- Даль В. И. 2012: Толковый словарь живого великорусского языка. Избранные статьи. М.
- Дьяченко Г. 1899: Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений): в 2 т. М.
- Евгеньева А. П. 1987 (ред.): Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.
- Елистратов В. С. 2000: Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг.: ок. 9000 слов, 3000 идиоматичных выражений. М. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=224>.
- Кузнецов С. А. (ред.) 2008: Большой толковый словарь русского языка. СПб.
- Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. 2011: Толковый словарь современного русского языка. М.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 2010: Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.
- Срезневский И. И. 1893–1902: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 1, 2. СПб.
- Федченков В. 2008: Дневники 1926–1948 гг. М.
- Шведова Н. Ю. (ред.) 1980: Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М.
- Шведова Н. Ю. 2003; 2007: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 4 т. Т. 3, 4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235>.

THE WORD APPEAL

(diaries of the metropolitan Veniamin Fedchenkov as the material for the historic diary of the 1-st half of the 20th century)

A. A. Panova

Special features of the diaries under investigation are its metaprosaic approach. The main idea of Benyamin Fedchenkov metaprosaic reflections is his speculations about lexemes, connotations, propriety and word appeal.

Key words: genre of diary, religious discourse, linguistic reflection, public speech, written text

© 2014

И. Л. Покровская

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Данная статья посвящена описанию лексических единиц религиозного происхождения в толковых словарях русского и турецкого языков. Акцентируется внимание как на характерных для двух языков и вероисповеданий лексемах, так и на специфических языковых единицах, отражающих своеобразие восприятия мира разными народами.

Ключевые слова: религиозная лексика, толковый словарь, сакроним, вторичная номинация, переносное значение

Лексика религиозного происхождения занимает важное место в фонде каждого языка и традиционно содержится как в толковых словарях, так и в терминологических словарях собственно религиозной лексики, в словарях терминов социальных наук. И если в терминологических словарях (см. Г. Н. Склярская «Словарь православной церковной культуры», А. А. Азаров «Большой словарь религиозной лексики», И. Карагьоза «Dini Kavramlar Sözlüğü» «Словарь религиозных понятий») пода-

²⁹ Кузнецов 2008 (ред.), 802.

³⁰ Ожегов, Шведова 2010, 504.

³¹ Лопатин, Лопатина 2011, 484.

³² Евгеньева 3, 1987 (ред.), 63.

³³ Ожегов, Шведова 2010, 504; Лопатин, Лопатина 2011, 484.

³⁴ Шведова 4, 2007.

Покровская Ирина Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркологии Института филологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко. E-mail: irem2003@ukr.net

ются понятия, относящиеся к вероисповеданию, богослужению, таинствам веры, то в толковых словарях общепотребительной лексики фиксируются и вторичные значения религиозных лексем, играющих важную роль в понимании мировоззрения как русского, так и турецкого народов. Эти словари отражают проницаемость культур: описывая лексику одной культуры, они в то же время предназначены и для представителей другой культуры¹.

Материалом данного исследования послужили словарные статьи сакронимов «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Толкового словаря русского языка» под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Турецкого словаря» («Türkçe Sözlük») под ред. Д. М. Догана и «Большого толкового словаря» Турецкого лингвистического общества («Büyük Türkçe Sözlük»). Обращение к указанным словарям не является случайным; они рассчитаны на широкие читательские массы, и в них зафиксированы основные общепотребительные значения сакронимов. По принципу дополнения в ходе данного исследования были использованы некоторые другие словари.

Лексический состав языка тесно связан с историей народа, его культурой, прямо или косвенно отражает особенности быта, традиции и обычаи. Это утверждение в полной мере касается и религиозных взглядов разных народов.

Религиозной лексике русского языка в когнитивном и социокультурологическом направлении в последние годы были посвящены исследования А. Ю. Муссорина, К. А. Тимофеева, А. М. Четырина, в турецком языкознании известны публикации по данной тематике Хиджаби Кырлангыча, Мехмета Ольмеца, Чагатая Саадета. Однако в указанных работах не изучается религиозная лексика двух разных языков в сопоставительном аспекте, а также не акцентируется внимание на вторичных значениях лексем религиозного происхождения, зачастую отдалённых от своих первичных номинаций.

Лексика, репрезентирующая религиозные сферы турецкого и русского языков, может быть представлена такими основными тематическими группами:

1) общие религиозные понятия, характерные как для христианства, так и для мусульманства (рус.: *вера, духовная вера, богопочитание; грех, грехопадение; дух, душа; исповедь, покаяние*; тур.: *din, iman, inan; günah, ruh, can; tövbe, tövbecarlık*);

2) участники религиозного дискурса:

— библейские, коранические (т.е. книжные) — названия Верховного Божества (рус.: *Бог, Господь, Всевышний, Аллах*; тур. *Tanrı, Allah, Hak*), апостол (тур. *havari*), ангел (тур. *melek*), святой (тур. *aziz, evliya*), пророк (тур. *peygamber*);

— реальные православные (рус. *поп; монах, монахиня*; тур. *papaz; rahip, rahibe*) и мусульманские (тур. *imam* — ‘распорядитель мечети’; *hafiz* — ‘знающий наизусть Коран правоверный мусульманин’), неверные и неверующие (тур. *gavur* — ‘гяур’ и др.);

3) религиозные понятия, представляющие временные рамки (хронотоп): праздники (рус. *Сочельник; Рождество; Пасха; Рамадан*; тур. *Ramazan bayramı* — ‘Рамадан’, *Kurban bayramı* — ‘праздник жертвоприношения’), фрагменты потустороннего мира (рус. *рай, ад*; тур. *cennet, uçmak, behişt, firdevs; cehennem, tamu, duzak*), события, связанные с потусторонним миром (рус. *день страшного суда*; тур. *kıyamet, mahşer*);

4) названия религиозных ритуалов и обрядов (рус. *исповедь, покаяние; причастие, крещение, пост, паломничество*; тур. *şehadet* (устное удостоверение веры в Аллаха и пророков), *namaz* (молитва), *oruç* (пост), *zekat* (раздача части своего имущества бедным), *hac* (паломничество));

5) названия сооружений культового назначения и их структурных элементов (рус. *церковь, монастырь, мечеть, купол, алтарь*; тур. *manastır* — ‘монастырь’, *cami* — ‘мечеть’, *mihrap* — ‘место в мечете для имама’);

6) название предметов культового и обрядового назначения (рус. *кадилло*; тур. *seccade, namazlık* — ‘коврик для молитвы-намаза’);

7) названия религиозных текстов и составляющих их элементов (рус. *Библия*, тур. *İncil, Kuran, sure* — ‘раздел Корана’; *ayet* — ‘раздел суры’).

При этом следует отметить, что лексемы русского и турецкого языков всех тематических групп образуют новые слова с помощью словообразовательных суффиксов и аффиксов (рус. *адский, ангельский, райский*; тур. *cehennemlik, meleksi, cennetlik*), входят в состав терминов и сложных слов (рус. *адамово яблоко* — 1) плод маклюры оранжевой (*Maclura pomifera*), растения из семейства Тутовые (*Moraceae*); 2) кадык; тур. *cennet kuşu çiçeği* (букв. ‘цветок райских птиц’) — ‘стрелиция королевская, многолетнее растение, одно из наиболее эффектных среди декоративных растений (*Strelitzia Reginae*)’; тур. *hacıyatmaz* (букв. ‘паломник не спит’) — ‘неваляшка’), тур. *papaz kaçtı* (букв. ‘поп убежал’) — 1. Разновидность игры в карты; 2. Жидкое мясное блюдо, приготовленное с луком; географические названия (рус. *Ущелье ада*, тур. *Cehennem Çukuru*) — ‘впадина на острове Тенерифе на Канарских островах в Испании’.

Следует отметить, что понятийная сфера «религия» получает «разное преломление: в рамках религиозной картины мира и в рамках светской картины мира»².

Лексемы религиозного происхождения в толковых словарях фиксируются во всех значениях, в которых они употребляются в текстах не только конфессионального, но и других стилей (включая значения, не имеющие отношения к религиозным взглядам). Например, слово *грех* в словаре С. И. Ожегова имеет такие значения: 1. У верующих нарушение религиозных предписаний, правил. 2. То, что лежит на совести, отягощает её как чувство вины. 3. Предосудительный поступок (напр. *вспомнить о грехах прошлого; грехи молодости*)³; в турецком языке *günah* (рус. *грех*) — это: 1. Противоречащее религиозным предписаниям действие. 2. Вина, поступок, которые являются причиной угрызений совести. 3. Обязанность, ответственность. 4. Цена, стоимость (в переносном значении)⁴. Таким образом, мы можем отметить, что и в турецком, и в русском языках лексема *günah/грех* широко используется в лишённых религиозной окраски контекстах, стилях и жанрах. В переносном значении употребляется и словосочетание *судный день* (тур. *kıyamet günü*), дающее представление о чрезмерном шуме, большом бедствии (в том числе стихийном).

В толковых словарях как русского, так и турецкого языков фиксируются фразеологические единицы, в состав которых входит религиозная лексика: рус. *монашеский образ жизни* — ‘аскетический способ жизни’; *У пона была собака* — ‘о бесконечном повторении одного и того же’; *ни монаха* — ‘совсем никого’; *ничего греха таить* — ‘следует признаться’; тур.

¹ Скляревская 2000, 155.

² Михайлова 2004, 17.

³ Ожегов 1990.

⁴ Doğan 2005, 490.

Deve Kâbe'ye gitmekle hacı olmaz (букв. 'Верблюд, который посетит **Каабу**, не станет **паломником**') — 'Осуществляя ритуалы формально, нельзя приобрести духовного богатства'; *günahı kadar sevmemek* (букв. 'не любить настолько, как **грехи**') — 'очень сильно не любить'; *Cami ne kadar büyük olsa da imam bildiğini okur* (букв. 'Какой бы большой ни была **мечеть**, имам все равно говорит то, что знает') — 'Независимо от влияния и точки зрения окружающих руководитель действует так, как сам считает нужным'; *Papaz her gün pilav yemez* (букв. '**Поп** каждый день плов не ест') — 'не всегда нам сопутствует удача'.

Таким образом, толковые словари турецкого и русского языков содержат объёмные словарные статьи, в которых отмечаются самые разные оттенки значений религиозной лексики. Они фиксируют сложные слова, устойчивые словосочетания, фразеологизмы с компонентами-сакронимами, что является оправданным, поскольку сфера религии как подсистема ценностных единиц занимает важное место в национальных языковых картинах мира. На основе лексикографического материала двух языков перед нами вырисовывается семантическая *сфера религиозного* — сложная когнитивная структура, представленная лексико-семантическими парадигмами разного типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Михайлова Ю. Н. 2004: Религиозная православная лексика и её судьба (По данным толковых словарей русского языка): дис... канд. филол. наук. Екатеринбург.
 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1990: Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ozhegov.org>.
 Склярская Г. Н. 2000: Словарь православной церковной культуры. СПб. Doğan D. M. 2005: Büyük Türkçe Sözlük. İstanbul.

THE RELIGIOUS LEXEMES IN THE DICTIONARIES OF THE RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES

I. L. Pokrovskaya

This article is devoted to the description of the lexical units of religious origin in the dictionaries of the Russian and Turkish languages. The attention is focused both on the characteristic of the two languages and religious conscience and on specific linguistic units, reflecting the uniqueness of different peoples, their perception of the world.

Key words: religious vocabulary, dictionary, sacronim, secondary nomination, figurative meaning

© 2014

Л. Н. Чурилина

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ С КОМПОНЕНТОМ *ДОМ* В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ ДИСКУРСЕ: СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ

В статье рассматривается структура Словаря современной православной метафоры. На примере метафорической модели с компонентом *дом* демонстрируется принцип организации текстового материала.

Ключевые слова: православный дискурс, дискурсивный словарь метафор, когнитивная теория метафоры, метафорическая модель

Разрабатываемая нами концепция Словаря современной православной метафоры основана, с одной стороны, на так называемой когнитивной теории метафоры¹, а с другой — на постулате, восходящем ещё к работам В. фон Гумбольдта и сформулированном А. А. Потебнёй: «Люди, — говорит Гумбольдт, — понимают друг друга не таким образом, что действительно передают один другому знаки предметов», но «речь только возбуждает умственную деятельность понимающего, который, понимая, мыслит своею собственною мыслию»². Основной функцией языковой метафоры, рассматриваемой в таком аспекте, является «возбуждение умственной деятельности» адресата или, что то же, актуализация в сознании адресата значимых мыслей/смыслов.

Наблюдения за спецификой функционирования метафорических выражений в современном религиозном (православном) дискурсе позволяют утверждать, что именно метафоре часто отводится роль «ключа», призванного обеспечивать адресату доступ к сложным метафизическим смыслам в процессе декодирования текста. В случае с православной метафорой целесообразно перефразировать известный афоризм Г. Фреге в формулу: *метафора — это путь, которым люди приходят к смыслу*.

Словарь современной православной метафоры являет собой попытку *корпусной инвентаризации метафорических моделей дискурса*³ с целью научного описания функционирования метафор в реальном употреблении. Дискурсивно ориентированный словарь призван содействовать решению ещё одной задачи: он должен отразить специфику моделирования действительности, определяющую уникальность православной картины мира.

Согласно современной когнитивной теории, метафора основана на взаимодействии двух структур знаний, или концептов — донора и реципиента. Поскольку «концепты не привязаны к той или иной материальной форме», но «парят» над

Чурилина Любовь Николаевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: Ichurilina@gmail.com

¹ Лакофф, Джонсон 2004.

² Потебня 1989, 124.

³ Баранов 2004, 15.

материей⁴, в тексте мы имеем дело не с метафорой непосредственно, но с набором метафорических выражений, её объективирующих. Таким образом, в роли **единицы словаря** нами рассматривается структура, состоящая из **метафоры** как пары соотнесённых концептов (*концептуального дуэта*) и **набора метафорических выражений** — текстовых фрагментов. Концептуальный дуэт, в котором инициальную позицию занимает имя концепта-реципиента («ДУША — ЭТО ПОЧВА», «ДУША — ЭТО РАСТЕНИЕ», «МОЛИТВА — ЭТО ОКНО», «МОЛИТВА — ЭТО ПРОТЯНУТАЯ РУКА», «СЕМЬЯ — ЭТО ЭКОСИСТЕМА», «СЕМЬЯ — ЭТО КОВЁР» и под.), выполняет в словарной статье функцию заголовка. В результате структуру Словаря метафор в целом определяет перечень дискурсивно значимых концептов-реципиентов, или базовых концептов православной картины мира. При этом открытым остаётся вопрос о роли концептов-доноров, о характере их влияния на организацию текстового (дискурсивного) материала в словаре. Возникновение обозначенной проблемы связано с континуальностью, «перетеканием» смыслов как свойством концептуального пространства.

Один из возможных вариантов решения вопроса видится нам в использовании **модели** концепта-донора в качестве своеобразной матрицы: структура концепта-донора может рассматриваться как основа при распределении метафорических выражений в словарной статье. Рассмотрим предлагаемый вариант на примере концепта-донора «Дом».

Концепт «Дом» справедливо относят к числу базовых в национальной картине мира и даже к универсалиям. Показателем высокого рейтинга концепта могут служить материалы Славянского ассоциативного словаря⁵, по данным которого слово-стимул *дом* включено в ядро языкового сознания, т.е. в число единиц, имеющих наиболее разветвлённую систему связей в ассоциативно-вербальной сети. Концепт «Дом» как фрагмент русской национальной картины мира становился объектом научного исследования неоднократно⁶. На основе опубликованных материалов, в том числе и результатов массовых ассоциативных экспериментов, можно предположить следующую структуру концепта «Дом»:

- **ядро** концепта связано с предметной отнесённостью имени *дом*, свидетельством актуализации в сознании участников ассоциативного эксперимента семантического компонента 'строение' являются реакции: *многоэтажный, трёхэтажный, здание, с колоннами, кирпичный, каменный, деревянный, изба, хата, строить* и под.;

- **околоядерная** зона концепта делится на две части:

- представления об основной функции дома как строения объективируются в реакциях *жильё, жилище, в котором мы живём, жилой, жить, житьё* (семантические компоненты 'жить' и 'место');

- на основе метонимического переноса актуализируется семантический компонент 'семья'; в ассоциативном поле этот смысл репрезентирован реакциями *родной, семья, мама, родители, родителей, родное, родной дом, родные, родня* и под.;

- к **центральной** зоне концепта следует отнести такие смыслы, как:

- 'защита' (*крепость, моя крепость, пристанище, опора, спокойствие, укрытие* и др.);

- 'порядок' (*уют, уютный, тепло, тёплый, кувырком, красивый, очаг, удобно, убирать* и др.);

- 'достаток' (*богатый, полная чаша, дворец, шикарный, деньги* и др.).

Экспериментально установленная высокая частотность актуализации выделенных семантических компонентов позволяет отнести все обозначенные зоны концептуального пространства к так называемому *актуальному слою* концепта «Дом». Актуальный слой концепта отражает совокупность смыслов, потенциально присутствующих в сознании всех пользующихся языком данной культуры⁷. Именно к такому — «все-общему» — фрагменту знаний и апеллирует автор метафоры в расчёте на понимание, на «возбуждение собственной мысли» адресата, поскольку успешность коммуникации определяется общностью картин мира коммуникантов.

Вовлечение концепта «Дом» в процесс метафоризации имеет следствием изменение характера соотношения смысловых зон, свидетельством чего является собранный нами дискурсивный материал. Ядерная в рамках «бытового» дискурса сема 'строение' в православной метафоре практически не востребована, то же можно сказать и о семах 'семья', 'защита', 'достаток'. Абсолютное большинство текстовых фрагментов, в лексической структуре которых обнаружена лексема *дом*, направлены на актуализацию семантических компонентов 'жилище' или 'место обитания'. Ср.:

- *Мы хотим, чтобы Господь пришёл к нам и в нас вселился. А между тем мы ничего для этого не сделали. Наша хранина, наш дом не готов. В нём нет места. Допустим, что вы приглашаете к себе в гости человека пожить, но устроили из своего помещения свалку, навалили туда всяких вещей, так что он не может и двух шагов сделать. Так же получается, когда мы призываем Духа Божия — войти ему туда нет возможности, потому что всё заполнено, забито, да ещё по большей части всякой тухлой. Мы не чистим, не выметаем дом своей души, мы не следим за ним⁸;*

- *понять, что Он пришел в дом плохо подготовленный, не в такой дом, где ждут гостей, где всё блестит и всё украшено, а в дом захудалый, тёмный, полный пыли, как бы брошенный! Такова и наша душа с её маловерием и несправедливостью, духовной ленью и слабой молитвой;*

- *Но когда мы ждём самого Господа, Который посетит нас, благословит и озарит нас Духом Своим Святым, — как должны мы приготовить «дом» свой, то есть душу свою, сердце своё, как должны мы его очистить! Может ли в это грязное помещение неочищенной души войти светлый гость — Христос, Который рождается?!;*

- *Любой храм мы стараемся украсить, как можем <...> Богу не нужны наши украшения, позолоты, финтифлюшки, они нужны нам, чтобы через них выразить своё благоговение в доме молитвы, в доме Божиим. Господь здесь, поэтому дом Его должен быть украшен.*

Приведённые фрагменты православного дискурса (в данном случае мы имеем дело с основным его жанром — проповедью) делают наблюдаемым процесс формирования метафоры на основе столкновения двух смысловых зон — сакральной и бытовой. Очевидность оснований для метафоризации (залогом чего и является «все-общность» смысла, составляющего

⁴ Степанов 2001, 9.

⁵ Славянский ассоциативный словарь 2004.

⁶ См., напр.: Слепцова 2003; Валеева 2010.

⁷ Степанов 2001, 47–48.

⁸ Здесь и далее текстовые фрагменты приводятся по: Мень 2006.

релевантный слой концепта) делает возможной актуализацию метафоры и в случае, когда имя концепта в структуру текстового фрагмента не включено:

- *Господи, пусть Твой огонь выжжет в нас всё злое, мерзкое, чёрное, дурное, неблагодарное. Пусть Дух Твой поселится в нашем сердце, чтобы мы становились носителями Твоего Божественного Духа...;*

- *И если мы только откроем двери своего сердца, этот Дух к нам придёт.*

Результатом столкновения двух смысловых зон становятся православные метафоры «ДУША — ЭТО ДОМ ДУХА БОЖИЯ» (возможны усечённые варианты «ДУША/СЕРДЦЕ — ЭТО ДОМ») и «ХРАМ — ЭТО ДОМ БОЖИЙ».

Анализ лексико-семантических связей, определяющих содержательную структуру представленных текстовых фрагментов, приводит нас к заключению, что окологернейшая зона концепта «Дом» в его дискурсивно ориентированном варианте включает такие семы, как 'порядок' и 'чистота'. Однако, во-первых, это очевидно «порядок» другого плана: в ближайшем окружении концептов, репрезентантами которых являются новые метафоры, оказываются ключевые для религиозного мировоззрения концепты «Покаяние» и «Грех»: *Поэтому наше покаяние сейчас — это подготовка к встрече драгоценного гостя, когда мы приводим в порядок, наводим красоту и убранство в доме нашей души.* Во-вторых, немаловажно, что эти смыслы востребованы только в случае с метафорической моделью «ДУША/СЕРДЦЕ — ЭТО ДОМ» и абсолютно неактуальны для второй из выявленных моделей.

Таким образом, словарная статья, в заголовочной части которой располагается концептуальный дуэт «ХРАМ — ЭТО ДОМ», оказывается композиционно простой, ибо актуальной для метафоры является одна сема — 'место обитания'.

Что же касается концептуального дуэта «ДУША/СЕРДЦЕ — ЭТО ДОМ», то словарная статья, его сопровождающая, композиционно может быть расчленена на две части:

- метафорические выражения, предполагающие актуализацию семы 'место обитания' (*Господь войдёт в приготовленный дом души и будет с ним обитать; Он родился там, где люди, может быть, считали недостойным родиться: не в благоустроенном доме, не там, где мать и младенец окружены заботой, а на скотном дворе, на заднем дворе, по-нашему в сарае. Так вот, наша душа — такой же сарай, в который также может прийти Господь, если мы этого захотим*);

- метафорические выражения, предполагающие дополнительно актуализацию семы 'чистота' (образцы подобных метафорических выражений в статье представлены).

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. 2004: Когнитивная теория метафоры: почти двадцать лет спустя // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живём / А. Н. Баранов (ред.). М., 7–21.

Валева Д. Р. 2010: Репрезентация концепта «ДОМ» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань.

Лакофф Дж., Джонсон М. 2004: Метафоры, которыми мы живём / А. Н. Баранов (ред.). М.

Мень А. 2006: Прости, нас, грешных. Слово перед исповедью. М.

Потебня А. А. 1989: Слово и миф. М.

Славянский ассоциативный словарь 2004: Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / сост. Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М.

Слепцова Е. В. 2009: Концепт ДОМ в русской языковой картине мира и в тетралогии «Братья и сёстры» Ф. А. Абрамова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток.

Степанов Ю. С. 2001: Константы: словарь русской культуры. М.

THE METAPHORICAL MODEL WITH A COMPONENT *DOM* (HOUSE) IN THE MODERN ORTHODOX DISCOURSE: DICTIONARY DESCRIPTION

L. N. Churilina

The article is devoted to the structure of the Modern Orthodox Metaphor Dictionary. On the example of metaphorical model with a component *dom* the work of textual material is illustrated.

Key words: Orthodox discourse, discursive metaphors dictionary, cognitive metaphor theory, metaphorical model

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ. СПЕЦИФИКА РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

© 2014

С. А. Анохина

ЧИНОВНИК В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ

В статье исследуются пословицы, поговорки, крылатые выражения и ассоциации, составляющие периферию семантического поля, вербализующего концепт «Чиновник». Единицы, зафиксированные в словарях, рассматриваются как отражение представлений русского народа.

Ключевые слова: чиновник, концепт, русская языковая картина мира, словари

Информация о существенных явлениях русской культуры, которую исследователь может получить из словарей различных типов, позволяет обобщать представления о данных явлениях, сопоставлять фрагменты языковой картины мира и делать выводы о культуре народа в целом. Чрезвычайно ценную информацию для описания концептов содержат именно словари, причём чем шире круг используемых исследователем источников, тем полнее и точнее описание концепта. «Значения слов и фразеологических единиц (ФЕ), являющихся вербализаторами концепта, объединяются в семантическое поле, которое, как известно, включает в качестве обязательных элементов ядро — значение слова (или основное значение многозначного имени поля), представляющее собой семему, содержащую интегральные для всех элементов поля семы; центр поля — значения, имеющие в своём составе семы ядерной семемы, а также те или иные дифференциальные семы; и более или менее обширную периферию с размытыми границами, объединяющую единицы, связанные интегральными семемами с единицами центра поля»¹.

Для описания концепта существенны все представления, независимо от их места в семантическом поле. Безусловно, важно чётко определить ядро поля. В отношении концепта «Чиновник» это семема 'государственный служащий'. Центральную часть семантического поля составляют языковые единицы, семантически непосредственно связанные с ядерной семемой: актуальные и устаревшие наименования должностей чиновников (*начальник, шеф, босс, приказный, дьяк* и др.), документов (*бумага, приказ, распоряжение, указ* и др.), учреждений (*контора, министерство, канцелярия, приказная изба* и др.) и т.д., а также словообразовательно родственные ядерной единице слова (*чиновничий, чин, чиновочитание* и пр.). Периферию семантического поля, вербализующего концепт «Чиновник», составляют единицы, имеющие опосредованное отношение к ядерной семеме, количество таких единиц практически неисчислимо. И здесь, по нашему мнению, особую значимость в реконструкции концепта приобретают словари, позволяющие установить «внешнюю границу» концепта, — словари пословиц и поговорок, крылатых выражений (КВ) и ассоциаций.

Общезвестно, что концепты в языковой картине мира не существуют обособленно; представления, образующие концепты, имеют сложнейшую систему переплетений. В результате одной из проблем описания концепта становится определение его объёма. Пословицы, поговорки, КВ и ассоциации, располагаясь на периферии концепта, имеющего полевою структуру, с одной стороны, ограничивают его; с другой — иллюстрируют связи с другими концептами².

В данной статье рассматриваются представления русского народа о чиновнике, зафиксированные в словарях пословиц и поговорок³, антипословиц⁴, КВ⁵ и ассоциаций⁶. Следует отметить, что эти представления (как и единицы, в которых они отражены) формировались в различные исторические периоды. Если пословицы и поговорки зафиксировали древнейший пласт представлений русского народа о государственных служащих, то антипословицы отражают современные представления о чиновниках, как и ассоциации, относящиеся к концу XX в. Среди КВ, участвующих в вербализации концепта «Чиновник», абсолютное большинство сформировалось в XIX в. и характеризует представления, характерные для того времени. Однако, несмотря на разное время возникновения единиц, отражающих представления русского народа о чиновниках, содержательно они характеризуются удивительной близостью. Практически одинаковое отношение к государственным служащим, как бы они ни назывались и какой бы власти ни служили, мы находим и в пословицах, и в поговорках, и в антипословицах, и в КВ, и в ассоциациях, зафиксированных словарями, также созданными в различные исторические периоды.

Анохина Светлана Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры документоведения и архивоведения Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: asa.06@inbox.ru

¹ Анохина 2009, 136.

² О связях между концептами см., например: Гладких, Осипова 2009.

³ Даль 1998; Жуков 1993.

⁴ Вальтер, Мокиенко 2005.

⁵ Берков, Мокиенко, Шулежкова (ред.) 2000.

⁶ Караулов (ред.) 1998.

Единицы, содержащие преимущественно имплицитно сему 'чиновник', составляют периферию семантического поля, вербализующего концепт «Чиновник». Однако, повторим, периферийное положение отнюдь не снижает значимости представлений русского народа, содержащихся в пословицах, поговорках, КВ, а также в ассоциативных связях, для описания концепта.

Существенный фрагмент концепта «Чиновник» формируют представления о профессиональной деятельности государственного служащего. Профессионализм чиновников, согласно представлениям, отражённым в пословицах и поговорках, весьма сомнителен⁷. Чиновник в поговорках предстаёт как работник малокомпетентный: *Уложение читает, а дела не знает; Не то писарь, что хорошо пишет, а то, что хорошо подчищает; Пока существуют те, кто не задумываясь выполняет приказы, всегда найдётся тот, кто не задумываясь будет их отдавать; Один из основных принципов Госдумы: незнание законов не освобождает от законотворчества*. При этом последствия некомпетентных действий представителя деловой сферы могут быть достаточно серьёзными, даже губительными: *Заставь чиновника с инфляцией бороться, так он и промышленность расшибёт*.

Среди профессиональных качеств чиновника особое место, судя по пословицам и поговоркам, занимает придирчивость: *Не приказный, да привязчив; Придирчив, как приказный; Приказный безответный: стоит над тобой, как чёрт над душой*. Заметим, что данное качество чиновника с точки зрения его профессиональной компетентности следует оценивать скорее как положительное: грамотный чиновник строго следует закону и должен выверять текст до запятой. Но позитивная оценка придирчивости чиновника, уместная со стороны руководства, совершенно не характерна для всех остальных, воспринимающих требовательность чиновника именно как придирчивость, привязчивость. Подобное отношение к государственному служащему отражает и ассоциация *занудство*, данная на стимул *чиновник*.

Важным элементом семантического поля *Чиновник* является прочно закрепившееся в языке крылатое слово (КС) В. В. Маяковского *прозаседавшиеся*, образно характеризующее чиновников-бюрократов, которые конкретным практическим делам предпочитают бесконечные прения на заседаниях.

Ассоциации на стимул *чиновник* также подтверждают устойчивость представлений о бессмысленности, бесплодности профессиональной деятельности чиновника: *бумагарака, бюрократ, буржуй (без дела сидящий человек)*.

Профессиональная деятельность чиновника в русской языковой картине мира оценивается отрицательно по всем критериям оценочной категоризации профессионального деятеля, выделенным Е. И. Головановой⁸: труд чиновника не приносит общественной пользы, не является созидательным и физическим, в результате этого труда не производится жизненно необходимого продукта, чиновник не отличается ответственностью, сомнительны его квалификация и качество труда.

Однако экспериментальные данные, полученные центрами социологических опросов⁹, свидетельствуют о высокой престижности профессии чиновника среди российских респондентов. Это кажущееся противоречие объясняется устойчивыми представлениями о высоких доходах чиновников, в том числе и о противозаконных.

Представления о чиновнике были и остаются неотделимыми от представлений о взятке. Об устойчивости связи между этими фрагментами русской языковой картины мира свидетельствуют все группы исследованных нами единиц: пословицы и поговорки (*Приказный и со смерти на вино просит; Всяк подьячий любит калач горячий; От вора дубинкой, от приказного полтинкой (отобьюсь)*); КВ (*барашек в бумажке, борзыми щенками брать*); ассоциации на стимул *чиновник* (*берёт взятки, взяточник, хапуга*).

Следующим важным фрагментом концепта «Чиновник» являются представления о взаимоотношениях в деловой сфере. Деловые отношения чиновника в русской языковой картине мира построены на строгом соблюдении иерархии и совершенно различном отношении к выше- и нижестоящим, так было и так есть, судя по единицам, возникшим в разные эпохи: *С просителем шибко, с начальством зибко; Кто в чин вошёл лисой, тот в чине будет волком; Он перед начальством смывком (лучком) стоит; Шефа можно перебивать только аплодисментами; Если семеро одного не ждут, значит, он не их начальник; Если шеф неправ, значит, либо он не шеф, либо ты не работник; Начальство надо знать в лицо*.

Типичные отношения в чиновничьей среде отражает КВ *Либо в рыло, либо ручку пожалуйте*, о людях, легко переходящих от грубой расправы с нижестоящими к угоду-подобострастному обращению с теми, в ком заинтересованы или от кого зависят. Путь вверх открыт лишь чиновникам, готовым угождать ради достижения корыстных целей (*А впрочем, он дойдёт до степеней известных, [ведь нынче любят бессловесных]*). Тем же, кто подхалимству и карьеризму противопоставляет искреннее и бескорыстное служение делу (*Служить бы рад, прислуживаться тошно*), не место в ряду чиновников.

Характер и поведение чиновника, по данным анализируемых единиц, выглядят малопривлекательными. Чиновник в представлениях русского народа — человек лживый (*У приказного за рубль правды не купишь*); скандальный (*За ярыжкой брань не пропадёт*); жадный (*С ярыжкой поводится — без рубахи находится; У приказного за рубль купишь — да купишь; Подьяческий карман что утиный зоб: не набьёшь; Сколько увидит денег (приказный), столько и давай*); мстительный (*Кто подьячего обманет, тот двух дней не проживёт*).

В прошлом негативное отношение к государственным служащим было настолько сильным, что чиновник воспринимался русским человеком сродни нечисти: *Приказный чёрту брат; Козёл да приказный — бесова родня; Подьячим и на том свете хорошо: умрёт, прямо в дьяволы*. В современных представлениях о чиновнике мы не находим inferнальных представлений, но отношение к чиновнику по-прежнему далеко от позитивного: *Вакуум власти всасывает в себя всякий мусор*.

Ассоциации на стимул *чиновник* дополняют исследуемый нами образ чиновника внешними (также малопривлекательными) чертами: *толстый, лысый, морда, перхоть, толстопуз*.

Обобщая полученный в ходе исследования языковой материал, можем отметить преимущественно отрицательное отношение русского народа к чиновнику, сформировавшееся столетия назад и практически не изменившееся в современном российском обществе. Материалы словарей пословиц и поговорок, КС, КВ и ассоциаций расцениваются нами как чрезвычайно важный источник представлений, составляющих условную внешнюю границу концепта и отражающих связи исследуемого концепта с другими фрагментами русской языковой картины мира.

⁷ Анохина, Кожушкова, Прокофьева 2014.

⁸ Голованова 2008.

⁹ Васильева, Ян Лю 2013, 12.

- Анохина С. А. 2009: Лексикографические источники как материал исследования семантических связей вербализаторов концепта «Чудо» // Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2 (24), 136–140.
- Анохина С. А., Кожушкова Н. В., Прокофьева А. В. 2014: Отражение деловой сферы в русских пословицах и поговорках // Вестник Новгородск. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 77. Новгород, 50–53.
- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка. М.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М. 2005: Антипословицы русского народа. СПб.
- Васильева Г. М., Ян Лю 2013: Наименования лиц по профессии: культуроориентированные принципы отбора для обучения китайских студентов-филологов // Мир науки, культуры, образования. 1(38), 11–14.
- Гладких Ю. Г., Осипова А. А. 2011: Отражение связей между концептами в словаре *концептосферы* В. П. Астафьева (на примере концептов «Смерть» и «Вода») // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 3 (33), 725–730.
- Голованова Е. И. 2008: Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М.
- Даль В. И. 1998: Пословицы и поговорки русского народа. М.
- Жуков В. П. 1993: Словарь русских пословиц и поговорок. М.
- Караулов Ю. Н. (ред.) 1998: Русский ассоциативный словарь. Кн. 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. II. М.

THE OFFICIAL IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD ACCORDING TO DICTIONARIES

S. A. Anokhina

The article is devoted to proverbs, sayings, catch-words and associations that make up the periphery of a semantic field, verbalizing the concept of «the official». Units recorded in dictionaries, are considered as reflecting the views of the Russian people.

Key words: official, concept, Russian linguistic picture of the world, dictionaries

© 2014

Г. Т. Безкоровайная

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ «РУССКИЙ ДВОРЯНИН» И «АНГЛИЙСКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН» (в лексикографических трудах и художественных текстах XIX в.)

В статье проанализированы характерные для национальных языковых картин мира лингвокультурные типажы «русский дворянин» и «английский джентльмен», представленные в лексикографических источниках и художественных текстах XIX в.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, благородство, дворянин, джентльмен, лексема, паремия

Лингвокультурные типажы — это «образы определённой культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества»¹. В XIX в. в русской и английской культурах сложились устойчивые представления о том, какими должны быть дворянин в России и джентльмен в Англии, что отразилось в толковых словарях и художественных текстах XIX в.

Возникновение российского дворянства как социального класса относят к XII в., когда дворяне считались низшим из знати классом. На первом месте стояли, вплоть до правления Петра I, бояре. О роли и месте дворян в российском обществе XVIII–XIX вв. в исследовании «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.)» Ю. М. Лотман пишет: «Русское дворянство, каким мы его встречаем в XVIII — первой половине XIX в., было порождением петровской реформы. Среди разнообразных последствий реформ Петра I создание дворянства в функции государственно и культурно доминирующего сословия занимает не последнее место»².

Лексемы *дворянство*, *дворянин* исконно русского происхождения. Этимология слова зафиксирована в Толковом словаре. «ДВОРЯНИН. Искон. Суф. производное от *двор*. Первоначально — «человек, живущий при дворе» > «княжеский человек», затем — «принадлежащий к высшему сословию». См. *двор* (двор) и *двор* (окружение монарха)»³.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля лексема *дворянин* имеет следующее значение: «Дворянин м. дворянка ж. дворяне мн. начально придворный; знатный гражданин на службе при государе, чиновник при дворе; звание это обратилось в потомственное и означает благородного по роду или по чину, принадлежащего к жалованному, высшему сословию, коему одному только предоставлено было владеть населёнными имениями, людьми. Родовой, коренной дворянин, которого предки, в нескольких поколениях, были дворяне; столбовой, древнего рода; потомственный, который сам, или предок его в недалеком поколении, выслужили дворянство; личный, выслуживший дворянство за себя, но не за детей своих»⁴.

Среди других значений обнаруживаем и такие, как «призаченный зять. На свадьбах дворянами зовутся бояре, поезжане, все гости, как бы составляющие на сей день двор молодых, князя и княгини». Хотя не предписывалось никаких правил поведения, а существовали государевы предписания, главным из которых была «Табель о рангах» Петра I, вступившая в

Безкоровайная Галина Тиграновна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Московского государственного университета печати им. Ивана Фёдорова. E-mail: begat1@yandex.ru

¹ Карасик, Дмитриева 2005, 8.

² Лотман 1979, 18.

³ Шанский, Боброва 2004, 92.

⁴ Даль 1, 1981, 424.

силу еще в 1722 г., а в повседневном быту появлялись привычки и правила истинно дворянской манеры одеваться, говорить по-французски, галантно ухаживать за дамами. «У дворянского сословия складывался негласный кодекс поведения, однако “дворянское поведение” как система не только допускало, но и предполагало определённые выпадения из нормы, которые в переводе на “язык сцены” равнозначны были антрактам в спектаклях. Система воспитания и быта вносила в дворянскую жизнь целый пласт поведения, настолько скованного “приличиями” и системой “театрализованного” жеста, что порождала противоположное стремление — порыв к свободе, к отказу от условных ограничений. В результате возникла потребность в своеобразных отдушниках — прорывы в мир цыган, влечение к людям искусства и т.д., вплоть до узаконенных форм выхода за границы “приличия”: загул и пьянство как “истинно гусарское” поведение, доступные любовные приключения...»⁵. Все явления действительности находят, как известно, отражение в языке, который, являясь сокровищницей, кладовой, копилкой культуры, хранит культурные ценности — в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи»⁶.

Эти негласные дворянские правила и их соблюдение/несоблюдение отражены в пословицах и поговорках: *Ни купец, ни дворянин, а своему дому (делу, слову) господин; На Руси дворянин, кто за многих один; Чести дворянин не кинет, хоть головушка сгинет; Не богат дворянин, да едет не один; Честен перстень на дворянской руке.*

В некоторых паремиях содержится негативная оценка дворянина: *Дворянином быть не сможет, а мужиком жить не хочется; Не новгородский дворянин, но сам сходишь; Не прикасайтесь черти к дворянам, а жиды к самарянам; Не прикасайтесь жиды к самарянам, а мужики к дворянам; Наши миряне родом дворяне: работы не любят, а погулять не прочь; Куда дворяне, туда и миряне; Дворянский сын с погляденья сыт, мало ест; Дворянский сын, что ногойский конь: умирает, так хоть ногой дрягает, не покидает барских замашек; Дворянское кушанье: два грибка на тарелочке; Спесь дворянская, а ум крестьянский; У слеси оврянской, да разум крестьянский; Счастье не дворянство, не родом ведётся*⁷.

Сравним типаж русского дворянина XIX в. с английским представлением о настоящем джентльмене. Этимология слова *джентльмен* связана с латинским *gentilis*, однако английский джентльмен получил своё название от *gentry*. К *джентри* (*gentry*), или земельному джентри (*landed gentry*), в Британии относились землевладельцы, которые жили на доходы от своих владений. По определению многих словарей, появившийся позднее термин стал обобщённо обозначать четыре социальные группы: баронетов, рыцарей, эсквайров и джентльменов.

Судя по данным Оксфордского словаря, корень слова *gentleman* имеет отношение к понятию “gentry”:

1) а) «ранг по рождению (редко в нейтральном смысле); б) качество ранга «джентльмена»; с) то, что характеризует джентльмена — отточенные манеры, хорошее воспитание, куртузность, благородство; пример благородных действий; д) практический стиль одежды, характерной для людей, мода и т.д.

2) люди благородного рождения и воспитания, класс, к которому в современном английском обществе принадлежат люди ниже дворянства;

3) ироническое обозначение людей в игривой манере, часто выступает как прилагательное;

4) прилагательное — *gentry-man — state, Gentry fashioned, gentry-cive, mort thieves* (сленг). [Здесь и далее перевод наш. — Г.Б.]⁸

В Большом Оксфордском словаре лексема *gentleman* имеет определение: а) «человек знатного (благородного) происхождения или тот, у кого есть геральдический статус по родовитому рождению; возможно, тот, кто носит оружие, хотя и не имеет ранга во дворянстве, также применяется к человеку, который знатен, но ранг его не определён. Сейчас, главным образом, историческое»⁹. Таким образом, первоначально наименование *джентльмен* появляется для обозначения знатности (благородства) происхождения.

К этому разделу статьи дана подставка, в которой поясняется: *gentleman* «прибавляется к имени человека как индикатор его ранга, часто в сокращении» (приведённые примеры — с 1425 г.).

Второе определение имеет помету «спец.». Здесь *gentleman* — ‘человек знатного рождения, который владеет домом суверена или другого человека высокого звания, часто с добавлением какого-л. эпитета’.

В данной статье имеются подразделы: А — «человек знатного рождения, титул, который применим к принадлежащему к семье короля или другого человека высокого ранга, часто с добавлением определяющего термина, например, ожидающий в приёмной короля или в королевской часовне и т.д.»¹⁰. В — джентльмен — пенсионер, сейчас — один из 40 джентльменов, которые ведут себя как охранники или телохранители королевской особы по торжественным случаям.

Лексема *джентльмен* образует фразеологическую единицу — *gentleman of fortune*, и в этом отношении она менее продуктивна, чем *дворянин*.

Проследим, какое значение приобретают лингвокультурные типажи, рассматриваемые нами, в обеих культурах XIX в.

В XIX в. русское дворянство, в состав которого в большинстве своём входили офицеры, после Отечественной войны 1812 г. вступает в период заката. Для той исторической эпохи характерна борьба крестьян за отмену крепостного права, которую некоторая часть знати поддерживает. Многие дворяне участвуют в тайных обществах, о чём писали, например, А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой.

XIX в. в Англии — главный период формирования и расцвета лингвокультурного типажа «джентльмен» как важнейшего компонента «английскости». Этот период, названный *викторианством*, хронологически совпадает со временем правления королевы Виктории (1837–1903), что запечатлено как в лексикографических источниках, так и в романистике данной эпохи.

В отличие от русского дворянина, чьи права записаны в государевых грамотах, у английского джентльмена существуют кодексы и морально-этические правила, записанные в учебниках. Так, одним из первых письменных руководств по воспитанию джентльмена является книга, посвящённая Генриху VIII (Т. Elyot). Автор её Т. Элиот полагал, что в разряд джентль-

⁵ Лотман 1979, 40.

⁶ Тер-Минасова 2008, 14.

⁷ Даль 1, 1981, 424.

⁸ The Oxford English Dictionary V.IV, 1933, 288.

⁹ The Oxford English Dictionary V.IV, 1933, 289.

¹⁰ The Oxford English Dictionary V.VI, 1933, 363.

менов может входить тот человек благородного звания, кто широко образован, знает языки и историю, право и философию, занимается спортом, живописью и музыкой, не отдаваясь, впрочем, этим занятиям сверх меры¹¹. В сочинении Т. Смита «De Republica Anglorum» (1583) утверждалось: джентльмен — «тот, кто отправляет государственное правосудие, учится в университете, изучает свободные искусства и может жить, не трудясь, не занимаясь занятиями, требующими физического труда, кто принимает на себя обязанности джентльмена, отличается при этом джентльменским поведением и манерами...»¹². Елизаветинский идеал придворного во многом был идеалом джентльмена¹³. Сегодня учёные делают вывод о том, что «викторианская культура, безусловно, сложнее и многообразнее тех стереотипных представлений о ней, которые возникли на рубеже XIX–XX вв., после кризиса её ценностей»¹⁴.

Подобной сложностью и многообразием обладает и типаж «джентльмен», трактовка которого в произведениях того или иного писателя-викторианца существенно изменяется и динамично эволюционирует. Между тем многие исследователи убеждены, что в период викторианства «джентльмен» приобретает устойчивые и недвусмысленные характеристики, в частности «перестаёт отождествляться с земельным дворянством (*landed gentry*), представляя отныне горожанина среднего класса». По мнению исследователей, «викторианский джентльмен прославился, благодаря своим высоким нравственным качествам: был законопослушным, прекрасным семьянином, уважал порядок, его дом — крепость <...> он всеми почитаемый член общества, ратующий о благе бедняков, блюститель нравственности и гонитель порока. Джентльмен почти никогда не причиняет боли и страданий, а, напротив, занят устранением препятствий, которые мешают свободному и непринуждённому общению. Общение с ним предельно комфортно. Истинный джентльмен тщательно избегает всего того, что может стать причиной столкновения во мнениях, чувствах, вызвать подозрение или сомнение, предотвращает нежелательные намёки. В любых обстоятельствах он должен был демонстрировать личное душевное мужество и самообладание, тяжёлый труд служения обществу, лояльность и верность, учтивость. Большое значение также придавалось подавлению своих чувств, здравому смыслу и отсутствию воображения, что порой делало общение с ним скучным и даже утомительным в силу того, что ему было трудно выразить глубину своих чувств»¹⁵.

Словари фиксируют характерные для лингвокультурного типажа черты поведения и характера, однако ещё более ясную картину представляют персонажи художественных произведений того времени. Созданные в одно и то же время романы И. С. Тургенева «Отцы и дети (1862) и Ч. Диккенса «Большие надежды» (1861–1862) наглядно показывают, насколько частотны лексемы *дворянин* и *джентльмен* в художественных текстах и какие черты данных лингвокультурных типажей важны для каждого из этих авторов.

В произведении И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862), главными действующими лицами которого являются два друга, принадлежащие к разным сословиям, использованы лексемы *дворянин*, *дворянка*, *дворянский*. В романе 7 случаев употребления однокоренных лексем. Так, прилагательное *дворянский* даёт характеристику жилищу Базаровых: «*дворянский домик под соломенной крышей*». Высказывание нигилиста Базарова добавляет к типуажу «русский дворянин» отрицательную оценку, что видно из примера: *В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не годится. Ваш брат дворянин дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это пустяки. Вы, например, не дерётесь — и уж воображаете себя молодцами, — а мы драться хотим... Ты славный малый; но ты всё-таки мякенький, либеральный барич*.

В романе Ч. Диккенса «Большие надежды» лексема *gentleman* использована в 234 примерах. При этом она номинирует принадлежность к слою в обществе; даёт морально-этическую характеристику героям; используется в обращении.

Анализ этимологии, лексикографической репрезентации и персонажей из произведений XIX в. показал, что лингвокультурные типажи «русский дворянин» и «английский джентльмен» могут быть сопоставлены.

Обозначенные типажи восходят к одному историческому периоду (XI–XII вв.). Для русского дворянина обязательно благородное поведение, но документы эпохи формирования дворянства содержат свод определённых привилегий, не акцентируя внимания на поведении дворян. В истории и литературе Англии существуют десятки пособий и учебников по джентльменству, предписывающих целый ряд поведенческих требований к тому, кто хочет стать джентльменом. Для русского дворянина, как и для английского джентльмена, важна образованность, владение латынью, греческим и французским языками. Русский дворянин сыграл свою роль в истории России, но не стал столь характерным признаком «русскости», как джентльмен в создании «английскости». Для английской лингвокультуры важно, что «английский джентльмен» является символом благородного поведения, куртуазного отношения к даме, стильности в одежде и изысканной светскости. В текстах английской художественной литературы викторианского периода лексема *джентльмен* не просто частотна, но и чрезвычайно важна для создания духа эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И. 1981: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.
Зброжек Е. В. 2005: Викторианство в контексте культуры повседневности // Изв. Уральск. ун-та. 35, 28–44.
Карасик В. И., Дмитриева О. А. 2005: Лингвокультурные типажи: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи / В. И. Карасик (ред.). Волгоград, 5–25.
Лотман Ю. М. 1994: Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.
Тер-Минасова С. Г. 2008: Язык и межкультурная коммуникация. М.
Тургенев И. С. 1983: Отцы и дети. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fictionbook.in/ivan-turgenev-otci-i-deti.html>.
Шанский Н. М., Боброва Т. А. 2004: Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.
Ashley L. R. 1965: Spenser and the ideal of the gentleman // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. Т. 27. Genève, 101–132.
Dickens C. 1998: Great Expectations. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm>.

¹¹ Elyot 2003, 46–52.

¹² Smith 1583, 71.

¹³ Ashley 1965, 101–132.

¹⁴ Easthope 2009, 7.

¹⁵ Зброжек 2005, 30.

Easthope A. 2009: Englishness and National Culture. London.

Elyot T. 2003: The Book Named the Governor // Renaissance literature: An anthology / By Payne, Hunter J. L. (ed.).

Smith T. De Republica Anglorum. 1583. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://archive.org/stream/derepublicaanglo00smituoft/derepublicaanglo00smituoft_djvu.txt.

The Oxford English Dictionary 1933: Oxford. T. IV.

LINGUISTIC AND CULTURAL PROTOTYPES “RUSSKIY DVORYANIN” (RUSSIAN NOBLEMAN) AND “ENGLISH GENTLEMAN” (In lexicographic and fiction texts of the XIX century)

G. T. Bezkorovaynaya

The article deals with the peculiarities of linguistic cultural prototypes “Russkiy dvoryanin” (Russian nobleman) and “English gentleman” which are analyzed and represented in the dictionaries as well as in the fiction texts of the XIX century.

Key words: linguistic-cultural prototype, lexeme, gentleman, dvoryanin (nobleman)

© 2014

Т. И. Васильева

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИП ПРАВДОИСКАТЕЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. И. БОРОДИНА (материалы к антологии русских лингвокультурных типов)

В статье прослеживается эволюция типа правдоискателя в творчестве Л. И. Бородина, выявляются особенности образной и ценностной составляющих концепта, анализируются художественные средства воплощения типа правдоискателя в произведениях писателя.

Ключевые слова: тип правдоискателя, правдолюб, Л. И. Бородин

Исследование лингвокультурных типажей в художественных текстах как разновидности концепта позволяет не только увидеть индивидуально-авторские особенности художественной концептосферы писателя, её отражение в конкретных персонажах, но и определённую литературную значимость, культурную специфику типизированной личности в социально-временном измерении.

Правдоискатель — один из излюбленных типов героя Л. И. Бородина. С самых первых текстов лучшие персонажи писателя находятся в постоянном поиске истины, справедливости. Рефлексия правдоискателей позволяет автору выйти на ключевые проблемы бытия, обнаружив неоднозначное толкование «правды». В. Д. Плахов, классифицируя героические типы исторических личностей, подразделяет правдоискателей на героев светского толка и героев религиозного склада¹. Подобные типы обнаруживаются и в русской классике: герои Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, М. А. Шолохова в поисках правды обращаются к народным истокам представлений о законах жизни, общества, и к религии. Рассматривая феномен правдоискательства на Руси, современный политолог А. Рощин относит к данному типу доносчиков-сутяжников и правдорубов, которых не любит народ, а точнее, по А. Рощину, обыватель². Правда в данном случае трактуется как истинное положение дел в России, о котором все знают, но бояться говорить, потому что поиски и оглашение правды ничего в государственной системе не меняют. С подобной ситуацией сталкиваются и герои-правдоискатели Л. И. Бородина. Обратимся к анализу понятийной, образной и ценностной составляющих обозначенного лингвокультурного типа в произведениях писателя.

В толковых словарях правдоискатель понимается как «человек, добывающий правды, справедливости, ищущий истину»³; синонимами слова *правдоискатель* являются лексемы *правдоруб*, *правдолюб*. Этимология слова предполагает постоянное движение в поиске истины, поэтому рассматриваемый тип достаточно динамичный, общительный, рефлексивный. Бородинские правдоискатели находятся в неустанном поиске истины, пытаются решить для себя вопрос справедливости жизни, выбора «правильного» пути. И если толковые словари приравнивают правду к справедливости, то для русских филологов и писателей данные понятия не являются идентичными, а часто и вовсе вступают в конфликт друг с другом.

Данное противоречие оказывается ключевой причиной глубокого пересмотра жизненных ориентиров главных героев первых творений Л. И. Бородина. Открывшаяся правда прошедших событий побуждает центрального персонажа повести «Перед судом» Сницаренко искать справедливости: *Но почему справедливость не может прервать цепочку зла, а продолжает её?* (Бородин 1992, 49). «Странная» правда оказывается относительной, потому что существует не в плоскости добра и зла, а в реалиях «странного времени». Разочарование в открывшейся несправедливости правды преследует всех бородинских правдоискателей. Безымянный герой «Повести странного времени», как и Сницаренко, в свете открывшейся правды осуждает не только близких, время, но и самого себя. Совестьливость — важнейшая характеристика правдоискателя. Л. И. Бородин обращается к мучительному самоанализу героя, ищущего истину жизни. Сюжетно-композиционное построение повести подчинено показу процесса духовного перерождения центрального персонажа: от позиции судьи-обвинителя к позиции при-

Васильева Татьяна Ивановна — кандидат педагогических наук, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного университета. E-mail: tavm@yandex.ru

¹ Плахов 2008, 48–67.

² Рощин 2013.

³ Ожегов 1994, 498.

нимающего и прощающего. Внутренние монологи, раскрывающие движение чувств и мыслей правдоискателя, становятся одним из излюбленных художественных приёмов писателя.

Наиболее ярко обозначенный лингвокультурный тип представлен в повести «Третья правда». Продолжая традиции русской классики, Л. И. Бородин показывает поиски правды двумя друзьями-антагонистами, Иваном Рябининым и Андрианом Селивановым. А. Агеев пишет о схожести бординских Рябинина и Селиванова с тургеневскими Хорем и Калинычем⁴. И. Штокман в образе Селиванова увидел проявления особенностей русского национального сознания: «В этом упрямом и непреклонном, простом и здравом селивановском мировоззрении много от русского и древней, как сама Русь, тяги к воле и правде-справедливости»⁵. Правда Ивана и правда Андриана Никаноровича, религиозная (христианская) и мифологическая (языческая), с одной стороны, противопоставлены, с другой, взаимосвязаны и дополняют друг друга, как и сами главные герои. В лице Ивана Рябинина Л. И. Бородин изображает типичного представителя русского народа, судьба которого *была недоброй и несправедливой* (Бородин 1990, 66). «Горькая» гибель Рябинина окончательно воплощает семантику имени в художественном замысле автора. Фамилия Селиванова образована от лексемы «сельный», имеющей значение «полевой или дикорастущий»⁶. Внутренне свободный и отстаивающий внешнюю свободу Селиванов неумышленно ищет правду жизни, чтобы как-то объяснить справедливость столь несправедливого мира. Средних лет, небольшого роста, *хлипкий телом*, но ловкий, выносливый, герой неразрывно связан с природой, мыслит её образами: *Не только людей, но и всё в жизни привык <...> представлять для собственной ясности в образах тайги* (Бородин 1990, 117). Показательна речь Селиванова: *Ни смелости в них нету, ни хитрости — покорство одно да ловчение заячье! Им хомут покажи, а они уже и шею вытягивают, и морды у них сразу лошадиные становятся! А власть нынешняя — как раз по им. Она, власть-то, знает, какой ей можно быть и при каком мужике, где руки в ладошки, а где и пальцы вращать* (Бородин 1990, 117). Насыщение речи восклицаниями, большей частью неполными предложениями с пропуском глагольных связок, сравнениями с образами природы, употребление просторечных форм, — эти речевые особенности характеризуют Селиванова как живую, горячую натуру, скрывающуюся за обликом рассудительного и деловитого таёжника. Скрытность, актёрство Селиванова позволяют ему не вступать в открытое противостояние с обществом, в котором «смятенный» правдоискатель не может жить со своей «третьей», языческой, природной правдой.

В какой-то мере к правдоискателям можно отнести и героя-интеллекта из романа Л. И. Бородина «Трики, или Хроники злобы дней». Крутов внешне схож с Селивановым, есть некоторая близость и в характерах правдоискателей: упрямство, живость ума, наблюдательность, внутреннее одиночество, мятежность духа. Однако Крутов — представитель совершенно иной социальной среды: библиотечарский сын, *книгоцел по наследственности*, бывший политзаключённый. В судьбе персонажа много фактов биографии самого автора. Вновь писатель даёт герою говорящую фамилию: Виктор Андреевич Крутов. Крутой характер правдоискателя, его сила отразились и в кличке Гвоздь, которую он заслужил в лагерях. Значение имени Виктора «победа» способствует воплощению авторской идеи о важной роли подобных героев в жизни советского общества второй половины XX в. Ключевым отличием от предыдущих персонажей-правдоискателей, на наш взгляд, является роль правдолюбца, которую берёт на себя Крутов. Именно поэтому стесняется своего друга Климов на вечеринках высшего света, где официальная правда устраивает общество, а Крутов своими разоблачительными речами разрушает уютный мир обывателей.

«Правдолюбом» называет Л. И. Бородин одного из персонажей повести «Бесиво». Фёдор Кондратьевич Лытов, *бывший директор восьмилетки, а ныне почётный учитель на пенсии, единственный в городишке член областной писательской организации*, принятый туда, по словам рассказчика, для «*обхвата периферии*» (Бородин 2002, 4), — личность колоритная, всем своим обликом, поведением, речью соответствующая типу народного правдолюбца «смутного времени» постперестроечного периода. Фамилия Лытов образована от глагола *лытать*, который В. Далем толкуется как «уклоняться от дела, бегать работы; шляться, шататься, скитаться, бегать без дела, проводить время празднично и вне дома»⁷. К такому образу жизни и склоняется персонаж. С другой стороны, фамилия героя созвучна лексеме *лыко*, выражению *не лыком шит*, что соответствует характеристике Лытова («о способном, умелом, находчивом человеке»⁸). Возведение рук правдолюбца вверх, апелляция к господину Богу позволяют определять значение имени *Фёдор* как «божий дар»⁹. Отчество *Кондратьевич*, трактуемое словарём имён как «воин, несущий копье», усиливает функцию правдолюбца, развенчивающего своими речами неправду жизни, стремящегося столкнуться в схватке со лживыми силами новой России. Вообще имя *Кондратий* образовано от греческого личного имени *Kodratos* и далее через латинское *quadratus* — «четырёхугольный, квадратный»¹⁰, что косвенно усиливает портретную характеристику персонажа: *весьма крепок, костист и даже кудреват* (Бородин 2002, 5) (краткая форма прилагательных также работает на создание впечатления некоторой «квадратности» портрета), *борцовые качества крепко впечатались в чертах его угловатой физиономии* (Бородин 2002, 5), *по-народному крупнопороден, крупнолиц, крупнорук* (Бородин 2002, 11).

Подчёркнутая в портрете угловатость персонажа, физическая крепость борца находят воплощение в поведении Фёдора Кондратьевича, в котором подчёркивается актёрство, наигранность, при этом авторская ирония переходит в юмор: *Фёдор Кондратьевич, изображая изумление, распрямлял тысячу морщин на жёлтом от старости и курения лице, глаза выпучивал до признаков базедовой болезни, по-актёрски вздымал руки над головой...* (Бородин 2002, 4).

Автор намеренно берёт определение «правдолюба» по отношению к Лытову в кавычки, как и «олигарх» к другому персонажу повести. Эти действующие лица России конца 1990-х гг. — отличительные типы страны того времени, их роли временные, а неприкрытое актёрство обоих, определённая зависимость друг от друга, о которой говорит «олигарх», вызывают у окружающих отнюдь не симпатии. Стремление Лытова говорить всем нелицеприятную правду не страшит «олигарха»: *Кондратий для него — имущество динозавровой породы, соиреклит, обречённый на вымирание, в сущности, не опасный и*

⁴ Агеев 1991, 203.

⁵ Штокман 2000, 67.

⁶ Даль 4, 1996, 172.

⁷ Даль 2, 1996, 277.

⁸ Даль 2, 1996, 276.

⁹ Словарь имён 2014.

¹⁰ Словарь имён 2014.

не стоящий ненависти... (Бородин 2002, 10). Фамильярное обращение только по отчеству, единственный раз встречающееся в повести по отношению к Лытову, сравнение его с вещью нивелируют разоблачительную роль правдолюбца. Обличение неправедных, открытие правды не ведёт к справедливости, что определяет не только ненужность функции правдолюбца в обществе, но и низведение его до роли шута, на что указывает в своей работе Н. Н. Панченко. Более того, исследователь доказывает сближение признаков правдолюбца и нетрезвого человека — чрезмерная открытость, правдивость — «что думаю, то говорю»¹¹, которые тоже скрыто присутствуют в фамилии бородинского персонажа: Лытов — лыко — лыка не вяжет.

Л. И. Бородин даёт ироничные определения Лытову: *великий правдолюб, матёрый поэтище, суций Мефистофель, типичный «сокол» нашего времени, человек с другой планеты, борец за правду-матку, правдолюбец*. Настоящим Мефистофелем, пронизанным духом зла, предстаёт правдолюб в повести: *кивнул злорадно, источал ехидство, раздосадованный моим миролюбием, светясь сарказмом, вопрошал он гневно*. Герой ищет раздора, вводит окружающих в смятение: *Фёдор Кондратьевич из-под своего бровохмурья смотрит мне вслед, испепеляя мой след презрением бойца, израненным брошенного на поле боя* (Бородин 2002, 12). Столь яркая портретная характеристика злорадного правдолюбца дополняется не менее яркой речевой характеристикой, состоящей из постоянных приговоров окружающим, особенно власти; осуждений, разоблачений, воззваний. Речь Лытова представляет собой смешение лексики высокого и низкого стилей, клише книжной, официальной речи, цитат из русской классики и просторечных выражений. Эмоциональность передаётся через постоянные восклицания, риторические вопросы, повторы, образные выражения, обращения к слушателям: *... Ну есть объяснение, чтоб я на этих олигархов смотрел не как на воров обыкновенных? Ведь если я смотрю как на воров, я же справедливо хочу, чтоб их всех к ноютю, а мне, может, неприятно хотеть кого-то к ноютю! Так как мне быть? Ну хамство! Высшей меры хамство! Они ж даже не оправдываются. Считают, что я, как говорится, ноль без палочки, на моё мнение и понимание им чхать с колокольни! Я для них быдло завистливое. Я же — нет! Я просто понять хочу! Имею право наконец! Если всё дело в экономических фортелях, которых я не понимаю по необразованности, тогда будь добр, объясни, я необразованный, но не дебил, пойму! Или как? Как у Блока? «В заколдованной области плача...»* (Бородин 2002, 5). Лытову важно, чтобы на него обращали внимание, такая публичность разительно отличает Лытова от правдоискателя Селиванова из «Третьей правды», избежавшего людей. Примечательно, что Л. И. Бородин в одну из реплик Лытова вставляет дословное селивановское: *... не перевелись ещё людишки* (Бородин 2002, 7), проводя связь между героями-правдоискателями. Но если для Селиванова поиски правды были связаны с решением жизненно важных экзистенциальных вопросов, то для Лытова оглашение правды обусловлено жадной в общественном признании, социальной значимости обличения.

Таким образом, тип правдоискателя в художественном мире Л. И. Бородина социально обусловлен: смена общественных отношений ведёт к изменениям в ценностной составляющей функции данного типажа, культурный компонент уходит на периферийную зону. Л. И. Бородин предсказывает вымирание данного социокультурного типа в современном российском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев А. 1991: Моралист перед сфинксом // Октябрь. 6, 201–204.
 Бородин Л. И. 1990: Третья правда // Повесть странного времени. М., 63–194.
 Бородин Л. И. 1992: Перед судом // Юность. 4, 34–48.
 Бородин Л. И. 2002: Бесиво // Москва. 11, 3–60.
 Даль В. И. 1996: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.
 Карасик В. И., Дмитриева О. А. 2005: Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж. Волгоград, 2–25.
 Ожегов С. И. 1994: Словарь русского языка. Екатеринбург.
 Панченко Н. Н. 2008: Коммуникативный типаж «правдолюб» // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 23, 110–116.
 Плахов В. Д. 2008: Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы. СПб.
 Роцин А. 2013: Почему народ в России боится говорить правду. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rusplt.ru/society/opravde.html>.
 Словарь имён 2014: Мир словарей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mirslovarei.com/nam_a.
 Штокман И. 2000: Леонид Бородин — Слово и судьба. М.

LINGUISTIC AND CULTURAL TYPE OF A TRUTH-SEEKER IN WORKS OF L. I. BORODIN (materials to the anthology of Russian linguistic-cultural types)

T. I. Vasileva

The article traces the evolution of type of a truth-seeker in L. I. Borodin's works, exposing the features of a figurative and valuable components of the concept, the artistic means of the implementation of the type of a truth-seeker have been analyzed in his works.

Key words: a type of a truth-seeker, a type of truth-lover, L.I. Borodin

¹¹ Панченко 2008, 116.

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ

Сравнительный анализ пословиц семантической группы «Семейные отношения» позволяет показать универсальные и специфические черты национального характера русского и английского народов, которые рекомендуется отражать в двуязычных лингвокультурных словарях.

Ключевые слова: пословица, паремия, гендер, менталитет, мужская ментальность, женская ментальность, национальный характер

Мужчина и женщина являются ключевыми фигурами человеческого мироздания, созданиями совершенно непохожими, но в то же время взаимодополняющими и взаимно необходимыми. Взаимоотношения мужчины и женщины прослеживаются прежде всего в семье — создаваемом ими же микросоциуме. Народные пословицы, будучи формой выражения менталитета народа, являются своеобразным аккумулятором народного опыта, его житейской мудрости и мироведения. В них представлена не только яркая палитра образов людей, составляющих данный народ во взаимодействии их между собой и с окружающим миром, но и отражены подчас противоречивые мнения различных групп населения; они являют образцы национального «склада мышления»¹ народа, несут на себе отпечаток гендерной ментальности, отражая тем самым наличие фундаментальной для человеческой культуры оппозиции мужского и женского начал. Несмотря на существенные достижения гендерной лингвистики, её данные пока не в полной мере учитываются при создании паремиографических двуязычных работ. Гендер (англ. gender от лат. genus «род») — это «социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определённых качеств и норм поведения на основе его биологического пола»², т.е. как специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой.

Ментальность определяют как «универсальную способность индивидуальной психики хранить в себе типические инвариантные структуры, в которых проявляется принадлежность индивида к определённому социуму и времени». Следовательно, «своё конкретно-историческое воплощение ментальность находит во множестве менталитетов различных эпох и народов»³. *Менталитет* и *ментальность* соотносятся как общее и частное.

Несмотря на наличие в понятиях национального характера, менталитета и ментальности как психических, так и интеллектуальных характеристик, на наш взгляд, «национальный характер» является понятием, обозначающим свойства психики (душа+ум), а «менталитет» — свойства ума (ум+душа).

Анализ данных нашей картотеки, насчитывающей 1237 русских и 533 английских паремий, позволяет констатировать очевидное превалирование мужской ментальности в исследуемых паремиях обоих языков: в русском языке она отражена в 811 единицах (65,5%); в английском — в 473 (88,7%), что свидетельствует о доминирующей роли мужчины в российском и английском социумах. Женская ментальность в паремиях представлена меньшим количеством: в 304 русских (24,6%) и 36 английских (6,8%) паремиях. В обоих языках также выявлена группа паремий, определение гендерной ментальности которых не представляется возможным в силу их гендерной универсальности. В данной группе насчитывается 122 русских (9,9%) и 24 английских (4,5%) паремии.

Дальнейшее исследование позволило выявить, как проявляется гендерная ментальность в образах супругов. Результат анализа иллюстрирует преобладание отрицательно маркированных образов брачного партнёра в лингвокультурах обоих языков, что отражает приведённая ниже таблица.

	Всего	Русские паремии		Всего	Английские паремии	
		Положительный образ	Отрицательный образ		Положительный образ	Отрицательный образ
Всего	1237 100%			533 100%		
Мужская ментальность	811 65,5% 100%	120 14,8%	345 42,5%	473 88,7% 100%	94 19,9%	133 28,1%
Женская ментальность	304 24,6% 100%	88 14,8%	144 47,4%	36 6,8% 100%	13 36,1%	17 47,2%
Общая гендерная ментальность	122 9,9% 100%			24 4,5% 100%		

В данной статье рассматривается образ мужчины-мужа (а также потенциального и будущего мужа) в русской и английской паремиологической лингвокультуре, сложившийся в результате синтеза двух ментальностей — женской и мужской. Как известно, паремиологический фонд национального языка отражает разнообразные, зачастую кардинально противоположные мнения и суждения представителей различных страт социума на один и тот же аспект жизни.

Деткова Валентина Александровна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: valentina_detkova@mail.ru

¹ Гачев 1998, 14.

² Кирилина, Томская 2005.

³ Психотесты.ру: <http://psihotesti.ru/gloss/tag/mentalitet>

На этапе выбора спутника жизни женская ментальность в русском паремиологическом фонде как **положительный** эксплицирует романтически окрашенный **образ мужчины**, дефинируемый такими лексемами, как *суженый, хороший, добрый, судьба, свой жених, жених по плечу* (= 'равный, подходящий'): *Суженого ни обойти, ни объехать; Судьба придёт — на печке найдёт; Всякая невеста для своего жениха родится; Жених по плечу, так сама полечу; За худого замуж не хочется, а хорошего негде взять; Худой жених сватается — доброму путь кажет*; Соответственно, **отрицательный образ мужчины** маркируется лексемой *худой*. Гендерная ментальность характеризует в первую очередь носителя данной ментальности. Так, мужская ментальность дополняет образ мужчины такими положительными качествами, как деловитость, основательность, здравый расчёт (*Холостому помогает Боже, а женатому хозяйка поможет; Наперёд перебеситься, а там и жениться; По себе дерево руби, по себе жену бери; Бери вино хорошего погреба, а жену — хорошей матери*) и в то же время не самыми сильными качествами, такими, как неуверенность, страх, фатализм (*Жениться — беда, не жениться — другая; а третья беда — не дадут за меня!; И рад бы жениться, да никто нейдёт; Смерть да жена Богом суждена; Жениться недолго, да Бог накажет, долго жить прикажет*); нежелание брать на себя ответственность и обязательства за других людей (*Как наденут венец, так и воле конец; Жениться, так не лениться, хоть не хочется, да вставай!*).

В английской лингвокультуре образ мужчины в добрачный период представлен мужской ментальностью и эксплицирует такие качества, как прагматизм (*Marriage is a quick solution to many problems* — 'Брак — быстрое решение многих проблем'), ответственность и деловитость (*Make haste when you are purchasing a field, but when you are to marry be slow* — 'Торопись, когда покупаешь поле, но не спеши, когда собираешься жениться'; *Before you marry, be sure of a house wherein to tarry* — 'Прежде чем жениться, позаботься о доме, в котором будете жить') с одной стороны, и стремление избежать ответственности, неуверенность и страх, с другой (*Always to court and never to wed is the happiest life that ever was led* — 'Всегда ухаживать и никогда не жениться — самая счастливая жизнь'; *Good or ill hap of a good or ill life, is the good or ill choice of a good or ill wife* — 'Хорошее или плохое событие хорошей или плохой жизни — хороший или плохой выбор хорошей или плохой жены').

Также **положительный образ мужчины** транслируется женской ментальностью на этапе благополучной семейной жизни. В русской паремиологической лингвокультуре мужчина-муж — это опора в жизни, добытчик, защитник, хозяин: *К мужу пришла, так своё нашла; Мясо хорошо в пирогах, реки — в берегах, а хозяин — в доме; Муж — дому строитель, нищете отгонитель; Муженёк, хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не сижусь сиротой*. В мужчине ценны его морально-нравственные качества, его ум: *Не с богатством жить, с человеком; Белоручка, чистоплюйка, да умом подошёл*. Мужская ментальность не исключает таких качеств, как заботливость, любовь к жене: *Жёнущика-душка любит мягкую подушку; На что корова, была бы жена здорова*. Что касается красоты женщины, то очевидно предпочтение красоты душевной (*Мила не бела, да я и сам не красен; Красна пава пером, а жена нравом*), а также хозяйственно-практических навыков (*Не будь жена красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла; Красотой сыт не будешь*).

В английской лингвокультуре женская ментальность положительно оценивает мужчину-мужа как опору (в первую очередь, материально-финансовую), добытчика (*Marriage is a stone wall* — 'Брак — каменная стена', *Husbands get wealth and only wives can save* — 'Мужья делают состояние, а жены его сберегают'). Мужская ментальность дополняет положительный образ мужчины такими характеристиками, как любящий муж (*If Jack's in love, he's no judge of Jill's beauty* — 'Если Джек влюблён, он не может судить о красоте Джилл'), ценящий в своей жене, в первую очередь, её морально-нравственные качества и хозяйственно-практические навыки (*There is one good wife in the country, and every man thinks he has her* — 'В стране одна хорошая жена и каждый мужчина думает, что это его жена'; *Better a potion in a wife than with a wife* — 'Лучше приданое в жене, чем с женой'). Красота жены в английском мужском миропонимании также не является первостепенной (*To marry a woman for her beauty is like buying a house for its coat of paint* — 'Жениться на женщине из-за красоты — всё равно, что купить дом из-за слоя краски'), более того, красота расценивается как источник проблем (*Who has a fair wife needs more than two eyes* — 'Тому, у кого красивая жена, нужно больше, чем два глаза').

Что касается внешней привлекательности мужчины, это качество в обеих лингвокультурах не только не расценивается как первостепенное, но и рассматривается как необязательное или даже желательное отсутствующее. В русских паремиях отдаётся предпочтение морально-этическим и интеллектуально-практическим качествам и навыкам мужчины (*Молодец красив, да на душу крив; На красивого глядеть хорошо, с умным жить легко*). В английских паремиях также наблюдается предпочтение интеллектуальных данных внешней привлекательности мужчины (*I rather would a husband wed with a beetle brow than a beetle head* — 'Пусть будет муж некрасивый, но не глупый') и отмечается обратная пропорциональная связь между внешностью мужчины и его характеристикой как мужа (*The uglier the man, the better the husband* — 'Чем некрасивее мужчина, тем лучшим мужем он является').

Паремиологические единицы в обеих лингвокультурах отражают факт того, что мужчина составляет счастье женщины (*He is the happiest, who is the wife of a man; The happiest wife is not she that makes the best husband but she that makes the best of what she gets* — 'Самая счастливая жена не та, которая получает лучшего мужа, а та, которая создаёт лучшего мужа'). Русская паремия отражает образ властного мужчины патриархальной домостроевской семьи, английская — менее властный, более уступчивый и податливый или, иными словами, мужчина в русской паремии выступает агентом, а в английской — объектом счастья женщины.

Небезынтересно и представление мужчины о счастье. В русской паремиологической лингвокультуре оно проиллюстрировано в ряде паремий (*Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи!; Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу*), характеризующих русского мужчину как семьянина, хозяина, любящего мужа и отца. Представление о счастье английского мужчины показано в паремии *A ship under sail, a man in complete armour, a woman with a great belly are three of the handsomest things* — 'Корабль под парусом, мужчина в полном военном снаряжении, женщина, носящая под сердцем ребёнка — три самых красивых вида', — в которой ярко отражена историческая реальность страны, так колоритно отразившаяся в мужской ментальности.

Как отмечалось выше, в паремиологическом фонде народа отражается вся культурная, историческая, национальная самобытность этнического коллектива во всём своём разнообразии и разномении. Следовательно, если существует положительный образ, то вполне логично существование и отрицательного.

Отрицательный образ мужчины-мужа в женском миропонимании представительниц обоих народов создаётся за счёт негативных черт, таких, таких, как ревность (*За ревнивым мужем быть — не в корысти свою молодость износить — Better to have a husband without love than with jealousy* — ‘Лучше муж не любящий, чем ревнивый’), глупость (*Вижу и сама, что муж мой без ума — I rather would a husband wed with a beetle brow than a beetle head* — ‘Пусть будет муж некрасивый, но не глупый’). Плохой муж — несчастье для женщины (*Злого любить — себя губить; Плоха стужа да мужа, а всё лучше худого мужа — She that hath an ill husband shews in her dress* — ‘По платью жены можно понять, что у неё плохой муж’, *If you would know a bad husband, look at his wife’s countenance* — ‘Если ты хочешь узнать, плохой ли он муж, посмотри на выражение лица его жены’).

Сравнительный анализ русских и английских паремий позволяет констатировать идентичность образа мужчины с точки зрения гендерной ментальности у русских и англичан. Установлено, что в английском паремиологическом фонде тема семейных взаимоотношений представлена не так широко и многогранно, как в русском языке, что объясняется закрытостью частной жизни английского социума, уважением к праву неприкосновенности частной жизни других людей. Между тем паремиологическая представленность данной семантической группы в лингвокультуре русского языка свидетельствует об открытости и эмоциональности национального характера народа. Значительно меньшая по численности представленность английских паремий, отражающих женскую ментальность, в сравнении с русскими паремиями свидетельствует о сдержанности и консерватизме, присутствующих в английском национальном характере.

ЛИТЕРАТУРА

- Гачев Г. Д. 1998: Национальные образы мира. М.
 Кириллина А. В., Томская М. В. 2005: Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2 (23). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya>.

THE IMAGE OF A MAN IN THE RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS OF A SEMANTIC GROUP “FAMILY RELATIONSHIPS” AS A DESCRIPTION OBJECT IN A BILINGUAL DICTIONARY

V. A. Detkova

The comparative analysis of proverbs denoting family relationships makes possible to reveal some universal and specific traits of national character of Russian and English peoples. These traits are recommended to reflect in bilingual culture dictionaries.

Key words: proverb, proverbs, gender, mentality, men’s mentality, women’s mentality, national character

© 2014

В. Г. Дидковская

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ЖУРНАЛИСТ» В СЛОВАРЕ И МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье анализируется лингвокультурный типаж «журналист» как феномен языковой картины мира. Сопоставляя ассоциативные поля лексемы журналист в словаре и в текстах, автор выявляет связанные с ним смыслы и культурные стереотипы, актуальные для носителей современного русского языка.

Ключевые слова: ассоциативное поле, лингвокультурный типаж, массовая литература, текст

Бесспорной аксиомой является положение, что любое слово имеет значение и обладает смыслом. Если соотносить смысл с пониманием и оценкой познаваемого предмета, то в такой интерпретации в целом его можно приравнять к концепту как ментальной единице. Характеризуя содержательную сторону концепта, Ю. С. Степанов отмечает, что концепт существует в сознании человека не в виде чётких понятий, но в виде «пучка» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний. Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений¹. Слово *журналист* — обозначение, пожалуй, самого оцениваемого явления социальной реальности нашего времени. В языковом сознании современников, как входящих в профессиональное сообщество журналистов, так и не связанных со сферой масс-медиа, за ним закреплены разнообразные ценностно-оценочные смыслы, которые раскрываются в разнообразных ассоциативных связях этого слова. В них же репрезентируются и компоненты знания, социального, культурного, мировоззренческого, которые закреплены обществом в значении этого слова.

Каждое слово как элемент языкового сознания оказывается центром ассоциативного поля (АП). Важно отметить, что АП — «это не просто фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент системы семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок»². Источником сведений о языковых и субъективных, личностных компонентах значения слова *журналист* может служить РАС, материалы которого позволяют выявить интеллектуальные и оценочные слагаемые содержания представленных в нём слов, закреплённые в языковой памяти носителей русского языка. Эти слагаемые можно установить на основе анализа основных направлений ассоциирования, или направ-

Дидковская Виктория Генриховна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого. E-mail: pobeda.49@yandex.ru

¹ Степанов 1997, 40–41.

² РАС 1, 2002, 6.

лений движения мысли коллективного носителя языка, образующих АП каждого отдельного стимула. Чем многообразнее направления ассоциирования у слова-стимула, тем актуальнее оно для информантов.

Слово-стимул **журналист** образует среднее по общему количеству реакций (105), но разнообразное по содержательному наполнению (85 разных реакций) АП. Как и следовало ожидать, направления ассоциирования, связанные с объективными компонентами его смысла, минимальны (профессия: *репортёр, корреспондент, международник, газетчик, интервьюист, комментатор, оператор, специальный, телевизионный*; сфера деятельности: *газета, телевидение, Комсомолки, на ТВ, журнал*; атрибуты профессии: *микрофон, блокнот, бумага, диктофон, камера, ручка, фотоаппарат*), в то время как его оценочная сфера (стереотипы представления) гораздо объёмнее и разнообразнее: *известный, опытный, профессионал, бездарный, бойкий, в облаках, всё знающий, демагог, дилетант, зануда, ищайка, лгать, навязчивый, наглый, надоедливый, напористый, нахальный, неудавшийся, неподкупный, писак, пьяный, смешной, талантливый, читаемый; пофигист; приколист, проныра, сказочник, сплетник, трепач, трепло, цепкий, ум*. Эти субъективные компоненты смысла распределяются по шкале оценок «хорошо — плохо» с явным преобладанием отрицательной оценки. Положительно оцениваются только *успешный, читаемый, профессионализм (опытный, профессионал, цепкий, напористый), компетентность (всё знающий, ум) и неподкупность*. В отрицательной зоне ассоциирования выделяются такие направления, как профессионализм, но со знаком «-» (*бездарный, дилетант, неудавшийся*), агрессия, безответственность, безапелляционность, цинизм, аморальность, неразборчивость в средствах, личная выгода, ущемление интересов аудитории.

Направления ассоциирования, выявленные в оценочной части АП «Журналист», совпадают с результатами анкетирования студентов старших курсов, обучающихся по специальности «журналистика» и «связи с общественностью» в некоторых ведущих вузах России.³ Однако данные опроса представляют более сбалансированное соотношение профессиональных качеств героев и антигероев современной журналистики. К числу лучших черт российского участника опроса отнесли профессионализм (объективность, креативность, грамотность, компетентность), личностные (любопытность, чувство юмора, бесстрашие, принципиальность и др.) и нравственные качества (неподкупность, альтруизм и др.). Негативные же качества журналиста совпадают с теми, которые закреплены в АП слова *журналист* в РАС. Таким образом, если результаты анкетирования будущих журналистов представляют «равновесную» идеальную модель — профессиональный образец, на который можно ориентироваться в собственной деятельности, — то в РАС отражены бытовые стереотипы и ассоциации, связанные с профессиональной деятельностью журналиста.

Содержание АП «Журналист» в РАС позволяет рассматривать его как начальный этап анализа одноимённого лингвокультурного типажа (ЛКТ). В трудах учёных, разрабатывающих теорию ЛКТ, это понятие определяется как «обобщённый образ представителя определённой социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации»⁴. ЛКТ признаётся особым типом концептов, т.к. представляет собой квант переживаемого знания о типичном представителе общества.

В качестве критериев для выделения ЛКТ могут выступать разные признаки, значимые для характеристики личностей⁵, в том числе и профессиональный признак («адвокат», «учитель», «журналист» и т.п.). При этом ЛКТ не является эталоном поведения и примером для подражания, он может иметь как положительную, так и отрицательную оценку в массовом сознании; возникает стихийно в результате развития общества, а не формируется сознательно; характеризуется определённой значимостью в культуре, соотносится с реальным или квазиреальным человеком, а не с набором некоторых признаков и др.

Концептуальная природа ЛКТ проявляется в том, что средством его экспликации, как и для других типов концептов, служит ассоциативное поле. В художественном тексте оно существует как смысловая структура текста, объединяющая на концептуальной основе лексические средства, имеющие смысловую, формальную или формально-смысловую общность. Устройство такого поля отражает как объективные закономерности функционирования языковых элементов в тексте (лексико-семантические и грамматические), так и субъективные направления ассоциирования, поскольку отражённая в тексте действительность всегда окрашена субъективным отношением автора.

Для анализа ЛКТ «Журналист» особый интерес представляют тексты, посвящённые современной журналистике. Будучи своего рода попыткой («наблюдения за наблюдателями»), они содержат ценностные характеристики как объекта наблюдения, так и самого наблюдателя. Тексты массовой литературы на эту тему представляют особый интерес, т.к. сама массовая литература входит составляющей частью в национальное масс-медийное пространство: в этих текстах отражено взаимодействие между масс-медиа и литературой о масс-медиа — перетекание тем, проблем, способов организации повествования⁶.

Поскольку многие авторы массовой литературы были или остаются профессионально связанными с масс-медиа, то в их текстах часто присутствует персонаж-журналист, как, например, в детективных романах Т. Устиновой; может быть, это обусловлено тем, что мир печатных СМИ и телевизионной журналистики хорошо известен ей не только с «внешней» стороны. Анализ «журналистских» детективов Т. Устиновой позволяет установить, какой образ носителя данной профессии формирует массовая литература и насколько он соответствует ожиданиям её читателей.

Персонаж-журналист в романах Т. Устиновой всегда профессионально охарактеризован: он работает либо в журнале или газете («Седьмое небо», «Развод и девичья фамилия»), либо на телевидении («Мой личный враг», «Богиня прайм-тайма»). Однако эти очень разные образы воплощают общий ЛКТ, окрашенный субъективным отношением автора, т.к. в лексической организации всех текстов можно выделить повторяющиеся смысловые доминанты, организующие совокупное текстовое ассоциативно-смысловое поле «Журналист». Каждая из этих доминант в свою очередь является центром лексической группы, объединяющей тематически, семантически и ассоциативно близкие слова и словосочетания, актуализирующие и развивающие то или иное направление ассоциирования, демонстрирующие ассоциативно-семантические связи рассматриваемых лексем⁷. В анализируемых текстах представлены текстовые группы, объединённые темой «профессия»: профессиональная специализация (*телевизионщик, продюсер, радиный журналист, оператор, видеоинженер, ведущая, корреспондент, шеф-*

³ Дзялошинский 2011, 84–92.

⁴ Грабарова, Зубкова, Карасик, Прохвачёва 2005, 33.

⁵ Дмитриева 2007, 11.

⁶ Чернов 2009, 57–58.

⁷ Ильина 2013, 156.

редактор, ньюсмейкер и др.); виды профессиональной деятельности (интервью, пресс-конференция, новостная программа и др.); место работы (Первый канал, агентство Рейтер, «Эхо Москвы», Евровидение, Афган, Чечня и др.), условия труда (редакция, монтажная, компьютер, монитор, видеомаягнитофон, микрофон, аппаратная, газета, диктофон и др.). Все они отражают объективные компоненты сложившегося в языковом сознании носителей русского языка стереотипа «журналист».

Однако в текстах Т. Устиновой более весомыми оказываются оценочные смыслы, раскрывающие субъективный взгляд на профессию, взгляд «изнутри». Следствием этого является последовательное распределение лексических средств, образующих ассоциативное поле «Журналист», между двумя полюсами оценки, что позволяет рассматривать ЛКТ «Журналист» как бинарную структуру: «плохой журналист» — «хороший журналист». Соответственно по принципу антитезы формируются и текстовые лексические группы, отражающие оцениваемые качества журналиста. Так, например, с доминантой *профессионализм*, с одной стороны, ассоциируются слова с положительным оценочным компонентом (*титан, образованный, талантливый, верность работе, опыт* и др.), а с другой, — с отрицательным (*плохо образованный, неумелый, средненький, глупый, путаться под ногами* и др.). Максимально дифференцированной оказывается текстовая лексическая группа «нравственные качества», которая формируется такими направлениями ассоциирования леммы *журналист*, как успешность, карьера, отношения с властью, профессиональный долг. В её состав входят единицы *делать карьеру, место у корыта, любить денежку, греющий душу швейцарский счёт, украсть, намылить, продать, избавляться (от кого), играть в кошки-мышки (с кем), подвести под увольнение* и др. Иными словами, так же, как и в ассоциативном словаре, в романах Т. Устиновой спектр негативных характеристик в текстовом ассоциативно-семантическом поле более широк и преобладает в количественном отношении. Сопоставление ассоциативного поля в РАС и текстового ассоциативного поля в романах Т. Устиновой демонстрирует явную дихотомичность стереотипных представлений о журналисте, сложившихся и закреплённых в языке и культуре. В этом отношении ЛКТ «Журналист» можно соотнести с особым видом концепта, для которого В. А. Ефремов предложил термин *концептуальное пространство*. Его отличительным признаком является бинарность (в нашем случае *герой — антигерой*), создающая в сознании носителя языка некую смысловую целостность.

ЛИТЕРАТУРА

- Грабарова Э. В., Зубкова Я. В., Карасик В. И., Прохвачёва О. Г. 2005: Иная ментальность. М.
 Дзялошинский И. М. 2011: Герои и антигерои российской журналистики // Журналист. Социальные коммуникации. 4, 84–92.
 Дмитриева О. А. 2007: Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
 Ильина О. С. 2013: Ассоциативно-семантические поля «студент» и «профессор»: языковые константы и текстовая динамика: дис. ... канд. филол. наук. СПб.
 РАС 2002: Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова и др. (сост.). М.
 Степанов Ю. С. 1997: Константы. Словарь русской культуры. М.
 Чернов А. В. 2009: «Пояс человечности в мире масс-медиа»: массовая литература как социальный адаптер // Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России / сост. И. Л. Савкина, М. А. Черняк. СПб., 57–63.

LINGUISTIC-CULTURAL TYPE “JOURNALIST” IN A DICTIONARY AND MASS LITERATURE

V. G. Didkovskaya

The article analyzes linguistic and cultural type “journalist” as a phenomenon of the language picture of the world. The peculiarities of associative fields of the word journalist in modern texts and dictionary are presented in the paper.

Key words: mass literature, associative field, text, linguistic and cultural type

© 2014

О. В. Зюлина

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «АНГЛИЧАНИН» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
(опыт идеографического описания)

Автор описывает основные компоненты лингвокультурного типажа «англичанин», определяет его понятийные, образные и ценностные характеристики по материалам Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: антропоцентризм, концепт, когнитивный подход, лингвокультурный типаж, этнолингвокультурный тип, Национальный корпус русского языка

Теория лингвокультурных типажей (ЛКТ), возникшая в конце XX — начале XXI в., есть логическое развитие идеи антропоцентризма и когнитивного подхода к изучению языка. По мнению В. А. Карасика, О. А. Дмитриевой, А. А. Щербасовой и других исследователей, ЛКТ, являясь особым типом лингвокультурных концептов, представляют собой «обобщённый тип личности, обладающей набором понятийных, образных и ценностных характеристик»¹. В настоящее время разграничивают две разновидности ЛКТ: «этнокультурный тип в целом (NN ведёт себя, как типичный американец), получающий оценочную квалификацию со стороны представителей других этносов, и тот или иной социокультурный тип в рамках соответствующей культуры (американский ковбой, русский интеллигент, английский аристократ)»². Целью данной статьи является модели-

Зюлина Ольга Владиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: frau.barbaris2010@yandex.ru

¹ Щербасова 2010, 4.

² Карасик, Дмитриева 2005, 8.

рование этнокультурного типажа «англичанин». Материалом послужили художественные тексты Национального корпуса русского языка (НКРЯ), датируемые 1800–2000 г., в качестве единицы исследования рассматривался текстовый фрагмент (ТФ), в котором был обозначен лингвокультурный типаж «англичанин».

В своей работе мы опирались на предложенную О. А. Дмитриевой модель описания ЛКТ, которая, отражая его структуру, включает следующие компоненты: «1) паспорт лингвокультурного типажа (внешний образ, одежда, возраст, гендерный признак, место жительства и характер жилища, речевые особенности), 2) социокультурная справка, 3) дефиниционные характеристики, 4) ценностные характеристики»³.

Понятийная характеристика лингвокультурного типажа традиционно выводится посредством анализа словарных дефиниций. Поскольку для этнолингвокультурного типажа (ЭЛКТ) «англичанин» (равно как и для таких уже описанных ЭЛКТ, как «французский модник» (О. А. Дмитриева), «английский сноб» (А. Ю. Коровина)) гендерный признак, на наш взгляд, нейтрален, были рассмотрены дефиниции относительно целого этноса: англичане — «народ, основное население Великобритании; представители этого народа. <Англичанин, -а; м.>; англичанка — «1. к Англичанин. ... 3. В дворянских и буржуазных семьях России до 1917 г.: гувернантка (преимущественно английского происхождения), обучающая детей этому языку, культуре, обычаям, правилам поведения в обществе»; английский — «1. К Англичане. А. язык. А-ая культура. А-ие туристы. 2. Такой, как у англичан, в Англии. А-ая подтянутость. А-ая булавка (булавка с застёжкой). А. костюм (строгий костюм прямого покрова с небольшим отложным воротником). А. парк (парк, который напоминает естественный лес). <По-английски, нареч. Говорить по-английски. Одеваться по-английски. Ухаживать по-английски (не прощаясь)>»⁴; англичане (*ед.* англичанин, *м.*; англичанка, *ж.*) — «нация, основное население Великобритании, а также лица, относящиеся к этой нации»⁵; англичанка — «1. ж. ... 2. *устар.* Представительница англичан, приглашавшаяся в качестве гувернантки в дворянские семьи. *П. ж.* Представительница народа германской этноязыковой группы, составляющей основное население Великобритании»⁶. Как мы видим, исходя из приведённых дефиниций, англичане — этнос, народ германской этноязыковой группы, составляющий основное население Англии и Великобритании в целом. Кроме того, толковые словари русского языка фиксируют у представителей этого народа наличие характерных личностных качеств и манеры поведения («типичный англичанин», «английская подтянутость», «ухаживать по-английски»), типичную в определённый период сферу деятельности («гувернантка»), определённый вклад в развитие европейской культуры («английская булавка», «английский костюм», «английский парк»).

Обращение к словарям XIX — первой половины XX в. выявляет довольно неожиданное фамильярное и насмешливое отношение к представителям этой нации и государству в целом со стороны наших соотечественников: *асэй, асэйка* — «насмешливое прозвище англичан, арханг. (Даль); объясняется обычно из англ. I say “я говорю”»⁷; англичанка — «1. Женск. к англичанин. 2. Англия (фам.). Англичанка подгадила»⁸. Кроме того, весьма противоречивая оценочная квалификация рассматриваемого типажа зафиксирована в лексемах *англоман, англофил* («тот, кто имеет пристрастие к английскому образу жизни, обычаям и т.п.») и, антонимичной им, *англофоб* («противник, ненавистник всего английского») в толковых словарях современного русского языка⁹.

Перцептивно-образные характеристики типажа «англичанин» представлены следующими блоками: внешний образ, одежда, возраст, гендерный признак, жилище, личностные качества, речевые особенности.

В русском коллективном сознании зафиксирован достаточно определённый портрет англичанина: рыжевато-белокурые мужчина или женщина со светлыми глазами и довольно крупными чертами лица, чаще всего высокие, астенического телосложения. Однако, анализируя дескриптивные характеристики, следует отметить, что внешний облик англичан не соответствует представлениям россиян о красоте: англичане, с точки зрения наших соотечественников, скорее некрасивы. Об этом свидетельствуют такие номинации: *альбиносы-англичане с длинными заячьими зубами; глаза бесцветно-водянистые, стекляные, выпуклые, рачьи, большие и выпуклые, розовые; нос большой птичий, похожий скорей на крючок, чем на нос; телосложение — сухой, высокий, тонкий, тощий, моласт не в русскую меру, длинные руки*. При этом, как правило, отмечается аккуратность внешнего облика: *чистые, аккуратно выбритые; добротность, элегантность, строгость одежды: всё такое добротное качественное: шоколадный кожаный портфель, тонкие, в золотой оправе очки, элегантный, прочного вывозного сорта англичанин в клетчатых шароварах, накрахмаленный, пахнувший сногшибательным лосьоном*. Справедливости ради необходимо отметить, что в корпусе художественных текстов XIX–XX вв. нами обнаружены ТФ, в которых зафиксированы практически прямо противоположные характеристики (*растрёпанный мужчина, в ваточном халате, поглубе и одетый по-проце*), однако они имеют единичный характер.

Говоря о знаковом атрибуте внешнего облика англичанина (ср. ЛКТ «гусар» — усы¹⁰, ЛКТ «цыганка» — шаль, цветная юбка)¹¹, можно отметить, что в текстах XIX в. при описании портрета англичанина/англичанки довольно часто встречаются трубка (аксессуар, сопровождающий, естественно, только маскулинный типаж) и часы (*хаки с огромными карманами, набитыми фотографическими катушками, табаком, трубками, зажигалками, неизменная трубка во рту, с трубкой, с сигаретой в зубах, пропитанный крепчайшим запахом табака; на золотом поясе висели золотые часики, инкрустированные часы на цепочке, украшенной бриллиантами, громадные, похожие на бомбу часы*), однако в текстах XX в. они уже не упоминаются.

Критерий возраста, на наш взгляд, для ЛКТ «англичанин» не является ярко выраженным и не имеет строгой фиксации. Эта характеристика присутствует лишь в незначительной доле текстов и является весьма неопределённой: *пожилой, женщина лет 40, сорокалетняя девушка, молодой, юный альбионец*. Впрочем, статистические подсчёты показывают, что чаще в художественном тексте рисуется образ человека средних лет.

³ Дмитриева 2007, 16.

⁴ Кузнецов (ред.) 2000, 39.

⁵ Евгеньева (ред.) 1, 1985, 37.

⁶ Ефремова 2000.

⁷ Фасмер 1, 1964.

⁸ Ушаков (ред.) 1, 1935.

⁹ Кузнецов (ред.) 2000, 39.

¹⁰ Дмитриева 2007, 20.

¹¹ Дмитриева 2010, 120.

Аналогичным образом, по нашему мнению, обстоит дело и с гендерными признаками ЛКТ «англичанин»: с чисто количественной точки зрения англичанин как персонаж текста появляется значительно чаще, нежели англичанка (по поисковому запросу «англичанин» в НК найдено 2865 документов и 10601 вхождение, «англичанка» — 443 и 996 соответственно), однако перцептивно-образные характеристики, а также специфические характеристики вербального и невербального поведения совпадают.

Ещё один структурообразующий, по О. А. Дмитриевой, признак ЛКТ — среда обитания, жилище. В русском коллективном сознании, своеобразным вербализатором которого являются и художественные тексты, нашла отражение только такая деталь английского дома, как камин: *всегда греются у каминов после обеда, с необходимой для англичан принадлежностью в виде большого камина.*

В то же время оказались зафиксированными отдельные подробности, касающиеся кулинарных пристрастий и досуга: *кормила меня вымоченным в молоке и яйцах, а потом поджаренным белым хлебом. Так питаются все англичане, пью чай с молоком, как англичанин, узбекский мужчина без чайханы не может никак — это как для англичанина его клуб.*

Наиболее развёрнуто представлено в художественных текстах и XIX в., и XX в. коммуникативное поведение англичан. Уравновешенность, рассудительность, флегматичность как личностные качества англичан находят непосредственное отражение в особенностях их невербального и вербального поведения. Оно может быть передано как одиночными характеристиками, так и более-менее развёрнутыми контекстами: *малоразговорчив; молчаливый; невозмутимый; суровый; он был сух в резолюциях — как истинный англичанин не любил громких слов; разумный, деловой, очень будничный человек; после довольно однообразных и сдержанных жестов наших англичанок; совершенно бесстрастно глядел в окно; холодное изумление.* Релевантными признаками коммуникативного поведения данного ЛКТ является неоднократно встречающиеся характеристики «чопорный» и «презрительный» (*светоненавистничает и дичится общества; где-нибудь в уголке сидит англичанин и всех презирает; по жёлтому лицу её пробежала надменная, презрительная улыбка; чопорным англичанином, брезгливо сторонящимся этих дикарей; смотря на тебя высокомерно*). В то же время в анализируемом материале нашла отражение и иная точка зрения, согласно которой чопорность и высокомерие англичан не более, чем стереотип, который не всегда выдерживает проверку реальностью: *впрочем, то, что мы принимаем за насмешку в глазах англичан, может оказаться предельным сочувствием; английское общество, ославленное на всю Европу, и в том числе на всю Россию, скучнейшим в мире, настолько же разговорчивее, живее, веселее русского, насколько уступает в этом французскому; Наша русская публика совершенно переменила мнение об англичанах, ранее представляя их людьми неразговорчивыми, сдержанными, даже скучными, а оказалось, что простые матросы, весёлые ребята, не зная языка, умеют великолепно занимать наших женщин.*

Отношение к англичанам разное: с одной стороны, безоговорочно признаётся их ум (*англичанин на три года вперёд видит, сидя на мешке с шерстью; недаром же поётся у нас: «Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрёл за машиной машину»*); умные англичане; *англичане много всяких машин выдумывают; вот бог англичанам на этот счёт большую остроту ума дал; слишком умны, чтобы не понять выгод*), с другой стороны, отмечается их коварство, хитрость (*в глазах его француз, немец, англичанин были синонимы мошенника, обманщика, хитреца или разбойника; англичанин большой политик; он везде юлит; коварный англичанин; народ ушлый*).

Итак, на основе рассмотренного литературного материала можно сделать вывод, что лингвокультурный типаж «англичанин» относится к этнокультурным дисперсным типажам, ассоциируемым с неограниченным числом личностей. Он представляет собой узнаваемый образ человека, основными характеристиками которого является специфическая внешность (выражение «похожий на англичанина» может употребляться без каких-л. дополнительных характеристик и вызывает соответствующие ассоциации), корректность, немногословность, флегматичность. В то же время в русском коллективном сознании есть понимание того, что при всей непохожести между русскими и англичанами много точек соприкосновения: *Я прислушался. И был поражён русскостью этого разговора <...> эти англичане точно так же говорили о праздном — вроде бы праздном, с нашей точки зрения, для западного человека. О том, отчего страх: тело — корабль. Сосуд. Тлен* (А. Битов).

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриева О. А. 2007: Лингвокультурные типажы России и Франции XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
 Дмитриева О. А. 2010: Лингвокультурный типаж «цыганка» // Лингвокультурные типажы: признаки, характеристики, ценности / О. А. Дмитриева (ред.). Волгоград, 118–133.
 Евгеньева А. П. (ред.) 1985: Словарь русского языка: в 4 т. Т. I. М.
 Ефремова Т. Ф. 2000: Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>.
 Карасик В. И., Дмитриева О. А. 2005: Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы / В. И. Карасик (ред.). Волгоград, 5–25.
 Кузнецов С. А. (ред.) 2000: Большой толковый словарь русского языка. СПб.
 Ушаков Д. Н. (ред.) 1935: Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. I. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>.
 Фасмер М. П. 1964: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. I. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/>.
 Щербаева А. А. 2010: Лингвокультурные типажы «учитель» и «врач»: общекультурные и индивидуально-авторские характеристики (на материале прозы А. П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь.

LINGUISTIC-CULTURAL TYPE “ENGLISHMAN” IN RUSSIAN CULTURE (the experience of ideographical description)

O. V. Zulina

The article is devoted to the description of the main components of a linguistic-cultural type «Englishman». We have defined its conceptual, figurative and valuable characteristics. The material for the analysis is taken from the National Corpus of the Russian Language literary works.

Key words: anthropocentrism, concept, cognitive approach, linguistic and cultural character type, ethnocultural type, the National Corpus of the Russian language

© 2014

И. С. Карабулатова

СПЕЦИФИКА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

В статье рассматривается проблема взаимодействия языков в российско-казахстанском приграничье. Переструктуризация этнической структуры приводит к изменению национального языка на периферии или этнической границе, однако ядро национального языка продолжает выступать в качестве этноопределятеля этноса.

Ключевые слова: языковая личность, русский язык, казахский язык, тюркизмы, заимствования, глобализация, билингвы

В условиях современного глобализирующегося мира вопрос о вариативности русскоязычной языковой личности является отнюдь не праздным, а определяющим витальность русского языка как такового в новых социально-экономических условиях. Новый конструкт «русскоязычная языковая личность» включает в себя, прежде всего, билингвов постсоветского пространства, которые говорят по-русски, однако в их ментальной картине мира многие элементы замещены инонациональными компонентами, даже при наличии русского варианта. Например: *вид у него жайский* 'бедный', *ходит как бишара* 'бедолага, попрошайка', *пьяные баурсаки* 'о мужчинах, любящих ходить по гостям и выпить' — в русской речи русских и казахов Северного Казахстана. Такого рода выражения, на наш взгляд, имеют тенденцию к вхождению во фразеологический фонд русского языка. Следует отметить, что такие выражения понятны и русским Казахстана, и русскоязычным представителям других народов, проживающим и/или проживавшим в Казахстане. Кроме того, они активно используются в речи русскоязычного населения. Вместе с тем наблюдается экспансия русского языка в казахский и татарский языки, причём «русские» варианты вытесняют исконные слова в национальном языке. Например: *ағылп* 'оглобля' вместо (*тэрте/терте*), *борат* 'ворота' (вместо *қақпа*), *істене* 'стена' (вместо *қабырға*), *седелқы* 'седелка' (вместо *ершік*), *кәсек* 'косяк' (вместо *жақтау*), *район* 'район' (вместо *аудан*), *сентір* 'центр' (вместо *орталық*), *маркоп* 'морковь' (вместо *сәбіз*), *сібекіле* 'свёкла' (вместо *қызылша*), *гыранат* 'гранат' (вместо *анар*), *кокраз* 'кукуруза' (вместо *жүгері*), *шылан* 'чулан' (вместо *ас үй*), *шернер* 'шарнир' (вместо *тонса*) и др. Не вызывает сомнений, что «особого внимания заслуживает русская речь тюркоязычных жителей юга Тюменской области, для которой характерно смещение русского и казахского, русского и татарского. Например: *соображай жок* — 'не-сообразительный', *прикол гой* — 'шутка' (где *гой* — усилительная частица казахского языка), *жандыргалка* — 'зажигалка' (*жандыру* 'жечь' + 'зажигалка'), *токтановись* — 'остановись' (*токта* 'стой' + 'остановись') и т.п.»¹. Таким образом, «в зонах интенсивного межэтнического взаимодействия возникают мутуальные явления со стороны обоих языков-контактов, способствующие при определённых условиях эволюции как самой языковой личности, так и языковых систем в целом»².

В конечном итоге можно говорить в прогностическом плане об увеличении дистанции между материнским русским языком и теми вариантами русского языка, которые получают своё развитие вдали от родины. В связи с этими нарастающими процессами взаимопроникновения языков и культур встаёт вопрос о необходимости выработки этнопсихолингвистической нормы как регулятора в межкультурной коммуникации³.

В этом контексте особый интерес, на наш взгляд, представляет зона российско-казахстанского приграничья как некий буфер контакта лингвокультур Запада и Востока, Азии и Европы. В этой связи необходимо проводить целенаправленную государственную политику, способную обеспечивать связь русской диаспоры с метрополией. Существенную роль здесь играет обеспечение гармоничного соотношения мажоритарных и миноритарных языков как в конкретном регионе, так и в языковой личности, представленной в данном регионе. Например, русские диалектологи и этнолингвисты Сибири отмечают влияние тюркских языков на русские сибирские говоры⁴. Сегодня не вызывает сомнений, что диалектная русская речь зачастую является единственным примером звучащей русской речи, формирующей тюркскую русскоязычную языковую личность билингва, где этнолингвистические дифференциации отражают вариативность нормы языка.

Означает ли это колебание нормы в региональном аспекте или аттрикцию русского языка под влиянием интерференции? Ранее точка зрения исследователей на этот вопрос была однозначна: это порча языка, с которой необходимо бороться. Сейчас мнения разделились. Всё больше и больше учёных высказываются в пользу русофонии и вариативности русского языка⁵. Вероятно, прав Г. И. Богин, считающий, что «вообще языковая личность, взятая в каждом отдельном случае, зависит не только от меры собственного развития, но и от используемого языка, и от множества типов речевых поступков и типов текстов (речевых произведений), которыми оперирует индивид»⁶. Синергетический характер эволюции языков-контактов в российско-казахстанском приграничье обеспечивает постепенный переход от тюркской языковой личности к русской языковой личности, где объединяющими звеньями являются тюркская русскоязычная языковая личность и русская тюркоязычная языковая личность, обеспечивающие понимание и межкультурную коммуникацию между основными неблизкородственными языками российско-казахстанского приграничья (татарский//русский и казахский//русский). Нельзя не согласиться с М. Хайдеггером, который подчёркивал, что работа с заимствованиями в языке-реципиенте заставляет учёных обращаться к историческим фактам: «мы заплываем в чужое» и таким образом «постигаем своё». Этот метод, по справедливому замечанию М. Хайдеггера, является основополагающим для лингвистического планирования⁷.

Карабулатова Ирина Советовна — доктор филологических наук, профессор кафедры общей лингвистики, лингвокультурологии и переводоведения Института филологии и межкультурной коммуникации, ведущий научный сотрудник УНЛ Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: radogost2000@mail.ru

¹ Karabulotova, Kouyche, Gulytaev 2013, 854.

² Карабулатова, Койше 2013, 12.

³ Карабулатова, Поливарова 2012.

⁴ Дмитриева 1981; Жигунова 2002; Евсеева 2006, 2008; Karabulotova 2013; Карабулатова, Койше 2013; Романова 1988; Харламова 2010 и др.

⁵ Журавлёва 2008, 2009; Карабулатова 2001; Поливарова 2012; Поливарова, Карабулатова 2013; Рудяков 2008; Усманова 2008.

⁶ Богин 1984, 11.

⁷ Хайдеггер 1993, 119.

Этнолингвокультурный диалог в полиэтничном регионе складывается под влиянием как экстралингвистических, так и интралингвистических факторов, формируя специфическую языковую личность, в которой межкультурный диалог, происходящий внутри такой личности, протекает в виде сотрудничества, соперничества, взаимообогащения, амбивалентности (ситуационности), культурного экспансионизма, ассимиляции, аккультурации, неприятия, толерантности и пр. Русскоязычная языковая личность российско-казахстанского приграничья межкультурный диалог переживает как взаимодействие субкультурных единиц между собой и как взаимодействие с иными культурами. Межэтнический диалог в российско-казахстанском приграничье не только имеет свою собственную историю, но и обладает определённой преемственностью в этнолингвокультурном взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

- Богин Г. И. 1984: Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л.
- Дмитриева Т. Н. 1981: Тюркизмы в русских говорах по нижнему течению Иртыша // Этимологические исследования: сб. науч. тр. Уральск. гос. ун-та. Свердловск, 72–86.
- Евсеева И. В. 2006: Деривационный потенциал словообразовательного гнезда и его реализация в отдельных диалектных зонах // Гуманитарные проблемы миграции: социально-правовые аспекты адаптации соотечественников в Тюменской области: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Ч. II. Тюмень, 73–79.
- Евсеева И. В. 2008: Гнездовой толковый словообразовательный словарь и диалектные дериваты // Учёные записки Института гуманитарных исследований Тюменск. гос. ун-та. Сер. «Филология». Вып. 2. Человек в языке и культуре / И. С. Карабулатова (ред.). Тюмень, 133–141.
- Жигонова М. А. 2002: Современные этнокультурные процессы у русских Среднего Прииртышья: автореф. ... канд. ист. наук. Омск.
- Журавлёва Е. А. 2008: К проблеме модификации русской языковой картины мира в полиэтничном государстве // Русский язык и культура в зеркале перевода. Салоники, 81–82.
- Журавлёва Е. А. 2009: Концептосфера русского языка в полиэтничном обществе Казахстана: учеб. пособие. Кокшетау.
- Карабулатова И. С. 2001: Региональная этнолингвистика: Современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области (на материале топонимии). Тюмень.
- Карабулатова И. С., Койше К. К. 2013: Трансформации современной евразийской языковой личности российско-казахстанского приграничья // Вестник Кемеровск. гос. ун-та искусств и культуры. 22 (2), 10–18.
- Карабулатова И. С., Поливава З. В. 2012: К понятию этнопсихолингвистической нормы у детей-билингвов // Специальное образование. 1, Екатеринбург, 22–29.
- Поливава З. В. 2012: Этнолингвистические дифференциации в формировании лексико-грамматических категорий у татар-билингвов и русских в системе преодоления речевых дисфункций (на материале Тюменской области): автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Тобольск.
- Поливава З. В., Карабулатова И. С. 2013: Языковая личность в трансформирующемся сообществе: этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтническом окружении. М.
- Романова М. А. 1988: Субстратные фонетические явления тюркского происхождения в русских говорах Тюменской области // Русский язык в его взаимодействии с другими языками: сб. науч. тр. / Н. К. Фролов (ред.). Тюмень, 54–62.
- Рудяков А. 2008: Украинский вариант русского языка: мифы и реальность // «Академия Тринитаризма», М., Эл. № 77-6567, публ. 14991, 25.12.2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001c/00161490.htm>.
- Усманова Ф. С. 2008: Теоретические основы триязычия в условиях татарско-русского двуязычия при контакте с немецким языком (на материале выражения падежных значений): автореф. ... канд. филол. наук. Тобольск.
- Хайдеггер М. 1993: Введение к истоку художественного творения. М., 117–132.
- Харламова М. А. 2010: Что? Где? Когда? О трудностях лексикографа // Вестник Омск. ун-та. 1, 82–87.
- Karabulatova I. S. 2013: The Problems of Linguistic Modeling of New Eurasian Linguistic Personality in Multilingual and Mental Environment (By Example of Onomasphere) // Middle-East Journal of Scientific Research. 17 (6), 791–795.
- Karabulatova I. S., Koyche K. K., Gulyaev V. N. 2013: The Dialogue of Kazakh Steppe and Russian Forest: About the Character of Turkic-Speaking Linguistic Personality on the Territory of Russian-Kazakhstan Border-Zone // Middle-East Journal of Scientific Research. 17 (7), 853–858.

SPECIFICS OF RUSSIAN LINGUISTIC PERSONALITY IN THE RUSSIA-KAZAKHSTAN BORDERLAND

I. S. Karabulatova

The article considers the problem of cooperation and implementation of languages in the Russian-Kazakh border region. Restructuring of ethnic structure leads to the change of identity at the periphery of the national language or ethnic boundary, but the core of the national language continues to serve as an ethno-determinant of ethnic group.

Key words: linguistic person, the Russian language, Türkizms, borrowing, globalization, bilinguals

© 2014

М. А. Лаппо

НОМИНАЦИИ ПИСАТЕЛЬ, ПОЭТ В АВТОРЕФЕРЕНТНОМ ДИСКУРСЕ
СРЕДНЕЛИТЕРАТУРНОЙ И ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
(по материалам толковых словарей)*

Автор рассматривает функционирование лексем писатель и поэт в дискурсе о себе и отражение их семантики в толковых словарях русского языка в динамическом аспекте. Доказывается идея различного использования данных слов в дискурсах элитарной и среднелитературной языковой личности.

Ключевые слова: самономинация, самооценка, самопрезентация, самоидентификация, автореферентный дискурс, элитарная языковая личность

Его молодая жена, на вопрос о профессии, сказала: «Я поэт». Было очень смешно и грустно. Я не сдержался и мягко заметил ей, что даже Пастернак не говорил о себе: я — поэт. Она удивилась.

Из письма Б. Окуджавы
В. Фрумкину, 1979 г.

Проблема анализа лексических единиц в специфической ситуации — в автореферентном дискурсе, т.е. дискурсе, предметом которого является сам говорящий субъект, относится к числу чрезвычайно актуальных. Не секрет, что в коммуникации имеет место более критичное отношение говорящего к другому человеку и «разрешающее» — к себе, когда можно в *чужом глазу соломинку видеть, а в своём бревна не замечать*. Как указывает Л. В. Балашова, чаще всего ложной или приукрашенной считается информация о самом себе или о своих близких (ср.: *Каждая курица свой насест хвалит; Всяк кулик своё болото хвалит; Всякая сосна своему бору шумит*)¹. Видимо, в связи с этим русский речевой этикет предписывает скромность, иными словами, более строгое отношение к оценке себя во всех сферах коммуникации. Можно предположить, что семантика единиц языка и особенности их употребления в автореферентном дискурсе (как при его порождении, так и при его восприятии) в той или иной степени отличается от семантики аналогичных единиц в тексте, где объектом описания являются другие.

Речевой акт самономинации, т.е. обозначения говорящим своей принадлежности к какой-л. общности или категории людей (например: *Я мать. Я учитель. Я учёный*), связан с такими психологическими и коммуникативными феноменами, как самопрезентация, самоидентификация и самооценка. Так, в высказывании *Я учёный* совмещаются самопрезентация (как представление себя при знакомстве и как стратегия управления впечатлением), самоидентификация (акт отождествления себя с некой социальной группой, закрепляющий свою идентичность) и самооценка (в данном случае оценка позитивная).

В русской речевой культуре существуют определённые ограничения в актах самопрезентации, самооценки (особенно позитивной) и самоидентификации и, соответственно, самономинации. Последние являются вынужденным способом коммуникации, поэтому большая часть референции субъекта вынесена в письменную форму (таблички на двери, бейджи, подписи в заявлении или письме), в устной коммуникации предпочтительно, если говорящего представит кто-нибудь другой (на улице не принято знакомиться, имя докладчика называет председатель конференции и т.д.).

Однако говорящий не всегда оказывается в таких благоприятных условиях посредничества, поэтому ему приходится либо проявлять инициативу в самономинации, либо — при ответе на вопросы интервьюера — соблюдать определённую меру дозволенного. Существуют два пути удержания в предписанных границах: 1) избегать самоименования, самоопределения и самооценки (как положительной, так и отрицательной); 2) использовать специальные стратегии компенсации негативного впечатления из-за нарушения указанной нормы.

Рассмотрим толкования значений слов *писатель, поэт* в словаре и их функционирование в дискурсе о себе. Анализ словарной статьи может дать важную информацию о прагматике изучаемой лексемы, поскольку словарь в той или иной степени фиксирует правила использования языковых единиц в определённый период: «Лингвистические словари выступают одновременно как информативные источники исследования лексики и как культурно-исторические документы»². В Малом академическом словаре³, как в самих толкованиях, так и в зоне иллюстративного материала, прямо или косвенно фиксируется позитивная оценка этой профессиональной сферы:

ПИСАТЕЛЬ, -я, м. Человек, пишущий литературные произведения. *Союз советских писателей. Известный п. Талантливый п. Писатели 40-х годов. Библиотека русских писателей. Изучать какого-н. писателя (его сочинения, биографию и т.п.). Я люблю родину, народ, я чувствую, что, если я писатель, то я обязан говорить о народе, о его страданиях, о его будущем. Чехов. Товарищ Сталин назвал наших писателей инженерами человеческих душ. Жданов.*

ПОЭТ [по], -а, м. [греч. ποιῆτης]. 1. Писатель-художник, создающий поэтические произведения. *Маяковский был и остаётся лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Сталин. При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. Гоголь* || Писатель, пишущий стихами, стихотворец. Прозаики и поэты. 2. перен. Человек, наделённый *высоким творческим дарованием, сильным творческим воображением* (книжн.). *Он п. в науке.*

Лаппо Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: lapro2000@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-54-00005 «Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности».

¹ Балашова 2003, 104.

² Васильев 2005, 26.

³ Евгеньева 1981–1984 (ред.).

Как показывает дискурсивный анализ, носитель элитарной речевой культуры, принадлежащий к сфере создания литературных произведений, часто отвергает самоинициацию *писатель*, *поэт*. Например, К.И. Чуковский в своём дневнике описывает случай, когда А. Твардовский выражает самооценку-самоидентификацию, интерпретируя лексему *поэт*: *С Твардовским несколько длинных разговоров. «Ненавижу я слово: творчество. Совестно говорить про себя: я живу в доме творчества. Мне дана «творческая командировка» и т.д. Я даже слово поэт не смею применить к себе. А теперь сплошь говорят: мы, трое поэтов...»* (Чуковский, т. 3, 317).

Аналогичное трепетное отношение к слову *писатель* обнаруживаем у К.И. Чуковского в дневниковой записи в связи с собой: *Вы обо мне пишете, как о писателе, и даже, пожалуй, хорошем. Но, милая, ведь это неверно, ведь я ещё ни одной строчки не написал и не напишу, и не хочу написать, — т.е. очень хочу, но до того знаю, что не напишу, что уж даже и не хочу. Я только притворяюсь перед другими, будто я «писатель» и будто «Чуковский» — это что-то такое. Но перед собой, перед своими зачем же я стану притворяться!* (Чуковский, т. 1, 156).

Следующий контекст показывает, что К.И. Чуковский, тем не менее, косвенно причисляет себя к категории писателей, но сопровождает это причисление негативной самооценкой: *Почему между мной и Чеховым должен стоять запуганный и в то же время нагловатый наглый чиновник. Я микроскопический, недостойный, но несомненный наследник Чеховых, Тургеневых, Бунина, Куприна, я целыми днями думаю о них, о своих законных предках, а не о каких-то невежественных и бездарных Егорычевых* (Чуковский, т. 3, 399).

Обратим внимание на то, что при некотором самоуничижении (*микроскопический, недостойный*) просматривается абсолютная убеждённость автора в том, что он относится к заявленной группе людей, русских писателей (*несомненный наследник*). Такое сочетание сомнения и уверенности, как нам кажется, в значительной степени проявляет переживания говорящего по поводу своей референтной группы⁴: «знаю, что я отношусь к этой группе, но пока отношусь не в полной мере, поэтому буду бороться за полноправное место в ней».

Аналогичное отвержение самоинициации словом *писатель* видим в дискурсе Е. Носова: *Вот я услышал в свой адрес высокий фейерверк: легко ли быть классиком при жизни? Спасибо, конечно, но я как-то ничего этого не ощущаю — без всякого кокетства. У меня даже нет ощущения, что я писатель. Писатель — это Лев Толстой. О себе же я могу сказать, что просто умею писать. Я человек земной, земляной, и я пишу не о каких-то высоких материях, а о простых маленьких людях* (Труд-7 21.08.2002; пример НКРЯ).

Другая стратегия компенсации самоинициации *писатель* заключается в демонстрации длительного эмоционального неприятия этого слова, которое в результате приводит к нейтральному отношению к нему. См. пример из интервью Л. Улицкой: *Многие годы, когда объявляли, что я писатель, меня глючило. Это слово казалось чужим, не имеющим ко мне никакого отношения. Но теперь отношусь к этому спокойно. Живу, как жила* (Труд-7 12.02.2008; пример НКРЯ). Здесь неприятие самоинициации, выраженное жаргонным словом *глючило*, приводит к возможности использования лексемы *писатель*, не сопровождаемое яркой эмоцией. Таким образом демонстрируется отсутствие «головокружения от успехов» (*отношусь к этому спокойно; живу, как жила*).

Следующим приёмом снижения собственной значимости является помещение самообозначения с прагматическим потенциалом высокой самооценки в ряд номинаций других видов деятельности, например: *Да, я поехала в Дели участвовать в Конгрессе, но внезапно Дорога позвала меня... Знаете ли Вы, что такое Зов Несбыточного? Случалось ли Вам почувствовать на себе его властную силу? Могла ли не откликнуться на него — я, писатель и путешественник, давно и беззаветно влюблённый в Индию? Что, если в моём финансовом отчёте долю гранта, предназначенную на аккредитацию, обеда в дорогом ресторане и проживание в шикарной гостинице перебросить на бесприютные скитания, приключения, авантюры, короче, на сбор материала для новой книги?* (М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию; пример НКРЯ). В данном фрагменте внимание читателя акцентируется на лексеме *путешественник*, семантика путешествия поддерживается словами *дорога, скитания, приключения, авантюры*.

Итак, лексема *писатель* как средство самоидентификации актуализирует коннотативные смыслы, а именно компонент сверхпозитивной оценки, подтверждая идею о том, что номинативная единица языка способна быть «свёрнутым лингвокультурным текстом»⁵, «вербальной мифологемой»⁶, обладать высоким квалификационным потенциалом⁷. Элитарная языковая личность, подчиняясь требованиям русского речевого этикета, либо избегает подобной самоинициации, либо использует специальные средства компенсации проявления нескромности.

К среднелитературной речевой культуре относится более непринуждённое, упрощённое использование лексемы *писатель*, например: *Моё мнение таково: писатель — это тот, книги которого покупают без принуждения. И не более того* (www.avtoram.com/kak_ya_stala_pisatelem); *Я — писатель. А значит, живу ощущениями, постоянно прислушиваясь к тончайшим колебаниям не только своей души, а и души людей...* (Анила Емпл; samlib.ru/e/empl_a/pisatel.shtml). Подобное прямое использование самоинициации *писатель* (как и *поэт*) оправдывается существованием массы интернет-ресурсов, где любой человек может легко приписать себя к данной категории людей (yapisatel.com, ya-pisatel.ru; YaPoet.ru; yapoet.net).

Указанная динамика в семантике лексемы *писатель* отражается в толковании новых словарей русского языка:

ПИСАТЕЛЬ -я; м. Тот, кто профессионально занимается литературной деятельностью. *Известный п. Скандальный п. Полузабытый п. Современный п. Объединение писателей. Писатель-романтик. Писатель-деревенщик. Исторический п. Встреча писателя с читателями. Писательница, -ы; ж. Писательский, -ая, -ое. П. талант. П. опыт. П-ая среда. П. путь. П. съезд*⁸.

Мы видим, что на рубеже XX и XXI вв. лексема *писатель* получает в толковом словаре самые разнообразные оценочные коннотации (*известный, скандальный, полузабытый, талант* и др.).

⁴ Референтная группа — это социальная общность (воображаемая или реальная) людей, служащая для субъекта источником ценностей и норм, членом которой он состоит или желает оказаться, это некие важные, авторитетные люди, на мнение которых субъект, как правило, опирается в своей жизнедеятельности.

⁵ Гарагуля 2009.

⁶ Кашкин 2004.

⁷ Лаппо 2013.

⁸ Кузнецов 1998. Аналогичная картина в толковании слова *поэт*.

Подведём итоги. Носитель элитарной речевой культуры, соблюдая этикетную норму скромности, по-прежнему стремится избежать в актах самономинации употребления лексем *поэт*, *писатель*, обладающих потенциалом сверхположительной оценки, в отличие от носителя среднелитературной речевой культуры, не ощущающего подобной прагматики. Современный толковый словарь русского языка в интерпретации указанных слов приближается к среднелитературной речевой норме.

ЛИТЕРАТУРА

- Балашова Л. В. 2003: Вербальная коммуникация и её отражение в идиоматике русского языка // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 93–108.
- Васильев А. Д. 2005: Динамика слова в дискурсе СМИ и лексикографии как следствие и воплощение экстралингвистических факторов // Политическая лингвистика. 16, 19–41.
- Гарагуля С. И. 2009: Антропонимическая прагматика и идентичность индивида: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Евгеньева А. П. (ред.) 1981–1984: Словарь русского языка: в 4 т. М.
- Кашкин В. Б. 2004: Маркёры своего и чужого в межкультурном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: коллективная монография. Ч. 2. Воронеж, 49–62.
- Кузнецов С. А. 1998: Большой толковый словарь русского языка. СПб.
- Латто М. А. 2013: Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы: монография. Новосибирск.
- НКРЯ: Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>.
- Чуковский К. И. 2011: Дневник: в 3 т. М.

NOMINATIONS WRITER AND POET IN AUTOREFERENCING DISCOURSE OF AVERAGE AND ELITIST LANGUAGE PERSONALITIES (based on explanatory dictionaries)

M. A. Lappo

The article considers functioning of lexemes *writer* and *poet* in self-discourse and reflection of their semantics in Russian explanatory dictionaries in dynamic aspect. The idea of various use of these words in discourses of the elitist and average language personality is proved.

Key words: Self-nomination, self-assessment, self-presentation, self-identification, self-referencing (autoreferencing) discourse, elitist language personality

© 2014

Е. В. Пожидаева

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ

Русская культура питания отражается в лексикографических источниках, что позволяет изучить её уникальную культурно-маркированную языковую репрезентацию в свете лингвокультурологического подхода.

Ключевые слова: национальная лингвокультура питания, дискурс, лингвокультурологический, лингвокультурема, поле, глоттонический

Исследовательский интерес к культуре питания связан с интенсивным развитием целого комплекса гуманитарных дисциплин: когнитологии, семиотики, прагматики, стилистики, теории дискурса, лингвокультурологии, истории повседневности, лексикографии и др.¹

Связь материальной жизни, языка и ментальности репрезентирована в национальных лингвокультурах питания. Пищевой код архетипичен, он хранит паттерны познания, категоризации мира. Лингвокультурологический подход к культуре питания реализован в работах М. В. Загидуллиной, С. В. Воробьёвой, Э. А. Гашимова, Н. А. Головницкой, Е. В. Беленко, И. В. Пахомовой, Н. А. Козько² и др.

Этот фрагмент языковой картины мира стал объектом подробного лингвистического анализа в работах А. В. Олянич, который вводит термин «глоттонический» (от лат. *gluttonare* — ‘есть, питаться, поглощать пищу’). А. В. Олянич считает, что широкий термин глоттония характеризует весь процесс, связанный с пищей, в целом, а именно: добычу и первичную обработку пищи, подготовку полуфабрикатов, процесс приготовления и потребления пищи³. Л. Р. Ермакова оперирует термином гастрономическая картина мира, под которым понимается «концептуальная модель гастрономических пристрастий и глоттонических приоритетов, отражающаяся в специфике национальной номинации продуктов питания»⁴.

Термин *гастрономическая картина мира* можно трактовать как некую модель гастрономических пристрастий с национальной спецификой. В таком контексте можно говорить о гастрономическом коде нации, внутри которого объединяются элементы лингвокультуры питания. В общем лингвокультурном поле любого языка лингвокультура питания, как постоянно развивающаяся система, вбирает в себя мировоззренческие взгляды носителей картин мира, что находит своё отражение в лексическом фонде языка, зафиксированном в лексикографическом дискурсе. Выявление универсальных закономерностей

Пожидаева Елена Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: elenabelenko@mail.ru

¹ Маслова 2004, 5–46.

² Загидуллина 2008; Воробьёва 2010, 32–43; Гашимов 2005; Головницкая 2008; Беленко 2006; Пахомова 2003; Козько, Пожидаева 2012.

³ Олянич 2004, 168.

⁴ Ермакова 2011, 5.

формирования и развития смыслов лингвокультуры питания представляется чрезвычайно актуальным, т.к. в ней содержатся древнейшие архетипы, отражающие стремление человека к самосохранению и безопасности.

Используя современные принципы и методы лингвистического анализа в рамках лингвокультурологического подхода⁵, изберём в качестве имени/ключевого слова/лингвокультуры в данном лингвистическом исследовании языковые единицы *продукты питания/пища*.

Для вычленения признаков и определения структуры лингвокультурной модели питания обратимся 1) к методу анализа словарных толкований, т.к. «... словарное толкование представляет единственную возможность вплотную увидеть характер обозначенного словом концепта, выявить когнитивную структуру лексемы»⁶; 2) к рассмотрению способов языкового выражения (выделению ядра и периферии⁷) и стоящей за ними языковой картины мира с помощью языковых и культурно-языковых данных на материале лексикографических источников.

Проанализировав ряд словарей русского языка⁸, в качестве общей семы/инвариантного смысла/центра/ядра выделяем лексему с обобщённым значением *пища — то, что едят*, т.е. что едят для поддержания жизнедеятельности или «то, что человек употребляет в пищу», по-другому, «*это едят*» (вслед за О.Н. Ляшевской⁹). Разграничим лексемы *пища* и *еда*: *пища* — совокупность *продуктов питания*, а *еда* — физиологический процесс употребления пищи¹⁰.

В качестве второстепенных/ассоциативных следует рассматривать переносные значения, например, *пища для ума, размышлений, разговоров, пересудов* или определённый *продукт питания*.

По мнению Н.Л. Чулкиной, среди ассоциаций с рассматриваемой лексемой у современного носителя русского языка необходимо отметить следующие: *пища, жратва, обед, блины, запах еды, капуста, завтрак, ужин, вобла, блюдо, лапша, пирог, соль, суп, хлеб, чай*¹¹.

В вышеназванном исследовании не учтены процесс и результат употребления пищи. Это ощущение, связанное с желанием употребить пищу (*аппетит*), и слова, описывающие чувства и состояние человека, связанные с потребностью в еде или, наоборот, чрезмерным её потреблением, т.е. *голод* и *обжорство*. Это микрополе можно объединить под одним общим признаком: *желание/ощущение*. Ассоциативный ряд такого микрополя должен также включать: 1) **аппетит** — *разыгрался, нагулять, волчий, звериный, дразнить, с аппетитом кушать*; разг. — *улетать за обе щёки, уничтожить, трескать, молоть, хрупать, пожирать*; *Ест аж за ушами трещит; за уши не оттащишь; ненасытный, лакома, сладкоежка, сластёна, гурман, кревоугожник, гастроном*. В толковании лексемы *аппетит* должно быть указание на такой компонент, как удовольствие от получаемой еды. Ср. выражение *Приятного аппетита*. Лексема *аппетит* может обозначать и само удовольствие, получаемое человеком от еды, которое сохраняется на протяжении всей трапезы. Например, *есть с аппетитом*, т.е. есть с удовольствием; 2) **голод** — *проголодаться, оголодать; Маковой росинки во рту не было, как из голодной губернии, морить голодом, пухнуть от голода*. В некоторых контекстах лексема *голод* может обозначать неудовлетворённую потребность организма в пище, сопровождаемую соответствующим желанием и ощущением¹²; 3) **обжорство** — *обжора, обжираться*; простореч. — *прорва, объедало, ненасытная утроба; обжорливый, прожорливый, пичкать, обкормить*.

Исследование и реконструкция структур лингвокультурологического поля с точки зрения таксономии является ещё одним продуктивным подходом.

О.Н. Ляшевская проанализировала таксономические категории названий пищи в русском языке¹³ и, сформулировав правила числового оформления, установила, что признак «размер» предопределяет исчисляемость имени и др. свойства, влияющие на восприятие объектов. Так, в базовый уровень вошли субстанции: жидкие (*молоко*), вязкие (*пюре*) и сыпучие (*соль, рис*); в средний — названия *плодов (овощей и фруктов), мясные блюда, мучные, сладкие* и т.д.

Лингвокультурологический подход предполагает также рассмотрение синтагматических и парадигматических отношений, в которые вступает исследуемая языковая единица. **Синтагматический тип** отношений представлен прямыми номинативными словосочетаниями с этнонимами + блюдо/продукт питания: *русские блины, русский салат (салат оливье), русская шарлотка* (сладкое блюдо из бисквита и взбитых сливок), где определение является маркером «русскости», а специфика лингвокультуры раскрывается через линейные связи её компонентов. В **парадигматических же отношениях** лингвокультуры поля определяются через функциональные зависимости (хлебосолюство = русское гостеприимство).

Тематические группы «Пища/Питание» рассмотрены нами в ряде словарей:

1. В идеографическом словаре О.С. Баранова, где автор языковые средства выражения содержания понятия «пища» организовал в многоуровневую структуру — а) растительные продукты: овощные культуры, ягоды; крупы, мука, сухофрукты, специи, пряности, сладости, растительное масло; б) животные продукты: цельномолочные, кисломолочные, мясные и рыбные продукты, а также жиры¹⁴.

2. В Тематическом словаре русского языка выделены следующие рубрики: продукты питания; кушанья; приготовление пищи; сервировка стола; потребление пищи, отношение к пище¹⁵.

3. В масштабной работе Ю.А. Воробьёва выделено несколько наименований подгрупп: 1.1. хлебобулочные изделия, 1.2. яйцо, 1.3. ягоды, 1.4. рыба, 1.5. мясо, 1.6. овощи, 1.7. специи, 1.8. мёд, 1.9. маргарин, 1.10. молочные продукты, 1.11. фрукты, 1.12. растительное масло, 1.13. грибы, 1.14. кондитерские изделия, 1.15. домашняя птица, 1.16. орехи, 2.1. алкогольные напитки, 2.2. алкогольные смеси, 2.3. безалкогольные напитки¹⁶.

⁵ Кубрякова 2004; Карасик, Слышкин 2001; Бабушкин 1998; Болдырев 2002 и др.

⁶ Бабушкин 1996, 42.

⁷ Воробьёв 1997, 48.

⁸ Ожегов 2003, 182; Ушаков 3, 1939, 273; Абрамов 1999; Даль 3, 2000, 116.

⁹ Ляшевская 2004, 80.

¹⁰ Миронова 2002, 67.

¹¹ Чулкина 2004, 148.

¹² Урысон 2003, 190.

¹³ Ляшевская 2004, 179–205.

¹⁴ Баранов 1997, 332–339.

¹⁵ Саяхова, Хасанова, Морковкин 2000, 209–220.

¹⁶ Воробьёв 1994, 82.

4. В русской национальной лингвокультурологической модели кулинаронимов, которую разработала А. И. Леонова¹⁷, в состав ядра модели *продукты питания/пища*, помимо наименований блюд *щи, каша, блины, пирог*, на наш взгляд, в русском языке необходимо отметить также культурологически маркированное слово *хлеб* как название единственного продукта, который считали богатством Руси и символом питания¹⁸.

В промежуточном ярусе, выделенном А. И. Леоновой, наименования редко употребляемых блюд *битки, жаркое, заливное, кулебяка, похлёбка* дополним региональными и заимствованными названиями, например, *русские щи* в Приуралье (региональное блюдо) и *безе* (фр.), *бифитекс* (англ.) (заимствованные названия).

К периферии отнесём историзмы (*гороховик, гречневик, крошево*) и архаизмы (*сычуг, крупник, рубцы*), а также лимитированные периферийные названия блюд, которые используются в современном быту с ограничениями (по определённым праздникам или на поминках): *кулич, пасха, кутья*.

К лингвокультурологически ценным наименованиям русских национальных блюд следует отнести *блины, блинник, биточки, Гурьевская каша, заваруха, гороховики, калач, щи, бефстроганов, похлёбка, окрошка, пирог, уха, рассольник, солянка, каша, запеканка, вареники, кулич, пасха, кулебяка, холодец* и др.

Национальная лингвокультура питания представляет собой сложный и важный объект исследования, поскольку процесс питания является неотъемлемой частью жизнедеятельности для каждого человека, и для познания менталитета, для понимания и сохранения русской культуры необходимо изучение данной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н. 1999: Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/abramov/>.
- Бабушкин А. П. 1996: Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж.
- Бабушкин А. П. 1998: Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж.
- Баранов О. С. 1997: Идеографический словарь русского языка. М.
- Беленко Е. В. 2006: Концептосфера «Продукты питания» в национальной языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск.
- Болдырев Н. Н. 2002: Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов.
- Воробьев В. В. 1997: Лингвокультурология (теория и методы). М.
- Воробьев Ю. А. 1994: Лексика немецкого языка в культурологическом аспекте (опыт лексикологического описания на материале тематической группы «Пища»): дис. ... канд. филол. наук. М.
- Воробьева С. В. 2010: Лингвосомиотическая специфика англоязычного средневекового гастрономического дискурса // Вестник Нижегород. гос. лингвистического ун-та им. Н. А. Добролюбова. Вып. 12. Язык и культура. Нижний Новгород.
- Гашимов Э. А. 2005: Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода: на материале лексико-фразеологического поля «Продукты питания»: дис. ... канд. филол. наук. Самара.
- Головицкая Н. П. 2008: Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: монография. Волгоград.
- Даль В. И. 2000: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.
- Ермакова Л. Р. 2011: Глоттоническая номинация в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 9. Этно-, социо- и психолингвистика. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/9_94631.doc.htm.
- Загидуллина М. В. 2007–2008: Рацион: в 3 т. Т. 1. Челябинск.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. 2001: Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Волгоград, 75–80.
- Козько Н. А., Позхидаяева Е. В. 2012: Современный британский ресторанный дискурс: лингвокультура питания и питья // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. СПб. 4. Т. 1 (Филология), 166–176.
- Кубрякова Е. С. 2004: Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.
- Ляшевская О. Н. 2004: О семантической числовой парадигме имён существительных (названия пищи в русском языке) // Вопросы языкознания. 1, 79–105.
- Маслова В. А. 2004: Лингвокультурология. М.
- Миронова И. К. 2002: Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические репрезентации: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. Ч. 1–2.
- Муллагаева Л. К. 2001: Реалии русской культуры. Лингвокультурологический словарь: учеб. пособие для учащихся средних школ и учителей русского языка / Л. Г. Саяхова (ред.). Уфа.
- Ожегов С. И. 2003: Словарь русского языка. М.
- Олянич А. В. 2004: Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград.
- Пахомова И. В. 2003: Метафорическое представление концепта «еда/пища» в английской языковой картине мира новоанглийского периода: дис. ... канд. филол. наук. СПб.
- Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. 2000: Тематический словарь русского языка / В. В. Морковкин (ред.). М.
- Урысон Е. В. 2003: Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике русского языка. М.
- Ушаков Д. Н. 1939: Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.
- Чулкина Н. Л. 2004: Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание: монография. М.

LEXICOGRAPHICAL DISCOURSE AS FOOD LINGUOCULTURE REPRESENTATIVE

E. V. Pozhidaeva

Russian food linguoculture is observed in the article from the point of its reflection in lexicographic sources, the analysis of which allows us to study the unique culturally marked linguistic representation in the light of linguocultural approach.

Key words: national food linguoculture, discourse, linguoculturological, linguocultural item, field, gluttonic

¹⁷ Леонова 2003, 127.

¹⁸ Муллагаева 2001, 91.

© 2014

Н. В. Позднякова

ТИП САМОЗВАНЦА XVIII СТОЛЕТИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА ЕМ. ПУГАЧЁВА

Автор статьи на материале вербализаторов концептов «Время», «Мятеж», «Семья», «Религия», «Война» из следственного дела Ем. Пугачёва рассматривает формирование нового типа самозванца XVIII столетия — выходца из казачьей среды.

Ключевые слова: Ем. Пугачёв, концепт «Время», концепт «Мятеж», концепт «Семья», концепт «Религия», концепт «Война», языковая личность

Российская история богата самозванцами. «У нас с лёгкой руки первого Лжедмитрия, — писал В. О. Ключевский, — самозванство стало хронической болезнью государства: с тех пор чуть не до конца XVIII века редкое царствование проходило без самозванца»¹, большинство из которых были представителями высших сословий. Пугачёв же являлся выходцем из народных низов, что обусловило зарождение нового типа царского самозванства, своеобразие которого можно выявить через анализ лексики допросных речей. Он остался в нашей истории, в первую очередь, не только как самозванец, но и как бунтарь, поднявший на восстание огромные слои населения. Его обвиняли во всех смертных грехах: в жестокости, алчности, необузданности; пытались представить шпионом Франции или любого другого государства². Сама Екатерина II хотела узнать, не является ли самозванство Пугачёва делом иностранных агентов. О жестоком Пугачёве писал и А. С. Пушкин в «Истории Пугачёва», который затем «породил» и способного на добрые дела Пугачёва в «Капитанской дочке».

По особенностям использования языковых единиц можно судить о многих качествах и способностях человека, о его жизненной позиции и месте в обществе. Анализ допросных речей Ем. Пугачёва позволяет ответить на целый ряд вопросов. Кем был на самом деле Пугачёв? Злодей, не ценивший человеческих жизней, или «царь-батюшка», «защитник своих земель и людей»³; как он относился к жене, детям; был ли способен на любовь и дружескую привязанность; чем он интересовался, что умел делать; каким был его характер; как он оценивал жизнь; как относился к смерти?

Наиболее ярко черты Пугачёва, выходца из народных низов, проявляются в вербализаторах концептов «Время», «Семья», «Самозванство», «Религия». Богатый материал для понимания языковой личности, а через неё — народной культуры дают языковые единицы, репрезентирующие концепты «Время» и «Мятеж», которые являются основными в следственном деле Ем. Пугачёва⁴. Приведём несколько ярких примеров.

Будучи православным христианином, Пугачёв оперирует привычными наименованиями религиозных праздников, которые возникли у восточных славян после принятия христианства, наложившись на языческий аграрный календарь⁵. *Вербное воскресенье* празднуется за неделю перед *Пасхой* и отмечает вход господень в Иерусалим. После него наступает последняя неделя поста — *Страстная*, когда благословлялись сухоядение, покорность и размышления о грехах человеческих «ради страстей Христовых». Все дни *Страстной недели* назывались *Великими*⁶: именно в эти дни Христос претерпел страдания на кресте за грехи человеческие. Интересно, что для Пугачёва этот период времени (*Вербная неделя* — 18-24 марта, а *Страстная* — 25-30 марта 1773 г.) был тоже связан с физическими страданиями, т.к. он в это время содержался и допрашивался в тюрьме при Казанской губернской канцелярии: *Спустя, как с него сняли тяжёлые кандалы и наручни, дня с три отвели его в острог, и имянно на Вербной неделе, где все колодники содержатца. На Страшной же недели Великого поста стали его отлучать из острога для прошения милостыни по городу — за караулом одного салдата, — где он повсеместно и хаживал* (СД № 3, л. 266, с. 152). Этот пример является ярчайшим показателем отношения к религии и религиозным праздникам и обрядам не только Пугачёва, но и среднестатистического обывателя XVIII в.⁷ Пользуясь тем, что по православной традиции во время Страстной недели все добропорядочные христиане должны были просить прощение и прощать, а в материальном виде это выражалось в раздаче милостыни, караульные заставляли заключённых попрошайничеством на Страстной неделе зарабатывать деньги отнюдь не для религиозных целей. Этот факт — подтверждение того, что Ем. Пугачёв являлся «типичным» представителем своей эпохи, а религия со своими обрядами и праздниками для многих носителей русского языка XVIII в. являлась традицией, более того — привычкой, которая мало влияла на формирование морального облика личности. Приведённый ниже отрывок подтверждает мысль о богоульном отношении Пугачёва к религиозным праздникам и обрядам: *Из которой станицы (Зимовейской — Н.П.) сего 772 года в Великой пост бежал за границу, в свободу Ветку, в коей жил недель пятнадцать* (СД № 2, л. 2, с. 239).

Более интересен для понимания языковой личности Ем. Пугачёва таксон *никогда*. Являясь наречием времени с отрицательным оттенком, *никогда* используется Пугачёвым для оправдания своих действий/бездействий только в тех моментах биографии, которые тесно связаны с его самозванством и преступлениями против императрицы: *Признаётся также, что узрыzenie сердце его никогда не покидало, что имел он намерение пасть с чистым раскаянием пред милосердною государынею и самодержницею и звал для того ящких казаков в Москву, говоря им, что ест ли его не примут на Москве за государя, то уже сам в руки отдастся. Винится, что все дерзновенныя оныя слова, о коих разные допросы явствуют, произнесённым им о ея величестве пред народом, справедливо на него показаны, и что он предаёт на мучение богу душу свою, а тело на все казни, предписанные законом по важности его преступления* (СД № 2, л. 66 — 66 об., с. 125–126); ... он, Емелька, грамоте ни на каком языке

Позднякова Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: merkulovanv@bk.ru

¹ Ключевский 3, 1987, 26.

² См. Троицкий 1969; Шахмагонов 1990, 1991.

³ Андреев 1995, 53; Усенко 1995, 72.

⁴ См. подробнее Меркулова (Позднякова) 2006.

⁵ Шулежкова 2010, 148–152.

⁶ См. подробнее Фразеологический словарь старославянского языка 2011, 62–69.

⁷ Меркулова (Позднякова) 2005, 23–34.

ни читать, ни писать не умеет, и **никогда** не учился, потому что как он, Емелька, так и отец его, как выше он показал, были простые казаки (СД № 3, л. 231 об., с. 129). Тем самым Пугачёв пытается «обелить» себя, т.к., находясь под следствием, понимает, что может рассчитывать лишь на незначительные уступки со стороны императрицы (которая, кстати, также являлась самозванкой).

Ем. Пугачёв хорошо ориентировался во времени, сопоставлял и восстанавливал череду событий вплоть до каждого дня, что обнаруживается в различных показаниях разных отделений следственной комиссии. Несколько иная картина предстаёт перед нами при анализе таксонов, определяющих отношение самозванца к своим близким. Будучи отцом троих детей, Пугачёв путается в их возрасте. Ср.: *Возвратясь из того похода в дам свой, жил я в своём доме **четыре года**, в которое время прижил с женою своего сына Трофима, коему от роду ныне **10 лет**, и дочь Аграфену, оной ныне **шестой год** <...> и прижил меньшую свою дочь Христину, коей ныне **четвёртой или пятой год** (СД № 1, л. 101 об., с. 58–59); ... жёну свою и упомянутого сына Трофима, и двух малолетних дочерей Аграфену и Крестину, коим от роду: Аграфене **шестой**, а Крестине **четвёртой год**, а сыну **десять лет** или **двенадцатой год**, оставил в доме своём (СД № 3, л. 233–233 об., с. 130). Этот же период своей жизни Пугачёв в другом протоколе следственного дела определяет полутора годами: *По приходе ис Пруссии жил он в доме своём **года с полтора**, в кое время жена его родила сына Трофима (СД № 3, л. 321 об., с. 129). Более того, Пугачёв точно не помнит, когда умерли его родители, хотя для настоящего донского казака родители и дети являлись неизбежными составляющими казачьих устоев: ... отец назад тому **12 лет** умер, а мать **3 года** (СД № 1, ЦГАДА. Ф. 6. Д. 663. Л. 1., с. 56) и *И оные отец его и мать померли, а имянно: отец помер **лет с пятнадцатью**, — а подлинно не помнит, — а мать его умерла тому ныне **третий год**, а имянно после побегу его, Емельки, з дому (СД № 3, л. 228 об., с. 127); Примечательно, что эта забывчивость бунтаря наблюдается только по отношению к своей семье. Такое отношение к близким может свидетельствовать об авантюрном складе характера Пугачёва, о его неспособности жить как должно для настоящего казака. Стоит добавить, что все дети Пугачёва и обе его жены были заключены в крепость Кексгольм в январе 1775 г., где и умерли. Таким образом, Пугачёв, проживая свою жизнь, предопределил трагическую судьбу близких. По данным следственного дела неясно, как Пугачёв относился к своим детям. И немудрено: женившись на 18-м году, он спустя неделю уже отправился в поход, дома бывал урывками, детей практически не видел, а значит, не успел к ним по-настоящему привязаться. Поэтому самозванец, рассказывая о последнем поражении, упоминает своих малолетних детей наряду с потерянными пушками: *И на утренней заре было сражение, на котором я был разбит, потерял почти всех людей, **пушки, двух малолетних дочерей** и весь ограбленный мной багаж (СД № 1, л. 137 об., с. 102).****

Вообще лексема *пушка* помогает понять не только взгляды Ем. Пугачёва на военное искусство, но и его этические, нравственные принципы. Наименование орудия обычно соседствует в речах Пугачёва со словом *церковь* 'место, здание, для христианского богослужения, храм, Божий храм'⁸, и это наводит на мысль о том, что божий храм для Лжепетра — обычный атрибут российской жизни XVIII в.: самозванец венчается в церкви со своей невестой (чего требовал русский обычай), и его не смущает то, что православная церковь осуждает двоеженство: ведь у Пугачёва уже были жена и трое детей. Нисколько не колеблясь, Пугачёв позволил повстанцам убивать спрятавшихся в храме прихожан, а затем использовать церковь как огневую точку: ... *а между тем везены были и в **церковь пушки**, как в удобное место, откуда б можно было выстрелами подкрепить свою толпу (СД № 1, л. 127 об., с. 87). Вообще, из речей Пугачёва можно заключить, что он верующий человек, но вера эта — привычный образ мышления, без «страха божьего», без истоности: *И хотя <...> не время было мне явиться, однакож, видно, так **бог велел**; изо всех мест меня **бог вынес**. Пугачёв скорее убеждён в том, что он удачлив и ему часто везёт, а Бога поминает всуе: формулы *бог велел*, *бог вынес* входили в лексикон всякого русского мужика.**

Самозванец отдавал себе отчёт в том, что вся его история закончится смертной казнью, поэтому, продолжая играть избранную им роль на допросах в Тайной канцелярии, он пытался хоть как-то смягчить свою участь, рассказывая о том, как уговаривал своих сообщников «очистить свои беззакония и грехи заслуженною казнию, нежели погибнуть без покаяния на степи как диким зверям» (СД № 2, л. 66, с. 126). О заслуженной смерти Пугачёв говорит не раз, но следующая цитата нам кажется более правдоподобной, реально отражающей намерения несостоявшегося самодержца: *А шол на то: **естли** удасться чем поживиться, или **убиту** быть на войне — **вить** все я **заслужил смерть**, — так лучше **умереть** на войне (СД № 1, л. 139, с. 104). Смерть в бою привлекательна для Ем. Пугачёва не только потому, что это славная смерть, но и потому, что она лёгкая, не мучительная. Конечно, Пугачёв не мог не бояться смерти, как и любой нормальный человек. Он знал о грозящих ему наказаниях, слышал, что «наряжается во все места команда сыскивать того человека, который называется государем» (СД № 1, л. 118, с. 76), приходил и в «великую робость», и пугался, но чаще всего даже во время допросов с пристрастием мог настоять «крепко в произнесённых <...> точных словах» (СД № 1, л. 108 об., с. 65).*

Функционирование в следственном деле Ем. Пугачёва языковых единиц, репрезентирующих отношение к таким константным понятиям, как религия, семья, жизнь, смерть и др., позволяет увидеть в языковой личности Ем. Пугачёва типичного представителя казачества последней трети XVIII столетия, вобравшего в себя основные черты народной культуры, хотя, несомненно, это был человек яркий, решительный, самобытный, проявивший себя как прирождённый лидер, обладающий даром слова, как талантливый полководец и как бунтарь, способный бесстрашно идти к своей цели, часто проявляя жестокость к близким и пренебрегая христианскими этическими нормами.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев И. 1995: Самозванство и самозванцы на Руси // Знание — сила. 8, 46–56.

Даль В. И. 1991: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.

СД 1997: Емельян Пугачёв на следствии: сб. документов и материалов / отв. исполнитель Р. В. Овчинников. М.

Ключевский В. О. 1987: Сочинения: в 9 т. Т. 3. М.

Меркулова (Позднякова) 2005: Названия религиозных праздников и обрядов как один из фрагментов фразеосемантического поля «Время» в следственном деле Емельяна Пугачёва // «Благословенны первые шаги»: сб. работ молодых исследователей. Вып. 6 / С. Г. Шулежова (ред.). М.

⁸ Даль 4, 1991, 573.

- Меркулова (Позднякова) Н.В.* 2006: Вербализаторы концептов «Время» и «Мятеж» в следственном деле Емельяна Пугачёва как материал для воссоздания языковой личности последней трети XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск.
- Осипова А.А.* 2012: Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В.П. Астафьева: монография. М.
- Троицкий С.М.* 1969: Самозванцы в России XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 3, 134–147.
- Усенко О.* 1995: Самозванство на Руси: норма или патология? // Родина. 1, 53–58; 2, 69–73.
- Фразеологический словарь старославянского языка* 2011: свыше 500 ед. / С.Г. Шулежкова, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова, А.Н. Михин [и др.] (сост.); С.Г. Шулежкова (отв. ред.). М.
- Шулежкова С.Г.* 2010: К истории формирования концепта «Праздник» у восточных славян // Фразеология, познание и культура: сб. докладов 2-й М.-н. науч. конф.: в 2 т. Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии / отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. Белгород.
- Шахмагонов Ф.Н.* 1990: Прикажете ли вешать? // Военно-исторический журнал. 11, 91–95.
- Шахмагонов Ф.Н.* 1991: Главное свойство правды: Е. Пугачёв — разрушитель или герой? // Человек и закон. 3–4, 80–90.

TYPE PRETENDER XVIII CENTURY ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE INVESTIGATION OF THE CASE
E. PUGACHEV

N. V. Pozdnyakova

The author of the article on the material of verbalization concepts of “Time”, “Rebellion”, “Family”, “Religion”, “War” from the investigation file E. Pugachev considers the formation of a new type pretender in XVIII century — Cossack by birth.

Key words: E. Pugachev, the concept “Time”, the concept “Rebellion”, the concept “Family”, the concept “Religion”, the concept “War”, linguistic personality

© 2014

Е. В. Старостина

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН РАЗНОГО ВОЗРАСТА
(по материалам ассоциативных словарей)

Настоящее исследование посвящено сопоставительному изучению ассоциативных полей, полученных от испытуемых разного возраста в ходе ассоциативных экспериментов, а также на основе анализа ассоциативных словарей.

Ключевые слова: вербальные ассоциации, ассоциативный эксперимент, ассоциативный словарь

Одним из наиболее эффективных путей изучения языкового сознания является метод исследования вербальных ассоциативных реакций. Эффективность данного подхода доказана многочисленными работами (см. труды Н.В. Уфимцевой, Ю.Н. Караулова, Е.Ф. Тарасова и др.). Как отмечает Е.Ф. Тарасов, ассоциативное поле (экспериментально создаваемый артефакт) можно поставить в один ряд с такими формами фиксации общенационального словаря, как академические грамматика и толковые словари¹.

Предметом настоящего исследования является возрастная динамика языкового сознания носителей русского языка. Возрастная динамика ассоциативных полей достаточно хорошо изучена у таких групп испытуемых, как дети и молодёжь студенческого возраста, и лишь некоторые работы посвящены анализу ассоциаций взрослых носителей языка (например, работы Т.М. Рогожниковой, И.Л. Гарбар). Основной причиной этого является отсутствие ассоциативных словарей, содержащих реакции представителей старшего поколения. Существует несколько детских ассоциативных словарей (например, Русский ассоциативный словарь школьников)², а наиболее известный и представительный Русский ассоциативный словарь³ в основном содержит реакции испытуемых студенческого возраста.

Материалом данного исследования является база данных ассоциаций носителей русского языка в возрасте от 17 до 55 лет, собранная нами путём проведения свободных ассоциативных экспериментов. Объём базы составляет 979 анкет, в которых содержится 48950 реакций на 100 стимулов. Для сопоставления мы использовали данные Русского ассоциативного словаря школьников, включающего реакции детей 1–11 классов.

Задача, которая решается в работе, — это выявление различий в степени стереотипности ассоциаций у разных возрастных групп испытуемых. Стереотипность разными исследователями понимается по-разному и вычисляется разными способами. Нами стереотипность ответов понимается как процент наиболее частотных реакций. Вычисляется она путём сложения частот главных ассоциатов, т.е. реакций, доля которых составляет более 5% (способ вычисления стереотипности, предложенный В.Е. Гольдиным)⁴.

Существуют данные о том, что общность ответов испытуемых (т.е. стереотипность их реакций) является показателем речевой зрелости⁵. Следовательно, можно предположить, что реакции старших возрастных групп испытуемых будут более стереотипными. Исследование показало, что уровень стереотипности в разных ассоциативных полях меняется по-разному.

Старостина Евгения Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: Sev79@list.ru

¹ Тарасов 2000, 24.

² Гольдин, Слобнова, Мартынов 2011.

³ Караулов, Черкасова, Уфимцева 2002.

⁴ Гольдин, Слобнова 2008.

⁵ Горошко 2001.

В каких-то случаях ассоциативные поля действительно с возрастом становятся более стереотипными, т.е. увеличивается процент наиболее частотных реакций. При этом стереотипность может возрастать как за счёт увеличения количества главных ассоциатов, так и за счёт увеличения количества испытуемых, давших подобные реакции. Рассмотрим в качестве примера ассоциативное поле «билет» (см. таблицу 1).

Таблица 1. ГЛАВНЫЕ АССОЦИАТЫ НА СТИМУЛ «БИЛЕТ».

Русский ассоциативный словарь школьника	База данных ассоциаций					
	1–4 класс (237 чел.)	5–6 класс (146 чел.)	7–8 класс (195 чел.)	9–11 класс (135 чел.)	17–20 лет (132 чел.)	21–30 лет (196 чел.)
– 14,34 %*	бумага 12,32 %	экзамен 9,23%	экзамен 13,33 %	поезд 15,91 %	поезд 20,41 %	поезд 18,79 %
бумага 5,9 %	– 10,3 %	поезд 6,15%	– 8,88 %	автобус 12,88 %	поездка 9,69 %	кино 8,05 %
	в цирк 4,79 %	бумага 5,12%	поезд 7,4 %	– 5,3 % кино 5,3 %	экзамен 8,16 %	поездка 7,38 %
			на поезд 6,66 %		автобус 6,12 %	автобус 5,37 %
			автобус 5,92 %			театр 5,37 %
Стандартность ассоциативного поля						
5,9 %				17,11 %		
средняя стандартность поля — 30,17 %						
стандартность детского поля — 19,2 %				стандартность взрослого поля — 41,14 %		
* Прочерком обозначены нулевые реакции (отказы от реагирования)						

Как видно из таблицы, стандартность поля «билет» плавно возрастает от 5,9% до 45%. Доля первой (самой частотной) реакции колеблется в пределах 5,9–13,3% у школьников, в пределах 15,9–20,4% у взрослых. У взрослых, таким образом, доля первой реакции в целом выше. Количество отказов (нулевых реакций) высоко у школьников 1–4 классов (14,3%), постепенно снижается до 8,8% у школьников 10–11 классов (при этом отказы не входят в число главных ассоциатов у детей 7–8 классов). Количество главных ассоциатов также плавно возрастает от 1 у школьников 1–4 классов до 4 у школьников 10–11 классов. У взрослых их количество остаётся в пределах 3–5. Характер первой реакции при этом меняется: «бумага» — у школьников 1–4 и 5–6 классов, «экзамен» — у школьников 7–8 и 9–11 классов, «поезд» — у взрослых.

Реакции второго и последующих рангов у различных возрастных групп разные («в цирк», «поезд», «автобус», «поездка», «кино» и др.). При этом главные ассоциаты у взрослых и учеников 9–11 классов практически одни и те же, меняется только их ранг. Есть такие реакции, которые входят в число главных только у испытуемых одной возрастной группы. Так, реакцию «бумага» дают только дети до 8 класса, реакцию «в цирк» — только ученики 5–6 класса, реакцию «кино» — только испытуемые 17–20 лет, реакцию «театр» — только испытуемые 31–55 лет.

Качество главных ассоциатов детей и взрослых позволяет достаточно легко определить характер изменений, которые происходят в языковом сознании носителей языка с возрастом. Для детей младшего возраста билет — это просто бумага, часть из них даёт нулевые реакции. Дети постарше уже «знают», что можно купить билет в цирк и на поезд. Для старшеклассников актуализируется другое значение слова *билет* — «экзаменационный билет». Для взрослых самым стандартным значением этого слова становится значение «проездной документ» (билет на поезд, автобус), хотя остаётся и значение «входной билет на какое-л. мероприятие» (билет в кино, театр).

Такого рода изменения уровня стереотипности поля характерны не для всех рассмотренных нами полей. Так, более стереотипными поля взрослых испытуемых были только в 53 случаях из 100, в 27 случаях более стереотипными оказались поля детей, и в 20 случаях стереотипность полей была примерно одинаковой. Однако, на наш взгляд, это позволяет говорить о том, что в целом с возрастом стереотипность реакций увеличивается.

Рассмотрим другой пример, когда уровень стереотипности поля детей и взрослых примерно одинаков (см. таблицу 2).

Таблица 2. ГЛАВНЫЕ АССОЦИАТЫ НА СТИМУЛ «ПАПА».

Русский ассоциативный словарь школьника				База данных ассоциаций		
1–4 класс (369 чел.)	5–6 класс (243 чел.)	7–8 класс (216 чел.)	9–11 класс (227 чел.)	17–20 лет (155 чел.)	21–30 лет (143 чел.)	31–55 лет (106 чел.)
Мама 43,4 %	мама 32,5%	мама 39,8%	мама 35,7%	мама 31,61%	мама 27,27 %	отец 24,53 %
отец 7 %	отец 10 %	отец 9,7%	отец 9,7 %	отец 7,74 %	отец 21,68 %	мама 16,98 %
	мой 7 %			родитель 6,45 %	мужчина 8,39 %	семья 6,6 %

	– 6,6 %			– 5,81 %	родной 6,29 %	
	родитель 5,8 %			мужчина 5,16 %		
Стандартность ассоциативного поля						
50,4 %	55,3 %	49,5 %	45,4 %	50,96 %	63,63 %	48,11 %
средняя стандартность поля — 52,3 %						
стандартность детского поля — 50,2 %				стандартность взрослого поля — 54,23 %		

Как видно из таблицы, стандартность поля у разных групп испытуемых колеблется в пределах 48–63% и меняется хаотически. Стандартность детского и взрослого полей примерно одинакова (50,2% и 54,23% соответственно). Доля первой реакции немного снижается с 43% до 24%. У детей она несколько выше, чем у взрослых. Характер ассоциата первого ранга при этом не меняется, у всех испытуемых первой реакцией является реакция «мама» (кроме испытуемых 31–55 лет, у них этот ассоциат уходит на второе место, а на первое место выходит реакция «отец»). Характер второго ассоциата тоже не меняется — это реакция «отец» (кроме группы испытуемых 31–55 лет).

У некоторых групп испытуемых добавляются ассоциаты третьего и четвертого рангов: у школьников 5–6 классов — «мой», «родитель»; у испытуемых 17–20 лет — «родитель», «мужчина», у испытуемых 21–30 лет — «мужчина», «родной», у испытуемых 31–55 лет — «семья». Таким образом, у детей в основном только 2 реакции выступают как частотные (кроме учеников 5–6 классов), у взрослых главными являются 3–4 ассоциата, за счёт этого общая стандартность поля не меняется.

У испытуемых 17–20 лет доля реакции «мама» составляет 31%, доля реакции «отец» — около 7%, т.е. основным способом реагирования, как и у детей, является реагирование с помощью антонима. У испытуемых 21–30 лет доли этих реакций сближаются — 27% и 21% соответственно. У испытуемых 31–55 лет данные реакции меняются местами, т.е. основным способом реагирования становится реагирование с помощью синонима.

Как мы видим, в отличие от поля «билет», ассоциативное поле «папа» гораздо более стандартно и меньше меняется с возрастом испытуемых. Это свидетельствует о том, что значение слова «папа» оказывается освоенным уже в младшем школьном возрасте и в дальнейшем происходят лишь незначительные изменения, связанные с использованием той или иной стратегии реагирования (реагирование с помощью антонима или с помощью синонима).

ЛИТЕРАТУРА

- Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. 2008: Русская ассоциативная лексикография: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Саратов.
 Гольдин В. Е., Сдобнова А. П., Мартынов А. О. 2011: Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Саратов.
 Горюшко Е. И. 2001: Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента: монография. М.; Харьков.
 Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. 2002: Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стим. М.
 Тарасов Е. Ф. 2000: Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / Н. В. Уфимцева (ред.). М., 24–32.

SPECIFICITY OF THE LINGUISTIC MINDS OF RUSSIANS OF DIFFERENT AGE (based on associative dictionaries)

E. V. Starostina

The research is devoted to the comparative study of associative fields which are gained from people of different age being tested by associative experiments and on the basis of associative dictionary analysis.

Key words: verbal associations; associative experiment; associative dictionary

© 2014

О. Е. Чернова

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИДЕОЛОГЕМ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

В работе обосновывается необходимость создания словаря современных идеологов, отражающих реалии российского консерватизма. Автор акцентирует внимание на идеологемах тематической группы «трудовая деятельность». В качестве материалов исследования привлекаются тексты федерального и региональных сайтов партии «Единая Россия».

Ключевые слова: идеологема, российский консерватизм, тематическая группа «трудовая деятельность», труд

Чернова Оксана Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и речевой коммуникации Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: ochef08@inbox.ru

В наши дни такое направление языковедческих исследований, как политическая лингвистика, развивается особенно интенсивно. Исследователи стремятся дать адекватное описание всех аспектов функционирования языка политики: его лексической, фразеологической, грамматической, лингвокультурной и коммуникативной сторон. Научная работа в любой из этих областей невозможна без лексикографических источников. Между тем, словарь современных идеологем, отражающих реалии российского консерватизма — новой партийной идеологии, провозглашённой 21 ноября 2009 г. на XI Съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия», — пока не создан.

Цель данной работы — попытка очертить круг наименований современных идеологем. В нём, по нашим наблюдениям, тематическая группа «трудовая деятельность» является наиболее обширной. Её активное формирование обусловили экстралингвистические факторы: идеологи российского консерватизма, определяя дальнейшие перспективы развития России, приоритетной национальной стратегией избрали внедрение высоких технологий. По их мнению, модернизационный прорыв улучшит качество жизни россиян. В данном процессе основополагающим является повышение производительности труда в различных областях промышленности. Труд, как и десятки лет назад¹, снова становится главной идеологически значимой ценностью. Положительная идеологическая оценка присутствует практически во всех программных документах партии «Единая Россия». Так, Д. Медведев в «Новой редакции Программного документа “Единой России”» отметил: «Будущее России строится сегодня ежедневным трудом каждого из нас»².

Слово *труд*, по данным толковых словарей, имеет лексико-семантический вариант (ЛСВ), включающий семантические признаки: ‘деятельность’, ‘целесообразная’, ‘требующая напряжения’, ‘созидающая’, ‘с помощью орудий производства’. Этот ЛСВ является нейтральным в системе языка и не имеет идеологических коннотаций. Однако в реальном речевом существовании, в частности в текстах партии «Единая Россия», он утрачивает нейтральность за счёт коннотаций, отражающих идеологические ценности. Идеологические коннотации появляются под влиянием контекста, благодаря которому в значении слова могут наводиться различные прагматические семы. Потому при выявлении идеологем так важно учитывать контекстное окружение слова *труд*. Анализ текстов, созданных единороссами, позволяет представить следующий перечень идеологем, отражающих морально-этические представления о труде: *достойный труд*, *ежедневный труд*, *качественный труд*, *нормальный труд*, *производительный труд*, *самоотверженный труд*, *свободный труд*, *современный труд*, *созидательный труд*, *упорный труд*, *честный труд*.

На нескольких примерах обоснуем причины отнесения перечисленных сочетаний к идеологемам.

1. Идеологема *достойный труд*. Она получила жизнь благодаря одноимённому национальному проекту единороссов «Достойный труд», направленному на снятие остроты демографического кризиса: *Цели проекта: Создание достойных и безопасных условий труда — при этом под определением «достойный труд» понимается достойная заработная плата и соблюдение трудовых прав граждан...»*³. Цели проекта делают частный интерес при получении продуктов трудовой деятельности приоритетным. Лексическое значение слова *труд*, помимо семы ‘трудовая деятельность, осуществляемая в условиях государственной политики, предоставляет материальные блага для субъекта’, благодаря контекстному партнёру *достойный* («справедливый, заслуженный»⁴) получает приращение ‘справедливый’. Залогом адекватной затраченным усилиям заработной платы становится принадлежность труда к ценностям новой идеологии.

2. Идеологема *самоотверженный труд*. Характеризуя труд в морально-этическом ключе, единороссы расширяют лексическое значение слова *труд* за счёт актуальной семы ‘альтругический’: *Первый вице-премьер РФ Виктор Зубков в субботу, 8 октября, в канун Дня работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности вручил государственные и правительственные награды лучшим работникам отрасли <...> Собран достойный урожай — по многим культурам рекордный, — отметил первый вице-премьер. — Одним словом, удалось преодолеть спад производства, вызванный двухлетней аномальной засухой. В этом прежде всего ваша заслуга, результат вашего самоотверженного труда»*⁵; *Благодаря вашему самоотверженному труду, верности своему делу сегодня подрастает замечательное поколение — активное, творческое, умеющее принимать самостоятельные решения»*⁶. Успешность реализации семантического компонента ‘альтругический’ обеспечивает слово *самоотверженный* («жертвующий своими интересами ради других, ради общего блага»⁷) — основной контекстный партнёр лексемы *труд*. Направленный на принесение пользы обществу труд в данных высказываниях получает положительную идеологическую оценку, поскольку он осуществляется в соответствии с интересами правящей партии.

3. Идеологема *созидательный труд*. Контексты, содержащие эту идеологему, показывают, что труд в социальном, экономическом и т.д. развитии играет важную роль. Это сближает актуализировавшийся смысл с одним из ЛСВ лексемы *труд* в толковых словарях, затрагивающих сферу частного, индивидуального. Труд — это *дело* конкретного человека, представляющее собой атрибут социальных отношений, мыслящийся предметно⁸. Приведём примеры: *Губернатор Оренбургской области, член Президиума регионального Политсовета партии «Единая Россия» Юрий Берг выразил уверенность, что общими усилиями, упорным, созидательным трудом россияне смогут добиться значительных результатов и обеспечить достойное гордости за свою страну будущее детям и внукам»*⁹; *Мы всегда говорили о необходимости создать в России и укреплять по-настоящему массовый средний класс. Сегодня этот класс — это прежде всего те люди, которые тащат на себе всю страну. Кто это: это предприниматели, создающие реальные товары и услуги, это квалифицированные врачи, учителя, преподаватели вузов, рабочие и инженеры, деятели науки и культуры, труженики села — на них, по сути, всё*

¹ См. Чернова 2004; 2013.

² Обсуждаем новую редакцию Программного документа «Единой России», 21.11.09, http://www.edinoros34.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=175:-l-r&catid=56:-q-q-q-q&Itemid=5

³ Достойный труд, 09.08.11, <http://er.ru/projects/2011/8/9/dostojnyij-trud/>

⁴ Ожегов 2003, 177.

⁵ Зубков: Достойный урожай — заслуга самоотверженного труда работников АПК, 13.09.11, <http://er.ru/news/2011/9/13/ivan-kononov-u-rossijan-mozhet-ischeznut-motivaciya-k-trudu/>

⁶ Программа Всероссийской партии «Единство и Отечество» — Единая Россия, <http://www.edinros39.ru/party/documents/programm/index.php>

⁷ Ожегов 2003, 695.

⁸ См. об этом подробнее: Осипова 2007.

⁹ Кострома отметила День России выставкой «Покупай костромское», 12.06.11, <http://old.er.ru/text.shtml?20/7384,101818>

*держится. Это люди, создающие будущее*¹⁰. Выражения *достойное гордости за свою страну будущее детям и внукам и люди, создающие будущее* наводят в актуальное значение слова *труд* сему 'труд субъекта оборачивается общей пользой для россиян'.

4. Идеологема *честный труд*. Современная демократическая действительность отрицает эксплуатацию, тем не менее, в текстах партии «Единая Россия» косвенное указание на неё присутствует: *Партия ставит своей целью сделать Россию обществом возможностей, страной, справедливой по отношению ко всем своим гражданам. Мы намерены всемерно поддерживать и стимулировать самостоятельность и инициативу каждого россиянина. Его жизненный успех должен стать прямым следствием его таланта, честного труда, гражданской активности и законопослушания. И напротив — незаконное обогащение за счёт других должно рассматриваться обществом как тяжёлый порок, заслуживающий общественного порицания и адекватной правовой оценки*¹¹. В выражении *незаконное обогащение за счёт других* имплицитно содержится идеологема *эксплуатация*. Внутренняя семантическая структура лексемы *эксплуатация* отражает ущемление морального принципа *трудоустроенных на личную пользу*. Актуализированная в контексте сема 'эксплуатация препятствует реализации принципа социального равенства' накладывает ограничения на справедливое получение продуктов труда. Воспроизведение идеологического смысла советской эпохи, вероятно, направлено на то, чтобы утвердить как нужный ведущий принцип новой идеологии — *справедливое отношение ко всем своим гражданам*. Он активно используется членами «Единой России» при демонстрации новых идеологических представлений: *... такие ценности, как труд, справедливость значимы для всех нас*¹²; *Для нашей страны такие понятия, как приверженность традициям добрососедства и трудолюбие, достоинство и справедливость, патриотизм и крепкая семья являются ключевыми в определении нашей национальной, культурной идентичности*¹³. Высказывания фиксируют стереотипное видение власти как субъекта, способного контролировать распределение средств и при необходимости восстанавливать справедливость.

Подводя итог сказанному, отметим, что языковая политика «российского консерватизма» активно формирует систему идеологем. Исследование, представленное в данной работе, является пока первым шагом на пути создания словаря идеологии построения «новой свободной, процветающей, сильной России на основе неоспоримых ценностей»¹⁴.

ЛИТЕРАТУРА

- Кутина Н. А. 1995: Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, Пермь.
 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 2003: Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.
 Осипова А. А. 2007: Формирование и развитие лексического значения ключевого слова концепта *Дело* в русской языковой картине мира // Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы: сб. науч. ст. по материалам междунар. конф. / Е. В. Брыкина (науч. ред.). Волгоград, 32–39.
 Чернова О. Е. 2004: Концепт «труд» как объект идеологизации: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
 Чернова О. Е. 2013: Концепт «труд» как зеркало идеологических изменений в России: монография. Saarbrücken (Germany).

THE PROBLEM OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF RUSSIAN CONSERVATISM IDEOLOGEMES

O. E. Chernova

The author proves the necessity of creation of modern ideologemes dictionary describing the Russian Conservatism realities. The author pays attention to ideologemes of the thematic group "labour" as the mostly widespread nowadays. Texts of federal and regional sites of United Russia Party are analyzed.

Key words: ideologeme, Russian Conservatism, thematic group "labour", United Russia Party, labour

© 2014

Н. М. Шевченко

КОГНИТИВНЫЕ ТИПАЖИ СКВОЗЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКУЮ ПРИЗМУ

Статья посвящена выявлению когнитивно-концептуальных знаков в кодовой системе индивида и репрезентации их в авторской лексикографии.

Ключевые слова: когнитивная метафора, когнитивно-прагматический анализ, когнитивно-концептуальные знаки, авторская лексикография

Когнитивное направление в лингвистике определяет современный этап развития языка. Это связано с тем, что в центре языковой картины мира стоит индивид с конкретизацией метафорического мышления. Идея наличия когнитивной метафоры в мыслительной деятельности индивида помогла учёным подойти к решению основных теоретических проблем когнитивной

¹⁰ Выступление Председателя Партии «Единая Россия», Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина на XII съезде Партии «Единая Россия» 24 сентября, 26.09.11, <http://www.edinros39.ru/speech/4263.php>

¹¹ VII Съезд принял Программное заявление партии «Единая Россия», 15.04.08, chelyabinsk.er.ru/party/zayavlenie/

¹² Михаил Юревич: Праздник объединяет людей разных поколений, 29.04.11, <http://chelyabinsk.er.ru/news/newsmain/?id=204>

¹³ Яровая: Любые экономические успехи — следствие духовной силы, 25.05.11, ER.ru>text.shtml?20/5186_100022

¹⁴ Тезисы новой редакции Программного документа Всероссийской политической Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» // orenburg.edinros.ru, http://orenburg.edinros.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=209%3A-1-r&catid=31&Itemid=1

Шевченко Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая лексикографическим отделом Кыргызско-Российского Славянского университета. E-mail: shefa15@rambler.ru

лингвистики: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична»¹. Именно на этом акцентировал своё внимание Ш. Балли, считавший, что человек способен уподоблять абстрактные понятия предметам чувственного мира, потому что это единственный способ индивида познать мир и передать свои знания другим. Идея о человеческом сознании как продукте взаимодействия мысли и языка в своё время прозвучала и в работах А. А. Потебни, считавшего, что только язык служит посредником между человеком и окружающим миром, только при помощи языка человек познаёт и совершенствует этот мир². Только слово является средством выражения сознания индивида, а поэтому к его значению необходимо подходить не только с позиции чисто лингвистического описания, но и с учётом взаимодействия перцептивных, когнитивных и аффективных процессов и их продуктов при постоянных переходах между разными уровнями осознанности³. Это положение полностью соответствует утверждениям В. Гумбольдта о том, что изучение языка не может протекать изолированно от культуры, носителем которой является каждый представитель определённого этноса, поскольку «... язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», это сумма всех слов, «объединённая духовная энергия народа...»⁴.

Всех исследователей когнитивного направления в первую очередь интересуют механизмы восприятия и осмысления мира индивидом, структуры знаний, которыми обладает человек и которыми он оперирует в процессе мышления и общения. В связи с этим в языкознании определяется широкий спектр подходов к исследованию языка: лингвокогнитивный, дискурсивный, лингвопрагматический, лингвокультурологический, лингвоперсональный.

Обобщая идеи взаимодействия лингвокогнитивистики и лингвопрагматики, Н. Ф. Алефиренко выдвигает положение о том, что в современном языкознании обретает категориальные черты когнитивно-прагматическая *субпарадигма* науки о языке — промежуточное лингвокогнитивное видение языка, которое обладает тремя свойствами: *антропоцентрической сущностью, деятельной природой и динамизмом*⁵. Взаимодействие этих свойств языка лучше всего прослеживается в художественном тексте, в сложнейшей по своей организации системе. С одной стороны, это частная система средств национального языка, с другой — в художественном тексте возникает собственная «кодовая система», которая призвана выполнять креативную, поэтическую и мнемоническую функции⁶. С этой точки зрения, художественный текст представляет собой «модус языковой действительности» и рассматривается как целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора⁷.

Пристальное внимание к тексту таких исследователей, как А. А. Потебня, Б. А. Ларин, Л. В. Щерба, Л. И. Тимофеев, А. И. Ефимов, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л. А. Новиков, М. Л. Гаспаров, И. И. Ковтунова, Ю. М. Лотман, В. П. Григорьев, О. Г. Ревзина и др., привело к формированию основ когнитивного направления описания и изучения языка писателя в лингвистике.

Перед лингвистами встали новые задачи, решаемые в связи с развитием межкультурной коммуникации. В языкознании метафора утвердилась как основная единица, формирующая всю когнитивную систему индивида. А единице мыслительного уровня присвоили термины «когнитивная метафора» (Арутюнова Н. Д.) и «концептуальная метафора» (Телия В. Н.). Указывая на отличительные функции когнитивной метафоры и языковой, воплощающей лишь риторические возможности вторичной номинации, Н. Ф. Алефиренко считает, что «когнитивная метафора — это механизм, позволяющий новую мысль (сферу) представлять через другую, известную мысль (сферу), другими словами, это способ думать об одной содержательной области посредством понятий о другой области, уже освоенной человеком»⁸.

Стало очевидным, что когнитивная теория, отражая метафоризацию человеческого мышления, вербализованного в *когнитивно-концептуальных знаках*, определяющих языковые показатели кодовой системы индивида, базируются на концептуальной метафоре и являются основой прагматикона⁹. *Когнитивно-концептуальные* знаки отличаются однородностью при сохранении основных своих особенностей — нести образ, познания, характеристики и оценки, отражая этнокультуру. Это связано с функциональными особенностями языковых знаков в художественном тексте, где они репрезентируют уникальность своей природы: выполняют речемыслительную функцию, формируя кодовое мышление, реализованное в ценностно-смысловом пространстве автора. Это подтверждается идеей Н. Ф. Алефиренко, опирающегося на знания пресуппозиций, о наличии текстопорождающих средств языка, используемых автором для осуществления исходной художественно-смысловой интенциональности¹⁰.

Основой *когнитивно-концептуальных знаков* является прагматическая информация, таящая в себе коды личностных ориентиров в окружающем мире, коды авторских познаний, констатирующих положение дел в реальном мире. Ю. Н. Караулов считает, что «через прагматикон язык формирует человека, раскрывая содержание третьего уровня в структуре языковой личности и добавляя в вербально-грамматический — «ЯЗЫК» — и в когнитивный — «МИР» — третью, прагматическую составляющую структуры — «Я В МИРЕ». Позиция автора (говорящего) «Я В МИРЕ» определяется, прежде всего, его оценками и самооценками»¹¹. Идея Ю. Н. Караулова подтверждается исследованиями Н. Ф. Алефиренко, утверждающего, что при когнитивно-прагматическом анализе в центре внимания оказывается не только язык в его системном отношении, но и более высокое единство — деятельное единство языка, речевого общения и человека. Это триединство обеспечивает существование в реальном мире, где он мыслит, познаёт и создаёт вокруг себя ценностно-смысловое пространство — эпицентр человеческой культуры и цивилизации¹².

¹ Лакофф, Джонсон 2004, 25.

² Потебня 1999, 32.

³ Залевская 2001, 144.

⁴ Гумбольдт 1999, 348.

⁵ Алефиренко 2011, 16–17.

⁶ Лотман 1979, 203.

⁷ Алефиренко 2005, 303.

⁸ Алефиренко 2013, 30.

⁹ Шевченко 2013.

¹⁰ Алефиренко 2011, 26–27.

¹¹ Караулов 2003, 12.

¹² Алефиренко 2011, 26–27.

Когнитивно-концептуальные знаки, являясь достоянием индивидуально-кодовой системы, способствуют возникновению авторского образа, на основе сравнения или противопоставления с уже существующими, освоенными и осознанными индивидом объектами действительности. К этому типу знаков относятся *авторские метафоры, дигнтонимы, прецедентные характеристики, авторские фразеологизмы, авторская паремия, авторские формулы и афоризмы*, возникающие на высоком потенциале метафорического мышления.

Объединяя признаки слова и текста, выделенные единицы несут на себе многоаспектную прагматическую информацию и являются источником изучения языковой картины мира, языковой личности, языкового и лексикографического портретов. *Когнитивно-концептуальные знаки* несут главные для автора идеи и однозначно характеризуют идиостиль на фоне общелитературного языка.

В данном случае нас интересует языковое сознание человека и функционирование языка в сознании языковой личности. Материальной базой индивидуального языка всегда является общий язык, характеризующий языковой портрет. При описании когнитивно-концептуальных единиц язык является и объектом исследования, и средством описания, репрезентируя «язык индивида в языке», что даёт возможность описать эту систему через внутренний мир индивида и проследить отражение элементов культуры индивида в языке.

Решение этой проблемы оказалось очень перспективным для лексикографов, продуктом которых являются авторские словари, способные объективировать результаты языковой деятельности конкретной языковой личности в пределах определённого культурно-временного пространства.

Мы считаем, что только авторские словари способны зафиксировать систему кодовых смыслов индивида и воспринять им реальность социально обусловленных ценностей. *Когнитивно-концептуальные* единицы легко и свободно поддаются лексикографической квалификации с сохранением всей скрытой в них информации. Этот показатель должен стать значимым для развития жанровых особенностей авторской лексикографии. Чем разнообразнее жанровое представление авторской лексикографии, тем ближе исследователь к познанию языковой личности. Координируя эту проблему, Ю. Н. Караулов отмечает: «Типологию авторских словарей хотелось бы строить с таким расчётом, чтобы полученная классификационная сетка позволяла выявить “пустые клетки” в системе, указывая на не реализованные авторской лексикографией возможности»¹³. Результаты наших исследований позволили выявить и заполнить «пустые клетки» в лексикографической системе, определяя не реализованные авторской лексикографией возможности, на которые указывает учёный¹⁴.

Лексикография играет важную роль в контексте проблемы «язык и культура» и «человек в языке», решаемой на материале прозаического текста, где язык исследуется как отражение содержательной стороны, определяющей индивидуальность внутреннего мира человека, сущности языковой личности и языковой картины мира. Это даёт возможность создания целой серии авторских словарей. На сегодня авторская лексикография располагает небольшим набором разновидностей словарей, несмотря на то, что ряд выдающихся лингвистов во главе с Б. А. Лариним и Л. В. Щербой считали составление авторских словарей одной из задач первостепенной научной важности.

Возрастающий интерес к изучению культуры через язык, стремление осознать индивидуальность и неповторимость культурного компонента в языке предполагают подготовку серии «Авторские словари». Это связано с тем, что на современном этапе развития языка новые теоретические задачи могут быть решены только в связи с развитием межкультурной коммуникации, а принципы описания авторских средств языка в различных видах лексикографических источников дадут возможность постановки и решения многих теоретических проблем лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф.* 2011: Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки в языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: юбилейный сб. науч. трудов к 65-летию Н. Ф. Алефиренко. М. 16–27.
- Алефиренко Н. Ф., Агеев И. А.* 2013: Когнитивная метафора и фраземосемиозис // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: материалы III Междунар. науч. конф. / Н. Ф. Алефиренко (ред.). Белгород, 29–32.
- Жаналина Л. К.* 2010: Язык современной науки: Языковые портреты: учеб. пособие. Алматы, 3–117.
- Караулов Ю. Н.* 2003: Русский язык и языковая личность. М.
- Лаккофф Дж., Джонсон М.* 2004: Метафоры, которыми мы живём. М.
- Мокиенко В. М.* 2013: Когнитивное в диахроническом и диахроническом в когнитивном // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: материалы III Междунар. науч. конф. / Н. Ф. Алефиренко (ред.). Белгород, 8–14.
- Шевченко Н. М.* 2013: Проблемы авторской фразеологии // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: различное в едином: материалы XV Междунар. съезда славистов. Минск; Geifswald, 212–217.
- Шевченко Н. М.* 2014: Концептосфера М. Цветаевой в зеркале лексикографии: монография. Бишкек.

COGNITIVE TYPES IN LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

N. M. Shevchenko

The article regards revealing cognitive and conceptual signs in a code system of an individ and their representation in author's lexicography.

Key words: cognitive metaphor, cognitive-pragmatic analysis, cognitive-conceptual signs, author's language lexicography

¹³ Караулов 2003, 8.

¹⁴ Шевченко 2014.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

© 2014

Е. В. Генералова

ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ ЭЛЕМЕНТОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ XVI–XVII вв. МОДЕЛИ «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»

Автором рассматриваются устойчивые сочетания, образованные по модели «имя прилагательное + имя существительное» в русском языке XVI–XVII вв.; даётся семантическая, грамматическая функциональная классификация таких сочетаний, анализируется их культурная семантика, описываются проблемы лексикографической интерпретации.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, прилагательное, сочетаемость, особенности мировосприятия, представление в словаре

*Без прилагательного всё — никакое.
Понимаете, как страшно без прилагательного?
Роса — никакая, солнце — никакое,
радуга — никакая.*

О. Берггольц

Своеобразие русского языка во многом определяется богатством оттенков отношения и способов описания, обусловленных использованием имён прилагательных (ИП). Роль ИП исключительна в процессе формирования среднего слога¹. Материал показывает, что истоки формирования богатства и своеобразия русской языковой системы, в частности, за счёт ИП, уходят в XVI–XVII вв., когда существенно возрастает количество используемых в текстах ИП, развивается и дифференцируется их семантика, расширяются сочетаемостные возможности, складываются новые синонимические ряды слов. В начальный период сложения русского национального языка фиксируется много неизвестных ранее контекстов с ИП, в результате чего формируются и новые устойчивые сочетания (УС) с ИП.

Безусловно, вопрос об устойчивости таких сочетаний и собственно понятие фразеологизма в истории языка неоднозначны прежде всего в связи с а) невозможностью в большинстве случаев установления момента фразеологизации (исторический принцип и заключается в учёте «постепенного накопления идиоматичности в развитии от текущих словосочетаний к неразложимым»²); б) сложностью интерпретации экспрессивности на историческом материале: в силу ориентации на образцовые тексты и отсутствия авторского начала, выражение многих эмоций в языке донационального периода стандартизовано и закреплено в виде УС (напр., традиционные средства деловой письменности с эмоцией самоуничижения); в) несовпадением исторического и современного понимания терминологической лексики.

В настоящей статье рассматриваем все УС по модели «имя прилагательное + имя существительное» (ИП+ИС), выделяемые и на основе возможного семантического сдвига, и на основе только фактора частой встречаемости в тексте, выполняющие как экспрессивную, так и номинативную функции, т.е. своего рода про-фразеологический фонд, обширную группу, базу формирования собственно фразеологизмов по этой модели, вплоть до известных в современном русском языке. Материалы картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СПбГУ, более 400000 единиц) свидетельствуют, что такие сочетания активно используются в языке XVI–XVII вв., составляя около 40 % всех УС, отмечаемых в памятниках этого периода³.

В грамматическом отношении такие сочетания являются:

а) именными: ИП+ИС в им. пад., чаще в ед. ч. (*запечный мастер* 'палач'), реже во мн. ч. (*зады платёжные* 'задолженности', *свейские немцы* 'шведы'); к этому типу относится большинство УС с ИП;

б) наречными: ИП+ИС в им. пад. обычно в ед. ч. (*долгое время* 'долго'), ИП+ИС в тв. пад. в ед. ч. (*дорогой ценою* 'за большие деньги, дорого') и во мн. ч. (*закрытыми грудьми* 'тайно', *голыми головами* 'без всякого имущества');

в) адъективными: ИП+ИС в род. пад. обычно в ед. ч. (*большой руки* 'высокого качества');

Генералова Елена Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: elena-generalova@yandex.ru

¹ Петрова 1983, 20.

² Ларин 1977, 147.

³ СОЯ 1–5, 2004–2012.

г) соотносимыми с категорией состояния (небольшое количество сочетаний): ИП+ИС в им. пад. (*знатное дело* 'известно'), и вставными конструкциями (*страшное дело* 'о сильном проявлении какого-л. чувства').

е) предикативными структурами (единичные сочетания): ИС+ИП в кр. ф.: *животы коротки* 'мало средств', *голова жива* 'о ком-л. живом'.

ИП используются в УС, как правило, в полной форме, значительно реже — в краткой (*змиев глаз, мил (-ый) друг*).

Фиксируются обороты разной степени устойчивости: от утрачивающих семантическую прозрачность (*дикое мясо* 'на-рост на долго не заживающих ранах', *сосуд избранный* 'праведный, достойный человек') и созданных на основе осязаемого метафорического переноса (*смертные врата* 'конец земной жизни', *деревенное слово* 'брань') до многочисленных УС, выделяемых на основе частотности в тексте или незначительного семантического сдвига одного компонента (*живая кабала* 'документ о закабалении', *торговый гость* 'купец').

УС именного типа можно разделить на номинативные и экспрессивные в зависимости от преобладания той или иной семантики.

Среди номинативных именных сочетаний, образованных по модели ИП+ИС, обнаруживаются фактически все значимые тематические группы, выделяемые исследователями словарного состава языка XVI–XVII вв.⁴ и собственно фразеологии этого периода⁵. Важнейшие среди них — 1) обозначения предметов и понятий, связанных с религией и богослужением: 1(1) обозначения церковных реалий (*святые дары* 'конец земной жизни', *царские дары*), 1(2) фразеологизмы, восходящие к библейским и евангельским образам (*вавилонская пещь, глава Адамлева*), 1(3) обозначения понятий, характеризующих религиозное сознание (*Божий страх, Божья благодать*); 2) обозначения, связанные с общественными отношениями, государственной организацией, среди которых прежде всего названия 2(1) учреждений (*большой дворец, денежный стол*), 2(2) должностей (*конюший боярин, наказной гетман*), 2(3) социальных групп (*бобиль захребетный, люди дачочные*), 2(4) документов (*делочная запись, шертная грамота*), 2(5) пошлин (*белая дань, десятинная рыба*) и др.; 3) номенклатурные обозначения бытовых реалий: например, названия 3(1) болезней (*чёрная болезнь, грыжная скорбь*), 3(2) продуктов питания (*вялый сыр, белая рыба*), 3(3) животных (*глухой тетерев, чёрный дрозд*), 3(4) растений (*солодковый дубец, излюдены жабные*) и др.; 4) специально-терминологические обозначения: например, 4(1) названия различных мер (*большая сажень, ведерной бочонок*), 4(2) обозначения вооружения и военных приёмов (*огненный бой, затинная пушка*), 4(3) металлургическая терминология (*печь дульная, железо кричное*) и др.; 5) географические названия (*Московское царство, Вятская земля, Архангельский город*); 6) этнонимические наименования (*аглинские люди, датские немцы*); 7) обозначения различных временных понятий: 7(1) временных промежутков, эпох (*злые дни, воровское время*), 7(2) праздников, дат (*госпожино заговейно, великий день*) и др.

Особенность языка XVI–XVII вв. — расчленённо-описательные сочетания. Такие номинативные сочетания представляют собой расширенное описание какого-л. предмета, явления, часто эквивалентное однословному синониму, однокоренному с одним из компонентов: *вчерашний день* 'вчера', *блюдо дисковое* 'диск'. С семантической точки зрения второй компонент можно рассматривать как излишний, избыточный, причём в большинстве сочетаний главную смысловую нагрузку несёт именно ИП.

Экспрессивные сочетания в памятниках XVI–XVII вв. известны в основном с отрицательной коннотацией и функционируют как бранные: *скурвины дети, глухой чёрт, шишимора деревенский*. Их оценочность основана в первую очередь на семантике входящих в них ИП и ИС.

Наречные УС — это преимущественно а) указания на причину (*волею Божией* 'о власти Бога, его праве решать судьбу кого-л., чего-л.', *неназрочным обычаем* 'случайно') или б) характеристика образа действия (*смертным боем* 'с особой жестокостью', *воровским делом* 'совершая преступление'). Второй компонент — чаще всего абстрактное ИС.

Среди определённых УС фиксируются а) характеристика внешнего вида (обычно товаров) (*доброй руки* 'выполненный мастером высокого уровня'), б) этикетные формулы (*высокоспасенные памяти* 'при почтительном упоминании об умершем государе').

С функциональной точки зрения выделяются церковно-книжные УС (*Святой Дух*), деловые (*допросная сказка*), фольклорные (*буйная головушка*), высоко-официальные (*мирный (полюбовный) договор*), специальные (*звезда двоетёсный*), этикетно-разговорные (*добра (я) ночь*) сочетания.

Для языковой системы XVI–XVII вв. характерна избыточность, которая в данном случае проявляется в большом количестве УС, их возможной полисемии (см. *полая вода* 'весенний разлив водоёмов', 'свободная ото льда вода') и в широкой лексической (*скотинный (животинный) дворец*) и словообразовательной (*братская (братственная) дружба*) вариативности компонентов. Интересны сочетания типа «открытый ряд», возникающие на основе несвободной лексической сочетаемости лексем и допускающие неоднократное число компонентов, связанных отношениями соположения: напр., *двор поваренный, соляной (варничный), кожевный, солодяной* и др.

Обороты с ИП информативны в культурологическом и историческом аспектах. Большинство номинативных сочетаний составляют предметный код культуры — совокупность имён и их сочетаний, обозначающих объекты, предметы и приписываемые им свойства и несущих функционально значимые смыслы⁶, являясь «единицами, в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения»⁷. Фиксируя определённый устойчивый образ, языковое клише, такие сочетания — источник конкретных исторических сведений, например, о технологиях изготовления различных товаров (*вино горелое, двойное золото*), системе мер (см. *московская деньга, косая сажень*) и т.д. УС с ИП как косвенные номинации отражают набор признаков, существенных для какого-л. явления в определённый исторический период. Так, на основе сочетаний со словом *деньги* в разных значениях в качестве важных признаков выделяются страна, в которой напечатаны деньги (*деньги русские, литовские, свейские*), материал изготовления (*деньги медные, оловянные, серебряные*), размер в денежном выражении (*деньги гривенные, рублевые, полуполтинные*), род финансовых операций (*деньги доимочные, долговые, задаточ-*

⁴ Иссерлин 1961; Мжельская 2003, 45–46.

⁵ Зиновьева 2012, 12–20.

⁶ Красных 2003, 147.

⁷ Телия 1996, 235.

ные, ссудные и др.), единица обложения податью (*деньги дворовые, посошные, банные, вытнные, лавочные* и др.), назначение выплаты (*деньги ездовые, подъемные, кормовые, ямские* и др.).

Сочетаемость несёт ценную информацию о миропонимании эпохи: например, показательно, что обороты *Тушинский вор, воровское время* возникают именно в XVI–XVII вв., демонстрируя самосознание народа и историческое осмысление событий.

Плодотворен анализ с позиций когнитивной лингвистики. Так, изучение сочетаний типа ИП+ИС с семантикой прямы-ны-кривизны позволяет сделать выводы о восприятии и культурной семантике этих качеств: прямызна/кривизна в связи с этическими понятиями (*прямое слово* ‘честное слово’), прямызна/кривизна как порядок/беспорядок (*прямой царь* ‘настоящий царь, не самозванец’, *прямое имя* ‘подлинное имя’, *прямые деньги* ‘официально принятые, неподдельные деньги’), прямызна/кривизна как правильность/неправильность и одинаковость/различность (*кривые сапоги* ‘обувь, сшитая по разным колодкам, с различением правой и левой ноги’), осмысление в терминах прямызны/кривизны права (*поклонная вира, правожная грамота*) и веры (*правая вера, прямая вера*) и т.д.

Наконец, УС с ИП очень интересны в плане изучения этикетности эпохи, т.к. включают ряд титулов (*графская милость*), этикетных обращений и формул (*милый друг, доброе утро, блаженные памяти*).

С лексикографической точки зрения встают следующие проблемы.

1. Вопрос о месте УС ИП+ИС. В большинстве случаев несущим смысловую нагрузку является ИП, и семантически более оправданным кажется помещение сочетания в статью на прилагательное (при отсылке в статье на существительное). С другой стороны, при наличии рядов подобных сочетаний с одним ИС-опорным словом помещение таких сочетаний в статью на существительное позволяет продемонстрировать регулярность образований.

2. Представление и толкование сочетаний типа «открытый ряд». В разных исторических словарях такие сочетания описываются и в виде списка сочетаний, и каждое сочетание отдельно, с толкованием и без него. При подаче в виде единого списка сохраняется системность, экономится место, допускается возможность добавления нового члена этого ряда. Однако при этом приходится давать обобщённое определение, а не конкретные толкования, иллюстративный материал зачастую не может быть полностью продемонстрирован или трудно воспринимается единым массивом.

3. Спорно представление УС, которые содержат лексемы с ослабленным лексическим значением (*время, дело, обычай* и др.: *весеннее время, тайным обычаем*). Такие сочетания могут быть интерпретированы и как устойчивые, и как свободные с соответствующими словами — или в широкозначном употреблении, или с особой, ослабленной семантикой.

В целом, рассмотрение УС по модели ИП+ИС в русском языке XVI–XVII вв. свидетельствует о существенном пополнении лексико-фразеологического фонда, о расширении сочетаемости ИП, а также проясняет особенности мировосприятия эпохи русского Средневековья, что должно по возможности находить отражение в исторических словарях.

ЛИТЕРАТУРА

- Зиновьева Е. И. 2012: Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.
 Иссерлин Е. М. 1961: Лексика русского литературного языка XVII в. М.
 Красных В. В. 2003: Предметный код культуры в русском культурном пространстве // Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы. М., 146–148.
 Ларин Б. А. 1977: Очерки по фразеологии // История русского языка и общее языкознание. М., 125–149.
 Мажельская О. С. 2003: Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.
 Петрова З. М. 1983: Развитие лексического состава русского языка XVIII в. (Имена прилагательные): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л.
 СОЛЯ 2004–2012: Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–5. СПб.
 Телия В. Н. 1996: Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.

THE REFLECTION OF THE ELEMENTS OF RUSSIAN CULTURE THROUGH SUSTAINABLE COMBINATION OF XVI–XVII CENTURIES MODELS “AN ADJECTIVE + NOUN” IN HISTORICAL DICTIONARIES

E. V. Generalova

The article deals with the phraseological combinations formed according to the model “an adjective + noun” in the Russian language in XVI–XVII centuries: semantic, grammar and functional classifications of such combinations are presented; their cultural meaning and some problems of lexicographical interpretation in the historical dictionary are discussed.

Key words: set-expression, adjective, collocation, features of mentality, representation in the dictionary

© 2014

Л. А. Глинкина

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТИ СЛОВАРЕЙ УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Словари устаревших слов — специфический жанр толковых словарей, Лексикографирование архаизмов — средство сохранить культурные традиции, интерес к русской классике. Устранение недопонимания текстов прошлого требует создания адресных словарей забытых и трудных слов с учётом школьных программ и возрастных ступеней обучения.

Ключевые слова: архаизация, эволюция языка, лингвокультурологический словарь, устаревшие слова, идеографическая зона

*Жизнь языка не останавливается ни на минуту...
невозможно изучить систему языка
в отдельности от элементов разложения,
в ней неизбежно заложенных...
Г.О. Винокур*

В общей лексикографической типологии словари устаревших слов относят к словарям трудностей¹. Вместе с тем их можно определить как многопрофильные. Будучи одним из жанров дифференцированных толковых словарей современного русского литературного языка, словари устаревших слов, или архаизмов, примыкают к историко-лингвистическим, так как ретроспективно отражают утраченную некогда активную лексику, реализуя практически синхронно-диахронный подход к языку; пересекаются с диалектными, идеографическими, лингвокультурологическими, семантическими, неологическими и другими типами словарей. Их лингвистическая информативность определяется исходными теоретическими позициями относительно архаизации как динамического процесса в языке. В области современной лексикологии лексические утраты рассматриваются как системное явление в рамках ряда оппозиций. Главная из них — *активное/пассивное* функционирование языковых единиц, которое обычно «измеряется» интуитивно или с ориентацией на фиксированную частотность употребления. В учебной вузовской, школьной литературе и в лексикографической практике их принято систематизировать и описывать с учётом следующих параметров: степень их устарелости и соответственно уровень понимания в наше время; происхождение архаизмов (собственно русские исконные, старославянские, иноязычные); причины архаизации (экстралингвистические и внутриязыковые); стилистическое своеобразие (историзмы, архаизмы); структурно-семантическая специфика устаревших номинаций (слово, словосочетание, словообразование и др.).

Наиболее последовательно и полно эти факторы учтены Н.М. Шанским при классификации архаизмов².

Понимание архаизации как универсального явления и как одного из главных векторов эволюции состоит в том, чтобы уточнить объект классификации и включить в него не только лексические, но и грамматические архаизмы.

Возникновение группы устаревших слов вызвано противоречиями внутрисистемных грамматических отношений. Грамматические архаизмы могут сохраняться в составе фразеологизмов (*несть числа, гой еси*), в диалектных лексических системах (*не спаши, не евши, теля, куря*).

Лингвистическая содержательность словарей устаревших слов определяется рассмотренными исходными теоретическими позициями относительно отбора материала и построения словарных статей. Объектом толкования становятся лексемы и сверхсловные комплексы, которые к нашему времени либо утратились, либо переосмыслены и используются в активном лексическом запасе с новым значением.

Объём словника забытых и трудных слов в опубликованных в последние двадцать лет словарях этого типа колеблется от 2500 до 7000 лексем, что объясняется их разными целевыми установками, специальным «портретом» адресата (школьники разного возраста, студенты, родители, учителя-словесники, массовая аудитория).

Ономасиологический подход к словам-понятиям из лексического прошлого любого языка открывает путь к осмыслению устаревших слов в аспекте цельности и динамики национальной языковой картины мира.

Историко-культурная содержательность устаревших слов определяется путём их осмысления с когнитивно-семантических позиций. Наиболее объёмный пласт архаизмов сконцентрирован на лексическом уровне. Составители словарей устаревших слов обычно обходятся без понятийно-смысловой систематизации описываемого материала, а потому очень многие грани языковой картины мира наших предков остаются «за кадром». Попытка идеографического упорядочения всего объёма архаической лексики в текстах русских классиков предпринята в «Иллюстрированном словаре забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX вв.» (сост. Л.А. Глинкина)³. При алфавитной подаче лексического материала в словаре создаются лишь общие контуры культурологического плана. При всей схематичности и условности тематической классификации лексики, устаревшей за последние два столетия, предлагаемая лингвокультурологическая систематизация помогает уловить главные направления процесса архаизации национального лексикона.

В некоторых словарях предлагается в приложениях описание устаревшей лексики по отдельным лингвокультурологическим блокам. Такова, например, подробная информация о «Словаре устаревших слов русского языка» Г.П. Рогожниковой о наименованиях, отражающих родственные отношения по крови, браку и крещению; о единицах измерения в России XVIII — начала XX в. (меры длины, поверхности, объёма, веса); о титуловании по Табели о рангах; о старинных названиях букв кириллицы⁴; о старинных формулах обращения⁵. Высоко информативны в лингвокультурологическом плане «Энциклопедия

Глинкина Лидия Андреевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета. E-mail boyarskayaov@cspu.ru

¹ Козырев, Черняк 2003, 175–180.

² Шанский 1954, 27–33.

³ Глинкина 1998, 2008.

⁴ Рогожникова 2005, 808–827.

⁵ Баско 2011, 442–446.

русского быта XIX в., или что непонятно у классиков»⁶, герменевтические очерки И.Г. Добродомова и И.А. Пильщикова «Лексика и фразеология “Евгения Онегина”»⁷, комментарии к произведениям отдельных авторов и историко-культурные материалы о бытовой культуре прошлого (В. Бурнашев, Р.М. Кирсанова, Ю.М. Лотман, Л.А. Новиков, Б.А. Романов, П. Савваитов, Н.М. Шанский).

В приложении к названному выше «Иллюстрированному словарю...» выделены десять основных лексико-тематических блоков разного объёма и внутренней структуры. В самых общих чертах она опирается на известную идеографическую, концептуальную типологию Р. Халлига и В. Вартбурга⁸.

I. Неживая и живая природа: ландшафт, вещество; растительный и животный мир: породы животных; запахи, цвет (*юр, пеун, битюк, кармин*).

II. Человек, его физические и социальные характеристики, тело, внешность, пол, возраст, речь, здоровье; жизнь и смерть (*дюжий, убогий, изречь, чело, талан*):

- семья: родство по крови, браку, крещению (бобыль, кунак, шабёр);
- народ; принадлежность к группе людей (депо, кацап, станица);
- физическое и общественное поведение; черты характера (афронт, буффон, важеватый, выжига, гиль, лобзать, плебей);
- название лица по роду деятельности, по отношению к социально-политической, общественной и духовной сфере. Титулование (*анахорет, благородие, бурбон, гость, мироед, офеня*).

III. Быт:

- дом, усадьба, постройки, хозяйство, мебель, утварь, посуда, предметы обихода, орудия труда (*голик, гуж, зыбка, лабаз, пеуур, прясло*);
- одежда, обувь, головные уборы, ткани, материал изделий (*бекеша, визитка, ермолка, исподнее, камка, расстегай*);
- украшения, драгоценности, причёски (*камей, опахало, оселедец*);
- пища, еда как процесс (*буза, брашно, вечеря, кавардак, няня*);
- способы и средства передвижения. Почта (*арба, брика, гоньба, каюк*).

IV. Общественная жизнь:

- власть. Административное деление. Экономика. Торговля. Награды. Наказания (*барщина, волость, держава, дыба, плаха, Георгий*);
- государственные учреждения, просвещение. Частные заведения (бурса, казематы, прогимназия, корчма, приказ, сейм, часть).

V. Война, род войск. Чин, звание, оружие, обмундирование (*атаман, бригадир, драгун, единорог, кавалер, корнет, палаш, ремонтёр*).

VI. Духовная жизнь:

- вера. Религия. Церковь (*байрам, всенощная, изувер, просвирня*);
- мифология. Магия. Гадание. Колдовство (*амур, Бука, василиск*);
- письменность. Наука. Литература. Театр (*анекдот, ижица, лубок*).

VII. Время. Календарь. Праздники (*мясоед, летось, присно, святки*).

VIII. Музыка. Танцы. Игры. Забавы. Увеселения. Спорт (*англез, ералаш, шабаш*).

IX. Деньги, их эквиваленты. Пошлины. Вознаграждение (*алтын, гривенка, лепта*).

X. Меры длины, веса, объёма. Счёт (*аршин, верста, золотник, йота, фунт*).

Принятая идеографическая схема соотносена с представлением о языковой картине мира. Статистический обзор архаической лексики в «Иллюстрированном словаре устаревших слов» позволяет выявить наиболее активные зоны процесса архаизации в последние два столетия.

Название блоков	зона	%
Человек	II	37
Быт	III	23
Общество. Государство	IV	11
Духовная жизнь	VI	8
Война	V	7

Название блоков	зона	%
Природа	I	6,1
Спорт	VIII	2,8
Деньги	IX	3
Время	VII	1,1
Меры	X	1

Россия пережила в XVIII–XIX вв. немало социальных потрясений, войн, скачков в развитии науки, промышленности, культуры, искусства, литературы, что отразилось во всех сферах речевого общения. И тем не менее общий объём литературного русского языка оказался семантически чрезвычайно стабильным: $\approx 5\text{--}7$ тысяч архаизмов в его стотысячном лексиконе составляют около 5–7%. Будучи фактором постепенного развития общества и сопряжённых с ним сфер жизни, устаревшие слова — это достоверное свидетельство эволюции языка. Их осмысление необходимо для полного понимания реалий совсем недалекого прошлого, быта, нравов, традиций, понятных каждому современнику Ломоносова, Пушкина, Гоголя, Некрасова, Достоевского, Толстого. Цель большей части словарей устаревшей лексики — помочь молодому читателю внимательно, без купюр, глазами автора увидеть, оценить и понять ушедшее время с его ментальностью.

Архаизация, как и неологизация в языке, — объективный процесс с тенденцией ускорения во времени и непрерывного расширения объёма архаизмов и неологизмов. Это обеспечивает непреходящую актуальность научного прагматического осмысления уникального свежего материала угасающих слов и перспективы развития теоретической и практической лексикографии по ряду параметров:

⁶ Федосюк 2001.

⁷ Добродомов, Пильщиков 2008.

⁸ Hallig, Wartburg 1963.

- углубление идеографической классификации;
- упорядочение энциклопедических справок;
- систематизация устаревших зон лексикона по более дробным хронологическим срезам с учётом глобальных общественных перемен;
- социологический критерий при выявлении архаизмов в социально дифференцированном речевом общении;
- ориентир на актуальные проблемы гуманитарного образования и лингводидактики, в частности создание учебных словарей, соответствующих возрасту учащихся и школьным программам.

ЛИТЕРАТУРА

- Баско Н. В., Андреева И. В.* 2011: Словарь устаревшей лексики в произведениях русской классики. М.
- Глинка Л. А.* 1998: Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов. Оренбург.
- Глинка Л. А.* 2008: Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка: ок. 7000 слов, более 500 ил. М.
- Добродомов И. Г., Пильщиков И. А.* 2008: Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М.
- Козырев В. А., Черняк В. Д.* 2003: Русская лексикография: пособие для вузов. М.
- Морковкин В. В., Морковкина А. В.* 1997: Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.
- Рогожникова Р. П., Карская Т. С.* 2005: Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. М.
- Федосюк Ю. А.* 2001: Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.
- Шанский Н. М.* 1954: Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка // Русский язык в школе. 3, 27–33.
- Hallig R., Wartburg W. von* 1963: Begriffssystem als Grundlage für die Zeksikografie. Berlin.

ON LINGUISTIC AND CULTURAL CONTENT OF OBSOLETE WORDS DICTIONARIES

L. A. Glinkina

Obsolete words dictionaries are a specific kind of dictionaries. Making dictionaries of archaisms is a way to preserve cultural traditions and interest to Russian classics. To better understanding of the texts of the past requires making dictionaries of forgotten and difficult words taking into account school curriculum and levels of study.

Key words: archaism, language evolution, linguistic-cultural dictionary, obsolete words, ideographic area

© 2014

Р. М. Дадабаева

ЖУРНАЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются ведущие тенденции формирования современного русского языка на материале журналов второй половины XVIII в.

Ключевые слова: тенденции, взаимодействие славянизмов и русизмов, семантические, стилистические и лексические явления

Вторая половина XVIII в. — один из важных периодов развития русского литературного языка, когда складываются общенациональные нормы на фоне интенсивного слияния различных языковых стихий¹. Изменения языковой системы происходят во всех сферах (словообразования, синтаксиса и др.), но особенно активно они проявляются в лексике. С одной стороны, это семантические процессы, с другой — стилистические изменения, вызвавшие существенные сдвиги в литературном языке второй половины XVIII в. Поэтому особенно важным представляется решение задач, связанных с исторической лексикологией русского языка XVIII в., нуждающейся во всемерном расширении круга источников². Внимание специалистов, изучавших художественные тексты XVIII в., сосредоточивалось в основном на языке комедий и трагедий, и почти не исследованным оставался язык таких жанров, как роман, повесть, эпическая поэма, проповедь, притча и басня, фольклорные записи, обработки и стилизация народных сказок и песен. Почти не затронутой оказалась сфера переводной повествовательной литературы: переводы И. П. Елагина, В. И. Лукина, Д. И. Фонвизина, А. А. Петрова, раннего Н. М. Карамзина, которые отражают сложные семантические и стилистические процессы в литературном языке XVIII в.

Таким образом, памятники художественной литературы исследовались не в полном объёме, и языковые средства, использовавшиеся писателями XVIII в., были ещё несовершенны, а потому проанализированные лингвистами художественные тексты не могут дать адекватного представления о книжном языке XVIII в. Вместе с тем складывающиеся нормы литературного языка находят яркое отражение в памятниках деловой, научной, научно-популярной литературы, в языке которых наиболее проявляется так называемый средний слог, незначительно подвергшийся славянизации и относительно свободный от беспорядочного смешения слов разных языковых источников. Следовательно, при решении вопросов исторической лексикологии следует использовать широкий круг источников, отражающих не только язык художественной литературы (во

Дадабаева Рано Махмудовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: GalkaLusya@yandex.ru

¹ Михайловская 1974, 34; Замкова 1975, 3; Горшков 1969, 238.

² Сорокин 1966, 9–11; Горшков 1969, 233.

всём многообразии его жанров, включая переводы), представленный в творчестве крупных писателей второй половины XVIII в. (А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина) и «средних» (М. М. Хераскова, М. Д. Чулкова, Ф. А. Эмина, В. И. Лукина, В. В. Капниста, И. И. Хемницера), но и деловой язык, язык научной и научно-популярной литературы, язык публицистики.

Дополнить знания о литературном языке второй половины XVIII в. во всех его проявлениях могут многочисленные русские журналы (в 1770–1780 гг. издаётся более 30 различных журналов и газет). «XVIII столетие было колыбелью журналистики и одновременно её творческой лабораторией»³. Начало второй половины XVIII в. в истории русской журналистики знаменательно: в 1759 г. в свет выходит ежемесячник А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела», с которого практически начинается частная периодика, сыгравшая огромную роль в развитии русской журналистики. «Самый факт появления у нас частных изданий свидетельствует о том, что русская общественная жизнь середины XVIII в. поставила перед периодической печатью такие задачи, которые уже невозможно было решить в рамках официальной (в том числе и академической) периодики»⁴. «Трудолюбивая пчела», кроме того, — первое издание в России, положившее начало сатирическому направлению в журналистике.

В журналах второй половины XVIII в. нашёл отражение язык писателей-классицистов (А. П. Сумароков), язык демократов-просветителей (Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, А. Н. Радищев), новый слог Н. М. Карамзина. Именно в этот «период русской журналистики XVIII в. беллетристика становится органической частью журнала, специфическим элементом периодической печати»⁵. В журналистике этого времени представлены самые разнообразные жанры — поэтические и прозаические — ода, басня, эпиграмма, пародия, повесть, эклога, путевые заметки, стансы, очерк, элегия, сатирическая зарисовка, притча, «в прозе дружеские письма», «описание обыкновенных дел». «В прозе дружеские письма» стали излюбленной и наиболее распространённой формой статей в сатирических журналах второй половины XVIII в.⁶ Таким образом, журналы представили жанры, отражающие расцвет классицизма, появление сентиментализма, элементы критического реализма со всеми присущими указанным направлениям языковыми особенностями. Очень сильна в русской журнальной беллетристике второй половины XVIII в. сатирическая струя (обилием сатирических форм поражают, например, новиковские журналы «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелёк» и др.).

Большой интерес вызывают так называемые «малые формы» сатиры и юмора, которые М. И. Привалова по характерным для них признакам делит на три группы: 1) подписи и карикатуры, 2) анекдоты и примыкающие к ним рассказы-миниатюры, 3) афоризмы, изречения, словари, оракулы, предсказания, сонники и пр.⁷ Для нас, однако, чрезвычайно важно то обстоятельство, что в русских журналах второй половины XVIII в. получают отражение не только литературный язык беллетристики, но и другие его проявления. Так, характерный момент начала второй половины XVIII в. — появление специфических жанров публицистики — сатиры, сна, диалога (журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела»). Жанр публицистической статьи в журналистике конца XVIII в. приобретает такой вес, что по сути определяет лицо журналов.

В журналах рассматриваемого периода находит отражение решение научных проблем, которые разрабатываются в основном в жанре научной статьи; однако научным стилем в журналах пишутся и биографии учёных, рассуждения о значении того или иного исторического деятеля; он используется в географических описаниях, научных комментариях, популярных изложениях теоретических работ. На страницах журнала печатаются переводы античных и западноевропейских авторов. Особое внимание в периодике конца XVIII в. уделяется вопросам философии. Определённое место на страницах журналов XVIII в. занимают формы, отражающие деловую речь: приказы, указы, объявления и т.д.

Таким образом, жанры выделялись на основе темы произведения, определялись его предназначённостью и были тесно связаны со стилевыми особенностями: жанры, относящиеся к высокому слогу (героида, молитва, о важных материях, ода, плач, поэма, проповедь, псалом, речь прозаическая, статья публицистическая (произведение высокой публицистики), трагедия), жанры среднего слога (аллегория, драма, идиллия, миф, оглавление, очерки исторические и путевые, письмо дружеское, повесть, бытовая повесть, рассказ, рассуждение, сатира, сон, сонет, станс, статья научная, стихотворение, эклога, элегия, эпитафия) и жанры низкого слога (анекдот, басня, загадка, комедия, пародия, песня, письмо-фельетон, поговорка, пословица, притча, рецензия, сказка, эпиграмма, эпистола).

Журналы второй половины XVIII в. отражают разновидности литературного языка этого периода, отличающегося сложностью и противоречивостью, одно из проявлений которых — лексическая избыточность, порождаемая столкновением различных языковых источников. В частности лексическая избыточность возникает благодаря взаимодействию славянизмов и русизмов, а потому вопрос о синонимических отношениях в языке второй половины XVIII в. переплетается с вопросом о взаимодействии славянизмов и русизмов. В связи со сказанным изучение роли славянизмов в формировании национального русского литературного языка продолжает оставаться весьма актуальным. Семантический аспект славянизмов рассмотрен в работах В. В. Виноградова (процесс семантической дифференциации, происходящей при взаимодействии славянизмов и русизмов)⁸, Е. С. Копорской (процессы семантической аналогии при взаимодействии славянизмов и русизмов)⁹.

Стилистические процессы, протекающие в языке второй половины XVIII в. и определяющие роль славянизмов в стилистической системе языка не только этого, но и последующих периодов (XIX в.) развития литературного языка, рассмотрены в работах А. И. Горшкова¹⁰ и В. В. Замковой¹¹. Свидетельством того, что литературный язык второй половины XVIII в. ещё не порывает связи с традициями предшествующих периодов, является употребление славянизмов в их прежней функции — в качестве средства создания «высокого» слога (поэзия второй половины XVIII в.). Однако именно для языка второй половины XVIII в. характерным стал процесс разрушения «высокого» стиля, который ведёт к стиранию границ между «высоким» и

³ Шарков 1969, 5.

⁴ Татаринова 1975, 125–130; Березина, Дементьев, Есин [и др.] 1973, 30–33.

⁵ Шарков 1969, 15.

⁶ Горшков 1969, 234.

⁷ Привалова 1969, 106.

⁸ Виноградов 1982, 177.

⁹ Копорская 1973, 6.

¹⁰ Горшков 1969, 231, 260–263.

¹¹ Замкова 1975, 183; Замкова 1974, 168; Замкова 1972, 30–32.

«невысоким» стилем. Этот процесс выражается в разложении славянизмов как стилистической категории, что проявляется: а) в нейтрализации славянизмов, благодаря которой они получают способность выступать в качестве элемента книжной лексики без стилистической мотивировки, б) в изменении стилистических функций славянизмов, благодаря чему они получают способность употребляться в качестве средства выразительности — поэтизмов, историзмов, иронизмов, канцеляризов. Это ярко проявляется и в словообразовательно ограниченных группах слов — однокорневых глаголах со старославянскими и соответствующими им русскими приставками¹². Поэтому из всего сказанного можно сделать следующие выводы, что именно во второй половине XVIII в., с одной стороны, наблюдается процесс устранения наиболее архаических славянизмов, с другой стороны, происходят процессы семантического и стилистического взаимодействия славянизмов и русизмов, подготовившие те преобразования, благодаря которым в XIX в. под пером А. С. Пушкина и его последователей сложился современный русский литературный язык.

ЛИТЕРАТУРА

- Березина В.Т., Дементьев А.Г., Есин Б.И. [и др.]* 1973: История русской журналистики XVIII–XIX вв. / А. В. Западов (ред.). М.
- Виноградов В. В.* 1982: Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.
- Гориков А. И.* 1969: История русского литературного языка. М.
- Дадабаева Р. М.* 2012: Русизмы и славянизмы в русском литературном языке: из истории взаимоотношений (на материале журналов и словарей русского языка XVIII–XIX вв.) // Двести лет со дня рождения академика Измаила Ивановича Срезневского / О. В. Лукин (ред.). Ярославль, 98–102.
- Замкова В. В.* 1972: Славянизмы в составе высокого слога русского литературного языка середины XVIII в. // Развитие синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII в. / В. М. Марков (ред.). Казань, 27–35.
- Замкова В. В.* 1974: «Славянизм» как термин стилистики // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков / Ф. П. Филин (ред.). М., 162–171.
- Замкова В. В.* 1975: Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке. Л.
- Копорская Е. С.* 1973: Семантические соотношения книжно-славянской и исконно русской лексики в русском литературном языке конца XVIII — начала XIX в. (Процессы семантической аналогии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Михайловская Н. Г.* 1974: Исторический очерк: становление русского языка как европейского и мирового с древнерусского периода до XIX в. // Русский язык в современном мире / Ф. П. Филин (ред.). М., 7–46.
- Привалова М. И.* 1969: Из истории «малых форм» сатиры в русской журналистике XVIII в. // Русская журналистика XVIII–XIX вв. (из истории жанров) / Н. П. Емельянов (ред.). Л., 102–120.
- Сорокин Ю. С.* 1966: О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. // Процессы формирования лексики литературного языка (от Кантемира до Карамзина) / Ю. С. Сорокин (ред.). М.; Л., 9–27.
- Татаршинова Л. Е.* 1975: История русской литературы и журналистики XVIII в. М.
- Шарков О. П.* 1969: Периодизация русской журналистики XVIII в. и проблема жанров // Русская журналистика XVIII–XIX вв. (из истории жанров) / Н. П. Емельянов (ред.). Л., 3–24.

THE MAGAZINES OF THE SECOND HALF OF XVIII CENTURY AS ONE OF THE SOURCES FOR STUDIES HISTORICAL LEXICOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

R. M. Dadabayeva

The article considers the main tendencies of contemporary Russian language formation on the basis of the magazines of the second half of XVIII century.

Key words: tendencies; interaction of Slavonic and Russian lexicon; semantic, stylistic and lexical phenomenon

¹² Дадабаева 2012.

© 2014

И. С. Клинкова

АРХИТЕКТУРНАЯ ЛЕКСИКА В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XI–XVII ВВ.»

Система наименований архитектурных сооружений и их частей, сложившаяся в русском языке XI–XVII вв., наглядно отражает особенности древнерусского зодчества, уровень развития культуры и быта Руси в донациональную эпоху. Исследование проведено на материале «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

Ключевые слова: архитектура, постройка, тематическая группа, культура, Русь, словарь

Термин **архитектура** (лат. *architectura*, от греч. *αρχιτέκτων* — «строитель») традиционно обозначается в энциклопедических словарях как «зодчество, строительное искусство, искусство проектировать и строить». С одной стороны, архитектура является частью материальной культуры общества, ибо архитектурные сооружения, как материальные объекты, свидетельствуют о технических достижениях и связаны с практическими нуждами людей. С другой стороны, архитектура — один из видов искусства. Это «искусство проектировать и строить объекты, оформляющие пространственную среду для жизни»¹. Как вид искусства архитектура входит в сферу духовной культуры. Она «эстетически формирует окружение человека, выражает общественные идеи в художественных образах»². Её часто сравнивают с космосом, возникающим из хаоса, каменной книгой человечества, называют «застывшей музыкой».

С древнейшей поры архитектурная лексика является частью наивной и научной картины мира носителей языка. Система архитектурных названий русского языка прошла длительный путь развития: вместе с изменениями экономическими, политическими, культурными, происходившими в Русском государстве, она обогащалась новыми средствами для именования архитектурных понятий, освобождаясь в то же время от устаревших слов и сочетаний.

Одним из самых полезных и надёжных источников для изучения истории формирования различных тематических групп слов в русском языке является, несомненно, «Словарь русского языка XI–XVII вв.», издаваемый с 1975 г. до настоящего времени (СРЯ XI–XVII). Этот Словарь изначально был задуман как общедоступный справочник, необходимый для понимания памятников русской письменности XI–XVII вв. Его материальной базой является уникальная картотека, содержащая около двух миллионов словарных цитат из письменных памятников различных жанров — художественных, публицистических, нравоучительных, богослужебных, юридических, исторических, деловых и др. Несомненно, она стала «национальным достоянием», «своего рода справочным центром для учёных, работающих над проблемами русской и — шире — славянской филологии, истории и культуры»³. В следующем году Словарь достигнет 40-летия своего издательского пути. Все эти годы он «служил не только академической науке, но и образованию, постижению материальной и духовной жизни Древней Руси»⁴. Издание Словаря ещё не закончено. Однако уже опубликованные материалы позволяют восстановить историю формирования различных тематических групп слов в русском языке, в том числе и малоизученной до сих пор архитектурной лексики.

Термин **архитектура** в значении «зодчество, строительное искусство» зафиксирован «Словарём русского языка XI–XVII вв.» в записи, относящейся к 1697 г. Значительно раньше, в памятнике 1475 г., встречаются слова **мулярь** и **мураль** «зодчий» (ср. польск. *mułarz*). Принято делить архитектуру на два вида: религиозная, или церковная, и светская. К первой относятся храмы и монастыри, являвшиеся на протяжении тысячелетий самыми важными зданиями для человека. Начиная с эпохи Возрождения, с ними соперничают светские здания — жилые дома, дворцы, общественные, административные, промышленные и другие сооружения⁵. «С незапамятных времён здания определяли условия человеческой жизни и труда, являясь не только местом пребывания человека, но и одним из неотъемлемых факторов формирования его мировоззрения и миропонимания, качеств, от которых напрямую зависела созидательная активность индивида и темп прогресса»⁶.

Здание является одним из основных видов строительных сооружений. Оно представляет собой наземное строительное сооружение с помещениями для проживания (жилище) или деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных. Синонимами слова **здание**, по материалам «Словаря русского языка XI–XVII вв.», являлись **домоздание**, **домовище**, **строение** (значение 11), **постройка** (значение 3), **поставление** (значение 5), **полатка** (*палатка*) «небольшой дом, здание, по преимуществу каменное», **каменица** и **каменница** «каменное здание» (значение 3). Жилые постройки именовали словами **стань**, **селина**, **село**, **селище** (значение 3), **комната** (*комбата*, *комлата*, *конбата*, *кондата*, *конмата*) (значение 1).

Основу деревянной постройки на Руси составлял **сруб**, или **струбь** — «сооружение со стенами, собранными или построенными из брёвен». В Словаре зафиксированы синонимы данного слова — **стона** «деревянный сруб» и **клетка** «бревенчатый сруб». Ср. также **срубець** (*струбець*) — «небольшой сруб». Историки отмечают, что срубам в России были издавна избы, бани, прясла, башни деревянного кремля и прочие сооружения деревянного зодчества. Строение из двух срубов называли **двойня**, из пяти — **изба пятёрочная**, из семи — **семеренный дворь**. Каждый отдельный ряд брёвен сруба носил имена **вѣнецъ** и **рядъ**.

Верхние венцы сруба могли расширяться кверху, приобретать воронкообразную форму, образуя так называемый **пояль**. В основание постройки (**подошву**, **подзавалье**, **подшевь**) закладывался особый вид фундамента **ряжь**. Это была опора в виде особым образом сложенного сруба, заполненного камнями.

Клинкова Ирина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: elenaklinkva@rambler.ru

¹ Богородская, Котлова 1998, 20.

² Богородская, Котлова 1998, 20.

³ Астахина 2004, 7.

⁴ Астахина 2004, 3.

⁵ Горкин 2007.

⁶ Гринёв 2004.

По типу скрепления брёвен между собой различались и виды срубов. Для хозяйственных построек применялся *рѣжь* (*рѣжа*) — ‘сруб с просветами между брёвен, заполненный землёй или камнями’. При скреплении брёвен *въ лапу* их соединяли в венец посредством плоских вырубков, шипов, обрубая концы брёвен, в результате чего получался гладкий угол.

Основу древнерусского зодчества составляла обыкновенная рубленая из брёвен *клѣть* (*кельть*), *клѣтка* — ‘холодная (без печи) бревенчатая (или дощатая) жилая постройка’. Отапливаемая клеть называлась *изба* (*истьба*, *изьба*). По способу постройки различались избы: *бревенная*, *брусная*, *наземная*, *плоская* и др., по типу отопления — *белая* и *чёрная*.

К дому обычно примыкали *крыльцо* (*крыльце*, *крильце*, *крыльцо*) ‘крыльцо, площадка перед входом со ступенями и кровлей’ и *предмостье* ‘бревенчатый помост перед входом в крестьянский дом со стороны двора’. Синоним слова *крыльцо* — *примостокъ*.

Нижний этаж жилой или хозяйственной постройки называли *подклѣть*, *подклѣтокъ*, *подклѣтъ*, *подклѣтишко* («небольшой или ветхий подклѣтъ»). Ср. также *подъзбица* (*подъзбица*), *подъзбице* (*подъзбице*) — ‘нижний этаж дома’. *Подполь* — ‘помещение под полом’.

Сени — ‘проходное неотапливаемое помещение в единой системе жилых или служебных строений’. Если же речь идёт о сенях, расположенных в жилой постройке, то это ‘помещение между крыльцом и жилыми комнатами’, сени могли располагаться также между двумя жилыми помещениями. Кроме указанных, слово *сени* имело ещё и другие значения: ‘отдельное строение производственного или хозяйственного назначения’; ‘крыльцо, навес’; ‘галерея’; ‘открытый балкон’. Синонимами выступали слова *сѣнникъ* 1 (значения 1, 2), *сѣнница* 1 (значения 2, 3, 4) и *сѣнцы* (значение 2). Помещение под сенями — *подсѣнье* и *подсѣни*, помещение под сенником — *подсѣнничье*. *Присѣнокъ* — это ‘входная часть постройки, первая комната от входа в дом’. *Припередокъ* — ‘пристройка в виде предбанника, сеней, передней’. Ср. также *приперть* — ‘преддверие, сени, притвор’ и *припадъ* — ‘преддверие, наружная дверь’.

Горница находилась на втором этаже, над подклѣтом. Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», это ‘верхняя часть строения, жилое помещение в верхней части строения’. Если это помещение было небольшим, его называли *горенкою*. *Горенка отводная*, *отхожая* — ‘отдельная, обособленная жилая комната, каморка’. Горницы делились стенами на *комнаты*, *сѣтлицы* (значение 3), *клѣти* (значение 2), *преклѣты*, *покои*, *полаты* (*палаты*) (значение 3). Ср. *покоець* и *полатка* (*палатка*) — ‘небольшая комната’.

Гридница и *гридня* — это ‘верхние покои знатных лиц’. Самая светлая, освещённая комната в верхней части дома — *сѣтлица*. Окна в светлице прорубались во всех четырёх стенах или в трёх. *Сѣтлицей* называли и жилую надворную постройку, имеющую много окон.

Многие энциклопедические и толковые словари русского языка указывают на наличие в Древней Руси *тѣрема* — ‘верхнего жилого яруса у хором (больших домов), сооружавшегося над сенями’. Однако такой информации «Словарь русского языка XI–XVII вв.» не даёт. Согласно данному Словарю, слово *теремъ* имело в русских памятниках XI–XVII вв. значения: 1) ‘высокий дом, дворец’; 2) ‘сень, навес’; 3) ‘часть храмового комплекса’; 4) ‘купол (храма)’; 5) ‘пристройка’; 6) ‘украшение в виде купола’. Видимо, необходимы дополнительные источники для дифференциации значений слова *теремъ* в древнерусском языке.

Для наименования помещений, находящихся между потолком и кровлей, т.е. чердака, использовали слова *подволока* и *пятро*. Слово *подволока* могло обозначать и ‘потолок’.

Для древнерусского традиционного крестьянского жилища было характерно соединение отдельных небольших срубов в одно конструктивное целое. Такие сооружения включали в единый комплекс жильё и хозяйственные постройки⁷. На Руси с XIII в. их называли словами *подворье* ‘дом с двором и хозяйственными постройками; усадьба’, *дворъ* ‘усадьба, совокупность жилых и хозяйственных построек’. Среди хозяйственных построек были распространены *амбаръ* (*анбаръ*, *онбаръ*), *горенка* *присѣнная* ‘кухня, поварня’, *гумно* ‘крытое помещение для сжатого хлеба (преимущественно на севере)’, *дровня* ‘дровяной двор, склад’, *дровяникъ* ‘помещение для дров’, *пуня* ‘постройка для хранения зерна’ (ср. ст.-польск. *rupia*), *санникъ* ‘постройка, помещение для хранения саней’, *сѣнненка* ‘небольшая хозяйственная постройка’, *ския* ‘специальный амбар для хранения солёной рыбы’ (стены и крышу такого амбара обкладывали дёрном для предохранения от солнечного тепла), *складъ*, *стаяня* ‘конюшня, хлев’ (ср. польск. *stajnia*, укр., белор. *стаяня*), *рига* ‘сарай для сушки и обмолота снопов, рига’ и др.

Классификация представленных в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» наименований *общественных зданий (построек)* не отличается особым разнообразием, хотя здесь можно отметить несколько подгрупп:

- 1) наименования помещений для суда: *судебница*, *судилище* ‘помещения для судопроизводства и суда’, *доводня* ‘служебное помещение при суде’ (?), *гридня* ‘присутственное место, судебное помещение’ (значение 2);
- 2) названия помещений, предназначенных для содержания осуждённых: *осудница*, *темница*, *твердило*, *твердина*, *твердыня*, *твердь*, *твёрдое место*, *хранилище*, *башня* (значение 2), *чёрная полата* ‘тюрьма’;
- 3) обозначения помещений для приезжих, странствующих: *гостиница* (*гостинница*) (значение 3), *постоянница*, *господа* ‘гостиница, постоялый двор’, *пандохий* (ср. греч. τῆ πανδοχεῖα) ‘постоялый двор, гостиница’, *корчма* ‘постоялый двор для приезжих с навесом для лошадей, с помещением, где продавались хмельные напитки, еда’, *корчменный храмъ* ‘корчма’, *дворъ подворничный* ‘постоялый двор’ (?), *гостинный дворъ* ‘гостиница при монастыре’ и ‘постоялый двор’;
- 4) названия странноприимных домов, богадельни: *гостиница*, *странноприимница* и *странноприимство*;
- 5) наименования зданий городского самоуправления: *ратушь*, *ратуша* (ср. польск. *ratusz* из ср.-в.-н. *gâthus* ‘ратуша’), *ратхузъ* ‘ратуша» (ср. датск. *radhus*);
- 6) наименования зданий для общественного питания и увеселений: *скорѣлецъ* ‘кухня’ (?); ‘харчевня’ (?), *кабакъ* ‘питейное заведение’, *кружало* ‘кабак, питейное заведение’;
- 7) название здания для представления комедий: *театрумъ* ‘театр’ (ср. лат. *theatrum* от греч. θέατρον). См. в контексте: *Поставилъ [царь] театрумъ, то есть каменное зѣло высокое здание со многими теремы для всяких комедии, то есть дѣйственных потѣх*. Козм., 384. 1670 г.⁸. Ср. ещё *потѣшная полатка* ‘здание театра’.

⁷ Матюшин 1996.

⁸ СРЯ XI–XVII 29, 2011, 261.

Большой объём картотеки, состоящей из слов, называющих архитектурные объекты, и значительный хронологический охват памятников русской письменности, представленный в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», создают условия для продолжения описания истории архитектурной лексики в русском языке, в том числе тематических групп, объединяющих названия церковных построек и объектов оборонного зодчества.

ЛИТЕРАТУРА

- Астахина Л. Ю.* 2004 (сост.): История картотеки. Авторский состав (библиографический словарь) // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М.
Богородская О. Е., Котлова Т. Б. 1998: История и теория культуры: учеб. пособие. Иваново.
Горкин А. П. (гл. ред.) 2007: Современная иллюстрированная энциклопедия. Искусство: в 4 т. М. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/196/Архитектура.
Гринёв А. С. 2004: Сопоставительный анализ английской и русской архитектурной терминологии: На материале тематического поля «Теория и история архитектуры»: дис. ... канд. филол. наук. М. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/sopostavitelnyy-analiz-angliiskoi-i-russkoi-arkhitekturnoi-terminologii>.
Колчин Б. А. 1985 (отв. ред.): Древняя Русь. Город, замок, село. М.
Матюшин Г. Н. 1996: Археологический словарь. М.
СРЯ XI–XVII 1975–2011: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М. (издание продолжается)

ARCHITECTURE VOCABULARY IN “DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF XI–XVII CENTURIES”

I. S. Klinkova

The denotation description system of architectural structures and their elements, which has been developed in Russian language in XI–XVII centuries visually reflects the patterns of the old Russia architectonics, the level of culture and household development in Rus in a pre-national epoch. The research is a case study of the “Dictionary of the Russian Language of XI–XVII centuries”.

Key words: architecture, construction, topic-based group, culture, Rus, dictionary

© 2014

К. И. Коваленко

ПРИДОША ПРУЗИ НА РУСЬКУЮ ЗЕМЛЮ...
 (насекомое *саранча* в русской лексикографии XVI–XXI вв.)*

В статье рассматриваются названия саранчи: *акрида, пруг, абрѣда, локуста, строкоза, кобылки, коники, итальянский прус* и другие; определяются языки-источники иноязычных наименований и пути заимствования; прослеживается история данных слов в лексической системе русского языка и её отражение в лексикографии XVI–XXI вв.

Ключевые слова: саранча, акриды, лексикография, азбуквники, заимствования, грецизмы, латинизмы, гебраизмы

Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, а пищу его были акриды и дикий мёд (Мф 3: 4)¹, — повествует евангелист Матфей об Иоанне Предтече, жившем в начале первого тысячелетия; *Придоша пружи на Руськую землю <...> поѣдоша всяку траву и многа жита*, — со скорбью описывает летописец события конца XI в.; «Все силы и средства сегодня брошены на борьбу с итальянским прусом»,² — сообщает корреспондент газеты «Ставропольская правда» в начале XXI в. *Саранча, акриды, пружи, итальянский прус* — все эти названия обозначают разные виды насекомых семейства «настоящие саранчовые (Acrididae)». В русской литературе и лексикографических трудах встречаются и другие наименования; история их появления и употребления рассматривается в данной статье.

Анализируя названия насекомых в текстах, на много веков отстоящих от разработки научной энтомологической классификации, достаточно трудно определить, что именно стоит за тем или иным наименованием — конкретный вид, название семейства или стадия развития насекомого (у представителей семейства саранчовых, кроме того, выделяются стадная и одиночная фазы развития). С некоторой долей уверенности можно предположить совпадение объёма значения в тех случаях, когда слова являются лексическими вариантами, т.е. переводами одного и того же иноязычного слова в тексте, представленном разными списками или редакциями. Так, обратившись к церковнославянскому тексту Евангелия от Матфея, синодальный перевод которого был приведён выше, мы увидим, что греч. *ἀκρίς, -ίδος* ‘саранча’ могло быть не только транслитерировано как *акриды*, но переведено как *пружіе*³ (*собираетельная форма от пружь*) или *абрѣдѣ*⁴ (*собирает. от абрѣдь или абрѣда*). Вероятно, именно эти два названия были исконными в древнерусском языке; они же раньше других вышли из употребления.

Коваленко Кира Иосифовна — младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. E-mail: kira.kovalenko@gmail.com

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-34-01214 «Азбуквники как лексикографический жанр Московской Руси: традиции и инновации».

¹ Библия. Синодальный перевод 2001–2012.

² Ставропольская правда 19.06.2009.

³ Библия. Церковнославянский перевод 2001–2012.

⁴ Невоструев, архим. Иннокентий, Жуковская, Лисовой 1997, 275.

Слово *обрѣдъ*, *обрѣда* мы находим лишь в азбуковниках⁵ (рукописных лексикографических сводах Московской Руси) и в словарях церковнославянского языка⁶. *Пругъ*, *пружіе* ещё встречаются в словарях XVIII и XIX вв. (преимущественно с иллюстрациями из Библии)⁷, но в XX в. уже не включаются в словари, по-видимому, в связи с изменением культурных приоритетов и ориентацией на другие литературные источники. И лишь слово *акриды* сохранилось в русском языке до нашего времени: в первом издании БАСа оно дано с толкованием 'род саранчи', после чего приводится фразеологизм *питаться акридами и диким мѣдом* 'соблюдать строгий пост, скудно питаться'⁸. В последнем издании академического словаря толкование уже опущено, указан лишь фразеологизм с иллюстрациями из литературы XIX и XX вв.⁹ И современный читатель сможет узнать исконное значение слова только из словарей устаревших слов — например, из словаря Р.П. Рогожниковой и Т.С. Карской, в котором даны не только примеры употребления фразеологизма в классической литературе, но и цитата из Евангелия от Матфея¹⁰.

Акридами и *пружіем* в древнерусской литературе назывались не только виды саранчи, употребляемые в пищу в ближневосточной культуре. Зачастую они встречаются в других контекстах, где служат обозначением всего семейства или же стадной фазы развития насекомых, при которой они наносят наибольший вред сельскому хозяйству¹¹. Кроме того, в этом же значении можно встретить ещё одно название — *локуста*. Впервые оно появилось в конце XVI в. — в библейских книгах, переведённых с латыни, и является транслитерацией лат. *locusta* 'саранча'. Несколько ранее, в XV в., письменными текстами фиксируется заимствование из тюркского *саранча*¹².

*Нашествие саранчи красочно описывается в библейском повествовании о восьмой казни Египетской: И напала саранча на всю землю Египетскую и легла по всей стране Египетской в великом множестве: прежде не бывало такой саранчи, и после сего не будет такой; она покрыла лице всей земли, так что земли не было видно, и поела всю траву земную и все плоды древесные, уцелевшие от града, и не осталось никакой зелени ни на деревьях, ни на траве полевой во всей земле Египетской (Исх 10: 14–15)*¹³. В одном из псалмов, где также упоминается это событие, говорится, что *пришла саранча и гусеницы без числа (ἀκρίς καὶ βροῦχος)* — *пружи* и *гусеницы* в церковнославянском переводе¹⁴. По-видимому, *гусеницами* здесь названы личинки саранчи (также опасного вредителя), т.к. греч. βροῦχος значит 'бескрылая саранча или её бескрылая личинка'¹⁵. Перевод на церковнославянский язык как *гусеница* обусловлен тем, что это слово имело достаточно широкое значение: 'личина насекомых из яйца вылупляющаяся, имеющая вид червя сочного, мягкого, нередко шершавого, многоножного, весьма тихо ползающего, питающегося разным бытием до превращения своего в куколку'¹⁶. В современном русском языке значение слова сузилось: теперь оно обозначает только личинку бабочки¹⁷, поэтому толкование в слова *гусеница*, данное в СРЯ XI–XVII (с иллюстрациями, восходящими к библейскому повествованию), как 'гусеница'¹⁸ представляется не совсем корректным.

В азбуковниках слову *гусеница* даётся толкование *строкозы* (с указанием на источник — Псалом 104)¹⁹. Представляется, что данное толкование можно объяснить по-разному. Во-первых, насекомое стрекоза на определённой стадии развития представляет собой личинку, близкую к тому, как определяется слово *гусеница* в СРЯ¹. Во-вторых, в некоторых диалектах русского языка *стрекозой* называют кузнечика и саранчу²⁰ (как известно, именно кузнечиком является один из главных героев басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей»²¹).

Насекомых одиночной фазы развития (не столь опасной для сельского хозяйства) в современной терминологии принято называть *кобылками*. Эта лексема впервые встречается в азбуковниках²², наряду с однокоренным словом *кобылица*²³. Вероятно, насекомое этой же фазы развития обозначает сходное по мотивации слово *коники*. Так, например, В. Бурнашёв пишет, что *коники* — «это род стрекозы, похожей на саранчу, но не столь вредной, как сия последняя; коников, когда они сидят на поле, хорошо истреблять свиньями и всякою домашнею птицею, которая очень лакома до них»²⁴. Впервые это слово также фиксируется в азбуковниках²⁵.

Специальные названия отдельных видов саранчи в русской литературе практически не встречаются до XIX в. Пожалуй, единственным исключением является перечисление чистых животных в книге Левит: *из всех пресмыкающихся, крылатых, ходящих на четырёх ногах, тех только ешьте, у которых есть голени выше ног, чтобы скакать ими по земле; сих ешьте из них: саранчу с её породю, солам с её породю, харгол с её породю и хагаб с её породю* (Лев 11: 21–22)²⁶. Считается, что три вида «крылатых пресмыкающихся» — *солам*, *харгол* и *хагаб* — также являются разновидностями саранчи, однако какими именно, до сих пор не установлено²⁷. В церковнославянском тексте они названы по-другому: *врухъ*, *аттакъ* и *офиомахъ*.

⁵ Азб. 1642, л. 112 об.; Азб. 501, л. 134 (статья Обрѣда, пругъ).

⁶ Дьяченко 2004, 1.

⁷ Поликарпов 1704, 67; Алексеев 1773, 271; СРЯ 1 4, 1793, 1129; СРЯ 2 5, 1822, 699; СРСРЯ 3, 1847, 572.

⁸ БАС 1, 1950, 78.

⁹ БАС 3 1, 2004, 144.

¹⁰ Рогожникова, Карская 2005, 31.

¹¹ См. иллюстрации статей *Акрида* и *Пругъ* в СРЯ XI–XVII 1, 1975, 26 и СРЯ XI–XVII 21, 1995, 15.

¹² Фасмер 3, 1971, 560; СРЯ XI–XVII 23, 1996, 64.

¹³ Библия. Синодальный перевод 2001–2012.

¹⁴ Библия. Синодальный перевод 2001–2012; Библия. Церковнославянский перевод 2001–2012.

¹⁵ Little, Scott 1940.

¹⁶ СРЯ 2, 1790, 436.

¹⁷ БАС 3, 1954, 493.

¹⁸ СРЯ XI–XVII 4, 1977, 160.

¹⁹ Азб. 1642, 40 об.; Азб. 501, л. 47 об.; см. также иллюстрацию статьи *Стрекоза* в СРЯ XI–XVII 28, 2008, 191.

²⁰ СРНГ 41, 2004, 310.

²¹ См. подробнее: Top-antropos.com. Авторский сетевой журнал 2013.

²² См. иллюстрации статьи *Кобылка* в СРЯ XI–XVII 7, 1980, 210; Азб. 1642, л. 82, 126.

²³ Азб. 1642, 91 об.; Азб. 501, л. 106.

²⁴ Бурнашёв 1843, 70.

²⁵ Азб. 1642, л. 82; Азб. 501, л. 95, 151; см. также иллюстрации статьи *Коники* в СРЯ XI–XVII 7, 1980, 276.

²⁶ Библия. Синодальный перевод 2001–2012.

²⁷ Ринекер, Майер 1999, 859.

Несовпадение в названиях объясняется тем, что переводы Библии выполнялись с разных языков, поэтому в церковнославянском тексте названия перечисленных видов саранчи транслитерированы с греческого языка ($\beta\rho\upsilon\chi\omicron\varsigma$, $\acute{\alpha}\tau\tau\acute{\alpha}\kappa\eta\varsigma$ и $\acute{\omicron}\phi\iota\omicron\mu\acute{\alpha}\chi\eta\varsigma$), а в русском — с древнееврейского (סָרְסָר , פְּרִיז и פָּרָה).

Среди современных названий отдельных видов саранчи преобладают составные наименования: *азиатская перелётная саранча*, *пустынная саранча*, *мароккская саранча*, *сибирская кобылка*, *крестовая кобылка*, *туркменская кобылка*, *итальянский прус*, а в художественной литературе можно встретить даже *космическую саранчу*²⁸.

Таким образом, в различных названиях насекомых семейства настоящих саранчовых нашли отражение языковые и культурные связи Древней и Московской Руси. Наряду со славянскими наименованиями *пружь*, *коники*, *кобылки* в определённые периоды истории языка употреблялись заимствования из греческого языка (*акриды*, *вружь*, *аттакъ*, *офиомахъ*), латыни (*локуста*), иврита (*солам*, *харгол*, *хагаб*). В настоящее время при обозначении представителей семейства в целом, в особенности её стадной фазы развития, используется *саранча* — слово тюркского происхождения. Большинство рассматриваемых лексем со временем вышли из употребления, некоторые слова сохраняются в языке благодаря тому, что являются частью фразеологического сочетания или входят в терминологическую систему русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Абеляшев Д. 2002: Пастырь Вселенной // «Библиотека лексикографа». [Электронный ресурс Института лингвистических исследований РАН / А. А. Бурыкин (сост.)].
- Азб. 501: Азбуконик, рукопись ГПНТБ СО РАН, собрание М. Н. Тихомирова, № 501, начало XVIII в. (датировка А. А. Юдина).
- Азб. 1642: Азбуконик 1596 года, рукопись Российской национальной библиотеки, собрание М. П. Погодина, № 1642 (сохранился в списке начала XVII в.).
- Алексеев П. 1773: Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах. М.
- БАС, 1950, 1954: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 1, 3. М.; Л.
- БАС, 2004: Большой академический словарь русского языка: в 20 т. Т. 1. М.; СПб.
- Библия. Синаодальный перевод 2001–2012: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bible-center.ru/ru/bibleface#ed_sel=synnew_ru.
- Библия. Церковнославянский перевод 2001–2012: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bible-center.ru/ru/bibleface#ed_sel=slavonic_ru.
- Бурнашев В. 1843: Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1. СПб.
- Дьяченко Г., прот. 2004: Полный церковнославянский словарь. Репринтное издание 1900 г. М.
- Иванова Т. А. 2004: «Кая бо пища Иоанова?» (К толкованию Евангелий от Матфея 3: 4 и от Марка 1: 6) // Т. А. Иванова. Избранные труды. СПб., 108–114.
- Коваленко К. И. 2011: О *пружь*х и *мелагри*х (на материале Азбуконика 1596 г.) // История русского языка и культурная память народа: материалы секции XL Междунар. филол. конф. СПб., 46–53.
- Невострев К. И., архим. Иннокентий (Просвирник), Жуковская Л. П., Лисовой Н. Н.: 1997. Мстиславово Евангелие XII века. Исследования. М.
- Поликарпов Ф. П. 1704: Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллино-греческих и латинских сокровищ из различных древних и новых книг собранное и по словенскому алфавиту в чине расположенное. М.
- Ринекер Ф., Майер Г. 1999: Библейская Энциклопедия Брокгауза. Кременчуг.
- Рогоженикова Р. П., Карская Т. С. 2005: Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. М. САР, 1790, 1793: Словарь Академии Российской: в 6 ч. Ч. 2, 4. СПб.
- САР, 1822: Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. Ч. 5. СПб.
- СРНГ 2004: Словарь русских народных говоров. Вып. 41. СПб.
- СРЯ XI–XVII 1975–2008: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.
- СЦСРЯ 1847: Словарь церковнославянского и русского языка: в 4 т. Т. 3. СПб.
- Фасмер М. 1971: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.
- Liddell H. G., Scott R. 1940: A Greek-English Lexicon / revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Rod-erick McKenzie. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0057>.
- Top-anthropos.com 2013: Авторский сетевой журнал. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://top-anthropos.com/literature/item/544-strekoza-i-muravej>.

PRIDOSHA PRUZI NA RUS'KUYU ZEMLU...<LOCUSTS CAME INTO THE RUSSIAN LAND...>

(insect *locust* in Russian lexicography of the XVI–XXI centuries)

K. I. Kovalenko

In the article names of insect locust (*akrida*, *prug*, *abreda*, *locusta*, *strokoza*, *kobyлки*, *koniki*, *italiansky prus* and others) are investigated; the donor languages of the borrowed words and ways of borrowing are determined; the history of the words in the Russian language lexical system and its reflection in lexicography of the XVI–XXI centuries are traced.

Key words: locust, *acrididae*, Russian lexicography, *azbukovnik*, borrowed words, Greek words, Latin words, Hebrew words

²⁸ Абеляшев 2002.

© 2014

Л. Я. Костючук

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ XX в. И ДОСТИЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И КАРТОГРАФИИ (взгляд рубежа XX–XXI вв.)

Очевидны достижения отечественной науки XX в. в области лексикографии, картографии: продолжение и развитие традиций XIX в.; уникальные теоретические обоснования и практические решения новаторских принципов словарей полного типа (диалектного с приложением карт, авторского), исторического словаря обиходного языка XVI–XVII вв., словаря с учётом синхронно-диахронных отношений в народной речи одной территории.

Ключевые слова: лексикография, картография, полный диалектный словарь, авторский словарь, обиходный язык, традиция и новаторство, синхрония, диахрония

История науки о языке свидетельствует, что внимание к слову проявлялось издавна: всегда было желание зафиксировать и понять ту единицу языка, которая способна называть участки действительности. Особенность таких направлений филологии в отечественной науке при работе со словом, как лексикография, картография, в том, что с XIX в. продолжалось активное сотрудничество с лингвогеографией, этнографией. XX в. был нелёгким и в то же время плодотворным по своим достижениям. Рубеж XX–XXI вв. принёс некоторые новые требования и теоретического, и практического характера к тому, чем приходилось заниматься ранее. А продолжая работать над личными или коллективными темами, важно оценить пройденное.

Прежде всего в академических учреждениях начинались и завершались замечательные толковые словари современного русского литературного языка¹; С. И. Ожегов вложил свой опыт и талант в удивительно востребованный однотомный словарь, выдержавший большое количество изданий². Эти словари не вызвали острых возражений, дискуссий: прекрасные филологи создавали картотеки, используя и архивные накопления от XIX в.; разрабатывали словарные статьи, глубоко проникая в лексико-семантическую структуру слов. Поэтому эти словари выдержали несколько изданий, не только стереотипных, но и с дополнениями, уточнениями. Практическая лексикография базировалась на теоретических работах лексикологов, тем более в этот период успешно создавалась концепция системности и в области лексики. У старшего поколения учились молодые лексикографы, набираясь опыта и оттачивая зоркость и мастерство в описании слов. Обсуждение же проектов представляло хорошую лексикографическую и лексикологическую школу и оставило ценные выводы по теории и практике лексикографии, а также и лингвогеографии. Такое внимание к созданию словарей и стремление иметь словарь у себя (вспомним очереди на подписку!) объяснялось тем, что общество особенно чётко в послевоенное время осознало, что словарь необходим не узкому кругу специалистов, а представителям любых наук и разных сфер деятельности. В конце XX в. О. Н. Трубачёв это положение в лингвистике объяснил так: «Лексикография заимствована из языкознания практически всеми прочими науками»³.

Речь в XX в. постоянно велась о словарях и атласах. Даже в 1944 г. на диалектологическом совещании в Вологде обсуждались планы дальнейшей работы по картографированию и лексикографированию материалов народной речи⁴. Сразу с окончанием войны возобновились диалектологические экспедиции с большим охватом населённых пунктов для обследования по Программе «Диалектологического атласа русского языка», а потом и других атласов.

На судьбы науки, безусловно, влияли и личности многих учёных. Таким был и Б. А. Ларин. Д. С. Лихачёв, отмечая «наиболее характерную особенность Б. А. Ларина как учёного-эрудита», писал: «... он был самым образованным лингвистом нашего времени». А как «характерную черту Б. А. Ларина как ученого человека» называл «его общественный темперамент — талант, сказывавшийся во всей его деятельности <...> постоянно заставлявший его обращаться от классических тем филологии к заботам сегодняшнего дня науки...»⁵. И то, что «Б. А. Ларин не искал лёгких путей в науке и изучал язык в его наиболее сложных, а потому наиболее интересных формах»⁶, делало его открывателем новых направлений филологической науки. Объективно Б. А. Ларин «самим существом своим» был призван «к тому, чтобы приобщить темы изучения современной жизни языка к лучшим традициям русской филологии её классического периода»⁷. Это с энтузиазмом и стойкостью принималось, к счастью для дела, учениками Б. А. Ларина, его единомышленниками и последователями. И безоговорочно, и не просто в присутствии руководителя, а навсегда, на десятилетия до завершения дела, и после ухода организатора.

Естественно, не всем это нравилось и вызывало дискуссии, прежде всего лексикографические, поскольку многие новаторские идеи Б. А. Ларина были связаны именно с лексикографией, «особенно им любимой»⁸. Б. А. Ларин занимался серьёзной и плодотворной работой над Картотекой ДРС, разработкой Проекта ДРС, участвовал в подготовке пробных словарных статей⁹. Поэтому невозможность заниматься этим далее из-за перевода Картотеки ДРС в Москву была трагична для учёного. Но Б. А. Ларин выстоял благодаря решению создавать уникальный в мировой лексикографии, единственный до сих пор областной словарь полного типа и с историческими данными на материале тоже уникальных псковских говоров. Начались специальные экспедиции в Псковскую область, принято было решение вводить и микропонимы, прозвища людей, клички животных (по специальной программе организовались и топонимические экспедиции). Б. А. Ларин работал над особой,

Костючук Лариса Яковлевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Псковского государственного университета. E-mail: anh57@yandex.ru

¹ БАС1 1948–1965; МАС1 1957–1961.

² Ожегов 1949.

³ Трубачёв 1993, 4.

⁴ Ларин 1947, 102–104.

⁵ Лихачёв 1977, 5.

⁶ Лихачёв 1977, 7.

⁷ Лихачёв 1977, 5.

⁸ Лихачёв 1977, 6.

⁹ Ларин 1936; Ларин (ред.), 1941.

новаторской «Инструкцией Псковского областного словаря»¹⁰. В 1960 г. в Пскове состоялась широкая межвузовская диалектологическая конференция, на которой обсудили Инструкцию, было много докладов, отвечающих проблемам будущего уникального словаря (сформированный коллектив словарников из ЛГУ и Псковского пединститута готовился к работе над словарём нового типа).

Выход в 1967 г. выпуска 1 ПОС¹¹ вызвал обострённую дискуссию по поводу новаторства Ларинского словаря: критика касалась основных принципов словаря — полноты материала и привлечения исторических сведений из местных памятников письменности XIII–XVIII вв.¹² Один из авторов рецензии, Ф. П. Сороколетов, ещё до выхода первого выпуска ПОС, в 1966 г. тоже критиковал установки такого типа лексикографического труда¹³.

С обстоятельной рецензией выступила Т. С. Коготкова в 1968 г. в «Вопросах языкознания». Как теоретик в области диалектологии и как практик в сборе полевого материала и в работе над диалектным словом, Т. С. Коготкова, корректно указывая на отсутствие желательного специального подчеркивания с объяснением принципа полноты диалектного словаря, поддерживает неповторимость реализации замысла известного учёного уже в выпуске 1 ПОС, показывает значимость разработки структуры и содержания словарных статей, наличия ономастических и исторических сведений о слове; умелое отражение изменений в значении слова на примере *ассигновать*. Вступая в дискуссию с авторами предыдущей рецензии, она пишет, что не согласна с их предложением отказаться от полноты привлечения материала: это пойдёт не на пользу изучения диалектного слова. Кроме того, прилагаемые карты на отдельные слова хорошо показывают жизнь слова на большой территории псковских говоров¹⁴.

Принцип полноты материала в словаре проявился у Б. А. Ларина и в идее создания авторского словаря¹⁵, тоже неповторимого по глубине выяснения семантики и стилистических особенностей слов в горьковском тексте: «... описать в словесной форме стиль писателя», для чего «нужно показать, какие слова из словарного состава языка отбирает писатель и как он их употребляет в большом контексте, соотнося с другими словами»¹⁶.

Перспективная новаторская идея составить «Словарь обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв.» была высказана в заметках учёного 1961 г. как отражение той боли, когда коллектив, работавший над ДРС, был отдалён от него. «Наш второй ДРС будет создан уцелевшими кадрами первого», — писал Б. А. Ларин о том «смутном времени»¹⁷. Восхищает убеждённость учёного в верности его сподвижников лексикографическому делу: «Гвардия ДРС за те “смутные годы” <...> крепла и мужала в лексикографических подвигах и испытаниях этой смутной поры <...> Эта гвардия быстро получит и обучит новую смену младших составителей, следующее поколение работников русской исторической лексикографии»¹⁸.

И на сей раз Б. А. Ларин оказался прав. Под руководством О. С. Мжельской была создана новая гвардия, началась работа и над Проектом словаря¹⁹ с широким обсуждением его; и над пополнением Картотеки, и над словарными статьями с выходом пробного выпуска²⁰. И мы имеем уже пять выпусков этого словаря²¹, который помогает исследователям в знакомстве со словами прошлого, с бесценным сокровищем языка и мыслей народа.

Но с появлением выпусков этого словаря, уже в начале XXI в., неожиданно возникла некорректно ведущаяся дискуссия о целесообразности этого словаря, с удовольствием делающимися в неуважительной форме замечаниями²². К сожалению, такая форма дискуссии и критики (тем более исходящая из академической среды) напомнила почти забывшиеся события в науке прошлого века. Авторский коллектив достойно и мужественно повёл себя, понимая, что силы необходимы для продолжающейся работы.

В данной статье в ответ на заявленную тему автор вспомнил такие события, которые многие десятилетия были непосредственно рядом с ним или известны по интересным и достоверным источникам. И многое оказалось связанным с Б. А. Лариным и свершалось и вот уже почти 50 лет совершается без безвременно ушедшего ученого, но, что удивительно, остаётся в поле его вдохновения и по-настоящему благотворного влияния.

Разрешённый размер статьи заставляет закончить разговор на том, что удалось сейчас написать. Но есть возможность продолжить его когда-то и потому, что достижения XX в. в указанных направлениях способствовали удивительным, необычным открытиям в лингвистической науке, связанным с разными уровнями языка и обнаруженным благодаря, в частности, и реализации предложенных Б. А. Лариным принципов (подчеркнём принцип полноты) в работе над словом прошлого и настоящего (например, почему А. А. Зализняк смог обнаружить и обосновать «древний псковско-новгородский диалект»²³).

ЛИТЕРАТУРА

- БАС, 1948–1961: Словарь современного русского литературного языка в 17 т. М.; Л.
 Зализняк А. А. 1995: Древненовгородский диалект. М.
 Коготкова Т. С. 1968: «Псковский областной словарь с историческими данными», 1. Л., 1967. 200 с. // Вопросы языкознания. 5, 119–134.
 Крысько В. Б., Романова Г. Я., Чернышёва М. И. 2006: Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Выпуск 1: А — Бязь / под ред. О. С. Мжельской. СПб.: Наука, 2004. 334 с. // Русский язык в научном освещении. 2 (12), 271–288.
 Ларин Б. А. (ред.) 1941: Словарь древнерусского языка XI–XVIII вв. Пробный набор. Л.

¹⁰ Ларин 1961; Ларин 1962а, 252–271.

¹¹ ПОС 1, 1967.

¹² Максимов, Сороколетов 1968, 165–168.

¹³ Сороколетов 1966, 54–73.

¹⁴ Коготкова 1968, 119–134.

¹⁵ Ларин 1962б, 3–11.

¹⁶ Поцепня 2009, 603.

¹⁷ Ларин 2003, 657.

¹⁸ Ларин 2003, 657.

¹⁹ Мжельская (ред.) 2000.

²⁰ Мжельская (ред.) 2003.

²¹ СлОРИМР 2004–2012.

²² Крысько, Романова, Чернышёва 2006, 271–288.

²³ Зализняк 1995.

- Ларин Б. А. 1936: Проект Древнерусского словаря [Принципы, инструкции, источники]. Л.
- Ларин Б. А. 1947: Вологодская диалектологическая конференция 1944 г. // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. Вып. 1. М.; Л., 102–103.
- Ларин Б. А. 1961: Инструкция Псковского областного словаря. Л.
- Ларин Б. А. 1962а: Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. I. Труды Первой псковской диалектологической конференции 1960 г. Псков, 252–271.
- Ларин Б. А. 1962б: Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 3–11.
- Ларин Б. А. 2003: Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Б. А. Ларин. Филологическое наследие: сб. статей. СПб., 656–659.
- Лихачёв Д. С. 1977: О Борисе Александровиче Ларине // Б. А. Ларин. История языка и общее языкознание. М., 5–10.
- Максимов В. И., Сороколетов Ф. П. 1968: Псковский областной словарь // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. М., 64–73.
- МАС, 1957–1961: Словарь русского языка: в 4 т. / А. П. Евгеньева (ред.). М.; Л.
- Мжельская О. С. (ред.) 2000: Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.) (Проект). СПб.
- Мжельская О. С. (ред.) 2003: Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Пробный выпуск. А — *биться*. СПб.
- Мжельская О. С. (ред.) 2004–2012: Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–5. СПб.
- Ожегов С. И. 1949: Словарь русского языка. М.
- Поцения Д. М. (ред.) 2009: Словари языка писателя // Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений РФ. СПб., 589–656.
- Псковский областной словарь с историческими данными 1967–2013... Вып. 1–24... Л. / СПб.
- Сороколетов Ф. П. 1966: О теоретических установках одного областного словаря // Современная русская лексикология / С. Г. Бархударов (гл. ред.). М., 64–73.
- Трубачёв О. Н. 1993: Образованный учёный // Русская словесность. 2, 3–7.

LEXICOGRAPHIC DISCUSSIONS IN XX CENTURY AND ACHIEVEMENTS OF RUSSIAN LEXICOGRAPHY
AND CARTOGRAPHY (from XX–XXI-century point of view)

L. Ya. Kostichuk

Russian academic achievements in the field of lexicography and cartography in XX century are obvious: continuation and development of XIX century traditions; unique theoretical rational and practical solutions for innovative principles of full dictionaries (dialect dictionaries with attached maps, author's dictionaries), of a historical dictionary of the XIV–XVII-centuries of everyday language, a dictionary comprising synchronic-diachronic relations in the folk speech on a certain territory.

Key words: lexicography, cartography, full dialect dictionary, author's dictionary, everyday language, tradition and innovation, synchrony and diachrony

© 2014

О. П. Лопутько

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В докладе характеризуется место «Материалов к словарю древнерусского языка» И. И. Срезневского среди лексикографических трудов Славянского возрождения. Отказываясь от прямой передачи этнокультурной информации, учёный представляет её в форме описания семантических страт культурных концептов с опорой на материалы древнерусского формульного фонда.

Ключевые слова: этнокультурный компонент, устойчивая формула, семантические страты, концепт

Значение научного творчества И. И. Срезневского в качестве одного из основателей славистики в России является общепризнанным. Однако главный труд И. И. Срезневского — «Материалы к словарю древнерусского языка» — остаётся феноменом, обычно воспринимаемым несколько обособленно как от славистической составляющей деятельности самого учёного, так и, тем более, от важнейшего направления в филологии Славянского возрождения — создания словарей-сокровищниц славянской культуры (как словари Й. Добровского, В. Караджича, С. Линде, В. И. Даля, Н. Герова и др.).

Действительно, при общем взгляде на Словарь И. И. Срезневского принципы обработки в нём материала выглядят существенно отличными от принципов, воплощённых в лексикографических трудах европейских представителей Славянского возрождения, регулярно сопровождающих лексико-фразеологический материал иллюстрациями в виде описаний народных воззрений на природу и общество, обрядов, обычаев и нравов (наиболее полное освещение это обстоятельство получило в работе А. А. Плотниковой¹). К такому методу Срезневский прибегает сравнительно редко.

Однако при всей исключительной значимости созданных в XIX в. словарей южно- и западнославянских языков как для становления национального самосознания славянских народов, так и для развития самой филологической науки — экстраполяции от языкового материала к этнокультурному или обратно, содержащиеся в них, не могли быть в этот период в должной мере обоснованными теоретически и конкретно-методически: научный аппарат для осуществления таких операций

Лопутько Ольга Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: ollori@mail.ru

¹ Плотникова 2000.

ещё только вызревал. Стоит заметить, что и вплоть до настоящего момента он едва ли может характеризоваться как вполне сложившийся, несмотря на то, что усилиями исследователей второй половины XX в., прежде всего — Н. И. Толстого², этнолингвистика обрела статус одной из признанных отраслей современного языкознания. Поэтому вполне объяснимы встречающиеся в словарях середины XIX — начала XX в. неточности в соотнесении, например, отдельных фразеологических единиц с определёнными обычаями или обрядами. Так, по словам В. М. Мокиенко, «панславистский» и общекультурологический подход к описываемому материалу в таких словарях <...> делает некоторую (особенно фразеологическую и паремологическую) его часть недостаточно объективно локализованным и историческо-этимологически прокомментированным: составители нередко прибегали к излишне глобальным культурологическим параллелям и «романтическим» истолкованиям в духе народной этимологии»³.

Словарь И. И. Срезневского в этом отношении представляется более строгим и выдержанным теоретически, поскольку ни где не отступает от собственно лингвистического метода интерпретации фактов. А одним из критериев подлинности лингвокультурных соотнесений выступает у него сам историзм подачи материала. И это решение также находится вполне в русле идей эпохи, в которую творил Срезневский. Ведь одним из главных филологических открытий периода Славянского возрождения был сравнительно-исторический метод изучения языков и культур, в возрожденческом контексте осознанный как путь к обоснованию родства и общности славян.

Отталкиваясь от описательно-эмпирических и аналитических методов представления языкового и этнокультурного материала других лексикографов Славянского возрождения, Срезневский пошёл по пути *лингвистического синтеза* того богатого и разнородного материала, который был в его распоряжении. В отличие от авторов европейских славянских словарей — информацию о народных поверьях, обрядах, обычаях он представляет относительно языковой единицы не как внешне-контекстуальную, а как лингвистически преобразованную в элемент её содержательной структуры.

В этой связи решался и вопрос о самой единице языка, презентативной для соответствующего исторического периода в плане полноты лингвокультурной информации. Поскольку в основе Словаря И. И. Срезневского — материал X–XIV вв., такой единицей стала формула — устойчивый словесный комплекс, отображающий ритуально-мифологические представления времени своего образования не только во внутренней стороне, но и во внешней, лексико-грамматической, структуре⁴.

Тем самым учёный открывает то направление, по которому пойдёт лингвистика XX в., — исследование культурно-национального компонента как части значения языковой единицы. Он становится предтечей исследования тех феноменов, которые позднее получили название *культурных концептов* языка. Об этом свидетельствует основное содержание лексикографического метода И. И. Срезневского — выявление путей образования лексико-семантической структуры слова как ключевого элемента национальной картины мира в результате исторических процессов разложения единиц древнерусского формульного фонда, что и привело к утверждению слова в качестве самостоятельной и центральной единицы языка⁵.

Этапы семантического «снятия» формульной парадигмы, ведущего к становлению сигнификативных значений отформульных дериватов различных типов⁶, откладываются в содержании этих дериватов в качестве семантических страт концепта.

Принципы отображения этих процессов Словарём И. И. Срезневского хорошо прослеживаются на примере системы концептов, передающих феодальные представления о власти и управлении государством: *рядь/урядь, честь, слава, волость/власть, судь, уставь, столъ/престоль* и др., которые образовались в результате взаимодействия и разложения группы древнейших формульных микропарадигм ‘права’ и ‘управления’, — в частности, парадигм «княжения», а также феодально-дружинного строя, восходящих в качестве первоисточника к пранидоевропейским ритуально-мифологическим представлениям о правителе как «воплощении», самой ‘плоти’ управляемого им коллектива⁷.

Формульные сочетания в Словаре И. И. Срезневского не только выделяются в особые рубрики, как, например, в статье, посвящённой слову *рядь*⁸, — они постоянно приводятся и в составе иллюстративного материала к значениям подобных лексем. Преимущественно этот способ их введения характерен и для центрального концепта данной группы — «Волость/власть».

Так, значение ‘сила, могущество’ слова *власть* иллюстрируется следующими формульными контекстами: *Съ властью бѣ слово его ... Остр. ев. <...> Да не имать власти казнити я.* Дог. Иг. 945 г. <...> *Не спасет бо ся, рече, царь многию силою и всяка власть къ грѣху причтена естъ.* Кир. Тур. посл. Вас. 126 <...> *Лютѣ бѣснующемуся дати ножь, а лукавому власть.* Сл. Дан. Зат.⁹ К значению, определяемому учёным как ‘власть, свобода, право’, приводятся иллюстрации с формулой *имѣти власть*: *Да не имѣють Русь власти зимовати въ оусты Днепра.* Дог. Иг. 945 г. (по Ип. сп.)¹⁰. Значение же ‘власть, господство’ иллюстрируется контекстами с другими известными формульными выражениями: *Аще ключится проказа нѣкака от(т) Грѣкъ сущихъ подь властью џ(с)ртва нашего.* Дог. Иг. 945 г. (по Ип. сп.) <...> *Изяславоу же князюу тогда прѣдръжяцоу обѣ власти, и оца своего Ярослава, и брата своего Володимира.* Остр. ев. запис. <...> (Святополкъ) *нача помышляти. яко изьбю всю братью свою. и прииму власть Русьскую единь.* Пов. вр. л. 6523 г. и т.п.¹¹

К значению ‘страна, область’ формульных контекстов не приведено — зато к исходному для него, более древнему и теснее связанному с ритуалом, значению ‘волость, община’ в качестве иллюстрации использованы материалы сербского языка, что само по себе свидетельствует о раннем этапе становления данной семантической страты концепта: *У власти Борачкою село Старче и село Врѣбава... у власти Острѣвичкою село Стромово...*¹².

² Толстой 1995; 1997; 2003 и др.

³ Мокиенко 1995, 81–82.

⁴ Лопутько 2000; 2001, 18–59 и др.

⁵ Колесов 1989; 1993; 2004 и др.

⁶ Лопутько 2011.

⁷ Лопутько 2013.

⁸ Лопутько 2009.

⁹ Срезневский 1, ч. 1, 1989, 273.

¹⁰ Срезневский 1, ч. 1, 1989, 273.

¹¹ Срезневский 1, ч. 1, 1989, 273.

¹² Срезневский 1, ч. 1, 1989, 274.

В изобилии формульные сочетания представлены в составе иллюстративного материала, приведённого Срезневским к тому значению русского варианта *волость*, которое он определяет как 'область, страна, земля, находящаяся под одной верховной властью': *Не желая болшее волости ни имѣнья хотя болюа*. Пов. вр. л. 6586 г. *Пославъ соль свои или п(с)на и грамоту напиши, с правдою, то и волость възмешь с добромъ*. Пис. Влад. Мон. 1096 г. <...> *Прия Гюрги сновъць въ мирь, съ любовью, и волости имь раздая достоинья*. Новг. I л. 6663 г. и т.д.¹³

Сербский материал позволил представить в словаре более полную картину исторического формирования и развития славяно-русского концепта «Волость/власть» начиная с его древнейших страт, наиболее непосредственно отражающих ритуально-мифологическую практику, нежели это было бы возможно сделать, оставаясь только в рамках русского материала. Однако в целом выстроить семантическую стратификацию концепта Срезневскому удалось без непосредственного привлечения этнографических или фольклорных данных — благодаря лишь систематическому вниманию к формульным связям толкуемого слова.

Таким образом, принципы лексикографирования языкового материала в Словаре И. И. Срезневского, опиравшегося на общие для деятелей Славянского возрождения культурологические положения о неразрывной связи языка с историей народа, его обычаях и нравах, обрядовой практикой и мифологией, конкретизируются в представлении лексико-семантической структуры слова как парадигмы, вбирающей его формульные применения, которые, в свою очередь, отобразили исторические этапы развития социокультурных явлений соответствующей сферы в жизни этноса. На этой основе в Словаре выстраивается семантическая стратификация культурного концепта. Аналитический метод европейских славистов у И. И. Срезневского сменяется историческим синтезом в культурологически наполненной семасиологии, указывающей новые пути лингвистике будущего.

ЛИТЕРАТУРА

- Колесов В. В. 1989: Древнерусский литературный язык. Л.
 Колесов В. В. 1993: «Язык» и «развитие» в понимании И. И. Срезневского // Славянские языки, письменность и культура / В. В. Колесов (ред.). Киев, 5–12.
 Колесов В. В. 2004: Слово и дело: Из истории русского слова. СПб.
 Лопутько О. П. 2000: О природе устойчивых формул древнерусской письменности // Герменевтика древнерусской литературы. 10. М., 80–88.
 Лопутько О. П. 2001: Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). Новосибирск.
 Лопутько О. П. 2009: Устойчивая формула в структуре лексикографического описания древнерусского слова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2 (24). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 219–223.
 Лопутько О. П. 2011: Направления преобразований древнерусских формульных парадигм в лексико-семантические на пути к системе языка Нового времени // История русского языка и культурная память народа: материалы XL Междунар. филол. конф. / О. А. Черепанова (ред.). СПб., 66–73.
 Лопутько О. П. 2013: Русское *сесть на стол, престол, на царство* в индоевропейском контексте // Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie. Национальное и интернациональное в славянской фразеологии. XV Международный съезд славистов / Г. Вальтер, В. М. Мокиенко (ред.). Greifswald, 83–86.
 Мокиенко В. М. 1995: Культурологические комментарии в историко-этимологическом словаре фразеологии // Словарь и культура: К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова: материалы междунар. науч. конф. М., 81–83.
 Плотникова А. А. 2000: Словари и народная культура: очерки славянской лексикографии. М.
 Срезневский И. И. 1989: Словарь древнерусского языка: в 3 т. Т. 1. М.
 Толстой Н. И. 1995: Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.
 Толстой Н. И. 1997: Избр. труды: в 3 т. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. М.
 Толстой Н. И. 2003: Очерки славянского язычества / С. М. Толстая (ред.). М.

I. I. SREZNEVSKY'S LEXICOGRAPHICAL PRINCIPLES IN SLAVONIC PHILOLOGICAL CONTEXT

O. P. Loput'ko

The report describes the place of the «Dictionary of the Old Russian language» by I. I. Sreznevsky among lexicographic works of Slavonic Renaissance. Rejecting the direct transmission of ethnic and cultural information, the scholar presents it in the form of a description of semantic strata of cultural concepts based on the materials of the Old Russian formula collection.

Key words: ethnic and cultural component, stable formula, cultural concept, semantic stratum of the concept

¹³ Срезневский I, ч. 1, 1989, 293.

© 2014

Л. М. Любимова

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КАК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Словари исторического жанра — надёжный этнолингвистический источник. Различные типы исторических словарей представляют интерес для изучения национальной культуры. Лексикографическое описание исторического слова регионального словаря предполагает и изучение региональной культуры.

Ключевые слова: лингвистическая антропология, этнолингвистика, источники этнолингвистики, исторические словари, язык и культура

Перспективной областью научных знаний нового тысячелетия становится активно формирующаяся лингвистическая антропология как особая отрасль социокультурных знаний о человеке и его языке, как интегральная наука, определяющая междисциплинарные связи языка и культуры, языка и психологии, языка и общества, языка и семиотики. Лингвистическая антропология, становясь самодостаточной наукой, в качестве метаобъекта изучения исследует отношения «язык — человек (общество) — действительность — культура». Как видно, зона лингвоантропологических знаний простирается между познаниями языка как культурного кода нации до изучения моделей речевого поведения людей определённой этнической общности. Задача довольно объёмная, но для углублённого познания человека недостаточно погружения в какой-либо один аспект социокультурной жизни языка без рассмотрения его в совокупности с другими.

Отдельного разговора требует проблема взаимоотношения языка и культуры, их взаимодействия. Этим занимаются две области лингвоантропологического знания — этнолингвистика и лингвокультурология. Отношение языка и культуры в лингвокультурологической науке принято определять афористической триадой: язык — зеркало культуры, язык — сокровище культуры, язык — орудие культуры, что отчётливо высвечивает предметное содержание данных наук. Как известно, подходы к изучению взаимосвязи языка и культуры осваиваются разными науками антропологического направления, среди которых центральное место занимают вышеназванные лингвокультурология и этнолингвистика. Этнолингвистика изучает этнический образ языка, в качестве источников информации традиционно исследуя фольклорные и мифологические тексты, ритуалы религиозного и бытового характера, суеверия, приметы, поверья, зачастую отражённые в устойчивых вербальных знаках.

Особым источником, который позволяет реконструировать культуру этноса и картину мира, воплощённую в его языке, являются лексикографические источники исторического жанра, о чём и свидетельствуют историки языка. «Вместе с другими гуманитарными науками этнолингвистика, изучая язык в контексте народной культуры как одним из подвидов национальной культуры, решает многие вопросы и задачи, стоящие сейчас перед отечественным языкознанием. Это не случайно, ведь вопросы истории языка и истории культуры неразрывно связаны между собой. Этнолингвистический аспект приобретает важное значение в исторической лексикографии¹. Как представляется, в историческом словаре «принцип антропоцентризма проявляется в двух аспектах: “человек в языке”, который выступает как форма сознания и транслятор культуры, и “язык в человеке”, который является мерой всех вещей, в том числе языка и культуры»².

Исторические словари, созданные на архивных материалах, интересны тем, что несут на себе печать своего времени, отражают пути развития российской экономики, сельского хозяйства, военного дела, проблемы государственного устройства, т.е. по существу являются зеркалом национальной культуры и истории. Обращение к исследованию семантики исторического слова и его понятийного основания позволяет выявить роль языковых средств в определении культурных смыслов духовно-практической деятельности социума. Имеющиеся словари исторического типа, несмотря на их общую специфику, различаются не столько по форме, структуре словарных статей и их составляющих, по объёму и составу лексики, сколько по характеру используемых документальных источников. По данному признаку словари исторического жанра можно разделить на следующие блоки:

а) фундаментальные исторические словари (общие, сводные, универсальные), которые созданы с опорой на многочисленные письменные источники древности (литературно-художественные произведения разных жанров и разного происхождения, включая культовые памятники и разнообразие памятники деловой литературы). Классическим типом такого словаря является «Словарь русского языка XI–XVII вв.»;

б) словари, которые созданы на материале одного письменного памятника (например, «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”» В. Л. Виноградовой);

в) лексиконы, созданные на основе памятников делового назначения, хранящихся в местных архивах разных областей страны. Их особенность хорошо была подмечена в своё время Л. И. Скворцовым: «Исторический словарь — это память языка, история составляющих его слов <...> А ведь история, исторические знания вообще — это основа любой культуры, сердцевина гуманистических знаний. Через века доносятся до нас слова прежних эпох и помыслы наших далёких предков»³.

Информационные возможности исторических словарей многочисленны. При обсуждении характера информационного поля данных словарей следует отметить, что эта проблема, по меньшей мере, имеет два аспекта. Деятельность первого аспекта находится в рамках традиционной структурной лингвистики, которая призвана решать задачи, характеризующие язык как системно-структурное образование, но в историческом словаре, как ни в каком ином, проявляется уникальность исторического слова, его синкретизм: лингвистическая сущность уступает место этнолингвистической. Слово как универсальный знак языка становится живым свидетелем региональных условий материальной и общественной жизни народа. Оно приобретает национальную душу, в семантике слова раскрывается культурная память. Таким образом, лексико-семантическая система исторического словаря выступает как одежда времени, отражающая культуру народов, населявших регионы России. Любой исследователь, работающий с историческим словом в эпоху антропологической лингвистики, отчётливо осознаёт,

Любимова Людмила Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Забайкальского государственного университета. E-mail: Lubimova.kl@yandex.ru

¹ Бабурина 1997, 152–155.

² Ольшанский 2000, 48.

³ Скворцов 1983, 73.

что информация слова о духовной и материальной жизни нации, о становлении и развитии национального менталитета, о формировании русской языковой личности, о специфике жизни предшествующих поколений является особенно актуальной для изучения и познания культуры народов. Познание регионально ориентированной картины мира определённой эпохи, её культурных смыслов невозможно без постижения лингвистической семантики, которая помогает обнаружить составляющее культурной семантики — денотативный и коннотативный аспекты культурных смыслов.

При создании концептуального образа отдельно взятого региона относительно самостоятельной задачей является реконструкция материальной культуры по данным региональных исторических словарей, описание поля объектов предметной культуры. Общеизвестно, что среди научных областей знаний, изучающих предметный мир, материальную культуру в историческом аспекте называют археологию, этнографию, историю. Нам представляется, им сродни лингвистическая палеонтология, которая решает проблему «слова и вещи», и лингвистическая археология (к ней можно условно отнести лексикографические источники диахронного типа). Через языковую деятельность людей они передают знания о созданных человеком вещах, сооружениях, устройствах и т.д., дают интегративные сведения о языке материального производства и материальной культуры в целом. Семантика региональных исторических словарей определяет наличие предметов и явлений реальной деятельности, этнографических реалий, а этнокультурные особенности слова, характеризуют поле объективной предметной культуры, высвечивают практическую деятельность людей, живших в определённой пространственной зоне. Так, слово «Исторического словаря Восточного Забайкалья» вводит читателя через разные группы предметно-тематической лексики в мир истории материальной культуры Восточного Забайкалья и позволяет смоделировать систему жизни сибиряка XVII в.⁴ Материалы деловых документов, положенные в основу создания исторического словаря, являются ценными лингвистическими источниками, отражающими как процессы формирования русской лексической системы, так и повествуящие о региональных объектах материальной культуры. Объектом нашего внимания стало историческое слово, характеризующее наименование посуды в зависимости от способа номинации:

— по назначению: сосуды индивидуального использования для питья жидкости (*кружка, чашка, стакан, скляница, ковши*); для еды (*ложка*); для жарки пищи (*ладка, сковородка*); для подачи на стол (*яндова, блюдо, скляница*); для резания (*нож*); мера жидкости сыпучих тел (*ведро, ковши, стакан*); для хранения и переноски жидкости (*яндова, ковши, котёл, лагун, ручка, корчага, ушат, кать, ведро, суденка*); кухонные приспособления (*сковородник, воронка, решето*);

— по материалу, из которого изготовлена посуда: стекло (*скляница, чарка, стакан*); глина (*ладка, корчага*); медь (*яндова, блюдо, нож, котёл, ложка*); железо (*сковородник, ведро, сковородка, воронка, кружка, решето, ковши*); дерево (*ручка, лагун, ведро, ушат, кадь, ковши, ложка, кружка, решето*).

Заметим, что артефактами культурного взаимодействия, свидетельствующими об исторических и экономических связях с Китаем, является группа лексем, характеризующая ткани (*даба, китайка, зендель, фанза* и др.). Кроме того, деловые региональные тексты широко отражают устойчивые формулы, которые обслуживали разные сферы жизни русского общества: общественно-политическую жизнь, производственную деятельность, торгово-денежную и судебную-юридическую сферы и т.д. Это фразеологические историзмы, узусально устойчивые словосочетания, которые принадлежат конкретной эпохе и характеризуют конкретные жизненные ситуации. Они чрезвычайно интересны, хотя их долговечность ограничена. Наиболее заметны следующие группы составных терминов:

а) тематическая группа, включающая наименования разных социальных слоёв. Она отражает социальную структуру общества, помогает определить сложность и пестроту социальных отношений. Здесь сосредоточены названия людей по роду постоянных или временных занятий: *служилые люди, торговые люди, купецкие люди, работные люди, приказные люди, ссыльные люди, улусные люди, ясачные люди; служилый человек, торговый человек, промышленный человек, посадский человек, таможенный голова* и др.

б) тематическая группа, характеризующая торгово-денежные отношения (вид выплаты, статьи дохода или расхода): *жалованные деньги, платёжные товарные деньги, платёжный товар, лошади платёжные, платёжная покупка, денежный оклад, хлебный оклад, соляной оклад, хлебное жалование, харчевой товар, товарные платёжные сороки*;

в) устойчивые формулы качества: *большой руки, средней руки, малой руки* и др.

Устойчивые формулы деловых источников содержат национально-культурные сведения, характеризуют и социальный этикет своего времени.

Таким образом, региональный дискурс текста исторического словаря при изучении объектов предметного и социального мира позволяет обнаружить культурные традиции как отдельно взятого региона, так и всей России, выявить культурно-исторический аспект социальной жизни, постичь культурный смысл ушедших концептов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабурина К. Б. 1997: Этнолингвистический аспект в исторической лексикографии // Вопросы языкознания. 3, 152–155.
 Любимова Л. М., Христосенко Г. А. 2003: Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам Нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.) Т. 1 (А–З). Чита.
 Ольшанский И. Г. 2000: Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX века / Ф. М. Березин (ред.). М., 9–26.
 Скворцов Л. И. 1983: Исторические словари в языковой культуре народа // Русская речь. 4, 73–79.

THE HISTORICAL DICTIONARIES AS AN ETHNOLINGUISTIC SOURCE

L. M. Lubimova

Dictionaries of a historical genre is a reliable ethnolinguistic source. Different types of the historical dictionaries which are of interest to studying national culture are analyzed. The lexicographic description of the historical word of the regional dictionary assumes studying regional culture as well.

Key words: linguistic anthropology, ethnolinguistics, ethnolinguistic sources, historical dictionaries, language and culture

⁴ Любимова, Христосенко 2003.

© 2014

Е. Н. Соколова

ПИСЬМЕННЫЕ ТЕКСТЫ КИЕВСКОЙ ЭПОХИ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ОЙКОНИМИИ

Статья посвящена актуальному в современной лингвистической науке вопросу изучения топонимического пространства древнерусских памятников письменности Киевской эпохи. На материале церковных и светских текстов рассматривается система славянских ойконимов в аспекте их комплексного лексикографического описания.

Ключевые слова: древнерусские памятники письменности, топонимы, ойконимы, лексикографическое описание, этимологические комментарии

Географические названия эпохи Киевского государства, являясь культурным наследием этнического сообщества восточных славян, хранят в себе память о прошлом славянских народов и их представлениях о мироустройстве. Поскольку топонимы отличаются известной устойчивостью и консервативностью, проблематика их изучения находится на стыке истории языка, этимологии, лексикологии, диалектологии. Опосредованно отражая историческую и географическую реальность, славянские ойконимы XI–XIII вв. сохраняют энциклопедическую, социокультурную, историко-лексикологическую и этно-географическую информацию, отражают ценные сведения о языковых контактах и древних этнических связях, миграциях народов, культуре, быте и языковом самосознании¹. Ойконим — «собственное название любого поселения: города, посёлка городского типа, рабочего или дачного посёлка, села, деревни, отдельного двора и т.п.»².

Древнерусские памятники письменности XI–XIII вв. фиксируют значительное число ойконимов славянского происхождения, отражающих общие закономерности и частные особенности топонимической номинации: *Белая Вежа*, *Берестье*, *Броды*, *Варинь*, *Воишь*, *Вороница*, *Выревь*, *Глоговь*, *Голтавь*, *Горошинь*, *Горгевь*, *Корьдно*, *Краснь*, *Княтинь*, *Логожськь*, *Лубьнь*, *Лукамль*, *Меньськь*, *Микулинь*, *Прилукъ городъ*, *Святославль*, *Стародубъ*, *Сутейськь*, *Туровъ*, *Халень* (ПВМ); *Бельградъ*, *Новьградъ*, *Плесньскь*, *Путивль* // *Путивль городъ* (СПИ); *Боголобиво* (МДЗ); *Васильевъ* (ЖФП); *Володимерь* (ПВМ, ЖАН) // *градъ Володимерь* (ЖАН) // *Володимирь градъ* (ЖФП); *Выдубичи* (СМВ); *Городецъ*, *Новьгородъ Нижний*, *Псковъ градъ*, *Юрьевъ градъ* (ЖАН); *Киевъ* (СПИ) // *Киевъ* (ЖФП, СПИ, ПВМ, СПРЗ, СЗБ) // *Киевъ городъ* (ЖФП); *Курьськь* (ЖФП, ПВМ, СПИ); *Новый Городъ* (ПВМ) // *Новьгородъ* (ПВМ, ЖАН, МДЗ); *Перемышь градъ* (ССВ); *Переяславль* // *городъ/ градъ Переяславль* (ПВМ, ЖФП, СПИ); *Полотськь* (СПИ) // *Полтескь* (ПВМ); *Ростовъ* (ПВМ) // *Ростовъ городъ* (ЖФП); *Смоленскъ градъ* // *Смоленскъ градъ* (ПВМ, СМС) // *Смоленскъ градъ* (ЖАС) // *Смолинськь* (ПВМ) // *Смоленскъ* (ПВМ); *Устьюгъ* (СПРЗ); *Царьградъ* (ХИД, МДЗ) // *Цесарьгородъ* (СПРЗ); *Черниговъ* (СПИ) // *Щерниговъ* (ПВМ) и некоторые др.

В системе славянской ойконимической лексики отражается степень охвата территорий, на которых размещались постоянные поселения (крепости, торговые и культовые центры, резиденции князей и т.п.).

Белая Вежа: «И завтра, на Госпожинъ день, идехомъ к *Беле Вежи*» (ПВМ, 404). Первоначальное название города — *Саркел*, *Шаркил* (хазарск. ‘белый дом’), др.-р. *вежа* ‘шатёр, кибитка, башня’ — хазарский город-крепость, построенный в 834–837 гг. В 965 г. разгромлен князем Святославом. Поселение, перешедшее под власть Руси, стало называться по-русски *Белая Вежа*.

Бель-градъ (город-крепость на р. Ильмень, к западу от Киева): *Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ въ пльночи изъ Бела-града* (СПИ, 382). Впервые упомянут в ПВЛ в 980 г. В статье 991 г. говорится, что Владимир «заложил град Белгород...»³. Название *Белгород*, вероятно, обусловлено цветом его стен или строений.

Васильевъ: *Градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 поьрищъ, именовъ Васильевъ* (ЖФП, 306). Впервые упоминается под 988 г. как город, основанный князем Владимиром Святославичем и названный им по собственному христианскому имени *Василий*. По форме *Васильевъ* — посессивное имя от ономастоосновы *Васил(ь)-* и суффикса притяжательности *-евъ*.

Воишь: *И потомъ ходихомъ к Воишу с Святополкомъ* (ПВМ, 406). Впервые упомянут в летописи под 1055 г. В основе топонима *Воишь* лежит древнерусское *воишь* ‘воишь’. «Название др.-русск. города *Воино* образовано с помощью топоформанта *-но* от основы *вои(н)-*, к аналогии ср. *Гродно* и др. Вариант названия, *Воишь*, следует рассматривать как притяжательное прилагательное на *-ь*»⁴.

Выревь: *И к Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотеша взяти и* (ПВМ, 406). Первоначально название отмечено в «Поучении» под 1096 г. Селение названо по именованию реки *Выра* от др.-русск. *выр*, *вирь* ‘пучина, водоворот, омут’. Лексема *вырь* засвидетельствована в ряде русских диалектов.

Горошинь: *Том же лете гонихом по половцехъ за Хороль, иже Горошинь взяша* (ПВМ, 404). В XII в. город *Горошинь* был единственным левобережным укреплением Руси на реке Суле. Впервые *Горошинь* упомянут в летописи под 1096 г., затем в «Поучении» Владимира Мономаха. Ойконим происходит «от основы *гороши-*, производной от др.-р. *горохъ* < праслав. **gogъxъ* и суффикса *-инь*. Чередование *x/и* в основе представлено в древнерусской антропонимии, ср. *Горохъ* и *Горошко*, производное от него. Другая вероятная возможность объяснения названия — от др.-р. *горуха* ‘горчица’, прил. *горушьный* ‘горчишный’ от праслав. **goguxa*»⁵.

Курьськь: *Бысть же родителема блаженаго переметися въ инъ градъ Курьськь нарицаемый* (ЖФП, 308); *Первое к Ростову идохъ, сквозе вятиче, посла мя отец, а самъ иде Курьску* (ПВМ, 402); *Седлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди* (СПИ, 374). Впервые упоминается в летописи под 1095 г. как *Курьскъ*. Название по расположению при впадении в реку *Тускаръ* ручья *Кур*. Гидроним связан с народным термином *курья* — ‘речной залив, узкий проток реки, заводь»⁶.

Соколова Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета. E-mail: ensokolova2009@yandex.ru

¹ Соколова 2009, 172.

² Поспелов 2002, 7.

³ Творогов (ред.) 1, 1995, 93.

⁴ Нерознак 1983, 43.

⁵ Нерознак 1983, 64.

⁶ Поспелов 2002, 232.

Новгородъ Нижний. *Александръ възвратися из Орды от царя и доиде Новгорода Нижняго...* (ЖАН, 436). Основан в 1221 г. под названием *Новгород*, что, возможно, означало не просто 'новый город', а повторяло название города *Новгород* на реке Волхов. Для различения одноимённых городов было введено определение *нижний* (указывает на расположение города в низовых землях), «которое сначала употребляется эпизодически, а с XIV в. почти постоянно»⁷. В. П. Нерознак подчёркивает, что название города — это «опозит к названию *Новгородъ Великий*, однако не в смысле “находящийся внизу, ниже других”, ср. др.-р. *нижь-ниши*, но в значении “меньший по величине”»⁸.

Переяславль // **городъ/градъ Переяславль:** *Переяславлю пришедь на лето, собрах братью* (ПВМ, 406); *...изведень бысть и въ страну сию и поставленъ бысть митрополитъмъ въ городе Переяслави* (ЖФП, 328); *Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю...* (СПИ, 328). Др.-р. *Переяславль* образовано с помощью суффикса притяжательности *-ю-* от незасвидетельствованного имени собственного *Переяславъ* из *Perjěslavъ 'перенявший, унаследовавший славу'⁹. Название «состоит из приставки *пере-* и корневой цепочки *-ja* (<**-je*) + *славъ*». Ономатооснова *регеје-* сохраняется в др.-р. личном имени *Переятичъ...*¹⁰.

Путивль // **Путивль городъ:** *...стоять стязи въ Путивле* (СПИ, 372); *Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забороле...* (СПИ, 384). Впервые упоминается в летописи под 1146 г. как *Путивль*. Название в форме притяжательного прилагательного на *-ъ* > *ль* «от гипотетического др.-р. личного имени *Путив* или *Путимъ*»¹¹. По мнению В. П. Нерознака, наиболее вероятным представляется толкование топонимизма *Путивель, Путимель*, от др.-р. *путь* 'дорога, путь' > **путьвыи, *путьмыи*, ср. совр. рус. *путёвый, непутёвый*¹².

Святославль (топонимический гапак): *И потомъ на Святославль гонихом по половцех, и потомъ на Торческий городъ...* (ПВМ, 404). Название происходит от др.-р. личного имени *Святославъ*. Древнерусский ойконим *Святославль*, «по форме possessivного прилагательного от др.-р. личного имени *Святославъ* и суффикса *-ль* с закономерной эпентезой *-л- (-ъ) > -ль*», ср. *Ярославль* < *Ярослав-ъ* и т.д.»¹³.

Смоленскъ градъ // **градъ Смоленскъ** // **градъ Смоленскъ** // **Смолинскъ** // **Смоленскъ:** *И пришедь той царь с великою ратию на богоспасаемый град Смоленскъ...* (СМС, 204); *Радуйся пречистая дево, мати божия, иже градъ Смоленскъ...* (ЖАС, 78); *И Всеславъ Смоленскъ ожъже, и азъ вседь с черниговци о двою коню, и не застахом <...> въ Смолинске* (ПВМ, 402). В летописях под датами IX–XIII вв. название приводится в формах *Смоленскъ, Смолинскъ, Смоленскъ* — очевидны основа *Смол(н)-* и суффикс *-ескъ*, типичный для называния древнерусских городов. Убедительна этимология, согласно которой «город получил название по расположению на реке *Смольня*; гидроним из слав. *smol-* 'чернозём'. Представляет интерес высказывавшаяся еще в XIX в. мысль о происхождении названия города из славянского этнонима *смоляне/смолене*»¹⁴.

Ономастическое обоснование имени «устанавливается из сопоставления реалий той эпохи, когда создавалось имя, с лексическими значениями слов, их обозначающих, на основе знания культурно-исторических условий и при наличии структурных и семантических подтверждений в параллельном материале других территорий»¹⁵. Важным аспектом изучения географического имени представляется описание способов структурного членения топонима, предполагающее выделение базовой лексической морфемы — топоосновы, к которой присоединяется топоформант, квазиаффикс, реализующийся как в чистом аффиксе, так и в застывшей лексической морфеме (в восточнославянской топонимии весьма продуктивны способы префиксального и префиксально-суффиксального образования).

Этимологическое описание исторически сложившейся топонимической системы старшей эпохи, отражающей оптимальную реализацию номинативной, указательной, дескриптивной и иных функций топонимов, должно учитывать сведения по истории возникновения географических названий, которые могли принадлежать различным народам, жившим на определённых территориях, фиксировать структурно-грамматические и лексико-семантические особенности их языков. В настоящее время возросла необходимость комплексного лексикографирования древнерусских географических названий (в частности, ойконимов), связанного с учётом разноаспектных характеристик топонимических единиц (типы топонимов, их происхождение, хронология употребления и т.д.). В этом случае церковные и светские тексты эпохи Киевской Руси являются важнейшими источниками, содержащими ценный топонимический материал, в том числе в силу того, что отдельные топонимы известны лишь по единственному письменному памятнику (топонимические гапаки).

ЛИТЕРАТУРА

- ЖАН 1981: Житие Александра Невского // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв (ред.). М., 426–439.
 ЖАС 1981: Житие Авраамия Смоленского // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв (ред.). М., 66–105.
 ЖФП 1978: Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI–XII в. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв (ред.). М., 304–391.
 МДЗ 1980: Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси: XII в. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв (ред.). М., 389–400.
 Нерознак В. П. 1983: Названия древнерусских городов. М.
 ПВМ 1978: Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси: XI–XII в. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв (ред.). М., 392–413.
 Поспелов Е. М. 2002: Географические названия мира: топонимический словарь: ок. 5000 ед. М.
 СЗБ 1984: Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона. Первая редакция. С-591 // Слово о законе и благодати Илариона / А. М. Молдован (ред.). Киев, 78–100.
 СМВ 1980: Слово Моисея Вудубицкого // Памятники литературы Древней Руси: XII в. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв (ред.). М., 409–412.

⁷ Поспелов 2002, 295.

⁸ Нерознак 1983, 125.

⁹ Фасмер 3, 1996, 241.

¹⁰ Нерознак 1983, 135.

¹¹ Поспелов 2002, 344.

¹² Нерознак 1983, 144.

¹³ Нерознак 1983, 151.

¹⁴ Поспелов 2002, 137.

¹⁵ Суперанская, Сталтмане, Неподкупный (ред.) 2007, 83–84.

- СМС 1981: Слово о Меркурии Смоленском // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв (ред.). М., 204–209.
- СПИ 1980: Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси: XII в. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (ред.). М., 373–388.
- СПРЗ 1981: Слово о гибели Русской земли // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (ред.). М., 130–131.
- ССВ 1981: Слова Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв (ред.). М., 440–455.
- Соколова Е. Н. 2009: Древнерусская топонимическая лексика как объект лингвистического изучения // Вестник Забайкальск. гос. ун-та. 3, 172–177.
- Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Неподкутный А. П. (ред.) 2007: Теория и методика ономастических исследований. М.
- Творогов О. В. (ред.) 1995: Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. Т. 1. СПб.
- Фасмер М. 1996: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. СПб.
- ХИД 1980: Хождение игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси: XII в. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв (ред.). М., 25–116.

WRITTEN TEXTS OF THE KIEV PERIOD AS LEXICOGRAPHIC SOURCES OF STUDYING SLAVONIC OYKONIMIYA

E. N. Sokolova

This article is devoted to the topical problem in modern linguistic science — study of place names in Old Russian written monuments of Kiev period. On a material of church and secular texts the system of Slavonic oykonims in aspect of their complex lexicographic description is considered.

Key words: Old Russian manuscripts, geographical names, oykonims, lexicographic description, etymological comments

© 2014

А. Н. Стародубцева

АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В АСПЕКТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ
(на материале фондов губернского правления г. Тобольска)

Автор анализирует абстрактные имена существительные, встречающиеся в текстах делопроизводства Тобольского губернского правления, с точки зрения их стилистической принадлежности и приходит к выводу о том, что значительная их часть, образованная с помощью суффиксов, признаваемых в науке книжно-славянскими, в конце XVIII в. переходит в разряд нейтральных.

Ключевые слова: абстрактные имена существительные, историческая лексикография, памятники делопроизводства XVIII в.

Отвлечённые имена существительные составляют в языке особый разряд слов, образованный на стыке двух объективно и универсально противопоставленных категорий субстанции и признака или субстанции и действия. Наличие в любом языке класса отвлечённых существительных является показателем определённого уровня развития мышления и, до известной степени, разработанности его категориального аппарата.

Актуальность исследования определяется тем, что процесс образования существительных, обладающих значением отвлечённого действия, является и в настоящее время одним из самых продуктивных и нуждается в лексикографическом описании. Отвлечённые имена существительные русского языка — достаточно изученный разряд слов (ср. труды С. С. Аверинцева, А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, В. В. Виноградова, А. А. Потебни, И. И. Срезневского и др.).

Язык сибирских деловых документов, отражающих фонетические, морфологические и лексические особенности живой разговорной речи, в разных аспектах изучался В. В. Плагинной, Н. Л. Цомакион, Л. А. Захаровой, О. Д. Любимовой, Н. А. Потсхиноп, Г. М. Чигрик и др. исследователями, но в лексикографических работах отражён недостаточно.

Материалы делопроизводства г. Тобольска XVIII в., написанные на периферии, представляют собой бесценный источник для изучения абстрактной лексики. Без исторического словаря региональной лексики невозможно представить всё богатство русского национального языка. По справедливому замечанию С. И. Коткова, изучение лексики на основе местных деловых документов «... исключительно перспективно <...> для разработки исторической лексикографии»¹.

Материалом для исследования послужили скорописные тексты Тобольского губернского правления второй половины XVIII в., различные по тематике, коммуникативной характеристике и жанровой принадлежности. Они хранятся в фонде № 329 ГБУТО.

По мнению М. С. Выхрыстюк, при изучении текстов деловой письменности г. Тобольска прошлых эпох в качестве лексикографического источника необходимо учитывать их информативность и содержательность². Отвлечённая лексика, характерная преимущественно для книжно-письменных жанров русского языка, в XVIII в. всё шире проникает в тематически разные части текстов делового письма. В исследуемом фонде обнаружено около 850 имён существительных (в более чем

Стародубцева Анастасия Николаевна — аспирант кафедры филологического образования Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева. E-mail: nastasia408@mail.ru

¹ Котков 1980, 20.

² Выхрыстюк 2012, 38.

1500 употреблений), обозначающих отвлечённые понятия. Отвлечённые существительные отличаются смысловой ёмкостью, отражают все сферы человеческой жизни.

Важным критерием разграничения книжных и разговорных абстрактных имён существительных является способ их образования. Традиционно славянскими (книжными) считаются слова, образованные при помощи суффиксов *-ениј-, -аниј-, -ниј-, -иј-, -еств-, -ств-*. Несмотря на конкретность указов, их чёткость и строгость, эти суффиксы придают словам определённую абстрактность: «... чтоб не вопричинствовать и таки такое жь **подозрение** и **опасение**...»³, «... на том доношеніи **рукоприложение** таково...»⁴. В «Словаре Академии российской» (1789–1794 гг.)⁵ (в дальнейшем САР) большая часть слов, имеющих суффиксы *-ениј-, -аниј-, -ниј-, -иј-*, содержит стилистическую помету «кн.». Приведём примеры из исследуемых текстов: слова, имеющие в САР помету «сл.» (славянское): *бережение, возмущение, дарование, доношение, доставление, жалование, желание, задержание, заклеяние, запаление, запрещение, заседание, захождение, избежание, изверчение, избрание, изгнание, клеймение, кушание, милосердие, небрежение, обращение, отвращение, отчаяние, предуведомление, признание, почитание, правление, прощание, прощение, радение, ткание, толкование, смирение, смущение, собрание, согласие, строение, суевярие, сумнение, смятение, содрогание, толкование, уведомление, увещивание, уволение, удержание, умерщвление, умышление, усердие, услужение, усмотрение, учинение, слушание, чувствование, щастие* и др.; слова, не имеющие в САР помету «сл.»: *вступление, дополнение, дыхание, завершение, заключение, лежание, лишение, мгновение, молчание, наказание, недоверие, описание, отделение, поряние, стегание, строение, сожаление, суждение, ткание, толкование, уведомление, уединение, уединение, целование* и др. Как видим, суффиксы *-ениј-, -аниј-, -ниј-, -иј-* придают словам некоторую абстрактность. В анализируемом материале слов с суффиксами, маркированных в САР пометой «кн.» значительно больше, чем слов с тем же морфемным показателем, но не маркированных этой пометой. Значит, можно сделать вывод о том, что стилистическая окраска слов с данным суффиксом стирается. Суффиксы не всегда являются показателем принадлежности слова к книжному стилю.

Ещё два суффикса придают словам абстрактность: *-ость* и *-ств-*. Приведём примеры слов с данными морфемными показателями: *-ость* (*ведомость, должность, духовность, надобность, осторожность, потребность, хитрость, старость, сухость*); *-ств-* (*бегство, беспокойство, бесстыдство, благочинство, братство, вдовство, глупство, доброхотство, дурачество, жительство, зверство, ласкательство, малолетство, монашество, нахальство, одиночество, озорничество, плутовство, соседство, священство, супружество, сходство, тезоименитство, шутовство, убожество, уродство, усильство, хлопотство, ябедничество*). Среди приведённых примеров лишь тринадцать не имеют в САР пометы «кн.»: *бегство, братство, вдовство, глупство, дурачество, жительство, зверство, соседство, супружество, сходство, шутовство, уродство, ябедничество*. Как видим, считать суффикс *-ств-* показателем книжности в языке XVIII в. нельзя.

Выделим словообразовательные типы абстрактных имён существительных, традиционно считающихся книжными. Все отвлечённые имена существительные, отмеченные в источниках, имеют общеславянские корни. Таковы слова с характерными для книжной сферы суффиксами *-ениј-, -ниј-, -иј-, -ж-, -ств-*.

В исследуемом материале отмечаем меньше по объёму группы отвлечённых имён существительных (чем названные выше славянизмы), которые либо стилистически нейтральны, либо тяготеют к разговорности. В процессе анализа собранного материала мы руководствовались данными «Словаря русской народно-диалектной речи Сибири XVII–XVIII вв.» под ред. Л. Г. Панина⁶.

Большую роль при этом играют суффиксы, придающие словам разговорный оттенок. Среди суффиксальных словообразовательных моделей народно-разговорной лексики в деловых документах Губернского правления наиболее продуктивными оказались те, в которых используются размерно-оценочные суффиксы (суффиксы субъективной оценки). По таким моделям построены абстрактные существительные со значением действия по глаголу, образованные с помощью суффикса *-к-*, который придаёт словам разговорный характер. Об этом говорит то, что наряду со словами, образованными по описываемой модели, встречаются и лексемы с оттенком книжности, имеющие другие суффиксы при том же корне. Например, слово *выписка* (действие от глагола *выписать*) в одном из значений совпадает с существительным *выпись* — извлечение из текста, документа. Помимо слов *наука, выскребка*, встречающихся в памятниках деловой письменности Тобольского губернского правления второй половины XVIII в., в «Словаре русской народно-диалектной речи Сибири XVII–XVIII вв.» под ред. Л. Г. Панина отмечены *научение* и *выскребывание*.

Следует отграничить модели, в образовании которых участвует суффикс *-к-*, от моделей, в которых присутствует этот же суффикс, не играющий роли в словопроизводстве, т.к. новые лексемы образуются на базе уже имеющихся слов с суффиксом *-к-* лексико-семантическим способом. Так получены слова *высыдка* в значении 'отряд, группа людей, посланных куда-л. с какой-л. целью' и *взятка* в значении 'незаконный побор'.

Остальные суффиксальные способы образования абстрактных существительных в деловой письменности Тобольского губернского правления указанного периода малопродуктивны или непродуктивны и могут быть проиллюстрированы немногочисленными примерами: *-к-* (*возка, выимка, выкладка, выливка, выделка, добавка, засолка, искупка, копка, ломка, наступка, неисправка, оковка, отливка, перебежка, подрятка, покупка, посылка, починка, прибавка, присылка, прикупка, разметка, рубка, сушка, усолка*); *с нулевым суффиксом* (*вклад, доклад, доход, неотдача, отвод, проезд, ссуда*); *-от-* (*дремота, работа, забота, пахота*); *-ль* (*погибель, прибыль, усталь, убыль*); *-б-* (*гоньба, косьба, мольба, татьба, служба, хотьба*); *-ок-* (*недостаток, избыток, недоимок*). Все перечисленные суффиксы придают абстрактным именам существительным эмоционально-стилистическую окраску, характерную для разговорной речи.

Таким образом, проанализированный материал рукописных текстов делового характера свидетельствует о стилистическом расслоении лексики текстов. Рассматривая морфемный состав абстрактных имён существительных с точки зрения её стилистической принадлежности, можно увидеть переплетение книжного и разговорного начала с незначительным преимуществом первого. Некоторые аффиксы, признаваемые в науке книжно-славянскими, в памятниках конца XVIII в. утрачивают свою прежнюю стилистическую окраску.

³ ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» Ф. 329. Д. 9. Л. 20.

⁴ ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» Ф. 329. Д. 4. Л. 50.

⁵ САР 1789–1794.

⁶ Панин 1985.

ЛИТЕРАТУРА

- Выхрыстюк М. С.* 2012: Рукописные тексты г. Тобольска XVII–XVIII вв.: социологический и культурологический аспект // *Materiály VIII Mezinárod. vědecko-praktická konf. «Dny vědy — 2012» 27 března — 05 dubna 2012 roku Díl 51 Filologické vědy. Praha, 36–40.*
ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» Ф. 329. Д. 9. Л. 20.
ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» Ф. 329. Д. 4. Л. 50.
Котков С. И. 1980: Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.
Панин Л. Г. 1985: Лексика западносибирской деловой письменности (XVII — первая половина XVIII в). Новосибирск.
САР 1789–1794: Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.

ABSTRACT NOUNS IN BUSINESS WRITING IN THE SECOND HALF OF XVIII CENTURY IN ASPECT OF HISTORICAL LEXICOGRAPHY (based on funds of provincial government in Tobolsk)

A. N. Starodubtseva

In the paper the analysis of abstract nouns in terms of their stylistic language office texts of the provincial government of Tobolsk is given. The author comes to the conclusion that a significant proportion of abstract nouns formed with suffixes recognized in science books as bookish-Slavic, at the end of the XVIII century got the rank of neutral ones.

Key words: abstract nouns, historical lexicography, monuments office XVIII century

© 2014

О. Г. Терентьева

СЛОВАРЬ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ, ГНЁЗД, РЯДОВ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ НОВОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ

Систематизация русской лексики в словаре этимологических типов, гнёзд, рядов позволяет представить некую языковую картину этимологически родственных слов. В этимологический тип объединяются слова, разные по происхождению и времени появления в русском языке, что решает проблему так называемых непроверяемых написаний, ибо в рамках гнезда можно найти проверочное слово.

Ключевые слова: этимологические написания, этимологический тип, гнездо, ряд

Самая яркая особенность этимологических написаний — способность морфем (выделенных с помощью этимологического анализа в словах, относящихся к историческому типу написаний) образовывать этимологические типы, гнёзда, ряды. Этот способ систематизации лексики открывает перспективу создания словаря этимологических типов, гнёзд, рядов¹.

Под этимологическим типом мы понимаем совокупность слов, происходящих от одного корня независимо от того, из какого конкретного языка этот корень пришёл и в каком звуковом облике он выступает.

Этимологический тип — понятие общее, объединяющее группы слов, пришедших из различных языков, и образующее некое пересекающееся и перекрещивающееся пространство лексики. В этимологическом типе имеют место различные виды мутаций корневой морфемы, вызванные различными фонематическими изменениями, а также изменениями семного характера.

Семная структура этимологического типа позволяет наблюдать столкновение семы, близкой, почти тождественной первоначальной семе, и новой семы, созданной историческими преобразованиями языка. При этом учитываются слова с тёмной, спорной этимологией и те лексемы, которые не составляют этимологических гнёзд в языке-рецепторе. Этимологический тип может быть представлен несколькими этимологическими гнездами.

Этимологическое гнездо — это совокупность слов, происходящих из одного корня в системе одного языка. То есть, этимологическое гнездо — это часть типа. Причём этимологических гнёзд в типе может выделяться несколько.

Этимологический ряд — это та часть гнезда, которая содержит сходные в фонематическом отношении корни. В таком случае, этимологический ряд представляет собой эталон для орфографии.

Мельчайшим фрагментом этой системы является словообразовательное гнездо. Словообразовательное гнездо — это слова, производимые (в соответствии со словообразовательной мотивацией) от одного корня, в одном языке на основе морфемной и семантической деривации, характерной для данного языка. Словообразовательное гнездо входит в этимологический ряд.

Понятие *корневой этимологический тип, гнездо, ряд*, отличается от понятия *этимологический аффиксальный тип, гнездо, ряд*. В первом случае устанавливается родство слов по корню, а во втором — по аффиксу, хотя могут иметь место этимологические типы, объединяющие корневые и аффиксальные типы в случаях перераспределения.

Этимологический тип возглавляется *этимомом*, т.е. первоначальной формой рассматриваемой морфемы. Следовательно, этимон выступает в качестве этимологического эталона или инварианта. Это некий код, несущий в себе генетическую информацию и мотивирующий появление целой морфемы в языке. Информация эта для современного человека имеет культурологическое значение. Например, обычай времени язычества убивать жертвенных животных отразился на таких словах

Терентьева Ольга Георгиевна — кандидат педагогических наук, преподаватель Барабинского филиала Новосибирского областного колледжа культуры и искусств. E-mail: Olga.Georg29@mail.ru

¹ Кузнецова 2000, 19.

как *рекс* (король), *регулировать*, *директор*, *режиссер*, *дирижёр* и т.д. Оказывается, правом первым резать животное обладал человек, наделённый властью, поэтому учёные возводят корневые морфемы в этих словах к **rez-* (отсюда и слово *резать*). В ходе исторического развития значений этимона появилось значение 'править', т.е. произошло объединение значений субъекта и его функции.

Слова *гладиолус* и *гладиатор* являются этимологическими родственниками, их происхождение ведётся от слова *gladis* «меч». Так, данные слова информируют об оружии, применяемом гладиаторами.

Следовательно, этимон как языковой ген присутствует в каждом из существующих в языке слов, но его выделение связано с различными трудностями.

Как форма, так и значение, по мнению античных мыслителей, происходят «от природы» или «по соглашению»². Философы и лингвисты в принципе до сих пор продолжают и дополняют эту теорию о происхождении слов. Поэтому для этимологов очень важно определить архетип слова, т.е. древнейшую форму его состояния. В. Пизани писал в своей книге «Этимология» о том, что основная задача этимолога — «найти значение слова в момент его первоначального создания»³.

Однако, всякое слово, несомненно, отдаляется в своём развитии от исходного облика, претерпевая различные трансформации, связанные с внутриязыковыми и внешними факторами. Затемняется и первоначальное, истинное значение. Необходимо отметить, что первоначальную форму слова установить очень трудно, даже этимологические словари часто не указывают её. Это касается не только тех слов, этимология которых затемнена, или слов, толкуемых различными этимологами неодинаково, но и имеющих точную, например, латинскую или греческую форму.

Этимологи занимаются установлением первоначального облика морфем, но поскольку ностратические языки не имеют письменных источников, работа значительно усложняется. Поэтому во главе этимологического типа чаще оказывается не сам этимон, а его поздний, близкий заместитель, по которому и будут составляться этимологические гнезда. Обычно это латинский или греческий этимон-заместитель. Латинский и греческий, безусловно, древние языки, однако и в них происходили изменения этимонов, а, следовательно, такие формы слов нельзя считать исходными. Нет абсолютной уверенности в том, что и в общем для них индоевропейском языке первоначальный вид какой-либо морфемы имел тот же набор звуков, что и в греческом или латинском. В большинстве случаев возможности сравнительно-исторического метода ограничены, что подтверждают и этимологические словари, дающие крайне редко индоевропейский этимон. То, что касается слов индоевропейского происхождения, распространяется и на слова тюркского происхождения. С определением их этимологий у учёных также возникают трудности, т.е. за исходную тюркскую форму часто берётся персидская морфема или слово (например, *базар*).

Этимон-заместитель может быть представлен и вариантами, наличие которых зависело от различных грамматических процессов языка-источника, а также, вероятно, от исторического развития исходного значения. Однако изначальную форму морфемы установить трудно, поэтому приводятся все её варианты. Если же достоверно известна инвариантная схема, то рассматривается она. Но необходимо отличать варианты этимона-заместителя от алломорфов, выделяемых в слове этимологическим путём. Варианты этимона могли возникнуть только в языке-источнике, а алломорфы — в языках-посредниках. Так, этимологический тип с достоверно установленным этимоном гр.**gen* будет иметь этимологические гнезда с вариантами этого этимона: **gon*, **gyn* и алломорфами *ча-*, *зя-*, *же-* (этимон будем помечать значком *). Но в этимологическом типе с этимонами-вариантами: **leg-*, *lec-*, *lig-*, *lic-*, *log-*, *loc-* инварианты установить труднее.

Поскольку в исходной морфеме выделяется не фонемный состав, а звуковой, т.к. фонема появляется тогда, когда имеют место позиционные чередования (в индоевропейском языке были звуки, а не фонемы), то и в этимоне-заместителе мы будем говорить о звуках.

Очень часто в отношении этимона у учёных расходятся мнения. Например, П. Я. Черных в своём «Историко-этимологическом словаре» устанавливает для слова *исчадие* этимон *gen*⁴. Но можно предположить, что этимоном является **kad* (отсюда *кадить*), т.е. исчадие это не 'выродок', а 'дым, исходящий из ада'.

Структура словарной статьи

Для этимологического типа латиницей указывается архетип, этимон или этимон-заместитель (или его варианты). Этимология (основные семы) кратко указываются в формах разных частей речи: глаголах, существительных, прилагательных и т.д.

1. Этимологическое гнездо (ЭГ). Этимологические гнезда нумеруются. Их также может возглавлять этимон, его варианты или алломорф языка-посредника (язык-источник, язык-посредник указываются).

2. Этимологический ряд (ЭР). Этимологические ряды в гнезде тоже нумеруются. Необходимо отметить, что этимология префиксальных и корневых морфем, не относящихся к рассматриваемому этимологическому типу, в данном словаре не указывается.

Изменения звукового состава этимона вызваны различными фонетическими и грамматическими процессами, происходившими в том или ином языке, а затем отразившимися в русском языке. Такие изменения целесообразнее рассматривать, разделяя слова и морфемы (или форманты) на русские и заимствованные, поскольку развитие морфем и слов зависит не только от внутренних процессов, но и от приспособляемости к новой (если это исконное слово) или к чужой языковой среде (если это заимствованное слово).

Представляем сокращённый вариант этимологического типа.

Этимологический тип * *dic*, *doc*, *dec* ('говорить', 'повторять', 'учить', 'умелый', 'называть')

ЭГ № 1 немецкие заимствования

ЭР № 1	ЭР № 2	ЭР № 3
Дикция	Доцент	Кодекс
Индикатор	Доцентура	Индекс
Диктовать	Доцентский	Индексатор
Диктоваться	Приват-доцент	Индексный

² Пизани 1956, 30.

³ Пизани 1956, 129.

⁴ Черных 1, 1994, 361.

Диктовка	Приват-доцентура	Колор-индекс
Диктант	Приват-доцентский	
Подиктовать		
Продиктовать		

ЭГ № 2 латинские заимствования**ЭР № 1**

Дока
 Доктрина
 Доктринальный
 Доктринёр
 Доктринёрство
 Доктринёрствовать
 Доктор
 Докторша
 Докторица
 Докторство
 Докторант
 Докторантка
 Докторантура
 Докторантский
 Докторант
 Докторский
 Докторствовать

ЭР № 2

Диктор
 Дикторша
 Дикторский
 Диктатор
 Диктатура
 Диктаторство
 Диктаторский
 Диктаторски
 Диктаторствовать
 Диктофон
 Диктофонный
 Контрадикция
 Контрадикторный
 Интердикт
 Индикатриса
 Индикатор
 Эдикт

ЛИТЕРАТУРА

- Кузнецова О. Г.* 2000: Изучение исторических написаний в практическом курсе русского языка в педагогическом вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск.
Пизани В. 1956: Этимология. История — проблемы — метод / пер. с итал. Д. А. Розенталя; В. И. Абаев (ред.). М.
Черных П. Я. 1994: Историко-этимологический словарь русского языка: 13560 слов: в 2 т. М. Т. 1.

ETYMOLOGICAL TYPE DICTIONARY, SOCKETS, RANKS AS A POSSIBILITY OF A NEW SYSTEMATIZATION
 OF VOCABULARY

O. G. Terentyeva

The article is devoted to one of the problems of systematization of vocabulary of use etymological type dictionary, sockets, ranks. In the etymological type the words are combined that are different in origin and the time of their appearance in Russian language. This allows to test the so-called nonverifiability of spelling because in the slots or series one can detect the verified word.

Key words: etymological writing, etymological type, socket, rank

© 2014

М. В. Чернякова, А. А. Молокова

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ СКОРОПИСНОГО ПАМЯТНИКА «ЗАПИСЬ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ...» КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНО- ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Исследование лексики представленного регионального памятника письменности в историческом аспекте позволяет увидеть процесс формирования специальной астрономической терминологии, а вместе с тем понять пути становления русского литературного языка на российской окраине.

Ключевые слова: скоропись, дневниковые записи, астрономическая лексика и фразеология

Разножанровые тексты, написанные на периферии, представляют собой бесценный источник для изучения региональной лексики в лексикографическом аспекте. Без исторического словаря диалектной и просторечной лексики невозможно представить все богатство лексики русского национального языка и выявить те процессы, которые происходили в языке при отборе лексических средств в период нормализации литературного языка.

Тобольский вариант безымянного рукописного текста записи астрономических фактов, происходивших в небе над г. Тобольском в начале XVIII в., — своеобразный фрагмент наивной картины мира, соединившей в себе фантазии русского человека на рубеже зарождения многих наук, в том числе и астрономии. Текст памятника представлен в рукописном варианте и имеет только один список, хранящийся в фондах Библиотеки редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска (паспортный номер КП 12530).

Рукописный памятник состоит из двух частей, идущих параллельно и соответствующих обширному замыслу автора: на развёрнутом листе книги запись представлена сразу в двух планах. Так, например, в первой части можно выделить ряд тематических блоков: с правой стороны — в виде подробного описания астрономического явления, увиденного автором; с левой стороны — графического рисунка с частичным комментарием увиденного (расположения звёзд и планет солнечной системы; траектории падения метеорита; фрагмента картины солнечного затмения и т.д.). Такое изложение материала очень удобно: оно достоверно и убедительно изображает увиденное автором в ночном небе. Писец — человек неизвестный, но достаточно грамотный. Красивым, в основном чётким почерком он старательно, практически без ошибок описывал то, чему был свидетелем. Его заметки являются уникальным лингвистическим источником, помогающим понять процесс становления языковой нормы на отдельной российской территории в период формирования русской нации.

Текст «Записи астрономических явлений...» выполнен с использованием различных характерных для языка XVIII в. приёмов. Красная строка (абзац) сигнализирует о том, что начинается рассказ о новом явлении. Абзацы не озаглавлены, но имеют строгий зачин, свойственный дневникам. Описание каждого нового небесного явления предвзается указанием числа и времени описываемого факта. Поэтому зачины абзацев в какой-то степени стандартны: «Лѣта 725 ноября в 15 число в тоболски явися знамение сіе на небеси во 2 часу ноци и стояло до 3 часа до последней четверти а въ 4 часу в 1 четверте скрылося и ста в первомъ существе яко же обычай прибытый ближняго стодника Андрея феоодоровича Нарышкина писано поего веленію»¹. «Запись астрономических явлений...» как жанр имела свои зачинные формулы, как в дневниковых записях. В них входили следующие составляющие: указание на день и год события, максимально точное время и место описываемого: «Лѣта 1738 году декабря, 4 день было знамение в ноци в третій часть над болшимъ домомъ явился столб а посреде его звезда а отнего видящее два меча внизъ концами над домомъ и видение было пять часов и только»². Отнесение источника к научным текстам относительно, так как он содержит мало специальной терминологии. Но включение в текст более достоверных фактов по географии, астрономии с введением времени, дат, топонимов и антропонимов повышает его научный статус; «17 августа в 19 день явилась Комета въ апреле и мае по три сутки а ходъ ея с самого севера с полуночи до востока и безъявлена при солнце а особою светла. знакъ китайской службы. Глава ея к северу а хвост к востоку»³.

Таким образом, заметки пытливого, любознательного человека помогают понять, как формировалась языковая норма на периферии Российской империи в начале XVIII в.

Памятник принадлежит оригинальному жанру, сложившемуся в старорусской письменности. Он близок по форме изложения материала с записными, окладными и переписными книгами, дневниками, в которых велись записи всех событий, происходивших в месте проживания автора. Лексический материал, разнообразный по происхождению и тематике, позволяет современному читателю увидеть, что в XVIII в. люди стремились, даже не имея специальных средств наблюдения, изучать небесные просторы, узнать тайны других миров, а свои наблюдения излагали на бумаге доступным, ясным языком. Неудивительно, что текст памятника представлен многообразными *лексико-тематическими* пластами однословных и неоднословных номинаций.

1. По частотности и полноте выделяются названия астрономических явлений, которые в дальнейшем сформируют блок астрономической терминологии: *возхождение звезды, копиевидная комета, новолуніе, звезда, солнечное затмение, полнолуние, падение кометы, равноденствие, солнцестояние, хвост кометы, хождение планеты* и др. В этот ряд включаются многочисленные сочетания, построенные по модели «обобщающее существительное» + «дифференцирующее понятие» + «атрибутивное уточнение»: *комета (коміта, комитка) огненная, копиевидная, хвостатая, серповидная; звезда — погонная, утренная, вечерняя, яркая; свечение — утреннее, верхнее; мгла — воздушная, густая, небесная; земля — серпская, иеросалимская, венгер-*

Чернякова Марина Владимировна — аспирант кафедры филологического образования Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева. E-mail: marichka221@rambler.ru

Молокова Анастасия Анатольевна — аспирант кафедры филологического образования Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева. E-mail: gavviliada@rambler.ru

¹ «Запись астрономических явлений, происшедших в небе надъ городомъ Тобольскомъ» (паспортный номер КП 12530), л. 132.

² Запись астрономических явлений ..., л. 118.

³ «Запись астрономических явлений ..., л. 85.

ская, тобольская; время — дневное, полуношное, вечернее; видения — ночные, пагубные, постоянные; планета — огненная, яркая, новая, незнакомая, чуждая и др.

2. Терминологические словосочетания особенно характерны для обозначения небесных тел и явлений: *солнечное затмение, весеннее равноденствие, возхождение планеты, прохождение планеты* и др.

3. Достаточно чётко выделяются лексико-тематическое поле «астрономические явления» (*затмение, возхождение, свечение, падение, равноденствие*), а также поля «небесные тела» (*солнце, земля, комета, звезда, луна*) и «погодные явления» (*дождь, град, снег, вихорь, урогань* и др.).

Неустойчивость терминологии проявляется в наличии лексических дублетов: *небесное светило — солнце — огненная планета; шествовать по небу — проходить по небу; полуношная часть — полночь; ночное время — ночь; небесные просторы — небеса, небо*. Терминологические дублеты показывают процесс формирования астрономической лексики в XVIII в. В тексте памятника письменности начала XVIII в. есть лексемы, утраченные в процессе развития языка, но узнаваемые по русским корням: *роспалина, земля сухотная, трясовичная пора, храпостина ночная* и др. Отдельные славянские и иноязычные номинации исчезли безвозвратно. Они не поясняются в тексте; подразумевается, что они были знакомы любому жителю города, в том числе читателю «Записей астрономических явлений...» в XVIII в.: *желвы, лядвия, леваши, стомахъ, тукость*. Значение этих слов затемнено временем, но, по-видимому, было хорошо известно в XVIII в., т.к. автор не делает ни сносок, ни отступлений, включающих их толкования. Однако есть и такие номинации, которые автор поясняет сам, используя союзы *сирѢчь, то есть, а то суть, или: шальный сирѢчь изступивший ума; огненная земля или солнце, рубежь* и др. Устойчивые сочетания процессуальной семантики обычно включают глаголы метафорического значения: *взойти на небо, иметь шествие по небу, светиться ярко, направиться на востокъ, ходить на востокъ, двигаться на западъ, лететь по небу, сиять в ноци* и др. К числу метафорических образований, основанных на переносе значения по сходству формы, относятся сочетания *шапка кометы, хвост кометы, серпъ кометы* и др.

Рукописный текст «Записи астрономических явлений...» по своей стилистике близок к деловой письменности. В нём изобилуют отвлечённые существительные с типичными для них суффиксами *-ость* (*ясность, блѣдность, вѣтрость, волглость, глухость, жаркость, затверделость, мокность, студѣность, тукость* и др.); *-ениѣ-, -ниѣ-* (*знамение, захождение, шествие, свечение, возхождение, равноденствие, походжение* и др.); *-аниѣ-* (*дрожание, залегание, затыкание, надымание* и др.); *-ств-* (*бегство, безсилство, воинство, горячество* и др.); *-ѣ-, -иѣ-* (*безгласие, велегласие, колотье, обдержанье, поверие, слетье, безсилье* и др.). Прилагательные обычно имеют отглагольную основу или образованы от отвлечённых имён: (*сила, студѣностна, теплостна, горячестна, сухостна, влагостна, отворительна, чистительна, влачительна, прогонятельна* и др. В тексте источника часто встречаются сложные слова: *равноденствие, чудодѣйство, милосердие, полнолуние, новолуние* и др.

Дневниковые записи — интереснейший, лингвистически малоизученный тип старорусского текста, в котором причудливо переплетаются народно-разговорные, книжные элементы, отражается адаптация иноязычных слов (*камета — комета* — др.).

Лингвистическая содержательность и информативность памятника чрезвычайно многообразна. Поскольку подобные дневниковые констатирующие записи создавались и предназначались для широкого круга читателей, в них много разговорных, просторечных обозначений и структур. Текст в целом причудливо сочетает официальный и разговорный язык своего времени. По мнению М. С. Выхрыстюк, лексикографическое изучение подобных текстов позволит «... накопить материалы для составления <...> регионального исторического словаря русского языка, необходимость которого и научную значимость трудно переоценить, поскольку он дополнит исторические словари и поможет восстановить утраченные звенья в лексической системе национального языка»⁴. Такой словарь необходим не только историкам языка и диалектологам, но и фольклористам, историкам, этнографам.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. 1982: Очерки по истории русского литературного языка XVI–XVIII вв. М.
 Выхрыстюк М. С. 2011: Языковая картина мира в зеркале памятников деловой письменности XVIII в. г. Тобольска. Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. трудов. Вып. 5. М.; Архангельск, 166–171.
 Живов В. М. 1996: Язык и культура в России XVIII в. М.
 «Запись астрономических явлений, происшедших в небе над городомъ Тобольскомъ» (паспортный номер КП 12530).
 Филин Ф. П. 1984: История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX в. М.

ASTRONOMICAL VOCABULARY AND PHRASEOLOGY OF CURSIVE MONUMENT “ASTRONOMICAL PHENOMENA RECORD ...” AS AN OBJECT OF CULTURAL AND LINGUISTIC DESCRIPTION

M. V. Chernyakova, A. A. Molokova

Studying the vocabulary of the presented regional cursive monument in historical perspective allows us to see the formation of a special astronomical terminology, and at the same time to understand the way of formation a Russian literary language on the outskirts of Russia.

Key words: Cursive, diaries astronomical vocabulary and phraseology

⁴ Выхрыстюк 2011, 166.

© 2014

С. Г. Шулежкова

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ПРОБЛЕМЫ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

Остромирово евангелие отразило ключевые фрагменты духовной культуры славян, принявших христианство, не только через лексическую, но и через фразеологическую систему, формирующуюся в процессе переводов библейских текстов с греческого и древнееврейского на язык, который стал общим литературным языком славян Средневековья.

Ключевые слова: Остромирово евангелие, старославянский язык, устойчивый словесный комплекс, фразеография, лингвокультурология

Остромирово евангелие 1056–1057 гг. — уникальный памятник общелитературного языка славян эпохи Средневековья, который превратился в неистощимый «лингвистический источник для российской культуры и русского литературного языка»¹. Е. М. Верещагин в своём фундаментальном труде «Кирилло-Мефодиевское книжное наследие» убедительно доказал, что «именно этот источник — избирательно! — наиболее близок к версии славянского перевода, вышедшей из-под пера первопереводчика Кирилла, что он несёт на себе несомненный отпечаток его личности и что он имеет особое значение для прочтения Евангелия как керигматической² книги»³.

Евангелие после Крещения стало одной из самых читаемых книг на Руси. Кроме того, отрывки из евангелий-апракосов, постоянно повторялись в церквях и соборах во время многочисленных праздничных богослужений: «Евангельские тексты, звучавшие в процессе церковной службы, являлись частью целого — храмового действия, все элементы которого взаимодополняли друг друга. Особенно тесно были связаны чтение и пение. Евангельские стихи, как и стихи других книг Священного Писания, звучали в окружении церковных песнопений, в которых христианские идеи и события церковной истории, отражённые в читающихся текстах, облекались в особую музыкально-поэтическую форму»⁴. О том, насколько широк был охват населения древней Руси, оказавшегося под влиянием евангельского текста, свидетельствует строительство христианских сооружений. Как пишет Б. В. Сапунов, «За 250 лет по всей Руси было построено около 10 000 церковных зданий» (2000 городских приходских, 2000–3000 городских домовых, 5000–6000 приходских сельских и 2000 монастырей), для совершения службы в которых «нужно было иметь около 85 000 книг». И самой первой даже в «предельном» списке книг, без которых не могло совершаться богослужение, всегда называлось евангелие-апракос⁵. Наименования христианских сооружений обычно создавались по моделям, встречающимся в старославянских евангельских текстах, как, например, в Остромировом евангелии (**велика цръкы, храмъ божи, цръкы божи, цръкы господьн, цръкы свѣтъныя богородица** и пр.). Одновременно с появлением церковных сооружений на славянских землях зарождается новая социальная прослойка из духовных лиц, основное назначение которых — служение Господу. Это священники и монахи, чей образ жизни, мировоззрение, бытовая культура, стиль одежды резко отличаются их от постепенно вытесняемых волхвов, жрецов дохристианского славянского социума. По классификации, созданной Т. И. Вендиной применительно к средневековому обществу, священников и монахов древней Руси можно было бы отнести к группе «молящихся», которая выделена наряду с группами «правлящие и управляющие», «сражающиеся» и «трудящиеся»⁶.

Храмовое чтение евангельских текстов, сопровождавшееся церковным песнопением, стало основой для возникновения на Руси нового культурного явления — духовного фольклора⁷, который превратился в один из мощных проводников христианского мировоззрения и послужил благодатной почвой для освоения восточными славянами библеизмов. Слова и устойчивые словесные комплексы (УСК) из евангельских текстов вместе с их высоким духовным содержанием проникали в древнерусский — старорусский — русский язык, расширяя его лексико-фразеологический состав и, что особенно важно, обогащая культуру славян, ставших христианами.

С момента обнаружения Остромирова евангелия прошло около двух веков. Однако эта роскошно украшенная книга заинтересовала исследователей по преимуществу как ценнейший памятник древнерусского искусства миниатюры⁸, как великолепный образец уставного кириллического письма⁹, как материал для древнерусских и старославянских хрестоматий¹⁰, как источник для изучения своеобразия старославянской (или древнерусской) фонетической и морфологической систем¹¹. При этом лексико-фразеологический состав памятника до сих пор с точки зрения лингвистической и культурологической изучен явно недостаточно.

Первую попытку описать лексическое богатство древнейшего датированного памятника общелитературного языка славян предпринял А. Х. Востоков. В 1843 г. он опубликовал Остромирово евангелие с научным комментарием¹² и сопроводил

Шулежкова Светлана Григорьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского технического университета им. Г. И. Носова, член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. E-mail: shulezkova@gmail.com

¹ Верещагин 2012, 20.

² Керигма (греч. κηρυγμα — провозглашение, проповедь) — совокупность главнейших, базовых утверждений христианского благовестия. Этимологически слово керигма восходит к слову, имеющему значение — «публично проповедовать, возвещать какое-л. важное учение». См. Азбука веры 2011.

³ Верещагин 2012, 21.

⁴ Рамазанова 2007, 1.

⁵ Сапунов 1955, 322–323.

⁶ Вендина 2002, 5; Ефимова 2011, 127–138, 138–153, 153–160, 160–182.

⁷ См. об этом: Шулежкова 2013, 71–97.

⁸ Герц 1859; Стасов 1894; Попова 2010.

⁹ Каринский 1920; Кириллица 2011.

¹⁰ См.: Буслаев 1861; Каринский 1904; Селищев 1952; Стеценко 1984 и др.

¹¹ См. Востоков 1848; Leskien 1871; Шахматов, Щепкин 1890; Фортунатов 1908; Вайан 1952; Думитреску 1958; Груздева 1976 и др.

¹² Востоков 1843, 39–315.

его «Словоуказателем», где в алфавитном порядке расположил около 3000 статей. Каждая единица в «Словоуказателе» приводится в той форме, в какой она использована в рукописи; сопровождается частеречной характеристикой слова с указанием его грамматических признаков и перечислением всех мест его употребления в рукописи. Автор включает в словарную статью греческую лексему, являющуюся «источником»-аналогом анализируемого славянского слова, а также (при необходимости) слова, с которыми в рукописи сочетается анализируемая единица. В случае если переписчик допустил ошибку, Востоков выверяет её и приводит нормативный вариант.

А. Х. Востоков высоко ценил Остромирово евангелие «как ближайший к началу Словенской письменности памятник церковнославянского языка»¹³. Но почти через полвека после публикации Остромирова евангелия Востоковым А. Лескин, создававший свою «Граматику старославянского языка» (1871) по материалам Остромирова евангелия, во 2-м немецком издании (1888) исключил этот памятник «русского» происхождения из числа старославянских источников как не относящийся к «древнеболгарским» (т.е. старославянским)¹⁴. Переведя вместе с В. Н. Щепкиным книгу Лескина на русский язык, А. А. Шахматов подвергнул Остромирово евангелие глубокому фонетико-морфологическому анализу и пришёл к выводу о том, что оно, несомненно, принадлежит к числу старославянских и что оно «сохранило всю свою важность, что зависело от тщательного отношения к передаче списываемого подлинника»¹⁵. Тем не менее, не без влияния Лескина многие слависты принципиально исключали Остромирово евангелие из состава памятников «старославянского канона». Это повлекло за собой определённые последствия. Лексический фонд Остромирова евангелия в полном его объёме не попал ни в один из собственно старославянских словарей¹⁶, ни в одну из монографий, посвящённых лексике общелитературного языка славян¹⁷. Отдельные замечания о лексике этого памятника встречаются в исследованиях советских славистов¹⁸. Правда, в 1995 г. в Уппсале, в одном из старейших университетов Швеции, был опубликован «Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий». Составительницей конкорданса И. Люсен поставила своей целью «обозримое соотношение лексики евангелий: греческого и его старославянского перевода в той форме, в какой он дошёл до нас в четырёх из древнейших славянских списков»¹⁹. Славянская часть конкорданса представлена тремя «каноническими старославянскими текстами» — четвероевангелиями (Маринским, Зографским), Ассеманиевым евангелием-апракосом — и древнейшим списком древнерусского извода — Остромировым евангелием-апракосом. Заметим: шведская исследовательница поставила Остромирово евангелие в один ряд с так называемыми «каноническими» старославянскими списками и включила его лексику в старославянскую часть конкорданса!

Что же касается фразеологического корпуса Остромирова евангелия, то, кроме отдельных замечаний о некоторых сверхсловных единицах, в работах, имеющих отношение к старославянской или к древнерусской лексике, вряд ли можно найти исследования, хотя бы в общих чертах характеризующие фонд УСК этого уникального памятника. Интерес для фразеолога представляет информация о сверхсловных языковых единицах из Остромирова евангелия, помещённая в ряде словарных статей «Материалов к словарю древнерусского языка» И. И. Срезневского²⁰ и «Словаря русского языка XI–XVII вв.»²¹, когда толкование древнерусских УСК сопровождается примерами из интересующего нас памятника.

Старославянская же фразеография в целом пока только начинает завоевывать свои права на существование. В этих условиях несомненно ценными кажутся отдельные замечания В. С. Ефимовой, которая признаёт наличие в старославянском языке «номинаций-описаний», или «аналитических дескрипций»²². Хотя в центре внимания исследовательницы, описывающей наименования лиц в старославянском языке, находятся главным образом образы слова, в её монографии можно найти сведения о номинациях-описаниях, не имеющих, по её мнению, альтернативы. К таковым она относит «несколькословные наименования лиц», представляющие собой «субстантивно употребляемые причастия с зависимыми словами, находящимися с ними в отношениях сильного глагольного управления» (*женан са съ подвѣтъвожъ*), а также «некоторые субстантивно употребляемые прилагательные и причастия с зависимыми словами, находящимися с ними в отношениях свободной связи» (*ходан въ тьмѣ*)²³. В группу наименований «трудящихся» В. С. Ефимова включает ряд старославянских наименований лиц в виде словосочетаний с сущ. *старѣшнина (старѣшнина жьрьцамъ, старѣшнина жьрьчскъ, старѣшнина молитвѣнникомъ, старѣшнина паствинѣ, старѣшнина влѣшьскъ (тън), старѣшнина еретичскъ, старѣшнина корабльникомъ)*²⁴, в группу наименований лиц, отражающих духовно-нравственную характеристику личности, — «несколькословные наименования праведников и грешников, представляющих собой субстантивно употреблённые причастия с зависимыми словами» (*приходан къ молитвѣ, приходан къ правон вѣрѣ, чьтъин вседръжител вога и др.*)²⁵, а также «несколькословные наименования лиц на базе “старых” славянских лексем, которые становились терминологическими словосочетаниями с семантикой, отражающей новую христианскую мораль» (*чистъ (тън) срьдцемъ, правъ срьдцемъ, присътин вѣрожъ*)²⁶. Кстати, часть этих наименований можно легко обнаружить и в Остромировом евангелии.

Магнитогорская Научно-исследовательская словарная лаборатория, создав фразеологическую картотеку на основе сплошной выборки УСК из известных современной науке старославянских рукописей и опубликовав ряд фразеографических

¹³ Востоков 1843, II.

¹⁴ Лескин 1890, IV.

¹⁵ Шахматов, Щепкин 1890, 157.

¹⁶ См. Sadnik, Aitzetmüller 1955; СтСл 1994; СБР 1999–2009.

¹⁷ См. Цейтлин 1977; Вендина 2002; Ефимова 2011.

¹⁸ Жуковская 1961; Львов 1958, 1966 и др.

¹⁹ Люсен 1995, 7.

²⁰ См., напр., Срезневский 2, 1895, 147: «Въсь миръ — кощос, вселенная: — Отъ съложени» всего мира. Мф 24: 34. Остр. ев.».

²¹ См., напр., СРЯ XI–XVII 25, 2000, 101: Слово въздати (въздати), дати; състязатися о словеси с примерами из Остр. ев.

²² Термины Е. С. Кубряковой. См. Кубрякова 2000, 25.

²³ Ефимова 2011, 12.

²⁴ Ефимова 2011, 180.

²⁵ Ефимова 2011, 189.

²⁶ Ефимова 2011, 189.

работ²⁷, готовится приступить к написанию полного фразеологического словаря общелитературного языка славян. Достойное место в нём займут и УСК из Остромирова евангелия.

«Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия», увидевший свет в 2014 г., включает около 1500 сверхсловных языковых единиц. Примерно две трети из них — это процессуальные и предметные УСК, представленные почти одинаковым числом оборотов. Около одной пятой УСК выполняют в Евангелии предикативные функции. Этот фразеологический корпус может служить важным источником для решения вопросов, связанных с развитием русской культуры вообще и духовной её составляющей в частности. Под влиянием Евангелия трансформировалась и развивалась культурная парадигма и у восточных славян. Лексико-фразеологический фонд Евангелия и других богослужебных текстов, которые распространились по всей территории древней Руси, способствовали формированию нового ядра её духовной культуры.

Даже краткий обзор УСК Остромирова евангелия может дать ответ на ряд вопросов, которые возникают в связи с поставленной в данной работе проблемой. Что принципиально нового должно было появиться в духовной культуре славян, принявших христианство? Какие концепты начали формироваться? Какие изменения должны были произойти в социальной структуре славянского общества, в менталитете, в образе жизни, в досуге русичей? Как христианство могло повлиять на семейные отношения, на государственное устройство Руси? Какие этические и эстетические ценности принесла с собой вера в Христа?

УСК Остромирова евангелия, большая часть которых была освоена древнерусским — старорусским — русским языком, свидетельствует о масштабных изменениях, которые начали происходить в концептосфере славян Средневековья после принятия христианства: центральное место в духовной её сфере должна была занять вера в Христа, которой предстояло «пронизать» самые существенные, взаимно связанные концепты: «Вера правая» — «Вера неправая», «Бог» — «Человек», «Добро» — «Зло», «Любовь» — «Вражда», «Жизнь» — «Смерть», «Правда» — «Ложь», «Закон» — «Беззаконие», «Преступление» — «Наказание», «Грех» — «Покаяние», «Власть», «Семья», «Ад» — «Рай» и т.д. Остановимся здесь только на некоторых фактах.

В сознании новообращённых христиан начало складываться совершенно новое представление о мироздании, с его дуальной системой. Мир земной (**миръ съ**) стал по-особому противопоставляться миру потустороннему (**цѣсарьствоу небесьноуоумоу, цѣсарьствоу божию**). В Евангелии названы государства, страны, царства, города, моря, озёра, реки, горы, о которых ранее либо ничего не знали, либо имели смутное представление славяне: **земл гадариньска, земл генисаретьска, земл завоудон, земл издранаква, земл ноудова, земл нефоалма, нюденска страна, область гергесиньска, прѣдѣли декапольски, прѣдѣли завоудони, страна галиленска, страна гергесиньска, страна иерданьска, страна кесари, страна сидоньска, страна тѣрська, трахонитьска страна; содомъ и гомора, никомидинскъ градъ, назареѡтъ галиленскын; езеро генисаретьско, ерданьска рѣка, морк галиленско, морк тивернадскою; гора елеоньска()** и др. Этот пёстрый, многообразный земной мир (**миръ съ**), в котором правят **цѣсаре земьнии** (их также упомянуто в Евангелии несколько десятков), заселён людьми, созданными, как свидетельствует Евангелие, по образу и подобию Божию. (Возможная, именно эти сведения послужили побудительным мотивом для зарождения на Руси паломничества и появления нового жанра древнерусской литературы — хожений/хождений.) **Къназь мира сего, къназь вѣсь**, злейший враг Всевышнего, лживый и коварный, соблазняет человека, пытается отвлечь его от **пѣти истиннааго**, предначертанного Господом. **Цѣсарьствик (цѣсарьство) божи**, или **цѣсарьствик небесьнок** десятки раз упоминается в анализируемом памятнике. Евангельский текст поддерживает в искренно верующих заветную мечту — попасть в небесные владения, где обитает **цѣсарь небесьнын, Богъ отьць** вместе со своим воинством, которое составляют **вок небесьнии, силъ небесьныхъ: ангели божи (господьни, небесьнии, сватни)**. Евангелие через УСК рисует величественную картину двух противостоящих миров. Центральной фигурой **мира сего** представлен в Евангелии человек, **чадо божи**. Евангелие заставляет человека с помощью множества УСК задуматься над смыслом земной жизни, призывает **спапати доущъ свои**, чтобы заслужить **жизнь вѣчньихъ в цѣсарьствин небесьномь**; предостерегает от соблазнов, учит **пѣти божию**. В Евангелии содержатся знаменитые заповеди, следуя которым человек может стать истинным христианином и быть готовым предстать перед Господом в день **страшнааго сѣда**.

Под влиянием евангельских и других богослужебных текстов после принятия Крещения изменяется не только социальная структура славянского этноса; мощный стимул получили искусство, особенно иконопись, зодчество, литература; начинают корректироваться этические и эстетические взгляды восточных славян, совершенствуется правовая культура. Истоки этих фундаментальных процессов можно увидеть, всесторонне описав не только лексический состав, но и корпус УСК памятников общего литературного языка славян Средневековья, в том числе — Остромирова евангелия.

«Чем бы ещё ни были Евангелия для христианской веры и христианского богословия, — для истории культуры они являют собой фундаментальный текст христианской культуры, *mutatis mutandis* наподобие того, как Гомер и Гесиод составляли фундаментальный текст античной культуры, вызывая неисчислимое множество комментариев, толкований, изложений. Никогда не решаемая до конца задача истолкования такого пратекста даёт каждой культуре её парадигму», — справедливо пишет С. Аверинцев²⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С.С.* 2001: Почему Евангелия — не биографии // Мир Библии: Иллюстрированный альманах. Вып. 8. М., 4–10. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://azbyka.ru/hristianstvo/bibliya/novi_zavet/pochemu_evangelie_ne_biografii-all.shtml.
Азбука веры 2011: Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://azbyka.ru/>.
Буслаев Ф.И. 1861: Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языка. СПб.
Вайан А. 1952: Руководство по старославянскому языку. М.
Вендина Т.И. 2002: Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.
Верещагин Е.М. 2012: Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межпредметные и междисциплинарные разыскания. М.

²⁷ Шулежкова (ред.) 2006; Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка 2009; Фразеологический словарь старославянского языка 2011, Индекс 2012; Индекс 2014.

²⁸ Аверинцев 2001.

- Востоков А. Х.* 1843/2007: Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А. Х. Востокова. М.
Востоков А. Х. 1848: Грамматические правила славянского языка, извлечённые из Остромирова евангелия // Уч. зап. 2-го Отделения АН. Кн. 2, вып. 1. СПб., 28–76.
Герц К. К. 1859: Миниатюры Остромирова евангелия // Летописи русской литературы и древности. Т. 3. М., 3–5.
Груздева С. И. 1976: Заметки о существительных и прилагательных в сказуемом: На материале Остромирова евангелия // История русского языка: Древнерусский период. Вып. 1. Л., 165–172.
Думитреску М. 1958: Именное склонение в Остромировом евангелии в сопоставлении с данными старославянских памятников: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
Ефимова В. С. 2011: Наименования лиц в старославянском языке. М.
Жуковская Л. П. 1961: Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия (в связи с 900-летием памятника) // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 14–44.
Индекс 2012: Индекс устойчивых словесных комплексов памятников восточнославянского происхождения X–XI вв. / О. С. Климова, А. Н. Михин, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова, Д. А. Ходиченкова, С. Г. Шулежкова (сост.); С. Г. Шулежкова (гл. ред.). Магнитогорск.
Индекс 2014: Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия / А. Н. Михин, А. А. Осипова, В. Ф. Хайдарова, С. Г. Шулежкова (сост.); С. Г. Шулежкова (гл. ред.). Магнитогорск.
Каринский Н. М. 1904: Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам. Ч. I. СПб.
Каринский Н. М. 1920: Письмо Остромирова евангелия (палеографический сборник) // Сборник Российской публичной библиотеки. Т. 1. Вып. 1. Пг., 168–192.
Кириллица 2011: Кириллица: От возникновения до наших дней / Мин-во культуры РФ; Российский ин-т культурологии. СПб.
Кубрякова Е. С. 2000: О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice, 24–31.
Лескин А. 1890: Предисловие ко 2-му немецкому изданию // Грамматика старославянского языка / пер. с нем. А. А. Шахматова и В. Н. Щепкина. М., IV–VI.
Львов А. С. 1958: Особенности в лексикате на Остромировом евангелии // *Български език*. 8, кн. 3, 209–233.
Львов А. С. 1966: Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М.
Люсен И. 1995: Греческо-славянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri) // *Acta Universitatis Uppsaliensis. Studia Slavica Uppsaliensia* 36. Uppsala.
Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка 2009: С. Г. Шулежкова, М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова, А. Н. Михин [и др.] (сост.); С. Г. Шулежкова (ред.). Магнитогорск.
Попова О. С. 2010: Остромирово Евангелие. Миниатюры и орнаменты // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов: сб. науч. статей. СПб., 60–84.
Рамазанова Н. В. 2007: Остромирово Евангелие и древнерусское церковное пение. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.nl.ru/exsib/Gospel/ostr/tamazanova.html/.
Сапунов Б. В. 1955: Некоторые соображения о древнерусской книжности XI–XIII вв. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы / Д. С. Лихачёв (ред.). Т. XI. М.; Л., 314–323.
СБР 1999–2009: Старобългарски речник: в 2 т. / Д. Иванова-Мирчева (ред.). София.
Селлицев А. М. 1952: Старославянский язык. Ч. II. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М.
Срезневский И. И. 1895: Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. 2. СПб.
СРЯ XI–XVII 2000: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Г. А. Богатова (ред.). Вып. 25. М.
Стасов В. В. 1894: Замечание о миниатюрах Остромирова евангелия // В. В. Стасов. Собр. соч. Т. 2, отд. 1. СПб., 127–135.
Стеценко А. С. 1984: Хрестоматия по старославянскому языку. М.
СтСл 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов / сост. Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес [и др.]; Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова (ред.). М.
Фортунатов Ф. Ф. 1908: Старославянский -ть в 3 лице глаголов // Известия ОРЯС Императ. АН. Т. 13, кн. 2. СПб., 1–44.
Фразеологический словарь старославянского языка 2011: свыше 500 ед. / С. Г. Шулежкова, М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова, А. Н. Михин [и др.] (сост.); С. Г. Шулежкова (отв. ред.). М.
Цейтлин Р. М. 1977: Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М.
Шахматов А. А., Щепкин В. Н. 1890: Особенности языка Остромирова евангелия // Прибавление к кн.: А. Лескин. Грамматика старославянского языка / пер. с нем. А. А. Шахматова и В. Н. Щепкина. М., 157–192.
Шулежкова С. Г. (ред.) 2006: Фразеологический словарь старославянского языка: Проспект / М. А. Коротенко, Н. В. Меркулова, А. Н. Михин, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова, С. Г. Шулежкова [и др.] (сост.); С. Г. Шулежкова (отв. ред.). М.; Магнитогорск.
Шулежкова С. Г. 2013: От земли обетованной к небесам обетованным (очерки о судьбах библейских крылатых выражений). М.
Leskien A. 1871: Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache. Weimar.
Sadnik L., Aitzemüller R. 1955: Handwörterbuch zu den altkirchenslawischen Texten. Heidelberg.

OSTROMIROV CODEX AS A LINGUOCULTUROLOGICAL SOURCE AND PROBLEMS OF OLD SLAVONIC PHRASEOLOGY

S. G. Shulezhkova

Ostromirov Codex reflected key fragments of spiritual culture of the Slavs, adopted Christianity, not only through the lexical system but also through the phraseological system having formed during the translation of biblical texts from Greek and Hebrew into the language which became a common literary language of the Slavs of the Middle Ages.

Key words: Ostromirov Codex, Old Slavonic language, steady verbal complex, phraseology, linguistic culturology

ЭЛЕМЕНТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ОТРАЖЁННЫЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ И СУБКУЛЬТУРНЫХ СЛОВАРЯХ

© 2014

Е. Н. Бекасова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОЗВИЩ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

В статье рассматриваются основные параметры номенклатуры прозвищ как этнокультурного феномена на территории Оренбургской области, определяющие специфику их лексикографической фиксации.

Ключевые слова: прозвище, словарь прозвищ, концепция лексикографического описания

Современная языковая ситуация, в той или иной степени отражающая процессы развития мирового сообщества, свидетельствует об определённых тенденциях языковой «глобализации», которая прослеживается и в многовековых изменениях функциональной парадигмы языка, в том числе в его стремлении приобщиться к какому-либо ареалу мировой культуры. Это обуславливает некоторую близость литературных языков, которую подметил ещё В. А. Жуковский: «Все языки имеют между собою некоторое сходство в высоком и совершенно отличны один от другого в простом или, лучше сказать, в простонародном»¹. Однако разнообразие нелитературных страт подвергается значительному разрушению, о чём писал ещё В. И. Даль: «образованность и просвещение сглаживают постепенно различие наречий, проходя повсюду с уровнем своим»². К этим причинам присоединяются активные миграционные процессы, перетекание населения в города, изменения веками складывающихся традиций, жизненного уклада и коллективов. Для Оренбургской губернии, которая при своём возникновении простиралась от Каспийского моря, Хивинского царства до Екатеринбурга, подобные изломы языковой ситуации весьма характерны. Уже В. И. Даль, непосредственно наблюдая смешение наречий «выходцев двадцати губерний», отмечает сложность определения происхождения переселенцев, особенно в тех селениях, где «стариками уже вымерли, а молодое поколение исподволь привыкает к говору местному, особенно же если селение сбродное, из переселенцев разных мест, и молодёжь между собой освоилась и свыклась»³. «Сбродность» становится основным признаком большинства современных оренбургских населённых пунктов, что связано с изгнанием казачества первых линий поселений Оренбуржья и миграционными процессами времени освоения целины (1950-е гг.), открытием газового месторождения (1970-е гг.), перестройкой и постперестроечным периодом выживания сёл. Своеобразное «перемешивание» языков и культурных традиций происходит и сейчас, когда на смену одним переселенцам приходят другие, чаще всего из ближнего зарубежья. При этом ономастическая система русского языка, судя по собранному с 1996 г. картотекам прозвищ, зоонимов и топонимов, представляет как наиболее изменчивый, так и в определённой степени устойчивый лексический материал, среди которого особо выделяются прозвища⁴.

Прозвища всегда занимали особое положение в мирозерцании русского народа. Знаменитые высказывания Н. В. Гоголя и В. И. Даля с полным правом позволяют определить русский народ как «прозвивчивый народ, скорый, охочий на новые прозванья, прозвища, народ насмешливый»⁵. Мотивация и история возникновения прозвищ определяется особенностями лингвокогнитивных параметров языковой личности, уровнем этимологической рефлексии и метаязыковыми способностями. Являясь, с одной стороны, самым динамичным пластом лексики, чутко реагирующим на изменения в области материальной и духовной культуры, а с другой стороны, соотносящимся с традиционными представлениями о национальном характере и восприятии духовного пространства, прозвища, на наш взгляд, позволяют выявить концепты ментальности народа.

Прозвища, как один из ярких примеров современного языкотворчества, позволяют выявить территориальную, социальную, национальную, возрастную и гендерную градацию общества, осмыслить сущность человека, его роль и место в мире, зависимость от изменений общественно-политической, экономической и культурной жизни общества. Указанные особенности прозвищ определяют необходимость их лексикографической фиксации и соответствующего описания, базирующегося прежде всего на метаязыковом комментарии респондентов, поскольку появление и функционирование прозвищ обусловлены разнообразными экстралингвистическими факторами и специфическими лингвистическими параметрами, в ряде случаев не скванными системой языка.

Особого лексикографического описания заслуживают немногочисленные уличные (или семейные) прозвища, сохранившиеся на территории Оренбургской области в ограниченном числе населённых пунктов — чаще всего в старых казачьих поселениях, не затронутых миграционными процессами. Наиболее показательным в этом плане село Городище. В 1836 г. в нём

Бекасова Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: bekasova@mail.ru

¹ Жуковский 1954, 512.

² Даль 1, 2000, LVI.

³ Даль 1, 2000, LI.

⁴ Бекасова 2002; 2003; 2010.

⁵ Даль 3, 2000, 485.

проживало 2097 человек, носящих 200 фамилий, в результате чего за почти двухсотлетнюю историю села многие получили «придаточные имена», при этом основными мотивирующими признаками являются сложившееся территориальное деление села (*Востоковские, Угляне, Куток, Кировские, Октябрьские*), деление по семьям (*Завалишины: Мелея, Суслик, Корней, Бахча, Ядовой, Халаява, Бурёнка* и др.). Как свидетельствуют респонденты, «старинные уличные и семейные прозвища жителями Городища воспринимаются как нечто естественное, соединяющее их с предками, поэтому носят их с достоинством». Более того, в Городище сохраняется и общее «родовое» сельское прозвище *Чинёнки* (по местной легенде, за умение готовить большие пироги, начинённые пареной тыквой), которое на древней оси своё/чужое противопоставляется прозвищу для всех приезжих – *Напльвь* (по В. И. Далю «всё, что напльво куда, нанос, наволок, отвердевший осадок, накипь»⁶).

Нередко такие прозвища представляют собой дедичество, образованное чаще всего от имени предка (обычно деда): *Романчуковы* < Роман, *Семёновы* < *Семён*; *Митины* < Митя. Уличное прозвище может стать юридической фамилией, например Варвара Мешкова (1898 г. р.) в свидетельстве о рождении, выданном повторно в 1952 г., названа *Потаповой*. Под такой же фамилией указаны и её родители, известные у других детей как *Мешковы*. С другой стороны, некоторые деревенские прозвища по-прежнему сильнее официальных. Например, носительница прозвища *Малашкина* имела в жизни три юридических фамилии – девичью и две от длительных супружеских браков, но известна всем по уличной. Здесь мы имеем дело с редким случаем употребления матронама, т.к. для русской антропонимической системы характерен «патронимический настрой». Это чётко прослеживается в традиционных прозвищах типа *Семёниха* (жена Семёна), *Николавна* (жена Николая), которые также широко представлены и в прозвищах от имён тюркского происхождения, например: *Максутиха* (Максут), *Дияниха* (Диян), *Мульчиха* (Мулык) и под. Характерна ориентация на мужчину и в новых прозвищах, где достаточно лишь нахождение женщины при мужчине, например: *Адмиральша* – жена Ушакова, *Генеральша* — жена *Генерала* (мужчина любит командовать), *Кучериха* – жена *Кучера* (возил председателя совхоза на автомобиле «Волга»), *Ондатра* – жена арендатора, *Мальвина* в школе или сидит за одним столом с *Буратино* (по длинному носу) или является женой мужчины по прозвищу *Буратино*, *Русалка* сидит на скамейке с *Дельфином* (мужчиной, который после инсульта плохо ходит) и под.

Уличные прозвища достаточно весомы в лингвистическом плане, т.к. сохраняют древние словообразовательные модели (*Мелея*, ср. *карачя, беря* и под.), региональные и диалектные слова (*Чинёнки; Шушпановы* — потомки ямщиков, носивших шушпаны). В частности, семантику известного по словарю В. И. Даля как оренбургского слова *куянь* (татар., орнб. — *ушкан, заяц*)⁷ в определённой степени можно уточнить по достаточно распространённому в Оренбургской области прозвищу *Куян* (одинокий мужчина, старый холостяк, живущий на окраине, необщительный, как правило, пожилой человек), при этом на данных территориях *куянами* также называют матерых зайцев, самцов-одиночек⁸.

Если семейные и уличные прозвища требуют системного описания в рамках поселения с достаточно постоянным населением, то индивидуальные личные прозвища должны сопровождаться чётким комментарием респондента. Однако при лексикографическом сопровождении необходимо использовать другие способы описания значений как «объяснительный ресурс»⁹.

Прозвища возникают и функционируют в определённых культурно-исторических условиях, вследствие чего они являются ярким отпечатком соответствующей эпохи. Поэтому ряд прозвищ нуждается в некоторых фоновых комментариях. Прежде всего это касается прозвищ, возникающих на пике актуальных реалий, типа *Ваучер* (парень, который никому не нужен) или мотивированных лексикой, переходящей в пассив, например, *Донтист* (работает на комбайне марки «Дон», уже практически не используем в сельском хозяйстве в Оренбуржье). В эту группу также входят прозвища, мотивированные именованиями известных людей, героев фильмов и литературных произведений, которые, с одной стороны, могут получить широкое распространение и входить в сферу коннотативных онимов (типа *Дон Жуан, Ловелас*), с другой — сохранять определённую специфику, которая с течением времени требует особого комментария, в том числе и мотивирующего слова, например: *Кашпер* — кто-л. похож на Кашпировского, психотерапевта, получившего известность в конце 90-х гг. XX в., впоследствии за внезапность появления кого-л. в разных местах произошло переосмысление прозвища *Кашпер* в *Каспер* (при виде в одноимённом мультфильме). При этом нередко прозвище обусловлено парадоксальной мотивацией: *Бэтмен* (девушка брови красит так, что они похожи на палки), *Терминатор* (злая учительница), *Красная Шапочка* (мальчик с красным рюкзаком), *Железный Феликс* (женщина-врач, которая на всех кричит, всех пытается поставить в зависимость от себя), *Иван Грозный* (школьная техничка), *Шумахер* (быстро ездит на тракторе), *Моцарт* (пьяным поёт песни собственного сочинения) и под. Языковая рефлексия в производстве таких прозвищ приводит не только к всевозможным креативным моментам (типа *Бабка Касторка* — фельдшер, которая кастрировала животных), но и к появлению «прозвищных омонимов», по-разному приложимых к носителям, например: *Пушкин* — 1. Мальчик, неспособный выучить стихотворение. 2. Смуглый, с курчавыми волосами. 3. За то, что размахивает руками, когда говорит. 4. В школе сидит за одним столом с мальчиком по прозвищу *ДанТес* (Даниил Тёсов) и под.

Особенностью оренбургских прозвищ является своеобразный симбиоз разноязычных элементов, в том числе на основе русских моделей¹⁰ типа *Мурыч* ← Марат, *Мурзик* ← Мурсалим и под. Вычленение какой-л. части фамилии, которая обычно осмысливается этимологически неверно, позволяет «перевести» официальный, чаще всего тюркский антропоним: *Семиголовый* ← Самигула, *Январь* ← Анвар, *Булыч* ← Булат, *Шарик* ← Шарифутдинова, *Тазик* ← Тазбулатов, и под. С другой стороны, аналогично происходит «перелицовка» фамилий, в том числе на иностранный лад, ср.: Лючин → *Лю-чин* (аналогично – Дрючин → *Дрю-чин* → *Китаец*), Рябинкин → *Рабинович*, Салдатов → *Салдай*, Азаренко → *Азара-Базара*, Жабов → *Жабар* и под. При определённых «игровых» моментах такие прозвища могут сопровождаться характеристиками носителя прозвища, например: Тимофеев получил прозвище *Тимирхан* за феодальное отношение к женщинам, оборотистый Бакир превратился в *Брокера*.

⁶ Даль 2, 2000, 451–452.

⁷ Даль 2, 2000, 430.

⁸ Бекасова 2013, 10–11.

⁹ Гридина 2012, 18.

¹⁰ Бекасова 2012, 160–161.

Таким образом, словарь прозвищ представляет ценный и практически неисчерпаемый материал для изучения антропимической системы поликультурной среды, позволяющий изучить и понять законы развития языка и наименования людей, обусловленные строгими историческими закономерностями и ментальными пристрастиями этносов. При этом правильно структурированный материал, сопровождающийся исчерпывающим метаязыковым комментарием и пометами, позволяет рассмотреть проблемы вариантности и частотности употребления, территориальной предпочтительности и механизмов словотворчества.

ЛИТЕРАТУРА

- Бекасова Е. Н. 2002: Оренбургский край как источник лексикографических изысканий В. И. Даля // Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования: сб. науч. работ. Киев, 104–107.
- Бекасова Е. Н. 2003: Русские прозвища как отражение ментальности // Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений: сб. докладов X Конгресса МАПРЯЛ: в 3 т. Т. 3. СПб., 293–303.
- Бекасова Е. Н. 2010: «Прозывчивый народ» // Уральские Бирюковские чтения: Культура и образование в регионах: история и современность: материалы всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 358–366.
- Бекасова Е. Н. 2012: Креатив на грани языков // Уральский филологический вестник / Т. А. Гридина (ред.). Вып. 21. Екатеринбург, 158–162 (сер. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»).
- Бекасова Е. Н. 2013: Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от Куяна до Ваучера // Уральский филологический вестник / Т. А. Гридина (ред.). Вып. 22. Екатеринбург, 5–12 (сер. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»).
- Гридина Т. А. 2012: Языковая реальность как факт детского сознания // Уральский филологический вестник / Т. А. Гридина (ред.). Вып. 21. Екатеринбург, 6–21 (сер. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»).
- Даль В. И. 2000: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.
- Жуковский В. А. 1954: Сочинения. М.

LEXICOGRAPHIC POTENTIAL OF NICKNAMES AS ETHNOCULTURAL PHENOMENON

E. N. Bekasova

In this article there are considered key parameters of the nomenclature of nicknames on the territories of the Orenburg region defining specifics of their lexicographic fixing.

Key words: nickname, dictionary of nicknames, concept of the lexicographic description

© 2014

С. М. Белякова

ОТ «АЗЯМА» ДО «ЯЩИКА»: ТРАДИЦИОННАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
В ОБРАЗНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ
(по материалам для словаря)

В статье на значительном материале, извлечённом из диалектных словарей и записей русских говоров, рассматриваются особенности онтологической сферы «Предметный мир». Основное внимание уделяется её отражению в образном строе языка (диалекта). Это проявляется в процессах метафоризации и метонимизации, способности предметов выступать в качестве эталонов, в использовании наименований артефактов для создания алогичных сочетаний, отражающих народную смеховую культуру.

Ключевые слова: диалектная лексикография, традиционная культура, артефакт, образное отражение, фразеологизм

При описании специфики образного отражения действительности в языковом сознании диалектоносителя целесообразно исходить из выделения основных денотативных сфер, актуальных для метафорических и иных переносов и фразеологического представления. Наблюдения показывают, что среди них наиболее представленными являются сферы «Человек телесный», «Животный мир» и «Предметный мир». При этом каждая из них весьма специфична и в плане соотношения «донор/реципиент», и в плане особенностей мотивировки и набора образных средств.

Сфера «Предметный мир», во многом отражающая традиционную культуру, несколько уступает другим в количественном отношении, однако остаётся важным фрагментом диалектного универсума. Она имеет свою специфику. Прежде всего, эта сфера — донор (гораздо реже — реципиент, и такой перенос, как правило, связан с метафоризацией). Чаще всего происходит перенос на человека, а также на предметы или абстрактные понятия. Предметов вокруг человека много, каждый из них потенциально может стать источником образного восприятия (и часто является таковым), однако соответствующие референты не выглядят слишком «активными», что наблюдалось при изучении образного освоения частей человеческого тела. Поэтому, с одной стороны, целесообразно рассматривать не отдельные слова (тем более, что их гораздо больше, нежели соматизмов), а тематические группы, обнаруживающие единство и в плане образности (например, наименования предметов посуды, ёмкостей для переноски и хранения сыпучих веществ и мелких предметов и др.). С другой стороны, многие предметы традиционной материальной культуры обладают уникальными особенностями (внешним видом, функцией), что затрудняет их классификацию. Например, такие разные предметы, как кочерга, решето или ступа, обычно относят к домашней

Белякова Светлана Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета. E-mail: svemibel@yandex.ru

утвари, но само понятие утвари является весьма неопределённым. Специфика языкового освоения артефактов объясняется и менее чёткими границами этой денотативной области, а также её значительным материальным варьированием в пределах одного этноязыкового пространства. В рамках данного исследования рассматриваются наименования предметов, используемых в крестьянском быту; орудий труда, связанных с традиционными занятиями и промыслами, а также наименования некоторых бытовых жидкостей (вода, кипятки, квас, молоко и т.п.). Фактический материал извлечён из записей русских старожилческих говоров юга Тюменской области, сделанных в период с 50-х гг. XX в. до первых лет XXI в. В качестве дополнительных источников привлекались диалектные словари, в которых отражены лексические и фразеологические единицы других русских говоров.

Очевидно, что сам отбор предметов, отразившийся в языке в виде образов — элементов фразеологизмов, весьма существен, т.к. он свидетельствует об особенностях не только материальной, но и духовной культуры народа.

Важным обстоятельством является и сакральный характер многих артефактов (особенно древних и уникальных), используемых и в быту, и в ритуальных действиях. Мифологическое отождествление слов и вещей не может не проявиться в образной сфере языка (диалекта).

Наиболее продуктивными способами образного освоения этой сферы являются метафоризация и сравнение, а также создание фразеологизмов. Компаративы можно считать промежуточным явлением между фразеологическим оборотом и тропом, особенно это верно по отношению к диалектной речи, где не всегда возможно разграничить просто сравнение и устойчивое сравнение.

Полученные выводы можно кратко сформулировать следующим образом.

1. Образы материального мира активно используются для характеристики человека (чаще всего отрицательной). Например,

— его внешнего вида: *пестерина*, *пестерюха* 'полный, толстый человек' (тюм.); *квашня квашней* 'толстая неряшливая женщина' (яросл.); *торба* 'о здоровом, крепком человеке' (яросл.); *как куль* (одеться) 'о человеке, одетом не по росту, не по фигуре' (яросл.); *как в мешке родиться* 'о худеньком, хилом ребёнке' (новосиб.); *коробуха* 'полная женщина' (прямое значение — 'большой ящик с крышкой, плетённый из сосновой дранки', арх.); *туесок* 'о полной, неповоротливой женщине' (томск.);

— характера движений (неуклюжесть, неловкость): *кошель таловый* (тамб.); *рачий короб* (тюм.); *пестерюха пестерюхой* (краснояр.) 'неловкий человек, растрёпа';

— физических недостатков, например, глухоты: *глухой пестерь* (сиб.);

— умственного недостатка, глупости: *ударенный из-за угла мешком* 'слабоумный' (иркут.); *пыльным мешком стёгнут* (новг.); *как пестерь обумной* 'о глупом, неразумном человеке' (арх.), см. также поговорку *Глуп, как сибирский туес*;

— замкнутого, нелюдимого, угрюмого человека: *как туес колыванский в шабуре* (сиб.) и др.

При помощи метафоризации или метонимизации обозначаются части тела человека: спина (метонимия): *накласть в кошель* 'побить по спине'; *кошели навешены* 'о болезни верхней части спины, лопаток' (сиб.); *на кошели* (взять) 'взять на спину, на плечи' (волог.); *котамка* 'верхняя часть спины' (свердл.); *коробка* 'спина' (ср.-урал.), *коробку гнуть* 'много работать, до усталости' (ср.-урал.);

— живот, утроба (метафора): *короб*, напр., *хорошо ему, полон короб набил* (костр.); *лагун* (пск., твер.). Это значение закономерно развивает семантику 'быть беременной': *ходить коробом* (смол.); *кошель носить* (калуж.). Ср. также: *Баба — мешок: чё положил, то и родила* (тюм.);

— голова (метафора): *корчага* 'большая голова, о большеголовом человеке'. См. следующий контекст: *На таку корчагую тау шапку-ту надо? Башка как корчага, как у отса* (кург.).

2. Отдельные предметы могут выступать эталонами минимума. К ним относятся некоторые виды посуды небольшого объёма (чашка, миска, ложка): *ни ложки ни чашки* (тюм.); *кошке на ложку* (новг.); *Лыске на миску* (пск.); *в стакане молока можно утонуть* (кург.). Наименования ёмкостей (*мешок*, *торба*, *короб*) или больших сосудов (*кови*) являются символами множества. Например: *Ну, бузили она, с три короба наврёт* (тюм.); *Рыбы было — ковиом черпай* (тюм.).

3. Бытовые предметы и орудия труда могут быть связаны с inferнальным, «чужим» миром (нечистой силой), что отражено в языковых фактах. Прежде всего, это пустая и неприкрытая посуда (что объясняется нарушением определённого порядка). См., например, фразеологическую единицу (ФЕ) *стоять настью* — 'быть не закрытым (о посуде, ёмкости)': *Вёдра стоят настью, нельзя, закрывать надо, а то нечистая сила залетит* (кург.). Такой контакт может осуществляться и посредством алкоголя, также разрушающего привычный мир. Это отражено во фразеологизмах *сидеть на стакане* (тюм.), *собрать рюмки* (пск.); *глядеть из рюмки* (арх.), *смотреть в бутылку* (тюм.), *в бутылку заглядывать* (тюм.) 'пьянствовать'.

Определённые артефакты «двойного назначения», т.е. бытового и сакрального, также сопрягаются с inferнальным миром. Среди них *кочерга* (клюка), *решето* (сито), *ступа* и некоторые др. См., например, ФЕ *как чёрт в решете мечется* кто-л. 'о том, кто ведёт себя беспокойно, возбуждённо' (сиб.); *ни Богу свечка ни чёрту кочерга*; *ни клюкой ни лопатой* 'о состоянии беспомощности, невозможности работать' (тюм.).

4. Важной частью народной культуры является её смеховая традиция, которая отражена в языке, в том числе и во фразеологизмах с «нетрадиционным» использованием наименований предметов. Посуда, домашняя утварь очень функциональны, отсюда вытекает, что любое нарушение функции становится семиотическим. Так, значение 'работа завершена, всё готово' может быть выражено при помощи ФЕ *лукошко на берёзу* (тюм.), *ноги в квашню* (тюм., курган.). См. следующие контексты: *Добрый хозяин раньше управится со всем, и лукошко на берёзу. Всё готово — лукошко на берёзу. // Выкопаю картошку, вымою — и ноги в квашню*. И если первый из них является мотивированным (лукошко может быть рассмотрено как предмет, из которого черпают семена при севе, поэтому после завершения работы его можно повесить на берёзу), то второй явно абсурден, ибо *квашня* никак не предназначена для ног.

5. В структурном отношении в качестве наиболее частотных можно выделить следующие типы фразеологизмов с компонентом-наименованием артефакта:

1) компаративы с союзом *как*: *сапоги как зеркало*, *худой как свечка*, *надула губы как тюрки*, *я как заведённые часы* (т.е. постоянно занята, в заботах, хлопотах); *как кипятком обожгло*; *как лопатой бросает*, *валова* (медлительна, неловка)

как квашня, как квашня рострунулся (т.е. расселся). Это компаративы денотативного типа, где сравнение порождается непосредственно денотатом;

2) сочетания с частицами *не* и *ни*: *не к рукам куделя, ни с чем пирог, ни икона ни лопата, ни клюкой ни лопатой, ни тучеса ни губ, ни ложки ни чашки* — со значением отрицания и усиления отрицания (все примеры из тюменских говоров).

Особый тип составляют сочетания существительных со значением единичности, образованных от наименований бытовых жидкостей: (нет) *ни водинки/водиночки, ни молочинки, ни квасинки* и под. См., например, следующие контексты: *Она полетела в баню, а там холодно и ни водиночки нету. Водинки нет, не носят мне воду никою (т.е. т.е. т.е.) Нету, нету квасу-ту, ни квасины нет* (т.е.). Здесь сочетается семантика экспрессивного усиления отрицания с архаичными представлениями о дискретности жидкости.

Таким образом, предметы традиционной материальной культуры не только используются в быту или переосмысливаются в акте семиозиса. Они образно осваиваются человеком, создавая новые номинации для явлений самых разных сфер жизни.

Перспективой работы отечественных диалектологов является создание региональных словарей образных слов и выражений, при этом они могут охватывать значительные или не очень большие территории, что поможет осуществить сопоставительный и интеграционный подходы к накопленным диалектным фактам. Такие словари могут строиться по алфавитному принципу (от АЗЯМА до ЯЩИКА), что позволит отразить образную систему отдельного диалекта или диалектного языка в целом, или по тематическому (идеографическому) принципу. В последнем случае будет ярче выявлена специфика отдельных денотативных сфер, позволяющая адекватно интерпретировать картину мира диалектоносителя — представителя традиционной русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. 2004: Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь. М.
 Банкова Т. Б. 2008: Диалектное слово: материальное и духовное содержание // Вестник Томск. гос. ун-та. 315. Филология, 7–10.
 Блинова О. И. (ред.) 1997: Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск.
 Ивашко Л. А. 1981: Очерки русской диалектной фразеологии. Л.
 Красных В. В. 2002: Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.
 Устинова Н. А. 2011: Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск.

FROM “AZYAM” TO “YASCHIK”: TRADITIONAL MATERIAL CULTURE IN FIGURATIVE REPRESENTATION (on materials for a dictionary)

S. M. Belyakova

In this article on a significant material that has been extracted from the dialect dictionaries and records of Russian dialects the peculiarities of the ontological sphere «material world» are under consideration. The main attention is paid to its reflection in the figurative speech of the language (dialect). This is shown in the processes of appearing of metaphors and metonymies, the ability of subjects to act as references, using the names of artifacts to create allogical combination, reflecting the folk comic culture.

Key words: dialect lexicography, traditional culture, artifact, figurative speech, phraseological unit

© 2014

Е. Н. Васильева

СУБКУЛЬТУРНЫЙ ФОН ШКОЛЬНОЙ И СТУДЕНЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (по данным словарей сленга)

В статье представлено социокультурное содержание школьной и студенческой фразеологии, выявляются наиболее значимые для данных молодежных сообществ фрагменты субкультурной концептосферы и особенности их отображения средствами фразеологии.

Ключевые слова: фразеология, сленг, субкультура, концептосфера, лексикография

«Фразеология любого языка — это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира»¹, специфика языкового мышления и особенности культуры говорящего на данном языке народа. Являясь сложными структурно-семантическими образованиями, фразеологизмы ярче, чем слова, отражают отношение людей к явлениям окружающей действительности. Будучи антропоцентрически ориентированными, «фразеологические единицы возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение»².

Таким образом, для исследования концептуальной и языковой картины мира того или иного социокультурного (в том числе — субкультурного) сообщества всё большую актуальность приобретает изучение фразеологии и совершенствование её словарной репрезентации³.

Васильева Евгения Николаевна — ассистент кафедры теории и методики гуманитарного образования, аспирант кафедры русского языка Псковского государственного университета. E-mail: ole-nekto-lukoje@mail.ru

¹ Черданцева 1996, 58.

² Маслова 2001, 82.

³ Андреев 2009; Никитина 2013б.

Обладая большой подвижностью и неустойчивостью, субстандартные средства номинации (и в частности — субкультурная фразеология) наиболее полно отражают те изменения, которые происходят в жизни общества и данного субкультурного сообщества, и выступают в качестве приметы определённого времени, поколения.

Особый интерес в этой связи представляет фразеология студентов и школьников, составляющая большую часть современной молодёжной сленговой фразеологии. Посредством изучения субкультурного фона фразеологизмов на материале обширных идеографических массивов можно выявить круг интересов и субкультурных ценностей студентов и школьников, проследить особенности их мировосприятия, раскрывающиеся в процессе жаргонного фразеологического образования.

Термины *жаргон* и *сленг* мы употребляем как равнозначные, а под фразеологической единицей (ФЕ), вслед за В. М. Мокиенко, понимаем «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением»⁴. Источниками материала для нашего исследования послужили словари молодёжного сленга: специализированные⁵, общие⁶ и региональные⁷.

Анализ данных источников показал, что, в отличие от сленга многих других специальных сфер, лексикон учащихся достаточно полно разработан лексикографически. Так, в специализированном словаре школьного и студенческого жаргона⁸ описано свыше 4000 русских слов-жаргонизмов и более 1000 субстандартных ФЕ и пословиц.

«Ценным опытом полного описания системы молодёжного жаргона одного российского региона является словарь Б.Б. Максимова⁷, в котором отражено 31 500 жаргонизмов, представляющих социолекты всех групп населения уральского города Магнитогорска»⁹, в том числе школьный и студенческий социолекты.

Некоторые из представленных выше словарей¹⁰ снабжены тематико-синонимическими указателями, что особенно ценно для лингвокультурологического изучения субкультурного лексикона учащихся. В тематическом словаре сленга Т.Г. Никитиной¹¹ используются элементы идеографического описания, макростатьи словаря объединяются в крупные тематические блоки в соответствии с важнейшими зонами молодёжной концептосферы, в том числе — соотносимыми с процессом образования.

Проанализировав единицы фразеологической номинации в данной сфере, мы выделили тематические группы фразеологизмов, являющиеся наименованиями *учебного заведения; педагога; учащегося; учебных принадлежностей, оборудования; учебного предмета; учебного процесса; экзаменов, сессии*.

Общий для студентов и школьников фрагмент молодёжной концептосферы («Образование») различается в данных социальных группах содержательным компонентом и имеет различную номинативную плотность. Мотивы фразеологической номинации и образность ФЕ обнаруживают как сходства, так и различия.

Примечательно, что в студенческом жаргоне фразео-тематическая группа «Педагог» представлена меньшим количеством единиц, чем в школьном. Вероятно, количественное различие связано с тем, что преподаватель в жизни студента играет гораздо меньшую роль, чем учитель в жизни школьника. Исследуя апеллятивные наименования и антропонимы-прозвища, которые являются «неотъемлемой частью каждого из пластов молодёжной речевой культуры»¹², мы выявили общие для школьного и студенческого сленга мотивы номинации преподавателей и учителей: 1) по реалиям преподаваемого предмета или связанным с ними метафорическим и метонимическим ассоциациям (*обезьяна Дарвина* — ‘учитель биологии’, *жертва излучения* — ‘учитель информатики’, *радиоактивное вещество* — ‘учительница химии’, *короткое замыкание* — ‘учитель физики’, *инопланетный гость* — ‘учитель астрономии’, *зараза души* — ‘преподаватель психологии’, *Бритни Спирс* — ‘преподавательница английского’ и др.); 2) по различным личным качествам и внешним признакам: *плешь безумная* — ‘лысый учитель’, *зелёный фургон* — ‘молодой учитель’, *волк позорный* — ‘строгий, придирчивый учитель’ и др.

Общая для школьного и студенческого миропонимания идеологема — ‘отношения между студентом и преподавателем — это отношение жертвы и хищника’ — передаётся оборотами *волк и овца* (‘студент и преподаватель’), *волк и ягнёнок* (‘учитель и ученик’). О приходе учителя в класс школьники говорят: *нашествие Наполеона, убийца среди нас*, а улыбку учителя называют *фальшивой монетой*. В свою очередь студенты сравнивают педагогический коллектив со *сборищем вампиров*, «сосущим» жизненные силы из своих жертв.

Не всегда порождает положительные ассоциации и руководство учебных заведений. Так, в студенческом жаргоне «вершителем судеб» выступает декан (*лишало стипендии; меня не ждали, а я припёрся*), у школьников такую функцию на себя берут директор (*великий деспот, Иван Грозный, великий государь, зоркий сокол*), завуч (*полиция нравов*) и педсовет (*разбор полётов*). Фразеологизмы *идти (пойти) на разборку, идти на грозу* (‘визит к директору школы по его вызову’), *привет с того света* (‘возвращение после вызова к директору’) наглядно демонстрируют психологический дискомфорт и страх, испытываемый школьниками перед руководящим звеном. (Ср.: себя ученики называют *собратьями по несчастью, крепостными крестьянами, детьми подземелья*, а годы обучения в школе — *хождением по мукам, принудительными работами*). Не менее показательным и отношение учащихся к образовательному учреждению, его демонстрируют ФЕ с общим значением ‘школа’: для одних это *чёрный ящик, долбаный дом, дом ужаса*, дорога в который — *дорога на эшафот* или *тропа испытаний*; для других школа — *дом отдыха* или *проходной двор*, что также демонстрирует отношение к процессу образования: школьники ещё не понимают его значимости, для них обучение в школе — не более, чем неприятная рутинная обязанность или мучительная пытка.

Это подтверждают и фразеологизмы с общим значением ‘урок’ (*ад кромешный, фильм ужасов*) или ‘ответ у доски’ (*абзац котёнку, рыба об лёд, деревья умирают стоя, стрелецкая казнь, репортаж с петлёй на шее*). Звонок на урок для уча-

⁴ Мокиенко 1980, 4.

⁵ Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005.

⁶ Левикова 2003, Грачёв 2007, Никитина 2013а.

⁷ Максимов 2002.

⁸ Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005.

⁹ Мокиенко 2013, 86.

¹⁰ Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005.

¹¹ Никитина 2013а.

¹² Никитина 2009, 51.

щихся сродни *похоронному маршу* или *Бухенвальдскому набату*, в то время как звонок с урока — *золотая симфония*, *милый друг*, *вздых облегчения* и др.

Отношение к учебному заведению меняется с возрастом: наименования вузов носят в основном шуточно-иронический характер: *морковкина академия* — ‘сельскохозяйственный институт’, *Академия живописи и ваяния* — ‘Академия живописи и ваяния в Санкт-Петербурге’, *Коровья академия (Коровий институт)* — ‘Академия ветеринарной медицины в Санкт-Петербурге’ и др. Если значимость получения диплома уже осознаётся студентами, то отношение к учебному процессу, по данным сленговой фразеологии, не становится более осознанным: студенты малоактивны на лекциях и семинарах (*спящая красавица* — ‘студент на лекции’, *молчание ягнят* — ‘практическое занятие, лабораторная работа’), часто позволяют себе пропускать занятия без уважительной причины — *быть в ауте*, *брать берёзу*, *быть в библиотеке*, *пасовать (сливать) пару*, *идти на поляну*.

Большое значение для школьной и студенческой субкультуры имеет отметка. Так, *вечной спутницей* учащихся является тройка, а к отметке «отлично» они относятся как к *чуждому мновенью* или *неожиданной гостье*. Психологическое состояние школьника после получения двойки нашло отражение во фразеологизме *маленькие трагедии*. Такая реакция на плохую отметку связана прежде всего со страхом перед родителями, что доказывает устойчивый оборот *смерть ждёт дома* (‘о дневнике с неудовлетворительными оценками или замечаниями’), в то время как несданный экзамен у студентов вызывает страхи иного рода (молодых людей, например, пугает возможность попасть в армию: *здравствуй, армия* — ‘о несданной сессии’).

Сессия является специфической реалией. Огромное количество ФЕ данной тематики говорит о значимости сессии в жизни студентов. Экзамен воспринимается здесь как нечто ужасное, связанное с риском для жизни (*чёрный день*, *хана по пунктам*, *конец всему и всем*, *конец весёлой жизни*, *клиническая смерть*, *гром среди ясного неба*, *конец лафы* и др.), и студенты готовы на всё ради благополучного исхода: одни усиленно готовятся к сессии (*заниматься онанизмом головного мозга*, *насилловать мозг* — ‘усиленно изучать что-л.’), другие заранее заготавливают шпаргалки, социокультурную ценность которых раскрывают фразеологические наименования *подруга студента*, *спас на крови*, *скорая помощь*, *гуманитарная помощь*.

Социально-бытовую сторону студенческой жизни представляют ФЕ с общим значением ‘общезитие’ (*кошачий городок*, *публичный дом*, *концлагерь «Улыбка»*) и ‘стипендия’ (*день в раю* — ‘день выдачи стипендии’, *критические дни* — ‘дни перед стипендией, когда особо остро чувствуется нехватка денег’).

Таким образом, изучив субкультурный фон ФЕ на материале обширных идеографических массивов школьного и студенческого сленга, мы установили, что, несмотря на схожесть тематики ФЕ, картина мира студентов и школьников имеет определённые субкультурные различия в связи с возрастными и психологическими особенностями представителей данных субкультур, что и отражает сленговая фразеология.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев В. К. 2009: Фразеология новых корпоративных языков: темы и образы // Известия Волгоградск. гос. пед. ун-та. Сер. Филол. науки. 7 (41), 65–69.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. 2005: Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: ок. 5000 слов и выражений. М.
- Грачёв М. А. 2007: Словарь молодёжного жаргона. М.
- Левикова С. И. 2003: Большой словарь молодёжного сленга. М.
- Максимов Б. Б. 2002: Фильтруй базар: Словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска / С. Г. Шулежкова (ред.). Магнитогорск.
- Маслова В. А. 2001: Лингвокультурология. М.
- Мокиенко В. М. 1980: Славянская фразеология. М.
- Мокиенко В. М. 2013: Социолекты в зеркале лексикографии // Вопросы лексикографии. 2 (4), 76–93.
- Никитина Т. Г. 2009: Проблемы лексикографической репрезентации сленгового прозвища // Вестник Новгородск. ун-та. 54, 51–54.
- Никитина Т. Г. 2013а: Ключевые концепты молодёжной культуры: тематический словарь сленга. СПб.
- Никитина Т. Г. 2013б: Проблемы лексикографической репрезентации новых русских паремий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 12, 158–160.
- Черданцева Т. З. 1996: Идиоматика и культура // Вопросы языкознания. 1, 58–70.

SUBCULTURAL BACKGROUND OF SCHOOL AND STUDENTS PHRASEOLOGY (according to the dictionaries of slang)

E. N. Vasilyeva

The article shows sociocultural content of school and students phraseology. The most important fragments of subcultural sphere of concepts and peculiarities of their image-mapping by means of phraseology for the youth subculture are described in this article.

Key words: phraseology, slang, youth subculture, sphere of concepts, lexicography

© 2014

Г. А. Воеводина

ОЦЕНОЧНЫЕ ИМЕНА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается семантическая специфика оценочных имён человека в современном русском языке. Особое внимание уделяется различной степени употребительности, стилевой «прикреплённости» оценочного слова.

Ключевые слова: отрицательная оценка, оценочное значение, оценочная семантика

Термин «оценочное слово» чаще всего связывают с понятием слово, предполагающим выражение отношения, которое отражает, в самом общем виде, факт неслучайного характера семантических значимостей слова. «Противопоставление слова-лексемы как единицы системы реализованному слову-словоупотреблению, выдвинутое и последовательно разграничиваемое В. В. Виноградовым, исходило из разграничения им языка как системы средств и речи как реальной коммуникативной деятельности»¹.

Система оценочных средств сохраняет в своём составе лексику с оценочной семантикой. Использование оценочного именования человека в разных функциональных стилях, а также в нелитературных формах языка приобретает актуальность. Важным представляется изучение языковых средств передачи отрицательной оценки, вызывающей чувства унижения, оскорбления.

Оценочное слово имеет особое место как среди экспрессивных языковых средств, выражающих самобытность и оригинальность, так и инвективных и стилистически сниженных, в том числе обидных и неприлично-бренных слов.

Понятие значения оценки способствует разъяснению, предостерегающему от неразборчивого использования обидных слов или от выражения желания оскорбить. Исходя из значения некоторых слов, не маркированных в словарях особыми пометами, можно сказать, что эти слова содержат в своём значении отрицательные характеристики незаконной деятельности человека и используются в публичной коммуникации, т.к. их значения отражают в речи языковую универсальность, выражённую отрицательной оценкой. Слова, обладающие негативной оценкой, приводятся в словаре без специальных помет: *аферист, гангстер, бандит, мошенник, насильник, преступник, хулиган*. В словах оценочного понятийного типа выражается номинативная, т.е. функциональная оценка.

Кроме того, оценка создаётся коннотативными компонентами слова. Отрицательная оценка, негативная информация понимаются нами как коннотация. Это «тот аспект значения номинативных единиц, который представляет собой совокупность эмотивных, ассоциативно-образных и стилистических сем, отражающих не столько признаки обозначаемых объектов, сколько отношение говорящего к обозначаемому или условиям речи»².

Слова с понятийным значением могут включать компонент оценки. В слове *службист* можно обнаружить коннотацию 'бюрократизм, формализм', в слове *оптимист* — коннотацию 'жизнерадостность', в слове *эгоист* — коннотацию 'себялюбие'. Коннотации значения слова *самодур* — 'деспотизм, прихоть, произвол, своеволие' проявляются в слове *тиран*. Такие слова широко употребляются и называются нейтральными.

Прагматическая оценка обусловлена ситуацией субъективного отношения говорящего к объекту оценки, которая всегда экспрессивна: слово *гусь* — разг., 'о человеке, не вызывающем доверия; ненадёжном, плутоватом, ловком' — передаёт неодобрительную оценку.

Частотные оценочные слова получают типологию оценивания по их применению для коммуникативного намерения. В бытовом использовании с целью назидательного эффекта или в сатирических и юмористических целях контекстуальный смысл некоторых оценочных слов в выражении *Гусь свиные не товарищ* связывается с ассоциативным представлением: *гусь* 'важный', *свиныя* 'грязнуля', что не может нарушать нормы морали, нравственности и противоречить речевому поведению, принятому в манере общения между людьми.

Использование слов во вторичной семантической функции проявляется в выражении прагматического значения как источника смысловых ассоциаций языковой единицы. Условия применения оценочного слова способствуют появлению экспрессии. Эмоционально окрашенное, употреблённое для выражения возмущения, негодования, досады оценочное слово *лёс* — перен. презр. бран. 'о человеке, готовом на любые низкие поступки, дела' — воспринимается как обидное слово, т.к. несёт негативную оценку.

Широко использование в речи синонимичных слов *балда* — прост., бран. 'бестолковый, глупый человек' и *балбес* — прост., презр. 'бестолковый человек, бездельник'. В современном русском языке эти бранные слова характеризуются как социально обусловленные: их употребление в речи имеет стилистическое ограничение, т.к. они относятся к просторечным словам, близким по значению к словам *дурень, дурило*. Специфическое применение бранных слов для выражения оценки может быть обидным или оскорбительным для объекта оценивания: *болван* — бран. 'бестолковый, глупый человек', *обалдуи* — бран. 'балда, болван'; *чудак* — *чудила* — *дурак* — бран. 'глупый, тупой человек'; *идиот* — бран. 'дурак, болван, тупица'.

Эмотивные именованья человека могут передавать иронию. В контекстуальном применении слово *артист* — ирон. 'человек, не оправдавший надежд в каком-л. деле' — может восприниматься как средство насмешки или осмеяния.

Некоторые оценочные слова приобретают в разговорной речи способность выражать иронически неодобрительное отношение: *оборванец* — разг. 'человек в изношенной одежде', *оборвыш* — разг. 'о ребёнке'. Стилистические синонимы слова *оборванец* — *босаяк, бродяга* могут выступать как экспрессивные средства отрицательной оценки.

Выражение негативных эмоций в речевой ситуации с использованием оценочных слов считается нежелательным, неприемлемым, ср.: *голодранец* — пренебр. 'оборванец' — *голодранка* — разг., пренебр. 'оборванка, бедная'.

Оценочные высказывания в ряде случаев оказываются резко сниженными по стилистической окраске. Они передают общее негативное отношение к человеку. Ср. *старый маразматик* — разг. 'тот, кто страдает маразмом'; *вишвая интеллигентка* — грубо-прост. 'ничего не стоящая, ничтожная, плохая' (о человеке); *жирный* — 'толстый, тучный, ожиревший' (о

Воеводина Галина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. E-mail: vdmiriy@mail.ru

¹ Уфимцева 1980, 12.

² Алефиренко 1994, 109.

людях или частях тела). Что же касается выражений *жирная свинья*, *старый маразматик*, *вишняя интеллигентка*, то они, употреблённые в общественном месте в качестве характеристики человека и его поведения, являются обидными.

Оценочное слово может быть средством допустимого приписывания отрицательных свойств объекту речи в нормативном общении, «правильном» речевом поведении. При нарушении же правил общения большинство оценочных слов расцениваются как обидные слова. Обидные слова (как правило, цензурные слова) — это средства проявления негативного, неуважительного отношения к человеку, ср.: *дебил* — бран. Частотными среди обидных слов оказываются экспрессивно-эмоциональные слова, например: *козёл*, *урод*, *хам*.

Слово *чурка* в значении ‘бесчувственный глупый человек’ используется в разговорно-сниженном стиле речи, возможно, как прозвище, данное человеку в шутку, в насмешку. Кроме того, данное слово является жаргонным, бранным, содержит пренебрежительную эмоциональную оценку. Его стилистически неуместное использование в речи считается обидным.

Различие между оценочными именами человека проявляется в определённом контексте и в речевой ситуации. Так, слова *бандюга*, *вор*, *ворюга* следует отнести к бранным, если они употребляются бездоказательно.

Оценочные имена иногда выражают крайне отрицательное отношение к человеку, ср.: *скотина*, *скот* — ‘о грубом, низком, подлом человеке’, *тварь* — ‘о подлом, мерзком человеке’. В целях назидания употребление слов такого типа может быть допустимым, если они выражают желание говорящего воздействовать на поведение адресата речи.

Слова *баран*, *сука* относятся к бранной русской лексике. *Баран* — разг.-сниж. ‘о глупом, упрямом человеке’ — если сопровождается пометой «презрительное», является оценочным словом. Слово *сука* — ‘о человеке, вызывающем своим поведением гнев, раздражение (обычно о женщине)’ с пометой «грубо» ассоциируется со словами *мерзавка*, *стерва*, а также со словами, выраженными в неприличной форме³.

Использование жаргонных слов стало популярным в текстах, приближённых по своим языковым особенностям к разговорно-бытовой речи. Как средства выражения отрицательной оценки актуализировались слова *браток* — жарг. ‘член преступной группировки’, *отморозок* — жарг. ‘человек безжалостный и беспощадный’. Эти слова отражают определённые отношения между людьми в современном обществе, выступая крайне отрицательно оценивающими именованными человека.

Оценочный компонент семантической структуры в некоторых словах реализуется с целью резкого осуждения: *молодчик* — ‘пособник, приспешник или участник каких-л. реакционных, вражеских или преступных групп, организаций’; выражения презрения: *молодчик* — ‘человек, обычно молодой, способный на преступление, хулиганство и т.п.’.

Проблема оценочного слова как средства речевой агрессии становится чрезвычайно актуальной. Речевая агрессия — это «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом»⁴.

Среди бранных слов разграничиваются слова «обще-бранной» и «неприлично-бранной» лексики⁵. Отрицательная оценка может выражаться в оскорбительной языковой форме. В «Современном толковом словаре русского языка» слово *оскорбить* приводится в значении ‘крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства»⁶. «Оскорбление — это умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме»⁷.

Использование некоторых оценочных слов, выражающих отношение презрительности, может считаться недопустимым в речевом поведении, если они употребляются бездоказательно или стилистически неуместно. Например, слово *мразь* — ‘о ком-л. ничтожном, презренном, дрянном’, ‘о ком-л. вызвавшем недовольство, раздражение, гнев’ относится к бранной лексике. Слова *мразь*, *падла*, *проститутка*, *сука*, *шалава*, использованные при «выяснении отношений», передают бранный смысл, который осознаётся всеми носителями русского языка. Эти слова, вне всякого сомнения, несут оскорбительный характер, т.к. дискредитируют человека в обществе.

Нецензурные лексемы — это единицы, стоящие за чертой нормы, следовательно, за пределами приличия, т.е. допустимой морали и нравственности. Такие специальные слова не рекомендуются для общего употребления и включаются в словари русского жаргона, словари брани.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. 1994: Методологические проблемы теории взаимодействия сознания, значения и смысла // Н. Ф. Алефиренко. Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 3–13.
- Баранов А. Н. 2007: Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.
- Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. Ф. 2002: Русский ассоциативный словарь: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов: в 2 т. М.
- Культура русской речи 2003: Энциклопедический словарь-справочник / Л. Ю. Иванов, А. П. Сквородников, Е. Н. Ширяев [и др.] (ред.). М.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. 2003: Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы. СПб.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 2003: Толковый словарь русского языка. М.
- Уфимцева А. А. 1980: Семантика слова // Аспекты семантических исследований / Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева (ред.). М., 5–80.

EVALUATION NAMES OF A PERSON IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

G. A. Voevodina

In the article the semantic specific of the evaluation names of a person in modern Russian language is examined. The special attention is paid to a different degree of the use, stylish “attachment” of evaluation word.

Key words: negative estimation, evaluation value, evaluation semantics

³ Караулов, Черкасова, Уфимцева 2, 2002, 837.

⁴ Культура русской речи 2003, 562.

⁵ Мокиенко, Никитина 2003, 28.

⁶ Ожегов, Шведова 2003, 486.

⁷ Баранов 2007, 411.

© 2014

М. С. Выхрыстюк, Е. А. Бакулина

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРОВ ТОБОЛО-ИРТЫШЬЯ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ

Диалектная лексика, характеризующаяся высокой экспрессивной окрашенностью и семантическим разнообразием, ярко отражает самооценку русского человека, его мировосприятие, что подтверждается при изучении эмоционально-оценочной лексики говоров Тоболо-Иртышья.

Ключевые слова: говоры, Тоболо-Иртышье, экспрессивность, лексика, фразеология

Систематическое изучение говоров Тоболо-Иртышской территории позднего заселения русскими началось лишь со второй половины XX в.

Сегодня сформировались самостоятельные центры лексикографического изучения сибирских говоров. К их числу относятся Пермский и Екатеринбургский университеты, которые объединили уральскую лексикографическую школу и Томский университет, представляющий сибирскую лексикографическую школу¹. По мнению Л. Г. Панина, в Сибири есть «... несколько регионов, хорошо изученных диалектологами и представленных интересными словарями. Прежде всего это Томск, Красноярский край, Алтай, сейчас к ним добавилось Забайкалье»².

Последовательное и всестороннее изучение сибирской диалектной лексики отразилось в издании диалектных словарей³. В результате лексикографирования языковых фактов учёные получают данные, сопоставимые с фактами, зафиксированными на исконно русской территории, что открывает широкие возможности для анализа языковой ситуации в языке территории вторичного образования⁴.

Материалом для настоящего исследования послужили русские говоры Тоболо-Иртышья, территории четырёх районов, прилегающих к двум западносибирским рекам — Тоболу и Иртышу: Тобольского, Вагайского, Уватского и Яркового. В центре внимания авторов оказался лексико-фразеологический пласт, передающий эмоционально-оценочную характеристику внешних и внутренних данных человека, т.к. именно проблемы экспрессивно-стилистической дифференциации диалектной речи приобретают особую значимость в современной лексикологии.

Предметная и атрибутивная лексика, обозначающая внутренние, душевные качества человека, представлена двумя разновидностями: первая выражает положительную оценку, вторая — отрицательную.

Первая лексико-тематическая подгруппа в русских говорах Тоболо-Иртышья называет позитивные качества человека: ‘добрый’ — *добродушный, добродушный, жалобный*; ‘дружелюбный’ — *гладкословный, желательный*; ‘простодушный’ — *вседушный*; ‘чувствительный, внимательный, заботливый’ — *желанный*; ‘приветливый, общительный’ — *буянистый, ласкословный, людской*; ‘весёлый, озорной’ — *куражный*; ‘смелый, бойкий’ — *бедовский, натурастый*.

И всё же лексико-тематическая подгруппа имён прилагательных с отрицательной оценкой внутренних душевных качеств человека выглядит более внушительно: ‘хитрый, неискренний’ — *гладкостриженный, вертульный, двулицый, затайный*; ‘гордый, зазнавшийся’ — *возносливый, задранный, занравный, заносливый*; ‘бессовестный, бесстыдный’ — *бесстужий, нахалистый*; ‘легкомысленный, беспутный’ — *баламутный, кручёный, лежкомыслый, беспутный, незаботный, однодённый*; ‘скупой, жадный’ — *закосливый, забориховатый, забористый*; ‘вспыльчивый’ — *бросоватый, крутоватый, вспичивый, бросарливый*; ‘задиристый, склонный к ссорам’ — *дуровой, мерендучий, греховодный*; ‘ворчливый, сварливый’ — *неполадливый*; ‘своевольный, упрямый, крутого нрава’ — *неповодный, куражливый, натурастый, настойливый, натырливый*; ‘робкий, тихий’ — *небуяный, несурядливый, нюхлый*; ‘нелюдимый’ — *несогласованный, несурядливый, несоюзный, ознобный, нелюдоватый, нелюдовый, людоватый*⁵.

Предметной лексики с отрицательной оценкой внутренних качеств человека в русских говорах Тоболо-Иртышья значительно больше, чем с положительной: *ехида* ‘о злом, вредном человеке’, *бубарка* ‘о жадном, злом человеке’, *буза* — ‘хулиган, скандалист’, *брызгалка* — ‘о нервной, раздражительной женщине’, *бурандунья* — ‘та, которая любит ворчать’, *жигало* ‘о язвительном, злобном человеке’, *мытарь* — ‘хитрец’, *закалдыга* — ‘беспутный, опустившийся человек’, *забируха* — ‘жадный, скупой человек’, *жадник* — ‘жадный, скупой человек’, *бросало* — ‘вспыльчивый человек’, *брызга* — ‘ворчун’, *момот* — ‘угрюмый, неприветливый человек’, *занос* — ‘зазнавшийся, высокомерный человек’, *нудница* — ‘зазнавшийся человек’, *жмод, жмода, жмоха* — ‘жадный, скупой человек’, *забека* — ‘драчун, забияка’, *бросальница* — ‘бойкая, задиристая женщина’, *варайдунья* — ‘ворчунья’, *варайдун* — ‘ворчун’, *тоха* — ‘робкая, тихая женщина’, *нелюдимок* — ‘необщительный, неприветливый человек’, *жом, жома, жмур* — ‘жадный, скупой человек’, *вольница* — ‘беспутный человек, гуляка’, *задириха* — ‘тот, кто заводит ссору, задира’, *неспустиха* — ‘задира, неуживчивый человек’.

Характеристику внешних особенностей человека (физического облика, роста, веса, красоты, толщины и др.) даёт подгруппа лексем с положительной оценкой (‘красивый’ — *басколистый, казистый, молодцеватый, красовитый, приглядистый, примансливый, пудристый, рахманный, фартовый*; ‘нарядный’ — *начуфуренный, форсовитый, цапливый, щекотливый*; ‘молодой’ — *молодоватый, молодолоиковатый, молодолоиковый*; ‘кудрявый’ — *кудревастый, курчаватый*; ‘высокого ро-

Выхрыстюк Маргарита Степановна — доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева; ст. научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН. E-mail: margaritav@mail.ru

Бакулина Елена Алмазовна — аспирант Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева. E-mail: laiva@inbox.ru

¹ Выхрыстюк 2010.

² Панин 1991, 6.

³ Наиболее значительные из них: Словарь русских старожилческих говоров средней части бассейна р. Оби 1967; Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья 1977; Словарь русских говоров Новосибирской области 1979.

⁴ Фёдоров 1980.

⁵ Бакулина 2013.

ста' — *большанский, большинский, долженький, крупнорослый*; 'невысокого роста' — *малехонный, малюхонный, махонный, таконький, чутенький*. Объединение лексем в микрогруппы на основе семантики позволяет увидеть их системные отношения, в частности отношения синонимии и антонимии.

Эмоционально-оценочное значение наиболее ярко выражается во фразеологизмах, где, как и в литературном языке, помимо собственно фразеологизмов, функционируют различные устойчивые сочетания слов, фраземный статус которых неоднозначен: номенклатурно-терминологические наименования, устойчивые сравнения, тавтологические сочетания, пословицы, поговорки, предложно-именные сочетания⁶. Безусловно, все названные сочетания слов различаются между собой и по степени структурно-семантической слитности, и по образности, и по функциональной значимости. Однако все они обладают устойчивостью и воспроизводимостью. Как отмечает Е. В. Брыкина, эти сочетания отражают «отдельные черты менталитета, элементы истории и культуры, что позволяет рассматривать их в пределах единой системы говоров с учётом того места, которое каждый тип единиц занимает в общей структуре»⁷.

Региональная фразеология нравственно-этического содержания, характеризующаяся экспрессивной окрашенностью, богатством состава, семантическим разнообразием, отражает самооценку русского человека, его мировосприятие.

Одним из доминирующих в диалектной фразеологической системе говоров Тоболо-Иртышья является макрополе «Качества человека». Его условно можно разделить на три микрополя: 1) физиологические внешние качества человека, 2) внутренние качества человека, свойства характера, 3) особенность эмоционального состояния человека.

В первое микрополе «Физиологические (внешние) качества человека» отнесём следующие фразеологизмы: *живая душа на костылях* — 'хилый, слабый, еле живой', *молодая забава* — 'молодой беспечный человек', *гороховое вешало* — 'неуклюжий, неловкий человек'; *полыгало дикий* — 'рассеянный, невнимательный человек' и др.: *К старости она выглядела как живая душа на костылях*⁸; *Он у нас ещё молодая забава*⁹.

Второе микрополе «Внутренние качества человека, свойства характера» представлено единицами *высоко себя нести* — 'быть заносчивым, вести себя высокомерно', *лезть в заклоку* — 'упорно возражать, перечить'; *насердку отогнать* — 'злостью сорвать', *смотреть по носу* — 'быть хитрым, расчётливым', *потерять лицо* — 'перестать стыдиться, потерять стыд' и др.: *Заходит председатель — высоко себя несёт!*¹⁰; *С ним лучше не спорить: он сразу лезет в заклоку!*¹¹.

Особо выделим микрогруппу со значением 'эмоциональное состояние человека': *насердку отогнать* — 'злостью сорвать', *кулаки зажимать* — 'вести себя скандально', *горе напало* — 'расстроиться', *блудные помыслы* — 'распутные, развратные желания'. Напр., *На меня тут такое горе напало!*¹²; *По дороге я попалась, она на меня насердку и отогнала!*¹³; *Он стоял, кулаки зажимал на него!*¹⁴.

Эмоционально-оценочная лексика и фразеология наиболее устойчивы и наиболее значительны по составу и количеству в диалектной речи по сравнению с нейтральной, как отмечают многие лексикологи. В диалектной речи сосредоточено всё многообразие средств эмоционального выражения. Лексикологи подробно рассматривают различные способы передачи эмоционального отношения, в том числе: переносное употребление слова; специфическую интонацию; суффиксы субъективной оценки; свободный выбор слова, позволяющий более эмоционально высказаться. Большое внимание уделяется контексту, в котором проявляется эмоционально-оценочный характер слова.

Таким образом, региональная лексика нравственно-этического содержания, характеризующаяся экспрессивной окрашенностью, богатством состава, семантическим разнообразием, отражает самооценку русского человека, его мировосприятие. Анализ эмоционально-оценочной лексики говоров Тоболо-Иртышья в аспекте современной лексикографии и фразеологии показывает, что природа значения единиц связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями, а диалектная фразеология является одной из составляющих языковой картины мира. Поэтому главной задачей сибирских диалектологов-русистов следует считать подготовку диалектных лексических и фразеологических материалов для составления сибирских региональных словарей.

ЛИТЕРАТУРА

- Бакулина Е. А. 2013: Эмоционально-оценочная лексика в говорах Тоболо-Иртышья (по данным картотеки диалектной лексики кафедры русского языка и МПРЯ ТГСПА им. Д. И. Менделеева). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/3558.pdf>.
- Брыкина Е. В. 2003: Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
- Выхрыстюк М. С. 2010: Словарь диалектной и просторечной лексики Тоболо-Иртышья. Тобольск.
- Краева В. Ю. 2006: Фразеологизмы русских говоров Алтая (лингвокультурологический аспект) // Вестник Барнаульск. гос. пед. ун-та. 6. Сер.: Гуманитарные науки, 114–116.
- Панин Л. Г. 1991: Словарь русской народно-разговорной речи Сибири XVII — первой половины XVIII в. Новосибирск.
- Словарь просторечий русских говоров среднего Приобья 1977: / О. И. Блинова (ред.). Томск.
- Словарь русских говоров Новосибирской области 1979: / А. И. Фёдоров (ред.). Новосибирск.
- Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби 1964–1967: в 3 т. / В. В. Палагина (ред.). Томск.
- Фёдоров А. И. 1980: Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск.

⁶ Краева 2006.

⁷ Брыкина 2003, 17.

⁸ ПМА 2008–2013, Тюменская обл., Уватский р-н, д. Алымка.

⁹ ПМА 2008–2013, Тюменская обл., Вагайский р-н, д. Полино.

¹⁰ ПМА 2008–2013, Тюменская обл., Ярковский район, д. Иевлево.

¹¹ ПМА 2008–2013, Тюменская обл., Ярковский р-н, с. Щетково.

¹² ПМА 2008–2013, Тюменская обл., Тобольский р-н, д. Нижние Аремзяны.

¹³ ПМА 2008–2013, Тюменская обл., Вагайский р-н, д. Полино.

¹⁴ ПМА 2008–2013, Тюменская обл., Вагайский р-н, д. Полино.

EMOTIONAL EVALUATIVE VOCABULARY DIALECTS OF TOBOL-IRTYSH IN ASPECTS OF MODERN LEXICOGRAPHY PHRASEOGRAPHY

M. S. Vykhrystyuk, E. A. Bakulina

This article examines the dialect vocabulary characterized mostly by expressive coloration and semantic diversity. It is determined that it reflects more clearly the self-esteem of a Russian man, his perception of the world and it is proved by study of emotionally evaluative vocabulary of Tobol and Irtysh dialects.

Key words: dialect, Tobol and Irtysh, expressiveness, vocabulary, phraseology

© 2014

А. С. Данилевская

ДИАЛЕКТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена анализу диалектных фразеологических единиц русских говоров Приамурья, выражающих, с одной стороны, уникальность локальных особенностей исследуемого фрагмента региональной языковой картины мира, а с другой — её общность с иными лингвосоциумами в структуре языковой картины мира.

Ключевые слова: региональная языковая картина мира, диалектная фразеология, идеографическая классификация

Вопрос о региональной языковой картине мира (РЯКМ) стал подниматься относительно недавно в трудах таких учёных, как Е. С. Кубрякова, Н. В. Лабунец, С. М. Пищальникова, В. О. Краева, В. Д. Лютикова, И. Ю. Малышева, Н. В. Хохлова и др., и непосредственно связан не только с культурной обстановкой в регионе, но и с общенациональной языковой ситуацией. В настоящее время среди учёных нет единого мнения об объёме и содержании понятия РЯКМ. В данной статье под *региональной языковой картиной мира* понимается фрагмент общенациональной языковой картины мира, представляющий собой объединение различных языковых подсистем и имеющий особенности в отражении действительности, обусловленные различными факторами: условиями проживания, ценностными установками людей, историко-культурным развитием региона.

Одними из главных средств выражения РЯКМ выступают лексико-фразеологические единицы (ФЕ), поскольку именно данный языковой пласт наиболее последовательно фиксирует историко-культурные изменения как на региональном, так и на общенациональном уровнях, переосмысливая их в системе ценностных координат определённых лингвокультурных сообществ.

Лексико-фразеологическая система регионального языка складывается из единиц разной степени удалённости от литературного ядра: просторечных элементов, социолектизм, жаргонизмов, диалектизм. Наибольший интерес с точки зрения выявления специфики мировосприятия и мироощущения регионального сообщества в его историческом развитии представляет диалектная система.

Фразеологический материал региона — уникальный сплав из различных лингвосистем, сформированный в условиях инодиалектного и иноязычного окружения. Говоры, распространённые на Приамурской территории, принадлежат к говорам переходного образования с севернорусской материнской основой, носителями которых являлись казаки, направленные на Дальний Восток для защиты границ Российской империи. Профессор Дальневосточного университета А. П. Георгиевский в 1930 г. описал довольно пёструю в диалектологическом отношении картину Приамурья, включив её в состав амурских говоров начала XX в.: а) старожильческие, к которым автор отнёс казачьи и новосельские, выделив отдельно группу «особо-казачьи» говоры; б) украинские говоры; в) белорусские говоры; г) смешанные говоры; д) говоры старообрядцев-семейцев¹. Такая пёстрая картина складывалась из-за неоднородного, многонационального состава региона, что в свою очередь обуславливает активное междиалектное взаимодействие. Особенно ярко этот процесс проявляется на уровне лексики и фразеологии. Так, из украинского литературного языка и его говоров проникают слова и выражения бытовой (*гнобить, маять*), обрядовой (*парахвея*) сферы, из языков неславянских групп — языков аборигенов — названия продуктов (*арбанайка чаю*), элементов одежды (*ородды, олочи*), животных (*инжиган*).

Диалектные ФЕ по-разному отражают культуру региона, но, выполняя кумулятивную функцию, часто выступают как дополнительные источники этнокультурной информации. Например, *Амур пошёл* — об открытии Приамурья, *баня по-белому* — «деревенская баня, обогреваемая печью, дымоход которой выведен наружу», *приехать за косой* — «приехать за приданым невесты».

Специфика образной основы диалектных ФЕ во многом определяется её конкретностью и местным колоритом. Поэтому в говорах часто сосуществуют наряду с общенародными или даже вместо них диалектные ФЕ, отличающиеся своей внутренней формой либо новыми гранями образа, ср.: *возможаться на ноги* — *встать на ноги*; *сколькокие годы* — *сколько лет, сколько зим*; *во всю голову* — *во всю Ивановскую* и др. Кроме того, для диалектных ФЕ, как и для общенациональных, характерно наличие нескольких лексических вариантов, ср.: *ваня красавчик/ваня мокрый* — «комнатный цветок бальзамин», *банка-самосадка/банка-табакерка* — «деревянная шкатулка для хранения табака или предметов мелкой галантереи», *гнилой дождь/гноющий дождь/сеногойный дождь* — «мелкий продолжительный дождь во время сенокоса», *катать бабки/штерску* — «играть в бабки».

Одним из признаваемых многими учёными способов систематизации составляющих языковых картин мира является

Данилевская Анна Сергеевна — аспирант кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко. E-mail: anna-skorinova@mail.ru

¹ Георгиевский 1930.

полевая организация на макро- и микроуровнях. Макросистемы, подразделяющиеся на микросистемы, детализированно — через иерархическую организацию структуры поля посредством описания и анализа лексико-фразеологических единиц — реконструируют определённый участок семантического пространства жизнедеятельности человека. Тем самым идеографический подход даёт возможность представить реально существующую РЯКМ и приблизиться к пониманию особенностей мировосприятия этнокультурного сообщества.

Если придерживаться лингвокультурологической парадигмы исследования с её антропоцентрической направленностью в систематизации фразеологического материала, то можно выделить три основных макрополя: 1) человек как биологическое существо; 2) человек как личность (психоэмоциональные состояния); 3) человек как социальное существо. Более 70% анализируемых единиц входит в состав макрополя, описывающего человека в социуме.

Существование трёх ипостасей человеческой сущности определяется историко-культурным контекстом, выделенным в отдельном макрополе «Историко-культурные реалии». Поле включает тематическую группу «Освоение Приамурья», где представлена ФЕ *плыть на жерновах* — «шутливое выражение о сплаве переселенцев из Забайкалья на Амур», рассказывающее о важном событии для региона — освоении Приамурских земель забайкальцами, преимущественно гуранами, что подтверждается лингвистическим материалом, записями бесед с диалектоносителями: *Тут большинство были из Забайкалу, их называют гуранами, на жерновах плыли, смеялись мы с них. Плыли на жерновах: два круглых камня, один на другом лежит. Они по Шилке плыли на жерновах, на плотках плыли. Раскатали бревна из дома, плот из них сделали, все туда — на жерновах плыли*². Употребление слова *жернова* в таком ироническом ключе, по данным словаря В. И. Даля и «Словаря русских народных говоров», не находит своего отражения в иных лексико-фразеологических диалектных системах, что связано, во-первых, с необычным сочетанием глагола, обозначающего движение по водной поверхности, и существительного, называющего домашнюю ручную мельницу, изготавливаемую из камня. Во-вторых, отсутствие реальной прототипической ситуации в иных регионах говорит об уникальности и этноспецифичности оборота. (В основе этого выражения лежит нарушение лексической сочетаемости, а символическое значение ФЕ даёт возможность отнести его к разряду фразеологических единств.) Ироническая коннотация проистекает, по-видимому, из-за переоценки сакрального смысла слова *жёрнов*, имеющего в славянской культуре различное толкование: это и символ времени, и богатства, и древа мирового, и судьбы. Следовательно, жёрнов мог возникнуть в сознании диалектоносителя как переосмысленный образ тяжёлой судьбы переселенцев, совершавших долгое путешествие к землям амурским, или же как насмешка над их «богатством»: забайкальцы привозили свой скарб, в том числе и само жилище, которое умещалось на плоту вместе со всеми членами семьи. Суровые условия жизни в Забайкалье заставляли людей, впечатлённых легендами про богатый Дальний Восток, оставлять родные края в поисках лучшей жизни там, где «яблоки растут больше кулака <...> а вместо воды полно ведро сазанов зачерпнёшь»³.

В микрополе «Социально-правовые отношения» тематическая группа «Правила поведения» представлена весьма пространственным в славянской культуре полисемантическим фразеологизмом *прийти на шару*, имеющий значения: 1. Неодобр. Опоздать к основному торжеству. 2. Быть второсортным гостем. 3. Пренебр. Прийти на празднество, пользуясь ситуацией, прийти неприглашённым, чтобы угоститься за чужой счёт⁴.

Развитие многозначности данного оборота происходит путём сужения первичного значения: от более общего к конкретному. Мотивирующий компонент значения фразеологического единства глагольного типа связан с его именным компонентом. Диалектная лексема *шара* также полисемантическая: это и остатки заварки после выпитого чая, и отстой особым способом заваренного чая, или же остатки чая вместе с отстоем этого чая. Первичное значение *шары* как остатков чая мотивирует семантику фразеологизма — *прийти на шару*, т.е. прийти к *остаткам*, конкретизируясь в сознании диалектоносителя в обозначении особого рода гостей — *второсортных*, предполагая деление всех приглашённых на почётных, важных и второстепенных: *Забыви позвать к началу. Не те гости. А уж куда разойдутся все, пригласят прийти на шару*⁵. Лексема *шара* зафиксирована и в словаре В. И. Даля как сибирское, монгольского происхождения слово, означающее выварки кирпичного чая. Слово проделало длинный путь вместе с его носителями-сибиряками к Дальневосточной земле и, адаптировавшись к местным условиям и традициям, приобрело новые семантические оттенки и употребляется в новых контекстах.

Третье значение в СРГП, предложенное в рамках словарной статьи, на наш взгляд, спорно, поскольку нет оснований (связывающего компонента или дополнительного мотивационного), чтобы говорить о последовательном или же о параллельном характере развития полисемии. Скорее всего, выражение может быть квалифицировано как омонимичное, просторечное по своему происхождению, поскольку было и остаётся активно употребляемым как в речи диалектоносителей, так и в речи носителей литературной формы русского языка. Выдвинутое предположение подкрепляется широким использованием ФЕ *на шару* в значении «на халяву» в разных регионах России и за её пределами в более ранний период. Следовательно, данное значение диалектной единицы может быть мотивировано совершенно иными лингвокультурными фактами, относительно которых в среде учёных до сих пор нет единого мнения.

Ещё один яркий пример, представленный в микрополе «Материальное положение» в группе «Бедность», — это оборот, относящийся к разряду фразеологических единств, *сарпинчатый буржуй* — «прозвище бедного, неимущего». Выражение, по данным СРНГ, зафиксировано на территории Амурской области, хотя само слово *сарпинка* в значении «тонкая хлопчатобумажная ткань в полоску или в клетку» распространено в Сибири, Забайкалье, Бурятии. В Приамурье оно ещё приобретает дополнительные значения «китайская ткань», «дешёвая ткань», что в дальнейшем в сознании жителей региона получает образное переосмысление, характеризуя материальный достаток человека по типу его одежды, перенос с частного на общее: *Кулаки нас оразнили: сарпинчатые буржуи. Это потому, что носили одежду из сарпинки дешёвой*⁶.

Продолжая анализ языковых фактов в русле лингвокультурологии, можно не только выявить специфику диалектного материала, но и представить значительный фрагмент РЯКМ, показав одновременно его региональное своеобразие и общность с иными лингвосистемами, определить его место в общенациональной языковой картине мира.

² СРГП 2007, 329.

³ Шукин 2006.

⁴ СРГП 2007, 358.

⁵ СРГП 2007, 358.

⁶ СРГП 2007, 52.

ЛИТЕРАТУРА

- Брыкина Е. В. 2003: Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://diss.rsl.ru>.
- Георгиевский А. П. 1930: Фольклорно-диалектологический очерк ДВК. Говоры Приамурья // Труды Дальневосточного пед. ин-та. Вып. V. Владивосток.
- СРГП 2007: *Галузо О. Ю.*, Иванова Ф. П., Кирпикова Л. В., Путятина Л. Ф., Шенкевец Н. П. (ред.). Словарь русских говоров Приамурья. Благовещенск.
- СРНГ 1978, 2002: Словарь русских народных говоров. Вып. 9 / Ф. П. Филин (ред.). Л.; / Ф. П. Сороколетов (сост.). Вып. 36. СПб.
- Шукин И. 2006: «Воды захочешь набрать, вначале рыбу разгони» // Амурская правда. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.amurpravda.ru/articles/2006/08/18/3.html>.

PHRASEOLOGY OF RUSSIAN AMUR DIALECTS AS THE WAY OF EXPRESSING OF REGIONAL LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

A. S. Danilevskaya

The article analyzes phraseological units of Russian Amur dialects expressing, on the one hand, the uniqueness of local features of the concerned fragment of the regional language picture of the world, and on the other, its common features with the other national and linguistic communities.

Key words: regional language picture of the world, dialectal phraseology, ideographic classification

© 2014

М. А. Карпун

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В «ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА»

В статье предпринимается попытка поиска критериев лексикографического описания фитонимической лексики в региональном этнолингвистическом словаре Дона. Приводятся проекты пробных словарных статей.

Ключевые слова: этнолингвистический словарь Дона, фитонимическая лексика, региональная специфика

Исследование фитонимической лексики¹ донских говоров, выступающих в качестве источника информации и средства изучения донской лингвокультуры, является актуальным для региональной лексикографии.

Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря были изложены Н. И. и С. М. Толстыми и др.² Проектируемый Донской словарь, следуя этнолингвистическому подходу, предполагает «обобщить, систематизировать и представить максимально полный корпус культурно-языковых сведений и фактов, выявленных на сегодня представителями различных областей науки, занимающихся изучением носителей донских говоров»³.

Поставленные задачи обусловили выбор источников материала: донские региональные диалектные словари⁴, фольклорно-этнографические⁵, материалы архивов и современных полевых данных: ФЭЭ ЮФУ, ПМДЭЭ, ПМА, содержащие фитонимическую лексику и зафиксированные на территории бывшего Войска Донского (современные Волгоградская и Ростовская области).

Особенности словарной подачи материала определяются и новым ракурсом рассмотрения фитонимической лексики. В задачи этнолингвистического словаря входит не только описание толкуемой лексемы, определение её места среди однородных единиц, но и структурирование культурных смыслов, соотносимых с ней. Характеристика культурных сем позволяет очертить круг представлений, связанных с описываемой реалией, продемонстрировать связь свойств реалии с выполняемыми ею функциями и, таким образом, выделить фрагмент картины мира, ассоциируемый носителями диалекта с толкуемым словом.

Структура словарной статьи определяется не только задачами словаря и спецификой материала, «принципиально важным для любого словаря является вопрос о его направлении: от значения (смысла) к форме или от формы к значению»⁶. Предполагается, что в Донском словаре растения будут выступать как объекты толкования, их названия – как элементы формальной характеристики; функции и семантика названий – как элементы содержательной дефиниции.

Изучение наиболее авторитетных из современных изданий словарного типа, описывающих растения⁷, подтвердило, что ни одно из них не содержит словарной статьи, которая могла бы служить образцом для регионального этнолингвистического словаря. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности», наиболее близком по комплексному характеру и качеству источников к Донскому словарю, «статья, описывающая какое-л. культурно значимое растение, должна содержать

Карпун Мария Александровна — ассистент кафедры общего и сравнительного языкознания Южного федерального университета. E-mail: karpun.m@yandex.ru

¹ Фитонимическая лексика трактуется как совокупность слов, называющих растения; из-за ограниченности объёма статьи рассматриваются преимущественно наименования растений, наделяемых магическими свойствами.

² Толстые и др. 1984, 8.

³ Власкина и др. 2009, 468.

⁴ Миртов 1929; СРДГ 1991; БТСДК 2003; СДГ ВО 2011.

⁵ Проценко 1998.

⁶ Толстой (ред.) 1984, 10.

⁷ Так, в «Словаре народных названий растений Урала» Н.И. Коноваловой (около 1000 наименований) осуществляется системное описание семантики фитонимов по соответствующей структурной схеме (подробнее см.: Коновалова 2000).

обзор 1) названий и фразеологии, 2) поверий и легенд о происхождении данного растения, 3) его магических функций и ритуальных применений в обрядах, народной медицине и т.п., 4) его изображений на вышивках, писанках, деталях построек, 5) его отражений в фольклоре (загадках, песнях, легендах и т.д.)»⁸. В Донском словаре на основе диалектных текстов, содержащих фитонимическую лексику, не только анализируются актуальные для данного растения признаки, но и выявляется локальная специфика, проявляющаяся в демонстрации диалектного разнообразия лексических номинаций растений и включении диалектных текстов, иллюстрирующих культурную семантику и функционирование наименования описываемой реалии.

Известно, что фитонимическая лексика относится к архаическому языковому пласту, в ней отражаются представления об окружающей действительности, с растениями связаны древнейшие поверья. Этнолингвистические экспедиции показали, что в донской культуре известны былички, поверья и др. о происхождении самих растений и связанных с определёнными растениями примет. В одних случаях их сюжеты восходят к общеевропейским⁹, как, например, в легенде о цветке папоротника: «*Папертник* – папоротник мужской, идентифицируемый как *Pteris aquilina* L. *Захателась мамму деду паглядеть на папиртный цвяток, сабрался он пад Ъвана Купалу в ночь и пашол в лес*¹⁰. По народным представлениям, папертник один раз в году цветёт волшебным цветком, дающим мудрость и знание языка зверей и птиц, в то время как реальный папоротник, как известно, размножается спорами и цветов на нём быть не может»¹¹. Ср.: «На Руси до христианства папоротник был посвящён богу грома и молнии Перуну. Удивительным казалось это растение. О нём созданы полные чудес сказания. Будто бы папоротник цветёт один раз в году накануне дня Ивана Купалы (на 7 июля)...»¹².

В других случаях сюжеты быличек, поверий и др. демонстрируют своеобразие донской традиции, как, например, в сюжете о перекати-поле: «*Перекати́ха* – общедонское наименование степного раст. Качим степной *Gypsophila stepposa*. *На энту пирикатиху правильна нада сказать пирикати поля. Котица себе, фся у калючках; // перекати́ловка: Пирикатилафку на полю катить; // перекати́шник: У пирикатишника цвяты розавья, душистыя, нивсокия; // перекат-трава: Пирикат-трава – круглый куст, на полю котица; // перекатуха: Пирикатуха паспеить, делаица как шар и котица. Пирикатуха – трава такая кустарная. Ветир дуть – ана котица; // перекат-трава: Пирикат-трава большим кустом растеть, а кагда ослабнить али хто тронить – так и пашла*¹³. В донской народной культуре существует поверье о том, что трава *перекати́ха* была свидетелем того, как муж жену убил, и с тех пор она указывает на преступников и убийц, подкапываясь им под ноги¹⁴. Данный фрагмент словарной статьи иллюстрирует случай, когда растение имеет много диалектных наименований (в отличие от других, вообще не имеющих диалектных вариантов наименований).

В статье *Трава царица* зафиксированы мифологические народные представления жителей Дона, проявляющиеся не только в вере в некую волшебную траву-панацею, способную излечивать от всех недугов, но и в самом факте одушевления растения и наделении его способностью исцелять¹⁵. Приводим проект словарной статьи, описывающей (ирреальное) растение, наименование которого обладает культурной семантикой:

Трава царица – мифологическое растение, наделённое способностью исцелять болезни. В народных представлениях из совокупности всех растений отмечается как лучшее и обладающее наиболее сильными магическими свойствами; в сознании носителей диалекта одушевляется и приобретает статус мифологического персонажа высшего ранга, к которому якобы достаточно обратиться с просьбой. В малых жанрах донского фольклора *трава царица* выполняет функцию мифологического помощника в излечении болезни. Наряду с Зарёй зарицей и Марьей Марьицей упоминается в донском лечебном заговоре «от червей у животных», записанном в 1879 г. в Области Войска Донского: *Заря зарица, Марья Марьица, ты, Трава царица, с тебя чистый цвет спадает, у такого-то коня такой-то шерсти черви выпадают, кровавую рану затягивают*¹⁶.

Другая пробная словарная статья описывает реально существующее растение, наименование которого обладает культурной семантикой:

Царь Мурат // Царь Мудрак // Царь Мурат – местные наименования колючих травянистых растений семейства сложноцветных с цветами розово-фиолетового цвета. Могут идентифицироваться (чаще) как: *Carduus acantoides* L. колючий чертополох, *Carduus crispus* L. чертополох курчавый, (реже) как василёк колючеголовоый *Centaurea calcitrapa* L. По народным представлениям, благодаря наличию колючек, эти разновидности колючего чертополоха и василька колючеголового могут служить оберегом, защищая дом и его обитателей от нечистой силы, для чего необходимо поместить пучки этих растений на чердак, притолоку двери и т.п.: *Он Царь Мудрат называица. Он нядобрава выганяишь из дому, гонит нядобрую силу. На паталки раньишь фсю жьсьь клали*¹⁷.

В заключение отметим, что проделанная работа по поиску максимально удовлетворяющих целям и задачам Донского словаря принципов системного описания, классификации и лексикографической подачи донской фитонимической лексики требует продолжения и зависит от специфики, качества и количества включаемого диалектного материала.

ЛИТЕРАТУРА

- БТСДК 2003: Большой толковый словарь Донского казачества. М.
 Власкина Т. Ю., Архипенко Н. А., Власкина Н. А. 2009: Этнолингвистический словарь Дона: разработка концепции и создание базы данных // Проблемы истории, филологии, культуры. 2(24). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 467–471.
 Власкина Т. Ю., Архипенко Н. А., Калининцева Н. В. 2004: Мифологическая картина мира донских казаков. Народные знания донских казаков // Традиционная культура. 4, 54–66.

⁸ Толстой (ред.) 1984, 17.

⁹ См. Klintberg 2012.

¹⁰ БТСДК 2003, 355.

¹¹ Власкина, Архипенко, Калининцева 2004, 63.

¹² Коновалова 2000, 152.

¹³ БТСДК 2003, 360.

¹⁴ Власкина, Архипенко, Калининцева 2004, 64.

¹⁵ См. подробнее: Карпун 2009.

¹⁶ Проценко 1998, 194.

¹⁷ ПМА 2004, РО, Верхнедонской р-н, х. Озерской, Булаткина М.

Карпун М. А. 2009: Представления о донских растениях, наделяемых мифологическими (ирреальными) свойствами в традиционной культуре донского казачества // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты: материалы междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 278–279.

Коновалова Н. И. 2000: Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург.

Миртов А. В. 1929: Донской словарь. К изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону.

Проценко Б. Н. 1998: Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону.

СДГ ВО 2011: Словарь донских говоров Волгоградской области / Р.И. Кудряшова (ред.). Волгоград.

СРДГ 1991: Словарь русских донских говоров: в 3 т. Т. 1. Ростов-на-Дону.

Толстой Н. И. (отв. ред.) 1984: Этнолингвистический словарь славянских древностей. Проект словаря. Предварительные материалы. М.

Klintberg, Bengt af. 2012: Wonders of Midsummer's Night The Magical Bracken // 6th Nordic-Celtic-Baltic Folklore Symposium "Supernatural Places". Tartu, 19.

PECULIARITIES OF PRESENTATION OF PHYTONYMIC VOCABULARY IN "ETHNOLINGUISTIC DICTIONARY OF DON COSSACKS"

M. A. Karpun

The article is devoted to searching of criteria for presentation of phytonymic vocabulary in Ethnolinguistic dictionary of Don Region. It represents the projects of vocabulary articles.

Key words: Ethnic and linguistic dictionary of Don Region, phytonymic vocabulary, regional specificity

© 2014

Н. А. Лиханова

ДИАЛЕКТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале «Словаря русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова)

Статья посвящена этнолингвистическому осмыслению диалектного фразеологического материала, который характеризует региональную языковую культуру Восточного Забайкалья.

Ключевые слова: этнолингвистика, источники этнолингвистики, диалектные словари, диалектная фразеология, этнолингвистический анализ

Лексикографирование региональной этнокультуры на современном этапе развития лингвистики подчинено антропоцентрическому принципу. Словарный труд предстаёт как средство трансляции языкового материала в процессе своего исторического, культурного, этнографического, ареального развития. Интерес к проблеме соотношения «язык — этнос — культура» возник в самые ранние периоды становления лексикографической науки. В настоящее время исследователи уделяют особое внимание описанию национально-культурного пласта языковых артефактов в рамках этнолингвистики, лингвокультурологии, лингвострановедения, межкультурной коммуникации.

Основная идея этнолингвистического подхода заключается в интегральности духовного и материального понимания специфики культуры. Для реализации этой идеи требуется поиск определённых источников этнолингвистической информации, которые бы проиллюстрировали на конкретных примерах то, как одни и те же этнокультурные смыслы выражаются в языке в разных формах его существования. В качестве этнолингвистических источников рассматривают фольклорные тексты, обрядовые действия, фразеологический материал, словари (исторические, областные, топонимические, терминологические и др.), лингвистические атласы, архивные документы. Изучение словарного состава народных говоров как источника этнолингвистической информации, как средства постижения культурного пространства определённого этноса является приоритетным направлением в лексикографировании диалектной фразеологии. Вопросы диалектной фразеологии на материале различных говоров отражены в работах Е. В. Брысиной (2003), М. А. Алексеенко (2006), Ю. В. Краевой (2007), С. М. Беляковой (2011), Т. А. Бердниковой (2012), С. О. Кипарисовой (2013) и др.

В основу лексикографирования диалектной фразеологии можно положить ранее разработанную этнолингвистическую методику описания культурно-исторического значения регионального слова. Здесь необходимо учитывать следующие признаки реалити: этимологический комментарий, обрядовую функциональность, семиотический аспект (знаковость) сочетаний, историческую составляющую, территориальное распространение диалектных фразеологизмов, влияние межкультурных (межэтнических) связей¹.

В качестве этнолингвистического источника познания диалектной лексикографии Восточного Забайкалья может служить «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова. Ценность словаря заключается в том, что в нём представлены лексикологические материалы, касающиеся хозяйственной и духовно-культурной областей жизни коренного населения Забайкалья. Как известно, на территории Забайкальского края (бывшего Восточного Забайкалья) сложилась уникальная этническая ситуация. Здесь проживали и проживают различные этносы: эвенки, буряты, русские. Русские — это этнокультурные группы казачества — первых русских поселенцев в регионе; старообрядцев, переселившихся в своё время из различных районов России. Все этносы оказали определённое влияние на формирование и развитие забайкальской диалектной куль-

Лиханова Надежда Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Забайкальского государственного университета. E-mail: nadezh-l@yandex.ru

¹ Лиханова 2011.

туры. В Словаре Л. Е. Элиасова представлен достаточно своеобразный диалектный фразеологический материал, который выступает как хранитель и транслятор культурно-значимой информации.

В предисловии «О работе над Словарём», которое представляет собой сокращённый вариант обширного раздела рукописи «Русские диалектизмы Забайкалья и их носители», лексикограф отмечает, что «В пределах словарной статьи выделяются характерные для говоров словосочетания: 1. Знаком \diamond выделяются устойчивые словосочетания, например: **И'ЗГОЛОВЬ**. Оконечность вытянутого речного острова. \diamond Верхняя изголовь. Оконечность острова, расположенная выше по течению реки... 2) Знаком \sim выделяются фразеологические сочетания, например: \sim **Ситовая юбка набекрень**. Об одежде не к лицу»². В результате выборки было выделено достаточно большое количество различных фразеологических единиц (ФЕ), которые отражают региональную культуру. Это такие сочетания, как *прóсом просить* — 'просить убедительно, настойчиво'; *уди'ра-мара* — о насмешках, 'одурачивание кого-л.'; *идти на свáл* — 'продаваться оптом'; *сидеть самогон* — 'гнать самогон'; *Фóмка да Ерёмка* — 'о случайно собравшихся людях, которые берутся делать что-то сообща'; *зажарить рыбу тулунóм* — 'зажарить рыбу, не выпотрошив'; *дрогáн пробирает* — 'холодно'; *вал-вáлом-валить, валить гужóм* — 'двигаться большой массой'; *вдальми-вдальми* — 'далеко-далеко'; *вертеть клюкóй* — 'знать что-л. приблизительно'; *взды'х перевести* — 'вздохнуть'; *возвори'ть себя* — 'принять прежний вид'; *в ни'тку вытянуться* — 'приложить все усилия, сделать всё возможное'; *глаз гла́зом не сои́лся* — 'об отсутствии сна'; *с голкóм* — 'совсем пропал'; *в друго́ля* — 'в другой раз'; *дру́гу ду'гу (гнуть)* — 'говорить о чём-л. неправдоподобно'; *душа в ни'точку* — 'о предсмертном состоянии'; *едóм заедать* — 'донимать, изводить, угнетать'; *за́дне время* — 'прошлое, прошедшее время'; *давать земляни'ку, дать земляни'ку (земляники), получать земляни'ку, поугоца'ть земляни'кой* — 'наказывать крестьян плетью за плохое отношение к земле'; *куни'сов гонять* — 'бездельничать' и др.

Рассмотрим ряд диалектных ФЕ с учётом этнолингвистической составляющей. Так, сочетания *Акули'на заедала*, *Акули'на задери хвосты* обозначают летние дни, когда бывает много комаров. Контекстный комментарий словаря Л. Е. Элиасова расширяет этнокультурный фон сочетаний: *В инно лето Акулина заедала тянется дней двадцать подряд. В друго лето и десяти дней Акулины заедала не насчитаешь. В Акулину заедала весь скот по горло в воде стоит. В Акулину заедала и носа на улицу не показывай. Акулина задери хвосты тянется почти до белых мушек. В Акулину задери хвосты коровы молоко сбавляют. Акулина задери хвосты кончилась, холода пошли*³.

Выражение *Акулина задери хвосты* было распространено в обрядовой культуре семейских Забайкалья. Ф. Ф. Болонев пишет, что «середина июня — самое знойное время. Скот тощает, коровы сбавляют молоко. В жару появляется множество оводов, слепней и мух, которые мешают животным. Телята, коровы бегут в кусты, где ищут спасения от докучливых насекомых. Поэтому народ и говорил о дне святой Акулины (13 июня): «Акулина, задери хвосты, да побегай в кусты». В Красночуйском районе, где проживают семейские Забайкалья, было распространено выражение *Акулина-гречишница: На Чикое Акулину называли гречишницей, так как в этот день начинали сеять гречиху и зелёнку, потом поднимали пары*⁴.

Для выявления культурно-исторического потенциала диалектного фразеологизма привлечём данные и других источников. В БСРП отмечено, что сочетания *Акулина заедала*, *Акулина задери хвосты* распространено преимущественно в забайкальских говорах. В народной речи чаще всего используется сочетание *Акулина вздери хвосты*, потому что это церковный праздник в честь святой Акулины, когда скот особенно страдает от оводов. В псковских говорах распространён оборот *Акулина — кривые огурцы*, по народным поверьям считается, что огурцы, посаженные после 26 июня, вырастут мелкими, искривлёнными⁵.

В ФСРГС также сказано, что обороты *Акулина задери хвосты*, *Акулина заедала* функционируют в забайкальских говорах. У семейских Забайкалья бытует выражение *Акулина-гречишница*, где речь идёт о дне 13 июня по старому стилю, времени сеяния гречихи. Кроме того, в лексикографическом труде представлена лексема *Акулина-комарница*; это день 13 июня по старому стилю, время наибольшего появления комаров: *Комар начинает же садиться на скот и людей лишь с Акулины-комарницы. С Акулины-комарницы комары будто бы появляются большими массами*. Распространены обороты на северо-востоке Сибири и в колымских говорах⁶.

В данном примере можно выявить следующие составляющие этнолингвистической информации:

- особенность ареального аспекта заключена в том, что диалектные ФЕ *Акулина заедала*, *Акулина задери хвосты* распространены преимущественно в забайкальских говорах;
- семиотический (знаковый) признак проявляется через временной характер (хронемик) — это летнее, знойное время (13/26 июня), которое чаще всего тянется дней 20, редко до первого снега. Это период появления различных насекомых, когда домашние животные страдают от них;
- обрядовая функция заключена в том, что период приходится на праздник Святой Акулины, который отмечают обычно в первое воскресенье после Троицы. Эти дни относятся к благоприятным для посева гречихи, зелёнки;
- межэтнические связи указывают на функционирование выражений *Акулина заедала*, *Акулина задери хвосты* на всей территории Восточного Забайкалья, в том числе и у семейских.

Таким образом, изучение диалектного фразеологического материала способствует реконструкции духовной и материальной культуры определённого региона, выявляет этнографическую, историческую, географическую составляющую через познание языковых артефактов.

ЛИТЕРАТУРА

- Болонев Ф. Ф. 1975: Календарные обычаи и обряды семейских. Улан-Удэ.
 БСРП 2007: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко (ред.). М.
 Лиханова Н. А. 2011: Лексикографирование культуры в региональных словарях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ.
 СРГЗ 1980: Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.
 ФСРГС 1983: Фразеологический словарь русских говоров Сибири / А. И. Фёдоров (ред.). Новосибирск.

² СРГЗ 1980, 31.

³ СРГЗ 1980, 52.

⁴ Болонев 1975, 75.

⁵ БСРП 2007, 15.

⁶ ФСРГС 1983, 7.

THE DIALECT PHRASEOLOGY IN ETHNOLINGUISTIC ASPECT
(on the material of "Dictionary of Russian dialects of Transbaikalia" L. E. Eliasova)

N. A. Lihanova

The article is devoted to ethnolinguistic comprehension of a dialect phraseological material which characterizes regional language culture of Eastern Transbaikalia.

Key words: ethnolinguistics, ethnolinguistic sources, dialect dictionaries, dialect phraseology, ethnolinguistic analysis

© 2014

Т. И. Мочалова, Э. Н. Акимова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-КОМПАРАТИВОВ
ВО «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ»

В статье анализируются семантические типы, выявляются структурные особенности компаративных фразеологических единиц, функционирующих в русских говорах на территории Республики Мордовия. В диалектной среде объектом сравнения обычно становится человек и окружающий его мир живой и неживой природы.

Ключевые слова: диалект, фразеология, компаратив, семантика, структура, номинация, картина мира

Сравнение — древнейшая мыслительная операция, характеризующая умственную деятельность человека. Она уходит своими корнями в мифологичность сознания, обладает высоким когнитивным и креативным потенциалом, будучи своеобразной фотографией образа мышления, а потому — одним из ведущих объектов для получения информации о национальной языковой картине мира. Это особенно ярко проявляется в диалектной фразеологии, отражающей своеобразный, этнически детерминированный способ постижения действительности.

Диалектные фразеологизмы с компаративным значением изучались на материале различных групп русских говоров¹. Цель данной статьи — проанализировать структурно-семантические типы фразеологизмов-компаративов, функционирующих в русских говорах Мордовии. Во «Фразеологическом словаре русских говоров на территории Республики Мордовия»² зафиксировано более 250 фразеосочетаний-компаративов, касающихся всех сфер жизни человека, его внешнего облика и внутреннего мира, поведения, действий, качеств и т.д.

Большую группу (37 единиц) составляют компаративные фразеологические единицы (ФЕ), построенные на основе антропоморфного сравнения. В составе таких фразеосочетаний присутствуют имена собственные, утратившие индивидуальное значение и называющие человека по каким-то типичным чертам характера, чаще негативным.

Незначительно в говорах число фразем, включающих в свой состав женские имена. Доминантным в оценке женщины становится её внешний вид: *как акуля (акулька) одеться, повязаться, собраться и т.п.* — 'некрасиво, неряшливо'. Наиболее частотными в исследуемых говорах оказались устойчивые сравнения с мужскими именами *Вавила, Иван, Миша* и др. Имя *Иван* в его обиходно-разговорном варианте *Ванька* употребляется для номинации пустого, легкомысленного человека: *как ванька ветров*. Но если *Иван* — это фрагмент общеязыковой русской картины мира, то антропоним *Миша Пуёткин*, о чём свидетельствует и тип фамилии, принадлежит к картине мира диалектоносителя русских говоров Мордовии: он обозначает умственно ограниченного человека.

В крестьянской среде ценились выносливость, физическое здоровье мужчины, что связано с его обязанностью трудиться, обеспечивать семью, продолжать род: *как вавила варнаков* — 'о физически крепком человеке', *полтора ивана* — 'о человеке очень высокого роста'. Имя *Ермошка* — уменьшительная форма канонического мужского имени *Ермолай* — зафиксировано в составе оборота *как на ермошке*, употребляющегося для оценки некрасиво сидящей на человеке одежды. В анном случае утрачивается гендерная маркированность, а на первый план выступает негативная характеристика внешнего вида человека: *Нь тебе этът кастюм как нь ярмошки* (Лаврентьево, Темниковский район).

ФЕ могут строиться на основе уподобления человеку по роду занятий (*как мельник* — 'пыльный, грязный (о человеке)', *как стогометатель* — 'очень высокий человек, верзила'), характерных особенностей поведения (*как баба рязанская* — 'громко кричать, браниться'), возраста и образа жизни (*как малое дитя жить* — 'жить без забот, без хлопот'), внешности (*как однобрюшки* — 'очень похожие друг на друга').

В исследуемых говорах многочисленны фразеосочетания (30 единиц), которые на основе зооморфного сравнения ярко, образно передают информацию о человеке и окружающем его мире, дают оценку качествам и поступкам, не соответствующим морально-нравственным устоям территориально замкнутого социума. Закрепленные за словом-зоонимом значение и оценочно-когнитивная информация транспонируются на человека: конь олицетворяет движение, быстроту (*как конь загнан-*

Мочалова Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. E-mail: siluris@rambler.ru

Акимова Эльвира Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. E-mail: akimovaen@mail.ru

¹ Борисова 1973, 15–26; Гаврин 1973, 63–77; Прокошева 1974, 103–111; Бакланова 2011а, 27–31; 2011б, 238–247 и др.

² Семенкова 2007.

ный), лошадь — силу, выносливость, способность выполнять тяжёлую работу (*как ломовая лошадь*) и в то же время неуравновешенность (*как лошадь встрепанная*). Овца в народном представлении отражает такие негативные качества человека, как бесцельное времяпрепровождение, слабоумие, болтливость, легкомыслие (*как круговая овца, как овца колобродная, как овца шутоломная/кручёная*), состояние крайнего беспокойства, испуга (*как овца прамеж волков*). Уподобляется овце также тот, кто имеет много долгов или вызывает отвращение (*как овца в рёвях*).

Противоположные коннотации приобретает в говорах зооним *собака*. С одной стороны, характеризуется бег человека — быстрый, как у собаки (*на собачьих ногах*). С другой стороны, человек может сравниться со злой собакой, грозным псом, и в сознании диалектоносителей создаётся образ жестокого, сердитого (*как пёс цепной*) или бессовестного, желающего захватить что-л. в большом количестве (*рвать как собака*) человека. Во фразеологических компаративах, содержащих сравнение с курицей, осуждается неряшливый внешний облик человека (*как курица обципанная* — ‘с растрёпанными волосами’, *как мокрая курица* — ‘небрежно, неряшливо одетый’). Курица же, несущая яйца, в диалектной речи становится символом благополучия, достатка в крестьянской семье (*как курица яичко снесла*).

Менее продуктивна группа фразеосочетаний (11 единиц), которые через сопоставление с растениями обозначают физическое состояние человека (*как огурец* — ‘бодрый энергичный’), его умственные способности (*как пенёк с глазами* — ‘тупица, дурак’), социальное положение (*как горькая осина* — ‘об одиноком, не имеющем семьи человеке’), особенности речевого поведения (*как с дубу хлыстать* — ‘говорить зло, грубо’), образ жизни (*как яблочко на блюдечке кататься* — ‘легко, беззаботно жить’). Посредством уподобления человека представителям флоры в диалектном социуме оценивается и внешний облик человека: ‘очень тонкий, худой’ — *как былинка, как конопляник*; ‘полный, румяный’ — *как яблочко наливное*.

Частотны в исследуемых говорах фразеологические сочетания (25 единиц), построенные на основе сравнения действий, свойств человека с явлениями природы. Так, в составе диалектных устойчивых сравнений зафиксированы элементы, называющие различные стихии (вода, ветер, воздух, огонь, жар и др.), изменения в атмосфере (дождь, лёд, гром и др.). В диалектной фразеологии подчёркиваются такие свойства огня, проецируемые на человека, как неукротимость, мощь, быстрота распространения (*как огнём ожечь*), панический страх человека перед этой огненной стихией (*как (хуже) плящего (плящего, тлящего) огня бояться*). С огнём сравнивается вспыльчивый, раздражительный человек (*как огонь*), действию неконтролируемой стихии уподобляется жгучая боль (*как огнём палить*). Свет в сознании диалектоносителей ассоциируется с лёгкостью, добром, изменениями к лучшему: *как милый свет* — ‘тихий, скромный, незаметный (о человеке)’, *как милый свет стать* — ‘измениться в лучшую сторону’, *как милый свет увидать* — ‘почувствовать облегчение, избавиться от какого-л. недуга’.

Что-л. трудное, тяжело дающееся или сложно исправимое ассоциируется в народном представлении с горячим камнем (*как горячий камень* — ‘трудно, тяжело’), тinou (*как в тине потонуть* — ‘оказаться в трудных условиях’, *как из тины лезть* — ‘быть тщедушным, медленно расти’), крутой горой (*как крута гора* — ‘очень трудно, тяжело’). Типичные признаки воздушных масс (лёгкость, мягкость, безграничность) послужили основанием для образной характеристики людей и предметов: *как в воздух взлететь* — ‘бесследно исчезнуть’, *как на воздухах лететь* — ‘идти быстро, легко, едва касаясь земли’, *как на воздухе* — ‘мягкий, пышный (о хлебе)’. Небесные светила (солнце, месяц), природные стихии символизируют в народном сознании быстроту, неожиданность, кратковременность репрезентируемого события: *как ураган проволок* — ‘прошло, пролетело быстро, незаметно (о времени)’, *как красное солнышко* — ‘неожиданно, внезапно’, *как ясный месяц* — ‘о ком-л. появляющемся где-л. ненадолго’. В некоторых случаях через сравнение номинируются количество и качество предметов (*как грязь* — ‘очень много’, *как гуца* — ‘мокрый’) или характерное действие (*как жар гореть* — ‘блестеть, сверкать’).

Многочисленна группа фразеологических устойчивых сравнений (31 единица), включающих наименования предметов материальной культуры: частей крестьянского дома и надворных построек; различных приспособлений, орудий, которые используются в трудовой и хозяйственной деятельности. В составе компаративных единиц подобные наименования могут утрачивать прямое конкретное значение и наделяться символическим смыслом: борона связана с негативной оценкой неправильной речи (*как борона (борону) боронить*); веретено символизирует легкомыслие, непостоянство (*как кривое веретено*); жёрнов, метла — неразборчивость в еде (*как метлой мети, молот как жёрнов*); мялка — состояние сильной усталости, слабости (*как в мялку пропустили*). Посредством сравнения с предметом в говорах может оцениваться внешний вид человека, его физические особенности, характер: *как скалка* — ‘о худой, тощей женщине’, *как стена* — ‘о глухом человеке’, *как столб воротный* — ‘о высоком, сильном человеке’, *как мельница* — ‘о болтливом человеке, пустомеле’.

Религиозные и мифологические воззрения сельских жителей также отразились в компаративной фразеологии. Представления о тёмных силах, аде вербализуются во фразеосочетаниях, характеризующих состояние постоянных забот, хлопот (*как в смоле кипеть, как чёрт в колесе [вертеться]*), что-л., случившееся независимо от чьего-л. желания (*как чёрт пособил*), грязное, неубранное пространство (*как во зноище*), злое, сердитое поведение (*как анчутка*; ср.: *анчутка* в 1-м знач. — ‘чёрт, бес, дьявол’). Лишь единичное компаративное образование *как барыня в раю* ассоциируется в говорах с раем, божественным началом и употребляется для обозначения жизни в полном достатке.

Особую группу составляют ФЕ, формирование семантики которых затемнено, поскольку в их составе употребляются собственно лексические диалектизмы. В отдельных случаях восстановить объект, взятый в процессе номинации за основу сравнения, позволяет лексический корпус. Так, например, о быстром, подвижном ребёнке говорят *как вьюрок*, сравнивая его с постоянно вращающимся предметом: в русских говорах Мордовии *вьюрок* — деревянное приспособление для наматывания ниток на вьюшку или вертящийся в виде планки запор у двери. Компаративное фразеосочетание *как на ялане* — ‘на невозделанном, необжитом участке земли’ соотносится с лексемой *елань*, обозначающей ровное открытое пространство, поляну. Как семантически немотивированные воспринимаются ФЕ *как ошляй* — ‘подавленный чем-л., удручённый’, *как клица* — ‘о чёрством хлебе’, *как ваха* — ‘о неуклюжем, неповоротливом человеке’ и др., поскольку в частной диалектной системе утратились слова *ошляй, клица, ваха*, способные восстановить ассоциативную связь характеризуемых предметов или лиц с объектом сравнения.

С точки зрения структуры фразеологизмы-компаративы представляют собой сочетание сравнительного союза *как* со словами разных частей речи. Употребление других союзов в говорах Мордовии встречается крайне редко: зафиксирован союз *словно* в составе оборота *словно лихой взглянул* — ‘у кого-л. начались беды, несчастья’, вариативный характер име-

ет употребление союза *будто* во фразеологизме *будто (как) хмылом взяло*. По формальному признаку рассматриваемые единицы представляют собой сочетание слов (*как головёшка, как всё равно, как невитое сено, как горячий камень* и др.) и предложение (*как курочка яичко снесла, как бабка отворожсила* и др.). Реже сравнение выражается посредством существительного в форме тв. п.: *вьюном вить* — ‘быть ловким, проворным’. Компаративные ФЕ строятся по традиционным для общенародного языка моделям.

ФЕ субстантивного типа: союз *как* + существительное (*как коляда, как копейка, как лепёшка, как мухи, как мельница, как бредень* и др.). При этом существительное может распространяться согласованным определением, выраженным прилагательным: *как баба рязанская, как горячий камень, как крутая гора* и т.д. Чаще атрибутивный распространитель находится в препозиции по отношению к определяемому слову, но возможно и постпозиционное его употребление (ср.: *как горькая осина — как куля рогозная*). Поскольку существительные в составе компаративных фразеосочетаний имеют оценочное атрибутивное значение, союз *как* может опускаться: (*как*) *кривое веретено, (как) круговая овца, (как) куча навозная* и т.п. Союз *как* может сочетаться с предложно-падежной формой существительного, обладающего обстоятельственным значением: *как на воздухе, как в нузнике, как во гноище* и др. Встречаются в исследуемых говорах соединения союза *как* с существительным в именительном падеже с зависимым от него существительным в косвенном падеже.

ФЕ адекватного типа строятся по модели: союз *как* + прилагательное, в том числе отглагольное (*как косяиный, как оглашенный, как оплёванный, как опойный, как налитой* и т.п.).

ФЕ процессуального типа разнообразны по своему компонентному составу. Единичны сочетания союза *как* непосредственно с глаголом: *как обнять, как украсть, как стрельнёт* и др. В диалектной среде чаще встречаются обороты, имеющие приглагольные распространители и строящиеся следующим образом: 1) *как* + существительное с предлогом или без него + глагол (*как борона боронить, как в смоле кипеть, как варам сварило, как в мяльцы пропустили, как в прорубь кануть* и др.); 2) глагол + союз *как* + существительное с зависимым прилагательным или без него (*одевать как куклёнка, идёт как с маслом, жить как у праздника, знуться как собный пряник* и т.п.); 3) глагол + союз *как* + глагол (*идёт как пишет*).

Таким образом, «компаративность представляется не только как универсальный механизм познания мира, но и как результат обработки знаний: «для сравнения берутся различные предметы и явления, ассоциирующиеся в сознании автора с изображаемыми действиями, признаками, предметами и явлениями»³. Объектом сравнения становятся, как правило, человек и окружающий его мир живой и неживой природы.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова Г.И. 2004: Этносемантика фразеологических компаративных единиц как элемент национально-культурной специфики (на примере русского, казахского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Бакланова И.И. 2011а: Фразеологизмы-сравнения в пермских говорах // Вестник Пермск. ун-та. 4 (16), 27–31.
- Бакланова И.И. 2011б: Фразеологизмы-сравнения как источник изучения жизни народа (на материале пермских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / А.С. Герд (ред). СПб., 238–247.
- Борисова А.Н. 1973: Фразеологический состав говора Соликамского района Пермской области // Вопросы фразеологии и лексики русского языка. Пермь, 15–26.
- Гаврин С.Г. 1973: Комплексивные модели компаративной фразеологии // Вопросы фразеологии и лексики русского языка. Пермь, 63–77.
- Прокошева К.Н. 1974: Структура устойчивых сравнительных оборотов в говорах Северного Прикамья // Вопросы лексики, фразеологии и синтаксиса. Пермь, 103–111.
- Семенова Р.В. 2007: Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск.

STRUCTURAL SEMANTIC TYPES OF PHRASEOLOGISMS-COMPARATIVES IN “PHRASEBOOK OF RUSSIAN DIALECTS IN REPUBLIC OF MORDOVIA”

T.I. Mochalova, E.N. Akimova

The article is devoted to the analysis of the semantic types, to reveal of the comparative structural features of phraseological units functioning in Russian dialects on the territory of Mordovia Republic. The article states that the object for comparison a man and the world of animate and inanimate nature surrounding him appears.

Key words: dialect, phraseology, comparative, semantics, structure, nomination, worldview

³ Абрамова 2004, 9–10.

© 2014

Т. Г. Никитина

КОНЦЕПТОСФЕРА МОЛОДЁЖНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТЕМАТИКО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СЛЕНГА

Статья посвящена проблемам отражения культурных ценностей в идеографических словарях. Автор показывает возможности реконструкции концептов молодёжной культуры на сленговом материале и специфику их репрезентации в тематико-идеографическом словаре.

Ключевые слова: идеографический словарь, словарная статья, культурный концепт, молодёжная субкультура, молодёжный сленг

Исследователи языковых средств репрезентации культурных концептов и целостных концептосфер, как правило, затрагивают проблематику языковой картины мира, которая, в свою очередь, пересекается с проблемами идеографической классификации лексики и фразеологии. В структуре концептосферы выделяются суперконцепты (мегаконцепты), концепты, субконцепты, в идеографическом описании лексики и фразеологии им соответствуют идеографические суперкатегории, базовые категории, частные категории, в словарной репрезентации материала — идеографические поля, группы, подгруппы. Речь здесь не идёт о полном изоморфизме (на это указывает и В.И. Карасик¹), однако идеографический анализ лексики является признанным способом выявления картины мира той или иной языковой общности².

Лингвокультурологи и лингвокогнитологи разрабатывают и реализуют на практике методики реконструкции культурных концептов на базе идеографических разработок³. По данным методикам восстанавливаются и фрагменты концептосферы молодёжной субкультуры⁴.

Концепция словарного моделирования «глобальной концептосферы языка, опирающаяся на процедуры категоризации и концептуализации мира с целью реконструкции языковой картины мира» была разработана учёными Уральской семантической школы⁵ и представлена в проспекте словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)»⁶. Данная лексикографическая концепция получила развитие в новом проекте этого творческого коллектива — «Концептосфера русского языка в зеркале словаря: лингвокультурологический словарь ключевых концептов русского национального сознания». Для иерархического словарного представления составителями выявлено 360 ключевых концептов русской лингвокультуры, под которыми понимаются «концепты, участвующие в формировании наивной картины мира, т.е. концепты, аккумулирующие знания о самых существенных и необходимых сторонах жизни человека, составляющие ядро его представлений о мире»⁷. Данное определение, на наш взгляд, вполне применимо и к концептам молодёжной субкультуры, которая всё чаще трактуется философами и культурологами как полноценная культура⁸.

Лексика и фразеология молодёжного сленга может стать одним из источников при реконструкции концептосферы молодёжной культуры. Такая сленговая концептуализация наиболее актуальных для молодёжи сфер жизнедеятельности представлена нами в словаре «Ключевые концепты молодёжной культуры: тематический словарь сленга»⁹, где разработано более 10 тысяч слов и фразеологизмов. В рамках микростатьи они получают грамматическую и стилистическую характеристику, в ряде случаев — этимологический комментарий. Особенности функционирования сленгизма демонстрируют примеры употребления в живой речи, на интернет-сайтах, в текстах СМИ. Семантизация сленговых единиц вынесена за пределы микростатьи и представлена общим заголовком — именем концепта, под которым представляющие ядро концепта синонимичные лексемы и фразеологизмы объединяются в макростатью. Дополнительная семантическая параметризация (под знаком //) вводится лишь при обозначении особых субкультурных реалий идеографическими синонимами (зона ближней периферии), которые размещаются в конце макростатьи, как в представленном ниже фрагменте одной из них:

ВЕЧЕРИНКА

(со спиртным и музыкой — домашняя или клубная)

ВЕЧЕРИНА, -ы, ж.: Чем случайно огрели Лену Катину на вечеринке? Молоток, 2006, № 44, 48.

МАНЁВРЫ, -ов, мн., шутол. Арм.: Завтра у генерала манёвры по случаю Дня ВМФ /Военно-Морского Флота/. (Запись 2012 г.)

ПАТЕЙКА, -и, ж.: Завтра на патейке оттянемся. (Запись 2005 г.) < От *namt* (жарг.) в том же значении (англ.: *party*).

ТУСАЧ, -а, м.: Я приехала к очень зажигательным девчонкам. У них тут такой тусач на квартире! MTV, 31.12.06. < От *тусовка* (жарг.) в том же значении.

// *БАБЕШНИК*, -а, м. *Вечеринка, беседа за чашкой кофе, в которой участвуют только женщины.* Они устраивают бабешник в среду. < Образовано по модели *мальчишник, девичник*¹⁰.

В том случае, когда обозначения видовых понятий образуют собственные синонимические ряды, они разрабатываются в отдельных подрубриках макростатьи, наглядно представляя структуру зоны ближней периферии концепта:

● *вечеринка по случаю дня рождения*

ДЕНЮХА, -и, ж.: Я пришёл на денюху к своей герле /девушке/. Круто, 2004, № 2.

Никитина Татьяна Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методики гуманитарного образования Псковского государственного университета. E-mail: cambala2007@yandex.ru

¹ Карасик 2009, 10.

² Бабенко 2007; Андреева 2009.

³ Золотых 2006; Киселёва 2008; Карасик 2009.

⁴ Шевченко 2009; Петрова 2012; Шелехова 2012.

⁵ Бабенко 2012, 304.

⁶ Бабенко 2010 (ред.).

⁷ Бабенко 2012, 305.

⁸ Афанасьев 2005; Слесарева 2008; Колбунов 2011.

⁹ Никитина 2013.

¹⁰ Никитина 2013, 381–382.

ХБ [хэ-бэ'], аббр.: У Лёлика ХБ. Пойдёшь? (Запись 2006 г.) < Сокращ. *хэппи бёздеи* (англ. — *happy birthday* 'счастливого дня рождения' — из популярной поздравительной песенки).

- вечеринка с групповым сексом

ГРУППОВИЧОК, -чка, м.: Повезла немецких стажёрок на экскурсию, устроила миленький групповичок для своих армянских друзей, потом еле отмазалась в ректорате. (Запись 2009 г.)

ДЕКАМЕРОНЧИК, -а, м., шутл.: Мы с ним на одном банкирском декамерончике познакомимся. (Запись 2009 г.)

ФАК-СЕЙШЕН, фак-сейшена, м.: Может, нам фак-сейшен замутить /организовать/ для сплочения группы? (Запись 2008 г.)¹¹.

Один из периферийных признаков концепта «Вечеринка» вербализуется глаголами, которые также отражены в самостоятельной подрубрике макростатьи:

- проводить/провести время на вечеринке

ЗАТУСИТЬ, -сит, сов.: Ром, раз твои предки /родители/ сваливают /уезжают/, давай у тебя с девочками затусим. (ТНТ, т/с «Счастливы вместе», 2007 г.)

ТУСОВАТЬСЯ, -суюсь, -суется, несов.: Вчера тусовались у Кристины. Она днюху /день рождения/ перенесла на выхи /выходные/. (Запись 2009 г.)¹²

Словарь «Ключевые концепты молодёжной культуры» заявлен как тематический. 47 концептов, включающих в себя субконцепты и микроконцепты, представлены здесь как тематико-идеографические поля, глубина структурирования которых составляет от 2 до 6 уровней. Концепты-темы располагаются в алфавитном порядке без дотраивания идеографической схемы «вверх». Результаты этой реконструкционной процедуры будут представлены в следующем издании словаря.

Верхний уровень иерархической организации сленгового материала составят наименования трёх идеографических блоков, отражающих соответствующие зоны концептосферы: I. Человек. II. Материальные ценности. III. Среда обитания. Вторая и третья зоны объединят (соответственно) концепты: Автомобиль, Компьютер, Деньги, финансы; Дом, Город, Страна.

В зоне I («Человек») сленговый материал позволяет объединить концепты в суперконцепты, а словарные макростатьи — в идеографические рубрики: 1. Индивидум (Мужчина; Женщина; Организм; Интеллект; Характер; Эмоции и т.п.). 2. Взаимоотношения людей (Авторитет, лидерство; Дружба — вражда; Любовь, секс; Общение, коммуникация; Поведение). 3. Деятельность (Работа, карьера; Армия, военная служба; Учёба; Творчество, креатив; Удача, неудача). 4. Пристрастия, увлечения (Алкоголь; Музыка; Экстремальный спорт; Наркотики). 5. Досуг, развлечения (В эту идеографическую рубрику войдёт и рассмотренная выше макростатья «Вечеринка» наряду с такими идеографическими группировками лексики и фразеологии, как Активный отдых; Заведения сферы развлечений; Кино, телевидение; Прогулка и т.п.).

Таким образом, репрезентация ключевых концептов молодёжной культуры в тематико-идеографическом словаре позволит выявить отличия в концептуализации действительности русским национальным языковым сознанием и субкультурным сознанием молодёжи. Так, идеографическая схема покажет неактуальность для молодёжной лингвокультуры отдельных денотативных зон, например, таких, как живая и неживая природа. Номинативная плотность на отдельных участках молодёжной концептосферы будет свидетельствовать об особой актуальности обозначаемых субкультурных реалий для носителей сленга (Активный отдых, Музыка, Наркотики, Экстремальный спорт). Сленговая репрезентация универсальных концептов (Город, Дружба, Учёба, Любовь и т.п.) отразит динамику ценностных приоритетов в молодёжной среде. Уже сейчас можно констатировать, что материалы тематико-идеографической классификации, представленной в словаре, во многом подтверждают результаты ценностно-ориентированных социологических опросов молодёжи¹³ в плане её отношения к материальным ценностям, образованию, семье, карьере и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева О. А.* 2009: Идеографический анализ лексики как способ выявления концептов кетской картины мира // Вестник Томск. гос. ун-та. Томск, 9–12.
- Афанасьев К. С.* 2005: Молодёжная культура постсоветской России: институционально-антропологические аспекты: дис. ... канд. филос. наук. СПб.
- Бабенко Л. Г.* 2007: Идеографическое описание русской лексики как способ выявления базовых категорий и ключевых концептов // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка / М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов (сост.). М., 475.
- Бабенко Л. Г.* (ред.) 2010: Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремологии). Проспект словаря. Екатеринбург.
- Бабенко Л. Г.* 2012: Современный русский язык: языковая картина мира и идеографическая лексикография // Известия Уральск. федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 4, т. 108, 301–307.
- Золотых Л. Г.* 2006: Картина мира — модель мира — образ мира: проблема соотношения категорий в аспекте идиоматики // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных наук. 3 (19), 46–52.
- Карасик В. И.* 2009: Концепт как индикатор эпохи («Очковтительство») // Политическая лингвистика. 30, 9–13.
- Киселёва В. А.* 2008: Модель словарной статьи идеографического словаря языка футбола // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Вып. 2. Ч. II, 146–149.
- Колбунов Ф. А.* 2011: Ценностные ориентации молодёжи российского мегаполиса: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб.
- Никитина Т. Г.* 2013: Ключевые концепты молодёжной культуры: тематический словарь сленга. СПб.
- Петрова Ю. А.* 2012: Репрезентация ценностей молодёжной субкультуры в ценностно-смысловом пространстве языка: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону.
- Слесарева И. В.* 2008: Молодёжная клубная культура на рубеже XX–XXI вв.: аксиологический аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск.
- Шевченко О. В.* 2009: Молодёжная субкультура как объект лингвокультурного исследования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 114, 241–249.

¹¹ Никитина 2013, 382–383.

¹² Никитина 2013, 383.

¹³ Луков 2011, 24.

Шелехова Л. В., Панеш А. А. 2012: Идеографический подход к определению основных типов личностно-смысловой сферы студентов // Вестник Адыгейск. гос. ун-та: сетевое электронное научное издание. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vestnik.adygnet.ru/?2012.3>.

CONCEPT SPHERE OF YOUTH CULTURE IN THE SUBJECT-IDEOGRAPHIC DICTIONARY OF SLANG

T. G. Nikitina

The article investigates the reflection of cultural values in the ideographic dictionaries. The author shows the possibilities of reconstruction of the youth culture's concepts on slang material and deals with specifics of its representation in the subject-ideographic dictionary.

Key words: ideographic dictionary, entry, cultural concept, youth subculture, youth slang

© 2014

Р. В. Попов

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ ЖАРГОНОВ

Лексикографическое представление социально-групповых и профессиональных жаргонов в дифференциальных субстандартных словарях осложняется в связи с неразличением жаргонизмов и других типов субстандартных единиц, а также неоправданным расширением словариков за счёт последних. Особенно часты случаи немотивированного включения в жаргонные словари элементов общего просторечия и сленга.

Ключевые слова: дескриптивная лексикография, субстандартный словарь дифференциального типа, жаргон, сленг, экспрессивное просторечие

В современной русской лексикографии субстандартная лексика представлена прежде всего в дескриптивных словарях, к которым относятся или общие, *недифференциальные* словари городской разговорно-просторечной лексики, или *дифференциальные* словари конкретных жаргонов. Примерами первых могут служить три лексикографических труда, дополняющих нормативные словари: Толковый словарь ненормативной лексики русского языка Д. И. Квеселевича (2003), Словарь современного русского города под редакцией Б. И. Осипова, составленный на материале народно-разговорной речи г. Омска (2003), и Большой словарь разговорной экспрессивной речи В. В. Химика (2004). Словники этих изданий содержат максимально широкий круг лексики и фразеологии, которая находится в живом и свободном речевом обороте¹, включая все слои экспрессивного просторечия (субстандарта) — сленгизмы, вульгаризмы, гробанизмы, скатологизмы, сквернословие, единицы корпоративных (групповых) и профессиональных жаргонов, представленные здесь, понятно, в ограниченном объёме.

Лексикографические основы формирования словариков дифференциальных жаргонных словарей принципиально другие. В эти специализированные издания, напротив, не должен включаться общеизвестный слой просторечной, сленговой лексики и фразеологии, т.к. он принадлежит широкой сфере бытования и тематически не близок ядру описываемого жаргона.

На практике, однако, словники и профессиональных, и любительских жаргонных словарей перегружены инородными элементами. Так, например, в Словаре военного жаргона внесены сленгизмы с широкой социальной базой, не обладающие военной спецификацией, ср.: *абрам* 'еврей'; *абрек* 'кавказец'; *азер* 'азербайджанец'; *алконавт* 'пьяница, алкаш'; *амба* 'конец, смерть, гибель'; *американка* 'кафе, где можно выпить и закусить стоя'; *анашика* 'анаша, конопля'; *антиполицай* 'противоалкогольное средство' и др.² В Любительском словаре спортивного жаргона также обнаруживается широкий слой общеизвестных коллоквиализмов, сленгизмов, вульгаризмов, ср.: *бабки*, *гнать пургу*, *зрелка* (о женщине), *зубошлёт*, *едрёна вошь*, *мудак*, *отлить* 'помочиться', *бросить палку* 'совершить половой акт', *патлы* и мн. др.³

Все эти слова и фразеологизмы, функционируя в речи жаргононосителей, не меняют своих значений и коннотаций, не переходят в узкий жаргон, и, строго говоря, включение их в словари дифференциального типа избыточно. Появление таких единиц в специализированных словарях можно объяснить тем, что любой жаргон выделяется в составе одной из основных форм существования языка (просторечия или разговорной речи), и авторы, фиксируя речь представителей социальных групп, «для объёма» заполняют словарь элементами собранного ими просторечия в качестве так называемого «бытового» жаргона, который используется носителями языка наряду с узкогрупповым жаргоном.

С другой стороны, подчас бывает трудно обнаружить и показать отличие жаргонизмов от элементов просторечия, но оно, несомненно, есть, и это становится хорошо заметно именно тогда, когда в словаре дифференциального типа начинают соседствовать единицы из разных слоёв просторечия. Естественно, отсутствие точных принципов разграничения лексем и фразем смежных субстандартных пластов не может служить основанием для их механического смешения в словаре. (Хотя, например, предлагаются вполне надёжные критерии разграничения жаргона и сленга⁴.) Нередко, однако, бывает и так, что элементы общего просторечия и сленга искусственно толкуются в специализированном жаргонном словаре как узкие жаргонизмы.

Показательны в этом отношении жаргонно-спортивные словари Т. Г. Никитиной и Е. И. Роголёвой⁵. В них фиксируется

Попов Роман Васильевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Гуманитарного института (филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова в г. Северодвинске). E-mail: roman11popov@gmail.com

¹ Химик 2012, 151.

² Коровушкин 2000.

³ Орлов 1993.

⁴ Салаяев 2006.

⁵ Никитина, Роголёва 2007; 2010.

значительное количество слов, которые функционируют в жаргонизированном просторечии спортсменов и болельщиков, но не приобретают в нём новых, специализированных значений и, несмотря на приписывание им в словарных дефинициях профессионально-спортивных или «околопрофессиональных» сем, не становятся ни профессиональными, ни корпоративными жаргонизмами. Характерный пример — слово *кодла*, значение которого в словарях Т. Г. Никитиной и Е. И. Роголёвой формулируется как «толпа болельщиков». Но, прежде всего, это слово употребляется в более общем значении, ср.: *кодла* — *неодобр. жарг.* «группа, компания людей, сплочённая антисоциальными, часто криминальными интересами»⁶. Попадая в речь болельщика, сдвигая в данном случае денотативный ракурс, оно при этом сохраняет своё концептуальное значение, представленное в виде определённого набора сем. А это значит, что прежним остаётся и социально-функциональный статус лексемы — она относится к сленгу. Похожий пример — слово *халява*, которое по Т. Г. Никитиной, имеет значение «случайный гол». И вновь очевидно, что болельщики используют эту лексему во многих других ситуациях, когда речь идёт вообще о чём-л. случайном, доставшемся без труда, усилий, даром, например: о пиве, билетах, поездках на игры и проч. Следовательно, ошибочно выделять значение «случайный гол» в качестве самостоятельного семантического варианта в смысловой структуре слова *халява*. Не меняется и общепросторечный статус этой лексемы. *Кодла*, *халява* и им подобные слова в сленге и просторечии приобретают расширенное, диффузное содержание⁷, как и слово *шконка*, значение которого определяется Т. Г. Никитиной как «полка в плацкартном вагоне — место отдыха футбольного фаната». Между тем в сленге *шконка* может оценочно использоваться в тех констатациях, когда хочется как-то нетривиально назвать неудобное, узкое спальное место, в том числе полку в плацкартном вагоне. Никакой «фанатской» спецификации у слова нет, поэтому включение в его словарную дефиницию компонента «место отдыха футбольного фаната» — это искусственное привязывание лексемы к жаргону субкультуры футбольных фанатов. Эти и подобные им слова не переходят в узкогрупповой жаргон, не приобретают в нём новых смысловых объёмов, а употребляются в своих привычных значениях, известных в просторечии и сленге.

Избежать многих полемических моментов при формировании словника жаргонного словаря и при стратификации словарных единиц позволяет применение метода полевого семантического моделирования. Жаргонизированная речь многих социальных групп обладает жаргонным ядром собственной лексики, которое существует всегда в окружении, во-первых, слоя интержаргонных элементов (жаргонизмов двух и более смежных групп), а во-вторых — сленга, или жаргонизированного просторечия, но не растворяется в них, сохраняя своё ядерное положение. Что касается общеизвестного слоя субстандартных единиц, бытующих, например, в речи болельщиков, а именно: общепросторечных, разговорно-сниженных и сленговых лексем и фразеологизмов, — они присущи любому жаргону в качестве ближней и дальней периферии.

Таким образом, по отношению ко всему массиву собранной жаргонизированной лексики конкретной социальной группы приходится решать два вопроса. Первый: каково «жаргонное» ядро субстандартной речи представителей группы? И, кстати, есть ли оно вообще, или это сплав разнородной лексики? Так, если идентифицировать отдельный жаргон как «форму единого языкового сознания», то у многих конкретных социальных групп такого жаргона может и не быть, ср.: «Вполне возможно, что для той или иной группы характерными окажутся 10–15 своих особых слов. Таков, например, студенческий жаргон. Но вряд ли можно говорить об особом жаргоне этой группы»⁸. Это предположение справедливо по отношению к лексике спортивных болельщиков, в речи которых нет ядра сугубо «своих» слов и фразеологизмов, в отличие, например, от жаргона фанатов-хулиганов.

Во вторую очередь надо решать вопрос, в какой степени может присутствовать в дифференциальных словарях интержаргонная и, в исключительных случаях, общеизвестная просторечная и сниженная лексика. Представляется, что фиксировать надо только ту её часть, которая тематически близка ядру жаргона. И, конечно, вся лексика в словаре должна быть адекватно маркирована с помощью сложной системы лексикографических помет.

ЛИТЕРАТУРА

- Герд А. С. 2006: О лингвистическом подходе к понятию «жаргон» // Слово в словаре и дискурсе / А. Бирих, Т. Володина (ред.). М., 201–208.
- Коровушкин В. П. 2000: Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург.
- Никитина Т. Г., Роголёва Е. И. 2007: Футбольный словарь сленга. М.
- Никитина Т. Г., Роголёва Е. И. 2010: Словарь футбольного болельщика. М.
- Орлов В. Б. 1993: Словарь спортивного жаргона. Челябинск.
- Салеев В. А. 2006: Народное субстандартное словотворчество и его отражение в сленге. Орёл.
- Химик В. В. 2004: Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.
- Химик В. В. 2011: Диффузное варьирование слов, значений и формантов в русской разговорно-обиходной речи // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 6 (2), 717–720.
- Химик В. В. 2012: Русское сквернословие и лексикография // Русский язык и проблемы современного образования / Р. В. Попов (ред.). Архангельск, 138–157.

ISSUES ON LEXICON RECORDS OF JARGONS

R. V. Popov

It is getting more difficult to cover any lexicographical notions of social and group-based jargons in sub-standard differential vocabularies since other sub-standard units cannot differentiate jargon. Moreover, the vocabulary contents get broadened deliberately due to the former ones. Particularly, it is a frequent case for unsustainably made inclusions of common colloquial language and slang units.

Key words: descriptive lexicography, substandard vocabulary of differential type, jargon, slang, expressive colloquial language

⁶ Химик 2004, 261.

⁷ Химик 2011, 717–720.

⁸ Герд 2006, 203–205.

© 2014

С. В. Русанова

ГЛАГОЛ *БЛАГОВОЛИТЬ* В РЕГИОНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ ПРОМЕМОРИИ XVIII в. И В СЛОВАРЕ (на материале Забайкальской деловой письменности)

В статье на материале забайкальской деловой письменности первой половины XVIII в. исследуются особенности функционирования глагола *благоволишь* в составе формулы резолюции промемории, свидетельствующие о преобразовании его семантической структуры и стилистической маркированности.

Ключевые слова: региональный текст, промемория, семантика глагола *благоволишь*

Промемория, возникшая на основе именного указа от 28 июня 1723 г., согласно которому коллегиям с не подчинёнными им канцеляриями определялось вести переписку именно этим видом документов¹, представлена уже в 20-е гг. XVIII в. в одном из старейших фондов Национального архива Республики Бурятия — в фонде Троицкого Селенгинского монастыря².

Будучи формой общения между учреждениями, не находящимися друг у друга в непосредственном подчинении и относящимися, как правило, к различным ведомствам, промемория отражала «горизонтальные» отношения в системе государственного управления и отличалась от других жанров двунаправленностью: промемория, инициирующая переписку, предполагала ответную промеморию³. Единой, жанрово определяющей, стилистически и функционально маркирующей промемории на протяжении почти всего XVIII в. является формула резолюции, заключающая документ и содержащая в себе обязательный этикетный элемент *благоволишь*.

А. П. Майоров, исследуя жанровую специфику региональных промеморий и особенности применения в них этикетных средств, останавливается на происхождении и функциональной семантике модального глагола *благоволишь*, обязательного в формуле принятия решения промеморий на протяжении всего XVIII в. Данная форма рассматривается как упрощённый вариант первоначальной конструкции *да благоволишь*, свойственной промемориям на раннем этапе (в 30-е гг.), заимствованной из церковнославянского языка («*да + индикатив*») и имеющей значение оптативной модальности, что, по мнению учёного, предопределено уведомительным характером документов⁴. В словаре русского языка XVIII в., отражающем восточносибирский региональный вариант национального языка этого периода, у глагола *благоволишь* фиксируются два значения: 1. Соизволять, удаивать (с инф.); 2. *Дел.* Употребляется со значением настоятельной просьбы, рекомендации исполнения чего-л. при переписке равноправных в административном отношении лиц или учреждений⁵.

Однако за этими лексикографическими дефинициями стоит сложный путь включения данного глагола в формулу резолюции такого вида документов, как промемория, в рамках которой происходила грамматическая и лексико-семантическая трансформация глагола, закреплялись новые синтагматические связи, отражающие стилистическую специфику и функциональную нагрузку формулы и жанра в целом. В связи с этим представляется актуальным исследование процесса включения глагола *благоволишь* в резолютивную формулу промеморий.

Как свидетельствуют памятники, изначально данная формула промемории представляла собой типичную для многих распорядительных документов предикативную инфинитивную конструкцию с глаголом *чинить/учинить*, уходящую корнями в приказную традицию, с обязательной ссылкой на императорский указ, подчёркивающий высокий статус распоряжения: *чинить (учинить) по его Императорского величества указам // чинить (учинить) как указы Императора повелевают*.

Важным компонентом структуры предложений, включающих в себя исследуемую формулу, является детерминант, выступающий в качестве локального квалификатора и в то же время выражающий семантический субъект действия. Ср. соответствующие фрагменты промеморий из земской конторы Селенгинского дистрикта и из иркутской провинциальной земской конторы в Селенгинский Троицкий монастырь, относящихся к середине 20-х гг. XVIII столетия: и о вышеписанномъ [в] *Селегинскомъ Троецко^м манстыр[е]* | *учинить* по его императорского величества указомъ (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 80 об., 1724); по выборе оного Секерина в *Троецко^м мн^стре в духовно^м приказе учинит^м* как указы повелеваютъ (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 42, 1725); и в *Троец^комъ Селегинскомъ мн^стыре* || о принятии послан^ного манифес^та | и о объявлении в сенар^ное известие и о у | чинении прися^жно^ст^ви до^жности *чинить* | какъ Ея императрица величес^тва | указы повелевають (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 196–196 об., 1725).

Трансформация инфинитивной конструкции в формулу *да благоволишь учинить* с номинативным субъектом действия происходила, по всей видимости, через ступень формальной вставки церковнославянской модальной формы в безличную инфинитивную конструкцию.

Введение в формулу резолюции оборота *да благоволишь* нарушало логико-синтаксические связи предложения: делало недопустимым выражение семантического субъекта детерминантом при спрягаемом предикате. Ср.: И в *Селегинско^м Троецко^м мн^стре в духовном[ъ]* | *приказе о присы^лке с мн^стра с оброчны^х ста[те¹]* | деньг ноября къ 20^{му} чи^слу *да благоволишь учи нить* по его императорского величес^тва ука^зу (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 92, 1724); И в *Троецко^м мн^стре архимандриту* || *Мисалу* о присы^лке о^наче^нны^х денег | на 725 го^л с книгами и с репорт^ами | *благоволишь учинить* по Ея и^мпе | раторского величества указо^м (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 235–235 об., 1726); И *Троецкого мн^стыря архимандриту* о при | еме вышео^наче^нна-

Русанова Светлана Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: rusanowa_7@mail.ru

¹ ПСЗ VII, № 4260.

² НАРБ, ф. 262.

³ К учреждениям, осуществлявшим контакт с Троицким Селенгинским монастырём посредством промеморий, относились земская контора Иркутской провинции, подушный сбор Иркутской провинциальной канцелярии, земская контора Селенгинского дистрикта, ратуша Селенгинского дистрикта, канцелярия надворного суда г. Удинска, духовный приказ Вознесенского Иркутского монастыря.

⁴ Майоров 2006, 32, 129.

⁵ Майоров 2011, 46.

ченны^x копиевь и по темь копи[ям] | о сочинении ведомости и о немедленно присы[лке] | то ведомости в земскую канто^{py} да благо[во] | ли^m учини^m учини^t (sic!) какъ указы повелевають (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 145 об., 1725).

Очень быстро региональным делопроизводством в качестве резолютивной формулы осваивается двусоставная конструкция с согласованными субъектом и предикатом, вытеснившая исходную в данной функции односоставную безличную конструкцию с предикативным инфинитивом: и о ведении в Удинск в ка^це | лярню надво^{но} су^а да благово^{лит} синода^а | ные команды Троецкого мн^ст^ря свты^а | отецъ архима^адритъ Мисаи^а учинить | какъ Ея императо^рского величества ука | зы повелевають (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 258 об., 1726); из приказной избы Селенгинского пригорода: [Се]ле^гинского Троецкого мн^ст^ря всече^сны^а отецъ архима^адритъ да благово^{ли} [м] | [о в]ышеписа^но^м (хлебн^о о^тсыпщике) Шубине учинить какъ Его императо^рского | [вели]чества ука^а повелеывает (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 16, 1725).

Показательными в процессе адаптации новой формулы являются встречающиеся в региональных документах случаи употребления в ней модального глагола в форме 2 л. ед. ч. индикатива и повелительного наклонения, типичных при обращении к собеседнику в книжной и разговорной речи: | и Троиц^кого Селе^гин^ского мн^ст^ря в^сечес^тныи | оцъ ар^химан^адритъ Мисаи^а о приеме сей | промемории и о высыл^ке иеромонаха Ко^рнилия противъ присланного | Ея им^перато^рского величества ука^а и об^от | ветствии в^довно^а прика^а да бл^гово^{ли}шь | учинить какъ Ея им^перато^рского величеств[а] | указы повелевають (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 261, 1726); и Селенгин^ского Тройц^кого мн^ст^ря На^стоятелю о сыску при ономъ мн^стре и в^означенной Сибирской губе | рни посацки^x людей с пашпортами и бе^з пашпортовъ | по присы^ке и^x при пи^сменном ведении с^ымяннымъ ре^з | стромъ в Селенгинскую ратушу в неме^лленном времени и | благово^{ли} учинить какъ Ея величества гд^рни импера | трицы указы повелевають (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 12–12 об., 1725).

Таким образом, конструкция *да благово^{лит} учинить* представляет собой результат трансформации инфинитивного образования с интенциональным значением распоряжения, в основе которого лежит приоритет говорящего, его высокий статус. Введение в данную инфинитивную конструкцию сочетания побудительной частицы *да* с индикативом церковнославянского модального глагола *благово^{ли}ти* было функционально значимым. Не нарушая побудительной интенции резолюции, описательная форма повелительного наклонения с ярко выраженным оценочным компонентом (*да благово^{лит}ъ*) смягчала императивную категоричность инфинитивной конструкции и снимала приоритетность адресанта, obligatorно свойственную иньюктивам⁶ и недопустимую в коммуникации между учреждениями, не обнаруживающими линейной связи «вышестоящий — подчиненный». Подобное снижение императивности при передаче распоряжения посредством конструкции «*да* + презентная форма глагола» обнаруживается в книжно-литературных текстах XVI–XVII вв., где вместо прямого приказания, повеления может преваляровать значение разрешения и даже прямой настойчивой просьбы⁷.

Семиотически значимым в исследуемой формуле является и сам глагол *благово^{лит}ъ*, семантическая история которого берёт начало в старославянском языке, где глагол *благово^{ли}ти* был образован по аналогии с греческим εὐδοκεῖν, имел значение 'благово^{лит}ь к кому-л., любить/возлюбить кого-л.' и управлял падежными формами *на кого; о чём; что*⁸. В древнерусских книжных памятниках глагол *благово^{ли}ти* выступает со значением 'быть расположенным, проявлять расположение, хотеть'; расширяется круг управляемых падежных форм, наряду с которыми фиксируются и единичные случаи примыкания к глаголу инфинитива, что свидетельствует об усилении модальной нагрузки первого: бл^гговолитъ же съ вернымъ неверная жити. или пакы неверныи съ верною. да не разлоучается. по божьственоумоу аплоу⁹. В деловых памятниках просительного характера XVII в. учёными также отмечаются единичные факты узально обусловленного употребления глагола *благово^{ли}ти* со значением 'разрешить, дать согласие; изъявить милость': умилосердися гсдин Петръ Андреевич помилуй меня уб[о] гова б[о]гамолца вашего пожалуй благово^{ли} мне в крылоси у своєї братии у свещеников выделит[ь] в земле <...> долю¹⁰.

Как видим, в деловом языке XVIII в., и в частности в языке промемории, конструкция *благово^{лит} + инфинитив* передвигается с периферии языкового употребления в центр, семантически и функционально модифицируясь: в семантической структуре глагола *благово^{лит}ъ* ключевыми оказываются семы 'по доброй воле', 'изъявить желание', 'милостиво согласиться', 'удостоить внимания'. Перенос акцента с интенции адресанта на интенцию адресата превращает глагольную форму *да благово^{лит}ъ* в стёртый императив (о чём, собственно говоря, и свидетельствует ранняя утрата частицы *да*), тем самым меняется интенциональная нагрузка высказывания, что свидетельствует о его перформативном употреблении; в связи с этим данная конструкция и преобразуется в этикетную официально-деловую форму для выражения вежливого требования или вежливой настойчивой просьбы.

ЛИТЕРАТУРА

- Майоров А. П. 2006: Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.
 Майоров А. П. 2012: Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье». М.
 НАРБ. Ф. 262: Национальный архив Республики Бурятия. Троицкий Селенгинский монастырь. Фонд 262 (архивный фонд документов).
 ПСЗ 1830: Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. VII. СПб.
 Ремнёва М. Л. 2003: Пути развития русского литературного языка XI–XVIII вв. М.
 СДЯ XI–XIV вв. 1988: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Р. И. Аванесов (гл. ред.). Т. 1. М.
 Трофимова О. В. 2002: Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в.: На материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.: дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень.
 Формановская Н. И. 2007: Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.
 Цейтлин Р. М. 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова (ред.). М.

⁶ См. о приоритете говорящего как основе иньюктивов, объединяющих такие речевые акты, как приказы, требования, распоряжения, представления и др.: Формановская 2007, 309–310.

⁷ Ремнёва 2003, 219.

⁸ Цейтлин 1994, 85.

⁹ СДЯ XI–XIV вв. 1, 1988, 170.

¹⁰ Майоров 2006, 130.

THE VERB *FAVORED* IN THE REGIONAL TEXT OF PROMEMORIYA IN XVIII CENTURY AND IN THE DICTIONARY
(on the material of Transbaikalian official writing)

S. V. Rusanova

The article studies peculiarities of the functioning of the verb *favored* in the resolution formula of the promemoriya indicating transformation of its semantic structure and stylistic identification in the Transbaikalian official writing in the early XVIII century.

Key words: regional text, promemoriya, semantics of the verb *favored*

© 2014

О. В. Фельде

АНГАРСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В докладе выявляются источники и задачи лексикографического исследования языка и культуры русского населения Северного Приангарья. Особое внимание уделяется принципам отражения культурно значимой информации в аудиовизуальном словаре устной речи населения, проживающего в районе каскада ангарских ГЭС.

Ключевые слова: лингвокультура, сибирские говоры, ангарский региолект, зона затопления, словарь

Толковым и энциклопедическим словарям отводится особая роль в отражении и сохранении культурно значимой информации. Именно поэтому лексикографическая работа оживает в моменты цивилизационных сдвигов, резких экономических и социальных перемен, когда появляются угроза исчезновения каких-либо форм культуры и потребность освоить элементы нового. Такая ситуация сегодня сложилась на территории Северного (Нижнего) Приангарья, которое с 2006 г. по решению Министерства экономического развития и торговли РФ стало территорией реализации крупнейшего инвестиционного проекта «Комплексное развитие Нижнего Приангарья». При участии Института урбанистики и федеральной гидрогенерирующей компании ОАО «ГидроОГК» («РусГидро») ведутся работы по тотальному переустройству хозяйственной и социальной жизни приангарского региона, занимающего более 260 тыс. кв. километров. В 2013 г. запущена в эксплуатацию Богучанская ГЭС, в зону затопления которой попало свыше 20 сел и деревень Кежемского района Красноярского края. Большинство из них было основано первыми русскими поселенцами Сибири в XVII и XVIII вв. В настоящее время планируется строительство ещё одной гидроэлектростанции в Нижнем течении Ангары, что приведёт к кардинальным изменениям всего культурного пространства, к исчезновению русских старожильческих говоров ангарских деревень, попадающих в зону затопления в Богучанском и Мотыгинском районах Красноярского края, а также к изменению ангарского региолекта — основного средства общения жителей малых городов и сёл, занятых в добывающих отраслях и топливно-энергетическом комплексе.

Хозяйственное освоение территории Нижнего Приангарья русскими началось в первой трети XVII столетия. Первыми засельщиками этого региона были преимущественно выходцы из Поморья. Однако в документах Сибирского приказа есть сведения и о том, что бассейн Ангары в XVIII в. активно осваивался крестьянами — уроженцами Вятской и Пермской губерний, а также ссыльными из южных, западных и центральных областей Российской империи. Помимо традиционных пушного и рыбного промыслов, земледелия, русские сибиряки в XVII–XVIII вв. занимались здесь добычей оконной слюды и производством соли. Позднее, в XX столетии, в Приангарье был создан крупный лесозаготовительный и лесоперерабатывающий комплекс (центр — город Енисейск, Лесосибирск и Кодинск), что отразилось на формировании соответствующих подязыков, словарном составе ангарского региолекта и укладе жизни местного населения.

В устной речи русского населения, проживающего в отдалённых деревнях Нижнего Приангарья (в Енисейском, Богучанском, Кежемском, Мотыгинском и Северо-Енисейском районах Красноярского края), длительное время сохранялись, а местами сохраняются и поныне архаические черты старожильческих сибирских говоров. Эти говоры уже становились предметом диалектологического исследования¹. Они систематически фиксировались коллективами преподавателей и студентов Красноярского педагогического института с конца 60-х до середины 80-х гг. XX в. Материалы нескольких диалектологических экспедиций легли в основу «Словаря русских говоров северных районов Красноярского края», опубликованного в начале 1990-х гг.² Данный словарь отразил особенности состояния русских ангарских говоров и культуры их носителей в середине XX в. Материалы этого словаря могут являться своеобразным «путеводителем» и по лингвокультуре более раннего времени, т.к. предметом лексикографической фиксации являлась речь преимущественно пожилых людей, чей идиолексикон сложился в начале и в первой трети XX в.

К началу XXI в. относится реализация большого лексикографического проекта Г.В. Афанасьевой-Медведевой «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири», куда, наряду с обширными материалами, собранными в Иркутской области и в Бурятии, вошли и языковые данные, записанные в Красноярском крае, в ряде посёлков Нижнего Приангарья. Словарь отражает ведущую тенденцию нового времени — этнокультуроцентричность и антропоцентричность диалектной лексикографии. Во многих словарных статьях описаны типичные черты поведения сибиряков, их характер: «*Брат-то умо-*

Фельде Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, заместитель директора Института филологии и языковой коммуникации по научной работе Сибирского федерального университета, член-корреспондент Сибирской академии наук высшей школы. E-mail: feldeo@list.ru

¹ Голузо 1972.

² Бебриш, Михалап, Белоусова 1992 (ред.).

нул. *Оне проехали грядсти. Не грядсти, а вязать. Поехали. На ангарушке, она же маненька, но не баркас, лодка маленька была, ангарушка. Оне поехали туды. Чё-то там недокошено было или не догрёбано ли было, вот так. И пришла низовка. И пришла така низовка, аж с белого свету, и их перевернуло. Оне ехали, а брат-то испужался в лодке-то побяжал, и их перевернуло. И он оказался по нижну сторону лодки. А женска ехала с имям. Он схватился за неё. А она гыт: — Костя, ради Бога, не хватайся за меня. У меня дети, а у тебя-то, гыт, — нету. Он ешию холостой был. И он отпустился. Отпустился, и всё. А эти остались все живы» (Мозговая, Кежемск. Красноярск.)³.*

В настоящее время в Красноярске ведётся работа над аудиовизуальным сетевым «Ангарским словарём»⁴, в котором ставится задача отражения ключевых фрагментов духовной и материальной культуры в их языковых проявлениях. Словарные статьи сопровождаются отсылками к соответствующим видеофрагментам, которые размещены на YouTube, а в некоторых случаях — фрагментами звучащей речи информанта. В основу аудиовизуального «Ангарского словаря» положены материалы создаваемого лингвистами Сибирского федерального университета при участии сотрудников ТВ СФУ мультимедийного корпуса русских говоров Нижнего Приангарья. Новый словарь красноярских авторов характеризуется верностью, свойственной этнодиалектным словарям, а именно — наличием «интерпретаций рассматриваемых фактов традиционной культуры самими её носителями в виде развёрнутых речевых фрагментов»⁵. Например: *Бог создал жену почему? — Помошницу. Она должна знать свое место. Она помошница. А когда жена стаёт начальником дома — тот дом разрушится вскоре, потому что жена не должна начальствовать — должна помогать — должна помогать быть. И не ворковать, как некоторые воркует». Почему у мусульман это сделано хорошо. Их жёны — в безмолвии ходят. Как положено. А у нас попробуй слова скажи — сразу десять взамен, если не по её. Вот мы и говорим — гэсы там... всё. Мы даже саму жизнь человеческую изменили. Мы — человечество. Надо жить так, как написано. Библию все читают. Щас мир весь, посмотришь, послушаешь — все чтут Бога. В церковь хоржу — всё делаю. А кого ты делаешь? Библию не открывала ни разу! Другого спросишь: «А чё Библия?» — Да чё мне Библия? Ну как... Библия — это ж указание Божие, как письмо. Вот с этого всё и началось. Бог же руководит всем. А мы искажам всё. Хотем жить хорошо. Если ребёнок тебя слушат, ты ему всё дашь. Ну, как — всё? То, что нужно, ты ему дашь. А если не слушат, ничё не дашь. Также и Бог с нами обращается. Если мы его слушаем, он нам даёт всё. Но нам всё-то кажется мало. Сказку Пушкин, ли кто ли там писал, про старуху со стариком. Ей корыто разбито на новое сменил — мало! И до чего дошла! Вон до чего. Так и идёт»⁶.*

В аудиовизуальном «Ангарском словаре» реализуются принципы полноты и многоаспектности лексикографического отражения региональной лингвокультуры, а также аккумуляции культурологически ценной информации в пределах одной словарной статьи. Согласно последнему принципу иллюстративные части статей, заголовочные слова которых называют реалии предметного мира, содержат и культурологическую информацию, например, сведения об этикетных обращениях к знакомым и незнакомым собеседникам разного возраста, о народной педагогике, обычаях и т.п. Все словарные статьи сопровождаются данными биографического характера об информантах, времени и месте записи. Населённые пункты Кежемского района, в 2013 г. попавшие на дно Богучанского водохранилища, отмечаются особым знаком*. Для наглядности приведём иллюстрацию из словарной статьи.

ИСПОДКА, ж. Вязаная варежка, обычно надеваемая под брезентовую рукавицу. — *Украл, значит, сын у него 15 копеек на пачку сигарет или чё-то там. Дедушка посчитал: не хватает 15 копеек. Он подводит его к печке — а четверо детей — вот гыт: «Ты, Степан, украл 15 копеек». Открывает печку, достаёт деньги из исподки... Они уже там! Достаёт, значит, деньги, эти деньги рвёт и кидает в печку, и говорит: «Вот, видал, за воровство вся семья будет месяц сидеть голодная, ничё я вам не привезу». Не видают, бабушка, как и папретов не видают [не видно изображения на купюрах. — О.Ф.]. Вот все сядились и говорили: «Вот, смотри, как дедушка сжигает деньги», а деньги-то уже — всё! И, гыт, папретов не было видно. Дедушка Степан, когда к нам приехал, он уже пожилый был, он гыт: «Я благодарен своему отцу, что он так жестоко с нами, ну воспитывал, что я, гыт, не бич, а я, гыт, лётчик, а так бы спился, кто бы я щас был бы. Я благодарен. (Кеж.: Паново*. Записано в 2008 г. от Л.Е. Черных, 1958 г.р., в д. Паново Кежемского района Красноярского края).*

Ещё одним важным принципом, реализуемым в «Ангарском словаре», является принцип максимального отражения фоновой информации (о специфической географической и социокультурной среде, исторических событиях и отношении к ним рассказчика, о взаимоотношениях со «своими» и «чужими» и т.п.). Большое значение при этом имеют контексты, в которых запечатлены фрагменты ценностной картины мира: **ПРОХОЖИЙ**, -ие; устар. Совершивший побег, находящийся в бегах (о дезертирах, заключённых). — *Л.Т.: Шли раньше белые, проходили, говорят, у нас там в этих краях. Вот бегунцы шли, как убягали, может, от кого-нибудь. Но их бегунцами не называли, прохожими звали, проходили мимо. Которые оставались здесь, где-нибудь в захолустьи, вот Савино, Привалихино, у них там много оставалось таких, потому что тихо было здесь, и они боялись. Они не наши, не ангарские фамилии. Ясно, что они остались. Потом женились и пошёл род от них. Не наши, вроде, не ангарские. Их много оставалось по захолустьям, по деревням. В сорок втором году тоже пригнали откуда-то с Поволжья немцев-то. Расселяли везде. Там семью, там семью, вот и понаащавались. Из дому-то убягали. Лишь бы только жить охота. З.А.: Пригоняли, зимой, которые оставались, которых угоняли. Вот у нас ссыльный был, Розя, тоже жил такой мужик хороший, тоже привезён был, не воровал, ничё, уехал вообще он там, в другу деревню, и там милиционер, забыла как его звали, работал в Паново. Л.Т.: Усольцев. З.А.: Усольский, Усольский. Забыла, как он, Митроша, Митроша звали. Заставил мужиков сам этого Розю утопить в полонне, ряка-то стала, ещё не совсем замёрзла, его живого утопили. Собир.: Где утопили? В польенье? З.А.: Да, полоння. Л.Т.: Река стала. З.А.: И так не замёрзла, незамороженный был ещё. И вот они его утопили. Собир.: За что утопили? З.А.: Вот, чё-то не понравился, вообще ничё не делал, не ругался и не воровал никакой, этот мужик захотел его утопить его этого, он ссыльный, привезённый был. А потом этого милиционера-то увезли, и дали тюрьмы, и не вернулся, там его задавили. Живой не вернулся с тюрьмы. Вот так <...> ссыльных везли, знали, которые оставались, а которых дальше, не знаю, куда их угоняли, по деревне у нас, по улице знали зимой»⁷.*

³ Афанасьева-Медведева 1, 2007, 348.

⁴ Фельде, Астраханцева 2012.

⁵ Чередникова, Морозов, Маглин 2008 (ред.).

⁶ ПМА 2012, Кежемский р-н, д. Ярцево, инф. — Е.И. Колпаков.

⁷ ПМА 2012, Кежемский район, г. Козинск, инф. — Л.Т.Зарубина и З.А. Захряпина, переселенцы из д. Паново.

Дальнейшая работа над созданием мультимедийного корпуса Северного Приангарья и завершение аудиовизуального «Ангарского словаря» не только обогатит российскую диалектную лексикографию, но и позволит запечатлеть для потомков уникальную лингвокультуру региона в эпоху глобальных перемен.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьева-Медведева Г. В.* 2007: Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. СПб.
Бёбриш Н. Н., Михалки К. П., Белоусова Г. Г. (ред.) 1992: Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск.
Голузо Л. В. 1972: Некоторые наблюдения над редукцией гласных в Богучанском говоре Красноярского края // Фонетические и морфологические исследования по русскому языку и сибирской диалектологии. Барнаул, 43–52.
Фельде О. В., Астраханцева Э. А. 2012: Ангарский словарь. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://angara-dictionary.ru/dictionary/titulnyj-list.html>.
Чередникова М. П., Морозов И. А., Матлин М. Г. (ред.) 2008: Духовная культура русских Ульяновского Присурья: материалы к этнодиалектному словарю. Ульяновск.

ANGARSK LINGUISTIC CULTURE IN LEXICOGRAPHICAL ASPECT

O. V. Felde

The report describes sources and objectives of lexicographical study of the language and culture of the Russian people living in Northern Angara region. Particular attention is paid to the principles of reflection of culturally important information in the audiovisual dictionary of speech of the people living in the region of cascade of Angara HPPs.

Key words: linguistic culture, Siberian dialects, Angara regiolect, flood zone, dictionary

© 2014

С. С. Шляхова, М. Г. Вершинина

ВОСПРИЯТИЕ УСТНОЙ РЕЧИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯМИ ПО ДАННЫМ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ

В статье рассматриваются особенности восприятия диалектоносителями устной речи на основе анализа лексических единиц с семой 'говорение', зафиксированных в словарях пермских говоров. Устанавливается, что в наивной картине мира отражены основные параметры, влияющие на восприятие устной речи, которые представлены в научной картине мира.

Ключевые слова: лексика говорения, восприятие, устная речь, диалектология, лексикография

Диалектные словари отражают наивные представления этноса об устройстве мира. Анализ восприятия устной речи диалектоносителями позволяет установить фрагмент наивной картины мира. Диалектная языковая картина мира — один из вариантов национального образа мира, отражённого в совокупности территориальных коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций¹. Анализ лексики, зафиксированной в диалектных словарях², даёт возможность составить достаточно полное представление об особенностях восприятия устной речи диалектоносителями.

В самом общем виде процесс восприятия устной речи включает собственно восприятие (акустический, перцептивный аспекты) и понимание (смысловой аспект): 1) сенсо-моторный уровень обеспечивает собственно восприятие (приём) речи; 2) на лингвистическом уровне происходит анализ общих смыслов высказывания («поверхностный» уровень); 3) психологический уровень обеспечивает понимание сообщения на уровне коннотаций, подтекста, дискурсного осмысления и пр. («глубинный» уровень)³.

Среди факторов, которые влияют на восприятие устной речи, исследователи выделяют дикцию, выразительность, эмоциональность, громкость, акцентуацию, высоту и тембр голоса, преобладающий тон, темп речи, частоту и длину пауз, наличие/отсутствие пауз хезитации, плавность/отрывистость речи, наличие или отсутствие дефектов речи, жестиколяцию⁴. В диалектных словарях отмечаются следующие характеристики речи.

Темп речи. Слишком быстрое говорение воспринимается как отклонение от нормы: *Один раз стоит, вот, тыркат, тыркат. Разговариваешь с ним: «Стой, что ты, стой!» Не остановить; Чё-то говорит и говорит. Чемит и чемит, на доело уж, как точит.*

Громкость речи. Слишком громкая речь воспринимается как раздражитель, осуждается и в общении обычно пресекается: *Гамяонит баба, орёт; Шипко уж громко блазнишь, аж у мя ухо заклоло; Бабушка-то громкоголая у них. Цельми*

Шляхова Светлана Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: shlyahova@rambler.ru; shlyahova@mail.ru

Вершинина Мария Геннадьевна — ассистент кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: Ver.m.g@yandex.ru

¹ Демидова 2012, 187.

² СПГ 2000-2002; СРГКПО 2006; СРГЮП 2010.

³ Цветкова 1985.

⁴ Кулиш 1984; Венцов 2003; Потапов 2003; Кривнова 2005; Ягунова 2009.

днями **каркает** на ребят, что и голоса не лишится. Рядом стоишь, так мне даже дурно становится от её крика; Чё **рот-от** **распелила**, помолчи маленько да послушай тех, кто тебя постарше.

Дефекты речи. Неразборчивое, недовольное говорение маркируется диалектоносителями отрицательно: *Кто заёки-ватся, слова есть, можно вылечить; Уже старая я, Марья, стала. Годов-то уж сколько стукнуло. Вот зубов-то не стало, дак лебезить начала; Брат у меня был сюськун, худо говорил; Гындосит он, непонятно говорит; Он и в четыре-те годика криво говорил — бабачить, а надо сказать — рыбачить; Моя бабка чуть что, сразу бургать начинат; С ей всё по-хорошему, а она только бынгат; Она всё выргат да выргат; Така шибко она нехороша, её никто не принимает; всё уркат, уркат, всем недовольна; Ты чё гүмнишь-то? Не понимаю ничё.*

Жестикуляция. Высокий темп нередко связан с активной жестикуляцией, которая воспринимается как суетливость, не свойственная «образцовому» говорящему: *Хоть бы ты, Огруня, не репетила. Всё времечко репетит, дак рукой дажэ намахиват, никому и сказать не даст.*

Показательно, что успешность межгрупповой связи прежде всего зависит от качественных характеристик стержневых параметров: в звуковом оформлении — дикция, в темпо-ритмовом — абсолютный темп, в кинетическом сопровождении речи — жестикуляция. Если дикция, темп речи и жестикуляция имеют отрицательные характеристики (затрудняют восприятие речи), то они не компенсируются другими параметрами с положительными характеристиками⁵.

Таким образом, на сенсо-моторном уровне диалектоносители выделяют все стержневые параметры восприятия речи, представленные в научном дискурсе: «образцовая» речь предполагает отсутствие дефектов, разборчивость, сдержанность жестов, оптимальные громкость и темп.

Однако более значимым для диалектоносителя является смысловой аспект восприятия речи — понимание, которое характеризует тремя уровнями понимания/непонимания смысла высказывания: 1) понимание основного предмета высказывания (О ЧЁМ идёт речь); 2) понимание не только того, о чём говорилось, но и того, ЧТО было сказано (ход изложения мысли, её развитие, аргументация); 3) понимание не только того, о чём и что было сказано, но и ЗАЧЕМ и КАКИМИ языковыми средствами⁶.

О чём сказано. Непонимание основного смысла высказывания воспринимается негативно. Говорение на другом языке для диалектоносителя является «шумом»: *Они говорят всё по коми — только раз ду-ля-ля-ля; Вот украинцы-то жвакают ли как-то не то говорят — не поймёшь; В автобусе едешь, до Сульмаша доедешь, татары сядут: «Тала-бала вчера была, сёдни опять пришла»; Потом уже по-русски стали одеваться, мисюкали тоже.*

Что сказано. Несуразное, бессмысленное, несвоевременное говорение указывает на интеллектуальную слабость говорящего: *Танька-то у нас больная, бегаёт по домам, боронит всю всячину, то время спросит и численник показывает, то ещё чего; Ну что ты сбельхиваешь, ведь это и вовсе ерунда; Золовка моя бывало баришит, баришит всякую балабурду. Ох, не уважаю её за это: мелет всяку бездельщину, слова толкового не услышишь; Она киревосит — наговорит, всячину на-киревосит; Попустился бы ты, хватит; варакосит тут своим языком, не думат, чё говорит.* Важность данного параметра отражена и в сочетании говорить несвоичко/не своё: *Дочь-та у её несвоичко говорить стала, отдали её в больницу; она там телевизор разложила; Столь сильно болела — несвоичко говорила иной раз; Анята вам чё скажет, ничё она не скажет — она уж не своё говорит, дак пойми её.*

Важным критерием является содержание речи: многословие и пустословие воспринимаются как отклонение от нормы: *Не бунькай понапрасну-то; Что-то не ладно, девки, сделала. Много растыкаю; Хватит тебе бахвалить-то, бахвал, чё ты лишны слова наговариваешь, наказываешь, чё не надо.* Продолжительное говорение становится маркером пустого, бесполезного времяпрепровождения: *Хватит раздабардывать-то, пойдй делом займись.* Много и попусту говорить можно только тогда, когда у говорящего достаточно времени: *Ничё, судите, бахвалте, мне ведь делать нечё.*

Негативно воспринимается речь, не отвечающая параметру «достоверность информации»: *Эти бабы только ждут, чтобы на людей намутишь; Опять бабы чё-то намутили, слух пустили; Во всяку-то хлызду чё вникать?; Вилавой — дак лукавой значит, хитрой; правду не говорит, чё-то вилавит; Люди-то были не вилавые, бога боялись; Я узнала потом, што это Мария такую раскондру пустила. А люди и вряят; Всегда не вздам, всё вам про свою жизнь расскажу, как чё и было; Ты в этой деревне живёшь? Нет, ты что-то колбасишь; Старуха опять колесит; Чё опять мудит старик-то мой? Почто людей обманывают?; Она вам ещё больше накрасит, она может такое; Чё-ка выдумают, шипичу каку-то, зачем это нужно?!*

Резко негативно воспринимается порочащая информация: *Ко мне один посватался, да мне на него нахулили; Она ему чё-нибудь набздит, он меня потом и гонят ни за что; Люди-то всяко обжарят, хоть ты и не при чём; Зять-то мой как пошёл на дочь-от ладать, всё поминает, так мне аж обидно стало: ведь врёт, негодник такой!; Говори, да знай что. Чтобы зряшного разговора не вышло про неё — напраслину не возвести бы; Мать его стала вести ссылать по деревне: мол, нам её не надо, её мать бобонами хворала, и она, мол, тоже бобонная; так и испозорила девку всю.*

Речь должна быть «альтруистической», реализующей модель поведения учителя, наставника: *Придут к ей, наторят ее, уговорят — она и послушается; Поди-ка, обай её, Мария; Я вот её сомускаю сходить вместе в церковь. Денег-от ведь не-много издержишь; Вот родители и натакали — славная девка, можно её брать.* Выражение участия в судьбе собеседника является одним из элементов «правильной» речи: *Я его натыршихивала в училище идти, а он работать стал; Я ему басенькаю, чтобы шёл в больницу, а он отказывается; Не замогла мёрзду землю рыть, дак они мне посудили: робь как можёшь.*

«Эгоистическое» говорение как агрессивное воздействие на собеседника (назойливо, настойчиво просить, жаловаться, командовать, уговаривать, соблазнять, искушать) оценивается диалектоносителями негативно: *Бессоновы летом не заготовят, вот и шастают по домам, сколотыжничают; Она такой морокун, вся уж изморочалась, всю жизнь морочатся, стонет, всё больна да не может; Дьявол приходит и опять его сомускает.*

Таким образом, речь в понимании диалектоносителя должна быть «альтруистической», содержательной и достоверной.

Как сказано. Соблюдение литературных норм произношения и отсутствие диалектных особенностей является важным признаком хорошей речи: *Если ты чёкаешь, значит, ты живёшь в Пермской области; Мы ведь штокать-то не можем; молоды-те всё говорят «што», а мы, старики, всё чё да чё; Мы всё ладимся штокать, а приходится шлёпать: чё уж с нас,*

⁵ Кулиш 1984.

⁶ Белянин 2005.

с неграмотных, *взять*. Представление о хорошей речи связано именно с тяготением к литературной норме, что выражено в устойчивой формуле *говорит как пишет*: *Он умный мужик был — говорит дак как пишет*.

Важным является соблюдение речевого этикета, определённых коммуникативных правил: выдержанность, уважительная тональность (*Девки-то вы хорошие, не рюхаете, как некоторые*); уважительное обращение к собеседнику, отсутствие фамильярности (*У нас мужик-от гудной был, Егор-от Иванович: называет всех людей спрямика, катит всех, всяко место говорит*); соблюдение отведённых ролей в коммуникативной ситуации (*Ещё раз **вколешья** в наш разговор — получишь; Она говорить начнёт, а эта **зашибат** её, не даёт до конца сказать; Ты, Анка, не **пересекай**, сиди, молчи. Ты слушай, чё люди говорят, потом свою говори-то говори; Ты не **подсекай**, целкуша, не с тобой говорят*). Молчание как признак сдержанности может расцениваться и как неуважение к собеседнику: *Я к нему пришла по-простому, а он **зачумарился** и разговаривать не хочет; Марина опять **пыжится**, ни с кем не разговариват; Настя сёдни чё-то **пынкарит**, худо разговариват*.

Резко отрицательно воспринимается агрессивное речевое поведение: *Ох уж она её **шивыртала-шивыртала**, как не подралися; Молодуха была тихая, дак свекровка её **нахаэживала**, шибко уж ругала; Напьётся да и **выезжася** над женой; Он, окаянной, **ерится** всё время; ругатся день и ночь*. Неприемлемым является употребление брани: *Хватит вам **матькаться**, слушать тошно; Я никогда **скверну** не говорил — грех это, **матькаться**; Он чё, с **мату берёт**, вот и разругались вчера, всё напоре́к делат, чемор его знат*.

Таким образом, для диалектоносителя смысловой аспект восприятия речи включает понимание общего смысла высказывания, содержания речи и средств его экспликации.

Материалы диалектных словарей показывают, что в наивной картине мира отражены основные параметры, влияющие на восприятие устной речи, которые представлены в научной картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Белянин В. П. 2005: Психолингвистика. М.
 Венцов А. В., Касевич В. Б. 2003: Проблемы восприятия речи. М.
 Демидова К. И. 2012: Культурно-дефинированные психологические структуры в сознании диалектоносителя и их отражение в смысловой структуре слова // Уральск. филол. вестник. Сер. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 3. Екатеринбург, 181–188.
 Кривнова О. Ф. 2007: Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования): дис. ... д-ра филол. наук. М.
 Кулиш Л. Ю. 1984: Психолингвистические аспекты восприятия устной речи (зависимость восприятия от речевых характеристик говорящего): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев.
 Потапова Р. К. 2003: Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М.
 СПГ 2000–2002: Борисова А. Н., Прокошова К. Н. (ред.): Словарь пермских говоров: в 2 т. Пермь.
 СРГКПО 2006: Копытов Н. Ю., Подюков И. А., Черных А. В. Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь.
 СРГЮП 2010–2013: Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1–3. Пермь.
 Цветкова Л. С. 1985: Нейропсихологическая реабилитация больных. Речь и интеллектуальная деятельность. М.
 Ягунова Е. В. 2009: Вариативность стратегий восприятия звучащего текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.

THE PERCEPTION OF DIALECT-BEARERS OF ORAL SPEECH ON THE FACTS OF THE DIALECT DICTIONARIES

S. S. Shlyakhova, M. G. Vershinina

The article touches upon specialties of oral speech perception of dialect bearers on the basis of lexical units with some 'speaking', fixed in the Perm Dialects Dictionaries. It is stated that in the naive picture of the world the main factors influencing on the perception of oral speech presented in the scientific picture of the world are presented.

Key words: vocabulary of speaking, perception, oral speech, dialectology, lexicology

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК РЕЦИПИЕНТ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

© 2014

Г. К. Валеев

ТЮРКСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ЯЗЫКА

После рекурсивного обзора изучения ориентализмов русского языка в статье говорится о причинах снижения внимания к данной проблеме. Подчеркивается необходимость изучения тюркизмов как важного компонента русской культуры и создания историко-этимологического словаря тюркизмов русского языка.

Ключевые слова: русский язык, тюркизмы, история изучения, этимологический словарь тюркизмов

Словарный состав языка любого народа является хранилищем его исторической памяти от зарождения этноса до современного состояния. В знаменитой книге «Родное слово» К. Д. Ушинский писал, что «в языке народа отражается климат, природа и историческое прошлое родины <...> В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове»¹.

Россия исторически сложилась как полиэтническое общество и многонациональное государство. Лучшие умы страны постоянно ощущали, знали и подчёркивали то, что Россия — «государство, в котором постоянно шёл процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне»². В лекции «О камеральном образовании» К. Д. Ушинский говорил: «Твёрдая светлая природа славянина, грустная и покорная природа финна, отголоски грозного скандинавского обычая и привольной жизни степей — всё это слилось в самобытное нечто в характере этого созданного империей народа. Принадлежит к племени славянскому по языку и светлой части своего характера, этот срединный, связующий Россию народ соединил в себе и много финского и татарского, подчинив его славянскому элементу. На запад и восток, север и юг простирает он свою народность, везде находя себе отзыв. Он захватывает и связывает своим собственным характером все народности, все окраины народностей русских»³. В период роста национального самосознания, освобождения его от феодальных крепостных шор русская интеллигенция, ощущая абсорбный характер русского этнического типа и формирующегося литературного языка, стремилась изучить его.

Систематический интерес к восточным словам в русском языке возник еще в XVIII в. Первый известный опыт принадлежит В. Тузову, который в 1769 г. в сатирическом журнале «Подёнщина» представил словарь русских слов, сходных со словами восточных языков.

В 1812 г. Общество любителей русской словесности при Московском университете выдвинуло конкурсную тему исследования о влиянии других языков на русский язык, где должен был рассматриваться и вопрос о вкладе «татарского языка» (т. е. тюркских языков) в русский словарь. Но такое исследование осталось невыполненным. Большой интересный материал о тюркских словах в русских говорах содержится в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», вышедших в 1854 г. под редакцией И. И. Срезневского. В первом томе «Материалов» были опубликованы списки русских слов, сходных с восточными, и указан возможный источник среди восточных языков. В составлении этих глоссариев приняли участие русские востоковеды И. Н. Березин, А. А. Бобровников, В. В. Григорьев, А. К. Казымбек, И. М. Ковалевский, П. Я. Петров, А. М. Шёгрэн⁴.

Вектор изучения тюркизмов русского языка, заданный «Материалами» И. И. Срезневского, в дальнейшем остался неизменным. Слова тюркского происхождения в русском языке, как и русские ориентализмы в целом, если не рассматривать многочисленных статей и заметок по этимологии отдельных тюркизмов, изучаются в двух аспектах: а) при анализе лексического состава праславянского и конкретных славянских языков; б) при характеристике словарного состава письменного памятника.

К первому типу работ относятся словари Ф. Миклошича, А. Г. Преображенского, М. Фасмера, О. Н. Трубочёва⁵ и др. М. Фасмер для наведения справок по тюркским словам весьма некритически пользовался лишь данными «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова⁶, на что обратили внимание переводчик словаря О. Н. Трубочёв и редактор издания Б. А. Ларин⁷.

Валеев Гадель Камилевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Челябинского государственного университета. E-mail: vgakdel@gmail.com

¹ Ушинский 1990, 52.

² Путин 2012.

³ Ушинский 1948, 115.

⁴ Добродомов 1979, 364–365.

⁵ Miklošič 1884–1890; Преображенский 1910–1914; Фасмер 1986–1987; Трубочёв 1974–2013.

⁶ Радлов 1893–1911.

⁷ Ларин, Трубочёв 1996, 6.

К данному типу исследований примыкают рецензии и комментарии отечественных тюркологов к изданиям русских словарей. В 1958 г. вышла большая статья Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря»⁸, который представляет собой тюркологический комментарий к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Э. М. Севортян в 1962 г. опубликовал статью «О тюркских элементах в “Русском этимологическом словаре” М. Фасмера»⁹. А. Н. Кононов в «Заметках тюрколога на полях “Словаря русских народных говоров”»¹⁰ дал справки по тюркизмам к первым трём томам. Л. А. Кубанова исследовала тюркизмы в «Словаре» В. И. Даля¹¹ и т.д.

Второй тип изучения тюркизмов русского языка начинается со знаменитой полемики русских востоковедов П. М. Мелиоранского¹² и Ф. Е. Корша¹³, открывших дискуссию о тюркских элементах в «Слове о полку Игореве». Усилия учёных по изучению тюркизмов знаменитого древнерусского памятника нашло отражение в монографиях К. Менгеса¹⁴, Н. А. Баскакова¹⁵ и в шеститомном «Словаре-справочнике “Слова о полку Игореве”»¹⁶. Также изучаются тюркизмы других древнерусских памятников («Повести временных лет», «Хождения Афанасия Никитина», русских былин, повестей и сказаний XIII–XV вв. и т.д.), тюркизмы в языке русских писателей, их представленность в лексическом составе восточнославянских языков¹⁷ и т.д.

Несмотря на двухтысячелетние контакты славянских народов на восточноевропейской равнине с носителями тюркских языков, большое количество тюркских элементов во всех уровнях и стилях русского национального языка, тюркизмы в русской филологии не стали самостоятельным объектом изучения. Более того, за последние 50 лет в изучении ориентализмов русского языка наметилась некая стагнация: в русистике продолжается, в лучшем случае, накопление фактов в связи с введением в научный оборот новых памятников, а в многочисленных научно-популярных изданиях и школьных этимологических словарях часто повторяются далеко не лучшие толкования тюркизмов.

Этому есть ряд социолингвистических, лингвокультурологических и языковых причин.

1. Как отметил философ Н. К. Рерих, «казалось бы, совершенно ясно, что каждая страна проходит степень общности, то есть цивилизации, которая в высоком синтезе создаёт вечное, неистребимое понятие Культуры. Как мы видим на многих примерах, цивилизация может погибнуть, может совершенно уничтожиться, но Культура в неистребимых духовных скрижалях создаёт великое наследие, питающее будущую молодую поросль»¹⁸.

2. К началу XVIII в. политико-административные, военные, технические и материальные новшества, присущие восточным, в том числе и татарским ханствам, преемникам Золотой Орды, были освоены Московским государством. Заимствованные в предшествующие столетия понятия и вещи, и слова, их обозначающие, пришли, говоря словами М. В. Ломоносова, в «такое обыкновение, как будто сперва в российском родились». Приведём часть «культурных» слов русского языка, источником или последним посредником при заимствовании которых были тюркские языки: *бумага, десть* ‘мера бумаги’, *книга, карандаш, печать, кирпич, жесть, стакан, чугуи, тормоз, деньги, копейка, таможня, казна, барыш* ‘прибыль’, *артель, кабала, каторга, тюрьма, сарай* ‘дворец’, *терем, чертог, чердак, шатёр* и др. Тюркизмы, как и вещи, и понятия, освоенные русским обществом, вошли в словарный состав языка и перестали восприниматься как символы цивилизации.

3. В советском языкознании с 1960-х гг. в связи с увлечением структурализмом и с бурным развитием прикладных и междисциплинарных отраслей гуманитарных, в частности, филологических наук ослабевает внимание лингвистов к сравнительно-историческим исследованиям. Задача, поставленная Обществом любителей русской словесности при МГУ в далёком 1812 г. по изучению вклада «татарского» языка в русский словарь, так и осталась нерешённой. Необходимость проведения фундаментального исследования тюркских лексических элементов русского языка и создания научного словаря тюркизмов русского языка была четко обоснована акад. Н. К. Дмитриевым¹⁹. Он ссылается на труды своих предшественников В. А. Богородицкого, А. В. Миртова, В. И. Абаева, К. Г. Менгеса, Т. Ковальского, в которых они, к сожалению, не пошли далее простой классификации тюркизмов. После большого теоретического введения Н. К. Дмитриев разделил глоссарий тюркизмов на три основных раздела: 1) «Тюркизмы, подтверждённые фактами»; 2) «Тюркизмы, требующие дополнительной документации»; 3) «Слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы». В качестве недостатков принятых классификаций тюркизмов отмечается: 1) игнорирование хронологии; 2) стремление объяснять все тюркизмы из османского (турецкого) языка; 3) стремление базироваться только на данных турецкого литературного языка.

Несмотря на то, что в настоящее время наука располагает большим числом достоверных этимологий тюркизмов, написанных славистами и тюркологами, в лексикографической практике описания тюркизмов русского языка практически ничего не изменилось.

К примеру, возьмём тюркизмы на букву «Б» в четырёхтомном «Словаре русского языка»²⁰. Большая часть тюркизмов никак не выделена: *балабан, баран, барбос, барс, барсуи, бархат, бурка, бурун, бурый* и др. По-прежнему находим полное, ничем не обоснованное смешение помет *тюрк(ское), тур(ецкое), татар(ское)*; редчайшие пометы *каз(ахское) — бархан, (туркмен)ское — буерак, аз(ербайджанское) — бурдюк* никак не подтверждаются этимологическими словарями. Полностью игнорируются ареал бытования и миграция слов. Если в заимствованиях из западных языков частично прослеживаются языки-посредники *бивак* [фр. от нем.], *бамбук* [фр. от малайск.], то огромное число тюркизмов игнорируется, они отнесены сразу к языку-источнику: *перс(идское) — бадья, базар, бакиши, бахча; ар(абское) — бисер, бязь; монг(ольское) — баламут*

⁸ Дмитриев 1958, 3–47.

⁹ Севортян 1962, 11–29.

¹⁰ Кононов 1966, 226–229; 1969, 531–538.

¹¹ Кубанова 1968.

¹² Мелиоранский 1902, 273–302; 1905, 66–92.

¹³ Корш 1903, 1–58; 1906, 259–315.

¹⁴ Менгес 1979.

¹⁵ Баскаков 1985.

¹⁶ Виноградова 1965–1984 (сост.).

¹⁷ Добродомов; Романова 1979, 211–238; Валеев 2000, 15–17.

¹⁸ Рерих 1991, 28–29.

¹⁹ Дмитриев 1958, 3–47.

²⁰ Евгеньева (ред.) 1, 1981, 53–131.

и т. д. Ряд тюркизмов скрыт за пометами *уст(арелое)*, *обл(астное)*: *батог*, *баитан*; слово *башибузук* снабжено пометой *тюрк(ское)*, хотя прямо в дефиниции говорится, что это «солдат нерегулярных конных частей турецкого войска».

Вероятно, достаточно даже этого небольшого экскурса, чтобы показать неотложность создания современного словаря тюркизмов русского языка. Ставший библиографической редкостью «Словарь тюркизмов русского языка» Е. Н. Шиповой²¹ является неполной некритической выборкой тюркизмов из ранее изданных словарей и научных трудов. Современное состояние русской и тюркской исторической лексикологии и этимологии позволяет исправить такие анахронизмы в русской лексикографии.

Несмотря на близость фонетико-грамматического строя и лексического состава тюркских языков, среди тюркизмов реально можно выделить позднейшие турецкие заимствования²², а остальные тюркизмы необходимо дифференцировать по хронологическим срезам: болгарские, огузские и кыпчакские заимствования. Такие работы уже ведутся. В области наиболее древних болгарских заимствований в русском лексиконе успешно работает проф. И. Г. Добродомов²³.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н. А.* 1985: Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.
- Валеев Г. К.* 2000: Работа Е. Ф. Карского над восточными словами русского и белорусского языков // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм: тэз. дакл. VIII Міжнар. Карскіх чытанняў / М. І. Канюшкewіч (ред.). Мінск; Гродна, 15–17.
- Валеев Г. К.* 2005: Слова турецкого происхождения в русском языке // Научное наследие А.-З. Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России: межрег. науч.-практ. конф., посвящ. 115-летию со дня рожд. А.-З. Валиди Тогана / М. М. Кульшарипов (ред.). Уфа, 291–301.
- Виноградова В. Л.* (сост.) 1965–1984: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 т. Л.
- Дмитриев Н. К.* 1958: О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М. (перепечатано в кн.: Н. К. Дмитриев. 1962: Строй тюркских языков. М., 503–569).
- Добродомов И. Г.* 1967: Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Учёные записки МГПИ им. В. И. Ленина. 264. Вопросы лексики и грамматики русского языка / И. А. Василенко (ред.). М., 364–365.
- Добродомов И. Г.* 1969: Из болгарского вклада в славянских языках. I // Этимология. 1967 / Ж. Ж. Варбот (ред.). М.
- Добродомов И. Г.* 1971: Из болгарского вклада в славянских языках. II // Этимология. 1968 / Ж. Ж. Варбот (ред.). М.
- Добродомов И. Г.* 1974: Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Добродомов И. Г., Романова Г. Я.* (сост.) 1979: Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках // К. Г. Менгес: Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л.
- Евгеньева А. П.* (ред.) 1981: Словарь русского языка: в 4 т. Т. I. М.
- Керими Юнал* 2004: Военно-административная лексика турецко-тюркского происхождения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук, Уфа.
- Кононов А. Н.* 1966; 1969: Заметки тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров» // ИСЛЯ. Т. 25. Вып. 3, 226–229; Т. 28, Вып. 6, 531–538.
- Кори Ф. Е.* 1903: Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (Заметки к исследованию П. М. Мелиоранского: ИОРЯС, 1902. Т. 7, кн. 2, 273–302) // ИОРЯС. Т. 8, кн. 4, 1–58.
- Кори Ф. Е.* 1906: По поводу второй статьи проф. Мелиоранского о «Турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве»» // ИОРЯС. Т. 11, кн. 1, 259–315.
- Кубанова Л. А.* 1968: Тюркизмы в диалектной лексике русского языка (по «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Ларин Б. А., Трубочёв О. Н.* 1996: От редакции // М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубочёва; Б. А. Ларин (ред.). Т. I. М.
- Мелиоранский П. М.* 1902: Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. Т. 7, кн. 2, 273–302.
- Мелиоранский П. М.* 1905: Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. Т. 10, кн. 2, 66–92.
- Менгес К. Г.* 1979: Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л. (англ. изд. Нью-Йорк, 1951)
- Преображенский А. Г.* 1910–1914: Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.
- Путин В. В.* 2012: Россия: национальный вопрос // Независимая газета, 23.01.2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
- Пушкин А. С.* 1978: Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. Л.
- Радлов В. В.* 1893–1911: Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб.
- Рерих Н. К.* 1991: Синтез // Твердыня пламенная. Рига.
- Севортян Э. В.* 1962: О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера // Лексикографический сборник. Вып. V. М.
- Трубочёв О. Н.* (ред.), *Журавлёв А. Ф.* (ред. с 33 т., 2007) 1974–2013: Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Т. 1–39. М. (Изд. продолжается).
- Ушинский К. Д.* 1948: Собр. соч.: в 11 т. Т. I. М.
- Ушинский К. Д.* 1990: Родное слово // Антология педагогической мысли России второй половины XIX — начала XX в. М.
- Фасмер М.* 1986–1987: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубочёва; Б. А. Ларин (ред.). М.
- Шипова Е. Н.* 1976: Словарь тюркизмов русского языка. Алма-Ата.
- Miklosich Fr.* 1884–1890: Die türkische Elemente in der südost- und osteuropäischen Sprachen // Denkschrift der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Bd. 35, 36, 38.

TURKIC COMPONENT OF RUSSIAN CULTURE IN RUSSIAN VOCABULARY

G. K. Valeev

After recursive survey of study of the Russian language orientalisms, the article shows the reasons of the decrease of attention to this problem. The necessity of Turkisms study as an important component of the Russian culture and creation the historical and etymological dictionary of Turkisms of the Russian language is outlined in the article.

Key words: the Russian language, turkisms, history of studying, etymological dictionary of turkisms

²¹ Шипова 1976.

²² Валеев 2005, 291–301; Керими Юнал 2004.

²³ Добродомов 1969, 252–270; 1971, 189–196; 1974 и др.

© 2014

Т. В. Гриднева

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

Интерес к фразеографической интерпретации фразеологического значения не ослабевает. Значение фразеологизма может быть представлено во фразеологическом словаре различными способами. Широкий аспект предполагает анализ не только семантической структуры фразеологизма, но и слоёв её когнитивной основы.

Ключевые слова: фразеологическая семантика; эмотивный, оценочный, понятийный, образный компоненты; оноματοпоэтический концепт

Русские фразеологизмы — один из интересных фрагментов русской культуры, отражающий особенности выражения стереотипизированной оценки окружающей действительности, взаимоотношений между людьми, специфику отображения образного восприятия действительности, другие аспекты. Интерес исследователей к фразеологизмам не ослабевает, и в работах по фразеологии, фразеографических изданиях, в частности особенности фразеологической семантики представляются новыми гранями. Следует отметить, что проблема определения фразеологического значения является для фразеологов одной из обсуждаемых, а вопрос его фразеографической интерпретации остаётся в лингвистике одним из актуальных. Подтверждение тому — вновь и вновь появляющиеся словари собственно фразеологизмов, а также словари русских пословиц и поговорок — единиц, расширяющих границы фразеологии.

Современная фразеография не обходится без интерпретации фразеологического значения в связи с его соотношением с когнитивной основой. Существуют различные способы такого комплексного подхода к анализу фразеологического значения: узкий и широкий. Узкий принцип когнитивно-семантической презентации фразеологического материала позволяет сделать акцент на какой-либо стороне фразеологической семантики и, следовательно, — части концепта, лежащего в основе значения фразеологизма. При узком представлении когнитивно-семантической структуры или, вернее, её компонентов, делается акцент на понятийных особенностях фразеологизмов, их аксиологических, эмоциональных или образных характеристиках. Например, в разделах словаря Р. И. Яранцева представлены фразеологизмы, в семантике которых отображаются различные эмоции и чувства человека, черты его характера, характеристики явлений и ситуаций¹. Вызывает интерес раздел «Эмоции и чувства человека»², в котором представленные фразеологизмы отображают восхищение (*дух захватывает*), восторг (*ну и ну!*), насмешку (*поднять на смех*), раздражение (*действовать на нервы*), негодование (*выйти из себя*) и другие эмоции и чувства; такая когнитивно-семантическая презентация фразеологизмов демонстрирует соотношение семантической составляющей — эмосемы — с эмоциональным компонентом концепта.

Узкий подход предполагает также анализ особенностей соотношения оценочного компонента семантики фразеологизма и аксиологической составляющей фразеологического концепта, для чего рассматриваются следующие группы фразеологизмов: 1) единицы, предназначенные для выражения общей отрицательной оценки окружающей действительности, например: *не ахти как* — ‘не очень хорошо, плохо’; 2) единицы, нацеленные на выражение общей положительной оценки окружающей действительности, например: *на ять* — ‘очень хорошо’; 3) единицы, предназначенные для выражения частной отрицательной оценки окружающей действительности, например: *перебиваться с хлеба на квас* — ‘жить очень бедно’; 4) единицы, предназначенные для выражения частной положительной оценки окружающей действительности, например: *во все лопатки* — ‘очень быстро’ (бежать). При описании данного компонента когнитивно-семантического пространства фразеологизма обращается внимание на его образную составляющую.

В дефинициях фразеологизмов раскрывается информация об эксплицитном и имплицитном отображении аксиологических характеристик, например, в оценочных характеристиках *любо-дорого* — ‘очень хорошо, очень приятно’; *с лихвой* — ‘с избытком’. На положительный или отрицательный характер оценки эксплицитно указывают компоненты фразеологизмов. Например, *любой*. Общеславянское индоевропейского характера (ср. нем. *lieb* — ‘милый, любимый’, лат. *libet* — ‘нравится’, скр. *lubhyati* — ‘чувствует неодолимое желание’ и т.д.; первоначальное значение — ‘возбуждающий неодолимое желание, страсть, любовь’, затем — ‘тот, который при свободе выбора нравится больше’)³; *дорогой*. Общеславянское — ‘добрый, полезный, годный’⁴, *лихва* (ср. лихоимец — ‘ростовщик’), *лихой* — первичное значение — ‘лишний, обильный, большой’; значения ‘причиняющий беду, зло; полный бед, зол’ являются вторичными и антонимическими и возникли в результате табуирования⁵.

Имплицитно оценочное значение выражается сквозь призму различных характеристик явлений действительности, черт характера человека, других особенностей, например: фразеологизм *ставить на ноги* — 1. ‘Вылечивать, избавлять от болезни’; 2. ‘Растить, воспитывать, доводить до самостоятельности’; 3. ‘Заставлять активно действовать, принимать деятельное участие в чём-л.’ — во всех представленных значениях содержится оценочную сему, отображающую положительный аксиологический слой фразеологического концепта, что выявляется в результате анализа высокорезультативных процессуальных характеристик фразеологической семантики.

Как видим, эмоциональные группировки являются попытками рассмотреть актуализацию эмоций в семантике фразеологизмов; аксиологические характеристики интерпретируют соответствующий компонент фразеологического концепта, демонстрируют особенности актуализации оценочных сем в семантике фразеологизмов. Способом интерпретации понятийной сферы фразеологизмов являются тематические классификации, предполагающие группировку единиц следующим образом:

Гриднева Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Волгоградского социально-педагогического университета. E-mail: Grid6@yandex.ru

¹ Яранцев 2001, 845.

² Яранцев 2001, 96–301.

³ Шанский, Иванов, Шанская 1961, 189.

⁴ Шанский, Иванов, Шанская 1961, 95.

⁵ Шанский, Иванов, Шанская 1961, 183.

1) фразеологизмы, отображающие характеристику поведения человека (*подкладывать свинью* — ‘делать кому-нибудь тайком какую-то неприятность’); 2) фразеологизмы, отображающие отношение человека к кому-нибудь или чему-нибудь (*точить зубы* — ‘злиться на кого-нибудь’); 3) фразеологизмы, отображающие имущественное положение человека или людей (*сводить концы с концами* — ‘едва справляться с нуждой’) и др.

Мысль о том, что для современной фразеографии характерен синергетический подход, предполагающий принцип совместного действия⁶, объясняет стремления лексикографов всесторонне раскрыть многие особенности взаимодействия компонентов фразеологической семантики и её когнитивных прототипов. Большой интерес представляет информация, детально уточняющая особенности фразеологической семантики, структурированную понятийным, эмотивным, оценочным, образным компонентами, а также сведения, актуализирующие её когнитивную основу. Комплексный взгляд на фразеологизм как на сложную семантическую единицу позволяет увидеть, как в её многоаспектной семантике представляются различные слои оригинального концепта. Такой взгляд раскрывает характеристики когнитивно-семантического пространства русской фраземики: его динамичность; экспрессивность, определяющуюся эмоциональностью и образностью; образность и др. Выше было сказано об особенной привлекательности комплексной презентации фразеологического значения, которая предполагает когнитивно-семантический взгляд на специфику фразеологизма. Словарная статья должна отражать понятийный, аксиологический, эмоциональный, образный аспекты информации в комплексе на основе актуализации особенностей семантической структуры фразеологизма. Подобная презентация отражает мнение учёных об уникальности фразеологической семантики, которая призвана не называть явления действительности, а давать им оценочную характеристику, воспроизводить эмоциональное к ним отношение, а также позицию относительно особенностей фразеологического ономастопозитического концепта — когнитивной основы фразеологической семантики. Источниками и способами формирования названного многослойного концепта являются чувственный опыт человека — источник зрительных образов, предметно-практическая деятельность — способ осмысления, речемыслительные операции — условие интерпретации, лингвопрагматические факторы, обуславливающие коммуникативную значимость идиомы⁷. Указанные аспекты отображаются во фразеологической семантике в различных ракурсах; вышесказанное предполагает расположение фразеологизмов в разделах словаря, среди которых могут быть: 1) фразеологизмы, в первую очередь, отображающие эмоциональное настроение человека; 2) фразеологизмы, отображающие, в первую очередь, оценку практической деятельности человека, и др. При этом перечисленные аспекты предполагают наличие в словаре различных прагматических группировок (разделов): общая оценка действительности, частная оценка качеств человека и др.

При широком когнитивно-семантическом описании обращается внимание на различные группы фразеологизмов, среди которых: 1) единицы, описывающие эмоции, которые испытывает или может испытывать человек, например, *дух захватывает* — ‘трудно дышится от избытка чувств, сильных переживаний — восхищения, восторга, душевного блаженства’; *душа [сердце] разрывается [рвётся] (на части) у кого* — ‘кто-л. глубоко скорбит, печалится, тяжело переживает что-л., или за кого-л., находящегося в трудном, тяжёлом, безвыходном положении’; *отлегло от сердца* — ‘кто-л. испытывает чувство облегчения, успокоения, умиротворения после того, как не случилось что-л. плохое, неприятное, что ожидалось до этого’; 2) единицы-реплики манифестирующие определённые эмоции, например, *подумать только* — ‘выражение восхищения, восторга, вызванного необычностью чего-л.’; *ну и ну!* — ‘выражение восхищения’; *бог ты мой!* — ‘выражение, радости, восторга по поводу какого-л. необычного явления, а также восхищения кем-л. или чем-л.’; *вот поди ж ты!* — ‘выражение удивления’; *вот так фунт!* — ‘выражение удивления, разочарования’. Особенно важно указание на разнообразие оценочных и образных компонентов, которые помогают раскрыть сходные эмоции. Например, для выражения счастья, восторга используются образы *блаженства, звезды, сорочки, седьмого неба*. Кроме того, для отображения необыкновенных чувств описываются предполагаемые ситуации (*чувствовать себя на вершине блаженства*), воспроизводятся сценарии удачной жизни (*родиться в сорочке, родиться под счастливой звездой*), ощущения полного счастья (*чувствовать себя на седьмом небе*).

Таким образом, интерес к интерпретации фразеологического значения в словарях не ослабевает. Когнитивно-семантические аспекты фразеологизма могут быть представлены в словарных статьях узким и широким способами.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. 2006: Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова. Волгоград.
 Алефиренко Н. Ф. 2009: Методологические векторы когнитивно-синергетической фразеографии // Проблемы истории, филологии, культуры / М. Г. Абрамзон (ред.). М., 120–127.
 Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. 1961: Краткий этимологический словарь русского языка. М.
 Яранцев Р. И. 2001: Русская фразеология. Словарь-справочник. М.

THE SPECIFIC OF REPRESENTATION OF THE DIFFERENT ELEMENTS OF PHRASEOLOGICAL CONCEPT

T. V. Gridneva

The interest to representation of the phraseological meaning in the vocabulary is acute. The meaning of a phraseologism may be represented by different means. The deep aspect has supposed the interpretation of the phraseological semantic elements and its cognitive base.

Key words: phraseological semantic, emotive, evaluative, figurative components, special onomatopoeic concept

⁶ Алефиренко 2009, 120.

⁷ Алефиренко 2006, 188.

© 2014

А. Ю. Епимахова

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (по фразеологическим данным)

Современный русский литературный язык является частью и основой русской культуры. В условиях глобализации он отражает изменения, происходящие в менталитете представителей русского этноса.

Ключевые слова: русская культура, русский язык, глобализация, языковое сознание

Н. Я. Данилевский в своих работах отмечает, что классификационную основу для каждого культурно-исторического типа народа составляет именно язык. В основу цивилизации входит не географическое единство, не территориальная близость, а культурное, языковое единство, определяющее культуру мысли нации. Культура по своей природе уникальна, она обладает индивидуальной неповторимостью, которая составляет её истинную ценность. Эти черты культуры образуют её духовный облик. Их утрата, искажение, уничтожение лишают культурно-исторический тип внутреннего ядра¹.

Процесс глобализации охватывает всё с большей силой все стороны современной жизни. Поглотив экономику, глобализация распространилась на культуру. Развитие современных технологий, поиск технических возможностей для решения поставленных задач современным информационным обществом, возможно, принесёт плюсы экономическому развитию, но вместе с тем процессы универсализации, стандартизации приводят к нивелированию национальной культуры, к распространению единой, гомогенизированной культуры, лишённой самобытности, связи с прошлым и памяти о традициях.

Всеохватывающий процесс американизации культуры, распространение массовой поп-культуры, коммерческой и мейнстримной культуры, которую предлагает нам Запад, ведёт к вытеснению высокой культуры, присущей русской нации, являющейся её достоянием и богатством.

Ведутся попытки трансформации традиционных национальных ценностей русской культуры, формирование в сознании носителей русской культуры духовно-нравственных установок западного мира с последующей переориентацией во всех сферах и укладах жизни — политике, экономике, культуре, духовной и общественной жизни.

Развитие современной цивилизации, совершенствование средств коммуникации делает межнациональное, межкультурное общение весьма интенсивным. Происходит переориентация внутренних установок, заложенных в языковом, коммуникативном и когнитивном сознании, что приводит к изменению поведения людей и утрате прежних, присущих им традиций и устоев.

Культура — это исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей. В более узком смысле культуру относят к духовной жизни².

Русская культура находится под влиянием чуждых ей культурных ценностей. Идеологическая экспансия Запада, главным образом, проявляется в том, что западные стандарты, идеология, образцы этических форм жизни, цели, идеалы, принятые в западном обществе, например, ориентация на приоритет материальных благ, не являются истинными ценностями русского характера. Мало вероятно, что эти ценности могут когда-нибудь составить основу жизненных устремлений русского человека, т.к. Запад и Россия в своём историческом развитии шли разными путями, «социальность русского общества принципиально отличается от социально-демократического общества»³.

Примером может послужить фразеологический оборот *to be born with a silver spoon in one's mouth* (досл. родиться с серебряной ложечкой во рту), к которому сложно подобрать точный эквивалент в русском языке. В английском этот фразеологизм имеет значение 'родиться в богатой семье, иметь высокое социальное положение'. Само выражение *silver spoon* является синонимом *богатства* (*унаследованного богатства*). Фразеологизм отражает культуру народа своими прототипами, которые ранее, будучи свободными словосочетаниями, описывали определённые обычаи и традиции. Подобный пример можно привести и в немецком языке *mit einem silbernen Loeffel im Mund geboren sein*.

Внутренняя форма фразеологизма уходит корнями в XVIII в., когда люди приходили к обеду со своими ложками, носили их подобно бумажникам и ключам. В то время обладателя серебряной ложки считали богатым человеком. Это являлось индикатором принадлежности к определённому социальному слою или классу. В эпоху Средневековья серебряная ложка выполняла функцию паспорта или другого удостоверения. Данный фразеологизм появился в печати в английском языке в 1719 г. в переводе популярного произведения мировой литературы, созданного испанским писателем Мигелем де Сервантесом Сааведрой «Дон Кихот»: «Mum, Teresa, quoth Sancho, 'tis not all Gold that glisters, and every Man was not born with a Silver Spoon in his Mouth» (Peter Anthony Motteux, vol. 4, 345). Далее в романе Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» можно встретить главу под названием «The Silver Spoon», которая описывает избалованную наследницу Флёр Форсайт.

В русской языковой картине мира подобное выражение не имеет точного эквивалента, можно привести в качестве примера исконно русский фразеологизм *родиться в рубашке, сорочке*, что обозначает 'родиться счастливым, быть удачливым'. Целая цепочка примеров из произведений классиков отражает значение и употребление русского выражения.

Я в сорочке родился, мне во всём удача (Вересаев, 129); ... *обрабатывали рану, врач осмотрел её внимательно <...> сказал, что солдатик в рубашке родился. Плечевой сустав не нарушен, а только задет осколком* (Астафьев, 286); *С мальчишеских лет терпелив и умён, Можайский не ведал, что значит усталость. Хотя... сослуживцам казалось, что попросту был он в рубашке рождён* (Васильев, 156). Во всех примерах прослеживается значение 'быть счастливым, родиться под счастливой звездой'. Из русского фразеологизма *родиться в рубашке, сорочке* можно лишь опосредованно эксплицировать внутреннюю форму со значением 'богатство' (сорочка — это русская мужская рубашка с косым воротом, которая носилась

Епимахова Алина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков, и.о. декана факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета. E-mail: aline_@mail.ru

¹ Данилевский 1991.

² БСЭ 13, 1973, 579.

³ Савицкий 1997, 174.

навыпуск, подпоясывалась и считалась признаком материального благополучия): *Он ли не в рубашке родился! Деньги у него не переводились...* (Бунин, 120).

В последнее время отмечается активизация использования английского фразеологизма в прямом переводе в русском языке; свидетельством тому является ценностная переориентация русского менталитета по западному образцу. Благодаря особенностям и укладу жизни русского человека сформированные годами базовые концепты «Помощь», «Взаимовыручка», «Совместная работа», «Улучшение жизни общества» становятся менее актуальными, ломаются духовные устои жизни и культуры, переориентируется система ценностей.

По словам Н. А. Моисеевой, «... подключение России к глобальному информационному пространству поставило данный выбор в жёсткую зависимость от экономического благосостояния личности»⁴, чуждые нам концепты и система ценностей «сбивают с ног», ломают нормы морали и приводят к интеллектуальной деградации.

ЛИТЕРАТУРА

- Астафьев В. П.* 1964: «Сашка Лебедев» // «Молодой человек». Вып. 3. Пермь, 252–287.
БСЭ 1973: Большая советская энциклопедия: в 30 т. / А. М. Прохоров (ред.). Т. 13. М.
Бунин И. А. 1965: Повести и рассказы 1912–1916 // И. А. Бунин. Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М.
Васильев С. А. 1977: Избранное. Стихотворения. Поэмы. М.
Верещаев В. В. 1988: Повести. Рассказы. М.
Данилевский Н. Я. 1991: Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.
Моисеева Н. А. 2003: Глобализация и русский вопрос // Социологические исследования. 6, 12–28.
Савицкий П. Н. 1997: Континент Евразия. М.

RUSSIAN CULTURE AND THE RUSSIAN LANGUAGE IN GLOBALIZATION (according to phraseographic data)

A. Y. Epimakhova

This article is devoted to the analysis of the modern Russian language which is a part and basis of Russian culture in the process of globalization. The article shows changes taking place in Russian people consciousness.

Key words: Russian culture, the Russian language, globalization, language consciousness

© 2014

Н. А. Козько

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «НАПИТКИ» НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В статье анализируются особенности репрезентации концепта «Напитки». Материалом исследования являются русскоязычные и англоязычные лексикографические источники. Автор сопоставляет семантические поля анализируемого концепта в русском и английском языках.

Ключевые слова: концепт, лексикографические источники, семантическое поле, тезаурус, национально-культурная специфика

Словарный состав языка постоянно изменяется. Эта изменчивость и подвижность связана, в первую очередь, с тем, что язык, в частности его словарный состав, непосредственно связан с деятельностью людей. Другими словами, именно слово является манифестацией соответствующей культуры. Лексические единицы составляют тот ярус языка, культурная специфика которого наиболее очевидна, так как именно номинативные ресурсы языка наиболее близки к отражению внеязыковой действительности. Лексика отражает внешний мир, давая наименования его объектам, предметам и явлениям.

Именно в словарном составе языка наиболее ярко и очевидно проявляется национальная специфика языка. «Лексика каждого языка членит внеязыковую действительность своим, совершенно особым образом, не таким, как в других языках»¹

Тезаурусы наиболее полно отражают состав семантического поля того или иного концепта, в то время как лингвострановедческие словари предоставляют информацию, характерную лишь для отдельной страны, обусловленную её климатическими, историческими, географическими и другими условиями. На их материале можно выделить те лексемы и словосочетания, которые являются общими для языковых картин мира, и те, которые свойственны лишь отдельной языковой картине мира.

Под лингвострановедческим словарём Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров понимают «словарь, в котором в качестве средств семантизации применяются как толкование лексических понятий, так и изъяснение лексических фонов»². По их мнению, лингвострановедческий словарь семантизирует историко-национальное и социальное своеобразие отдельной культуры.

⁴ Моисеева 2003, 15.

Козько Наталья Александровна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии и перевода Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: Kozko_natalia@mail.ru

¹ Мельчук 1997, 266.

² Верещагин, Костомаров 1980, 206, 212.

Считается, что не все единицы языка равноценны с точки зрения своей национально-культурной специфики. Наибольший интерес представляют лингвокультурные концепты, национально-культурная маркированность которых отражает особенности менталитета, ценностные ориентации, другими словами, то своеобразие, которое отличает одно лингвокультурное пространство от другого.

Одним из таких лингвокультурных концептов является концепт «Напитки». Исследование лингвистической репрезентации культуры питания позволяет выявить базовые стереотипы нации, связанные с ценностями в сенсорно-материальной области вкуса, ритуального употребления напитков и др. Материалом для такого рода исследований концептов могут послужить различного рода лексикографические источники³.

Используя лексикографические источники при анализе семантического поля концепта «Напитки» в английском языке, Т. А. Комова представляет его следующим образом: *drink, water, milk, beer, ale, lager, porter, soda water, tonic, gin, whisky, cherry, cider, hard cider, rum, liquor, brandy, Madeira wine, hock, hob-nob, Benedictine, punch*⁴.

Мы считаем, что данная структура не совсем полно отражает тематическое многообразие спиртных напитков в английском языке. Здесь можно найти только *Madeira wine* и *hock*, а ведь существуют ещё и другие виды вин (например, *red wine, Burgundy wine, Sparkling wine*). Слово *liquor*, в свою очередь, не переводится на русский язык как «ликёр», оно имеет значение 'спиртные напитки', т.е. слово *liqueur* (ликёр) в его исконном значении осталось вообще невостребованным: оно называет один из ликёров (*Benedictine*), в то время как остальные наименования ликёров (*Sambuca, Baileys, Campari* и др.) не были включены в состав анализируемого поля. Кроме того, в этом поле представлены как названия классов спиртных напитков, так и их разновидностей, но также не в полном объёме. Например, *beer* бывает не только *ale, lager, porter*, но и *March beer, Pilsner beer, bitter, stout* и др.⁵

Кроме того, в составе настоящего семантического поля оказались названия лишь нескольких безалкогольных напитков (например, *soda water, water, milk* и ряд других), а за пределами поля остались как известные всем *coffee, tea, juice, milk shake, lemonade*, так и именованные традиционных английских напитков (*cordial*).

В русском языке семантическое поле концепта «Напитки», по мнению Т. А. Комовой, выглядит следующим образом: *лимонад, сидр, напиток, питьё, вода, молоко, квас, кисель, компот, пиво, самогонка, брага, наливка, настойка, медовуха, вино, водка, спирт, медицинский спирт, портвейн, херес, мадера, шампанское игристое, ром, ликёр, виски*⁶.

В русском языке можно встретить как исконно русские, не встречающиеся в других языках, названия напитков (*брага, наливка* и др.), так и универсальные, существующие и в других лингвокультурах (*ром, виски* и др.).

Этот перечень, на наш взгляд, также не является полным. Говоря о названиях исконно русских спиртных напитков, этот ряд можно дополнить. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля можно найти именованные следующих напитков: *пьясовая, арак, малиновка, брага, бражка, браванда, сивуха, заунывная, вишнёвка, распоясная, кизлярка, кракун, горемычная, клубничовка, душегрейка, подздошная* и многие др.⁷ Как видно из перечисленных названий, часть из них отражает состояние души человека после принятия этого хмельного напитка. Например, *пьясовая* — та, от которой хочется пуститься в пляс; *душегрейка* — та, которая душу греет; *заунывная* — та, от которой становится уныло на душе; *горемычная* — та, которая заставляет горевать. Названия других напитков сообщают о том, из чего они сделаны: *малиновка, клубничовка, вишнёвка*.

Список безалкогольных напитков можно пополнить названиями традиционных русских напитков (*сбитень, взвар, сыта, березовица*).

В русском языке существует напиток *медовуха*, а в английском его аналогом является *mead* (напиток из мёда, который пили в прошлом).

Анализ англоязычных лексикографических источников (в частности тезаурусов) позволяет выделить в составе семантического поля «Напитки» несколько тематических групп, имеющих отношение к различным сферам жизнедеятельности человека: *drunk, drunkenness, drunkard, drunken, drink to, drinker, drink*⁸.

В основе этого тезауруса лежит деривационный принцип, и рассматриваются синонимы только однокоренных слов.

Другой тезаурус (The New Roget's Thesaurus) значительно расширяет представление о семантическом поле концепта «Напитки». Здесь выделены следующие составляющие: *Drink, Drinking, Beverage, Soda, Thirst, Verbs, Adjectives, Alcoholic liquor, Intoxicant, Highball, Brandy, Beer, Wine, God of wine, Viniculture, Alcohol, Distillery, Tavern, Bartender, Drinking liquor, Imbiber, Drinking party, Toast, Verbs, Distill, Adjectives, Vinous, Drunkenness, Alcoholism, Drunkard, Hangover, Sobriety, Teetotalism, Teetotaler, Seriousness, Make serious, Serious*⁹.

В этом словаре наиболее полно представлено семантическое поле концепта «Drinks». Рассматриваемые слова и словосочетания не ограничены лишь рамками производных от слова *drink*. Можно сказать, что здесь рассматривается не только семантическое поле концепта «Напитки», но и несколько смежных с ним полей. В словарь включены наименования различных профессий, исторических событий, последствий болезней, связанных со спиртными напитками; названия питейных заведений, безалкогольных напитков, движений против пьянства; названия спиртных напитков.

В результате анализа лексикографических источников и выявления семантических полей концепта «Напитки» стала очевидной национально-культурная специфика данного концепта в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. 1980: Лингвострановедческая теория слова. М.

³ Козько, Пожидаева 2013, 103.

⁴ Комова 2003, 57.

⁵ Козько 2006, 88–89.

⁶ Комова 2003, 57.

⁷ Даль 2000.

⁸ Collins Paperback Thesaurus 1996.

⁹ The New Roget's Thesaurus 1976.

- Даль В. 2000: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.
 Козько Н. А. 2006: Концептосфера «спиртные напитки» в национальной языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск.
 Козько Н. А., Пожидаева Е. В. 2013: Лексико-семантическая репрезентация базовых материальных концептов на материале лексикографических источников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 6, ч. 2. Тамбов. 103–106.
 Комова Т. А. 2003: Концепты языка в контексте истории и культуры. М.
 Мельчук И. А. 1997: Курс общей морфологии. Т. 1. М.; Вена.
 Collins Paperback Thesaurus 1996: Glasgow.
 The New Roget's Thesaurus 1976. N.Y.

THE CONCEPT “DRINK” ANALYSIS BY THE EXAMPLE OF LEXICOGRAPHICAL SOURCES

N. A. Kozko

The article analyses peculiarities of the concept “drink” representation. The research material is the Russian and English lexicographical sources. The author compares the semantic fields of the analyzed concept in Russian and English.

Key words: concept, lexicographical sources, semantic field, thesaurus, ethnic-cultural identity

© 2014

Н. Н. Костина

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК РЕЦИПИЕНТ ИНОЯЗЫЧНЫХ АББРЕВИАТУР

В статье рассматриваются иноязычные аббревиатуры в современном русском языке. Особое внимание уделяется семантическому плеоназму в аббревиации, выделяются фонетические и орфографические особенности аббревиатур иноязычного происхождения.

Ключевые слова: аббревиатуры, семантический плеоназм, лексикография, словарь

Обогащение словарного состава новыми аббревиатурами — один из важнейших факторов в развитии языка. Новые аббревиатуры образуются как средствами русского языка, так и средствами других языков, что является следствием и результатом международных контактов. Заимствованные аббревиатуры обычно активно и довольно легко ассимилируются в языковой системе.

Основными причинами заимствования являются потребность в наименовании нового явления; специализация понятия; «престижность и мода» на иноязычное слово; коммуникативная актуальность понятия, обозначаемого заимствованными аббревиатурами. Кроме количественного и качественного изменения вокабуляра, данный процесс, также позволяет открыть некоторые семантические особенности аббревиатур как языковых единиц вторичной номинации. Так, например, заимствование англоязычных аббревиатур русским языком сопровождается тавтологией, избыточностью, плеоназмом. Плеоназм (от греч. *pleonasmós* — избыток, чрезмерность) — избыточность выразительных средств, используемых для передачи лексического или грамматического смысла высказывания¹. Семантический плеоназм в аббревиации — это явление, когда семантическое значение слова, включённого в состав аббревиатуры, используется повторно в полном виде в аббревиатуре.

Избыточность временами принимает форму иностранных слов, чьё значение повторяется в этом контексте. В устойчивых словосочетаниях, в которых аббревиатура используется одновременно со словом, обычно переводится последнее слово, которое входит в данную аббревиатуру. Например, *VIP-персона* (англ. *Very Important Person*), *ISP-провайдер* (англ. *Internet Service Provider*), *Линия* ЛЭП (букв. *Линия* Электрической передачи), *АвтоВАЗ* (букв. *Автомобильный Волжский Автомобильный* Завод), *Вирус ВИЧ* (*Вирус* Иммунодефицита человека). Во многих случаях семантического плеоназма статус аббревиатуры как плеонастической зависит от контекста.

Среди аббревиатур, образованных на базе заимствованных, имеются и производные явно окказионального характера: *PRофи-клуб* (в результате аппликации смысла сложное слово получило значение ‘клуб профессионалов, занимающихся связями с общественностью’)².

С точки зрения фонетических особенностей, заимствованные аббревиатуры сохраняют тесную связь с языком-источником и произносятся по правилам языка-источника: *PR, VIP, TV*.

На графическом и орфографическом уровне аббревиатуры встречаются как в полном соответствии с иноязычным образцом, так и в его варианте. Например, акроним *VIP* — в полном соответствии *V.I.P.*, в его варианте *VIP*. Орфография большинства производных аббревиатур дефисная: *PR-специалист, PR-компания*, но отмечаются случаи и с отдельным написанием — *VIP билет, VIP зона, VIP карта*.

Наиболее употребительные заимствования осваиваются русским языком, что находит выражение в появлении у них вариантов, оформленных средствами русской графики: *VIP — ВИП, TV — ТВ, PR — ПИАР*.

Несмотря на непродолжительное функционирование данных аббревиатур в русском языке, они проявили высокую словообразовательную активность, что является следствием их коммуникативной значимости в языке. Кроме того, данный

Костина Наталья Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям, начальник управления по международной деятельности Магнитогорского технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: Rakitina_n@mail.ru

¹ Ярцева 2002, 379.

² Ракитина 2007, 125.

факт свидетельствует о том, что подобные аббревиатуры осознаются сразу как лексические единицы с потенциальными фонетическими, грамматическими и словообразовательными способностями³. Например, английская аббревиатура *PR (Public Relations)* транслитерирована как *ПР (пуар)*. Как отмечает Т. В. Попова, иноязычная лексема *PR* появилась раньше русской *ПР* и стала мотиватором последней, но в настоящее время английское существительное *PR* имеет незначительное количество дериватов (7 слов), в то время как русское мотивирует 57 производных; дериваты с *PR* употребляются в текстах СМИ значительно реже, чем производные с *ПР*⁴. Своеобразие этих заимствований состоит в высокой частоте их употреблений, вследствие чего очень скоро их новизна нивелируется и большинство заимствований становятся общеупотребительными. Так, например, *VIP-девичник*; *TV-рейтинг*; *Тайна IQ*, или *Как стать умнее?*

В современном русском языке существует огромный пласт аббревиатур иноязычного происхождения, но в некоторых аббревиатурах не всегда прослеживается их иноязычное происхождение, т.к. это кальки аббревиатур многочисленных наименований (*ВОЗ, ВТО, США, ООН*), давно переведённых на русский язык. В ряде аббревиатур не всегда понятно, что это аббревиатура иноязычная, лексикализовавшаяся, ставшая целью оформленным словом в родном языке и пришедшая в русский язык уже в виде самостоятельного слова, пишущегося строчными буквами. Например, *лазер, гестано* и т.д.

Существуют также слоговые аббревиатуры, которые становятся такими только в русском языке, подвергшись в нём аббревиации; в языке же оригинала они функционируют лишь в виде развернутого словосочетания. Например, *Госден США, Совбез ООН*.

Значительная группа представлена аббревиатурами, передающими исходную иноязычную аббревиатуру в виде её транслитерации или транскрипции. Например, *НАСА, НАТО, ЮНЕСКО, джи-ай, виджей, диджей* и т.д.

Вновь заимствованные аббревиатуры не всегда сразу обретают в русском языке окончательную форму написания, произношения и перевода.

Отражая процессы расширения и углубления глобализации информационного пространства в современной России, в лингвистическом плане стремительно развивается в современном русском языке группа иноязычных аббревиатур, сохраняющих своё исходное написание латиницей (*CD, SMS, GPRS, DVD, GSM*). Они представляют собой особые сложности при каталогизации, поскольку некоторые лексикографы дают аббревиатуры иноязычного происхождения, функционирующие в русской письменной речи в написании кириллицей (например, *НХЛ, БРИК, ФИФА*), а другие лексикографы включают аббревиатуры в написании латиницей (например, *wi-fi, TOEFL, IKEA, FedEx, CNN*).

Итак, главная черта иноязычных аббревиатур — непрозрачность, трудность понимания смысла аббревиатур, их графическая неосвоенность или неполная освоенность русским языком. Проблемы аббревиации получают в лексикографии специфическое преломление. Современная лексикография подчёркивает важную социальную функцию словарей, которые фиксируют совокупность знаний общества определённой эпохи. Издаваемые регулярно словари аббревиатур являются документированным свидетельством того, как развивается словарный состав современного русского языка. Они фиксируют единицы языков, имеющих весомое влияние на русский язык в определённый исторический период. Словари аббревиатур русского языка или словари иноязычных аббревиатур в русском языке являются лишь отражением определённого этапа в развитии языка и общества. Появление иноязычных аббревиатур в русском языке — процесс непрерывный, находящийся под влиянием социально-экономических и политических изменений как в самой России, так и в зарубежных странах. Многочисленные словари аббревиатур дают исследователю не только обширный лексический материал, но и культурно-исторический, социально-политический.

ЛИТЕРАТУРА

- Попова Т. В. 2005: Неология и неография современного русского языка: учеб. пособие. М.
 Ракитина Н. Н. 2007: Лингвокультурологические аспекты функционирования аббревиатур в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск.
 Ярица В. Н. 2002: Лингвистический энциклопедический словарь. М.

RUSSIAN AS A RECIPIENT OF FOREIGN-LANGUAGE ABBREVIATIONS

N. N. Kostina

The paper focuses on foreign-language abbreviations in the modern Russian language. The special attention is devoted to semantic pleonasm in abbreviation. Phonetic and spelling peculiarities of foreign origin abbreviations are underlined.

Key words: abbreviations, semantic pleonasm, lexicography, dictionary

³ Ракитина 2007, 125.

⁴ Попова 2005, 85.

© 2014

И. К. Мухина

СООТНОШЕНИЕ БАЗОВЫХ КОГНИТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТОВ СФЕРЫ «ПИТАНИЕ» (на материале словаря ключевых концептов русского языка)*

Анализ основных когнитивных зон концептов сферы «Питание» позволил выявить преимущественное представление базовых когнитивных признаков и определить доминирующие когнитивные сферы как специфику когнитивного строения данных концептов в соотношении с их лексическими репрезентациями в виде синонимических рядов.

Ключевые слова: ключевые концепты русского языка, базовые когнитивные признаки, синонимические ряды

Как утверждает Ю. С. Степанов, концепт выступает как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека»¹. В Проспекте словаря ключевых концептов русского языка, созданного под руководством проф. Л. Г. Бабенко, представлено семь концептов сферы «Питание»: «Блины», «Голод», «Каша», «Квас», «Кисель», «Пирог», «Хлеб»². Несомненно, что эти понятия, участвуя в формировании наивной картины мира русского человека, являются антропологически значимыми для русской культуры в целом, поскольку связаны с осмыслением внутренних физиологических потребностей человека. Ментальная сущность концептов моделировалась по определённой схеме, предложенной Л. Г. Бабенко³. С целью выявления национально-культурной специфики отображения этих понятий в сознании русского человека рассмотрим соотношение базовых когнитивных признаков данных концептов.

Интересно, что при возможном многообразии грамматической интерпретации ментальной сущности концептов все имена концептов — основные репрезентанты концептов данной сферы — представлены в виде имён существительных. Все концепты сферы «Питание» имеют понятийное ядро, представленное, по концепции Л. Г. Бабенко, основными понятийными признаками, выражающими самые существенные представления о концепте. Например, ядро концепта «Каша» формулируется следующим образом: обычно жидкое кушанье, приготовленное из зёрен или крупы, сваренных на воде или молоке, а также на бульоне.

Приядерная зона исследуемых концептов заполняется представлениями о существенных для их понимания аспектах категоризации данных понятий: обязательное когнитивное воплощение, которое находит отражение в лексических репрезентациях и паремиологии, получают аспекты категоризации, важные для ситуации приготовления пищи вообще — пищевые продукты, используемые для приготовления национально-специфического кушанья; способ приготовления; внешний вид — форма, размер, консистенция и т.п. (см. приядерную зону концепта «Хлеб»: По форме хлеб бывает круглым (*каравай, коврига*) или прямоугольным (*буханка, «кирпичик»*). Прямоугольную форму обычно имеет чёрный хлеб. Как и в других странах, белый хлеб обычно выпекается также в форме *батона* или *булки*. Существуют своеобразные, традиционно русские формы изделий из белого хлеба: *калачи, баранки, бублики*); классификация типов данных кушаний (см. концепт «Квас»: Квас может быть плохого качества, например, может быть жидким (о таком квасе говорят: *Квас вор: воду в жбан свёл, а сам ушёл; Не смейся, квас, не лучше нас!; Не смейся, квас: не первая водица*), разбавленным водой (*женатый квас*)); особенности употребления в пищу (см. концепт «Хлеб»: В России любят есть высушенные или поджаренные кусочки хлеба (*сухари, хлебцы, тосты*)); специфика распространения как пищевого продукта в сфере торговли).

В приядерной зоне концепта «Голод», связанного не с национально-специфическим русским кушаньем, а с универсальной физиологической потребностью человека вообще как ощущением потребности в пище, сильным желанием есть, аспекты категоризации этого понятия обобщены в виде указания на время, в течение которого человек испытывает это чувство, на различную степень его проявления. Можно чувствовать также и сильный голод. Например, во время массовых бедствий люди в течение долгого времени питаются плохо и мало, тем, что есть, обычно простыми продуктами — хлебом (*Голодному хлеб мерещится; перебиваться с корки на корку (с хлеба на квас); садиться/сесть (сажать/посадить) на хлеб и [на] воду*), сухарями, картофелем (*сидеть на картошке*) и другими овощами, кашами. В приядерной зоне концепта подчёркивается преимущественная связь чувства голода с продуктами питания вообще. Голодному человеку вкусной кажется любая пища (*Голод — лучший повар; Голодному Федоту и щи в охоту; Голодный француз и вороне рад; Съешь и морковку, коль яблочка нет*) и даже с теми продуктами, которые обычно не употребляются в пищу. Желание есть может быть так велико, что человек не в силах больше терпеть голод и готов есть продукты, которые он не стал бы есть в другое время (невкусные, испорченные продукты, отбросы и т.п.), ему приходится есть всё, что только можно употребить в пищу (*Голод пройдёт — станешь есть, что Бог даёт*), и даже предметы и вещества, которые являются несъедобными: клей, кору деревьев, траву, ремни и т.п. (*Голодный откусил бы и от камня*).

Все концепты когнитивной сферы «Питание» имеют зону ближайшей периферии, обычно не очень разработанную. Сопряжённость конкретных по своей природе концептов с другими ментальными сущностями, как правило, связывается с информацией, равной по объёму одному или нескольким абзацам. Так, в ближайшую периферию концепта «Хлеб» входит представление о том, что существуют специальные помещения и приспособления для разрезания (*хлебобрезка*), а также хранения хлеба (*хлебница*); в торговые точки хлеб привозят на специальных автомобилях (*хлебовозах*).

Спецификой заполнения зоны ближайшей периферии обладают концепты «Квас» (зона ближайшей периферии в концепте вообще не представлена в силу небольшой актуальности данного концепта для современного русского человека) и «Голод».

Мухина Ирина Константиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. E-mail: golst@e1.ru

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 13–06–00444 «Русские синонимы в системном освещении: структурно-семантический, идеографический, когнитивный и культурологический аспекты»).

¹ Степанов 2001, 41

² Мухина 2010.

³ Бабенко 2010.

В концепте «Голод» зона ближайшей периферии сильно развита за счёт того, что ментальная сущность этого концепта на ассоциативном уровне объединяет три лексико-семантических варианта лексемы *голод*, распределённых по разным когнитивным зонам данного концепта: голод как *ощущение потребности в пище* (ядро концепта) и голод как временной *период длительного недоодеяния* вследствие полного отсутствия или крайнего недостатка хлеба, продуктов питания в результате *массового бедствия* (во время войны и в послевоенное время, во время социальных потрясений, стихийных бедствий и т. п.) (зона ближайшей периферии). Кроме того, в зоне ближайшей периферии концепта «Голод» находят отражение и другие когнитивные признаки из ментальных сфер, которые регулярно в сознании русского человека (в силу исторических, культурологических, социальных и т. д. причин) совмещаются с базовыми когнитивными признаками этого концепта, например, указание на то, что голодание может осуществляться как сознательный отказ, полное или частичное воздержание от пищи, предпринимаемые с какой-л. целью (*лечебное голодание*); на то, что достаточно длительное голодание, постоянное чувство голода приводит к страданию, является причиной неприятных (появления слабости, тошноты, болезненных ощущений в желудке: *В брюхе волки воют; в животе урчит; живот (животики) подвело* [от голода]) и даже мучительных ощущений (*пухнуть с голоду*); связь такого состояния человека с истощением организма, болезнями и смертью (*голодный обморок; Похмельное доймёт — отиутишься; голодное доймёт — очоуришься*). В зоне ближайшей периферии находит отражение представление о том, что голодный человек имеет измождённый, нездоровый, унылый вид (*голодный вид*); что такое состояние может подвигнуть доведённого до отчаяния человека на поступки, осуждаемые обществом (*Голодный и в портках хлеба украдёт*): заставить человека воровать, совершить убийство (*Бойся собаки сытой, а человека голодного*); что массовое голодание может быть причиной коллективного прекращения работы на каком-л. предприятии с целью добиться выполнения каких-л. требований (*голодная забастовка*) или даже может вызвать стихийное восстание, мятеж (*голодный бунт*); что вынужденное голодание часто заставляет человека изменить свою жизнь, активнее добиваться своих целей (*Как проголодался, так и догадался; Проголодаешься, так хлеба достать догадаешься; Проймёт голод — появится и голос*).

Анализ степени эксплицированности субъективного восприятия понятий сферы «Питание», находящего отражение в ассоциативно-образном совмещении фактов, событий и явлений действительности, показывает, что *зона прагматических ассоциативно-образных когнитивных признаков* представлена (очень незначительно) только в концепте «Голод». В сознании русского человека голод как массовое бедствие ассоциируется с голодом в 20-е гг. XX в. (Голодомором); голодом в блокадном Ленинграде; голодом, который испытывали отступающие из России французы во время Отечественной войны 1812 г. (*Голодный француз и вороне рад*). Основная метафора, формирующая образное представление голода, — голодный человек уподобляется зверю, как правило, волку или собаке: *голоден (голодный) как волк (зверь, собака, пёс); зверский голод; хотеть есть (жрать) как волк (как семеро волков); Голодный человек злей сытого волка*.

В силу своей конкретности на уровне основного значения (как национально-специфическое кушанье) русским сознанием не подвергаются метафорической интерпретации другие концепты сферы «Питание». Следовательно, в рамках данной зоны словаря концептов на уровне этой сферы не наблюдается действия центростремительных сил, хотя центробежные силы (включение слов и словосочетаний-репрезентантов данных концептов в зону ассоциативно-образных смыслов других концептов) проявляются достаточно активно, но в соответствии с концепцией словаря не получают описания. В качестве примера приведём пересечение концепта «Блины» с концептуальными сущностями *начало чего-л.*: с блинами связываются предельная форма (с блинами связывается представление о том, что имеет круглую и плоскую форму, похоже на круглую лепёшку (*блинообразный, блиновидный, блиновидно; кепка блином; блин луны; лицо плоское, как блин*)); отрицательная оценка человека (с блинами связано представление о проворном (*блином масляным в рот лезет*), ленивом (*от лени губы блином обвисли*), нечестном человеке (*врёт, что блины печёт*)).

Яркая национальная специфичность кушаний, составляющих понятийный центр концептов сферы «Питание» и являющихся самыми яркими образцами русской национальной кухни, детерминирует широкую разработанность во всех концептах данной сферы *зоны культурологических ассоциаций*. Кроме общеизвестной культурно-исторической информации (ср. в концепте «Голод»: в народной культуре, с одной стороны, голод связывается с бедностью (*Никто не ведает, как бедный обедает*), причём сытые и богатые противопоставляются бедным и голодным (*Голодному вздыхается, сытому отрыгается; Сытый голодного не разумеет*), с другой стороны, голод предстаёт как бедствие, перед которым все равны (*Владеет городом, а помирает голодом*). Голодным временем года, когда заканчиваются все запасы, как правило, является весна (*Красна весна, да голодна*). Ощущения голода и холода тесно связаны (*Где холодно, тут и голодно; Нужда и голод погонят на холод*), в данной зоне содержатся также разнообразные ассоциации, характерные для русского национального сознания. Так, например, с концептом «Пирог» для русского человека связаны следующие внешние ассоциации: пироги воспринимаются как очень вкусная пища, которую любят все (*И дурак пирогу рад*) и которую нельзя не съесть (*Не мозгу, а ем по пирогу*); считается, что начинку для пирогов можно сделать из всего, что есть под рукой в доме (*В пирог всё годится (всё уйдёт)*); *Порог поскребла да пирог испекла*); пироги ассоциативно связаны с жизнью обеспеченных людей, в отличие от хлеба — основной пищи бедных людей (*Ешь хлеб, коли пирога нет; Кому пироги да пышки, а нам желваки да шишки*); в России высоко ценится умение хозяйки готовить пироги и угощать ими гостей (*Не красна изба углами, а красна пирогами; С лица не воду пить, умела бы пироги печь*).

Дальнейшую периферию концептов составляют когнитивные признаки, выражающие представления о субъективно-модальных и оценочных смыслах⁴. Общим для всех этих концептов является то, что данные национально-специфические кушанья интерпретируются обычно в модальности необходимости, обязательности наличия на русском столе (*На кисель, на блины, а там, хоть святых менять понеси; [Красна] дорога — ездоками (гумно копнами; изба углами), обед — пирогами (едоками); Каков ни есть, а хлеба хочет есть* и др.); эмоционально-оценочная реакция на употребление их в пищу положительная (*Без каши и обед не в обед; Русского мужика без каши и не накормишь*). Специфические субъективно-модальные и оценочные смыслы имеет в силу своей денотативной значимости в качестве основного продукта питания концепт «Хлеб»,

⁴ Бабенко 2010, 16.

который интерпретируется в модальности особой значимости, важности для человеческой жизни (*Всё от хлеба-батюшки; Хлебом люди не шутят; Без хлеба — смерть*). Состояние голода также получает специфическую модульно-оценочную интерпретацию: лёгкий голод оценивается, как правило, положительно (*Голод живота не пучит, а натоцак веселей (свежей); Ешь вполсыта, пей впольяна, проживешь век допдна*), поскольку для русского человека важны духовные потребности, а не только забота о собственном пропитании (*Не будь сыт кусом, а будь сыт другом*), в то же время сильный, изнуряющий человека голод и вызванные им неприятные ощущения, от которых невозможно избавиться, оцениваются однозначно отрицательно (*Голод не свой брат; Голод не сосед: от него не уйдёшь*).

Что касается лексико-фразеологических и паремиологических репрезентаций концептов, можно отметить, что они получают выражение в большом количестве синонимических рядов. Всего в репрезентациях присутствует 59 синонимических рядов, причём в русской синонимической картине мира находят преимущественное отражение понятия, связанные с концептами «Хлеб» — 33 синонимических ряда и «Голод» — 20 синонимических рядов. Синонимы репрезентируют в основном разновидности национально-специфических продуктов питания и кушаний, например, концепт «Хлеб» включает в себя следующие синонимические ряды: белый хлеб из пшеничной муки, обычно круглой или овальной формы (*хлеб, разг. булка, ласк. булочка, разг.-сниж. белышка*); чёрный хлеб из ржаной муки (*хлеб, разг.-сниж. ржаник, разг.-сниж., пренебр. чернышка, разг.-сниж., жарг. черныга, разг.-сниж., пренебр. чернышка*); большой круглый сдобный хлеб (*каравай, коврига*) и мн. др. В сфере фразеологической репрезентации выделяются концепты «Голод» (61 фразеологизм) и «Хлеб» (31 фразеологизм), в сфере паремиологии с концептами сферы «Питание» связано 512 пословиц и поговорок.

Таким образом, когнитивная сфера «Питание» как естественная категория имеет свой набор аспектов категоризации, различающихся степенью когнитивной разработанности и лексико-фразеологической и паремиологической представленности. Исследование соотношения основных когнитивных зон концептов сферы «Питание» позволяет выявить преимущественное представление их базовых когнитивных признаков и определить для них доминирующие когнитивные сферы, что помогает делать выводы о специфике когнитивного строения данных концептов в соотношении с их лексико-фразеологическими и паремиологическими репрезентациями.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко Л. Г. 2010: Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 3–20.

Мухина И. К. 2010: Концептуализация физиологических потребностей человека // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 82–125.

Степанов Ю. С. 2001: Константы: Словарь русской культуры. М.

RATIO OF BASIC COGNITIVE SIGNS OF CONCEPTS OF THE SPHERE “FOOD” (on a material of the dictionary of key concepts of the Russian language)

I. K. Mukhina

It is considered in the article the ratio of the main cognitive zones of concepts of the sphere “Food” that allowed to reveal primary representation of basic cognitive signs and it is defined the dominating cognitive spheres as specifics of a cognitive structure of these concepts in the ratio with their lexical representations in the form of synonymic ranks.

Key words: key concepts of the Russian language, basic cognitive signs, synonymic ranks

© 2014

А. Ю. Петкау

ТЕЗАУРУСНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВЬЕ»

В статье приведены результаты построения идеографического поля концепта «Здоровье», лексические репрезентанты которого были выявлены при опоре на данные современного толкового словаря. Тезаурусная презентация концепта «Здоровье» представлена в виде графического рисунка и последующего анализа полученных результатов.

Ключевые слова: концепт «Здоровье», тезаурус, лексические репрезентанты, скалярно-антонимический комплекс

На современном этапе научного знания под тезаурусной презентацией лексического значения принято понимать обработку толкового словаря с интенцией выявления группы слов, раскрывающих выбранное для анализа понятие и соотнесённых с дескриптором. Данная методика является особенно релевантной для исследования концептов, поскольку, во-первых, позволяет выявить не только его прямые номинации, но и объективизировать наименования различных признаков концепта в разных ситуациях его проявления, во-вторых, эксплицировать обширный пласт его лексических репрезентантов, стилистическую и грамматическую маркированность¹.

Петкау Александра Юрьевна — аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. E-mail: vpetkau@yandex.ru

¹ См.: Баранов 1995; Шведова (ред.) 2011а; 1998 и др.

Предмет нашего изучения — концепт «Здоровье» — антропологически значимая культурная единица. Конструирование ядра номинативного поля концепта «Здоровье» не единожды становилось предметом исследований², в ходе которых учёные сходились во мнении о том, что данный «фрагмент русской картины мира номинативно представлен бедно, однако он обогащается за счёт слов-интенсификаторов, глаголов»³. Необходимо отметить, что в современных словарях идеографического типа встречается частичное описание лексем состояния человека, но эти данные нельзя назвать исчерпывающим макетом лексических единиц концепта «Здоровье»⁴. Представляется целесообразным оттолкнуться от полученных результатов и выявить наиболее полный список лексических репрезентантов концепта «Здоровье» при опоре на данные современного толкового словаря и представить результаты в виде тезаурусной презентации концепта «Здоровье».

Методом сплошного чтения нами было просмотрено около 82 000 слов «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой, а также в качестве дополнения к основным статьям — около 15 000 этимологических справок. Обращение к лингвистическому словарю при данной процедуре позволяет наглядно отразить «картинки жизни»⁵ наивного сознания, связанные со сферой здоровья.

При отборе единиц учитывались следующие критерии: 1) в дефиниции искомого слова должно присутствовать слово *здоровье* или его производные. Например, *буруз, -а, м.* (разг.) «Здоровый толстый ребёнок, малыш»⁶; 2) в толковании искомого слова должно присутствовать слово, определяемое по первому принципу, выявленное методом ступенчатой идентификации. Например, *ревматология, -и, ж.* «раздел медицины, занимающийся изучением и лечением ревматизма»⁷; *медицина* — «совокупность наук о здоровье и болезнях, о лечении и предупреждении болезней, а также соответствующая практическая деятельность»⁸; 3) если слово не отвечало вышеназванным двум условиям, то выбирались слова с широкими значениями, которые охватывают сферу здоровья. В этом случае, критерием отбора выступал иллюстративный материал к словарным статьям. Например, *цветсти, несом.* — «находиться в поре расцвета. Ц. здоровьем»⁹. В ходе работы приходилось обращаться к интроспекции с целью исключения случайных элементов, которые «носитель языка никогда не включил бы в данный класс»¹⁰.

Итоговый корпус полученного материала составил 1919 единиц; 1136 имён существительных, 507 глаголов, 267 имён прилагательных, 9 наречий.

Стилистическая принадлежность отобранных единиц классифицируется следующим образом: зафиксировано 1408 слов без стилистических помет, 250 единиц — с пометой *спец.* (специальное), 150 — с пометой *разг.* (разговорное), 144 слова с другими пометами: *прост.* (просторечное), *устар.* (устаревшее), *книжн.* (книжное), *офиц.* (официальное), *высок.* (высокое). Обращает на себя внимание частотность пометы *спец.*, что обусловлено терминологической природой лексемы *здоровье*. Демаркационная линия, существующая между научным и наивным знанием, в анализируемом словаре пассивного типа частично стирается, особенно частотны специализированные слова с семантикой оппозиционного концепта — *болезнь*, поскольку «словарный состав языка, едва ли не в большей мере, отражает патологию, чем норму»¹¹.

Рисунок 1. Идеографическое поле концепта «Здоровье».

² См.: Бухтоярова 2010; Камалова 2009; Туленинова 2008 и др.

³ Камалова 2009, 47.

⁴ См.: Баранов 1995, 303; Шведова 1998, 123–124.

⁵ Шведова 2005, 428.

⁶ Шведова 2011а (ред.), 68.

⁷ Шведова 2011а (ред.), 823.

⁸ Шведова 2011а (ред.), 436.

⁹ Шведова 2011а (ред.), 1075.

¹⁰ Кобозева 2012, 138.

¹¹ Арутюнова 1988, 307.

Идеографическое поле концепта «Здоровье» представляют два макродеSCRIPTORа: *Состояние* и *Деятельность* с существующими им дескрипторами и признаками. МакродеSCRIPTOR *Состояние* (1649 единиц) включает в себя три группы: *Здоровье*, *Нездоровье*, *Болезнь* (и их 13 признаков), в то время как макродеSCRIPTOR *Деятельность* (270 единиц) характеризуется признаками *Органы, ткани и их функции*. Представим полученные результаты в качестве графической модели на рисунке 1. Отметим, что гиперонимы каждого дескриптора расположены в круге по яркости их выражения: от наиболее частотного к наименее актуализированному обобщающему признаку.

Обратимся к словесной картине полученных данных.

Результаты исследования показали, что семантическое поле концепта «Здоровье» «обменивается смысловой энергией со смежными, соседними полями»¹², в особенности со своим бинарным концептом — «Болезнь». Его репрезентанты преобладают в идеографическом поле концепта «Здоровье», что соответствует «хорошо известной семантической универсалии преимущественного отражения в лексике негативных явлений»¹³. Перекрещивание двух антонимичных сущностей представляет собой скалярно-антонимический комплекс, в срединной позиции которого находится дескриптор *Нездоровье*, который позволяет трактовать оба явления через компаратив. Возьмём в качестве иллюстрации лексему *слабогрудый*, под которой подразумевают того, кто имеет «нездоровые, слабые лёгкие. *С. ребёнок*»¹⁴. Так, слабогрудый человек может стать как более больным, (например, получить *пневмонию* — заболевание, характеризующееся «воспалительным процессом в тканях лёгких»¹⁵), так и остаться менее здоровым. Такая антонимия называется контрарной¹⁶ и включает в себя шкалу субъективных ощущений, которая позволяет дробить компаративные значения на более мелкие сегменты. Дескриптор *Нездоровье* характеризуется гиперонимом *Внешний вид*, в который входят такие единицы, как *потрёпанный, слабый, худой, хилый, неважный, недомогание, полнота, сырой* и т.д. По мнению Л. О. Тимошенко, к контекстуально зависимым словам также следует относить лексему *боль*, которая «может встречаться и у здорового человека, она обычно кратковременна по сравнению с болезнью»¹⁷.

Проведённый анализ позволил выявить на основе лексикографического материала те компоненты концепта «Здоровье», которые не видны при сопоставлении однокоренных слов и синонимов. Так, дескриптор *Здоровье* (180 единиц) включает в себя гипероним *Охрана здоровья* со следующими гипонимами, эксплицирующими ценностный компонент анализируемого концепта: *беречь, уберечь, польза, охранять, губительный, хрупкий, тост* и др. Гипероним *Профилактика здоровья* также манифестирует аксиологический компонент здоровья путём актуализации максимально здорового образа жизни: *аэробика, витамин, зарядка, разгрузочный, размять, спорт, физкультура, гимнастика, гигиена, закалиться, питать* и др. Признак *Самочувствие* включает в себя оценочные единицы: *хуже, лучше, почти, ухудшение, плохой* и др. Следующие признаки лишь дополняют то, что транслирует основное и переносное значение слова *здоровье* в словарях. Признак *Физическое здоровье* манифестирован лексемами, которые находятся в синонимической корреляции со словом *здоровье*: *крепкий, дюжий, сильный, стальной, коренастый, могучий* и др., что говорит о положительной семантике концепта «Здоровье». Признак *Духовное здоровье* формируют лексемы, транслирующие переносное значение слова *здоровье*: *здравомыслие, рассудок, критицизм* и др. Интересно отметить, что данное значение слова «коррелирует с библейским взглядом на здоровье как на первозданное состояние»¹⁸.

Дескриптор *Болезнь* (1436 единиц) включает в себя 7 гиперонимов, которые часто манифестируют другие концепты¹⁹. Дескриптор *Болезнь* оформлен на рисунке в виде пунктирной линии, поскольку представляет собой отдельный автономный концепт, затрагивающий интересующий нас объект.

Вышеназванные дескрипторы макродеSCRIPTORа *Состояние* представляют в большей мере статику лексических репрезентантов концепта «Здоровье», в то время как макродеSCRIPTOR *Деятельность* олицетворяет динамику. Признаки *Органы, ткани и их функции* представляют семантику лексем, которые всегда синонимичны с движением: *кровоток, капилляр, пищеварение, ритм* и др. Примечательно, что, на первый взгляд, статичные лексемы *сердце, внутренность, кишечник, печень* и др. также динамичны по своей сути, на что имеется указание в иллюстративном материале словаря (ср. *Ритмы, тоны, биение сердца*). Кроме того, органы и ткани, находясь в живом организме, априори находятся в функционирующем (динамичном) состоянии. Однако функции органов и тканей могут быть физиологичными (характеризуя здоровье), либо патологическими (характеризуя болезнь).

Подведём итоги нашим наблюдениям. Идеографическое поле концепта «Здоровье» представляет собой обширное, хорошо разработанное семантическое поле. МакродеSCRIPTOR *Состояние* включает в себя три группы: *Здоровье*, *Нездоровье*, *Болезнь*, которые представляют собой скалярно-антонимический комплекс. *Нездоровье* находится в промежуточной позиции и является контрарным видом антонимии. МакродеSCRIPTOR *Деятельность* с признаками *Органы, ткани и их функции* транслируют семантику динамики, как в дескрипторе *Здоровье*, так и в дескрипторе *Болезнь*.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. 1988: Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.
 Баранов О. С. 1995: Идеографический словарь русского языка: 4166 статей. М.
 Березович Е. Л. 2004: К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 6, 3–25.
 Болокова Н. К. 2009: Лингвокультурологический анализ концепта «врач/медик»: на материале русского и английских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар.
 Бухтоярова Г. Ю. 2010: Отображение феноменов *болезнь* и *здоровье* в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. М.
 Камалова А. А. 2009: Здоровье в русской языковой картине мира // Studies About Languages. 15, 43–47.
 Кобозева И. М. 2012: Лингвистическая семантика. М.
 Кронгауз М. А. 2001: Семантика. М.

¹² Березович 2004, 9.

¹³ Мельникова 2012, 8.

¹⁴ Шведова (ред.) 2011а, 893.

¹⁵ Шведова 2011а (ред.), 655.

¹⁶ Кронгауз 2001, 176.

¹⁷ Тимошенко 2005, 64.

¹⁸ Бухтоярова 2010, 77.

¹⁹ См.: Болокова 2009 и др.

- Мельникова С. А. 2012: Мотивационная и генетическая характеристика лексико-семантического поля «Сила, здоровье/Слабость, болезнь» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Тимошенко Л. О. 2005: Скалярно-антонимический комплекс концепта «Здоровье» в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Уфа.
- Туленцова Л. В. 2008: Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.
- Шведова Н. Ю. (ред.) 1998: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.
- Шведова Н. Ю. 2005: Русский язык: избранные работы. М.
- Шведова Н. Ю. (ред.) 2011а: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.
- Шведова Н. Ю. (ред.) 2011б: Русский идеографический словарь (Мир человека в окружающем его мире). М.

THESAURUS PRESENTATION OF THE CONCEPT "HEALTH"

A. Y. Petkau

The results of the ideographic field modelling of the concept "Health" are presented in this article. Lexical representatives were identified on the base of the modern explanatory dictionary data. Thesaurus presentation of the concept "Health" is modelled graphically and by the analysis of the research findings.

Key words: concept "Health", thesaurus, lexical representatives, scalar-antonymic complex

© 2014

В. К. Радзиховская

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВЗАИМНОСТИ КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Лексико-семантические и грамматические особенности слова как периферии функционально-семантической категории взаимности и его функционирования в речевом пространстве взаимных отношений обуславливаются культурой формирующего его социума.

Ключевые слова: синергетика, предикативность/абerratивность, взаимность

Функционально-семантическая категория (ФСК) взаимности как *система разноуровневых средств языка, обслуживающая семантическое поле действия, скоординированного в пространстве и времени по значимой цели и способу осуществления, совершаемого парным в своей основе множеством субъектов, находящихся по отношению друг к другу в объективной зависимости, прямой или косвенной*, обнаруживает квантово-синергетический характер — фундаментальные свойства сложной системы¹, приобретая при передаче ситуации взаимных отношений *социальную значимость*.

Наработанная по функциональной целесообразности и социальной значимости, ФСК взаимности в каждом языке уникальна и в определённой мере отражает национальное своеобразие взаимных отношений в силу их резонансной избирательности — динамически неоднородно проявляющейся предикативности/абerratивности². В русском языке категория взаимности получила положительное основание в самом её центре (грамматическом центре), что чувствительно и на периферии (в лексике). Так, на местоимённое выражение центра *друг друга* периферия отзывается фразеологизмом *Вышла замуж за первого встречного*, в той же ситуации на польском языке, умеющем держать дистанцию, где местоимённый центр представлен выражением *jedyn drugiego*, лексическая периферия всё-таки ограничивает выбор *... wyszła za pierwszego lepszego* — 'первого прилипшего'³. Проблему грамматикализации центра ФСК взаимности, организующего биполярную систему семантики взаимного значения, испытывая трудности столкновения с моноцентрическим характером языкового устройства, русский язык оптимально решил формированием взаимного местоимения *друг друга*, упорядочивающего соразмерность субъектов взаимного действия и их отношения субъектно-объектной зависимости с тяготением к конвергентному характеру отношений⁴. Взаимное местоимение *друг друга* используется, однако, и в ситуации дивергентно развивающегося поля взаимности — поля антивзаимного⁵. Неслучайно ребёнок, осваивая язык, вносит коррективу: «Мама, что такое война?» — «Это когда люди убивают друг друга». — «Не друг друга, а враг врага!» — поправляет девочка. «Такая критика получаемого от взрослых языкового материала, — комментирует эту ситуацию К. И. Чуковский, замечая при этом альтернативность путей речевого развития в онтогенезе, — представляется мне одним из очень многих путей, которые в конце концов приводят ребёнка к полному обладанию родной речью»⁶. В гармоническом оформлении равноценности субъектов взаимных отношений, большей плотности их объектной взаимозависимости проявляется специфика русского языка, имеющего для выражения взаимного значения в запясе и известное другим языкам местоимённое выражение *один другого*, и контекстно обусловленное для выражения взаимного значения возвратное местоимение *себя*. Но выражение *один другого*, отмечаемое как синонимичное взаим-

Радзиховская Вера Казимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета. E-mail: vaguine@mail.ru

¹ Радзиховская 2005, 136.

² Кирьянов, Радзиховская 1991, 94–100.

³ Brückner 1970.

⁴ Мразек 1987, 114–122.

⁵ Радзиховская 2013.

⁶ Чуковский 1960, 153.

ному местоимению *друг друга*⁷, уже слабее последнего по своему значению и используется в русском языке, чтобы показать некоторую отдельность субъектов в поле взаимности, а то и разъединение их: *Раньше они всегда были союзники, а теперь какая-то кошка пробежала между ними, и они поклялись погубить один другого* (Д. Н. Мамин-Сибиряк). Дивергентный характер поля взаимных отношений не допускает здесь использования взаимного местоимения: в местоимении *друг друга* изначально «просвечивает» приятие другого.

Семантическое поле взаимности сплошь структурировано грамматически, представляет собой грамматическое единство⁸, в котором лексика взаимного значения ориентирована на определённую синтаксическую функцию в предложении. Это ведёт к расхождениям грамматического оформления словаря ФСК взаимности в разных языках, а в одном языке создаёт условия возможного выбора форм, организующих речевое поле взаимности, например, возникает конкуренция деепричастного оборота и наречия (*перебивая друг друга — наперебой*).

Языковые средства выражения взаимного значения нарабатываются в реальном поле взаимных отношений. Словарь ФСК взаимности отличается тем, что его основу составляют не только глаголы взаимного действия, но и наименования его участников, особенность лексического значения которых в том, чтобы и в единственном числе указывать на минимальное множество в соответствии с семантикой грамматического единства, в которое они входят (*друг, приятель, соперник* и др.), а также наименования предмета взаимных отношений (*деньги, взятка* и др.) — «предмета взаимного интереса».

Наименования лиц и предметов поля взаимности связываются с взаимными глаголами словообразовательно (*беседовать → собеседник, биться → боец и соперник → соперничать, знакомый → знакомиться*), находясь с ними, по крайней мере, в отношениях словообразовательного типа (*лечить — врач; взять/дать — взятка*), и словоизменительно — ориентацией на определённую синтаксическую функцию. Тягу наименований участников взаимного действия к центру ФСК взаимности можно видеть в том, что, оказываясь в позиции сказуемого — функциональном центре категории взаимности, они, как и глагол, актуализируют значение взаимного действия: *они друзья = они дружат*. Наименования предметов взаимного интереса «собирают вокруг себя» взаимные и полувзаимные глаголы⁹: *Свои люди сочтёмся (Деньги счёт любят)* — и входят спорадически в категориальную ситуацию взаимного значения: *Знать клад нашли ребятаушки и делают меж собой*.

Языковая культура русского языка, система его лексико-грамматического устройства, отличается тяготением к слову — сформировавшимся в нём возвратными глаголами, которые представляют собой и морфологическое (с тенденцией к словообразованию) выражение ФСК взаимности в той части, когда на возвратную форму падает функция передачи взаимного значения. Взаимные глаголы могут быть и невозвратными¹⁰, но они всегда выдают свою принадлежность полю взаимности, полю общения, социальную природу языка как «инструмента разумно-жизненного общения»¹¹. Это и глаголы мысли и речи¹², обозначающие сложное психофизическое действие, и глаголы каузации, которые мы определили как переходные взаимно-объектные глаголы (*ссорить кого-то с кем-то, знакомить кого-то с кем-то* и др.). Последние не могут быть исключены из поля взаимности: они образуют возвратные формы не взаимного, а общезавратного значения¹³, сохраняя при этом исходное взаимное значение производящей основы: *ссорить кого-то с кем-то — ссориться* («самим» — взаимное значение на грани совместного) — их интерпретируют как возвратные глаголы исключённого объекта¹⁴.

Лексика поля взаимности вслед за отражаемым содержанием получает маркировку взаимного значения в иерархии своей семантической организации, что фиксируется лексикографически¹⁵. Значение взаимности отмечено у существительных, например, *муж* — «мужчина по отношению к женщине, с которой он состоит в *браке» в отличие от *мужчина* — «взрослый человек, лицо противоположное женщине по *полу» и от *муж* «мужчина в зрелом возрасте» (устар.) или «деятель на <...> общественном поприще»¹⁶ [выделено мною — В.Р.]; *господин* — маркировано как «форма вежливого обращения»¹⁷ и включается в парное множество по свойству диалогической речи. Но социальная значимость его ограничена значением принадлежности к привилегированному классу, а *господин* — «владыка, повелитель» даже противостоит семантике взаимности, но прилегает к зоне поля взаимности как наименование лица, регулирующего взаимные отношения (ср. *царь, начальник* и др.). *Товарищ* — социально маркировано как взаимное в значении «человек, близкий кому-н. по общности взглядов, деятельности, условий жизни и т.п.»¹⁸.

Оценка субъектов взаимного действия аксиологически задаётся по цели (здесь таится ценностная характеристика предикатов, формирующих поле взаимности), возможному итогу взаимного действия и обуславливается их ценностными ориентирами, идеалами, ради которых и формируются взаимные отношения. Коннотативная характеристика именованных лиц поля взаимности подвижна по ситуации (Б. Спиноза): А. Пушкин заметил, что *враги — друзья* по сути одно и то же. Отношения в поле взаимности социально детерминированы, и словарь ФСК взаимности не даёт прагматической характеристики обозначающего, но через отношение к обозначаемому отражается национальная культура: *гость* — «иноземец» (лат. *hostis* — «враг», ср. нем. *Gast*)¹⁹ — скатывается в зону абerratивности, как и *друг — враг*, по оппозиции «свой» — «чужой».

Словарь ФСК взаимности вбирает и наименования предмета — объекта взаимных отношений, определённого нами как предмет взаимного интереса, спорадически включаемого в алгоритм взаимного значения: *деньги, подарок, наследство, взятка* и др., что фиксирует словарь²⁰. Наименования предметных объектов взаимных отношений как признак категориаль-

⁷ Рословец 1964, 179–189.

⁸ Бондарко 2000, 9–35.

⁹ Попов 1881, 294–303.

¹⁰ Янко-Триницкая 1962.

¹¹ Лосев 1989, 5–33.

¹² Янко-Триницкая 1962.

¹³ Радзиховская 1980, 61–69; Недалков 1991, 276–280.

¹⁴ Янко-Триницкая 1962.

¹⁵ Радзиховская 2009, 128–135.

¹⁶ Ушаков 2, 1938, 274–275.

¹⁷ Ушаков 1, 1935, 607.

¹⁸ Ушаков 4, 1940, 719.

¹⁹ Brückner 1970.

²⁰ Ушаков 1935–1940.

ной ситуации взаимных отношений находятся в зоне действия взаимно-возвратных глаголов переключаемого объекта²¹. Фактический языковой материал наименований предметов взаимных отношений даёт и работа²². Лексика предметов взаимных отношений исторически меняется, и на неё можно смотреть как на вехи развития культуры, держащие собою всё поле взаимных отношений, не отпуская от себя далеко глагольные конверсивы поля взаимности: *купить — продать, дать — взять, ответить — спросить* и т.п. К наименованиям предметов взаимных отношений при функционировании языковой системы в речи предъявляются особые требования: наименования предметов, *способствующих комфортности общения* (такую прагмалингвистическую дифференциацию отмечает словарь²³: *emfaza — określenie zawierające dodatni ładunek uczuciowy; mówiącemu zależy na wprawieniu słuchacza w dobry nastrój*. Частые притупленные закругления, как *kawka, herbatka, jajeczko* итп., повсеместных в языке *kelnerów* и *sprzedających*), получают эмоциональную окрашенность, на что, в частности, указывают прагматические маркеры так называемых *уменьшительно-ласкательных* форм, используемых в ситуации *застолья* (*чайк, сахарок, маслице*): *Дам хлебушка / По полупуду в день, / Дам водки по ведёрочку, / Поутру дам огурчиков, / А в полдень кавасу кислую, / А вечером чайку!* (Н. Некрасов); в ситуации *игры* (получают варианты наименования игровые фигуры и сами игры: *картишки*): *Он и в карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку курит* (И. Тургенев). Как *разговорные ласкательные и фамильярные* квалифицирует словарь²⁴ варианты наименования обобщённо фиксирующего предмет взаимного интереса как *предмет имущественной ценности*²⁵: *деньги — только мн.* Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже²⁶: *Покуда были денежки, / Любили деда, холили, / Теперь в глаза плюют* (Н. Некрасов) *разг., ласкат., фам.*; Бессеменов: *Вот накопи денежат да и сам женись...* Тетерев: *Не хочется...* Перчихин: *Не женись, не надо! Лучшие пойдём снегурей ловить* (М. Горький) *разг., фам.* Изначально задано в русском языке как наименование предмета взаимного интереса слово *взятка* — 'плата или подарок должностному лицу за совершение каких-н. незаконных действий по должности в интересах дающего взятку. *Дать взятку. Брать взятку*'²⁷, обозначая предосудительное и караемое законом действие, оно не получает модификаций уменьшительности/ласкательности, но может нуждаться в эвфемизме: *Взятки! Что за слово — взятки? Сами же его выдумали, чтобы обижать хороших людей. Не взятки, а благодарность! А от благодарности отказаться грех, обидеть человека надо* (А.Н. Островский). Ср. в современной речи: В ателье в ответ на просьбу сделать льготную скидку: *«Преподавателям сейчас мало платят»*, — мастер возразила: *«А благодарность?»* (Москва, запись августа 2005 г.). Одна и та же ситуация взаимных отношений может оцениваться и оцениваться по-разному в разном социуме. Употребляемое как эвфемизм *благодарность* есть и в современной обиходной речи, но терминологически слово *взятничество*, похоже, теснит слово *коррупция*.

И наконец, язык обеспечивает соблюдение правильной дистанции в ситуации речевого общения как важнейшего момента рече-языковой культуры. Сокращению расстояния в поле общения и усилению взаимного значения способствует специфичное для поля взаимности явление речи: «захват» формы повелительного наклонения адресантом: *благодарствуй(те)* — при выражении благодарности (ср. также в польском языке стилистическую дифференциацию выражений приветствия: *witaj, witajcie* и *witaj, witaj*): *Благодарствуйте, что соержали слово, — начала она, — погостите у меня здесь, право, недурно...* (И. Тургенев) — в этом употреблении отмечено и в словаре²⁸. Такое усиление значения путём сближения участников взаимного действия достигается смещением поля персональности — привлечением собеседника к действию. Применение формы *благодарствуй* как усиление выражения благодарности (*Благодарствуй за обед, — старушонка сказала.* А. Пушкин) вызвано, на наш взгляд, не столько фонетическими причинами²⁹, сколько квантованием форм в поле взаимности. Сходное движение форм в речи младенца *На!* — 'дай'. Такие же движения совмещения семантики по персональности и модальности мы наблюдаем и при выражении благодарности словом *спасибо*.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 2000: Системные и коммуникативные аспекты анализа грамматических единств // Проблемы функциональной грамматики. СПб., 9–35.
- Кирьянов А. П., Радзиховская В. К. 1991: Квантовая модель предикативности/абerratивности в языке как проявление когерентности/некогерентности в сложной макросистеме // Междувед. сб.: Оптические поля и оптические методы обработки информации. М., 94–100.
- Лосев А. Ф. 1989: В поисках построения общего языкознания как диалектической системы. О применении в языкознании общенаучных понятий (Пробный опыт построения) // Теория и методология языкознания. М., 5–33.
- Мразек Р. 1987: Функционально-семантическое поле взаимности и совместности (на русско-чешском материале) // Československá rusistika. XXXII. 3, 114–122.
- Недялков П. В. 1991: Типология взаимных конструкций // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / А. В. Бондарко (ред.). СПб., 276–280.
- Попов А. В. 1881: Синтаксические исследования. Воронеж.
- Радзиховская В. К. 1980: О залоговой характеристике глаголов взаимного действия // Развитие и функционирование русского глагола. Сб. № 133. Волгоград, 61–69.
- Радзиховская В. К. 2005: Функционально-семантическая категория взаимности в современном русском языке: сложная система, её свойства, принципы изучения. М.
- Радзиховская В. К. 2009: Лексикография поля взаимности в свете синергетики // Проблемы истории, филологии, культуры. 2 (24). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 128–135.
- Радзиховская В. К. 2013: К аксиологии предмета взаимного интереса в поле взаимности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 3, 26–36.

²¹ Янко-Триницкая 1962.

²² Wilczewska 1966.

²³ Nagórko, Łazinski, Burkhardt 2004.

²⁴ Ушаков 1935–1940.

²⁵ Смолина 1990.

²⁶ Ушаков 1, 1935, 690.

²⁷ Ушаков 1, 1935, 286.

²⁸ Ушаков 1, 1935, 146.

²⁹ Фасмер 1, 1964, 170.

- Рословец Я. И. 1964: Значение и синтаксические функции сочетаний *друг друга*, *друг с другом* и т. п. // Современный русский язык: уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 179–189.
- Смолина К. П. 1990: Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв. М.
- Ушаков Д. Н. (ред.) 1935–1940: Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>.
- Фасмер М. 1964: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.
- Чуковский К. И. 1960: От двух до пяти. М.
- Янко-Триницкая Н. А. 1962: Возвратные глаголы в современном русском языке. М.
- Brückner A. 1970: Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa.
- Nagórko A., Łazinski M., Burkhardt H. 2004: Dystynktywny słownik synonimów. Kraków.
- Wilczewska K. 1966: Czasowniki zwrótnie we współczesnej polszczyźnie // Towarzystwo naukowe W. filologiczno-filozoficzny. T. 17, z. 3. Toruń.

THE FUNCTIONAL AND SEMANTIC CATEGORY OF RECIPROCITY AS A RUSSIAN CULTURE'S PHENOMENON

V. K. Radzikhovskaya

The lexico-semantic and grammatical features of a word as the periphery of the functional and semantic category of reciprocity and its functioning in speech space of mutual relations are caused by the culture of the socium forming it.

Key words: synergetics, predicativity/aberrativity, reciprocity

© 2014

Л. В. Табаченко

ЛИКИ СУДЬБЫ В ИДИОЛЕКТЕ А. П. ЧЕХОВА: ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу сочетаемости имени концепта «Судьба» в идиолекте А. П. Чехова. Характер предикатов и атрибутов отражает представление о судьбе в основном как о властной и недоброжелательной по отношению к человеку.

Ключевые слова: судьба, концепт, идиолект, А. П. Чехов, сочетаемость, персонификация

Концепт «Судьба» представляет фрагмент русской языковой картины мира, касающийся представлений о контролируемости событий какой-то внешней по отношению к их субъекту силой, и «соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и идею, в соответствии с которой человек не контролирует происходящие с ним события»¹.

Судьба, будучи именем абстрактной сущности, может надевать своего рода маски (гештальты), «принимая лики видимого, материального, отождествляется с ним»². Признаки концепта, названного абстрактным именем, выявляются и раскрываются в его сочетаемости, в характере предикатов и атрибутов. Анализу сочетаемости имени концепта, позволяющего выявить лики и маски судьбы в идиолекте А. П. Чехова, посвящена предлагаемая статья.

В рамках обскультирующей традиции, и русской в частности, судьба персонифицируется, причём отношения между судьбой и человеком «мыслятся прежде всего в силовых терминах — как взаимодействие полей, создаваемых двумя источниками силы. Более слабый из них — человек»³. И в идиолекте А. П. Чехова судьба предстаёт как личность, в социальной иерархии занимающая высшую по отношению к человеку социальную ступеньку.

Судьба властна в жизни и смерти человека, она приговаривает к смертной казни, выступая в виде судьи и палача: *Мне хочется прокричать громким голосом, что меня, знаменитого человека, судьба приговорила к смертной казни...* (Чехов, т. 7, 264). Сама жизнь в её обыденном течении воспринимается героями как приговор судьбы, осуждающей и обрекающей их на наказание: *Обречённый судьбой на постоянную праздность, я не делал решительно ничего* (Чехов, т. 9, 174). Недоброжелательность, враждебность судьбы по отношению к человеку выражается и в её эпитетах: *злая судьба* (Чехов, т. 1, 69), *немилосердная* (Чехов, т. 3, 359).

Своеволие и деспотизм — основные качества судьбы. В текстах А. П. Чехова со словом *судьба* часто используются выражения, имеющие характер языкового клише, в частности включающие сочетание *произвол судьбы*: на произвол судьбы бросают, оставляют, отпускают. Поэтому часто всё совершается *волею судьбы*, или *волею судеб* (Чехов, т. 2, 304; т. 3, 30, 115, 250; т. 16, 51), или *волею капризных судеб* (Чехов, т. 16, 133), или *по воле судеб* (Чехов, т. 16, 17).

В сложных жизненных обстоятельствах, когда именно от их поступков зависит судьба других людей, герои, как правило, не раскаиваются в том, что стали причиной несчастья ближнего, а снимают с себя вину и переносят её на судьбу и обстоятельства: *Саша (с ужасом) <...> И в чём ты виноват? Разве твоя вина, что ты разлюбил её, что судьба посылает ей смерть?* (Чехов, т. 11, 267). Это проявляется даже в оговорках: *Судите нас со всею строгостью человека, у которого мы... судьба отняла счастье!* (Чехов, т. 1, 364–365).

Как реагируют чеховские персонажи на насилие, агрессивность судьбы? Как правило, покорностью: герои покорны

Табаченко Людмила Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Южного федерального университета. E-mail: lyudmila-tabachenko@yandex.ru

¹ Шмелёв 2002, 461.

² Чернейко, Долинский 1996, 24.

³ Арутюнова 1994, 309.

её велениям (Чехов, т. 16, 117), они о *покорности судьбе* говорят (Чехов, т. 4, 203), покорность судьбе написана на лицах (Чехов, т. 2, 252; 16, 215), в глазах у таких людей апатия и покорность судьбе (Чехов, т. 1, 344). На судьбу постоянно горько и слёзно жалуются («Капитанский мундир», «Невидимые миру слёзы», «Оба лучше», «Жилец», «Сапожник и нечистая сила», «<З. М. Линтварева>», «Дело Рыкова и комп.» и др.), причём делают это не только люди, но и птицы (Чехов, т. 7, 29–30). Несчастную судьбу оплакивают и деревья (Чехов, т. 3, 436). Таким образом, и люди, и живые существа, и растения — весь тварный мир мучится в земной юдоли, не понимая смысла этих мучений, посылаемых таинственной высшей силой — судьбой.

Судьба, как высшая сила, управляющая судьбами людей и всего мира, судьба-хозяйка, иногда может быть благосклонной и доброжелательной к человеку, хотя реализация этого признака концепта «Судьба» у А. П. Чехова значительно менее частотна. Судьба раздаёт людям подарки (правда, не всегда приятные), ведь *высокая, вечно зелёная ёлка судьбы увешана благами жизни <...> От низу до верху висят карьеры, счастливые случаи, подходящие партии, выигрыши, кукиши с маслом, щелчки по носу и проч. Вокруг ёлки толпятся взрослые дети* (Чехов, т. 3, 146).

При персонализации судьбы в идиолекте А. П. Чехова могут появляться и другие её маски: противника, с которым воюют («Душечка»), которому делают вызов («Ненужная победа»), но с которым чаще всего приходится мириться («На реке», «Новое топливо»); капризной, непредсказуемой и лживой особы («Осколки московской жизни», «Драма на охоте», «Два скандала»).

Особенно интересна маска судьбы-игрока: *У судьбы нет сердца. Она играет Грохольскими, Лизами, Иванами, Мишутками, как пешками...* (Чехов, т. 1, 381), причём человек обычно не ожидает такого плачевного для себя результата: *Платонов. Со мной судьба моя сыграла то, чего я ни в каком случае не мог предполагать* (Чехов, т. 11, 33). По замечанию Н. Е. Разумовой, эти слова главного героя Платонова, как и другие его восклицания (*Я не позволю играть собой!*; *Доигрался малый!*) (Чехов, т. 11, 104, 116)), «отражают центральную тему пьесы — размышление об утрате современной жизнью прежних авторитетов и ориентиров. Игра людей друг с другом, состязательная форма которой косвенно проявляет борьбу эгоистических интересов, становится моделью их жизненной “игры”, а над всем этим возвышается игра “судьбы”, которая заняла место дискредитированного Бога»⁴.

Многие герои свои собственные неблагоприятные поступки представляют как скверный результат игры судьбы, снимая с себя всякую ответственность (Чехов, т. 2, 307). Судьба играет также в азартные игры и, начав играть, заставляет человека-марионетку пройти все повороты колеса фортуны (Чехов, т. 3, 51). Человеческую жизнь судьба может разыгрывать и в лотерею (Чехов, т. 1, 348).

Все эти лики, маски судьбы, проявляющиеся в сочетаемости, находятся в рамках общеязыковых, присущих русской языковой картине мира, однако можно указать и на собственно чеховские особенности представления этого концепта. К ним, в частности, относится маска хозяйки-судьбы, вступающей в торгово-денежные отношения: *Спящие, они улыбались от счастья, — так хороши были сны! Этими снами судьба, по всей вероятности, заплатила им за те ужасы, которые они пережили на следующий день. Судьба не всегда скупа: иногда и она платит вперёд* (Чехов, т. 1, 395). Однако, как правило, в денежных расчётах судьба несправедлива и своевольна: *Анна Петровна. Я, доктор, начинаю думать, что судьба меня обчитала. Множество людей, которые, может быть, и не лучше меня, бывают счастливы, ничего не платя за счастье, почему же я одна должна платить так дорого? За что брать с меня такие ужасные проценты?* (Чехов, т. 11, 232).

Часто судьба у А. П. Чехова похожа на невоспитанного злого пошляка, что проявляется и в речи этого персонажа: *... Живи и наслаждайся, человек, одним словом! Но... «Дудки!» — говорит судьба в лице моего... доброго знакомого* (Чехов, т. 1, 459); *Кукиши с маслом, щелчки по носу* судьба оставляет особо незадачливым людям (Чехов, т. 3, 147). Судьба может «надуть», как не надували *ни один кассир, ни одна неверная жена* (Чехов, т. 5, 17). Судьба развлекается тем, что ссорит людей, пуская между ними чёрную кошку (Чехов, т. 1, 334). Даже когда она шутит, шутки её *едкие, ядовитые* (Чехов, т. 3, 319), а смех злой судьбы-рока переходит в насмешки (Чехов, т. 4, 21).

Судьба вообще часто напоминает мелкого беса, который, делая вид, что пытается услужить человеку, провоцирует его на самые гнусные поступки, разжигая в нём негодование и злобу: *Ему хотелось браниться, кричать, топтать ногами... И судьба, точно понимая его настроение и желая подслужиться, послала ему навстречу неисправного плательщика, музыканта Халаякина, жильца 31-го номера* (Чехов, т. 5, 379). Впрочем, мелкий бес, пославший навстречу задыхавшемуся от негодования и злобы герою неисправного плательщика, — лишь мелкий винтик в том аде на земле, в который при согласии и желании самого героя превратил его жизнь и судьбу функционер более высокого ранга, кого герой в качестве виновника своей неудавшейся судьбы неосознанно называет: *Связал же меня чёрт с тобой!*

Важной особенностью реализации концепта «Судьба» в идиолекте А. П. Чехова является его девальвация, дискредитация как понятия, интерпретирующего смысл и стратегию жизни. Е. Н. Григорьева сделала интересное наблюдение об особенностях употребления лексем этого концептуального поля в речи героев: «... чем меньше мы ждём от героя возможности философского осмысления жизни, тем легче он будет прибегать к удобной, ничего не значащей в его устах формуле-апелляции к высшим силам»⁵. Поэтому появление вербализаторов концепта «Судьба» сигнализирует или о комичности ситуации, или о личностной несостоятельности героев, или об их лицемерии. Основной приём, создающий комический эффект и обнажающий снижение и девальвацию пародийным героем слов, представляющих концептуальное поле «Судьба», — употребление традиционно значимых слов в сниженном контексте, сталкивание возвышенных штампов и абсурдных, сниженных ситуаций, а также соединение стилистически разнородных слов: *высоких — рок, злой рок, провидение, волею судеб, судьбы человеческие*, с одной стороны (как правило, употребляемых иронически, в трагестийном плане), и стилистически сниженных, грубых — с другой: *дура судьба* («Циник»), *каналья судьба* («Исповедь, или Оля, Женя, Зоя»), *судьбе кукиша не покажешь* («Иванов»).

На *проклятие неба и удары судьбы* сетует профессиональный трагик Почечуев (Чехов, т. 4, 175–176); с велениями судьбы и со «спасением» связывает своё розовое платье Ольга Ивановна, героиня «Попрыгуньи» (Чехов, т. 8, 14). В то же время настоящие чеховские герои никогда не говорят высоких слов о судьбе, роке, провидении: например, для Дымова «кате-

⁴ Разумова 2004, 104.

⁵ Григорьева 1998, 133.

гисторически невозможна манифестация соотносённости собственной жизни с универсальным началом — его значительность, неординарность, подлинность не могут быть декларированы, т.е. выражены в слове»⁶.

Девальвированы не только понятие судьбы, но и близкие Чехову моральные принципы, с этим понятием связанные, например, «Нужно стойчески переносить удары судьбы». Сам Чехов был стойким, проявлявшим повседневное мужество, однако ни одному серьезному герою он не отдаёт обоснование этого положения.

Проблема судьбы тесно связана со смыслом человеческой жизни. Когда человек его не понимает, когда он не ощущает себя частью Божьего мира и Божьего замысла, тогда он постоянно чувствует насилие судьбы. Растерянность перед непознаваемой силой судьбы, экзистенциальный страх, одиночество заставляют большинство чеховских героев отказаться от свободы, толкают их к безличному фатализму как личной несвободе. Они мучаются в тисках судьбы, ощущая свое бессилие и беспомощность.

Судьба тогда перестаёт быть слепой, тёмной и неразумной силой, когда она понимается «как своего рода Божественный замысел о человеке, следование которому не является фаталистически предопределённым, но может рассматриваться как нравственный долг»⁷ и сотрудничество с Богом, проявляющиеся в каждом поступке, в каждом акте нравственного выбора, когда ничто не проходит бесследно, а всё складывается в судьбу человека. А. П. Чехов, в центре мира которого стоял не Бог, а человек, ставил акцент на нравственном долге. «Он не любил, когда стонали и жаловались на людей и судьбу — и сам ни на что не жаловался и никого не обвинял в своих невзгодах»⁸. В тоскливой бессмысленности обезбоженного мира он дал нам идеал правды и справедливости, терпения, смысла жизни, заключающегося «в необходимости каждодневного нравственного усилия, в просветлении жизни жалостью и состраданием»⁹.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. 1994: Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур / Н. Д. Арутюнова (ред.). М., 302–316.
- Григорьева Е. Н. 1998: Категория судьбы в мире Пушкина и Чехова (К постановке проблемы) // Чеховиана. Чехов и Пушкин / В. Б. Катаев (ред.). М., 128–136.
- Лакшин В. Я. 1990: О «Символе веры» Чехова // Чеховиана: статьи, публикации, эссе. М., 7–19. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chekhoved.ru/index.php/library/sborniki/22-2010-06-27-14-30-05/56--1-г>.
- Разумова Н. Е. 2004: Онтология судьбы в драматургии А. П. Чехова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: sun.tsu.ru/mmindex/000063105/291/image/291_103-112.pdf.
- Собенников А. С. 2000: Чехов и христианство: учеб. пособие. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.slovo.isu.ru/chekhov_christ.htm.
- Чернейко Л. О., Долинский В. А. 1996: Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 6, 20–41.
- Чехов А. П. 1974–1982: Полное собр. соч. и писем: в 30 т. М.
- Шмелёв А. Д. 2002: Русский язык и внеязыковая действительность. М.

FACES OF DESTINY IN ANTON CHEKHOV'S IDIOLECT: LEXICOLOGICAL AND PHRASEOLOGICAL ASPECTS

L. V. Tabachenko

The article deals with a concept “destiny” in Anton Chekhov language style. Predicates and attributes that go with the word *destiny* show that it is an imperious creature, malevolent toward a human being.

Key words: destiny, concept, Anton Chekhov, personification, collocability

⁶ Григорьева 1998, 135.

⁷ Шмелёв 2002, 460.

⁸ Лакшин 1990.

⁹ Собенников 2000.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ В ДВУЯЗЫЧНЫХ И МНОГОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ. РУСИЗМЫ В ЯЗЫКАХ ЕВРОПЫ

© 2014

М. Л. Алексеева, А. В. Павлова

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ РУССКО-НЕМЕЦКОГО ПЕРЕВОДА В ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье поднимается вопрос о необходимости разработки специальных двуязычных словарей активного типа, отражающих проблемы перевода. Раскрываются основные принципы построения новейших русско-немецких и немецко-русских словарей для переводчиков.

Ключевые слова: перевод, двуязычная лексикография, русско-немецкий словарь, справочники

Специалисты в области переводоведения и двуязычной лексикографии неоднократно подчёркивали необходимость разработки специальных лексикографических ресурсов активного типа для переводчиков: максимально полных «родно-иностранных» словарей (термин В. П. Беркова)¹, включающих все лексико-семантические варианты слов, а также информацию о возможных синтаксических конструкциях для любого слова с примерами; русско-иностранных тезаурусов стереотипных ситуаций и общепринятых способов их описания; справочников, охватывающих всё разнообразие трудностей перевода с родного языка на иностранный². Мы полностью разделяем позицию О. В. Петровой: «Нужны словари, по самой своей сути предназначенные для переводчиков и составленные с учетом специфики их работы»³. Такие словари могут послужить подспорьем не только для студентов, но и для практикующих профессионалов. Они помогут глубже понять и оценить потенциал языка во всей его многогранности, освоить технику перевода, успешнее справляться с задачами письменной и устной коммуникации, избегать интерференции. Словари и справочники для переводчиков должны расширить число вариантов перевода по сравнению с традиционными словарями, а также охватывать различные случаи, представляющие затруднения при переводе с одного языка на другой, — например, расхождения в грамматическом числе (*pluralia tantum* в одном языке по сравнению с *singularia tantum* в другом), «ложные друзья» переводчика; ложная подсказка по внутренней форме слова и др. Словари для переводчиков должны содержать комментарии к реалиям, к аббревиатурам, к стилистическим и грамматическим расхождениям между (неполными) эквивалентами, практические рекомендации по переводу идиом. Более того, словари должны предупреждать переводчика, что какие-либо словосочетания допустимы, а другие с тем же словом запрещены нормой или противоречат узусу.

Отметим, что в последние годы появился целый ряд авторских лексикографических разработок, предназначенных для переводчиков. В данной статье мы коснёмся работ, освещающих проблемы перевода только в рамках языковой пары «русский — немецкий». Рассмотрим несколько изданий: диахронический переводной словарь «Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского» (2007), электронный словарь-справочник «Русские реалии в зеркале немецкого языка» (2008), «Словарь русских и немецких паронимов» (2011) и справочник «Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода» (2012). Если первые два издания раскрывают вариативность перевода в диахронии, то вторые основываются на современном состоянии языка, помогая переводчику преодолеть насущные трудности перевода с родного языка на иностранный.

Диахронический русско-немецкий словарь-справочник «Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского» даёт переводные соответствия единицам, называющим уникальные предметы и явления русской культуры XIX в., снабжает информацией об их значении с помощью толковых словарей родного языка, о традиции их передачи на немецкий язык в конце XIX в., а также в начале, середине, конце XX в. и в начале XXI в. Словарь-справочник состоит из вводной части, пяти разделов, в которых представлены варианты передачи реалий в пяти основных романах писателя, сводной таблицы разновременных эквивалентов русских реалий из 20 параллельных немецких переводов с обратным переводом составителя словаря, списка русских реалий по словарю иностранных слов Duden Fremdwörterbuch и алфавитного указателя. Представим фрагмент второй главы словаря:

Алексеева Мария Леонардовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета. E-mail: maria.alekseyeva@gmail.com
Павлова Анна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент факультета переводоведения и культурологии Майнцского университета Иоганна Гуттенберга (Германия). E-mail: anna.pavlova@gmx.de

¹ Берков 2004, 9.

² Петрова 2009, 374; Павлова, Светозарова 2012, 15.

³ Петрова 2009, 45.

Русская реалия	двугривенный
Словарное значение	РСС. Монета достоинством в 20 копеек (с 1760 до 1931 г. — серебряная, позднее никелевая и из медно-никелевого сплава); соответствующая сумма денег.
Русский контекст	Ф. Д. с. 415. Вагон беру особенный, а носильщики на всех станциях есть, за двугривенный куда хочешь донесут.
Перевод № 1	Е. Р., 1910, S. 99.
Контекст	Ich nehme ein Kupee für mich, und Träger gibt es auf allen Stationen. Für eine Mark tragen sie dich, wohin du nur willst.
Перевод № 2	Н. Р., 1921, S. 103.
Контекст	Auf der Bahn nehme ich mir ein besonderes Abteil; und Gepäckträger sind auf allen Stationen vorhanden; die tragen einen für ein Zwanzigkopekenstück , wohin man will.
Перевод № 3	А. Л., 1963, S. 68.
Контекст	Ich nahm mir ein besonderes Wagenabteil; Träger gibt es auf allen Stationen, für einen Zwanziger tragen sie dich, wohin du willst.
Перевод № 4	В. С., 1971, S. 82.
Контекст	Ich nehme ein Abteil für mich, Träger gibt's auf allen Stationen, für ein paar Groschen tragen sie mich, wohin ich will.
Перевод № 5	Е. М., 1992, S. 76.
Контекст	Ich nehme mir einen besonderen Waggon, und Träger gibt's auf jeder Station, um zwanzig Kopeken tragen sie einen, wohin du willst.

Словарная статья состоит из словарной единицы, пояснения значения реалии, взятого из толковых словарей языка оригинала, русского контекста (минимального, равного одному предложению) с указанием страницы и немецких эквивалентов из параллельных переводов в контексте такой же длины, с указанием (инициалов) переводчика, года публикации и страницы.

Разработка электронного диахронического переводного словаря вызвана актуальными тенденциями в мировой лексикографии: потребностями современных пользователей в быстром автоматическом полнотекстовом поиске информации, компактном расположении материала неограниченного объёма, возможности его постоянного пополнения и редактирования. С этой целью создан иллюстрированный электронный диахронический словарь-справочник «Русские реалии в зеркале немецкого языка».

Электронный справочник построен на гипертекстовой основе. Он состоит из программной оболочки и основной словарной базы: окружающего текста, корпуса с расширенной многоходовой зоной поиска единиц и справочниками в виде гиперссылок. Расположение основных композиционных частей отражено на стартовой странице.

Данный формат словаря позволяет автоматизировать процесс поиска эквивалентов, отображать все возможные варианты перевода в контексте, осуществлять поиск по заданной реалии, вычислить частоту употребления переводческих приёмов, выбирать наиболее удачные переводческие решения или при необходимости предложить свой перевод, сохранив его в базе данных.

Он может использоваться как самостоятельный продукт практикующими переводчиками или для дальнейшей обработки, как источник иллюстративного и исследовательского материала для курсовых и дипломных работ.

«Словарь русских и немецких паронимов» является первым опытом лексикографического представления паронимов в двуязычном словаре. Он состоит из предисловия, списка условных сокращений, двух глав, индекса немецких и русских паронимов. Его цель — зарегистрировать и снабдить эквивалентами паронимы в конкретной паре языков. Единицами описания являются слова, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут ошибочно использоваться в речи, напр., *Aki* и *Akte*. К паронимам в аспекте перевода можно отнести и традиционно не рассматриваемые как таковые омофоны (*Kiefer* f — *Kiefer* m), поскольку они представляют переводческую трудность. С другой стороны, слова, традиционно относимые к этому разряду единиц вне аспекта перевода, например, *эффект* — *аффект*, не включены в данное издание, поскольку эти пары слов имеют точные соответствия в немецком и не вызывают проблем при переводе.

Словарная статья состоит из 1) заглавного слова на немецком языке; 2) русского эквивалента; 3) второго компонента пары, вводимого с помощью знака *; 4) вариантов перевода на немецком языке.

В первой главе представлен лексический пласт созвучных однокорневых слов немецкого, во второй — русского языка, например:

«**abhacken** отрубить • **abhaken** 1. Выполнить, считать выполненным 2. Отказаться от какой-л. затеи, поставить крест на какой-л. затее.

ablehnen отклонять • **ablenken** отвлекать».

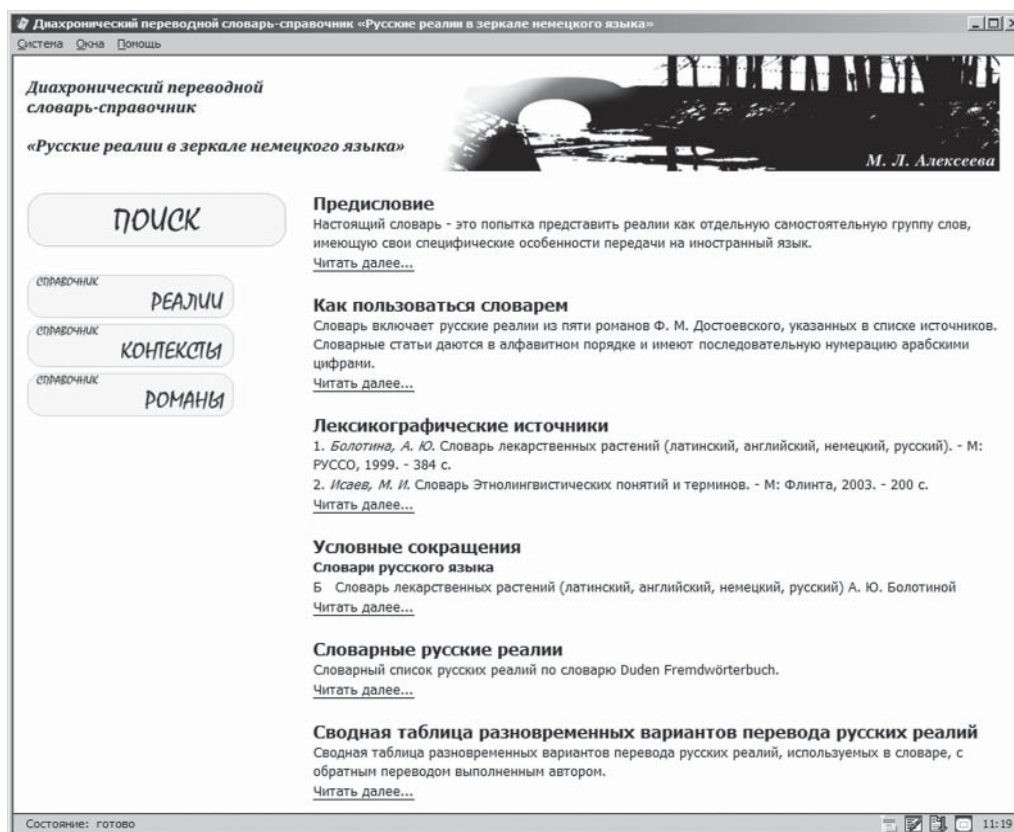
«**авторитарный** autoritär • **авторитетный** 1. человек respektiert, anerkannt, renommiert 2. слова, речь, выступление, мнение durchgedacht, fundiert, seriös, gediegen

азотный Stickstoff- • **азотистый** stickstoffhaltig».

Данный словарь предназначен для специалистов в области устного и письменного перевода, преподавателей, студентов. Справочник «Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода» охватывает различные ситуации, «когда нет прямого эквивалента для исходного понятия»⁴.

Книга состоит из трёх глав. Первые две главы посвящены аспектам двуязычной лексикографии и переводоведения. Третья глава включает 14 разделов, раскрывающих лексические и грамматические проблемы перевода. Каждый раздел содержит описание проблемы, примеры и краткое обобщение. Представим некоторые проблемы из разделов, иллюстрируя примерами.

⁴ Павлова, Светозарова 2012, 4.

1. Безэквивалентная лексика: специфические морфологические образования (*недобор*), отсутствие однозначного эквивалента равной семантической ёмкости (*пошлый*) и др.
2. Различный объём и уровень сложности семантического гнезда (напр., лексические гнезда вокруг тем *народ*, *родина*, *чужбина* в немецком разработаны весьма скромно, данная тематика в текстах представлена не часто).
3. Сложные слова (*Eierschalensollbruchstellenverursacher* — приспособление для разбивания варёного яйца).
4. Необычность внутренней формы (*Muskelkater* — мышечная боль после напряжённых занятий спортом или физической нагрузки).
5. Многозначность (*sparen* — 1. копить 2. экономить) и синонимия (*учёный* — *Wissenschaftler*, *Gelehrte(-r)*, (*учёный-исследователь*), *Forscher*).
6. Потенцирующие средства: усилители как составная часть лексемы. Например: *Mammut-* подчёркивает необъятность размеров: *Mammutportion* — гигантская порция, *Mammutserie* — длинная серия.
7. Эвфемизмы (женщина бальзаковского возраста — *Frau zwischen 30 und 40*).
8. Фразеологизмы: несовпадение идиом по образу и способу выражения (*auf zwei Hochzeiten tanzen* — сидеть на двух стульях) и др.
9. Имена собственные, ставшие нарицательными (*Hans Taps* — бестолочь).
10. Эмоционально-оценочная лексика и обращения (*alter Freund* — дружище).
11. Ложные друзья переводчика: исторические германизмы (*бутерброд* — *belegtes Brot*), несимметричные интернализмы (*диаметр* — *Durchmesser*).
12. Сокращения (*Info* — *Information*).
13. Трудности перевода на морфологическом уровне: расхождения по частям речи (*unpässlich* — неважно себя чувствовать) и др.
14. Трудности перевода на синтаксическом уровне. Перевод положительного модуса отрицательным и наоборот: *Das ist kein Thema!* — Это само собой разумеется!

В конце книги приводится список слов и словосочетаний, снабжённых ссылками на конкретные разделы. Данный справочник охватывает аспекты, до сих пор не освещавшиеся в сравнительных грамматиках и учебниках по изучению иностранных языков. Он предназначен как для профессиональных переводчиков письменных и устных текстов при переводе на неродной язык, так и для непрофессионалов (туристов, иммигрантов, репатриантов) в ситуациях, когда им приходится переводить в обоих направлениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева М.Л.* 2007: Русские реалии в современных немецких переводах романов Ф.М. Достоевского: словарь. Екатеринбург.
Алексеева М.Л. 2008: Русские реалии в зеркале немецкого языка: электронный словарь-справочник. Екатеринбург.
Берков В.П. 2004: Двухязычная лексикография. М.
Павлова А.В., Светозарова Н.Д. 2012: Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник. СПб.
Петрова О.В. 2009: Дайте переводчику словарь! // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация / Б.А. Жигалёв (ред.). Нижний Новгород, 37–47.
Pavlova A. 2011: Paronym-Wörterbuch. Russisch und deutsch. Berlin.

PROBLEMS OF RUSSIAN-GERMAN TRANSLATION AND THEIR REFLECTION IN THE BILINGUAL LEXICOGRAPHY

M. L. Alekseyeva, A. V. Pavlova

The article poses the question of the need for special bilingual dictionaries of active type that reflect translation problems. It presents general principles of the structure of the new Russian-German and German-Russian dictionaries for translators.

Key words: translation, bilingual lexicography, Russian-German dictionary, reference books

© 2014

Л. Б. Воробьева

ВОЗМОЖНОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В РУССКО-ЛИТОВСКОМ СЛОВАРЕ

Двухязычные словари компаративов немногочисленны, что и обуславливает актуальность составления русско-литовского словаря устойчивых сравнений. Двухязычный словарь позволит сделать вывод о продуктивности сравнительных единиц в двух языках и об их семантической, структурной и стилистической соотносительности.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, фразеография, двухязычный словарь, литовский язык, русский язык

Сравнения занимают особое место в языке и мышлении. Путём сравнения человек издавна постигал окружающий мир: сопоставление малоизвестного или неизвестного с известным и хорошо знакомым — один из древнейших и надёжнейших способов наименования. Большинство устойчивых сравнений (УС) представляют собой образные мотивированные обороты, характеризующиеся экспрессивностью и эмоциональностью. Это обусловлено тем, что их образы черпаются из наиболее актуальных и традиционных сфер жизни и деятельности человека.

Устойчивые сравнения находят отражение во фразеологических словарях, в специальных словарях устойчивых сравнений, а также в двухязычных словарях устойчивых сравнений. Только тематический двухязычный словарь даёт возможность составить целостное представление об отражённой в сравнениях языковой картине мира, об особенностях мировосприятия носителей данного языка, об эталонах и стереотипах, принятых в данной культуре. Эта концепция была реализована в словаре Л. А. Лебедевой и А. В. Элмасын «Человек в зеркале сравнений: Внешность человека. Краткий русско-английский словарь» (2009). Составители «Большого немецко-русского словаря устойчивых сравнений» отмечают, что разрабатываемый ими словарь ориентирован не только на тех, кто начинает изучать русский язык и ищет доходчивую интерпретацию русского устойчивого сравнения на родном языке, но и на человека, уже владеющего определёнными языковыми знаниями и совершенствующегося в сфере русского языка или осуществляющего в этой сфере свою профессиональную деятельность¹.

Предварительным условием создания двухязычного словаря, по мнению В. М. Огольцева, является сопоставительный анализ сравнений двух языков, в результате которого выявляются адекватные единицы, эквивалентные (разной степени) и безэквивалентные (разной степени)². Порядок расположения сравнительных оборотов в словаре, как отмечает В. М. Мокиенко³, должен быть алфавитным. Основой описания являются стержневые слова, которые концентрируют в себе главный образный и экспрессивный смысл выражений. Из огромного количества материала в первую очередь будут сопоставлены устойчивые сравнения со стержнями, представляющими интерес в лингвострановедческом плане. Это лексика, связанная с животным и растительным миром, явлениями неживой природы, бытовыми реалиями. Такое сопоставление позволит увидеть как точки соприкосновения, так и лакуны в образных картинах русского и литовского языков.

Несмотря на то что самым объёмным в русской лексикографии словарём сравнений является «Большой словарь русских народных сравнений» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (2008), русскую часть материала для сопоставления мы берём из «Словаря сравнений русского языка» В. М. Мокиенко (2003), так как в первом из них представлены как устойчивые, так и окказиональные сравнения, кроме того, словарь не ограничивается нормативным словоупотреблением и включает народные, диалектные, сленговые, архаичные и другие сравнения, пословицы с компаративной структурой. Литовский материал

Воробьева Лина Бронисловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Псковского государственного университета. E-mail: lina5558@yandex.ru

¹ Вальтер, Михова, Мокиенко, Никитина 2010, 43.

² Огольцев 1982, 130.

³ Мокиенко 1993, 177.

для сопоставления нами отбирается из словаря К. Б. Восилите, словаря Й. Паулаускаса, академических литовских толковых словарей.

Отобранный материал показал, что вопрос о структуре и границах устойчивых сравнений решается составителями словарей по-разному. В «Словаре сравнений русского языка» В. М. Мокиенко чаще всего заголовочные единицы включают основание сравнения и эталон сравнения (*ленивая как корова, устать как лошадь*). Иногда в состав вводится субъект сравнения при отсутствии основания сравнения (*глаза у кого как у лошади, зубы у кого как у лошади*), в некоторых случаях единицы состоят из сравнительного союза и эталона сравнения (*как лошадь, как индюк*). В «Словаре сравнений литовского языка» К. Б. Восилите сравнения состоят из одного эталона сравнения в сочетании со сравнительным союзом (*kaip karvė, kaip kiaulė*). Левая часть восстанавливается из контекста или формулируется в скобках. Как в лексикографии, так и во фразеологической теории, различия во взглядах учёных сводятся к введению или невведению основания сравнения в компонентный состав УС. Одна группа учёных (В. П. Жуков, А. И. Молотков, Н. М. Шанский) считает УС однокомпонентными структурами, исключая признак сравнения в силу того, что он уже закреплён в коллективном сознании говорящих и реализуется в конкретном контексте как частный признак: *как мёд* — ‘сладкий’, *как рак* — ‘красный’ и т.д. Тем не менее, основание сравнения попадает в «обязательное окружение» таких сравнительных фразеологизмов: некоторые учёные называют их «словами-сопроводителями» (В. П. Жуков), по терминологии других — это «обязательное лексическое окружение» (Л. А. Лебедева). Эта точка зрения соответствует и литовской лингвистической традиции: К. Б. Восилите считает, что «слова, тесно связанные со сравнением, но имеющие самостоятельное лексическое значение и грамматическую функцию, не входят в состав сравнения, а всего лишь составляют его окружение»⁴.

В. М. Мокиенко указывает на то, что теоретическую противоречивость концепции слов-сопроводителей убедительно корректирует практика. Отсечение левой части УС приводит к семантическому нивелированию огромного числа фразеологических единиц, что вступает в противоречие с необходимостью дифференцированного толкования их в словарях и ведёт к появлению фразеологической псевдомногозначности. Авторы словарных статей «вынуждены прибегать к оговоркам, которые, в сущности, восстанавливают за словами-сопроводителями статус обязательных компонентов»⁵.

При составлении двуязычного словаря русских и литовских устойчивых сравнений придётся решать проблему идентификации исходной формы оборотов двух языков. Внутри словарной статьи на степень сходства русских и литовских соответствий будут указывать специальные знаки: = (полный эквивалент), ≈ (частичный эквивалент), ∅ (отсутствие эквивалентов).

Приведём примеры словарных статей, отражающих фрагменты сопоставления устойчивых сравнений с наименованиями из сферы животного мира.

КУРИЦА — VIŠTA

Как курица. Пренебр. 1. О глупой, суетливой, крикливой женщине. 2. О растрёпанной, нелепо одетой женщине. Мок., 208.	= <i>Kaip višta</i> . Vos., 327.
Сидеть как курица на яйцах. Ирон. или Неодобр. О терпеливо, осторожно, боязливо, неподвижно сидящем человеке. Мок., 209.	– <i>Sėdėti kaip višta ant kiaušinių</i> . Vos., 328.
Писать как курица лапой. Ирон. или Шутл. О чьём-л. плохом, неразборчивом, торопливом почерке. Мок., 208.	= <i>Rašyti kaip višta su koja</i> . Vos., 329.
Как оципанная курица. Пренебр. О жалком, тощем, несурзанога вида человеке. Мок., 208.	= <i>Kaip nupešiota višta</i> . Vos., 327.
Как слепая курица. Ирон. или Неодобр. Об очень близоруким, плохо видящем человеке. Мок., 209.	≈ <i>Apyaklis kaip sena višta</i> (букв. подслеповатый как старая курица). Vos., 327.
Сидеть как мокрая курица. Презр. 1. О сидящем в жалкой, подавленной, удручённой позе человеке. 2. О вяло, пассивно, празднично и беспомощно сидящем где-л. человеке. Мок., 209.	≈ <i>Kiūtoti kaip šlapia višta</i> (букв. торчать как мокрая курица). Vos., 327.
Как варёная курица. Ирон. или Пренебр. Об апатичном, вялом, измученном и утомлённом (от жары, духоты, тяжёлой работы и т.п.) человеке. Мок., 208.	∅
Труслив (трусливый) как курица. Пренебр. и Шутл. О шумливо боязливым, опасливым и несамостоятельным из-за чрезмерной осторожности человеке. Мок., 209.	∅
Спать как куры. О чутко, время от времени приоткрывающих глаза, спящих людях. Мок., 209.	∅
∅	<i>Atrasti kaip akla višta grūdą (atsitiktinai)</i> (букв. найти как слепая курица зерно (случайно)). Vos., 326.
∅	<i>Apsidžiaugti kaip alkana višta, grūdą suradusi</i> (букв. обрадоваться как голодная курица, нашедшая зерно). Vos., 326-327.
∅	<i>Rankioti kaip višta grūdus</i> (букв. собирать как курица зёрна). Vos., 328.
∅	<i>Silpna kaip nusiperėjusi višta</i> (букв. слабая как курица, высижившая цыплят). Vos., 327.
∅	<i>Rėkti kaip perekšlė višta</i> (букв. кричать как курица-наседка). Vos., 327.

⁴ Vosilytė 1985, 4.

⁵ Мокиенко 1988, 93.

Двуязычный словарь позволит сделать вывод о продуктивности сравнительных единиц в двух языках и о степени их семантической, структурной и стилистической соотносительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Вальтер Х., Михова Ю. В., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. 2010: К концепции Большого немецко-русского словаря устойчивых сравнений (проблема эквивалентизации материала) // Вестник Псковского гос. пед. ун-та им. С. М. Кирова. Сер. «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Вып. 11 / Н. Л. Вершинина (ред.). Псков, 43–47.
- Мокиенко В. М. 1993: О словаре русских народных сравнений // Вопросы теории и истории языка / А. П. Башмакова (ред.). СПб., 173–178.
- Мокиенко В. М. 1988: Рец.: В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. Словарь фразеологических синонимов русского языка. — М.: Рус. язык, 1987 // Рус. язык в школе. 6, 90–93.
- Огольцев В. М. 1982: Семантизация культурного компонента языковой единицы в учебном словаре устойчивых сравнений // Словари и лингвострановедение / Е. М. Верещагин (ред.). М., 122–131.
- Vosylūtė K. B. 1985: Lietuvių palyginimų žodynas. Vilnius.

THE POSSIBILITY OF STEADY COMPARISONS REPRESENTATION IN THE RUSSIAN-LITHUANIAN DICTIONARY

L. B. Vorobyeva

The article shows that there are a few bilingual dictionaries of steady comparisons, which cause urgency of composition of Russian-Lithuanian steady comparison dictionary. A bilingual dictionary allows drawing a conclusion about comparison units' efficiency in both languages and about their semantic, structural and stylistic correlation.

Key words: steady comparison, phraseography, bilingual dictionary, the Lithuanian language, the Russian language

© 2014

С. И. Георгиева

О СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ РУССКО-БОЛГАРСКИХ И БОЛГАРСКО-РУССКИХ БИЗНЕС-СЛОВАРЯХ

Изменение социальной и экономической ситуации в России и Болгарии привело к появлению новых пластов лексики в русском и болгарском языках, и составление бизнес-словарей русского и болгарского языков стало особенно актуальным. Автор представляет новый тип бизнес-словаря, который содержит специфическую терминологию, общенаучную лексику, лексемы, связанные с профессиональным общением, а также образцы документов, отражающих этапы бизнес-сделки, на русском и болгарском языках.

Ключевые слова: словарь, бизнес, глобализация, термин, стилистическая характеристика, устойчивые словосочетания

Изменения во многих общественных структурах в жизни Болгарии и России привели к качественному изменению лексикальных пластов болгарского и русского языков, а глобализация социальных процессов и интеграция наших стран в европейских структурах поставили вопрос о создании словарей, которые смогут удовлетворить новые потребности пользователей. Составление бизнес-словарей русского и болгарского языков стало особенно актуальным в последнее время, когда контакты между партнёрами могут быть прямыми, без посредников, когда все предприимчивые люди могут создавать и развивать свой бизнес.

Язык бизнеса включает как термины, так и профессионализмы из сферы бизнеса. Они используются при заключении внешнеэкономических сделок, совершении торговых операций, в банковском деле, при кредитовании и уплате пошлин, налогов, продаже услуг, в рекламной деятельности и маркетинге, при организации выставок, ярмарок, торгов, на биржах и аукционах, при страховании, транспортировке грузов, организации международного туризма и т. д.

Термины являются основной частью словаря. Терминология каждого языка обслуживает конкретные области профессиональной деятельности общества. Международное сотрудничество, продуктивность той или иной отрасли — вот те факторы, которые в значительной степени определяют активность систематизации научных знаний и наименований, с ними связанных.

Русская и болгарская терминологические системы в последние два десятилетия обнаруживают своеобразие в своем развитии, что связано прежде всего с внеязыковыми факторами. До этого времени существовали двуязычные русско-болгарские словари, которые отражали реальность своего времени, общность Варшавского сотрудничества, традиционные двусторонние контакты и т. п. В последнее время наблюдается тенденция к развитию терминологии на конкретных языках. Вместе с тем необходимость развивать терминологически каждый язык проблематична, поскольку отдельные национальные языки имеют разные сферы функционирования. Кроме того, самостоятельное развитие определённых отраслей знания у того или иного народа продиктовано спецификой национальной культуры, а также контактами в области науки и практики с иностранными специалистами. Поэтому, например, в области филологии, искусства, местных промыслов и отраслей хозяйства ведущими в терминоворочестве оказывается болгарский язык, а в области точных наук, промышленности, транспорта — русский либо английский, и терминология в национальном языке формируется под их влиянием. Следовательно, в настоящее время для русского и болгарского языков в сфере бизнеса особо выделяется проблема терминологического двуязычия, точных соот-

Георгиева Стефка Иванова — доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского (Болгария). E-mail: stefka3@abv.bg

ветствий, которая обязывает заниматься исследованием и упорядочением и русской, и болгарской терминологических систем в разных аспектах и планах.

Наряду с этим актуальным остаётся и собственно лингвистическое изучение языка науки, или — шире — профессионального языка, поскольку язык науки в его собственной (вербальной) форме входит в число обязательных средств познания действительности, являясь средством выражения знания и способом его фиксации. Это особо подчёркивал акад. В. В. Виноградов: «Всё, что связано с уяснением понятия термина, сближает лингвистику не только с разными областями научного знания, но и с разными сферами производственной практики, профессионального труда <...> История терминологии той или иной сферы науки, культуры, производственной деятельности — это вместе с тем повесть о закономерностях развития знаний о природе и обществе. Показательно, что история всякой науки неизбежно включает в себя и историю развития понятий и терминов этой области <...> История терминологии — это проблема не только национально-историческая, но и интернациональная, проблема истории человеческих цивилизаций, истории культурных взаимодействий и группировок народов»¹.

Исследование отдельных языковых полей подразумевает накопление и интеграцию результатов, что способствовало бы конкретизации понятия «терминологическая система» и разработке методик анализа и описания терминосистем.

В настоящее время перед терминоведением стоит и ряд прикладных задач. Одна из основных задач — определение принципов отбора терминов при решении лексикографических задач, связанных с составлением новых русско-болгарских терминологических словарей разных отраслей знаний.

Язык бизнеса охватывает широкий круг терминов многих областей жизни, т.к. сама деятельность, связанная с бизнесом, многообразна. Производит впечатление, что найдены соответствия для всех базовых терминов, имеющих отношение к бизнесу. Современные исследователи профессиональных языков ответили на потребность рынка и составили бизнес-словари на материале русского и болгарского языков. Объектом анализа данной работы является «Болгарско-русский и русско-болгарский бизнес-словарь»². Это специальный двуязычный терминологический словарь, который ориентирован на широкий круг потребителей, работающих в сфере бизнеса. Он предназначен для болгарских и русскоговорящих специалистов, которые развивают деловую деятельность в разных сферах бизнеса и вынуждены работать с бизнесдокументацией, переводить специальную литературу, готовиться к деловым встречам. Словарь предназначен также для работающих в сфере торговли, в банках, торговых палатах, на таможне, в хозяйственных и финансовых учреждениях, а также в фирмах, организующих международный туризм. Лексические единицы подобраны по принципам целесообразности, необходимости и частотности. Лингвистический принцип учитывает словообразовательную ценность и сочетаемость терминов.

Деловое общение происходит в условиях формирования новых пластов языка и предоставляет лингвисту богатый речевой фонд для изучения бизнестерминологии.

Словарь составлен в результате анализа деловой корреспонденции, коммерческой документации, бланков, писем, статей и т.п., а также изучения словарей, учебников, монографий, связанных с бизнесом конкретного языка. Словник данного словаря составлялся после предварительного знакомства с разными гранями бизнес-деятельности. Термины расположены в алфавитном порядке, для каждого приводится перевод-соответствие в другом языке, а в отдельных случаях термины сопровождаются кратким толкованием. Словосочетания при терминах приводятся, как правило, в систематическом порядке.

Словарная статья состоит из заглавного слова (с ударением), указывается его грамматическая, а в необходимых случаях — стилистическая характеристика; даётся его перевод. Например: **Застраховане** *с* — ‘страхование’. Следуют общие слова: *застраховане, застраховка, осигуровка* — ‘страхование’, *застраховка* — ‘страховка’ *ж. разг.*; дальше приводятся **видове застраховки** — ‘виды страхований’: *взаимно застраховане* — ‘взаимное страхование’, *държавно застраховане* — ‘государственное страхование’, *доброволно застраховане* — ‘добровольное страхование’, *имууществено застраховане* — ‘имущественное страхование’, *лична застраховка* — ‘личное страхование’, *задължително застраховане* — ‘обязательное страхование’, *застраховка («гражданска отговорност»)* — ‘страхование гражданской ответственности’, *застраховка живот* — ‘страхование жизни’ и др. Ударения указываются и в приведённых словосочетаниях.

Лексический материал расположен по принципу «расширяющегося минимума» (сначала даются базовые термины — прилагательные либо существительные, а потом следуют словосочетания): *застрахователен прил* — ‘страховой; *застрахователна полица* — ‘страховой полис/вексель’, *застрахователна сума* — ‘страховая сумма’, *застрахователна банка* — ‘страховой банк’, *застрахователно дружество* — ‘страховое общество’ и др. Представлен также корпус активных словосочетаний: *договор за застраховка* — ‘договор о страховании’; *договор за застраховане на дома* — ‘(заключить) договор на страхование дома’; *параграф на договор/контракт* — ‘статья договора/контракта’ и т.п. Данная модель представления терминов удовлетворяет коммуникативные потребности в социально-бытовой, социально-культурной и профессиональной сферах соответствующего типа общения.

Представлены также и глаголы с их сочетаемостью в свободных и устойчивых конструкциях (*застраховам се* — ‘страховаться’, *застраховам се срещу пожар* — ‘(за)страховаться от пожара’, *да съобщя, да уведомя* — ‘извещать/известить кого, о чём’, *заплащам такси* — ‘уплачивать/уплатить сборы’, *събирам такси* — ‘взимать/взять сборы’, *да заявя правата си* — ‘предъявлять/предъявить право на ...’, *да предявя претенция (искане) за нещо* — ‘предъявлять/предъявить претензию на ...’, *търпя загуби* — ‘нести/понести убытки’, *причислявам към загуби* — ‘отнести на убытки’, *на загуба съм* — ‘быть в убытке’ и т.п.).

Автор словаря ставит перед собой цель ввести модели словосочетаний с конструктивно обусловленным значением, отдельные из которых имеют эквивалентные модели в языке перевода (*плащане по сметка* — ‘уплата по счёту’, *изплащане по ментелница* — ‘уплата по векселю’), а также безэквивалентные модели (*продавам на загуба* — ‘торговать в убыток’, *на изплащане* — ‘уплата в рассрочку’).

При отборе лексического материала для профессионального общения следует учитывать, что, кроме специальной терминологии, важным слоем словарного состава является и общенаучная лексика, которая по тематике не связана с языком бизнеса, например: *споразумявам се* — ‘договариваться/договориться’; *способствувам* — ‘содействовать кому, чему’; *пара-*

¹ Виноградов 1961, 6.

² Георгиева 2004.

граф — ‘статья’; *съгласувам* — ‘согласовывать/согласовать что’; *споразумение* — ‘соглашение, договорённость’ и др. Данный лексический пласт также включён в корпус бизнес-словаря.

В профессиональное общение, связанное с бизнесом, входит и язык субъектов рыночной экономики. Это слова из профессионального жаргона, например: *маржа* — ‘стрижка’ (жарг.) — ‘разница между покупной и продажной ценой ценных бумаг’, *първоначален капитал* — ‘семенной капитал’ (жарг.) и др. Сюда входят также слова и словосочетания, при помощи которых субъекты рыночной экономики общаются с её объектами — потребителями. Это лексика, связанная с рекламой, объявлениями, торговлей, например: *рекламна дилпянка* — ‘буклет’; *търговска отстъпка* — ‘торговая скидка’; *разсрочено плащане* — ‘оплата в рассрочку’; *отстъпка при плащане в брой* — ‘скидка при платеже наличными’ и др.

В конце словаря помещено Приложение, в котором представлены образцы самых употребительных деловых и коммерческих документов, которые являются неразрывной частью бизнеса. Это доверенность, запрос, коммерческое предложение (оферта), договор (контракт), рекламация (претензия), заявление на аккредитив, некоторые специфические коммерческие сокращения и др. подлинники документы, написанные как на болгарском, так и на русском языках.

Представлены также деловые и коммерческие письма, которые составлены по строго регламентированной форме. Каждый деловой документ содержит определённые структурные элементы: название документа, наименование и адрес организации, фирмы или предприятия, от которого исходит документ; указания сторон, составляющих документ; дата и содержание документа; подписи и т.п. части, оформление которых имеет специфические особенности в каждом из языков.

Некоторые деловые письма имеют стандартную форму и пишутся на готовых — отпечатанных, частично заполненных бланках. И поскольку компьютеризация является характерной чертой современной организации деловой документации, то в Приложении даются некоторые блоки писем, которые могут быть введены в компьютер и при необходимости заполняться конкретной информацией.

Деловые письма Приложения могут послужить образцом при составлении подобных текстов, а правильно составленное письмо — залог успешного бизнеса.

Словарь реализован в бумажном варианте. Сейчас автор работает над его электронной версией, т.к. за электронными словарями будущее.

Глобализация в современном мире проявила себя прежде всего в открытии экономических рынков и рынков труда, что повлекло за собой профессиональную мобильность и осознание необходимости владеть языком бизнеса. Вот почему весьма актуальными в XXI в. стали двуязычные русско-болгарские и болгарско-русские бизнес-словари.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. 1961: Вступительное слово // Вопросы терминологии. М., 5–11.
 Георгиева С. 2004: Болгарско-русский и русско-болгарский бизнес-словарь. София.

ABOUT SPECIALIZED RUSSIAN-BULGARIAN AND BULGARIAN-RUSSIAN BUSINESS DICTIONARY

S. I. Georgieva

The appearance of specialized Russian-Bulgarian and Bulgarian-Russian Business Dictionaries is connected with the changes in social and economic situation in Russia and Bulgaria and it became very urgent; they have led to the change of lexical layers of the Russian and the Bulgarian languages. In the paper a new type of a business dictionary is presented, comprising specific terminology, common scientific vocabulary and specific lexical units. The dictionary is relevant to the professional communication and includes original documents connected with all stages of a business transaction in Russian and Bulgarian.

Key words: dictionary, business, globalization, term, stylistic characteristics, phraseological units

© 2014

Н. Н. Зеркина

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ. РУССКИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Автор рассматривает способность фразеологических единиц английского языка аккумулировать различные культурно-исторические смыслы и понятия иностранного, в том числе русского, происхождения и их способность передавать культурно-историческую информацию во времени и пространстве.

Ключевые слова: английская фразеология, русские заимствования, лингвокультурология, этимология, фразеологическая единица

Учитывая особый статус английского языка как языка международного общения, многие исследователи отмечают, что «языковую ситуацию в мире на сегодняшний день можно описать одним словом — глобанглизация, т.е. однозначное лидерство английского языка в сфере международного общения»¹.

Зеркина Наталья Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.
 E-mail: agatik01@mail.ru

¹ Кабакчи, Белоглазова 2013, 13.

Но всё ли в английском языке «английское»? Несмотря на чрезмерное присутствие английских заимствований в других языках, английский язык сам может быть примером «поглощения» и ассимиляции элементов «чужих» культур и артефактов «чужой» истории.

В фокусе нашего внимания находится английская фразеология с точки зрения лингвокультурологии.

Одной из специфических черт английской фразеологии является её способность аккумулировать различные культурно-исторические смыслы и понятия неанглийского происхождения, воплощать «язык» иностранной культуры и истории в содержании английских фразеологических единиц (ФЕ).

Процесс зарождения и вербализации во фразеологическом фонде английского языка новых смыслов является постоянным и время от времени активизируется. Он приводит к количественному расширению словаря за счёт появления новых ФЕ, которые представляют собой многомерные образования.

ФЕ английского языка, этимология которых находится за пределами английского языка, общества и культуры, обладают двойственной особенностью: они уникальны как для языка (донора) и культуры, из которых пришли, так и английского языка как реципиента, поскольку являются социально и исторически маркированными. Они передают культурно-историческую информацию во времени и пространстве, обнаруживают культурно-историческую взаимосвязь народов. ФЕ данного типа наглядно демонстрируют взаимодействие разных семиотических систем — естественного языка, культуры и истории.

Данные ФЕ представляют собой проявление некоего мультикультурализма в английском языке, поскольку в противовес единому, национальному, культурно-историческому английскому вокабуляру обнаруживаются единицы, национально не маркированные, что ставит под сомнение существование национальной идентичности фразеологии. Но, рассматривая фразеологизмы с иностранной этимологией в рамках англоязычной культурной общности, надо говорить не об их культурно-языковой автономии, а только о фрагментации.

Рассмотрим этимологию некоторых ФЕ английского языка параллельно с историей их формирования вне английской культуры и общества.

Так, например, фразеологизм *Laugh like Bolle on the milk float* имеет немецкие «корни»: *Sich wie die Bolles uffn Milchwagen amüsieren*, что означает «смеяться очень сильно, гоготать, грохотать».

Данное выражение зарождается в XIX в. в Берлине. Население Берлина со 170000 человек в 1800 г. выросло до 826000 к 1871 г. и продолжало расти, и, соответственно, возрастала потребность в продуктах и услугах. В этот период одним из наиболее предприимчивых торговцев был Carl Julius Andreas Bolle (1832–1910). Он начинал как скромный ученик каменщика, но в 60-х гг. XIX в. стал торговать льдом для хранения скоропортящихся продуктов, который он добывал зимой из плавучих льдин берлинских рек. Затем Bolle стал заниматься продажей рыбы, выращиванием фруктов и консервированием, но больше всего преуспел в молочном бизнесе (1881 г.). У него было 56 конных повозок с колокольчиками для привлечения клиентов, покупавших свежее молоко и молочные продукты в мегаполисе.

Bolle — широко распространённая берлинская фамилия, нашедшая отражение в популярной песенке о весёлом берлинце на местном диалекте с припевом: *Aber dennoch hat sich Bolle janz köstlich amüsiert*. К фразе добавили *uffn Milchwagen* и разукрасили ею повозки с молоком² (ср. с российским брендом «Весёлый молочник»).

Немецкий «вклад» в английскую фразеологию не ограничивается вышерассмотренным выражением. Не менее интересны выражения *get yourself franzed* — *Sich verfranzten* — «безнадёжно потеряться», *“Railway Embankment” brand* — *Marke Bahndamm* — «плохого качества» (о табаке, вине) и т.д.

До того как Mr. Punch стал любимым развлекательным персонажем британцев, он был итальянским персонажем *com-media dell'arte Pulcinella*. *Mr. Punch's secret* — *Un segreto di Pulcinella* («открытый секрет»).

По данным Ф. Гудена и П. Левайса³, имя Charlemagne (742–814) — короля франков и императора Священной Римской империи, прославившегося мудростью и человечностью, в английской фразеологии стало синонимом беспечности и халатности. *Like king Charlemagne/Charles* — *Alla carlona* — «невнимательно». Данный факт объясняется средневековыми легендами, написанными на старофранцузском языке, где Charlemagne представляется как добродушный, но лишённый принципиальности и хитрости персонаж.

Французская гастрономическая культура также нашла своё отражение в английской фразеологии. *Between the pear and the cheese* — *Entre la poiret et le fromage* — случайный, непреднамеренный, не подлежащий оглашению. Этимология фразеологизма объясняется французской средневековой традицией подавать «освежающую рот» грушу после еды, далее люди ожидали сыр, пили вино и чувствовали себя более раскованно. *To have the heart of artichoke* — *Avoir un Coeur d'artichaut* — «быть переменчивым, непостоянным в любви». Данная ФЕ датируется XIX в.⁴ и ассоциируется с классическим способом поедания артишока. Артишок вместе с несъедобной сердцевинкой делится между сидящими за столом, и каждый должен был отрывать и есть от своей части только съедобные листья, а сердцевина (сердце) оставалась нетронутой. Таким образом, *to have the heart of artichoke* означает «снимать перед всеми ответственность за какие-л. отношения».

Имя испанца Pedro de Lepe y Dorantes (1641–1700), изучавшего гуманитарные науки, классические языки, литературу, а впоследствии ставшего епископом, вошло в состав ФЕ *to know more than Lepe* — *Saber más (or Más listo) que Lepe* — «≈ходячая энциклопедия».

В английской фразеологии увековечены не только испанцы, но и события, связанные с историей Испании, как, например, *to prepare yourself for St-Quentin* — *armarse la de San Quintin* — «устроить скандал». Во времена Франко-габсбургской войны (1551–1559) у города Сант-Квентин в 1557 г. было кровавое побоище, победила в котором Испанская армия.

В 1978 г. датская писательница Ethel Portnoy (1927–2004) опубликовала сборник рассказов под названием *Broodje aap verhaal: De Folklore van de Post-Industriële Samenleving* (Monkey Sandwich: The Folklore of Post-Industrial Society). Название сборника стало прототипом ФЕ *monkey sandwich story* = *an urban myth* — *Broodje aap verhaal* — «городской миф (чушь, ужастик)».

Следующие ФЕ также имеют датскую этимологию *Menin is close to Courtrai (But far from Waregem)* — *Menen ligt dicht*

² Gooden, Lewis 2012, 2.

³ Gooden, Lewis 2012, 51.

⁴ Gooden, Lewis 2012, 55.

bij Kortrijk (maar verre van Ware) — ‘думать о чём-то не то же самое, что знать это’; *Holland/Leiden is in trouble* — Dan is Holland/Leiden in last! — ‘У нас большие проблемы!’.

Русская история, русская культура и русский язык также нашли своё место в английском фразеологическом фонде. Ярким примером может послужить ФЕ *Potemkin Villages*. Данная ФЕ имеет русские корни, но, по данным Ф. Гудена и П. Левайса⁵ в английский язык она пришла через немецкий язык (Potemkinscher Dörfer). Князь Г. А. Потёмкин, фаворит Екатерины Великой, прославился во время Русско-турецкой войны. По легенде, чтобы произвести впечатление на императрицу и сопровождавших её лиц, по указанию князя были выстроены бутафорские деревни вдоль маршрута следования Екатерины Великой и представителей иностранных дворов. Авторство легенды приписывается саксонскому дипломату Георгу Гельбигу. Впервые легенда была опубликована анонимно, впоследствии — в книге-памфлете Г. А. Гельбига «Потёмкин Таврический»⁶.

Характер ранних русских заимствований в английском языке говорит об отдалённости народов, об отсутствии непосредственного общения, бытового соприкосновения. Данные единицы языка не вживались в английский фольклор и не обрести образными фразеологическими сочетаниями. Они появлялись в английском языке не как результат широкого соприкосновения жизни народов, как в случае с французским, немецким, или другими европейскими языками, а проникали из сферы торговых, политических отношений, из делового языка. Это номенклатурные названия реалий как предмета торговли, принятые английским бытом или привлёкшие внимание своей необычностью (*knes, voivode, bojar, arshin, rouble, kvass, izba, samovar, matryeshka*).

Но такие русские ФЕ эпохи социализма, как *герой труда, социалистическое строительство, жизненные интересы народа, освоение целинных и залежных земель*, дали английскому языку следующие устойчивые сочетания как *hero of labour, socialist construction, vital interests of the people, reclamation of virgin and unused lands*.

Не без влияния русского языка, русской культуры и русской политики, после Второй мировой войны, во времена всемирного движения борьбы за мир, в английском языке появились такие фразеологизмы, как *peoples of good will* — *люди доброй воли, struggle for peace* — *борьба за мир*.

Ряд калькированных русских слов и ФЕ сохраняет значение и структурное сходство с оригиналом: *five-year-plan* — *пятилетка; house of culture* — *дом культуры; socialist emulation* — *социалистическое соревнование; political guide* — *политрук; Red Army* — *Красная Армия; shock brigade* — *ударная бригада*. Вначале данные кальки и заимствования применялись в английском языке только при описании советской действительности, но сейчас многие единицы употребляются и без прямого отношения к СССР или России: The only area where the government has showed a *Stakhanovite* commitment to carrying through on fiscal consolidation is...⁷.

Итак, мы можем констатировать, что разноплановые понятия представителей разных народов и эпох находят своё отражение и актуализируются в английской фразеологии, наглядно иллюстрируя взаимосвязь культуры, истории и языка. «Русский вклад» в английскую фразеологию большей частью социалистически маркирован и представляет собой культурно-политические заимствования. Английский язык, а в частности его фразеология, отражает не только британскую культуру, но и культуру народов, с которыми англичане вступали в различного рода контакты.

ЛИТЕРАТУРА

- Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. 2013: Переводчик идеологического противостояния: восток vs запад: XX век // Язык и культура в эпоху глобализации / Е. В. Белоглазова, С. В. Киселёва, И. Н. Кононова, А. В. Трошина, О. И. Хайрулина (ред.). СПб., 12–26.
 Потёмкинские деревни 2014: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Потёмкинские_деревни.
 Gooden Ph., Lewis P. 2012: Idiomantics. The Weird and Wonderful Word of Popular Phrases. Bloomsbury. London-New Delhi-New York-Sydney.

MULTICULTURALISM OF THE ENGLISH PHRASEOLOGY. RUSSIAN LINGUOCULTURAL BORROWINGS

N. N. Zerkina

The article focuses on English phraseological units ability of encapsulating different cultural and historical notions and concepts of non-English etymology and their ability of temporal and spatial transferring of cultural and historical information.

Key words: English phraseology, linguaculturology, etymology, phraseological unit

© 2014

И. Лазић-Коњик, Ј. Милошевић

РУСКА КУЛТУРА У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ У СВЕТЛУ ВЕРБАЛНИХ АСОЦИЈАЦИЈА*

В статье показан сербский этнический стереотип русских с точки зрения вербальных ассоциаций, с подчёркиванием культурологического аспекта. Представление о русских в основном позитивное — сербы считают русских братьями, хорошими людьми. На периферии эта картина релятивизируется в виде ответов с негативной коннотацией.

Ключевые слова: стереотип, вербальные ассоциации, русские, русский, русский язык, сербский язык

⁵ Gooden, Lewis 2012, 15.

⁶ Потёмкинские деревни 2014.

⁷ Britain Shows No Sign of Shaking Addiction to Debt, Taxes and Regulations: <http://www.commentarymagazine.com/2012/03/07/britain-addiction-to-debt-taxes-and-regulations/>

1.0. Имајући у виду досадашње методе и резултате истраживања на пољу анализе националне језичке слике¹, а у складу са тематским захтевима Конференције, у овом раду представићемо слику Русије споља, у језичком сазнању носилаца српског језика. Тачније, анализираће се етнички и културални стереотип Руса у језичком сазнању Срба, односно оног његовог дела који је обухваћен истраживањем у *Асоцијативном речнику српског језика* (АР)². За предмет анализе биће узете вербалне асоцијације на стимулусе *Руси*, *руски*, *руски језик* и контролно за стимулус *Москва*³. Очекујемо да ће анализа добијених одговора-реакција моћи да пружи слику о стереотипној представи о Русима и руској култури у сазнању српског народа⁴.

1.1. С обзиром на то да су културалне и историјске чињенице о руском народу у сазнању Срба прилично изграђене услед вишевековне ослоњености српског народа на Русију у генеалогском, војном, историјском, политичком и економском погледу, јасно је да је стереотип о Русима међу Србима оптерећен политиком, историјом, економским, верским и др. приликама у нашој земљи⁵. Управо је то довело до формирања јасно изражене српске стереотипне слике о Русима која је, према увреженом мишљењу изразито позитивна, али у суштини површина (исп. Пипер 2004, 183). Руси се доживљавају као братски народ, као народ који пуно пије⁶, а формиран је и стереотип о високом степену развијености руске културе и науке. Како увид у вербалне асоцијације показује да је српски стереотип о Русима ипак врло сложен, у целини очекиван, али у појединостима непредвидив, један од циљева рада јесте да се наведене устаљене представе о Русима међу Србима провере и да се укаже на слојевитост стереотипа и евентуалне модификације.

2.0. Подаци о учесталости одговора-реакција на задате стимулусе показују да је најфреквентнија асоцијација (према обједињеним подацима за сва три стимулуса) *језик* са 307 потврда (6+294+7)⁷, следе *Русија* 120 (28+15+77) и *вотка/водка* 99 (70/-+5/7+17/-). Прве две реакције *језик* и *Русија* не изненађују, мада не пружају културолошку слику о српском стереотипу Руса, с обзиром на то да се ради о синтагматској асоцијацији, устаљеној лексичкој вези *руски језик*, чији се други део у говору често испушта, па је природно да стимулус-придева *руски* асоцира лексему *језик*⁸. Асоцијација *Русија* такође је језичке природе и у семантичкој је вези са свим лексемама-стимулусима. Трећа реакција по учесталости *вотка/водка* припада типу културолошких асоцијација и значајна је за тумачење српског стереотипа о Русима. Одговором *вотка* на стимулус *Руси* асоцирало је 70 испитаника што показује да у језичкој свести Срба стереотип о Русима као важну карактеристику садржи склоност ка пићу.

2.1. Даље се као фреквентне јављају асоцијације које су и језичким и културолошким везама повезане са стимулусима. Са становишта етничког стереотипа важна је фреквентна реакција *браћа* 46 чији се број увећава ако се допуну семантички сродним одговорима: *брат* 4, *братство* 4, *братска Русија* 2, *братски* 2, *братски народ* 1, *браћа Руси* 1 и сл. Истом семантичком пољу припада и релативно фреквентна асоцијација *пријатељи* 9, којој се могу придружити реакције *пријатељ* 3, *пријатељство* 4. Наведене асоцијације позитивно профилишу српски стереотип Руса.

2.2. Многе асоцијације могу се објединити према семантичким карактеристикама у значењска поља⁹. Тако су честе асоцијације које се односе на географске одлике (*Москва* 97, *Сибир* 23, *исток* 11), етничке (*народ* 55, *Словени* 19, *Руси* 17, *Рус* 5, *Рускиња* 1, *Срби* 7, *Србија* 1), климатске (*зима* 38, *хладно* 12, *хладноћа* 8, *снег* 10), религијске (*православље* 12, *православци* 6, *православни* 3, *православно* 1), културне (*књижевност* 21, *бајке/бајка* 14, *Достојевски* 10, *Пушкин* 8, *писац* 7, *Толстој* 6, *Ана Каренина* 8).

2.3. Значајан број асоцијација, посебно када се посматрају заједно, има ситуациони карактер, парадигматског су типа и односе се на повезаност стимулуса *руски* и *руски језик* са изучавањем овог језика као наставног предмета у школама, па се тако јављају реакције: *школа* 22, *основна школа* 5, *учење* 5¹⁰, *професор* 11, *речник* 9, *српски* 40, *енглески* 12, *немачки* 12, *руски језик* 7, *српски језик* 5, *енглески језик* 4, *пољски* 4, *страни језик* 7, *словенски* 9¹¹. Са овим одговорима повезане су негативне асоцијације *досада* 19, *смор* 7, *смарачи* 1, *ужас* 6, *бљак* 4, *фуј* 4, *глупост* 4¹², које показују да се доминантно позитиван стереотип о Русима у језичком сазнању Срба ипак модификује у појединачним особинама у виду амбивалентне представе на

Ивана Лазич-Коњик — доктор филолошких наука, научни сарадник Института српског језика Српске Академије Наук (Београд, Србија). Е-mail: ivana.konjik@gmail.com

Јованка Милошевић — мастер (научни сарадник) Института српског језика Српске Академије Наук (Београд, Србија). Е-mail: atlant81@yahoo.com

¹ Рад је урађен у оквиру пројекта бр. 178009 који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Р. Србије.

² Упућујемо читаоца на следећу литературу: Пипер, Стернин (ред.) 2004; Тарасов 2008, према Драгићевић 2010, 29-38; Бартмињски 2011, 343-380.

³ Испитаници су били младићи и девојке између 18 и 25 година као репрезентативни узорак, будући носиоци културног и друштвеног живота нације (АР, 96). Ј. Бартмињски (2011, 353) такође наводи да се у таквим истраживањима студентска популација традиционално бира за представнике шире заједнице.

⁴ Стимулус *Москва* уврштен је зато што је *Москва* главни град Русије.

⁵ Због ограниченог обима рада упућујемо читаоца да информације у вези са особинама испитиваног узорака и методологијом прикупљања података в. у АР, као и саме речничке чланке за наведене стимулусе (АР, 96-101). Овде ће бити представљени само резултати анализе добијених података према АР.

⁶ Одговори у АР показују да Срби у начелу на основном појмовном нивоу знају ко су Руси, шта је / где је Русија, шта је везано за појам руског и за Русе (на стимулус *Руси* 137 испитаника од 800 није дало никакав одговор, за руски тај број је 35, а за руски језик 59).

⁷ На ову особину се међутим обично не гледа осуђивачки, већ са посебном врстом симпатије, у смислу да могу пуно да попију. Руси заиста пију више и чешће него Срби (исп. Пипер, Стернин 2004, 5-6).

⁸ Подаци у загради односе се на број одговора-реакција редом за стимулусе *Руси*, *руски*, *руски језик*.

⁹ Реч је о језичкој вези лексеме-стимулуса *придева* и лексеме-реакције *именице*. Р. Драгићевић (2010, 97-98) наводи да су синтагматске асоцијативне везе између лексеме-стимулуса и лексеме-реакције упадљиво јаче од парадигматских и да су посебно снажне синтагматске везе између стимулуса *придева* и асоцијације *именице* изазване њиховом узајамном устаљеном употребом. У асоцијативном пољу стимулуса *Руси*, *руски* и *руски језик* јављају се синтагматске реакције лингвистичког и културолошког типа, нпр. *рулет*, *воз*, *салата*.

¹⁰ Термин значењско поље у вези са асоцијативним пољем користимо према Пипер 2009.

¹¹ И појединачне: *учити* 1, *учим руски* 1.

¹² И појединачне: *славистика* 1, *словенски језик* 1.

¹³ Сви ови одговори, осим једног - *досада*, дати су на стимулусе *руски* и *руски језик* што јасно указује на то да се односе на учење руског језика као обавезног предмета у школама.

његовој периферији, у вези са личним искуством испитаника.¹³ Ово нарочито потврђују појединачни одговори као што су: и они су издајнице 1, издаја 1, издајници 1, јадни 1, неодлучност 1, превара 1, који релативизују позитивну слику о Русима, а условљени су ставом појединаца да је у одређеним битним историјским тренуцима за Србију очекивана помоћ од Руса и Русије изостала.

3. За тумачење стереотипне представе о Русима и руској култури нарочито су значајне асоцијације које се односе на значењско поље културе, друштвено-политичке прилике, као и вредносни судови.

3.1. У значењско поље културе улазе реакције које се односе на филмску уметност¹⁴ — филм 5, филмови 2, филмска уметност 1, цртани филм 1, Сибирски берберин 1, Олег Мењшиков 1; позоришну уметност — позориште 10, балет 4, опера 1; музичку и плесну уметност — музика 4, мелодија 1, Какаљин 1 и какаљинка 2, казачок 1. Ипак, најбројније су оне које се односе на књижевност, укључујући имена руских писаца и њихових дела (најчешће су то представници реализма) и имена ликова из дела — књижевност 21, литература 1, и руска књижевност 1, књига 3, писац 7, писци 2, поезија 3, песник 3 (в. и — песма 7, песме 2), бајка 8, бајке 8, руске бајке 1, реализам 2, Достојевски 10, Пушкин 9, Толстој 6, Чехов 1, Гогољ 1, Солжењин 1, Набоков 1, Јесењин 2, Тихи Дон 3, Рат и мир 1, Тарас Булба 1, Ана Карењина 6, Евгеније Оњегин 1, Оњегин 2. Наведени одговори јасно показују да је аспект културе важан у профилисању етничког стереотипа о Русима, те да се Руси и Русија у свести српских говорника доживљавају као народ, односно земља са богатом културом. У прилог таквом закључку иде чињеница да су асоцијације веома разноврсне и да се односе на различите сегменте културе, а не само на руску књижевност која се изучава као део наставног програма у основним и средњим школама и на неким факултетима.

3.2. Друштвено-политичко значењско поље формирају реакције испитаника које се односе на друштвено-политичке и идеолошке прилике из прошлости и садашњости Русије. Ови одговори су бројни, али немају високу фреквенцију. Они се могу поделити у три групе, према историјском раздобљу: царска Русија, социјалистичка / комунистичка Русија XX в. и савремена Русија. На царски период односе се одговори — Иван Грозни 3, Романови 2, Распућин 2, што сугерише закључак да је знање испитаника о овом периоду Русије прилично сиромашно. Одговори који се везују за социјалистички / комунистички период Русије су бројни и односе се на тип друштвено-политичког уређења, односно идеологију — комунизам 12, комунисти 2, комуниста 1, комунистички 2 и комуњарски 1, затим социјализам 4, Совет Унион 1, СССР 1, совјетски 1, КГБ 1, као и — срп и чекић 1, што је идеолошки симбол, црвени 7 и црвено 10. Међу одговорима су и имена кључних политичара тог периода — Стаљин 17, Лењин 6, Горбачов 1, као и Јељцин 4 и Борис Јељцин 1 (име политичара који се везује за тај период и затвара га). Реакције испитаника показују да је у српском поимању Русије и Руса и даље снажно присутан друштвено-политички и идеолошки аспект. У свести говорника су и даље више живе пређашње политичке и идеолошке особине Русије, које су се доводиле у везу са сличним таквим особинама некадашње Југославије, него оне које се односе на политичко уређење и идеологију савремене Русије, којих има знатно мање међу одговорима. Тако су испитаници навели само име тадашњег председника Русије — Путин 5, док су се остали одговори односили на војне сукобе у Чеченији, односно на терористичке нападе из тог периода — Чечени 3, чеченски терористи 1, односно — тероризам 3, терористи 3, терорости 1, бомба 1, те на негативне стране савременог руског друштва — мафијаша 2, мафија 1, односно проституција 1. Јасно је да је слика о савременој Русији¹⁵ с друштвено-политичког аспекта у великој мери негативно профилисана, формирана под утицајем медија, и да је асоцијативна веза са комунизмом у етничком стереотипу Русије и даље веома јака без обзира на промене.

3.3. Асоцијације које имају карактер вредносних судова потврђују амбивалентност представе о Русима на њеној периферији. Иако већину чине позитивни ставови према којима су Руси браћа, тј. доживљавају се као добри (*Руси*: добри 3, добри људи 2, диван народ 1, прави људи 1, прави народ 1, супер људи 1; *руски језик*: добри људи 1), а Русија као земља која на мапи света заузима битан положај у историјском, друштвено-политичком и културолошком смислу (исп. одговоре — величина 7, велики 9, односно велика 3, велико 9, снага 5, сила 3, моћ 1, традиција 4) на периферији се јављају и асоцијације са негативном конотацијом, поред раније наведених, које имају углавном појединачни карактер (беда 2, сиромаштво 2, сиромашан 1, неразвијеност 1; *Руси*: ружни 1, јадни 1, непријатељи 1, несрећа 1).

ЛИТЕРАТУРА

- AP 2005: Асоцијативни речник српског језика / сост. П. Пипер, Р. Драгићевић, М. Стефановић. Београд, 2005.
 Бартмињски Ј. 2011: Језик—слика—свет. Београд.
 Драгићевић Р. 2010: Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу. Београд.
 Пипер П. 2004: Прилагателно «руски» в вербалних ассоциациях сербов // Коммуникативное поведение славянских народов / П. Пипер, И. А. Стернин (ред.). Воронеж, 183–188.
 Пипер П. 2009: Реч «Косово» и њене вербалне асоцијације у српском језику // Даница. 15, 85–95.
 Пипер П., Стернин И. А. (ред.) 2004: Коммуникативное поведение славянских народов. Воронеж.
 Пипер П., Стернин И. А. 2004: О контрастивном изучении коммуникативного поведения близкородственных народов (русская и сербская коммуникативные культуры) // Коммуникативное поведение славянских народов / П. Пипер, И. А. Стернин (ред.). Воронеж, 3–10.

RUSSIAN CULTURE IN SERBIAN LANGUAGE IN THE LIGHT OF VERBAL ASSOCIATIONS

I. Lazic-Konjik, J. Milosevic

This paper presents a Serbian ethnic stereotype of Russians in the light of verbal associations while emphasizing the cultural aspect. Image of Russians is basically positive, the Serbs consider them as brothers and good people. On the periphery, this is relativised in a form of a response with negative connotation.

Key words: stereotype, verbal association, Russians, Russian, Russian language, Serbian language

¹³ Бартмињски (2011, 86) указује на то да етнички стереотипи по правилу имају амбивалентан карактер на нивоу детаља, односно појединачних особина и да се различити аспекти стереотипа различито вреднују.

¹⁴ У даљој анализи у обзир су узети одговори на сва четири стимулуса Москва, Руси, руски и руски језик.

¹⁵ Анкетање је спроведено 2002 и 2003 године.

© 2014

С. Н. Машкова

ОБОГАЩЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАЗАХСКИМИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ОБРАЗАМИ В УСЛОВИЯХ КАЗАХСКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Автор статьи приходит к выводу, что обогащение речи русских казахскими устойчивыми единицами, в том числе поговорками и пословицами, а также текстовыми фрагментами из казахского фольклора способствует осмыслению казахских национально-специфических понятий в условиях совместного проживания разных этносов.

Ключевые слова: коммуникативный, двуязычие, казахская национальный, культура

При кафедре филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета работает Вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций, в которой ведутся исследования на тему «Особенности межъязыкового и межкультурного взаимодействия в условиях практического и художественного билингвизма». В рамках этой темы изучается специфика функционирования русского языка в северном регионе Казахстана, где наблюдается проникновение в речь русскоязычного населения «казахизмов».

Приобретение казахским языком статуса государственного активизировало внимание к русско-казахскому двуязычию, которое имеет общественно-политическую и социальную значимость. Исследования, посвящённые проблемам билингвизма, обладают как теоретическим, так и практическим значением, ибо опираются на системный подход в изучении уровней языка: фонетического, лексического, фразеологического, словообразовательного, морфологического, синтаксического.

Наиболее интересным для лингвиста представляется выявление специфических средств передачи казахских фразеологизмов на русский язык, т.к. данный аспект позволяет почувствовать национальный колорит, оценить богатство, гибкость и глубину образного мышления носителей казахского языка.

Являясь хранителем знаний о мире, язык, отражает духовную жизнь нации, выступает в качестве «компонента культуры»¹, «зеркала национальной культуры»², «путеводителя в изучении культуры»³, «транслятора культурной информации»⁴. Особая коммуникативная среда, сформировавшаяся в условиях контактного двуязычия, обусловила образование поля соприкосновения русского и казахского языков, на котором происходят различные процессы интерференции. Наиболее ярко процессы русско-казахской интерференции проявляются в строевых единицах языка, которые непосредственно отражают внеязыковую действительность, называют предметы и явления.

Языковой образ национальной культуры формируется на протяжении длительного исторического развития. В каждом языке отражается своеобразие культуры конкретного народа, самобытность национального характера носителей языка и общий универсальный компонент общечеловеческой культуры. В каждом языке выделяются, наряду с национально-специфическими, интернациональные компоненты.

Этнокультурная информация аккумулируется в системе фразеологических образов, выбор которых обуславливается культурно-историческими, социальными и национальными факторами. Наличие безэквивалентных фразеологизмов обусловлено самобытностью культуры носителей разных языков. Так, например, отличительной чертой казахской культуры следует признать культ матери, о чём свидетельствуют многочисленные казахские фразеологизмы, пословицы и поговорки о материнстве.

Фразеосочетания *өгей ана, кіндік ене, қайын ене, кіндік шеше, кіші шеше, нағашы шеше, өгей шеше, туған шеше*, являющиеся терминами родства, имеют давнюю историю формирования, обусловлены национальными традициями и не всегда могут быть адекватно переведены на русский язык.

Казахское сочетание *кіндік шеше* — «Жаңа туған жас нәрестенің кіндігін кескен әйел адам» («Женщина, перерезавшая пуповину новорожденного») связано с обычаем перерезания пуповины новорожденного. *Кіндік шеше* ранее — женщина, реально совершавшая такой обряд (повитуха). В современной действительности так называют женщину, либо осуществившую первое купание ребенка, либо просто избранную родителями для роли *кіндік шеше*. Функции и отношения *кіндік шеше* и крестной матери с восприемниками схожи, за исключением того духовно-религиозного оттенка, который в той или иной степени присутствует в отношениях крестника и крестной матери. Поэтому в обиходе в двуязычной (казахско-русской) среде сочетание крестная мать в значении 'кіндік шеше' употребляют в качестве замены собственного перифрастического выражения. Такое употребление зафиксировано и в казахско-русском словаре. Сочетание *кіші шеше* (букв.: 'младшая мать') означает 'әкесінің бәйбішеден кейінгі алған әйелі немесе әкесінің інісінің әйелі' ('вторая жена отца либо жена младшего брата отца')⁵.

Для современного употребления, особенно в городской среде, более характерно именование бабушки по отцу словами — *апа, шеше, әже*, а бабушки по матери, как и прежде, — *нағашы шеше/әже*.

Совпадение базовых фразеологизмов, основанных на метафорическом или метонимическом переносе, по-нашему, свидетельствует о единых языковых процессах. Например, выражения в чём мать родила — *ападан туғандай* в значении 'нагой', а также всосать (впитать) что-л. с молоком матери — *ана сүтімен сінген* идентичны, ибо подобное сравнение подсказано процессом вторичной номинации.

В казахских словосочетаниях и выражениях отмечаются следующие дифференциации: сочетания и выражения со словом *ана* или имеют оттенок возвышенности (*ананың ақ сүті*), или нейтральны (*өгей ана*). Даже употребляясь в составе

Машкова Светлана Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета. E-mail: Mashkova2006@mail.ru

¹ Верещагин, Костомаров 1990, 246.

² Вежбицкая 1996, 34.

³ Сепир 1993, 265.

⁴ Маслова 2001, 200.

⁵ Тюлегенова 2010, 143.

проклятия, они лишены грубо-просторечного, вульгарно-бранного оттенка (например, ананның көрі жанғыр), что лишний раз свидетельствует о некоторой книжности лексемы ана.

Слово ана в устойчивых выражениях реализуется только в значении 'старшая сестра'. Таких фразеологизмов очень мало, например Апасының киген тонын сіңдісі де кьер ('Шубу старшей сестры наденет и младшая'); Апама жездем сай, ағамә жангем сай ('Два сапога пара').

В казахских фразеологизмах отчётливо звучит мысль о роли отца в воспитании сына, а матери — в воспитании дочери (Ата көрген оқ жоңар, ана көрген тон пішер; Ата тілін алмаған ұлдан без, ана тілін алмаған қыздан без; Ата тұрып ұл сөйлегеннен без, ана тұрып қыз сөйлегеннен без; Анасын көріп қызын ал, аяғын көріп, асын іш; Атадан тағылым алмаған ұл жаман, анадан өнеге алмаған қыз жаман и др.). Весьма характерным является выражение Ата тілін алмаған баладан без, бала басу білмеген анадан без ('Плох ребёнок, что перечит отцу, плоха мать, что не остановит ребёнка').

Национальная специфика фразеологического образа, или внутренней формы фразеологизма, отражает образ жизни и характер народа, его историю, своеобразные традиции и обычаи, этнический быт. Казахские фразеологизмы, в которых отражаются специфические особенности культуры народа, нередко представляют собой реминисценции культурно-нравственного характера: Что он сказал? — спросил собеседник. «Как тебе сказать? Уйықтап жатқан жүрек — у него спящее, чёрствое сердце» — не сразу ответил Маған.

В тексте используется сопутствующая метафора под плетью пляшет, способствующая образному восприятию доли бедняка. В более широком контексте устанавливается прямая перекличка с русской пословицей На бога надейся, да сам не плошай. Таким образом, художественная интерпретация религиозных различий погружается в мир народной мудрости: центральное место в этом мире занимает человек — его воля, ум и душа.

Лингвистические маркеры национальной специфики фразеологического образа не всегда «лежат на поверхности». Значение казахского фразеологизма су жүрек развивается на базе эмоционального переосмысления высказывания говорящим. В данном примере речь идет о трусливом, боязливом человеке. Ассоциация с водой возникла постольку, поскольку вода олицетворяет собой непостоянство, переменчивость.

Имплицитные значения фразеологических оборотов без особых затруднений воспринимаются носителями родного языка. Однако носителям другого языка такие значения представляются непонятными и неуместными.

Так, вести в казахской степи передавались, как правило, из уст в уста. Это нашло отражение в устойчивом фразеологическом сочетании узун кулак (букв. 'длинное ухо'), которое используется на страницах периодической печати в значении 'слухи, молва': Узун-кулак разнёс вести далеко по району, — усмехаясь в усы, сказал Койшибай.

Семантика фразеологизма раскрывается через контекст. Актуализация лексического окружения (разнёс весть, далеко) способствует выявлению значения фразеологизма.

В кочевом казахском обществе тема рода, родственности выступала в качестве «общего знаменателя» для разрешения практически всех ситуаций, возникающих в ходе социального взаимодействия, и определяла самовосприятие человека. Об этом свидетельствует казахская пословица Ағайын алтау болса адам тимейді ('Когда твоих родичей много — никто тебя не тронет').

Родственные связи играли важную роль в случае их установления и признания, а это не всегда зависело лишь от кровной близости. Например, Жаман туыстан жат артық ('Чужой лучше родни, коль хорошо знаком'); Алыста жүрсе кісінен жақында жүрсе тебіскен ('Родно издали любят, а вблизи она кусается').

Значительна роль фразеологизмов как единиц, наделённых национально-культурным компонентом семантики и участвующих в создании культурно-фонового потенциала художественного текста.

Употребление русскими казахских устойчивых образных единиц, в том числе поговорок и пословиц, а также текстовых фрагментов из казахского фольклора способствует осмыслению национальных особенностей в условиях двуязычия и сближению совместно проживающих этносов.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. 1999: Язык и мир человека. М.
 Брагина Н. Г. 1999: Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. 2, 131–138.
 Вежбицкая А. 1996: Язык, культура, познание. М.
 Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. 2005: Язык и культура. М.
 Джандильдин Н. 1971: Природа национальной психологии. Алма-Ата.
 Кубрякова М. (ред.) 1996: Краткий словарь когнитивных терминов. М.
 Кудайберды-ұлы Ш. 1990: Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов. Алма-Ата.
 Маслова В. А. 2001: Лингвокультурология. М.
 Сепир Э. 1993: Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.
 Телия В. Н. 1999: Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. 3, 13–24.
 Толегенова Р. А. 2010: Казахско-русский словарь. Костанай.

ENRICHMENT OF RUSSIAN LANGUAGE BY KAZAKH PHRASEOLOGICAL IMAGES IN TERMS OF RUSSIAN AND KAZAKH BILINGUAL

S. N. Mashkova

The author of the article makes a conclusion that use Kazakh set phrases in a speech as sayings, proverbs, and text fragments from Kazakh folklore contribute to comprehensiveness of national specific notions under the condition of joint residence of different ethnoses.

Key words: communicative, bilingualism, Kazakhs' national culture

© 2014

О. В. Михина

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИВЕТСТВИЯ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ, ОТРАЖЁННЫЕ В НОРМАТИВНЫХ СЛОВАРЯХ

В статье речь идёт о влиянии социокультурных факторов на формулы приветствия, принятые в немецком и русском языках. Эти формулы речевого этикета регулируют поведение людей в разных ситуациях. И правильность выбора того или иного приветствия свидетельствует о коммуникативной компетенции говорящего.

Ключевые слова: приветствие, речевой этикет, социокультурный фактор, коммуникативная компетенция

Актуальность владения иностранным языком как средством коммуникации между представителями разных народов и культур ставит перед преподавателями иностранного языка цель — обучать языку в неразрывном единстве с миром и культурой народа, говорящего на этом языке. Язык должен преподаваться с учётом социокультурных факторов его существования.

Одной из главных составляющих владения языком является коммуникативная компетенция, под которой понимается степень владения коммуникативными механизмами, приёмами и стратегиями, необходимыми для обеспечения эффективного процесса общения¹. То есть коммуниканты должны действовать в рамках социально признанных образцов речевого поведения.

Как сам носитель языка, так и человек, изучающий иностранный язык, пользуются определёнными этикетными формулами, существующими в языке, например, формами приветствия, прощания, обращения, благодарности, извинения, поздравления и т.п. Эти формулы не изобретаются каждый раз заново, они входят в набор языковых средств фактически каждого носителя языка.

По мнению А. Г. Балакай, в каждом языке есть свой запас слов и выражений, отражающий национальную специфику речевой вежливости. «... по своей сути знаки речевого этикета не “пустые формальности”, не “прикраса речи”, а самостоятельные культурно-исторические ценности, важнейшие средства регуляции поведения...»².

Остановимся на приветствиях, принятых в русском и немецком языках. Следует отметить, что приветствие есть важный компонент речевого акта, т.к. именно оно является началом коммуникации и служит основой для привлечения внимания, подтверждения знакомства или установления дальнейшего контакта и атмосферы разговора.

При выборе формы приветствия учитываются следующие критерии: возраст, дистанция (знакомый — незнакомый, друг, родственник), ситуация, статус/ранг, иерархия, гендер, форма коммуникации (устная или письменная)³.

Немцы здороваются везде и даже с незнакомыми людьми: в лесу на прогулке, в бюро, в приёмной, в купе, у кассы. Приветствие для немца — это выражение вежливости, учтивости, хорошего расположения духа. Это подтверждается пословицей: *Grüßen ist Höflichkeit, Danken ist Schuldigkeit*⁴ (Приветствие — это вежливость, благодарность — это обязанность) или *Höflichkeit ist halbe Bezahlung* (Вежливость — это половина оплаты)⁵, *Höflichkeit kostet nichts* (Вежливость ничего не стоит)⁶. Русские же здороваются преимущественно со знакомыми людьми. Приветствие для русских служит подтверждением знакомства, продолжением дружеских отношений или началом разговора.

Попробуем на основе анализа русских и немецких словарей выявить, какие социокультурные факторы отражены в формах приветствия в русском и немецком языках. Приветствия, несущие временное значение (например, *Добрый день! утро! вечер!*), не являются предметом нашего рассмотрения, т.к. они идентичны в русском и немецком языках. Ниже пойдёт речь о других коммуникативах.

Так, русскому *Здравствуйте!, Здравствовать Вам!, Здравствуйте Вам!* (как пожеланию здоровья, благополучия при встрече) практически нельзя найти полного соответствия в немецком языке. *Gesundheit und ein langes Leben* (Желаю здоровья и долгих лет жизни) употребляется в основном в поздравлениях, чаще ко дню рождения⁷, и это выражение больше подходит к русскому *Будь здоров на сто годов! Желаю здравствовать!*⁸

Бог (в, на) помошь! (помочь)!, Божья помошь! в немецком варианте *Grüß Gott!* имеет церковное происхождение и ярко выраженную территориальную окраску: так здороваются на юге Германии и в Австрии, даже если говорящие сами не верят в Бога. К региональным формам приветствия относятся также *Grüezi!* (в Швейцарии), *Servus!* (популярное в ученических и студенческих кругах выражение на юге Германии и Австрии) и *Moin!* — диалектальная форма приветствия, характерная для севера Германии и Берлина. В федеральной земле Гессен приветствуют друг друга словами: *Ei Gude, wie? (Хороший человек, как у тебя дела?)*⁹.

Русскому *Привет!* можно найти несколько соответствий в немецком, например, *Gott zum Gruß!*, (разг.) *Grüß dich/euch*. Это приветствие принято в кругу друзей, между людьми, одинаковыми по их социальному статусу. Однако в разговорном немецком языке выражение (*bloß*) *auf dem Grußfüße mit jm stehen* означает только “здороваться с кем-то, но не быть близко знакомым”¹⁰, *schönen Gruß vom Getriebe, der Gang ist drin* — ироничный комментарий плохо заводящемуся автомобилисту¹¹,

Михина Ольга Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: olga-sinyayeva@yandex.ru

¹ Вторушина, Овсянникова, Синяева 2006, 151.

² Балакай 2007, 4.

³ Улиш, Гюгольд, Уварова, Гапонова 2001, 7.

⁴ Байер, Байер 1989, 63.

⁵ Байер, Байер 1989, 123.

⁶ Байер, Байер 1989, 153.

⁷ Бинович, Гришин 1975, 219.

⁸ Балакай 2007, 196, 203.

⁹ Umgangformen: http://de.wikibooks.org/wiki/Umgangsformen:_Grüßen_und_Vorstellen

¹⁰ Бинович, Гришин 1975, 239.

¹¹ Duden 2008, 304.

Letzte Grüße aus Davos — так говорят человеку, сдерживающему кашель¹². *Hallo!, Hallochen!, Hi!* (рус. *Салом!*) относятся к самым распространённым формам приветствия среди хороших знакомых, друзей, в кругу семьи и носят приветливый, любезный характер. Например, *Hallo* служит для того, чтобы окликнуть знакомого или приветствовать коллегу по работе.

Торжественному и устаревшему *Приветствую Вас!* соответствует в немецком *Sei/Seid begrüßt!*, которое также звучит несколько возвышенно и является строчкой из гимна дунайских швабов «*Seid begrüßt, ihr deutschen Brüder*» (слова Е. Имрих, 1918). От других форм приветствия эта отличается тем, что не может быть использована в качестве ответной реплики («эх») и в русском языке употребляется с оттенком иронии¹³.

Здорово!, Здорово бываешь!, Здорово живёте (-можете)! — приветствия, распространённые при встрече с родственниками, приятелями, знакомыми, к которым говорящий обычно обращается на «ты»¹⁴, относятся к просторечным формам. В немецком языке им соответствуют разговорные обороты *Du, Mensch!, Mensch, Meier!*, которые выражают удивление с оттенком фамильярности (разг. фам. *Чёрт возьми! вот это да!*)¹⁵.

В обоих языках существуют профессиональные приветствия, как, например, в русском языке *Улов на рыбу!* (обл. и прост.) — пожелание рыболову при приветствии¹⁶. *Физкульт-привет!* [Первонач. — форма приветствия командам физкультурников, появившаяся в советский период], а также шутивное, дружеское или фамильярное приветствие¹⁷. *Пар вам, бояре!* — форма приветствия парящимся в бане¹⁸. В немецком есть целый ряд приветствий с компонентом „Heil“ (в пер. ‘спаси’): *Waidmanns Heil!* — приветствие охотников, *Berg Heil!* — приветствие альпинистов, *Ski Heil!* — для лыжников, *Petri Heil!* — для рыболовов. Возгласом *Horrido!* приветствуют друг друга путешественники, *Glück Auf!* (‘счастье вверх’) — шахтёры, *Halali!* — охотники, *Berg Frei!* — защитники окружающей среды, *Gut Pfad!* — скауты¹⁹.

Русское доброжелательное приветствие входящего в дом к хозяевам *Мир Вам!, Мир Вашему дому!, Мир дому сему!* переводится на немецкий язык дословно как *Friede sei mit dir (euch)*, но тогда это выражение имеет религиозный характер²⁰. *Мир тебе, мятущаяся совесть!* — строчка из кантаты И. С. Баха на праздник Сретения Господня. *Friede sei mit dir* соответствует еврейской форме приветствия *Schalom!*²¹.

При встрече и приёме гостей в обоих языках принята радушная форма приветствия *Добро пожаловать!* — *Herzlich willkommen!* «Она же может служить и вежливым ответом на приветствие, формой радушного приглашения гостей войти в дом, садиться к столу»²². Однако немецкая формула *Herzlich willkommen!* может редуцироваться до *Willkommen!*, чего нельзя сказать о русском выражении. Немецкая поговорка *Wie das Willkommen, so der Abschied* переводится на русский язык ‘Каково приветствие, таково и прощание’²³, *Wie der Gruß, so der Dank* или *Wie begrüßt, so gedankt* — ‘Каков привет, таково и благодарность’²⁴.

Русские формы приветствия и вежливого пожелания тем, кто ест или пьёт, — *Приятного аппетита!, Приятно кушать!, Хлеб да соль!, Чай да сахар!* означают ‘Пусть у вас еды хватает для себя и для «хлеба-соли», т.е. для угощения гостей»²⁵. В немецком языке этим формам приветствия можно найти универсальное соответствие *Mahlzeit!*, возникшее из молитвы за столом *Gott, segne die Mahlzeit!* (‘Господь, благослови трапезу!’). В немецком языке это, скорее, будничное приветствие, распространённое на работе. Среди друзей и в кругу семьи оно малоупотребительно. Причём чаще оно используется среди мужчин, чем среди женщин²⁶. В немецком языке фразеологизмы с компонентом *Mahlzeit!* употребляются в разговорной речи с оттенком фамильярности. Например, *prost Mahlzeit!* (1. *Вот те на!* 2. *Здорово живёшь!*) или *(na,) dann prost Mahlzeit!* — (тогда) плохо дело!²⁷.

В последнее время под влиянием английского языка наблюдается тенденция вместо формы приветствия задавать вопрос о самочувствии *Wie geht's?, Geht es gut?, Was gibt es?, Gut geschlafen?* Немцы ожидают при ответе на этот вопрос стандартное *Спасибо, хорошо!*, а не детальное изложение положения дел²⁸. Русские же, отвечая на вопрос *Как жизнь?, Как дела?, Каковы делишки?* зачастую используют следующие шутивные реплики: *Живём, хлеб жуём, а ино и посылываем; Не так, чтобы так, и не очень-то очень; Жизнь бьёт ключом — гаечным; Жизнь как в сказке: чем дальше, тем страшнее; Как сажа бела; Делишки, как рублишки: ты за ними — они от тебя*²⁹.

Наблюдения свидетельствуют, что приветствия в повседневной жизни немцев играют более важную роль, чем у русских. Многие из немецких коммуникативов имеют религиозный характер. Приветствие — это и дань вежливости, и благодарность богу за возможность жить, общаться с людьми, и способ разделения людей на своих и чужих, т.к. по форме приветствия можно определить регион, откуда человек родом. У русских приветствие часто выполняет функцию признания знакомства между людьми. По форме русского приветствия можно определить степень близости с человеком, но не территориальную принадлежность, если только речь не идёт о говоре. Поэтому социокультурный компонент прослеживается в этикетных формулах приветствия в обоих языках достаточно чётко.

¹² Бинович, Гришин 1975, 305.

¹³ Улиш, Гюгольд, Уварова, Гапонова 2001, 22.

¹⁴ Балакай 2007, 197.

¹⁵ Duden 2008, 517.

¹⁶ Duden 2008, 517.

¹⁷ Duden 2008, 571.

¹⁸ Duden 2008, 364.

¹⁹ Grußformel: [http://de.wikipedia.org/wiki/Grußformel_\(Gesprochene_Sprache\)](http://de.wikipedia.org/wiki/Grußformel_(Gesprochene_Sprache))

²⁰ Бинович, Гришин 1975, 190.

²¹ Friede sei mit dir: http://de.wikipedia.org/wiki/Friede_sei_mit_dir

²² Балакай 2007, 153.

²³ Байер, Байер 1989, 31.

²⁴ Байер, Байер 1989, 119.

²⁵ Зимин, Спириин 1996, 437.

²⁶ Улиш, Гюгольд, Уварова, Гапонова 2001, 21.

²⁷ Бинович, Гришин 1975, 385.

²⁸ Улиш, Гюгольд, Уварова, Гапонова 2001, 10.

²⁹ Зимин, Спириин 1996, 440.

ЛИТЕРАТУРА

- Байер Х., Байер А. 1989: Немецкие пословицы и поговорки: сборник. М.
- Балакай А. Г. 2007: Словарь русского речевого этикета: ок. 6000 этикетных слов и выражений. М.
- Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. 1975: Немецко-русский фразеологический словарь / Малиге-Клаппенбах, К. Агрикол (ред.). М.
- Вторушина Ю. Л., Овсянникова Г. А., Синяева О. В. 2006: Учебно-методический комплекс по курсу «Введение в теорию межкультурной коммуникации». Магнитогорск.
- Зимин В. И., Спириин А. С. 1996: Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.
- Улиш Г., Гюгольд Б., Уварова Л., Гапонова И. 2001: Приветствие и обращение в немецком языке. Grüßen und Anreden im Deutschen. М.
- Duden 2008: Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim.
- Friede sei mit dir: Wikipedia. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://de.wikipedia.org/wiki/Friede_sei_mit_dir.
- Grüßformel (Gesprochene Sprache): Wikipedia. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://de.wikipedia.org/wiki/Grüßformel_\(Gesprochene_Sprache\)](http://de.wikipedia.org/wiki/Grüßformel_(Gesprochene_Sprache)).
- Umgangsformen: Grüßen und Vorstellen. Wikibooks. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://de.wikibooks.org/wiki/Umgangsformen:_Grüßen_und_Vorstellen.

INTERCULTURAL PECULIARITIES OF RUSSIAN AND GERMAN GREETINGS REFLECTED IN STANDARD DICTIONARIES

O. V. Mikhina

The article deals with the influence of sociocultural factors on greeting formulas accepted in the German and Russian languages. These formulas of speech etiquette regulate people's behavior in different situations. The correct choice of the greeting can be an indicator of the communicative competence of the speaker.

Key words: greeting, speech etiquette, sociocultural factor, communicative competence

© 2014

О. В. Петренко, И. Р. Атнагулов

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЯЗЫК РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
(к проекту создания словаря-справочника «Немцы Южного Урала»)

Активное влияние русской культуры на язык южноуральских немцев началось во второй половине XX в. Оно проявлялось в усвоении из русского языка слов, отмеченных этнокультурной значимостью. Данный процесс обусловил усиление ассимиляции и укрепление двуязычия в речи исследуемого этноса.

Ключевые слова: российские немцы, этнолингвистический процесс, немецкие диалекты, взаимодействие языков, двуязычие

Современная историческая наука обладает солидным комплексом исследований в области истории российских немцев. Собран богатейший материал, позволяющий проследить основные демографические, социально-экономические, политические и культурные процессы, происходящие в среде немецкого этноса, проживающего на территории России. Основное внимание исследователей сосредоточено на немцах Поволжья и Сибири, при этом одна из территорий традиционного расселения немцев России — Южный Урал — остаётся недостаточно исследованной. Анализ работ историков, этнографов, филологов, архивных документов, а также собранные нами в ходе этнографических экспедиций материалы натолкнули на мысль о необходимости создания словаря-справочника «Немцы Южного Урала». Планируется включить в него обзорные статьи, посвящённые основным историческим процессам, происходившим в жизни южноуральских немцев, биографические описания видных немецких деятелей Южного Урала, справки о немецких населённых пунктах рассматриваемого региона, а также информацию о культуре и религии данной этнической группы.

Исследование этнолингвистических процессов, происходивших в речевой среде российских немцев Челябинской области, будет проводиться в трёх направлениях: изучение изменения лексического состава родного языка, изучение уровня владения родным языком и изучение соотношения в предпочтении этнического или русского языка в различных жизненных ситуациях.

По мнению исследователей В. М. Жирмунского, Т. Б. Смирновой, Т. Ф. Лютовой, немецкий язык в России отличается рядом особенностей: 1) он имел множество диалектов, что объяснялось переселением немцев на территорию России до формирования немецкого литературного языка; 2) немецкий язык развивался в изоляции от своей исторической родины и находился под влиянием иноязычной среды.

На первоначальном этапе пребывания немцев-поселенцев в России, благодаря относительно автономному образу жизни и большим расстояниям между поселениями носителей различных диалектных форм, язык развивался и функционировал

Петренко Оксана Владимировна — аспирант кафедры истории России, старший лаборант кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: petrenko_ov@mail.ru

Атнагулов Ирек Равильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: i.atnagulov@mail.ru

на основе «привезённого» с исторической родины набора языковых средств. Многие лингвисты, исследующие речевое поведение российских немцев, отмечают, что на протяжении второй половины XVIII–XIX вв. немцы сохраняли самобытность языка и не допускали в свою речь иноязычных слов.

Изменение языковой ситуации у российских немцев пришлось на XX столетие: в связи с ухудшением российско-германских отношений, немцы подверглись депортации, в результате чего носители разных немецких диалектов оказались на одной территории. Так, в деревне Спорная, Челябинской области, сосуществовали немцы из Украины и Поволжья. Согласно воспоминаниям проживающих там респондентов, переселенцам изначально сложно было понимать друг друга. ПНСЖ (в статье используются начальные буквы фамилии, имени, отчества и пола информантов) рассказывает: «Однажды, одна пожилая женщина мне сказала: “Bogaste suschene jacke!”, на что я ей ответила: “Яки по горам ходят, а у нас яков нет”. Я тогда не знала, что у них “jacke” — это кофта. У нас кофта произносится как “jürchelja”¹. ШМВЖ отмечает, что: «... язык украинских немцев отличается от поволжских немцев. Даже акцент у них разный: поволжские немцы говорят как-то грубо и даже картавят, а у нас говор мягче»². Результатом переселенческой политики советского правительства произошло смешение носителей разных немецких диалектов, что в конечном итоге приводило к их трансформации.

На изменения первоначального диалекта повлиял и русский язык.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выяснить степень проникновения русского языка в немецкую речь, а также определить характер русскоязычного влияния на повседневную жизнь российских немцев, проживающих на территории Челябинской области.

В 1892–1901 гг. на современной территории Челябинской области немецкие колонисты из Екатеринославской, Саратовской и Таврической губерний образовали компактные, обособленные селения со своим языком и культурой, которые были окружены иноязычным населением, преимущественно русским. Вплоть до 1938 г. русский язык слабо влиял на языковые процессы, происходившие внутри немецких поселений. Это было связано, прежде всего, с лояльным отношением власти к обучению в моноэтнических населённых пунктах на родном языке. По данным архивных документов, приобщение немецкоговорящего населения к русскому языку шло следующим образом: «по-русски говорить умеют, но некоторые плохо, а некоторые могут и писать, и читать по-русски»³. Особый интерес представляет депеша Оренбургского губернатора Якова Фёдоровича Барабаша, направленная 7 мая 1903 г. директору народных училищ (Попечителю Оренбургского учебного округа), где он просит «... имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство уведомить меня <...> какие Вами приняты предложения к осуществлению мер по распространению русского языка в немецких колониях»⁴. В источниках не сказано, какие конкретно проводились мероприятия в данной области, но в газетах «Голос Руси» (29.12.1915) и «Свет» (04.01.1916) о немцах Оренбуржья писали «... Все они плохо говорят по-русски, ведут образ жизни обособленный от остального населения...»⁵.

В социолингвистических работах (Л.И. Москалюк, Ю.В. Березина) отмечается, что в начале XX в. русский язык в немецких селениях распространён слабо, преимущественно он использовался для межэтнического общения, а языковые процессы зависели от того, носители каких диалектов и в каком соотношении в них проживали.

Начало изменения ситуации, как на Южном Урале, так и в России в целом, связывали с 20-ми гг. XX в., когда происходит проникновение в немецкую речь русской лексики. Так, в языке южноуральских немцев появляются такие слова, как «kolxo:z» (колхоз), «oblast'» (область), «гаеон» (район). В дальнейшем внедрение новых языковых единиц в повседневную жизнь российских немцев неразрывно было связано с историческими процессами, происходившими в обществе. В годы депортации в языковом фонде российских немцев появились слова: «trudarme:» (трудоармия), «vojenij» (военные), «komissij» (комиссия), «komendant» (комендант), «otmetka» (отметка), «unizhenij» (унижение); в послевоенное время — «kolxo:znaja kontora» (колхозная контора), «tal'oni» (талон), «otschered'» (очередь), «nagrada:di» (награды), а также слова, отражающие русскую культуру — «banja» (баня), «paritsa» (париться), «lapti» (лапти)⁶.

Важную роль в русификации немецкого этноса сыграло принятие конституции 1936 г. и специального постановления СНК и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В результате русский язык постепенно начинает вытеснять немецкий из ряда сфер коммуникации: обучение ведётся на русском языке. Однако, во внутриэтнической сфере общения по-прежнему использовался немецкий язык; ШПФЖ вспоминает: «Когда я пошла в первый класс (≈ 1960 г.) я совсем не могла говорить по-русски. Родители с нами разговаривали только на немецком языке».

Указ Президиума Верховного совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 13 декабря 1955 г. не предполагал «возвращение их в места, откуда они были выселены»⁷. Сохранение ограничения в выборе места жительства повлекло за собой распространение межнациональных браков, следовательно, ассимиляционный процесс усиливался.

До начала 1990-х гг., в ряде немецких поселений Челябинской области, сохранялось относительное преимущество немецких диалектов над русским языком, хотя к этому времени последний уже проник в сферу повседневного общения на неофициальном межэтническом и внутриэтническом уровне. Председатель правления ЧООО «Немецкий культурный центр» А. Я. Нахтигаль вспоминает: «В начале 90-х гг. XX в. я вместе со съёмочной группой ездил снимать сюжет про российских немцев в Октябрьский район Челябинской области. Оказавшись там, я ощутил дух небольшого немецкого городка. Люди везде, в магазине, на улице, разговаривали на немецком языке»⁸. Ситуация стала меняться с 1994 г. В результате массовых реэмиграционных потоков российских немцев в исследуемом регионе сложились предпосылки для перехода русского языка в доминантную форму общения во всех общественных сферах.

¹ ПМА 2012, Челябинская обл., п. Октябрьский.

² ПМА 2012, Челябинская обл., Октябрьский р-н, д. Барсучье.

³ Тихомиров 1993.

⁴ Тихомиров 1993.

⁵ Тихомиров 1991.

⁶ ПМА 2012–2013, Челябинская область, Октябрьский р-н.

⁷ Ивлева 2012а, 468.

⁸ ПМА 2012, г. Челябинск.

Процесс утраты позиций немецкого языка в среде его носителей отражают данные переписей населения:

Год	Кол-во немцев, проживающих на территории Челябинской области	Кол-во немцев, считающих немецкий язык родным	Кол-во немцев, считающих русский язык родным
1970	40 688	18 609	22 029
1979	39 726	14 096	25 581
1989	39 215	12 968	26 201
2002	28 457	вопрос отсутствовал	вопрос отсутствовал
2010	18 687	1 320	17 327

Приведённые в таблице данные отражают только общую тенденцию. Более глубоко изучить языковую ситуацию исследуемого этноса на современном этапе мы можем посредством этнографических экспедиций.

Этносоциологическое исследование, проводившееся в Октябрьском районе Челябинской области (территория наиболее компактного проживания российских немцев), показало, что на современном этапе для российских немцев характерен билингвизм. При этом интересно отметить, что отношение к немецкому языку неоднозначное. С одной стороны, те, кто считают своим родным языком немецкий, подчёркивают, что используют его только при необходимости, основным же языком общения выступает русский. При ответе на вопрос о сфере применения немецкого языка, подавляющее большинство респондентов ответили — во время поездок в Германию; 44,3% — указали, что используют язык в бытовой сфере: с бабушками на нём говорят 14,1%, с родителями — 19%, с супругами — 6,2%, с детьми — 5%; 12% опрошенных разговаривают на немецком языке в Центре немецкой культуры⁹. С другой стороны, респонденты, утверждающие, что их родной язык русский, наделяют немецкий язык культурной ценностью: используют язык предков в национальных праздниках (Advent, adventskranz, heiliger Abend, Pelznickel и т.п.) — 98,9% опрошенных, готовят блюда с немецкими названиями (Rindfleischsuppe, Sauerkraut, Schweinebraten и т.п.) — 80%, используют язык в молитвах и песнях — 29,8%, употребляют минимальный набор слов (пожелание, приветствие) — 52,4%, называют родственников на родном языке (motta, ора и т.п.) — 32%.

В современной ситуации в исследуемом районе среди респондентов отмечается низкий уровень владения немецким диалектом. Анкетирование показало, что носителями диалектов и говоров являются люди 1930–1960 гг. рождения. Среднее поколение обнаруживает довольно высокий уровень владения языком предков. Младшее поколение знает отдельные слова, либо вовсе не владеет немецкими диалектами. Противоположная тенденция прослеживается в области владения немецким литературным языком. Так, при ответе на вопрос, в какой форме респонденты, владеющие немецким языком, его знают:

Возраст респондентов	Форма языка	Кол-во респондентов (%)
Старше 50	диалектная	59%
	литературная	0%
	диалектная и литературная	41%
От 25 до 50	диалектная	51,6%
	литературная	8,2%
	диалектная и литературная	43,4%
Младше 25	диалектная	7,6%
	литературная	83,8%
	диалектная и литературная	8,6%

В сохранении немецкого языка, наряду с семейной сферой (где преимущественно говорят на диалектах), значительную роль играют образовательные структуры:

Образовательное учреждение	Кол-во респондентов (%)
Школа	64,5%
Вуз	23%
Специальные курсы	15%
Национально-культурный центр	10%

В среде российских немцев наблюдается рост осознания необходимости преподавания детям немецкого языка. На вопрос «Нужно ли детям преподавать немецкий язык в школе?» утвердительно ответили 93% опрошиваемых, затруднились ответить — 6,3%, отрицательно ответили лишь 0,7%.

В сфере пассивного участия в языковой деятельности (чтение литературы, газет, журналов, просмотр спектаклей и TV) большинство респондентов (98,8%) отдают предпочтение русскому языку. Сами участники опроса объясняют это тем, что, во-первых, печатной продукции в России на немецком языке выходит немного, и она менее разнообразна, чем русскоязычная; во-вторых, тем, что слабо владеют немецким литературным языком.

Таким образом, влияние ряда социальных и языковых факторов и политика российского государства по отношению к немецкому населению в XX в., с одной стороны, приводит к стиранию различий между диалектами, с другой — к усилению ассимиляционных процессов. В результате характерной чертой современных этноязыковых процессов у немцев Челябинской области является укрепление билингвизма. При этом уровень владения литературным немецким языком у младшего поколения выше, в то время как основным носителем немецких говоров и диалектов остаётся старшее поколение. Русский язык

⁹ Здесь и далее данные приводятся из ПМА 2012–2013, Челябинская область, Октябрьский р-н.

стал средством общения не только между этносами, но и внутри немецкого этноса, в то время как сфера действия немецкого языка сужается до уровня внутрисемейного, бытового общения. Как показали переписи населения и социологический опрос немецкого населения, степень владения русским языком у немецкого населения Челябинской области выше, чем степень свободного владения немецким языком, следовательно, мы можем констатировать достаточно высокую степень ассимиляции со стороны русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Ивлева Т. В. 2012: Законодательство Российского государства в отношении российских немцев // Вестник КрасГАУ. 5, 464–470.
 Итоги Всероссийской переписи населения 2010: в 11 т. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
 Население Челябинской области за 30 лет по данным переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. 1992: Челябинск.
 Тихомиров А. Е. 1991: Страницы истории. Немцы на Урале. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gazetavseti.narod.ru/germans.htm>.
 Тихомиров А. Е. 1993: Из истории немецких поселений в Оренбуржье. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gazetavseti.narod.ru/germans.htm>.

THE INFLUENCE OF RUSSIAN CULTURE ON THE LANGUAGE OF GERMANS FROM RUSSIA LIVING
 IN CHELYABINSK REGION
 (the project of the dictionary “Germans of South Ural”)

O. V. Petrenko, I. R. Atagulov

The active influence of Russian culture on the language of Germans from South Urals began in the second half of XX century, when the Germans started to adopt Russian words that had ethno-cultural significance. This process led to increasing of assimilation and strengthening of bilingualism in German speech.

Key words: Germans from Russia, ethnolinguistic process, German dialects, language interaction, bilingualism

© 2014

Е. Р. Ратушная, Е. И. Ратушная

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-АНТРОПОНОМИНАНТЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛО-РУССКИХ
 ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

В статье рассмотрены особенности фразеологической интерпретации фразеологизмов-антропонимов русского и английского языков. Выявлены способы описания фразеологического значения, основанные на категориальной предметной семантике единиц, показана специфика их отражения в двуязычном словаре.

Ключевые слова: фразеологизм-антропонимант, фразеологическая семантика, эквивалент, аналог, фразеологическая интерпретация

Фразеологизмы-антропониманты, под которыми мы понимаем фразеологические единицы (ФЕ), служащие номинацией человека, составляют значительный пласт в русском и английском языках. Данные ФЕ обладают значительным семантическим разнообразием, отражая самые различные сферы жизни социума. Фразеологизмы-антропониманты дают характеристику лица по внешнему виду — по разнообразным биолого-физиологическим и антропологическим, то есть природным, свойствам и качествам, являющимся внешними признаками человека, так как они воспринимаются сенсорно, с помощью органов чувств. Также фразеологизмы-наименования человека номинируют лицо как носителя внутренних свойств, которые составляют психический склад личности, образуют структуру характера (морально-волевые качества, интеллектуальные способности и т.д.) и проявляются либо по отношению к другим людям, либо в какой-л. деятельности. Многочисленный разряд образуют фразеологизмы-наименования лица по социальным признакам: общественному положению, социальной деятельности, материальному благосостоянию и т.д. Также выявляются фразеологизмы-обобщенные наименования лица, которые обладают максимальной степенью абстрактности значения. Таким образом, фразеологизмы-антропониманты образуют многоуровневую семантическую парадигму, включающую семантические объединения различной степени абстрактности: семантические группы, подгруппы, множества и т.д. (см. подробно об этом в нашей монографии¹).

Фразеологическое описание фразеологизмов-антропонимантов включает несколько основных компонентов, состав которых варьируется в соответствии с целями и задачами словаря. Одним из константных элементов словарной статьи выступает толкование значения фразеологизмов-антропонимантов, которое должно точно соответствовать категориальной и субкатегориальной семантике данных единиц. Категориальное значение предметности, субкатегориальное значение одушевленности и лица обуславливают необходимость соотношения с именем существительным *человек*. Таким образом, категориальное и субкатегориальное значение фразеологизмов-антропонимантов эксплицируется в толковании фразеологического значения через лексему *человек*, которая является ядерной частью семантической структуры анализируемых единиц. Широта и обобщенность семантики, присущая данной лексеме, обуславливают необходимость её конкретизации.

Ратушная Екатерина Радиогеловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Курганского государственного университета. E-mail: ekaterina079@yandex.ru

Ратушная Елена Игоревна — магистрант Уральского государственного федерального университета. E-mail: ekaterina079@yandex.ru

¹ Ратушная 2000.

Поэтому индивидуальное значение формируется посредством дифференцирующих сем, указывающих на определённые признаки номинируемого субъекта.

Одним из распространённых способов фразеографического описания семантики фразеологизмов-антропонимантов является уточнение обобщённой семантики ядерной лексемы *человек* с помощью прилагательных, указывающих на конкретное свойство характеризуемого лица. Например: *бесструнная балалайка* — «болтливый, неделовой человек»². Кроме того, в качестве семантически стержневой лексемы могут выступать личные имена существительные, которые содержат в своём лексическом значении семы, указывающие на пол обозначаемого лица, либо лексемы, указывающие на род занятий, профессию человека. Например: *маменькин сынок* — «бесхарактерный, нерешительный, неуверенный в себе мужчина»³, *морской волк* — «опытный моряк»⁴.

Другим способом толкования является применение развёрнутых синтаксических конструкций, включающих причастные обороты либо определительные придаточные предложения, которые также выполняют функцию семантического конкретизатора лексемы *человек*: *восходящая звезда* — «человек, начинающий приобретать широкую известность, большую славу в какой-л. области»⁵, *маг и волшебник* — «человек, делающий всё легко и быстро»⁶; *сирота казанская* — «человек, прикидывающийся несчастным, чтобы разжалобить кого-л.»⁷.

В некоторых случаях используется синонимический способ, при котором фразеологизм-антропонимант идентифицируется с помощью двух или более личных существительных, составляющих синонимический ряд, в котором каждый синоним вносит дополнительный семантический оттенок в общую характеристику значения единицы: *канцелярская крыса* — «чинуша, бюрократ, формалист»⁸. Однако данный способ используется весьма ограниченно.

Стремление фразеографов наиболее полно и точно отобразить сложную фразеологическую семантику закономерно приводит к совмещению нескольких способов толкования. Так, используется описательно-синонимический способ, причём синоним ставится после описательной части, что связано с его уточняющей и дополняющей функцией, например: *волк в овечьей шкуре* — «человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели; лицемер»⁹. Несколько иной способ наблюдается при интерпретации ФЕ *тёртый калач* — «очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть, бывалый человек»¹⁰.

Толкование полисемичных фразеологизмов-антропонимантов базируется на выявлении сложной структуры фразеологического значения. При этом объяснительный компонент разных значений может быть построен с помощью различных способов интерпретации. Например: *блудный сын* — «1. Человек, который раскаянием заслужил милосердие Бога. 2. Тот, кто с помощью Бога освободился от грехов»¹¹. Отличительной особенностью толкования второго значения является отсутствие номинативного компонента — личного существительного; характеристика субъекта передаётся описательной частью, которая вводится с помощью указательного местоимения.

Фразеографическое описание полисемичных единиц-антропонимантов, по нашему мнению, должно соответствовать принципу увеличения степени абстракции. В соответствии с данным принципом организована, например, семантическая структура ФЕ *мокрая курица*. Первое значение имеет меньшую степень абстракции, так как непосредственно связано с семантикой свободного словосочетания, выступающего в качестве генетического прототипа ФЕ: «человек, имеющий жалкий, подавленный вид, расстроенный чем-л.». Второе значение обладает большей степенью абстракции и характеризует постоянное поведение человека, особенность его поведения, проявляемую в типичных жизненных ситуациях: «безвольный, бесхарактерный человек; размазня». В такой последовательности значений представлена семантическая структура данной единицы в «Школьном фразеологическом словаре»¹². Иная точка зрения отражена во «Фразеологическом словаре русского языка»¹³.

Описание полисемичных фразеологизмов-антропонимантов в ряде случаев связано с характеристикой разных признаков человека: внешнего вида и свойств характера. Мы полагаем, что в таких случаях первичным является значение, связанное с сенсорно воспринимаемыми свойствами лица. Большую степень отвлечённости имеет значение, связанное с особенностями характера человека. Так, ФЕ *Кощей Бессмертный* характеризуется сложной семантической структурой, связанной с исходными, базовыми представлениями русского человека о данном персонаже народных сказок. На основе этого представления формируется семантическая структура омонимичной ФЕ. На наш взгляд, первичным выступает значение, направленное на внешний вид человека: «очень худой, костлявый, безобразного вида старик». Более абстрактным является второе значение: «очень скупой, жадный человек». Иная трактовка семантической структуры данной ФЕ представлена в «Словаре русской фразеологии»¹⁴.

Индивидуальная семантика фразеологизмов-антропонимантов в «Англо-русском фразеологическом словаре» А. В. Кунина толкуется несколькими способами. Может использоваться описательный способ, построенный по различным моделям: «прилагательное (прилагательные) + человек», «человек + причастный оборот», «личное существительное + причастный оборот», например: *a level head* — «хладнокровный, уравновешенный, здравомыслящий человек»¹⁵, *a heart of oak* — «храбрый, мужественный, отважный человек»¹⁶. В ряде случаев наблюдается совмещение двух или нескольких синтаксиче-

² Жуков 1994, 9.

³ Телия (ред.) 2006, 369.

⁴ Молотков (ред.) 1978, 76.

⁵ Жуков 1994, 73.

⁶ Жуков 1994, 183.

⁷ Молотков (ред.) 1978, 425.

⁸ Молотков (ред.) 1978, 216.

⁹ Молотков (ред.) 1978, 76.

¹⁰ Молотков (ред.) 1978, 191.

¹¹ Фразеологический словарь старославянского языка 2011, 49.

¹² Жуков 1994, 190.

¹³ Молотков (ред.) 1978, 218.

¹⁴ Бирих, Мокиенко, Степанова 2001, 312.

¹⁵ Кунин 1984, 369.

¹⁶ Кунин 1984, 375.

ских моделей построения описания. Например: *a stalking horse* — «фиктивная кандидатура, выдвигаемая с целью раскола голосов сторонников партии»¹⁷.

Толкование семантики фразеологизмов-антропонимов также проводится путём подбора фразеологизма-эквивалента, под которым А. В. Кунин понимает «... адекватный фразеологический оборот, совпадающий с английским оборотом и по смыслу, и по образной основе»¹⁸. Например, английской ФЕ *dear heart* в русском языке соответствуют фразеологические обращения *душа моя, сердце моё*.

Одним из способов толкования семантики анализируемых единиц выступает подбор фразеологизма-аналога, «... который по значению адекватен английскому, но по образной основе отличается от него полностью или частично»¹⁹. С целью более точного раскрытия фразеологического значения применяются одновременно и другие способы, например, описательный или синонимический: *an old hand* — «опытный (в чём-л.), знаток (чего-л.), мастер своего дела; бывалый человек». Аналогами данной единицы, как указано в словаре, выступают русские ФЕ *стреляный воробей* и *тёртый калач*²⁰. Названные в словарной статье антропонимы различаются по своей образной основе: генетическим прототипом английской ФЕ является свободное омонимичное словосочетание *an old hand* (буквально — «старая рука»), семантика ФЕ *стреляный воробей* базируется на значении компонента-зоонима. ФЕ *тёртый калач* возникла на основе омонимичного словосочетания *тёртый калач*, которое обозначало изделие из особого калачного теста, которое долго трут и мнут. Существующее в диалектах другое значение возвратной формы глагола *тереть* («много испытать, стать опытным») оказало влияние на устойчивое сочетание *тёртый калач*²¹.

Толкование значения фразеологизмов-антропонимов в двуязычном словаре, как и в одноязычном, часто осуществляется несколькими способами одновременно, так как это позволяет достичь наиболее адекватной передачи семантического объёма единиц. Например, описательно-синонимический способ применяется при интерпретации ФЕ *a willing horse* — «человек, с готовностью берущийся за что-л., охотно взваливающий на себя работу, работяга»²², *a high kicker* — «легкомысленная девушка, верхивостка»²³, *a fresh (green) hand* — «неопытный человек, неопытный работник, новичок»²⁴.

В словаре А. В. Кунина зафиксировано явление полисемии, присущее, в частности, ФЕ с компонентами-соматизмами. Первое значение направлено на человека, второе является номинацией абстрактного понятия — свойства, присущего человеку. Между значениями подобных единиц прослеживается отчётливая семантическая связь, основанная на общей семе 'свойство человека', которая конкретизируется семами, указывающими на какое-л. определённое качество лица. Такая трактовка соответствует принципу возрастания отвлечённости в семантической структуре полисемичных единиц и является вполне оправданной. Например: *a hot head* — «1. Горячая голова; горячий, вспыльчивый человек. 2. Горячность, вспыльчивость»²⁵. *A level head* — «1. Хладнокровный, уравновешенный, здравомыслящий человек. 2. Хладнокровие, уравновешенность, присутствие духа, здравомыслие»²⁶, *a big heart* — «1. Великодушный, благородный человек; человек большой души. 2. Великодушие, благородство»²⁷.

В заключение отметим, что фразеографическая интерпретация фразеологизмов-антропонимов должна быть основана на точном соответствии толкования их семантической структуре, особенностям категориального и субкатегориального значения. В русских и англо-русских словарях активно применяются различные типовые модели толкования данных единиц, однако наибольшая точность и полнота раскрытия фразеологической семантики достигается благодаря совмещению нескольких способов интерпретации. Описание фразеологизмов-антропонимов в двуязычном англо-русском фразеологическом словаре имеет свои особенности, обусловленные необходимостью достичь максимальной степени адекватности перевода толкуемых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирих А. К., Мокшенко В. М., Степанова Л. И. 2001: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.
 Жуков В. П., Жуков А. В. 1994: Школьный фразеологический словарь русского языка. М.
 Кунин А. В. 1984: Англо-русский фразеологический словарь. М.
 Молотков А. И. (ред.) 1978: Фразеологический словарь русского языка. М.
 Ратушная Е. Р. 2000: Семантическая структура фразеологизмов в процессе её формирования и функционирования (на материале фразеологизмов-наименований человека в современном русском языке). Курган.
 Телия В. Н. (ред.) 2006: Большой фразеологический словарь русского языка. М.
 Фразеологический словарь старославянского языка 2011: свыше 500 ед. / С. Г. Шулежкова, М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова, А. Н. Михин [и др.] (сост.); С. Г. Шулежкова (отв. ред.). М.

PHRASEOLOGICAL UNITS-ANTHROPONIMINES IN RUSSIAN AND ENGLISH-RUSSIAN PHRASEOLOGICAL DICTIONARIES

E. R. Ratushnaya, E. I. Ratushnaya

The article deals with the phraseographic interpretation of the phraseological units-anthropomines in Russian and English languages; reveals methods of description of the phraseological meaning based on the categorial semantics of the units; explains the way anthropomines are presented in the bilingual dictionary.

Key words: phraseological unit-anthropominee, phraseological semantics, equivalent, analogue, phraseographic interpretation

¹⁷ Кунин 1984, 398.

¹⁸ Кунин 1984, 10.

¹⁹ Кунин 1984, 10.

²⁰ Кунин 1984, 353.

²¹ Бирих, Мокшенко, Степанова 2001, 240.

²² Кунин 1984, 399.

²³ Кунин 1984, 324.

²⁴ Кунин 1984, 348.

²⁵ Кунин 1984, 369.

²⁶ Кунин 1984, 369.

²⁷ Кунин 1984, 373.

© 2014

Н. С. Соловьёва

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье поднимается вопрос о необходимости отражения во фразеологических словарях гендерно значимой информации. Рассматриваются способы подачи гендерно значимой информации в русских и английских фразеологических словарях.

Ключевые слова: гендерно значимая информация, фразеологическая единица, метагендерный уровень, гендерный уровень, словарная помета

Современная лексикография — активно развивающаяся отрасль языкознания, стремящаяся учитывать современные веяния и тенденции. Бурное развитие лексикографии связано, с одной стороны, с изменениями в социальной структуре общества и, как следствие, со стремлением лексикографов зафиксировать эти изменения. Так, перестройка социально-экономической структуры общества, развитие средств связи и массовой информации способствовали выходу в свет «народно-разговорных» и «ненормативных словарей», включающих субстандартную лексику¹.

С другой стороны, антропоцентрический подход в изучении языка, возникновение новых направлений в лингвистике, а также развитие самой лексикографии в немалой степени способствуют появлению новых типов словарей: идеографических, идиолектных и лингвокультурологических².

Представляется, однако, что при всем разнообразии, словарей, отражающих информацию о лексических единицах достаточно полно, немного. В частности, в словарях при толковании лексических единиц нередко игнорируется такой важный компонент, как гендерно значимая информация (ГЗИ). В широком понимании ГЗИ представляет собой информацию, актуализирующую в сознании индивидов гендерные стереотипы. ГЗИ в узком понимании трактуется как тип информации, накладывающий на употребление языковой единицы определённые ограничения, к которым относится указание на пол референта и говорящего, а также степень корректности использования единицы³.

Современные гендерные исследования пронизывают все области гуманитарного знания, поэтому важность учета ГЗИ (особенно в узком её понимании) при лексикографическом описании лексических единиц неоспорима. Кроме того, наше время предъявляет к словарю новые требования. Современный словарь должен фиксировать в доступной форме все особенности семантики и употребления лексических единиц и ориентироваться на широкую аудиторию. Обращаться к словарю могут не только носители языка, но и те, для кого этот язык является иностранным.

Нельзя не учитывать, что определение и описание ГЗИ лексической единицы представляет собой многофакторную проблему даже для языков обнаруживающих грамматическую категорию рода. Сложность проблемы определяется, во-первых, тем, что исследователи по-разному решают проблему, связанную с местом ГЗИ в лексическом значении языковой единицы. Особую трудность в этом плане вызывает семантическая структура фразеологические единицы (ФЕ).

Трудность квалификации ГЗИ ФЕ, обусловлена природой ФЕ. При определении и описании любой ФЕ необходимо учитывать как особенности её структурно-грамматической формы и значения, так и специфику функционирования, когда раскрываются все существенные свойства семантики и формы ФЕ⁴.

У исследователей нет единого мнения относительно того, какое место в лексическом значении ФЕ занимает ГЗИ. Сторонники теории лексикографического портретирования Ю. Д. Апресяна относят ГЗИ к прагматической характеристике языковой единицы (и ФЕ в частности)⁵ на основании того, что прагматическая информация, по Ю. Д. Апресяну, включает (помимо прочих) оценку статусов собеседников в возрастной, социальной или иной иерархии, стилистическую характеристику (*вежл., вульг., груб., ирон.* и т.д.), а также коннотации, культурный и образный мир лексемы⁶.

Сторонники макрокомпонентной модели фразеологического значения В. Н. Телия, считают, что ГЗИ должна выделяться в отдельный микрокомпонент⁷, хотя, признают, что не во всех гендерно маркированных ФЕ можно однозначно выделить такой микрокомпонент, поскольку он находится в тесной взаимосвязи с другими макрокомпонентами значения ФЕ. Гендерный макрокомпонент может выражаться «эксплицитно — в дескриптивном компоненте с помощью семы, указывающей на денотат мужского или женского пола, — или имплицитно (в случае отсутствия такой семы) — «рассеиваясь» по всем остальным макрокомпонентам значения ФЕ и, таким образом, определяясь в ходе их анализа»⁸.

Исследователи выделяют двухъярусную модель описания человека в языке, состоящую из метагендерного (общечеловеческого) и гендерного (маскулинного и феминного) уровней⁹. И если гендерный уровень в случаях, когда референт ФЕ не совсем ясен, ещё фиксируется в словарях пометами — *о мужчине, о женщине* — то метагендерный уровень либо игнорируется, либо при толковании указывается лицо мужского пола, хотя неоднократно говорилось, что лексема *человек* не всегда может относиться в равной мере как к мужчинам, так и к женщинам, а лексемы *человек* и *мужчина*, в свою очередь, не всегда выступают как синонимичные и взаимозаменяемые¹⁰. К примеру, ФЕ *верста коломенская ((народн. шутл.) о человеке*

Соловьёва Наталья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и теории обучения иностранным языкам Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.
E-mail: nisanasol@yandex.ru

¹ Лукьянова 2006, 37.

² Лукьянова 2006, 40.

³ Васькова 2006, 6.

⁴ Чепуренко 2003.

⁵ Васькова 2006, 28.

⁶ Апресян 1995, 145.

⁷ Зыкова 2002, 30.

⁸ Зыкова 2003, 31.

⁹ Кирилина 2005.

¹⁰ Кирилина 2004, 160–161.

чрезмерно высокого роста (ФСРЛЯ)), по данным национального корпуса русского языка, употребляется по отношению и к мужчине, и к женщине, однако, согласно приведённому в словаре толкованию, ФЕ имеет только маскулинную референцию.

Ещё сложнее обстоит дело с ФЕ типа *принцесса на горошине (капризный, изнеженный, избалованный человек)* или *метр с кепкой (прост. ирон. о низкорослом человеке)*. Образная составляющая данных ФЕ отсылает их в первом случае к женщине, во втором — к мужчине, между тем как обе ФЕ могут употребляться по отношению к людям любого пола.

Нередко пол референта существенно влияет на эмотивно-оценочную составляющую и на общий смысл всей ФЕ. Например, ФЕ *негде пробу (пробы) ставить (прост. экспрес. о том, кто обладает в высшей мере какими-либо (обычно отрицательными) качествами)* по отношению к референту женского пола приобретает иной оттенок, обозначая сексуально распушенную женщину, однако, этот оттенок значения фиксируется не во всех фразеологических словарях русского языка.

С проблемой отражения в словарях ГЗИ сталкиваются и европейские лексикографы. Особенно много для решения этой проблемы было сделано в английской лексикографии, поскольку английский язык одним из первых европейских языков, подвергшись феминистской критике. Обращаясь к опыту англоязычных лексикографов, можно отметить, что английские словари, стремясь отразить происходящие в обществе и языке изменения, при описании ФЕ придерживаются принципа политкорректности. Так, в англоязычных словарях фиксируется достаточно большое количество гендерно значимых фразеологических дублетов: *your right-hand man / woman / person, a man / woman after your own heart, the man / woman in the street, a grass widow / a grass widower (LID)*. Такое описание ФЕ эксплицитно указывает на предпочтительность употребления той или иной формы (с лексемой *man* или лексемой *woman*) в зависимости от пола референта, что соответствует нормам политкорректности.

В структуру некоторых ФЕ метагендерного уровня английские словари включают местоимения мужского и женского рода: *smb is getting above himself / herself, smb can do smth standing on his / her head, hit smb when he / she is down (CIDI)*. Наличие в структуре ФЕ парных лексем — местоимений мужского и женского рода — указывает на особенности сочетаемости ФЕ и во многом снимает вопрос о референциальной отнесенности ФЕ.

Соблюдение норм политкорректности наблюдается и в толковании значений ФЕ. В описании ФЕ метагендерного уровня используется нейтральное местоимение *someone*, которое согласуется с глаголом в третьем лице единственного числе, но далее заменяется местоимением множественного числа *they*, согласующегося с глаголом во множественном числе. Например: *clever dick — someone who is annoying because they are always right or always think they are right (CIDI)*.

Кроме того, в словарях учитываются изменения лексических значений ФЕ. Так, ФЕ *dress to kill (wearing very beautiful or expensive clothes so that people notice you (LID))* первоначально употреблялась по отношению к женщине. Теперь из толкования ФЕ убраны все пометы, указывающие, на то, что эта ФЕ обозначает женщину. Более того, отнесенность ФЕ *dress to kill* к метагендерному уровню иллюстрируется примерами: *Erica was dressed to kill in a black velvet dress and patent heels. Tony arrived three hours later, and dressed to kill in an Armany suit.*

Вообще, следует отметить, что большинство современных фразеологических словарей английского языка иллюстрирует толкование ФЕ примерами, взятыми из национального корпуса британского языка, что является несомненным достоинством таких словарей.

В то же время англоязычные словари обнаруживают определённую степень субъективности в подаче ГЗИ, проявляющуюся, главным образом, в различном расположении гендерно значимых фразеологических дублетов в словниках словарей, а также в разнородности толкований ФЕ¹¹. Последнее особенно отчётливо проявляется в использовании в рамках одного словаря разных лексических средств для описания значений ФЕ гендерного уровня, в нечёткости, а иногда и противоречивости указаний на референцию ФЕ и их оценочную и стилистическую составляющие. К примеру, ФЕ *a marked man* в словаре LID имеет маскулинную референцию, а в словаре CIDI пол референта совсем не указывается. Между тем, согласно национальному британскому корпусу, данная ФЕ употребляется по отношению к мужчине. По отношению к женщине употребляется ФЕ *marked woman*, которая вообще не зафиксирована в вышеназванных словарях¹².

Итак, отражение в словарях ГЗИ — настоятельная необходимость, поскольку современный подход к лексикографическому описанию языковых единиц подразумевает полное и эксплицитное описание всех их значимых свойств с учётом «человеческого фактора». Для объективной подачи ГЗИ фразеологических единиц, представляется необходимым выработать унифицированную систему лексикографирования гендерно значимых фразеологизмов, а также иллюстрировать случаи употребления метагендерных ФЕ как можно большим количеством примеров.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. 1995: Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.
 Васькова О. А. 2006: Гендер как предмет лексикографического описания (на материале фразеологии): дис. ... канд. филол. наук. М.
 Зыкова И. В. 2002: Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М.
 Зыкова И. В. 2003: Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.
 Кирилина А. В. 2004: Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.
 Кирилина А. В., Томская М. В. 2005: Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html.
 Лукьянова Н. А. 2006: Типология русских лингвистических словарей // Вестник НГУ. Сер. История. Филология. Т. 3. Вып. 1. Филология, 20–42.
 ФСРЛЯ 2008: Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров (сост.). М.
 Чепуренко А. А. 2003: Принципы квалификации фразеологизмов: На материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск.
 LID 1998: Longman Idioms Dictionary. Addison Wesley Longman Limited.
 CIDI 1998: Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge.

¹¹ Васькова 2006, 131–132.

¹² Васькова: 2006, 147.

N. S. Solovyeva

The article highlights the importance of gender-relevant sense presentation in lexicography and deals with different ways of its presentation in English and Russian set phrase dictionaries.

Key words: gender-relevant sense, set phrase, metagender level, gender level, dictionary label

© 2014

Ж. Финк

РУСИЗМЫ В ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ: УПОТРЕБЛЕНИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ

В первой части работы указываются основные источники русизмов в хорватском языке. Во второй части показаны наиболее частотные русизмы, причём учитывается только адаптация на семантическом уровне (первичная и вторичная). В третьей части речь идёт о фиксации русизмов в хорватских словарях.

Ключевые слова: контактная лингвистика, хорватский язык, русизмы, адаптация на семантическом уровне, фиксация русизмов в хорватских словарях

1. Введение

Несмотря на то, что хорватский и русский языки, как два славянских языка, имеют много общих характеристик как в плане грамматической структуры, так и в лексическом плане, они никогда не имели прямых контактов. Поэтому их контакты, на основе которых могли бы возникнуть заимствования, представляют собой контакты не прямого, а косвенного типа, причём второй тип контактов предполагает наличие разного рода культурных связей.

Хорватский язык в качестве принимающего заимствовал из трёх основных источников, относящихся к русскому языку и культуре¹.

1.1. Первым источником заимствования являются словари. В том случае, когда хорватские лексикографы в XIX в. не находили подходящих хорватских слов для определённых понятий из области быта и культуры, они заимствовали слова из словарей разных славянских языков, в том числе и из русского языка. Так, в хорватских словарях фиксируются слова, образованные по модели русских слов (напр. *snimak*), с одной стороны, и слова, образованные по русским калькам из немецкого языка (напр. *predložiti* < *предложить* (< *vorschlagen*); *uobraziti* < *вообразить* (< *sich einbilden*), с другой.

1.2. Огромную роль в заимствовании русских слов сыграла и художественная литература XIX в., которую хорваты переводили, изначально сохраняя русскую форму некоторых слов. Это относится к лексике сферы культуры и/или к безэквивалентной лексике, отражающей специфику русского быта (напр. *balalačka*, *šči*, *votka*). В данном контексте можно упомянуть и слова, которые имеют соответствия в хорватском языке, но переводчики намеренно оставляли их в оригинальной форме ради создания «русской обстановки», напр. *babuška*, *njanja*.

1.3. Помимо литературных источников, в XX в. появлялись и новые источники, и в хорватский язык начали входить слова из политики, публицистики и т.д. (напр. *boljševik*, *menjševik*). Большое количество таких слов относится к советизмам, которые после второй мировой войны вошли во многие языки, в том числе и в хорватский (напр., *kolhoz*, *komsomolac*). Заимствование такого рода продолжается и в постсоветский период.

2. Русизмы в хорватском языке

2.1. Темой данной части настоящей работы являются русизмы², употребляющиеся в хорватском языке, причём здесь учитывается только адаптация на семантическом уровне³. Она подразумевает анализ потенциального изменения значения, через которое проходит слово-модель из языка-источника (в данном случае русского языка) при переходе в принимающий язык (в данном случае — хорватский). Все эти изменения формируют систему, образованную на основе различий между первичной и вторичной адаптацией, т.е. различий между переносом значения из языка-источника в принимающий язык, с одной стороны, и изменением значения (по отношению к языку-источнику) адаптированного слова в принимающем языке. Анализ на семантическом уровне предполагает три типа изменений: изменения в количестве словарно зафиксированных значений, эллипсис и метонимию. Когда речь идёт о русизмах, для нас наиболее важным является первый тип, но надо напомнить, что он включает три ступени изменения:

Финк Желька — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка философского факультета Загребского университета (Хорватия). E-mail: zfink@ffzg.hr

¹ Menac 2005, 150–151.

² Сербский лингвист Јован Ајдуковић даёт следующее определение русизма: согласно «теории трансфера» под понятием русизм подразумевается слово (1) русского происхождения, сохранившее сильную формально-семантическую связь с соответствующим русским словом; (2) немотивированное или мотивированное слово русского происхождения, утратившее полностью или частично формально-семантическую связь с соответствующим русским словом вследствие адаптации; (3) немотивированное и/или мотивированное слово нерусского происхождения, заимствованное русским языком (русский язык является языком-посредником) и (4) немотивированное и/или мотивированное слово русского или нерусского происхождения, заимствованное принимающим языком через языки-транзиттеры. Согласно «теории отображения и активации» под понятием русизм подразумевается слово, имеющее как минимум одну самостоятельную контактему, возникшую под доминантным влиянием русского языка (Ајдуковић 2004). Из-за ограничения объёма в работе приводится только часть русизмов из хорватского языка.

³ Menac 2005, 170.

– нулевая семантическая экстензия (это случай, когда реплика, т.е. русизм, сохраняет значение или значения русской модели; наиболее часто слово-модель и русизм имеют одно значение);

– сужение значения русизма по отношению к слову-модели (это относится к многозначным словам русского языка, причём в реплике реализуются лишь некоторые из них); внутри данной группы различаются два подтипа: сужение количества значений и сужение семантического поля;

— расширение значения русизма по отношению к слову-модели (русизм развивает новое значение, не зафиксированное в языке-источнике); и здесь различаются два подтипа: расширение количества значений и расширение семантического поля.

Первые две ступени считаются первичной адаптацией, а третья — вторичной.

2.2. Рассмотрим теперь несколько наиболее частотных русизмов в хорватском языке.

2.2.1. В своей статье, посвящённой русизмам, А. Менац утверждает, что в хорватском языке большинство русизмов прошли первичную адаптацию, точнее — нулевую семантическую экстензию⁴. Такие русизмы можно разделить по областям и по семантическим полям.

Политика, советизмы: *boljševik* (< большевик), *gulag* (< ГУЛАГ), *kolhoz* (< колхоз), *menjševik* (< меньшевик), *udarnik* (< ударник).

География: *stepa* (< степь), *tajga* (< тайга), *tundra* (< тундра).

Исследование космоса: *kozmonaut* (< космонавт).

Слово употребляется, когда упоминается советское и/или российское исследование космоса. В других случаях употребляется слово *astronaut* ('астронавт').

Музыкальный инструмент: *balalajka* (< балалайка).

Оружие: *kalašnjikov* (< Калашников).

Автомат назван по фамилии конструктора Михаила Тимофеевича Калашникова. В данном случае произошла метонимия, и слово в хорватском языке употребляется в качестве нарицательного существительного.

Самолёт: *tupolev* (< Туpoleв).

И здесь произошла метонимия; тип самолёта называется по фамилии советского авиаконструктора Андрея Николаевича Туполева.

Блюда, напитки: *votka* (< водка), *šči* (< щи), *kefir* (< кефир).

Деньги: *rubalj / rublja* (< рубль).

Животные: *borzoi / barzoi* (< борзой), *los* (< лось), *losos* (< лосось).

Землевладелец: *boljar / bojar* (< боярин).

2.2.2. В следующей группе русизмов проявляется сужение значения по отношению к слову-модели.

Рассмотрим, во-первых, несколько слов, количество значений которых уменьшается по отношению к русской модели.

Русизм, обозначающий блюдо, *piroška* (< пирожок; 3 знач.⁵) задержал только значение 'маленький пирог с начинкой внутри, обычно овальной формы'.

Из сферы политики приводятся здесь три русизма. Первый — *čistka* (< чистка; 3 знач.) относится к исключению из партии неподходящих членов. Русизм *lakirovka* (< лакировка, 2 знач.) указывает на приукрашивание действительности в политическом или политэкономическом смысле, в то время как *perestrojka* (< перестройка, 2 знач.) употребляется только в значении государственной политики СССР в период с 1985 по 1991 гг. *Vrhuška* (< верхушка, 3 знач.) относится только к элитной, руководящей части общества.

Лексема *morž* (< морж, 2 знач.) в хорватском языке употребляется в значении животного.

Интересными являются и русизмы, в которых сначала произошло сужение значения, а потом в этом одном заимствованном значении произошло сужение семантического поля. Приведём два таких случая из семантического поля «одежда». Значение русизма *šapka* (< шапка; 4 знач.) сужается до обозначения головного убора, но только одного определённого типа — форменной фуражки, в то время как *rubáška* (< рубашка, 7 знач.) относится не к любому типу мужской сорочки, а только к косоворотке.

2.2.3. Весьма интересными являются случаи расширения значения русизма по отношению к слову-модели (вторичная адаптация). Иногда речь идёт только о добавочном элементе значения. Так, русизмы *junóša* (< юноша) и *putešestvije* (< путешествие) получают ироничный оттенок, часто и негативно окрашенный. *Rabota* (< работа) получила презрительный оттенок и относится к делу, вызывающему сомнение, опасение, подозрение.

Наиболее интересным является русизм *babuška* (< бабушка), который в хорватском языке развил совсем новое значение, не зафиксированное в языке-источнике. Оно относится к характерному сувениру, т.е. к матрёшке.

2.2.4. Надо заметить, что в хорватском языке русизмами считаются и некоторые украинизмы или слова, т.е. реалии, характерные не только для русской, но и для украинской культуры, напр. *kazačok* (< казачок), *boršč* (< борщ), потому что такие слова появились благодаря художественной литературе, переведённой с русского языка.

3. Русизмы в словарях

3.1. В свою монографию, вышедшую в 1997 г., Й. Айдукович включил Словарь русизмов, зафиксированных в словарях сербохорватского языка⁶. Словарь содержит 1089 русизмов, причём автор указывает, что около 86 % принадлежат общей лексике, а около 14 % являются терминами, употребляющимися в военной, зоологической, грамматической, ботанической, политической и музыкальной терминологии. По словам автора, около 37 % приведённых русизмов относятся к архаизмам⁷. Надо заметить, что многие включённые в данный словарь русизмы в хорватском языке не употреблялись, поскольку хорват-

⁴ Менац 2005, 170.

⁵ В скобках приводится количество значений русского слова-модели, с учётом данных из Большого толкового словаря русского языка под ред. С.А. Кузнецова.

⁶ Автор выписывает русизмы, зафиксированные в словарях, опубликованных в Югославии (только три словаря опубликованы в Сербии после 1991 г.). Большинство словарей, приведённых в списке лексикографических источников, относится и к сербскому, и к хорватскому языкам, а в монографии приводится официальное тогда название языка.

⁷ Айдуковић 1997, 104.

ский язык, в отличие от сербского, во-первых, не находился под влиянием русского, а во-вторых, не включал в свой лексический состав такое количество церковнославянизмов.

3.2. В 2004 г. Ё. Айдукович опубликовал Контактологический словарь адаптации русизмов, в который включены хорватский и сербский языки⁸. Когда речь идёт о сербском языке, надо помнить, что количество русизмов увеличилось по отношению к словарю 1997 г. — теперь зафиксировано 1225 русизмов. В хорватском языке, с другой стороны, количество русизмов уменьшилось более, чем на половину по сравнению со словарём 1997 г., и в новом словаре приводится 496 русизмов. Их можно разделить на три группы.

3.2.1. В первую входят более или менее активно употребляющиеся русизмы, относящиеся к политической терминологии, к названиям предметов, связанных с русской культурой и бытом (напр. *boljševizam, kremlj, Kremlj, tolstolobik*).

3.2.2. Вторую группу составляют слова, которые можно считать славянизмами, церковнославянизмами, старославянизмами, т.е. слова, зафиксированные в той или иной форме и в других славянских языках (напр., *iskren, objasniti, odvažan, posvetiti*). Часть таких лексем Ё. Айдукович находит в статье Т. Маретича, опубликованной в 1892 г., в которой говорится о заимствованиях из русского и чешского языков. Такие заимствования Маретич считает искусственными, потому что писатели берут их из словарей русского и чешского языков, в отличие от натуральных слов иностранного происхождения (из турецкого, итальянского, венгерского языков), которые свободно употребляет народ.

Иногда хорватские словари по-разному относятся к таким лексемам. Так в Этимологическом словаре П. Скока некоторые из слов, приведённых в Словаре Ё. Айдуковича, считаются русизмами, пришедшими в хорватский язык через сербский. Рассмотрим, напр., слово *obmana*: в современных толковых словарях хорватского языка нет никакой этимологической пометы, относящейся к данной лексеме. В Этимологическом словаре А. Глухака (1993) и в Словаре иностранных слов (1999) она вообще не приводится. В отличие от этого, в Хорватском энциклопедическом словаре (2002) в словарной статье *obmana* даётся ссылка на *mana*, а происхождение данной лексемы определяется и как праславянское, и как русское.

Часть слов, с другой стороны, в большинстве современных хорватских словарей считается собственно русизмами (напр. *proizvoljan*⁹).

Упомянем ещё лексему *odvažan*, которая тоже приводится в Словаре русизмов Ё. Айдуковича. В современных толковых хорватских словарях не даётся этимологическая помета, Словарь иностранных слов её не включает, в то время как Хорватский энциклопедический словарь даёт ссылку на лексему *važan*, в конце словарной статьи которой указывается, что она является словом, заимствованным из чешского языка. В Этимологическом словаре П. Скока, с другой стороны, в словарной статье *vaga* упоминаются слова *odvažan, odvažnost*, которые обозначаются как русизмы, в то время как слова *važan, važnost* в той же статье определяются как заимствования либо из чешского, либо из русского языков. Из изложенного следует, что иногда нелегко точно назвать славянский язык, являющийся языком-источником.

3.2.3. Третью группу составляют русизмы, редко употребляющиеся в современном хорватском языке (их можно считать архаизмами), напр. *kačestvo* (активно употребляются: *svojsstvo, kvaliteta*), *katorga* (активно употребляются: *robija, prisilni rad, rastočnik* (активно употребляются: *raspikuća, štetočina*).

3.3. Что можно сказать о фиксации русизмов в современных хорватских словарях? В словарях иностранных слов, энциклопедическом словаре и в толковых словарях регистрируются русизмы первой и частично третьей группы, причём в большинстве случаев ясно обозначается язык-источник. Когда речь идёт о второй группе, редко даётся этимологическая справка, т.е. редко указывается на то, что слово заимствовано из русского или другого славянского языка. Исключение составляют слова типа *proizvoljan*, которые в основном сопровождаются этимологической пометой.

ЛИТЕРАТУРА

- Ajdukovih J.* 1997: Русизми у српскохрватским речницима. Београд.
Ajdukovih J. 2004a: Увод у лексичку контактологију. Теорија адаптације русизма. Београд.
Ajdukovih J. 2004b: Контактолошки речник адаптације русизма у осам словенских језика. Београд.
Кузнецов С. А. (ред.) 1998: Большой толковый словарь русского языка. СПб.
Anić V. 2003: Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb.
Anić V., Brozović Rončević D., Goldstein I., Goldstein S., Jojić Lj., Matasović R., Pranjković I. 2002: Hrvatski enciklopedijski rječnik. Zagreb.
Anić V., Goldstein I. 1999: Rječnik stranih riječi. Zagreb.
Filipović R. 1986: Teorija jezika u kontaktu. Zagreb.
Filipović R., Menac A. 2005: Engleski element u hrvatskome i ruskom jeziku. Zagreb.
Gluhak A. 1993: Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb.
Klaić B. 1978: Rječnik stranih riječi. Tuđice i posuđenice. Zagreb.
Menac A. 2005: Hrvatski u dodiru s ruskim jezikom // Hrvatski jezik u dodiru s europskim jezicima. Prilagodba posuđenica / L. Sočanac (ur.). Zagreb, 149–178.
Skok P. 1971–1974: Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I. dio: A — J; II. dio: K — poni¹; III. dio: poni² — Ž; IV. dio: Kazala. Zagreb.
Šonje J. (ur.) 2000: Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb.

RUSSISMS IN CROATIAN: THEIR USE AND LEXICOGRAPHIC FIXATION

Ž. Fink

In the first part of the paper the main sources of Russian loanwords in Croatian are shown. The second part deals with frequent Russisms; only adaptation on the semantic level is taken into consideration. The third part deals with the fixation of Russisms in Croatian dictionaries.

Key words: contact linguistics, Croatian language, Russisms, adaptation on the semantic level, fixation of Russisms in Croatian dictionaries

⁸ Помимо данных двух языков, автор рассматривает русизмы ещё в словенском, македонском, болгарском, словацком, чешском и польском языках.

⁹ В толковом словаре хорватского языка под ред. Шонье в словарной статье *proizvoljan* не даётся ни толкование, ни этимологическая пометка, а дается только ссылка на другие слова с соответствующим значением: *neosnovan, samovoljan*.

© 2014

К. С. Шалгимбекова, Е. Э. Штукина

СЛОВАРЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА КАЗАХСТАНА: ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ

Лингвокультурная компетенция — показатель социальной адаптированности человека. Автор анализирует Словарь лингвокультурной грамотности как методическое пособие, позволяющее повысить эффективность образования и воспитания поликультурной языковой личности.

Ключевые слова: лингвокультурная грамотность, компетентностный подход в образовании, полиэтничная языковая среда, безэквивалентная лексика, языковая личность

В настоящее время в Казахстане идёт становление новой системы образования, ориентированной на вхождение в мировое образовательное пространство. Этот процесс сопровождается существенными изменениями в педагогической теории и практике учебно-воспитательного процесса. Происходит смена образовательной парадигмы: предполагаются иные подходы, иное право, иные отношения, иное поведение, иной педагогический менталитет.

Традиционно цели образования определялись набором знаний, умений, навыков, которыми должен владеть выпускник. Сегодня такой подход оказался недостаточным. Происходит резкая переориентация оценки результата образования с понятий «знания», «умения» и «навыки» на понятия «компетенция», «компетентность» обучающихся. Соответственно, делается акцент на компетентностном подходе в образовании, который расценивается как попытка отказаться от книжно-абстрактного знания — центра и смысла прежнего школьного и вузовского образования. Это признание того, что подлинное знание — это индивидуальное знание, создаваемое в опыте собственной деятельности. Основной тезис современной системы образования таков: обществу нужны выпускники, готовые к включению в реальную жизнь, способные практически решать встающие перед ними жизненные и профессиональные проблемы, а это зависит от неких дополнительных качеств, для обозначения которых и употребляются понятия «компетенции» и «компетентность».

Таким образом, в связи с реформированием в Казахстане образования остро стоит вопрос о форме и качестве контрольно-измерительных материалов, позволяющих установить уровень сформированности прописанных в Государственных образовательных стандартах компетенций. С 2004 г. в Казахстане действует система Единого национального тестирования (ЕНТ). Разговоры о реформе и даже отмене Единого национального тестирования и в целом компьютерного тестирования как способа оценки знаний ведутся в стране с момента его введения и не прекращаются до сих пор. По поводу тестирования как универсального показателя овладения необходимыми компетенциями (прежде всего на уровне школы) в обществе сложилось два полярных мнения. Первое мнение можно сформулировать так: «Экзамен, проводимый в тестовой форме, не может выявить действительных учебных результатов. Например, он не проверяет большинства компетенций учеников. А гуманитарные предметы вряд ли вообще можно оценивать негуманитарными формами контроля. Школьные учителя вынуждены натаскивать выпускников в условиях катастрофически короткого времени, выделенного на тестирование. Вопрос “Как находить правильный ответ из четырех предложенных любой ценой, включая механическое заучивание ответов ЕНТ?”, сегодня мало связан с заказом ученика на образование». Ему противостоит второе мнение: «Преимущество тестирования очевидно. Казахстан входит в число стран-участниц ООН, и мы подчиняемся стандартам ЮНЕСКО, где чётко сказано, что оценка знаний учащихся оценивается только через одну форму — тестирование. Это необходимо для того, чтобы наши аттестаты были конвертируемы за рубежом».

Однако, как сообщает министерство образования и науки, в 2013 г. пройти ЕНТ изъявили желание 69% выпускников — 99 тысяч 565 учащихся. Это самый низкий показатель за десять лет существования системы ЕНТ в Казахстане.

Среди недостатков ЕНТ называют, во-первых, формат, предполагающий выбор одного варианта ответа из нескольких, выбор, не рассчитанный на выявление реальных знаний ученика и его способностей к мышлению и творчеству. Во-вторых, тесты предполагают единообразные и упрощённые ответы.

В Лаборатории межкультурной коммуникации, функционирующей в Институте гуманитарного образования ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет» в качестве измерителя культуроведческой и лингвистической компетенций было предложено использовать Словарь лингвокультурной грамотности. Работа над составлением словаря ведётся в русле экспериментальных методик под общим руководством Л. А. Шкатовой, д-ра филол. наук, проф. ЧелГУ; в качестве отправной точки использовано понятие «культурная грамотность» Э. Д. Хирша (Словарь культурной грамотности, Бостон, 1988). Система оценки культурной грамотности, по Э. Д. Хиршу, должна включать знания из всех сфер человеческой деятельности, которые позволят современному человеку, получающему информацию из разных источников, понять её адекватно, проникнуть в содержание текста и в контекст. В этой связи, в свете реформирования российского и казахстанского образования, направленного на приобретение учащимися системы знаний, необходимых человеку для того, чтобы свободно ориентироваться в современном мире, проф. Л. А. Шкатова предлагает говорить не о лингвокультурной грамотности, а об уровнях лингвокультурологической компетентности. Лингвокультурологическая компетенция — это способность к самоопределению и самовыражению в социокультурном пространстве, проявляющаяся как возможность: 1) осознать себя в качестве поликультурного субъекта; 2) видеть сходства и различия культур разных народов; 3) осознавать своё место и социальную роль в глобальных общечеловеческих процессах.

Любая знаковая система характеризуется такими фундаментальными понятиями, как компетенция, то есть знание системы, и употребление, то есть использование этой системы в деятельности. Лингвистические показатели лингвокультурной

Шалгимбекова Кенжегуль Сатышевна — кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Казахстан). E-mail: salykovaks@mail.ru

Штукина Елена Эдуардовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета. E-mail: shtukina5@yandex.ru

компетенции, представленные в словарной форме, дают возможность оценить уровень готовности языковой личности к эффективной деятельности в определённых социокультурных и экономических условиях¹.

В работу по составлению Словаря культурной грамотности вовлечены члены Лаборатории межкультурной коммуникации Костанайского филиала ЧелГУ, поскольку внедрение Словаря в методическую практику должно учитывать поликультурный уровень казахстанцев и специфику функционирования русского языка в Казахстане. Координатором данной работы является заведующая кафедрой филологии Костанайского филиала ЧелГУ К. С. Шалгимбекова.

Лаборатория углубляет и уточняет понятие «культурная грамотность», используя термин *поликультурная грамотность*; совершенствует методику проведения анализа по выявлению уровня лингвокультурной компетентности жителей г. Костаная и области; ведёт экспериментальное исследование специфики языкового сознания носителей русского и казахского языков. В рамках выполнения данного задания и была предпринята попытка составления Словаря лингвокультурной грамотности жителей г. Костаная. Лексика, вошедшая в Словарь, имеет национально-специфические черты, а значит, является безэквивалентной за пределами функционирования данного языка и затрудняет процесс межкультурного общения. Между тем, по ёмкому замечанию С. Г. Тер-Минасовой, во избежание языковых конфликтов и коммуникативных неудач, необходимо преодолеть, в первую очередь, «барьер культурный»: «Культурный барьер <...> гораздо опаснее и неприятнее языкового. Он как бы сделан из абсолютно прозрачного стекла и неощутим до тех пор, пока не разобьёшь себе лоб об эту невидимую преграду...»². Стремление понять языковую «картину мира», рассказать о своей культуре и познать другие культуры, поднять общий уровень грамотности населения — всё это послужило фундаментом проводимых членами Лаборатории исследований. Таким образом, предметом пристального внимания, являющимся отличительной чертой Словаря лингвокультурной грамотности жителей северного региона Казахстана, послужили национальные понятия, так называемые слова-реалии, которые определяют этнокультурную специфику жителей региона, отражая историю и культуру народа, национальный характер. Слова-реалии входят в фонд исторической памяти социума (этноса).

Для выявления слов-реалий и включения их в Словарь использовался социологический опрос (устный), анкетный опрос, а также приёмы сравнения статистических подсчётов.

Прямой опрос состоял в непосредственном контакте с реципиентами на улицах г. Костаная. Опрашиваемым горожанам предстояло определить, какие слова и фразы наиболее ярко отображают культуру города (области). В итоге значительных результатов получено не было, так как срабатывал эффект неожиданности для реципиентов, которые ощущали нехватку времени на обдумывание ответов.

При помощи анкетирования был собран более значительный материал, Ответы были зафиксированы на специальных бланках, где следовало указать пол, год рождения, образование.

Сравнивая ответы на вопросы анкеты, удалось выявить интересные особенности. Ответы реципиентов разных национальностей были сопоставлены. Учитывался и возраст анкетированных. С помощью статистических подсчётов были выявлены наименования специфических национально-культурных явлений.

В итоге в Словарь были внесены языковые единицы, объективно отражающие национально-культурные особенности северного региона Казахстана. Это лексемы, характеризующие политическую, экономическую, культурную, бытовую и другие жизненно важные сферы. Слова расположены в алфавитном порядке и условно разбиваются на следующие семантические группы: политика, религия, искусство, географические названия, традиции и обряды, предметы быта и одежда, продукты питания/блюда и некоторые др.

Отметим наиболее употребительные и без труда распознаваемые слова-названия реалий и наименования известных лиц. Среди персоналий, как показали результаты опроса, лидирующую позицию занял *Абай Кунанбаев*. Литературная и просветительская деятельность Кунанбаева является значимой для казахской национальной культуры не менее, чем творчество А. С. Пушкина для русскоязычной культуры. Успешно распознаются исторические деятели различных эпох (чаще всего ханы, предводители, герои): *Абылай, Тауке, Жангир, Кабанбай батыр и Бозенбай батыр, Казыбек би, Толе би, Айтеке би*. Причём слова *хан, батыр, би*, употребляемые отдельно, также являются культурнозначимыми для казахстанцев. Достаточно большое количество опрошенных дали верные ответы на прецедентные имена героев Великой Отечественной войны (*С. Баймагамбетов, Б. Майлин, Л. Беда, И. Павлов* и др.). Практически каждый участник опроса описал подвиги этих людей, отметил, что их именами названы улицы города.

Предметы быта и национальной одежды казахов являются особо сложными для восприятия иностранными гражданами. Например, многие видели и представляют такой головной убор, как *тюбетейка*. Практически все туристы стараются приобрести эту «маленькую круглую шапочку». Однако, если попадётся такая шапочка с пером, люди не заметят особой разницы. А разница значительная: *тюбетейка* — мужской головной убор, а *такия* (шапочка с пером) — женский. Слово *камзол*, на первый взгляд, имеет эквивалент в русском языке «мужская верхняя одежда обычно без рукавов», но у казахов — это женская одежда, украшенная национальным орнаментом.

Таким образом, при составлении Словаря лингвокультурной грамотности жителей северного региона Казахстана, мы акцентировали своё внимание на национально-культурной лексике, отражающей самобытность казахов, проживающих совместно с русскими.

Привлечённые в качестве рецензентов проекта Словаря лингвокультурной грамотности жителей северного региона Казахстана преподаватели, завучи и учителя школ не могут прийти к единому мнению относительно объёма словарных статей и содержащейся в них лингвокультурной информации, поскольку многочисленное анкетирование жителей г. Костаная и области (старшеклассников и студентов первокурсников вузов и колледжей) показало, что часть этой информации оказалась неактуальной, устаревшей, и, наоборот, в Словарь «почему-то» не вошли значимые для современного мира общенаучные и некоторые другие понятия (например, из области спорта). Вероятно, они правы. «Имея в своём арсенале языковые единицы и языковые средства, обладая умениями их употреблять и применять, индивид становится более компетентным в выборе и использовании языковых средств и в совершенствовании своей языковой культуры, а значит и общей культуры в целом»³.

¹ Питина, Шкатова 2007, 22.

² Тер-Минасова 2000, 34.

³ Андрейчик 2012, 375.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрейчик Н. И. 2012: Формирование лингвокультурной компетенции как фактор овладения языковой культурой // Универсальное и национальное в культуре / Э. А. Усовская (ред.). Минск, 375–382.
- Закон Республики Казахстан 27.07.2007: №319-III «Об образовании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.01.2014 г.).
- Питина С. А., Шкатова Л. А. 2007: Лингвокультурология: краткий курс лекций. Челябинск
- Тер-Минасова С. Г. 2000: Язык и межкультурная коммуникация. М.

LINGUOCULTURAL LITERACY DICTIONARY OF CITIZENS OF KAZAKHSTAN NORTH REGION: COMPILATION EXPERIENCE

K. S. Shalgimbekova, E. E. Shtukina

This article considers the meaning of linguocultural competence in a vocabulary, as an indicator of social adaptation of a man. The author analyzes linguocultural literacy dictionary as a workbook for increasing effectiveness of education and polylingual linguistic personality up-bringing.

Key words: linguocultural literacy, competent approach in education, polyethnic linguistic sphere, nonequivalent vocabulary, linguistic personality

© 2014

С. С. Шляхова, О. В. Шестакова

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА ПО ДАННЫМ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

В статье описываются универсальные и специфические черты русской и немецкой фоносемантических картин мира на уровне ономотопии, которая представлена авторами в фоносемантических словарях. Установлено, что идиоэтнические свойства ономотопии отражают менталитет этноса, его авто- и гетеростереотипы.

Ключевые слова: картина мира, этническая картина мира, фоносемантика, ономотопия, лексикография

Специфичность ономотопии, которая обычно понимается как семантически примитивная, кажется, даже не предполагает постановки вопроса о картине мира. Однако представления о поливариативности картины мира (наивная и научная, универсальная и этническая, статическая и динамическая и пр.) позволяют говорить о фоносемантической картине мира¹, которая эксплицируется в языке фоносемантическими средствами, в том числе и звукоподражательной лексикой (ономотопией). Данный способ категоризации реальности отражает универсальные и идиоэтнические черты картины мира.

Одна из проблем в изучении ономотопии — отсутствие специализированных словарей. В западной лингвистике ведётся лексикографическая работа, которая реализуется в многочисленных фоносемантических словарях и списках. В русскоязычной фоносемантике, по нашим данным, существует лишь три словаря ономотопий², в которых представлены акустические (звучания внешней среды) и артикуляторные (звучания человеческого тела) ономотопы, а также ономотопы говорения.

В словарях русской (1500 словарных статей) и немецкой³ (1100 словарных статей) ономотопии представлен обширный материал для описания фоносемантической картины мира. Ономотопии исследуемых языков были систематизированы на основе идеографического словаря О. С. Баранова⁴ по 12 разделам: *Реальность* (нем. — 0,13%; рус. — 0,3%), *Образование (формация)* (нем. — 4,4%; рус. — 4,5%), *Природа* (нем. — 8,5%; рус. — 8,6%), *Бытие* (нем. — 4,1%; рус. — 3,9%), *Множественность* (нем. — 8,9%; рус. — 8,3%), *Организованность* (нем. — 2,2%; рус. — 2%), *Живая природа* (нем. — 9,1%; рус. — 8,5%), *Человек физиологический* (нем. — 14,8%; рус. — 16,1%), *Личность* (нем. — 9,7%; рус. — 9,8%), *Общество* (нем. — 10,8%; рус. — 10,3%), *Социальная сфера* (нем. — 14,8%; рус. — 16,2%), *Цивилизация* (нем. — 12,4%; рус. — 11,4%).

На уровне ономотопии в сопоставляемых языках экспликация биофоносферы составляет 41–42%, экспликация социофоносферы — 12–14% всего исследованного материала, т.е. только 54–56% всего материала ономотопией эксплицирует звуковую картину мира. Остальной корпус исследованной лексики отражает в языке картину мира в целом.

Оставшийся корпус ономотопий не связан со звучащей действительностью, т.к. отражает другие стороны человеческого бытия, формируя через семантические переходы «незвуковые» значения. В сфере ономотопии было выявлено 83 регулярных семантических перехода: *звуки удара* > отрицание; *соединение / разделение, часть; деформация, искажение; интенсивность; округлость, выпуклость; полость, пустота; кривизна; жидкость; небесная сфера, земля; благополучие / неблагополучие; растения; животные; органы, части тела; уродство и др.; дыхание* > начало / конец; ветер; старость; смерть; *звуки тела* > органы, части тела; болезни, нездоровье; ребенок, юноша; принимать пищу, пить; ложь, подхалимаж, коварство; гонор, хвастовство; интенсивность и др.

Шляхова Светлана Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: shlyahova@rambler.ru

Шестакова Ольга Валентиновна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и связей с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета. E-mail: shestakova64@mail.ru

¹ Дрожжих 2006; Михалёв 2009; Вершинина 2013; Шестакова 2013.

² Квеселевич 2001; Шляхова 2004; 2011.

³ Шляхова 2004; 2011.

⁴ Баранов 1995.

Установлено, что для современной звуковой картины самыми значимыми являются звучания окружающего мира, эксплицированные в языке акустическими ономотопами (81–83% исследованного материала). Звуки речи в акустической картине мира чуть более значимы (9–11%), чем звучания человеческого тела (около 8%). Для когнитивной деятельности человека звучания человеческого тела и неживой природы, которые лежат в основе звуковых (первичных, прототипических) значений, более значимы в сфере акустического денотата. В сфере неакустического денотата, который эксплицируется в незвуковых, более поздних значениях, важнее звучания внешней среды.

Объяснение именно такого характера экспликации возможных разнопорядковых звуковых миров в языке следует искать в антропологии, истории, культурологии, этнологии, психологии и когнитологии.

Специфика ономотопии проявляется в незначительных колебаниях в численной представленности тех или иных фоносемантических групп в исследуемых языках. С одной стороны, колебания в 1–3% можно отнести к статистической погрешности или к несистемной фиксации ономотопии в словарях и специальных исследованиях. В то же время, актуализация того или иного типа звучания или семантического развития звукоподражания отражает идиозитическую специфику ономотопии, которая в той или иной степени отражает менталитет этноса, его авто- и гетеростереотипы.

В русском языке в 2–4 раза больше, чем в немецком, представлены фоносемантические группы *следы, пятна; физическая слабость; глаза; невнимательность; упрямство; злость, злиться; инструменты для охоты, рыбалки; жизнь общества; религиозные отношения, обычаи; ветхая одежда; сверхъестественное; преступники*. В фоносемантической картине мира доминирующие смыслы связаны с русским характером и стилем жизни.

Религиозные отношения, обычаи: рус. *раскольник, хлыстовство, звонарь, колокольня, звонница, обрезание* ‘обряд’ (ср. нем. *Beschneidung* ‘обрезание’, *Glockenturm* ‘колокольня’, *Weihrauchfaß* ‘кадило’). «Стержневым компонентом в менталитете русских является православие, в котором заключены основы традиционной культуры русского этноса»⁵.

Сверхъестественное: рус. *кикимора; кукан; барабашка; шишкун; бабай; баба-яга; бабака, бука, бубука, бомка* ‘барабашка’; *Шохря да Мохря* ‘банный дух’, *Кутыся-Мурыся* ‘покровитель дома’ (ср. нем. *Butz, Vitzentittel, Vitzemann, Puck* ‘домовой, гном, барабашка’; *Kuckuck* ‘чёрт’). У русских «есть особые способности к интуиции и предчувствию, у них больше восточной иррациональности, чем западной рациональности, эмоции всегда преобладают над разумом, а страсти — над материальными интересами»⁶.

Созерцательность, пассивное отношение к жизни; осторожность и фатализм как его крайние проявления находят подтверждение в русской идиоматике (*Чему быть — того не миновать; Что ни делается — всё к лучшему; Значит, не судьба; Судьбу не обманешь; Значит, так надо; Ничего; Судьба такая* и пр.). Убежденность в неизменности, непреодолимости судьбы породили у русских суеверность, осторожность и мистицизм, веру в чудо и «авось». Это породило осторожное отношение к тем, кто способен изменить обстоятельства, и безропотность, смирение (пассивность) при ударах судьбы. И как оборотная сторона чрезмерной осторожности и фатализма русских — их смелость, безрассудство, любовь к риску, азарт, склонность дразнить судьбу (*русская рулетка; русский авось; русский бунт, бессмысленный и беспощадный*), что может привести к **преступлениям** (рус. *схватить, цапнуть, зацёлкнуть наручники* ‘арестовать’, *гон-стоп* ‘вид преступления’, *зацокать* ‘быть свидетелем’; *хлыстка* ‘проститутка’, *плюхало, хлыц, хлюст, болтень, бацун* ‘драчун, забияка’; ср. нем. *bumsen* ‘арестовать’, *brummen* ‘сидеть в тюрьме’).

Фатализм порождает **энергосберегающую стратегию жизни**: «быть в меру трудолюбивым: всё равно ведь неизвестно, как, когда и каким образом ты лишишься результатов своего труда! <...> Посвятить жизнь накопительству — крайняя глупость, надо жить здесь и сейчас»⁷ (*Работа не волк, в лес не убежит; Всех денег не заработаешь* и др.). В фоносемантической картине мира русские деньги не зарабатывают, а тратят (*трясти деньгами*); *ухлопать, профукать, качать, швыряться деньгами*) или получают лёгким способом (рус. *подмолотить / выколотить / срубить / шишбить / зашибить деньги / монету / копейку; срубить бабок / капусты*); немцы преимущественно добывают (нем. *aus etw. Geld heraus schlagen* ‘делать деньги’, *den großen [einen fetten] Harpen schnappen* ‘урвать львиную долю’; *Geld abzapfen* ‘выкачивать деньги’; *auf den Beutel klopfen* ‘заставить раскошелиться’).

Семантика **спиртное** в русском языке (3,5%) в два раза более значима, чем в немецком (1,7%): рус. *клюкнуть, бухнуть, зашибать, трескать, долбануть, трахнуть, шмякнуть, хлопнуть, хватануть, ханнуть, раздавить, шархануть, вмазать, цапнуть, зашибить, тянуть, гудеть, врезать, вдарить, тюкнуть, шваркнуть, хряпнуть, бахнуть, хлобыстнуть* ‘пить, выпить спиртное’; нем. *einen Zacken haben* ‘быть под хмельком’, *Sause, Sauser* ‘кутёж, попойка’, *kneipen* ‘пьянствовать’, *Schwips* ‘лёгкое опьянение’, *kübeln, schnapsen, zwitschern, gurgeln,bürsten* ‘пить, выпить спиртное’ и др.

В немецком языке в 2–4 раза больше, чем в русском, представлены группы *игры взрослых, игровая деятельность; досуг; развлечения; технологические процессы; технические приборы и приспособления; функционирование техники; интенсивность; фигура; течение жизни; старение; скудость; напитки; имущество, утварь*.

В немецком языке существует большое количество **технических, научных, специальных терминов**, образованных от звукоподражаний: *Krachtöter* ‘подавитель помех’, *Brummfaktor* ‘коэффициент пульсации’, *Klingeln* ‘детонация’, *Knallschleppre, Knallteppich* ‘треск при прохождении реактивным самолетом звукового барьера’, *Klirrfaktor* ‘клирфактор’ и др.

В русском языке термины являются преимущественно заимствованиями, в том числе из немецкого: *бремсберг* < *bremsen* ‘жужжать’, *шурф, шурфовать* < *schürfen* ‘царапать, скрести’, *кайло* < *Keule* ‘дубина’ < *keulen* ‘бить (скот)’, *цапфа* ‘опорная часть оси или вала’ < *Zapfen* ‘затычка (бочки)’ и др.

Идеографический анализ ономотопии показывает, что экспликация понятий, связанных с **техникой**, в немецком языке более чем в три раза превышает данные по русскому языку: *Klipper* ‘лайнер’, *Töff* ‘мотоцикл’, *Brummi* ‘грузовик’, *Bocksäge* ‘лучковая пила’, *Picke* ‘кирка’, *Ratsche* ‘гаечный ключ’, *Schar* ‘лемех’ и пр. Общеизвестно, что немцы дали миру множество изобретений: печатный станок (И. Гуттенберг), глобус (М. Бехайм), порох (Б. Шварц), мотор (Н. Отто), автомобиль (К. Бенц), двигатель внутреннего сгорания (Р. Дизель), радар (К. Хольсмайер), ротационная машина (Ф. Кениг), вакуумный насос (О. фон Герике), фарфор (И. Бёттгер) и пр. В русском материале актуализированы лишь инструменты для охоты и рыбалки.

⁵ Еромасова 2007, 34.

⁶ Сергеева 2005, 292.

⁷ Сергеева 2005, 152–153.

Семантика *интенсивность* в немецком языке в десять раз превышает экспликацию этой группы в русском языке (ср. нем. *knackfest* 'очень твёрдый', *knackfrisch* 'очень свежий', *knackeng* 'страшно узкий' и пр.), что актуализирует трудолюбие немцев и их знаменитый «категорический императив» *Ordnung muss sein* (Порядок превыше всего).

Таким образом, анализ семантики и количественного состава русской и немецкой ономотопеи в фоносемантических словарях, с одной стороны, указывает на универсальный характер экспликации в языке фоносемантической картины мира, с другой, отражает идиоэтнические черты русского и немецкого этносов.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов О. С. 1995: Идеографический словарь русского языка. М.
 Вершинина М. Г. 2013: Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Пермь.
 Дрожжащих Н. В. 2006: Синергетическая модель иконического пространства языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул.
 Еромасова А. А. 2007: Ментальность русского человека как феномен национальной культуры (философско-антропологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб.
 Квеселевич Д., Сасина В. 2001: Русско-английский словарь междометий = Russian-English Dictionary of Interjections. М.
 Михалёв А. Б. 2009: Фоносемантика и языковая картина мира // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Березинские чтения. 15. М., 133–140.
 Сергеева А. В. 2005: Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.
 Шестакова О. В. 2013: Универсальное и специфическое в ономотопее: дис. ... канд. филол. наук. Пермь.
 Шляхова С. С. 2004: Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь.
 Шляхова С. С., Шестакова О. В. 2011: Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. Deutsche Onomatopoeitika: Forschungsgeschichte, Probleme, deutsch-russisches Wörterbuch. Пермь.

ETHNIC PICTURE OF THE WORLD ACCORDING TO PHONOSEMANTIC DICTIONARIES

S. S. Shlyakhova, O. V. Shestakova

This article describes the universal and specific features of Russian and German ethnic picture of the world at the level of onomatopoeia, which is presented by the authors in phonosemantic dictionaries. It is revealed that idioethnic features of onomatopoeia reflect ethnic mentality, his auto- and heterostereotypes.

Key words: picture of the world, the ethnic picture of the world, phonosemantics, onomatopoeia, lexicography

© 2014

И. А. Шушарина

О РАБОТЕ НАД СЛОВАРЁМ ПОЛЬСКО-РУССКИХ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА»: ОТБОР МАТЕРИАЛА

Статья посвящена принципам отбора материала для словаря польско-русских «ложных друзей переводчика».

Ключевые слова: ложные друзья переводчика, отбор материала, частичные межъязыковые синонимы, направление перевода

Три года назад началась работа над составлением словаря польско-русских «ложных друзей переводчика»¹. За это время был накоплен обширный материал, включающий 3444 коррелята, которые могут вызывать ошибки или затруднения у переводчиков, в разной степени владеющих польским и русским языками. Это более чем в два раза больше, чем в подобных русско-польских словарях, вышедших за рубежом. Так, например, самый объёмный словарь К. Кусалья включает «1350 пар русско-польских омонимов/паронимов»². Возникает справедливый вопрос, откуда взялась такая значительная разница в объёме материала.

Во-первых, она истекает из самого подхода к пониманию предмета изучения. В основном исследователи сосредотачивают своё внимание только на межъязыковых омонимах и паронимах, оставляя в стороне частичные синонимы, т.е. слова, которые имеют как совпадающие значения, так и развившиеся только в одном из языков. Между тем именно частичные межъязыковые синонимы дают огромный пласт лексики, которая при переводе текста вводит читателя в заблуждение. Примером могут послужить такие пары, как *akcja*: *акция*, *antena*: *антенна*, *balamucic*: *баламутить*, *blacha*: *бляха* и многие другие. Все они имеют общие в русском и польском языках значения и в части контекстов являются полными эквивалентами.

Akcja: *акция*: I целенаправленное действие, предпринимаемое для достижения какой-л. цели: *akcja odbicia zakladników* — *акция освобождения заложников*, *akcja protestu* — *акция протеста*; II эк. ценная бумага, свидетельствующая о взносе определённой суммы денег, вкладе некоей суммы в развитие предприятия: *sprzedaz akcji* — *продажа акций*.

Antena: *антенна*: *тех.* часть радио- и телеустановки, служащая для преобразования радиоволн в электрические сигналы и наоборот при их передаче или приёме: *Nie tam kablowki, więc do telewizora podłączyłem antenę.* — *У меня нет кабельного телевидения, поэтому я подключил к телевизору антенну.*

Шушарина Ирина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета. E-mail: venedy@mail.ru

¹ Шушарина 2011, 643–647.

² Kusal 2002, XIX.

Balamucić: баламутить: приводить в замешательство, вводить в заблуждение, сбивать с толку, вызывать беспокойство, волнение среди кого-л.: *balamucić tłum* — баламутить толпу.

Blacha: бляха: металлическая пластинка, служащая для украшения чего-либо или являющаяся пряжкой, застёжкой: *blacha metalowa* — металлическая бляха.

Вместе с тем в ряде контекстов польские слова выступают в значениях, которых не имеют русские лексемы. Если переводчик автоматически подставит в текст значение, известное ему по родному языку, он допустит ошибку, которая приведёт к неправильному пониманию фразы.

Так, доминантной у пары *akcja I*: *акция I* является сема 'действие', однако в польском языке эта сема реализуется шире, чем в русском, поэтому *akcja wyborcza* — это не акция выборов, а 'избирательная кампания', *akcja powieści* — не акция романа, а 'действие романа', *wprowadzić do akcji* — не включить в действие какой-либо акции, а 'вести в бой, военную операцию', а в словах спортивного комментатора «*Strzela! Gol! Co za akcja!*» лексема *akcja* употребляется в значении 'атака'.

В русском языке понятие *антенна* всегда связано с конкретным предметом (радиотехническое устройство, усики насекомого), поэтому употребление этого слова в польском языке в абстрактном значении *na antenie Polskiego Radia* 'в эфире польского радио' может вызвать улыбку или недоумение.

Как следует перевести фразу *Przestańcie już balamucić*? Как призыв перестать мутить воду или смущать кого-то? В польском языке у слова *balamucić* на основе периферийных сем 'без конкретной цели', 'на протяжении длительного времени', 'ради развлечения' развилось значение 'тянуть время, бездельничать'. Ещё одно неожиданное для русского языка значение возникло на основе семы 'смущать, вызывать беспокойство, волнение': *balamucić cudzą żonę* 'флиртовать, крутить с чужой женой'.

Слово *бляха* пришло в русский язык через польский, в обоих языках доминантной семой является 'пластина из металла'. Однако в русском языке это слово используется в основном в двух значениях: 'пряжка, застёжка' и 'должностной значок', а в польском это металлический лист разной величины и предназначения (*blacha stalowa* 'листовое железо, жель', *Pałac «Pod blachą»* 'Дворец «Под бляхой»' — одна из архитектурных достопримечательностей Варшавы, обязанная своим названием четырёхскатной крыше, покрытой медной жельстью, *dwie blachy ciasta* 'два противня пирогов', *postawić garnek na blasze* 'поставить кастрюлю на плиту'). В жаргонной речи под словом *blacha* могут понимать и духовые инструменты, и информационную панель, и обозначение монеты — золотого.

Эти и многие другие частичные синонимы значительно расширяют объём и польско-русского, и русского-польского словарей «ложных друзей переводчика».

Во-вторых, необходимо учитывать, что объём материала оказывается неодинаковым для разных направлений перевода (русско-польского или польско-русского). В первую очередь это касается многозначных слов. Так, слово *wanna* в польском языке имеет значение 'большой глубокий сосуд для купания', в промышленности это 'резервуар для замачивания, промывки чего-л.'. Оба эти значения имеются и в русском языке, поэтому в любом польском контексте это слово переводчиком будет воспринято адекватно и переведено на русский язык верно: *Kapać się w wannie* 'Купаться в ванне', *Współcześnie wanny wykonuje się z włókna szklanego lub akrylu* 'Современные ванны изготавливаются из стеклянного волокна или акрила', *Wanna — mebel służący do kąpieli* 'Ванна — мебель, используемая для купания', *wanny prostokątne, okrągłe i owalne* 'ванны прямоугольные, круглые и овальные', *wanny z hydromasażem* 'ванны с гидромассажем', *wanna dla seniora* 'ванна для пожилых', *Lepiej wybrać prysznic czy wannę?* 'Лучше выбрать душ или ванну?' Таким образом, для польско-русского направления перевода слово *wanna* не является «ложным другом». Однако в русском языке, помимо указанных значений, слово *ванна* употребляется для обозначения процесса: 'мытьё, купание в ванне', 'закаливание организма путём воздействия солнца, воздуха, воды и т.п.'. В польском языке в этих значениях употребляется лексема *kąpiel*: *przyjąć wannę* 'взять ванну', *solenne kąpiele* 'солёные ванны', *kąpiele słoneczne*. Дословно переведённые на польский язык русские словосочетания могут быть восприняты не как процесс, а как действие, проводимое с конкретным предметом, или как характеристика конкретного предмета: *wziąć wannę* 'взять ванну-сосуд', *wanna-сосуд, располагающаяся на солнце, ванна-сосуд, располагающийся на воздухе/в воздухе* и т.п. Таким образом, для русско-польского направления перевода слово *ванна* является ложным эквивалентом. По этой причине пару *wanna*: *wanna* целесообразно включать только в русско-польский словарь ложных друзей переводчика, следовательно, состав и объём русско-польского и польско-русского словарей будут различаться. Поскольку наш словарь ориентирован прежде всего на русскоязычных пользователей, мы отбирали лексемы, которые могут вызвать затруднение при польско-русском переводе.

Следующий вопрос касается восприятия включённых в словарь польско-русских коррелятов как «ложных друзей переводчика». Если отнесение к этому явлению пар *akcja*: *акция*, *amunicja*: *амуниция*, *angelski*: *ангельский*, *antena*: *антенна* и под. не вызывает сомнений, так как польское и русское написания выглядят как простая транслитерация, то почему к ним отнесены пары *stół*: *стул*, *kapać*: *капать*, *adnotacja*: *аннотация*, *antenat*: *антенна* и др.?

При отборе материала для словаря мы опирались на данные опросов русскоязычных студентов и участников нескольких групп, ориентированных на изучение польского языка в социальных сетях («В контакте»). Все респонденты в разной степени владеют польским языком (одни начинают или продолжают изучать польский язык, другие в настоящее время проживают на территории Польши — учатся или работают). Польско-русские корреляты включались в словарь при условии, что, увидев или услышав входящее в анализируемую пару польское слово (сначала отдельно, затем в словосочетании или предложении), респондент, уверенный, что хорошо знает его значение, не пытался заглянуть в словарь и при переводе заменял его русским звуковым или письменным аналогом. Надо сказать, что польские лексемы, значение которых усваивается на первых занятиях по польскому языку (*miasto*: *мечто*, *stół*: *стул*, *krzesło*: *кресло*, *jutro*: *ympo*, *kubek*: *кубок*, *powieść*: *новесть*, *zдание*: *здание* и под.), ложно заменяются русскими эквивалентами лишь некоторыми из респондентов. Тем не менее они включены в словарь, чтобы не нарушать общей картины исследования.

Поскольку в качестве респондентов выступали представители молодого поколения, то для некоторых коррелятов пригодились не только общелитературные, но и жаргонные, сниженные и обценные значения. При этом жаргонный, сниженный или обценный характер то или иное слово может носить только в одном из сопоставляемых языков.

Так, название одной из групп в социальной сети «В контакте» «No kurwa [Жизнь в Польше]» включает просторечную фразу *no kurwa*, которой в русском языке лучше всего подойдет просторечное соответствие *ну, блин*. Слово восходит к

общему в польском и русском языках инвективному *kurwa*: *kurwa* ‘шлюха, проститутка’, которое, согласно данным словарей М. Фасмера³ и ЭССЯ⁴, образовано по модели *svekrъ — *svekrъva от общеславянского *kugъ ‘петух’: *kugъ — *kugъva. Если в русском языке слово *курва* не утратило своей негативной окрашенности, то в польском в сочетании *no kurwa* оно не осознаётся как ругательное, оскорбительное.

К «ложным друзьям переводчика» необходимо отнести и жаргонные значения названий плодов, которые являются частотными в живой разговорной речи

Burak ‘свёкла’, а также ‘грубый невоспитанный человек, с которым стыдно общаться, невежа, примитив, нахал’: *Ala burak!* ‘Какой невежа!’ *Spadaj, buraku!* ‘Пошёл вон, нахал!’.

Banan ‘мажор’: *To prywatna szkoła dla bananów* ‘Это частная школа для мажоров’.

Ananas ‘проказник, шалун’: *Niezły z niego ananas* ‘Он неплохой проказник’.

Kokosy ‘хороший бизнес, большой куш’: *Polski przez skajp to żadne kokosy* ‘Польский по скайпу — это не очень большой куш’.

Таким образом, принципы отбора материала позволяют говорить, что «Словарь польско-русских ложных друзей переводчика», над составлением которого мы работаем, в настоящее время является самым полным.

ЛИТЕРАТУРА

- Фасмер М.* 1986: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. Т. 2. М.
Шушарина И. А. 2011: Лингвистическая информативность словарной статьи (о работе над словарём польско-русских «ложных друзей переводчика») // Проблемы истории, филологии, культуры / М. Г. Абрамзон (ред.). М.; Магнитогорск; Новосибирск. 3 (33), 643–647.
ЭССЯ 1987: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 13. М.
Kusal K. 2002: *Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych*. Wrocław.

Группы в социальных сетях, участники которых привлекались в качестве респондентов:

- Jeden dzień — jedno słowo*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vk.com/polszczyzna>.
Język polski dla wszystkich! (Польский язык). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vk.com/jezykpol>.
No Kurwa [Жизнь в Польше]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vk.com/nokurwa>.
Польский по-другому / Polski inaczej. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vk.com/polskij>.
Польский язык. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vk.com/polyaz>.
Типичный польский язык // Typowy język polski. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vk.com/typowy_jezyk_polski.

THE WORK FOR THE DICTIONARY POLISH-RUSSIAN “FALSE FRIENDS”: THE SELECTION OF MATERIAL

I. A. Shusharina

The article is devoted to the principles of selecting the material for the Polish-Russian dictionary “false friends”.

Key words: false friends, the selecting the material, partial cross-language synonyms, translation direction

³ Фасмер 2, 1986, 423–424.

⁴ ЭССЯ 13, 1987, 132–133.

УСТНАЯ СПОНТАННАЯ РЕЧЬ. ПРОБЛЕМА СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ «СКРЕП», «ДИСКУРСИВОВ» И ДРУГИХ НЕЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

© 2014

З. К. Адамия

ПРОСТОРЕЧИЕ КАК КОМПОНЕНТ В ЛЕКСИКЕ КОДИФИЦИРОВАННОГО ЯЗЫКА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Просторечие — постоянный спутник литературного языка, но просторечное слово с течением времени может из одного пласта лексики перебраться в другой, и критерии определения просторечия часто субъективны, хотя есть признаки объективного характера — несоответствие облика слова литературной норме (фонетической, морфологической, синтаксической и лексической).

Ключевые слова: термин, просторечие, лексика, норма, стилистический анализ, словари

Просторечие — один из сложных и противоречивых пластов русской лексики, на который учёные давно обратили внимание, но, заметив его семантическое и стилистическое своеобразие, термина для обозначения этой части лексики так и не нашли. Сначала речь, содержащую такие слова, называли *простой речью* по аналогии со словосочетаниями *простой народ*, *простой разговор*, *простые отношения*, где слово *простой* означает 'заниженный, нелитературный, ненормативный', а потом из оборота *простая речь* образовалось слово *просторечие*.

Просторечие — чисто русский лингвистический термин, обязанный своим происхождением слову *просторечие*, ещё у В. И. Даля означавшее только 'простой простонародный говор, язык'¹. Западноевропейские языки не знают этого термина, а в случае необходимости выразить понятие, выражаемое им, прибегают к описательным оборотам: ср. англ. *popular language*, нем. *volkssprache*, фр. *la langue populaire*, ит. *dialetto regionale*. Как видно, смысл русского термина эти языки передают описательно и подчёркивают принадлежность просторечия народу. Итальянцы же под просторечием понимают «региональный диалект».

Лингвистический энциклопедический словарь считает просторечие одной из форм национального языка наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком. По функциональной роли, по соотношению с литературным языком просторечие рассматривается как самобытная речевая сфера внутри каждого национального языка, коммуникативно значимая для всех носителей национального языка².

Основной недостаток термина *просторечие* заключается в том, что он характеризует лексику только по её стилистической ценности. Научной же квалификации этот термин не даёт. Это обстоятельство давно замечено лингвистами, но решение так пока не найдено.

Просторечие — органически составная часть лексики национального языка, бытующая в устной форме, откуда часто проникает в литературный язык, особенно в язык художественной литературы.

Русское просторечие давно привлекло внимание писателей и лингвистов-исследователей. Этот интерес объясняется как важностью художественной функции просторечия, так и его живучестью. Действительно, просторечие — вечно живая часть языка; оно меняется, что-то теряет, чем-то обогащается и не уходит из языка.

Этому явлению посвящено немало книг и статей, авторы которых прежде всего задаются рядом вопросов. Что такое просторечие? Почему оно закрепилось под таким названием? С чем сравнивается просторечие, когда оно объявляется «простой речью»? Есть ли у просторечия какие-то объективно существующие признаки, или отнесение слов к разряду просторечных — процедура субъективная, зависящая от каких-то личных пристрастий квалификатора.

Установление объективных критериев просторечия в значительной мере облегчило бы его отмежевание от других пластов лексики, например, от разговорной, и устранило бы разнобой, который все ещё встречается в лексикографии при снабжении словарных единиц разными пометами: *просторечие*, *разговорный стиль* и т.д.

Над этой проблемой бились ученые XIX и XX столетий, их унаследовал и XXI в.

Вот одно из последних по времени определение. Л. Введенская, Л. Павлова, Е. Кошаева считают, что просторечие — «одна из форм национального русского языка, которая не имеет собственных признаков системной организации и характеризуется набором языковых форм, нарушающих нормы литературного языка. Такое нарушение норм носители просторечия (горожане с невысоким уровнем образованности) не осознают, они не улавливают, не понимают различия между нелитературными и литературными формами»³.

Адамия Зоя Константиновна — доктор филологических наук, профессор, руководитель отдела международных связей Тбилисского университета Рвали (Грузия). E-mail: a.zoia777@gmail.com

¹ Даль 3, 1999, 514.

² Ярцева 1990, 402.

³ Введенская, Павлова, Кошаева 2001, 19.

Мы обратились к книге названных авторов потому, что они в определённом смысле обогащают и подытоживают всё, что сказано о просторечии до конца XX в.

Действительно, именно из-за отсутствия специфических черт просторечие проявляется в самых разных формах и в самых, казалось бы, неожиданных ситуациях. Следует помнить и то обстоятельство, что просторечная форма слова может быть территориально мотивированной и личностно-субъективной. Так, например, формы *ноне*, *нынче*, *нынчи* (просторечные варианты литературного *ныне*) встречаются в самых разных диалектах русского языка и в речи самых разных по уровню образованности людей. И всё-таки существование просторечия настолько очевидно, что игнорировать его просто невозможно, и его изучение продолжается. Так, например, есть попытка просторечную лексику разделить на четыре основные группы с опорой на определённые грамматические признаки.

Первая группа — фонетические и орфографические просторечия. Это те случаи, когда в слове встречаем или неточность в фонетическом облике слова, или изменение места ударения. Например: *шо́фер* вместо *шофёр*, *хочите* вместо *хотите*, *коридор* вместо *коридор*, *дриулаг* вместо *дурилаг*, *ридикулит* вместо *радикулит*, *приговор* вместо *приговёр*, *обеспечение* вместо *обеспечёние*.

Вторая группа — морфологические просторечия. Это те случаи, когда отступление от нормы наблюдается в морфемном облике или грамматических свойствах слова. Например: *мово́* вместо *моего*, *дитё* вместо *дитя*, *зеркала* (ж.р.) вместо *зеркало* (отнесение слов ср. рода к ж. роду, когда из-за отдалённости ударения безударное конечное «о» постоянно звучит как «а»), что и является основой неправильного определения рода), *без пальта* вместо *пальто*, *мой мозоль* вместо *моя мозоль*, *с повидлой* вместо *с повидлом*, *шоферá* вместо *шофёры*, *бежат* вместо *бегут*.

Третья группа — это лексические просторечия, то есть полнозначные слова, которые по стилистическим признакам остаются вне литературной нормы. Например, *хрыч*, *дохлятина*, *харя*, *путанка*.

Четвёртую группу можно условно назвать синтаксическими просторечиями. Это такие случаи словоупотребления, когда каждое слово в отдельности соответствует норме литературного языка, но грамматическая связь между ними нарушена. Например, просторечно-шутливое выражение «*Без пол-литры не разберёшься*» вместо «*пол-литра*». В языковом сознании личности, использующей подобный оборот, слово *пол-литра* воспринято как слово ж. рода I склонения и соответственно употреблено в род. падеже с предлогом (*без пол-литры*). В разговорной речи таких примеров немало. Например: *танка* вместо *танк*, *дуба* вместо *дуб*, *полуклиника* вместо *поликлиника*, *подстамент* вместо *постамент*. А просторечное *зонтик* вместо *зондек* давно стало нормой.

Ф. П. Филин о просторечии писал: «Многое ещё предстоит выяснить в отношениях к кодифицированному литературному языку просторечия и разговорной речи. Под просторечием обычно понимаются языковые средства (слова, грамматические формы и обороты, особенности произношения), употребляемые преимущественно в устной речи для грубоватого, сниженного изображения предмета мысли. Например, такие слова и выражения, как *канючить*, *над нами не каплет*, *караулка* (не то, что нейтральное *караульная* — в караулке может помещаться не только караул, но и сторож), *на карачках*, *карга* (бранное название старухи), *карачун*, *капут*, *каюк*, *катнуть* («съездить» поехать) и т.п. во всех толковых словарях русского языка определяются как просторечия. В лингвистической литературе давно идёт спор, включить ли просторечие в состав литературного языка, или же оставить его вне нормативного употребления. На этот счёт высказываются разные точки зрения, по нашему убеждению, основанные на недоразумении. Существует не одно, а два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка; 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком. При этом их материальный состав во многом совпадает»⁴.

Например, один из героев романа В. Шишкова «Угрюм-река» стреляет из пистолета в небо, чтобы похвалиться перед женщинами, а на вопрос, что он делает, гордо отвечает, что он «*антилигентный*» человек и поэтому каждое утро «*испразняется*» из пистолета. Люди смеются, и он этот смех принимает как похвалу (Шишков. Угрюм-река).

То, что в словарях обозначается как просторечное средство, может быть употреблено в подходящей ситуации любым образованным человеком. Вывести из состава литературного языка функционирующее в нём просторечие означало бы лишить литературный язык средств сниженной речи, обычно несущих высокую эмоционально-оценочную нагрузку. Например, слово *нынче* по частоте употребления не уступает своей так называемой литературной лексеме — *ныне*. *Нынче* встречается не только в речи персонажей, но и в авторской речи таких мастеров русского художественного слова, какими являются А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, М. А. Шолохов и др. Утверждая, что просторечие — это органическая составная часть системы литературного языка, выполняющая в нём определённую стилистическую роль, «мы в то же время признаём, что существует просторечие и вне литературного языка. Под современным внелитературным просторечием следует понимать язык той части населения, прежде всего городского, которая ещё недостаточно овладела литературными языковыми нормами»⁵.

Как видим, при определении характера просторечия основным считается отношение к нормированному языку, а также стилистическая функция в тексте. И это, разумеется, нельзя считать научной дефиницией.

Толковые словари современного русского языка при стилистической характеристике нелитературной лексики исходят именно из такого понимания просторечия. Если нелитературное слово не диалектизм и не жаргонизм, его характеризуют как просторечие. Например, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: *бесстыдничать* — прост., *бесстытия* — прост., *допрыгаться* — прост., *запросто*⁶. А в раннем издании этого же словаря эти слова объявлялись «разговорными».

А. В. Калинин делит просторечную лексику на три группы: 1) грубовато-экспрессивная лексика; 2) грубая лексика; 3) собственно-просторечная лексика⁷. В этом делении наблюдается явная непоследовательность: первая и вторая группы выделены по стилистическому признаку, третья — по степени просторечности. Что значит «собственно-просторечная»? А первая и вторая группы не просторечные? Получается, что если при стилистической характеристике нелитературной лексики нелитературное слово не является ни диалектизмом, ни жаргонизмом, его следует считать просторечным? Вряд ли, полагаем мы.

⁴ Филин 1973, 8–9, 10.

⁵ Филин 1973, 10.

⁶ Ожегов, Шведова 2000, 46, 175, 216.

⁷ Калинин 1971, 159.

Подытоживая всё сказанное, можно заключить, что просторечие — это пласт лексики, который легко поддаётся стилистическому анализу. Что же касается прочих характеристик, то здесь можно все просторечия разделить на фонетические, морфологические, синтаксические и лексические.

Просторечная лексика лишена черт диалектизм и жаргонизмов и характеризуется более широким употреблением, чем, скажем, диалектизмы. Что же касается её отличия от разговорной лексики, то критерии настолько субъективны, что больше зависят от вкуса личности, чем от каких-то объективных показателей, о чём свидетельствует разноречивость в словарных пометках.

ЛИТЕРАТУРА

- Введенская Л., Павлова Л., Кошаева Е. 2001: Русский язык и культура речи. Ростов-на-Дону.
 Даль В. И. 1999: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.
 Калинин А. В. 1971: Лексика русского языка. М.
 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 2000: Толковый словарь русского языка. М.
 Филин Ф. П. 1973: О структуре современного литературного языка // Вопросы языкознания. 2, 3–12.
 Шишков В. Я. 1961: Угрюм-река. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М.
 Ярцева В. Н. (ред.) 1990: Лингвистический энциклопедический словарь. М.

POPULAR SPEECH AS A COMPONENT IN A CODIFIED LANGUAGE

Z. K. Adamia

Popular speech goes hand by hand with literary language, but popular speech changes its lexical stratum and the criteria to identify popular speech are very often subjectivized though there are some objective signs. They are the following – incompatibility of word look to literary norm (phonetic, syntaxes' and lexical)

Key words: term, popular speech, vocabulary, norm, stylistic analysis, vocabularies

© 2014

Н. В. Богданова-Бегларян

ДИСКУРСИВНАЯ ЕДИНИЦА *ТИПА (ТОГО ЧТО)*: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ*

Высокая активность функционирования в устной речи дискурсивной единицы типа (того что) вынуждает поставить вопрос о необходимости её лексикографической фиксации с указанием всех значений и функций, которые она выявляет в нашем повседневном общении.

Ключевые слова: устная речь, дискурсивная единица, вербальный хезитатив, языковой корпус, речевая грамматика, повседневное общение

Материал устной спонтанной речи, ставший в последнее время объектом внимания лингвистов самых разных направлений, открыл и различные возможности его описания, в том числе — в лексикографическом отношении. Последнее является не менее важным и значимым, чем, например, описание фонетики или грамматики повседневной русской речи. Увидеть всё многообразие нашей речи, с «борьбой языков, отражающей непрестанное столкновение и скрещивание <...> разнородных культур»¹, можно, как представляется, только при корпусном подходе к сбору и анализу речевого материала. Именно такую возможность предоставляют два корпуса русского языка: Национальный (НКРЯ)² и Звуковой (ЗКРЯ), особенно та его часть (блок «Один речевой день» — ОРД), которая фиксирует повседневную бытовую речь носителей русского языка в её наиболее естественной форме³. Корпусный подход обеспечивает фиксацию не только новых единиц, пополняющих лексикон современного носителя языка, но и новых значений (семантем) старых слов, и стилистические сдвиги, и возникновение у лексических единиц новых коннотаций, и изменение оценочных характеристик, и мн. др.

Анализ «верхушки» частотного словника Звукового корпуса русского языка⁴ показывает, что наиболее употребительными в нашей речи являются отнюдь не знаменательные (речевые), а *условно-речевые* функциональные единицы, к числу которых относят такие повторяющиеся в речи разных говорящих элементы, как служебные, вводные и дискурсивные слова. Входит в эту группу и конструкция *типа (того что)*, ставшая объектом внимания в настоящей работе.

В немногих словарных фиксациях *типа* описывается как частица в функции вводного слова, имеет помету *жарг. крим.* и определяется следующим образом: «Вроде, наподобие, как бы и т.п. ● Бессодержательный заполнитель пауз, “словесный мусор”, обычно встречается в несколько затруднённой, неразвитой речи, чаще у представителей криминального мира»⁵.

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: nvbogdanova_2005@mail.ru

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-04-12022 «Информационная словарная система “Язык мегаполиса”».

¹ Ларин 1977, 177.

² НКРЯ.

³ См. о нём подробнее: Богданова-Бегларян (ред.) 2013.

⁴ См., например: Богданова 2010.

⁵ Химик 2004, 608.

Однако в последнее время это словечко (вариант его письменной фиксации – *типо*) стало очень популярным в устной речи обычных (относительно не связанных с криминалом) носителей языка, особенно в речи молодежи. Кто-то из лингвистов даже выразил это так: «На смену поколению *как бы* пришло поколение *типа*». При этом употребление слова *типа* оказалось тоже весьма разнообразным и многозначным. Анализ материалов Звукового корпуса показал, что можно говорить почти о десятке его значений, из которых только два соответствуют семантике имени существительного (все нижеследующие примеры – из блока ОРД⁶):

- *что-то типа пробки там*;
- *известные артисты / речевики / типа Ираклия Андроникова / понятное дело*;
- *далее мы смотрим / (а-а) ... по сути дела сангвиник / да / можем дать характеристику / как психологи / сангвинического типа темперамента / да / что (...) чем он характеризуется*.

Остальные употребления данной формы далеки от значений имени существительного, а зачастую вообще асемантичны (хезитативны):

- *ну у нас там / вообще так тупо / элективный курс / да типа надо* (сравнительная частица, близкая к *вроде*)⁷;
- *и спросил / ну типа умеешь вообще кататься или нет? сидела за рулём?* (ксенопоказатель — частица, вводящая чужую речь⁸);
- *Дора / типа привет / *П у меня к тебе икурная тема *П Коля / и какая у тебя икурная тема ко мне? *П ну типа / *П причём разговаривает в каком-то таком стиле // *П красавица с накладными мозгами* (вербальный хезитатив; первое *типа* в этом тексте — типичный ксенопоказатель);
- *а какая-нибудь типа Ирочка Скорбеж это умеет делать?* (сравнительный союз в составе конструкции, характеризующей тот или иной объект, — N_i *типа* (N_i)), — иногда незаключенной: *то есть потеют сидят / а оно там типа ...*);
- *выпили там чего-то виски ... тынфу водку с колкой / типа повеселились* (пояснительный союз, близкий к *то есть*).

Отдельного внимания заслуживает конструкция *типа того*, выступающая в нашей повседневной речи в различных, часто дискурсивных, функциях, ср. примеры из устного подкорпуса НКРЯ.

1. Финальный маркер:

- [Сережа, муж, 34] *Потом юбилейный какой-нибудь будет концерт / типа того* [Разговоры на рынке (2008)];
- [Кристина, жен, 20] *Это уже как патефон / знаешь / типа того* [Праздничные разговоры (2006)];
- [№ 2, муж, 44] *Нет / говорили / что 30 суток / и что снесут с лица земли Ирак / типа того* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Санкт-Петербург) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

Из примеров видно, что, выполняя функцию финального дискурсивного маркера, исследуемая конструкция сохраняет и значение сравнения (см. выше о классе аппроксиматоров со значением подобия), свойственное частицам *вроде*, *как будто* и под., чьим аналогом в разговорной речи часто выступает и само слово *типа*.

2. Маркер согласия:

- [Таня, жен, 21] *Ещё один бонус*. [Сережа, муж, 34] *Ну-ну-ну / типа того. Да*. [Разговоры на рынке (2008)];
- [Дарья, жен, 19] *Думает о будущем может / смеётся* [Антон, муж, 19] *Да типа того. Ну / так не хочется это всё делать* [Телефонные разговоры московских студентов (2008)];
- [№ 1, жен, 18] *Они колесо придумали?* [№ 3, жен, 18] *Типа того*. [№ 2, жен, 18] *Типа того*. [Об учебе // Из материалов Ульяновского университета, 2007];
- [Игорь, муж, 15] *То / что мы с тобой не встречались?* [Эльвира, жен, 15] *Типа того*. [Игорь, муж, 15] *Понятно всё с тобой / девочка* [Ссора подростков (2007)].

Видно, что часто подобный маркер используется одновременно с другими, более распространёнными, маркерами выражения согласия — *да* и *ну*: *Ну-ну-ну / типа того. Да*; *Ну типа того*; *Да типа того*. В устной речи обнаруживается и синоним всей этой конструкции в данном значении — *вроде того*, ср.:

- [Оксана, жен, 17] *А родители на вас смотреть будут / подбадривать?* [Снежана, жен, 19] *Вроде того* [Оксана, жен, 17] // Из материалов Ульяновского университета, 2006].

3. Ксенопоказатель:

- [№ 2, муж, 21] *Слух / а ты там работала в тот день?* [№ 1, жен, 18] *Ну / типа того / как концерт?* [№ 2, муж, 21] *Понравился... за исключением Безпредела (даже не смотрел на них)...* [Разговор студентов о рок-концерте // Из коллекции Ульяновского университета, 2007];
- [Мать, жен, 54] *Я говорю / нет / я ему / он говорит / «Да / не выдвигали» / ну / типа того / тогда можно выдвинуть / понимаешь?* [Рассказ о работе (2006)];
- [В., жен] *Типа того / давайте гайзы/ come on / пишите в Москву* [Разговор о переводчиках // Из материалов Саратовского университета, 2000-2005];

⁶ Об особенностях орфографического представления материала в блоке ОРД см.: Шерстинова, Рыко, Степанова 2009.

⁷ Типа в этом значении В. И. Подлеская относит к классу маркеров-аппроксиматоров, которые, по её определению, используются при реализации в устной речи стратегии совмещения (в отличие от стратегии замещения). Эти маркеры «синтаксически обычно несамостоятельны, рекрутируются из неизменяемых слов или эволюционируют в неизменяемое слово». Они «обычно формируют единую составляющую вместе с выражением, которое ими «семантически обслуживается». Типичными аппроксиматорами являются, например, маркеры, восходящие к словам и конструкциям со значением подобия. Так, классическим аппроксиматором в английском языке является *like*; в известной работе Andersen 1998, было показано, что *like* может входить в любые типы групп — именные, глагольные, квантитативные и др. В русском языке так же ведут себя такие аппроксиматоры, как своего рода, типа, как бы и др.» (Подлеская 2013, 635). В другом месте своей работы В. И. Подлеская ещё раз подчёркивает, что «значения уподобления и аппроксимации неслучайным образом соседствуют на семантической карте» (там же, 637). Ср. также: «Речевая стратегия К. 6. [как бы. — Н. Б.-Б.] — это стратегия неуверенности в неопределённости» (Руднев 2013).

⁸ Ср.: «Одной из наиболее распространённых функций аппроксиматоров (и особенно дискурсивных слов, восходящих к конструкциям уподобления — так, такой, типа), является аппроксимативное введение чужой речи — в качестве сигнала о том, что говорящий не несёт полной ответственности за точность и возможные интерпретации цитируемого или просто считает часть информации, содержащейся в цитируемом фрагменте, контекстно избыточной. При этом цитирование возможно как в форме прямой, так и в форме косвенной речи» (Подлеская 2013, 637). См. ниже об употреблении в функции ксенопоказателя других вариантов этой дискурсивной единицы: типа того и типа того что.

- я говорю мама / которая всю / весь спектакль сидит в кресле инвалидном / *В заходит в платье вечернем такая / **типа того** что же она / она уже ходит (ОРД).

В устной речи и в этом значении обнаруживается синоним анализируемой конструкции — *вроде того*:

- [№ 3, жен. 58] *Вот / И говорят / что да нет / он этот новый / а / агрегат / но в общем / Вы не беспокойтесь **вроде того** [нрзб] [Беседа о домашнем хозяйстве // Из материалов Саратовского университета, 1975].*

Не менее интересной представляется и наиболее полная конструкция, содержащая форму *типа: типа того что*, которая выступает в спонтанной речи также в различных служебных функциях/значениях, иногда, надо сказать, плохо дифференцирующихся. См. ниже примеры из ОРД.

1. **Составной пояснительный союз** (формально — подчинительный, содержательно — сочинительный):

- он такой / я же сказал / надо () головой во все стороны крутить / чтобы шея / что / *В ну что / чтобы шея сломалась / **типа того что** не надо бояться;
- там мужик сидит уже такой ох...евший / на всё на это смотрит // *П ну вот // и там их(;) дочка сваливает / и тогда им всем кричит бл[...]дь / *П ну (...) **типа того что** говорит / ты аккуратней! там на лестнице мальчишка соседский / *П кожуру от бананов кидает иногда.

Стоит отметить, что в такой же функции способно выступать и изолированное *типа* (см. выше). Выстраивается, таким образом, своеобразная синонимическая цепочка: *типа – типа того (вроде того) – типа того что*. Новые формы в нашей речи не только возникают для выражения того или иного значения, но и начинают вступать в различные отношения друг с другом, т.е. становятся системными.

2. **Ксенопоказатель** (конструкция, вводящая чужую речь):

- ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // *П **типа того что** блин / *П *Х *П давайте общаться!
- и тут з... звонок в дверь / и Вальдемар заходит / **типа того что** кто такая? Вальдемар! *П где ты? / *П а поездка (э) в эту самую(;) / (э...э) в Новосибирск / он говорит / отменилась;
- (э...э) старая дева такая / ну(;) ну да // все вместе позаботимся // *В и тут же этот () вот этот () бухгалтер там / ну **типа того что** блин / (...) и рожать будешь / *П в Испании! *П а отдыхать будем / на Канарах блин!

Видно, насколько распространена эта конструкция в роли ксенопоказателя, по преимуществу в весьма «некультурной» речи. Любопытно, что сама эта конструкция часто употребляется со словом *блин* в постпозиции (в примерах подчёркнуто), которое в этих случаях играет роль своеобразной «орнаментальной» энклитики.

Видно также, что и в данном случае мы имеем дело с синонимическим рядом *типа – типа того (вроде того) – типа того что (вроде того что)*. Последнюю конструкцию в этом значении можно видеть в следующем примере:

- вот один из них спросил таким / *К *П так / это просто со странным немножко (...) отношением и взглядом / *П а зачем? *П ну **вроде того что** их интересует только живая / (...) музыка // живой фольклор // *П а с другой стороны / (...) инструменты ведь музыкальные / (...) тоже имеют / *П что-то в этом ...

Все эти единицы в равной степени способны вводить в повествование чужую речь. Вообще, создаётся впечатление, что класс ксенопоказателей в устной речи существенно шире того, что определён грамматиками и словарями литературного языка, и ещё ждёт своего детального исследования.

В целом из проведённого анализа видно, что только чуть более 18,0% всех употреблений в ОРД слова *типа* могут быть отнесены к имени существительному. Все остальные употребления носят откровенно незначительный характер и лежат полностью за рамками кодифицированного языка. Соответственно и описывать эту единицу логичнее в специальном словаре дискурсивных единиц⁹.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова Н. В. 2010: Частотный словарь ОРД — взгляд «с высоты птичьего полёта» // Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков: материалы XXXIX Междунар. филол. конф. / А. С. Асиновский, Н. В. Богданова (ред.). Вып. 23. СПб., 3–12.
- Богданова-Беглярян Н. В. 2012: О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог». / А. Е. Кибрик (гл. ред.). Вып. 11 (18). М., 71–83.
- Богданова-Беглярян Н. В. (ред.) 2013: Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание. СПб.
- Иомдин Л. Л. 2008: В глубинах микросинтаксиса: один лексический класс синтаксических фразем // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог-2008». М., 178–184.
- Ларин Б. А. 1977: О лингвистическом изучении города // Б. А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., 175–189.
- НКРЯ: Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorgpora.ru>.
- Подлеская В. И. 2013: Нечёткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (2013): в 2 т. / В. П. Селегей (ред.). Т. 1. Вып. 12 (19). М., 631–643.
- Руднев В. П. 2013: Словарь культуры XX века. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/edu/ref/rudnev/index.htm>.
- Химик В. В. 2004: Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.
- Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. 2009: Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. СПб., 66–75.
- Andersen G. 1998: The pragmatic marker *like* from a relevance-theoretic perspective // Discourse markers: Descriptions and theory / A. H. Jucker & Y. Ziv (Eds.). Amsterdam, 147–170.

⁹ См., например: Богданова-Беглярян 2012. Думается, что с учётом сделанных наблюдений эту конструкцию вполне можно отнести к числу «многозначных синтаксических фразем», о которых писал, в частности, Л. Л. Иомдин (см.: Иомдин 2008).

DISCURSIVE ITEM *TIPA (TOGO CHTO)*, IT'S FUNCTIONING IN ORAL TOKEN AND ALTERNATIVES OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION

N. V. Bogdanova-Beglarian

High activity of functioning a discursive item *tipa (togo chto)* in oral speech urges us to raise a question about the necessity its lexicographic fixation with all meanings and functions being established in our everyday speech.

Key words: oral speech, everyday speech, discursive item, verbal hesitative, speech corpus, grammar of speech

© 2014

Т. П. Вязовик

СОЧЕТАНИЯ ТИПА «ВОТ ЧТО» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Определяя лингвистический статус неоднословных местоимений с компонентом *вот* и исследуя особенности их лексикографического описания, автор приходит к выводу о том, что данные местоимения должны быть представлены в словарях как самостоятельные языковые единицы, а не как одно из значений частицы *вот*.

Ключевые слова: слово, неоднословные указательные местоимения, толковые словари, частица *вот*

Как известно, одним из принципов антропоцентрической парадигмы является экспансионизм, в ходе которого «фокус исследовательского внимания закономерно смещается с изученного центра на проблемную периферию»¹, появляются новые объекты исследования, а традиционные проблемы пересматриваются с новых позиций. Это в полной мере касается такого явления, как устойчивые сочетания слов, занимающие промежуточное место между фразеологическими единицами (ФЕ) и словами. Речь, в частности, идет о так называемых «неоднословных местоимениях», типа *вот что*, *вот почему* и др., с неизменно ударным «вот».

Применительно к целям и задачам лексикографического описания таких единиц необходимо определить их языковой статус, а значит, выявить признаки, позволяющие их рассматривать как особый тип слова, находящегося на периферии языковой системы.

Проблема слова — одна из самых запутанных. Ещё в 1925 г. М. Н. Петерсон писал: «Вообще удовлетворительного определения слова нет, да и едва ли можно его дать <...> слово — такое простое понятие, которому нельзя дать логического определения, а поэтому приходится пользоваться простым указанием или описанием»². Сегодня именно описание слова путём перечисления его дифференциальных признаков является наиболее распространённым.

Основные проблемы, которые стоят при этом перед исследователями, — это проблема делимитации слова, т.е. проблема определения его границ: с одной стороны, отграничения слова от морфем, с другой — от сочетания двух слов, и проблема идентификации слова, т.е. установление словесного тождества различных словоупотреблений³. При анализе конституирующих признаков слова, позволяющих решить эти проблемы (звуковое единство, структурная непроницаемость, морфологическая целостность слова, слово как потенциальный минимум предложения, идиоматичность значения, предметная соотнесённость слова и др.), выясняется, что ни один из них не является безусловным. Это позволяет утверждать, вслед за В. Г. Гаком, что при определении слова как языковой единицы и его границ важно учитывать три фактора, а именно — признание 1) наличия промежуточных и синкретических явлений; 2) существования разрыва набора признаков и разного их объёма в языковой системе и речи; 3) фактора системности⁴.

Наличие переходных случаев между словом и морфемой, с одной стороны, и между словом и сочетанием слов, с другой, отмечали многие авторитетные исследователи, например, Л. В. Щерба⁵. Более того, такие явления можно признать универсальными, так как они распространены и в других языках⁶. Учитывая это, сочетания ударной частицы «вот» и безударных вопросительно-относительных местоимений можно было бы рассматривать в рамках переходных явлений. Какими же свойствами слова они обладают?

Первое, на что необходимо обратить внимание, — это особенность фонетической одноударности, природа которой кроется в процессе грамматикализации логического ударения на частице *вот*, поскольку именно это ударение дифференцирует сочетания частицы с «к-местоимениями»⁷ и непосредственно «неоднословные» местоимения⁸. Ср. «Вот что случилось?» — «ВОТ что случилось»: ударение на вопросительном местоимении свидетельствует о том, что перед нами сочетание частицы и вопросительного местоимения, в то время как ударение на частице является знаком того, что вопросительное местоимение вместе с частицей перешло в разряд указательных местоимений, синонимичных указательному *это* («ВОТ что/это случилось»).

Вязовик Татьяна Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Северо-Западного института печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. E-mail: samolva@list.ru

¹ Воркачёв 2001, 64.

² Петерсон 1925, 23.

³ Ярцева 1990, 465.

⁴ Ярцева 1990, 466.

⁵ Щерба 1915, 75.

⁶ Гак 1971; Жирмунский 1976.

⁷ Исаченко 1965, 163.

⁸ Вязовик 1980.

Согласно структурному аспекту, слова, как известно, обладают непроницаемостью. Надо признать, что у данных местоимений непроницаемость может нарушаться, причём не только отдельным словом, но и целым высказыванием. Например: «Вот, оказывается, что случилось» или «Вот, как мне кажется, что произошло». При этом разрушают непроницаемость, преимущественно, вводные структуры, призванные усилить субъективную оценку, содержащуюся в самом местоимении (о субъектном значении местоимений писали многие исследователи, например А. М. Пешковский⁹). Однако разрушение непроницаемости встречается и у традиционных русских местоимений, например у отрицательных, стоящих в косвенных падежах, типа *ни от кого* и др., на что указал ещё В. В. Виноградов¹⁰.

Обращение к морфологическому критерию, в основе которого признание за словом цельнооформленности, на чём настаивал А. И. Смирницкий как на ведущем признаке слова¹¹, свидетельствует, что данные местоимения, несмотря на раздельное написание их частей, в определённой степени отвечают и этому требованию, так как при изменении данных сочетаний изменяется только окончание базового компонента: *вОт что-вОт чего-вОт чему* и др.

Что касается синтаксического критерия, то он реализуется специфически — в форме нечленяемых предложений (слов-предложений, коммуникативов, релятивов). Сравним: «Вот что. <Я завтра отменяю встречу>». Данная единица вполне может рассматриваться в качестве нечленяемого предложения, так как её смысл становится очевидным лишь в контексте. Эта функция пересекается со значением местоимений, которое контекстно или ситуативно обусловлено.

Местоимения с частицей *вот*, согласно семантическому критерию, обладают идиоматичностью значения, поскольку их общее значение (указательное местоимение) не является суммой отдельных значений указательной частицы *вот* и «к-местоимений» — вопросительных или относительных.

Сложнее решается проблема тождества слова, в частности, тот её аспект, который касается вопроса о принадлежности разных грамматических форм одному слову. Эта проблема актуальна по отношению к «нормальным» словам, т.е. словам, имеющим постоянный денотат: если различные формы слова могут указать на тот же объект (референт), то они образуют одно слово. Что касается местоимений, в частности, указательных, то в этом случае актуальным будет второй аспект — решение вопроса о принадлежности звукового комплекса одному слову в связи с его отграничением от омонимии.

Омонимия — распространённое явление, отражённое и в словарях неполнозначных слов, и в толковых словарях, и в словаре эквивалентов слов Рогожниковой. Так, Р. П. Рогожникова отмечает, что «*Вот что*: выступает как местоимение, как частица, как междометие»¹².

Как же описываются сочетания ударной частицы *вот* с «к-местоимениями» в толковых словарях русского языка? Надо признать, что в таких словарях их рассматривают как одно из значений частицы *вот*. Однако трактовки этих значений в разных словарях далеко не одинаковы. Можно выделить несколько вариантов.

Согласно первому частица *вот* в таких сочетаниях усиливает и уточняет расположенные рядом местоимённые слова. Например, в двадцатитомном академическом Словаре читаем: «В сочетаниях с местоимениями и местоимёнными наречиями употребляется для уточнения и усиления их значения (с логическим ударением на частице *вот*): *Вот в чём вопрос. Вот что я вам скажу. Вы вот что сделаете...*»¹³. Такая же интерпретация этому значению даётся в Малом академическом словаре¹⁴, Большом толковом словаре¹⁵, в Словаре русского языка XVIII в.¹⁶ и ряде других.

Вместе с тем очевидно, что в сочетаниях этого типа частица *вот* не «усиливает» и не «уточняет» значение вопросительных местоимений, но кардинально меняет их семантику, преобразуя относительно-вопросительные местоимения в разряд указательных, чему способствует акцентологическое выделение частицы. Тем самым она теряет лексическую самостоятельность, приближаясь к морфемам. Особенно ярко это проявляется в вопросно-ответных конструкциях. Например: «[Катерина:] *Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную...* [Кабанов:] *Какую клятву?* [Катерина:] *Вот какую: чтобы не смея я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видаться*»¹⁷.

Несмотря на эти интерпретационные недостатки, фиксируемые словарями значения усиления и уточнения, которые приобретают местоимения, включающие в свой состав частицу *вот*, имеют несомненную научную ценность, поскольку обращают внимание на свойственную этим местоимениям экспрессивность, появляющуюся в результате грамматикализации логического ударения на частице.

Второй вариант интерпретации подобных сочетаний отражён в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «В сочетании с последующими вопросительными местоимениями <...> придаёт им смысл указания на что-н., находящееся перед глазами или непосредственно последующее или предшествующее (причём ударение падает на *вот*, а местоим. и нареч. произносятся без ударения): *Вы вот что сделайте: помажьте рану иодом и забинтуйте. Так вот где таилась погибель моя!*»¹⁸. Такое же значение частицы фиксируется в Словаре В. В. Лопатина¹⁹.

Как видим, речь идёт о том, что вопросительные местоимения в сочетаниях с частицей *вот* преобразуются в указательные. Более того, в Словаре зафиксированы две основные функции указательных местоимений — дейктическая (указывает на «находящееся перед глазами») и анафорическая функция (указывает на «непосредственно предшествующее или последующее»). При такой трактовке частица *вот* меняет семантику местоимения, превращаясь из служебной части речи в служебную морфему.

⁹ Пешковский 1938, 163

¹⁰ Виноградов 1972, 14–15.

¹¹ Смирницкий 1988, 253.

¹² Рогожникова 1991, 7.

¹³ Горбачевич (ред.) 2, 1991, 510.

¹⁴ Евгеньева (ред.) 1, 1985, 219.

¹⁵ Кузнецов (ред.) 1998, 153.

¹⁶ СРЯ XVIII в. 4, 1988, 103.

¹⁷ БАС 2, 1952, 74.

¹⁸ Ушаков (ред.) 2009, 124.

¹⁹ Лопатин 2011, 86.

Наконец, в Словаре С. И. Ожегова и в словарях Н. Ю. Шведовой²⁰, при интерпретации значения частицы *вот*, авторы исходят из того, что в данных сращениях *вот* является не частицей, а местоименным наречием. При этом данное наречие придаёт всему сочетанию «смысл подчёркнутого указания на что-н. в соответствии с их значением. *В. что я тебе скажу. В. какой вопрос. В. в чём вопрос. В. какое дело. В. куда попал.*»²¹. Однако, невзирая на трактовку *вот* (частица, наречие), его роль в данных сращениях неизменна: оно является структурным элементом указательного местоимения. Представляет интерес тот факт, что автор отмечает и значение указания, отмеченное в Словаре Ушакова, и функцию усиления («подчёркнутое указание»), фиксируемую большинством толковых словарей.

Таким образом, несмотря на то, что данные единицы описываются в словарных статьях, посвящённых частице *вот* как одно из её значений, сам характер описания свидетельствует о том, что речь идет о самостоятельном «неоднословном» местоимении, требующем отдельной словарной статьи, как это делает, хотя и непоследовательно, автор словаря так называемой «периферийной» лексики (неполнозначных слов, наречий, местоимений)²².

ЛИТЕРАТУРА

- БАС 1952*: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 2. / В. И. Чернышёв (ред.) М.; Л.
Виноградов В. В. 1972: Русский язык: (грамматическое учение о слове). М.
Воркачёв С. Г. 2001: Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 1, 64–72.
Вязовик Т. П. 1980: Указательные местоимения, включающие в свой состав частицу ВОТ // Русский язык в школе. 1, 82–86.
Гак В. Г. 1971: От толкового словаря к энциклопедии языка (Из опыта современной французской лексикографии) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6, 524–530.
Горбачевич К. С. (ред.) 1991: Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 2. М.
Евгеньева А. П. (ред.) 1985: Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.
Жирмунский В. М. 1976: Общее и германское языкознание. М.
Исаченко А. В. 1965: О синтаксической природе местоимений // Проблемы современной филологии / М. Б. Храпченко (ред.). М., 159–167.
Кузнецов С. А. (ред.) 1998: Большой толковый словарь русского языка. СПб.
Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. 2011: Толковый словарь современного русского языка: ок. 35 000 ед. М.
Ожегов С. И. 2010: Словарь русского языка: ок. 53 000 ед. / Л. И. Скворцов (ред.). М.
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 2010: Толковый словарь русского языка: ок. 80 000 ед. М.
Петерсон М. Н. 1925: Русский язык: пособие для преподавателей. М.; Л.
Пешиковский А. М. 1938: Русский синтаксис в научном освещении. М.
Рогожникова Р. П. 1991: Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства. М.
Смирницкий А. И. 1988: К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») // История советского языкознания. Хрестоматия / Ф. М. Березин (ред.). М., 247–256.
СРЯ XVIII в. 1988: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. / Ю. С. Сорокин. Л.
Ушаков Д. Н. (ред.) 2009: Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 ед. М.
Щерба Л. В. 1915: Восточно-лужицкое наречие. Т. I. Пг.
Ярцева В. Н. (ред.) 1990: Лингвистический энциклопедический словарь. М.

A COMBINATION OF INTERROGATIVE PRONOUNS AND DEMONSTRATIVE PARTICLE “VOT” (THAT) IN RUSSIAN DICTIONARIES

T. P. Vyazovik

The article considers the problem of determining the linguistic status of multiword pronouns with the component “vot” (that) and especially their lexicographic description. The author believes that such pronouns must be submitted in dictionaries as independent linguistic units, rather than as one of the values of the particle “vot”.

Key words: word, multiword demonstratives, dictionaries, particle “vot”

²⁰ Ожегов 2010, 71; Ожегов, Шведова 2004, 100.

²¹ Ожегов 2010, 71.

²² Рогожникова 1991, 56–60.

© 2014

Е. А. Морозов

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА *ВЕДЬ* И *DOCH*: ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (на материале словарей современного русского и немецкого языков)

Автор анализирует роль дискурсивных слов *ведь* и *doch* в русском и немецком языках, рассматривает этимологию вышеуказанных частей, предпринимает попытку их семантического анализа.

Ключевые слова: слова-паразиты, дискурсивные слова, частицы, семантический анализ

Лингвистический вирус, слово-паразит, дискурсивное слово. На первый взгляд, данные термины имеют отрицательную коннотацию и не несут в языке особой смысловой нагрузки. При этом они являются неотъемлемой составляющей устной разговорной речи. Их важность и обязательность находит отражение и в диалогических изысках героев художественной литературы.

Как учёные-лингвисты, так и обыватели склонны утверждать, что слова-паразиты загрязняют нашу речь. «Лишние» слова *типа, как бы, это самое, собственно, ну, так сказать, вот, ведь, как сказать, в общем-то, понимаешь, а именно, на этом, это* свидетельствуют о недостаточно развитой речевой культуре. Это снижает рейтинг человека, каким бы делом он ни занимался. Речь, сопровождаемая подобного рода единицами, становится невыразительной, рваной, нестройной. Синтаксически большинство «слов-паразитов» являются вводными словами.

Использование подобных слов — свидетельство всё большего погружения нашего населения в виртуальную реальность. Языковая единица *как бы*, а также популярное словечко *типа* подчёркивают, что в описываемом действии или явлении с говорящего снимается ответственность за достоверность излагаемого, а также помогают субъекту речи подготовить для себя «пути отступления». Хотя, например, то, о чём рассказывается при предварительном употреблении сочетания *на самом деле*, может ещё в какой-то степени претендовать на реальное существование.

Но эти слова выполняют и другую функцию — они могут использоваться для обеспечения связности текста и выступают в этом случае в роли дискурсивов. Подробно рассмотрел значение дискурсивных слов в речи доктор филол. наук В. Плулган. По его мнению, «дискурсивными в узком смысле называют особую группу слов: не существительных, не глаголов, не прилагательных, не, так сказать, основное ядро, несущее главную нагрузку в передаче смыслового задания, а такие вот маленькие, непонятные, очень трудно переводимые словечки»¹. И эти почти слова-паразиты на самом деле совершенно необходимы и автору, и адресату речи: они помогают строить дискурс или, как ещё говорят лингвисты, обеспечивают связность текста.

Анализируя устную разговорную речь, исследователи выделяют такие единицы, которые выступают ещё дискурсивными маркерами. Семантике различных дискурсивных маркеров в последнее время уделяется большое внимание. Но следует отметить, что данный класс слов (да ещё в контексте нескольких языков) остаётся малоизученным. Хотя лингвистами (Ю. В. Дараган, Е. А. Земская, О. Б. Сиротинина и др.) и предпринимались попытки описания и классификации этих слов, до сих пор нет устоявшегося научного термина для обозначения дискурсивных слов. После того, как в конце 1960-х — начале 1970-х гг. повысился интерес к спонтанной речи и, в частности, к явлениям речевого колебания, в литературе появился ряд терминов — «незнаменательная лексика», «лишние слова»², «пустые частицы»³, «слова-паразиты»⁴.

Дискурсивные слова (или дискурсивные маркеры) — единицы, которые не имеют реального лексического значения, но обладают важной функцией — формировать структуру речи, передавая намерения говорящих и отражая контроль над ментальными процессами адресата. Проводя анализ речи того или иного героя/персонажа, можно судить о его возрасте (ребёнок/взрослый), характере (категоричность/некатегоричность, решительность/робкость), профессии (работники госучреждений и т.д.).

К дискурсивным словам относятся и частицы с ограничительной семантикой *ведь* и *doch* в русском и немецком языках. На их примере представляется возможным проследить некоторые общие тенденции в судьбе и в функционировании дискурсивов, учитывая этимологическую составляющую этих слов, определяя их происхождение, роль и взаимосвязь в анализируемых языках.

Ведь. Это слово в современном русском языке характеризуется несколькими семантическими и функциональными проявлениями (см. предлагаемые интерпретации данной лексемы в словарях)⁵. Несмотря на имеющиеся расхождения в трактовках данного слова, совершенно очевидно, что частица *ведь* служит для обоснования непосредственно предшествующей мысли (*Мы завтра идём в театр. Я ведь тебе об этом говорил*).

Слово **вѣдь** ('знание, познание') было зафиксировано в словаре 1994 г. под редакцией Р. М. Цейтлин, где описывается старославянская лексика X–XI вв.⁶ Позднее, проникнув в древнерусский язык, это слово обрело дополнительные значения, что отразилось в исторических словарях русского языка. Так, в СРЯ XI–XVII вв. значения 'провидение', 'промысел', 'чудодейственная сила' подтверждаются примерами из памятников XII–XIII вв.⁷; значения 'колдовство', 'чародейство', 'знахарство' иллюстрируются фрагментами из произведений XV–XVI вв.⁸ К этому же периоду относятся случаи, когда **вѣдь**

Морозов Евгений Александрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: buddenbroki@mail.ru

¹ Плулган 2013.

² Сиротинина 1971, 71, 73.

³ Розанова 1983, 55–65.

⁴ Дараган 2002, 114–127.

⁵ МАС 1985, 145.

⁶ Цейтлин 1994, 164.

⁷ СРЯ XI–XVII вв. 2, 1975, 50.

⁸ СРЯ XI–XVII вв. 2, 1975, 50.

означает 'знание, сведение'⁹. Примерно в XVI в. в старорусском языке у существительного **вѣдь** появляются омонимы: **вѣдь** — частица со значением 'же' и **вѣдь** — противительный союз со значением 'а'¹⁰.

В словарях XX–XXI вв. представлена более развёрнутая семантическая структура слова *ведь*. У него отмечено 9 значений. Проанализировав их, мы констатируем, что существительное *ведь* утрачивает самостоятельность, слово переходит в разряд незначительных частей речи, ср.: 1) *союз разг.* Употр. при присоединении предложения, в котором указывается причина или обоснование предыдущего высказывания; 2) *союз разг.* Употр. при выражении уступительности; соответствует по значению сл.: «хотя», «несмотря на то что»; 3) Употр. при выражении предположительного или возможного условия; 4) *частица разг.* Употр. при подчёркивании чего-л. сказанного или при противопоставлении сказанного чему-л. другому; 5) Употр. *ведь* в сочетании с противительными союзами: «но», «а», «даже», при этом усиливается их смысл; 6) После условного предложения *ведь* означает 'тогда', 'в таком случае'; 7) Указывает на утверждение, из которого в дальнейшем делается вывод; 8) В разг. речи *ведь* придаёт эмоциональную окраску высказыванию; 9) В вопросительных и восклицательных предложениях *ведь* означает 'неужели не?', 'разве не?'¹¹. В отдельных случаях слово *ведь* остаётся лишь элементом других слов (*заповедь, ведать*). К сожалению, современные словари игнорируют переход слова *ведь* из категории существительных в категорию незначительных частей речи, никак не отражая эту информацию. При этом *ведь* часто выступает как слово-скрепа. И данная его функция остаётся наиболее востребованной.

Таким образом, можно заключить, что попавшее в словари слово *ведь* как существительное, связанное со словами *ведать, ведение, знание*, утрачивает своё первичное значение. Встречаясь в речи в роли частицы, *ведь* чаще всего употребляется как реплика-реакция, приобретает сильную эмоциональную окраску, никоим образом не являясь словом-паразитом. При этом данное слово практически всегда несёт смысловую нагрузку, выражая усиление, вопрос, возмущение.

Doch. Как и слово *ведь*, слово *doch* имеет также несколько значений. Но если для *ведь* производным являлось существительное **вѣдь**¹², то этимологом для *doch*, согласно этимологическому словарю немецкого языка Duden, было пришедшее из древневерхнемецкого языка (VIII в.) и выступающее в качестве наречия/союза слово *hauh*¹³. Уже тогда оно содержало в своём значении сему 'указание на какой-л. заведомо известный факт', т.е., как и русское слово *ведь* (от *ведать*) было связано с понятием о знании чего-л. (ср. *er ist doch sehr unglücklich — он ведь очень несчастен*)¹⁴.

Современные толковые словари немецкого языка выделяют несколько значений слова *doch*. Тот же Duden отмечает: «*doch* 1) gibt einer Frage, Aussage, Aufforderung oder einem Wunsch eine gewisse Nachdrücklichkeit (придаёт настоятельность/убедительность высказыванию); 2) drückt in Ausrufesätzen Entrüstung, Unmut oder Verwunderung aus (в восклицательных предложениях выражает негодование, неудовольствие, удивление); 3) drückt in Fragesätzen die Hoffnung des Sprechers auf eine Zustimmung aus (в вопросительных предложениях выражается надежда говорящего на согласие); 4) drückt in Fragesätzen aus, dass der Sprecher nach etwas Bekanntem fragt, was ihm im Moment nicht einfällt (в вопросительных предложениях, где говорящий интересуется определённым лицом или свершившимся событием, но ему что-л. остаётся неизвестно (о лице или о ходе данного события): *Wie heißt er doch gleich?*; *Wie war das doch?*)¹⁵.

В Большом словаре немецкого языка¹⁶ значения лексемы *doch* рассматриваются более подробно. Здесь можно найти перечень конкретных случаев употребления *doch* и описание его значения как вклада, который он вносит в семантику предложения. В разных речевых ситуациях данное слово может выступать как союз, наречие или частица. Причём как у союза выделяет у него лишь одно значение, как у частицы — два. Каждый раз интонационная составляющая играет решающую роль. Функция усиления установки говорящего и способствование преодолению существующего в момент речи противоречия совпадает со значением, которое описывается в словаре Duden. Наибольший интерес представляет использование *doch* в риторических вопросах для выражения уверенности в знании какой-л. информации (напр. *Du warst doch schon mal hier, nicht wahr?*; *Das war doch so, oder?*). Кроме того, в повествовательных предложениях *doch* может выражать сомнение или использоваться для привлечения внимания, в побудительных — репрезентировать упрек либо требование. В восклицательных предложениях *doch* отображает удивление, возмущение либо срочное, но невыполнимое желание.

Теперь на некоторых примерах из художественной литературы, взятых из Национального корпуса русского языка¹⁷, проследим, как реализуется дискурсивность слов *doch* и *ведь* при переводе, когда *doch* ведёт себя аналогично русской частице *ведь* в случае введения в речевую ситуацию некоторого аргумента «против» установки или поведения слушающего. Актуализационный статус высказывания с *ведь* отличается, однако, возможным варьированием признака «известность информации». Отметим, что слова *doch* и *ведь* «переросли» свой «паразитизм» и несут определённую смысловую нагрузку в контексте, ср.: — *Ich will den Bastard aus dem Haus haben. — Aber warum denn, liebe Frau? — sagte Terrier und fingerte wieder in dem Henkelkorb herum. Er ist doch ein allerliebtes Kind. Er sieht rosa aus, er schreit nicht, er schläft gut, und er ist getauft.* [Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985).] — *Я не хочу держать ублюдка в своём доме. — Но почему же, моя милая? — сказал Террье и снова поворотил пальцем в корзину. — Ведь дитя очаровательное. Такое розовое, не плачет, спит спокойно, и оно крещено.* [Патрик Зюскинд. Парфюмер: История одного убийцы (Э. Венгерова, 1992).] В данном примере при помощи слов *ведь* и *doch* подчёркивается уверенность говорящего, высказыванию придаётся убедительность.

Другой пример: — *Na ja, — meinte der Mann, aber du bist doch ein Kind — wie alt bist du eigentlich?* [Michael Ende. Momo (1973).] — *Конечно, — сказал человек, — но ведь ты ребёнок. Сколько же тебе лет?* [Михаэль Энде. Момо (Ю. И. Коринец, 1982).] В данном примере слова *ведь* и *doch* выражают надежду говорящего на согласие собеседника.

⁹ СРЯ XI–XVII вв. 2, 1975, 50.

¹⁰ Срезневский 1, 1893, 479.

¹¹ БТС 2000, 115; Ефремова 1, 2000, 154; Ожегов 2003, 70; Ушаков 1, 1935, 239.

¹² Цейтлин 1994, 164.

¹³ Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache 2000–2013.

¹⁴ Мультигран 2003.

¹⁵ Duden 2013.

¹⁶ Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache 2009.

¹⁷ Далее все ссылки даются из НКРЯ 2003–2014.

Иногда посредством частицы *doch* репрезентируют негодование или неудовольствие: *Schon wieder? Du hast doch erst gestern eine gehabt! — Nicht gestern.* [Erich Maria Remarque. *Der schwarze Obelisk* (1956).] — «*Опять? Ведь тебе только вчера повысили!*» — «*Не вчера.*» [Эрих Мария Ремарк. Чёрный обелиск (В. Станевич, 1961).].

Кроме того, в Национальном корпусе русского языка представлено большое количество обратных примеров, когда при переводе русского вводного слова *ведь* на немецкий язык используется частица *doch*.

Итак, проанализировав значения и примеры употребления в речи слов *ведь* и *doch*, мы можем констатировать, что данные единицы коренным образом изменили своё первоначальное значение, перейдя из знаменательных в незнаменательные части речи. Вероятно, это обстоятельство способствовало тому, что со временем анализируемые лексемы попали в разряд слов-паразитов. Но исходя из смыслов современных контекстов, в которых фигурируют *ведь* и *doch*, также сегодня можно утверждать, что они полноценные дискурсивные маркеры, играющие роль усилителя в речи и передающие соответствующую эмоцию. Перспективность дальнейшего исследования заключается в том, чтобы проанализировать и определить не только количество значений, но и синтаксических позиций, которые данные лексемы могут занимать в предложении. Проведённый нами анализ поможет избежать ошибок при использовании этих слов, к примеру, в рекламных текстах и снять трудности при переводе слов-дискурсивов с русского на немецкий язык и, наоборот, с немецкого языка на русский.

ЛИТЕРАТУРА

- БТС 2000: Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов (ред.). СПб.
 Дараган Ю. В. 2002: Риторическая структура текста и маркеры порождения речи // Труды междунар. семинара «Диалог 2002» по компьютерной лингвистике и её приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино, 114–127.
 Ефремова Т. Ф. 2000: Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1. М.
 МАС 1985: Словарь русского языка: в 4 т. / А. П. Евгеньева (ред.). Т. 1. М.
 Мультиран 2003: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.multiran.ru/c/m.exe?a=3&s=doch&sc=0&l1=3&l2=2>.
 НКРЯ 2003–2014: Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorp.ru/index.html>.
 Ожегов С. И. 2003: Словарь русского языка: ок. 53 000 слов. М.
 Плунгян В. 2013: Дискурсивные слова. 7 фактов о богатстве значений слов-паразитов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://postnauka.ru/faq/8572>.
 Розанова Н. Н. 1983: Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. М., 55–65.
 Сиротинина О. Б. 1971: Современная русская разговорная речь и её особенности. М.
 Срезневский И. И. 1893: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 1.
 СРЯ XI–XVII вв. 1975: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М.
 Ушаков Д. Н. (ред.) 1935: Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.
 Цейтлин 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова (ред.). М.
 Duden 2013: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.duden.de/rechtschreibung/doch_Partikel#Bedeutung1.
 Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache 2000–2013: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://etymology.de.deacademic.com/2153/doch>.
 Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache 2009: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://de.thefreedictionary.com/doch>.

DISCOURSE WORDS *VED'* AND *DOCH*: SEMANTIC ANALYSIS EXPERIENCE (based on the dictionaries of contemporary Russian and German languages)

E. A. Morozov

The role of discursive words *ved'* and *doch* in the Russian and German languages is analyzed in this article. The etymology of these particles is considered, an attempt of their semantic analysis is taken.

Key words: filler-words, discursive words, particles, semantic analysis

© 2014

Т. Н. Пермякова

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ СОЮЗОВ И СОЮЗНЫХ СКРЕП В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (на примере союзной скрепы *коль скоро*)

В статье рассматриваются принципы описания союзов и союзных скреп в отечественной лексикографии, а также проблемы, связанные с представлением незнаменательной лексики в толковых словарях.

Ключевые слова: лексикографическое описание, союз, многозначная союзная скрепа, структура словарной статьи

Создание толковых словарей, которые дают интерпретацию единиц языка, — дело очень сложное, трудоёмкое, поскольку задачей таких словарей является максимально полное отражение состояния языка на определённом этапе его развития.

Пермякова Татьяна Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: uchi70@mail.ru

Одной из актуальных проблем современной лексикографии является интерпретация служебного слова. Тот факт, что служебные слова, в частности союзы, являются полноправными объектами лексикографического описания, т.е. единицами толкового словаря, уже ни у кого не вызывает сомнения.

Лексикографическое описание союзов в различных толковых словарях базируется на как бы уже реально построенной синтаксической классификации данных единиц (традиционно выделяют сочинительные союзы: соединительные, противительные, сопоставительные и т.д.; подчинительные: изъяснительные, временные, сравнительные и т.д.). Между тем до сих пор обоснованной семантической классификации союзов не существует, что, впрочем, неудивительно, поскольку её создание тесно связано с определением лексического значения данных единиц.

Как правило, в лексикографических работах и словарных статьях толковых словарей русского языка с большей или меньшей обстоятельностью описываются простые непроемные служебные слова. Большая же часть производных или составных служебных слов либо вообще не представлена в словаре, либо их описание не отражает современного состояния языка. На наш взгляд, создавая ситуацию свидетельствует не только о непоследовательности в лексикографической интерпретации незначительных единиц, но и о слабой теоретической разработанности проблем незначительной фразеологии.

Поэтому цель данной статьи — на примере союзной скрепы *коль скоро* проанализировать принципы описания союзов и союзных скреп в отечественной лексикографии и выявить проблемы, связанные с интерпретацией данных единиц толковыми словарями русского языка; определить, какие компоненты должны включать в их лексикографическое описание.

Описание союзной скрепы *коль скоро* встречается в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой¹, в Словаре русского языка в 4-х томах² (далее МАС), в Словаре русского литературного языка в 17-ти томах³ (далее БАС), а также в «Словаре эквивалентов слова» Р. П. Рогожниковой⁴. Во всех перечисленных словарях авторы при описании *коль скоро* используют синонимический способ толкования. Заметим, что, с точки зрения традиционной семантической классификации союзов, синонимические ряды, с помощью которых объясняется данная единица, являются дефектными. БАС и Ожегов толкуют скрепу *коль скоро* как однозначное слово, однако, синонимические ряды неодинаковы: БАС объединяет в ряд синонимов условный и временной союз — *если, как только*, Ожегов — условный и причинный — *если, поскольку*. МАС и Р. П. Рогожникова интерпретируют эту языковую форму как многозначное слово. Отсюда вытекает новая проблема — проблема интерпретации лексического значения многозначного союза, которая является актуальной, в том числе и в лексикографии. Но, к сожалению, теоретически эта проблема проработана слабо. Считается, что термин «многозначность» трансформируется при переносе со знаменательного на незначительное слово. Действительно, если один лексико-семантический вариант описывает условные отношения, а другой — временные, можно ли считать, что не меняется значение термина «полисемия»? Словарные дефиниции отражают, как правило, интуитивное ощущение исследователей: какое значение основное, а какое — производное.

В решении этой проблемы большую ценность имеет опыт семантической интерпретации многозначного предлога *среди*, принадлежащий Г. Е. Крейдлину⁵, который описывает значение слова не с помощью синонимического ряда, а выявляя семы, в том числе и интегрирующую для всех вариантов слова. Мы также попытаемся определить основное и производные значения в семантике скрепы *коль скоро*. Хотя исчерпывающего анализа семантики русских союзов нет, всё же мы можем у многих союзов выделить основное значение и неосновное (производное).

Если при этом союз или союзная скрепа имеет несколько значений, то отнесение его к определённом семантическому классу согласуется с частичным упорядочиванием значений в пределах словарной статьи толкового словаря: в словарях сначала всегда идёт описание исходного значения, а затем уже производных.

Все словари в семантике союзной скрепы *коль скоро* выделяют условное значение и ставят его на первое место. На втором месте оказываются причинная семантика и временная. В отличие от авторов словарей, мы однозначно на вопрос, какое из значений первично, условное или причинное, пока ответить не можем. С одной стороны, несомненно, что важную роль в формировании условного значения у союза *коль скоро* играет его внутренняя форма: данная единица образована от собственно условного союза *коль/коли* и наречия *скоро*. С другой стороны, если сопоставить частотность употребления этого союза в высказываниях с условной и причинной семантикой, то мы увидим, что контексты с причинными отношениями в нашей выборке встречаются чаще (примерно 68 %).

Как показывает анализ лексикографических источников, интегрирующей семой всех лексико-семантических вариантов *коль скоро* является значение обусловленности⁶. Это объясняется тем, что некоторые компоненты этого значения (такие, как причины и условия) по своей «природе» близки, а именно они являются производными для данной скрепы. Например: ... *А срок этот составит 30 дней или, возможно, даже больше — власти готовы войти в положение автовладельцев и смягчить условия поощрения задолженности, коль скоро (если/при условии что) последняя возникла из-за нерасторопности госструктур в лице ГИБДД и налоговых инспекций*⁷.

Ср.: *Но конструкторам такие детали без надобности, коль скоро (потому что/так как/поскольку) они не вписываются в их стройную версию*⁸.

При решении проблем лексикографического описания союзов и союзных скреп может возникнуть вопрос о составляющих этого самого описания. На наш взгляд, оно может включать следующие компоненты. Во-первых, в приведённых выше

¹ Ожегов, Шведова 1995, 277.

² Евгеньева (ред.) 2, 1999, 73.

³ Чернышёв 1956 (ред.) 5, 1158.

⁴ Рогожникова 2003, 199.

⁵ Крейдлин 1994, 19–27.

⁶ Под обусловленностью подразумевается такой тип синтаксических отношений, при котором ситуации, описываемые в предложении, находятся в зависимости одна от другой, т.е. обуславливаемое (обусловленное) не существует без обуславливающего. Такие предложения выражают отношения причины, цели, условия, уступки, следствия; в целом их принято называть отношениями обусловленности, или обуславливающими отношениями (см. Евтюхин 1996, 138–174); применительно к сложноподчинённым предложениям (см. Шведова 1970, 710–727; Ляпон 2, 1980, 562–602).

⁷ Новые Известия 06.02.2004.

⁸ Грани.ру 27.01.2014.

примерах мы произвели замену *коль скоро* на синонимичные условные и причинные союзы. Нам представляется возможным из такого факта замены выстроить синонимические ряды, которые должны стать одним из компонентов словарной статьи в качестве дополнительного средства обозначения семантических отношений.

Во-вторых, в словарную статью могут быть введены описания сочетаний союза и коррелята. В нашей выборке встречаются контексты, в которые, чтобы снять неоднозначность интерпретации отношений между явлениями, говорящий вводит корреляты *значит, следовательно*.

Вообще считается, что использование данных коррелятов помогает актуализации смысловых отношений в высказываниях. Они участвуют в оформлении синтаксической связи между частями сложного предложения и, по мнению некоторых учёных, являются модификаторами и конкретизаторами базовых союзов, образуя с ними союзные соединения, т.е. «являются интенсификаторами — усилителями степени признака»⁹.

Рассмотрим высказывания, оформленные при участии собственно условного союза *если* и коррелятов *значит, следовательно* и сравним их с высказываниями с союзной скрепой *коль скоро* и теми же коррелятами: *Если Филипп Петрович так поступил, значит иного выхода не было (А. Фадеев); Если сразу не приехал, значит, не так уж стремился к сыну (К. Симонов)*.

При введении коррелята *значит* условная семантика нейтрализуется: **Коль скоро у некоего коллектива есть своя история, *коль скоро* эта история древняя, *значит*, он — нация, и он имеет право на всякие политические проявления**¹⁰.

В контексте с коррелятом мы не наблюдаем возможности выбора из двух предполагаемых явлений, в таком высказывании мыслится лишь одно реальное событие: *коль скоро у коллектива есть история = история есть*; соответственно: ***значит, он — нация и имеет право на политические проявления***. Таким образом, отношения в высказывании интерпретируются однозначно как отношения причины.

В-третьих, очень значимо, что в современной лексикографии концептуальной является мысль о том, что в семантическую структуру слова должен входить и прагматический компонент, что, к сожалению, не нашло пока отражения в толковых словарях.

Мы полностью согласны с точкой зрения М. В. Ляпон, которая считает, что в словарную дефиницию незнаменательного слова необходимо, помимо базовой семы, включить прагматическую информацию: «Обработка информации происходит под давлением фактора адресата, что подтверждает представление о тексте как о таком лингвистическом феномене, который предполагает наличие истолкователя, т.е. по самой своей природе рассчитан на интерпретацию. Говорящий уже в дотекстовом состоянии прогнозирует возможную реакцию адресата и заранее откликается на неё, предотвращает или отвергает неадекватное толкование, предостерегает от грубого однозначного осмысления, выносит свою «концепцию» на обсуждение и даже призывает адресата принять участие в аргументировании, т.е. так или иначе включает в свою коммуникативную программу специальный пункт, касающийся восприятия адресатом передаваемой информации»¹¹.

С точки зрения прагматики в семантике, например, причинных высказываний обязательно отражена позиция говорящего. Он участвует в построении содержательной стороны причинных конструкций, отражение мыслительной деятельности в семантике высказывания приводит к появлению каузальных ситуаций предметной причины и логической причины (обоснования). Маркером присутствия говорящего в высказывании служит субъективный компонент, который не только эксплицитирован, но и актуализирован лексическими показателями *следовательно, значит: Все остальные вопросы должны быть подчинены основной, узловой проблеме — обеспечению безопасности страны, и *коль скоро/так как (по той причине что, поскольку) такое решение принято, значит (я делаю вывод, что), оно делает невозможными любые поползновения внешних сил в отношении нашей безопасности*¹².*

Как видно из контекста, эти корреляты «несут двойную нагрузку». С одной стороны, иногда скрепа *коль скоро* может быть не узнана адресатом высказывания, интерпретировать её бывает сложно. Тогда на «помощь приходят» корреляты *значит, следовательно*, по которым адресат «узнаёт» союзную скрепу как маркера конструкции обусловленности. С другой стороны, говорящий (автор высказывания) актуализирует для себя и адресата именно причинные отношения (а не условные), маркируя их скрепой *коль скоро* и коррелятами *значит, следовательно*.

Таким образом, проанализировав принципы описания союзной скрепы *коль скоро* в отечественных толковых словарях, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, основным способом подачи информации в словарной статье должен стать описательный компонентный способ, синонимический же может быть использован в качестве сопутствующего; во-вторых, в структуре словарной статьи должны быть отражены сочетания союза и коррелятов, помогающих в оформлении отношений обусловленности; в-третьих, в словарную дефиницию союза или союзной скрепы необходимо, помимо общей интегрирующей семы и лексико-семантических вариантов, включить прагматическую информацию.

Думается, что благодаря словоцентрическому подходу к описанию незнаменательных слов существует возможность создать богатый в информативном плане словарь, а также разработать научно обоснованные семантические классификации союзов и союзных скреп.

ЛИТЕРАТУРА

- Евгеньева А. П. (ред.) 1999: Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.
 Евтюхин В. Б. 1996: Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. / А. В. Бондарко (ред.). СПб.
 Крейдлин Г. Е. 1994: Метафора семантических пространств и значение предлога // Вопросы языкознания. 5, 19–27.
 Ляпон М. В. 1980: Предложения со значением обусловленности // Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (ред.). Т. 2. М.
 Ляпон М. В. 1988: Лексикографическая интерпретация служебных слов // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре / Ю. Н. Караулов (ред.). М., 78–81.
 Морковкин В. В. 1997: Словарь структурных слов русского языка. М.
 Ожесов С. И., Шведова Н. Ю. 1995: Толковый словарь русского языка. М.
 Рогожникова Р. П. 2003: Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М.

⁹ Чернышёва 1997, 31–35.

¹⁰ Эхо Москвы 22.07.2010.

¹¹ Ляпон 1988, 78–81.

¹² ИА REGNUM 09.09.2013.

Чернышёв В. И. (ред.) 1956: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 5. М.–Л.

Чернышёва А. Ю. 1997: Частицы в сложном предложении. Казань.

Шведова Н. Ю. (ред.) 1970: Грамматика современного русского литературного языка. М.

DESCRIPTION PRINCIPLES FOR CONJUNCTIONS AND CONJUNCTION BRACES IN THE RUSSIAN LEXICOGRAPHY
(on the example of the conjunction brace “kol’ skoro” (as soon as))

T. N. Permyakova

The article discusses principles used to describe conjunctions and conjunction braces in the Russian lexicography as well as problems associated with the representation of functional vocabulary in the explanatory dictionaries.

Key words: lexicographic description, conjunction, polysemantic conjunction brace, structure of the dictionary entry

© 2014

Е. П. Соколова

ПЕРЕХОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ НЕПОЛНОЗНАЧНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО
ЯЗЫКА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируются переходные явления в системе неполнозначных частей речи русского языка и особенности их лексикографического описания, рассматриваются спорные вопросы теории переходности, в частности проблема разграничения лексико-грамматической и функциональной омонимии.

Ключевые слова: переходность, функциональная омонимия, служебные части речи, междометие, лексикография

Проблема переходности частей речи в русском языке, несмотря на давнюю лингвистическую традицию, остаётся спорной и малоизученной. До сих пор дискуссионными являются вопросы, касающиеся разграничения лексико-грамматической и функциональной омонимии, не решён вопрос о грамматическом статусе компонентов функциональной омонимической парадигмы. Более того, само явление переходности не имеет однозначного толкования, нет устоявшейся терминологии для обозначения исследуемых процессов, которые трактуются как «переходность» (В. В. Бабайцева), «транспозиция» (В. Г. Гак, В. В. Лопатин, А. И. Моисеев), «лексическая и синтаксическая деривация» (Е. Курилович), «конверсия» (А. И. Смирницкий, И. А. Мельчук), «трансформация» (В. Н. Мигирин), «лексико-грамматическая субституция» (М. Ф. Лукин), лексико-грамматическая и функциональная омонимия (О. С. Ахманова, В. В. Лопатин) и т. д. Проблемы переходности в системе знаменательных частей речи уже достаточно разработаны в русистике, однако служебные слова и междометия, широко охваченные данным процессом, привлекли внимание учёных сравнительно недавно. Этим и обусловлена актуальность настоящего исследования.

Проанализируем особенности лексикографического описания данного явления в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова¹ (далее — БТС). Переходность, по определению В. В. Бабайцевой, — «это такое свойство языка, которое скрепляет языковые факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействие между ними и обуславливая возможность диахронных преобразований»². Материалы БТС показали, что с высокой степенью регулярности и последовательности синхронные динамические языковые процессы проявляются в периферийной зоне морфологической системы русского языка.

Предваряя анализ, необходимо уточнить объект исследования, поскольку существуют разные подходы к классификации незначительных слов. В академических грамматиках современного русского языка служебными частями речи являются предлоги, союзы и частицы. Эта концепция восходит к трудам В. В. Виноградова³, представившего детальное и развёрнутое исследование так называемых «частей речи». Некоторые лингвисты вслед за Л. В. Щербой дополняют данный перечень связкой⁴. Г. И. Панова исключает из служебных частей речи частицы, относя их к «словам внечастеречной принадлежности» на том основании, что они «не представляют собой содержательных форм отражения в нашем сознании реальной действительности»⁵. Следовательно, вопрос о незначительных частях речи, их количестве и содержании не имеет однозначного решения.

В БТС в качестве неполнозначных слов представлены служебные части речи (предлоги, союзы, частицы), а также междометия и вводные слова. Выделение последних в словаре, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии чёткой дифференциации между явлениями морфологического и синтаксического уровней языковой системы, поскольку терминологически акцентируется только функциональный аспект — синтаксическая роль так называемых модальных слов.

Переходные явления в системе частей речи в анализируемом словаре даются непоследовательно. Они представлены четырьмя способами:

1) в самостоятельной части словарной статьи после римских цифр I, II:

Соколова Елена Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: Sokolova-mag@yandex.ru

¹ БТС 2000.

² Бабайцева 2000, 15.

³ Виноградов 1947.

⁴ Шарандин 1998; Попова 2011.

⁵ Панова 2010, 51.

«**ПОПРОСТУ**. I. нареч. Просто, обыкновенно, без затей, не церемонясь. *Одет п. Расскажи всё п. Заходи к нам п. II. частица. Просто, просто-напросто. Он п. лжёт. Не болен, а п. устал*»⁶;

2) в словообразовательном гнезде под знаком <, например:

«**ПОДОБНО** I. предлог. кому-чему. Так же, как кто-, что-л. II. другим ансамблям, они пели в современном стиле. II. Как будто кто-, что-л., в виде кого-, чего-л. *Облака выглядели п. рыцарским замкам. < подобно тому как, союз. Так же как и*»⁷;

3) после знака □ и указания на отнесенность к какой-л. части речи:

«**ГЛУПОСТЬ**, -и; ж. I. Недостаток ума, сообразительности. *Поступил так по глупости. Иметь г. сделать что-л. 2. Глупый поступок; глупые слова, мысли и т.п. Сказать г. □ в зн. межд. Боюсь я. — Глупости! А вдруг повезёт?*»⁸;

4) в разных словарных статьях, например:

«**1. ЧТО** [шт], чего, чему, чем, о чём и неизм.; местоим. суц. и союз. сл. I. Указывает на предмет, явление, ситуацию, о которых идёт речь. *Что случилось? Скажи, что случилось. 2. неизм. В каком положении, каков, каково? Что больной?*

2. ЧТО [шт], союз I. (присоединяет к главному предл. придат. дополнит., подлежащее, сказуемое, определит. и обстоятельственное образа и способа действия). Выражает сообщение, высказывание, восприятие мысли, а также причину, повод, основание действия или состояния. *Сообщил, что не может приехать*»⁹.

Таким образом, способ подачи слов в анализируемом словаре является единственным критерием при разграничении лексико-грамматической и функциональной омонимии. В качестве функциональной омонимии целесообразно рассматривать случаи частеречного перехода, представленные в одной словарной статье (1–3-й способы), в качестве лексико-грамматической омонимии — в разных словарных статьях (4-й способ). Принадлежность слова к определённой части речи также определяется в соответствии с грамматическими пометами в БТС.

Следует отметить, что подобная дифференциация проводится в словаре непоследовательно и не всегда подтверждается данными лингвистических исследований. Например, омокомплексы *ай* и *куда* в лексикографической практике трактуются как функциональные омонимы¹⁰. Однако в БТС междометие *ай* и союз *ай* подаются в качестве лексико-грамматических омонимов, у которых словоформы, относящиеся к разным частям речи, оказываются просто созвучными, не имеют интегральных сем в структуре лексического значения и не образуют зон переходности. В то время как в омокомплексе *куда* синхронный переход наречия в частицу, по мнению составителей БТС, не приводит к разрушению тождества слова. Сравните:

«**АЙ**; **АЙ-АЙ-АЙ** [айяй]; — межд. Выражает боль, испуг, упрек, насмешку. Как же это вам не дали отпуска, ай-ай-ай...

АЙ, союз. Разг.= Или. *Ай боишься меня?*»¹¹;

«**КУДА**. I. местоим. нареч. Обозначает вопрос: в какое место? в каком направлении? *К. теперь идти? <...> II. союз. сл. <...> III. частица. 1. Разг. (в сочет. с прил. или нареч. в сравнит. ст.). Значительно, несравненно, гораздо. Она к. добрее своего мужа. Последний вариант к. лучше. 2. Разг. Выражает отрицание, протест, сомнение в возможности или реальности чего-л. Скоро будем на месте. — К. скоро!»¹².*

Следовательно, трудность разграничения лексико-грамматической и функциональной омонимии диктует необходимость выработки объективных критериев для дифференциации этих явлений в лексикографической практике.

Исследование переходных явлений, отражённых в БТС, выявило следующую закономерность: для омокомплексов, включающих неполнозначные части речи, лексико-грамматический переход является непродуктивным, он составляет менее 10% всех рассмотренных примеров.

В отношении лексико-грамматической омонимии вступают, как правило, сочинительные непродуцируемые союзы, образуя омокомплексы с другими служебными частями речи: *но* «союз — междометие»; *то* «союз — частица»; *а, и* «союз — частица — междометие», реже — производные союзы: *раз* «количественное числительное — союз — наречие», *что* «местоимение — союз», *да* «частица — союз». Частицы могут взаимодействовать с местоимениями (*это*), междометиями (*эва*), предложениями (*на, с*), союзами (*а, и, то*), наречиями (*эк, ну*). Предлоги обычно имеют лексико-грамматические омонимы среди незначительных частей речи: междометий (*о*), частиц (*с, на, ко*). Эта же тенденция прослеживается при подаче в словаре междометий, омонимичных союзам (*ай*), частицам (*ау, ну*), предлогам (*у*). Лишь глагольное междометие *ных* омонимично имени существительному: *Паровоз ных, ных и пошёл — Одним ныхом*. Анализ показал, что в отношении лексико-грамматической омонимии вступают обычно неполнозначные слова, знаменательные части речи редко включаются в состав такого омокомплекса.

Функциональная омонимия, охватывающая более 90% всех омокомплексов, представлена в БТС разными способами, но всегда в пределах одной словарной статьи. Были рассмотрены два разнонаправленных процесса: переход неполнозначных частей речи в другие части речи и употребление знаменательных и служебных частей речи в функции неполнозначных слов. Следует отметить, что переход второго типа встречается в БТС в четыре раза чаще, чем первого. Например, в словаре зафиксировано только три случая адвербиализации предлогов: *против, сквозь и поверх*. В то время как обратный процесс представлен более широко. Самую многочисленную группу составляют наречные предлоги, сохраняющие живую связь с исходной формой и способные в зависимости от контекста употребляться в функции обеих частей речи. При этом предлоги образуются в основном от обстоятельственных наречий (*посреди, вслед, вокруг, сбоку*). Реже производные предлоги имеют отыменное и отглагольное происхождение (*в пользу, по причине, судя по*).

БТС отмечает также процесс конъюнкционализации предлогов невзирая на, ввиду того что, наподобие, образующих омокомплексы «предлог — союз», отражающие синхронные, живые связи между данными формами. В то же время «Русская грамматика»¹³ характеризует отмеченные предлоги как отглагольный и отыменные, подчёркивая только диахронические отношения.

⁶ БТС 2000, 923.

⁷ БТС 2000, 873.

⁸ БТС 2000, 210.

⁹ БТС 2000, 1483–1484.

¹⁰ Богданов 1997.

¹¹ БТС 2000, 31.

¹² БТС 2000, 487.

¹³ Шведова 1980 (ред.), 708–709.

Исследование функционального потенциала союзов позволило отметить частотность такого явления, как партикуляция (*ан, однако, чтобы, абы, если*). Переход в частицы свойствен в большей степени подчинительным союзам. Для производных союзов характерен функциональный переход из наречий, частиц, предлогов, реже — имён существительных, глагольных форм.

Частицы, как показывают материалы БТС, чаще всего трансформируются в союзы (*ли, ведь*), имена существительные (*небось, спасибо*) или наречия (*себе, только*). Активнее всего пополняется состав частиц за счёт наречий (*ещё, там*).

Междометия могут субстантивироваться (*атас, ау, пшик*) или переходить в наречия (*на ура, не ахти*), отмечены также единичные случаи партикуляции (*ага, бух*). В значении междометий употребляются, как правило, знаменательные части речи (*караул, матушка, прощ, поди*).

Исследование показало, что переходные явления в БТС (а следовательно, и в системе современного русского языка) представлены достаточно широко. Вместе с тем был выявлен целый ряд проблем, которые требуют своего решения: необходимо унифицировать подачу функциональных омонимов в толковых словарях; разработать объективные критерии разграничения лексико-грамматической и функциональной омонимии, поскольку материалы БТС нередко расходятся с данными других лингвистических словарей и справочников; требует уточнения и понятийный аппарат. Грамматические пометы, характеризующие частеречную принадлежность слова, не всегда отражают морфологическую природу исследуемой формы: «нареч.»», «союз», «союзн. сл.», «в функц. сказ.», «вводн. сл.» и др.

Таким образом, в анализируемом словаре незначительные части речи представлены как многогранное и многослойное явление, характеризующееся набором основных (ядерных) и потенциальных (периферийных) структурно-семантических функций. Исследуемый материал подтвердил тот факт, что границы между значительными и незначительными частями речи, с одной стороны, и между отдельными неполнозначными частями речи — с другой, размыты, нечётки, во многом условны. В процессе функционального перехода одно и то же слово может занимать позицию разных частей речи в зависимости от контекстуальных условий. В связи с тем, что в системе частей речи наблюдаются переходные, синкретичные явления, актуальной становится разрабатываемая в последние годы теория полевой организации частей речи, которая помогает упорядочить единицы всех уровней языка, даёт возможность объединить и изучить системно-языковые элементы различной природы, учесть все спорные, противоречивые группы слов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабайцева В. В.* 2000: Явления переходности в грамматике русского языка. М.
Богданов С. И. 1997: Морфология неполнозначных слов в современном русском языке. СПб.
БТС 2000: Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов (ред.). СПб.
Виноградов В. В. 1947: Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.
Панова Г. И. 2010: Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. М.
Попова Л. В. 2011: О месте связи в грамматической системе русского языка // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 23, 215–218.
Шарандин А. Л. 1998: Иерархические отношения в системе частей речи русского языка // Вестник Тамбовск. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 1, 20–28.
Шведова Н. Ю. 1980 (ред.): Русская грамматика. Т. 1. М.

PHENOMENON OF TRANSITIVITY IN THE SYSTEM OF THE SYNSEMANTIC PARTS OF SPEECH IN RUSSIAN LANGUAGE: LEXICOGRAPHIC ASPECT

E. P. Sokolova

The article is devoted to the analysis of transitivity phenomenon in the system of synsemantic words in Russian language and their distinctive features in lexicographical practice. It also deals with theory of transitivity and highlights the problem of differentiation of lexico-grammatical and functional homonymy.

Key words: transitivity, functional homonymy, syncategorematic word, interjection, lexicography

© 2014

С. И. Суровцева

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ (на материале предлогов)

В статье представлены результаты исследования предлогов темпоральной семантики. Проанализированы принципы описания исследуемых единиц в имеющихся словарях. Дано описание предлога *в/во* с указанием на темпоральные отношения.

Ключевые слова: предлог, лексикография, принципы лексикографического описания

Суровцева Светлана Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: svetlana_shok@mail.ru

Исследования предлогов стали наиболее актуальными именно в последние десятилетия. Мы рассматриваем связи и отношения, выражаемые с помощью предлогов в системе, то есть определённым образом представлен набор характеристик релятивных единиц. Такой подход базируется на необходимости чёткого лексикографического описания исследуемых нами слов, так как лексические, в особенности фразеологические, предлоги современного русского языка нуждаются в специальных справочных изданиях с описанием полного набора их грамматических, лексических и стилистических особенностей. Изучение же их с семантико-грамматической точки зрения воссоздаёт более полную картину значимости и универсальности предлогов в языке. Фундаментальным подходом исследования является антропоцентрический характер временного восприятия окружающего мира. Мы основываемся на системно-структурном подходе, посредством которого обнаруживаются различия и сходства в организации и функционировании релятивных единиц темпоральной семантики русского языка.

Лексикографическая практика на современном этапе развития русского языка, являющегося неотъемлемой частью русской культуры, имеет весомое значение для научных исследований в области изучения как русского языка, так и других языков. Лексикография — наука, отражающая лексику со всеми признаками и во всех её ипостасях, освещает достижения научных изысканий. Истоковать то или иное слово человек стремился издревле. Первые попытки составления различного рода словарей отнесены к временам ещё до нашей эры, но следует отметить, что появлением словарей был ознаменован XIV в. Таким образом, на настоящий момент человечество накопило громадный опыт описания языка. Лексикографическая наука располагает большим разнообразием словарей, в которых описывается слово во всех его формах.

Словари призваны описывать не только слово, но и морфемы, словосочетания, фразеологизмы, служебные слова. Среди всего многообразия справочной литературы всё же ещё ощущается нехватка лексикографических работ, посвящённых служебным частям речи. В толковых словарях не даётся, например, полного описания предлогов. Без сомнения, большое значение для языковедческой науки имеют такие издания, как «Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц» Г. А. Золотовой, «Словарь непроемных предлогов современного русского языка» М. Г. Лепнёва, «Толковый словарь служебных частей речи русского языка» Т. Ф. Ефремовой, «Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову» Р. П. Рогожниковой, «Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы» В. В. Морковкина, «Словарь лексических и фразеологических предлогов современного русского языка» Г. А. Шигановой.

Словарь является источником познания родного языка или иностранного, так как он представляет нормы употребления слов, является материалом для научных исследований, а также предоставляет возможности межъязыковой коммуникации.

Одним из сложных явлений в русском языке являются предлоги, а потому очень важно описать их во всём спектре их употреблений, тем более что современная действительность ознаменована появлением новых фразеологических предлогов.

Каждое лексикографическое творение подчиняется определённым принципам. В первую очередь, это принцип ориентированности на аудиторию, принцип простоты и экономности изложения, принцип стандартной, то есть нормативной подачи материала, принцип преемственности и полноты. Эти принципы в той или иной степени реализованы в специализированных словарях служебных частей речи.

Так, в словаре М. Г. Лепнёва представлены первообразные предлоги, где автор указывает вначале на их грамматические особенности, затем даёт характеристику употреблений с оттенками значений и стилистическими пометами, сопровождая каждое значение богатым иллюстративным материалом.

Недостатком словаря Т. Ф. Ефремовой при всей строгости описания служебных частей речи является то, что она обходится без иллюстративного сопровождения. Особенность «Объяснительного словаря» под редакцией В. В. Морковкина состоит в том, что объектом его описания выступают структурные слова, участвующие в организации текста и отражающие синтаксические, модальные, эмоциональные, этикетные отношения. Составитель характеризует звучание слова, даёт его грамматические характеристики, указывает сферу употребления, подтверждая свои положения примерами из различных источников. В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотова рассматривает синтаксемы, которые являются носителями элементарного смысла и конструктивными компонентами «более сложных синтаксических построений». «Словарь лексических и фразеологических предлогов современного русского языка» под редакцией Г. А. Шигановой представляет сначала грамматические характеристики вокабулы, затем значения и сферы её употребления с иллюстративным материалом.

В русле концепции Г. А. Шигановой проводится и наше исследование. Так, предлог *в/во*, передающий темпоральные отношения, может в специальном словаре предлогов сопровождаться следующей развёрнутой информацией.

В/во + существительное в винительном падеже употребляется: **1.** При указании на равные промежутки времени, по истечении которых совершается действие. *Городская библиотека работала с часу до трёх, два раза в неделю* (Толстая); **2.** а) при указании на точное время выполнения действия или чего-л. *В полдень начинался урок* (Толстая); б) указание на приблизительное время совершения действия, явления, события или чего-л. *— Вы завтра едете поутру? — Часов в семь* (Фонвизин); **3.** При указании на определённый период, в который происходит действие, событие, явление. *Тайна этой «скромности» проста: сразу после революции, в двадцатые годы, в нашем здании размещался Центральный Комитет ВКП(б)...* (Незнанский); **4.** При указании на временную моментальность, на быстроту совершения действия за очень короткий промежуток времени. *«Срочно мне двух понятых! Любых! В секунду!»* (Незнанский); **5.** При указании на время совершения действия, более длительные периоды времени, в которые происходят события. *В послевоенные годы директора ночевали на работе!* (Толстая); **6.** а) указание на природное явление, в течение которого что-л. происходит. *Всё, что в тот день произошло в церкви, запомнилось как медосмотр* (Толстая); б) указание на сезон года, протекающий в природе, в течение которого происходит какое-л. действие, событие, явление. *Раз задумал он в одну зиму соорудить флот, которого у нас не было...* (Новаковский); в) указание на части суток. *Пусть даже в Сочи слетает, чтобы проверить — где был Илья в это роковое утро* (Пронин); **7.** Указание на общее значение времени, которое конкретизируется, сочетаясь с существительным или определяющим словом, выраженным прилагательным, указательным местоимением, определительным местоимением, притяжательным местоимением. *У него тогда отпуск начался, и он пришёл за пивом в неурочное время...* (Незнанский); **8.** Указание на возраст кого-л., в который лицо совершает какое-л. действие, проявляет способности. *... но в наши 27 лет можно ещё обойтись и без жировых складок на шее* (Незнанский).

В/во² + существительное в предложном падеже: **1.** а) при указании на конкретный момент или период, в который что-л. происходит. *Моих гувернанток кокнули сначала в семнадцатом, потом — в тридцать седьмом, ещё до моего рождения* (Незнанский); б) при указании на конкретный год и месяц совершения действия, события. *В августе 1942 г. её и Клепанина вызвали в гестапо* (Манусевич); **2.** При указании на какой-л. общевременной промежуток, выраженный такими существительными, которые указывают на условие протекания действия, события. *Нет, бабушкины заповеди и догматы в современных условиях не работали* (Толстая); **3.** При указании на периоды жизни человека. *В шестом классе мне нравился учитель физики, Юрий Исаакович* (Толстая); **4.** При указании на природное явление, на фоне которого происходит какое-л. действие, событие: *тишина, ночь, день* и др. *Всё, что вечер было мрачно, Ясно в сиянии дня* (Фет); **5.** При указании на приблизительное время совершения действия, события. *В восьмом часу утра союзное командование дало отбой* (Буганов).

Таким образом, при описании этого предлога были реализованы принцип ориентированности, принцип полноты лексического описания, принцип преемственности, принцип нормативной подачи материала.

ЛИТЕРАТУРА

Авдина А. И., Залозная Т. Е., Захарова Л. А., Суровцева С. И., Шиганова Г. А. (ред.). 2008: Словарь лексических и фразеологических предлогов современного русского языка. Челябинск.

Богачёва Г. Ф., Борисова Г. Ф., Граф (Копылова) Е. Н., Луцкая М. Н., Морковкин В. В. (ред.), Успенская И. Д. 2003: Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: ок. 1200 единиц. М.

Ефремова Т. Ф. 2004: Толковый словарь служебных частей речи русского языка: ок. 15000 словарных ст.: ок. 22000 семантических единиц. М.

Золотова Г. А. 1988: Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц. М.

Лепёв М. Г. 2009: Словарь непрямых предлогов современного русского языка. СПб.

Рогожникова Р. П. 1991: Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.

TO A QUESTION OF THE PRINCIPLES OF A LEXICOGRAPHIC
(on a material of prepositions)

S. I. Surovtseva

Results of research of prepositions of temporal semantics are presented in article. The principles of the description of studied units in available dictionaries are analyzed. The preposition description in with the instruction on the temporal relations is given.

Key words: preposition, lexicography, principles of the lexicographic description

© 2014

В. К. Харченко

АКУСМАТИЧЕСКАЯ РУССКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

На основе личного опыта автора излагается концепция создания корпуса разговорной речи по 60 аспектам: реплики с метафорами, сравнениями, жаргонизмами, словотворчеством, гезитативами и др. Анализируются уязвимые места такого представления реплик: наложение рубрик, асимметрия состава информантов по возрасту, профессии. Однако в таких изданиях полнокровно отражается феномен акусматической культуры.

Ключевые слова: акусматический, разговорный, спонтанный, сентенция, реплика

В восприятии исследователя (он же носитель языка) повседневно звучащая русская речь не может не вызывать стремления многоаспектно изучать её, а значит, поначалу полноценно и грамотно её фиксировать. Тот факт, что «разговорщина» есть не что иное, как изустная, акусматическая культура в единстве и сопряжении с авторитетной книжной культурой и стремительно набирающей обороты культурой Интернета, сомнений не вызывает. Более того, многолетние наблюдения над словом в режиме устного его использования вызывают всё больший пиетет ко всему тому, что не пишется, но произносится, причём во всей «цветущей сложности» оформления будто бы элементарной реплики спонтанного диалога¹. Как и в книжной культуре, здесь много сентенций, цитат, пословиц, метафор, эпитетов; есть перифразы и сравнения, свои гиперболы и литоты, широко представлено словотворчество и формотворчество, эвфемизмы и дисфемизмы. Разумеется, всё перечисленное отличается от книжных аналогов и по составу, и по удельному весу, и по тенденциям использования. Интернет-проекции тоже дают о себе знать в неологизмах, жаргонизмах, сравнениях, метафорах. Проиллюстрируем сказанное свежими записями.

[Женщина продавец на рынке приветствует шутивно:] *Красота моя неопишемая!* (10.01.2014). [Доцент 57 л.:] *Это же наш профессор, ему же цены нет! Он закончил мед, владеет гитнозом, кандидатскую защитил по медицине, а докторскую по психологии. «Кто может сравниться с Матильдой моей?» <...> В Америке (в правительстве) поставили 70-летнюю барышню, а у нас отобрали всю эту детвору на кафедре... <...> У нас сначала концепты не поняли, а потом их «отменили»!*

Харченко Вера Константиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры общей филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: wera_kharchenko@mail.ru

¹ Харченко 2010; 2013.

(10.01.2014). [Соседка лет 40 о тёплой зиме:] *С 8 Марта Вас!* (10.01.2014). [В кулинарии:] *Аджика острая? — Я не знаю, среднеострая...* (10.01.2014). [Мужчина лет 70 выбирает оправу для очков:] *Идешь — раз! — сползётся с носу — уже хуже видно!* (11.01.2014). [Женщина продавец обувного бутика по телефону:] *Сушняк жуткий был вчера. Ульяна звонит: ты отошла? Я говорю: в смысле? Я и не была зашедшая никуда!* (11.01.2014). [Доцент 50 л.:] *Ей 54? А он вальяжный, видный! А вокруг столько комсомолок, спортсменов, отличниц. Вот она и потеплела к его родне!* (11.01.2014). [Юноша лет 16 на катке о пиццерии:] *В пиццуху не идём, облом?* (12.01.2014). [Доцент 75. по телефону в день рождения:] *Я не устраиваю, куда мне с костыльком?!* (13.01.2014). [Женщина в кулинарии о слоёных пирожках:] *Мне по два разньехих!* (13.01.2014). [Профессор 65 л.:] *Я ей всю диссертацию перебуравила!* (13.01.2014).

Чем больше примеров попадает в поле зрения, тем сложнее решить вопрос с «официальной» фиксацией разговорного материала, то есть живого русского языка, непосредственно нас окружающего. Термин «лексикографирование» нацеливает, естественно, на слово. Соответственно словари разговорной речи выстраиваются по образцу словарей русского языка, созданных на базе классических художественных произведений. С таким традиционным словарём удобно работать, так как леммы концентрируют, фокусируют, удерживают всю наиболее интересную информацию о слове. В своё время именно так мы выстраивали словарь детского языка². Однако, коль скоро речь идёт об отражении культуры (акусматической культуры!), представляется оправданным и иной подход, а именно: систематизация фиксируемого разговорного материала по возможностям отслеживания и изучения. Мы использовали этот приём при написании «Мозаики разговорной речи...» и при подготовке «пятикратной» по сравнению с «Мозаикой» книги (в печати), вобравшей материал двух лет постоянного отслеживания: 2012 и 2013-й гг. Таких аспектов было выделено порядка 60 (59). По объёму они делятся на мелкие, для демонстрации которых бывает вполне достаточно реплики или даже её части; средние (сентенции, нарративы, полилоги, юмор) и крупные (монологи). Полилоги отнесены к среднеобъёмным феноменам разговорного дискурса прежде всего по техническим причинам. «Незаметно» и точно записать небольшой разговор на кафедре, или спор, или парад острот на банкете можно при ограниченном объёме фиксируемого, так как в подобных ситуациях использовать диктофон не представляется уместным. С разрешения говорящего на диктофон мы записывали только монологи, всё остальное фиксировалось по памяти по горячим следам или непосредственно в момент произнесения. В нескольких случаях монологи были записаны обычным способом, то есть ручкой, в поезде, «со спины», поскольку ситуация и неторопливость рассказа это позволяла. Далее, по степени своеобразия приёмов собранные реплики делились на демонстрирующие сугубо разговорный стиль (диминутивы, жаргонизмы, факты хезитации, ошибки, контаминация) и реплики с приёмами художественной направленности: метафоры, сравнения, перифразы, эпитеты, гиперболы, литоты, цитаты, градация, метонимия, звукоподражание. Далее, намечался водораздел между репликами с семантическим и грамматическим уклоном. С одной стороны, словотворчество, экзотизм, креация (наделение смыслом несуществующего корня), с другой — аграмматизм, порядок слов, эллипсис. Далее, коль скоро «сентенции» наиболее ярко отражали когницию разговорных реплик, дисфемизмы, гиперболы, фразеологизмы — их эмоцию, то потребовалось обособление разговорной перцепции по пяти модусам: зрительному, слуховому, осязательному, вкусовому и обонятельному. Далее, сам материал заставил обособить группы примеров по темам «фонетика», «соматизмы», «речевая маска», «этикет», «поговорки», «поговорки», «гендиадис» и некоторые другие. Многоприставочные глаголы, весьма яркий феномен разговорной речи (*нопостирала, напридумывала, недовыставил, передерливать*) можно было объединить в группу словотворчества, но мы обособили этот интереснейший глагольный ряд.

В итоге получилась своего рода лингвистическая энциклопедия разговорного дискурса, позволяющая, однако, создать яркий, насыщенный, прегнантный образ живой русской речи во множестве её проявлений (исключением, по соображениям этики, стало только сквернословие!). Однако при соблюдении принципа неповторяемости примера (реплики) предлагаемый тип «разговорной лексикографии» оборачивается и весьма драматичными для исследователя моментами. Прежде всего, это пересечения рубрик: в обращениях найдётся немало диминутивов, диминутив спорит с литотой, фразеологизм достаточно часто выстроен на соматизме, а эпитет подчас напрашивается в рубрику «словотворчество», или «комплимент», или «юмор» (были выделены и такие рубрики!). К зрительному модусу перцепции может быть отнесено множество реплик, угодивших в другие классы. В подобных случаях при выборе оптимальной для примера «клетки фиксации» мы опирались на собственную интроспекцию, почти постоянно решая вопрос: что именно в данном примере отражено наиболее ярко. После внутреннего наложения, перекрещивания материала следующим драматическим моментом стала асимметрия респондентов. Есть врач и фармацевт, грузчик и комендант, женщина-жокей (на площади с лошадами) и оператор сберкассы, но в целом слишком частотны в общем блоке профессора, доценты, студенты, с одной стороны, и водители маршруток, продавцы на рынке, прохожие на улице неизвестных профессий — с другой. Между этими полюсами группа профессий, которые были схвачены не единожды: охранники, продавцы, уборщицы, проводники, учителя, гардеробщицы. Драматической диспропорцией стал и возрастной расклад: подобное тянется к подобному. Коль скоро записывающему за шестьдесят, то и собеседникам его, как правило, «не двадцать пять и не тридцать восемь». Конечно же, мы стремились гармонизировать материал и по гендеру, и по возрасту, и по профессиям, но удавалось это далеко не всегда. Восьмидесятилетние сидят по домам, шестидесятилетние тянутся к дискотекам, хирургов без личного знакомства не достать, бывший полковник, работающий в Зимнем саду и поэтично рассказывавший про удава, бросающегося на стекло (*Вы же не из морковки? Шестидесять килограммов живого мяса, разве он выдержит?*), наотрез отказался рассказывать об армейском прошлом (*Там смерть...*).

И тем не менее мы делимся своим опытом фиксации и публикации подобных материалов, потому что даже при всех асимметриях, наложениях и сбоях «воздушная», ускользающая, моментально забывающаяся акусматическая культура требует лексикографирования не только по причине её богатства и красоты, живости и юмора (а любому носителю любого языка смешного перманентно недостаёт!), но и по причине многих в ней заключённых значительных смыслов, могущих скорректировать давление, диктат других культур.

[Музыковед при встрече знакомой о семейной жизни:] *Я всё думаю: КАКИЕ ИЗОЩРЁННЫЕ ИСПЫТАНИЯ ПОСЫЛАЕТ НАМ СУДЬБА!* (более пяти лет ухаживала за парализованной тётёй). *А сейчас свобода, а я не знаю, куда её деть! В квартиру не хожу: сразу плакать начинаю!* (23.08.2013).

² Харченко 2005.

[Доцент 57 л. комментирует изменения в поведении продавцов:] *Это же бизнес-улыбка, капитализм! НАДО ПОГОВОРИТЬ ТАК С ЧЕЛОВЕКОМ, ЧТОБ ЕМУ ЗАХОТЕЛОСЬ ПОГОВОРИТЬ С ТОБОЙ ЕЩЁ РАЗ!* (04.11.2013).

[Профессор кафедры акушерства и гинекологии 65 л. в коридоре вуза:] *К нам пришли с проверкой: где новые технологии? А я говорю: Акушерство — это самая консервативная область медицины! ЧЕМ МЕНЬШЕ В АКУШЕРСТВЕ БУДЕТ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ТЕМ ЗДОРОВЕЕ БУДЕТ НАЦИЯ! ЭКО? Извините, мы не можем сады в пробирке выращивать! Потому что это медикализованные дети* (08.11.2013).

[Психолог 64 л. отвечает знакомой:] *А как Вы находите такие шляпки? — ЕСЛИ ВЫ ИЩЕТЕ ВЕЩЬ, ОНА К ВАМ ПРИДЕТ! Я сказала: я пересплю с этой мыслью! Так я не просто переспала — я достала всё своё хламьё...* (19.11.2013).

[Вахтёр и комендант общежития:] *Такое сало вкусное! Я, наверное, Вам подарю! — Вера Тихоновна! Ну нельзя ему сало! — Татьяна Васильевна! Можно всего немножко! — НО «НЕМНОЖКО» У НАС НЕ ПОНИМАЮТ!* (28.12.2013).

[Женщина 42 л. по телефону:] *ПАМЯТЬ ТАКАЯ, ЧТО ЗАПОМИНАЕТ ТО, ЧТО НЕ НАДО! Гадость какую запомнишь — и она будет бить в голову. И так! И так! И так!* (05.01.2014).

ЛИТЕРАТУРА

Харченко В. К. 2005: Словарь современного детского языка: ок. 10000 слов: свыше 15000 высказываний. М.

Харченко В. К. 2010: Современная повседневная речь. М.

Харченко В. К. 2013: Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база высказываний. М.

RUSSIAN ACOUSMATIC CULTURE AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHY

V. K. Kharchenko

Based on the author's own personal experience, the article deals with the concept of making a speech corpus according to 60 aspects: remarks which include metaphors, simile, jargon expressions, neologisms, hesitation units etc. The weak points of remarks grouping are analyzed: columns overlapping, age and profession asymmetry of the informants. Nevertheless, the phenomenon of acousmatic culture is reflected in the speech corpora.

Key words: acousmatic, colloquial, spontaneous, maxims, remark

© 2014

Г. А. Шиганова

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ

В статье раскрываются теоретические основы создания словаря фразеологических предлогов современного русского языка. Показано своеобразие семантико-грамматического значения русских релятивных единиц, определены основные способы классификации и структурирования их значений в соответствии с иерархией семной структуры фразеологического значения, с учётом системных свойств и отношений.

Ключевые слова: фразеологический предлог, семантико-грамматическое значение, семная структура, иерархия сем, системные отношения

Исследование семантики фразеологических предлогов, их системных свойств и отношений — одна из актуальных проблем современной лингвистики, т.к. в XX в. круг значений и употреблений как лексических, так и фразеологических предлогов имеет тенденцию к значительному расширению.

Современная лингвистика отражает реализацию принципа системного описания отдельных частей лексико-фразеологического фонда русского языка. Возрос интерес отечественных учёных к исследованию более или менее ограниченных семантических объединений. Однако во многих работах до сих пор объектом внимания являются группы слов, а фразеологические единицы чаще всего остаются вне поля зрения исследователей. Класс единиц категориальной релятивной семантики, который включает фразеологические предлоги, составляет одну из частей лексико-фразеологической системы русского языка.

В основе предложенной нами концепции создания словаря фразеологических предлогов лежит положение о системном характере языка, о внутренней, органичной обусловленности и взаимосвязи синтагматических и парадигматических свойств языковых единиц, об их отражательной природе. Описание структурных и семантических свойств единиц с категориальной релятивной семантикой велось в направлении текст — система, т.е. от непосредственно наблюдаемых структурных и синтагматических свойств предлогов к установлению их парадигматических значимостей и интерпретации их значений в речи. Мы убеждены, что без системного описания лексико-фразеологического фонда релятивных единиц языка невозможно познать сложное системное устройство языка, выражающего самые различные по степени сложности результаты человеческого мышления.

В результате многолетних исследований «внутренней природы» релятивных единиц мы пришли к убеждению, что в современном русском литературном языке происходит изменение в семантической системе предлогов, и это является ярким

Шиганова Галина Александровна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, литературы и методики преподавания русского языка и литературы Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: shiganova_ga@mail.ru

признаком развития новых аналитических элементов в синтаксическом строе. К концу XX в. отношения в объективном мире необычайно осложнились, что «потребовало» от языка новых грамматических средств для выражения отношений между предметами, действиями и состояниями. В результате насущной потребности наблюдается необычайный «рост» фразеологических предлогов, соотносительных по своим семантическим и грамматическим свойствам с лексическими предлогами, например: *в рамках* (чего), *в соответствии с* (чем), *в связи с* (чем), *в направлении* (кого, чего) и др. Фразеологические предлоги образуются как средство «разгрузки» лексических предлогов, которые в силу своей многозначности не могут дифференцированно выражать те или иные виды отношений в языке.

Категориальным значением всех предлогов является ‘значение отношения’, субкатегориальными — ‘указание на обстоятельственные отношения’, ‘указание на объектные отношения’ и ‘указание на атрибутивные отношения’, например: *вместе с* (кем, чем) — указание на объектные отношения, *в силу* (чего) — указание на обстоятельственные отношения.

Мы пришли к мысли о том, что, обладая собственным значением, релятивные фразеологизмы имеют такие же семантические свойства, что и лексические предлоги, т.е. могут быть моно- и полисемичными. Особое внимание в словаре уделяется полисемичной структуре фразеологических предлогов: *рядом с домом* (указание на обстоятельственные отношения), *рядом с братом* (указание на объектные отношения).

Нами обоснованы теоретические положения о способности фразеологических предлогов вступать в системные отношения — омонимические, синонимические и антонимические — друг с другом и со словами и фразеологизмами других семантико-грамматических классов.

В результате тщательного анализа данных нашей картотеки, которая насчитывает около 600 единиц фразеологических предлогов, впервые описана внутренняя и внешняя омонимия релятивных фразеологических единиц. Выявлены особенности проявления омонимических отношений фразеологических предлогов со свободными сочетаниями слов и фразеологическими единицами с другими категориальными значениями. Например, *за кулисами*¹ (чего) — ‘употребляется при указании на объект, прикрываясь которым совершаются какие-л. неблагоприятные действия, поступки’, *за кулисами*² — кач.-обст. ‘тайно, негласно, вне официальной обстановки’, *за кулисами*³ — призв. ‘тайный, негласный’.

Выделение и описание синонимических и синонимико-вариационных рядов фразеологических предлогов обнаруживает связь индивидуальных значений этих единиц с определённым типом выражаемых ими грамматических отношений. Богатая нюансами синонимика предлогов позволяет падежной форме выразить тот или иной оттенок отношения более точно, дифференцированно. Например, фразеологический предлог *рядом с* (кем, чем) имеет три значения: 1) употребляется при указании на пространственную близость к какому-л. объекту, и тогда он входит в синонимический ряд, объединяющий единицы с таким же групповым значением — *вблизи от* (кого, чего), *недалеко от* (кого, чего), *неподалёку от* (кого, чего), *недалеке от* (кого, чего), *вблизи от* (кого, чего), *близ* (кого, чего), *возле* (кого, чего), *около* (кого, чего), *подле* (кого, чего), *у* (чего); 2) употребляется при указании на объект, совместно с которым кто-, что-л. осуществляет какое-л. действие, и тогда он синонимизируется с такими предлогами, как: *вместе с* (кем, чем), *совместно с* (кем, чем), *в единстве с* (кем, чем), *вместе с* (кем, чем), *в сообществе с* (кем, чем), *с*³ (кем, чем) и другими; 3) употребляется при указании на объект сравнения, и в этом случае синонимами к нему являются предлоги *сравнительно с* (кем, чем), *в сравнении с* (кем, чем), *по сравнению с* (кем, чем), *в сопоставлении с* (кем, чем) и др.

Исследование антонимических отношений фразеологических предлогов всех структурных типов приводит нас к выводу об универсальности антонимии, пронизывающей все уровни языка, например, *неподалёку от* (кого, чего) — *поблизости от* (кого, чего).

Парадигматические отношения предлогов тесно связаны с их фундаментальными свойствами — однозначностью и многозначностью.

Значимым результатом проведённого исследования является выяснение и описание семантико-грамматической структуры фразеологических предлогов. Выделение семантических субкатегорий, групп и подгрупп фразеологических предлогов является шагом вперёд в познании системы грамматических средств выражения и квалификации обстоятельственных, объектных и атрибутивных синтаксических отношений в современном русском языке.

Исследование семантических свойств релятивных фразеологизмов позволяет нам сделать вывод о том, что фразеологические предлоги являются качественно особыми единицами языка по сравнению с лексическими: они имеют более сложную внутреннюю структуру и более «прозрачную» семантику, они являются частью системы языка и вступают в диалектическое взаимодействие между собой и с единицами других семантико-грамматических классов.

Фразеологические предлоги в современном русском языке существуют не изолированно друг от друга, а представляют собой систему, т.е. являются элементами языка, находящимися в отношениях и связях друг с другом и с лексическими предлогами, и образуют определённую целостность, единство.

Специалисты по общей теории систем отмечают, что «одной из характерных особенностей развития науки и техники во второй половине XX в. является повсеместное распространение идей системных исследований, системного подхода, общей теории систем»¹. Непременным условием любого научного анализа фактов языка является постулирование системных отношений в изучаемом объекте. Системность внутренне присуща самой познаваемой и обозначаемой в единицах языка действительности и предполагает наличие закономерных устойчивых связей между всеми частями изучаемого явления. Язык представляет собой вторичную материальную систему, структура которой определяется характером взаимоотношений элементов этой системы. Структуру языковой системы можно определить как совокупность внутрисистемных связей между единицами языка. Грамматическая система языка — это внутренне организованная совокупность элементов (единиц) языка, связанных устойчивыми (инвариантными) отношениями. Грамматическая система, как и любая другая, носит иерархический характер: в ней выделяются различные уровни — в виде подсистем, подподсистем и т.д., которые связаны между собой соподчинительными отношениями. В то же время надо учитывать, что внутрисистемная иерархичность не абсолютна, а относительна. Каждая подсистема, каждый уровень языка одновременно и неиерархичен, т.е. обладает известной степенью автономии, что отнюдь не ослабляет систему в целом, но, напротив, усиливает её. Главное в системном подходе, как утверждает В. М. Солнцев, — «рассмотрение исследуемого объекта как некоторой целостности или системы <...> и анализ составных частей и

¹ Садовский 1974, 5.

различных свойств объекта именно под углом зрения целого»². Изучение лексико-семантических подсистем языка — это изучение их элементов в отношениях друг к другу. Совокупность этих отношений представляет собой внутреннюю организацию, или, как пишет А. А. Уфимцева, «остов лексико-семантической системы языка»³. Именно эта внутренняя организация и есть важнейший признак системности.

Фразеологические предлоги представляют собой относительно самостоятельную систему на лексико-фразеологическом уровне языка. Они связаны определёнными отношениями не только между собой, но и с языковыми единицами других уровней языка. Исследование парадигматических и синтагматических отношений предлогов — одна из основных проблем современной лингвистики. Описывая системные свойства и отношения предлогов, мы используем общепризнанные понятия и категории, связанные с системным подходом, такие, как «система», «структура», «целостность», «часть», «элемент», «компонент», «единица», «отношение», «связь», «иерархия» и т.д. Эти понятия нашли своё место среди центральных категорий современной науки и стали опорными для системно-целостного изучения действительности.

Научные результаты, полученные в ходе подготовки материалов словаря фразеологических предлогов, обогащают теорию и практику современной грамматической фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

Садовский В. Н. 1974: Основания общей теории систем. М.

Солнцев В. М. 1977: Язык как системно-структурное образование. М.

Уфимцева А. А. 1962: Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М.

MAIN PRINCIPLES OF SEMANTIC AND GRAMMATICAL DICTIONARY OF PHRASEOLOGICAL PREPOSITIONS CONSTRUCTION

G. A. Shiganova

The article reveals theoretical principles of author's dictionary of phraseological prepositions of the contemporary Russian language compilation. It deals with peculiarities of semantic and grammatical meaning of Russian relative units. Main methods of classification and structuring their meanings in accordance with hierarchy of seme structure of phraseological meaning are defined in this article taking into account system characteristics and relationships.

Key words: phraseological preposition, semantic and grammatical meaning, seme structure, seme hierarchy, system relationships

² Солнцев 1977, 13.

³ Уфимцева 1962, 56.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ И ЭЛЕКТРОННЫЕ СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014

Э. Н. Акимова, В. Л. Акимов, А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова

ЭЛЕКТРОННЫЙ СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ

В статье изложены теоретические основы исследования с позиций антропоцентризма диалектных фразеологизмов, бытующих в русских говорах Мордовии, а также представлен опыт создания электронного словаря диалектных фразеологизмов.

Ключевые слова: диалектология, фразеология, фразеография, компьютерные технологии, тематические группы

Диалектные фразеологизмы — наиболее яркая и эмоционально окрашенная часть национальной картины мира — содержат в своей внутренней форме не только собственно языковую информацию, но и факты общественного бытия, материальной и духовной культуры этноса, являются своеобразными способами отражения этнокультурного сознания целого народа и каждого человека в отдельности.

В диалектной языковой картине мира находят отражение знания представителей замкнутого социума об окружающей действительности, накопленные в процессе познавательной и оценочной деятельности. Фразеологические единицы (ФЕ), содержащиеся в своей внутренней форме этнокультурную информацию, наиболее ярко воссоздают культурно-национальный колорит. Они ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами, воспроизводя характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет.

Анализ ФЕ русских говоров Мордовии является действенным средством описания отдельного фрагмента диалектной языковой картины мира. Мы проанализировали имеющийся материал с учётом антропоцентрического подхода, являющегося доминирующим в современной научной парадигме.

На материале корпуса ФЕ, функционирующих в русских говорах Республики Мордовия, было выявлено множество микрополей, репрезентирующих представления о самом человеке, окружающем его материальном и духовном мире; воспроизводящих представления о системе ценностей сельских жителей, что проявляется, прежде всего, в оценке его социального статуса, имущественного положения, родственных отношений.

На примере гендерно ориентированных диалектных фразеологизмов прослеживается установление иерархии культурных ценностей, определяющих речевые и физические поступки человека по отношению к другим людям. Выявлению закономерных связей в построении различных языковых и культурных моделей в ментальном пространстве носителей русских говоров Республики Мордовия способствует дальнейшее рассмотрение особенностей взаимоотношений диалектоносителей в аксиологическом аспекте.

Выявленные ценностные ориентиры ложатся в основу формирования концептуального поля диады «бедность — богатство» — одной из базовых в парадигме человеческой культуры вообще и в диалектной картине мира в частности, — в рамках которых посредством ФЕ репрезентированы имущественные отношения диалектоносителей и их оценка.

Для диалектной картины мира вообще релевантны концептуальные бинарные оппозиции, представляющие, в частности, средствами фразеологии образ жизни человека с ярко выраженной положительной и отрицательной оценкой: «труд — лень», «работа — безделье», «ум — глупость» и др. Вся система социальных взаимодействий, включая и среду диалектоносителей, пронизана подобными полярными отношениями:

Специфика взаимоотношений людей, их ценностный взгляд на жизнь, чувства, эмоции находят яркое выражение в речи. Целью общения нередко является оказание речевого воздействия на собеседника. Согласно принципам научной парадигмы, ориентированной на человека, представилось последовательным и интересным рассмотреть особенности речевого взаимодействия носителей диалектов, которое осуществляется в процессе коммуникации. Поскольку диалекты отражают живую речь, несомненно, способы воздействия, выбор языковых средств имеют свою региональную специфику в отличие от говоров других территорий или общенародного языка.

Акимова Эльвира Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. E-mail: akimovaen@mail.ru

Акимов Виктор Леонардович — кандидат технических наук, доцент кафедры автоматизированных систем обработки информации и управления Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. E-mail: akimovvl@mail.ru

Маслова Алина Юрьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. E-mail: al_mas@mail.ru

Мочалова Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. E-mail: siluris@rambler.ru

Существенны в плане наличия этнокультурного компонента значения фразеосочетаний, называющих предметы, непосредственно связанные с трудовой и хозяйственной деятельностью человека (одежда, обувь, головные уборы, еда и др.). Культурно маркированными в первую очередь оказываются те устойчивые обороты, в составе которых обнаруживаются этнографизмы, имена собственные, наименования животных и растений данной местности, собственно диалектная лексика. Особой этнокультурной значимостью обладают обрядовые фраземы и эталонные сравнения, отражающие элементы духовной культуры данного народа, его идеалы и ценностные представления.

В языке прежде всего отражаются наиболее значимые ценности, принятые в данном социуме. Аксиологическая информация в сознании языковой личности занимает одно из наиболее важных мест с её мелиоративной / пейоративной частью шкалы оценок. Фразеология, наиболее ярко отражающая особенности ценностного восприятия окружающего мира представителями диалектного социума, является одним из основных способов сохранения и трансляции культурной информации в языке. Диалектные ФЕ обладают особым культурно-прагматическим потенциалом, что определяется непредсказуемостью образа, полиэмоциональностью, высокой оценочностью, этнокультурной маркированностью. Диалектные фразеологизмы оказывают более сильное речевое воздействие на носителей литературного языка в силу новизны и яркости образа.

Электронный словарь диалектных фразеологизмов русских говоров Мордовии создавался в несколько этапов. Сначала хранящаяся на кафедре русского языка МГУ им. Н. П. Огарёва картотека была пополнена новыми примерами, собранными в ходе научных экспедиций в различные населённые пункты Республики Мордовия с использованием метода непосредственного наблюдения, экспериментальных методик. Расшифровка аудиоматериалов, содержащих записанные от носителей говоров оригинальные устные тексты, позволила достоверно описать диалектные ФЕ и комплексно их проанализировать.

На втором этапе работы проводилась идеографическая систематизация собранного материала; фразеологизмы, отражающие систему ценностей в представлении диалектоносителей, распределялись по тематическим группам и описывались в лингвокультурологическом аспекте; прослеживались закономерности мотивировки их внутренней формы; давалась ареальная характеристика устойчивых сочетаний, сформировавшихся в условиях взаимодействия и взаимовлияния языков разных типов; анализировались ФЕ, отражающие влияние лингвокультурных факторов иной языковой среды (финно-угорской, тюркской и др.).

Для удобства хранения и использования корпуса собранных фразеологизмов, получения различного рода выборок картотека была переведена в электронный вид.

Следующим закономерным и логическим этапом явилось создание электронного словаря, необходимость которого обусловлена не только модой на информационные технологии в различных отраслях науки, но и целым рядом объективных причин.

Классическая «бумажная» технология написания словарей с последующим их изданием через типографию имеет существенные недостатки: невозможность оперативной коррекции материалов после получения новых данных; ограниченная доступность словарей для научного сообщества, так как их тиражи обычно невелики и каждый экземпляр имеет высокую стоимость; сложность оперативной обработки материала, получения различных выборок, статистических данных и т.д.

Электронные словари, созданные на базе новых информационных технологий, обладают очевидными преимуществами. Это возможность оперативной коррекция материалов после получения новых данных; невысокая стоимость и быстрое тиражирование на электронных носителях; доступность материалов для научного сообщества через сеть Интернет и получение новых версий по подписке через электронную почту; возможность модификации структуры словаря без повторного ввода основного массива информации; простота оперативной обработки материалов; выборка языковых единиц различной сложности, получение статистических данных и т.д.

Электронный словарь является автоматизированной информационно-справочной системой, внутренне устроенной как база данных со словарными статьями. По этой причине электронные словари создаются на платформе какой-либо системы управления базами данных (СУБД). Использование современных СУБД позволяет создать удобную систему хранения информации с широким спектром функциональных возможностей её обработки.

Базовой структурной единицей любого словаря, как известно, является словарная статья. При анализе словарных статей было выявлено несколько вариантов их структуры. Это объясняется различным статусом слов, составляющих фразеологизм: одно из них является главным или заголовочным, а остальные — второстепенными.

Структура статьи, начинающейся с главного слова, приведена на рис. 1.

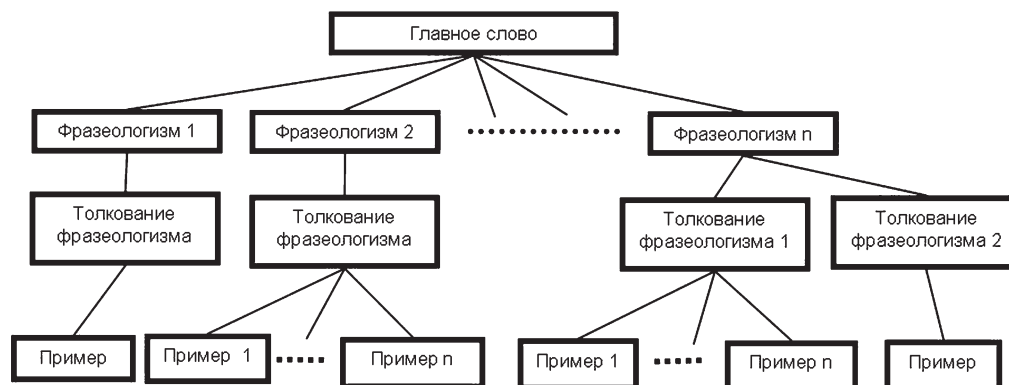

Рис. 1. Типичная структура словарной статьи

Статья, начинающаяся с второстепенного слова, имеет более простую структуру: слово — фразеологизм — ссылка на главное слово. Кроме того, структура может быть смешанной, так как главное слово одного фразеологизма может быть второстепенным для другого.

Полученная модель данных относится к иерархическому типу, что создаёт определённые трудности при реализации базы данных. По этой причине была произведена её декомпозиция и построена схема данных, состоящая из шести реляционных таблиц, связанных по ключевым полям с типом связей «один ко многим».

Выделены следующие таблицы: «Главные слова» (содержит все главные слова словаря); «Фразеологизмы» (содержит все фразеологизмы словаря со ссылкой на главное слово); «Толкования фразеологизмов» (содержит все толкования фразеологизмов со ссылкой на фразеологизм); «Примеры фразеологизмов» (содержит все примеры фразеологизмов по отдельности со ссылкой на толкование фразеологизма и географическую помету); «Географические пометы» (содержит список всех географических помет словаря с указанием краткого и полного названия населенного пункта и района республики); «Ссылки» (содержит ссылки на главные и второстепенные слова каждого фразеологизма).

Электронный словарь реализован на базе СУБД Microsoft Access. Для удобства работы со словарём создан набор форм, составляющий интуитивно понятный пользовательский интерфейс. Ввод информации может осуществляться вручную или через буфер обмена, если текст новой словарной статьи имеется в электронном виде. Часто повторяющаяся информация вводится через систему справочников.

Когда в процессе работы над словарём возникла необходимость распределения материала по тематическим группам (ТГ), анализ имеющихся ТГ позволил построить двухуровневое дерево их классификации. В схему данных были добавлены две таблицы-справочника: «Тематические группы верхнего уровня» и «Тематические группы нижнего уровня», а в таблицу «Толкования фразеологизмов» добавлено поле со ссылкой на эти справочники. Окончательная схема данных электронного словаря приведена на рис. 2.

Рис. 2. Схема данных электронного словаря

Указанная модификация электронного словаря была проведена в достаточно короткие сроки, что в очередной раз подтвердило большие возможности применения современных информационных технологий в лексикографических исследованиях.

Итак, диалектные фразеологизмы обладают характерными особенностями и в значительной степени отражают специфику традиционной речевой культуры: когнитивную сторону сельского речевого общения, включая мифологический характер миропонимания носителей диалекта; зоны наибольшей детализации языковой картины мира; специфику номинации естественных объектов, артефактов и др. Изучение указанного диалектного фразеологического фонда предоставляет новые возможности для выявления наиболее характерных способов ассоциаций, нашедших своё отражение в виде этнопсихологического элемента в языке народа.

ELECTRONIC DICTIONARY OF DIALECT PHRASEOLOGICAL UNITS AS A SOURCE OF STUDY PICTURE OF THE WORLD IN RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA

E. N. Akimova, V. L. Akimov, A. Y. Maslova, T. I. Mochalova

The article describes theoretical foundations of study from the standpoint of anthropocentrism of dialect phraseological units existing among the Russian dialects of Mordovia, and experience in creating dialect phraseologisms' electronic dictionary is presented.

Key words: dialectology, phraseology, phraseographics, computer technologies, thematic groups

© 2014

В. А. Баранов

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОИСКА И ДЕМОНСТРАЦИИ КОЛЛОКАЦИЙ В КОРПУСЕ «МАНУСКРИПТ»*

В работе рассматриваются средства поиска и демонстрации лингвистических единиц в полнотекстовом корпусе средневековых славянских рукописей «Манускрипт» (manuscripts.ru). Особое внимание обращено на описание параметров запроса, необходимых для выявления в текстах целостных сочетаний слов.

Ключевые слова: лингвистический корпус, средневековые славянские рукописи, поиск данных, визуализация, коллокация

Ценность лингвистических корпусов, использующихся в настоящее время в различных целях — от подбора текстовых иллюстраций и подготовки словарей до разработки систем автоматического перевода и систем поиска информации, — неоспорима.

Разметка текстов, содержащая сведения о времени создания произведений, их авторах, жанрах, тематике и т.п., позволяет формировать подкорпусы, обладающие необходимыми характеристиками, а разметка лингвистических единиц — находить в них интересующие пользователя речевые факты. Формы вывода выборок на экран обеспечивают просмотр первичных материалов: дают возможность проанализировать контекстные условия употребления словоформ, получить сведения о частоте их встречаемости и о распределении в подкорпусе.

Одной из целей, которые могут быть достигнуты с помощью корпуса, является нахождение целостных сочетаний, употребляющихся в большом массиве текстов не единожды. Поиск регулярных лексических окружений некоторой лексемы, носящих характер типичности, позволяет выявить лексико-семантические и жанрово-стилистические особенности определённой группы текстов, а также использовать полученные сведения для решения большого количества иных теоретических и прикладных лингвистических и информационных задач.

Понятно, что применение стандартных запросов для нахождения таких единиц и неспециализированных интерфейсов для их демонстрации может представлять значительную сложность, так как влечёт за собой необходимость просмотра и анализа очень большого количества контекстов.

Известно, что подготовка запроса предусматривает:

— формирование или выбор подкорпуса; при этом осуществляется отбор текстов по характеристикам, которые предположительно могут влиять на поведение в них языковых единиц;

— указание маски искомым лингвистическим единицам и/или их значений для выявления в подкорпусе текстовых прецедентов, отличающихся от других формой или свойствами;

— выбор формы вывода данных, позволяющей анализировать контексты в соответствии с задачами исследования.

Каждый из этапов требует специализированного интерфейса, дающего пользователю возможность выбора параметров запроса и вывода выборки на экран. Именно по функциональности, удобству и понятности запросных форм этих трёх этапов чаще всего пользователи и оценивают возможности корпуса.

Необходимые для формирования выборки свойства текстов и лингвистических единиц хорошо известны, а формы демонстрации контекстов достаточно стандартны и давно апробированы во многих корпусах. В первую очередь это перечни языковых единиц и их контексты, сводные таблицы, содержащие количественные данные, и диаграммы распределения единиц по корпусу, например, в зависимости от времени создания текста.

Важнейшими приёмами работы с выборкой являются просмотр контекстного окружения словоформы и сравнение частоты встречаемости речевого факта с альтернативными формами.

В большинстве корпусов параметры запроса дают возможность пользователю указать маску и характеристики не только одной лингвистической единицы (в первую очередь — словоформы), но и нескольких, находящихся рядом или на указанном пользователем расстоянии. Результатом является перечень сочетаний, удовлетворяющих значениям трёх параметров — маскам словоформ или лемм, их характеристикам и расстоянию между ними.

Подобные выборки позволяют уменьшить количество просматриваемых контекстов за счёт, по сути, выборки из подкорпуса только тех, в которых искомая словоформа сочетается с определённой(ыми) другой(ими).

Всё сказанное справедливо не только для корпусов, содержащих современные тексты, но и для таких, в которых представлен материал предшествующих эпох.

Одним из немногих доступных в Интернете электронных ресурсов, которые содержат машиночитаемые полные транскрипции средневековых славянских рукописей, является исторический корпус «Манускрипт» ([адрес портала проекта — manuscripts.ru](http://manuscripts.ru)), снабжённый текстологической, аналитической и лингвистической разметкой, поисковым инструментарием и формами вывода выборок на экран. В настоящее время база данных корпуса содержит несколько десятков славянских рукописей X–XV вв. (см. список подкорпусов в разделе «Коллекции» портала) общим объёмом более 3,5 млн. словоупотреблений. Другим ресурсом проекта является корпус языка М. В. Ломоносова (lomonosov.rgo), включающий все тексты полного собрания сочинений в 11-ти томах (М.: Л., 1950–1959, 1984), в том числе и тексты на иностранных языках.

Доступ к корпусам обеспечивается специализированными модулями, предназначенными для подготовки запросов и демонстрации выборок и отличающимися параметрами запросов и формами вывода: одноклассовые и многоклассовые запросные формы, модуль параллельных корпусов (демонстрируются списки евангелий, списки майской минеи, древнейшие летописи), модуль статистики и некоторые др.¹

Баранов Виктор Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики Ижевского государственного технического университета им. М.Т. Калашникова. E-mail: victor.a.baranov@gmail.com

* Работа выполняется в рамках проекта «Комплексное исследование рукописного кодекса раннедревнерусского письма — Троицкого сборника XII–XIII вв. и подготовка интернет-издания» (грант РФФИ № 12-06-00334).

¹ Баранов 2010; Баранов 2011а; Баранов 2011б; Баранов 2012а; Баранов 2012б.

Состав полей запросных форм и форм вывода выборки в каждом из модулей определяются задачами, для решения которых модуль предназначен. Понятно, что перечень задействованных при запросе параметров и введённые значения могут существенно влиять на количество обнаруженных текстовых примеров, а соответственно и на результаты анализа. Например, в одноклассовых и многоклассовых формах основными параметрами являются *маска словоформ*, их *грамматические значения* и *диапазон листов* рукописей. При демонстрации параллельных корпусов к ним добавляются *тип фрагмента*, по которому выровнен корпус (стихи, погодные записи и т.п.), *основной список*, *следование рукописей* и некоторые др.² В модуле статистики важными характеристиками являются *тип единицы подсчёта*, *тип фрагментов*, в пределах которых осуществляется подсчёт, *шаг подсчёта* и др.³

Особенно важно предоставить пользователю гибкие параметры запроса в том случае, если поиск осуществляется в текстах, нормы которых значительно иные, чем в современных. Например, если для современных текстов практически во всех случаях поиск сочетаний целесообразно осуществлять с учётом пунктуационных знаков, то при непоследовательном использовании знаков оформления текста в средневековых рукописях пользователь должен сам определять, следует ли учитывать наличие небуквенного знака между искомыми словоформами. В условиях свободного расположения словоформ относительно друг друга, безусловно, важным является необходимость (кроме прочих параметров, которые используются при подготовке стандартных запросов) учитывать (или не учитывать) и порядок следования компонентов сочетания.

Приведём перечень параметров, которые должны использоваться при подготовке запроса для поиска сочетаний словоформ в средневековом корпусе, и комментарии к ним.

1. *Тип единицы поиска*. Единицей поиска могут быть не только словоформы, но и леммы; должны быть предусмотрены стандартные маски одной любой или нескольких любых единиц.

2. *Характеристики компонентов*. Параметр может быть использован при наличии соответствующей разметки единиц — грамматических, словообразовательных, семантических и иных характеристик словоформ и слов.

3. *Количество компонентов в сочетании*. Значение параметра задаётся или указанием на количество компонентов в искомым сочетаниях, или количеством введённых при запросе масок единиц; в последнем случае задаётся основная единица поиска.

4. *Расстояние между компонентами*. Указывается в тех же единицах, для которых делается запрос, — в словоформах.

5. *Фиксированный/свободный порядок следования компонентов*. Должен быть предусмотрен поиск сочетаний, в которых следование компонентов или соответствует порядку их следования в запросе, или свободное; значение параметра влияет на форму вывода данных по умолчанию.

6. *Знаменательные/незнаменательные части речи*. Учёт знаменательных и служебных частей речи может быть реализован с помощью характеристик параметра 2.

7. *Пересечение/непересечение сочетаний*. Необходимость выявления наиболее частотных сочетаний требует анализа всех последовательностей форм, то есть включения в состав каждого следующего сочетания выборки всех компонентов предыдущего, кроме первого.

8. *С учётом/без учёта пунктуационных знаков*. Нахождение сочетаний или только в пределах синтагм, или также и на их границах, разделённых пунктуационными знаками, требует указания соответствующего параметра включаемых в выборку контекстов.

9. *Абсолютное/относительное количество сочетаний*. Для нахождения в подкорпусе только таких сочетаний, которые встречаются с определённой частотой, необходимо иметь соответствующий фильтр с возможностью указать диапазон значений в абсолютных или относительных величинах.

Указанные параметры запроса позволяют выявлять в отдельных текстах, в группе текстов (подкорпусе) сочетания слов, встречающиеся неоднократно или с определённой частотой, вне зависимости от порядка следования в них компонентов, от контактного или дистантного их расположения, от наличия или отсутствия между компонентами пунктуационных знаков. Основным отличием предложенного набора свойств от используемого сейчас является указание одной словоформы для поиска её сочетаний с другими, а также вывод перечня сочетаний, сгруппированного по их количеству.

Результат запроса может быть получен в виде сортированных по частоте встречаемости или по алфавиту перечней коллокаций, снабжённых адресами, а также в виде диаграмм распределения сочетаний в пределах рукописи(ей).

Сформулированные требования позволяют расширить возможности функционирующих на портале «Манускрипт: славянское письменное наследие» исторических корпусов и дать пользователям средства выявления в текстах лексико-семантических единств различного типа.

ЛИТЕРАТУРА

Аникина Р. А., Баранов В. А. 2012а: Параллельный корпус русских летописей в Интернете: цели, задачи, технологическая основа, использование // Информационные технологии и письменное наследие: материалы IV Междунар. науч. конф. / В. А. Баранов, А. Г. Варфоломеев (ред.). Петрозаводск; Ижевск, 12–18.

Аникина Р. А., Баранов В. А. 2012б: Параллельный корпус русских летописей XIII–XV вв. в Интернете: инструментарий и методика лингвотекстологического анализа средневекового текста // Интеллектуальные системы в производстве. 2 (20), 157–162.

Баранов В. А. 2010: Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова в Интернете: подготовка электронной коллекции и функциональные возможности модулей корпуса // Уч. зап. Казанск. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 152, 6, 223–234.

Баранов В. А. 2011а: Корпус средневековых рукописей на портале «Манускрипт: славянское письменное наследие»: стандартные функции и новые возможности // Письменное наследие и современные информационные технологии: сб. статей лекторов междунар. науч. школы для молодёжи / В. А. Баранов (ред.). Ижевск, 5–36.

Баранов В. А. 2011б: Полнотекстовая коллекция славянских Евангелий проекта «Манускрипт» и специализированные инструменты разметки: модуль фрагментирования // Вестник Пермск. ун-та. Сер. «История». 2 (16), 40–47.

Баранов В. А. 2012а: Электронные коллекции древнейших и средневековых славянских рукописей на портале «Манускрипт»: функциональные возможности // Синайский кодекс и памятники древней христианской письменности: традиции и инновации в современных иссле-

² Аникина, Баранов 2012а; Аникина, Баранов 2012б; Баранов, Зуга 2011.

³ Баранов, Дубовцев 2012.

дованиях: труды междунар. науч. конф. «Синайский кодекс. Рукопись в современном информационном пространстве» (Пятое Загребинские чтения). СПб., 169–182.

Баранов В. А. 2012б: Лингвистические, методические и технологические вопросы создания и использования корпуса средневековых славянских текстов // Русистика: язык, культура, перевод: сб. докл. юбилейной междунар. науч. конф. София, 404–414.

Баранов В. А., Дубовцев С. В. 2012: Модуль статистики информационно-аналитической системы «Манускрипт»: функции и демонстрация данных // Информационные технологии и письменное наследие: материалы IV Междунар. науч. конф. / В. А. Баранов, А. Г. Варфоломеев (ред.). Петрозаводск; Ижевск, 23–26.

Баранов В. А., Зуга О. В. 2011: Лингвистические и компьютерные основы создания корпуса Евангелий XI–XIII вв. // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 136–138.

SEARCH FOR COLLOCATIONS AND THEIR DEMONSTRATION IN THE TEXT CORPUS “MANUSCRIPT”

V. A. Baranov

The article discusses search tools and demonstrations of linguistic units in the full-text corpus of medieval Slavonic manuscripts (project manuscripts.ru). Particular attention is focused on the description of the query parameters needed to identify collocations in the text corpora.

Key words: text corpus, medieval Slavonic manuscripts, data search, visualization, collocation

© 2014

А. Д. Выхрыстюк

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Развитие языка происходит по его внутренним законам и определяется потребностями общества. Сегодня, в век интернет-технологий, в языке стремительно рождается новая компьютерная лексика, отражающая новые понятия. В статье рассматривается специфика современной компьютерной терминологии в русском языке, национальные и интернациональные стороны её формирования.

Ключевые слова: компьютерная терминология, заимствование, динамика, национальный, интернациональный

Быстрое внедрение во все сферы человеческой жизни компьютерных и интернет-технологий значительно облегчило возможности для решения производственных задач и воплощения творческих идей. Увеличивается поток документов на бумажных и электронных носителях, появляются новые виды технических устройств (*смартфон, коммуникатор, нетбук* и т.д.) и типы связи (*сайты, порталы, блоги, чаты, форумы* и пр.). Русский язык испытывает проблемы в связи с научно-техническим прогрессом, но вместе с тем обозначилось и ряд собственно лингвистических проблем. Одна из них — потребность в формировании терминологического аппарата в сфере компьютерных и интернет-технологий.

За основу в работе взято наиболее приемлемое определение термина, принадлежащее Л. Л. Нелюбину: «Термин — это слово или словосочетание специального языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.д.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов»¹.

Первоисточником современной русской компьютерной терминологии, по понятным причинам, стал английский язык. По наблюдениям лингвистов, он же явился и более приспособленным для словопроизводства в новой отрасли, чем наш родной русский. В русском языке не всегда находятся достойные эквиваленты ёмким английским терминам. Массовое внедрение компьютерной терминологии не могло не повлиять на состояние и дальнейшее развитие современного русского языка: появляются новые термины, наименования, которые входят в повседневную разговорную речь, порождая компьютерный сленг. При освоении английских лексем используются различные способы: калькирование, заимствование путём транскрипции или транслитерации, использование аббревиатур. Некоторые *кальки* успешно приживаются, и вряд ли кому-нибудь придёт сегодня в голову использовать слова *гляделка* или *сетепровод* вместо ставшего привычным термина *браузер*. Но очень часто отсутствие грамотного перевода иноязычных специальных слов приводит к тому, что даже профессионалы начинают говорить на примитивном сленге. Особую сложность представляет процедура отграничения термина от нетермина, что объясняется использованием в английской компьютерной терминологии ряда лексических единиц, обладающих разветвлённой системой значений.

Работа по формированию русскоязычной терминологии в области компьютерных баз данных у нас в стране началась ещё в 1970-е гг. и связана с именем М. Коголовского. В этот период научные работники имели возможность на общественных началах заниматься терминологическими проблемами. Систематизации научно-технической терминологии оказывалась государственная поддержка: при Академии наук работал Комитет научно-технической терминологии, который осуществлял подготовку ряда методических материалов по составлению словарей, в том числе по вычислительной технике. Активное развитие компьютерной технологии в конце XX — начале XXI в., постоянное появление новых понятий требовало ответной реакции лингвистов. По мнению учёного-лексикографа Ю. Кузьмина, первого главного редактора журнала «Мир ПК», а сегодня президента издательской группы «Профи-Пресс», «необходимость следовать массе стандартов, инструкций и другим

Выхрыстюк Алексей Дмитриевич — аспирант кафедры филологического образования Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева. E-mail: wolfalex_24@mail.ru

¹ Нелюбин 1999, 265.

документам в подготовке специализированных текстов не всегда положительно влияла на качество перевода, поскольку они зачастую не успевали за появлением новых терминов в быстроразвивающейся отрасли компьютерной технологии².

В настоящее время мы являемся очевидцами того, как переводная литература и периодическая печать активно вводят в компьютерный лексикон новые термины. Возникает вопрос о том, насколько качественным оказывается их перевод. Не злоупотребляют ли издатели кальками с английского языка? Переводчикам компьютерных терминов важно опираться на определённые эталоны, а также влиять на их формирование. Выработкой базовых терминов, не зависящих от реализации технологий разными производителями, должны заниматься узкие специалисты в соответствующих областях, от которых требуются основательные знания в данной области технологий и высокая языковая культура не только русского, но и английского языка. Но в связи с незнанием или недостаточным знанием английского языка, откуда пришло в наш язык много терминов, работниками сферы области компьютерных технологий, начинающими пользователями, журналистами, писателями часто используются не адекватные переводы терминов, а обыкновенные их транскрипции, причём часто неправильные. В результате термин входит в русский язык подчас в непонятном для простого пользователя звучании и значении. Приведём в качестве примеров только два таких термина: I. *Аккаунт* (Account). 1. Имя (логин) + пароль для входа в систему. 2. Бюджет, объём ресурсов вычислительной системы, который можно использовать в течение определённого периода; II. *Акселератор* (Accelerator). Ускоритель. Тип видеоадаптера, содержащий свой собственный процессор для повышения производительности, который разрабатывается с учётом максимального ускорения графических вычислений, потому ведёт обработку графической информации лучше, чем универсальный процессор компьютера. Кроме того, графический ускоритель освобождает процессор компьютера для выполнения других команд³.

Результатом работы по упорядочению компьютерной терминологии становятся разнообразные толковые словари, глоссарии и переводные словари. Однако их главная проблема — быстрое устаревание. Известен ряд словарей, значительная часть содержания которых перестала быть актуальной. Таков «Англо-русский словарь по программированию и информатике» под редакцией А. Б. Борковского (1990), «Англо-русский толковый словарь по вычислительной технике, Интернету и программированию» под редакцией Э. М. Пройдакова и Л. А. Теплицкого (2011). Их авторы утверждают, что словари устаревают уже в процессе подготовки их, т.к. сегодня образуется примерно по три новых термина в день, т.е. около тысячи новых терминов в год. Выходящие словари не в состоянии отразить терминологию, в связи с чем более оперативными могут быть электронные словари⁴.

Большой недостаток словарной работы в сфере компьютерной технологии в русском языке — это практически полное отсутствие специализированной литературы по определённым направлениям информационных технологий. Большинство издаваемых справочных изданий — это литература широкого профиля. Во многих нет полноты, сбалансированности и вообще какой-л. системы в составе терминов охваченных узких областей компьютерной технологии. Часто авторы новых изданий просто копируют ранее выпущенные материалы со всеми их дефектами, не делая поправок на время. В этом плане выгодно отличается словарь В. Ф. Хайдаровой «Слова, из которых соткана сеть»⁵.

Основным ресурсом компьютерной лексики является английский язык. По этой причине большая её часть — это заимствования, представленные всеми типами: неадаптированные и адаптированные языком-преемником собственно заимствованные слова, развившие в русском языке грамматические категории рода, числа и падежа; полукальки; словообразовательные и семантические кальки. Примером адаптированного заимствования является само слово *Интернет*, которое изначально было несклоняемым. Примером семантического калькирования являются слова *память* — *memo* (англ.), *жесткий диск* — *hard disk* (англ.), *мышка* — *mouse* (англ.) и др.

Следующим этапом развития компьютерной терминологии является создание собственно русских терминов и понятий, что неизбежно ведёт к различиям в толковании одного и того же понятия в различных языках. Так появляются синонимы *принтер* и *печатное устройство*, *виртуальный* и *сетевой*, которые не всегда взаимозаменяемы⁶. Попав на чужую почву, иноязычное слово становится основой для нового словообразования. В русском языке активно образуются глаголы, как правило, разговорной окраски: *кликнуть*, *щёлкнуть*, *стартовать* и др., а также имена существительные с суффиксами *-щик/-чик*, в результате чего образуются омонимы.

Ещё одна особенность заключается в том, что компьютер и Интернет используются с разными целями людьми всех возрастов и профессий, и чаще неспециалистами. Это накладывает отпечаток на создание в компьютерном языке стилистически сниженной лексики. Её основа — компьютерная лексика английского происхождения. Так, адаптация в русском языке кальки с английского *электронная почта* становится *мылом*, а *электронный почтовый ящик* — *мыльницей*. Такое искусственное переименование, не имеющее семантической мотивировки, можно приравнять к жаргонизмам.

Будучи общечеловеческой сферой деятельности, информатика стала узловым центром международного сотрудничества, что повлекло за собой интернационализацию значительного пласта компьютерной терминологии. Само слово *computer* является интернационализмом, к интернационализмам можно отнести названия команд и символов: *дисплей*, *документ*, *старт* и др. Основными признаками компьютерного термина являются интернациональность внешней формы, предметная направленность и стилистическая нейтральность в терминологическом поле, тенденция к систематичности, полифункциональность и многозначность. Например, *cookie* в переводе на русский язык означает *печенье*, но в терминологии компьютерной безопасности это название небольших файлов, которые создаются на жёстком диске компьютера при первом посещении веб-узла. Файлы *cookie* можно сравнить с уникальным удостоверением личности: они уведомляют узел о том, что пользователь посещает его повторно⁷.

Обобщая, подчеркнём то, что развитие языка происходит в соответствии с его внутренними закономерностями и определяется потребностями носителей языка. В век компьютерных технологий мы являемся очевидцами того, как рождается

² Лихолитов 1997, 45.

³ Выхрыстюк 2013.

⁴ Выхрыстюк 2013.

⁵ Хайдарова 2011.

⁶ Смирнов 2007, 12, 18.

⁷ Горбачевский 2011, 68.

компьютерная терминология, меняясь ежедневно и с трудом прокладывая себе путь: возникают всё новые аббревиатуры, многочисленные профессиональные жаргонизмы, но лишь очень немногие из них приживаются в языке и становятся устойчивыми терминами этой особой сферы деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Борковский А. Б.* 1990: Англо-русский словарь по программированию и информатике (с толкованиями). М.
Выхрыстюк А. Д. 2013: К проблеме формирования современной компьютерной терминологии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/128/2228>.
Горбачевский А. А. 2011: Перевод: адекватный, эквивалентный, реалистический // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. «Филология, искусствоведение». Вып. 67. 24 (239). 66–69.
Лихолитов П. В. 1997: Компьютерный жаргон // Русская речь. 3, 43–49.
Нелюбин Л. Л. 1999: Переводоведческий словарь: учеб. пособие. М.
Пройдаков Э. М., Теплицкий Э. М. 2011: Англо-русский толковый словарь по вычислительной технике, Интернету и программированию. М.
Смирнов Е. Е. 2007: Особенности передачи англоязычной терминологии в области электронной бытовой техники: дис. ... канд. филол. наук. М.
Хайдарова В. Ф. 2011: Слова, из которых соткана сеть. М.

NATIONAL AND INTERNATIONAL ASPECTS OF FORMATION OF MODERN RUSSIAN COMPUTER TERMINOLOGY

A. D. Vyhrystyuk

The development of the language occurs according to its inner laws and is defined by society needs. Nowadays, in the era of new net-technologies, there appears a new computer vocabulary reflecting new notions. Article examines the specifics of modern net terminology in the Russian language, national and international aspects of its formation.

Key words: computer terminology, borrowing, the dynamics, national, international

© 2014

К. Р. Галиуллин, Г. Н. Каримуллина, Р. Н. Каримуллина, Д. А. Мартянов

СВЕРХСЛОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В РУССКОЙ ЛИНГВОГРАФИИ*
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В статье рассматриваются принципы формирования и особенности эксплуатации электронных фондов сверхсловных единиц (фразеологизмов, паремий, составных терминов и др.), созданных в Казанском университете на основе материалов академических словарей русского языка XIX века, раскрывается информационный потенциал справочников.

Ключевые слова: сверхсловная единица, фразеологизм, паремия, составной термин, лингвография, словарь, электронный фонд, интернет-справочник

Одним из важнейших направлений деятельности в области научно-информационного обеспечения лингвистики является создание корпусов (фондов) разнообразных материалов, представляющих интерес для одной или многих областей науки о языке. В русле этого направления реализуется грантовый проект «Комплексный справочный фонд словарей русского языка XVIII — первой половины XIX в.» (грант РГНФ № 11-04-12076в), в котором решается задача создания металингвографического свода, который инвентаризует языковые материалы, представленные в основных словарях указанного периода¹. В рамках проекта были подготовлены электронные справочники, которые дают пользователю широкие возможности для поиска и отбора единиц, зафиксированных в разных словарях, с учётом разных параметров. Компоненты фонда размещены на сайте «Казанский лингвографический фонд» интернет-портала Казанского федерального университета (<http://www.klf.kpfu.ru/russlovar18-19>).

В настоящее время продолжается работа по повышению информационного потенциала сводного фонда. В частности, на основе его материалов формируется ряд специализированных подфондов, в которых регистрируются и более развёрнуто описываются материалы, отобранные с учётом различных признаков: тип единицы, лингвографические параметры, харак-

Галиуллин Камил Рахимович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. E-mail: galiullin.kamil@mail.ru

Каримуллина Гузель Нурутдиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. E-mail: guzelika@list.ru

Каримуллина Резеда Нурутдиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. E-mail: re_ka@mail.ru

Мартянов Денис Андреевич — кандидат филологических наук, ассистент кафедры прикладной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. E-mail: denis.martyanov@kpfu.ru

* Лингвография — 1) междисциплинарная область языкознания, теория и практика создания словарей, языковых справочников; подразделами лингвографии являются лексикография, фразеография, морфемография, паремиография и др.); 2) совокупность словарей (языковых справочников).

¹ Галиуллин 2012, 110–119; Галиуллин 2013, 92–94.

теристики, представленные в источниках (см., например, свод сходнозначных единиц — электронный фонд синонимов и вариантов, а также фонд тюркских заимствований²).

Наряду с подфондами слов, зарегистрированных в описываемых словарях, для каждого источника формируется и подфонд сверхсловных единиц (СЕ). Рассмотрим особенности создания подфондов СЕ на материале академических словарей первой половины XIX в. — «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (1806–1822 гг., далее — САР-2) и «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г., далее — СЦСРЯ).

Составители САР-2 не пишут о принципах отбора и описания СЕ, а в предисловии к СЦСРЯ представлено короткое указание относительно подачи «особенных выражений» (см. правило 11): «присовокуплять всѣ особенныя выражения, напр. при словѣ Богъ: съ Богомъ! Богъ съ тобой! Выражения, составляющія особенности языка, отъ опредѣлений и примѣровъ отдѣлять чертою» (СЦСРЯ, т. 1, XIII).

В фонде описываются все СЕ, зафиксированные в анализируемых словарях, — фразеологизмы, составные термины, устойчивые обороты, предложно-падежные сочетания, паремии; см.: *баклуши бить, внимательный падежь, по возможности, такой же, подь хмелькомъ, аза въ глаза не знаетъ* и др.

Зоны СЕ, описываемых в словарях, обладают рядом отличительных признаков: САР-2 — 1) заголовочные СЕ: а) позиция — начало абзаца, б) буквы — прямые прописные (когда не отмечается связь данной СЕ с единицей предшествующей статьи); СЦСРЯ — 1) заголовочные СЕ: а) позиция — после длинного тире, б) буквы — курсивные строчные; кроме того, все зоны описываемых СЕ включают характеризующую часть (толкование, сведения об особенностях употребления и др.), которая обычно располагается после СЕ, но в отдельных случаях приводится и перед СЕ: «*Алтынный <...>* — Отсюда присловица означаящая скупягу: *У него каждая копѣйка алтыннымъ гвоздемъ прибита*»; СЦСРЯ — 1) заголовочные СЕ: а) позиция — начало абзаца, б) буквы — прямые прописные; 2) внутрискатейные СЕ: а) позиция — после длинного тире, б) буквы — курсивные строчные; в СЦСРЯ также все зоны описываемых СЕ содержат характеризующую часть.

Наличие ряда отличительных признаков у зоны СЕ позволяет идентифицировать материал и проводить правильное его описание и в тех случаях, когда у зоны отсутствуют какие-л. признаки или когда эти признаки появляются у других зон. К примеру, в СЦСРЯ перед СЕ *Лечь на якорь* (в ст. *лечь*), *Сомкнутая кривая* (ст. *сомкнутый*), *У него языкъ дологъ* (ст. *языкъ*) и некоторых других отсутствует длинное тире, однако такие единицы включены в корпус, поскольку имеют толкования. С другой стороны, отмечены случаи употребления длинного тире перед примерами употребления. Подобные материалы в корпус не включались, так как у этих СЕ отсутствует содержательный показатель — толкование значения (кроме того, они не обладают сущностными признаками СЕ — устойчивостью, воспроизводимостью); см., например, в СЦСРЯ: *Землетрясение было чувствуемо на обоихъ отклоняхъ Урала* (ст. *отклонь*) и др.

На данном этапе в составе фонда представлены заголовочные и внутрискатейные СЕ, описанные в словарях-источниках: САР-2 — а) заголовочных — более 3490 единиц, б) внутрискатейных — более 280 единиц; СЦСРЯ — а) заголовочных — более 1060 единиц, б) внутрискатейных — более 5610 единиц (уточнённые данные будут получены после завершения обработки материалов).

В подавляющем большинстве случаев СЕ приводится в словаре один раз (в статье одного из значимых слов в её составе). Случай, когда СЕ помещается более чем в одной статье, единичны; см. САР-2: *Даровому коню въ зубы не смотрятъ* (см. ст. *даровой, зубъ*), *Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ* (см. ст. *плесъ, рыбакъ*), *Воловей языкъ* и *Языкъ воловей*; СЦСРЯ: *Камень философскій* и *Философскій камень*; *Дорога желѣзная* и *Желѣзная дорога*.

В фонде СЕ фиксируются в том виде, в котором они даны в источниках, за исключением случаев, когда СЕ субстантивного типа зафиксированы не в начальной форме, а в форме косвенного падежа вследствие объединения его с толкованием; см., например: *Траншейными кавальерами называются...*; *Магнитомъ искусственнымъ называется...* (СЦСРЯ), *Артышь <...>* такъ же и Донскимъ или Казацкимъ можжевелникомъ называется» (САР-2) и др.

В некоторых словарных статьях СЦСРЯ в зоне «особенных выражений» после горизонтальной черты приводятся однословные единицы, см., например: *Вконецъ, Въсподи, Качай, Кишкою, Клубомъ, Кубаремъ, Леткомъ, Съсподи* и др., которые также фиксируются в сводном фонде.

Составители словарей нередко в составе одного комплекса описывают две и более СЕ, объединяемые обычно на основании формально-семантического сходства (близости); см., например: *Адамантовая твердость. Адамантовая грудъ. Адамантовое сердце*, т.е. *человѣкъ непоколебимаго духа* (САР-2), *Пялить глаза. Выпялить глаза*, зн. *смотреть на кого или на что-л. пристально*» (СЦСРЯ, ст. *пялить*) и др.

В фонде регистрируются все случаи вариативности компонентов СЕ; при подаче вариантов в словарях используются различные средства: а) скобки: *Потерять жваку (жвачку), Добро жаловать (пожаловать)* (САР-2); *Вечерняя жила (металлическая), Денная или дневная смѣна (шихта)* (СЦСРЯ); б) запятая: *У него карманъ тонокъ, жидокъ, пустъ; Стоять на караулѣ, на часахъ* (САР-2); *Выютюжить спину, бока; Войти въ голову, въ умъ, въ мысль* (СЦСРЯ); в) слова или (САР-2, СЦСРЯ), *иначе* (СЦСРЯ): *Проникнуть въ глубину сердца или сердечную* (САР-2); *Тугъ* или *крѣпокъ на ухо; Таблица умножения, иначе Пифагорова таблица* (СЦСРЯ).

В перспективе предполагается пополнение фонда СЕ за счёт сверхсловных составных терминов, которые включаются в статьи СЦСРЯ, где описываются «названия животных, растений, ископаемых», в качестве «подобозначащих» СЕ; см.: «Татарское мыло <...> *Мыльная трава. Соколий перелеть*» (СЦСРЯ).

В целях расширения информационного потенциала фонда в нём регистрируются также разнообразные характеристики СЕ, представленные в словарях-источниках: а) функциональные, стилистические и другие характеристики в виде помет (стар., простон., грам. и др.) или развернутых пояснений («На шлифовальных фабрикахъ (въ Колывани): *разнести камень*» (СЦСРЯ); б) тип СЕ — Посл. (пословица), Пог. (поговорка), Приговорка, Присловица и др.

Возможности поиска и выборки необходимого материала расширяются благодаря подключению синетонимов — современных соответствий для устаревших слов (словоформ) в составе СЕ, более привычных, знакомых пользователю вариантов слов. Процесс синетизации — подбора синетонимов — осуществляется: а) путём замены дореформенных букв кириллицы

² Галиуллин 2014, 41–42; Каримуллина 2007, 272–278.

цы современными (**ѣ** > *e*, *I* > *u* и т.д.); б) путём удаления конечного **ѣ**; в) а также путём приведения современных соответствий для единиц, имеющих другие отличительные особенности (помимо специфических букв); см. например: *счѣт* > *щотъ* (*держать щот*), *поодинокѣ* > *по одиначкѣ* (САР-2); *бесплодный* > *безплодный* (*безплодная трава*), *проекція* > *проэція* (*стереографическая проэція*), *азиатский* > *азіятскій* (*азіятская рожжа*) (СЦСРЯ).

Традиционные (бумажные) собрания СЕ (например, фразеологические, паремиологические и т.п. словари) обычно не показывают в полном объёме фразеологическую, паремиологическую и т.п. активность каждого слова, входящего в состав СЕ, и, как правило, не могут во всех статьях таких слов привести все СЕ, в которых эти слова встречаются. Сказанное касается подавляющего большинства современных языковых справочников, описывающих СЕ, а также словарей предшествующих столетий (в нашем случае — САР-2 и СЦСРЯ). К примеру, в СЦСРЯ в статье *запись* нет ни одной СЕ; все имеющиеся в словаре СЕ с этим словом размещены в словарных статьях на прилагательные: *Выкупная запись*; *Дарственная запись*; *Жилая запись*; *Житейская запись* и др.

Электронная версия свода СЕ предоставляет пользователю возможность получить сведения обо всех СЕ, включающих соответствующую лемему.

Фонд содержит материалы, ценные для изучения истории конкретных СЕ, в частности, в нём представлены разнообразие варианты, отличающиеся теми или иными компонентами от распространённых в современном языке: *Даровому коню въ зубы не смотрятъ*, *Не измѣря броду, сунуться въ воду*, *Камень претыканія*, *Плясать по чьей дудкѣ*, *Дать стрелка* и др.

Сравнительный анализ (с привлечением материалов последующих источников) показывает изменение статуса ряда единиц, переход из СЕ в разряд слов (во многом из-за орфографических преобразований): *въ три дорога* > *втридорога*, *не уже ли* > *неужели*, *по добру по здорову* > *подобру-поздорову*.

Информационное и программное обеспечение фонда позволяет осуществлять поиск, отбор материалов СЕ с учётом различных характеристик: а) по словам (словоформам), входящим в состав СЕ, независимо от позиции этих слов в СЕ; б) по компонентам слов (например, начальное *без-*, *к-*, конечное *-ник*); в) по количеству значений СЕ; г) по количеству букв, слогов в слове из состава СЕ; д) по функциональным характеристикам (например, с учётом лингвографических помет, представленных в словарях-источниках); е) по типу СЕ, указанному в источниках (пословица, поговорка, приговорка, присловица и др.); ж) по сходнозначным единицам (синонимам, вариантам СЕ), описанным в словарях-источниках и зарегистрированным в фонде; з) по синетонимам, современным соответствиям к словам из состава СЕ.

Расширению информационного потенциала будет способствовать размещение фонда СЕ в Интернете³, в частности, благодаря возможности сопряжения его со сходными сетевыми ресурсами, например, с фондом пословиц и поговорок XVIII в.⁴, а также с разнообразными базами данных, описывающими лексический материал.

Как показывает анализ, формирование электронных сводов СЕ способствует введению в широкий научный оборот материалов, представляющих интерес для различных областей исторической русистики (фразеологии, паремиологии, лексикологии, терминоведения).

ЛИТЕРАТУРА

- Галиуллин К.Р. 2009: Интернет-лингвография: русские текстописывающие словари // ПИФК. 2 (24) / С.Г. Шулежкова (ред.). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 635–639.
- Галиуллин К.Р. 2012: «Словарь Академии Российской» в фонде лингвографических источников XVIII — первой половины XIX века // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. VIII, 3 / И.А. Малышева, Т.Н. Буцева, О.М. Карева (отв. ред.). СПб., 110–119.
- Галиуллин К.Р., Мартыанов Д.А., Александрова И.Л., Загидуллин М.Р. 2013: Русский язык в словарных описаниях середины XIX века: справочный интернет-комплекс // Международный журнал экспериментального образования. 5 / М.Ю. Ледванов (гл. ред.). М., 92–94.
- Галиуллин К.Р., Каримуллина Г.Н., Каримуллина Р.Н., Мартыанов Д.А. 2014: Синонимы и варианты в русской лингвографии XVIII — первой половины XIX века: комплексный электронный фонд // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Междунар. конгресс исследователей русского языка: труды и материалы / М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина (сост.). М., 41–42.
- Каримуллина Г.Н. 2007: Тюркизмы в русской лингвографии XVIII–XX вв.: семантико-функциональный аспект // Учёные записки Казанск. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 149. 2 / М.Х. Салахов (гл. ред.). Казань, 272–278.
- Мартыанов Д.А. 2011: Сборники русских пословиц и поговорок первой половины XVIII века: лингвистическая информативность // Учёные записки Казанск. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 163. 6 / И.Р. Гафуров (гл. ред.). Казань, 67–73.

SECONDARY COMPOUND UNITS IN RUSSIAN LINGUOGRAPHY (the 1st half of the 19th century)

K. R. Galiullin, G. N. Karimullina, R. N. Karimullina, D. A. Martyanov

The article regards the principles of formation and the features of usage of electronic corpuses connected with the secondary compounds (phraseological units, paroimias, composite terms, etc.). These corpuses are created in Kazan University with support of the academic dictionaries of Russian Language (the 19th century). Besides, the paper reveals the information potential of reference books.

Key words: secondary compound, phraseological unit, paroimia, composite term, linguography, dictionary, electronic corpus, Internet-guide

³ Галиуллин 2009, 635–639.

⁴ Мартыанов 2011, 67–73.

© 2014

Я. А. Дударева

«НЕЙМИНГОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ РАЗРАБОТКИ*

В статье представлена концепция «Неймингового словаря русского языка» — ономастического словаря нового типа. Каждая словарная статья в описываемом издании представляет собой нейминговое гнездо слова-бионима как потенциально возможное и как реально существующее в лингвомаркетологическом пространстве русского языка.

Ключевые слова: нейминговый словарь, нейминговое гнездо, лингвомаркетология, эргоним

В современной российской действительности лингвомаркетинговые исследования приобрели особую актуальность. Вопрос выбора фирменного наименования осознаётся как вопрос особой значимости, поскольку от правильности принятого решения в области нейминга зависит объём продаж, финансовый успех самого дела.

В лингвистике исследования коммерческих наименований с точки зрения их коммерческой удачности/неудачности стали рассматриваться как особый вид экспертизы — нейминговая экспертиза¹. Создание неймингового словаря расширит круг имеющихся работ лингвистов в области лингвомаркетологии.

Каждая из словарных статей описываемого лексикографического труда представляет собой нейминговое гнездо, состав которого формируется на основе источников 2-х типов.

Первым источником являются экспериментальные данные. Каждая словарная статья отражает нейминговый потенциал русского слова, который определяется не предписательно на основе интуиции лингвиста-лексикографа, а выявляется описательно в ходе эксперимента с рядовыми носителями русского языка.

Второй источник формирования нейминговых гнезд — это база данных справочной системы «ДубльГис» по разным городам России, рассматриваемая, с учётом целевой направленности научного исследования, как картотека эргонимов. В существующих фирменных наименованиях проявляются уже реализованные лингвомаркетинговые возможности русского слова: способность нарицательных имён расширять номинативный потенциал, становиться именами собственными, функционирующими в качестве наименований различных организаций.

Объём словаря составляет 400 лексем: *абрикос, абрикосик, агава, аист, аистёнок, айва, акация, акула, аллигатор, алоэ, алыча, альбатрос, амёба, ананас, анис, антилопа, анчоус, анютины глазки, апельсин, арахис, арбуз, астра, бабочка, баклажан, бактерия, бамбук, банан, баобаб, баран, барашек, барбарис, барс, барсук, баццлла, бегемот, бегония, белка, белладонна, бергамот, берёза, берёзка, беркут, бизон, блоха, боб, бобик, бобр, борзая, брюква, буйвол, буж, букашка, бульдог, буреветник, бурёнка, бурундук, бык, бычок, ваниль, ванилька, василёк, верба, вербена, верблюд, верблюжонок, виноград, вирус, вишенка, вишня, वोбла, водоросль, вол, волк, волчонок, воробей и др.*

Выборка слов-бионимов из общего словарного фонда русского языка производилась с учётом теоретической и практической направленности лексикографического издания. Нейминговый словарь позволяет исследователям, а также специалистам из сферы маркетинга и рекламы, PR-коммуникации, бренд-менеджмента и т.п. решать стоящие перед ними профессиональные задачи.

Для лингвиста нейминговый словарь будет полезен в качестве источника материала при описании явления полисемии, сходства и различия словообразовательных пар и членов словообразовательных гнезд (*кот — котик, котяра* и др.), синонимичных и близких по смыслу пар слов (*аллигатор — крокодил; бегемот — гиппопотам; заяц — кролик, конь — лошадь* и т.д.), ассоциативных полей бионимов, представления слова как имени концепта. Отдельной темой для изучения лингвистов является описание ассоциативных представлений носителей языка о редких, малознакомых или вовсе неизвестных для них словах (*агава, айва, гаолян, граб, джгут* и др.).

Для специалистов, проводящих лингвомаркетинговые исследования, настоящий словарь будет полезен в качестве базы данных по восприятию того или иного слова-бионима рядовыми носителями русского языка в качестве наименования определённого юридического лица. Наличие второго компонента словарной статьи, в котором фиксируются наименования уже существующих в России организаций и учреждений, даёт возможность оценить ожидания покупателей, потребителей услуг с теми реальными предложениями, какие в настоящее время имеются на рынке.

В процессе анализа данных в справочно-правовой системе «ДубльГис» в словарную статью включаются организации, названия которых представляют собой самостоятельные слова-бионимы (например, «Яблоко» — магазин продуктов; студия красоты). В тех случаях, когда наименованиями организаций являются словосочетания, образованные словами-бионимами (например, «Гусь в яблоках» — буфет), то включение наименования в ту или иную словарную статью определяется по главному слову. Если наименование организации представляет собой сложное слово, состоящее из равноправных компонентов («Чай-Кофе» — магазин), то оно учитывается в обеих словарных статьях. Наименования-сложные слова или словосочетания, включающие в свой состав производное слово от заголовочного, также учитываются при составлении словарной статьи («Чайна Хаус», «Кофейная Кантата» — магазины чая и кофе). В состав словарной статьи также включаются наименования организаций, записанные латиницей («Acoola Kids» — магазин детской одежды) и наименования на иностранном языке, перевод которых на русский язык содержит слово-бионим («InTea» — интернет-магазин чайной продукции).

Словарная статья в нейминговом словаре строится следующим образом: заголовочное слово-стимул, за ним следуют два нейминговых гнезда, первое из которых составлено на основе результатов проведённых экспериментов, а второе — на основе данных информационно-справочной системы городов России «ДубльГис».

Дударева Яна Александровна — кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка Кемеровского государственного университета. E-mail: dudareva-yana@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Нейминговый словарь русского языка (слова-бионимы как фирменные наименования)» № 14-34-01250.

¹ Соколова 2011, 29–31.

Слова-реакции на стимул располагаются по мере убывания их частоты, которая указывается после слова-реакции или в конце группы слов-реакций с одинаковой частотой. Внутри этой группы реакции-ответы располагаются в алфавитном порядке. Организации с близкими видами деятельности объединяются в один тип реакции. В тех случаях, когда наименования организации отличается от заголовочного слова (т.е. представляет собой словосочетание, сложное слово или выполнено на иностранном языке), то варианты наименований указываются в скобках.

В конце каждой части словарной статьи прописываются итоговые цифры, например: **112+20+10**:

- 1) количество реакций, данных на слово-стимул, (112);
- 2) количество разных реакций, данных на слово-стимул, (20);
- 3) количество отказов (10). Количество отказов указывается только для нейминговых гнёзд, составленных на основе экспериментов с носителями языка.

Пример словарной статьи в «Нейминговом словаре русского языка»²:

АКУЛА

ночной клуб **3**; бассейн; развлекательный центр; рыболовный магазин **2**; бизнес-центр; брокерское агентство; дайвинг-клуб; детский лагерь; зоомагазин; клуб рыболовов; магазин; магазин водных видов спорта; магазин предметов для профессионалов своего дела; магазин спецодежды; магазин сумок; модный магазин; океанариум; охранное агентство; ресторан; финансовая школа **1**; 25+20+0.

Автомойка; автомоечный комплекс (Акула; Acoola); кафе; кафе-бар (Акула; Белая акула); рекламное агентство, рекламно-производственная компания (Акула; Akula); стоматологическая клиника; ~ центр, ~ кабинет (Акула; Белая акула) **3**; магазин (Acoola мания; 2 Акулы); магазин детской одежды и обуви (Acoola; Acoola Kids); зоомагазин; центр подводного плавания (Акула; Discus-Акула); охранное предприятие; IT-компания; веб-студия (Акула Веб; Веб-акула) **2**; агентство интернет-рекламы; баня (Серебряная акула); биржа копирайтинга (Акула пера); бутик (Acoola); гостинично-банный комплекс; гостиничный комплекс; дискотека; ДЮСШ по хоккею (Серебряные акулы); кино-кафе (Белая акула); клининговая компания (Акула клининга); магазин верхней одежды; магазин лодок (Три акулы); магазин мужской одежды; магазин одежды; магазин рыбных товаров (Восточная акула); мастерская бизнеса; оздоровительный центр; организация по проведению свадеб, банкетов, юбилеев; пейнтбол-клуб; печатный салон; продуктовый магазин (Белая акула); производственная компания (Белая акула); развлекательный центр; ремонтно-отделочная компания (Акулы ремонта); ресторан; ресторан доставки суши (Белая акула); салон нижнего белья; салон часов (Акула трейдинг); сауна; служба заказа легкового транспорта; студия красоты; торгово-сервисная компания; туристическое агентство; фитнес-клуб (Акула 79); центр продвижения рекламы; центр ремонта ходовой и ДВС (Акула Сервис) **1**; 60+47.

Нейминговый словарь русского языка представляет собой оригинальный лексикографический проект, возникший на основе пересечения известных в лингвистике типов словарей — ономастического и ассоциативного типов. Такое пересечение позволяет достичь нового научного результата — описать ассоциативно-номинативный потенциал различных групп лексики русского языка, моделировать наряду с уже описанными типами отношений между лексемами (словообразовательными гнёздами, синонимическими и антонимическими полями и др.) нейминговые гнёзда русских слов.

ЛИТЕРАТУРА

Соколова Т.П. 2011: Нейминговая экспертиза в судопроизводстве: методические и прикладные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 12, 29–31.

“NAMING DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE”: THEORETICAL AND PRACTICAL EXPERIENCE OF DEVELOPMENT

Y.A. Dudareva

The article introduces the concept of “Naming dictionary of the Russian language” — a new type of onomastic dictionary. Each entry in the publication being described is a naming field of bionyms as a potential and as actually existing in linguomarketing field of the Russian language.

Key words: naming dictionary, naming field, linguomarketing, ergonym

² Первая часть словарной статьи подготовлена на основе эксперимента с 15 участниками.

© 2014

О. М. Лунцова, Л. И. Швыдкая

К ВОПРОСУ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

В статье рассматриваются интернет-мемы, сочетающие вербальные и невербальные планы выражения, а также прослеживается их развитие в онлайн- и офлайн-коммуникативном пространствах.

Ключевые слова: интернет-мем, вербальный, невербальный, онлайн- и офлайн-коммуникативное пространство

Все семиотические системы, относящиеся к жизнедеятельности человека, претерпевают постоянные изменения, подвергаясь воздействию социально-экономических факторов, с одной стороны, и взаимному влиянию этих систем, с другой стороны. Человек становится вольным и/или невольным регулятором данных процессов, ярким примером чего является коммуникативная среда человека.

Интернет-язык, как особый социокультурный феномен, являющийся частью современной культуры, в последнее время стал предметом пристального внимания со стороны учёных-лингвистов во всем мире. Интернет-язык представляет интерес не только потому, что является проекцией отдельного социолекта, но еще и потому, что его пользователи одновременно общаются как в виртуальном, так и в реальном коммуникативном пространствах, что неизбежно способствует обмену языковыми средствами между знаковыми системами и их эволюционированию.

В данной статье наряду с изучением взаимодействия интернет-языка с естественным языком рассматривается вопрос взаимоотношения вербального языка с невербальным. Как известно, коммуникативный процесс сочетает вербальную и невербальную формы коммуникации, каждая из которых является отдельной знаковой системой, способной существовать независимо от другой. Однако в реальной жизни эти две системы порой так плотно переплетаются, что становятся сложно отделимыми друг от друга и даже обуславливают взаимное развитие.

Язык жестов неоднократно подвергался лексикографическому описанию, но потребность в новых словарях остаётся актуальной, поскольку ни на одном историческом этапе никакой словарь не может дать исчерпывающей информации до тех пор, пока существует сообщество пользователей данного языка с его неиссякаемым языковым творчеством. Благодаря современным информационным технологиям меняется не только темп передачи информации, но и содержание самих знаковых систем. Все названные здесь семиотические системы (естественный вербальный язык, невербальный язык реального мира, а также интернет-язык, сочетающий вербальный и невербальный планы) исследуются на примере некоторых интернет-мемов, имеющих англоязычное происхождение, и уже не только проникших в Рунет, но и начинающих преодолевать его границы, прорываясь в коммуникативное офлайн-пространство. В настоящее время лингвисты уже убеждены в «жизнеспособности языка Интернета, необходимости его изучения, инвентаризации его терминологических единиц и создания переводческих словарей»¹. Рассматриваемые в данной статье мемы иллюстрируют результат сплава сразу нескольких знаковых систем. Поэтому представляется необходимым не только приводить этимологические справки в словарях жестов, но и создавать комплексные словари, сочетающие в себе вербальные и невербальные элементы, с учётом всё более учащающихся межкультурных, в том числе языковых, контактов в условиях глобализации современного мира.

Один из наиболее модных мемов глобальной сети, *facepalm*, получивший в Рунете наименование *лобхлоп* или *рукалицо*, в своей базовой форме выглядит как лицо, прикрытое ладонью. Такой жест с незапамятных времен существовал во многих культурах, в том числе в рассматриваемых здесь англоязычной и русской, и обозначал стыд и горе. Тем не менее, лишь недавно термин *facepalm* и его визуальное обозначение появились в интернет-обсуждениях. Они используются как выражение смущения или общего горя, а также в ответ на глупость или ложную информацию и являются проявлением разочарования или стыда.

Следует отметить, что название жеста в русском языке *лобхлоп* или *рукалицо* появилось как калька английского слова *facepalm*, обозначающего не симптоматический жест (существовавший в русской культуре задолго до появления сети Интернет), а нарочито коммуникативный жест-символ, являющийся социолектным жестом: его употребление говорит о принадлежности пользователя к интернет-сообществу или молодёжной культуре. *Facepalm*, прежде чем проникнуть в Рунет, уже прошёл достаточно интенсивный эволюционный путь, начиная с жестового семиозиса, который уже более подробно рассматривался нами², — от хорошо известного прототипического жеста до проявления жеста в трёх видах — обычный *facepalm*, *double facepalm* (при котором обе ладони прикрывают лицо) и *epic facepalm* (когда горе или смущение настолько велики, что рука пробивает голову). Кроме того, в англоязычной культуре в интернет-языке и в офлайн-мире существует масса сложноположенных слов и фразеологизмов, содержащих компонент *facepalm*.

При отсутствии картинки данного жеста в онлайн-коммуникации жест обозначается либо словом *facepalm* с расширением .jrg, словом, заключённым в звездочки — **facepalm**, либо одним из следующих смайликов: ут_-, /(.), (/o). Как известно, эмодзи являются международной знаковой системой, поэтому могут беспрепятственно использоваться представителями любых национальных культур. Представляется, что интернет-мем *facepalm* обязан своим развитием не только интернет-языку как знаковой системе, но и естественному языку, который также способствовал развитию как мема, так и самого жеста. Естественный язык здесь выступает как хранилище информации и даёт основу для языкового творчества его носителям.

Другим мемом, получившим популярность в Рунете, стал интернет-мем *Cool story, bro*, который дословно переводится как *Крутая история, брат*, хотя русскоязычные пользователи сети также пишут: *Хладна твоя история, боярин*. Данный

Лунцова Ольга Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и теории обучения иностранным языкам Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: olga-luntsova@yandex.ru

Швыдкая Любовь Ивановна – кандидат филологических наук, профессор.

¹ Штукарева 2014, 301.

² Лунцова, Пухова 2013, 125.

мем сопровождается изображением следующего жестового комплекса: два больших пальца подняты вверх в знак одобрения (thumbs up), однако мимика лица, как правило, выражает сомнение или скуку — поднятые вверх брови и/или опущенные уголки рта. Мем появился, как утверждают, благодаря персонажу фильма «Образцовый самец» (2001 г.), который в ответ на очень длинную и скучную тираду, не вникнув в суть речи, смеясь, прокричал из другого конца комнаты “Cool story, Hansel!”. *Cool story, bro* было замечено в 2008 г. в видеоигре, где использовалось в ответ на чей-нибудь затянувшийся рассказ. В 2009 г. выражение попало в Urban Dictionary, а в 2011 г. была создана учётная запись в твиттере @CoolStoryBro, владелец которой стал активно копировать к себе на страницу сообщения, заслуживающие иронического или саркастического ответа³.

Интересным является то, что наряду с дословно переведённым мемом *Крутая история, брат* или более творческим его переводом *Хладна твоя история, боярин*, в Рунете существует адаптировавшееся посредством транслитерации слово *кулстори*, которое лишь формально имеет связь со своим источником *Cool story, bro*, поскольку обозначает ‘случай из жизни’ или ‘описание происшествия’ (например: «Анон, запили кулстори»). Таким образом, в результате заимствования мема *Cool story, bro* в Рунете получили развитие два мема: первый — *Крутая история, брат* или *Хладна твоя история, боярин* — является полной калькой своего английского источника и может употребляться с его жестовым изображением, выражающим иронию или сарказм. Разница в компонентах русской кальки объясняется реализацией разных значений слова *cool* (*прохладный* и разг. *крутой, клёвый, классный*). Второй мем не имеет ничего общего с коннотативным значением первого, и жестовое изображение может быть здесь вовсе не уместным. Т.е. можно говорить о двух сформировавшихся омонимичных знаках.

Еще один мем английского происхождения, широко употребляющийся в русскоязычной интернет-среде, — *Боромир-мем*. В оригинале фраза, взятая из первой части трилогии «Властелин колец», прозвучала следующим образом: “One does not simply walk into Mordor” (*Нельзя просто так взять и войти в Мордор*). Данный мем сопровождается изображением Боромира или другого персонажа, который представляет определённый жестовый комплекс: жест рукой, похожий на знак ОК и наклон головы слегка вправо и вперед. В Рунете этот мем используется так же, как и в англоязычной онлайн-среде, — текст вместе с изображением описанного жестового комплекса или без него (например: *One does not simply finish Minecraft; Мама, нельзя так просто взять и остановить онлайн-игру*).

В описанных примерах интернет-мемов вербальный язык (принадлежащий офлайн- и онлайн-коммуникативным пространствам) выполняет роль хранителя вербальной и невербальной информации мема и способствует развитию последнего как в виртуальном, так и реальном мире.

Интернет-мемы, как и вербальные единицы, ведут свою родословную от простых базовых, при этом произвольных движений (жестов). С помощью традиционного семантического треугольника можно продемонстрировать сходные когнитивные процессы, которые ведут к появлению новых жестов или к обновлению старых, а также новых языковых единиц: референт — понятие (концепт) — имя (символ).

Относительная автономность плана содержания и плана выражения языковой единицы и знака любой семиотической системы наводят на мысль о параллельности языка вербального и невербального общения. Это и подтверждается сходством кинесической (жестовой) системы с языковой, т.е. наблюдается иерархия невербальных составляющих, аналогичная языковой структуре. При этом невербальный компонент не только существует параллельно с вербальным, но и может служить и часто служит источником возникновения вербальных единиц и наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

Луницова О. М., Пухова Н. Н. 2013: “Facepalm” как потенциальный барьер в межкультурном коммуникативном пространстве // Лингводидактика и межкультурная коммуникация: актуальные вопросы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Чувашск. гос. пед. ун-т / Н. В. Кормилини, Н. Ю. Шугаева (ред.). Чебоксары, 124–128.

Штукарева Е. Б. 2014: Языковая специфика интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова (ред.). М., 291–302.

Cool story, bro 2013: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.knowyourmeme.com/memes/cool-story-bro>.

ON LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF INTERNET-MEMES

O. M. Luntsova, [L. I. Shvydkaya]

The paper deals with Internet-memes comprising both verbal and non-verbal constituents and aims at the study of their evolution in on- and offline communication.

Key words: internet-meme, verbal, non-verbal, on- and offline communication

³ Cool story, bro 2013.

© 2014

О. В. Михальская

ФЕНОМЕН ВИЗУАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПЕЧАТНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу феномена визуальности в печатном тексте. Сформулирована специфика визуального кода письменной коммуникации, а также описаны разновидности семиотически неоднородных текстов с позиции их визуальной активности.

Ключевые слова: визуальность, поликодовые тексты, креолизованные тексты, кинестетические тексты, визуальная активность

Смена научной парадигмы, произошедшая на рубеже XX–XXI вв., привела к тому, что объектом исследования учёных-лингвистов стали явления, которые раньше находились вне сферы исследования языка или, по крайней мере, не представлялись строго лингвистическими. Речь идёт о множестве феноменов, которые сопровождают вербальную передачу информации и являются неотъемлемой её частью. К таким междисциплинарным областям исследования можно отнести изучение визуальности в контексте её функционирования в пределах печатного текста. Проблема кажется не новой, ведь А. А. Реформатский ещё в 1933 г. сформулировал свою теорию защиты, согласно которой любой текст является выражением какого-л. смысла именно за счёт так называемой графической выразительности текста, т.е. знаков препинания, цвета, формы шрифта, расположения текста на странице и т.д.¹ Графическая сторона текста рассматривается учёным, прежде всего, с точки зрения её визуальной нагрузки на читателя. По мнению А. А. Реформатского, лингвистика призвана исследовать взаимодействия внешнего (полиграфического) и внутреннего (языкового) оформления текста, их органичного вращивания друг в друга. Теория защиты была разработана с целью определения степени удачности/неудачности подачи информации, и сейчас многие её положения могут быть применены не только по отношению к полиграфическим особенностям какого-л. печатного издания, но и к любым другим видам дискурса.

Сейчас исследователи говорят о визуальном повороте в науке, который знаменует развитие изучения визуальной культуры, или культуры визуальности². В рамках процессов глобализации «язык визуальных образов более отвечает насущным задачам межнационального общения, а его экономичность, моментальная интуитивная ясность обеспечивает быстроту коммуникативных процессов»³, поэтому неудивительно, что визуальный код всё шире становится элементом текстообразования. Согласно исследованиям учёных, занимающихся социальной теорией, язык визуализации может стать интернациональным языком общения, который, во-первых, позволяет оптимизировать человеческое взаимодействие, во-вторых, даёт возможность преодолеть скрытые стереотипы литературного языка и, в-третьих, способствует более открытому характеру человеческих взаимоотношений⁴. Следует отметить, что визуальность как феномен стала предметом изучения многих дисциплин: визуальная антропология, визуальная культурология, визуальная политология, визуальная социология, теория визуальных коммуникаций. Все они направлены на то, чтобы исследовать особенности влияния того, что мы видим, на то, что мы понимаем, однако эти исследования связаны преимущественно с анализом устной речи, а не печатного дискурса. Письменная речь сопровождается визуальными знаками в не меньшей мере, поэтому теория визуальности может быть дополнена и через призму лингвистического подхода. Основная особенность функционирования феномена визуальности в печатном тексте связана с тем, что, в отличие от других контекстов, где информация передаётся через несколько каналов, в письменном сообщении используется всего один — визуальный. Мы воспринимаем текст как нечто видимое вне зависимости от того, сопровождается он изображением или нет. Как известно, именно визуальный код является доминирующим носителем информации, и современные печатные тексты используют это преимущество в качестве основного способа влияния на реципиента.

Визуализация играет большую роль в развитии нового восприятия действительности и является толчком для возникновения новых форм передачи информационных потоков. А. В. Соколов так определяет значение этого феномена в истории развития средств передачи информации: «... письменность — это детище художественного канала, и вместе с тем — первооткрыватель ряда технических каналов, способствующих развитию не познавательно-эстетических ресурсов социальной коммуникации, а её утилитарной эффективности: оперативности передачи, снижению себестоимости, повышению тиражности, увеличению дистанционности и комфортности»⁵. Как утверждает О. В. Пойманова, «изображение уже не просто иллюстрирует вербальный текст, а включается в его семантику»⁶. Такие утверждения дают основания предполагать, что визуальные конструкты поддаются интерпретации, «чтению», как и печатный текст.

Иллюстрация не только сопровождает текст, но и формирует вместе с ним культурное поле читателя. Учитывая всё сказанное, предложение А. А. Реформатского ввести новую специальность — лингвографа, разбирающегося как в тонкостях лингвистического анализа текста, так и в особенностях его визуальной подачи, — сейчас представляется не только возможным, но и необходимым в связи с требованиями современной коммуникации, которая широко использует визуальные коды передачи информации наряду с вербальными. На данный момент в русле изучения соотношения вербального и невербального компонентов текста выполнены работы многих учёных, в частности — В. Г. Костомарова, Е. Е. Анисимовой, Л. С. Большияновой, Э. А. Лазаревой, Н. М. Чудаковой. В этих исследованиях проводится анализ текстов, состоящих из нескольких кодов. Такие тексты принято называть креолизованными и определять как такие, которые состоят из двух неомогенных частей, а именно: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)⁷. С позиций семиотической структуры выделяют также поликодовые тексты, под которыми понимают

Михальская Ольга Валерьевна — аспирант кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко. E-mail: wagada2201@gmail.com

¹ Реформатский, Колшанский 1933.

² Mitchell 1994.

³ Зенкова 2005, 185–186.

⁴ Ворошилова 2006, 180.

⁵ Соколов 2002, 133.

⁶ Пойманова 1997, 14.

⁷ Сорокин, Тарасов 1990, 180–181.

«случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.)»⁸. Существует и альтернативная точка зрения, согласно которой поликодовые и креолизованные тексты не противопоставляются по принципу количества структурных элементов, из которых они состоят, а включаются в родо-видовые отношения, где *поликодовый* — термин, объединяющий, в частности, два вида текста: креолизованные (тексты, состоящие из вербального кода и рисунка) и кинестетические (тексты, которые содержат вербальный и кинематографический элементы)⁹. В любом случае не следует забывать, что названные виды текста являются визуально активными, т.е. такими, доминанту поля информационных потоков которых составляют изображения.

Любой текст обладает своим уровнем визуальной активности, которая может быть ранжирована в зависимости от силы персуазивного потенциала элементов визуального, что подтверждается данными свободного ассоциативного эксперимента. Материалом исследования послужили 15 заглавий интернет-страниц, на которые респонденты должны были дать от трёх реакций. Эксперимент состоял из трёх этапов, на первом из которых опрашиваемые читали заглавие, находящееся вне контекста интернет-страницы (т.е. без какого-либо иллюстративного сопровождения). На втором этапе то же заглавие было дано на фоне изображения (создавался креолизованный текст), а на третьем визуальный компонент был анимированным (кинестетический текст). Результаты эксперимента позволяют говорить о том, что визуальные элементы значительно изменяют восприятие текста. Так, на первом этапе *Хаски* — заглавие сайта, занимающегося перевозками — вызывало нейтральные реакции (*лайка, север, эскимосы, Хатико, собака, голубые глаза, белый, серый, лохматый, пушистый, мороз, дом, друг, тундра, нарты, погонщики оленей, сильный*). Когда на втором этапе эксперимента лексема *Хаски* была проиллюстрирована изображением (схематично прорисованные собаки голубого цвета), преобладающими стали негативно окрашенные ассоциации, что вызвано, по-видимому, неудачным оформлением (*злой, злобная морда, бледная моль, серость, скучно, минимализм, неестественный*). На последнем этапе эксперимента, когда изображение анимируется, т.е. собаки движутся на паровозике с коробками, реакции становятся направленными на позитив, встречается больше характеристик, связанных с непосредственной деятельностью сайта: *улыбка, стараются, собаки, помощь, подарки, багаж, добропорядочность, охрана*. Исходя из полученных данных, можно утверждать, что визуальность активизируется в печатном тексте по-разному. Так, наименьшей визуальной активностью обладает обычный текст, не содержащий никаких изображений. Несмотря на это, такой текст всё равно обладает маркерами визуальности, поскольку читатель обращает внимание на размер, положение букв, цвет и форму шрифта, использованных в сообщении.

Креолизованные и кинестетические тексты обладают наиболее высоким уровнем визуальной активности, поскольку изображения (как статические, так и анимированные, как в случае с кинестетическими текстами) являются основными проводниками смысла и существенно расширяют семантическую наполненность текста за счёт ассоциативных связей. К тому же, креолизованные тексты с динамичными элементами обладают способностью улучшать первичное впечатление.

Таким образом, изображение (как статическое, так и динамичное) является не просто «приложением» к тексту, но представляет собой способ существования этого текста и культуры в целом. Визуальность как часть языкового выражения информации является средством конструирования нашей реальности.

ЛИТЕРАТУРА

- Ворошилова М. Б.* 2002: Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 20, 180–189.
- Зенкова А. Ю.* 2005: Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2004/9.pdf>.
- Петренко О. В.* 2012: Персуазивный потенциал кинестетических заголовков интернет-страниц // Мовні і концептуальні картини світу. 49, 329–336.
- Пойманова О. В.* 1997: Семантическое пространство видеOVERBального текста. М.
- Реформатский А. А., Колианский М. М.* 1933: Техническая редакция книги. М.
- Соколов А. В.* 2002: Общая теория социальной коммуникации. СПб.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* 1990: Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 180–185.
- Эйгер Г. В., Юхт В. Л.* 1974: К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тарасова. Ч. I. М., 103–110.
- Mitchell W. J. T.* 1994: *Picture Theory*. Chicago.

THE PHENOMENON OF VISUALITY IN THE PRINTED DISCOURSE CONTEXT

O. V. Mykhalskaya

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of visuality in the printed text. The specifics of visual code in print communication is formulated and some variants of semiotically heterogeneous texts are described from the point of view of their visual activity.

Key words: visuality, polycode texts, creolized texts, kinesthetic texts, visual activity

⁸ Эйгер, Юхт 1974, 107.

⁹ Петренко 2012.

© 2014

Я. Тарса

ИНТЕРНЕТОВСКИЕ СЛОВАРИ ЖАРГОНА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ЛЕКСИКОГРАФА

В настоящее время богатым источником информации и местом исследования для филологов стал Интернет. Составители словарей жаргона могут не только найти новые слова и фразеологизмы в сетевых словарях, но также узнать из них, какие элементы словарной статьи являются самыми важными для пользователей.

Ключевые слова: жаргон, интернет-словари, словарная статья, лексикограф

Изменения в политике, экономике, образе жизни находят своё отображение в языке. В последнее время замечается демократизация языка и большое влияние новых информационных технологий на русский (и не только русский) язык. Лексикографы ставят своей задачей проанализировать, описать и зафиксировать эти изменения в словарях. Материал для своих исследований они могут найти в Интернете, в котором, как в зеркале, отображаются все языковые процессы.

Интернет открывает перед людьми новые возможности. Виртуальный мир — это не только место, где можно отдохнуть, поговорить по душам, найти полезную информацию. Благодаря ему многие пользователи превратились из lurkers, т.е. потребителей интернет-информации, в активных создателей, творцов. В Сети существуют миллионы блогов, фотоблогов, произведений сетевой литературы, фотожаб, демотиваторов. Конечно, не все произведения являются выдающимися, не все блоги заслуживают внимания, не все демотиваторы остроумны. Некоторые исследователи даже опасаются, что Сеть отрицательно влияет на традиционную культуру. Э. Кин в книге «Культ дилетанта: как сегодняшний Интернет убивает нашу культуру» пишет, что в Сети царствует графоманство, плохая сетевая литература, а популярными становятся не люди одарённые, а те, кто умеют хорошо работать с Интернетом¹. Кин утверждает, что «талант, как никогда раньше, стал дефицитом. Он как иголка в цифровом стоге сена. Вы не найдёте талантливых, образованных личностей среди одетых в пижаму людей, сидящих у компьютера, пишущих лишённые смысла посты и анонимные рецензии фильмов»². С ним можно частично согласиться — действительно, иногда получается впечатление, что в Интернете публикуют свои тексты и комментарии люди бездарные, графоманы. Но, с другой стороны, есть в Сети сайты, авторы которых — личности творческие, талантливые и даровитые. Их произведения заслуживают внимания и изучения, поскольку в них отображаются разного рода языковые процессы.

Среди разнообразных форм творческой деятельности интернет-пользователей есть и любительские словари жаргона. Практически каждый пользователь может предложить свою словарную статью, которая после одобрения редактором сайта появляется в словаре. В Рунете существует несколько словарей жаргона. Трудно определить возраст и образование их составителей, так как только редакторы *Словаря молодёжного сленга* на своём сайте пишут, что его придумали школьники, а его редакторы — юного возраста³.

Почему именно жаргон вызывает такой интерес у интернет-пользователей? Кажется, что ответ можно найти в дефиниции этого явления. Напомним, что «жаргон — социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Жаргон является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединённых общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т.п. (например, жаргон моряков, лётчиков, спортсменов, учащихся, актёров). В нестрогом терминологическом смысле слово *жаргон* употребляется «для обозначения искажённой, вульгарной, неправильной речи [то же, что арго, но с пейоративной, уничижительной, оценкой]»⁴. Жаргонизмы привлекают интернет-пользователей своей экспрессивностью и образностью. Поскольку они принадлежат относительно открытым группам людей, это значит, что не все их знают и понимают. Интернетовские словари жаргона дают интернет-пользователям возможность не только познакомиться с семантикой новейших жаргонизмов, но и поделиться своими знаниями и одновременно стать соавторами словаря.

Мы решили посмотреть, какую лексику включают в словари лексикографы-любители и какова структура словарной статьи. Объектом исследования стали четыре интернетовских словаря: «Интерактивная Энциклопедия Современного Языка»⁵, «Словарь молодёжного сленга»⁶, «Словарь молодёжного, компьютерного и другого сленга и жаргона»⁷ и «Словоново»⁸. В этих словарях преобладает жаргон, относящийся к жизни молодёжи, их развлечениям, языку общения в Интернете. Конечно, есть также уголовный жаргон и сленг наркоманов. Во всех этих словарях слова собраны в тематические группы, например, компьютерный сленг или сленг общения в Интернете, сленг геймеров, уголовный жаргон, питерский сленг и т.п. В каждой группе словарные статьи упорядочены по заглавным словам и даются по алфавиту. Под каждой из словарных статей отведено место для комментариев. Во всех этих словарях существует поисковая система, благодаря которой можно найти значение определённого слова. Из названных выше словарей самыми интересными оказались «Словоново» и «Словарь молодёжного сленга». Словники в них пополняются новыми словарными статьями почти ежедневно, и попадают в них не только уже хорошо известные и закрепившиеся в языке жаргонизмы, но и неологизмы. Например, слово *титущки*, которое произошло от фамилии спортсмена Вадима Титушко и в украинском информационном пространстве существует чуть больше полугода,

Тарса Ядвига — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики русского языка Института восточнославянской филологии Опольского университета (Польша). E-mail: tarsa@poczta.onet.pl

¹ Keen 2007, 26.

² Keen 2007, 48.

³ Словарь молодёжного сленга 2012.

⁴ Скворцов 1997, 129.

⁵ Интерактивная энциклопедия современного языка 2004.

⁶ Словарь молодёжного сленга 2012.

⁷ Словарь молодёжного, компьютерного и другого сленга и жаргона 2007–2012.

⁸ Словоново 2008–2014.

уже фиксируется в «Словаре молодёжного сленга». Автор словарной статьи в дефиниции не упоминает его украинского происхождения, а пишет только, что это «наёмники, участвующие в якобы “стихийных” силовых уличных политических акциях»⁹. Отношение к украинской действительности можно заметить в приведённых им примерах текстов.

Для лексикографов интернетовские словари жаргона могут стать полезным источником информации.

Во-первых, в этих словарях можно найти новейшие жаргонные слова. Это слова, относящиеся к компьютерному сленгу (*аккорд* — ‘нажатие тремя пальцами Ctrl-Alt-Del’; *лопата* — ‘планшетный компьютер’), к сфере политики (*сфедиторосить* — ‘разорвать, присвоить’; *белоленточные черви* — ‘неодобрительное название участников антипутинского движения — от символа оппозиции — белой ленты’), к интернетовскому жаргону (*ава* — ‘главная фотография’, часто употребляется в социальной сети «ВКонтакте»; *граммари-наци* — ‘общественное течение сторонников чистоты русского языка в Интернете’).

Во-вторых, в интернетовских словарях можно заметить изменения значения или оттенка значения слов. Например, у слова *шарага* в Большом словаре русского жаргона даны два значения: 1) ‘воровская компания, группа расхитителей’ и 2) ‘неавторитетное, несолидное учреждение, фирма’¹⁰. На сайте «Словоново» у него только одно значение — ‘ПТУ, училище’. В «Словаре молодёжного сленга» появляются две словарные статьи¹¹. В первой у *шараги* три значения: 1) универсальное слово — ‘наименование любого учреждения’, 2) с оттенком подозрительности — ‘учреждение, непонятно чем занимающееся’ и 3) ‘профтехучилище’. Во второй словарной статье у этого слова два значения: 1) ‘профессиональное училище (профессиональный лицей)’, ПУ, ПТУ и 2) ‘пренебрежительное название любого учебного заведения’ — вуза, колледжа и т.п. Синонимы: *баклан, каблуха, техан, бурса, учага, фазанка*. Как видно из примеров, в настоящее время слово *шарага* сужает своё значение к обозначению учебного заведения. Конечно, чтобы окончательно решить, что так происходит на самом деле, надо провести более тщательные исследования, поскольку может оказаться, что на формулировку такой дефиниции повлиял юный возраст авторов словарной статьи.

В-третьих, поскольку авторами интернетовских словарей являются не филологи, лексикограф может увидеть, какие элементы словарной статьи являются самыми важными с точки зрения пользователя. В анализируемых нами интернетовских словарях, кроме значения слова, чаще всего приводились синонимы данного жаргонизма и примеры использования. Что касается грамматической информации, то только авторы (или редакторы) словарных статей «Словаря молодёжного сленга» давали информацию об основных словоформах, о принадлежности к той или иной части речи или приводили краткую морфологическую характеристику (напр.: *даунята*, м., чаще употр. во мн. ч.; *делю*, нареч.). Это, конечно, не значит, что не надо давать такую информацию в филологических словарях — она очень нужна. Словарная статья должна содержать максимально полную и исчерпывающую характеристику жаргонизма, чтобы каждый читатель словаря мог в нём найти нужную ему информацию.

Интернетовские словари жаргона могут быть интересным материалом для исследований лексикографов. Как замечают авторы «Большого словаря русского жаргона»: «... терминологическая неопределённость — как и зыбкость границ между современным жаргоном, просторечием и разговорной речью <...> делает жаргон весьма субъективизированным и лабильным материалом лексикографирования, что очень усложняет не только отбор жаргонных лексем и фразем, но и их комплексную словарную обработку в целом»¹². Возможно, интернетовские словари жаргона придут на помощь лексикографам и станут источником информации об изменениях, происходящих в этом пласте языка.

ЛИТЕРАТУРА

Интерактивная энциклопедия современного языка 2004: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://jargon.ru/>.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. 2000: Большой словарь русского жаргона. СПб.

Скворцов Л. И. 1997: Жаргон // Русский язык. Энциклопедия / Ю. Н. Караулов (ред.). М., 129–130.

Словарь молодёжного, компьютерного и другого сленга и жаргона 2007–2012: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slanger.ru/>.

Словарь молодёжного сленга 2012: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: teenslang.su/about.html.

Словоново 2008–2014: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.slovonovo.ru.

Keen A. 2007: Kult amatora: jak Internet niszczy kulturę, Warszawa.

INTERNET JARGON DICTIONARIES AS A SOURCE OF INFORMATION FOR A LEXICOGRAPHER

J. Tarsa

In recent years the Internet has become a reach source for information and a place of research for philologists. Lexicographers can find in internet jargon dictionaries not only new words and idiomatic expressions, but they also can observe which elements of the entry are the most important from the user’s point of view.

Key words: jargon, internet dictionaries, entry, lexicographer

⁹ Словарь молодёжного сленга 2012.

¹⁰ Мокиенко, Никитина 2000, 683.

¹¹ Словоново 2008–2014.

¹² Мокиенко, Никитина 2000, 7.

© 2014

О. П. Фесенко

ОБ ИДЕЕ СОЗДАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО ДИСКУРСИВНОГО ДИНАМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДРУЖЕСКИХ ПИСЕМ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

В статье рассматривается идея создания компьютерного словаря фразеологизмов дружеских писем первой трети XIX в., способного одновременно стать динамическим, авторским, дискурсивным, стилистическим словарём употреблений и словарём окказионализмов.

Ключевые слова: компьютерная лексикография, фразеологический словарь, дискурсивный словарь, динамический словарь

В наши дни лексикография переживает свой расцвет. Об этом пишут все исследователи, начиная с середины XX столетия. Если анализировать направления развития лексикографической практики, то можно отметить, что среди множества тенденций чётко выделяется разработка компьютерных словарей и словарей новых типов, пытающихся отразить не статику, а динамику языковой системы.

Изменения, происходящие в языке, затрагивают различные его уровни и вызваны, соответственно, разными причинами. Прежде всего, язык меняется в историческом аспекте. Поэтому достаточное количество лексикографических изданий (исторических словарей) связано с разными этапами развития русского языка (с XVII в. по XXI в.)¹. Однако надо признать, что в этом отношении словарь остаётся всё-таки тем средством, которое содержит в себе сведения только об одном периоде развития языка. В связи с этим возникает необходимость создания динамических словарей — словарей переходных эпох (пушкинской поры, рубежа XX–XXI вв.), содержащих в себе сведения об изменении произношения, значения, сочетаемости, частоты употребления или каких-л. других параметров слов/фразеологизмов/словосочетаний и пр. на протяжении заявленного периода. И, открывая такой словарь, читатель видит, что происходило с конкретной языковой единицей в описываемое время.

Другие изменения, которые способен отразить словарь, связаны с конкретными ситуациями коммуникации, с дискурсом. Именно поэтому сегодня в лексикографической практике идёт активная работа по созданию таких словарей, которые отражали бы особенности использования различных языковых ресурсов с учётом конкретных речевых жанров, речевых ситуаций или свойств языковой личности, процесс и результат речевой коммуникации которой тоже рассматривается как дискурс. В итоге, одной из основных проблем отечественной лексикографии стала проблема создания «авторского» словаря.

Ещё более сложной задачей для исследователя становится необходимость отразить в словаре не просто динамичность конкретного языкового периода, но сделать это с учётом, во-первых, тех дискурсивных особенностей, которые позволяют выявить языковую динамику, и, во-вторых, с учётом необходимости показать особенности конкретной языковой личности, продукт речевой деятельности которой становится предметом лексикографирования. Таким словарём может стать *компьютерный дискурсивный динамический словарь фразеологизмов дружеских писем пушкинской поры*.

Словарь, заявленный как динамический, призван, прежде всего, представить изменения, происходившие в языковой системе первой трети XIX в. Эту проблему можно решить, если в словарную статью включить сведения, касающиеся особенностей структуры, семантики, стилистики фразеологизмов не только описываемого периода, но предшествующих и последующих эпох. Сделать это необходимо ещё и потому, что пушкинский язык «требует пояснений, поскольку за прошедшие столетия произошло много семантических изменений, поэтому современный читатель не всегда может извлечь именно тот смысл, который в него вкладывал автор»².

В словарной статье такой материал может быть представлен следующим образом:

ЧУЖИЕ КРАЯ (КРАИ) — заграница.

Погодин собрался ехать в ЧУЖИЕ КРАЯ <...> (А. С. Пушкин П. А. Вяземскому, вторая половина марта 1830 г.)

Меня вѣз в ЧУЖИЕ КРАИ и здесь ещё со мною находится — мне в утешение — П. В. Киреевский <...> (Н. М. Языков А. Н. Вульф, 17 октября 1838 г.)

ЧУЖИЕ КРАИ во фразеологических словарях современного русского языка не зафиксирован. Контекст с формой ЧУЖИЕ КРАИ отмечен у Даля и в СРЯ XVIII³.

Информацию подобного рода может с успехом представлять печатный вариант словаря. Однако у него есть некоторые недостатки, связанные с тем, что объём такого издания ограничен, поэтому провести полный анализ функционирования конкретных языковых единиц сложно. Компьютерная модификация словаря в этом отношении более функциональна. Она открывает исследователю возможности изучать особенности употребления фразеологизмов конкретными авторами, позволяя выводить на экран только те контексты, которые встречаются в письмах А. С. Пушкина или, например, исключительно в эпистолярной И. И. Пущина. Кроме того, печатный фразеологический словарь чаще всего описывает единицы, представляя их в алфавитном порядке. Такое расположение удобно для большинства пользователей, особенно, если они не являются специалистами в области лингвистики. Однако «алфавитный словарь — это случайный лексический массив, поскольку в сознании и, следовательно, в языке слова упорядочены путём вхождения в некий понятийный ряд, лексико-семантическую или тематическую группу»⁴. Поэтому для исследователей алфавитный порядок не всегда информативен. Компьютерный словарь может, учитывая потребности читателя, представлять материал по другим принципам (частота употребления, стилистическая окраска, категориальное значение фразеологических единиц, отдельно выводить на экран окказиональные варианты и т.д.). Эти возможности безграничны и открывают самые широкие перспективы для исследователей языка. На основе читательского запроса словарь становится одновременно:

Фесенко Ольга Петровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков Омского экономического института. E-mail: olga.fesenko2015@yandex.ru

¹ См. Даль 1994, САР1 2001–2006, САР2 1806–1822, СРЯ XVIII 1984–2013, ФССРЯ 2004.

² Зализняк 2013, 2.

³ Даль 2, 1994, 471; СРЯ XVIII 10, 1998, 221.

⁴ Дронова 2012, 29.

1) *авторским*, отражающим особенности конкретных языковых личностей (в нашем случае — А. С. Пушкина, И. И. Пущина, А. А. Дельвига, А. С. Грибоедова, Е. А. Баратынского, поскольку их эпистолярное наследие в полном объеме стало материалом для составления словаря),

2) *динамическим*, поскольку отражает изменения, произошедшие в языке за последние 300 лет;

3) *словарём употреблений*, включающим в себя все узуальные модификации фразеологизмов и отражающим особенности сочетаемости и смыслового наполнения;

4) *словарём окказионализмов*, т.к. все окказиональные варианты фразеологических единиц и авторские фразеологизмы вместе с комментариями отражены в словаре;

5) *«стилистическим» словарём*, поскольку он позволяет структурировать фразеологический материал по характеру стилистической окраски.

Таким образом, компьютерный словарь становится максимально продуктивным материалом для лингвистических исследований, осуществляемых в самых различных направлениях, давая возможность учёным максимально использовать потенциал того языкового материала, который становится предметом описания в словаре.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В. И. 1994: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.

Дронова Л. П. 2012: Лексикографические проблемы в свете антропологической лингвистики // Вопросы лексикографии. 2, 26–32.

Зализняк А. А. 2013: Об эффекте ближней семантической эволюции // Philologica. vol. 9. 21/23, 1–22.

САР, 2001–2006: Тычина Л. В. Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т. М.

САР, 1806–1822: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный 1806–1822: в 6 ч. СПб.

СРЯ XVIII 1984–2013: Словарь русского языка XVIII в. 1–20. Л.–СПб.

ФССРЛЯ 2004: Тихонов А. Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка. М.

ON THE IDEA OF COMPILATION A COMPUTER DISCURSIVE DYNAMIC DICTIONARY OF IDIOMS OF FRIENDLY LETTERS OF THE PUSHKIN ERA

O. P. Fesenko

The article considers the idea of creating a computer dictionary of idioms of friendly letters of the first third of XIX century. The dictionary can be dynamic, author's one, discursive, stylistic, dictionary of usage and occasional words.

Key words: computer lexicography, phraseological dictionary, discourse dictionary, a dynamic dictionary

© 2014

М. Р. Шумарина

НАРОДНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ — ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Народная лексикография — это практика создания словарей рядовыми носителями языка. Организованные сетевые лексикографические проекты и юмористические анонимные словарики, ставшие жанром интернет-фольклора, являются для лингвиста источником сведений об особенностях обыденного метаязыкового сознания.

Ключевые слова: наивная лингвистика, народный словарь, обыденное метаязыковое сознание

В последние десятилетия наука обратила пристальное внимание на феномен обыденности, в фокус внимания учёных стали попадать факты обычной жизни обычных людей. Эта общенаучная тенденция коррелирует с антропоцентрическим поворотом в лингвистике, которая сосредоточилась на изучении не просто языка, а человека говорящего, языковой личности. Актуализировалось понятие «рядовой носитель языка» и возник интерес к изучению взаимоотношений языковой личности с языком. В обыденном знании о мире (наивной картине мира) специалисты выделили особую область представлений, связанных с языком и речью, — метаязыковое сознание. Совокупность представлений (знаний, мнений, суждений, заблуждений, мифов и т.п.) рядового носителя о языке и речи стали называть наивной (обыденной, естественной, профанной, народной) лингвистикой. Круг интересов обыденной лингвистики весьма широк, она включает в себя те же объекты, которые исследует лингвистическая наука, однако даёт им своеобразную интерпретацию в соответствии с особенностями обыденного сознания¹.

В начале века лингвисты стали говорить о явлении «наивной лексикографии», которая понимается как часть, тематический раздел наивной лингвистики; ср.: «... существует “наивный” подход к толкованию слова, когда обычный человек, пишущий или говорящий, в силу ряда обстоятельств начинает разяснять значение употребляемого слова, выступая в роли естественного лингвиста»². Конечно, такие метатекстовые комментарии, хотя и используют техники толкования, в полном смысле этого слова

Шумарина Марина Робертовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Балашовского института (филиал) Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: mshumarina@yandex.ru

¹ См.: Шумарина 2011, 114–193.

² Вепрева 2004, 56.

словарями не являются (в то же время они могут стать иллюстрациями в толковых словарях, а также самостоятельным источником материала для различных лексикографических проектов³). Наряду с такими лексикографическими «полуфабрикатами», о которых пишет И. Т. Вепрева, известны попытки создания полнотекстовых словарей силами нелингвистов. Подобную словарную продукцию можно условно разделить на три группы.

Словари первого типа связаны с феноменом так называемой любительской лингвистики⁴ — псевдонауки, избравшей своим объектом естественный язык и активно противопоставляющей себя «официальной» лингвистике. Любительская лингвистика принципиально отличается от наивной лингвистики тем, что открыто идёт на конфликт с наукой, декларирует своё превосходство над научным знанием⁵. В рамках любительских языковедческих изысканий создано немало словарей, построенных на технике ложного этимологизирования и произвольного историко-лингвистического и лингвокультуроведческого толкования⁶.

Словари второго типа Е. Г. Лукашанец объединяет названием «народная лексикография», подразумевая под этим коллективные сетевые словарные проекты⁷. Рассматривая в качестве примера интернет-проект «Словоново»⁸, исследователь объясняет выбор определения «народный» тем обстоятельством, что авторы таких словарей многочисленны и, как правило, анонимны.

Кроме уже названного ресурса «Словоново», сегодня в Интернете популярны проекты «Словоборг»⁹, «Sokt.ru»¹⁰, «Жаргон.ру»¹¹, «Словарь ассоциаций»¹² и др. Особого внимания заслуживает деятельность компании АВВУУ, которая является лидером в области разработки электронных словарей; словарные проекты с участием пользователей Интернета — отдельное направление политики компании. В настоящее время на сайте АВВУУ Lingvo Клуба¹³ реализуются следующие проекты: «Народный словарь», «Языки городов» (руководитель проекта — д-р филол. наук В. Беликов), «Он и она (Женско-мужской толковый словарь)», «Люди—XXI (Словарь смайлов, сокращений и сетевой лексикологии)», «Вашу мать, сэр! (Американский сленг)», «IT Crowd (Язык компьютерщиков)», «Одесса-мама говорит». Все эти проекты можно назвать народными, поскольку в сборе материала для словарей принимает участие большое количество анонимных пользователей, скрывающихся за сетевыми никами. В то же время координаторы этих проектов (составители, редакторы) стремятся в той или иной мере упорядочить стихийное лексикографическое творчество авторов, организуют «фильтры»: обсуждение на форуме, проверку дефиниций при помощи полнотекстовых баз и корпусов, экспертизу профессионального лексикографа и т.д. Как правило, старт такого проекта сопровождается размещением на соответствующих ресурсах инструкций, вопросников; в процессе пополнения базы координаторы обеспечивают обратную связь, отвечают на возникающие вопросы. Такие словари требуют значительного виртуального пространства — им посвящено несколько web-страниц или даже целые сайты.

К словарям третьего типа отнесём многочисленные полностью анонимные словарики небольшого объёма, которые распространяются в Интернете (дублируются на десятках и сотнях web-страниц) и носят шуточный характер: «Московско-петербургский словарь», «Женско-мужской словарь», «Бестолковый словарь» (ложно-этимологический), «Словарь падонка», «Политкорректный словарь» и т.п.

Эти словари также можно включить в сферу народной лексикографии — и даже с большим основанием, чем организованные сетевые проекты. Дело в том, что такие словари нередко приобретают характер фольклорных произведений: они копируются, свободно распространяются в Сети — с полным пренебрежением к праву интеллектуальной собственности (целый ряд таких словарей имеет источником авторские проекты). При тиражировании народные словари подвергаются стихийному редактированию. И, хотя подобное редактирование не регулируется никакими нормами, объективно оно подчинено общей закономерности: в процессе передачи, тиражирования (по аналогии с передачей фольклорного произведения «из уст в уста») утрачиваются элементы, имеющие ограниченную актуальность, и получают закрепление наиболее важные идеи, образы, суждения, представления, способы речевого оформления. Думается, есть основания говорить об особом жанре интернет-фольклора — народных словарях. (Заметим в скобках, что словарик как фольклорный жанр возник задолго до появления глобальных компьютерных сетей — например, он широко известен в детском фольклоре под названиями «школьный словарь», «шуточный словарь школьника» и др. Именно эти шуточные словари стали источником многочисленных юмористических толкований и неконвенциональных расшифровок аббревиатур¹⁴).

Обращают на себя внимание особенности структурной организации таких словарей — она напрямую зависит от главной лексикографической идеи. Разделим условно такие словари (по аналогии с продукцией научной лексикографии) на «переводные» и «культуроведческие». Задача «переводных» словарей — установить элементарную эквивалентность ситуативно и локально маркированных слов и выражений с немаркированными единицами. Главная особенность структуры таких словарей — их относительно небольшой объём и отсутствие в толкованиях элементов, которые не связаны с эстетической, развлекательной функцией (помет, иллюстраций и т.п.). Статья такого словаря, как правило, представляет собой небольшое предложение: биноминативное (*Вор — лицо с альтернативной экономической ориентацией; Длинноносый — назально одарённый. Политкорректный словарь*) или биинфинитивное (*Молчать в тряпочку — быть под наркозом; Обеспечить — сломать печь. Бестолковый словарь*). Варианты «Московско-петербургского словаря» содержат просто список слов с эквивалентами: *бордюр — поребрик; шаурма — шаверма* и т.п. Впрочем, некоторые статьи «Бестолкового словаря», пародирующего «обычные» толковые словари, содержат пометы: *ПОГОРЕЛЕЦ (спорт.) — альпинист; ЗАВАРУХА (уваж.) — шеф-повар* и т.п.

³ См., напр.: Анищенко 2007; Гаева 2009; Шумарина 2009 и др.

⁴ Зализняк 2009.

⁵ См.: Шумарина 2013.

⁶ См. анализ: Полиниченко 2012.

⁷ Лукашанец 2011.

⁸ Словоново 2008–2014.

⁹ Кордонский 2012.

¹⁰ Лебедев 2000–2014.

¹¹ Жаргон 2004.

¹² Бабичев 2006.

¹³ Проекты 1996–2014.

¹⁴ См., напр.: Шумарин, Шумарина 2012, 161–164.

Словари, которые мы условно отнесли к «культуроведческим», призваны не только установить эквивалентность слов и выражений разных языковых кодов (мужского и женского, общеупотребительного и «олбанского»), но и продемонстрировать психологические, мировоззренческие, культурные различия между двумя категориями говорящих: «*Нечего надеть*». *ОН — нет ничего чистого. ОНА — нет ничего нового* (Женско-мужской фразеологический словарь). Толкования в таких словарях могут быть объёмными, они касаются не только семантики, но и прагматики номинативных единиц, их этимологии и особенностей употребления; встречаются отсылки, указывающие на системные связи описываемой единицы: *зачот, зочот, зочод* — высокая положительная оценка. Очевидная студенческая пародия на двухбалльную систему оценок (зачёт/незачёт). См. также *низачот; ниасилил* — не осилил, то есть не прочитал полностью. Иногда дополнительно уточняется причина — «слишком много букв», «памамушто вайна и мир» (много текста), «памамушта стехи». Также используется в смысле «нипил» и т.д.

Очевидно, что между народными словарями второго типа (сетевыми проектами) и третьего (юмористический интернет-фольклор) нет непроницаемой границы: организованные проекты регулярно становятся источниками анонимных «бродячих» интернет-словариков. Занимая разное место на шкале «научность — наивность», и те и другие народные словари, тем не менее, дают богатый материал для наблюдения над особенностями обыденных представлений о языке. Так, на форумах АБВУД Lingvo Клуба обнаруживаем многочисленные метаязыковые комментарии, которые могут быть подвергнуты систематизации и интерпретации. Участники форума обсуждают не только особенности отдельных слов и выражений, но и демонстрируют своё понимание феномена языковой нормы, языковой изменчивости, вариативности языка и т.п. При изучении шуточных анонимных словариков целесообразно обратить внимание на то, как проявляется в структуре словаря и словарной статьи наивное представление о лексикографической технологии, какие изменения претерпевают тексты в процессе стихийного редактирования (интересно сравнить хронологически более поздние варианты с более ранними).

Учитывая место, которое занимает Интернет в жизни нашего современника, следует признать, что народные интернет-словари становятся всё более заметным явлением современной российской лингвокультуры и представляют особый интерес для исследователя обыденного метаязыкового сознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Анищенко О. А. 2007: Словарь русского школьного жаргона XIX века. М.
 Бабичев Н. 2006: Словарь ассоциаций. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovesa.ru>.
 Вепрева И. Т. 2004: О некоторых особенностях наивной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии / Л. П. Крысин (ред.). М., 55–64.
 Гаева Е. В. 2009: Насколько корректны толковые словари русского языка? // Проблемы истории, филологии, культуры. 2 (24). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 618–622.
 Жаргон 2004: Жаргон.ру: Интерактивная энциклопедия современного языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://jargon.ru/>.
 Зализняк А. А. 2009: Из заметок о любительской лингвистике. М.
 Кордонский М. (ред.) 2012: Словоборг: Народный словарь русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovoborg.su>.
 Лебедев А. 2000–2014: Sokr.ru: словарь сокращений. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sokr.ru/>.
 Лукашанец Е. Г. 2011: Интернет и язык: народная лексикография // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 6 (2), 378–381.
 Попиниченко Д. Ю. 2012: Аспекты метаязыкового сознания и любительская лексикография // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. IV / Н. Д. Голев (ред.). Кемерово, 437–448.
 Проекты 1996–2014: АБВУД Lingvo Клуб: Проекты. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://community.lingvo.ru/>.
 Словоново 2008–2014: Определения дня. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.slovnovo.ru/>.
 Шумарин С. И., Шумарина М. Р. 2012: Аббревиатуры в обыденном сознании (опыт реконструкции «наивных» метаязыковых представлений) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. IV / Н. Д. Голев (ред.). Кемерово, 154–167.
 Шумарина М. Р. 2009: «Литературный портрет» слова: метаязыковое сознание автора как предмет лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2 (24), 806–810.
 Шумарина М. Р. 2011: Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.
 Шумарина М. Р. 2013: «Наивная лингвистика» и «любительская лингвистика» в системе человеческого знания о языке // 80 лет Балашовскому институту Саратовского университета / С. А. Ляшко (ред.). Балашов, 176–195.

FOLK LEXICOGRAPHY IS A PHENOMENON OF MODERN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

M. R. Shumarina

Folk lexicography is the creation of dictionaries by ordinary speakers. Net lexicographic projects and anonymous humorous dictionaries having become a net folklore genre and are the source of knowledge about ordinary metalinguistic consciousness.

Key words: naïve linguistics, folk dictionary, ordinary metalinguistic consciousness

КОДИФИЦИРУЮЩАЯ РОЛЬ СЛОВАРЕЙ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2014

Н. П. Андрушина

ЛЕКСИКОГРАФИЯ В АСПЕКТЕ ОПИСАНИЯ УРОВНЕЙ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ

Автор излагает историю развития учебной лексикографии в аспекте преподавания русского языка как иностранного; описывает функции и специфику лексических минимумов, ориентированных на определённый уровень владения русским языком; намечает круг теоретических и практических проблем, которые предстоит решить в ходе дальнейшего развития лексикографии в сфере преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: уровень владения русским языком как иностранным, учебная лексикография, лексический минимум, тестирование по РКИ

В 50–60-х и начале 70-х гг. XX в. в рамках русской лексикографии сформировалось новое самостоятельное направление – учебная лексикография в сфере преподавания русского языка как неродного. В СССР вышел целый ряд словарей-лексических минимумов, составленных для различных национальностей и предназначенных для определённых классов средней школы. Лексические минимумы (ЛМ) составлялись во всех республиках, для всех национальностей, как для начальных классов средней школы, так и для 5–8, 9–11 классов. Сам факт появления значительного количества словарных минимумов говорит о большом значении, которое придавалось данному направлению лексикографии.

В 60-е гг. появились первые лексические минимумы СССР для иностранных учащихся. Для примера можно привести ЛМ, вошедший в Программу по русскому языку для студентов-иностранцев, утверждённую Учебно-методическим управлением по вузам в 1963 г. (программа была рассчитана на первый год изучения русского языка на подготовительных факультетах, словарь содержал примерно 3000 единиц), а также «Лексический минимум по русскому языку для студентов-иностранцев первого года обучения. Подготовительный факультет»¹. При этом основная масса словарей относилась к начальному и среднему этапам обучения русскому языку, для продвинутых этапов обучения в более поздний период (80-е гг.) выходили в лучшем случае минимумы, ориентированные на ту или иную специальность. К сожалению, отсутствовало всестороннее изучение этапов освоения русской лексики **в целом**. Тем не менее нельзя не отметить, что необходимость составления подобных словарей и понимание их значения были осознаны уже давно. Проводилась и разработка теоретических основ составления лексических минимумов (см., например, работы П. Н. Денисова, В. В. Морковкина, В. Г. Костомарова и др.), т.е. активно развивалась учебная лексикография в преподавании русского языка как иностранного (РКИ). Преподаватели, обучающие иностранцев, в своей работе обязательно учитывали регламентирующий характер ЛМ.

Однако составители лексических минимумов в своей работе ориентировались исключительно на тот или иной этап обучения иностранных граждан русскому языку в российских образовательных учреждениях. Ситуация изменилась в 90-х гг. в связи с созданием Российской системы тестирования иностранных граждан по русскому языку, основой которой стала иерархия уровней владения языком. Поскольку тестовая форма контроля должна обеспечить высокую точность измерения коммуникативной компетенции иностранцев, потребовалось максимально полно описать выделенные уровни владения РКИ², для чего были разработаны Требования к речевой и языковой компетенции, предъявляемые к каждому уровню владения русским языком. Иными словами, ориентация на уровни владения языком подразумевает жёсткую фиксацию не только требований к речевым навыкам и умениям иностранных граждан, но и поуровневую дифференциацию грамматического и лексического материала. Последнюю задачу, т.е. описание лексической компетенции, и призваны решить лексические минимумы, ставшие одним из важнейших компонентов Российской системы тестирования. Их основная особенность состоит в первую очередь в том, что впервые ЛМ ориентированы не на этапы обучения русскому языку (как известно, этапы обучения могут зависеть от задач, стоящих перед конкретными вузами, от принятой сетки часов, условий обучения и т.д.), а на **уровни владения языком**.

В настоящее время опубликованы ЛМ Элементарного уровня (780 словарных статей), Базового уровня (1300 словарных статей), Первого (2300 единиц) и Второго (около 5100 единиц) уровней. Подготовлен к изданию ЛМ Третьего уровня (около 11000 словарных статей). Перечисленные словари составили Градуальную серию лексических минимумов. Некоторые методисты полагают, что при большом объёме словаря III сертификационного уровня нецелесообразно точно определять его величину. Однако, если будет отсутствовать фиксированный лексический минимум, тесты этого уровня, во-первых,

Андрушина Наталья Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка начального этапа обучения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: msu-andrushina@yandex.ru

¹ Анпилогова, Владимирский, Зимин, Сосенко 1964.

² Российская система тестирования содержит 6 уровней владения РКИ (Элементарный, Базовый, Первый, Второй, Третий, Четвёртый) и соотносится с Общеввропейской системой владения иностранными языками, выделяющей уровни A1, A2, B1, B2, C1, C2.

потеряют свою основополагающую компоненту — формализованность, во-вторых, сотрётся грань между III и IV сертификационными уровнями. Создание тезауруса III сертификационного уровня — важная теоретическая и практическая задача, которая решена только в первом приближении и требует дальнейших изысканий.

Задачи, ради решения которых создавались ЛМ, многообразны: **они конкретизируют** список лексических единиц, подлежащих обязательному усвоению на соответствующих уровнях владения русским языком; **служат ориентиром** для авторов учебников, учебных пособий и разработчиков тестовых материалов (до создания минимумов в учебных и контрольных материалах почти не учитывались ни объём лексики, ни её содержание); **дают** иностранному гражданину, изучающему русский язык, чёткое **представление** о лексической базе, на которой составлены тестовые материалы, **минимизируют** субъективный момент в работе тестеров. Таким образом, Градуальная серия лексических минимумов выполняет не только чисто учебные функции, она многофункциональна, что подтверждается её высокой востребованностью.

При определении содержания словариков наряду с учётом общепринятых критериев отбора лексических единиц³ составители большое внимание уделяли соблюдению принципов преемственности (словник предыдущего уровня полностью входит в словарь последующего уровня, при этом круг значений отдельных слов может расширяться); системности (в пределах того или иного уровня элементы одной лексической подсистемы внесены в словарь максимально полно, что обеспечивает формирование необходимых семантических связей и противопоставлений); а также способности слов отражать русскую языковую картину мира. Что касается соотношения словариков по количеству, то каждый последующий список больше предыдущего по объёму примерно в 2 раза (с небольшими отклонениями, которые несут закономерный характер).

В серии реализована определённая логика в представлении всех лексических подсистем и лексикографических аспектов: объём информации от уровня к уровню последовательно увеличивается. Для иллюстрации этого постулата рассмотрим отражение в ЛМ стилистики русского языка. Так, если на Элементарном, Базовом и Первом уровнях практически отсутствуют стилистически маркированные слова, то, как предписывает Стандарт, на Втором сертификационном уровне инофоны должны иметь достаточное представление о стилистике русского языка, чтобы адекватно использовать в речевом общении с носителями языка не только нейтральную, но и разговорную, книжную, официально-деловую лексику. По этой причине в ЛМ Второго уровня введена лексика с соответствующими пометами. На Третьем уровне перечень стилистических помет расширен ещё более: представлена просторечная лексика. Кроме того в ЛМ Третьего уровня отражён процесс «жаргонизации» русского языка, отмечаемый многими лексикографами. Стремясь отразить эту тенденцию, составители ЛМ внесли в Приложение раздел, содержащий жаргонизмы и сленг.

Процесс разработки Градуальной серии заставил составителей обратить внимание на вопросы, которые до этого с точки зрения распределения материала по уровням не рассматривались. Например, в приложениях Второго и Третьего уровней внесён раздел «Фразеологизмы и устойчивые словосочетания», объём которого составляет соответственно 300 и 600 единиц. При подготовке данного раздела был проведён опрос филологов — преподавателей РККИ (идея принадлежит Н. М. Шанскому, осуществившему подобную работу несколько десятилетий назад), которые проиндексировали представленный им список в 1500 единиц, оценивая по шестибальной шкале, во-первых, их активность и актуальность, во-вторых, их способность отражать русский менталитет. Анализ ответов показал, что разброс в оценках фразеологизмов и устойчивых словосочетаний чрезвычайно велик (в отдельных случаях оценки колебались от 0 до 5). Но, рассматривая те позиции, в оценках которых участники опроса почти не расходятся, можно предположить, что они входят в когнитивную базу русского лингвокультурного общества. Очевидно, исследование данного раздела лексикографии следует продолжить.

С другой стороны, до сих пор не определён минимальный объём фразеологизмов и устойчивых словосочетаний, которые должны быть представлены на более низких уровнях владения русским языком (за исключением этикетных интенций). Обсуждение этого вопроса нигде не проводилось.

Ждёт своего решения и проблема «дискриминации собственных имён»⁴: хотя в Приложениях ЛМ Элементарного, Базового и Первого уровней содержится раздел «Наиболее употребительные русские имена», в ЛМ более высоких уровней имена собственные отсутствуют. Ни на одном уровне не представлена российская топонимика, между тем географические названия бывают значимы с точки зрения истории и культуры страны (например, города Золотого кольца, озеро Байкал, река Волга и т.д.). Следовательно, их целесообразно поместить в ЛМ хотя бы в виде самостоятельного раздела Приложений.

При обсуждении лексической компетенции иностранных граждан на том или ином уровне не затрагивался вопрос о понимании инофонами сокращённых слов. Однако в последние десятилетия наблюдается стремительный рост их количества. Памятуя и целиком поддерживая призыв А. Н. Тихонова «более внимательно относиться к аббревиатурам»⁵, составители включили в Приложение ЛМ Третьего уровня раздел «Общепринятые сокращения и аббревиатуры». В данный раздел вошли как аббревиатуры (*РФ, ООН, ФИО* и др.), так и внутрисловные сокращения (*нац., зав., гос.* и др.) и фрагментарно сокращённые слова (*минфин, колхоз* и др.).

Авторы отдают себе отчёт, что ограниченный объём сокращений должен присутствовать и на более низких уровнях владения русским языком (должны же иностранцы даже на самом низком уровне понимать аббревиатуру РФ), эту работу ещё предстоит проделать.

Конечно, проблематично в рамках одной статьи описать все аспекты, характеризующие поуровневые ЛМ, и обсудить все теоретические и практические проблемы. Отметим лишь, что разработка и введение в практику преподавания русского языка и тестирования по РККИ Градуальной серии лексических минимумов, безусловно, способствует развитию Российской системы тестирования.

³ Важнейшими критериями отбора лексических единиц стали: 1) семантическая ценность, т.е. способность слова обозначать часто встречающиеся предметы и явления; 2) высокая словообразовательная способность слова; 3) способность слова входить в различные словосочетания, т.е. валентность; 4) на первых трёх уровнях владения — стилистическая немаркированность (при этом в отдельных случаях допускается включение в словарь стилистически маркированных слов, например, «картошка», «тройка» и т.д.); на высоких уровнях владения РККИ — стилистическая принадлежность слова; 5) частотность (в том числе и «тематическая» частотность, а также частота использования слова в учебниках по РККИ).

⁴ Денисов 1988, 49.

⁵ Тихонов 1990, 101.

Антилогова Б. Г., Владимирский Е. Ю., Зимин В. И., Сосенко Э. Ю. (сост.) 1964: Лексический минимум по русскому языку для студентов-иностранцев первого года обучения. Подготовительный факультет. М.

Денисов П. Н. 1988: Единицы словаря // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре: сб. докладов. М., 48–52.

Тихонов А. Н. 1990: Большой толковый словарь русского языка // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка: тезисы. Л., 101–103.

LEXICOGRAPHY IN TERMS OF SKILL LEVELS DESCRIPTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN ONE

N. P. Andryushina

History of a new lexicography development direction is laid out in the article — educational lexicography in terms of teaching Russian as a Foreign Language. Functions and specifics of the Russian as a Foreign Language definite level of proficiency basic dictionaries are presented. Range of theoretic and practical problems at hand in the further development of the lexicography in the area of teaching Russian language as a Foreign Language is suggested.

Key words: Russian Language skill level as a foreign one, educational lexicography, lexical minimum, Russian as a Foreign Language testing

© 2014

О. В. Дорфман

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ШКОЛЬНИКА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Автор статьи характеризует достоинства интерпретационной деятельности школьников, рассматривает возможные варианты создания лингвопоэтического словаря на уроках русского языка.

Ключевые слова: речетворческая деятельность, ассоциативное поле, словарь языковой личности

Изучение русского языка в школе направлено не только на освоение знаний о языке, его устройстве, ресурсах, на развитие коммуникативных умений и навыков, формирование умений анализировать языковые факты, но и на воспитание сознательного отношения к языку как духовной ценности, на развитие потребности в речевом совершенствовании, что предполагает вовлечение учащихся в деятельность, целью которой является формирование коммуникативной, языковой и лингвистической, культуроведческой компетенций. В настоящее время одной из характеристик образовательной парадигмы выступает акмеологический подход, обеспечивающий развитие творческого потенциала человека. В связи с этим в последние годы отчётливо прослеживается интеграция уроков русского языка и литературы как одинаково направленных на формирование языковой личности, создание курсов словесности, предполагающих:

- формирование у учащихся представления о многофункциональности языкового явления как грамматического, коммуникативного и эстетического феномена;
- осознание учащимися эстетической функции родного языка;
- активное развитие у школьников способности оценивать эстетическую ценность художественного высказывания, объяснять языковые истоки его образности и выразительности;
- формирование у обучающихся потребности совершенствовать свою собственную речь, приближая её к эстетическим речевым нормам¹.

Отражением этой интеграции стал лингвопоэтический анализ художественного текста, уделяющий особое внимание к языку в его эстетической функции. Лингвопоэтический анализ представляет собой процесс восприятия текста, его вдумчивое прочтение, выявление роли языковых средств в реализации авторского замысла. Индивидуально-авторские значения оказываются важнейшими для понимания смысла, поскольку языковые единицы способны изменять свои значения в контексте. Нахождение ключевых слов и образов, определение связи между ними, выстраивание ассоциативного поля помогают понять смысловую структуру текста, определить авторский замысел. Многократное обращение к тексту несколько удлиняет этап его восприятия но, с другой стороны, это позволяет активизировать речемыслительную деятельность учащихся, помогает понять художественный текст, определяемый В. А. Пищальниковой как «коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия»².

Лингвопоэтический анализ обладает рядом бесспорных достоинств:

- даёт возможность каждому ученику высказать своё собственное, а не навязанное учителем или известным критиком мнение;
- повышает общий интеллектуальный уровень, чему способствует работа со словарями, необходимая в ходе его выполнения;

Дорфман Оксана Вячеславовна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и речевой коммуникации Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: mandorfoks@yandex.ru

¹ Гостева, Львова 2007, 212.

² Пищальникова 1984, 3.

— имеет выход в речетворческую деятельность, поскольку его результатом выступают творческие работы учащихся: сочинения, интерпретации, эссе, лингвопоэтические словари и т.п.

Текст лишь тогда действительно существует и выполняет свои функции, когда адекватно воспринимается читателем. И если различные средства и уровни языка — это своеобразный знаковый код авторской мысли, то, чтобы понять содержание текста, читателю необходимо, владея этим кодом, совершить обратный авторскому, творческому, процесс декодирования. С точки зрения автора, по мнению Н.С. Болотновой³, текст есть продукт речемыслительной деятельности, реализующей определённое коммуникативное намерение, концептуально отражающий один из фрагментов его языковой картины мира. С точки зрения читателя, текст — это объект познавательной деятельности, имеющий коммуникативно и концептуально значимую информацию, репрезентированную лингвистически. Восприятие текста, следовательно, зависит не только от характера самого текста, но и от личности воспринимающего его субъекта, от уровня его владения текстовой компетенцией. Оба аспекта коммуникации (порождение и восприятие) основаны на языковой способности и компетенции автора и читателя. Язык при этом выступает в роли универсального средства, кода, обеспечивающего коммуникацию. Понятие текстовой компетенции довольно многопланово и включает в себя прежде всего лингвистический опыт реципиента: знание всех уровней языка от лексико-семантического до синтаксического и текстового, владение ими, понимание богатства языковых средств, представление о языковой норме, умения создавать и адекватно воспринимать тексты. Показателем уровня текстовой компетенции учащегося является степень полноты, глубины и правильности понимания текста, через который читатель или слушатель должен воспринять личность автора. Поэтому при работе с текстами и при обучении такой работе представляется целесообразным создание лингвопоэтического словаря.

В ходе лингвопоэтического анализа школьники находят ключевые для понимания смысла текста слова, объясняют их значение, используя для этого разные словари, отмечая при этом значение данного слова в данном тексте, определяют их роль в замысле автора. Далее учащиеся работают над составлением словарей. Лингвопоэтические словари могут варьироваться, исходя из обучающих целей или возрастных особенностей школьников: 1) словарь-характеристика героя (портрет, мысли, текстовая и затекстовая трансформация образа, психологизм); 2) словарь ключевых слов, важных для понимания замысла; 3) ассоциативный словарь; 4) художественный словарь (авторские пейзажные зарисовки, наброски, описания окружающего мира, природы); 5) словарь топонимов, предполагающий осмысление географических названий, встречающихся в тексте; 6) экспериментальный словарь, построенный на сопоставлении используемых в тексте и вариативных, возможных слов и образов.

Часто сам текст требует создания определённого словаря. Так, лингвопоэтический анализ рассказа Тэффи «Море и солнце» предполагает создание художественного либо экспериментального словаря для осмысления языковых средств, очерчивающих концепт «Ленивый отдых»; повесть Ю.В. Трифонова «Предварительные итоги» — словаря-характеристики, раскрывающего понимание героем «человечности»; повести В.П. Астафьева, рассказы И.А. Ефремова — словаря топонимов; стихотворения в прозе И.С. Тургенева — словаря ключевых слов и т.д.

По завершении анализа, пользуясь материалами лингвопоэтического словаря, школьники пишут творческие работы, выполняют речетворческие задания, т.е. работа с художественным текстом осуществляется ими не только на этапе восприятия, но и на этапе продуцирования текста. К примеру, это может быть создание (воссоздание) контекста для образного средства, включённого в лингвопоэтический словарь.

Так, в ходе работы по фрагменту очерка Н.А. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» школьники создавали контекст для образного средства: «тёплые молочные сумерки стояли над городом». В ученических работах встречается описание сельских вечеров, южных закатов, нередко работы-воспоминания, сожаления о прошлом:

... пушистые слоистые облака принимали причудливые формы, оборачивались то неведомыми образами, то дивными зверями, населяющими неведомые страны, то удивительными островами, которые пронизывали паутинки затухающего солнечного света...;

... вспоминались мне тихие душевные беседы на завалинке, дед Макар, набивающий трубку душистым табаком, мычание коров, мечтающих о вечерней подойке, назойливые мухи, норвящие помешать мирному течению пустычного разговора...;

... Это был прекрасный вид, открывающийся со смотровой площадки. Лёжа на траве и посасывая хрустящую соломинку, я словно пила молочный коктейль из воспоминаний о прошлом. Быть юной и не заботиться о будущем — в этом есть своя прелесть. Сегодня, когда так много нерешённых вопросов, хочется забыть и просто наслаждаться тем, что дано, почувствовать заботливые мамины объятия, запах свежеспечённого пирога, вкус его, запиваемого прохладным молоком. Да-да! Это, действительно, молочные сумерки...;

... Подкрадывается ночная тишина. Если поднять голову к небу, то замечаешь неспешное появление звёзд... Какие-то звёзды мерцают, какие-то движутся, какие-то звёзды крупные, какие-то — чуть заметные <...> всматриваешься в звёздные дали и думаешь, что каждая звезда живая и для чего-то она живёт. Живёт, пока не прекратит своё существование мимолётным падением, длится оно мгновение, но оставляет на небе след. Мгновение это волшебное, люди верят, что желание, загаданное при падении звезды, непременно сбудется <...> а оставляем ли мы след в этой жизни? Для чего созданы мы? Может, нужно прожить так, чтобы загадали желание, прожить, как мы? <...> Хорошо, что ещё есть время, чтобы исправить свои ошибки и оставить яркий след в жизни своих потомков...⁴.

Уроки русского языка, ориентированные на составление лингвопоэтического словаря, предоставляют учащимся возможность проявить творческую инициативу, пробуждают интерес к слову, к художественному тексту, что, в свою очередь, способствует развитию языковой личности школьника. Развитие должно осуществляться путём создания условий для активной творческой деятельности каждого ребёнка. Важным условием при этом следует считать свободу самовыражения учащегося, предполагающую возможность выбора способа создания художественного образа, учёт типа восприятия ребёнка, его интересов.

³ Болотнова 2006, 133.

⁴ Приводятся выдержки из школьных сочинений Галичиной А., Даньянова А., Диановой Д., Савицкой И. (МОУ СОШ №59 им. И.Х. Ромазана, г. Магнитогорск).

ЛИТЕРАТУРА

- Болотникова Н. С. 2006: Филологический анализ текста. Томск.
 Гостева Ю. Н., Львова С. И. 2007: Настольная книга учителя русского языка. 5–11 классы / И. П. Цыбулько (ред.). М.
 Пищальникова В. А. 1984: Проблема лингвоэстетического анализа текста. Барнаул.

FORMATION OF LINGUAL-POETIC DICTIONARY OF SCHOOL STUDENT AT THE RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

O. V. Dorfman

The author of article characterizes advantages interpretative activity of school students, examines creation options for lingual-poetic dictionary on the Russian lessons.

Key words: speech production, associative field, linguistic personality dictionary

© 2014

А. Г. Жукова, Г. М. Мандрикова

ЛЕКСЕМА ЗЛО В СЛОВАРЕ И В ЯЗЫКЕ: ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

На материале толковых словарей XIX–XX вв. и Национального корпуса русского языка исследуются изменения в семантической структуре лексемы ЗЛО как репрезентанта одной из базовых ценностей/антиценностей в национальной картине мира.

Ключевые слова: семантическая структура слова, семантический сдвиг, семантическая деривация, лексикографическая интерпретация

В своё время Д. Н. Шмелёв заметил, что «лексика справедливо считается той областью языка, в которой наиболее наглядно и непосредственно отражаются разнообразные изменения, происходящие в общественной жизни. «Проницаемость» лексики для внеязыковых, социальных воздействий обусловлена самим характером составляющих её единиц, их основной функцией — служить обозначениями предметов и явлений действительности»¹. Обращение к семантике ключевых слов, относящихся к категории морали и отражающих базовые для того или иного общества ценности/антиценности (а именно к таким относят лексему зло), имеет особое значение: попытка диахронно-синхронного их рассмотрения позволяет судить о незыблемости/изменчивости важных ценностных ориентиров, отражённых в национальной языковой картине мира. Мы ставим своей целью проследить пути развития семантической структуры лексемы ЗЛО в русском языке (по данным лексикографических источников и Национального корпуса русского языка (НКРЯ)). Материалом исследования послужили словарные статьи из толковых словарей русского языка (9) и контексты из НКРЯ (более 250 единиц анализа).

Уже в древнерусском языке ЗЛО трактовалось и как абстрактное понятие, и как вполне конкретное: «несчастье, беда», т.е. обстоятельство, вызванные внешними, не зависящими от человека силами, и «неправедное человеческое деяние, грех». Так, в «Материалах...» И. И. Срезневского в качестве первого значения приводится malum (лат. «беда, бедствие; зло, злодеяние; несчастье; преступление» — т.е. ЗЛО представлено нерасчленённо, как абстрактное понятие), далее же следуют уже вполне конкретные значения «беда» и «грех»: ЗЪЛО=ЗЛО — malum: — Достоить ли въ сѣботы добро творити, ли зыло сътворити. Мр. III. 4. Остр. ев. Аще обращать въ вустыи Днѣпрскомъ Русь Корсунаны рыбы ловаша, да не творятъ имъ зло никако же. Дог. Игор. 945 г. З'ло зла зылѣ жена зыла. Изб. 1073 г. Нѣтоуть твоего зла. Вопр. Кир.

— бѣда: — о́толе вѣста зло: по всѣ дни загарашесѣ невидимо и с мѣсть, и боле. Новг. I л. 6702г. Знаменіе нѣсть на добро, но на зло присно является. Псков. I л. 6792 г.

— грѣхъ: — Зыль моихъ не прѣзыри. Мин. 1097 г. 74².

Как видим, обсуждаемая лексема совмещала в своей семантике религиозно-нравственную и «светскую» составляющие. Указанное соотношение смыслов находим также в САР: ЗЛО, (Злò), злѣ. с. ср. сл. 1) Вредъ, лихо. Не твори зла, и не достигнешь ты зло. Сір. VII. 2. Блюдите, да никто же зла за зло кому воздасть. Къ Солун. V. 15. Гонители да постыдятся, Что ищутъ зла души моей. М. Л.; 2) Напастъ, бѣдствіе. Услышавше же тріе друзи его вся злая нашедшая нань. Иов. П. П. Лѣнвиною ногой къ намъ шастіе приходитъ; На крыльяхъ зло летитъ, и горести наводитъ. М. Хер. Рос. 3) Поричаніе; дѣло неправедное, худое. Удержи языкъ твой отъ зла, и устѣ твои еже не глаголати лести. Псал. XXXIII. 14. Не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое. Къ Римл. XII. 21³.

Ещё более очевидной является религиозно-нравственная отнесённость ЗЛА в словаре В. И. Даля: ЗЛО ср. худое, лихо, худо, лихо; противополож. добро. Духовное начало двояко: умственное и нравственное; первое относится къ истинѣ, а противоположно ко лжи; второе къ добру (благу) и къ худу, ко злу. Всякое зло противно божескому порядку. Въ отвлечённом видѣ, зло олицетворяется духомъ тьмы. Сѣделать что на зло другому, въ досаду, въ противность, въ обиду. Зло зломъ глубится. Не плати зломъ за зло. Мн. ч. употреб. въ род. пад. Избавь насъ отъ золь и напастей⁴.

Жукова Арина Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. E-mail: arinazhukova2013@gmail.com

Мандрикова Галина Михайловна — доктор филологических наук, заведующая кафедрой филологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: mandricova@mail.ru

¹ Шмелёв 2002, 179.

² Срезневский 1, 1893, 1000.

³ САР 3, 2002, 82–83.

⁴ Даль 1, 1989, 683.

Выделяя в абстрактной трактовке *ЗЛА* умственную (*ложь*, противоположно *истина*) и нравственную (*худо*, противоположно *добро*) составляющие, В. И. Даль отмечает противопоставленность *ЗЛА* в любой из этих ипостасей *божескому началу*, его отнесённость к *духу тьмы*.

Конкретизация *ЗЛА* в рассмотренных лексикографических интерпретациях в целом совпадает, однако следует отметить фиксируемое САР «речевое» подзначение ‘порицание’, которое может трактоваться как *хула*, *клевета* (ср. *Удержи язык твой отъ зла...*). В словарях XX в. это конкретизирующее значение не фиксируется ни на уровне толкований, ни на уровне иллюстраций.

Таким образом, семантическая структура лексемы *ЗЛО* выглядит следующим образом: **абстрактное** понимание зла, тесным образом связанное с **религиозным** (*malum*, всё противное Богу и установленному им миропорядку, ‘силы тьмы’) — **нравственное** (‘грех’) — **обыденное** (‘беда, несчастье, напасть’). Данная лексема является многозначной, включает в себя три лексико-семантических варианта (ЛСВ), которые связаны между собой отношениями пересечения, т.е. радиальной деривацией. Именно так в течение длительного времени «распределялось» понимание лексемы *ЗЛО* в языковом сознании носителя русского языка, что находило своё отражение в лексикографических источниках.

Данные словарей XX в. свидетельствуют об определённом переосмыслении значения рассматриваемой лексемы: происходит утрата сем, связанных с религиозной направленностью, иными словами, происходит постепенная десакрализация *зла*. Это связано с «обмирщением» сознания человека, которое и отражается в словарях XX в., прежде всего словарях советского периода. Посмотрим, как реализует себя лексема *ЗЛО* в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова, который, с одной стороны, по праву называют памятником советской эпохи, с другой — считают первой развёрнутой, «системной» фиксацией словарного состава русского языка определённого периода его развития/состояния: **Зло**¹, а, -мн. — Только р. зол, ср. 1. *только ед.* Дурное, греховное, вредное; противоп. **добро**. Причинить з. Сделать з. Большое з. *Платить злом за добро*. Полковые командиры смотрели на меня, как на необходимое з. Пшкн. 2. Беда, напасть, несчастье (*книжн. устар.*). *Это з. ещё не так большой руки*. Крлв. *Из двух зол выбрать меньшее*. 3. *только ед.* Злость, злое чувство, досада, преимущ. в выражениях: со зла; зло берёт, взяло или разбирает кого (разг). *Я дал слово, в ту ночь, к вам не ходить никогда и пришёл к вам вчера поутру только со зла, со зла*. Дствский. *Зло меня берёт, когда вспомню свою оплошность*⁵.

В данной словарной статье мы обнаруживаем, что, во-первых, перестаёт акцентироваться конкретизация *зла* как греха, несправедливого человеческого деяния — она включается в состав первичного, абстрактного значения. Само же абстрактное значение, по понятным причинам, оформляется как понятие морально-нравственное, но без религиозной отнесённости (за исключением самого определения *греховное*, которое авторы более поздних толковых словарей либо вообще не используют, либо переносят из толкования в иллюстративную часть, последнее можно наблюдать, например, в БАС). Абстрактное значение формулируется предельно расширенно (‘всё плохое, дурное, вредное’), что, отметим, вполне соответствует современному состоянию российского общества, в котором многие ценностные ориентиры либо вовсе перестали быть общественно значимыми, либо оказались настолько размыты, что каждый человек вправе сам решать, что есть зло, а что добро. Такое толкование оказывается весьма удобным для лексикографов и потому востребованным и переходит из одного словаря в другой.

Во-вторых, впервые фиксируется в качестве самостоятельного такое конкретизирующее значение, как ‘злость, злое чувство, досада’, реализующееся в ряде устойчивых выражений и сопровождаемое стилистической пометой *разг.* Обратим также внимание на то, что значение ‘беда, напасть, несчастье’ сопровождается стилистической и хронологической пометами *книжн.* и *устар.* Другими словами, лексема сохраняет 3 ЛСВ, однако их состав и наполнение меняются, т.е. происходит перераспределение семантических компонентов и стилистических характеристик.

Указанная трёхчленная структура (1) *плохое, дурное, вредное*; 2) *беда, несчастье*; 3) *злое чувство, досада* сохраняется в более поздних словарях (Ожегов⁶, БАС⁷, МАС⁸, БТС⁹) практически в неизменном виде. Ни в одном из современных словарей второе значение не сопровождается пометой *книжн.* и тем более *устар.*, третье значение во всех словарях отмечается как разговорное/разговорно-сниженное/просторечное. Однако считаем необходимым отметить одну деталь — появление в ряду «*беда, несчастье*» слова *неприятность* (Ожегов, МАС, БТС), казалось бы, заменившего устаревшую *напасть*. Думается, что это не замена, а подмена, поскольку *неприятность* не входит в один синонимический ряд со словами *беда, несчастье*, более того, данная лексема, скорее, находится с ними в гиперо-гипонимических отношениях, демонстрируя тем самым наличие семантической деривации, несправедливо «не замечаемой» лексикографами. Возможно, появление *неприятности* ничего не значит, автор просто «достроил» понятный массовому читателю иллюстративный ряд. С другой стороны, возможно, мы имеем дело с использованием режима обобщённого семантического стеснения¹⁰, т.е. единого инвариантного толкования нескольких ЛСВ.

Говоря о семантической структуре лексемы *ЗЛО* в русском языке, мы не можем ограничиваться только анализом словарей: данные лексикографических источников необходимо проверить практикой употребления. Обратившись к НКРЯ, мы сделали выборку из 250 контекстов, содержащих исследуемую лексему, за 2003–2009 гг. При этом мы основывались на лексикографической модели словарной статьи БАС, которая привлекла нас тем, что её авторы, помимо толкований трёх указанных выше ЛСВ, предлагают подробный перечень типичных для каждого ЛСВ сочетаний, главным образом фразеологизированных, закреплённых в языке и языковом сознании его носителей.

Контекстуальный анализ, а также опора на приведённые в словарной статье БАС коллокации и идиомы позволяют оценить степень употребительности отдельных ЛСВ и подзначений. В нашей выборке распределение ЛСВ лексемы *ЗЛО* по степени употребительности таково: 1) всё плохое, дурное, вредное (противоп. добро) — 32%; 2) несчастье, беда, напасть — 41%; 3) злое чувство, гнев, недовольство — 27%. Как видно, наиболее частотным в современных текстах, является ЛСВ 2, который мы считаем возможным определить как прагматический. Носители языка склонны называть злом любую неприят-

⁵ Ушаков 1, 1935, 1101.

⁶ Ожегов 2003, 228.

⁷ БАС 4, 1955, 1238–1239.

⁸ МАС 1, 1985, 611–612.

⁹ БТС 2000, 364.

¹⁰ Морковкин 2009.

ность, беду, болезни, происшествия и т.п. На втором месте находится обобщённое значение, которое в словарях даётся как основное, первичное, номинативное. Зло как чувство, эмоция занимает третью позицию. Обратим внимание, что все три значения являются востребованными в современном употреблении, ни одно из них нельзя считать устаревшим.

Употребительность всех ЛСВ указанной леммы во многом объясняется её вхождением в устойчивые сочетания (коллокации и идиомы), поэтому считаем необходимым остановиться на некоторых результатах анализа нашего материала, связанных с использованием таких единиц.

ЛСВ 1. Частое употребление выражения *тёмные силы зла* (38%) связано с его использованием в иронических контекстах. Выражение *неизбежное, необходимое* и т.п. *зло* (35%), как кажется, позволяет носителю языка «снимать с себя ответственность» за происходящее, принимать что-л. негативное как должное. *Не делай/не желай/не хоти зла* (23%) имеет некоторый оттенок книжности. *Употреблять во зло* (4%) и тем более *вкушать от древа зла* — можно отнести к выражениям, архаичным для современного языка.

ЛСВ 3. Подавляющее преобладание выражения *сделать/делать со зла* (71%), вероятно, объясняется его разговорной окраской и прозрачной семантикой, как бы оправдывающей любые негативные поступки. *Зло берёт* и *зла не хватает* (10%) не уступают предыдущему в разговорности, однако гораздо менее частотны, возможно, потому, что не слишком хорошо характеризуют говорящего, признающего свою несдержанность и излишнюю эмоциональность. *Зла не помнить* (7%) — выражение, как раз характеризующее человека с лучшей стороны, почти с христианской добродетелью, оказывается на практике малоупотребительным.

Таким образом, можно констатировать, что в семантической структуре леммы *ЗЛО* происходит перераспределение значений по степени их актуальности у носителей языка. Поскольку традиционно толковые словари отражают исторически сложившуюся семантическую деривацию, то лексикографическое описание леммы *ЗЛО* в целом отражает её бытование в современном словоупотреблении. Несовпадение между словарём и словоупотреблением заключается в разной степени актуальности, отличаемых в словарях значений, что проявляется в некорректной нумерации ЛСВ.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС 1955: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 4 / А. М. Бабкин (ред.). М.: Л.
 БТС 2000: Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов (ред.). СПб.
 Даль В. И. 1989: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.
 МАС 1985: Словарь русского языка: в 4 т. / А. П. Евгеньев (ред.). Т. 1. М.
 Морковкин В. В. 2009: О лексической полисемии // Русский язык за рубежом. 4, 57–67.
 Ожегов С. И. 2003: Словарь русского языка: ок. 53 000 слов. М.
 САР 2002: Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т. Т. 3 / Л. В. Тычинина (ред.) [и др.]. М.
 Срезневский И. И. 1893: Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. 1. СПб.
 Ушаков Д. Н. (ред.) 1935: Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.
 Шмелёв Д. Н. 2002: Избранные труды по русскому языку. Языки славянской культуры. М.

LEXEME *EVIL* IN THE DICTIONARY AND IN THE LANGUAGE: DYNAMICS OF THE SEMANTIC STRUCTURE

A. G. Zhukova, G. M. Mandrikova

The article examines changes in the semantic structure of the lexeme '*evil*' as the representative of one of the basic values / antivalues in the national picture of the world on the material of dictionaries of XIX–XX centuries and modern texts.

Key words: semantic structure of the word, semantic shift, semantic derivation, lexicographical interpretation

© 2014

А. Г. Кротова

СЛОВАРЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕХНОЛОГИИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье затронута проблема лексикографического описания лексических трудностей, обусловленная отсутствием полноценной лексикографической теории, касающейся создания ортологических лексических словарей антропоцентрической направленности, а также недостаточной разработкой ортологического аспекта рассматриваемого объекта лексикографирования.

Ключевые слова: антропоцентрическая лексикография, ортологический словарь, словарь трудностей русского языка, лексическая норма, лексическая трудность

Язык и культура — два феномена, неразрывно связанные друг с другом: факты языка и феномены культуры зачастую не поддаются строгому разграничению, изменения в культурной сфере воплощаются в языке, а языковые трансформации активно участвуют в культурных процессах и влияют на них.

Кротова Анастасия Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: anakrv@yandex.ru

Одной из основных функций культуры, безусловно, является нормативная функция. Кодификация, неотъемлемый инструмент фиксации речевой культуры, также выполняет эту функцию, отражая в нормативных источниках закреплённые в языке и речи определённые языковые стандарты, правила общения и нормы речевого поведения.

Нельзя не согласиться с Л. И. Скворцовым, который отмечает, что создание нормативных словарей-справочников, объективно описывающих функционирование и развитие литературных норм, — важное научное, просветительское и общекультурное дело¹.

Необходимость теоретического обоснования лексикографической интерпретации языковых трудностей русского языка в целом и лексических трудностей в частности представляет собой не просто актуальную, а насущную проблему для современной ортологической (нормативной) лексикографии.

Напомним, что ортологические словари (словари трудностей, «словари правильностей», «словари неправильностей») занимают особое место в системе словарей русского языка: в них, по словам В. А. Козырева и В. Д. Черняк, представлено описание фрагментов языковой системы, вызывающих устойчивые трудности у говорящих или пишущих².

Практическая ортологическая лексикография имеет в нашей стране двухсотлетнюю историю: первыми «словарями правильностей» принято считать «Справочное место русского слова» А. Н. Греча (1839), работы К. П. Зеленецкого «О русском языке в Новороссийском крае» (1855), В. Долопчева «Опыт словаря неправильностей русской разговорной речи» (1886).

В настоящее время существует достаточно изданий (как академических и авторитетных, так и неизвестно кем изданных и сомнительных), описывающих комплексно или аспектно языковые факты, нуждающиеся в особой нормативной оценке. Среди безусловно авторитетных изданий подобного рода можно выделить, например, следующие словари: Еськова Н. А. «Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение» (1999); Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. «Словарь трудностей русского происхождения» (1997); Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. «Словарь трудностей русского языка» (1976 и более поздние издания); Скворцов Л. И. «Большой толковый словарь правильной русской речи» (2006) и др.

В то же время анализ исследований по теоретической лексикографии, а также анализ существующих лексикографических источников (словарей трудностей русского языка) показывает, что в настоящее время отсутствует полноценная лексикографическая теория, касающаяся создания **ортологических лексических словарей**, объектом описания которых являются «трудные» единицы лексической системы (в первую очередь, агнонимы, таронимы, паронимы, неологизмы и т. д.).

Ещё одной проблемой современной ортологической лексикографии является то, что существующие словари трудностей имеют системоцентрический характер: многие единицы, включаемые в эти словари, считаются «проблемными» в большей степени по традиции, чем в соответствии с реальным словоупотреблением и их истинной сложностью для носителей языка. Другими словами, в таких словарях не учтён фактор адресата (пользователя подобного словаря), что явно следует из характера предлагаемой информации в рамках структуры словарной статьи.

Учитывая невысокий уровень современной речевой культуры (особенно у молодых носителей языка), обусловленный в том числе недостаточным обращением к осмысленному чтению, а также сильное увеличение объёма пассивной лексики (устаревшей, устаревающей и новой), необходимо создать ортологический лексический словарь антропоцентрической направленности («антропоцентрический словарь — словарь для человека, познающего и использующего язык»³), отвечающий на конкретные пользовательские запросы, касающиеся различных лексически трудных слов, активно функционирующих в современной речи.

Отметим, что создание подобного словаря невозможно без обращения к ортологическому аспекту заявленной проблемы, который до сих пор в полной мере не осмыслен в соответствующей научной литературе. В современных ортологических исследованиях отсутствует чёткое понимание того, что такое языковая трудность, лексическая трудность, какие типы норм и отступления от них являются собственно лексическими⁴.

Так, ещё Д. Э. Розенталь отмечал, что само понятие «языковая трудность» является сложным и вряд ли можно найти объективный критерий для его определения⁵. Действительно, в теоретических исследованиях до сих пор отсутствует определение данного понятия, однако, несмотря на это, языковая трудность продолжает оставаться особым (и популярным) объектом лексикографического описания.

Как представляется, понятие «языковая трудность» обладает явной антропоцентрической направленностью, выражая отношение носителей языка к фактам языка и речи («не знаю, как правильно», «как же всё-таки правильно», «в разных словарях по-разному», «слышала и так, и так»), маркируя затруднения, которые испытывает говорящий при выборе того или иного языкового варианта. Анализируемое понятие интересно тем, что оно является одновременно частью ортологической терминосистемы и показателем метаязыковой рефлексии носителей языка.

По мнению В. В. Свинцова, языковые трудности могут рассматриваться как прикладные лингвистические проблемы носителей языка — читателей словарей, пользователей Интернета, учеников, студентов и др.⁶ «Языковые трудности обусловлены противоречиями между нормой, кодификацией и речевой практикой; испытываемые носителями языка трудности, формулируемые как запросы к словарям или вопросы к специалистам, сигнализируют о «точках напряжённости» в языке — колебаниях и изменениях нормы, неоправданных словарных рекомендациях, немотивированных и необоснованных вариантах, предлагаемых кодификаторами, а также словарно-справочных противоречиях»⁷. Исследователь также отмечает, что лексикографическое предъявление трудностей связано с проблемой составления словарей, то есть признания тех или иных фактов языка трудными⁸.

¹ Скворцов 1980, 333.

² Козырев, Черняк 2011, 19.

³ Мандрикова 2011, 9.

⁴ Кротова 2010, 33–37.

⁵ Розенталь 1998, 3.

⁶ Свинцов 2012, 16.

⁷ Свинцов 2012, 7.

⁸ Свинцов 2012, 7.

Что касается лексических трудностей, то для их лексикографирования, помимо всего прочего, необходимо уточнить понятие «лексическая норма». На наш взгляд, лексическая норма, как норма системно-языковая, охватывает явления, нормативное использование которых предполагает знание лексического значения слова (его сигнификативного и денотативного компонентов) и его сочетаемости, и, как следствие, умение устанавливать между лексическими единицами нормативные парадигматические и синтагматические отношения. Владение ею включает в себя использование слов (в том числе пассивного запаса и заимствований) в тех значениях, которые они имеют в системе языка, знание и различение смысловых оттенков синонимов, антонимов, паронимов, многозначных слов и омонимов; соблюдение лексико-семантической сочетаемости. Таким образом, в лексическую норму включаются: 1) лексико-семантический компонент, 2) лексический парадигматический компонент, 3) лексический синтагматический компонент⁹.

Учитывая вышесказанное, считаем, что лексикографическое описание лексической трудности обязательно должно включать в себя установление и сравнение абсолютной ценности описываемых лексических единиц (лексико-семантический компонент), их относительной ценности (лексический парадигматический компонент) и сочетательной ценности (лексический синтагматический компонент).

При разработке антропоцентрического словаря лексических трудностей необходимо, на наш взгляд, опираться на следующие принципы.

1. Антропоцентрически ориентированное описание лексических единиц и лексических трудностей, которое возможно реализовать с помощью обращения к языковому сознанию носителей языка при выявлении «трудных» слов, ориентации на пользователя при формировании банка пользовательских запросов, предъявления информации в соответствии с процедурами антропоцентрического лексикографирования с целью её эффективного использования в коммуникации.

2. Лексикографирование с ориентацией на адресата, которое можно осуществить путём выявления той категории пользователей, на кого рассчитан новый словарь лексических трудностей. Проведение социолингвистических экспериментов позволит, как думается, представить «портрет» вероятного пользователя словаря.

3. Лексикографическое конструирование на основе выявленных пользовательских запросов (работы В. В. Морковкина, Г. М. Мандриковой).

4. Использование социолингвистических (анкетирование, опрос, интервьюирование) и экспериментальных методов исследования на разных этапах работы над словарём: как для выявления пользовательских запросов к искомому словарю, так и для отбора заголовочных единиц в словнике.

В заключение отметим, что решение заявленных лексикографических и ортологических проблем имеет серьёзную научную значимость как для теории лексикографии в целом (так как способствует пониманию того, что представляет собой антропоцентрический нормативный словарь), так и для теории культуры речи, поскольку позволяет заполнить лакуну, связанную с описанием лексических норм и лексических трудностей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Козырев В. А., Черняк В. Д.* 2011: Ортологический словарь и речевая культура // UNIVERSUM: Вестник Герценовск. ун-та. 3, 19–25.
Кротова А. Г. 2010: К проблеме статуса лексических норм // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 3–4, 33–37.
Кротова А. Г. 2011: Лексическая норма и её отражение в языковом сознании носителей языка (опыт экспериментального исследования). Красноярск.
Мандрикова Г. М. 2011: Основные положения антропоцентрической лексикографии // Мир науки, культуры, образования. 2, 8–12.
Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. 1998: Словарь трудностей русского языка. М.
Свинцов В. В. 2012: Языковая трудность: системный, лексикографический и методический аспекты (на материале русского языка). М.
Скворцов Л. И. 1980: Теоретические основы культуры речи. М.

THE DICTIONARY OF LEXICAL DIFFICULTIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE: THEORETICAL FOUNDATION OF THE TECHNOLOGY OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION

A. G. Krotova

The article is devoted to the problem of lexicographic description of lexical difficulties, which is caused by the absence of a full lexicographic theory concerning the creation of orthological lexical dictionaries of anthropocentric orientation, as well as insufficient development of the orthologic aspect of the lexicographical object.

Key words: anthropocentric lexicography, orthologic dictionary, the dictionary of lexical difficulties, the lexical norm, lexical difficulty

⁹ Кротова 2011, 6–7.

© 2014

Н. А. Максимчук

УЧЕБНЫЙ ОНОМАСТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В центре внимания автора — проблемы отбора и описания ономастической лексики в учебных целях. В основе предлагаемого подхода лежит понятие симметричности как необходимого условия адекватной межкультурной коммуникации, что иллюстрируется на примере учебного словаря ключевых имён и названий немецкой истории и культуры.

Ключевые слова: учебная лексикография, имя собственное, межкультурная коммуникация, учебный словарь, пользовательский запрос

Антропоцентрическое направление лингвистических исследований всё шире проникает в прикладные области описания языка, центральное место среди которых принадлежит лексикографии. Определяющим понятием *антропо-ориентированной лексикографии*¹ является *пользовательский запрос*², обуславливающий те параметры и свойства словаря, которые отвечают потребностям конкретного адресата (пользователя). Учебный словарь, создаваемый для оказания помощи в изучении языка, по определению, должен быть антропо-ориентированным (хотя обратное справедливо лишь частично).

Одним из актуальных требований к учебному произведению антропо-ориентированной лексикографии сегодня можно считать соединение в его концепции ориентации на максимально конкретные пользовательские запросы, с одной стороны, и учёта положений той образовательной (методической) системы, в рамках которой предполагается использовать словарь, — с другой.

Развитие методики преподавания иностранных языков сегодня в значительной степени протекает в рамках концепции межкультурной коммуникации, требующей соответствующего учебно-методического и лексикографического обеспечения, но прежде всего — теоретического обоснования. Однако, несмотря на большое количество работ, посвящённых как общетеоретическим, так и сугубо прикладным аспектам проблемы (С. М. Андреева, Н. Д. Гальскова, Е. И. Пассов, С. Г. Тер-Минасова, Л. Л. Салехова, И. И. Халева, К. Н. Хитрик и др.), существует немало вопросов, от ответов на которые зависят особенности построения конкретных образовательных, дидактических, методических систем и, следовательно, требования к их лексикографическому обеспечению. Прежде всего обратим внимание на то, что главная цель обучения межкультурной коммуникации — приобретение возможности лучшего взаимопонимания и взаимодействия представителей разных языков и культур — с позиций теории языковой личности требует некоторых уточнений: 1) предполагает ли межкультурная коммуникация взаимное (и — по возможности — равноценное) знание культур общающимися сторонами?; 2) если нет, то можно ли говорить об их стремлении к полноценному взаимопониманию?; 3) если да, то какой уровень взаимопонимания может считаться адекватным (достаточным) для конкретных ситуаций общения и чем он должен обеспечиваться? и т.д. Для поиска ответов на эти вопросы имеет смысл обратиться к понятию билингвизма.

На фоне понятия *естественный билингвизм* как равноценное владение двумя языками, усвоенными в естественных условиях двуязычной среды обычно в детском возрасте, сегодня широко используется понятие *искусственный билингвизм*, рассматриваемый как результат *билингвального образования (обучения)* и условие адекватной межкультурной коммуникации (социализации в иноязычном и инокультурном пространстве)³. С позиций участников межкультурной коммуникации билингвизм второго типа может быть *симметричным* (при равноценном владении коммуникантами языками друг друга) и *асимметричным* (в противном случае). Как представляется, в полной мере выполнять роль инструмента адекватной межкультурной коммуникации может именно симметричный билингвизм. Следовательно, условию симметрии должно отвечать и учебно-методическое (в нашем случае — лексикографическое) обеспечение процесса обучения, что может быть достигнуто при согласовании усилий сторон — предположительных участниц межкультурной коммуникации.

Рассмотрим возможности реализации сформулированного подхода на примере учебного словаря имён собственных немецкой культуры и истории.

Содержательную основу пособий по межкультурной коммуникации может составить система структурированных определённым образом знаний, рассматриваемая двумя языковыми сообществами в качестве *общеобязательных* для взаимного продуктивного общения. С опорой на выделенное ядро могут быть определены дополнительные компоненты, обеспечивающие понимание национально-культурной специфики сторон. Эффективным и объективным способом установления состава, объёма и характера этих компонентов может быть проведение широких ассоциативных экспериментов, выявляющих ассоциативно-культурный фон (АКФ) сопоставляемых культурно значимых единиц обоих языков. Материал, полученный в результате таких экспериментов, может стать основой создания учебников, словарей и пособий нового типа, особенностью которых будет наличие в обоих национальных вариантах «зеркальной» части, отражающей позиции носителей изучаемого языка. Такое понимание межкультурной коммуникации формулирует новые требования к её лексикографическому обеспечению.

Поскольку имя собственное, функционирующее как культурный знак, является важнейшим хранителем национальной культуры и истории, то роль учебного ономастического словаря с позиций обучения межкультурной коммуникации кажется очевидной.

Предлагаемый словарь посвящён описанию имён немецкой истории и культуры и адресован российским школьникам и студентам, изучающим немецкий язык. Он также может быть полезен студентам и школьникам Германии, изучающим русский язык и заинтересованным в лучшем понимании того, как представляют Германию их русскоязычные собеседники.

Максимчук Нина Алексеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета E-mail: nmaximchuk@yandex.ru

¹ Караулов 1988.

² Морковкин, Кочнева 1992, 81–87.

³ Пассов 2003 и др.

Основные особенности и новизна словаря обуславливаются, прежде всего, способом отбора заголовочных единиц. Как следует из предварительных замечаний, создание лексических пособий и словарей, ориентированных на обеспечение потребностей межкультурной коммуникации, должно отличаться от создания традиционных лингвокультуроведческих пособий уже на этапе их планирования: предпосылкой оптимальной организации такого рода учебных средств следует признать установку на достижение «симметричности» в отношениях коммуникативных партнёров. С этой целью процесс создания учебного словаря должен предусматривать параллельную работу двусторонних авторских коллективов.

В основе определения состава словаря лежит концепция выделения и описания общеобязательного научного знания, формирующего *нормативно-научную картину мира* (ННКМ) русской языковой личности⁴. Значение этого подхода определяется тем, что содержание выявленного на его основе знания, приобретаемого практически каждым человеком в процессе его обучения в российской общеобразовательной школе, отражает реальное представление русской языковой личности о том или ином фрагменте внеязыковой действительности. Именно на общеобязательное знание в значительной степени опирается процесс коммуникации, в том числе — межкультурной. В свёрнутом виде общеобязательное знание концентрируется в содержании базовых единиц ННКМ, в роли которых выступают термины (отражающие преимущественно научно-техническое и естественнонаучное знание) и имена собственные (преобладающие в сфере гуманитарного знания). Благодаря наличию обширного ассоциативно-культурного фона, отражающего многоплановую информацию о носителе имени, имя собственное рассматривается как свёрнутый текст. Совокупность онимов определённого гуманитарного фрагмента ННКМ можно рассматривать как сжатое отображение того фрагмента общеобязательного знания, развёртывание которого в лексикографической форме и составляет содержательную цель ономастического словаря.

Разрабатываемый учебный словарь строится на материале Базы данных, созданной в результате сплошной выборки имён немецкой культуры и истории из двадцати учебников истории зарубежных стран для 6–11 классов российской общеобразовательной школы издательств «Просвещение», «Дрофа», «Русское слово» 2000–2005 гг.⁵ Из массива выявленных онимов (1422 онима, 13932 употребления) на основании критериев частотности и распространённости были выделены ключевые имена, которые и составляют основу словника: *Германия* (2397 употреблений), *Австрия* (497), *Пруссия* (422), *Вторая мировая война* (351), *Карл Великий* (326), *А. Гитлер* (257), *Первая мировая война* (256), *Австро-Венгрия* (239), *М. Лютер* (193), *Франки* (176), *О. Бисмарк*, *Габсбурги* (по 172), *Берлин* (153), *ФРГ* (132), *К. Маркс* (116), *Священный союз* (112), *ГДР* (109), *Карл V* (107), *Фридрих II* (99), *Ж. Кальвин* (89), *Хлодвиг* (85), *Оттон I* (61), *Фридрих I Барбаросса* (59), *Ф. Энгельс* (58), *Вильгельм II* (53), *Карл Мартелл* (41), *А. Валленштейн* (38), *Теодорих Великий* (37), *Пипин Короткий*, *Франц Иосиф* (по 34) и др.

В результате аналогичной работы с учётом особенностей содержания общеобязательного знания носителей немецкого языка верхние строчки списка ключевых имён заняли следующие онимы: *К. Аденауэр*, *И. С. Бах*, *О. Бисмарк*, *В. Брандт*, *А. Эйнштейн*, *И. В. Гёте*, *И. Гутенберг*, *М. Лютер*, *К. Маркс*, *С. и Х. Шоль*, *Ф. Шиллер*, *Г. Коль*, *А. Гитлер*, *А. Меркель*, *В. Брандт*, *Г. Шмидт*, *Р. Люксембург*, *Л. ван Бетховен*, *Вторая мировая война*, *Первая мировая война*, *Священный союз*, *Берлин* и др.

При наложении двух словников вычленяется совпадающая часть. Таким образом складывается представление о том, как русские видят немецкую историю и культуру через её отражение в именах собственных и насколько это совпадает или расходится с представлениями самих немцев.

Макроструктуру Словаря образуют: Объяснительная статья «Как пользоваться словарём», русский алфавит, немецкий алфавит; Словарная часть; Тематические группы онимов (в русском и немецком написании); Алфавитные указатели; Методические рекомендации.

Общая часть словника располагается по алфавиту. Несовпадающие единицы словника могут размещаться двояким образом: отдельными списками после совпадающих частей или в общей алфавитной последовательности, наглядно демонстрируя точки возможного напряжения при межкультурной коммуникации. При этом вариант немецкой стороны (в зависимости от конкретных пользовательских запросов) может быть представлен как на русском, так и на немецком языке.

Микроструктура Словаря строится в соответствии с теорией учебной лексикографии⁶ и разрабатываемыми принципами описания языковых единиц в учебных ономастических словарях⁷.

Направления раскрытия содержания АКФ имени собственного зависят от его разряда и индивидуальных характеристик. Поскольку работа над русскими и немецкими вариантами словарных статей ведётся параллельно, то в результате содержательные части одноимённых статей предположительно будут отличаться взглядами их авторов как выразителей национального отношения к той или иной личности, событию и т.д. При сопоставлении АКФ онима в его восприятии носителями русского или немецкого языка пользователь получает возможность для выявления точек совпадений и расхождений в характеристике культурно значимых феноменов.

Вторым этапом в реализации предложенной концепции должно быть создание аналогичного учебного ономастического словаря «Имена русской истории и культуры», содержащего сопоставление восприятия этих имён немецкими и российскими школьниками и студентами.

Построенные таким образом антропо-ориентированные учебные словари позволят, как кажется, приблизить межкультурную коммуникацию к центру симметрии.

ЛИТЕРАТУРА

- Караулов Ю. Н. 1988: Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии М.
 Кургузова Е. В. 2009: Имена собственные немецкой культуры в историческом фрагменте нормативно-научной картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук Смоленск.
 Максимчук Н. А. 2002: Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Смоленск.

⁴ Максимчук 2002.

⁵ Кургузова 2009.

⁶ Морковкин 1986.

⁷ Максимчук 2011а, 757–762; 2011б, 665–669.

Максимчук Н. А. 2011а: Региональный ономастический компонент в структуре обучения РКИ и в учебной лексикографии // XII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве» / Л. А. Вербицкая, Л. Ю. Лиминь, Е. Е. Юрков (ред.). Шанхай. 1, 757–762.

Максимчук Н. А. 2011б: Комплексный учебный словарь собственных имён как форма представления нормативно-научной картины мира // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 3 (33), 665–669.

Морковкин В. В. 1986: О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному / В. В. Морковкин, Л. Б. Трушина (ред.). М., 102–117.

Морковкин В. В., Кочнева Е. М. 1992: Ориентация на пользователя как доминанта учебной лексикографии // EURALEX's Proceedings I–II / Н. Tommola, К. Varantova, Т. Salmi-Tolonen, J. Schoor (eds.). Tampere, 81–87.

Пассов Е. И. 2003: Теория и технология иноязычного образования как наука: оптимизм против реальности // Русский язык в центре Европы. Банска Бистрица. 6, 70–81.

TRAINING ONOMASTIC DICTIONARY IN ASPECTS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

N. A. Maximchuk

The paper discusses the problems of selection and description of onomastic vocabulary for training purposes. The proposed approach is based on the concept of symmetry as a prerequisite for adequate cross-cultural communication. The proposed concept is illustrated by the example of key academic vocabulary of names of German history and culture.

Key words: educational lexicography, proper name, cross-cultural communication, academic vocabulary, the user request

© 2014

Е. К. Николаева

ПОСЛОВИЦЫ В «БУКВАРЕ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ЮНОШЕСТВА ЧТЕНИЮ ПО РОССИЙСКУ И ПО ПОЛЬСКУ» (1796 г.)

Статья посвящена выявлению источников 23 польских и 23 русских пословиц из «Букваря для обучения юношества чтению по российску и по польску» (Бердичев, 1796) и анализу способов их перевода. Эту подборку пословиц можно рассматривать как первый печатный русско-польский словарь пословиц.

Ключевые слова: пословица, польский язык, русский язык, перевод, двязычные словари, эквиваленты, кальки

Переводные словари составляли основную часть опубликованных в России XVIII в. словарей, что объясняется расширяющимися связями России с другими странами, развитием переводческого дела и началом преподавания иностранных языков в учебных заведениях.

Важным источником по истории двязычной фразеологии XVIII в., где зачастую содержится богатый фразеологический материал, являются учебники (грамматики и буквари) польского языка¹. В одном из них, в «Букваре для обучения юношества чтению по российску и по польску», изданном в Бердичеве в 1796 г., опубликована интересная подборка из 23 польских и 23 русских пословиц, которую можно рассматривать как первый печатный польско-русский или русско-польский словарь пословиц. Подборка на русском языке названа «Приповести», на польском — «Przyrowieści», и обе, хотя и напечатаны на разных страницах, представляют собой параллельные тексты на русском и польском языках. Русские пословицы напечатаны на стр. 32, а польские — на 33. Логично предположить, что перевод осуществлялся с русского на польский, хотя этому противоречит, на первый взгляд, название подборки, для которого использован уже вышедший к концу XVIII в. из употребления термин «приповести», являющийся полонизмом в русском языке². В польской подборке присутствуют 7 единиц, которые не зафиксированы в фундаментальном собрании польских пословиц и поговорок под редакцией Ю. Кшижановского (далее — НКРП): *Najnieznośniejsze jest ubóstwo; Skoro z oczu, wnet i z pamięci; Niepomyślne doniesienia całą radość zmieszały; Tam dobrze, gdzie na chlebie nie zbywa; Prędzej można niedźwiedzia nauczyć czytać, a osła tańczyć; Gniej drzewo gdy się giąć daje; Na upartego dubina*. 10 польских выражений записаны в форме, отличной от фиксаций в НКРП. В русской же подборке пословиц 21 единица (из 23) зафиксирована в различных сборниках пословиц XVIII в. Не удалось обнаружить источники двух: *В нетопленную печь хлебы сажать; Сие так полезно есть, как слепому зеркало*. Сравнение записей в русских сборниках XVIII в., которые могли быть доступны составителю «Букваря», показало, что основная часть пословиц (17 ед.) находит соответствие в Вейсмановом Лексиконе 1731 г.³ или вообще только в нём и была зафиксирована:

1. Кто на молоке ожёгся, тот и на воду дует.

Кто на молоке ожёгся, тот и на воду дует (Лексикон 1731, 24, 331)

Кто ожёгётся на молоке, тот подует и на воду (Симони, 148)

На молоке обжётся — и на воду станешь дуть (Сб. Петровской галереи, нач. XVIII в., 31)

На молоке ожётся (ожжётся), а (и) на воду дуешь (Татищев, 57); (Богданов 1741, 98)

2. Скорбная вещь есть нищета.

Николаева Елена Каировна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Российского государственного гидрометеорологического университета. E-mail: elena_kairvna@mail.ru

¹ В XVIII в. в России вышли три грамматики польского языка: Семигиновский 1791; Благодаров 1796; Буквар 1796.

² См.: Николаева, Николаев 1999, 77–85.

³ Лексикон 1731.

Тяжкая (скорбная) вещь есть нищета (Лексикон 1731, 39)

3. Как скоро из глаз, так и из памяти вон.

Как скоро из глаз вон, так из памяти вон (Лексикон 1731, 51)

4. Яйца курицу учат.

Яйца курицу учат (Лексикон 1731, 184)

5. Ворон ворону глаза не выклювает.

Ворон ворону глаза не выклюнет (Симони, 85; Татищев, 48; Лексикон 1731, 252, 527, 762)

6. За кем счастье за тем и люди.

За кем счастье — за тем и люди (Лексикон 1731, 254)

7. Рубашка ближе к плечам, чем кафтан.

Рубашка ближе к плечам, чем кафтан (Лексикон 1731, 88)

Рубашка ближе кафтана (Татищев, 61)

Рубашка к телу ближе (Курганов 1793, 136)

8. Гора с горою не сойдется, а человек с человеком сойдется.

Гора с горою не сойдется, а человек с человеком сойдется (Лексикон 1731, 81)

9. Худые ведомости все веселие испортили.

Худые ведомости всё веселие испортили (Лексикон 1731, 106)

10. Там добро, где хлеба довольно.

Там добро, где хлеба довольно (Лексикон 1731, 111)

11. Горшок котлу насмевается.

Горшок котлу насмевается (Лексикон 1731, 181)

12. Скоряе можно медведя грамоте научить, осла плясать.

Скоряе можно медведя грамоте научить: осла плясать (Лексикон 1731, 181)

13. На языке мед, а под языком лед.

На языке мёд, а под языком лёд (Лексикон 1731, 328, 763)

На языке медок, а на сердце ледок (Курганов 1793, 132)

14. Гни дерево как еще гнется.

Гни дерево, как ещё гнётся (Лексикон 1731, 331)

15. Малых воров вешают, а больших прощают.

Малых воров вешают, а больших прощают (Лексикон 1731, 134, 336)

16. На упрямого дубина.

На (про) упрямого — дубина (Лексикон 1731, 342)

17. Какому быть в старости, млада лета объявляют.

Какому быти в старости, юность, млада лета объявляют (Лексикон 1731, 444)

«Немецко-латинский и русский лексикон» 1731 г., чаще именуемый Вейсмановым Лексиконом, занимает особое место в истории русской лексикографии. Он является первым словарем, широко отразившим лексику народно-разговорного происхождения и фразеологию русского языка конца XVII — начала XVIII в., в состав которой вошли не только исконно русские, но и заимствованные единицы. Этот словарь оказал значительное влияние на развитие лексикографии XVIII в. и явился непосредственным источником создания целого ряда рукописных словарей. Видимо, и составитель «Букваря» 1796 г. не избежал влияния Лексикона 1731 г., возможно, посредством одного из многочисленных небольших двуязычных словариков, созданных на его основе.

При анализе русско-польских соответствий пословицной подборки «Букваря» достаточно чётко выделяются три группы: 1) полные пословицные эквиваленты; 2) частичные пословицные эквиваленты; 3) кальки.

Единицы первой группы полностью совпадают в обоих языках и зафиксированы в русских и польских лексикографических источниках XVIII в.:

Гора с горою не сойдется, а человек с человеком сойдется — *Góra z górą się nie zejdzie, a człowiek z człowiekiem się zejdzie.*

Ворон ворону глаза не выклювает — Kruk krukowi oka nie wykole.

На языке мед, а под языком лед — Na języku miód, a pod językiem lód.

Сие так полезно есть, как слепому зеркало — Tyle to tu pomoże, co ślepeму zwierciadło.

Все эти пословицы являются интернационализмами, восходящими к латинскому языку.

К первой группе тесно примыкает вторая, в которой польские пословицы отличаются от русских более развёрнутой (эксплицитной) формой и/или слегка изменённой образностью:

Кто на молоке ожегся, тот и на воду дует — Kto się na ukropie sparzy, to i na zimną wodę dmucha;

Горшок котлу насмевается — Kocioł garkowi przygania, a obydwaj smolne;

Малых воров вешают, а больших прощают — Małych złodziejów wieszają, a większym nic nie czynią;

Рубашка ближе к плечам, чем кафтан — Bliższa koszula ciała, aniżeli suknia;

Яйца курицу учат — Mądrze jaja niż kury.

В эту группу попадают и единицы, которые находятся как бы на стыке второй и третьей группы, т.к. при их переводе явно ощущается влияние русской поговорки, т.е. даётся буквальный перевод, калькирование русской единицы, хотя соответствующая пословица, слегка отличающаяся по компонентному составу, но полностью совпадающая по всем остальным параметрам, есть в польском языке (и была в XVIII в.):

*Бездонной кадки, водою не наполнишь — Bez dna beczki nie napelnisz (см. NKPP: *Beczka, która dna nie ma, trudno napelnic (1, 72); Dziurawego woru nie napelnisz (3, 765).**

За кем счастье, за тем и люди — Gdzie jest szczęście, tam i przyjaciele (подобной фиксации нет, хотя эта латинская пословица употребляется в Польше с начала XVI в.)

Бешеному не давай ножа в руки — Szalonemu noża nie dawaj do rąk (во всех вариантах этой поговорки в польском языке присутствует компонент *меч*, а не *нож*).

Знать сову и по полету — Znać sowę i po locie (в польских вариантах этой поговорки сова узнаётся только по голосу (НКРР, 3, 912).

И, наконец, третья группа пословиц (весьма внушительная — 8 ед.), которые переведены буквально (слово в слово), т.е. калькированы:

Скорбная вещь есть нищета — *Najnieznośniejsze jest ubóstwo*.

Как скоро из глаз, так и из памяти вон — *Skoro z oczu, wnet i z pamięci*.

Худые ведомости все веселение испортили — *Niepomyślne doniesienia całą radość zmieszały*.

Там добро, где хлеба довольно — *Tam dobrze, gdzie na chlebie nie zbywa*.

Скоряе можно медведя грамоте наущить, осла плясать — *Prędzej można niedźwiedzia nauczyć czytać, a osła tańczyć*.

Гни дерево как еще гнется — *Gniej drzewo gdy się giąć daje*.

На упрямого дубина — *Na upartego dubina*.

Какому быть в старости, млада лета обявляют — *Jakim kto będzie na starość, młode okazują lata*.

При этом они не производят впечатления искусственно созданных в польском языке, т.к. в основном являются латинскими по происхождению, поэтому не содержат национальных реалий, затрудняющих обычно перевод фразеологизмов и пословиц. О том, что это кальки с русского, свидетельствует лишь отсутствие этих единиц в польских фразеологических источниках.

Если К. Кондратович, автор первого польско-русского словаря, в который вошли немногочисленные фразеологизмы, избегал их буквального перевода, подбирая для польских фразеологизмов русские лексические или фразеологические соответствия, используя свой богатый русский материал, предназначенный для большого русского академического словаря, то составитель «Букваря», прекрасно зная польский язык, видимо, не затруднял себя поиском соответствий в словарях польского языка, а использовал свой языковой багаж. Представляется неоправданным и подбор пословиц, которые были далеко не самыми известными в России, что подтверждает фиксация большей их части лишь в одном источнике, в «Немецко-латинском и русском лексиконе», а не в сборниках пословиц, которые к тому времени уже были опубликованы в России⁴.

Анализ перевода пословиц в польско-русском словаре Д. Бартошевича 1841–1843 гг. позволил нам в свое время сделать вывод о том, что составители двуязычных словарей более тщательно (в отличие от писателей и переводчиков) относились к подбору русских пословичных эквивалентов / аналогов, не используя языковую близость, а скорее, наоборот, стараясь развести польские и русские единицы, в ряде случаев даже отказываясь от приведения полных эквивалентов. Словарь К. Кондратовича подтверждает это наблюдение. Что же касается составителя «Букваря», то его отношение к переводу пословиц скорее ближе к практике писателей-переводчиков (нежели лексикографов), которые в переводных произведениях XVII–XVIII вв. часто просто калькировали польские или русские пословицы, используя близость языков⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсов А. А. 1770: Собрание 4291 древних российских пословиц. М.
 Бартошевич Д. 1841: Словарь польско-русский. Варшава.
 Благодаров Я. И. 1796: Краткие правила польского языка с присовокуплением к ним употребительнейших слов, разговоров и примеров для чтения. М.
 Богданов А. И. 1961: Собрание пословиц А. И. Богданова // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / Б. Н. Путилов (ред.). М.; Л.
 Букварь 1796: Букварь для обучения юношества чтению по российску и по польску. Elementarz dla uczenia młodzieży czytać po rossyjsku i po polsku. Бердичев.
 Вейсман Э. 1731: Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе. СПб.
 Вомперский В. П. 1986: Словари XVIII века. М.
 Кондратович К. А. 1775: Польский общий словарь и библейный, с польскою, латинскою и российскою новонапечатанною библиями смечиван; и по порядку книг, глав и стихов, тройственным штилем, высоким, средним и простонародным на российский язык переведен коллежским асессором Кирияком Кондратовичем. СПб.
 Курганов Н. Г. 1769: Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб.
 Лексикон 1731: Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе
 Николаева Е. К. 2007: Пословицы в польско-русском словаре Д. Бартошевича // Frazeologiczne štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii / D. Baláková, P. Ďurčo (ред.), Ružomberok.
 Николаева Е. К., Николаев С. И. 1999: Из истории русской паремнологической терминологии. (Конец XVII — первая половина XVIII в.) // Русский язык конца XVII — начала XIX в. (Вопросы изучения и описания) / З. М. Петрова (ред.). СПб., 21–36.
 Семгиновский М. 1791: Грамматика польская для пользы и употребления российского юношества. Киев.
 Симоши П. 1899: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб.
 Татищев В. Н. 1961: Сборник пословиц В. Н. Татищева // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв. / Б. Н. Путилов (ред.). М.; Л.
 Krzyżanowski J. 1969–1978: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / J. Krzyżanowski (ред.). Warszawa, T. 1–4.

PROVERBS IN THE “PRIMER FOR TEACHING YOUTH TO READ RUSSIAN AND POLISH” (1796)

E. K. Nikolaeva

The collection of twenty three Polish and twenty three Russian proverbs included in the “Bukvar dla obuczenia junoshestva chteniju po rossyjsku i po polsku” (Berdichev, 1796) should be viewed as the first published Russian-Polish dictionary of proverbs. This paper identifies the sources of these proverbs and various ways of translating them into Russian.

Key words: proverb, Polish, Russian, translation, bilingual dictionaries, equivalents, loan translation

⁴ См.: Барсов 1770; Курганов 1769, 109–125.

⁵ См.: Николаева 2007, 163.

© 2014

С. А. Песина, О. Л. Латушкина

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Авторы обосновывают использование термина лексический инвариант, обозначающего совокупность наиболее существенных универсальных семантических компонентов, которые составляют семантическую формулу многозначного слова, и доказывают, что лексический инвариант формируется как результат многочисленных реализаций контекстных смыслов слова.

Ключевые слова: лексический инвариант, многозначное слово, содержательное ядро, когнитивная лингвистика, вокабула

В данной статье предлагается один из способов решения проблемы, связанной с осмыслением и оперированием многозначными словами, использование которых в лингвистическом анализе (например, в феноменологии) представляет большую трудность, поскольку сознание не может игнорировать тот факт, что многозначность мешает взаимопониманию.

Для решения этих проблем словари могли бы оказать существенную практическую помощь изучающим язык при переводе с одного языка на другой, давая «формулу» слова в рамках русского языка, используя информацию о диапазоне актуальности внутренней формы слова. В качестве отправной точки и стержня внутренней формы можно было бы привести *лексические инварианты*, которые есть основания рассматривать как содержание лексем (вокабул), ставить в начале словарных статей. Лексический инвариант (ЛИ) понимается нами как «абстрактная языковая сущность, включающая совокупность семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе ряда лексико-семантических вариантов, составляющих семантическую структуру слова в соответствии с интуицией среднего носителя языка»¹. В целом лексическое ядро можно интерпретировать как инвариантный ассоциативно-смысловый комплекс, закреплённый за словом в сознании коммуникантов, формирующийся не только на основе семантической структуры слова, грамматической оформленности, словообразовательной структуры, мотивационных связей, но и имеющейся в обществе традиции употребления².

Знание ЛИ, или семантической формулы слова, поможет избежать необходимости держать в голове все переносные значения. Каждая актуализация значений многозначного слова приводит к формированию некоего непреходящего знания. Речь идёт об идеальной имманентности, отсылающей нас к дальнейшим существенным взаимосвязям возможных синтезов. Это позволяет говорить о системных языковых значениях (в отличие от речевых контекстных реализаций, зафиксированных в словарях), включающих компоненты абстрактного характера, покрывающих семантику всех производных значений³. То есть возможно представление о предмете как таковом и о предмете, похожим на него (метафора).

В качестве иллюстрации данных положений приведём анализ существительного *ветка*. Поскольку первое номинативно-непроизводное значение является неотъемлемой частью ЛИ, и именно на его основе осуществляется осмысление всех переносных значений, оно формулируется первым и выводится из дефиниций словарей с использованием компонентного анализа на основании принципа частотности: «небольшой боковой отросток, побег дерева, кустарника или травянистого растения». Данное определение включает необходимые и достаточные компоненты для того, чтобы слово было опознано на уровне обыденного сознания.

В качестве значения, мотивированного главным значением, целесообразно привести фразеологическую единицу (ФЕ) с компонентом *ветвь* — *предложить/протянуть оливковую ветвь* (Он *предложил оливковую ветвь оппозиции, выпустил сорок два политических заключённых*). Анализ этого значения осуществляется не на основе сравнения, как традиционного приёма толкования, а на основе возникновения ситуации «несоответствия». Рассмотрение данного выражения покажет, что при создании общего смысла ФЕ его элементы не меняют своего значения, а лежащая в основе семантики слова единая когнитивная структура не изменяет конфигурации своих семантических компонентов при функционировании в составе этого высказывания. Когнитивный подход предполагает опору на образ, а также на третий смысл (по Л. В. Щербе), т.е. смысл речевого высказывания, выводимый говорящим в определённой коммуникативной ситуации или в пределах соответствующего контекста.

Формирование общего смысла ФЕ, как можно видеть из примера, происходит на основе двух ситуаций: в первой человек передаёт соперникам оливковую ветвь, вторая связана с ситуацией освобождения заключённых. Единственно возможной интерпретацией следует принять гипотезу о том, что оба высказывания претендуют на истинное осмысление, и поэтому можно говорить о реализации системных значений всех слов высказывания. Однако при осмыслении совокупной ситуации становится ясным заместительный (символьный) характер первого высказывания как не соответствующего истинности — «Он действует так, как если бы передал кому-то оливковую ветвь». Реальное содержание этого высказывания может быть выведено на основе метонимии в том случае, если коммуникант обладает соответствующим культурным знанием: оливковая (масляничная) ветвь всегда воспринимается как символ мира. Если же такого знания нет, то первое высказывание немотивированно, а фактическое отсутствие передачи оливковой ветви сигнализирует о его переносном (метафорическом) характере — ассоциируется с перемирием. Происходит изменение референции, и воспринимающее сознание выводит переносное значение в рамках смысловой структуры всего высказывания — «человек пытается примириться, делает мирное предложение».

Далее предполагается анализ метафорических значений, когда номинационные процессы продолжают в сфере сравнений. В метафорах отражается уподобление внешнему виду и функции ветви. В задачу этой части исследования входит показать, что выступает в качестве исходной базы при формировании и декодировании метафорических значений. При этом

Песина Светлана Андреевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: spesina@bk.ru

Латушкина Ольга Леонидовна – ассистент кафедры английского языка и теории обучения иностранным языкам, аспирант кафедры английской филологии и перевода Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: olgalatushkina87@mail.ru

¹ Песина 2011а, 2011б.

² Песина 2005а; 2006.

³ Песина 2005б; 2009.

анализ проводится на принципах когнитивного подхода, исходящего из опоры когниции и номинации на соответствующие образы восприятия. Предстоит выяснить, сохраняются ли когнитивные образы, лежащие в основе главных значений при осмыслении метафор.

Так, в основе метафоры «ветвь трахеи» лежит сходство по внешнему виду ответвляющегося кровеносного сосуда с ветвью дерева. Подобно ветви, являющейся боковой частью ствола, кровеносный сосуд — это боковое, неглавное ответвление центральной кровяной артерии.

Анализ метафорических значений показывает наличие некой схематизации представления об объектах и, соответственно, образов, лежащих в их основе. Фактически имеется определённая иерархическая пространственная конфигурация, которая заполняется, исходя из конкретного значения. Наибольшая схематичность достигается в значении «ответвление от чего-н. основного, главного, отходящая в сторону часть чего-н.». Данная метафора предполагает широкий круг референтов, и в её основе лежит уподобление меньшей, более простой части сложного устройства или системы, ветке дерева.

Таким образом, ЛИ приобретает модель «первое номинативно-непроизводное значение + что-л., похожее на ветвь»: **небольшой боковой отросток, побег дерева, кустарника или травянистого растения или что-л. похожее на ветвь — (меньшая) часть структуры, являющаяся частью чего-то большего, соотносящаяся с остальными частями.** Абстрактная часть ЛИ реализуется во всех неглавных значениях — «ветвь горного хребта», «ветвь дороги», «ветвь трахеи», «ветвь линии родства».

Приведём пример определения ЛИ русскоязычного слова *камень* (1) — твёрдая горная порода кусками или сплошной массой *или что-л. похожее на камень (нечто твёрдое, холодное, неподвижное)*. Компоненты абстрактного характера (выделенные курсивом) лежат в основе таких переносных значений, как (2) *отвердевший зубной налёт*; (3) *то, что полно равнодушия, жестокости, бесчувственности*; (4) *затвердевшие образования болезненного происхождения во внутренних органах*; (5) *надгробный памятник*. Действительно, в представленных неглавных значениях компоненты абстрактного характера (не что твёрдое, холодное, неподвижное) являются главными.

ЛИ слова *стена* выглядит следующим образом: вертикальная часть здания, помещения или *нечто, напоминающее стену (сплошная масса чего-л., образующая преграду или завесу)*. Абстрактные семантические компоненты реализуются в значениях (2) *стена деревьев*; (3) *стена дождя*; (4) *стена тумана*; (5) *сомкнутый ряд людей*.

Каждое отдельное значение отсылает нас к регулятивной структуре, указывает на универсальное правило, которому подчинены процессы категоризации и концептуализации окружающей действительности, возможные в рамках некой заранее очерченной в сознании типики.

Поскольку свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, именно в ЛИ в сжатом виде заложены наиболее существенные компоненты значения, отражающие такое мировидение. Выделяя их, можно выявить стереотипы отражения сознанием человека предметов и явлений, соответствующие как научной, так и отчасти наивной картинам мира, с учётом того, что зачастую в последней нет ничего наивного, помимо преломлённого отражения действительности на определённом этапе развития сознания человека.

Следует отметить, что совокупность выделяемых компонентов абстрактного характера не хаотична. И в коррелятивном отношении не хаотична совокупность предметов и понятий, стоящих за значениями многозначного слова, которые, если учитывать возможность их синтеза, всегда взаимосвязаны. Для этого надо созерцать, усматривать саму суть вещей.

Когнитивный подход, на котором основан поиск ЛИ слова, основан на принципах, которые предусматривают человека как непосредственного участника процесса осмысления объектов и явлений окружающей действительности и их категоризации. Например, в процессе номинации *головки цветка, кроны дерева, устья реки, верхней части пламени* и т.д., в полном соответствии с антропоцентрическими стереотипами и наивной картиной мира, носитель языка опирается на визуальный образ головы человека. Причём феноменологический подход учитывает тот факт, что на основе онтологии мира в этой «картинке» или образе могут быть представлены любые признаки, важные и выделенные с точки зрения Наблюдателя, в ЛИ войдут наиболее существенные из них. ЛИ и будет тем содержательным семантическим минимумом, который необходим для идентификации объекта.

С точки зрения феноменологии, каждое значение учреждает в сознании некое непреходящее знание. В ряду последующих актуализаций неглавных значений можно вновь и вновь возвращаться к первому непроизводному значению или к абстрактному ядру слова, которые очерчивают потенциальный семантический горизонт. Не будь у нас подобной возможности, мы бы не располагали никаким устойчивым и неизменным бытием, никаким реальным и идеальным миром.

Постулируемый в данной работе лексический инвариант как суть многозначного слова отличается от поисков семантических инвариантов в духе московской семантической школы тем, что инвариант, строго говоря, должен включать только интегральные признаки, обязательно прослеживающиеся во всех значениях многозначного слова. В отличие от специфики существующих терминов — «содержательное ядро» (Е. Г. Беляевская и др.), «семантический инвариант» (Ю. Д. Апресян и др.), «семантический примитив» (А. Вежицкая и др.), «лексический прототип» (И. К. Архипов, С. А. Песина и др.) и т.п. — лексический инвариант максимально свободен от семантических компонентов эмоционально-чувственного характера, от различного рода коннотативных значений⁴.

Лексические инварианты, являясь своего рода стереотипами в рамках обыденного мышления, создаются у членов языкового коллектива в результате единообразного членения действительности. Стереотипы облегчают процесс общения: человек не может самостоятельно перерабатывать все ситуации; в обыденной речи для идентификации достаточно указать на объекты в общем виде. Следуя логике и духу современных исследований в области когнитивной лингвистики, данная теория продолжает тенденцию внимательного изучения «обыденного» сознания, под которым понимается не столько повседневное, сколько усредненное, массовое.

ЛИТЕРАТУРА

Песина С. А. 2005а: Полисемия в когнитивном аспекте: монография. СПб.

⁴ Песина 2005в.

Песина С. А. 2005б: Инвариант многозначного слова в свете прототипической семантики // Вестник Оренбургск. гос. ун-та. Приложение «Гуманитарные науки». 2, 57–63.

Песина С. А. 2005в: Методика определения содержательного ядра многозначного существительного современного английского языка // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 5 (11), 51–59.

Песина С. А. 2006: От инварианта многозначного слова к лексическому прототипу // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов. 2, 53–62.

Песина С. А. 2009: Прототипический подход к осмыслению структуры словаря // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2 (24), 570–575.

Песина С. А. 2011а: Слово в когнитивном аспекте: монография. М.

Песина С. А. 2011б: Слово в понимании философии языка и лингвистики // Вестник Воронежск. гос. ун-та. Сер. «Философия». 2, 122–139.

LEXICAL INVARIANT AS A MEANS OF VOCABLE ORGANIZATION

S. A. Pesina, O. L. Latushkina

On the basis of linguistic theory a lexical invariant is proposed in the article. It is understood as a set of the most significant universal semantic components that makes up a semantic formula of a polysemous word. Lexical invariant is formed as a result of numerous use of contextual word meanings.

Key words: lexical invariant, a polysemous word, a semantic core, cognitive linguistic, vocable

© 2014

Л. Д. Пономарёва

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧЕТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Лексикографическое моделирование художественной речетворческой деятельности учащихся — один из механизмов восприятия и создания художественного текста. В процессе восприятия и создания художественного текста учащиеся используют ключевые словесные опоры, ассоциативные цепочки, образные средства как лексикографические модели художественной речетворческой деятельности.

Ключевые слова: художественная речетворческая деятельность, лексикографическое моделирование, ключевые словесные опоры, образные средства, ассоциативные цепочки

*Радость искусства — это радость воплощения.
Это радость найденных форм*

(М. Волошин).

Путь от рождения замысла автора до его воплощения — сложный, порой мучительный, долгий путь поиска форм реализации замысла, который во многом определяет характер художественной речетворческой деятельности учащихся, понимаемой нами как деятельность по восприятию и продуцированию художественных текстов.

Лексикографическое моделирование художественной речетворческой деятельности рассматривается в данном исследовании как один из механизмов восприятия и создания художественного текста. Названный механизм предполагает свёртывание воспринимаемого текста до ключевых словесных опор, ассоциативных цепочек, образных средств и т.п. или, напротив, развёртывание создаваемого текста по ключевым словесным опорам, ассоциативным цепочкам, образным средствам и т.п.

Механизм восприятия художественного произведения бесконечно сложен, многоступенчат и исследован недостаточно. По мнению Ю. Н. Караулова, «... каждый читатель не просто линейно движется по тексту, а тоже как-то анализирует его в ходе чтения, попеременно и с разной степенью глубины проходя стадию и непосредственного, и опосредованного восприятия порождаемых текстом художественных образов, давая им эмоциональную, этическую и эстетическую оценку, строя опережающие логические догадки об их эволюции, прогнозируя дальнейшие их действия и поступки»¹.

Чтение художественного произведения — творческий процесс, особенно если чтение — дорога к пониманию, к размышлению, и дальше — к собственному тексту.

Процесс, направленный на понимание, сложен, и организуется он целью — понять, т.е. «он стягивает в единый узел различные психические процессы, свойства и способности человека, без участия которых нельзя достигнуть понимания как итога процесса»². Говоря о понимании текста, следует отметить, что во внутренней речи текст сжимается в концепт (представление), содержащий смысловой сгусток всего текстового отрезка.

Понятно то, что может быть иначе выражено: «Понимание текста — это процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления: это может быть процесс парафразы, пересказа той же мысли другими словами; процесс смысловой компрессии; процесс построения образа предмета или ситуации; процесс формирования личностно-смысловых

Пономарёва Любовь Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор кафедры журналистики и речевой коммуникации Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: philolmagy@mail.ru

¹ Караулов 2002, 69.

² Граник, Соболева 1993, 85.

образований; процесс формирования эмоциональной оценки события; процесс выработки алгоритма операций, предписываемых текстом»³.

Начальным этапом в освоении текста произведения является читатель в его личностном и социокультурном отношении к объективному миру — его ценности, мерки, нравственность, способность к творческому осмыслению. Множественность истолкования текста как раз и определяется тем, кто и как осмысливает текст.

Восприятие текста начинается с того, что стоит за текстом. За текстом — «изменяющийся мир событий, ситуаций, идей, чувств, побуждений, ценностей человека — реальный мир, существующий вне и до текста (или создаваемый воображением автора текста, но столь же реальный, если не более реальный, для читателя)»⁴.

Процесс понимания — это активный процесс, в принципе несводимый к опознанию языковых форм: понимание текста осуществляется через его моделирование, которое принципиально отличается от декодирования текста. Это означает, что мы используем в первую очередь механизмы порождения текста и именно они служат для его восприятия: «Понимание текста не предполагает элементарный анализ, при котором последовательно подыскивается соответствие каждому языковому знаку, как это должно было бы иметь место при декодировании; не предполагает оно и анализ непосредственно составляющих, когда определяется иерархическая последовательность компонентов текста: текст (по крайней мере на уровне предложения) в принципе воспринимается как целое»⁵.

Как же осуществляется понимание? Для того чтобы понять текст, адресат должен представить себе такую ситуацию, в которой он мог бы породить такой же или аналогичный (с его точки зрения) текст: «Понимание оказывается аналогичным моделированию: мы представляем себе — проигрываем в нашем сознании — различные ситуации, которые могли бы быть соотносены с полученным нами текстом, и затем выбираем из них подходящую, т.е. наиболее вероятную ситуацию»⁶.

Приведём пример работы по выявлению степени понимания художественного текста учащимися и создания ими лексикографических моделей анализируемого текста.

Установка на восприятие текста: Размышляете ли Вы о жизни и смерти? Когда это случается?

Текст

Глубокая тишина царила теперь на лесной полянке, по которой торчало из сугробов несколько низких деревянных крестов. Беззвучно кружились в воздухе бесчисленные морозные остинки, где-то высоко над головой тянул сдержанный, глухой и глубокий гул: так шумит под вечер в отдалении море, когда оно скрыто за горами. Мачтовые сосны, высоко поднявшие на своих глинисто-красноватых голых стволах зелёные кроны, тесной дружиной окружали с трёх сторон пригорок. Под ним широко синела словыми лесами низменность. Длинный земляной бугор могилы, пересыпанный снегом, лежал на скате у моих ног. Он казался то совсем обыкновенной кучей земли, то значительным — думающим и чувствующим. И, глядя на него, я долго силился поймать то неуловимое, что знает только один бог, — тайну ненужности и в то же время значительности всего земного. Потом я крепко двинул лыжи под гору. Облако холодной снежной пыли взвилось мне навстречу, и по всему девственно-белому, пушистому косогору правильно и красиво прорезались два параллельных следа. Не удержавшись, я упал под горой в густой и необыкновенно зелёный ельник, набил в рукава снег. Задев за ельник, я быстро пошёл зигзагами между его кустами. Траурные сороки с резким стрекотанием, игриво качаясь в воздухе, перелетали над ними. Минуты текли за минутами — я всё так же равномерно и ловко совал ногами по снегу. И уже ни о чём не хотелось думать. Тонко пахло свежим снегом и хвоей, славно было чувствовать себя близким этому снегу, лесу, зайцам, которые любят объедать молодые побеги ёлочек <...> Небо мягко затуманивалось чем-то белым и обещало долгую тихую погоду <...> Отдалённый, чуть слышный гул сосен сдержанно и немолчно говорил и говорил о какой-то вечной, величавой жизни... (И. Бунин)

Речетворческая беседа:

- Какие чувства вызывает у Вас текст и почему?
- Какие события могли предшествовать описанному в тексте?
- Озаглавьте текст.
- Где и когда происходит действие?
- Опишите лесную поляну.
- Откуда в полной тишине гул?
- Какими увидел автор сосны?
- Опишите бугор могилы.
- О чём думается на кладбище, что вспоминается?
- Опишите путь лыжника.
- Сороки. Какие они? О чём стрекочут?
- Определите, пользуясь словарём, значение слова *остинка*.
- Какова сенсорика текста — краски, звуки, запахи?
- Соотносятся ли состояние природы и состояние человека?

В процессе беседы учащиеся обращают внимание на наиболее яркие образные средства, которые помогают автору в реализации замысла.

Определяя направленность авторских ассоциаций в тексте, учащиеся находят образы-ключи к замыслу автора и создают лексикографические модели данного текста:

Ключевые смысловые словесные опоры: вечная, величавая жизнь — ненужность и значительность всего земного. *Ключевое образное средство:* траурные сороки. *Ассоциативная цепочка:* деревянные кресты — земляной бугор могилы — траурные сороки.

Проникновению в глубинные смыслы данного текста учащимся помогает дополнительный словарный материал:

Ель. Дерево, используемое в похоронных и поминальных ритуалах, а также известное в качестве обрядового дерева.

³ Леонтьев 2003, 141.

⁴ Леонтьев 2003, 142.

⁵ Успенский 2007, 112.

⁶ Успенский 2007, 113.

Для культурной семантики и символики ели существенны её природные свойства как вечнозелёного, пахучего, колючего, «женского» и бесплодного дерева. Согласно этимологическим легендам, ель укрыла Богородицу во время её бегства с Христом в Египет или Христа, прятаясь от чумы, за что получила благословение и была вознаграждена, оставшись навечно зелёной.

Ель — по грамматическому роду названий в славянских языках — по преимуществу дерево женское. Вероятно, именно с «женской» символикой ели связан запрет сажать и вообще иметь около дома ель, которая якобы «выживает» из дома мужчин.

В России ель могла быть священным деревом. Известны легенды о явлении на елях чудотворных икон и о постройке часовен и церквей в местах, где росли такие ели⁷.

Процесс создания учащимися художественных текстов по предлагаемым учителем лексикографическим моделям, которые во многом определяют замысел и направленность авторских ассоциаций, требует от учащихся способностей выстраивать собственный художественный текст с опорой на лексикографические модели, представляющие собой ключевые словесные опоры, ассоциативные цепочки, образные средства.

В качестве примера приведём ученические художественные тексты, созданные по лексикографическим моделям:

Ключевые словесные опоры: горы — птица.

Раннее утро, часов пять утра. Просыпаешься и вперед! **В горы!** Долгий подъём, преграды на пути, но вот ты их преодолел, и перед тобой открывается изумительный вид, и всё, что с тобой было раньше, просто уже не имеет значения...

Где-то внизу проплывают облака, всё затянуто густым туманом, но вот начинают медленно и плавно появляться первые лучи солнца, всё окрашивается в нежные розовые цвета, в душе восторг и трепет, ощущаешь себя вольной **птицей**, которая парит над землей свободно и легко, и нет ничего, что бы могло волновать или тревожить.

Где-то вдалеке слышен крик первых птиц — вестников прихода нового дня. Всё вокруг оживает и просыпается: распускаются цветы, роса, мерцающая и переливаясь, как сотни бриллиантов, медленно исчезает, тихо и радостно шелестит лес...

Не верится, что ты часть всего этого, ты связан со всем этим миром. Ощущение, что ещё доля секунды — и вырастут крылья и ты умчишься куда-то в неведомую даль, страну сказок и снов, где нет зла, жестокости, насилия, а есть только солнце, вечное солнце, которое плавно скользит по вершинам, согревая всё вокруг!!!

Образные средства: слезливое утро, порыжевшие берега, озаящая луна.

Середина осени. **Слезливое утро.** Туман над озером. Тишина. Так не хочется выходить из палатки на улицу. Я лежу с открытыми глазами, укутанная в спальник. Лагерь оживает. Голоса. Звук топора. Надо встать. Усилием воли заставляю себя расстегнуть спальник, быстренько одеться и выйти наружу. Ох, как свежо!

Вода в озере кристально чистая, но холодная. Раз — ополаскиваю лицо, два — почистила зубы, три — уткнулась в полотенце. Все, окончательно проснулась, а значит, смотрю на мир другими глазами. Окинула взором окрестности — **порыжевшие берега**, тихая рябь на воде, птица кружит в небе, солнце встаёт, и, знаете, хочется жить! Буквально, до боли хочется жить, потому что чувствуешь себя частью этой красоты, в душе гармония и любовь.

Вечер. Трещат дрова, постреливают, летят искорки. А вокруг костра сидит компания. Вадик играет на гитаре и что-то напевает. Я сижу, прислонившись к родному плечу, и молчу. Пью чёрный, густо забеленный сгущённой чай, кружка теплая приятно греет пальцы рук. Вечер, а как светло. Поднимаю глаза к небу и понимаю, откуда льётся свет: это **луна, озаявшая**, одинокая, холодная и далёкая. Мне жаль её, потому что я здесь, в кругу друзей, мне уютно и хорошо. А она там, на небе, совершенно одна, ей не с кем поделиться своей печалью, и она грустит.

Ассоциативная цепочка: лето — дом — любимая игра — пчёлы — пирог качели — детство.

В моём детстве самое замечательное время приходилось на **лето**. Каждое лето я ездила к отцу в гости, а остальное время проводила с мамой. У моего отца есть **дом**, он построил его сам. Этот дом стоит в лесу, до ближайшего населённого пункта сорок километров, и единственный неродной человек, которого я видела летом, был старый охотник, он жил неподалёку. И всё, больше никого. Наша семья и он посреди бескрайнего леса. Для ребёнка — это настоящий рай. Какой это рай! Я знаю в том лесу все места, самая **любимая игра** — представлять себя духом дерева или духом источника, плести венки и танцевать на солнечных полянах. В лесу можно во весь голос петь, кричать, хохотать, вести себя без стеснения, потому что это не город — никому не помешаю.

Мой отец держит **пчёл**, и мы всегда ели мёд прямо из сот, они золотистые, как солнечный янтарь. А вечерами тётя и бабушка пекли сладкий **пирог**, мы пили душистый чай из полевых трав. И что самое прекрасное — не было электричества! Не было ничего суетливого, присущего городской жизни. Были свечи и керосинка со свитой из мотыльков. Свечи я делала сама из того же воска. Отец смастерил мне **качели** на дереве, быть может, поэтому я каждую минуту жизни помню состояние полёта, я каждую минуту готова взлететь, как птица, и если бы так и случилось, я бы не удивилась.

Детство — это моё самое счастливое состояние, оно живёт во мне и сейчас. Это бесконечный источник вдохновения, я очень рада, что так сложилась моя жизнь. В общении с природой мне повезло гораздо больше, чем многим другим детям — у меня было своё собственное царство!

Резюмируя сказанное, следует отметить, что лексикографическое моделирование художественной речетворческой деятельности учащихся способствует не только проникновению в глубинные смыслы текстов, но и налаживает процесс собственного сочинительства.

ЛИТЕРАТУРА

- Граник Г. Г., Соболева О. В. 1993: Понимание текста: проблемы земные и космические // Вопросы психологии. 5, 81–91.
 Караулов Ю. Н. 2002: Русский язык и языковая личность. М.
 Леонтьев А. А. 2003: Основы психолингвистики. М.
 Славянская мифология 2002: Энциклопедический словарь / С. М. Толстая (ред.). М.
 Успенский Б. А. 2007: Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.

⁷ Толстая 2002 (ред.), 155–156.

L. D. Ponomareva

This article presents one of the artistic texts perception and creation mechanisms — lexicographical modelling of students' artistic speech creation. In the artistic text perception and creation students use keyword supports, association chains, image means presenting aids as lexicographical models of artistic speech creation.

Key words: artistic speech creation activities, lexicographical modelling, keyword supports, image presenting aids, association chains

© 2014

Е. И. Роголёва

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы учебной лексикографической интерпретации фразеологизмов как знаков языка и культуры. Предлагается использование для этих целей речевой тактики этимологического парафразирования. Авторская фразеологическая концепция иллюстрируется фрагментами словарных статей.

Ключевые слова: учебная фразеология, этимологическое парафразирование, коммуникативный ход, фразеологизация

В настоящее время адекватного учебно-лексикографического воплощения требует закреплённый за фразеологическими единицами (ФЕ) статус «сжатых текстов культуры»¹, в которых «уже содержится некая свёрнутая до предела программа их дальнейшего возможного развёртывания»² в культурологически значимые тексты. В то же время совершенствование приёмов этимологизации в учебных целях связано и с пониманием того, что «выбор «строительного материала» для фразеологического образа не случаен, и в троп языкового знака входит уже окультуренная сущность»³.

Реализация дискурсивного подхода к конструированию словарной статьи позволяет автору более конструктивно воздействовать на адресата. Согласно нашей лексикографической концепции, в процессе этимологизации фразеологизма используются специфические речевые тактики и коммуникативные ходы, способствующие организации диалога «автор-адресат». Результатом данного «дискурсивного» конструирования является интерактивный этимологический учебный гипертекст.

В связи с этим мы обращаемся к этимологическому парафразированию, понимаемому нами как процесс адекватной адаптации и интерпретации научной этимологической версии в новых дискурсивных условиях с учётом фактора адресата-ребёнка. Такая этимологическая парафраза является лексикографической моделью процесса фразеологизации.

При конструировании словарной статьи в рамках дискурсивного подхода мы рассматриваем этимологическую парафразу как речевую тактику интерактивного учебного дискурса. Речевая тактика при этом традиционно понимается как «конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления речевой стратегии»⁴. Речевая тактика этимологической парафразы реализуется в системе специальных коммуникативных ходов. Под коммуникативным ходом мы, вслед за О. С. Иссерс, понимаем приём, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики⁵. Мы опираемся и на определение коммуникативного хода как вербального или невербального действия одного из участников дискурса, минимального значимого элемента, развивающего взаимодействие, продвигающего общение к достижению общей коммуникативной цели⁶. Таким образом, коммуникативный ход лексикографической этимологизации может быть определён как приём, используемый лексикографом в интерактивном дискурсе с целью репрезентации процесса фразеологизации адресату словаря. Такой лексикографический приём может состоять из нескольких лексикографических шагов — действий, направленных на решение конкретной промежуточной задачи при этимологизации ФЕ. Реализация одного лексикографического приёма (или при одновременном использовании двух и более) образует этимологический модуль.

Лексикографические приёмы или же коммуникативные ходы этимологизации (КХЭ) мы подразделяем на интерпретационные (собственно этимологизирующие) и текстоорганизующие. Первые эксплицируют непосредственно механизм фразеологизации и в основном закреплены за определённым тропическим типом ФЕ. Так, для этимологизации ФЕ-метафор целесообразно использовать такие интерпретационные КХЭ, как «экспликация сходства» и «восстановление сравнения». Происхождение метонимических ФЕ раскрывается посредством приёмов «экспликация смежности», «моделирование переноса по смежности» и т.п. Имеются и общие интерпретационные приёмы этимологизации для ФЕ, основанных на разных тропических механизмах: контекстная лингвокультурологическая семантизация компонентов ФЕ, обыгрывание буквально-го значения прототипа ФЕ и др.

Реализацию приёма контекстной лингвокультурологической семантизации компонентов ФЕ можно продемонстрировать на анализе оборотов, построенных на основе такого синкретичного (синкретического) тропа, как гипербола.

Роголёва Елена Ивановна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики гуманитарного образования Псковского государственного университета. E-mail: cambala2007@yandex.ru

¹ Ковшова 2006, 151.

² Кубрякова 1994, 20.

³ Ковшова 2009, 250.

⁴ Сковородников 2004, 6.

⁵ Иссерс 2008, 117.

⁶ Макаров 2003, 182.

По наблюдениям Т. М. Филоненко, гипербола используется как средство усиления фразеологического образа в метафорических и метонимических моделях ФЕ, образно выражающих значение пространства, времени и количества⁷. Приёмы декодирования гиперболических комплексов, в которых, помимо гиперболы, реализуются тропеические механизмы метафоры и метонимии, рассмотрим на примерах ФЕ с компонентами, обозначающими старинные русские меры длины (*косая сажень в плечах, семи пядей во лбу*). Отметим также, что эти фразеологизмы обладают особой значимостью с точки зрения постижения адресатом-ребёнком национально-культурной картины мира, а их этимологизация реализуется с учетом «неактуальности деривационной базы ФЕ» (термин В. И. Ковалёв)⁸: компоненты *косая сажень, пядь* получают культурно-исторический комментарий в рамках этимологической парафразы.

Посредством интерпретационного приёма контрастного сопоставления количественных характеристик меры признака обозначаемого предмета в два этапа (1 выявление аналогии по фразеомобразующему признаку, 2 противопоставление по его количественной характеристике) декодируется фразеомобразующий механизм гиперболы. Здесь мы обратим внимание на оборот-маркер «выражение построено на преувеличении (преумножении)», используемый при описании всех фразеологизмов, построенных по принципу гиперболы, а также на этимологический оператор «имеется в виду...», реконструирующий допущение «X есть как бы Y», что характерно для словарной разработки гиперболических фразеологических комплексов с метафорическим элементом:

- *Косая сажень в плечах: <...> Выражение построено на преувеличении. Так говорят о человеке богатырского телосложения, широкоплечем. Здесь имеется в виду, что ширина плеч равна старинной мере длины — косой сажени (216 см). Но даже немецкому культуристу Маркусу Рюлю, самому широкоплечему человеку в мире, далеко до таких плеч ☺ (фото)...*

При дальнейшем развёртывании ФЕ фразеомобразовательный механизм метафоры репрезентируется в сказочно-повзательном учебном дискурсе, где историю происхождения гиперболического фразеологизма-метафоры *косая сажень в плечах* адресату-ребёнку рассказывает портной Ганс из немецкой сказки братьев Grimm, который хочет сотрудничать с портными из России и сдает экзамен по русскому языку, демонстрируя владение не только русской фразеологией, но и фоновыми знаниями (таким образом, вводится лингвокультурологическая информация, актуальная для этимологического парафразирования): *...А вот и вопрос: происхождение фразеологизма косая сажень в плечах. Так говорят о широкоплечем человеке богатырского сложения.*

— Мне повезло — для меня это счастливый билет. Во-первых, я не раз имел дело с великанами, хорошо их знаю. Во-вторых, я — портной, и поэтому могу измерить любые плечи. В-третьих, я только вчера закончил шить костюм моему другу Маркусу Рюлю — немецкому культуристу, самому широкоплечему человеку в мире. Но здесь простой сантиметр мне не поможет. Мерки нужно снимать в саженьях. А про сажень я всё на практических занятиях узнал. Мы там вот такую интересную таблицу составляли и иллюстрации подбирали... (Приводится иллюстрированная таблица с наименованиями старинных мер длины антропометрического характера).

Модель этимологической парафразы, объектом которой становятся гиперболические ФЕ с элементом метонимии, рассмотрим на примере фразеологизма *семи пядей во лбу*.

Исходным материалом этимологического парафразирования здесь являются историко-этимологические комментарии к фразеологизму *семи пядей во лбу*, представленные в лексикографических изданиях «Русская фразеология»⁹ и «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь»¹⁰.

При парафрастической обработке данной информации реализуется приём контрастного сопоставления количественной характеристики меры признака обозначаемого предмета, используемый при этимологизации фразеологической гиперболы, а также приём экспликации смежности на основе признака, мотивирующего перенос наименования, свойственный для этимологической репрезентации метонимических фразеологизмов: *...высоту лба напрямую связывали с умственными способностями...*

Вводный этимологический модуль подготавливает адресата к раскрытию фразеомобразовательного механизма идиомы *семи пядей во лбу*: *...Если ты читаешь наш словарь, значит, ты развиваешь свой интеллект. Если ты развиваешь свой интеллект, значит, скоро ты будешь семи пядей во лбу. Если ты будешь семи пядей во лбу, значит, ты будешь очень умным человеком. А чтобы скорее им стать, поупражняйся в математике. Именно математика поможет нам сегодня раскрыть историю происхождения одного из русских фразеологизмов...*

Далее читателю предлагается определить, какой же высоты (в сантиметрах) должен быть лоб в семь пядей, если известно, что пядь — это старинная русская мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев взрослого человека, то есть примерно 19 сантиметрам: $\frac{7}{19}$ (Ответ перевёрнут): 133 см...

Так в формате решения математической задачи осуществляется лингвокультурологическая семантизация компонента *пядь*.

В ходе экспликации смежности на основе признака, мотивирующего перенос наименования, а также контрастного сопоставления количественных характеристик меры признака обозначаемого предмета раскрываются социокультурные предпосылки выбора мотива фразеологической номинации и подчёркивается её гиперболический характер: *...Ничего себе лобик, почти метр с половиной высотой! Много ума может поместиться. Наверное, так думали наши предки, которые уже в XII (двенадцатом) веке измеряли высоту, длину и ширину пядями. А в XIX (девятнадцатом) веке врач, по фамилии Гааль, из Австрии основал науку «френологию», согласно которой, об умственных способностях человека можно судить по форме черепа, а значит и по форме лба. Позже учёные опровергли эту теорию. Да и кому, как не тебе знать, что уровень интеллекта зависит не от формы черепа, а от ежедневных занятий (есть и ещё кое-что, но об этом ты узнаешь чуть позже).*

Френологию признали лженаукой, а выражение семи пядей во лбу, означающее очень умного, мудрого человека, осталось в языке...

⁷ Филоненко 2004, 122.

⁸ Ковалёв 1982, 12.

⁹ Бирих, Мокиенко, Степанова 2005, 585.

¹⁰ Телия 2006 (ред.), 628–629.

Помимо оборота-маркера гиперболы «основано на преувеличении», отметим возможность использования при лексикографической разработке гиперболических ФЕ ещё одного этимологического оператора: «если понимать выражение буквально, то...». Таким образом, вводится теоретическое условие, что прототипами ФЕ, построенных на гиперболе, являются нереально преувеличенные факты действительности, что обуславливает гротескный характер гиперболического образа: ... *Используя мыслительный приём обобщения, подведём итоги. Выражение **семи пядей во лбу** основано на преувеличении. Если понимать выражение буквально, то лоб в семь пядей должен быть высотой более метра, а так как высоту лба напрямую связывали с умственными способностями, фразеологизм и обозначает очень умного человека...*

Таким образом, речевая тактика этимологического парафразирования в её лексикографическом воплощении позволяет раскрыть культурологический потенциал фразеологизма с учётом фактора адресата.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирх А. К., Мокшенко В. М., Степанова Л. И. 2005: Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / В. М. Мокшенко (ред.). М. Иссерс О. С. 2008: Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.
Коваль В. И. 1982: Образование фразеологических единиц и фразеомообразовательный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск.
Ковшова М. Л. 2006: Фразеологизмы как «сжатые» тексты культуры в экспериментальном исследовании // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности / Е. Ф. Тарасов (ред.). М., 151.
Ковшова М. Л. 2009: Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. М.
Кубрякова Е. С. 1994: Текст и его понимание // Русский текст. 2, 18–27.
Макаров М. Л. 2003: Основы теории дискурса. М.
Сковородников А. П. 2004: О необходимости разграничения понятий «риторический приём», «стилистика фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика = Лингвистика: сб. ст. / Э. М. Бергеская (ред.). Смоленск, 5–12.
Телия В. Н. (ред.) 2006: Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.
Филоненко Т. М. 2004: Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества (на материале фразеологии современного русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Магнитогорск.

CULTUROLOGICAL POTENTIAL OF PHRASEOLOGISMS IN EDUCATIONAL LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION

E. I. Rogaleva

The article covers the problems of educational lexicographic interpretation of phraseologisms as language and culture signs. For these targets, the speech tactics of etymological paraphrasis is put forward. The author's phraseological conception is demonstrated by fragments from dictionary articles.

Key words: training phraseography, etymological paraphrasis, communicative proceeding, phraseme-formation

© 2014

А. П. Сдобнова

АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ ШКОЛЬНИКОВ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Автор определяет ценность ассоциативного словаря школьников как источника изучения культурных феноменов.

Ключевые слова: культура, ассоциативный словарь, ассоциации школьников

Исследования последних десятилетий демонстрируют не только важность, но и необходимость привлечения ассоциативных словарей, электронных баз данных в качестве важного источника при исследовании языковой картины мира, особенностей национальной культуры, культурно-ценностных доминант, в культурологических исследованиях¹.

В данной работе рассматриваются возможности электронной базы данных «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области»² как источника исследования культурных ценностей в языковой картине мира школьника. Именно в школьный период происходит наиболее интенсивное «формирование инвариантного образа мира» (А. А. Леонтьев), формирование когнитивной базы лингвокультурного сообщества, его культурно-ценностных доминант. Особое место в культурном пространстве занимают прецедентные феномены как элементы его когнитивной базы.

Прецедентный ономастикон школьников, эксплицируемый в рассматриваемом ассоциативном словаре, составляет более 3000 единиц. В типологии В. В. Красных по признаку социального уровня прецедентности выделяются такие типы прецедентных феноменов, как *социумно-прецедентные*, «известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т.д.) и входящие в коллективное когнитивное пространство», *национально-прецедентные*, «известные любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу»; *универсально-прецедентные*, «известные любому среднему современному homo sapiens и входящие в «универсальное» когнитивное пространство»³. Корпус прецедентных феноменов в ассоциативном словаре школьников включает все названные типы. Ярким примером наличия в культурном

Сдобнова Алеетина Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры методики начального литературного и языкового образования Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: sdobnovaap@yandex.ru

¹ Караулов 2002.

² О базе данных этого словаря см.: Гольдин, Сдобнова, Мартыанов 2009.

³ Красных 1998, 96.

пространстве школьника универсально-прецедентных феноменов выступают, например, ассоциативные поля стимулов пирамида, картина, закон, сражение, памятник:

<u>пирамида</u> ⁴	→	<i>Хеопс(а) 109, Египет(нма) 100, египетская 20, Сфинкс(а) 7, фараон(а) 5, в пустыне(я) 6, гробница (фараонов) 3, Гиза 1, 7 чудес света 1, шедевр 1 и др.;</i>
<u>картина</u>	→	<i>Пикассо 14, Репин(а) 10, Мона Лиза 4, Леонардо да Винчи 3, Шишкин 3, Малевич(а) 2, Чёрный квадрат 2, Левитана 1, Рембрандт 1, Рерих 1, Рубенс 1, Суриков 1, Три богатыря 1 и др.;</i>
<u>закон</u>	→	<i>Ньютон(а) 26, Ома 5, Авогадро 4, Паскаля 2, Ленца 1, Гаука 1;</i>
<u>памятник</u>	→	<i>Пушкин(у,а) 63, Гагарин(у,а) 14, Ленин(у,а) 151, Сталин(у,а) 6, Чернышевский(ому,ого) 6, Столыпин(у,а) 3, Гоголь(я) 2, Державину 1, Карбышеву 1, Ломоносову 1, Пётру I 1, Медный всадник 1 и др.;</i>
<u>сражение</u>	→	<i>Бородино 13, Куликовская битва 10, Куликовское 1, Бородинское(ая) 6, Ледовое побоище 5, Война и мир 4, Наполеон 4, Аустерлиц 2, Жуков 2, 45 год 1, (Александр) Невский 2, Афганистан 1, в Чечне 1, Геракл(ом) 2, Дмитрий Донской 1, дубина Ильи Муромца 1, Илья Муромец 1, Кинг-Конга 1, Кутузов 1, Первая мировая война 1, Полтава 1, под Аустерлицем 1, Северная война 1, Сталинградское 1, Пьер 1 Болконский 1, и др.</i>

В ассоциативном поле стимула пирамида из 633 ассоциативных реакций почти половина (282 реакции — 44,5%) содержит разного рода отсылки к египетским пирамидам как универсальному культурному феномену. Интересно то, что если в ассоциативном поле стимулов пирамида, закон, картина представлены разные признаки, эксплицирующие представление прежде всего об универсально-прецедентных ситуациях, известных современному homo sapiens (имена учёных — в ассоциативном поле стимула закон; имена художников, названия картин — в поле картина), то в ассоциативном поле стимула памятник треть ассоциатов составляют национально-прецедентные имена, а в поле сражение на них приходится подавляющее большинство «прецедентных» реакций.

В типологию прецедентных феноменов по онтологическому принципу включают прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание⁵. Почти во всех ассоциативных полях имеются те или иные типы прецедентных феноменов, отсылки к ним, аллюзии, в том числе в тех ассоциативных полях, в которых в семантике стимула прецедентность не выступает на первый план. Например:

<u>буран</u>	→	<i>корабль 3, шаттл 1, Нептун 1 и др.;</i>
<u>поле</u>	→	<i>Елисейские 1, Куликово 1 и др.;</i>
<u>корабль</u>	→	<i>Титаник 73, «Титаник» утонул 1, Курск 3, Аврора 2, Крузенштерн 1, Летучий голландец 1, Меркурий 1, Нептун 1, Синдбад 1, Флинт 1, Юнона и Авось 1 и др.;</i>
<u>стена</u>	→	<i>Китайская 6, Берлинская 1, Китай 1, Кремль 1.</i>

Наиболее частотным из типов прецедентных феноменов в ассоциациях школьников выступает прецедентное имя, которое, по определению В. В. Красных, является одним из важных ядерных элементов когнитивной базы. Именно прецедентное имя прежде всего манифестирует знания школьников в каждой из культурных областей их знаний. При этом прецедентное имя выступает в ассоциациях как сложный знак (мастер → *Левиза*; театр → *Большой*; метод → *Холмс*), как символ прецедентного текста (беда → *Врунбель*; белый → *Бим* [«Белый Бим Чёрное ухо»]; дом → *Джек* [«Дом, который построил Джек»]) и прецедентной ситуации (затонуть → *Курск 8, подлодка «Курск» 1*; битва → *Курская 1*; бочка → *Диоген 1*).

Рассмотренные примеры позволяют утверждать, что прецедентная база школьников как часть культурных знаний, необходимых любому человеку, представителю лингвокультурного сообщества для общения в том или ином типе культуры, достаточно широка и разнообразна по сферам культурных знаний, особенно принимая во внимание то, что перечисленные выше прецедентные феномены выступили в реакциях не направленного эксперимента, а свободного.

Когнитивная база школьника — система, активно формирующаяся под действием различных социальных факторов: возраста, гендера, места проживания, характера обучения, степени одарённости ребенка, развития общественных процессов и др. Ассоциативный словарь школьников позволяет рассматривать динамику формирования элементов когнитивной базы. Так, в ассоциациях младших возрастных групп (1–4, 5–6 кл.) проявляется владение преимущественно *национально-прецедентными* и *социально-прецедентными* элементами когнитивной базы. В их прецедентном ономастике представлены прежде всего имена широко известных актёров, пародистов, эстрадных певцов (*Олег Газманов, Алла Пугачёва, Максим Галкин, Евгений Петросян* и под.), имена писателей, героев детской литературы и других персонажей (*Барто, В. Бианки, Корней Иванович, Баба-Яга, Барби, Бармалей, Белоснежка, Винни Пух, Врунбель, дед Мазай, Домовёнок, Змей Горыныч, Хрюша, Чебурашка* и под.).

В подростковой группе (7–8 кл.) имеются те же национально-прецедентные единицы, но когнитивная база расширена универсально-прецедентными: *Пастер, Рерих, И. Бах, Л. Бетховен, Магеллан, Жанна д'Арк, Стоунхедж* и др.

Переход на более высокую степень образования, расширение социального опыта, сформированность и устойчивость фокуса интересов личности влечёт за собой существенные изменения когнитивной базы. В реакциях старшей возрастной группы школьников (9–11 кл.) корпус прецедентных имён, а также других типов значительно отличается не только большим объёмом и разнообразием, но в первую очередь знанием прецедентных феноменов *универсального* когнитивного пространства: *Шнитке, И. Кант, Руставели, Рубенс, Малевич, Кастро, Штраус, Король Лир, Квзимодо, Эйфелева башня, Фаросский маяк, Хиросима* и др.

Таким образом, ассоциативный словарь является важным источником сведений о формирующемся «ядре» культурно-ценностных доминант современных школьников.

⁴ Здесь и далее подчёркнуты стимулы, ассоциативные реакции выделены курсивом. В круглых скобках даны варианты реакций. Цифры указывают количество реакций в ассоциативном поле.

⁵ Красных 1998.

ЛИТЕРАТУРА

- Гольдин В. Е., Сдобнова А. П., Мартынов А. О. 2009: Электронный русский ассоциативный словарь школьников // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). М., 69–74.
- Каргулов Ю. Н. 2002: Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. I. М., 750–782.
- Красных В. В. 1998: Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М.

ASSOCIATIVE DICTIONARY FOR SCHOOLCHILDREN AS LEXICOGRAPHICAL SOURCE OF RUSSIAN CULTURE STUDYING

A. P. Sdobnova

Associative dictionary for schoolchildren as lexicographical source of Russian culture studying.

Key words: culture, associative dictionary, schoolchildren's associations

© 2014

О. В. Фокина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВАРЯ КОММУНИКАТИВНО ЗНАЧИМЫХ ЦИТАТ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Метод коммуникативного обучения русскому языку как иностранному способствует знакомству студентов с русской культурой и историей, позволяет обучить их чтению и анализу интертекстуальных фрагментов современных публицистических текстов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, публицистика, интертекстуальность, цитата

Полноценное овладение русским языком как иностранным (РКИ) предполагает не только изучение его лексических, орфоэпических, грамматических, орфографических и стилистических норм, но, прежде всего, умение понимать тексты на данном языке. В связи с тем, что на рубеже XX–XXI вв. в российских средствах массовой информации активизировались интертекстуальные связи, для понимания большинства не только художественных, но и современных публицистических текстов недостаточно только знания языка, требуется ещё и так называемая «интертекстуальная компетенция» — узнавание и понимание большого числа цитат разного рода. При этом интертекстуальная компетенция читателей или слушателей должна соответствовать интертекстуальному тезаурусу автора текста, в противном случае возникает коммуникативная неудача: намерения автора не в полной мере «прочитываются» адресатом, что затрудняет понимание текста. Значительные трудности, причём не только у иностранцев, изучающих русский язык, но и у носителей языка, вызывает понимание цитат, включённых в текст без кавычек и ссылки на автора, особенно трансформированных тем или иным способом.

Особенно актуально формирование интертекстуальной компетенции при обучении русскому языку как иностранному. Язык необходимо изучать в живом контакте с его реальными проявлениями, хорошие результаты даёт технология коммуникативного обучения РКИ, однако многие приезжающие в Россию иностранные учащиеся практически лишены русскоязычного общения вне учебной аудитории, не могут читать современную прессу из-за отсутствия навыков чтения текста, перенасыщенного интертекстуальными фрагментами, не понимают устную речь, содержащую цитатный компонент. В связи с этим при изучении русского языка как иностранного нередко возникает необходимость в нестандартных формах преподавания, направленных на обучение анализу текста, выявлению и узнаванию в нём цитат и квазичитат, в первую очередь частотных, восходящих к классическим текстам русской и мировой художественной литературы (стихи А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, В. Шекспира, произведения Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова, басни И. А. Крылова и т.п.), политическим афоризмам, русским и советским кино- и телефильмам, эстрадным песням 1980-х гг., анекдотам и названиям телепередач.

Большую помощь при этом оказывают словари цитат¹, однако их использование не решает всех проблем, связанных с пониманием публицистических текстов, поскольку для того, чтобы обратиться за информацией к словарю цитат, нужно обнаружить цитату в тексте, это представляет большую трудность даже для слушателей, владеющих русским языком на продвинутом уровне, а также для многих носителей языка.

Мы предлагаем методику анализа интертекстуальных связей в текстах СМИ, включающую следующие этапы. 1) определение структурно-текстовой позиции, появление в которой интертекстуального фрагмента наиболее предсказуемо (эпиграф, заголовок, зачин и концовка текста, а также внетекстовые элементы — подписи к иллюстрациям, фотографиям, карикатурам, анекдоты и мысли в тему); 2) выделение интертекстуального фрагмента — сегмента содержательной структуры анализируемого текста, содержащего цитатный компонент; 3) реконструкция цитаты; 4) атрибуция — установление, из какого источника взят цитируемый текст; 5) анализ способа трансформации цитаты: количественный (усечение / расширение исходного состава); качественный (фонетическая трансформация; лексическая замена; морфологическая трансформация; синтаксическая — контаминация или агглютинация двух и более цитат и фразеологизмов, парцелляция или присоединение,

Фокина Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. E-mail: ofokina@list.ru

¹ Ашукин, Ашукина 1955; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000; Бирих, Мокиенко, Степанова 1998; Душенко 2002, 2005; Елистратов 1999; Кожевников 2001; Мокиенко, Сидоренко 1999; Шулежкова 2003.

перестановка компонентов цитаты, использование логико-синтаксической модели цитаты и др.), смешанный; б) анализ способа включения цитаты в текст, вычленение маркеров и операторов ввода (текстовых, лексических, синтаксических, графических и др.); 7) анализ текстовых функций и стилистического эффекта. Данная методика используется нами при работе с публицистическими текстами, однако может помочь и при анализе художественной литературы.

Существенную помощь в работе такого рода может оказать словарь коммуникативно значимых цитат, включающий в себя информацию о наиболее частотных цитатах из мировой и русской художественной литературы, кино- и мультфильмов, анекдотов, песенных текстов, политических афоризмов и т.п. В отличие от используемых нами в работе с иностранными слушателями широко известных словарей цитат особое внимание уделяется описанию распространённых способов трансформации цитат и частотных фразеологизованных моделей на базе цитат, что позволяет обнаружить цитату в тексте.

Структура словарной статьи должна включать несколько компонентов.

Заглавие статьи — цитата (при этом начальной формой будет являться не грамматически начальная форма, а формулировка, представленная в исходном тексте). В некоторых случаях заглавием словарной статьи может быть точечная цитата (имена литературных, мифологических и киноперсонажей, их дериваты (маниловщина), авторские новообразования (образованщина — А. И. Солженицын), слова с фонетическими, морфологическими и иными особенностями, которые отсылают читателя к конкретному произведению или автору, лексемы диалекта, вызывающие ассоциацию с определённой личностью (Убивец! — Ф. М. Достоевский, начать, углубить — М. С. Горбачёв, человечье — В. И. Ленин; загогулина, рокровочка — Б. Н. Ельцин; мочить — В. В. Путин и т.п.). В качестве примера приведём словарную статью «*Особенности национальной охоты*».

Комментирующая часть содержит несколько элементов:

1. Значение цитаты, указание типичных контекстов её употребления, стилистические пометы: *О характерных для российской государственной или русской национальной действительности признаках, качествах, свойствах, отличающих явления или предметы, названные именем существительным. Обобщение, характеристика специфики какого-либо явления с точки зрения общенациональной распространённости или значимости.* В некоторых случаях, как правило, если речь идёт о цитатах из кинофильмов или анекдотов, могут отмечаться интонационные и акцентологические особенности, жесты, которыми сопровождается произнесение фразы.

2. Историческая справка — указание на источник цитаты, время её появления, авторство: *Название фильма из трилогии А. Рогожкина (сц., реж.) «Особенности национальной охоты» (1995) «Особенности национальной рыбалки» (1998) «Особенности национальной охоты в зимний период» (2000).*

3. Фразеологизованная модель, по которой строятся интертекстуальные фрагменты, прежде всего газетные заголовки (факультативные компоненты модели указываются в квадратных скобках). Далеко не все интертексты способны выступать в качестве интертекстуальной модели. Ядерные компоненты, сохраняющиеся при различных вариантах трансформации интертексты:

([прил. во мн.ч.] + особенности + прил. (национального и др.) + сущ. в в.п.). *Ядерный компонент интертексты — особенности.*

4. Иллюстративный материал, включающий а) цитаты, введённые во вторичный текст в исходном виде; б) квазичитаты, т.е. цитаты, трансформированные различными способами. В словаре предполагается отразить наиболее распространённые способы трансформации цитаты: количественный (усечение или расширение), качественный (изменения на фонетическом, семантическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, образцы графической игры); комплексный. Графически выделяются элементы исходного текста, сохранённые в составе интертекстуального фрагмента:

Лексическая замена: «*Особенности национальной помойки*»²; «*Особенности национального судейства*»³.

Комплексная трансформация: расширение состава интертексты + лексическая замена: «*Дело о разводе. Некоторые особенности национального расставания*»⁴; «*Национальные особенности компьютеризации мебельного производства*»⁵.

Образцы словарных статей:

«Быть или не быть — вот в чём вопрос»

1. О необходимости сделать выбор; критическом моменте.

2. В. Шекспир, «Гамлет» (1601), монолог Гамлета (действ. 3, сцена 1): «To be or not to be: that is the question» (пер. Н. А. Полевого, 1837).

3. (инф. 1 или не инф. 1) [вот в чём вопрос]

4. Цитата: «*Однако на самом деле в предстоящем поединке перед Кличко-младшим стоит гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?»*»⁶; «*Хоккей за океаном: быть или не быть*»⁷.

Лексическая замена: «*Пить или не пить? Вот в чём вопрос!*»⁸; «*Трогать или не трогать — вот в чём вопрос*»⁹; «*Бить или не бить*»¹⁰.

Морфологическая трансформация: «Гамлет»: *было или не было*»¹¹.

Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт

1. О сильной, решительной, смелой женщине (ирон., шутил.). О женщине, проявившей отвагу на пожаре.

2. Из ч. 1 поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» (1863):

Есть женщины в русских селеньях <...>

² Труд-7 12.04.2010.

³ Советский спорт 07.11.2009.

⁴ Вечерняя Москва 21.11.2002.

⁵ PC Week 05.05.2009.

⁶ Комсомольская правда 22.09.2005.

⁷ Вечерняя Москва 17.12.2003.

⁸ Советский спорт 13.03.2009.

⁹ Советский спорт 26.05.2010.

¹⁰ Труд-7 04.12.2009.

¹¹ Вечерняя Москва 30.10.2002.

В игре её конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасёт:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдёт!

3. (имя сущ. в вин. пад. + на + отглагольное имя сущ. в Пр.пад. + остановит...)

4. Цитата: **«Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт!»** — *увы, эти известные строки актуальны и поныне, ведь нашим женщинам и сегодня приходится решать слишком много неженских проблем...*¹².

Лексическая замена: **«Быка на скаку остановит»**¹³ — о женщине-тореадоре; **«Ворьё на бегу остановит...»**¹⁴ — о женщине-милиционере; **«Террориста на скаку остановит, в горящую избу войдёт»**¹⁵

Морфологическая трансформация: **«В горящую избу вошла. Рискаю жизнью, молодая женщина вытащила из огня пятерых детей, пока пожарные боролись с бездорожьем»**¹⁶; **«...о “слабых” женщинах мечтают, как правило, слабые мужчины. Ведь легче подать пальто, чем потушить горящую избу. Прочитать стихи, чем остановить коня на скаку»**¹⁷; **«В наш противоречивый век неравных условий, но равных возможностей уже мало кто сомневается, что предназначение Женщины не только в том, чтобы рожать детей, поддерживать тепло домашнего очага и “останавливать на скаку коня и входить в горящую избу»**¹⁸.

Иностраные студенты обучаются умению находить в тексте маркеры интертекстуальности, свидетельствующие о наличии межтекстовых связей, знакомятся с лингвокультурологическими справочниками разного рода, со словарями цитат и крылатых выражений, а также песнями и популярными кинофильмами, известными большинству носителей русского языка и служащими источником цитат и квазичитат в современных текстах. К таким произведениям, прежде всего, относятся советские комедии и мультфильмы 1960–1970 гг. Эти произведения, с одной стороны, являются источниками большого числа прецедентных высказываний, с другой стороны, доступны для понимания учащихся-иностранцев с разным уровнем подготовки.

Подобные формы изучения русского языка оцениваются студентами-иностранцами (в разные годы по этой программе занимались студенты и стажёры из США, Великобритании, Германии, Италии, Китая, Северной и Южной Кореи, Японии, Вьетнама, а также потомки русских эмигрантов, проживающие в различных странах) как чрезвычайно интересные и продуктивные, способствующие овладению новой лексикой и фразеологией, используемой в реальной коммуникации, важные для понимания достаточно большого пласта русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Аиужкин Н. С., Аиужкина М. Г. 1955: Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.
Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4 000 единиц. М.
Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. 1998: Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб.
Душенко К. В. 2002: Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. М.
Душенко К. В. 2005: Цитаты из русской литературы. Справочник: 5200 цитат от «Слова о полку...» до наших дней. М.
Елистратов В. С. 1999: Словарь крылатых слов (русский кинематограф). М.
Кожеевников А. Ю. 2001: Большой словарь. Крылатые фразы отечественного кино. СПб.; М.
Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. 1999: Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.
Фокина О. В. 2008: Источники интертекстуальных включений в языке современных газет. М.; Ярославль.
Шулежкова С. Г. 2003: Словарь крылатых выражений из области искусства: более 1000 крылатых выражений. М.

USE OF THE DICTIONARY OF COMMUNICATIVE MEANINGFUL QUOTES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

O. V. Fokina

The article is devoted to one of the methods of communicative teaching Russian as a foreign language, which helps students get acquainted with Russian culture and history, allowing them to teach reading and analysis of intertextual fragments of modern journalistic texts.

Key words: Russian as a foreign language, publicism, intertextuality, quote

¹² Наше время 17.04.2007.

¹³ Комсомольская правда 17.10.2003.

¹⁴ Московский комсомолец 07.03.2006.

¹⁵ Советский спорт 01.12.2010.

¹⁶ Труд 13.02.2003.

¹⁷ Вечерняя Москва 02.08.2002.

¹⁸ Родное Подмосковье 18, 2003.

© 2014

Н. Н. Шпильная

ЛЕКСЕМА И ТЕКСТ (к вопросу о деривационной корреляции)

Между лексемой и текстом существует деривационная связь. Эпидигматическая связь лексемы и текста проявляется в её способности служить свернутым текстом и тем самым являться внешней формой внутренней формы текста как его представителя в актах образования «новых» текстов.

Ключевые слова: внутренняя форма текста, деривация текста, лексема, текст

Предмет анализа в настоящей статье — деривационная корреляция лексемы и текста. Вопрос о соотношении лексемы и текста в лингвистической литературе долгое время не осознавался, поскольку полагалось, что слово является номинативной единицей, основное назначение которой — закрепить в дискретной форме тот или иной «кусочек действительности»¹. Переосмысление положения о независимости лексемы от текста стало возможным в рамках коммуникативной грамматики русского языка, признающей факт коммуникативной связи лексемы и текста. Полагая, что «в слове <...> широко отражаются разноплановые коммуникативно-прагматические свойства текста» и что «ничто (или почти ничто) текстовое не чуждо слову», лингвисты формулируют сверхзадачу функциональной (коммуникативной) грамматики слова — установление дискурсивных возможностей слова в передаче коммуникативно значимой информации².

Наши рассуждения о связи лексемы и текста опираются на основные положения деривационной грамматики русского языка, исследующей формальную взаимосвязь всех единиц языка — от фонемы до текста³. Основной тезис, разделяемый дериватологами, — это тезис о том, что возникновение языко-речевой единицы является следствием её формально-семантической соотнесенности с другой языко-речевой единицей. При этом вопрос о деривационной связи лексемы и текста обычно решается с позиций структурно-дериватологического подхода, согласно которому деривационное функционирование текста является следствием реализации деривационного потенциала его лексико-деривационных рядов как элементов синтаксического уровня организации текста⁴. В таком случае, по существу, текст рассматривается как языковой материал (по Л. В. Щербе), в котором репрезентируются единицы языка. Вопрос же о том, каким образом осуществляется деривация текста как самостоятельной языко-речевой единицы, насколько нам известно, в лингвистической литературе специально не ставился. Решение данного вопроса возможно с позиций системно-дериватологического подхода, основанного на идеях «системных» лингвистов, признающих наличие в языке «идеальной области», скрытой за языковым содержанием (В. фон Гумбольдт). Для системной лингвистики релевантной оказывается оппозиция части и целого, где часть трактуется не как составной элемент системы, а как образ будущего целого. В философии соотношение части и целого решается диалектично: «целое порождается целым посредством частей. Одна из частей, будучи непосредственно связанной не только с одним целым, но и с другим, в силу каких-л. условий приобретает тенденцию к выходу за пределы исходного целого и к преобразованию себя и всего целого. Итак, целое порождается целым посредством частей»⁵. Триада «целое — часть — целое», где часть уже не часть и ещё не целое, а будущее (качественное) целое в рамках поднимаемой в статье проблемы приобретает особую значимость, позволяя представить процесс текстообразования как предвосхищение целостной сущности — текста — за счёт развития её части — лексемы — как относительно независимого целого. При этом совокупность лексем трактуется как микротекст, являющийся в свою очередь элементом внешней или внутренней формы текста. Последнее согласуется с суждениями В. В. Бибикина, согласно которому внутренней формой языка является лексема (слово). Именно этим, по мнению учёного, объясняется тот факт, что В. фон Гумбольдт в своих размышлениях о внутренней форме языка в качестве примера использует лексему *слон*, в санскрите именуемый то как «двузубый», то как «дважды пьющий», то как «снабженный рукой»⁶. В таком случае не текст, а лексема является вторичной единицей — единицей, производной от текста.

В лингвистической литературе уже давно отмечается факт связи слова и текста, сущность которой проявляется в способности слова служить свернутым текстом, или по образному определению М. М. Бахтина, «аббревиатурой высказывания»⁷. О связи лексемы и текста говорит Л. Н. Мурзин, согласно которому тексты «хранятся» в языко-речевом мышлении в виде лексем, являющихся «следствием определённого преобразования, свёртывания, компрессии текстовой номинации»⁸. В исследованиях Л. В. Сахарного и его учеников экспериментальным путём доказывалось наличие деривационной связи между текстом и лексемой, обнаруживаемой в представлении текста как ментального феномена, в виде ключевых слов⁹, связанных парадигматическими, синтагматическими и эпидигматическими отношениями, являющимися в свою очередь следствием обозначенных отношений на уровне текста. Последнее обусловлено взаимными переходами текста и лексемы. Так, например, лексема, вовлекаясь в процесс образования нового текста, не теряет, а наоборот, сохраняет свои связи с прежним текстом, приобретает новые признаки. При этом производный текст обогащает лексему новыми формально-смысловыми наращиваниями; в то же время лексема «обедняется», потому что «после нового свёртывания уже соответствует одновременно двум разным текстам, как бы вмещающая в себя лишь то общее, что объединяет эти тексты»¹⁰. Отсюда структура многозначного слова

Шпильная Надежда Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии. E-mail: venata85@mail.ru

¹ Реформатский 1996.

² Клобуков 1997, 32.

³ Мурзин 1984.

⁴ Голев 1989; Сайкова (Мельник) 2002; Трубникова 2008.

⁵ Алексеев, Панин 2005, 470–471.

⁶ Бибикин 2008.

⁷ Бахтин 1979.

⁸ Мурзин 1988, 20.

⁹ Сахарный и др. 1989; 1991.

¹⁰ Мурзин 1988, 18.

есть не что иное как отражение структуры связи деривационных вариантов текста (формально-семантических вариаций текста), и наоборот. Этот тезис хорошо иллюстрирует и тот факт, что в реальности мы не имеем дела с текстом, мы имеем дело, скорее, с субстратом текста, текст же реально воспринимается нами как совокупность/последовательность ключевых слов (лексем), выступающих в качестве прообраза будущего текста, силу «речемыслительного эмбриона» (Н. Ф. Алефиренко). Иными словами, в процессе текстообразования мы передаём не сообщение, не информацию, а лексемы, служащие «точками входа» в те или иные коммуникативные фрагменты, хранимые в языковой памяти носителя языка и почему-л. ассоциирующиеся с ними (лексемами). В таком случае лексема предстаёт и как составной элемент речевого произведения и в то же время его представитель в языко-речевой системе того носителя языка, к которому это произведение адресовано. Подчёркнём, что при вербальном контакте потенциальная дискретность лексем как элементов лексического уровня языко-речевой системы исчезает, диалогические потенции лексемы, проходящей через зону контакта, испытывают скачок вследствие её взаимодействия с «полупроводником» — внутренней формой текста как виртуально-материального межтекста, характеризующегося порождающей силой — способностью соотносить *данное с новым* в силу присущей языковой форме диалогической энергии, определяющей в том числе «работу» коммуникативного тезауруса носителя языка. При этом если контакт лексемы и полупроводника идеален (без помех), то на выходе появляется «новое» речевое произведение; если нет, то появление высказывания возможно либо во внутренней речи без озвучивания (при наличии помех, контроля со стороны метаязыкового сознания, «неподходящей» ситуации, например), либо вообще невозможно в силу контакта с лексемой, выступающей в качестве пусто-го знака (знака, ассоциативно не соотносимого с коммуникативными фрагментами, агнонима?)

Деривационный характер связи лексемы и текста хорошо демонстрируют ассоциативные эксперименты, проводимые Ю. Н. Карауловым и другими учёными. Подобные эксперименты доказывают, что текстопорождающая энергетика слова-стимула становится импульсом «излучения» соответствующих ситуационных ассоциаций как фрагментов ассоциативно-вербальной сети, «которая заложена в голове всякого среднего носителя языка и обеспечивает его владение языком»¹¹. Рассматривая каждую реакцию как модальную реакцию, относящуюся к прагматическому, а не когнитивному уровню организации речи, мы полагаем, что все реакции носителя языка, представленные, например, в Ассоциативном тезаурусе, представляют собой «фрагменты» текстов либо когда-то ими (носителями языка) порождённых, либо готовых развернуться применительно к данному стимулу. Н. Д. Голев отмечает: «Извлечение из памяти готовой единицы — не просто её воспоминание, а во многом именно “цитация”, и это означает, что хранимое слово является носителем потенциала его коммуникативного функционирования»¹². Такой потенциал коммуникативного функционирования является не столько слепком, следом бывшего коммуникативного акта — текста, сколько первым шагом на пути к новому акту употребления, готовому в любой момент материализоваться. Таким образом, именно лексема, будучи свёрнутым текстом, служит «точкой входа» в ментальные структуры — в текстовое пространство языкового сознания, представленного текстами-примитивами — совокупностью ключевых слов как коммуникативных фрагментов. По мнению Б. М. Гаспарова, коммуникативный фрагмент — это «и “единица”, мыслящая во всей своей непосредственной целостности, но в то же время и — сам себе — “контекст”, излучающий из себя целое поле тематических, сюжетных, жанровых, ситуационных подразумеваемых, аллюзий и ассоциаций»¹³. Осознание цитационного характера текстообразования вовсе не означает, что оно осуществляется только в лингвомнемоническом формате, связанном с «процессом имплицации (свёртывания) высказывания, преобразования речевого сообщения в элементы системы»¹⁴. Как представляется, текстообразование тесно связано с креативной составляющей текстовой деятельности по принципу «данное — новое», где *новое* предстаёт как возможные ходы выражения мысли, ассоциирующиеся с «цитатным мнемоническим конгломератом» (Б. М. Гаспаров), хранимым в языковой памяти носителя языка. Сам характер «излучения», или извлечения, обусловлен креативной природой текстообразования.

Из сказанного логически вытекает взаимообусловленность текстов в системе языка (= ассоциативно-вербальной сети как онтологическом состоянии языка)¹⁵, их суппозиционная связность, обусловленная его [текста] внутренней формой как «хранителем» эпидигматических сем-термов и ассоциативной природой языка. Лексема при таком подходе предстаёт как внешняя форма внутренней формы текста, что вовсе не противоречит, а, напротив, соответствует современным представлениям об эффекте «удвоения формы», открытом Гегелем: форма одновременно входит в содержание и представляет собой нечто по отношению к нему. В первом случае речь идёт о внутренней организации содержания, а во втором — о способе существования и выражения содержания. В этом смысле «форма внутренней формы» — лексико-семантическое пространство текста — выступает как что-то несущественное само по себе, как проявление более важного содержания.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев П. В., Панин А. В. 2005: Философия. М.
 Бахтин М. М. 1997: Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М.
 Бибихин В. В. 2008: Внутренняя форма слова. СПб.
 Гаспаров Б. М. 1996: Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.
 Голев Н. Д. 1989: Динамический аспект лексической мотивации. Томск.
 Голев Н. Д. 2006: Лингвотеоретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсоналогия: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова, Э. П. Хомич (ред.). Барнаул, 7–27.
 Засорина Л. Н. 1973: О некоторых эмпирических признаках металингвистики // Вопросы металингвистики / Л. Н. Засорина (ред.). Л., 9.
 Мурзин Л. Н. 1984: Основы дериватологии. Пермь.
 Мурзин Л. Н. 1988: Текст — номинация — лексема // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности / Т. С. Серова (ред.). Пермь, 16–21.
 Караулов Ю. Н. 1999: Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.

¹¹ Караулов 1999, 13.

¹² Голев 2006, 18.

¹³ Гаспаров 1996, 132.

¹⁴ Засорина 1973, 9.

¹⁵ Караулов, Добровольский 1993, 9.

-
- Караулов Ю. Н., Добровольский В. О.* 1993: Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. 2, 5–15.
Клобуков Е. В. 1997: Проблемы изучения коммуникативной грамматики русского слова // Язык, сознание, коммуникация / В. В. Красных, А. И. Изотов (ред.). М., 32–39.
Реформатский А. А. 1996: Введение в языковедение. М.
Сайкова (Мельник) Н. В. 2002: Взаимодействие текста и слова в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул.
Трубникова Ю. В. 2008: Лексико-деривационные основания моделирования текста. Барнаул.

LEXEME AND TEXT
(the question of correlation derivational)

N. N. Shpilnaya

In this paper we prove the thesis of the derivation relation between lexeme and text. Epidygmatical lexeme and text communication is manifested in its ability to serve as a collapsed text and thus are external shape of the internal form of the text as its representative in the acts of composing «new» texts.

Key words: internal form of the text, text derivation, lexeme, text

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В СЛОВАРЕ ПИСАТЕЛЯ

© 2014

М. Л. Бедрикова

КОНЦЕПТ «РОДНАЯ ЗЕМЛЯ» В ПРОЗЕ В. РАСПУТИНА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX–XXI ВВ. КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ АНТОЛОГИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ

В статье рассматривается концепт «Родная земля» в прозе В. Распутина 1970–2000-х гг. с экзистенциальных позиций. Автор определяет возможные ассоциативные связи слов, создающие ассоциативное поле концепта «Родная земля».

Ключевые слова: проза В. Распутина 1970–2000-х гг., концепт «Родная земля», ассоциативные связи слов

В художественной концептосфере В. Распутина важнейшим является концепт «Родная земля». Полагаем, что в полной мере этот концепт актуализируется в сознании писателя уже в произведении «Вниз и вверх по течению» (Очерк одной поездки, 1972) в связи с драматическим событием в жизни В. Распутина и его земляков — затоплением родной деревни при строительстве ГЭС. Автор выбирает для очерка сюжетный ход «возвращение блудного сына в родные пределы». Добираясь в родные места теплоходом по могучей сибирской реке, автобиографический герой, молодой писатель Виктор перебирает в памяти «кадры» из прошлого, предвкушает встречу с новой, уже «послепотопной» малой родиной.

Примечательно, что среди элементов, из которых складывается представление героя о родной земле (*дом/изба, деревня*), особое место занимает *река*. Представление о родных местах связано с ней неразрывно: *Виктор вырос на этой реке, каждый божий день пропадал на ней с утра до ночи, и большая часть его детских и уже не детских радостей была связана с ней* (Распутин 2007, т. 2, 219). Река, являясь конкретным образом — картиной родных мест, становится одновременно и самостоятельным элементом, создающим некий символический пласт. Двойная функция данного образа позволяет расширить представление о «родной земле». Так, первые же детские воспоминания обозначают связь «реки» со «счастьем» (и таким образом — связь соответствующих концептов). Ребёнком Виктор мечтал, чтобы ледоход совпал с его днём рождения — «иначе не будет счастья». В нём жила *суевренная связь одного с другим* (Распутин 2007, т. 2, 219.). Находящийся ближе к природе, нежели взрослый, маленький ребёнок ощущал власть реки (матери-природы) над своей судьбой, и эти ощущения менее всего похожи на «детские глупые страхи». Когда однажды мальчик так и не смог дожидаться ледохода, его, глубоко несчастного, «вконец бедного и измученного», забрали домой: *Теперь всё: никогда не кончится война, не придёт с фронта отец, не полюбит его соседская девчонка Нинка. Жить дальше не имело никакого смысла* (Распутин 2007, т. 2, 220). В приведённом фрагменте, представляющем повествование в форме несобственно-прямой речи, уже обозначены «ростки» нового — экзистенциальных мотивов счастья, смысла жизни, которые станут определяющими в прозе В. Распутина начала 1980-х гг.

В очерке «Вниз и вверх по течению» река изображается как «душемушца»: *Река беспокойно возилась, покачивалась, вздыхала; порой изнутри доходил глухой утробный шум, затем раздавался быстрый и сильный, как выстрел, треск, и во льду вспыхивали трещины* (Распутин 2007, т. 2, 220). В сознании автобиографического героя «родная земля» — это деревня у реки, лес близ неё, грибная охота, рыбная ловля. Всё это изображается как данная человеку «радость», Божий дар, Божья Благодать. Последнее не озвучивается, но в подтексте подразумевается.

Примечательно, что среди элементов представления о «родной земле» у автора и героя на первом месте не «земля»/твердь, а то, что тверди противоположно, то есть «река»/вода: *Тайга не волновала и не пыталась Виктора так, как река; тайга оставалась и должна была оставаться на месте, между тем как река могла исчезнуть, уплыть, кончиться, обнажив на память о себе голое каменистое русло, по которому будут бегать собаки* (Распутин 2007, т. 2, 225). Воспоминания об Ангаре взрослый Виктор хранит как самые дорогие, глубоко личные: они *жили в нём отдельно от других, и жили тёплой душевной печалью, возле которой он грелся и отдыхал, перед тем как двинуться дальше* (Распутин 2007, т. 2, 225). Выражение *двинуться дальше* может означать в данном контексте только одно: «продолжать жить». Таким образом, «река», элемент «родной земли», мыслится не только как богатство, дар Божий, источник жизни, но и как сама жизнь в её движении (течении). Как отмечалось выше, в произведении образ реки выполняет двойную функцию. В последнем случае проявляется символическое значение «реки» (воды). В отличие от «земли» (тверди, тайги), ассоциирующейся с вечным, статичным началом, элемент «река» в ассоциативное поле концепта «Родная земля» определённую динамику: характерны глаголы *могла исчезнуть, уплыть, кончиться*. Данные глаголы невозможно применить к «земле».

Глаголы *исчезнуть, уплыть, кончиться* на ассоциативном уровне актуализируют древний слой сознания — библейский. Твердь «исчезла, уплыла, кончилась» во время Потопа. Герой не отдаёт себе отчёта в том, что в его представлении о «реке», «родных местах»/«родной земле» уже существует резкое разделение на «допотопный» и «послепотопный» период жизни его малой родины (до строительства ГЭС и после него). Событийный и психологический планы сюжета очерка соз-

Бедрикова Майя Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: mlbedrikova@gmail.com

даны В. Распутиным таким образом, что по воле памяти автобиографического героя тяжёлые картины затопления и нового житья-бытья деревни «отодвигаются» к финалу. Душа Виктора «обитает» в прежней деревне на берегу Ангары в её старом русле и «не желает» обратиться к жестокой реальности.

Символическое значение «реки» предполагает некую амбивалентность, поскольку амбивалентно значение «воды». Известно значение «воды» как основы всего сущего в архаических космогонических представлениях. Вода с древнейших времён «воплощает и начало, и конец мира (в форме мирового потопа)»¹. Такая символика в распутинской прозе появится позже в «Прощании с Матёрой». В очерке 1972 г. образ потопа пока ещё не включен в систему художественных образов, однако картины гибели островов на родной реке неизбежно отсылают к библейским, ибо В. Распутин использует высокий стиль и интонацию: *Поднялась вода, выше любого, самого страшного наводнения, какое выдввали на своём долгом веку острова, и захлестнула, подмяла их, изо всех сил старавшихся сжаться и закаменеть, чтобы выстоять до солнца, скрыла под собой деревья и ушла выше. Теперь она давно уже вымыла и разнесла по сторонам всю землю, на которой росли хлеба и травы, и сровняла острова с дном* (Распутин 2007, т. 2, 233).

Необходимо уточнить компонент «земля» в концепте «Родная земля». Чаше у В. Распутина звучит выражение «родные места», что тождественно «родной земле». «Земля» может простираться на бескрайних просторах Сибири, но может и сжаться, подобно «шагреновой коже». Так, в очерке «Вниз и вверх по течению» «родная земля» сужается до клочка, который можно измерить. Перед затоплением избу Виктора разбирают по брёвнышку, и взору открывается её печальный след. Виктор стоял над избищем, «как над могилой». *И этот открывшийся глазу, вытертый деревом до пыли кусочек земли, который занимала изба, показался вдруг Виктору до того маленьким и ничтожным, а всё, что составляло избу и что лежало теперь рядом двумя аккуратными штабелями, — до того грубым и ненадёжным...* (Распутин 2007, т. 2, 235).

Если слово «потоп» в его библейском понимании в тексте произведения пока не встречается, то слово «светопредставление» звучит в речи земляков Виктора. Родное гнездо разорено, прежнее русло реки и родные места затоплены искусственным морем. И вновь подчёркивается амбивалентность «воды» при изображении некой «реакции» реки на события гибели «родной земли»: *День был тихий, неяркий, и так же тихо и ровно текла река, не зная за собой ни вины, ни беды* (Распутин 2007, т. 2, 237).

«Родной земле» противостоит «другая земля», т.е. новая деревня, точнее рабочий поселок, в который родная деревня преобразилась. Признаки, репрезентирующие «другую землю», — это «чужая», «неясная». «Другая земля» не вызывает у героя *единственного, неповторимого более, страстного и глупо-умильного отзвука* (Распутин 2007, т. 2, 281). Автор находит адекватный ситуации образ «центра», каким являлась для него и земляков малая родина: *Лишившись чего-то главного, основного, какого-то «центра», «родные места» разбрелись куда-то...* (Распутин 2007, т. 2, 281). На протяжении всего текста встречаются признаки разорения «родной земли», «знаки» светопредставления. Они отмечены в космическом пейзаже (атмосфера «сырого и смрадного запаха поднятого тлена»), в психологической реакции жителей затопленной деревни (испуг, неестественная взбудораженность, боязнь одиночества и в то же время *яростный азарт разрушения*) (Распутин 2007, т. 2, 235–236). В финале произведения автобиографический герой признаётся, что ему ещё необходимо время, чтобы определить собственное отношение к затоплению малой родины ради всеобщего блага.

Апокалиптические картины из очерка «Вниз и вверх по течению» находятся в одном ряду с пейзажами затопленной Матёры и Егоровки. Гибель «дома»/«родной земли» В. Распутин связывает с уничтожением исторической памяти. В его героях живёт потребность восстановить «центр» во имя памяти. В «Пожаре» Иван Петрович и его друг Афоня намереваются установить «знак» на том месте, где была Егоровка: *Что стояла тут Егоровка, работницей была не последней, на матушку — Россию работала* (Распутин 1986, 377). В 1990–2000-е гг. В. Распутин создаёт своеобразную художественную «летопись» разорения «родной земли» в таких рассказах, как «В ту же землю», «Изба», «На родине», а также повести «Дочь Ивана, мать Ивана».

В настоящее время в русском менталитете исследователи отмечают следующие компоненты концепта «Родная земля»: а) «боль» за свою землю, б) «естественное богатство», в) сама земля, г) родной человек, д) природа, увенчанная родным словом². Ю. Степанов верно утверждает: «а “боль”, видимо, соединится со всем остальным»³. Если в ранних произведениях В. Распутина в концепте «Родная земля» приоритетными были такие компоненты, как «естественное богатство», сама земля, природа, родной человек, родной язык, то к середине 1970-х гг. в концепте «Родная земля» у писателя начинает преобладать компонент «боль»; «боль» не просто соединяется «со всем остальным», но «затмевает» другие составляющие «Родной земли».

В произведениях конца XX в. всё чаще звучит мысль писателя о Божьем наказании за грехи. Гибель «родной земли» осмысливается в рассказе «На родине». Возникает образ Нового Потопа. Новая деревня живёт уже в послепотопный период: *Здесь по сотворённому было второе сотворение мира* (Распутин 2007, т. 4, 291). Есть злая ирония в том, что люди, допустившие уничтожение старой реки, наказаны безводьем.

В повести «Пожар» (1985) проясняются все элементы представления о «доме» как компоненте концепта «Родная земля». *Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома. Вот: дома. Поперёд всего — дома, а не на постое, в себе, в своём собственном внутреннем хозяйстве <...> Затем дома — в избе, на квартире, откуда, с одной стороны, уходишь на работу, и с другой — в себя. И дома — на родной земле* (Распутин 1986, 375–376). В позднем рассказе «На родине» автор запечатлевает уже иное бытё-житьё крестьянина, другое представление об «избе»/доме. Изменяется художественный образ русской избы, трансформируются элементы представления о родном доме. В. Распутин подчёркивает, что перенесённые на новое место старые избы стоят «сиротливо» в леспромхозовских посёлках. Крепкие хозяева превращают дома в «поместья», «крепости». Новый дом Демьяна Слободчикова напоминает «неприступную крепость». Русскую избу можно ассоциировать с «убежищем», что зафиксировано в «Русском ассоциативном словаре»⁴. Согласно указанному словарю, вербальной ассоциации «крепость» стимул «дом» не образует. Отметим, что в рассказе «На родине» (важно, что в названии произведения вербализуется концепт «Родная земля») В. Распутин уже не называет современный деревенский дом

¹ Адамчик 2010, 24.

² Степанов 2001, 170.

³ Степанов 2001, 170.

⁴ Караулов 2002, 175.

«избой», что же касается «неприступной крепости», то для русского менталитета до последнего времени английское «Мой дом — моя крепость» было нехарактерно. Как видим, художнику удаётся раньше социологов запечатлеть некие изменения в сознании российского общества на рубеже столетий.

Подводя итоги, отметим наличие в концепте «Родная земля» всех компонентов, характерных для русского менталитета. В ряду таких, как «естественное богатство», «земля», «родной человек», «природа», «родное слово», в разные периоды творческого пути у писателя выделяется «боль» за родную землю. Боль души за Россию у автора-«деревенщика» неизбывна: боль за разорение русской деревни, варварское отношение к природе, гибель плодородных земель; за родную Ангару, за русскую культуру, и, в частности, русское слово. Нами были отмечены качественные изменения в представлениях современного человека о «доме», отразившиеся в прозе В. Распутина, а также некоторые трансформации представлений, из которых складывается концепт «Родная земля». Приоритетность «Родной земли» в художественной концептосфере писателя подтверждается признанием главного, что сам В. Распутин выбрал в качестве основы для творчества: «Одним я могу быть удовлетворён, оглядываясь на свой литературный путь: всю жизнь я писал любовь к России»⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамчик М. В. 2010: Словарь символов. Минск.
 Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Зорина Е. Е. (ред.) 2002: Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. М.
 Распутин В. Г. 1986: Последний срок; Прощание с Матёрой; Пожар: повести. М.
 Распутин В. Г. 2007: Собр. соч.: в 4 т. Иркутск.
 Распутин В. Г., Кожмяко В. С. (ред.) 2012: Эти 20 убийственных лет. М.
 Степанов Ю. С. 2001: Константы: словарь русской культуры. М.

CONCEPT "NATIVE LAND" IN RASPUTIN'S PROSE OF THE LAST THIRD OF THE XX–XXI CENTURIES AS MATERIAL FOR THE ANTHOLOGY OF LITERARY CONCEPTS

M. L. Bedrikova

The author studies the concept "Native land" in the prose of V. Rasputin of 1970–2000 from existential attitude, identifying possible associative connections of words building an associative field of concept "Native land".

Key words: prose of V. Rasputin in 1970–2000, concept "Native land", associative connections of words

© 2014

Н. Л. Васильев

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ЛЕКСИКОНОВ Н. М. ЯЗЫКОВА И А. И. ПОЛЕЖАЕВА

На основе сравнения поэтических лексиконов Н. М. Языкова и А. И. Полежаева, представленных в словарях данных писателей, делаются выводы о пропорции общего и индивидуального в словниках этих поэтов и их лингвопоэтике, что позволяет квантитативно измерять степень художественной близости авторов.

Ключевые слова: Н. М. Языков, А. И. Полежаев, словарь языка писателя, поэтический лексикон

Н. М. Языков (1803–1847) и А. И. Полежаев (1804?–1838) — поэты-современники. Оба были тесно связаны с университетской средой (первый учился в Дерптском, второй — в Московском университете), что заметно сказалось на их ранних произведениях и отчасти судьбах. Оба воспевали радости разгульной студенческой жизни. Оба поплатились за юношескую вакхическую чувственность: одного ритуальный либерализм студенчества (с германской закваской) довёл до инвалидной коляски, другого — до солдатчины и чахотки. Обоих отличает уникальность лирического самовыражения, успех у читателей своего поколения и причастность к пушкинскому творчеству — с той разницей, что в знаковом 1825 г. Языков подружился с Пушкиным и сотрудничал с ним в написании пародийных «нравоучительных четверостиший», а Полежаев, никогда не встречавшийся с Пушкиным, громко заявил о себе поэмой «Сашка», остроумно перепевавшей первую главу «Евгения Онегина». Оба поэта находились в орбите, с одной стороны, литературного влияния классика; с другой, его собственного внимания к их произведениям, хотя и с разной степенью отголосков в пушкинском творчестве¹. Будучи незнакомы, они, тем не менее, «видели» друг друга в русской поэзии². Примечательно и то, что земляк и близкий друг Языкова А. Н. Татаринов (1810–1862) приходился незаконнорождённому Полежаеву троюродным братом, хотя едва ли подозревал об этом³.

Тем интереснее сравнить лексиконы Языкова и Полежаева, косвенно раскрывающие их художественные миры, элементы поэтики (от словаря до образов и мотивов). Необходимые словарные «инструменты» для такого исследования в распоряжении филологов уже имеются⁴. Методология подобного анализа также апробирована⁵.

⁵ Распутин, Кожмяко 2012, 34.

Васильев Николай Леонидович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

¹ См.: Васильев 1989; 1992, 76–91, 119–121; 2004; 2008; 2013а, 262–336, 355–377; Васильев, Жаткин 2013, 4–9.

² См.: Васильев 1992, 13, 17, 18, 26, 29, 35, 38, 93–94.

³ См.: Васильев 2003а, 9.

⁴ Васильев 2001; Васильев, Жаткин 2013.

⁵ См., например, Бородин, Шайкевич 1981, 717–718; Васильев 1995, 14–21, 25–38; 2003б; 2009; 2012; Васильев, Жаткин 2009а.

В количественном отношении лексики и литературное наследие обоих поэтов вполне соотносительны: Языков использует 9036 словарных единиц с числом употреблений 79130 раз; Полежаев — 8741 единицу употребил 66128 раз⁶. В содержательном плане отличия в творчестве поэтов выглядят существеннее: у Полежаева встречается много переводов из западноевропейских авторов, больше внимания уделено античности, кавказскому колориту, батальным сценам; у Языкова, в свою очередь, немало западноевропейских реалий, древнерусских исторических реконструкций, фольклорных сюжетов, славянофильских аллюзий.

В качестве сопоставительного материала были взяты лексемы и имена собственные на буквы *А* и *Я* (их совокупное число — 285), т.е. выборки, достаточные, на наш взгляд, чтобы сделать предварительные выводы о пропорции общего и индивидуального в лингвопоэтике данных авторов.

Общими для поэтов являются лексемы *а* (союз), *авось*, *автор*, *ад*, *адский*, *алеть*, *алкать*, *аллея*, *алмаз*, *алмазный*, *алтарь*, *алый*, *альбом*, *альфа*, *аминь*, *ан*, *ангел*, *англичанин*, *апостол*, *аппетит*, *ария*, *аромат*, *ароматный*, *архив*, *атеист*, *аул*, *ах*; *я*, *явиться*, *явление*, *являться*, *явный*, *ягодташ*, *яд*, *язык*, *яма*, *янтарный*, *яркий*, *ярко*, *ярмо*, *яростный*, *ярость*, *ярый*, *ясно*, *ясный* (45 слов). Свойственны только Языкову слова *август*, *австриец*, *авторский*, *агава*, *азбука*, *аист*, *академический*, *академия* («место, где выступают философы»), *акация*, *алхимик*, *альпийский*, *амазонский*, *анахорет*, *ангельский*, *ангельски-прекрасный*, *английский*, *англичанка*, *анекдот*, *антидот*, *апрель*, *аптекарь*, *аргамак*, *арендатор*, *аристократ*, *арифметика*, *армейский*, *армия*, *арфа*, *археолог*, *атаман*, *атукать*, *ау*, *аукнуть*, *афинский*; *яблоко*, *яблоня*, *явить*, *ягнёнок*, *язва*, *языческий*, *яко*, *ямб*, *январь*, *ярко-голубой*, *ярко-пурпуровый*, *ярмарка*, *ясмин* («жасмин»), *яснеть*, *ясно-голубой*, *ясность*, *яство*, *ящик* (51 слово). Встречаются лишь у Полежаева *а* (част.), *а* (межд.), *абаз*, *абазинский*, *абракарда* («абракадабра»), *абрис*, *автодафе* («аутодафе»), *автомат*, *ага*, *адвокат*, *адигей* («черкес»), *адов*, *адрес*, *адресовать*, *адьютант*, *азарт*, *азиатка*, *азиятский*, *азийский*, *ай*, *аккорд*, *аккуратно*, *актёр*, *алгебраический*, *алоэ*, *алтын*, *алтынник*, *алчный*, *альвский*, *аманат*, *амбра*, *амуниция*, *амфор* («амфора»), *анапский*, *анархический*, *анархия*, *анафема*, *анафемский*, *англо-кургузый*, *андреевец*, *апелляция*, *арап*, *арба*, *арбуз*, *арена*, *арка*, *аркан*, *армянин*, *армянка*, *ароматический*, *артиллерист*, *артист*, *архангел*, *аршин*, *ассигнация*, *атагинка*, *атеизм*, *атласный*, *атлет*, *атом*, *африканский*, *ахалук* («архалук»), *ахти*; *являть*, *явно*, *ядовитый*, *ядро*, *язвительно*, *язвительный*, *яйцо*, *якобинец*, *якорь*, *якши* («хорошо», тюрк.), *яман* («плохо», тюрк.), *ямской*, *ямщик*, *яростно*, *ясно-тихий*, *ястреб*, *ятаган*, *яхонт*, *ячмень* (83 слова). Если учесть, что суммарное число перечисленных слов составляет 179 единиц, то доля общего в лексиконе поэтов — 25,1 %, свойственного Языкову — 28,5 %, присущего Полежаеву — 46,4 %. Для сравнения: у Тютчева и Полежаева, выпускников Московского университета и почти ровесников, общее по указанным выборкам составляет лишь 20,3 %, а их индивидуальности расходятся более заметно: соответственно 14,2 % и 65,5 %⁷.

На уровне имён собственных, причём общезначимого культурного слоя, фигурирующих в поэзии Языкова и Полежаева, выявляется следующая картина. Общими для обоих авторов являются онимы *Аврора*, *Адам*, *Аий* (др.-рим. божество), *Аквилон*, *Альпы*, *Амур* (миф.), *Анакреон*, *Аполлон*, *Аравия* — всего 9 имён. Свойственны только Языкову *Август* (др.-рим. император), *Актеон*, *Альбертов* (прилаг. от имени основателя ордена меченосцев), *Алексей* (царь Алексей Михайлович), *Альбион*, *Америка*, *Андрей* (рус. князь А. Боголюбский), *Антиона* (миф.), *Апеннины*, *Апокалипсис*, *Арей* (миф.), *Армидин*, *Аруэт* (Вольтер), *Афины*; *Ярослав* (рус. князь), *Ярославов* — 16 имён. Присущи лишь Полежаеву *Абадонна*, *Авденаго*, *Авелев*, *Авраам*, *Авраамов*, *Адамов*, *Адджер*, *Андремелех*, *Акташ-аул*, *Алгамбра*, *Али Янинский*, *Алкоран*, *Алла* (Аллах), *Амуров*, *Англия*, *Анахарсис Клоц* (Ж.-Б. Клоутс), *Аннибал* (Ганнибал), *Антихрист*, *Антоний*, *Анциум*, *Аполлонов*, *Аракс*, *Араксу*, *Ариман*, *Африка*; *Ямай* (марка рома), *Яуза* — 27 имён. Статистически это выглядит так: 17,3 %, 30,8 % и 51,9 %, — т.е. доля общего у поэтов несколько ниже, а разница в пользу оригинальности Полежаева выше.

В числе 10 самых частотных слов у обоих поэтов, как и у большинства других, — *в/во*, *и*, *как*, *мой*, *на*, *не*, *он*, *с/со*, *ты*, *я*. Из 25 самых частотных знаменательных слов у них совпадают лексемы *бог*, *день*, *друг*, *душа*, *жизнь*, *знать*, *любовь*, *милый*, *небо*, *один*, *рука*, *сердце*, *слава* (13 слов), т.е. 52 %. Среди относительно различающихся по речевой активности словарных компонентов их лингвопоэтики у Языкова выделяются концепты *вино*, *дело*, *живой*, *здесь*, *любить*, *мечта*, *один*, *поэт*, *прекрасный*, *сила*, *сон*, *стих*, *теперь*; у Полежаева — *видеть*, *всегда*, *дух*, *земля*, *идти*, *мочь*, *око*, *сказать*, *смерть*, *там*, *царь*, *чело*, *огонь*. Можно заметить, что там, где у Языкова царят весёлые (*вино*, *любить*, *стихи*), сиюминутные (*дело*, *здесь*, *теперь*), вдохновляющие (*живой*, *мечта*, *прекрасный*, *сила*) понятия, у Полежаева — рационально-аскетические (*дух*, *око*, *сказать*, *чело*), потусторонние (*там*) и отчасти демонические (*земля*, *огонь*, *смерть*)...

Таким образом, словари языка поэтов позволяют определить не только количественную разницу в их лексиконах, но и особенности поэтического микрокосма авторов, сравнить их лирические «миры», выявляя это, хотя и несколько формализованно, через инвентарь используемых писателями слов и онимов — как определённых репрезентантов их поэтики и содержательных сторон творчества⁸. В данном случае можно сделать вывод, что, несмотря на наличие отдельных общих черт в художественной палитре Языкова и Полежаева, мотивированных объективными культурными и литературными обстоятельствами, их лексиконы, а следовательно и поэтические устремления, самобытны и в немалой степени отдалены друг от друга.

ЛИТЕРАТУРА

- Бородин В. В., Шайкевич А. Я. 1981 (ред.): Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия / В. А. Мануйлов (ред.). М., 717–774.
 Васильев Н. Л. 1989: Пушкин и Полежаев: «заговор молчания» или...? (К истории взаимоотношений) // Поэзия А. И. Полежаева / С. С. Конкин (ред.). Саранск, 40–69.
 Васильев Н. Л. 1992: А. И. Полежаев и русская литература. Саранск.
 Васильев Н. Л. 1993: К спорам вокруг поэмы А. И. Полежаева «Сашка» // Восхождение: лит.-худ. сб. / В. С. Ионова, Н. М. Мирская (сост.). Саранск, 294–306.

⁶ См.: Васильев 2001, 16–17; Васильев, Жаткин 2013, 16.

⁷ См.: Васильев 2001, 2013б; Голованевский 2009.

⁸ См. также: Васильев 2013в.

- Васильев Н.Л.* 1995: А.И. Полежаев в истории русского литературного языка: Программа, методические рекомендации и материалы к спецкурсу. Саранск.
- Васильев Н.Л.* 2001: Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск.
- Васильев Н.Л.* 2003а: Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. Саранск.
- Васильев Н.Л.* 2003б: Словари языка писателей как источник изучения поэтики русской литературы XIX века // Проблемы изучения лирики в школе / С.Н. Пяткин (сост.). Арзамас, 152–162.
- Васильев Н.Л.* 2004: А.С. Пушкин и Струйские: три луны русской поэзии в творческом сознании классика // Болдинские чтения / Н.М. Фортунатов (ред.). Н. Новгород, 127–135.
- Васильев Н.Л.* 2008: А.С. Пушкин и А.И. Полежаев: диалог судеб и творчества // Пушкин и мировая культура: материалы VIII Междунар. науч. конф. / С.Н. Пяткин (ред.). СПб.; Арзамас; Б. Болдино, 150–164.
- Васильев Н.Л.* 2009: Творческое содружество А.С. Пушкина и А.А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов // Пушкин и мировая культура: материалы III Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / В.Д. Старичонок и др. (ред.). Ч. 1. Минск, 126–130.
- Васильев Н.Л.* 2012: Поэтические идиолекты А.С. Пушкина, А.И. Полежаева и М.Ю. Лермонтова: лексические стыковки и расхождения // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе / О.А. Старовойтова (ред.). СПб., 276–280.
- Васильев Н.Л.* 2013а: О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники. Саранск.
- Васильев Н.Л.* 2013б: Опыт сравнения поэтических лексиконов Ф.И. Тютчева и А.И. Полежаева // Тютчев — русская поэтическая и политическая языковая личность: материалы междунар. науч. заоч. конф., посвящ. 210-летию со дня рождения поэта, политика, дипломата / А.В. Антохов (ред.). Брянск, 193–196.
- Васильев Н.Л.* 2013в: Словарь поэтического языка Н.П. Огарёва. Саранск.
- Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* 2009а: О проекте «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2, 841–845.
- Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* 2009б: Словарь языка А.А. Дельвига. М.
- Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* 2013: Словарь Н.М. Языкова. М.
- Голованевский А.Л.* 2009: Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск.

COMPARISON EXPERIENCE OF POETIC LEXICONS IN N. M. YAZYKOV AND A. I. POLEZHAYEV

N. L. Vasilyev

On the basis of comparison of poetic lexicons in N. M. Yazykov and A. I. Polezhaev, presented in the vocabularies of the writers, the conclusions about the proportion of common and individual in lexicons of these poets and their poetics are drawn, and it allows measuring quantitatively a degree of literary affinity of those authors.

Key words: N. M. Yazykov, A. I. Polezhaev, writer's language vocabulary, a poetic lexicon

© 2014

Е. В. Гаева

О СЛОВАРЕ РЕДКИХ СЛОВ ПО ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ
П. Д. БОБОРЫКИНА, Н. С. ЛЕСКОВА, Б. М. МАРКЕВИЧА

В статье рассматриваются принципы формирования словаря «Гости из прошлого» и особенности структуры словарной статьи.

Ключевые слова: авторский словарь, редкая лексика, П. Д. Боборыкин, Н. С. Лесков, Б. М. Маркевич

В 2014 г. в серии «Библиотека словарей Инфра-М» вышли в электронном варианте все три тома нашего словаря «Гости из прошлого: Словарь редких слов». Несмотря на то, что имеется подзаголовок «Словарь редких слов», в издании также представлены редко встречающиеся фразеологизмы, а также редкие значения и орфографические варианты известных лексических единиц.

Словарь создан на базе художественных произведений П. Д. Боборыкина, Н. С. Лескова, Б. М. Маркевича. В общей сложности в нём представлен материал из 187 художественных произведений абсолютно разноплановых (по характеру жизни, по степени образованности, по особенностям стиля) писателей. Но именно эта разноплановость помогла в процессе работы над словарём избежать абсолютизации некоторых языковых черт стиля отдельных авторов.

Главные особенности нашего словаря:

1) толкования лексем даны преимущественно по дореволюционным словарям, максимально приближённым ко времени создания художественных произведений. Основная причина коренится в том, что при описании лексики определённого периода (в нашем случае — второй половины XIX в.) нельзя использовать словари более позднего времени. Особенно это замечание относится к дореволюционной эпохе, поскольку после 1917 г. изменилась государственная система, что, естественно, нашло своё отражение в лексике. Обращение к словарям XX–XXI вв. при характеристике словарного материала XIX в. привело бы к искажению объективной картины;

2) в основу словаря «Гости из прошлого» легла картотека, которая создана преимущественно на базе прижизненных собраний сочинений¹. Прижизненными являются оба собрания сочинений П. Д. Боборыкина, собрание сочинений Н. С. Ле-

Гаева Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета. E-mail: antiq@rambler.ru

скова и отдельные публикации некоторых лесковских произведений. Собрание сочинений Б. М. Маркевича, послужившее источником для нашего словаря, вышло через год после смерти автора, поэтому применительно к сочинениям Б. М. Маркевича говорить о полной корректности текстов авторскому замыслу, к сожалению, не приходится.

Обращение к прижизненным изданиям позволило:

- а) избежать ошибок в цитатах и их толкованиях, которые нами зафиксированы в опубликованных толковых словарях²;
- б) избежать последствий посмертной правки в современных изданиях Н. С. Лескова (произведения П. Д. Боборыкина в советское и постсоветское время публиковались очень ограниченно, а произведения Б. М. Маркевича не издавались вообще)³;
- в) выявить следы дореволюционной орфографии в современных изданиях Н. С. Лескова, а также поднять вопрос о сохранении дореволюционных опечаток в современных изданиях Н. С. Лескова⁴.

Отбор единиц в наш словарь был проведён по формальному критерию: выбирались только те слова, значения слов, орфографические варианты и устойчивые выражения, которые отсутствуют в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (1985–1988).

Однако, несмотря на фиксацию слова в вышеназванном словаре, единица включалась в состав нашего словаря, 1) если в словарной статье отсутствует иллюстративный материал (цитата); 2) если в словарной статье иллюстративный материал взят только из произведений Н. С. Лескова или П. Д. Боборыкина (произведения Б. М. Маркевича в советский период нашими лексикографами не цитировались).

Надо сказать, что у формального способа отбора словарного материала есть существенный недостаток: наряду с действительно непонятными словами и выражениями в нашем словаре оказались и хорошо известные (чаще всего иностранные) термины, и некоторые иные лексемы, например: *азалия*, *антология*, *аорист*, *апокалипсис*, *апологет*, *апоплексия*, *апостол*, *апостроф* и т. п. И всё же мы жёстко придерживались рамок отбора. В результате корпус словаря содержит около 17 000 единиц.

Расположение слов в словаре «Гости из прошлого» строго алфавитное. Сначала мы попытались применить полугнездовой способ. Однако в некоторых случаях оказалось просто невозможным определить инвариант. Например, столярные термины *зынцубель* и *зензубель* в «Словаре русского языка» 1907 г. описаны как равноправные. Такие же проблемы возникают при описании диалектных слов, где просто не может быть «главного» варианта.

Рассмотрим далее структуру словарной статьи.

Заголовочное слово подаётся стандартно (в начальной форме), только причастия и деепричастия присутствуют обычно в иллюстративном материале к глаголу как его формы. Иногда в роли заголовочного слова можно встретить *лузи* (мн. ч. от *луг*), *прузи* (мн. ч. от *пруг* — ‘саранча’), *оце* (дв. ч. от *око*) и под. Обычно это формы, отсылающие читателя к нужной словарной статье. В данном случае мы вынуждены учитывать потребности читателя: ведь в тексте он увидит не *луг*, *пруг*, *око*, а именно *лузи*, *прузи*, *оце разоце*.

В корпусе словаря в качестве заголовочных можно также найти слова или элементы слов, выделенные с одной или с двух сторон дефисами, например: **-АДЬЮТА́НТ**, **-ДЕ-**. Сделано это было по совету Л. Л. Шестаковой, профессионально занимающейся изучением авторской лексикографии. Подобные написания указывают, что данные единицы не являются самостоятельными, а входят в состав других слов, где есть дефисное написание: «**-АДЬЮТА́НТ**. См. *Генерал-адъютант*. *Плац-адъютант*. *Флигель-адъютант*»⁵. «**-ДЕ-**. См. *Бле-де-прюссовый*. *О-де-колон*. *Поль-де-Кокковский*. *Сержан-де-вилль*. *Филь-де-пом*. *Фэн-де-сьекль*»⁶. Это позволяет довольно быстро найти несколько случаев употребления, например, французского предлога *de* в русской графике.

У заголовочного слова знак ударения может отсутствовать. Иногда ударение указывают сами авторы. Ставя знак ударения, мы ориентировались на словари⁷ или на язык-источник. В отдельных случаях не удалось установить место ударения: у слов *шакец-а-гу*, *шершак*, *шикшинетневый*, *штритеровская*, *штрифы*, *штрихнуться*, *шурле-мурле* и др. Такие слова в нашем словаре не имеют знака ударения.

Сразу после грамматической характеристики заголовочной единицы, если необходимо, помещается этимологическая справка, ибо она нередко позволяет понять особенности русского написания и произношения: «**АДОРАТЁ́Р**, -а, м. [Франц. *adrateur*] [...]»⁸; «**АДОРА́ТОР**, -а, м. [Лат. *adorator*] [...]»⁹.

После грамматической характеристики заголовочного слова или, если есть, после этимологической справки находится толкование, которое нередко сопровождается сокращённым указанием¹⁰, из какого словаря оно почерпнуто: «**КАВÉНТ**, -а, м. [Нем. *Kavent*]. *Поручитель (Ал.)* [...]»¹¹; «**КАВЕРЗЛИВЫ́Й**, -ая, -ое. *Обильный, богатый каверзами (САН)* [...]»¹².

В некоторых случаях после указания на конкретный словарь имеется ещё название словарной статьи: «**НАДÉТЬ ШЛЯ́ПУ**. [Надéтъ шляпу]. *Заставить кого-либо со стыдом замолчать (Д. «Надеть шапку»)* [...]»¹³. Такое возможно только в том случае, если частично не совпадают заголовочные слова/фразы в нашем словаре и словаре-источнике.

¹ Боборыкин 1884–1887; Боборыкин 1897; Лесков 1889–1890; Лесков 1893; Маркевич 1885.

² Гаева 2009, 618–622.

³ Гаева 2012, 19–24.

⁴ Гаева 2010, 67–85; 2013, 69–72, 103.

⁵ Гаева 2014, 1, 38.

⁶ Гаева 2014, 1, 410.

⁷ Далеко не во всех словарях дореволюционного периода присутствует данный диакритический знак.

⁸ Гаева 2014, 1, 37.

⁹ Гаева 2014, 1, 37.

¹⁰ Расшифровка всех сокращений находится в: Гаева 2014, 1, 8–25.

¹¹ Гаева 2014, 2, 7.

¹² Гаева 2014, 2, 7.

¹³ Гаева 2014, 2, 321.

Если перед сокращённым названием словаря есть предлог «ПО», то он сигнализирует, что отсылка на словарь приближительна. Эта помета указывает на тот словарь, толкование из которого послужило толчком для создания нашего собственного пояснения.

Иногда ссылка на словарь предшествует толкованию. Это свидетельствует о том, что в словаре-источнике лексема зафиксирована, но толкование там отсутствует.

В некоторых случаях толкования даются с опорой на несколько источников. Обычно это происходит тогда, 1) когда одно толкование дополняет другое; 2) когда толкования противоречат друг другу, но оба могут быть использованы в контексте.

В толковании ссылка на источник отсутствует вообще, если ни в одном из нами привлечённых словарей не встретилось рассматриваемое слово и толкование полностью написано нами. Оговоримся, что ссылка на источник после толкования часто отсутствует и в заимствованных словах, поскольку наличие этимологической справки уже указывает, словарь какого языка подсказал содержание русского толкования: «КАДАВЕР, -а, м. [Франц. cadavre; англ. cadaver]. Труп [...]»¹⁴.

В словаре есть слова и выражения, значения которых не удалось объяснить (*зр., каксы, левкарь, металец, ослиный воротничок* и под.). В общей сложности в корпусе словаря около 400 таких единиц. Считаем, что помещать в авторские словари подобные единицы необходимо, ибо это позволит другим исследователям обратить на них внимание и предложить свои версии толкований.

Цитатный материал — центр словарной статьи. В отличие от классических словарей, с целью максимального сохранения авторского источника цитатный материал в нашем словаре набран прямым шрифтом с переходом на курсив там, где изначально было авторское выделение — курсив или разреженный шрифт.

Словарная статья набрана двумя основными шрифтами — Times New Roman и Arial, что позволило зрительно отделить один раздел словарной статьи от другого: «КАРБОВАНЕЦ, -нца, м. [Укр. карбованец, польск. karbowaniec; от карбовать, karbować — нарезать (имеются в виду нарезки на ребре монеты)]. 1. Серебряный рубль (САН). Золотая монета или серебряный рубль в Польше и Малороссии (Гавкин). — А самы вы до конторы пришли, давай, кажите, пивдесят карбованиц (рублей)... (М-14, ч. 2, XXXVII, 340). [...]»¹⁵.

Если в словарной статье имеется несколько цитат, то они располагаются в хронологическом порядке. Такое хронологическое расположение материала сделано в расчёте на лексикологов, занимающихся историей функционирования лексем.

После каждой цитаты имеется сокращённое библиографическое описание, например: (М-14, ч. 2, XXXVII, 340), позволяющее с помощью списка сокращений¹⁶ найти даже нужную страницу в источнике.

В конце словарной статьи с красной строки после стрелки (→) даются стилистические пометы и обязательно со ссылкой на тот словарь, который предложил данные пометы. От собственных стилистических помет мы старались воздерживаться, чтобы не навязывать своё мнение читателю.

В заключение отметим, что словарь, аккумулирующий редкую лексику и фразеологию произведений П. Д. Боборыкина, Н. С. Лескова, Б. М. Маркевича, не только характеризует особенности языка данных авторов, но одновременно предоставляет материал для изучения лексических особенностей русского литературного языка второй половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Боборыкин П. Д. 1884–1887. Соч.: в 12 т. СПб.; М.
 Боборыкин П. Д. 1897. Собрание романов, повестей и рассказов: в 12 т. СПб.
 Гаева Е. В. 2009. Насколько корректны толковые словари русского языка? // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2 (24), 618–622.
 Гаева Е. В. 2010. Недоблуды и переблуды // Лесковиана / Д. В. Неустроев (ред.). Т. 3. Орёл, 67–85.
 Гаева Е. В. 2012. Посмертная правка произведений Н. С. Лескова // Филологические знания на современном этапе / И. А. Шушарина (ред.). Курган, 19–24.
 Гаева Е. В. 2013. Вариативные написания в современных изданиях Н. Лескова // Русский язык в школе. 7, 69–72, 103.
 Гаева Е. В. 2014. Гости из прошлого: словарь редких слов: в 3 т. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.znaniium.com/>.
 Евгеньева А. П. (ред.) 1985–1988: Словарь русского языка: в 4 т. М.
 Лесков Н. С. 1889–1890. Собр. соч.: в 10 т. СПб.
 Лесков Н. С. 1893. Собр. соч.: в 10 т. Т. 11 (доп.). СПб.
 Маркевич Б. М. 1885. Полное собр. соч.: в 11 т. СПб.
 Шахматов А. А. (ред.) 1907. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. II, вып. 9. СПб.

ON RARE WORDS' DICTIONARY IN WORKS OF P. D. BOBORYKIN, N. S. LESKOV, B. M. MARKEVICH

E. V. Gayeva

The article considers the principles of the vocabulary «The guests from the past» and features of the structure of the dictionary entry.

Key words: author's dictionary, a rare vocabulary, Peter Boborykin, Nikolai Leskov, Boleslav Markevich

¹⁴ Гаева 2014, 2, 8.

¹⁵ Гаева 2014, 2, 34.

¹⁶ Расшифровка всех сокращений находится в: Гаева 2014, 1, 8–25.

© 2014

Ю. Г. Гладких, А. А. Осипова

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ», «СМЕРТЬ» И «ВРЕМЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В. П. АСТАФЬЕВА (к проблеме отбора материала для словаря ключевых концептов писателя)

Ключевые концепты в творчестве В. П. Астафьева целесообразно рассматривать в их взаимосвязи, так как это помогает воссоздать целостную художественную картину мира писателя.

Ключевые слова: В. П. Астафьев, художественная картина мира, концепт

Изучение концептов, существующих не только в языковой, но и в художественной картине мира (ХКМ), в настоящее время остаётся актуальным. Исследование ХКМ выдающихся писателей всегда является неисчерпаемым источником познания и осмысления как картины мира отдельного народа, так и творческой позиции личности¹. Особое внимание к анализу художественных картин мира оправданно, ибо индивидуализированная речь более подвижна и в силу этого более отзывчива к изменениям и в языковой, и в социально-культурной среде. «Изучение авторизованных текстов позволяет увидеть материал в ином ракурсе, предоставляя базу для сравнительного анализа общенациональной и индивидуальной составляющих концепта»². Уже существуют словари концептов отдельных писателей³. Мы в свою очередь ведём работу по подготовке словаря ключевых концептов как фрагментов художественной картины мира В. П. Астафьева.

Выбор в качестве источника исследования творчества В. П. Астафьева не случаен. В. П. Астафьев, по общепринятому мнению, стал виднейшим представителем той прозы, которую долгое время условно именовали «деревенской». Произведения В. П. Астафьева, ставшие классическими, реалистичны и по методу, и по стилю. Критики отмечали народность как одну из основных черт писателя и его творчества: «Народность Виктора Астафьева — в нём самом, его судьбе, в его родословной, в его речах — и только после этого — в его книгах <...> Виктор Астафьев самобытен и в своих суждениях, в своих привычках, без какого-л. стереотипа, столь излюбленного в наши времена»⁴.

Концепт не автономный феномен: он существует на фоне других концептов и в теснейшей, по преимуществу ассоциативной связи с ними. Ассоциативный характер связи между концептами предполагает, что концепты могут иметь зоны наложений-включений, а совокупность концептов образует авторскую картину мира, частным проявлением которой является ХКМ писателя, подчиняющаяся общей эстетической задаче автора текста, соотносящаяся с концепцией текста и отражающая авторский способ видения мира.

Если исследователь планирует изучать картину мира писателя или её фрагмент как дискретную единицу недискретной сущности, то плодотворным видится анализ связанных друг с другом концептов. Именно такую логику мы стараемся соблюдать в своих работах⁵, чтобы планируемый нами словарь был наиболее адекватен исследуемому материалу.

Идея данной статьи была связана с научной проблемой, суть которой сводится к следующему. Доступом к концептам как ментальным единицам служат языковые средства. Концепт «Жизнь», естественно, является основополагающим у В. П. Астафьева. Не случайно вложенный в уста одного из героев «Последнего поклона» — дяди Левонтия — вопрос «Что такое жисть?!» «мучил всю жизнь самого Виктора Астафьева — писателя, всегда погружённого в поиски смысла человеческого бытия...»⁶. Данный концепт объёмен, многопланов (от философской категории до образа жизни отдельного человека). Рассматривая концепт «Жизнь» в тесной связи с полярным концептом «Смерть», мы сознательно ограничили его рамки: анализировали только те единицы, которые представляют жизнь как особую форму существования всего живого от зарождения до смерти.

Концепт-антоним «Смерть» не менее значим в произведениях В. П. Астафьева. И если в раннем творчестве писателя тема смерти не всегда выходит на передний план, в произведениях позднего периода (с середины 1980-х гг.) она почти везде является сопутствующей основному повествованию, а в военной прозе 1990-х гг. становится ведущей.

Противопоставление жизни и смерти выступает в качестве наиболее фундаментального в культуре, к нему сводятся все другие противопоставления. В творчестве В. П. Астафьева эти явления не только противопоставляются, они оказываются тесно связанными друг с другом, и смерть предстаёт как нечто, уводящее из мира земного, временного, в мир вечный, разрушающее одно и водворяющее на его место другое. Без смерти невозможна жизнь, а жизнь неотделима от смерти. Наряду с таким, диалектическим, пониманием смерти сам В. П. Астафьев в то же время ненавидит противоестественную, преждевременную смерть во всех её проявлениях.

При изучении средств и способов вербализации концептов «Жизнь» и «Смерть» мы столкнулись с проблемой отбора материала. Так, для концепта «Смерть» единицы ядерной и околоядерной частей поля вербализаторов (ПВ) концепта выделялись относительно легко: это слова и фразеологизмы, так или иначе содержащие в своём значении сему 'прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия' (например, *конец, мёртвый, околоть, отойти, убивать/убить*,

Гладких Юлия Германовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и гуманитарных дисциплин Пермского института экономики и финансов. E-mail: gluger127@yandex.ru

Осипова Александра Анатольевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: osashenka@yandex.ru

¹ См. Анохина 2004; Халитова 2000.

² Богатова 2004, 3.

³ См., например: Концептосфера А. П. Чехова 2009; Корольков 2007; Художественная концептосфера в произведениях русских писателей и др.

⁴ Смолин 2007, 12.

⁵ См. Гладких 2011; Гладких, Осипова 2011; Осипова 2012; Гладких 2014.

⁶ Ростовцев 2009, 35.

умирать/умереть; геенна огненная, пушечное мясо, тот свет, Царство небесное и др.). «Русский семантический словарь» (РСС) в статье дескриптора «Смерть» объединяет 41 слово, структура лексического значения которых включает некоторые из 9-ти базовых семантических множителей (СМ) (*гиб-, нежиз-, организм-, прекра-, распа-, смерт-, уби-, умер-, уничт-*). Нужно отметить, что самым эффективным, по данным РСС, стал СМ, отражающий смерть как неестественный процесс. Идея неестественной смерти отражается в более разнообразном списке лексем, что косвенно можно объяснить превалированием в русском языке единиц, содержащих пейоративную оценку. Единицы, вошедшие в состав дескриптора, образуют, в свою очередь, более частные объединения — семантические микрополя в составе рассматриваемого семантического поля («способ смерти»), «следствие», «состояние», «эмоции»), которые позволяют реконструировать концепт «Смерть» в лексико-системном варианте его представления.

Ядерное же значение концепта «Жизнь», выведенное нами на основе анализа данных различных словарей, неоднородно: «особая форма существования всего живого от зарождения до смерти, состояние бытия». Относительно чётко квалифицируются как коррелятивные с концептом «Жизнь» лексемы с корнем *жиз-*, входящие в одно словообразовательное гнездо: *живой, жить, жизнь, жизненный* и др., хотя в том же «Русском семантическом словаре», где, по словам авторов, сделана попытка получения информации о лексическом окружении любой единицы, имеется только одна интересующая нас статья дескриптора — «Существование»⁷. В этой статье объединено 98 слов, структура лексического значения которых включает некоторые из 12-ти базовых СМ (*бы-, быти-, действит-, жи-, животн-, налич-, особ-, поддерж-, реал-, суц-, существ-, чел-*). Самым продуктивным среди них является СМ *чел-*, т.к. он объединяет в дескрипторной статье наибольшее количество лексем (37). Необходимо отметить, что в статью дескриптора «Существование» входит слово *жизнь*, и составители словаря указывают, что оно имеет 19 своих СМ. Однако в РСС отсутствует статья дескриптора «Жизнь» (как, впрочем, и статья дескриптора «Жить»). Думается, что этот факт — серьёзное упущение составителей Словаря, ведь данные, полученные при помощи автоматизированных систем анализа информации и применённые лексикографами, помогли бы выявить ряд слов, семантика которых имеет общие точки соприкосновения с семантикой абстрактного существительного *жизнь*, в которой отражён ментальный мир человека, мир его мыслей и чувств, мир его представлений о состоянии окружающей природы, общества и самого себя.

ПВ концептов «Жизнь» и «Смерть» может конституироваться словами с другими корнями, например, единицами, вербализующими концепт «Время». Н. В. Меркулова (Позднякова) отмечает, что «характеристика времени является неотъемлемой, незаменимой частью языковой картины мира всего человечества на протяжении всего периода его существования»⁸. В пользу этой точки зрения можно привести следующие аргументы. Для В. П. Астафьева, как, впрочем, и для многих носителей языка, основное значение слова *жизнь*, фиксируемое словарём С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, в силу высокой степени абстрактности, а также естественнонаучного и философского характера является неактуальным, ср.: «1. Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи»⁹. Но уже в следующих значениях имплицитно или эксплицитно начинаются проявляться временные (темпоральные) представления: «2. Физиологическое существование всего человека, животного, всего живого» — физиологическое бытие и осмысляется как пребывание в мире в течение какого-л. времени, в то время как бытие духа коррелирует с вечностью; «3. Время такого существования от его возникновения до конца, а также в какой-л. период» — жизнь как существование, ограниченное началом и концом. Зафиксированные словарём лексико-семантические варианты слова *жизнь* как имени поля позволяют увидеть, что жизнь осмысляется во временных категориях. Поэтому мы считаем, что единицы, вербализующие концепт «Время», являются одновременно единицами, репрезентирующими концепты «Жизнь» и «Смерть».

В качестве вербализаторов указанных концептов в текстах В. П. Астафьева выступают темпоральные единицы, которые распределяются по 4-м смысловым зонам в концепте «Время»: «Циклическое время», «Линейное время», «Перво время» и «Древнее, вечное». В данной статье мы остановимся только на первых двух смысловых зонах.

Итак, в группу темпоральной лексики в качестве вербализаторов концепта «Жизнь» в первую очередь входят единицы с семантикой циклического времени — как стадий жизни природы. Это номинации повторяющихся по кругу, замкнутых в циклы событий внешней среды (сезонные, годовые, суточные ритмы). Представление времени в виде происходящих в определённые моменты событий жизни природы и мира, через факты погодной, трудовой сферы, через жизнь птиц и животных, трав и земли традиционно для народной речи активно используется для выражения эмоционально-ценностного отношения человека к жизни и природе. Система счёта, замера времени по замкнутому кругу известных, раз и навсегда данных событий (категория циклического времени) до сих пор применяется для регуляции человеком своей деятельности, прогнозирования им будущего. Именно этой категорией активно оперируют сознание обыденное и сознание художественное. Например, у В. П. Астафьева к таким единицам относятся слова, называющие времена года и суточного цикла — *весна, лето, предосень, осень, предзимье, зима, веснусь* (диал.), *утро, день, вечер, ночь, сумерки* и др.; их производные *зимний, зимовать, зимование*; перифразы *зимняя пора, после зимы, до зимних заметей, до первого листа*; стёршиеся и обновлённые метафоры *бабье лето; на исходе лета, лето ушло за середину, на самом взлёте утра*; хрононимы *Вербное воскресенье* (Затеси. Вербное воскресенье, т. 7, 462¹⁰), *после сретенских морозов* (Затеси. Серёжки, т. 7, 22), *Прощёный день* (Затеси. Кладбище, т. 7, 57), *Троица* (Затеси. Родные берёзы, т. 7, 18), *до Рождества; впереди были рождественские праздники...* (Прокляты и убиты, т. 10, 69) и др. Здесь В. П. Астафьев опирается на народную традицию, в которой жизнь человека подчинена природному, вегетативному и производственному циклу. В циклическом времени весна ассоциируется с пробуждением жизни, её соков, с максимальной активностью, лето — с плодородием, осень — с увяданием, зима — со смертью, но смертью временной: ей на смену придёт возрождение.

Например, весна представлена у В. П. Астафьева как наиболее активный этап в жизни природы: *Покою тоже нет и не будет его до первого листа. Всё живёт, радуется и озорует в бездомовье лесном, наслаждаясь вольностью, разбродом, предчувствием любви* (Затеси. Он живой!, т. 7, 327). Неслучайно в данном контексте переплетаются единицы с темпоральной

⁷ РСС 1983, 481.

⁸ Меркулова (Позднякова) 2006.

⁹ Ожегов, Шведова 1996, 190.

¹⁰ Здесь и далее цитируется по изданию: Астафьев 1–15, 1997–1998.

семантикой (*до первого листа*) и с собственно экзистенциальной семантикой (*живёт*). Весна вообще выступает у В. П. Астафьева в роли субъекта, дающего жизнь кому-л., служит символом обновления и расцвета всего живого: *Мир и весна царили над заснувшим вороновским краем, и весна пыталась отогреть, пробудить его от скучной спячки, населить скотами, птицами и всякой живой тварью, цветом, травой, семенем* (Слепой рыбак, т. 9, 231); ... *война временна, поле вечно, и во вражьем стане, на чужой стороне оно отпразднует весну нежными всходами хлебов* (Прокляты и убиты, т. 10, 234). Роль весны как дающей начало жизни подчёркивается в авторском сложном слове *веснотворение*: *По всему столу, на бумагах, на чернильнице, на окне лежит, светится цветочная пыльца, а серёжки, отдав себя грядущему празднику веснотворения, как-то опустошённо обвиснут, свернутся и упадут отгорелыми папиросными бумажками* (Затеси. Серёжки, т. 7, 22). Интересно, что в последнем контексте чётко прослеживается связь концептов «Жизнь» и «Смерть»: веточка ольхи порождает листья, которые будут жить всё лето, ради этого сначала происходит цветение-«обсеменение», далее цвет опадает-умирает, превращаясь в «прах, бесплотную пыльцу», и ожидается рождение листа. Нарушается существующая логическая связь (жизнь → смерть): в данном случае жизнь способна появиться только через смерть как обязательный этап эволюции. Использование слов типа *веснотворение* «даёт В. П. Астафьеву возможность указывать не только на бытийность, но одновременно на динамичность, нестатичность постоянных явлений этого мира, что, в свою очередь, свидетельствует о недискретном восприятии мира писателем, о способности писателя видеть множественное в едином»¹¹.

В традиционной культуре, на которую ориентируется В. П. Астафьев, разновременные циклы жизни природы, а также время жизни человека оказываются изоморфными по отношению друг к другу: весна как время пробуждения и активности жизни соотносится с утром и рождением человека, лето — с днём и зрелостью человека, осень — с вечером и старостью, зима как «межевое» время — с ночью и смертью человека. Следовательно, темпоральные единицы с семантикой линейного времени (в данном случае жизнь осмысливается как имеющая начало и конец, линейно развивающаяся в одном направлении) «вписываются» в концепцию циклического времени, что проявляется в астафьевских метафорах, когда время жизни в природе осмыслено через время жизни человека. Например, уподобление *лес — ребёнок-младенец* мотивировано, скорее, развёртыванием слова *пелена* (*тумана*) и подчёркивает мысль В. П. Астафьева о беззащитности природы, о гармоничной устроенности природного мира: *В вечере, уже спеленавшем лес <...> таилась близкая мне радость пробуждения* (Затеси. Он живой!, т. 7, 326).

Аналогия *вечер — дед* связана с традиционным соотношением старости с вечером (вечер жизни): *Вечер казался Галке дедом, тихим, бородатым и молчаливым, он курил трубку за горой, и оттого небо было там красное. Он шевелил бородой, почёсывался, и оттого колыхались тени скал в воде и шелестел осинник по горам <...> Дед дышал ноздрями распадков — и на реку медленно наползали лёгкие полосы тумана* (Затеси. Песнопевница, т. 7, 84). Метафора в тексте приобретает расширительное значение — с её помощью не только передаётся идея времени, но и живописуется состояние вечерней природы.

Уподобление осени (осенней тундры) вдове мотивируется общей идеей «женскости» природы и подчёркивает нерастраченность, бесполезность жизненных сил северной земли, увядание в природе соотносится с увяданием человеческой жизни: *Сразу во всей красе увядания расстелилась понизу осенняя смиренная тундра, всегда мне напоминающая молодую солдатскую вдову, только-только вкушавшую ласкового любовного тепла, радости цветения, порой даже и не отплодоносила, вынужденную увядать, прощаться с добрым теплом и ласковым летом* (Затеси. Кетский сон, т. 7, 526). С помощью этих метафор, чьей основой является соотношение временных циклов с временем жизни человека, передаётся идея включённости человека в природный временной цикл.

Таким образом, рассмотрение ключевых концептов с позиций их взаимосвязанности помогает моделировать целостную художественную картину мира писателя. Как показывает анализ, лексика времяобозначения не только выражает временные представления (репрезентирует концепт «Время»), но и становится средством вербализации концептов «Жизнь» и «Смерть». В первую очередь, это касается единиц с семантикой циклического и линейного времени, через которые жизнь мира описывается как чередование разных стадий (рождение, активность, увядание), в эту же логику вписывается жизнь и смерть человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохина С. А. 2004: Концепт «Развитие» в русской языковой картине мира и особенности его вербализации в творчестве В. Г. Распутина 1994–2003 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск.
- Астафьев В. П. 1997–1998: Собр. соч.: в 15 т. Красноярск.
- Бобкова (Гладких) Ю. Г. 2009: Веснотворение и благоговение: грамматическая и лексическая семантика сложных слов в текстах В. П. Астафьева // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха» / А. М. Ковалёва (отв. ред.). Красноярск, 235–241.
- Богатова С. М. 2004: Концепт «Дом» как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: дис. ... канд. филол. наук. Омск.
- Гладких Ю. Г., Осипова А. А. 2011: Отражение связей между концептами в словаре концептосферы В. П. Астафьева (на примере концептов «Смерть» и «Вода») // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 3 (33). 725–730.
- Гладких Ю. Г. 2011: Цвет и вода у Виктора Астафьева // Строгановские чтения-IV: Умозрение в красках: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1 / И. А. Подюков, Н. С. Бочкарёва (науч. ред.) Усолье. 75–77.
- Гладких Ю. Г. 2014: *Не-данное и данное* в художественном тексте: Фрагменты картины мира и идиостиль В. П. Астафьева: монография. Пермь.
- Концептосфера А. П. Чехова 2009: сборник статей. Ростов-на-Дону.
- Корольков А. В. 2007: Женщины, счастье, любовь глазами русских писателей и поэтов: словарь афористических концептов. М.
- Меркулова (Позднякова) Н. В. 2006: Вербализаторы концептов «Время» и «Мятеж» в следственном деле Емельяна Пугачёва как материал для воссоздания языковой личности последней трети XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1996: Толковый словарь русского языка. М.
- Осипова А. А. 2012: Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В. П. Астафьева: монография. М.
- Ростовцев Ю. А. 2009: Виктор Астафьев. М. (Сер. «ЖЗЛ».)
- РСС 1983: Русский семантический словарь / Ю. Н. Караулов, В. И. Молчанов, В. А. Афанасьев, Н. В. Михалёв (сост.); С. Г. Бархударов (ред.). М.

¹¹ Бобкова (Гладких) 2009, 237.

Смолин А. П. 2007: В потоке времени (писатель Виктор Астафьев в литературной Вологде 1970-х гг.) // Вологодские затеси Виктора Астафьева: материалы к творческой биографии писателя / С. А. Тихомиров (гл. ред.). Вологда, 6–76.

Фразеологический словарь старославянского языка 2011: свыше 500 ед. / С. Г. Шулежкова, М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова, А. Н. Михин [и др.] (сост.); С. Г. Шулежкова (отв. ред.). М.

Халитова Н. Р. 2000: Лексико-семантическое поле «Жители страны ГУЛАГ» в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова (особенности структурно-семантической организации): дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск.

Художественная концептосфера в произведениях русских писателей 2008: сб. науч. ст. Магнитогорск.

Чернова О. Е. 2004: Концепт «труд» как объект идеологизации: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.

CORRELATION OF THE CONCEPTS “LIFE”, “DEATH” AND “TIME” IN THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD OF V.P.ASTAFYEV

(to the problem of selection the material for the key concepts' dictionary)

Y. G. Gladkikh, A. A. Osipova

Key concepts in V.P.Astafyev's creative work is worth distinguishing in correlation because it helps reconstruct the holistic artistic picture of the writer's world.

Key words: V. P. Astafyev, artistic picture of the world, concept

© 2014

Н. В. Кудрина

ФРАЗЕОЛОГИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ А. АХМАТОВОЙ КАК ОБЪЕКТ ФРАЗЕОГРАФИИ

Фразеология Анны Ахматовой отражена в современных словарях недостаточно полно. Автор статьи подготовил материал для словаря фразеологизмов, функционирующих в лирике Ахматовой, что позволит отразить особенности авторского фразеопотребления.

Ключевые слова: фразеологизм, поэтический фразеологизм, фразеологический словарь, язык поэзии

А. А. Ахматова — одна из наиболее ярких представительниц русской литературы XX в. Она создала уникальную лирическую систему, и фразеологические единицы (ФЕ) являются важным стилиобразующим фактором в создании её индивидуального поэтического языка, занимают особое место в образной системе поэтессы.

ФЕ имеют особый эстетический и культурно-исторический смысл, обладают богатейшими возможностями в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к явлениям окружающей действительности, а потому заслуживают особого внимания фразеографов, описывающих поэтическую речь.

ФЕ, функционирующие в лирике А. Ахматовой, неоднородны по семантической слитности компонентов, по способам трансформации или её отсутствию, по особенностям авторского фразеопотребления. Они могут быть квалифицированы как общеязыковые, поэтические и индивидуально-авторские.

Наиболее ярко и полно отражена поэтическая фразеология А. Ахматовой в «Словаре языка поэзии». Задача составителей словаря состояла в том, чтобы показать образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в. При этом под образными средствами языка поэзии авторы понимают «поэтические номинации, т.е. сочетания слов и слова, имеющие в поэзии особый эстетический смысл, специфическую семантическую и экспрессивную нагруженность»¹.

Например, достаточно полно представлена фразеология А. Ахматовой в статье, посвящённой наименованиям любви. Образная парадигма таких наименований является одной из наиболее ярких в русской поэзии и включает в себя 76 синонимических рядов образных фразеологических средств². При этом в состав 13 синонимических рядов включены фразеологические наименования любви, выявленные в поэтических текстах именно А. Ахматовой. Например, образ любви-огня в лирике поэтессы реализуется в семантике таких единиц, как *огонь постылый*, *огонь сладостный*, *огонь тайный*; *костёр, которого не смеет коснуться ни забвение, ни страх*; образ любви-хмеля — в поэтических фразеологизмах *проклятый хмель*; *тёмный, душистый хмель*³: *В сердце тёмный, душистый хмель...* (Ахматова, т. 1, 36); *Чтобы кровь из горла хлынула // Поскорее на постель, // Чтобы смерть из сердца вынула // Навсегда проклятый хмель* (Ахматова, т. 1, 138).

Сокрушительное действие любовного чувства выражает поэтический фразеологизм *любви последняя гроза*; любовную зависимость и тягостность душевного положения того, кто любит, обозначает единица *сети любовные*; персонализированный образ любви лежит в основе ФЕ *девчонка злая*. Например: *О, знала ль я, когда неслась, играя, // Моей любви последняя гроза, // Что лучшему из юношей, рыдая, // Закрою я орлиные глаза...* (Ахматова, т. 1, 180); *Слишком сладко земное питьё, // Слишком плотны любовные сети* (Ахматова, т. 1, 54); *Но это!.. по капельке выпило кровь, // Как в юности злая девчонка — любовь* (Ахматова, т. 1, 280). Представлена в словаре индивидуально-авторская единица *пятое время года*, образованная в результате соединения семантически несовместимых компонентов; значение данной единицы актуализируется в контексте стихотворения: *То пятое время года, // Только его славословь. // Дыши последней свободой, // Оттого что это — любовь* (Ахматова, т. 1, 107).

Кудрина Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета. E-mail: mogga99@yandex.ru

¹ Иванова 2004 (ред.), 7.

² Иванова 2004 (ред.), 268–278.

³ Иванова 2004 (ред.), 271–272.

Материалы словаря позволяют сопоставить особенности поэтических фразеологизмов, функционирующих в лирике А. Ахматовой, с особенностями использования подобных единиц в поэтической речи предшественников и современников поэтессы. Например, страдания, связанные с любовными переживаниями или вызванные ими, выражает образ любви-муки, который создан при помощи поэтических фразеологизмов *мука жгущая, пытка любовная: Знаю: гадая, и мне обрывать // Нежный цветок маргаритку. // Должен на этой земле испытать // Каждый любовную пытку* (Ахматова, т. 1, 39). Образ любви-муки был чрезвычайно распространён в русской литературе XVIII–XIX вв. В лирике XIX в. для наименования любовного чувства этот образ использовали А. Пушкин (*муки сердечные, мучения любви*), М. Лермонтов (*муки любви, мученье сердечных ран*), А. Григорьев (*муки пальящие, муки неисцелимые*); в XX в. — В. Брюсов (*мука страстная*), И. Северянин (*мука огневая*) и другие поэты⁴. Особенностью функционирования ФЕ *жгущая мука* в лирике А. Ахматовой является то, что квалифицирующий компонент *жгущая* способствует созданию «вещного» образа неразделённой любви, приносящей человеку почти физическую боль: *Мы хотели муки жгущей // Вместо счастья безмятежного...* (Ахматова, т. 1, 33).

Таким образом, материалы словаря позволяют выявить особенности функционирования поэтических фразеологизмов — в данном случае наименований любви — в лирике поэтессы А. Ахматова редко изображает любовь как чувство, приносящее счастье и покой. Фразеологические наименования любви выражают бушующую в душе лирической героини страсть, обозначают любовную зависимость и тягостность душевного положения любящего человека, передают негативные эмоции, связанные с проявлениями этого чувства.

«Словарь языка поэзии», представляя целостную картину употребления образных языковых средств в русской поэзии XVIII — начала XX в., не отражает всех нюансов функционирования поэтических фразеологизмов в лирике А. Ахматовой. Например, не вошли в словарь такие поэтические наименования любви, как *испытание железом и огнём* (реализация образа любви-муки), или *отравительница любовь* (трансформация чрезвычайно распространённого в поэзии образного представления о любви как о яде, отраве⁵): *Но любовь твоя, о друг суровый, // Испытание железом и огнём* (Ахматова, т. 1, 133).

Общепотребительные ФЕ, функционирующие в поэтической речи А. Ахматовой, нередко подвергаются разного рода трансформациям. Обычно они мало интересуют составителей современных фразеологических словарей. Интересно в этом случае рассмотреть, как представлена фразеология Ахматовой в словаре «Фразеологизмы в русской речи» А. М. Мелеревич и В. М. Мокиенко. Например, в словарной статье «Чужую беду руками разведу (а к своей ума не приложу)» в качестве примера расширения компонентного состава ФЕ приводится цитата из стихотворения А. Ахматовой «Прочитание»: *Ленинградскую беду / Руками не разведу, / Слезами не смою, / В землю не зарюю. / За версту я обойду / Ленинградскую беду. / Я не взглядом, не намёком, / Я не словом, не пощёком ... / Я земным поклоном / В поле зелёном поляну* (Ахматова, т. 1, 211). Словарная статья отражает изменение в семантической структуре фразеологизма, к которому приводит структурная трансформация. Исходный фразеологизм имел значение ‘трудности, беды других кажутся легко переносимыми, свои же представляются неразрешимыми’; в результате трансформации ФЕ приобрела значение ‘сенародное бедствие, горе, которое невозможно забыть’⁶.

Таким образом, фразеология поэтических текстов А. Ахматовой отражена в современных словарях не в полном объёме: словари разного типа фиксируют лишь определённые разновидности ФЕ — либо общепотребительные, либо поэтические.

В процессе изучения языка поэзии А. Ахматовой нами подготовлен обширный материал для словаря фразеологизмов, функционирующих в лирике поэтессы, и разработана структура словарной статьи, позволяющая исчерпывающе отразить типологию ФЕ, их структурно-семантические и стилистические особенности, специфику авторского фразеопотребления.

Предполагается, что словарная статья будет отражать семантические, структурные, функциональные свойства каждой ФЕ. Основные разделы словарной статьи — 1) заголовочная часть и иллюстративный материал с указанием названия книги стихов, стихотворения; 2) категориальное, субкатегориальное (СК) и групповое значение ФЕ; 3) индивидуальное значение ФЕ, его отражение во фразеологических словарях; 4) квалификационная характеристика ФЕ (общепотребительная — ОУ; поэтическая; индивидуально-авторская); 5) отсутствие или наличие трансформации в тексте, тип трансформации (по классификации А. М. Мелеревич, В. М. Мокиенко)⁷.

Приведём примеры словарных статей.

Чистая лазурь — «Я не слыхала звуков тех, что плавали в лазури чистой» (Белая стая).

1. Предм., СК предмета, явление природы.

2. Небо.

СЯП — о небе (23. — голубизна, лазурь и др.).

3. Поэтический.

4. Инверсия.

Серебряный век — «На Галерной чернела арка, // В Летнем тонко пела флюгарка, // И серебряный месяц ярко // Над серебряным веком стыл» («Поэма без героя»).

1. Предм., СК отвлечённого понятия, наименование времени.

2. Период в русской поэзии конца XIX — начала XX в.

3. Общепотребительный.

4. Расширение лексико-семантической и синтаксической сочетаемости.

Сладчайший сон — «Но неизбежный день уже предвижу я, — // На утренней заре придут ко мне друзья, // И мой сладчайший сон рыданьем потревожат, // И образок на грудь остывшую положат» (Anno Domini, «Клевета»).

1. Предм., СК отвлечённого понятия, наименование жизни // смерти.

2. ФСРЛЯ — вечный сон — О смерти; могильный сон — Уст. Кн.-поэт. Смерть.

СЯП — о смерти (16. — сон).

3. Поэтический.

4. Замена компонента.

⁴ Иванова 2004 (ред.), 273–274.

⁵ Иванова 2004 (ред.), 272.

⁶ Мелеревич, Мокиенко 2001, 66.

⁷ Мелеревич, Мокиенко 2001, 17–35.

Таким образом, в поэтическом тексте фразеологизмы позволяют наиболее ярко и выразительно назвать предметы и явления реальной действительности, помогают передать мироощущение автора, формируют эмоциональный фон художественного мира поэта, выступают в роли изобразительно-выразительных средств, участвуют в создании художественных образов. Словарь фразеологизмов, функционирующих в поэзии А. Ахматовой, призван отразить особенности авторского фразеопотребления, выявить наиболее актуальные для лирики поэтессы типы семантики ФЕ и структурные модели данных единиц, присущие поэтессе способы трансформации фразеологизмов в произведениях А. Ахматовой.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова А. А.* 1990: Сочинения: в 2 т. М.
Иванова Н. Н., Иванова О. Е. 2004: Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.): более 4500 образных слов и выражений. М.
Мелерович А. М., Мокшенико В. М. 2001: Фразеологизмы в русской речи: Словарь: около 1000 ед. М.
ФСРЛЯ 2001: Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров (сост.). М.

PHRASEOLOGY OF POETIC TEXTS BY ANNA AKHMATOVA AS AN OBJECT OF PHRASEOGRAPHY

N. V. Kudrina

Phraseology by Anna Akhmatova is reflected in modern dictionaries insufficiently. The author has prepared material for the dictionary of phraseological units operating in the lyrics of Anna Akhmatova, that helped to reflect the features of copyright use of phrases.

Key words: idiom, poetic idiom, phraseological dictionary, poetic language

© 2014

О. В. Ломакина

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА В АВТОРСКОМ СЛОВАРЕ

Словарь языка писателя должен ориентироваться на современные достижения лексикографии, а потому в авторском словаре Л. Н. Толстого учитываются результаты завершённых и анонсируемых проектов лексикографического описания языка Л. Н. Толстого. Особое внимание уделяется созданию историко-этимологической справки в рамках словарной статьи.

Ключевые слова: авторская (писательская) лексикография, лексикографическое описание фразеологических единиц, историко-этимологическая справка, язык Л. Н. Толстого

Создание «Словаря к стихотворениям Державина» Я. Гротом позволяет говорить о появлении писательской (авторской) лексикографии во 2-й половине XIX в. Однако нельзя не признать и тот факт, что возникновение писательской лексикографии предвосхитило развитие в XIX в. словарного дела в целом: переиздание «Словаря Академии Российской», публикации новых словарей («Словарь церковнославянского и русского языка», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского)¹.

Сегодня составление авторских словарей — это отрасль лексикографии, имеющая богатую историю. Обозначают четыре периода её развития: 1) 1860-е–1910-е гг., 2) 1920-е–1950-е гг., 3) 1960-е–1980-е гг., 4) с 1990-х гг. Каждый из выделенных О. И. Фояковой² и уточнённых Л. Л. Шестаковой³ периодов характеризуется выработкой методологии отбора языкового материала, подготовкой и изданием словарей.

Выбор имени писателя, способы подачи материала в словаре, наконец, тип словаря нередко зависят от существующей научной парадигмы. Так, например, в конце XX в. кардинально меняется описание фразеологических единиц (ФЕ), включающее исследование их национально-культурной специфики⁴. В последние годы писательская лексикография получила новый импульс и «предлагает необычное, оформленное по законам и правилам лексикографии, прочтение авторских текстов»⁵. Отечественная писательская лексикография ставит перед собой новые задачи, соответствующие междисциплинарности филологии первых десятилетий XXI в.

Разноаспектное изучение языка писателя возможно при помощи подготовки серии словарей («Словарь языка Достоевского», «Словарь языка русской поэзии XX в.»), которые опираются как на традиционные лексикографические принципы, так и на тенденции современной лингвистики. Например, одной из частей «Словаря языка Достоевского» является «Идиоглоссарий», где единица описания — идиоглосса, «тезаурусообразующая единица, или единица когнитивного плана»⁶, в том числе слова, фразеологизмы, паремии.

Ломакина Ольга Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. E-mail: rusoturisto07@mail.ru

¹ Шестакова 2011, 147.

² Фоякова 1993.

³ Шестакова 2011.

⁴ Ковшова 2013, 31.

⁵ Шестакова 2011, 7.

⁶ Караулов, Гинзбург 2008, X.

Несмотря на многостороннее и продолжительное изучение наследия Л. Н. Толстого до настоящего времени не существует словаря языка этого писателя. Вместе с тем предпринимались некоторые попытки лексикографического описания языка Л. Н. Толстого⁷, обозначены принципы составления и структура «Частного жанрово-стилистического словаря фразеологии Л. Н. Толстого»⁸, проанонсирован проект словаря ранних произведений писателя⁹, «Словарь галлицизмов в романе Л. Н. Толстого “Война и мир”», «Словарь концептов Л. Н. Толстого как писателя-билингва»¹⁰. Особое место занимают «Материалы к концептуарию Л. Н. Толстого»¹¹, где охарактеризованы индивидуально-авторские концепты.

Наш «Фразеологический словарь» — один из этапов создания общего словаря языка Л. Н. Толстого. Как нам кажется, целесообразно внутри этого лексикографического издания отдельно представить паремии и крылатые единицы (КЕ), употребляемые писателем, что расширит данные о языковой личности Л. Н. Толстого. «Дополняя друг друга, такие отдельные словари создают в совокупности объёмную, детализированную картину авторского словоупотребления»¹².

О направлениях работы, связанных с подготовкой и изданием «Фразеологического словаря языка Л. Н. Толстого», нами было сказано ранее. На первом этапе следует: 1) пользоваться «Полным собранием сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах (1928–1958)», определить фразеологический фонд, 2) осуществить экспрессивно-стилистическую характеристику, 3) дать толкование, 4) рассмотреть индивидуально-авторские употребления, 5) привести контекстуальное употребление фразеологизмов, 6) при необходимости дать историко-этимологическую справку, включающую лингвокультурологический комментарий¹³.

Лингвокультурологический анализ ФЕ, получивший развитие в конце XX — начале XXI в., опирается на этимологические данные. Цель такого анализа — «выявить во фразеологизмах как языковых знаках репертуар воплощённых в их содержание и форму культурных смыслов, выделить те средства и способы, на основе которых возможна интерпретация фразеологизмов в контексте культуры, и на этой основе определить их роль как знаков “языка” культуры»¹⁴. Лингвокультурологический подход является одним из этапов историко-этимологического анализа ФЕ. Лексикографы обращаются к культурологическим, этнографическим, мифологическим и другим фактам наряду с лингвистическими для расшифровки фразеологического этимона,¹⁵ что даёт возможность опровергнуть версии об исконности оборота, традиционно связывавшегося с русскими реалиями, или, наоборот, продемонстрировать национальную специфику калькированного выражения.

Опираясь на существующие фразеологические издания, включающие лингвокультурологический анализ¹⁶, необходимо выработать новый алгоритм при составлении авторских словарей с учётом тенденций современной лексикографии. Исходя из иллюстративного материала, составитель должен определиться, какие словарные статьи будут включать историко-этимологическую справку. На наш взгляд, нет смысла слепо переносить данные из общеизвестных фразеологических словарей.

С учётом неоднородности фразеологического состава языка Л. Н. Толстого структура словарной статьи может быть различной, что зависит от ряда факторов: источника происхождения, наличия описываемой единицы в общеизвестных лексикографических источниках, в случае описания трансформированной единицы — типа варьирования.

«Идентификация себя в социальном пространстве обнаруживается и проявляется в процессе речевой коммуникации. Коммуникант очерчивает “свой круг”, отграничивая себя от другого по какому-л. “идентификационному фактору”: возрасту, этнической, социальной или гендерной принадлежности и т. п.»¹⁷. К этому способу идентификации можно отнести камерную фразеологию — устойчивые обороты, возникающие и функционирующие в узком кругу лиц, в пределах семьи¹⁸.

В языке Л. Н. Толстого камерная фразеология занимает особое место и в количественном, и в общекультурном плане: *анковский порог, пятый хомут, муаровый жилет, отправиться в большое путешествие, зелёная палочка, муравейное братство, комната под сводами, архитектор виноват, вырезущатая перегородка* и под.

Несомненно, словарные статьи, посвящённые описанию камерных ФЕ, должны включать историко-этимологическую справку. Поскольку автором камерных ФЕ был сам писатель или члены его семьи, то при создании словарной статьи необходимо привлекать не только текстологию Л. Н. Толстого, но и воспоминания, переписку членов семьи, единомышленников. Все это позволит решить ряд лексикографических задач: толковать значение (семантизация нередко происходит в контексте), подготовить историко-этимологическую справку.

Представим примеры словарных статей, посвящённых анализу камерной фразеологии:

АРЗАМАССКИЙ УЖАС. О тяжёлом душевном состоянии, пограничном между жизнью и смертью. *И вдруг арзамасский ужас шевельнулся во мне <...> То была ночь страшнее арзамасской; душа мучительно разрывалась с телом. Я живу, жил, я должен жить, и вдруг смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь? Умереть? Убить себя сейчас же? Боюсь. Дождаться смерти, когда придёт? Боюсь ещё хуже* (Записки сумасшедшего, т. 26, 472)¹⁹.

* Появление этого фразеологизма связано с пребыванием Л. Н. Толстого в г. Арзамасе, где во время сна писатель был охвачен необъяснимым чувством ужаса, страха, тоски: *Я второй день мучаюсь беспокойством. Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал* (Письмо С. А. Толстой 4 сентября 1869 г., т. 83, 167)²⁰.

⁷ Великовдворская (сост.) 1978.

⁸ Архангельская 2008.

⁹ Свирин 2007.

¹⁰ Очкасова 2005; Очкасова 2007.

¹¹ Токарев (ред.) 2009.

¹² Шестакова 2011, 223.

¹³ См. подробнее: Ломакина, 2007; 2008.

¹⁴ Телия 2006, 778.

¹⁵ Мокенко 2010.

¹⁶ См., например: Бирих 2001; Телия (отв. ред.) 2006.

¹⁷ Карабулатова 2011, 82.

¹⁸ Руднев 1979, 75.

¹⁹ Толстой 26, 1936.

²⁰ Толстой 83, 1938.

БОЛЬШОЙ СВЕТ. О народе. *Получил Ваш привет от М.Я. Пуцзиной и, кроме того, знаю, что вы, несчастная, — слушаете моё ужасное сочинение. Право, это не слова: я истинно считаю это сочинение вовсе не заслуживающим тех разговоров, которые о нём идут в вашем обществе. Надеюсь, что она будет полезна для тех, для «большого света», для которого я писал её, но вам она совсем не нужна* (Письмо А. А. Толстой 20 января 1887, т. 64, 6)²¹.

* Во время написания драмы «Власть тьмы» Л. Н. Толстой проявлял большой интерес к русскому народу, его характеру, образу жизни, состоянию духа. Писатель употребляет фразеологизм *большой свет* в противоположном смысле, применительно к народу, а не к великосветскому обществу.

При выработке метаязыка авторского фразеологического/ паремиологического словаря необходимо учитывать современные тенденции лексикографии. Анализ фразеологического фонда языка Л. Н. Толстого показывает, что отдельно следует описывать ФЕ, паремии, КЕ. Лексикографическое описание камерных ФЕ должно включать историко-этимологическую справку, что упростит понимание текстов Л. Н. Толстого, включающих подобные единицы.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельская Ю. В. 2008: Фразеология в дискурсе Л. Н. Толстого. Тула.
- Бирх А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. 2001: Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / В. М. Мокиенко (ред.). М.
- Великовдворская З. Н., Галкина Г. С., Куперман Г. В., Цанникова В. М. (сост.) 1978: Частотный словарь романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Тула.
- Карабулатова И. С. 2011: Языковая личность в пространстве межкультурных коммуникаций // Вестник Кемеровск. гос. ун-та искусств и культуры. Кемерово, 77–85.
- Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. 2008: Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / Ю. Н. Караулов (ред.). М., 870–909.
- Ковшиова М. Л. 2013: Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.
- Ломакина О. В. 2007: Проблемы изучения языковой личности Л. Н. Толстого в когнитивном аспекте // Текст и языковая личность: материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Н. С. Болотнова (ред.). Томск, 206–209.
- Ломакина О. В. 2008: Принципы отбора материала при составлении «Фразеологического словаря Л. Н. Толстого» // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. А. М. Мелеревич. М., 507–509.
- Мокиенко В. М. 2010: Историческая фразеология славянских языков. Белград.
- Руднев А. П. 1979: О понятии «камерная фразеология» (на материале фразеологии *семьи Л. Н. Толстого*) // Проблемы русской фразеологии. Тула, 75–82.
- Очкасова М. Р. 2005: О «Словаре галлицизмов в романе Л. Н. Толстого “Война и мир”» // Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах: материалы VI Междунар. шк.-семинара / О. М. Карпова (ред.). Иваново, 223–224.
- Очкасова М. Р. 2007: О «Словаре концептов Л. Н. Толстого как писателя-билингва» // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения: материалы VII Междунар. шк.-семинара / О. М. Карпова (ред.). Иваново, 57–59.
- Свириш А. Н. 2007: Проект словаря ранних произведений Л. Н. Толстого // Язык классической литературы: доклады междунар. конф. / М. И. Щербак (ред.). Ч. 1. М., 226–231.
- Телия В. Н. (ред.) 2006: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.
- Телия В. Н. 2006: Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В. Н. Телия (ред.). М., 776–782.
- Токарев Г. В. (ред.) 2009: Материалы к концептуарию Л. Н. Толстого. Тула.
- Толстой Л. Н. 1936, 1938, 1953: Полное собр. соч. 26, 83, 64. М.
- Фонякова О. И. 1993: Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Из истории науки о языке: межвуз. сб. памяти проф. Ю. С. Маслова. СПб., 113–134.
- Шестакова Л. Л. 2011: Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.

THE HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL REFERENCE IN THE AUTHOR'S DICTIONARY

O. V. Lomakina

Nowadays in the process of working out the writer's dictionary the lexicography tendencies should be taken into account, so, in the author's dictionary by Leo Tolstoy the results of finished and announced projects of Leo Tolstoy language lexicographic description is taken into consideration.

Key words: author's lexicography, lexicographic description of phraseological units, historical and etymological reference, Leo Tolstoy language

²¹ Толстой 64, 1953.

© 2014

В. М. Мокиенко

РУССКАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В СЛОВАРЕ ПИСАТЕЛЯ (из опыта составления словаря крылатых выражений И. А. Крылова)

В статье описываются культурологические доминанты, отражённые в баснях И. А. Крылова. Анализ делается на основе опыта словаря крылатых выражений этого классика русской литературы, составленного В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко (2013). Выделяются основные тематические циклы, актуальные для лексико-фразеологической системы баснописца.

Ключевые слова: басни И. А. Крылова, народная культура, культурологические доминанты, пословицы, поговорки, крылатые слова

Опыт составления словарей разного типа показывает, что лексикография неразрывно связана с культурологией, нередко прямо зависит от неё. Особенно это относится к словарям, в которых предлагаются историко-этимологические комментарии к словам и фразеологизмам¹, к справочникам лингвострановедческого типа² и, конечно, — собраниям крылатых слов и выражений. Наше многолетнее сотрудничество с проф. С. Г. Шулежковой уже давно вылилось в составление «Большого словаря крылатых слов русского языка»³, второе, расширенное и осовременное издание которого под её редакцией вышло в Магнитогорске и Грайфсвальде. Именно в процессе работы над этим словарём мы, составители, всё сильнее ощущали присутствие культурологических «флюидов», без которых глубоко понять описываемый этноним невозможно. С этой целью мы с К. П. Сидоренко, отталкиваясь от опыта составления общих словарей крылатологии, начали собирать материал для специализированных словарей крылатых выражений (КВ) отдельных писателей. Так появилась наша трилогия — словари КВ А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова и И. А. Крылова⁴.

Признаюсь с удовольствием: *spiritus movens* работы над этими тремя словарями был мой соавтор проф. К. П. Сидоренко, неутомимо разыскивавший новые и новые материалы, обработавший необъятную филологическую и историческую литературу о трёх основоположниках русской классической литературы и придавший дефинициям словарных статей теоретическую дальнобойность. Моя задача состояла в углублённом историко-этимологическом и культурологическом комментировании описываемых нами фактов, и, конечно, в посильном пополнении иллюстративного и иного материала.

Лингвокультурологический фон, ставший одним из главных параметров наших словарей, требует, как мне кажется, особого осмысления и после их публикации. Постараюсь это показать, высветив часть доминантных тематических циклов, отражённых в баснях И. А. Крылова, в нашем лексикографическом преломлении. Поскольку наш словарь уже издан (см. на сайте <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru>), демонстрация предлагаемых концентров даётся предельно обобщённо. Заинтересованный читатель может получить расширенную информацию, обратившись непосредственно к тексту нашего словаря.

1. Реалии русского быта. Народность И. А. Крылова отражается, прежде всего, как известно, в многообразии описываемых им деталей повседневной жизни России. «Басни Крылова <...> эта национальная быль, одинаково затверженная дедами и внуками, — вот что сделалось любимым достоянием русского народа», — отметил в своей книге «Силуэты русских писателей. Крылов» более ста лет назад Ю. И. Айхенвальд (1908–1913). «Иногда он мимоходом, — замечает Айхенвальд, — даже без отношения к главному сюжету, в спокойно-ироническом тоне, набрасывает целую бытовую картинку»⁵. И хотя сказано это по поводу басни «Муха и подорожные», в сущности, каждая его басня — именно такая картинка. При этом — это картинка, в которой «русский народный быт показан впервые в эстетическом качестве: в прозе жизни поэт открыл её поэтические стороны»⁶. Отсюда — и формальное и семантическое перевоплощение слов, обозначающих бытовые реалии. Нередки, например, уменьшительные их формы: не *кафтан*, а *кафтанчик* («Федюшкин кафтанчик»), не *ларец*, а *ларчик* («Ларчик»), не *гребень*, а *гребнишка* («Гребень»). Не случайно и употребление таких форм в составе устойчивых словосочетаний — напр., *как лизку ободрал* («Крестьянин и Разбойник»).

Определённое эстетическое смещение или символическое осмысление приобретают в баснях И. А. Крылова многие обозначения бытовых реалий и действий. Таковы *горшок* и *котёл*, которые «большую дружбу свели» друг с другом («Котёл и Горшок»). Их антропоморфизм опирается на русские пословицы типа *Горшок чуждуну (котлу) не товарищ* и библейские реминисценции: *Какое общение у горшка с котлом? Этот толкнёт его, и он разобьётся* (Сирах 13, 3). В басне «Крестьянин и Разбойник» кодовую символику приобретает *подоинок*, возвращённый Разбойником Крестьянину, у которого Разбойник же отобрал корову. Вняв жалобам своей жертвы, Разбойник говорит: «И подлинно, ведь мне коровы не доить; Уж так и быть, возьми себе назад подоинок». И здесь символика имеет паремологические корни — ср. пословицу *Взял корову — возьми и подоинок*. Пословица *Медведя убить, да шкуры не испортить* вызывает в памяти крылатую фразу *Знай колет: всю испортил шкуру!* («Крестьянин и Работник»). В свою очередь, фраза *Схватя в охатку кушак и шапку* из басни «Демьянова уха» выросла из поговорки *браться за шапку* «собираться уходить», которая отражает древний русский обычай, запечатлённый и выражением *к шапочному разбору*: при входе в помещение или в церковь мужчины снимали шапки и складывали их у входа. Каждая сходка, собрание заканчивались разбором шапок. Опоздавший же приходил к разбору шапок, т.е. к концу.

Поговорки, как «консерванты» информации о традиционных крестьянских реалиях вообще, — излюбленное языковое средство баснописца. Прямое значение некоторых из них легко просматривается, как, например, в сочетании *Имея дел беремя* («Осёл»), где *беремя* первоначально значило «ноша», «охапка». Но многие слова-«консерванты» требуют развёрнутого ком-

Мокиенко Валерий Михайлович — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Института филологических исследований СПбГУ, профессор Института славистики Эрнст-Моритц-Ардт-Университета (г. Грайфсвальд, Германия), председатель Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. E-mail: mokienko40@mail.ru

¹ Например, Бирих, Мокиенко, Степанова 2005; Мелерович, Мокиенко 1997.

² Фелицына, Мокиенко 1990, 1999.

³ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008–2009.

⁴ Мокиенко, Сидоренко 1999, 2005; Мокиенко, Семенец, Сидоренко 2009а, 2009б; Мокиенко, Сидоренко 2013.

⁵ Айхенвальд 1908.

⁶ Фомичёв 2010.

ментария. Таковы *зло ещё не так большой руки* из басни «Маргышка и очки», *на стенке зарубить* из басни «Кот и Повар»⁷, *из труб столбами дым* из басни «Мот и Ласточка»⁸.

Символические истоки некоторых поговорок, как и образных слов, «сокрыты» во фразеологии других европейских языков и потому не сразу поддаются расшифровке. Так, по поводу басни «Гребень» П. А. Вяземский в «Старой записной книжке» заметил: «Какой-то французский критик, в таком же направлении, осуждал Крылова за то, что он выбрал гребень предметом содержания одной из своих басен, вероятно, на том основании, что есть французская поговорка: “Грязен, как гребень”»⁹. И действительно, в басне Мальчик обвиняет Гребень в том, что у него всклокоченные волосы и их трудно расчёсывать. В итоге «Мальчик мой, от злости и досады, / Закинул Гребень свой в реку».

2. Национальная русская кухня.

Биографы И. А. Крылова нередко пишут о нём как о знатоке русской кухни и большом любителе поесть. Не случайно в одной из его самых популярных басен «Кот и повар» героем оказывается именно хозяин кухни. Быть может, уже и поэтому в его баснях наше отечественное меню воспроизводится не просто разнообразно, но и со всеми «вкусовыми» подробностями, можно сказать — любовно. Конечно, в его текстах не обходится без *хлеба-соли* как символа гостеприимства («Крестьянин и Змея»), *щей и каши* (ср. в басне «Пастух»: «У Саввушки в печи то *щи с бараниной*, то *бок бараний с кашей*»). В басне «Гуси» баснописец намекает на жареную гусятину как на традиционное в России новогоднее блюдо. Не случайно крылатая фраза *А вы, друзья, годны лишь на жаркое* в современных текстах используется как приглашение приготовить жаркое по-русски в статье с красноречивым названием «Иду на гуся! Как приготовить самое традиционное блюдо к новому году столу»: *Если в Западной Европе и Северной Америке традиционным рождественским блюдом считается индейка, то в России пальму первенства всё-таки удерживает гусь...*¹⁰.

Симптоматично, что в наших словарях названия некоторых блюд русской кухни постоянно иллюстрируются КВ И. А. Крылова. Вот как определяется слово *уха* в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «Суп из рыбы <...> *Демьянова уха* — о неумеренном и неотвязном угощении, навязывании чего-н. [по названию басни И. А. Крылова]»¹¹. Причём эта лексикографическая традиция идёт уже от словаря В. И. Даля, накладывая отпечаток на употребление такого бытового прозаизма. И действительно, наш национальный ассоциативный код постоянно связывает слово *уха* со знаменитой басней «дедушки Крылова». И неудивительно: ведь это русское блюдо здесь воспето со всей поэтической мощью нашего баснописца. Слова Демьяна, усиленно угощавшего ухой соседа Фоку, — «*Что за уха! Да как жирна: Как будто янтарём подёрнулась она*» невольно всплывают в памяти каждый раз, когда русскому едоку подносят это блюдо. А нередко и их продолжение, напоминающее современную ненавязчивую рекламу: «*Потешь же, миленький дружок! / Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!*»

Собственно, в современной рекламе эти эпитоны нашего баснописца играют немалую роль. Демьяновой ухе даже придаётся особый социальный статус, например, в таком рассуждении об ухе, способах её приготовления и употребления: *Вначале варят бульон из мелкой рыбы с кореньями — морковь, петрушка, сельдерей, лук. Само собой, лавровый лист <...> Но внушительнее кулинарной экспертизы на нас эти строчки действуют свидетельством о метафизической природе и социальной функции ухи. В самом деле, *лещик, потроха и стерлядь* звучат не только как ингредиенты блюда, а и как описание того, какие настроения и темы оно навеивает: *немножко лести, неизбежной при приглашении в гости; патриархальность, всегда сопутствующая неофициальному, домашнему застолью...*¹².*

*А вот ещё два публицистических, но по тональности — поэтических воспеания ухи — конечно же, с аллюзией на нашу басню: Конечно, если нам с вами захочется в четыре утра ухи «ростовской», можно взбивать подушку до состояния белоснежного зефира, переворачивать её холодной стороной и, укутавшись поуютней одеялом, мечтать, чтобы приснилась ароматная и, по бессмертному выражению дедушки Крылова, *жирная, будто подёрнутая янтарём, уха*. У Крылова, кстати сказать, уха не ростовская, помните: «*Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!*» А для ростовской ухи нужен супак и только он!»¹³; *Куски филе раскладывают по тарелкам, заливают бульоном и посыпают зеленью. Всемирно известный отзыв на этот рецепт дал И. А. Крылов: ... Что за уха! да как жирна: как будто янтарём подёрнута она <...> Уху можно хлебать без водки, как у Крылова; или, как сказал Киплинг, водка есть водка, уха есть уха, и с места им не сойти; а народ прибавил: стало на юшку — станет и на чекушку!*¹⁴.*

Некоторые пищевые названия, упомянутые И. А. Крыловым, можно и должно развёрнуто комментировать. В своё время мною это было сделано по поводу «кусочка сыра», выпавшего изо рта Вороны в басне «Ворона и лисица». Ведь по сравнению с оригиналом — соответствующей басней Лафонтена — наша русская Ворона не могла так просто найти сыр на дороге, как французский Ворон. Немецкий, иноземный сыр у нас тогда был ещё более дорогим, чем сейчас. Да и слова для его обозначения у нас сначала не было: само слово *сыр* значило ‘творог’ (ср. выражение *как сыр в масле кататься*). Вот почему Л. В. Щерба посвятил целый семестровый семинар этой басне, подробно описывая специфику французского сыроварения¹⁵.

Как ни парадоксально, но и знаменитая фраза И. А. Крылова о другой Вороне из басни «Ворона и Курица» *А ведь ворон ни жарят, ни варят...* также имеет прямую кулинарную подоплёку. И не потому, что голодные французы в занятой ими Москве хлебали из нужды *soupe au saurbeux* — «вороний суп». Видимо, баснописца вдохновила карикатура И. И. Тербенева «Французский вороний суп» 1812 г., до сих пор ещё хранящаяся в музее города Пушкина под Петербургом, где французские солдаты варят в котелке полубоципанную ворону. Недавно, однако, К. П. Сидоренко убедительно доказал то, чего не знал и наш баснописец: оказывается, вороний суп французы ели не потому, что были голодны, а потому, что по их гастрономиче-

⁷ Мокленко 1998, 304–310.

⁸ Мелерович, Мокленко 1997, 230.

⁹ Вяземский 1825.

¹⁰ Баратов Н. Иду на гуся! Как приготовить самое традиционное блюдо к новому году столу // Российская газета, 24.12.2004.

¹¹ Ожегов, Шведова 1992, 842.

¹² Найман А., Наринская Г. Процесс еды и беседы. Октябрь. 2003. 5, 171.

¹³ Коммерсантъ, 22.07.1994.

¹⁴ Найман А., Наринская Г. Процесс еды и беседы. Октябрь. 2003. 5, 171.

¹⁵ Мокленко 1986, 135–136.

ским представлениям... воронье мясо у них считается лакомством!!!¹⁶ Именно поэтому глупая московская Ворона, не зная этого их пристрастия, и поплатилась своей птичьей жизнью. Мы же теперь благодаря И. А. Крылову и К. П. Сидоренко знаем о том, что наряду с лягушками и виноградными улитками французская кухня славится и наваристым вороньим супом.

Нужно сказать, что, увлечённо и основательно исследуя тексты И. А. Крылова, К. П. Сидоренко расшифровал ещё одну культурологему, без которой тема русской кухни была бы неполна. Я имею в виду обозначение одного из видов нашего старого алкогольного напитка *полугара* — хлебного вина крепостью примерно 38–39 градусов. И. А. Крылов сообщает об этом в басне «Два мужика»: «И тоже, чересчур, признаться, я хлебнул с друзьями *полугару*». Это слово встречается и у В. Г. Белинского в статье «Петербург и Москва» 1844 г.: «Впрочем, петербургский простой народ несколько разнится от московского: кроме *полугара* и чая, он любит ещё кофе и сигары»¹⁷. Один из знатоков этой темы констатирует на основании таких литературных свидетельств, что «вплоть до конца XIX в. производимые в России крепкие алкогольные напитки в основе своей имели технологично дистилляты, и население с удовольствием потребляло эти напитки с присущими им вкусоароматическими особенностями»¹⁸.

3. Деньги.

Рисуя картину современного ему российского общества, баснописец не мог, конечно же, пройти мимо вечной проблемы — власти денег. Как отмечает Ю. В. Стенник в своей работе «И. А. Крылов-баснописец», пагубность этой власти, развращающую силу богатства он показал во многих баснях — «Мешок», «Откупщик и Сапожник», «Фортуна и Нищий», «Бедный Богач», — перемежая её с темой личной ответственности человека перед собой и другими («Фортуна в гостях», «Охотник», «Мот и Ласточка», «Мельник») ¹⁹. Естественно при этом, что в баснях мы находим и названия денежных единиц, и любопытные детали о месте их хранения или способах употребления. Так, в басне «Фортуна и Нищий» Фортуна предлагает Нищему насыпать в суму червонцев с условием: «Но если из сумы что на пол упадёт, / То делается сором <...> / Сума твоя ветха, не забирайся много». Нищий не может остановиться, когда в кошель «попилился <...> червонцев дождь золотой». В итоге: «... кошель прорвался, / Рассыпалась казна и обратилась в прах, / Фортуна скрылась».

Червонец становится «героем» и другой басни И. А. Крылова — «Червонец», где Мужик нашёл Червонец, который был «запачкан и в пыли». Увидев, что за него ему дают «пятакон пригоршни троим», он решает Червонец почистить. И «как жар, Червонец заиграл: / Да только стало / В нём весу мало, / И цену прежнюю Червонец потерял». Баснописец эту историю связывает с вопросом о том, «Полезно ль просвещение?» И отвечает на него сам: «Полезно, слова нет о том. / Но просвещением зовём / Мы часто роскоши прельщенье». И тогда полноценные деньги могут превратиться в поддельный бумажный денежный знак — фальшивую бумажку, как в басне «Купец», где за кусок гнилого польского сукна, выданного за сукно английское, купец взял *сотняжку*, оказавшуюся поддельной. Яркая иллюстрация к актуальной и ныне пословице *Не обманешь — не продашь*.

4. Имена.

Русская ономастика в баснях И. А. Крылова — одна из ярких национальных маркировок его языка. Каждый русский многое из нашего традиционного именованья узнаёт с детства благодаря баснописцу. Взять хотя бы клички животных — героев басен, которые у всех с детства на слуху: *Моська* («Слон и Моська»), *Полкан с Барбосом* («Собачья дружба»), *Хавронья* («Свинья») или их производные типа *Полканушка*. Они, собственно, подобно просторечному обозначению небольшой собачонки *шавка*, уже давно стали нарицательными.

Антропонимы же, употреблённые И. А. Крыловым, могут составить особый словарь, отражая национальный ономастикон своего времени. В биографической повести «В начале жизни» С. Я. Маршак пишет: «Внимательно перебирая воспоминания, связанные с первыми годами жизни, видишь, как глубоко и сильно врежется в нашу память каждое услышанное в детстве слово. Мне было лет шесть-семь, когда я впервые прочёл или услышал басню Крылова “Волк и кот” <...> До сих пор я отчётливо помню — будто сам, своими глазами видел — этого забежавшего в деревню *Волка*. Помню и высокий дощатый забор, на котором сидит кот. Низко наклонив серую с чёрными полосами голову, мудрый и спокойный, он деловито разговаривает с усталым, затравленным *Волком*, за которым по пятам гонятся охотники. И все соседи, чьи имена называет кот (*Степан, Демьян, Трофим, Клим*), кажутся мне знакомыми людьми, живущими на Майдане где-то поблизости от нас <...> Сквозь каждое слово, как сквозь прозрачное стекло, ребёнок видит названный предмет, видит живую и подлинную действительность»²⁰. Эти имена проходят красной нитью в баснях И. А. Крылова, характеризую и социальный статус героев, и их характер, и отношение к ним других персонажей и самого баснописца. Показательны и сами формы употребления (часто уменьшительно-пренебрежительные либо уменьшительно-ласкательные), и коннотации таких имён: *Степанушка* («Крестьянин и Работник»), *Тришка* («Тришкин кафтан»), *Сеня, Федюша* («Два мальчика»), *Савва, Фока* («Пастух»), *Матрёна*, которая в басне «Ворона» «сделалась ни Пава, ни Ворона» или скупой богач *Мирон* в одноимённой басне. Русский колорит крыловского именованья создаёт немалые трудности при переводе наших басен на другие языки.

По необходимости, продиктованной лимитом места, в моей статье предложен анализ только части культурологических доминант басен И. А. Крылова лишь в виде «штрихового кода». Разумеется, палитра таких доминант у баснописца значительно шире, а каждая из них представлена гораздо большим набором лексико-фразеологических единиц. Тем не менее, даже те четыре доминанты, которым здесь было отдано предпочтение, демонстрируют мощь и ширь русской языковой картины мира, нарисованной «дедушкой Крыловым». Это и есть тот культурологический симбиоз, который мы все постоянно ощущаем, читая басни И. А. Крылова. В своей книге «О преподавании отечественного языка» Ф. И. Буслаев так охарактеризовал этот симбиоз: «Глава из Священной истории или одна басня Крылова и ученику, и учителю предложат материал для умственного упражнения гораздо более целой книги наглядного учения или тому подобного»²¹. Строки эти были написаны более полутора веков назад — в 1844 г. Но и сейчас и для учеников, и для учителей, и для нас, филологов, собравшихся в гостеприимном Магнитогорске, басни Ивана Андреевича Крылова продолжают оставаться Священным Писанием русской национальной культуры.

¹⁶ Сидоренко 2013.

¹⁷ Белинский 1844.

¹⁸ Родионов 2010.

¹⁹ Стенник 1981.

²⁰ Маршак 1971.

²¹ Буслаев 1992, 44.

ЛИТЕРАТУРА

- Айхенвальд Ю. И.* 1908: Силуэты русских писателей: в 3 вып. Вып. 1. М. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dugward.ru/library/krilov/aihvny_krilov.html.
- Белинский В. Г.* 1844: Петербург и Москва. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dugward.ru/library/belinsky/belinsky_spb_moskv.html.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* 2005: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / В. М. Мокиенко (ред.). М.
- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка. М.
- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* 2008–2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / С. Г. Шулежкова (ред.). Магнитогорск; Greifswald.
- Буслаев Ф. И.* 1992: Преподавание отечественного языка: учеб. пособие. М.
- Вяземский П. А.* 1825: Старая записная книжка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://do2.gendocs.ru/docs/index-445321.html?page=2>.
- Маршак С. И.* 1971: В начале жизни (страницы воспоминаний) // С. И. Маршак. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lib.ru/POEZIQ/MARSHAK/marshak6_1.txt.
- Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* 1997: Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.
- Мокиенко В. М.* 1986: Образы русской речи. М.
- Мокиенко В. М.* 1998: От Авося до Ятя: Почему так говорят? Справочник по русской идиоматике. СПб.
- Мокиенко В. М., Семенец О. П., Сидоренко К. П.* 2009а: Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова. («Горе от ума») / К. П. Сидоренко (ред.). М.
- Мокиенко В. М., Семенец О. П., Сидоренко К. П.* 2009б: «Горе от ума» А. С. Грибоедова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения. Учебный словарь-справочник / К. П. Сидоренко (ред.). СПб.
- Мокиенко В. М., Сидоренко К. П.* 1999: Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.
- Мокиенко В. М., Сидоренко К. П.* 2005: Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.; М.
- Мокиенко В. М., Сидоренко К. П.* 2013: Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения. Словарь-справочник / К. П. Сидоренко (ред.) СПб.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* 1992: Толковый словарь русского языка. М.
- Родионов Б.* 2010: Полугар. Водка, которую мы потеряли. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://polugar.ru/book/predislovie<2010>>.
- Сидоренко К. П.* 2013: Три вороны в баснях И. А. Крылова (заметки об интертекстовой рефлексии) // Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie. Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: XV Междунар. съезд славистов. Минск; Greifswald, 127–128.
- Стенник Ю. В.* 1981: И. А. Крылов-баснописец // История русской литературы: в 4 т. Т. 2. Л., 189–203.
- Фелицына В. П., Мокиенко В. М.* 1990: Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров (ред.). М.
- Фелицына В. П., Мокиенко В. М.* 1999: Школьный фразеологический словарь. М.
- Фомичёв С. А.* 2010: Крылов Иван Андреевич. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archival.narod.ru/Bibliografia/Kriolov.htm>.

RUSSIAN FOLK CULTURE IN THE WRITER'S VOCABULARY
(from the experience of catch-words dictionary compilation of I. A. Krylov)

V. M. Mokiyenko

The article describes the cultural dominants, being reflected in I. A. Krylov Fables. This analysis is based on the experience of the dictionary of catch-words of the Russian classical writer, compiled by V. M. Mokiyenko and K. P. Sidorenko (2013). The main thematic cycles relevant to lexical and phraseological system of the fabulist are especially pointed out by the author.

Key words: Krylov's Fables, folk culture, cultural dominants, proverbs, sayings, winged words

© 2014

М. Н. Осадчая

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ ДИСКУРС О. МАНДЕЛЬШТАМА В ФОКУСЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Авторские трансформации фразеологизмов в художественном дискурсе О. Мандельштама рассматриваются с позиции когнитивно-дискурсивного подхода. Подход к проблеме лексикографического описания авторских фразеологизмов заключается в выявлении коммуникативно актуализированных компонентов дискурса, выполняющих роль основания ценностных репрезентаций.

Ключевые слова: художественный дискурс, фразеологическая единица, фразеологизм, концептуальная значимость

Современный опыт авторской лексикографии выявляет сложность и определённую субъективность в разграничении узусного и окказионального в словесной культуре, хотя словарь в силу жанровой природы изначально стремится к определённости и объективности. Фразеология авторских единиц косвенно-производной номинации связана с довольно обширным проблемным полем, доминантой которого является проблема выявления критериев разграничения фразеосемантические

Осадчая Мирослава Николаевна — ведущий библиотекарь Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина (Старооскольская ЦБС), аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: o_miroslava@bk.ru

ских вариантов, авторских фразеоллюзий и окказиональных фразеологических единиц (ФЕ), поскольку «содержательные границы фразеологизма по сравнению со словом менее чётко структурированы»¹. В. М. Мокиенко отмечает, что уже работа над первой практической систематизацией речевой динамики фразеологизмов — над словарём «Фразеологизмы в русской речи» — показала, что «граница между “индивидуально-авторским” <...> и общеречевым, узואльно-системным, весьма неопределённая»². При этом дискурсивно обусловленное значение языковых единиц, функционирующих в тексте, может значительно отклоняться от инвариантной основы.

Отдельные примеры дискурсивного бытования лексических и фразеологических единиц фиксируются в иллюстративных контекстах нормативных словарей фразеолофонда. В идиолектных же словарях, основывающихся на иных принципах, внимание «сосредоточено на неповторимых отклонениях от стандартного словоупотребления, на эстетически значимых словоупотреблениях»³, что особенно актуально при анализе такого многомерного явления, как художественный дискурс конкретного автора. Задача видится не столько в типологизации формальных изменений структуры использованных ФЕ, сколько в попытке посредством выявления фразеоллюзий обеспечить возможности декодирования имплицитного слоя дискурсивного содержания.

Исследование фразеологической составляющей пространства художественного дискурса О. Мандельштама показывает, что фразеологическое описание не охватывает всего многомерного смыслового потенциала, приобретаемого фразеологизмом в дискурсивном пространстве. В условиях дискурсивно-художественного бытования компонентный состав фразеологизма, как правило, предельно усечён, зачастую «поводом» для возникновения аллюзии служит одна лексема, причём, вовсе не обязательно в исходно закреплённой за ФЕ форме. Например, в позднем тексте находим: *Так гранит зернистый тот / Тень моя грызёт очами* (Мандельштам, т. 3, 116). В подобных случаях возникает проблема разграничения лексической единицы в её окказионально-метафорической функции и фразеологической аллюзии как результата авторского видения внутренней формы какого-л. общепотребительного фразеологизма. Думается, кроме визуального образа скользящей по граниту мостовой тени можно видеть и аллюзию на фразеологизм *грызть гранит науки*, поскольку его метафорический компонент *грызть гранит* репрезентирует концепт «Преодоление трудностей». А фразеологический смысл 'трудность постижения ранее неизвестного' можно соотнести с биографическим контекстом, поскольку в это время Мандельштам пытался освоиться с новым положением «выселенного» за пределы столицы. Причём соблюдение запрета поэту давалось тяжело, он неоднократно приезжал в Москву нелегально, *тенью*.

Тем не менее, даже в случаях столь «относительной» аллюзивной ссылки факт наличия в авторском замысле «подразумеваемого» прецедентного источника подтверждается неким когнитивным «фоном», мотивирующим аллюзивную связь с общеизвестным фразеологическим образом:

Чтобы силой или лаской

Чудный выманить припёк,

Время — царственный подпасок —

Ловит слово-колобок (Мандельштам, т. 2, 38).

Само словосочетание *чудный припёк* обладает положительной коннотацией. В известном же фразеологизме *сбоку припёка* говорится 'о лишнем, ненужном, совершенно постороннем'⁴, соответственно, и коннотации возникают прямо противоположные. Вероятно, присутствует и значение самого слова *припёк*, которое вне фразеологизма означает 'увеличение в весе хлеба после выпечки'⁵. Этот смысл актуализирован в тексте как высокая оценка автором своего вклада в Поэзию, что часто встречается в произведениях Мандельштама и реализуется в различных образах. Но, помимо прочего, позволяет увидеть фразеоллюзию финальная строка стихотворения, представляющая рефлексивную оценку Мандельштамом неустраиваемости своего поэтического творчества: *Усыхающий довесок / Прежде вынутых хлебов* (Мандельштам, т. 2, 38). Как раз коннотации выделенного контекстуального синонима совпадают с негативной оценочностью фразеологизма *сбоку припёка*. Тогда образное воплощение авторской самооценки выстраивается в ряд: [сбоку] *припёка* — *усыхающий довесок* — *чёрствый пасынок веков*. Если анализировать образные стихотворения (*хлебные Софии, слово-колобок*), то текст в целом предстаёт как развёрнутое воплощение метафоры «поэзия — это духовная пицца».

В подобных примерах мы видим именно приём «дискурсивной аллюзии» (Н. Ф. Алефиренко), поскольку в художественной речи при наличии отдельных компонентов фразеологической номинации фразеологизм не только служит отправной точкой синергии образа, но и выступает как знак прагматического плана художественного дискурса. Дискурсивная аллюзия актуализирует «потенциал, имплицитно присущий любой фраземе: по одному или нескольким компонентам фраземы в языковом сознании всплывает целостный концепт»⁶. Характерное для художественного дискурса индивидуально-авторское использование готовых знаков косвенно-производной номинации как раз и обусловлено их высоким прагматическим потенциалом.

Наше исследование и попытка систематизации дискурсивно обусловленных индивидуально-авторских трансформов ФЕ обнаруживает и проблему определения имплицитности фразеологических смыслов. Когда предметно-образная основа фразеологизма приносит скрытую в подтексте оценочность, придавая двоякий смысл контексту, требуется комментарий с обоснованием наличия фразеоллюзии. Например, в качестве примера положительной характеристики может быть рассмотрен комментарий к образу идеального персонажа в тексте автобиографической прозы О. Мандельштама «Шум времени»: *первый ученик Слободзинский — человек из сожжённой Гоголем второй части «Мёртвых душ»* (Мандельштам, т. 2, 369). Эта характеристика героя только кажется положительной, однако аксиологически противоположный глубинный слой дискурсивного фрагмента создаётся посредством актуализации фразеологизма *мёртвые души*. Очевидная денотативная основа именованная — книга Н. В. Гоголя — видится лишь эксплицитной частью содержания. Фразеологический же смысл оксюмо-

¹ Жуков 2011, 213.

² Мокиенко 2012, 101.

³ Михайлова 2013, 64.

⁴ Фёдорова 2011, 407.

⁵ Ожегов 2003, 597.

⁶ Алефиренко 2012, 74.

рона 'души, которые уже не существуют' явно соотносится с характеристикой посредством ссылки на образ из книги, которая также не существует — том *сожжён* автором. Если рассматривать в прагматическом аспекте смысл фразы, то аллюзия к фразеологизму, отмеченному А. Бирихом как «неодобрительный», явно актуализирует иронично-негативное отношение автора к характеризему герою. Тогда похвальное именование *первый ученик* становится такой же не соответствующей реальности номинацией, как источник сравнения — генетически исходный образ фразеологизма.

Лексические единицы в дискурсивной реализации смысла могут существенно отличаться от лексикографических толкований. Зачастую расшифровка авторского замысла возможна лишь при соотнесении с другими фрагментами авторского дискурса. Так, показателен пример из текста «Четвёртой прозы»: *для меня в бублике ценна дырка <...> бублик можно слопать, а дырка останется* (Мандельштам, т. 3, 178). Фразеологизм *дырка от бублика* толкуется как 'абсолютно ничего' с пометой «ироничное»⁷ или с пометой «разговорное»⁸. Однако в тексте речь идёт о высоком — о творчестве, о поэзии, поэтому перевернуты оценочные смыслы. Поскольку ценностью эстетической обладает не утилитарно-полезное (*бублик*), посредством номинации *дырка от бублика* репрезентирован слот «Невыразимое» концепта «Поэзия». Содержательная основа фразеологического значения в дискурсе настолько преобразована, что данный образ является окказионально авторским, хотя компоненты ФЕ не трансформированы.

Следует отметить, что ценностно-оценочная характеристика в данном случае связана не только с прагматическим значением фразеологизма, но и с бытующей в широком авторском контексте тенденцией в определении этого феномена «дышащего», «кружевного» творчества: *Настоящий труд — это брюссельское кружево. В нём главное то, на чём держится узор: воздух, проколы, прогулы* (Мандельштам, т. 3, 178). Или в восторженной фразе о творчестве М. Зощенко: *Вот у кого проколы дышат, вот у кого брюссельское кружево живёт!* (Мандельштам, т. 3, 179). Перекликается выраженная в данном фрагменте оценка и с высокой похвалой поэзии А. Баратынского: *У него без всякой прошивы / Наволочки облаков* (Мандельштам, т. 3, 65), где именование *прошива* — кружевное шитьё — соответствует семантике 'воздушная лёгкость' (*облаков*). Образная основа этих метафорических номинаций — *дырки*, которые и делают полотно кружевным, — в авторском аллюзивном поле перекликается с фразеологическим образом, репрезентируя фрейм «Мастерство» концепта «Поэзия».

Следует отметить, что использование прагматического ориентированных единиц в авторском дискурсе не может определяться только частотностью обращения к той или иной ФЕ или определённому фразеологическому образу. Например, возмущённый Мандельштам писал разгромную рецензию на текст А. Серафимовича «Город в степи»: *мне кажется, простой белый лист чистой бумаги несравненно выразительнее этих строк* (Мандельштам, т. 3, 372). В двухстраничном тексте статьи Мандельштама фразеологизмы встречаются гораздо чаще, чем в его художественных произведениях, однако ФЕ не подвержены трансформации и не актуализируют имплицитных смыслов: *Но краше в гроб кладут слово, чем оно бывает на казённой службе* (Мандельштам, т. 3, 372). Или о самом Серафимовиче: *Его волокут в классики <...> Кричат, что с лица, дескать, нам не воду пить. Тонкими шутками-де ему некогда было заниматься* (Мандельштам, т. 3, 373). Видимо, публицистический характер статьи и её саркастический тон обусловили частотность использования ФЕ, причём функционируют они именно как эксплицитные знаки прагматического плана: *Что взято у Золя? Ничего. Даже за кисти гроба его не подержались* (Мандельштам, т. 3, 373). Видоизменённая ФЕ сохраняет структурное построение то же, что и во фразеологизме и (даже) рядом не лежал (стоял)⁹. В данных контекстах фразеологизмы как коннотативное средство не требуют отдельного комментария, фразеологического описания их в нормативных словарях достаточно для проникновения в смысл текста. Соответственно, требуют «идиолектной» лексикографической фиксации те дискурсивные единицы, функционирование которых в художественном дискурсе добавляет в семантическую структуру дискурса и смыслы, индуцированные исходным фразеологическим текстом или связанные с образностью ФЕ. Лексикографические комментарии к авторскому словоупотреблению неизбежно носят субъективный характер. Поэтому необходимо определение критериев, связанных с механизмами саморазвития прецедентных текстов в дискурсивной среде.

Как показано в исследовании К. И. Декатовой, словообразование знаков косвенно-производной номинации осуществляется как «взаимодействие элементов концептуальной и языковой систем»¹⁰. Подобным образом и авторская концептосфера взаимодействует с готовым фразеологическим знаком как с языковой единицей, имеющей свою структуру и поддающейся определённым трансформациям. Соответственно, концептуализация является необходимым фактором для образования тех специфических единиц авторского дискурса, которыми являются трансформированные фразеологизмы и фразеоллюзии в дискурсивном пространстве художественных текстов. Соответственно, участие фразеологической номинации в концептуализации значимых для автора образов может рассматриваться как критерий авторского идиостиля, а исследование художественного дискурса как результата лингвокреативной деятельности может проводиться, в том числе, в ходе раскрытия нестандартных механизмов репрезентации ценностных смыслов в творчестве мастера художественного слова.

Как показывает анализ художественного дискурса О. Мандельштама, не только эмоционально-оценочный смысловый потенциал определяет востребованность фразеологических номинаций. Образная языковая единица, «обрастая» смысловыми приращениями в среде художественного дискурса, открывает возможности получения доступа к пониманию глубинного смысла, поскольку при использовании аллюзивных отсылок в тексте даже фрагментарно обозначенный денотативный компонент фразеологического значения включает в дискурсивное пространство общекультурные значимые образы. Дискурсивные преобразования ФЕ связаны с прагматикой авторских интенций, соответственно модификации фразеологического текста делают использованные ФЕ специфическими репрезентаторами уникальных образов авторской концептосферы.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф. 2012: Когнитивно-дискурсивные механизмы языковой игры в сфере фразеологии // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. 2 (1), 70–76.

⁷ Фёдорова 2011, 160.

⁸ Степанова 2010 (ред.), 177.

⁹ Бирих, Мокиенко, Степанова 2009, 113.

¹⁰ Декатова 2013, 165.

- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. 2009: Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. М. Мокиенко (ред.). М. Делатова К. И. 2013: Синергетическое взаимодействие семантических и концептуальных структур в процессе смыслообразования знаков косвенно-производной номинации // Русское слово в контексте этнокультуры XX–XXI вв. / Н. Н. Семенов (ред.). Старый Оскол, 164–168.
- Жуков А. В. 2011: К вопросу о семантическом варьировании фразеологизмов // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания / И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова (сост.). Белгород, 210–217.
- Мандельштам О. Э. 1993–1997: Собр. соч.: в 4 т. М.
- Михайлова О. С. 2013: К вопросу о составлении мотивационного поэтического словаря // Вопросы лексикографии. 2 (4), 62–69.
- Мокиенко В. М. 2012: Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. 2 (1), 100–108.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 2003: Толковый словарь русского языка. М.
- Степанова М. И. (ред.) 2010: Фразеологический словарь русского языка. М.
- Фёдорова Т. Л. 2011: Фразеологический словарь русского языка. М.

PERSONAL AND ARTISTIC DISCOURSE OF O. MANDELSTAM UNDER CONSIDERATION OF MODERN PHRASEOGRAPHY

M. N. Osadchaja

In O. Mandelstam's personal artistic discourse author's transformations of phraseological units are considered within a cognitive-discursive approach as one way to represent evaluative means that have conceptual meaningfulness of oeuvre's conception. Approach to the problem of lexicographic description of author's phraseological allusion based on revelation of components that are communicatory actualized part of discourse for axiological representation.

Key words: artistic discourse, phraseological unit, phraseological allusion, conceptual meaningfulness

© 2014

С. А. Парфёнова

СЛОВАРЬ ФРАЗЕОПОТРЕБЛЕНИЙ ПИСАТЕЛЯ
(на материале творчества В. М. Шукшина)

В статье рассматривается опыт создания словаря фразеопотреблений В. М. Шукшина. В материалах к словарю представлены инвариантные, трансформированные и индивидуально-авторские фразеологизмы, поговорки, пословицы, присловья. Иллюстративный материал представляет собой фрагменты из романа «Любавины».

Ключевые слова: духовность, фразеологизмы, языковое творчество, В. М. Шукшин

Национальный язык — прочная основа единства его носителей, их сплочения, стойкости, жизнеспособности, культуры и дальнейшего развития. Вырождается язык — деградирует народ, увядает его культура. Языковые ценности передают поэты и писатели. Языковое творчество народа под пером писателя преобразуется в литературный язык, сохраняя при этом свой колорит и диалектность.

Фразеологические единицы (ФЕ) оживляют язык, он становится более образным, эмоциональным и лаконичным. Эти качества фразеологизмов проявляются даже в разговорно-бытовом общении, когда никаких художественно-изобразительных целей говорящими не ставится. Особенно ярко отмеченные свойства фразеологических средств русского языка проявляются в произведениях художественной литературы.

Художественный текст — это та среда, где возникают новые ФЕ, откуда поступают в речевой обиход неизвестные и малоупотребительные обороты, где обогащается смысловая, структурно-грамматическая и стилистическая природа ФЕ. Наиболее ярко феномен языковой личности писателя, сценариста, режиссёра или актёра проявляется в разнообразии его фразеологического материала, в образной системе языка его произведений.

Фразеологический словарь произведения писателя — это особый тип лингвистического словаря, поскольку он отражает фразеологическое богатство только одного, достаточно крупного по объёму, произведения. Материалы для представляемого здесь словаря извлечены из первого тома пятитомного издания собрания сочинений В. М. Шукшина, опубликованного в Екатеринбурге в 1994 г.

Отбор фразеологизмов требует предельной внимательности и чуткости от составителя, т.к. фразеологическая система находится в постоянном движении, и некоторые её периферийные единицы могут со временем перейти в центральную часть, а потому имеют шансы попасть во фразеологический словарь.

Словарь фразеологизмов романа В. М. Шукшина «Любавины» можно рассматривать как один из типов фразеологических словарей, словарей отдельного произведения писателя.

Структура фразеографической статьи

Заголовочное слово. В левой части фразеографической статьи даётся заголовочная ФЕ в её узальной форме, сопровождаемая стилистическими пометами. В правой части представлена семантизация фразеологизма и иллюстративный аппарат — текстовые фрагменты из художественного произведения.

Парфёнова Стелла Александровна — кандидат педагогических наук, доцент, директор ООО «Эврика» (г. Куйбышев). E-mail: 2652011@mail.ru

Заголовочные ФЕ даются в общеязыковой начальной форме. Словарные статьи располагаются в алфавитном порядке. Грамматические пометы, принятые в общеязыковых фразеологических словарях, в словаре не приводятся. Особенностью этой зоны является заголовочное слово, которое предшествует ФЕ.

Заголовочное слово даётся светлым прописным шрифтом, за значком ◦ (светлый кружок) следует общеязыковая ФЕ, выделенная полужирным прописным шрифтом.

Авторское употребление фразеологизма подаётся за значком □ (прямоугольник) полужирным малым прописным шрифтом в той грамматической форме, в которой фразеологизм представлен в тексте произведения:

БИТЬ ◦ БИТЬ КЛЮЧОМ

- **ключом била.**
- **БИТЬ МОРДУ**
- **морду бить.**
- **БИТЬ СЕБЯ В ГРУДЬ**
- **в грудь бить себя**
- **БИТЬ НЕКОМУ**
- **бить-то некому.**

В круглых скобках даются варианты лексических компонентов инвариантной ФЕ:

- **АТЬ ТВОЮ (ВАШУ, ЕГО и т.п.) МАТЬ (МАТЕРЬ)!**

- **а-ать твою мать!**
- **ать вашу мать!**
- **ать его мать!**

Полужирным курсивом в общеязыковой ФЕ выделяется компонент, который конкретизирует семантику фразеологизма.

Слёзы БЕГУТ РУЧЬЁМ

- **ручьём бежали слёзы. ИФЕ**

В ГЛАЗА говорить, сказать

- **сказала в глаза. ИФЕ**

ВО ВСЕ ГЛАЗА смотреть, глядеть

- **во все глаза глядел**
- **смотрел во все глаза.**

В круглых скобках обычным строчным шрифтом даются сопутствующие авторским фразеопотреблениям факультативные компоненты или грамматические формы, образующие с ними единства, например:

БРАТ ◦ НАШ БРАТ

- **на нашего брата**
- (Повидал) **нашего брата. ИФЕ**

В словаре при общеязыковых ФЕ используются традиционные пометы: Аргот. (арготическое), Бран. (бранное), Грубо-прост. (грубо-просторечное), Ирон. (ироническое), Неодобр. (неодобрительное), Прост. (просторечное), Разг. (разговорное), Устар. (устарелое), Шутл. (шутливое), Экспрес. (экспрессивное) и др.

- **ГЛУПЫЙ БАРАН.** Разг. Экспрес.
- **БЕЛЕНЫ ОБЪЕЛСЯ.** Грубо-прост.
- **ВОТ БЕДА.** Прост. Выражение досады
- **БРАТЬ СЛОВО. ВЗЯТЬ СЛОВО.** Книжн.
- **ДЛЯ БЛЕЗИРУ.** Прост.

Фрагмент словарной статьи

АДРЕСУ ◦ **ПО АДРЕСУ.** По отношению к кому-л.; ◦ ком-л.

□ **по адресу. ИФЕ.** ♦ Сколько проклятий, молчаливых и высказанных вслух, неслось тогда по адресу Яши! (Любавины, т. 1, 190).

АЖУРЕ ◦ **ВСЁ В АЖУРЕ.** Разг. Так, как следует; хорошо, благополучно.

□ **всё в ажуре. ИФЕ.** ♦ — Привет! Лежишь? На, еды тебе принёс... Фу-у! — Мужчина сел на краешек Пашкиной кровати, огляделся. — Ну и житьё у вас, ребята! Лежи себе, плпой в потолок. // — Махнёмся? — предложил мрачно детина. // — Завтра. // — А-а... Нечего тогда вякать. // — Ну, как? — спросил мужчина Пашку. — Ничего? // — Всё в ажуре (Любавины, т. 1, 534).

□ **в ажуре. ТФЕ. Усеч.** ♦ Пашка искоса разглядывал девушку. Хорошенькая, белозубая, губы бантиком — заглядень! // — Куда это на ночь глядя? — спросил Пашка. // — В гости, — охотно откликнулась девушка. И опять вылезла наполовину из кабины — говорит со своим дружкой. // — Саша! Саш!.. Как ты там?! // — В ажуре! — кричал из кузова лейтенант (Любавины, т. 1, 530).

АПЛОДИСМЕНТЫ ◦ **АПЛОДИСМЕНТЫ ПО ЩЕКАМ.** Разг. Ирон. Отхлестать кого-л. по щекам.

□ **аплодисменты устраивать. ТФЕ. Исп. образа.** ♦ — Я влюблён, так? Это — факт, а не реклама. И я одного только не понимаю: чем я хуже твоего инженера? Если на то пошло, я легко могу сделаться Героем Социалистического Труда. Но надо же сказать об этом! Зачем же тут аплодисменты устраивать? — Пашка потрогал горевшие щёки — рука у Насти тяжёлая. — Собирайся и поедом со мной (Любавины, т. 1, 358).

АПШЕТИТА ◦ **ПРИЯТНОГО АПШЕТИТА.** Разг. В речевом этикете: пожелание перед началом приёма пищи.

□ **приятного аппетита. ИФЕ.** ♦ Все Лизуновы были дома. Завтракали. // — Приятного аппетита, — сказал Пашка. // — Садись с нами, — пригласил хозяин. // — Спасибо. — Пашка присел на предпечье. — Только что из-за стола (Любавины, т. 1, 456).

АХНУЛИ ◦ **ТАК И АХНУЛИ.** Разг. Сильно удивиться чему-л.

□ **так и ахнули.** *ИФЕ.* ♦ Но окончательно он доконал публику, когда, отойдя несколько от Насти, но не выпуская её руки из своей, пошёл с приплясом. Все так и ахнули. А Пашка смотрел куда-то выше «местного населения» с таким видом, точно хотел сказать: «Это ещё не всё. Вот будет когда-нибудь настроение — покажу, как это делается» (Любавины, т. 1, 348).

АХТИ ○ **НЕ АХТИ КАКОЙ.** Разг. Весьма посредственный.

□ **не ахти какое.** *ИФЕ.* ♦ Он притворялся, что ему хорошо в обществе тех или иных людей, смеялся, когда не хотелось, внимательно слушал, когда заранее было известно, чем кончится рассказ. Причём, делалось это зачастую без всякой цели — просто трусил быть самим собой. Скажи кому-нибудь, что его скучно слушать — обидится. Помолчи с какой-нибудь вечер, другой скажет: дурак. И приходилось изощряться. Впрочем, и искусство-то не ахти какое, но утомительное. Начав другую жизнь, Ивлев первым делом решил быть самим собой, во что бы то ни стало (Любавины, т. 1, 387).

Необходимость подобного рода словарей очевидна, т.к. фразеологические словари писателя должны стать своеобразными справочниками творчества писателя.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В. И. 1984: Пословицы русского народа: в 2 т. М.

Жуков В. П. 1986: Русская фразеология. М.

Уваров Н. С. 2010: Фразеологизмы в повести В. П. Астафьева «Последний поклон»: Материалы для словаря фразеопотреблений. Куйбышев.

Фёдоров А. И. 1995: Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. Новосибирск.

Шанский Н. М. 1985: Фразеология современного русского языка. М.

THE USE OF PHRASE WRITER'S DICTIONARY (on the basis of creativity of V.M. Shukshin)

S. A. Parfenova

The article examines the experience of creating a dictionary of phrase use by V.M. Shukshin, The materials of the dictionary are invariant (general linguistic), transformed and individual copyrights idioms, proverbs, sayings, humorous expressions. Illustrative material is some parts from the novel "The Lyubavins".

Key words: spirituality, idioms, linguistic creativity, V.M. Shukshin

© 2014

А. В. Прокофьева

К ИСТОРИИ ФИКСАЦИИ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В. ВЫСОЦКОГО В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ

В статье анализируется современное состояние лексикографического описания крылатых выражений В. Высоцкого.

Ключевые слова: крылатые выражения, крылатые слова, цитаты, словари, В. Высоцкий

Тот факт, что В. Высоцкий «относится к числу лидеров, отмеченных «языковым признанием»¹ и «входит сейчас в список самых цитируемых авторов», не вызывает сомнений². Между тем, лексикографическое описание крылатых выражений (КВ) В. Высоцкого стало возможным лишь в последнее десятилетие XX в. Парадокс заключался в том, что, несмотря на широчайшую известность харизматичного барда и актёра, цензура запрещала использовать строки из его стихоспесен в печати. Впрочем, и сама авторская песня, и КВ не считались тогда объектом серьёзного внимания лингвистов, а попытки фиксации крылатых единиц (КЕ) из авторской песни лексикографами «наталкивались на ожесточённое сопротивление издателей словарей и справочников»³. Однако с изменением идеологической ситуации в стране живые, яркие, образные цитаты поэта стали достоянием не только разговорной, но и публицистической речи.

Одним из первых собирателей «крылатого слова» В. Высоцкого является историограф, библиограф авторской песни и текстолог его песен А. Е. Крылов. Приоритет в лексикографическом описании КВ поэта принадлежит учёному-фразеологу С. Г. Шулежковой. В её «Материалах к словарю крылатых выражений из области искусства» (1994) упомянута 21 КЕ, принадлежащая творчеству В. Высоцкого. (Плюс к этому 8 единиц были отмечены как не вошедшие в словарь на общих основаниях)⁴. В 1999 г. в своей статье «Крылатые выражения Владимира Высоцкого» исследователь на материале карточки к будущему Словарию отметила, что в языке функционирует «около сорока крылатых выражений, связанных с именем В. Высоцкого»⁵.

Однако в Большом словаре крылатых слов С. Г. Шулежкова вместе с коллегами-фразеологами В. П. Берковым и В. М. Мокиенко фиксирует всего 11 КВ: *Бег на месте общепримирающий; Если друг оказался вдруг / И не друг, и не враг, а так; Ещё не вечер, Жираф большой — ему видней; Лучшие гор могут быть только горы; Мир дому твоему!; про коварный*

Прокофьева Александра Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры начального образования Института педагогики, психологии и социальной работы Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: prok-va@rambler.ru

¹ Шулежкова 1999, 217.

² Шумкина 2009, 213.

³ Шулежкова 1999, 217.

⁴ Шулежкова 1994, 129.

⁵ Шулежкова 1999, 218.

зарубеж; Ты, Зин, на грубость нарываешься, / Всё обидеть норовишь; Удивительное рядом, (но оно запрещено); уколоться и забыться; Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!

В 2003 г. наконец выходит в свет долгожданный Словарь крылатых выражений из области искусства, в котором С. Г. Шулежкова отмечает уже 50 (!) КВ поэта. Это же число КВ зафиксировано в двухтомном Большом словаре крылатых слов и выражений В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой (БСКСиВ, 2008–2009). И хотя И. В. Шумкина замечает, что в Словаре 2003 г. учтены далеко не все фрагменты текстов, «претендующих на “крылатость”»⁶, на сегодня именно эти два словаря дают наиболее полное представление о фонде КВ В. Высоцкого.

Заметно, что сам цитатный фонд КВ поэта в Словаре 2003 г. (по сравнению с Материалами к словарю 1994 г.) значительно пополнился и обновился. Интересна судьба восьми выражений, не вошедших в третий выпуск Материалов... (см. выше). Четыре из них (*Напрасно жду подмоги я: / Чужая это колея; Словно мухи тут и там ходят слухи по домам; Популярно объясняя для невежд; Поэты ходят пятками по лезвию ножа*) так и не попали в Словарь в окончательном варианте. Вместо КВ *Не пройдёт и полгода* зафиксирована в качестве крылатой вся концовка песни «Я, конечно, вернусь», а из фрагмента «Ты, Зин, на грубость нарываешься, / Всё, Зин, обидеть норовишь! / Тут за день так накувыркаешься... / Придёшь домой — там ты сидишь!» крылатым стало не второе, а первое двустигшие. Цитатам *Нет, ребята, всё не так! / Всё не так, ребята... и Я дышу — и, значит, — я люблю! / Я люблю — и, значит, — я живу!* в этом отношении повезло больше: они получили статус полноценных КВ.

Вслед за С. Г. Шулежковой КЕ поэта, *певца* и актёра заинтересовались и другие лексикографы. В 2001–2003 гг. украинский фразеолог Л. П. Дядечко издаёт свои Материалы для толкового словаря крылатых слов, в которых фиксирует 6 КВ Высоцкого: *Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...; Есть надписи на русском языке; Ещё не вечер; Лучшие гор могут быть только горы; Мир дому твоему (сему; вашему дому)!; Обложили меня, обложили...* Те же количество и состав отмечены и в самом Толковом словаре Л. П. Дядечко «Крылатые слова нашего времени» (2008). Отметим, что подача КВ В. Высоцкого в словарях В. П. Беркова, Л. П. Дядечко и С. Г. Шулежковой сопровождается развёрнутой словарной статьёй с указанием всех необходимых словарных помет и приведением примеров, в Словаре Л. П. Дядечко к тому же даются украинская транскрипция КВ и примеры цитирования на украинском языке.

Словарь современных цитат К. В. Душенко (2002) включает 72 цитаты В. Высоцкого. Однако полное отсутствие иллюстративного материала делает выборку субъективной и не позволяет отнести все эти языковые единицы к крылатым. Впрочем, автор, исходя из названия Словаря, и не претендовал на термин «крылатые выражения». Языковое чутьё не подвело составителя: из 72 единиц крылатыми (с опорой на БСКСиВ 2008–2009) можно назвать 29 цитат, включая их фрагменты.

В 2003 г. В. В. Серов выпускает свою Энциклопедию крылатых слов и включает в неё 6 КВ В. Высоцкого: *Бег на месте общепримирующий; Где деньги, Зин?; Если друг оказался вдруг; Настоящих буйных мало — вот и нету вожаков; Нет, ребята, всё не так! / Всё не так, ребята.* Словарная статья в энциклопедии состоит из цитаты и краткой характеристики источника. Толкование приводится только у трёх единиц: *Бег на месте общепримирующий, Если друг оказался вдруг и Ещё не вечер.* Примеры употребления КВ отсутствуют.

В 2010 г. выходит Словарь живых крылатых выражений русского языка Ю. П. Князева, который, по наблюдениям А. Е. Крылова, содержит 21 КВ (без описания их значений).

А. Е. Крылов называет 8 словарей, содержащих КВ из авторской песни (а, следовательно, и КВ В. Высоцкого), и кратко анализирует достоинства и недостатки некоторых из них⁷. Из вышеупомянутых в этот список не вошли, но нами проанализированы: Материалы к словарю С. Г. Шулежковой (1994); Материалы к словарю Л. П. Дядечко (2001); Словарь цитат К. В. Душенко и БСКСиВ (2008–2009).

Названы А. Е. Крыловым, но в поле нашего зрения не попали: Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Современные крылатые слова и выражения (2005); Зыкова Е. И., Мокиенко В. М. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке. Краткий словарь-справочник (2006); Нафагина Г. Л., Капцев В. А., Дюкова Э. Ю. Крылатые слова из произведений русской литературы: Справочник (2006). По наблюдениям, сделанным в разное время С. Г. Шулежковой и А. Е. Крыловым, в данных словарях отсутствуют примеры и даётся неполная паспортизация КВ⁸.

Кроме того, в БСКСиВ (2008–2009) при толковании некоторых КВ В. Высоцкого составители ссылались также на Русско-польский словарь крылатых слов проф. В. Хлебды, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой (2003) и Словарь Е. И. Зыковой и В. М. Мокиенко «Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке: краткий словарь-справочник (2005). В Русско-польский словарь крылатых слов вошли три КВ: *Ещё не вечер; Жираф большой — ему видней!; Удивительное рядом, но оно запрещено;* в Словарь Е. И. Зыковой и В. М. Мокиенко — три КВ: *Если друг оказался вдруг; Ещё не вечер; Жираф большой — ему видней!*

Как видим, список словарей, фиксирующих КВ В. Высоцкого, значительно вырос. Однако объём и состав цитируемых КВ в словарях разнятся существенно. Причины этого явления могут стать темой отдельного разговора.

Проанализировав 8 словарных источников, мы выявили «большую восьмёрку» КВ-лидеров В. Высоцкого. Это единицы, которые зафиксированы в 7–8 словарях (а то и более, с учётом ссылок из БСКСиВ 2008–2009) За «начальную форму» КВ брался вариант, отмеченный в БСКСиВ (2008–2009). Итак, в большую восьмёрку вошли: *Бег на месте общепримирующий; Если друг оказался вдруг / И не друг, и не враг, а так; Ещё не вечер; Жираф большой — ему видней; Лучшие гор могут быть только горы; Удивительное рядом, (но оно запрещено); уколоться и забыться; Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!*

«Выполняя роль ситуативно-оценивающих реплик»⁹, данные КВ стали популярными также благодаря своей потенциальной способности к образованию сходных по модели фразеологических серий: *Лучше гор могут быть только небоскрёбы...*¹⁰; *Театр Большой, ему видней!*¹¹.

⁶ Шумкина 2009, 213.

⁷ Крылов 2011, 107.

⁸ Крылов 2011, 107; Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 10.

⁹ Шулежкова 1999, 220.

¹⁰ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 579–580.

¹¹ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 379.

Вся восьмёрка зафиксирована в БСКС (2000). Из восьми пять единиц являются предикативными, остальные представляют собой КВ номинативного типа. С точки зрения функционально-стилистической окраски помету «разговорное» имеют КВ *Жираф большой — ему видней; Удивительное рядом, но оно запрещено, уколоться и забыться; Чуть помедленнее, кони!* Четыре единицы входят в состав рефрена, три находятся в сильных текстовых позициях (в начале стихопесни — *Если друг оказался вдруг*; в концовке — *Бег на месте общепримирающий*; в завершающей части эпизода — *Удивительное рядом, но оно запрещено*). И лишь одно КВ — *уколоться и забыться* — представляет собой «осколок» строфы.

Примечательно, что В. Высоцкий, чья поэзия насковозь интертекстуальна, используя то или иное выражение в своих текстах, дарил ему вторую молодость. До сих пор среди исследователей КВ поэта нет единого мнения по поводу авторства ряда выражений в случаях так называемой вторичной крылатизации. Подобные колебания находят своё отражение и в словарях. Так, рефрен «Песни самолёта-истребителя» *Мир вашему дому!* первоначально в Материалах к словарю... С. Г. Шулежковой (1994) был охарактеризован прежде всего как актуализированная трансформация библейского КВ *Мир дому твоему (сему)*¹². Однако в Словаре крылатых выражений из области искусства (2003) и БСКСиВ (2008–2009) единицы *Мир Вашему дому!*, *Мир дому сему* и *Мир дому твоему* разводятся по разным словарным статьям, при этом авторство первой однозначно закрепляется за В. Высоцким¹³. Л. П. Дядечко фиксирует один оборот *Мир дому твоему* с вариантами (*сему; вашему дому*) и без оценочных комментариев указывает его возможные источники, а именно — песню О. Фельцмана на стихи И. Кохановского «*Мир дому твоему*», песню В. Высоцкого и исходный библейский контекст¹⁴.

КВ *Удивительное рядом, но оно запрещено и прерванный полёт* вызывают споры прежде всего из-за того, что «Удивительное рядом» — изначально заголовок газетной рубрики, а «Прерванный полёт» — название польского кинофильма (1964). То же самое наблюдается и с оборотом *Ещё не вечер*, авторство которого принадлежит И. Бабелю. А. Е. Крылов считает отнесение подобных КВ к В. Высоцкому как к первоисточнику ошибочным¹⁵. Однако С. Г. Шулежкова приводит другой аргумент: причиной подлинной популярности данных выражений (кто, согласитесь, помнит название польского кинофильма, рубрики в газете или реплику героя И. Бабеля?) стало их удачное употребление талантливым исполнителем В. Высоцким¹⁶. Подобную точку зрения по поводу КВ *Ещё не вечер* разделяют В. В. Серов¹⁷ и К. В. Душенко (в отношении к КВ *Прерванный полёт* и *Удивительное рядом, но оно запрещено*)¹⁸.

Л. П. Дядечко же в своём Словаре, фиксируя КВ *Ещё не вечер*, называя все его источники, попутно комментирует, что «выражение ассоциируется также с популярными песнями», и приводит в качестве первого примера песню В. Высоцкого¹⁹.

Колебания при толковании подобных случаев вторичной крылатизации приводят порой к возникновению противоречий и у самих исследователей. Так, А. Е. Крылов, анализируя Словарь Ю. П. Князева, не согласен с автором по поводу отнесения КВ *Прерванный полёт* перу В. Высоцкого. Однако ранее в этой же книге автор упоминает о своей солидарности с К. В. Душенко, который всё же закрепляет авторство за В. Высоцким²⁰.

Спорные моменты с авторизацией могут приводить к разным количественным показателям КВ поэта в словарях. Например, по подсчётам И. В. Шумкиной, в словаре С. Г. Шулежковой (2003) — 47 КВ В. Высоцкого (наш результат — 50).

Отдельной строкой следует упомянуть цитаты, принадлежащие киногероям в исполнении В. Высоцкого-актёра. В кинематологе (термин В. С. Елистратова) попали прежде всего выражения из популярного кинофильма «Место встречи изменить нельзя» (реж. С. Говорухин, 1979). В. С. Елистратов в своём Словаре крылатых слов русского кинематографа (1999) фиксирует 53 такие единицы²¹. Больше половины из них произнёс Жеглов (В. Высоцкий) со своей особой хрипотцой и интонацией. Однако в качестве крылатых в Словарях зафиксировано только три: само название фильма, *Ну и рожа у тебя, Шариков!* и *Вор должен сидеть в тюрьме*. Закреплять ли за подобными КВ и цитатами авторство В. Высоцкого — вопрос, требующий дополнительного исследования.

В заключение хочется отметить, что в 2011 г. вышел в свет Сборник статей и словарных материалов А. Е. Крылова «Слова — как ястребы ночные», в котором автор (в соавторстве с И. В. Шумкиной) предлагает всем почитателям крылатых слов (КС) из авторской песни Материалы к Словарю крылатых слов В. Высоцкого и Б. Окуджавы. Работа, судя по представленному материалу, проделана огромная: в картотеке автора одно только собрание цитатных заголовков В. С. Высоцкого за 1997–2006 гг. около 1,5 тысяч (!) единиц. При этом сами цитаты В. Высоцкого А. Е. Крылов начал собирать с 1980 гг. В «Словарике», как его любовно называет автор, судя по аннотации, планируется представить 76 словарных статей. Именно столько строк из пяти песен В. Высоцкого и одной песни Б. Окуджавы используется, по подсчётам исследователей, в качестве цитат и КВ в СМИ XX–XXI вв. Помимо традиционных словарных статей, в Словаре даётся комментарий к трансформациям КВ, приводимым в качестве иллюстративного материала.

Полагаем, данный «Словарик» будет ценным приобретением для всех поклонников «живого слова» В. Высоцкого.

СЛОВАРИ И СБОРНИКИ СЛОВАРНЫХ МАТЕРИАЛОВ, СОДЕРЖАЩИЕ КВ В. ВЫСОЦКОГО

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 ед. М.

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2008–2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / С. Г. Шулежкова (ред.). Магнитогорск; Greifswald.

Грушко Е. А., Медведев Ю. М. 2005: Современные крылатые слова и выражения: энциклопедия. М.

Душенко К. В. 2002: Словарь современных цитат. М.

¹² Шулежкова 1994, 70.

¹³ Шулежкова 2003, 168; Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 618.

¹⁴ Дядечко 2008, 379.

¹⁵ Крылов 2011, 87.

¹⁶ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 359; 2, 2009, 246, 474.

¹⁷ Серов 2003, 230.

¹⁸ Душенко 2002, 91–92.

¹⁹ Дядечко 2008, 221.

²⁰ Крылов 2011, 27, 87.

²¹ Елистратов 1999, 157.

- Дядечко Л. П. 2001–2003: Новое в русской и украинской речи: крылатые слова — крилаті слова (материалы для словаря): учеб. пособие в 4 ч. Киев.
- Дядечко Л. П. 2008: Крылатые слова нашего времени: толковый словарь: более 1000 единиц. М.
- Елистратов В. С. 1999: Словарь крылатых слов (русский кинематограф): около тысячи единиц. М.
- Зыкова Е. И., Мокшенко В. М. 2005: Давайте говорить правильно!: Крылатые слова в русском языке: краткий слов.-справ. СПб.
- Князев Ю. П. 2010: Словарь живых крылатых выражений русского языка. М.
- Крылов А. Е. 2011: Слова — как ястребы ночные: О крылатых выражениях из авторской песни. М.
- Нафагина Г. Л., Капцев В. А., Дюкова Э. Ю. 2006: Крылатые слова из произведений русской литературы: справ. Минск.
- Серов В. В. 2003. Крылатые слова: Энциклопедия. М.
- Шулежкова С. Г. 1994: Крылатые выражения из песен 2-й половины 1940-х — начала 1990-х годов. Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства» — Вып. 3. Магнитогорск.
- Шулежкова С. Г. 2003. Словарь крылатых выражений из области искусства: более 1000 крылатых выражений. М.
- W. Chlebda, W. M. Mokijenko, S. G. Szuleżkova 2003. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask.

ЛИТЕРАТУРА

- Шумкина И. В. 2009: Песни В. Высоцкого как источник чужого слова (2000–2006) // Владимир Высоцкий: Исследования и материалы 2007–2009 гг.: сб. науч. тр. / Б. С. Дыханова и др. (редкол.). Воронеж, 213–225.
- Шулежкова С. Г. 1999. Крылатые выражения Владимира Высоцкого // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. III. Т. 2 / А. Е. Крылов, В. Ф. Щербаква (сост.). М., 216–225.

THE HISTORY OF WINGED EXPRESSIONS BY V. VYSOTSKY IN MODERN DICTIONARIES

A. V. Prokofyeva

The article analyzes the current state of lexicographic description winged expressions by V. Vysotsky.

Key words: winged expressions, winged words, quotations, dictionaries, Vladimir Vysotsky

© 2014

Т. И. Рожкова

ПРИНЦИПЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ А. П. СУМАРОКОВА
(размышления над материалами к «Словарю русского языка XVIII в.)

В статье рассматриваются принципы поэтической речи А. П. Сумарокова, изложенные им в журнале «Трудолюбивая пчела» (1759). Анализ публикаций позволяет уточнить, в каких вопросах взгляды писателя расходились с позицией учёных-академиков.

Ключевые слова: А. П. Сумароков, поэтический образ, остроумие в поэзии, поэтическая речь

«Словарь русского языка XVIII в.» отразил процессы становления классицизма в русской литературе нового времени. Построение литературного языка — одна из самых актуальных задач русской словесности этого периода. К середине XVIII в. русская теоретическая мысль заявила о себе в филологических трактатах, манифестирующих новые языковые нормы: «Эпистола от российской поэзии к Аполлину» В. К. Тредиаковского (1735); «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова (первое издание 1747). А. П. Сумароков, по словам В. М. Живова, был «существенно меньше занят теорией» в сравнении с его учёными коллегами, вместе с тем и он представил свои суждения в двух поэтических посланиях «О стихотворстве» и «О русском языке». Он напечатал их за свой счёт в год триумфа «Риторик» М. В. Ломоносова, выдержавшей в 1748 г. четыре издания. В. П. Степанов справедливо назвал книгу эпистол Сумарокова «первым публичным заявлением нового литературного лидера»¹. А. М. Песков отметил в ней претензию «на особую литературную миссию — поэта-законодателя, “русского Буало”»².

В эпистолах А. П. Сумароков излагает много традиционных для классицистов идей, в частности ориентирует начинающих авторов на античное культурное наследие, на достижения французской и итальянской литературы:

*Возьмём себе в пример словесных человек:
Такой нам надобен язык, как был у греков,
Какой у римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорит Италия и Рим,
Каков в прошедший век прекрасен стал французский,
Иль, наконец, сказать, каков способен русский!
Довольно наш язык в себе имеет слов (1748)*

(Сумароков 1953, 129).

«Природную красоту» родного языка ещё только предстояло раскрыть, и здесь пути основоположников русского классицизма не всегда совпадали.

Рожкова Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: robin.55@mail.ru

¹ Словарь писателей XVIII века 2006–2011.

² Песков 1989, 25.

Предшествующие эпохи передали Новому времени представление о двух сторонах человеческой природы – рассудке и чувственности. В. А. Западов считает, что «поначалу в новой русской литературе» сформировались две школы: «Первая из них (Феофан Прокопович, Кантемир, Сумароков) предпочитает воздействие непосредственно на разум (и вместе с ним — на чувства), а в основу художественной системы кладёт образ рациональный, объективный, логически ясный. Вторая (Тредиаковский, Ломоносов) предпочитает воздействие в первую очередь на чувства (и через них – на разум)»³. В полемических высказываниях писателей оформлялись конкурирующие стилистические программы. Необходимость выражать мысли ясно А. П. Сумароков обосновывал проблемами читательского восприятия, по его мнению, «затемнённости» поэтической речи, её «невнятность» вводили в заблуждение и не способствовали воспитанию вкуса:

*Несмысленны чтецы, хотя их не поймут,
Дивятся им и мнят, что будто тайна тут,
И, разум свой покрыв, читая темнотою,
Невнятный склад писца приемлют красотою* (1748)

(Сумароков 1953, 131).

Поэтические приёмы М. В. Ломоносова были основаны на «невероятном сочетании слов различных рядов значения» (Г. А. Гуковский) и для Сумарокова были эстетически недопустимыми. Обратим внимание на характер его замечаний в адрес учёного-теоретика: «можно ли так сказать», «сказать не можно». В собственном поэтическом слову Ломоносова стремлении к «несобственному высказыванию», «к высокой степени остранения» (Р. Лахманн) Сумароков видел непозволительное удаление от простоты и ясности мысли.

Свою позицию в дальнейшем Сумароков изложил в журнале «Трудолюбивая пчела» (1759), который он «изнамерил-ся издавать» частным образом. Цензурная история журнала оказалась достаточно конфликтной, т.к. цензор Н. И. Попов, которому был поручен просмотр материала, по доношению А. П. Сумарокова, «часто складу <...> касался и карандашом подчёркивал»⁴. Метафора заглавия широко известна в церковнославянской литературной традиции⁵. Сумароков использовал образ «трудолюбивой пчелы» в книге своих эпистол, уподобляя её труду стихотворца:

*Трудолюбивая пчела себе берёт
Отсюду то, что ей потребно в сладкий мёд,
И, посещающа благоуханну розу,
Берёт в свои соты частицы и с навозу* (1748)

(Сумароков, 1953, 133).

Тема языка национальной поэзии проблематизируется уже в заглавии. В журнале Сумароков опубликовал несколько своих рассуждений, поданных в жанре письма: «О разности между пылким и острым разумом» (апрель); «О неестественности» (апрель); «Об остроумном слове» (июнь).

В письме «О разности между пылким и острым разумом» Сумароков разводит понятия «остроумие» и «пылкость». Для него «острый разум состоит в пронизании» предмета или явления, в то время как «пылкий» — «в единой скорости». «Острый разум доходит до основания», в то время как пылкий «касается единой поверхности». Пылкость и остроумие, как свойства человеческого разума, полезны и судье, и полководцу, и стихотворцу. Для последнего пылкость без остроумия вредна: «стихотворец набредит и бредом своим себе и несмысленным читателям поругание сделает» (Сумароков, 1759, 236). Из письма видно, что точность словесного образа связывается Сумароковым с поэтическим даром писателя. Его ориентированность на субъективные качества сочинителя неоднократно отмечалась В. М. Живовым при анализе процесса формирования лингвистических теорий: «Согласно Сумарокову, язык получает своё достоинство не столько в результате учёной обработки (нормализации), сколько благодаря вкусу и умению тех авторов, «которых тщание искусству ревновало»⁶. Критические высказывания активного литературного практика в адрес реформаторов языка были связаны с тем, что «его учёные коллеги предлагают слишком ригористическую нормализацию, которая не оставляет места для собственно эстетического суждения писателя. Стилистический выбор должен, на его взгляд, определяться не формальными параметрами избираемого элемента (например, его русским или славянским происхождением), а авторским вкусом, оценивающим уместность данного элемента в данном контексте»⁷. Думается, именно поэтому на полях ломоносовских од Сумароков оставлял критические пометы без всяких комментариев, по выражению М. Л. Гаспарова, «просто от имени своего вкуса, перечисляя только номера строк»⁸. В пометах выразился его собственный эстетический выбор.

Письмо «Об остроумном слове» (июнь) продолжает мысли поэта об остроумии. Если человеческому разуму свойственны «скорое пронизание, точное воображение, краткое изъяснение», тогда рождаются «остроумные слова». Чрезмерная описательность в поэтическом тексте — свидетельство «человеческого скудоумия»: «острота разума обширных изъяснений не терпит», «не имеет в словах ни излишества, ни недостатка» (Сумароков, 1759, 372). Образцы остроумных ответов он находит в исторических анекдотах об Александре Македонском, слово которого «слушателей удовольствовало».

«Неприятное» отношение придворных кругов к журналу П. Н. Берков объяснял публикацией сатир на лихоимство судей, взяточничество чиновников, но в журнале была ещё одна тема, которая задевала всех. Светская жизнь второй половины XVIII в. и в Европе, и в России оказалась вовлечённой в культуру галантного диалога, отличавшегося особой изысканностью, утончённостью, забавным остроумием⁹. В письме «Об остроумном слове» Сумароков допустил оценочные высказывания в адрес речевого поведения аристократии: «Но я обращаюсь к остроумным словам, на которые ныне в свете так велико употребление, как мало их число» (Сумароков, 1759, 373). Поэт изложил правила светского остроумия: «остроумное слово единжды только выговорено быть должно», «повторения чужих острот» есть «заимствование чужого разума».

³ Западов 1995, 21.

⁴ Шамрай, Берков 1962, 402.

⁵ Левитт 1994, 24.

⁶ Живов 1996, 345.

⁷ Живов 1996, 344.

⁸ Гаспаров 2003, 236.

⁹ Акимова 2013.

Несоблюдение правил «показывает» нас «людьми слабыми и надутыми пустою гордостью, которая вместо возвышения делает нам понижение» (Сумароков, 1759, 373).

Учение об остроумии, представляющее основную часть стиля барокко, оказало влияние на поэтическое мышление М. В. Ломоносова¹⁰. Приёмы остроумных речей были им изложены в главе «Об изобретении» в работе «Краткое руководство к красноречию» (1748), а применены в одной из самых известных од — «Ода на день восшествия Елизаветы Петровны на престол» (1747). По мнению Р. Лахманн, Сумароков в своей «Оде вздорной 1» не только её пародирует, но и выстраивает «метатекст, речь в котором идёт об обнажении определённой поэтической техники»¹¹.

В языке высокой поэзии Сумароков не допускал неестественности, натянутости изображения. На эту тему он размышляет в статье «О неестественности» (апрель). Письмо начинается с описания реального происшествия: поэт наблюдал из окна похоронную процессию и обратил внимание на то, что следующая за гробом вдова «в беспамятстве своём» выскивала место, «где ступить посуше», а оплакивая мужа, «нигде каданса не потеряла». «На ум» пришли стихотворцы, которые пишут «не оицкая» предмета, «пишут только то, что им скажет умствование или невежество, не спрашиваясь с сердцем, или паче не имея удобства подражать естества простоте, что всего писателю труднее, кто не имеет особливго дарования, хотя простота естества издали и легка кажется» (Сумароков, 1759, 240).

Статьи Сумарокова, опубликованные в журнале «Трудолюбивая пчела», — ещё одно свидетельство того, насколько упорно сопротивлялся поэт авторитетному мнению Ломоносова, в образной системе которого он видел «чрезмерное» умение. Надо заметить, что А. П. Сумароков, при всей сложности характера и самолюбии, о чём писали современники, высказывал критические суждения и в адрес своего стиля. В августовском номере «Трудолюбивой пчелы» он напечатал стихотворение «Недостаток изображения», где не только сформулировал проблемы «ложного» стихотворства:

*Не стихотворец тот ещё,
Кто только мысль изображает,
Холодную имея кровь; —*

но и признавался, как не всегда ему самому удаётся найти объективный, логически ясный образ для выражения своих чувств:

*Парнасским жителем назваться я не смею:
Я сладости твои почувствовать умею;
Но что я чувствую, когда скажу, — солгу,
А точно вымолвить об этом не могу*

(Сумароков, 1759, 482).

Точное слово — «дар щедрого творца» — ускользало и от него. В известном послании к Елизавете Васильевне Херасковой он не только поучал начинающих стихотворцев («От меня скажите это...»), но и относил к себе обязательность выполнения заявляемых правил:

*Я не критики касаюсь,
Не к тому мои слова,
Только то другим вещаю,
Что вещаю я себе*

(Сумароков 1953, 95).

В итоговых подсчётах, проведённых М. Л. Гаспаровым, поэтический язык Сумарокова оказался прозрачнее языка Ломоносова почти вдвое: «тропы, т.е. слова в несобственном значении, у Ломоносова возникают в 90% строк, а у Сумарокова — в 50 %»¹².

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова Т. И. 2013: Роль литературного творчества Екатерины II в становлении дворянского самосознания конца XVIII — начала XIX века. Саранск.
- Берков П. Н. 1952: История русской журналистики XVIII века. М.; Л.
- Гаспаров М. Л. 2003: Стиль Ломоносова и стиль Сумарокова — некоторые коррективы // Новое литературное обозрение. 1 (53), 235–243.
- Живов В. М. 1996: Язык и культура в России XVIII века. М.
- Западов В. А. 1995: Литературные направления в русской литературе XVIII века. СПб.
- Лахманн Р. 2001: Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб.
- Левитт М. 1994: К истории текста «Двух эпитолов» А. П. Сумарокова // Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 16–33.
- Морозов А. А. 1962: Проблемы барокко в русской литературе // Русская литература. 3, 3–38.
- Словарь русских писателей XVIII века 2006–2011: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10377>.
- Сумароков А. П. 1953: Стихотворения. Л.
- Сумароков А. П. 1759: Трудолюбивая пчела. СПб.
- Шамрай Д. Д., Берков П. Н. 1962: К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; Л., 399–406.

PRINCIPLES OF THE POETIC LANGUAGE OF A. P. SUMAROKOV (reflections on some materials to “Dictionary of the Russian language in the 18th century”)

T. I. Rozhkova

The article deals with the principles of poetic speech of A. P. Sumarokov that were expounded in the magazine “Трудолюбивая пчела” (“Busy bee”) in 1759. The analysis of the publications gives us a chance to specify the differences between A. P. Sumarokov’s views on that problem and views of the members of Academy.

Key words: A. P. Sumarokov, poetic speech, poetic image, poetic wit

¹⁰ Морозов 1962; Лахманн 2001.

¹¹ Лахманн 2001, 140.

¹² Гаспаров 2003, 238.

© 2014

В. С. Севастьянова

ТЕКСТ НИЦШЕ В СЛОВАРЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

В статье рассматривается языковая картина мира, воплотившаяся в художественных исканиях русского литературного модернизма. Анализируя произведения Андрея Белого и Ф. Ницше, автор статьи сопоставляет созданные двумя художниками образы, устанавливает параллелизм их художественных построений и философских систем.

Ключевые слова: А. Белый, Ф. Ницше, модернизм, лирика, философские системы, языковая картина мира

Одной из особенностей поэтики русского литературного модернизма являлось взаимодействие художественных построений с базовыми положениями генетически родственных им религиозно-философских учений. При этом влияние последних сказывалось не только на творимых русскими авторами образах и мотивах, но и на создававшейся ими особой языковой картине мира, наполнявшейся представлениями, воспринятыми из близких по духу мировоззренческих систем.

Особенно ярко такое воздействие проявилось в творчестве Андрея Белого. Поэт не только на протяжении многих лет занимался осмыслением философских положений Ф. Ницше, одного из своих кумиров, но и стремился «заговорить на языке» этого «предтечи теургического искусства» (Белый 1990, 282). В словарь автора «Золота в лазури», «симфоний», «Тристий» прочно вошли такие понятия, как вечное возвращение, возврат, круговое движение...

Первым опытом синтеза языков художественного текста и философской доктрины можно считать цикл «Возврат», создававшийся А. Белым в самом начале 1900-х гг. — времени наибольшей увлечённости творчеством Ф. Ницше. Уже в первой части «Возврата» поэт уподобляет своего героя ницшевскому страннику, который покинул родину и пошёл в горы, наслаждаясь там «своим духом и своим одиночеством» (Ницше, 6):

*Я вознесён, судьбе своей покорный.
Над головой полёт столетий быстрый.
Привольно мне в моей пещере горной.
Лазурь, темнея, рассыпает искры*

(Белый 1994, 79).

Заратустра испытывает потребность в том, чтобы делиться своим знанием, нуждается в учениках и последователях: «Но наконец изменилось сердце его — и в одно утро поднялся он с зарёю, стал перед солнцем и так говорил к нему: "... Я пресытился своей мудростью <...> мне нужны руки, простёртые ко мне. Я хотел бы одарить и наделять до тех пор, пока мудрые среди людей не стали бы опять радоваться безумству своему, а бедные — богатству своему»» (Ницше, 6). «Вознесшийся» герой А. Белого, пресытившись одиночеством, покидает свою пещеру, для того чтобы призвать к себе и просветить тех, кто остался внизу:

*Мои друзья упали с выси звёздной.
Забыв меня, они живут в низинах.
Кровавый факел я зажжёт над бездной.
Звездой дальней блещет на вершинах.
Я позову теперь к вершинам брата.
Пусть зазвучат им дальние намёки*

(Белый 1994, 80).

Очевидны также не только образные, но и лексические параллели, существующие между стихотворением А. Белого и ницшевской песнью «С высоких гор»:

*О полдень жизни! Дивная пора!
Пора расцвета!
Тревожным счастьем душа моя согрета:
Я жду друзей с утра и до утра,
Где же вы друзья? Придите! Уж пора!..
Здесь пир готовлю я друзьям своим:
Кто к далям звёздным
Живёт так близко, —
К этим страшным безднам?
Где царство, равное владениям моим?
А мёд мой, — кто же наслаждался им?*
(Ницше, 405).

*Вином волшебств мы встретим их, как маги.
Как сон, мелькнёт поток столетий быстрый.
Подай им кубки пенно-пирной лаги,
В которой блещут золотые искры...*

*Подножье пира — льдистая вершина.
Пылает скатерть золотом червонца.
В сосудах ценных мировые вина:
Вот тут — лазурь, а там — напиток солнца*
(Белый 1994, 79).

Книги Ф. Ницше и тексты русского поэта объединяют не только слова о пире, друзьях, горных вершинах, звёздных далях и высях. Заратустра так обращается к своим последователям: «... нужно много благородных, и разнородных благородных, чтобы составила знать! Или, как говорил я однажды в символе, “в том божественность, что существуют боги, а не Бог!” <...> О братья мои, я жалею вас в новую знать: вы должны стать созидателями и воспитателями — сеятелями будущего...» (Ницше, 152).

Со словами, выдержанными в духе приведённой заповеди, обращается к своим «братьям», призванным «на пир», и герой «Возврата»:

Севастьянова Валерия Станиславовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для профессиональной коммуникации Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: valesel@mail.ru

*Меж них хожу в небесно-бледной тоге.
То здесь, то там мелькает жезл волшебный.
«Друзья, пируйте — будете как боги»,
то там, то здесь твержу: «Мой стол — целебный...»*

(Белый 1994, 80).

Во многих окружающих «Возврат» произведениях «Золота в лазури» влияние Ф. Ницше видно столь же отчётливо. Обращаясь к наследию философа, поэт всякий раз пытается перекинуть мост от его призывов к исканиям современных «новых теургов», которые должны всё ближе подходить к разрешению загадок бытия. В книге «Так говорил Заратустра» мы читаем: «О братья мои, не всё ли течёт теперь? Не все ли перила и мосты попадали в воду? Кто же станет ещё держаться за “добро” и “зло”?» (Ницше, 145). В целом корпусе текстов А. Белого стартовой площадкой аргонавтических полётов и свободного творчества становится то, что позже будет названо «боевой платформой Ницше» (Белый 1994, 182):

*Ах, и зло, и добро
утонуло в прохладе манящей.
Серебро, серебро
омывает струёй нас звенящей*

(Белый 1994, 32).

Для Ф. Ницше преодоление «добра» и «зла» означает конец «зимнего» периода в истории человечества: «Над рекою всё крепко, все ценности вещей, мосты, понятия, всё “добро” и “зло” — всё это крепко!»; «Это истинное учение зимы, удобное для бесплодного времени, хорошее утешение для спящих зимою <...> Но против этого говорит ветер в оттепель!.. О братья мои, не всё ли течёт теперь? Не все ли перила и мосты попадали в воду? Кто же станет держаться ещё за “добро” и “зло”? “Горе нам! Благо нам! Тёплый ветер подул!” — так проповедуйте, братья мои, по всем улицам!» (Ницше, 145). А. Белый, не отклоняясь от пути, завещанного учителем, заглушает «вопли зимы» в своём художественном пространстве:

*Засыл после тьмы
ярче свет первозданный,
Глуше вопли зимы.
Дальше хаос туманный...*

(Белый 1994, 32), —

а также вводит образ «весеннего пророка», несущего своей проповедью оттепель в остывший мир:

*Его риза в огне...
И, как снег, седина.
И над ним в вышине
голубая весна...*

(Белый 1994, 37).

Однако свои главные надежды на обретение бесконечного, всеобъемлющего «счастья бытия» А. Белый связывает с развитием ещё одной из ницшевских идей — идеи вечного возвращения¹. «Учитель возвращения» Заратустра возвещает: «Всё идет, всё возвращается; вечно вращается колесо бытия. Всё умирает, всё вновь расцветает, вечно бежит год бытия. Всё погибает, всё вновь устрояется; вечно строится один и тот же дом бытия. Всё разлучается, всё снова друг друга приветствует; вечно остаётся верным себе кольцо бытия. В каждый миг начинается бытие...» (Ницше, 158). А. Белый убеждён: это только на первый, очень поверхностный взгляд вечное возвращение — детерминистический парадокс, бесконечное повторение бесчисленных комбинаций атомов. На самом же деле, движение вечно возвращающегося бытия должно плавно и почти незаметно трансформироваться в «возвратное приближение Вечности» (Белый 1994, 191).

Приступая к воплощению такого приближения в собственных текстах, А. Белый, как того и следовало ожидать, задаёт вполне определённый вектор развития своего художественного бытия:

*Старина, в пламенеющий час
обуявшая нас мировым, —
старина, окружившая нас,
водопадом летит голубым.*

*И веков струевой водопад,
вечно грустной спадая волной,
не замоет к былому возврат,
навсегда засквозив стариной*

(Белый 1994, 28).

Образы Ф. Ницше не исчезнут из словаря А. Белого и тогда, когда от принятия идей немецкого философа А. Белый перейдёт к полемике с ним, и идея вечного бытия сменится мыслью об уничтожении последнего, о растворении в не-бытии². Так, о «кольце» мы читаем в «Тристях» (1907):

*И ночь, и день бежал. Лучистое кольцо
Ушло в небытие...*

(Белый 1994, 257), —

а также в переработанном тексте 1929 г. («Брюсов»):

*В Бездну
Безвременья
Падай, <...>*

¹ Севастьянова 2008, 287.

² Севастьянова 2010, 48.

*Кольцо
Бытия!*

(Белый 1994, 410).

Такая верность однажды избранному ориентиру позволяет говорить о том, что язык философии Ф. Ницше является одним из столпов поэтического словаря Андрея Белого, а «усвоение терминологии» (Белый 1990, 130) союзников и противников на каждом из этапов творческих исканий является одним из основных принципов функционирования созданной русским поэтом художественно-философской системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Белый А. 1990: Начало века. Воспоминания: в 3 кн. Кн. 2. М.
 Белый А. 1994: Символизм как миропонимание. М.
 Белый А. 1995: Собр. соч.: Стихотворения и поэмы. М.
 Ницше Ф. 1990: Соч.: в 2 т. Т. 1. М.
 Севастьянова В. С. 2008: Не-бытие и русская литература начала XX века (А. Белый, М. Горький, В. Набоков) // ПИФК. XIX. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 282–291.
 Севастьянова В. С. 2010: Символизм не-бытия Андрея Белого: Опыт построения антисистемы: монография. М.

NIETZSCHE'S TEXT IN ANDREI BELY'S VOCABULARY

V. S. Sevastyanova

The article reveals the language picture of the world embodied in art searches of Russian literary modernism. Analyzing Andrei Bely and Nietzsche's works the author compares images created by the poets, sets parallelism of artistic constructions and philosophical systems.

Key words: A. Bely, F. Nietzsche, modernism, lyrics, philosophical systems, the language picture of the world

© 2014

К. П. Сидоренко

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА КАК ОБЪЕКТ ИНТЕРТЕКСТОВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Крылатые слова и цитаты из басен И. А. Крылова рассматриваются с точки зрения их лексикографической обработки. Интертекстовый потенциал басен позволяет создать словарь, в котором представлено описание семантически и структурно неоднородных единиц.

Ключевые слова: крылатые слова, цитата, интертекстовая динамика, контекст, типология словарей

И. А. Крылов объединил в 9 книгах 198 своих басен, но некоторые басни публикуются в собраниях сочинений поэта как дополнение к основному корпусу¹. Обращение к источникам, начиная с первых десятилетий XIX в. и до наших дней, обработка художественных, публицистических, учебных, научно-популярных и научных текстов, словарей, литературной критики, газет, мемуаров, писем, ресурсов Интернета показало, что все басни Крылова так или иначе отразились в русской интертекстовой динамике и могут быть объектом лексикографической систематизации². Опубликованный в 2013 г. Словарь-справочник, созданный по материалам басен Крылова, насчитывает более 1700 словарных статей. Их лексикографическая неоднородность и отражена в подзаголовке книги: «цитаты, литературные образы, крылатые выражения». С известной долей условности статус басен, чьи фрагменты описаны в словаре, может быть представлен следующим образом.

Во-первых, это басни «общеизвестные»: «Ворона и Лисица», «Слон и Моська», «Квартет», «Лебедь, Щука и Рак», «Ларчик», «Кот и Повар», «Волк и Журавль», «Волк на псарне», «Любопытный» и др. Во-вторых, это басни малоизвестные или практически сейчас неизвестные широкому кругу читателей, хотя крылатые выражения (КВ), восходящие к ним, используются в современном русском языке: «Волк и Волчонок» (ср., *Где пастух дурак, там и собаки дуры*), «Ворона и Курица» (ср., *Попался, как ворона в суп*), «Медведь в сетях» (ср., *Так лучше бы ты мёртвых ел и оставлял живых в покое*), «Мор зверей» (ср., *Кто посмирней, так тот и виноват*), «Огородник и Философ» (ср., *великий краснойбай, названный друг природы*), «Пестрые Овцы» (ср., *Лев бы и хорош, да всё злодеи волки*) и многие др.

В типологии словарей, ориентированных на описание интертекстовых единиц (в первую очередь собственно крылатых слов), прослеживаются два направления. Прежде всего, словари, охватывающие во всей полноте круг словесной культуры. В этом случае количество произведений того или иного автора обычно относительно невелико. Например, в классических изданиях Н. С. и М. Г. Ашукиных³, а также В. П. Беркова, В. М. Мокиенко и С. Г. Шулежковой⁴ И. А. Крылов представлен соответственно 53 и 61 словарными статьями. Кроме этого, возможны словари, посвящённые интертекстовому потенциалу одного автора, а «крылатые слова» (КС) здесь лишь одна из частей в составе писательской идиоматики⁵. Особое положение занимает словарь М. И. Михельсона⁶, в котором оба принципа объединены.

Сидоренко Константин Павлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. E-mail: sidorenko274@yandex.ru

¹ Крылов 1956.

² Мокиенко, Сидоренко 2013.

³ Ашукин, Ашукина 1987.

⁴ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000.

⁵ Сидоренко 2011а.

⁶ Сидоренко 2011б.

Басня «Демьянова уха» (1813) представлена в словарях первого типа только своим названием как оценка навязчивых предложений, чрезмерного угощения и всего того, что становится приторным, надоедливым и т.п. Рассматривая интертекстовый потенциал этого произведения, можно выделить две линии в интерпретации басни: концептуальную и структурную.

В первом случае художественное осмысление басенной морали ('призыв к писателям не докучать слушателям чтением своих произведений' > 'назойливое, чрезмерно обильное угощение') противопоставлено подробностям повествования. Во втором противопоставляется использование цельных высказываний наряду с сегментацией синтаксических комплексов. Приведём ряд примеров (интертекстовые единицы и актуализаторы выделяются курсивом).

1. Событийная смысловая доминанта («навязчивость», «приторность») как основа интертекстового шага:

Прежде всего, это название басни как крылатое выражение: *Дайте десять раз сряду пьесу, и она уже старая! Все её видели, все наслаждались ею, и занимательность пропала. А пусть бы играли ту же пьесу два раза в неделю, она была бы свежа в течение года. Вот придёт масленица, и к посту пьеса превратится в Демьянову уху*⁷.

Примеры подобного рода довольно многочисленны.

2. Нарративные сопроводители как основа интертекстового шага. Так, присутствие соотносительных актуализаторов (Фока, жена, стерлядь, судачки) даёт эффект аллюзии и реминисценции: *Эпизод с обсуждением кулинарных пристрастий Амвросия благодаря имени Фокса проецируется на басню Крылова «Демьянова уха»⁸; ... в качестве своей провизии Грибоедов бил любой ресторан в Москве, как хотел <...> Поэтому нет ничего удивительного в таком хотя бы разговоре, который однажды слышал автор этих правдивейших строк у чугунной решётки Грибоедова: — Ты где сегодня ужинаешь, Амвросий? — Что за вопрос, конечно, здесь, дорогой Фокса! Арчибальд Арчибальдович шепнул мне сегодня, что будут порционные судачки а натюрель. Виртуозная штука! <...> — Слуга покорный, — трубил Амвросий, — представляю себе твою жену, пытающуюся соорудить в кастрюльке в общей кухне дома порционные судачки а натюрель!*

*<...> Эх-хо-хо... Да, было, было! Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова! Что отварные порционные судачки! Деиёвка это, милый Амвросий! А стерлядь, стерлядь в серебристой кастрюльке, стерлядь кусками, переложёнными раковыми шейками и свежей икрой*⁹.

Таким образом, ассоциативная сила текста даёт многочисленные случаи употребления, основанные на реакциях, имеющих лишь косвенное отношение к басенной смысловой доминанте. Типичные примеры:

[Об ухе] *В январе мы начали уже помышлять об обеде, который хотели дать у себя в день рождения Ивана Андреевича <...> Разумеется, была стерляжья уха под именем Демьяновой ухи и всё, что можно было придумать тонкого, роскошного и вместе соответствующего гастрономическим вкусам Крылова¹⁰; Вначале варят бульон из мелкой рыбы с кореньями <...> Всемирно известный отзыв на этот рецепт дал И. А. Крылов: ущица, ей-же-ей, на славу сварена!.. Что за уха! да как жирна: Как будто янтарём подернулась она*¹¹.

Обыгрывание «содержания» Демьяновой ухи даёт мрачноватую стихотворную шутку:

Слегка побраконьерствовать надумал рыболов,

И в воду динамит бросает наш молодчик.

Мы видим на поверхности следы его трудов <...>

*Ответ: Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек*¹².

В словаре учитывался в качестве дополнительного материал, который можно назвать «формально-иллюстративными ассоциациями», характерными для филологических текстов. Ср. примеры естественности в выборе выражений и собственно в разговоре: *Соседушка, мой свет, пожалуйста, покушай!*¹³; *Деепричастия в обоих временах отличаются по видам <...> У Крылова: Схватя в оханку кушак и шапку*¹⁴.

Отметим интертекстовый парадокс: собственно мораль-концовка басни упоминается обычно тогда, когда речь заходит о чтении Крыловым басни в Беседе любителей русского слова.

Содержательная структура произведения участвует в многомерном процессе интертекстовой динамики. В этой связи актуально суждение С.Г. Шулежковой о совокупности причин, стимулирующих возникновение крылатых единиц¹⁵. В нашем случае функциональный «вектор» текста, входящего в русский хрестоматийный круг чтения, направлен от исходной событийно-оценочной доминанты как основы басни к вовлечению в явное или скрытое цитирование фрагментов, соотносимых с деталями повествования, развитием разнообразных вариантов (парадигм) при сохранении исходной мотивации.

ЛИТЕРАТУРА

- [Аноним] 1843: // Северная пчела. 35, 2.
 Аиукин Н. С., Аиукина М. Г. 1987: Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.
 Белобровцева И., Кульяс С. 2007: Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: коммент. М.
 Берков В. П., Мокшенко В. М., Шулежкова С. Г. 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка. М.
 Булгаков М. А. 1989: Мастер и Маргарита // Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. Киев, 333–722.
 Буслаев Ф. И. 1858: Опыт исторической грамматики русского языка: учеб. пособие для преподавателей. Ч. 2. Синтаксис. М.
 Измайлов А. Е. 1826: Опыт о рассказе басни, с присовокуплением разбора некоторых образцовых басен лучших русских фабулистов, написанный А. Измайловым и служащий добавлением к басням его и сказкам. СПб.
 Карлгоф Е. А. 1982: Из записок «Жизнь прожить — не поле перейти» // И. А. Крылов в воспоминаниях современников / В. Э. Вацуру (ред.). М., 279–281.

⁷ [Аноним] 1843.

⁸ Белобровцева, Кульяс 2007, 237–238.

⁹ Булгаков 1989, 384–385.

¹⁰ Карлгоф 1982, 281.

¹¹ Найман, Наринская 2003, 86.

¹² Тимошенко 2009.

¹³ Измайлов 1826, 54.

¹⁴ Буслаев 1858, 170 (2-я паг.)

¹⁵ Шулежкова 2002, 236–240.

- Крылов И. А.* 1956: Басни / изд. подгот. А. П. Могиланский. М.; Л.
Мокшенок В. М., Сидоренко К. П. 2013: Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: словарь-справочник / К. П. Сидоренко (ред.). СПб.
Найман А., Наринская Г. 2003: Процесс еды и беседы // Октябрь. 5, 85–89.
Сидоренко К. П. 2011а: Опыт интертекстовой типологии словаря писателя // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие: материалы междунар. науч. симпозиума к 90-летию со дня рождения В. П. Жукова / В. И. Макаров (ред.). Великий Новгород, 476–479.
Сидоренко К. П. 2011б: Первый идиоматический тезаурус русского языка (к 185-летию М. И. Михельсона) // Слово. Словарь. Словесность: Языковая личность ученика и учителя. Актуальные проблемы межличностной коммуникации: материалы всерос. науч. конф. / В. Д. Черняк (ред.). СПб., 23–28.
Тимошенко Е. 2013: Интернет-чемпионат по бескрылкам. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slavteam.narod.ru/questions/season02-03/ichb02-03/bk02-03.htm>.
Шулежкова С. Г. 2002: Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие: монография. М.

FABLES OF I. A. KRYLOV AS AN OBJECT OF INTERTEXTUAL LEXICOGRAPHY

K. P. Sidorenko

Winged words and quotations from I. A. Krylov's fables are studying from the point of view of their lexicographical treatment. Intertextual potential of fables allows compiling a dictionary of intertextual expressions of different models.

Key words: winged words, quotation, intertextual dynamics, context, dictionary typology

© 2014

Е. В. Суровцева

СОЗДАНИЕ КОНКОРДАНСА ПЕРЕПИСКИ М. ГОРЬКОГО С СОВЕТСКИМИ ВОЖДЯМИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье ставится вопрос о необходимости создания конкорданса переписки М. Горького с советскими вождями, что представляется нам важным не только с исторической и литературоведческой, но и с лингвистической точки зрения. Особенностью данного конкорданса станет, в частности, то, что он будет создан на основе текстов, написанных разными людьми в одно и то же время и на одни и те же темы.

Ключевые слова: М. Горький, эпистолярный, «письмо вождю», конкорданс

Основной объект наших исследований — «письмо властителю», представленное двумя вариантами — «письмом царю» (XIX — начало XX в.) и «письмом вождю» (XX в.). Нами анализируются письма русских писателей во властные структуры и доказывается мысль о том, что эти тексты можно считать особым жанром эпистолярной литературы с присущими ему отличительными чертами и поджанровыми разновидностями¹.

Особый пласт рассматриваемого нами материала — переписка М. Горького с вождями большевистской партии и советского государства². М. Горький состоял в долгой и интенсивной переписке с В. И. Лениным, А. В. Луначарским, Г. В. Плехановым, Г. Е. Зиновьевым, Н. И. Бухариным, Л. М. Кагановичем, Л. Б. Каменевым, Г. Г. Ягодой, А. С. Бубновым, А. С. Щербаковым, И. В. Сталиным. Ему принадлежат также обращения к Ф. Э. Дзержинскому, М. П. Томскому, С. М. Кирову, А. И. Рыкову, П. П. Постышеву, Г. К. Орджоникидзе, А. А. Андрееву и в партийные инстанции (ЦК РСДРП, VIII Всероссийский Съезд Советов, ЦК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, ЦК РКП(б)). Эпистолярное общение писателя с вождями длилось с 1905 по 1936 гг. и охватывает около 275 писем М. Горького вождям и около 212 ответных писем вождям Горькому. В настоящее время идёт работа по составлению сборника переписки М. Горького с вождями. На наш взгляд, на основе этого сборника должен быть составлен конкорданс писем. В лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (ЛОКЛЛ) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова уже есть опыт создания электронных конкордансов,³ и предлагаемый нами конкорданс писем послужит продолжением данной работы.

Тексты мы планируем разметить следующими типами информации: *Автор; Другой автор; Адресат; Другой адресат; Жанр* (письмо либо телеграмма); *Дата; Период творчества Горького; Место написания; Тема* (результаты работы тематической разметки художественной прозы А. П. Чехова были представлены в электронном корпусе чеховской прозы⁴; теоретическое обоснование и принципы проведения данной работы представлены в публикации 2013 г.⁵).

Разработанная в ЛОКЛЛ система КИИСа позволяет пересекать разные типы информации — например, получать список тем, затронутых в письмах определённого адресату (так, в переписке Горького и Каменева одна из самых частотных тем — дела, касающиеся издательства «Academia»), или список адресатов, с которыми обсуждалась конкретная тема (так, Горький выступал в роли заступника в письмах Ленину и Сталину); составить словарь всех писем, обращённых к определённому адресату, либо писем, отправленных в определённый период (так, даже невооружённым взглядом видно, что в письмах Горького Сталину 1930-х гг. очень часто употребляется слово «фронт») и т.д.

Суровцева Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

¹ См. Суровцева 2008; Суровцева 2010; Суровцева 2011; Суровцева 2013б.

² Суровцева 2013а.

³ Кукушкина, Поликарпов, Федотов 2006а; Кукушкина, Поликарпов, Федотов 2006б; Кукушкина, Суровцева, Рюдигер, Лапонина 2012.

⁴ Кукушкина, Суровцева, Рюдигер, Лапонина 2012.

⁵ Суровцева 2013в.

Система КИИСа позволит составить словарь и конкорданс как по всем письмам, так и по письмам, созданным одним из адресатов, а также сравнить лексический состав писем Горького (как в целом, так и по периодам) конкретному вождю и писем ответных — вождя Горькому. Немаловажным представляется возможность сопоставительного анализа тем писем Горького вождям и ответных писем вождей Горькому, а также анализ лексики, соответствующей темам.

Предлагаемая нами работа, думается, будет полезна не только историкам и литературоведам, но и лингвистам, изучающим особенности русского языка различных жанров и эпох.

ЛИТЕРАТУРА

Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Федотов В. В. 2006а: Читаем и исследуем. Работа с корпусами текстов с помощью информационно-исследовательской системы КИИСа. М.

Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Федотов В. В. 2006б: Диск CD-ROM: КИИС. Корпусная информационно-исследовательская система. Вып. 1. «Поэзия и драматургия Пушкина» и «Путеводитель по Пушкину». М.

Кукушкина О. В., Суrowцева Е. В., Рюдигер Д. Ю., Лапонина Л. В. 2012: Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова (с электронным приложением) / А. А. Поликарпов (ред.). М. (В состав электронного приложения входят работы: Кукушкина О. В., Суrowцева Е. В., Поликарпов А. А., Федотов В. В., Варламов А. А. Методическое руководство по работе с системой «ИСТОК»; Кукушкина О. В., Суrowцева Е. В., Рюдигер Д. Ю., Лапонина Л. В. Электронный корпус А. П. Чехова; Федотов В. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Программное средство «Компьютерная информационно-исследовательская система для работы с электронными корпусами текстов «ИСТОК».)

Суrowцева Е. В. 2008: Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е — 1950-е гг.). Сер. «АИРО — Первая монография». Т. 30. М.

Суrowцева Е. В. 2010: Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е — 1980-е гг.). Сер. «Монография». Т. 24. М.

Суrowцева Е. В. 2011: Жанр «письма царю» в XIX — начале XX в. Сер. «Монография». Т. 27. М.

Суrowцева Е. В. 2013а: Максим Горький: личность, писатель, политик, общественный деятель (по материалам переписки с советскими вождями) // Е. В. Суrowцева. Писатели и властители: на материале их переписки: сб. ст. Saarbrücken, 80–116.

Суrowцева Е. В. 2013б: Писатели и властители: на материале их переписки: сб. ст. Saarbrücken.

Суrowцева Е. В. 2013в: Словарь тем писателя в контексте идеографических словарей и авторской лексикографии. На материале художественной прозы и драматургии А. П. Чехова (К постановке проблемы) // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. науч. ст., посвящ. юбилею заслуженного проф. МГУ им. М. В. Ломоносова М. В. Всеволодовой. Вып. 47. М., 494–507.

CREATION OF A CONCORDANCE OF CORRESPONDENCE BETWEEN M. GORKY AND THE SOVIET LEADERS: STATEMENT OF PROBLEM

E. V. Surovtseva

In the article the question of need of creation a concordance of correspondence between M. Gorky and the Soviet leaders that is important for us not only with historical and literary, but also from the linguistic point of view is raised. Feature of this concordance will be, in particular, that it will be created on the basis of the texts written by different people at the same time and on the same subjects.

Key words: Gorky, epistolary, “letter to chief”, concordance

© 2014

Н. Р. Халитова

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА В. Т. ШАЛАМОВА

Язык поэзии В. Т. Шаламова ещё не нашёл отражения в авторском словаре. Материалы исследования показывают своеобразие поэтического стиля В. Т. Шаламова, которое проявилось в разнообразных индивидуально-авторских трансформациях устойчивых словесных комплексов.

Ключевые слова: В. Т. Шаламов, устойчивый словесный комплекс, словарь языка автора, идиостиль

Созданию словарей языка писателя или поэта как комплексного лексикографического и фразеологического исследования индивидуальной языковой системы посвящены работы многих современных лингвистов¹.

Попытка описания идиостиля одного из самых талантливых писателей «лагерной прозы» В. Т. Шаламова нами уже предпринималась². Однако В. Т. Шаламов видел в себе «прежде всего поэта, а не прозаика, временами обращающегося к стихам»³. Поэтому представляется необходимым для создания словаря языка В. Т. Шаламова обращение к его поэтическому наследию. Материалом для настоящей работы послужили стихотворения 1937–1981 гг.; это не только «Колымские тетради», но и более поздние стихи автора, впервые собранные в 3-м томе «Собрания сочинений В. Т. Шаламова»⁴.

Особенностью идиостиля поэзии В. Т. Шаламова, на наш взгляд, является использование устойчивых словесных комплексов (УСК). Необходимо отметить, что если в «Колымских рассказах» УСК немного (чуть более 200), то в проанализированных стихотворениях их значительно больше.

Среди 445 УСК, выделенных нами в поэтических сборниках В. Т. Шаламова, большая часть употреблена в своем узком значении. Среди них можно выделить крылатые выражения (КВ) различного происхождения.

Халитова Надежда Рэнатовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры сервиса и туризма Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: halitova006@mail.ru

¹ См., напр.: Елистратов 2001, Осипова 2009, Соловьёва 2009, Кудрина 2009, Анохина 2009 и др.

² Халитова 2002, 2009.

³ Шрейдер, 1994.

⁴ Шаламов, 1998.

Наиболее многочисленными являются КВ библейского происхождения: *первый день творенья, петь псалмы, не хлебом единым, лечь на плаху, ходить без креста, двери рая, терновый венец* и др. В данной группе немалую часть составляют КВ с компонентами *Бог, Божий (подобие Божье, Божья тварь, дорога к Богу, Божья рука, Божья соха, Божье слово, пути Бога, Боже ты мой, Светлый Боже)*, а также с компонентами *Господь, Господний (воля Господня, милость Господня, страсти Господни)*.

Другую большую группу формируют КВ, источником которых являются произведения мировой литературы: *Прекрасная Дама, шагреновая кожа, отцы и дети, медный всадник, лекарь поневоле, дети капитана Гранта, разбитое корыто* и некоторые др. Есть среди них и КВ, восходящие к сказкам: *терем-теремок, гадкий утёнок, ищучье велье*.

КВ употребляются автором и в роли названий стихотворений, к примеру, «Златые горы», «Полька-бабочка», «Утро стрелецкой казни».

Среди УСК, обнаруженных нами в поэзии В. Т. Шаламова, только три поговорки, причём две из них употреблены в трансформированном виде: *Простота хуже воровства; Всё, что было, всё, что сплыло* (результат экспликации – включения в состав УСК новых компонентов – поговорки *что было, то сплыло*) и *Если Бог тебя не выдаст, то свинья тебя не съест* (следствие экспликации поговорки *Бог не выдаст, свинья не съест*).

Особый интерес представляют случаи трансформированного употребления УСК в поэзии В. Т. Шаламова. Пятая часть выделенных нами УСК подвергнута тому или иному виду индивидуально-авторского преобразования.

В стихотворении «Аввакум в Пустозёрске» есть интересный образец создания окказионального УСК путём эллипсиса — сокращения компонентного состава. В завершающем четверостишии данного произведения, посвящённого судьбе протопопа Аввакума, В. Т. Шаламов пишет: *Нет участи слаще, / Желанней конца, / Чем пепел, стучащий / В людские сердца* (Шаламов, 189). *Пепел, стучащий в людские сердца*, — это индивидуально-авторское преобразование КВ *Пепел Клааса стучит в моё сердце* — «напоминание о погибших на войне, формула возмездия врагу и борьбы с ним»⁵. В. Т. Шаламов не только опускает компонент *Клаас*, но и подвергает КВ синтаксическому изменению, образуя причастный оборот. Сема «возмездие врагу и борьба с ним» актуализирована автором в контексте – двумя абзацами ранее читаем: *Тебе обещаю, / Далёкая Русь, / Врагам не прощая, / Я с неба вернусь* (Шаламов, 188).

Для раскрытия особенностей идиостиля В. Т. Шаламова интересно рассмотреть окказиональное употребление КВ *златые горы*. *Златые горы* появляются в шаламовской поэзии неоднократно: так называется один из шести циклов «Колымских тетрадей», такое название носит одно из стихотворений этого цикла, это КВ мы находим и в стихотворении «Мне горы златые – плохая опора...» из цикла «Высокие широты».

На наш взгляд, *златые горы* – это «осколок» КВ *златые горы сулить*, имеющего значение «обещать чрезмерно много»⁶. Для понимания значения шаламовского окказионализма *златые горы* необходимо обратиться к тем комментариям, которые дал сам автор к своему стихотворению «Мне горы златые – плохая опора...»: «В жизни каждого поэта есть промежуток, провалы, когда кажется, что уже никогда ты не напишешь стихов. Что чужие стихи – Пушкина, Лермонтова – просто необыкновенность, которую ты никогда не найдёшь <...> И ты вчитываешься в чужие стихи и видишь их истинную слабость и думаешь, что не так уж важно, что ты не сумел написать подобного, а потом строки гремят, вроде вступления к “Медному всаднику”, и ты понимаешь, что об истинной высоте этих вершин ты и не подозревал ранее. Потом проходит время. Выходит на бумагу своё, и чужие стихи перестают тебе казаться чудом. Когда-то я очень боялся этих провалов, этих промежутков. Потом научился ждать, научился уверенности, что провалы эти – только подготовка к новому движению, передышка на этом невесёлом пути» (Шаламов, 175–176).

Отсекая от узуального выражения *златые горы сулить* глагольный компонент *сулить*, В. Т. Шаламов создаёт новый оборот *златые горы* в значении «высокая поэзия». Подтверждение этому находим в стихотворении «Не в пролитом море чернил...», в котором автор сравнивает поэзию с золотоносной рудой.

Другой случай трансформации КВ путём лексической замены компонентов находим в стихотворении «В закрытой выработке, в шахте...»: *В закрытой выработке, в шахте, / Горю остатками угля. / Здесь смертный дух, здесь смертью пахнет / И задыхается земля* (Шаламов, 35).

Пушкинские КВ часто становятся предметом авторских преобразований в поэзии В. Т. Шаламова. Так, к примеру, *следы неведомых зверей* у А. С. Пушкина — это следы фантастических, сказочных существ. А у В. Т. Шаламова герою стихотворения «Пёс» щекочет ноздри запах вполне реальных, но ещё неизвестных цепной собаке зверей: *Вот он лежит, поджавши лапы, / В своей немой конуре, / Ему щекочет ноздри запах / Следов неведомых зверей* (Шаламов, 49). Сложную структурно-семантическую трансформацию известных пушкинских строк можно увидеть в следующих шаламовских стихах: *Пусть не душию в заветной лире — / Я телом тленья убежу*.

Часть индивидуально-авторских трансформаций безымянных УСК в художественном тексте В. Т. Шаламова связана с особенностями жизни на Колыме. Для отражения такой реалии колымской жизни, как комары, автор создаёт УСК *ухо режут без ножа: Комары поют в два тона, / Ухо режут без ножа* (Шаламов, 90). Данная трансформация – результат типичной контаминации двух узуальных УСК, начинающихся одним и тем же словом: *резать ухо* и *резать без ножа*.

В стихотворении «В шахте» путём сложной контаминации В. Т. Шаламов образует новый УСК *успеть двинуть бровью: И кто успеет двинуть бровью / И доберётся до норы, / Покамест грохнет, рухнет кровля / И слышен грузный вздох горы* (Шаламов, 148). На наш взгляд, данное новообразование возникло путём объединения двух УСК: *не успеть глазом моргнуть* в значении «быстрая смена одного действия другим»⁷ и УСК *бровью не двинуть* в значении «никак не проявить, не обнаружить своих чувств, своего отношения к чему-л.»⁸. Окказионализм *успеет двинуть бровью* путём соединения в своём значении таких сем исходных УСК, как «быстрота» и «невозмутимость» приобретает значение «быстро, молниеносно, но при этом без лишних эмоций, осуществить решительное действие».

Внимания заслуживает и пример лексической замены в составе УСК, который использует В. Т. Шаламов в стихотворе-

⁵ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2, 2009, 176–177.

⁶ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 408.

⁷ ФССРЛЯ 2, 2004, 623.

⁸ ФССРЛЯ 1, 2004, 82.

нии «Как ткань сожжённая, я сохраняю...», описывая состояние поэта, попавшего в нечеловеческие условия. Автор сравнивает себя с сожжённой тканью. Для развёртывания данной метафоры в узуальном УСК *сжечь до тла* появляется компонент *до нитки*: *Всё, что казалось вам великолепьем, / Давно огонь до нитки пережжёт. / Дотронься до меня — и я рассыплюсь в пепел, / В бесформенный, аморфный порошок* (Шаламов, 48).

Нами отмечен и случай буквализации значения УСК *маковая росинка* в стихотворении «Опять сквозь лиственницы поросль»: *Я на лесной расту тропинке / От мира скрыт. / Единой маковой росинкой / Я буду сыт* (Шаламов, 157). УСК *маковой росинки во рту не было* имеет узуальное значение «ничего не пил, не ел»⁹, однако в данном стихотворении автор пишет о своём желании превратиться в растение и в буквальном смысле насытиться одной маковой росинкой.

Приём включения УСК в сравнительный оборот часто встречается в художественной речи, однако в поэзии В. Т. Шаламова нами зафиксирован лишь один подобный случай. Автор «внедряет» узуальный УСК *толочь воду в ступе* в сравнительный оборот: *Пускай толкут, как воду в ступке, / Мои враги, мои друзья / Слова мои и те поступки, / Которым был причастен я* (Шаламов, 174).

В своих художественных текстах В. Т. Шаламов прибегает и к приёму экспликации УСК. За счёт присоединения определения *философский* к компоненту узуального УСК *задавать тон* автор создаёт УСК *задавать философский тон*.

Вышеописанные УСК, претерпевшие индивидуально-авторские преобразования, в поэтическом тексте выполняют у В. Т. Шаламова самые различные функции: уточнения, конкретизации и развития значения, усиления экспрессивности, что обусловлено мировоззрением и стилем автора, идейно-художественным содержанием того или иного произведения.

Лексикографирование разнообразных авторских употреблений УСК в словаре языка писателя позволит не только выявить «особенности их функционирования и тенденции исторического развития»¹⁰, но и станет важной составляющей в изучении и понимании особенностей идиостиля В. Т. Шаламова.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохина С. В. 2009: К проблеме создания словаря языка прозы И. А. Бунина (на материале лексико-фразеологических антропонимантов) // ПИФК. 2 (24). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 458–462.
- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2008–2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / С. Г. Шулежкова (ред.). Магнитогорск; Greifswald.
- Елистратов В. С. 2001: Словарь языка Василия Шукшина: ок. 1500 слов, 700 фразеологических единиц. М.
- Кудрина Н. В. 2009: Принципы отбора материала для составления фразеологического словаря языка Анны Ахматовой // ПИФК. 2 (24). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 458–463.
- Мелерович А. М., Мокиенко В. М. 1997: Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.
- Осипова А. А. 2009: Принципы создания словаря концептосферы В. П. Астафьева // ПИФК. 2 (24). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 887–894.
- Соловьёва А. Д. 2009: Отражение языковой личности В. М. Шукшина в фразеологическом словаре писателя // ПИФК. 2 (24). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 437–441.
- ФССРЛЯ 2004: Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / А. Н. Тихонов (ред.). М.
- Халитова Н. Р. 2002: Приёмы трансформации устойчивых словесных комплексов в «Кольмских рассказах» В. Т. Шаламова // SLOWO. TEKST. CZAS–VI. Nova frazeologia w powoj Europe: материалы VI Междунар. науч. конф. Szczecin; Greifswald, 251–255.
- Халитова Н. Р. 2009: Фрагмент словаря «Кольмских рассказов» В. Т. Шаламова // ПИФК. 2 (24). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 550–555.
- Шаламов В. Т. 1998: Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Кольмские тетради. М.
- Шпейдер Ю. 1994: Граница совести моей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://voobr.livejournal.com/4577.html>.

COMPILING A LINGUISTIC PERSONAL GLOSSARY BY V. T. SHALAMOV

N. R. Khalitova

Bright language of poetry by V. T. Shalamov has not been currently reflected in the author's dictionary. The research data show the originality of Shalamov's poetic style that appeared in different original transformations of steady verbal complexes.

Key words: V. T. Shalamov, steady verbal complex, author's language vocabulary, personal style

© 2014

В. В. Цуркан

КОНЦЕПТ «КРУГ» В ПРОЗЕ А. БИТОВА (материалы для антологии концептов литературы второй половины XX в.)

Автор изучает круг как многоуровневую художественную универсалию и как один из элементов постмодернистского сознания А. Битова; исследует индивидуально-авторские способы представления концепта «Круг»; анализирует единицы, формирующие его структуру и ассоциативно-семантическое поле.

Ключевые слова: концепт, круг, спираль, солярная символика, ассоциативно-семантическое поле

⁹ ФССРЛЯ 1, 2004, 563.

¹⁰ Мелерович, Мокиенко 1997, 4.

Цуркан Вероника Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: veravts2013@ya.ru

В произведениях А. Битова, вне зависимости от обстоятельств и масштаба действия, есть постоянный и неотменимый сюжет — поиск реальности и стремление установить и зафиксировать то, что её составляет. Тоска по идеалу, воплощённости, по *образу мира, который раньше мира* (Битов 2005, 437), приводит к тому, что рафинированную «гармонию» своих произведений писатель стремится поверить «алгеброй» точного расчёта, конструктивным принципом симметрии (не случайно один из романов А. Битова называется «Преподаватель симметрии»). Выявить поэтическую уникальность через художественную универсальность писателю помогает концепт «Круг», отражающий индивидуально-авторское осмысление общих ментальных сущностей и представленный в оригинальных средствах вербализации.

Концепт «Круг» реализуется у А. Битова в понятиях «круг», «окружность», «спираль», «сфера», что обусловлено лексикографической характеристикой слова, определяющей круг как «часть плоскости, ограниченной окружностью, а также саму окружность», «предмет в форме окружности», «замкнутую область, сферу чего-н., исчерпывающую в своей совокупности развитие, совершение чего-н.», «совокупность, группу людей, объединённых общими интересами»¹; в образах «колесо», «кольцо», «нуль», «змея», «шар». Не менее значимыми репрезентантами концепта являются символические вербализаторы (*нимб, венок, солнце, луна*), которые служат для выражения идей «совершенства и законченности», «непрерывности развития мироздания, времени, жизни и их единства»².

Являясь неотъемлемой частью метафорической геометрии писателя, круг репрезентирует образ мира в его динамике и статике. Этот образ семантически неэлементарен и складывается из разнообразных, иногда противоречащих друг другу фрагментов. Художник видит мир и как *простое колесо, равное самому себе по всей окружности, которое кажется нам необычайным потому только, что мы сами несёмся вместе с ним* (Битов 2003, 206), и как *покрашенный в синее, жёлтое и зелёное глобус* (Битов 2003, 86), висящий на ниточке в райском в саду. Границы битовских миров подвижны, они произвольно смежаются или перетекают друг в друга.

Алогичный и не складывающийся в определённую картину мир созвучен мироощущению битовского героя, дезориентированного и нецельного. Сюжет его жизни воплощается как метафорически (*Лёвин сюжет легко свёртывается кольцами, образуя как бы бухту каната или спящую змею*. Битов 2002, 290), так и символически (*наш рассказ мы назовём то ли «Тени», то ли «Венок» <...> то ли «Отдалённое сходство»*. Битов 2002, 290). Круг в битовских текстах может быть вербализован и общеязыковым номинантом концепта, лексемой *круг*: *За городом, в кругу семьи, он [герой «Жизни в ветреную погоду». — В.Ц.] внешне успокаивался, молодел, в общем, начинал хорошо выглядеть* (Битов 2005, 253). Душевное спокойствие другого битовского персонажа, Лёвы Одоевцева, также зависит от *некой общей, как бы абсолютной оценки, которая есть мнение круга* (Битов 2002, 365).

А. Битов часто сравнивает жизнь своих героев с движением по заколдованному кругу. Встреча с женщиной, напоминающей образ первой возлюбленной, истолковывается Алексеем Монаховым как свидетельство того, что *жизнь писала круг... Под вопросом для него было лишь количество описанных им кругов — не третий ли заход?* (Битов 2002, 190). Фразеологизм *заколдованный, порочный круг* (в значении «безвыходное положение, стечение обстоятельств, из которого трудно найти выход»³), обыгрывается в описании морока того бесконечного поиска, который ведёт Урбино Ваноски: *Я бегал, ища выход, — всюду были зеркала, всюду я на них наткывался, мечась, пока не осознал с ужасом, что кручусь на одном месте <...> замураванный в стеклянную призму* (Битов 2008, 69).

Модернистская трактовка круга как символа вечного возвращения, пустого повторения, становится ещё одной устойчивой характеристикой концепта в текстах А. Битова. Бесплодную жизнь Алексея Монахова писатель уподобляет вращению старой заезженной пластинки: *Всё повторяется... Все ситуации те же. Как отпечатки. Точка в точку. Только беднее. Или как пластинка заскочила. Всё то же, только звук с каждым оборотом хуже. Хрипы, трески...* (Битов 2002, 193). Серийность вводит в концепт «Круг» семантику жизненного тупика, вырастающего в тупик экзистенциальный. Поэтому, хотя, как отмечает автор, *теоретическая спираль его [Монахова. — В.Ц.] не утешала* (Битов 2002, 190), круги жизни персонажа соединяются в спираль, устремлённую вниз, к смерти (отсюда так часты в тексте «дантовские» образы и ассоциации). Не случаен в романе и образ спиралевидной тропы, на которой обнаруживает себя герой после долгих блужданий по кладбищу: *И тут, уже сочтя сокровенную могилу заговорённой <...> пытаюсь выбраться из очередного аппендикса, ввинтившись по свернувшейся улиткой тропке за рядок молоденьких, недорисованных берёз, он опять зашёл в тупик и долго и тупо смотрел на серый камень, вздорный профиль, факсимиле...* (Битов 2002, 195).

Нисходящее круговое движение поддерживается в текстах А. Битова символикой луны: — *Пошли! — решительно сказал он и, словно под ним люк открылся, стал спускаться. Вот уже одна голова осталась над, ещё раз освещённая выдыхающей луной; голова обернулась ко мне, общим контуром напоминая чёрный мяч, заброшенный наверху стены, голова Крестителя, всё никак не скатывалась с блюда <...> голова звала за собой <...> Ещё раз прыснула луна, и, угрожающе шевельнувшись, как ожившие мертвяки, пододвинулись монастырские строения <...> В последний раз повертел я оставшейся на воздухе головой и провалился в подземелье...* (Битов 2002, 639). Итак, образный, метафорический и символический компоненты концепта «Круг» создают соответствующий эмоциональный комплекс и помогают выразить ценностную составляющую концепта.

В ряде своих произведений А. Битов актуализирует культурно-историческое и мифологическое значение концепта. Сближая круг и колесо в одноимённой повести, писатель создаёт динамичный мир мототрека, в котором «гарантии», как символу познания и конечности (а именно так первоначально называлось «Колесо»), противопоставлен азартный мир гонок на мотоциклах. Локальный мир, считает художник, может стать безграничным: с высоты птичьего полёта мототрек напоминает *серое гнездо с одним сверкающим яйцом, наверное, птицы Рух* (Битов 2003, 155). Как известно, в древних космогониях круг символизировал Мировое яйцо, созданное Хроносом и содержащее семена жизни, а птица Рух, обитавшая на вершине Мирового древа, выполняла роль связующего начала между земным и небесным мирами (Рух в переводе с арабского — «дух»). Ставя в один ассоциативный ряд круг, гнездо и легендарное яйцо, А. Битов стремится выразить мысль о бессмертии человеческого духа. Не случайно разбившегося на треке гонщика автор сравнивает с Летучим голландцем: *Он*

¹ Ожегов 1985, 265.

² Рогалевич 2004, 197.

³ Войнова, Жуков, Молотков 1987, 214.

выезжает один, до шума, до азарта, и едет так, как никому не снилось, стремительно и беструдно, без сопротивления летит его мотодуша и, совершив четыре ласковых непостижимых круга, не искрошив льда, покидает трек (Битов 2003, 205).

В «Уроках Армении» А. Битов выходит за пределы одной человеческой жизни. Образ круга в travelogue актуализирует проблему контакта времени исторического и внеисторического. Путешествие по «простору», окружающему Ереван, прикосновение к святости древних монастырей приводят писателя к выводу о том, что история армянского народа подобна падению огромного **круглого** камня с высоты тысячелетий (Битов, 2003, 42). Исторические круги пересекаются с кругами, позволяющими судить о сфере этических и эстетических притязаний писателя: *Это и был Гехард... Я стоял в центре, задрал голову. Там, высоко надо мной, был небольшой голубой круг — оттуда и проникал сюда свет. Там было небо <...> От голубого круга вниз, расширяясь, шла чаша свода, и, достигнув полусферы, купол обрывался и повисал над вами совершенной округлостью <...> В сумрак уходили дуги стен, колонны устремлялись вверх, переходя в купол, с вершины которого на меня смотрел голубой округлый глаз неба <...> И я стал подобен ЕМУ, та же немота, то же отсутствие себя, та же вера жила теперь во мне <...> Это было ЕГО бессмертие* (Битов 2003, 97).

Система кругов, лежащая в основе внутренней конструкции храма, имеет для писателя сакральное значение. Благоговей перед открывшимся ему чудом, он пытается осознать глубинные связи человека с Творцом, природой и космосом. Метафора «голубой округлый глаз неба» отсылает к древнейшим культурным традициям, в которых под «глазом неба» подразумевались Бог и солнце (например, в греческой мифологии солнце описывается как «всевидящий глаз Зевса», а в германской — «глаз Одина»)⁴. Соляная символика, вносящая в концепт «Круг» такие аспекты, как жизнестроение, всеведение, бессмертие, позволила А. Битову сблизить поля концептов «Круг» и «Солнце». Солнечный свет сопутствует героине рассказа «Похороны доктора», неродной тётке, при жизни и после смерти. Она наделена даром исцеления: *она спасла от смерти меня, брата и трижды дядьку (своего мужа)* (Битов 2003, 357). А. Битов обращается к религиозным мотивам, в которых святость, дух предстают в образе света, и наделяет праведную героиню рассказа бессмертием. *Это никакое не преувеличение, не образ, — заявляет автор, — тётка была живее всех на собственной панихиде* (Битов 2003, 365). Мифологизируя тётку, художник наделяет её атрибутами верховной власти, в основе которых лежит символика круга: *сейчас она помещивает варенье: медный начищенный старинный таз, как солнце <...> всё это драгоценно: корона, скипетр, держава — всё вместе (у нас в семействе любят сказать, что тётка величественна, как Екатерина)* (Битов 2003, 354).

Соляные круги рассказа «Похороны доктора» в чём-то повторяют и пересекают круги рассказов «Солнце» и «Большой шар». В первом рассказе солнце ассоциируется с большой тёплой птицей, которая пульсирует подобно сердцу. Рассказ «Большой шар» содержит в себе сразу несколько означающих концепта «Круг»: сферичность как отрицание времени и пространства, земное и небесное единство, напряжённый динамизм. Необычность героини «Большого шара» закреплена в двойственности её имени (для всех она — Тоня, а для отца — Антон). Тоня наделена космогонической фантазией. Смерть матери, воспоминания о детстве, невнимание отца вытесняются игрой её воображения. В сцене рассказа, связанные с тяжёлым послевоенным бытом, вклинивается сказочное повествование о поисках девочкой большого воздушного шара, *такого круглого и прекрасного, какого и не бывает вовсе* (Битов, 2002, 17). Шар и круг, как идеальные геометрические тела, до такой степени самодостаточны, их смыслы настолько свёрнуты внутрь их самих, что Тоне как бы нечего о них говорить, и остаётся лишь повторять заветное слово. Вместе с тем, постижение смысла геометрической формы на подсознательном уровне связано с воспоминаниями о матери. Красный шар в рассказе А. Битова в каком-то смысле подобен красному квадрату Малевича — образу супрематического единства, в котором «ничто» распространяется до пределов неограниченно растущей сферы. Красный шар с золотым корабликом, плывущий в голубом небе, отсылает читателя и к небесному Земному шару — воплощению небесной высоты и гармонии.

Итак, концепт «Круг» в творчестве А. Битова представлен как многоуровневая художественная универсалия, которая имеет неограниченное число интерпретаций. Свообразием концепта подчёркивает ещё одна ассоциация, отражающая философско-эстетические представления писателя: *Воплощённый опыт жалит самого себя, как скорпион, и идёт на дно. И если ты уж имел несчастье приобрести его, то уж не воплощай, потому что не ты его — он тебя повторит!* (Битов 2002, 345). Учитывая амбивалентность символа скорпиона, вмещающего в себя яд и противоядие, предательство и возмездие, жизнь и смерть, смерть и бессмертие, и следуя высказанной истине, А. Битов стремится превратить закрытый смысл круга в открытый, а его замкнутость — в принципиальную постмодернистскую незавершённость.

ЛИТЕРАТУРА

- Битов А. Г. 2002: Империя в четырёх измерениях. М.
 Битов А. Г. 2003: Путешествие из России. М.
 Битов А. Г. 2005: Новые сведения о человеке: Роман. Повести. М.
 Битов А. Г. 2008: Преподаватель симметрии. Роман-эхо. М.
 Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И. (ред.) 1987: Фразеологический словарь русского языка: св. 4000 словарных статей. М.
 Ожегов С. И. 1985: Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / Н. Ю. Шведова (ред.). М.
 Рогалевич Н. Н. 2004: Словарь символов и знаков. Минск.

CONCEPT "CIRCLE" IN A PROSE BY A. BITOV (materials for concept anthology of the 20th century literature)

V. V. Tsurkan

The article is devoted to observing circle as a multilevel literary universal and as an element of A. Bitov's postmodern perception. Individual authorial representation methods of the concept «circle» and the elements forming both its structure and associative-semantic field are examined in the article.

Key words: concept, circle, spiral, solar symbolism, branding, associative-semantic field

⁴ Рогалевич 2004, 402.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

© 2014

Е. И. Зиновьева, А. С. Алёшин

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ И ДИНАМИКИ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА (на примере выражения *хлопнуть дверью*)

В статье рассматриваются значения жестового фразеологизма *хлопнуть дверью* в динамическом аспекте, анализируются этимология, особенности функционирования данной единицы в современном русском языке для представления модели её описания в лингвокультурологическом фразеологическом словаре.

Ключевые слова: жестовый фразеологизм, значение, внутренняя форма, фразеологический словарь, словарная статья

В Интернете на одном из форумов была предложена к обсуждению тема «Применение исконно-русских выражений с несвойственным для них смыслом» и приведена следующая цитата из СМИ: *У мужчин напоследок хлопнула дверью сборная Швеции, не завоевавшая ни одной награды в предыдущие дни соревнований. И как хлопнула! Начав с 5-го места на первом этапе эстафеты, шведы только наращивали темп — 3-тми на втором этапе, 2-ые на третьем этапе и, наконец, на последних метрах четвертого этапа вырывают победу из рук хозяев соревнований — сборной Эстонии!*¹ Вопрос был такой: «Правоммерно / уместно ли в этом контексте использование выражения «хлопнуть дверью»?

Фразеологизм *хлопнуть дверью* не зафиксирован фразеологическими словарями русского языка. В «Большом словаре русских поговорок»² он приводится как «разговорный» в значении ‘демонстративно, с возмущением удалиться откуда-л.’ со ссылкой на «Большой толковый словарь русского языка», где толкование выражения выглядит следующим образом: ‘возмутившись или обидевшись, демонстративно удалиться, отстраниться от дел’³. Толковый словарь русского языка, таким образом, определяет именно значение фразеологизма, тогда как «Большой словарь русских поговорок» описывает, скорее, значение жеста.

Приведём пример употребления выражения в качестве фразеологизма: *Очевидно, продолжать отношения в качестве рядового дирижёра — не совсем то, что хотелось Спивакову. Поэтому он поспешил первым хлопнуть дверью. Момент был выбран максимально эффектный — между первым и вторым концертами-открытиями*⁴. В основе данного фразеологизма в русской лингвокультуре лежит одноимённая номинация жеста. Например: *Не лучше ли, вместо того чтобы дать подзатыльник сыну и обозвать жену душой и курицей, хлопнуть дверью и выйти из дома?*⁵.

А. Д. Козеренко и Г. Е. Крейдлин приводят толкование для жеста и «семантического деривата» этого жеста — жестового фразеологизма *хлопнуть дверью*. Сопоставляя тексты двух толкований, исследователи приходят к выводу о том, что если толкование жеста описывает актуальную ситуацию коммуникации и подчёркивает перформативную природу этого жеста, то идиома является не перформативной, а интерпретативной языковой единицей. За действием лица, о котором идёт речь в толковании фразеологизма, не стоят никакие определённые действия: прерыванием контакта могут быть и реальный уход из учреждения, и уход из семьи, никак социально не оформляемый, и просто прерывание разговора с последующим покиданием помещения. Существенно, что каждый раз это делается демонстративным способом, а именно, фигурально хлопающий дверью производит социальный шум по аналогии со звуком, который возникает, когда человек уходит, действительно хлопая дверью⁶. Ср. контекст, ассоциативно связывающий жест и производный от него фразеологизм: *Он боится, как бы Россия, уходя из Европы, не хлопнула дверью с такой силой, которая развалила бы всё здание европейской безопасности, возводимое по «немецкому» проекту*⁷.

О. А. Казённова в своём диссертационном исследовании справедливо отмечает, что у некоторых фразеологизмов в современном спортивном дискурсе реализуется такое значение, которое за рамками данного типа дискурса неизвестно. У выражения *хлопнуть дверью* появляется новое значение — ‘одержать победу в итоговом (как правило, ничего не решающем)

Зиновьева Елена Иннокентьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: e_zinovieva@mail.ru

Алёшин Алексей Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича. E-mail: alexis001@mail.ru

¹ Форум «Русские словари» 2008.

² Мокленко, Никитина 2013, 175.

³ БТС 2001, 1445.

⁴ Бирюкова Е. Спиваков виртуозно хлопнул дверью // «Известия», 2002.09.18.

⁵ Шохина Т. Что делать с плохим настроением (2002) // «Семейный доктор», 2002.05.15.

⁶ Козеренко, Крейдлин 1999, 275.

⁷ Дегоев В. Россия и Бисмарк // «Звезда», 2001.

матче после неудачной предыдущей игры (игр)⁸. Приведём примеры: *Мы могли получить и другой результат, но, как и раньше, подвела реализация. К тому же, везение было на стороне ПАОКа. Взять тот же первый гол — там был рикошет. Постараемся громко хлопнуть дверью в последнем матче в Хайфе. Всё-таки хотелось бы завершить сезон, имея в активе хотя бы одну победу*⁹; *Возможно, надо дать поучаствовать в матче такого уровня тем ребятам, которые не получали должной игровой практики, посмотреть их в деле. Но нельзя к этой игре относиться спустя рукава — этот матч очень важен для нас в плане опыта. Хотя хлопнуть дверью, как вы говорите, вряд ли получится. Очень оцутима разница в классе между российской командой и остальными — увы, не в нашу пользу*¹⁰.

Представляется, что появление данного значения в спортивном дискурсе не является столь уж нелогичным. Наблюдается явная связь с рассмотренным значением жестового фразеологизма: спортивная команда в данной ситуации «как бы уходит», покидая соревнование, при этом своей последней победой производит «социальный шум».

Кроме того, как нам кажется, можно выделить ещё одно значение жестового фразеологизма, служащее мостиком-переходом к значению, сформировавшемуся в спортивном дискурсе. Для этого значения важна актуализация семантического компонента ‘привлечь к себе внимание, сделал напоследок что-либо необычное (часто оцениваемое неодобрительно)’; при этом разрыв отношений, прерывание контакта в большинстве случаев употребления представлены имплицитно: *В Армавире, при отступлении Красной Армии, только чтобы «хлопнуть дверью», Атарбеков расстрелял несколько тысяч заложников, находившихся в подвалах армавирской чека (Гуль. Дзержинский); Перед уходом большевиков решено было «хлопнуть дверью», т.е. разграбить город (Аничков. Екатеринбург — Владивосток). Примечательно, что в контекстах из произведений XX в. фразеологизм в данном значении заключается авторами в кавычки, что, на наш взгляд, свидетельствует о стадии его формирования. Ср. в контекстах последних лет: Если Королевскую такти будут назначать на роль «козла отпущения», посоветовал бы ей повторить манёвр Хорошковского — Богословской, которые в своё время хлопнули дверью, обвинив во всём Азарова*¹¹; *Саакашвили громко хлопнул дверью. Михаил Саакашвили во время своего выступления на сессии Генассамблеи ООН в среду заявил, что гордится успехами, достигнутыми страной в период его правления, и усомнился в том, что отношения с РФ улучшатся, «несмотря на приход к власти нового руководства»*¹².

Таким образом, при представлении выражения *хлопнуть дверью* в любом типе фразеологического словаря следует привести значения собственно фразеологизма, учитывая последовательность их появления в языке, а также проиллюстрировать его внутреннюю форму — привести номинацию и значение жеста, служащего «семантическим производящим» для идиомы.

Так, соответствующая словарная статья лингвокультурологического словаря фразеологизмов может состоять из следующих зон:

- заголовочная единица со стилистической пометой;
- зона значений с функционально-экспрессивными пометами и иллюстративными примерами;
- зона культурологического комментария, в которой в том числе описывается значение жеста, и приводятся иллюстративные примеры.

Приведём образец словарной статьи.

ХЛОПНУТЬ ДВЕРЬЮ, разг.

1. Возмутившись или обидевшись, устранившись от дел, прервать отношения с кем-л.

Думали, они поймут, что повышение цены на их издание было экономически обоснованной мерой. Но «Провинция» предпочла хлопнуть дверью... Из интервью с Валерием Любашенко (Юпитер, ты сердисься? // «Витрина читающей России», 28.06.2002).

2. Неодобрит. Привлечь к себе внимание, сделал напоследок что-л. необычное. *Клинтон хлопнула дверью. 01 февр. 2013 г. — Госсекретарь США, перед тем как покинуть свой пост, высказала всё, что думает о политике России (www.utro.ru/articles/2013/02/01/1098642.shtml).*

3. Спорт. Одержав победу в итоговом (как правило, ничего не решающем) матче (соревновании) после неудачной предыдущей игры (игр, выступлений). *После двух поражений на чемпионате Европы против немцев российская команда постарается громко хлопнуть дверью и сыграть раскованно, заявил нападающий молодёжной сборной России по футболу Федор Смолов (http://rsport.ru/football/20130609/666869607.html).*

Фразеологизм восходит к жесту, производимому в присутствии другого лица. Человек, производящий жест, уходит из помещения, громко хлопнув дверью, показывая этим, что не хочет больше иметь никаких контактов с другим лицом. Обычно жесту сопутствует бесполезная попытка отстоять свою точку зрения на что-л.: *Ляля в конце концов поняла и наглым тоном заявила, что как-нибудь проживёт без кружка, хлопнула дверью и вышла (А. Львов. Двор (1981)); Все оборачивалось столь глупо и ошеломительно, что по врождённой деликатности Иван Матвеев как-то растерялся, в том смысле, например, следует ли ему при уходе ограничиться передачей в адрес Александра Яковлевича какого-нибудь не слишком лестного о нём суждения или же произвести погром новогоднего стола и хотя бы хлопнуть дверью напоследок (Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)).*

Компонент фразеологизма *хлопнуть* соотносится с деятельностным кодом культуры, а *дверь* — с артефактивно-вещным кодом. Дверь — это символ границы, перехода из одного места или состояния в другое.

Фразеологизм в целом выступает в роли стереотипа демонстративного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аничков В. П. 1998: Екатеринбург — Владивосток (1917–1922). М.
 БТС 2001: Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов (ред.). СПб.
 Гуль Р. Б. 1991: Дзержинский (Начало террора). М.

⁸ Казёнова 2009, 17.

⁹ Кожаметов 2014.

¹⁰ Копылова 2013.

¹¹ Фесенко 2013.

¹² Vitaliy-andr.ru 2013.

- Казёнова О. А. 2009: Функционирование фразеологизмов в устном дискурсе (на материале спортивных репортажей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Кожихметов А. 2014: Интервью Гедиминаса Вичюса официальному сайту УЕФА. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.uefa.com/uefaeuropaleague/season=2014/matches/round=2000469/match=2012594/postmatch/quotes/>.
- Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. 1999: Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) // Фразеология в контексте культуры / В. Н. Телия (ред.). М., 269–277.
- Копылова Т. 2013: Экс-нападающий сборной России Александр Ширко: «Хлопнуть дверью в Израиле не получится». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sportsdaily.ru/articles/eks-napadayuschiy-sbornoy-rossii-aleksandr-shirko-hlopnut-dveryu-v-izraile-nepoluchitsya-55882>.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. 2013: Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко (ред.). М.
- Фесенко В. 2013: Королевской посоветовали брать пример с Богословской. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://glavcom.ua/news/161209.html>.
- Форум «Русские словари» 2008: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: slovari.ru/default.aspx?s=0&p=133&og0=151&ot0=992.
- Vitaliy-andr.ru 2013: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vitaliy-andr.ru/archives/975>.

THE LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION OF INNER FORM AND DEVELOPMENT OF PHRASEOLOGICAL UNITS
(with the phrase *to slam the door* as example)

E. I. Zinovyeva, A. S. Alyoshin

The article deals with the meaning of a phraseological unit *хлопнуть дверью* in its development. Its origin and the features of its usage in the modern Russian language according to its representation in the ethno-cultural phraseological dictionary are taken into account.

Key words: gesture phraseological unit, meaning, inner form, phraseological dictionary, vocabulary entry

© 2014

В. И. Кабыш

КАУЗАТИВЫ КАК ОБЪЕКТ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В настоящей статье описываются процессуальные фразеологизмы, вступающие в каузативные (причинно-следственные) отношения. Определяется роль глагольных компонентов в формировании семантики каузативности. Описываются типы фразеологических каузативов. Характеризуется словарь фразеологических каузативов. Приводится словарная статья данного фразария.

Ключевые слова: процессуальные фразеологизмы, каузативные отношения, каузативы, каузативность

Создание частных автономных словарей фразеологических единиц (ФЕ) является актуальным направлением современной фразеологии. Учёные Лингвистической лаборатории им. д-ра филол. наук, проф. В. А. Лебединской Курганского гос. ун-та занимаются составлением фразариев, описывающих определённые фразеологические подсистемы. Одним из них стал «Словарь фразеологических каузативов».

Под фразеологическими каузативами понимается пара ФЕ, выражающих причинно-следственные отношения между субъектом и объектом в обращённых высказываниях, обозначающих одну и ту же ситуацию. Отношение каузативности имеет место, если один из фактов действительности изменяется в результате воздействия на него другого. Рассмотрим каузативную пару фразеологизмов *испытывать страсть* — *возбуждать страсть* (Он испытывает к ней страсть — Она вызывает у него страсть). Первый актант (он) изменяется (начинает испытывать страсть) в результате причинения определённого воздействия на него (вызывает страсть) со стороны второго актанта (она). При этом компонент-каузатив *вызывать*, привносящий во ФЕ значение «заставить появиться, породить»¹, включает в себя две микроситуации: воздействие на кого/что-л. — изменение кого/чего-л. по причине воздействия.

Каузативность в парах исследуемых процессуальных фразеологизмов создаётся за счёт глагольного компонента-каузатива, привносящего значение *причинности* (например, *причинить* — «произвести, послужить *причиной* чего-либо»)². Как показывает наша картотека, во фразеологизмы, вступающие в причинно-следственные отношения, семантику каузативности привносят компоненты-глаголы следующих типов: 1) классические каузативы, устанавливающие причинно-следственные отношения между двумя нерасчленёнными событиями: *вызывать* (испытывать интерес — вызывать интерес); 2) личностные каузативы, представляющие некоторое событие как результат воздействия одного лица на волю другого: *принуждать* (давать ответ — принуждать к ответу); 3) личностные каузативы, представляющие событие как непосредственный результат действия некоторого лица: *доводить* (доходить до изнеможения — доводить до изнеможения); 4) «двуличные» каузативы, представляющие некоторое субъективное, психическое событие как стимулированное некоторым лицом: *внушать* (испытывать доверие — внушать доверие); 5) личные каузативы, обозначающие связь двух физических событий — агентивного и безагентного: *приводить* (занимать вертикальное положение — приводить в вертикальное положение). Наиболее многочисленной является группа фразеологизмов, в которой действуют «двуличные» каузативы, представляющие некоторое субъективное, психическое событие как стимулированное некоторым лицом. Это объясняется общей закономерностью: среди процессуальных фразеологизмов

Кабыш Виктория Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета. E-mail: kabysh.v.i@yandex.ru

¹ Шведова (ред.) 1992, 112.

² Шведова (ред.) 1992, 603.

субкатегории отношения наиболее частотными (75 %) являются единицы, выражающие межличностные отношения. Семантика субъективного психического события во фразеологизмы привносится именными компонентами, относящимися в свободном употреблении к группе психического состояния (*любовь, ненависть, страх, радость, удовольствие, озабоченность, тревога*).

Процессуальные фразеологизмы, вступающие в каузативные отношения, не становились предметом специального лингвистического исследования. В отдельных словарях (Л. М. Васильев «Системный семантический словарь русского языка. Предикативная лексика» и др.) описываются лексические каузативы, фразеологический материал привлекается лишь факультативно. В связи с этим представляется целесообразным создание частного автономного словаря, описывающего фразеологические каузативы.

Рассматриваемый словарь призван решить следующие задачи: выявить процессуальные фразеологические единицы, вступающие в каузативные отношения, и дать словарную информацию о них широкому кругу читателей; отразить представленность исследуемых единиц в лексических, фразеологических словарях и сводах; привести стилистическую, историко-временную и эмоционально-экспрессивную характеристику единиц; осуществить толкование фразеологизмов, выявив полисемичность и омонимичность единиц, вариативность и факультативность их компонентов; предпринять грамматическое описание ФЕ; дать семантическую характеристику фразеологизмов; показать особенности употребления фразеологизмов в речи достаточным количеством иллюстративных цитат. Словарная статья в данном фразарии выглядит следующим образом:

<p>Идти по миру <i>Зафиксирован в СФСРЯ, ССРЯ, ТСУ, БАС, НБАС</i> <i>Субъектно-личный, безобъектный.</i> <i>Социальн. сост.</i> Нищенствовать; просить милостыню. — А мне без разницы. Красная икра, черная икра — и всё вёдрами. — Да я из-за тебя точно <i>по миру пойду!</i></p>	<p>Пустить по миру кого <i>Зафиксирован в СФСРЯ, ТСО</i> <i>Субъектно-личный, объектный.</i> <i>Доминантн. отнош.</i> Довести до нищенского состояния; разорить. Берегись, она <i>пустит</i> тебя <i>по миру</i>.</p>
---	---

ЛИТЕРАТУРА

Шведова Н. Ю. (ред.) 1992: Словарь русского языка . М.

CAUSATIVE VERBS AS A SUBJECT OF PHRASEOLOGICAL DESCRIPTION

V.I. Kabysh

This article gives a description of process phraseological units conveying causative and consecutive relations. It defines the role of verbal components in formation of semantic causativity and contains information about their types. It also provides examples from causative verb dictionary and gives the vocabulary explanation.

Key words: process phraseological units, causative relation, causative verbs, causativity

© 2014

М. Л. Лаптева

ОСОБЕННОСТИ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье предлагается модель описания инокультурных фразеологических единиц, которые недостаточно широко представлены в современных фразеологических изданиях.

Ключевые слова: инокультурная фразеологическая единица, фразеологическая семантика, дискурсивное пространство

Вершиной сложной модели оппозиций, пронизывающих человеческое сознание и находящих выражение в языке, является глобальное членение на «свою» и «чужую» культуру. С лингвокультурных позиций важен, прежде всего, образ «чужой» культуры в зеркале «своей», ибо мы обращаем в другой культуре внимание на нечто непривычное для нас и подвергаем это языковой рефлексии. Так «чужое» начинает жизнь в «своём» культурном, а затем и в языковом пространстве. Проекция лингвокультурных маркёров «своего» и «чужого» на фразеологическую систему русского языка открывает перспективы выявления механизмов объективации проведённых культурой ментальных границ.

Под инокультурной фразеологической единицей (ФЕ) понимается единица косвенно-производной номинации, отличающаяся на уровне фразеологической семантики когнитивно-дискурсивной связью с инокультурной действительностью и содержащая на уровне формальной структуры «чужеродный» компонент¹. К инокультурным следует отнести, например, такие ФЕ, как *арабские сказки, греческий профиль, последнее китайское предупреждение, брак по-итальянски, развести*

Лаптева Мария Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета. E-mail: hohlina2004@yandex.ru

¹ Лаптева (Хохлина) 2011, 127–128.

гарем и др. В современных фразеографических изданиях подобные лингвокультурные знаки представлены недостаточно широко, тем более, невозможно получить объективной картины их функционирования в современных дискурсивных практиках.

Однако мы не можем отрицать стремительного обновления фразеологического корпуса русского языка в условиях интенсивного развития современного общества. В группу неофразеологических единиц, которые могут лишь претендовать на статус узуальных, входят и рассматриваемые нами инокультурные знаки.

Такие единицы косвенно-производной номинации являются результатом когнитивно-дискурсивной деятельности, осуществляемой этноязыковым сообществом в отношении «чужого» культурного пространства. Тот или иной предмет реального мира, получающий «чужеродную» номинацию, воспринимается представителями этнокультуры как особый, нехарактерный для неё, отличающийся по ряду признаков. Для изучения процессов формирования семантики ФЕ, которые могут быть отмечены лингвокультурным маркером «Чужое», необходимо погружение в источник смыслового содержания — инокультурное дискурсивное пространство — и обнаружение тех продуктов когниции, с которыми соотносится данный языковой знак.

Предложенная модель описания инокультурных ФЕ базируется на теоретических подходах синергетического фразеографирования, заложенных в работах Н. Ф. Алефиренко (2002), Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых (2004), и является попыткой развить концепцию, представленную во «Фразеологическом словаре: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики»².

Во-первых, в вокабуляр попадают дискурсивные фразеологические единицы, на примере которых можно проследить генетическую связь мышления и языковой единицы, выявить дискурсивно-событийные стимулы формирования фразеологического значения, установить источник его поддержки языковой памятью с целью проследить закономерные связи между когнитивными и лингвокультурологическими явлениями, генерирующими смысловую ценность фразеологической семантики. Например, широко известным является устойчивое выражение *американская мечта* — ‘мечта о богатой жизни’, — которое возникло в дискурсивном пространстве иностранного языка, в частности является калькой с англ. *American Dream*. В языковой памяти носителей русского языка поддерживается за счёт гетеростерейтипа о комплексе ценностных ориентиров граждан США, их «американской идее»: высокооплачиваемая работа, большой дом, дорогой автомобиль и т.п. Так, в эпигло исторического эссе «Эпопея Америки» Джеймса Траслоу Адамса, вышедшего в 1931 г., находим: «... *Американская мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, что он заслуживает*». По фразеологической модели выражения *американская мечта* построена и устойчивая единица *русская мечта*, содержание которой наполнено различными смыслами, как правило, противопоставленными «западным образцам». Ср.: *Не пройдёт и десяти лет, как вновь в полной мере засияет настоящая звезда — Русской мечты. Пресыщенные золотым тельцом европейцы и американцы поймут, что нет ничего на свете лучше искренних человеческих отношений и натурального хозяйства*³. Можно предположить, что, антонимичность семантики оборотов *американская мечта* и *русская мечта* обусловлена противопоставлением «своих» и «чужих» ментальных установок. Механизм формирования фразеологического значения инокультурных единиц основывается на дискурсивном переосмыслении фразеологического компонента, который утрачивает своё прямое топонимическое/этнонимическое значение. Данные единицы кодируют гетеростерейтипы представления носителей русского языка, например, единица *грузинский нос* — ‘большой, с горбинкой нос’ — об особенностях внешности грузин, *восточный базар* — ‘суета, сутолока, суматоха где-л.’ — о культурных особенностях Востока, *как китайские иероглифы* — ‘о чём-л. сложном для восприятия, понимания’ — о сложности китайского языка и трудности его восприятия, о китайских иероглифах как о путаных письменных знаках. Языковая память в данном случае поддерживается ассоциативно-смысловыми связями, возникающими в процессе межкультурной коммуникации. Ср.: *Итак, друзья, пришло весёлое время, когда я должна выбрать, какой интернет я хочу — кабельный или спутниковый. За две недели я должна решить сей животрепещущий и загадочный, как китайские иероглифы, вопрос, приглядеть себе провайдера*...⁴

Во-вторых, словарная статья, на наш взгляд, должна организовываться в соответствии с требованиями современной фразеографии и давать возможность потенциальному пользователю получить максимальное представление о месте и роли той или иной ФЕ в этнокультурной языковой картине мира, о её лингвокультурной ценности. Приведём образец словарной статьи, посвящённой инокультурной ФЕ *чисто английское убийство*.

ЧИСТО АНГЛИЙСКОЕ УБИЙСТВО • Хорошо спланированное преступление.

□ 1) *Смерть Березовского* — **чисто английское убийство** (Посольский приказ, 29.03.2013// <http://www.posprikaz.ru/>); 2) *Королевская свадьба и чисто английское убийство. Случайная смерть Дианы и арабского шейха в автокатастрофе — была не такая случайная* (http://kruglikkont.blogspot.ru/2011/04/blog-post_29.html/29.04.2011); 3) **Чисто английское убийство**. *Банкнота в 500 евро запрещена в Великобритании. Она признана наиболее удобным средством отмывания денег преступными организациями* (www.financialtaskforce.com).

& Дискурсивное пространство зарубежной художественной литературы.

Выражение впервые употреблено как перевод названия детективного романа английского писателя Сирила Хэйра «Чисто английское убийство» (1951).

∇ Концепт «Преступление»

Языковая память поддерживается знакомством с советским художественным фильмом «Чисто английское убийство», снятым по одноимённому роману (1974), а также британским детективным сериалом об убийствах в вымышленном английском графстве Мидсомер «Чисто английские убийства», или «Убийства в Мидсомере» (англ. *Midsomer Murders*).

Итак, словарная статья состоит из трёх основных частей. *Первая часть* содержит словарную дефиницию косвенно-производной единицы и её возможную стилистическую квалификацию. *Вторая часть* включает новый иллюстративный материал, показывающий функционирование ФЕ в современном публицистическом или художественном дискурсе, в интернет-коммуникации. Иллюстративная часть раскрывает типовую сочетаемость устойчивого оборота, речевое варьирование его структуры и смыслового содержания. *Третья часть* содержит взаимодополняющие рубрики: (1) указывает на дискурсивное пространство, которое явилось когнитивным стимулом возникновения косвенно-производной номинации &; (2) называет ле-

² Алефиренко, Золотых 2008.

³ <http://cuamckuykot.livejournal.com/51255.html>

⁴ <http://www.coolfold.com>

жащий в основе фразеологического значения концепт; (3) определяет ассоциативно-смысловые средства сохранения данной единицы в активной зоне языкового сознания.

Таким образом, предложенное словарное описание инокультурных ФЕ ориентировано на познание взаимосвязей когнитивных и дискурсивных факторов, обуславливающих лингвокреативный статус данной единицы в языковом сознании носителей русского языка. Учёт взаимоотношений языка, познания и культуры позволяет проследить фразеологическую парадигму «чужого» в «своём» лингвокультурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. 2004: Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). Астрахань.

Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. 2008: Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М.

Лаптева (Хохлина) М. Л. 2011: Онтология культурно-когнитивного анализа «Своего и «Чужого» во фразеологической парадигме. Астрахань.

FEATURES OF DICTIONARY DESCRIPTIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF FOREIGN CULTURE

M. L. Lapteva

A model for describing phraseological units of foreign culture which are under-represented in modern phraseographic editions is represented in the article.

Key words: phraseological unit of foreign culture, phraseological semantics, discursive space

© 2014

Е. В. Радченко

ДИНАМИЗМ В СФЕРЕ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ГРАММАТИЧЕСКИ ГЛАВНЫМ КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ

Динамизм является одним из наиболее важных сущностных онтологических законов мира и проявлением его диалектического развития, а цельное фразеологическое значение — это результат семантического преобразования лексем, ставших компонентами анализируемых единиц.

Ключевые слова: динамизм, диалектическое развитие, значение, фразеологическая единица, компонент, соматизм

Язык функционирует и развивается только в определённой общественной, культурной среде и удовлетворяет постоянно растущие потребности коммуникации того или иного социального коллектива носителей данного языка. Главным источником движения языковой единицы является субъект, творящий, создающий и квалифицирующий обозначения новых реалий, отношений, связей предметного мира. Специальному изучению динамичности в сфере значения языковой единицы посвящён ряд исследований¹.

С усложнением сознания человека и ростом потребности в выражении и квалификации новых сложных понятий, отношений и связей появляются новые единицы, называемые фразеологическими, которые оптимально выражают то, чего не могут выразить лексические средства. Названные единицы аккумулируют в себе богатейший опыт истории русского народа, его трудовых навыков, нравственные установки, философские принципы и точные наблюдения над наиболее важными сторонами жизни. Характерными чертами фразеологического значения являются высокая степень обобщённости, широта и почти полная неспособность обозначать мир конкретных физических предметов неживой природы, которые обычно свободно обозначают имена существительные.

Развитие цельного фразеологического значения из аналитического значения свободного словосочетания представляет собой динамический процесс, который носит скачкообразный характер и подчиняется одному из главных законов диалектического развития — закону перехода количественных изменений в качественные.

Как показал анализ, семантика фразеологизмов с компонентом-соматизмом непосредственно связана с функцией органа или части тела человека (или животного). По справедливому замечанию Н. В. Уфимцевой, «... при восприятии человеческого тела как культурного объекта русские отдают предпочтение (неосознанно) социальной характеристике той или иной части тела <...> а, например, литовцы и грузины — размеру. При этом социальная характеристика в сознании русских наиболее важна для фигуры, головы, лица, глаз, рук»².

Важную роль в процессе формирования фразеологической семантики играет атрибутивный компонент. Так, правая рука у подавляющего большинства людей является ведущей, главной, самой сильной, выполняющей основную работу. Во фразеологизме *правая рука* имя прилагательное *правая* актуализирует ядерные семы 'ведущая', 'главная', 'основная'. Лексема *рабочий* во фразеологизме *рабочие руки* актуализирует ядерные семы 'относящийся к рабочим, принадлежащий рабочим'³. Имя прилагательное *золотой* во фразеологизме реализует ядерные семы 'замечательный по своим качествам,

Радченко Елена Вадимовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Института международного образования Южно-Уральского государственного университета. E-mail: rad-ev@mail.ru

¹ См. Алефиренко, Золотых 2004; Гайсина 1985; Мелерович, Мокиенко 2008; Мокиенко 1980; Павлова 1997; Радченко 2007, 2009; Чепцова 1993.

² Уфимцева 1998, 160.

³ МАС 3, 1987, 576.

достоинствам, прекрасный, очень хороший⁴. Прилагательное *лёгкий* во фразеологизме *лёгкая рука (у кого)* актуализирует периферийные семы 'незначительный по весу', 'удачливый', 'счастливый'.

Характерной отличительной особенностью фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом *рука* является их ярко выраженная социальная направленность. Они характеризуют человека с точки зрения трудовых навыков, мастерства — *золотые руки* '1) очень умелый, искусный в своём деле человек', *рабочие руки* 'рабочие'; социальных отношений — *правая рука (кого)* 'ближайший помощник кого-л.'; личных качеств — *лёгкая рука (у кого)* 'кто-л. удачлив в своих делах, начинаниях'.

В результате динамических процессов компоненты утрачивают первоначальную предметную соотносительность с конкретной частью тела и начинают функционировать как единое целое, становящееся номинацией человека. Так происходит динамика, движение значения лексемы, ставшей компонентом фразеологизма, от конкретного к отвлечённому, от физического к духовному, социальному. Первоначальный физический образ — часть тела человека — скачкообразно сменяется эмоционально-рациональным образом. В результате актуализации сем именного и атрибутивного компонентов фразеологизм становится номинацией человека и характеристикой его социальных качеств. Динамика значения сопровождается сменой лексико-семантической сочетаемости. Фразеологизмы, в отличие от свободных словосочетаний, употребляются с лексемами производственной, социальной деятельности человека: *Завод строили и копали руду одновременно: рабочих рук не хватало (Е. Фёдоров. Каменный пояс); Природа наградила его золотыми руками. Он был хорошим кузнецом, хорошим звероловом... (Арсеньев. Сквозь тайгу); Секретарь Ременных, безногий. Обе ноги он потерял на германской войне — вёл протоколы безупречно, он вообще был правой рукой Лазарева (С. Залыгин. После бури); С лёгкой руки Шера мы постепенно стали находить работу. Один из нас нанялся скрипачом, другой — монжёром (К. Федин. Я был актёром).*

Анализ показал, что фразеологизм, как раздельнооформленное образование, является единицей особой сложности, обладающей по сравнению с лексемой большим семантическим объёмом, высокой степенью информативности, дополнительной оценочной нагрузкой, образностью. Значение фразеологизмов, включающих в свой состав именной компонент-соматизм, отличается высокой степенью отвлечённости, обобщённости, сложности и широты. ФЕ не только называют лицо, но и содержат в своём значении оценку его нравственных, социальных качеств. В значении фразеологизма происходит скачок от номинации свободным словосочетанием конкретной части тела человека к обозначению предметным фразеологизмом лица и качественной характеристике его нравственных и социальных свойств.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. 2004: Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): монография. Астрахань.
 Гайсина Р. М. 1985: Межкатегориальный переход понятия и обогащение лексики. Уфа.
 МАС 1985–1988: Словарь русского языка: в 4 т. / А. П. Евгеньева (ред.). М.
 Мелерович А. М., Мокиенко В. М. 2008: Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома.
 Мокиенко В. М. 1980: Славянская фразеология: учеб. пособие для филол. спец-тей ун-тов. М.
 Павлова Н. А. 1997: Омонимия в сфере фразеологии: монография. Омск.
 Радченко Е. В. 2007: Динамические процессы во фразеологизмах с функционирующими морфологическими категориями: монография. Челябинск.
 Радченко Е. В. 2009: Динамические процессы в сфере значения русских фразеологизмов с функционирующими морфологическими категориями: монография. Челябинск.
 Уфимцева Н. В. 1998: Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание. Формирование и функционирование / Н. В. Уфимцева (ред.). М., 135–171.
 Чепасова А. М. 1993: Понятие о динамических и диалектических процессах в языке // Диалектические процессы во фразеологии: тезисы докл. науч. конф. Челябинск, 13.

DYNAMISM IN THE FIELD OF VALUE OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH GRAMMATICALLY MAIN COMPONENT-SOMATISM

E. V. Radchenko

Dynamism is one of the most important ontological world essences and the manifestation of the world's dialectical development. Phraseological solid value is the result of semantic transportation of lexemes that became components of the analyzed units.

Key words: phraseological unit, dynamism, meaning, dialectical development, component, somatism

ОТРАЖЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ В СЛОВАРЯХ

Фразеологизмы военной тематики отражены во фразеологических словарях недостаточно полно. Представленные единицы относятся к разным классам, имеют разную структуру, могут быть однозначными и многозначными.

Ключевые слова: фразеологизм, военная тематика, фразеологический словарь

⁴ МАС 1, 1985, 620.

Соколова Анастасия Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Тюменского высшего военного инженерного училища им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова. E-mail: asok19@yandex.ru

Фразеологизмы военной тематики изучены в современной науке недостаточно. Нет специализированных словарей, которые бы отражали все единицы исследуемого корпуса, а в существующих фразеологических словарях представлен далеко не полный перечень фразеологизмов.

Точкой отсчёта для нашего исследования фразеологизмов военной тематики послужил «Фразеологический словарь русского литературного языка»¹. Собранный по данным словаря картотека составляет 169 единиц.

Мы проанализировали их с точки зрения внешней формы, семантической структуры, наличия полисемии и проявления системных отношений.

Фразеологический фонд так же, как и лексический, организован в семантико-грамматические классы, которым присуща чёткая внутренняя иерархичность. В соответствии с классификацией, разработанной А. М. Чепасовой², фразеологизмы военной тематики могут относиться к разным семантико-грамматическим классам (предметному, процессуальному, призначному и др.).

Одним из самых больших оказался семантико-грамматический класс процессуальных фразеологизмов военной тематики (97 ФЕ): *бередить рану, бить в одну точку, бить в цель, бить мимо цели, бить отбой, бить прямо в цель, бить смертным боем, биться насмерть, биться смертным боем, бороться со смертью, брать на abordаж, брать на вооружение, брать на мушку, брать на прицел, брать на пушку, брать под обстрел, брать под прицел, брать под стражу, брать с бою, вылетать пулей, вырвать оружие из рук, высоко держать знамя, выступать из воли (приказаня), вытягиваться в струнку, глядеть смерти в глаза, давать промах* и т.д.

Преобладание процессуальных фразеологизмов военной тематики над другими семантико-грамматическими классами может объясняться двумя причинами. Во-первых, это соответствует общей тенденции преобладания процессуальных единиц в русском языке. Во-вторых, подобное преобладание может быть связано с тематикой самих фразеологизмов, которые указывают на активные военные действия. По этой же причине процессуальные фразеологизмы военной тематики в большинстве своём относятся к субкатегории деятельности, в соответствии с классификацией В. А. Лебединской³.

На втором по частотности месте оказались качественно-обстоятельственные фразеологизмы (35 ФЕ): *без выстрела, в мундирах, в ногу, в ружьё, в струнку, в форме, в штаны, верой и правдой, во фронт, вооружённую рукою, до последнего патрона, до последней капли крови, единым фронтом, на (в) штык, на взводе, на выстрел, на два фронта, на пушечный выстрел, на равной ноге, на страже* и др.

Высокая частотность качественно-обстоятельственных фразеологизмов говорит, по всей видимости, о том, что в военной среде необходимо чётко представлять себе способ выполнения тех или иных военных действий.

В словаре отражено 23 предметных фразеологизма военной тематики. Большинство из них обозначают неодушевлённые предметы (12 ФЕ): *честь мундира, караульная доска, холостой выстрел, мамаево побоище, мамаево нашествие* и т.д.

8 фразеологизмов обозначают одушевлённые предметы, лица: *белая кость, гарнизонная крыса, Аника-воин, пушечное мясо* и другие. По мнению Е. Р. Ратушной⁴, фразеологизмы-антропониманты обладают максимальной степенью антропоцентричности и отражают человека во всём многообразии его проявлений. Рассматриваемые нами фразеологизмы Е. Р. Ратушная относит к множеству единиц — наименований человека по социальной деятельности, роду занятий и к подмножеству фразеологизмов-наименований военных: *серая скотинка* (пренебр., собир.) — ‘солдаты’, *ратные люди* (собир.) — ‘военные’, *сын Марса* (устар., высок.) — ‘военный’ и др.⁵

Другие семантико-грамматические классы представлены единичными фразеологизмами: призначными (*хвост пистолетом, на седьмом взводе*), количественными (*имя же им легион, пушкой не прошибёшь*).

Фразеологизмы военной тематики могут иметь как одно значение, так и несколько. По данным словаря, однозначные фразеологизмы намного превосходят многозначные. Их соотношение, а также различия по количеству значений представлено в таблице:

Фразеологизмы военной тематики (169 ФЕ, 100%)		
Однозначные (134 ФЕ, 79 %)	Многозначные (35 ФЕ, 21%)	
	двузначные (31 ФЕ)	трехзначные (4 ФЕ)
Аника-воин	Белый билет	В ружьё
В штаны	Бог войны	Не на живот, а на смерть
Дать осечку	Брать на abordаж	Не на жизнь, а на смерть
Держать под прицелом	Поднимать оружие	Ни шагу

Многозначность фразеологических единиц всех классов, отражается в словарях крайне неудовлетворительно. Чаще всего фразеологизмы регистрируются как однозначные и только у некоторых отмечаются два, три и редко больше значений. В исследуемом нами словаре многозначность фразеологизмов военной тематики также выявляется непоследовательно и недостаточно полно.

В последнее время многие исследователи, такие, как С. Г. Шулежкова⁶, О. В. Куныгина⁷, А. В. Свиридова⁸, Н. Б. Усачёва⁹ и другие, отмечают необходимость создания автономных частных фразеологических словарей. Единицы, входящие в такие словари, вычленены на основании различных критериев: общности семантики, структуры, грамматических признаков, компонентного состава и т.п.

¹ Фёдоров 1997 (сост.).

² Чепасова 2006, 6–41.

³ Лебединская 1996, 143.

⁴ Ратушная 2000, 3.

⁵ Ратушная 2000, 126.

⁶ Шулежкова 1993, 3–5.

⁷ Куныгина 2003, 72–76.

⁸ Свиридова 2000, 297–299.

⁹ Усачёва 1999, 73–74.

Нам кажется целесообразным создание автономного фразеологического словаря, в котором содержится фрагмент фразеологической системы языка. Словарь фразеологизмов военной тематики мог бы включать широкий спектр единиц. С одной стороны, в словаре необходимо отразить единицы-элементы военной терминологии, например, *встать в строй, отдать приказ* и мн. др. С другой стороны, необходимо описать единицы, которые напрямую не обозначают военные явления, но включают компоненты, указывающие на оружие, или другую военную лексику, например, *хватило пороха* в значении 'достаточно сил, энергии, воли и т.п. для выполнения, осуществления чего-л.', *встретить в штыки* — 'отнестись к кому-то недружелюбно'. Целесообразно включать в словарь историческую справку о происхождении того или иного фразеологизма; отражать, где это необходимо, их многозначность.

ЛИТЕРАТУРА

- Куныгина О. В. 2003: Фразеологические частицы: опыт составления словаря // Семантика и форма фразеологических знаков языка: тезисы докладов всерос. науч. конф. / Н. Б. Усачёва (ред.). Курган, 72–76.
- Лебединская В. А. 1996: Взаимодействие семантических и грамматических свойств процессуальных фразеологизмов: дис. ... д-ра филол. наук. Курган.
- Ратушная Е. Р. 2000: Семантическая структура фразеологизмов в процессе её формирования и функционирования (на материале фразеологизмов-наименований человека в современном русском языке). Курган.
- Свиридова А. В. 2000: Опыт составления словника фразеологических единиц с компонентом *не* // Фразеология 2000: материалы всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» / В. Т. Бондаренко (ред.). Тула, 297–299.
- Усачёва Н. Б. 1999: О словаре фразеологизмов с компонентом *иметь* // Динамика фразеологического состава языка: тезисы междунар. науч. конф. / В. А. Лебединская (ред.). Курган, 73–74.
- Фёдоров А. И. (сост.) 1997: Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. М.
- Чепасова А. М. 2006: Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск.
- Шулежкова С. Г. 1993: Оперные и романсные крылатые выражения: Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». Магнитогорск.

REFLECTION OF MILITARY PHRASEOLOGICAL UNITS IN DICTIONARIES

A. A. Sokolova

Phraseological units of military topic are represented in the phrasebook insufficiently. Submitted units belong to different classes, have different structures, they may be unambiguous and polysemantic.

Key words: phraseological units of military topic, Phraseological Dictionary

© 2014

Б. В. Туркина, О. М. Туркин

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ ГОЛОВА КАК ОБЪЕКТ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье рассматриваются процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния с компонентом голова. Описаны различные структурные модели и установлена высокая словообразовательная активность именного компонента.

Ключевые слова: фразеологическая единица, процессуальный фразеологизм, субкатегория состояния

Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния — часть семантико-грамматического класса процессуальных фразеологизмов русского языка¹.

Под субкатегорией состояния мы понимаем семантико-грамматический разряд фразеологических единиц (ФЕ), выделяемых на основе субкатегориального значения процессуального состояния, характерными признаками которого являются распространённость на всю субкатегорию состояния и связь со всей совокупностью выражающих это значение грамматических, формальных средств².

Неглагольные компоненты вносят свой вклад в формирование всех видов значений процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния. В состав фразеологизмов исследуемой субкатегории входят именные компоненты-существительные.

В данном исследовании анализируются процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния с компонентом *голова* (80 ФЕ).

Туркина Бажена Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета. E-mail: bturkina@mail.ru

Туркин Олег Михайлович — аспирант кафедры русского языка Курганского государственного университета.

¹ Лебединская 2001, 53.

² Туркина 2005, 193.

Анализируя процессуальные единицы субкатегории состояния, мы обнаружили ряды фразеологизмов, образованные разными глагольными компонентами, но с общим именным компонентом.

Процессуальные фразеологизмы с компонентом *голова* создаются двумя типами синтаксических единиц: подчинительным словосочетанием и простым предложением.

Большой фразообразовательной активностью среди процессуальных фразеологизмов с компонентом *голова* обладают ФЕ, равные по структуре подчинительному словосочетанию (61 ФЕ).

Среди них максимальной продуктивностью обладают процессуальные фразеологизмы, построенные по модели «гл. + сущ. в вин. п. с предлогом». Компонент *в голову* «притягивает» к себе следующие глагольные компоненты: *приходить/прийти, входить/войти, бросаться/броситься, ударять/ударить, вскакивать/вскочить, шваркать/шваркнуть, забирать/забрать, бить/вбить, идти, встать, стукнуть, взбрести, лезть, закружить, плыть, прокрадываться, являться, влетать, втемяшиться, закресться, вступить, брать*.

Предлог *в*, становясь компонентом фразеологизма, сужает круг своих значений и реализует из первого бывшего значения сему, которую можно определить как 'употребляется при обозначении места, направления куда-н. или нахождения где-н. чего-н.'. *Люди знают — ворочалось у него в голове (И. Гончаров. Обломов); Иной раз сидишь подле бабушки и чего-чего в голову не войдёт (Ф. Достоевский. Белые ночи); Кой чёрт? Мне почудился крик свояченицы на улице; они, дурни, забрали себе в голову, что я им ровня (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки); Ну, уж ты забереёшь в голову... (Л. Толстой. Анна Каренина); Не мытьём, так катаньем и нерадивым что-то влетало в голову (Н. Мордюкова. Записки актрисы); На что он заметил, что я ещё слишком молода, что у меня ещё в голове бродит (Ф. Достоевский. Бедные люди); Да с чего же этого старик задурил? — А так в голову вступило (В. Михеев. По хорошей верёвочке); Но Сабурову упорно прокрадывалось в голову, что у Варвары Петровны видят в законах какое-то подобие философского камня, способного обращать навоз в золото (А. Мелихов. Горбатые атланты, или новый дон Кишот).*

Компонент *голова* в форме род. п. обладает средними фразообразовательными возможностями. С предлогом *из* он сочетается также с разными глагольными компонентами, образуя процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния: *выбрасывать/выбросить, выкидывать/выкинуть, вытаскивать/вытащить, вылететь, выскочить, выветриться, выпасть, улетучиться, не уходить/не уйти, не идти из головы*.

Предлог-компонент *из* сохраняет сему бывшего пространственного значения.

Малопродуктивной является модель «гл. + сущ. в род. п. без предлога»: *не засорять головы, лишиться головы*.

Продуктивен во фразообразовании компонент *голова* в форме вин. п. без предлога: *класть/сложить, ломать/сломать, сворачивать/свернуть, вешать/повесить, терять/потерять, посыпать, опустить, склонить, приклонить, понурить, иметь голову: Ты своими слезами из меня всю душу вытянула, да ещё батюшке нажаловалась. Он мне вон каких страстей насулил, поневоле голову повесишь (А. Островский. Не так живи, как хочешь); Ну, я немножко потерял голову и решил так: эту повесть оставить до поры до времени и написать для вас что-нибудь другое (А. Чехов. Письма). Немудрено, что котик теряет голову (Б. Цыганков. Котиковый котик).*

Компонент *голова* в тв. п. с предлогом *с*, который вносит во фразеологизм элементы обстоятельственного значения, активно сочетается с разными глаголами: *уходить/уйти, погружаться/погрузиться, окунаться/окунуться с головой*. Например, *Подошла осень, и я уехал из С*** и окунулся с головой в беспокойную, богатую впечатлениями жизнь... студента (В. Короленко. Эпизоды из жизни «искателя»).*

Именной компонент в форме тв. п. может сочетаться с предлогом *над*: *повиснуть над головой*. Возможна и беспредложная форма именного компонента: *биться головой, заплатить головой, заплатить головой: Рано или поздно Бродяга, Царь московский самовольный, Поплатится удалой головой (А. Островский. Дмитрий Самозванец).*

Компонент *голова* в форме предл. п. с предлогом *в*, который является продуктивным во фразообразовании и вносит во фразеологическое значение семантические элементы объектного значения, активно сочетается с глаголами-компонентами: *мелькать/мелькнуть, сидеть, ворочаться, завестись, торчать, вязаться, звенеть, бродить, не укладываться в голове*.

Компонент *голова* в форме дат. п. во фразообразовании не участвует.

Процессуальные фразеологизмы с компонентом *голова* предложеческой структуры менее продуктивны (19 ФЕ).

Проведённый анализ позволил выделить фразеологизмы, имеющие структуру этимологического двусоставного нераспространённого предложения либо двусоставного распространённого предложения. Большая часть фразеологизмов восходит по своему происхождению к двусоставному нераспространённому предложению: *Голова варит. Голова вскружилась. Голова кружится. Голова горит. Голова идёт кругом. Голова пухнет/распухла. Голова разваливается. Голова трещит. Голова ходорам ходит*.

Компонент *голова*, употребляющийся в форме им. п. ед. ч. и соотносящийся в свободном употреблении с подлежащим, теряет субъектную соотнесённость, приобретая объектную характеристику: *Гляди, чтобы от тех похвал да не вскружилась голова, как у той вороны, что сидела на дубу (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды); Ах, голова горит, вся кровь моя в волнень! (А. Грибоедов. Горе от ума); Сидишь над чертежами — голова пухнет, хочется куда-нибудь выйти (И. Эренбург); Ты бы их (грачей) хоть из ружья попугал, — советовала Анастасия Петровна, — а то от ихнего крика голова разваливается (С. Бабаевский. Свет над землёй).*

Форма множественного числа именного компонента представлена единично (*голова летят, головы полетели*).

Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния, имеющие в качестве исходной синтаксической единицы простое распространённое предложение, менее продуктивны: *Мысль пришла в голову. Идея пришла в голову. Кровь бросилась в голову. Кровь всходила в голову. Мысли хлынули в голову. Мысли вязались в голове*.

Компонентный состав таких фразеологизмов увеличивается за счёт компонента, который соотносится с этимологически зависимым компонентом — второстепенным членом предложения, выраженным формой вин. п. с предлогом. Чаще всего в структуре таких фразеологизмов находится компонент *голова*, соотносящийся в свободном употреблении с дополнением или обстоятельством, выраженным вин. п. с предлогом *в*: *С неотразимой навязчивостью вертелась в голове мысль, что Макаров живёт с Лидией (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); Мелькали какие-то лица, припоминались, то неясно, то резко, какие-то давно забытые происшествия, влезли в голову какие-то мотивы каких-то глупых песен... Тоска, тоска была не-*

естественная! (Ф. Достоевский. *Двойник*); Тут Катерина остановилась перевести дух; — она то вздрагивала, как лист, и бледнела, то **кровь всходила ей в голову**, и теперь, когда она остановилась, щёки её пылали огнём, глаза блистали сквозь слёзы (Ф. Достоевский. *Хозяйка*); Теперь мне **пришла в голову дурацкая идея**, что посажен я вовсе не в зале, а — прямо на сцене, и как только зажжётся свет первого акта, тут же и выяснится, в какое глупое положение я попал (В. Хлудов. *Пьесы*).

ФЕ субкатегории состояния предложеческой структуры характеризуют состояние человека, отвлечённое от субъекта, и по своей семантике соотносятся с безличными предложениями, выполняя функцию сказуемого.

Проведённый анализ позволил сделать вывод, что компонент *голова* имеет высокий фразеобразовательный потенциал, активно участвуя в формировании субкатегориального значения состояния. Обнаруженные ряды фразеологизмов отличаются структурной организованностью, а также по виду, способам действия, залоговым характеристикам, по смысловым, стилистическим, экспрессивным оттенкам.

ЛИТЕРАТУРА

Лебединская В. А. 2001: Принципы анализа семантики процессуальных фразеологизмов // Фразеологизмы: семантика и форма: сб. статей, посвящ. юбилею В. А. Лебединской. Курган, 52–57.

Туркина Б. В. 2005: Структурная организация как важнейший элемент формы процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния // Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской. Вып. 2. Курган, 192–195.

PROCEDURAL PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COMPONENT *HEAD* AS AN OBJECT OF THE PHRASEOGRAPHIC DESCRIPTION

B. V. Turkina, O. M. Turkin

The article considers procedural phraseological units of a subcategory of state with a component head. Various structural models have been described and high word-formation activity of a nominal component been established.

Key words: phraseological unit, procedural phraseological unit, subcategory of state

© 2014

Н. Б. Усачёва

СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗОК, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ ОЦЕНКУ ДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются вопросы фразеографической разработки фразеологических связок со значением эмоциональной оценки действия. Разграничение связок, выражающих положительное и отрицательное отношение к действию, грамматический характер единиц обуславливает специфику словарных статей.

Ключевые слова: фразеологическая связка, фразеографирование грамматических фразеологизмов, эмотивная сема

Фразеологические связки, являясь служебными единицами языка, выполняют грамматическую функцию и являются чрезвычайно абстрактными по своей семантике. Общее категориальное значение копулятивности фразеологических связок служит для выражения модального отношения между подлежащим и основной частью сказуемого. Сема копулятивности конкретизируется субкатегориальными семами рациональности и эмоциональности.

Особенно сложными для словарного описания являются фразеологические связки с субкатегориальным значением эмоциональности, так как с их помощью говорящий доводит до сведения адресата своё положительное или отрицательное отношение к процессам, названным инфинитивами, даёт им эмоциональную оценку, экспрессивно выражает эмоциональные состояния субъекта, которые на языковом уровне «трансформируются в эмотивность»¹.

Эмоциональное состояние говорящий может квалифицировать как позитивное или негативное, поэтому внутри субкатегории эмоциональности чётко выделяются две группы: единицы, выражающие *эмоционально-отрицательное* и *эмоционально-положительное отношение* к действию.

Первая группа включает в себя такие единицы, как *дёрнул чёрт, дёрнула нелёгкая, иметь глупость, иметь жестокость, иметь наглость, иметь нахальство, иметь неосторожность, иметь несчастье, отказывать в удовольствии, счесть преступлением, счесть унижительным, хватает дерзости, хватает наглости, чувствовать отвращение* и т.п. К фразеологическим связкам второй группы относятся единицы типа *выпало счастье, доставить наслаждение, оказать милость, иметь любезность, иметь смелость, иметь счастье, находить удовольствие, иметь удовольствие, иметь чуткость, испытывать наслаждение, найти смелость, обрадоваться случаю, почест за счастье, предвкушать удовольствие* и др.

Групповое значение фразеологических связок формируется под влиянием именных компонентов, большая часть которых в свободном употреблении называет человеческие качества двух типов: во-первых, вызывающие отрицательную оценку носителей языка, осуждение с точки зрения порядочности, уместности, этических норм и правил (*наглость, нахальство, жестокость, глупость, дерзость* и под.), во-вторых, называющие положительные человеческие чувства, состояния удовольствия, радости, приятные ощущения (*удовольствие, счастье, смелость, наслаждение* и др.).

Усачева Наталья Борисовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Курганского государственного университета. E-mail: nbusacheva@yandex.ru

¹ Шаховский 1983, 7.

Словарное представление исследуемых единиц должно быть полиаспектным, включать в себя разные параметры описания. Заголовочная единица может содержать стилистическую характеристику, снабжаться грамматической информацией, получать развернутое семантическое описание. Особое значение приобретает иллюстративный материал (использование фразеологической единицы (ФЕ) в текстах художественной, публицистической литературы, в разговорной речи), т.к. он позволяет фиксировать диапазон варьирования и парадигматических модификаций фразеологизма, устанавливать прагматическую функцию связки. На обязательность этого параметра для служебных слов указывает Е. А. Стародумова, называя его «характерные контексты»². Примеры употребления фразеологической связки, выражающей эмоциональное отношение к действию, позволяют аргументировать выявленное значение ФЕ, дифференцировать и интегрировать её семантику.

В качестве примера словарных статей приводим описание антонимичных фразеологических связок *иметь счастье* и *иметь несчастье*.

Иметь счастье. *Несов.; неперех.; субъектно-личный; безобъектный. Рел.; эмоц.-положит.* Быть счастливым делать что-л., испытывать состояние удовлетворения, радости при совершении какого-л. действия.

Надобно заметить, что Грушницкий из тех людей, которые, говоря о женщине, с которой они едва знакомы, называют её моя Мери, моя Sophie, если она **имела счастье** им понравиться. *М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени.* Державин в своих объяснениях на свои сочинения говорит, что он **имел счастье** освободить около полутора тысяч пленных колонистов от киргизов. *А.С. Пушкин. История Пугачёва.* Имени Писемского Герцен, правда, не назовёт. Имен вообще не будет; последняя фраза записки получит следующий дурацкий вид: «Сообщите об этом N.N., которого я **имел счастье** знать ещё в RR». *Л. Аннинский. Три еретика.* Я **имел счастье** слышать о ваших добрых делах и о том, что вы с любовью уделяете лепты на созидание и украшение храмов божиих, на келии иноческие. *И.А. Бунин. Деревня.*

Иметь несчастье. *Несов.; неперех.; субъектно-личный; безобъектный. Рел.; эмоц.-отрицат.* Быть несчастным делать что-л., испытывать состояние неудовлетворения, печали, разочарования при совершении какого-л. действия.

Молодая Харлова **имела несчастье** привязать к себе иностранца. *А.С. Пушкин. История Пугачёва.* Я слышал, княжна, что, будучи вам незнаком, я **имел уже несчастье** заслужить вашу немилость... *М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени.* Но я повторяю: это совершившийся факт. Потом ты **имела**, скажем, **несчастье** полюбить своего мужа. *Л.Н. Толстой. Анна Каренина.* И этот-то человек **имел несчастье** навлечь на себя бойкот прогрессивной русской словесности! *Л. Аннинский. Три еретика.* Те, кто **имел уже несчастье** в эти дни попасться на его дороге, даже при этом слабом свете язычка в лампадке, конечно, тотчас же узнали бы его. *М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита.*

Такая структура словарной статьи наилучшим образом отвечает требованию полного, всестороннего фразеографического описания связочных фразеологизмов, выражающих эмоциональную оценку действия, как элементов не только фразеологического, но и грамматического уровней.

ЛИТЕРАТУРА

Словарь 2001: Словарь служебных слов русского языка / Е. А. Стародумова (ред.). Владивосток.

Шаховский В. И. 1983: Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград.

PHRASEOGRAPHICAL DEVELOPMENT OF FIXED PHRASEOLOGICAL CONNECTIVES WITH THE VALUE OF THE EMOTIONAL EVALUATION OF THE ACTIONS

N. B. Usacheva

The article is devoted to problems of phraseographical development of fixed phraseological connectives with the value of the emotional evaluation of the actions. The distinction connectives, expressing emotional positive and negative assessment of the actions determines the specificity of dictionary articles.

Key words: phraseological connectives, phraseographical development of fixed phraseological units, emotive seme

© 2014

К. Л. Фёдорова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-МЕТЕОНИМАМИ СВЕТ ВО ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

В данной статье проанализированы фразеологизмы с компонентами-метеонимами свет в русских фразеографических словарях, в которых выявляются полисемия, семантические особенности данных единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент, метеоним

Фразеологизмы с компонентами-метеонимами *свет* нашли отражение в различного типа словарях. Вслед за представителями Челябинской фразеологической школы мы полагаем, что компоненты — это лексемы, относящиеся к любой ча-

² Словарь 2001, 10.

Фёдорова Ксения Леонидовна — аспирант филологического факультета Курганского государственного университета, специальный корреспондент Общероссийского молодежного журнала «Наша молодёжь». E-mail: _avril@list.ru

сти речи и претерпевшие качественные и количественные, семантические и грамматические изменения¹. Под *метеонимами* (от греч. «метео» — первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову *метеорологический* и лат. «номен» — «название») мы понимаем имена существительные, обозначающие разнообразные состояния природы, такие, как изменение погоды (ветер, температура, осадки и т.д.) и стихийные явления (вода, огонь, пар и т.п.). Материалом для исследования послужила картотека, насчитывающая 33 фразеологизма с компонентами-метеонимами *свет* в русском языке.

Представим значение лексемы *свет* согласно Толковому словарю:

Свет — 1. Лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым: электромагнитные волны в интервале частот, воспринимаемых глазом. 2. Тот или иной источник освещения. 3. Освещённость, состояние, когда светло. 4. В некоторых выражениях: рассвет, восход солнца (разг.). 5. Употребляется как ласкательное обращение (устар. и в народной словесности)².

Семантика лексемы влияет и на значения ряда фразеологизмов с компонентами-метеонимами *свет*: *до свету* и *до свету*; *ни свет ни заря*; *чуть свет*; *свет ты мой ясный!*; *в два света*; *в свете* (чего); *в свете* (каком) (видеть, представлять); *пролить (бросить) свет* (на что); *свет увидать (увидеть свет)*; *в белый свет как в копеечку*; *чем свет*; *только и свету в окошке, что*; *свет очей (моих)*; *свет правды*; *в свете* (чего).

В Толковом словаре приводится ещё одна словарная статья с описанием значения лексической единицы *свет*, что позволяет сделать вывод о том, что в состав исследуемых единиц картотеки входят компоненты-метеонимы, являющиеся омонимами:

Свет — 1. Земля, Вселенная, а также люди, её населяющие. 2. В дворянском обществе: избранный круг, высшее общество. Выявлены следующие фразеологизмы с компонентами-метеонимами *свет*, относящиеся к различным семантико-грамматическим классам: *выезжать в свет*; *вывозить в свет*; *вращаться в высшем свете*; *ни за что на свете*; *белый свет*; *на чём свет стоит* (браниться, ругаться); *белый свет не мил* (кому); *не ближний (не близкий) свет*: *тот свет*; *на том свете*; *на том свет отправит*; *конец света*; *произвести на свет*; *явиться (появиться) на свет*; *увидеть свет*; *на краю света*; *сжить со света (сó свету, со свѣту; нет на свете (кого-нибудь))*; *всему свету известно*; *выпустить в свет*; *большой свет*; *высший свет*³.

Фразеологизмы с компонентами-метеонимами *свет* вступают в такие же семантические связи и отношения, что и слова. Единицы могут быть как однозначными, так и многозначными. Однако фразеологизмы в проявлении указанных семантических свойств всё же не тождественны словам⁴. Среди исследуемых единиц с компонентами-метеонимами *свет* обнаружена многозначная фразеологическая единица (ФЕ) *белый свет*, имеющая три значения⁵.

1. Окружающий мир, земля со всем существующим на ней. Фразеологизм является единицей второй субкатегории, обозначающей место. Например: — *Что нам теперь делать?* — *Искать дороги.* — *Да как её сыщешь, боярин? Смотри, какая метель: свету божьего не видно!* (М. Н. Загоскин. Юрий Милославский).

2. Жизнь во всех её проявлениях. Данное значение позволяет включить фразеологизм в третью семантическую субкатегорию. Например: *Так и так, увольте меня, мне от этой самой старухи белый свет не мил, я на себя руки наложу* (И. А. Бунин. Хорошая жизнь).

3. Человечество, люди. В данном случае фразеологизм относится к первой субкатегории (обозначает совокупность, множество лиц). Например: *Как запру я тебя за железный замок, / За дубовую дверь окованную. / Чтобы свету божьего ты не видела. / Моё имя честное не порочила* (М. Ю. Лермонтов. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова).

Данный фразеологизм имеет вариант — *белый [божий] свет*⁶.

ФЕ *выходить/выйти на свет (божий)* имеет следующую семантику: «представать перед людьми, появляться в обществе; обнаруживаться, быть обнаруженным, изданным. Подразумевается кто-л. находящийся в уединении, или вид поля зрения определённого круга лиц, или что-л. уже существующее, но ещё неизвестное, скрытое, недоступное. Имеется в виду, что лицо, режиссёр — группа лиц или другое живое существо перестаёт быть скрытым, оказывается среди людей; что предмет становится явным, информация, мысли или какой-л. продукт интеллектуальной деятельности — гласными, известными⁷. Исследуемая единица отличается вариативностью, поскольку порядок и состав компонентов не фиксирован. На месте глагольного компонента встречаются близкие по значению глаголы: *появляться/появиться, выбираться/выбраться, выкарабкаться/выкарабкаться, показываться/показаться* и т.п. Например: *Лёня пытался выбраться из её жарких объятий, но это было так же трудно, как выбраться на свет божий альпинисту, погребённому снежной лавиной* (Н. Александрова. Сувенир для олигарха); *На свет из сумки появился флакон туалетной воды «Коко Шанель» и килограммовая коробка шоколадных конфет* (Д. Донцова. Дама с коготками); *Мелифаро всё-таки выкарабкался на свет Божий из своего укрытия, уселся в кресло и даже положил ноги на стол: сказывалось моё пагубное влияние* (М. Фрай. Волонтёры вечности); *Если в 68-м «наверху» решили записи не обнаруживать — информация вряд ли появится на свет* («Московский комсомолец», 2002); *Я не подходила к ней, но ведь вы знаете, как рассуждает сейчас милиция: им бы только получить подозреваемого, а дальше они сделают всё возможное, чтобы предъявить ему обвинение <...> Ведь вся история со статьёй тут же выплыла бы на свет Божий <...> А это такой мотив...* (Н. Александрова. Убийство напрокат); *Мать пускает в дело все свои связи — и вскоре на свет Божий появляется симпатичный двухтомник* («Караван историй», 2001).

Во ФСРЯ приводятся и другие варианты данной ФЕ⁸: *выступить [всплыть, выплыть, выйдти] на свет божий; выступить [всплыть, выплыть, выйдти] на свет божий*. Например: *Посыпались восклицания, расспросы; выступили на свет божий давно заглохшие воспоминания* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо); *Выплыло на свет божий и «дело о мёртвом теле енисейского купца Туруханова»* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Верный раб).

¹ Чепасова 1987, 17–32.

² Ожегов, Шведова 1999, 701.

³ Ожегов, Шведова 1999, 701.

⁴ Чепасова 1983, 37.

⁵ ФСРЯ 1978, 411–412.

⁶ ФСРЯ 1978, 411–412.

⁷ Телия 2009, 150–152.

⁸ ФСРЯ 1978, 97.

Таким образом, фразеологизмы с компонентами-метеонимами *свет*, описанные в различного типа словарях, свидетельствуют о том, что компоненты-метеонимы в них образованы от двух полисемичных лексем *свет* и *свет*, вступающих в отношения омонимии. Это накладывает отпечаток на семантику исследуемых фразеологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1999: Толковый словарь русского языка. М.
Ратушная Е. Р. 2000: Семантическая структура фразеологизмов в процессе её формирования и функционирования. Курган.
Телия В. Н. (ред.) 2009: Большой фразеологический словарь русского языка. М.
ФСРЯ 1978: Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Фёдоров, А. И. Молотков (ред.). М.
Чепасова А. М. 1983: Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. Челябинск.
Чепасова А. М. 2006: Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск.

THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT-METEONYMS "LIGHT" IN VARIOUS PHRASEOGRAPHICAL DICTIONARIES

K. L. Fedorova

The subject-matter of our scientific research is the phraseological units with the component-meteonyms "light" in various phraseographical dictionaries. We have revealed polysemy, semantic peculiarities of the given units.

Key words: a phraseological unit, a component, a meteonym

© 2014

В. Ф. Хайдарова

СЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ИХ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ

В статье рассматриваются фразеологические единицы, структура которых предполагает компоненты, не воспроизводимые готовыми, а восстанавливаемые при каждом употреблении согласно структурной схеме и семантике фразеологической единицы. Ставится вопрос о принципах описания таких единиц во фразеологических словарях.

Ключевые слова: фразеология, фразеография, фразеологическая модель, интернет-коммуникация, словари, фразеологические неологизмы

Заметную часть корпуса сверхсловных единиц русского языка составляют фразеологические модели и фразеологизмы с переменными компонентами. В настоящее время *фразеологической моделью* (ФМ) называются не вполне однородные по своей сути явления.

1. ФМ понимается как информация о категориальных признаках и порядке компонентов; она объединяет единицы, которые, кроме внешней формы, могут не иметь между собой ничего общего. В таком случае ФМ «прилагательное + существительное» является структурным инвариантом таких, например, единиц, как *живая вода*, *летошний снег*, *золотой дождь*¹.

2. ФМ представляет собой структурный и, частично, семантический инвариант ряда фразеологических единиц (ФЕ). Так, например, ФМ «ни А ни Б», в которой буквы А и Б обозначают переменные компоненты, объединяет ФЕ типа *ни рыба ни мясо*, *ни сном ни духом*, *ни два ни полтора*, *ни нашим ни вашим*, *ни свет ни заря*² и т.д. Автор статьи, в которой были проанализированы факты реализации данной ФМ, указывает, что они имеют не только общую структурную схему, но и общую сему 'неопределённость'. Однако примеры свидетельствуют, что этот принцип проявляется не во всех случаях, и семантика ФЕ может значительно различаться.

3. ФМ как основа для серийного воспроизводства ФЕ, объединённых общей структурой и компонентами значения. В таком случае ФМ является полноценным структурным и семантическим инвариантом ряда ФЕ, которые, используются по разным поводам и, имея различное компонентное содержание, зависящее от речевой ситуации, тем не менее служат для выражения одной мысли. Именно такой подход представляется наиболее точным, позволяющим ограничить поле исследования явлениями фразеологической серийности и отсеять случайные структурные совпадения разнородных единиц. Поэтому в данной статье под термином *фразеологическая модель* понимается структурно-семантический инвариант, служащий основой для окказионального построения конкретных ФЕ. Рассмотрим подробнее это явление на материале известных ФЕ и фразеологических неологизмов XXI в.

Чтобы быть структурно-семантической основой для серийного воспроизводства фразеологизмов, ФМ должна представлять собой единство компонентного каркаса, обеспечивающего устройство её структуры и переменного компонента (или нескольких компонентов), позволяющих адаптировать инвариантный смысл к конкретной речевой ситуации.

Широко известна, например, ФМ **А на А (сидит) и А погоняет**, имеющая общее значение 'чрезмерное обилие того, что названо переменным компонентом'. Устойчивость ей придают следующие качества:

- а) фиксированный порядок компонентов;
- б) постоянные компоненты *погоняет* и *сидит*;
- в) постоянные грамматические характеристики переменных компонентов, которые должны быть выражены именами последовательно в формах им. п., предл. п. с предлогом «на» и тв. п.

Хайдарова Виолетта Фанисовна — кандидат филологических наук, преподаватель Магнитогорского технологического колледжа. E-mail: mastertime@rambler.ru

¹ См, например, Фёдорова 2013, 123–126.

² См. Ма Цзя 2012, 26–28.

Так образуется множество частных реализаций данной модели: *Я их знаю всех: это всё мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет* (Мёртвые души, 142); *Перечислять можно до бесконечности. И если говорить честно, то у нас мародёр на мародёре сидит и мародёром погоняет*³; *Человек, чья шапка пылает в сто раз сильнее самого большого олимпийского факела. Превратил госбанк ВТБ в организованную преступную группу, где вор на воре сидит и воров погоняет*⁴; *Никогда не верьте радио Эхо Москвы! Ложь на лжи и ложью погоняет*⁵; *дочь (они двойняшки) в садике называют «золотая девочка». Но ведь шишка на шишке и шишкой погоняет. То свалится с велосипеда — всё лицо одна большая рана...*⁶.

Этимология этой ФМ не вполне ясна, скорее всего первым устойчивым оборотом, построенным по данной схеме, была русская поговорка *беда на беде, бедою погоняет*⁷. Неудивительно, что оборот, давший жизнь ФМ, стирается из памяти носителей языка — многообразие реализаций модели не позволяет ему закрепиться, устойчивыми остаются только структура и общее образное значение, применяемое всякий раз к конкретному предмету речи. В настоящее время, благодаря особенностям эволюции языка в интернет-среде⁸, есть возможность наблюдать весь путь формирования фразеологических неологизмов: от первого появления оборота в речи до перехода в разряд безымянных языковых единиц и прочного закрепления в лексико-фразеологической системе⁹. Некоторые обороты при этом утрачивают компонент, называющий предмет речи и таким образом приобретают способность к серийному воспроизводству по типу ФМ.

К подобным единицам относятся, например, модели **сферический А в вакууме** и **свой А с блэкджеком и шлюхами**. Первая ФМ употребляется в значении '(что-л.) наиболее типичное, образцовое'. Однако форма с переменным компонентом, как и её значение, вторична, она развилась уже после того, как приобрёл известность оборот *сферический конь в вакууме*, служащий для обозначения отвлечённых, не связанных с реальной жизнью измышлений, чрезмерно абстрактных моделей. Этот оборот восходит к анекдоту о физике, задавшемся целью смоделировать движение лошадей на скачках. Однако указанная единица получила меньшую популярность в сравнении с восходящей к ней ФМ. Семы 'абсолютный', 'полный', 'завершённый', имеющиеся в значении слов *сферический* и *вакуум*, оказываются более влиятельными в становлении языковой единицы, чем ассоциации с текстом анекдота. Таким образом, ФМ **сферический А в вакууме** позволяет образовать множество вариантов, характеризующих предмет речи, представленный переменным компонентом, как эталонный, типичный: *Возник у меня один вопрос касательно сайта-портфолио верстальщика (возьмём некоего сферического верстальщика в вакууме, и его, не менее сферический, сайт)*¹⁰; *Но это идеальный случай для сферического ксерокса в вакууме, в реальности такое не работает из-за настроек экспозиции, особенностей печати и цветопередачи разных моделей*¹¹; *В ней мы рассматривали некоторое количество сферических процессоров в вакууме, чтобы на основе анализа их быстройдействия составить общее впечатление о скорости процессоров реальных и факторах, на неё влияющих*¹²; *паспортный расход — это для сферического холодильника в вакууме, который стоит в идеальных температурных условиях, постоянно загружен и дверь иво не открывается*¹³.

ФМ (**Я построю**) **свой А с блэкджеком и шлюхами** восходит к словам персонажа мультсериала «Футурама», неоднократно повторяющего в ответ на полученные запреты: «Ну и к чёрту! Я построю свой луна-парк! С блэкджеком и шлюхами! Хотя, ну его, этот парк...», «А для Бендера места не нашлось, да? Ладно! Я построю свой лунный модуль! С блэкджеком и шлюхами! Хотя, к чёрту модуль...»¹⁴. Фраза получила распространение в качестве ФМ, в которой вместо слова *луна-парк* используется переменный компонент, служащий для того, чтобы выразить желание говорящего создать что-л. лучше оригинала, по какой-л. причине ему недоступного. В речи место переменного компонента занимает название желаемого объекта: *А у нас будет своя онтология, с блэкджеком и шлюхами*¹⁵; *Ну хорошо, тогда я построю свой Газпром, с блэкджеком и шлюхами*¹⁶; *Ничего подобного: он собрал зондеркоманду таких же синефилов, как он сам, и устроил с ними свою Вторую мировую войну, только с блэкджеком и шлюхами. Ну то есть с кинематографом и актрисами*¹⁷; *Мы строим свой BaltNet Hub проект с блэк джеком и шлюхами*¹⁸; *Эта группа создана вследствие того, что я запарился искать классную группу про философию — и решил создать свою — с блэк-джеком и шлюхами*¹⁹.

Очевидно, что в случае описания ФМ в словарях возникает вопрос об адекватной передаче его структуры. В практике составления фразеологических словарей нет обычая использовать обозначения переменных компонентов оборота. Во многом такое положение может быть объяснено сравнительной редкостью ФЕ, включающих в себя переменные компоненты в качестве обязательных элементов. С другой стороны, фразеографам часто приходится прибегать к описательным конструкциям типа *принять что-л. близко к сердцу; на дух не переносить кого, что; поставить что-л. во главу угла* и т.д. В речевых актах то, что обозначено местоимениями, неизменно приобретает конкретное название, часто оказывается в середине оборота, и приходится говорить о разрыве языковой единицы. Однако с позиции, согласно которой языковая единица включает в себя переменный компонент, использование её в речи оказывается логичным, непротиворечивым и целостным.

Кроме того, даже если можно при помощи косвенных описательных конструкций передать структуру и семантику большинства единиц, остаётся вопрос о лексикографическом описании моделей, в которых используется несколько перемен-

³ tajmigrant.com

⁴ freedomrussia.org

⁵ vasospb.livejournal.com

⁶ littleone.ru

⁷ Даль 1, 2000, 90.

⁸ См. Хайдарова 2010, 227–245.

⁹ См. о сигналах возможного закрепления оборота в качестве единицы языка Шулежкова 2008, 14.

¹⁰ habrahabr.ru

¹¹ programmersforum.ru

¹² ixbt.com

¹³ autoua.net

¹⁴ Футурама 1 сезон, 2 серия.

¹⁵ altruism.ru

¹⁶ zahvat.ru

¹⁷ booknik.ru

¹⁸ baltnethub.3dn.ru

¹⁹ vkontakte.ru

ных компонентов или в которых они составляют ключевую часть языковой единицы — как, например, приведённая в начале статьи модель **А на А (сидит) и А погоняет**. Описание исконной формы в данном случае будет бесполезным, поскольку в живой речи оборот функционирует именно в качестве структурно-семантической модели, и носителю языка может быть просто неизвестен начальный вариант.

Возникает также вопрос, не свидетельствуют ли сборники типа «Антипословицы русского народа»²⁰, в числе прочего, ещё и об утрате несколькими ФЕ тех своих компонентов, которые не служат для передачи общего образного смысла единицы и могут быть всякий раз заново восстановлены в зависимости от предмета речи?

Думается, что исследование, направленное на выявление подобных моделей, выяснение их языкового статуса и степени распространённости могло бы оказаться полезным не только для теоретического осмысления серийных явлений во фразеологии, но и для фразеографической практики.

ЛИТЕРАТУРА

- Вальтер Х., Мокиенко В. М. 2005: Антипословицы русского народа. СПб.
 Гоголь Н. В. 2008: Мёртвые души. СПб.
 Даль В. И. 2000: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.
 Ма Цзя 2012: Современная русская фразеологическая модель типа «ни а ни б» // Вестник Томск. гос. ун-та. 363, 26–28.
 Фёдорова К. Л. 2013: Структурные модели фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 35 (326). Филология. Искусствоведение. 85, 123–126.
 Хайдарова В. Ф. 2010: Метаморфозы русской концептосферы, отражённые в современном интернет-языке (религиозная и мифологическая составляющие) // Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции её развития: коллективная монография / С. Г. Шулежова (ред.). Магнитогорск, 227–245.
 Шулежова С. Г. 2008: Крылатые слова и выражения русского языка как объект лексикографического описания // В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежова. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / С. Г. Шулежова (ред.). Т. 1. Магнитогорск; Greifswald, 3–15.

SERIAL PHENOMENON IN PHRASEOLOGY AND THE PROBLEM OF THEIR DICTIONARY DESCRIPTION

V. F. Khaidarova

The article discusses phraseological units whose structure provides components the structure of those is not reproducible but recoverable in accordance with each use of the structural scheme and semantics of the phraseological unit. The question of principles describing such units in the phrasebooks has been raised.

Key words: phraseology frazeografy, phraseological model, online communication, dictionaries, phrasal neologisms

© 2014

А. А. Чепуренко

СЛОВАРЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье описываются цель, принципы и структура словаря, содержащего многоаспектную характеристику наречий и фразеологизмов с обстоятельственным значением. Автор доказывает необходимость создания частного словаря, описывающего систему лексических и фразеологических единиц одного типа семантики.

Ключевые слова: лексикография, фразеография, частный словарь, наречие, обстоятельственный фразеологизм

Представление о языке как продукте культуры, её важной составляющей части и условия существования сформировалось не так давно, но уже стало общепризнанным. Наиболее ярко взаимосвязь языка и культуры проявляется в лексике и фразеологии. Поэтому именно словари, в которых описываются лексические и фразеологические единицы того или иного языка, представляют собой одновременно ценные источники сведений о культуре народа, пользующегося данным языком. «В лексикографических источниках спрессованы огромные человеческие знания, через которые отражаются успехи нации в области материальной и духовной деятельности, уровень развития общественного устройства, науки, культуры и искусства»¹.

Одним из актуальнейших направлений в современной лексико- и фразеографии является создание частных словарей, посвящённых анализу типологически однородных языковых единиц. Это связано с тем, что в лингвистической науке, в частности во фразеологии, накоплен значительный фактический материал, требующий представления, систематизации и дальнейшего осмысления. И как раз частный словарь, как пишет Н. Б. Усачёва, — «это одна из форм обобщения результатов исследовательской деятельности, представления данных, полученных фундаментальной наукой». В то же время словарь такого типа «необходим для дальнейших изысканий», «является ценнейшим источником сведений о том или ином объекте научного исследования»².

²⁰ Вальтер, Мокиенко 2005.

Чепуренко Анна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы и методики преподавания русского языка и литературы Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: chepurenko_anna@mail.ru; chepurenkoaa@cspru.ru

¹ Жунусова 2009, 355.

² Усачёва 2009, 671.

Объектом наших научных интересов являются *обстоятельные единицы* русского языка. Так мы называем наречия и фразеологизмы, обозначающие различные обстоятельства протекания действия или проявления признака и, таким образом, создающие один из фрагментов русской языковой картины мира.

Названные единицы в числе прочих, естественно, находят отражение в различных так называемых общих словарях, содержащих лексический или фразеологический материал. Однако наше многолетнее исследование таких единиц позволяет утверждать, что, во-первых, эта часть словарно-фразеологического состава языка представлена в существующих лексикографических и фразеографических источниках неполно. Например, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой³ мы выявили около 500 обстоятельных фразеологизмов. Собранный же нами картотека содержит не менее 1000 подобных единиц. Во-вторых, исследуемые единицы не всегда получают в словарях общего типа адекватное толкование и квалификацию. Наконец, само назначение таких словарей не позволяет характеризовать все включённые в них единицы (в том числе и обстоятельные) достаточно глубоко и разносторонне. Поэтому, на наш взгляд, назрела насущная необходимость в создании наиболее полного словаря обстоятельных единиц русского языка.

Разрабатываемый нами словарь является частным словарём нового типа, поскольку в нём описывается система лексических и фразеологических единиц одного типа семантики (попытку создания подобного словаря осуществляет также проф. ЧГПУ Л. П. Юздова⁴). Такой подход, по нашему мнению, закономерен, поскольку и слова, и фразеологизмы служат названиями, наименованиями «кусочков» реальной действительности, образуют единый номинативный строй языка и только вместе способны наиболее полно и адекватно репрезентировать окружающую человека реальность.

Словарь имеет своей целью систематизированное и многоаспектное описание обстоятельных единиц русского языка. Материалом для него служит уникальная авторская картотека, насчитывающая около 300 наречий и около 1000 фразеологизмов с обстоятельной семантикой в 50 000 употреблений.

«Словарь обстоятельных единиц русского языка» предназначен как для специалистов в области языкознания, так и для широкого круга читателей, интересующихся русским языком и изучающих его в качестве родного или иностранного. Лингвисты найдут в нём полную и разностороннюю характеристику определённой части языковой системы. Обычным же носителям русского языка словарь будет полезен, поскольку «познание национального языка в разных формах его проявления важно для расширения не только общезыкового кругозора, но и для общекультурного, исторического, филологического образования. Человек должен ориентироваться в материале родного языка на синхронном срезе, чтобы понимать своих современников и уметь выражать собственные мысли»⁵.

В словаре предполагается использовать не формальный (по алфавиту), а семантический принцип расположения материала: все описываемые единицы будут разделены в соответствии с выражаемым значением на семь групп — «Время», «Место (пространство)», «Цель», «Причина», «Следствие», «Условие» и «Уступка» (названные группы соответствуют семантическим категориям, по которым распределяются обстоятельные фразеологизмы русского языка (см. нашу монографию⁶); наречия будут представлены не во всех перечисленных разделах). Семантический принцип, как доказывает пример учебного толкового словаря профессора А. М. Чепасовой⁷, является наиболее оптимальным для систематизации и представления лексического и фразеологического материала, поскольку «именно в содержательной стороне языка (в меньшей степени в грамматике) явлена картина мира данного этноса, которая становится фундаментом всех культурных стереотипов»⁸. Для облегчения поиска нужной единицы в конце словаря планируется поместить алфавитный указатель всех помещённых в справочник наречий и фразеологизмов.

Цель словаря — дать многостороннюю, разноаспектную характеристику обстоятельных единиц русского языка — предопределила содержание словарной статьи, которая будет включать в себя следующие компоненты.

1. Заголовок. В качестве «заглавного слова» выступает наречие или фразеологизм (со всеми возможными вариантами). Заглавное слово обязательно снабжается акцентологической характеристикой; при необходимости отмечаются особенности произношения отдельных звуков или их сочетаний.

2. Словарные пометы, отражающие различные социолингвистические характеристики единицы: стилистическую маркированность (*книжн., разг., прост.* и др.), эмоционально-экспрессивную окраску (*груб., шутл.* и др.), принадлежность к пассивному запасу языка (*уст., неол.*).

3. Формальная характеристика. Все обстоятельные единицы русского языка являются морфологически неизменяемыми, поэтому считаем лишним указывать этот признак для каждой единицы. О внешней форме, на наш взгляд, необходимо привести следующие сведения: для наречия — непроемное/проемное, способ образования (для производных), формы степеней сравнения (если есть); для фразеологизма — структурная модель и характеристика компонентного состава.

4. Толкование значения, которое производится в соответствии с выработанными в лексикографии и фразеографии принципами. Автор ставит перед собой задачу дать по возможности полное описание всех значений обстоятельных единиц, помещённых в словарь.

5. Характеристика функционирования единицы в речи включает в себя описание особенностей лексической и грамматической сочетаемости, места и функции в предложении и тексте. Все функциональные характеристики подтверждаются иллюстративным материалом, в качестве которого выступают цитаты из литературных произведений, газет, журналов, а также из кинофильмов, теле- и радиопередач. Данная характеристика «поможет читателю уяснить основные свойства единицы, узнать, как употребляли и употребляют её вообще в русском языке и как употребить её наилучшим образом в своей речи»⁹.

6. Характеристика семантических отношений обстоятельных единиц. Как показывает наш материал, обстоятельные единицы вступают в семантические отношения разных видов между собой, а также с другими фразеологиче-

³ Ожегов 1996.

⁴ Юздова 2009.

⁵ Костючук 2009, 209.

⁶ Чепуренко 2009.

⁷ Чепасова 2000.

⁸ Маслова 2001, 68.

⁹ Чепасова 2000, 3.

скими и лексическим единицами, что позволяет характеризовать их «как необходимую часть целостной языковой системы, обладающую закономерными связями с другими элементами этой системы»¹⁰. В разрабатываемом словаре для каждой единицы указываются существующие синонимические, омонимические и антонимические связи, в некоторых случаях приводится подтверждающий иллюстративный материал.

7. Для некоторых единиц даётся **этимологическая справка**, что помогает решать образовательные задачи. По нашему мнению, знакомство с историей происхождения языковых единиц необходимо, «чтобы лучше знать историю своего народа на протяжении веков, а также быть сведущим хотя бы в некоторых лингводиакронных процессах на разных уровнях языковой структуры»¹¹.

8. **Английский и немецкий эквиваленты**. Приведение (по возможности) межязыковых эквивалентов обстоятельственных единиц, с одной стороны, облегчает пользование словарём изучающими русский язык как иностранный, а с другой стороны, позволяет использовать предлагаемый справочник в практике перевода и обучения исконных носителей русского языка.

Нам представляется, что перечисленные компоненты словарной статьи помогут реализовать назначение «Словаря обстоятельственных единиц русского языка» как научно-справочного пособия.

ЛИТЕРАТУРА

- Жунусова Ж. Н. 2009: Аспекты межкультурной коммуникации в лексикографическом дискурсе // ПИФК. 2 (24). М.: Магнитогорск; Новосибирск, 355–358.
- Костючук Л. Я. 2009: Лексикографическая база в помощь лингвистическим исследованиям // ПИФК. 2 (24). М.: Магнитогорск; Новосибирск, 209–214.
- Маслова В. А. 2001: Лингвокультурология. М.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1996: Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.
- Усачёва Н. Б. 2009: О словаре фразеологических связей // ПИФК. 2 (24). М.: Магнитогорск; Новосибирск, 670–673.
- Чепасова А. М. 2000: Фразеологизмы в нашей речи: учеб. толковый словарь. Челябинск.
- Чепуренко А. А. 2009: Семантические категории обстоятельственных фразеологизмов. Челябинск.
- Чепуренко А. А. 2012: Семантические отношения обстоятельственных фразеологизмов русского языка // Проблемы лингвистики: современный подход / Л. П. Юздова (ред.). Челябинск, 178–203.
- Юздова Л. П. 2009: Толково-синонимический словарь как комплексная форма представления русских наречий и фразеологизмов качественной семантики // ПИФК. 2 (24). М.: Магнитогорск; Новосибирск, 600–603.

DICTIONARY OF RUSSIAN ADVERBIAL UNITS

A. A. Chepurenko

The article describes aim, principles, and structure of the Dictionary containing the multifold characteristic of adverbs and fixed phrases with adverbial value. The author proves the necessity of creation restricted dictionary describing system of lexical and phraseological units of one type of semantics.

Key words: lexicography, phraseography, limited dictionary, adverb, adverbial fixed phrase

© 2014

Н. В. Шведова

СЛОВАРНАЯ ТРАКТОВКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ *ВСЁ РАВНО*

Настоящая статья посвящена отражению омонимичных фразеологизмов во фразеологических словарях. Особое внимание уделяется фразеологизму *всё равно*, который имеет категориальное значение состояния.

Ключевые слова: фразеологизм, семантико-грамматический класс, омоним, фразеологизм категории состояния

Проблема системных отношений, в частности омонимии фразеологических единиц (ФЕ), остаётся одной из актуальных в современной фразеографической науке. Под омонимии мы понимаем «языковые единицы, характеризующиеся тождеством структурной модели и компонентного состава, но имеющие несовмещающиеся значения»¹.

В центре нашего исследования оказался фразеологизм *всё равно*, который принадлежит к классу номинативных ФЕ, является полнозначным, самодостаточным, знаменательным, имеет категориальное значение ‘качественное состояние’, относится с самостоятельной частью речи — словами категории состояния, например: *Они одно знают — выколачивать деньги в казну, а как эти деньги доставать — им всё равно* (А. Толстой. Пётр I). В современном русском языке фразеологизм *всё равно* с категориальной семантикой состояния имеет пять омонимичных единиц, которые относятся к разным семантико-грамматическим классам:

1) призначным фразеологизмам. *ВСЁ РАВНО* — ‘одинаков(-ый), безразличен(-ый)’;

¹⁰ Чепуренко 2012, 201.

¹¹ Костючук 2009, 209.

Шведова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета. E-mail: shvedovanv@yandex.ru

¹ Павлова (ред.) 2010, 3.

2) качественно-обстоятельственным фразеологизмам. *ВСЁ РАВНО* — ‘обязательно, непременно, при любых обстоятельствах, в любом случае, при любых условиях’;

3) фразеологическим частицам. *ВСЁ РАВНО* — ‘тем не менее, всё-таки, всё же’. Употребляется для усиления противопоставления ранее высказанному;

4) фразеологическим союзам. *ВСЁ РАВНО* — ‘потому что, так как’;

5) модальным фразеологизмам. *ВСЁ РАВНО* — ‘выражение равнодушия, безразличия’.

Исследуемые фразеологизмы *всё равно* отличаются друг от друга типом категориального значения (номинативного, грамматического, модального), грамматическими особенностями, функционированием в речи. Однако отражение в словарях этих ФЕ непоследовательно и требует особого внимания. Так, в словаре под редакцией А. И. Молоткова в одной словарной статье объединены фразеологизмы с разными категориальными значениями (фразеологизм категории состояния, качественно-обстоятельственный фразеологизм, фразеологическая частица); причём модальный фразеологизм и фразеологизм с категориальной семантикой состояния подаются в одном значении². Такая же тенденция сохраняется во многих других фразеологических словарях.

Более последовательно фразеологизмы *всё равно* представлены в словаре проф. Н. А. Павловой: здесь на основании трёх взаимосвязанных принципов (структурно-грамматического, семантического и функционального) выделены четыре омонимичных фразеологизма (призначный, качественно-обстоятельственный, фразеологическая частица, фразеологический союз), каждому из которых посвящена отдельная словарная статья³. В этом словаре отсутствует модальный фразеологизм *всё равно*, хотя его наличие во фразеологической системе языка несомненно, его описание мы найдём в работе Ж. З. Мительской⁴. Во фразеологическом словаре Н. А. Павловой не выделен и фразеологизм *всё равно* с категориальной семантикой ‘качественное, непроцессуальное состояние’, хотя примеры его употребления мы встречаем в иллюстративном материале словарной статьи, посвящённой призначному фразеологизму *всё равно*.

Таким образом, анализируя словарные статьи, мы пришли к выводу, что во фразеологических словарях нет единообразия, полноты и последовательности в описании омонимичных фразеологизмов. Каждому из названных фразеологических омонимов необходимо посвящать отдельную словарную статью.

Отсутствие словарных статей, в которых рассматривается фразеологизм категории состояния *всё равно*, говорит о том, что большинство фразеологов не выделяют в особый семантико-грамматический класс фразеологизмы категории состояния. Другой точки зрения придерживалась В. А. Лебединская⁵. Вслед за нею мы считаем, что фразеологизмы категории состояния представляют собой самостоятельный семантико-грамматический класс, который характеризуется особыми семантическими, структурными, грамматическими и функциональными свойствами.

Фразеологизм *всё равно* с индивидуальным значением ‘безразлично, одинаково’ имеет категориальное значение качественного состояния, субкатегориальное значение — ‘состояние одушевлённого предмета’, групповое — ‘психо-эмоциональное состояние человека’, подгрупповое — ‘отрицательное психо-эмоциональное состояние человека’.

Исследуемый фразеологизм вступает в синонимические отношения, образуя с другими фразеологизмами категории состояния синонимический ряд, объединённый общим понятием ‘безразлично, одинаково’: *всё равно; без разницы; всё тринтрава; до лампы (лампочки, лампы); ни жарко ни холодно; по барабану; что с горы, что под гору; что соевой об сосну (о пень), что сосной (пнём) о сову; что так, что этак; хоть плонь, хоть брось; хоть бы хны* и др. Фразеологизм *всё равно* категории состояния имеет и антонимы со значением ‘безразлично, неодинаково’, например: *не всё равно, не всё одно (едино, единственно)*.

Если же в состав фразеологизма *не всё равно* включается компонент — бывшая частица *ли*, то образуется фразеологизм, синонимичный ФЕ *всё равно*, — *не всё ли равно*. Кроме того, фразеологизм *всё равно* дал жизнь и фразеологизмам других семантико-грамматических классов путём включения в свой состав третьего компонента (*всё равно что, всё равно как*).

Таким образом, в ходе анализа структурных, семантических, грамматических, функциональных характеристик фразеологических омонимов мы пришли к выводу, что в современном русском языке существует шесть разных фразеологизмов *всё равно*, каждому из которых во фразеологическом словаре должна быть посвящена отдельная словарная статья; и особое место среди исследованных единиц должен занять фразеологизм *всё равно* с категориальным значением ‘качественное состояние’.

ЛИТЕРАТУРА

- Лебединская В. А., Усачёва Н. Б. 1999: Семантика процессуальных фразеологизмов. Курган.
 Мительская Ж. З. 2004: Семантическая организованность фразеологизмов модального класса. Челябинск.
 Павлова Н. А. (ред.) 2010: Словарь фразеологических омонимов современного русского языка. М.
 Молотков А. И. (ред.) 2001: Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей. СПб.

THE DICTIONARY DESCRIPTION OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT OF THE CATEGORY OF STATE “(IT IS) ALL THE SAME”

N. V. Shvedova

This article is devoted to a reflection of the homonymous phraseological units in phraseological dictionaries. Special attention is paid to phraseological unit *всё равно*, which has categorial meaning of state.

Key words: phraseological unit, semantic-grammatical class, phraseological homonyms, phraseological of the unit category of state

² Молотков (ред.) 2001, 76–77.

³ Павлова (ред.) 2010, 48–49.

⁴ Мительская 2004, 135.

⁵ Лебединская, Усачёва 1999, 19.

ЛИНГВИСТИКА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. СЛОВО ЛЕКСИКОГРАФА КАК АРГУМЕНТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

© 2014

О. В. Гневэк

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ИНВЕКТИВЫ

Автор констатирует расплывчатость действующей юридической формулировки оскорбления, унижающего честь и достоинство гражданина, и предлагает понимать под оскорблением адресное умаление достоинства личности, осуществлённое посредством приписывания негативных характеристик, воспринимаемых как незаслуженные и осуждаемые обществом.

Ключевые слова: инвектива, лингвистическая экспертиза, оскорбление, защита чести, достоинства и деловой репутации

В различных словарях под инвективой понимается «резкое выступление против кого-л., чего-л.; оскорбительная речь»¹. Об инвективе речь заходит в процессе проведения лингвистических исследований и экспертиз, связанных с защитой чести и достоинства граждан РФ. Несмотря на мощную поддержку гражданина РФ в защите собственных достоинства и чести со стороны целого комплекса законодательных актов (Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях и др.), судебная практика свидетельствует о том, что рассмотрение дел по данной проблематике сопряжено с целым рядом сложностей.

Прежде всего защита чести, достоинства и деловой репутации в России затруднена неопределённостью используемого в судебной практике понятийного аппарата. Так, судебные разбирательства направлены на выявление наличия или отсутствия в деянии признаков оскорбления. Под оскорблением понимается «унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме»². Юристы-практики уточняют предлагаемую дефиницию, указывая, что «оскорбление может быть совершено словом, физическим действием <...> Например, щелчок по носу или дёргание за нос, уши, нанесение пощёчин, плевок в лицо. Не исключается совершение оскорбления путём конклюдентных действий, к примеру, непристойных жестов. Состав оскорбления будет и в том случае, когда унижающие достоинство сведения содержатся в письме, которое виновный прислал по почте»³. Предлагаемые дополнения «размывают» относительно лаконичную формулировку понятия «оскорбление».

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» также предлагает расплывчатую формулировку: «оскорбление представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего, имеющую обобщённый характер и унижающую его честь и достоинство»⁴.

В процессе судебного разбирательства оскорблением признаётся словесное или физическое действие, жест, обладающий признаками ярко выраженной адресности, признаком семантической (смысловой) негативности, признаком неприличной формы выражения отрицательной характеристики адресата. Кроме того, негативная характеристика в неприличной форме должна быть адресована гражданину, а не коллективу или группе людей, утрачивающих в групповой целостности личностную определённость. Очевидно, что все перечисленные признаки и условия должны содержаться в понятии «оскорбление», которое в общем виде может звучать следующим образом: оскорбление — это **адресное** умаление достоинства личности, выраженное в неприличной форме **словесно, действием или жестом**.

В предлагаемом определении оскорбления, как и во всех имеющихся дефинициях, сохраняется одно слабое звено: смысловая неопределённость составляющего компонента «неприличная форма». На это обстоятельство указывают многие юристы и лингвисты, осуществляющие экспертизу вербальных материалов, аттестуемых как оскорбительные. Так, Ю. М. Ткачевский в работе «Уголовная ответственность за оскорбление» детально исследует данную проблему: «Оскорбление должно иметь, как определено в ч. 1 ст. 130 УК РФ, “неприличную форму”, суть которой закон не определяет. Вероятно, включение в закон такой формулировки связано с поиском законодателем оптимальных границ рассматриваемого состава с тем, чтобы не допустить избыточной криминализации видов оскорбительных действий, чрезвычайно широко распространённых, но малозначительных по содержанию и последствиям. Под уголовно-правовой запрет ставятся особо унижительные оценки потерпевшего, наиболее упрекающие действия оскорбителя, грубо нарушающие элементарные правила приличия»⁵.

Гневэк Ольга Владимировна — доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков, директор Института педагогики, психологии и социальной работы Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: gnevек.olga@yandex.ru

¹ БТС 2002, 391.

² КоАП РФ ст. 5.61.

³ Буркинов 2009.

⁴ Постановление 2005.

⁵ Ткачевский 2000, 69–70.

Расплывчатость дефиниции «неприличная форма» свойственна многочисленным вариантам данного понятия, предлагаемым в различных источниках. Наиболее распространённым является самое общее определение «неприличной формы» оскорбления. Так, А. А. Пионтковский считал, что «неприличная форма» заключается в обращении к оскорбляемому в форме, противоречащей правилам общежития и морали. «Верная по существу, данная трактовка ничего конкретно не определяет. В учебной литературе “неприличная форма” совершения анализируемого преступления понимается как откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере обращения между людьми (этикету). Однако данное определение также не представляется удачным: понятие “откровенно циничное”, через которое должен раскрываться смысл интересующего нас термина, само нуждается в объяснении. В приведённом определении оно непонятно»⁶.

Лингвисты-эксперты также не добавляют ясности в дефиницию «неприличная форма», объясняя этот факт тем обстоятельством, что в современную эпоху наблюдается движение стилистических пластов лексики, и многие слова в речевой практике приобретают свойство инвективности (оскорбительности). Так, по свидетельству М. Горбаневского, председателя Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, лексема «хачик», имевшая в 80-е гг. прошлого столетия ироническую окраску для обозначения выходцев из кавказских республик, в первое десятилетие нынешнего столетия стало оскорбительным именованием нерусского населения, имеющего смуглый цвет кожи⁷.

В целом, проведённый анализ содержательного наполнения юридического понятия «оскорбление» позволяет сделать первый предварительный вывод: существует слабое звено в трактовке признаков оскорбления, обуславливающее сложности реализации судебной практики по делам защиты чести и достоинства граждан. К осложняющим факторам целесообразно отнести также и постоянную необходимость обращаться к лингвистам-экспертам, часто определяющим своим заключением исход судебных разбирательств. Одновременно сами лингвисты говорят о сложности разработки объективированных методов определения инвективности речевого материала.

Можно выделить несколько причин, препятствующих выработке логически прозрачной методики определения оскорбительной речи, т.е. инвективы. К лингвистическим факторам следует отнести подвижность стилистических пластов русского языка, способствующую переходу нейтрально окрашенной или стилистически сниженной лексики в разряд грубой, разговорно-сниженной, пренебрежительной лексики.

Учёные также выделяют целый комплекс экстралингвистических факторов, обобщённых в работах Ю. А. Воронцовой. Ссылаясь на работы М. А. Грачёва и А. П. Чудинова, исследовательница связывает причины активизации жаргона с криминализацией общественного сознания и увеличением деклассированных элементов, с распространением мифа о всемогуществе преступного мира. Ю. А. Панов указывает на то, что язык СМИ, заполненный инвективной лексикой, отражает содержание речевого общения общества. Л. П. Крысин связывает инвективизацию общения с повышением уровня речевой агрессии в социуме.

К экстралингвистическим факторам также целесообразно отнести неопределённость объекта исследования. Одни учёные отождествляют инвективу с единицами лексического уровня языковой системы и предпочитают исследовать так называемую инвективную лексику; другие языковеды призывают изучать инвективный речевой акт, в рамках которого любая лексема может перейти в разряд инвективной.

В рамках отождествления инвективы с лексической единицей сложилось два подхода к анализу высказываний, квалифицируемых адресатом речи как оскорбление:

1) лексикографический, предполагающий выявление оскорбительной/неоскорбительной коннотации в исследуемой лексеме через систему стилистических помет, данных в толковых словарях;

2) классификационный, опирающийся на обобщение практики употребления многозначной лексики в качестве инвективной.

Лексикографический подход в изолированном виде просуществовал в практике выполнения лингвистических экспертиз по защите чести и достоинства граждан относительно недолго, поскольку было выявлено, что нерегулярность использования стилистических помет в толковых словарях, их несистематизированность и субъективность выделения не являются достаточным основанием для квалификации конкретной лексемы как инвективной или неинвективной.

Классификационный подход, выросший из лексикографической аттестации лексем, используется в экспертной практике до сих пор, но также обладает своими ограничениями. На современном этапе лингвистика предлагает множество классификаций инвективной лексики. Одна из наиболее перспективных была предложена российским учёным В. И. Жельвисом, выделившим следующие категории: 1) богохульства, 2) ругательства, связанные с нечистотами, 3) сексуальные оскорбления, 4) оскорбления, связанные с темой крови⁸.

Наиболее популярной среди лингвистов-экспертов является классификация М. В. Горбаневского, в которой выделяется 8 разрядов инвективной лексики: «1. Слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *бандит, жулик, мошенник*. 2. Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления: *двурушник, расист, враг народа*. 3. Названия профессий, употребляемые в переносном значении: *лапач, мясник*. 4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных: *кобель, кобыла, свинья*. 5. Глаголы с “осуждающей” семантикой или даже с прямой негативной оценкой: *украсть, хануть*. 6. Слова, содержащие в своём значении негативную, причём весьма экспрессивную оценку чужой-л. личности: *гадина*. 7. Эвфемизмы для слов 1-го разряда, сохраняющие их оценочный (резко негативный) характер: *женщина лёгкого поведения, путана, интердевочка*. 8. Окказиональные (специально создаваемые) каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата: *коммуняки, дерьмократы, прихатизация*»⁹. При этом ни одна из созданных классификаций не охватывает всего многообразия лексем, обладающих потенциалом инвективности в конкретных условиях речевого конфликта или неуспешной речевой коммуникации.

В контексте выделения инвективного речевого акта обозначился прагмалингвистический подход (В. И. Карасик, О. В. Демидов, Н. В. Семёнова), опирающийся на выявление мотива говорящего в отношении слушающего и установление языковых маркеров вербализации мотива в речевом контексте.

⁶ Пионтковский (ред.) 1971, 192.

⁷ Цена слова 2002.

⁸ Жельвис 2001.

⁹ Цена слова 2002.

В. И. Карасик наследует традицию классификации инвективной лексики, но его классификация позволяет изучать речевое инвективное поведение коммуникантов в зависимости от их социальной роли, а также понять национально-специфичную инвективную стратегию и создать типологию инвективного общения¹⁰.

Попытка интеграции трёх основных подходов к выявлению инвективности речевого акта содержится в исследованиях Н. В. Семёновой, О. В. Демидова и др.

В работе Н. В. Семёновой «Лингвистическая диагностика инвективного слова» основными параметрами инвективы обозначены отрицательная эмоция и мотив оскорбления. Инвективная лексема охарактеризована как вербальное выражение отношения к субъекту, очевидно и грубо дискредитирующего его, а в качестве процедуры интерпретации инвективного речевого акта предложен развернутый алгоритм¹¹.

Однако для реализации предложенного Н. В. Семёновой алгоритма в практике проведения лингвистических экспертиз требуется дополнительная консультация психолога, а также организация двух серий ассоциативного эксперимента в той возрастной группе, к которой принадлежат участники инвективного речевого акта. Все эти дополнительные усилия делают предлагаемую методику трудоёмкой и невыполнимой исключительно усилиями лингвиста.

О. В. Демидов рассматривает инвективу как речевой акт, «как речевую функцию нанесения оскорбления, как любое резкое выступление, выпад против оппонента»¹².

В. М. Горбаневский, описывая специфику лингвистической экспертизы, специально указывает: «Вполне очевидны и некоторые общие уроки, которые даёт наш экспертный опыт:

1) всякий журналистский материал, публичное выступление — цельное речевое произведение. Следовательно,

2) составляющие его языковые средства, приёмы, способы их использования, организации внутри данного речевого произведения, т.е. текста, взаимосвязаны и соотносятся друг с другом, а речевая структура в целом, отдельные её компоненты тесно увязаны с композицией текста. Поэтому

3) каждая языковая деталь текста воспринимается (и оценивается) в контексте целого текста, а также в рамках микро-текста (непосредственного фразового, абзачного окружения слова, словосочетания, грамматической формы, конкретного предложения) и макротекста (ситуации порождения текста)»¹³.

Учёт целостного контекста позволяет лингвисту выявить основные пути и способы инвективизации лексики, а значит, уточнить процедуры проведения лингвистической экспертизы. Прежде чем приступить к анализу способов создания инвективного речевого акта, мы, вслед за О. В. Демидовым, под оскорбительной речью понимаем «речь, содержащую отрицательную оценку объекта, на который она направлена, и воспринимаемая этим объектом как несправедливая, незаслуженная, т.е. не соответствующая действительности. Целью этой речи является понижение статуса объекта речи и/или уровня его самооценки»¹⁴. При предложенном понимании особой задачей лингвиста является определение основных способов инвективизации речевого акта.

А. Н. Баранов, анализируя способы создания информации, имеющей порочащий характер, выделил наиболее распространённые способы её создания, которые используются как в клеветнических текстах, так и в открытых и завуалированных оскорблениях: 1) введение события или адресата речи в отрицательно оцениваемый ряд; 2) приём, обозначенный как «переход на личности» — использование аргументации, относящейся не к сути проблемы, а к недостаткам оппонента как человека; 3) приём навязывания читателю недоказанного аргумента как объективно существующего явления или события; 4) приём установления немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью, призванный понизить социальный статус адресата; 5) способ воздействия «на восприятие и оценку <...> человека третьими лицами»¹⁵; 6) приём навязывания пресуппозиции, заключающийся в том, что семантическая информация, важная информация подаётся автором не как новое знание, которое требует осознанного и осмысленного анализа, а как нечто само собой разумеющееся, известное или как условие осмысленности сказанного¹⁶; 7) приём использования вопроса в качестве ответа для создания инвективного речевого акта становится очевидным только на фоне учёта целостного контекста; 8) способ намеренного смешения разностилевой лексики с целью понизить социальный статус адресата, подать его действия как негативные и осуждаемые обществом.

Список способов создания инвективных речевых актов без участия лексики, признаваемой инвективной, можно продолжить. Современные носители языка, особенно журналисты, поднатерели в создании инвективных речевых высказываний подобными способами, осознавая, что привлечь их за оскорбление практически невозможно. Думается, что уровень речевой агрессии существенно бы снизился, а инвектива существенно пошла бы на убыль, если бы законодатель отказался от признака оскорбления «неприличная форма» и заменил бы признаком «приписывание объекту признаков, действий, состояний, целей, осуждаемых социумом». В этом случае под оскорблением целесообразно понимать адресное умаление достоинства личности, осуществлённое посредством приписывания негативных характеристик, действий, состояний и целей объекту оскорбления, воспринимаемых им как незаслуженные, несправедливые и одновременно осуждаемые обществом. В этом случае целями лингвистического исследования текстов являются 1) выявление языковых маркеров адресности высказывания; 2) выявление языкоречевых средств и способов инвективизации речевого высказывания и 3) сопоставление предложенного автором образа с эталонным (не осуждаемым социумом).

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А. Н. 2007: Лингвистическая экспертиза: теория и практика. М.
 БТС 2002: Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов (ред.). СПб.
 Буркитов Ж. 2009: Чем клевета хуже оскорбления? // Новости Казахстана. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://internet.bibo.kz/359078-chem-kleveta-khuzhe-oskorblenija.html>.

¹⁰ Карасик 1992.

¹¹ Семёнова 2008, 17, 23.

¹² Демидов 2004, 92.

¹³ Спорные тексты СМИ 2005, 9.

¹⁴ Демидов 2004, 91.

¹⁵ Баранов 2007, 191.

¹⁶ Баранов 2007, 193.

- Воронцова Ю. А.* Функционирование инвективной лексики в современных текстах печатных СМИ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www/ling-expert.ru/conferece/langlaw3/voroncova.html>.
- Демидов О. В.* 2004: Инвективная лексика в СМИ (на примере политического журналистского дискурса) // Вестник Челябинск. ун-та. Сер. 11. Журналистика. 1, 90–94.
- Жельвис В. И.* 2001: Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.
- Карасик В. И.* 1992: Язык социального статуса М.
- КоАП:* Кодекс об административных правонарушениях РФ. Статья 5.61. Оскорбление. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/koap/5.61/>.
- Пионтковский А. А.* (ред.) 1971: Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 5. М.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/.
- Семёнова Н. В.* 2008: Лингвистическая диагностика инвективного слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Спорные тексты СМИ и судебные иски. Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов 2005 / М. В. Горбаневский (ред.). М.
- Ткачевский Ю. М.* 2000: Уголовная ответственность за оскорбление // Законодательство. 1, 69–76.
- Цена слова* 2002: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / М. В. Горбаневский (ред.). М. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gorban/29.php.

THE PROBLEM OF LINGUISTIC IDENTIFICATION OF THE INVECTIVE

O. V. Gnevek

The author points out on that the term “insult” has several interpretations. That is why the author suggests regarding the term “insult” as an abasement of human dignity by attributing negative characteristics being perceived as unfair and disapproved by the society.

Key words: invective, linguistic test, insult, protection of honor, protection of dignity, protection of professional reputation

© 2014

В. И. Макаров

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ В ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ*

Статья посвящена сравнению словарных статей в существующих фразеологических словарях со словарной статьёй в разрабатываемом автором юрислингвистическом словаре. Предлагаются способы решения проблем, которые возникают перед экспертом-лингвистом, использующим словарь.

Ключевые слова: фразеология, фразеография, юрислингвистика, словарная статья

В предыдущих работах мы обосновали необходимость создания словаря нового типа¹, учитывая недостатки существующих фразеологических словарей применительно к задачам лингвистической экспертизы. К таковым относятся:

1) принципы отбора материала. Объектом словаря обычно является литературная или диалектная фразеология; субстандартная фразеология, как правило, исключается из рассмотрения, хотя при решении экспертных задач исследователь часто сталкивается именно с жаргонной фразеологией, с фразеологией, содержащей грубо-инвективные и обценные компоненты. Кроме того, традиционные словари плохо отражают или вовсе не отражают новую фразеологию, фразеологию текущего момента;

2) словарные дефиниции фразеологизмов, включая их стилистическую и функциональную характеристику. Функции традиционных словарей не предусматривают их применения в юридически ориентированном анализе текста с последующими соответствующими выводами, что требует специфической направленности дефиниций. Это приводит порой к конфликтным ситуациям в судебной практике, которые в иных условиях не возникли бы;

3) отсутствие учёта особых свойств фразеологических единиц (ФЕ) в связи с существующими юридическими основаниями для лингвистической экспертизы. Например, в практике рассмотрения гражданских дел о защите чести и достоинства в России особую важность имеет различение утверждений о фактах и оценок, мнений. Фразеологические единицы в этом смысле обладают сложной структурой: будучи оценочными единицами, они также несут информацию о фактах. При этом доминирование той или иной стороны ФЕ определяется часто контекстом её употребления. Однако в существующих фразеологических словарях нет описания типичных ситуаций употребления ФЕ, в которых выходит на первый план та или иная их сторона (например, в позиции заголовка текста для ФЕ более свойственно оценивать, обобщать, нежели при нахождении внутри текста);

4) недостаточная информативность иллюстративного материала традиционных словарей. Обычно их источником является художественная литература, никоим образом не помогающая решению специфических задач лингвистических экспертиз.

Макаров Владлен Иванович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого. E-mail: vimak2001@mail.ru

* Публикация осуществляется при поддержке РГНФ, проект № 14-34-01012 «Юрислингвистический фразеологический словарь».

¹ Макаров 2012.

Мы поставили перед собой задачу создания фразеологического словаря, способного стать повседневным практическим руководством для лингвистов, решающих прикладные задачи в качестве судебных экспертов.

Информация, сопровождающая ФЕ в составе словаря, должна отвечать следующим принципам:

— толкование, грамматическая характеристика должны указывать, какого рода смыслы могут стать предметом правовых споров, при этом по каждой ФЕ должен быть дан чёткий ответ на вопрос, способна ли она обозначать факты, которые можно проверить, или только выражает мнение, оценку;

— указываются условия употребления, при которых актуализируется та или иная сторона семантики ФЕ;

— информация об экспрессивно-стилистических свойствах ФЕ должна быть полезна экспертам, например, для квалификации единицы как «приличной» или «неприличной»;

— примеры употребления фразеологизмов, взятые из публицистических текстов, должны иллюстрировать закономерности их контекстуального поведения.

Для наглядности приведём толкование нескольких фразеологизмов из известных словарей и покажем те проблемы, с которыми могут столкнуться эксперты-лингвисты при их использовании, а также предложим возможные пути решения этих проблем, отражённые в подходах к формированию словарных статей из нашего словаря.

По умолчанию в словарь включаются те фразеологизмы, которые могут стать объектом правовых споров, а значит, содержащие негативную информацию или негативные оценки. Поэтому специально оговаривать наличие подобной информации нет смысла. Наоборот, необходимо отмечать случаи, когда такие фразеологизмы передают информацию положительную и нейтральную.

Мы поставили перед собой задачу разведения информации о фактах и оценки. Как уже отмечалось, фразеологизмы могут быть носителями обоих типов информации с доминированием в конкретном употреблении какой-л. из них.

Брать грех на душу.

— Нести моральную ответственность за предосудительные поступки, действия, совершаемые по принуждению или по своей воле. Совершить какой-л. предосудительный поступок, грешить²;

— Отвечать за предосудительные поступки, действия. Поступать неправильно, совершать предосудительный поступок³.

Наш вариант. Брать грех на душу. Действ. Закон. Этич. Совершать предосудительный поступок. *Неумелая просьба невинного ребёнка — и майор словно перестал быть военным <...> отказался от власти, а простой смертный не берёт грех на душу* (И. Абросимова. Цена милосердия. Кино // ЛГ, №25 (6280), 23 июня 2010).

Оцен. Нести моральную ответственность за предосудительные поступки, действия, совершённые данным лицом или другими лицами. *Вот это ежеминутное ожидание смерти было хуже всего. Она всё время жила на краю. Страшно в этом признаться, но однажды я взяла грех на душу — стала умолять всевышнего забрать её* (Л. Мазурова. Узники желаний. «Лучше тюрьма, чем смерть», — решила мать, спровоцировав против дочери-наркоманки уголовное дело // ЛГ, №2 (5863), 23–29 января 2002).

Данный фразеологизм удачно толкуется в существующих словарях с точки зрения задач эксперта, т.к. выделяются два значения: с явным превалированием оценки и указанием на совершение действия. Нам оставалось лишь чётко указать на это различие и дополнить статью соответствующими примерами.

Вставлять палки в колёса.

— Намеренно мешать в каком-л. деле, в осуществлении чего-л.⁴;

— Разг., экспресс. Намеренно мешать в каком-л. деле⁵;

— Намеренно препятствовать, мешать (говорится с неодобрением). Часто имеются в виду недоброжелательные действия, совершаемые втихую, исподтишка⁶.

Наш вариант. Вставлять палки в колёса. Действ. Этич. Намеренно мешать в каком-л. деле, которое оценивается как хорошее, полезное, иногда исподтишка. *И хотя личных нападков на Чубайса он [Явлинский] себе не позволял, но реально постоянно вставлял ему палки в колёса в парламентских прениях по бюджету и Налоговому кодексу* (АПН, 16.11.1999).

Оцен. В ситуации характеристики каких-л. называемых действий как мешающих делу. *Хотя новое руководство ведомства во главе с Игорем Щёголевым сегодня пытается вставлять палки в колёса этой структуре, затягивая причитающиеся ей платежи, но, как говорится, основные стратегические высоты в «паспортизации всей страны» командой Леонида Реймана уже захвачены* («Век», 18.03.2009).

Оцен.-полож. В ситуации, когда деятельность, которой мешают, оценивается негативно. *«Ист-Лайн» начинает всеми правдами-неправдами выбивать себе контрольный пакет акций. Палки в колёса приватизатору вставило Мингосимущество, которое указало на незаконность его действий* («Стрингер», январь 2002).

Эта словарная статья в меньшей степени структурирована для эксперта. Наиболее развёрнуто определение, которое даёт СОВ. Из него сразу понятно, в чём состоит негативный статус ФЕ. Как мы видим, в некоторых употреблениях обнаруживается и положительный оценочный статус единицы.

Втирать очки.

— Обманывать кого-л., представляя что-л. в искажённом, неправильном, но в выгодном, желательном для себя свете⁷;

— Прост. Экспресс. Намеренно исказить что-л. с целью обмануть, получив для себя выгоду⁸.

Наш вариант. Втирать очки. Действ. Этич. Обманывать, исказить факты. *Привычка к завышенной показательной отчётности, ничего не показывающей, неискоренима у номенклатуры. Избиратель за пылью и не заметит, как ему втира-*

² ФСРЯ 1986, 45.

³ ФСРЛЯ 2001, 40.

⁴ ФСРЯ 1986, 85.

⁵ ФСРЛЯ 2001, 99.

⁶ СОВ 1995, 242.

⁷ ФСРЯ 1986, 87.

⁸ ФСРЛЯ 2001, 101.

юм очки: «Вот как мы ударно работаем на благо ваше!» (В. Поляков. ТЕЛЕГА БЕЗ КОЛЁС. Почему в провинции умные и честные не идут во власть // ЛГ, № 16, 2002).

Этот фразеологизм, как правило, указывает на негативно оцениваемое действие. Однако с точки зрения эксперта существующие определения перегружены деталями, не позволяющими чётко указать на суть этого действия.

Давать волю кулакам.

— Драться, бить, избивать кого-л.⁹;

— Прост. Драться¹⁰.

Наш вариант.

Давать волю кулакам. Действ. Этнич. Избивать, бить кого-л. Александр начал **давать волю кулакам**. Впервые он ударил жену, когда их малышке было полгода. С тех пор он постоянно «воспитывал» её, применяя силу (АиФ в Украине, 17.12.13). Действ. Нейтр. Драться. Владимир Кличко прокомментировал слухи о том, что подрался. Боксёр отметил, что он профессиональный боксёр и **даёт волю кулакам** лишь в ринге (Преспорт, 31.07.13).

Эта словарная статья, как видим, наоборот, нуждалась в некотором расширении. Кроме того, необходимо было отделить действительно негативное толкование оборота от сравнительно нейтрального.

Поливать (обливать) грязью.

— Незаслуженно оскорблять, порочить, обвинять в чём-л. предосудительном¹¹;

— Разг. Экспресс. Незаслуженно оскорблять, поносить¹²;

— Порочить, незаслуженно позорить (говорится с неодобрением). Подразумевается, что используются клевета, домыслы, сплетни¹³.

Наш вариант. Поливать грязью.

Действ. Этнич. Незаслуженно оскорблять, позорить, клеветать. Они предпочли или высокомерно замолчать митинг на Поклонной горе, или в худших традициях революционной пропаганды **облить его грязью** и руганью. Что вполне внятно говорит об их «способностях и желаниях» вести честный диалог с согражданами, которые думают не так, как они (Ф. Евгеньев. Возбуждение атмосферы. Злоба дня // ЛГ, №5 (6356) 8 февраля 2012).

Оцен. Давать резко негативную характеристику кому-л. Невзлин **поливает грязью** Россию. В своём вчерашнем выступлении на заседании комиссии ОБСЕ, Невзлин предложил исключить Россию из «большой восьмёрки» и не принимать её во Всемирную торговую организацию (ВТО). Кроме того, он сравнил «дело Касьянова» с «делом ЮКОСа» (Правда.ру, 14.07.2005).

Практика использования данного фразеологизма противоречит подчас его определению. Зачастую те, кто использует его, вовсе не обвиняют кого-либо в клевете, а указывают на неприемлемо резкий тон используемых оценок.

Вывод. Модернизированные словарные статьи в большей степени отвечают задачам лингвистических экспертиз, как и проектируемый нами словарь в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Макаров В. И. 2012: Лингвистическая экспертиза и фразеография // Slowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia slowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym. Szczecin-Greifswald, 560–567.

СОВ 1995: Словарь образных выражений русского языка / В. Н. Телия (ред.). М.

ФСРЛЯ 2001: Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров (сост.). М.

ФСРЯ 1986: Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков (ред.). М.

DICTIONARY ENTRY IN THE FORENSIC PHRASEOLOGICAL DICTIONARY

V. I. Makarov

The paper is devoted to the comparison of the phraseological dictionary entries with the ones of the “Forensic linguistics dictionary of idioms” designed by the author. Several solutions to the problem of using dictionaries in linguistic expertise are suggested.

Key words: phraseology, phraseography, forensic linguistics, a dictionary entry

«НЕПРИЛИЧНАЯ ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ» КАК ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКОГРАФИИ И ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИИ

Автором поднимается вопрос о разработке и использовании в лексикографической практике унифицированной системы нормативных рекомендаций, призванных обеспечить объективность и непротиворечивость экспертных заключений.

Ключевые слова: лексикография, юрислингвистика, ненормативная лексика, обценная лексика, инвективная лексика, стилистическая помета

⁹ ФСРЯ 1986, 123.

¹⁰ ФСРЛЯ 2001, 153.

¹¹ ФСРЯ 1986, 290–291.

¹² ФСРЛЯ 2001, 468.

¹³ СОВ 1995, 220.

Новые социально-политические реалии, с одной стороны, и развитие научно-гуманитарных представлений об обществе, с другой стороны, ставят перед лексикографами новые задачи, требуют совершенствования словарей и обуславливают расширение их функций. Подтверждением этого положения может служить активное развитие в России нового научного направления — юрислингвистики.

Важнейшим направлением юрислингвистики стало исследование существующих языковых фактов и зафиксированных рече-коммуникативных актов с точки зрения их соответствия действующим правовым нормам. Собственно, подобный анализ представляется основным содержанием одной из основных отраслей юридической лингвистики, называемой лингвоэкспертологией¹. Результатом работы лингвиста-эксперта является объективное и непротиворечивое заключение о смысловом содержании представленного для анализа текста, о модальности представленных в нём пропозиций, о семантической и иногда грамматической структуре составляющих его языковых единиц, их эмоционально-оценочной направленности в характеристике какого-либо явления, события или лица.

Необходимым инструментом объективной характеристики языковой единицы является нормативный словарь национального языка. Общий филологический словарь выполняет в обществе две важнейшие функции — толково-справочную и нормативно-регулирующую. В связи с целями и задачами лингвоэкспертологии регулятивная функция словаря требует расширения, а содержание нормативных рекомендаций — предельной конкретизации. В частности, общий словарь призван кодифицировать языковую единицу и тем самым вооружить эксперта-лингвиста непротиворечивой информацией о её положении в нормативной системе национального языка, о возможности её употребления в различных коммуникативных сферах. Однако достичь определённости в лингвистической интерпретации языкового факта лингвисту-эксперту удаётся не всегда, что затрудняет принятие объективного судебного решения по делу.

Особенно показательна недопустимость противоречивости в заключениях экспертов по делам, связанным с оскорблением. В УК РФ (ст. 130) оскорбление рассматривалось как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме»². В данном определении можно выделить три момента, на которые нужно обратить внимание при квалификации речевого акта как оскорбительного: во-первых, на наличие в высказывании адресата негативной оценки, направленной на унижение чести и достоинства; во-вторых, на направленность этой информации в адрес конкретного лица; в-третьих, на маркированность высказывания как имеющего неприличную форму выражения. Только единство трёх указанных аспектов рече-коммуникативного акта позволяет признать последний оскорбительным.

В связи с заявленной проблемой вспоминаются трудности в принятии судебного решения по делу, связанному с оскорблением. Суть дела состояла в том, что гражданка К. употребила слово *тварь* в адрес гражданки Н.; последняя посчитала подобную характеристику своей персоны унижающей её честь и достоинство и подала иск с просьбой наказать гражданку К. за оскорбление. Суд вынес постановление о назначении лингвистической экспертизы с требованием к эксперту дать разъяснение о наличии в слове *тварь* признаков, позволяющих признать его оскорбительным. Со своей стороны процессуальный защитник также назначил лингвистическую экспертизу с аналогичными вопросами. Обе экспертные стороны, заочно согласившись друг с другом в том, что слово *тварь* содержит негативную оценку, адресованную гражданке Н, разошлись в вопросе о наличии в данной лексеме неприличной формы выражения этой оценки. Естественно, оба эксперта строили свои выводы на основании нормативных рекомендаций словарей современного русского литературного языка, однако пришли к разным выводам.

Что же стало причиной подобного разночтения и каковы пути достижения объективности и непротиворечивости к квалификации подобных языковых фактов? Думается, решение проблемы лежит в унификации лексикографической базы экспертной деятельности, приведении её к единым требованиям как со стороны юриспруденции, так и со стороны лингвистики. Эта проблема, на наш взгляд, должна решаться на разных уровнях, начиная с определения корпуса словарей, рекомендуемых для осуществления экспертной деятельности, и заканчивая разработкой системы единых нормативно-регулятивных рекомендаций.

Неоднозначность экспертных заключений может быть связана с противоречивостью нормативно-стилистических характеристик слов в разных словарях. Так, например, в словарях петербургской лексикографической школы³ достаточно редко используется помета *прост.* (просторечное), чрезвычайно важная, на наш взгляд, для нормативно-стилистической характеристики слов, стоящих за гранью нормативного употребления. В то же время в словарях, принадлежащих московской школе лексикографии⁴, указанная помета регулярно употребляется и помогает эксперту системно отграничить массив просторечной лексики от слов, маркированных пометой *разг.* (разговорное), указывающей на их употребление в разговорном стиле литературного языка. Следовательно, необходима унификация всей системы стилистических помет, существующая в словарях русского языка.

Возвращаясь к описанной выше ситуации в суде, связанной с квалификацией слова *тварь*, мы сделаем попытку проанализировать нормативные словарные пометы применительно к их способности маркировать слово с точки зрения неприличности формы выражения и выстроить определённую систему нормативно-стилистических характеристик лексем, связанных с негативной характеристикой лица.

Традиционно слова с неприличной формой выражения характеризуются понятиями «обсценная лексика», «табуированная лексика» и «нецензурная лексика». В современном русском словоупотреблении к обсценной лексике традиционно относится «мат». Лексическую основу русского мата составляют четыре (другие учёные выделяют пять-шесть) корнеслова и множество их производных, употребление которых в речи категорически противоречит этическим, а зачастую и юридическим нормам. Отнесение же иных единиц, чаще всего служащих для выражения негативных эмоций или для отрицательной характеристики, к обсценной лексике не столь очевидно; ср. напр.: *сволочь, мразь, подонок, скотина, гадина, козёл, баран, гнида* и др. Думается, к этой группе относится и слово *тварь*, ставшее камнем преткновения для экспертов.

Салев Владимир Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орловский филиал). E-mail: salve@list.ru

¹ См. об этом: Бринёв 2009, 32; Баранов 2007, 12–13.

² УК РФ 2011.

³ Напр.: БТС 2002.

⁴ Напр.: Ожегов, Шведова, 1999.

Интересующая нас группа слов, балансирующих на грани приличности-неприличности, цензурности-нецензурности, табуированности-нетабуированности, в словарной практике сопровождается пометами двух видов, каждая из которых представляет определенный аспект характеристики лексемы:

1) словарные пометы, указывающие на негативную эмоционально-экспрессивную оценку:

— *неодобр.* (неодобрительное) — для слов, содержащих негативную оценку, неприятие чего-л.;

— *пренебр.* (пренебрежительное) — для слов, содержащих оценку снисходительного порицания с оттенком высокомерия;

— *уничиж.* (уничижительное) — для слов, передающих оттенок крайней пренебрежительности, уязвляющих адресата высокомерной презрительностью;

— *презрит.* (презрительное) — для слов, содержащих резкое порицание, презрение;

2) пометы, указывающие на сферу функционирования слова и на отношение слова к литературной и этической нормам употребления:

— *разг. сниж.* (разговорно-сниженное) — для слов, имеющих оттенок сниженности и употребляемых преимущественно в устной разговорной речи;

— *прост.* (просторечное) — для слов, характеризующихся грубостью содержания или резкостью выражаемой оценки и употребляемых в сниженном стиле, в обиходной, бытовой речи; стоящих на границе литературного языка;

— *груб. прост.* (грубо-просторечное) — для слов, находящихся за пределами литературного языка и характеризующихся грубостью языкового выражения, часто направленных на оскорбление адресата;

— *груб.* (грубое) — для слов, содержащих неадекватно грубую, часто оскорбительную оценку;

— *бран.* (бранное) — для слов, употребляемых с целью обидеть адресата, оскорбить его;

— *вульг.* (вульгарное) — для слов, находящихся вне сферы литературного языка, передающих экспрессию циничной оскорбительности и используемых в художественных произведениях как средство шокового воздействия.

Нас интересует прежде всего 2-я группа помет, определяющих степень приличности-неприличности слова, табуированности слова, а также его отношение к литературной и этической нормам.

Мы расположили пометы 2-й группы (*разг. сниж.* — *прост.* — *груб.*, *груб. прост.* — *бран.* — *вульг.*) в иерархической последовательности, начиная с самой «слабой», некатегоричной пометы — *разг. сниж.* и заканчивая наиболее «сильной», запретительной пометой — *вульг.*

Пометой *разг. сниж.* помечаются слова, употребление которых чаще всего не противоречит литературной и этической нормам, они вполне цензурны и нетабуированны, однако используются преимущественно в разговорном стиле литературного языка и приносят в устную речь сниженный фамильярный характер; это такие слова, как *бабуля*, *ненароком*, *кувырком*, *прохвост*, *прохиндей* и др.

Пометой *прост.* отмечается слова, употребление которых может противоречить литературной норме, но не всегда противоречит этической норме; их использование в устной речи придает ей не только сниженный, но и грубоватый оттенок, однако неприличными, табуированными и нецензурными такие слова назвать нельзя. К числу просторечных слов относятся такие слова, как *жрать*, *позариться*, *задница*, *мерзавец*, *подлец* и др.

Пометы *груб. прост.* и *груб.* выводят просторечные слова за границы этической нормы, становясь ограничительными: они предостерегают от употребления того иного слова в определенных сферах общения. Однако и в этом случае они не указывают на безусловную табуированность слова. В частности, подобными пометами отмечается лексика, пришедшая из низовых асоциальных сфер общения, например, из воровского арго (из блатной фени), а также некоторые грубые слова. Этими пометами характеризуются такие слова, как *кранты*, *фуфло*, *бухать*, *жопя*, *ублюдок* и др.

Помета *бран.* близка пометам *груб.* и *груб. прост.*, но обладает большей категоричностью и императивностью в запрещении слова. Тем самым предполагается, что зачастую просторечная и грубая лексика становится бранной, если служит средством экспрессивного выражения негативного эмоционального состояния или отрицательной оценки какого-л. явления, события или лица (например, *сволочь*, *гнида*, *мразь*, *козёл*, *сука*). Становясь бранными, эти слова приобретают более строгие ограничения в употреблении; их следует использовать с изрядной осторожностью из боязни оскорбить адресата. Хотя, как показывают данные словарей, бранная лексика иногда используется и в художественной литературе со стилистическими целями.

Наивысшей императивностью и категоричностью обладает помета *вульг.* Ею снабжается действительно неприличная, непристойная, нецензурная лексика, использование которой в любой сфере общения категорически запрещено. Употребление вульгарной лексики носит цинично оскорбительный характер и способно оказать даже шоковое воздействие на адресата речи. В частности, к вульгаризмам относятся охарактеризованные выше «матизмы», грубые наименования некоторых частей человеческого тела или физиологических актов, упоминание которых табуировано в приличном обществе.

Противоречивость экспертных оценок слова *тварь* и затруднения в принятии судебного решения были обусловлены тем, что специалисты обращались к разным словарям. Так, в словаре Ефремовой⁵ и МАС⁶ анализируемое слово маркируется как бранное; соответственно, экспертом делается вывод о том, что слово обладает неприличной формой выражения. А в словаре Ожегова и Шведовой⁷, как и в словаре БТС⁸ «бранная» маркированность лексемы отсутствует, что приводит эксперта к противоположным выводам.

Решением проблемы противоречивости экспертных оценок может стать подготовка большого нормативного словаря, содержащего единую стандартную систему нормативных рекомендаций, обязательных для всех экспертов.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. 2007: Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.

Бринёв К. И. 2009: Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / Н. Д. Голев (ред.). Барнаул.

БТС 2002: Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов (ред.). СПб.

⁵ Ефремова 2000, 753.

⁶ МАС 4, 1999, 343.

⁷ Ожегов, Шведова 1999, 1308.

⁸ БТС 2002, 790.

Ефремова Т. Ф. 2000: Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.
МАС 1999: Словарь русского языка: в 4 т. / А. П. Евгеньева (ред.). Т. 4. М.
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1999: Толковый словарь русского языка. М.
УК РФ 2011: Уголовный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW;n=158613>.

“INDECENT FORM OF EXPRESSION” AS AN ISSUE OF LEXICOGRAPHY AND LINGUISTIC EXPERTOLOGY

V. A. Salyaev

The article analyzes the normative characteristics of words which possess indecent form of expression. The author raises the question of regulatory guidelines development and implementation in the unified system to ensure the objectivity and consistency of expert opinions.

Key words: lexicography, judicial linguistics, indecent vocabulary, obscene words, offensive vocabulary, invective vocabulary, stylistic marking

© 2014

Т. В. Чернышова

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
(на материале речевого акта оскорбления)

В статье рассмотрен один из филологических аспектов правовой культуры, связанный с нарушением речевого поведения в социуме и трактуемый специалистами как умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме (оскорбление). В ходе исследования сделан вывод о необходимости при квалификации неприличной формы высказывания опираться не только на данные словарей, но и на глубокий анализ коммуникативно-речевой ситуации в целом.

Ключевые слова: оскорбление, бранные слова, неприличная форма, словарные материалы, ситуация общения

Понятие «правовая культура» по-разному определяется современными исследователями. По мнению учёных, можно выделить, «как минимум, пять методологических подходов к определению природы правовой культуры, исходя из критерия включённости тех или иных компонентов в систему данного феномена правовой жизни общества и выделения среди них доминирующих составляющих»¹: ценностно-качественный подход, деятельностный, социологический, информационно-семиотический и системный.

Представляется, что филологический аспект правовой культуры лучше всего высвечивается в русле *деятельностного подхода*, рассматривающего правовую культуру как результат и способ правовой деятельности, как образ мышления, нормы и стандарты поведения, ментальные аспекты проявления личности², а также *системного*, в рамках которого в структуре правовой культуры выделяются такие компоненты, как «право, правоотношения, правосознание, правовое поведение, деятельность, правовые учреждения и институты»³.

Обсуждению теоретических и практических проблем, возникающих на стыке языка и права, посвящены труды исследователей, опубликованные в сборниках «Юрислингвистика — 1: проблемы и перспективы» (Барнаул, 1999) и «Юрислингвистика — 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии» (Барнаул, 2000). В данной статье нас будет интересовать лишь один аспект такого взаимодействия, вытекающий из тех составляющих правовой культуры, которые были обозначены ранее: это *право, правоотношения, правосознание, правовое поведение, деятельность*. А точнее — те составляющие правовой культуры, незнание или нарушение которых приводит к речевому конфликту, влекущему за собой необходимость судебного разбирательства, в рамках которого для интерпретации нормативности/ненормативности речевого поведения субъекта в той или иной ситуации нередко требуется помощь лингвиста-эксперта.

По мнению Н. Д. Голева, «... использование языка в социальной жизни человека всегда содержит определённый потенциал “естественной” конфликтности, который нередко выходит за пределы возможностей саморегулирования, заложенного в языке, и предполагает необходимость её рациональной юридизации. Её успешное осуществление возможно только с учётом особенностей как самого естественного языка, так и особенностей правового регулирования социальных процессов»⁴. Очевидно, что для успешного функционирования текстов лингвистической экспертизы в рамках судебного дискурса они должны быть юридизированы. Далее автор приводит пример, который как нельзя лучше иллюстрирует изучаемую проблему: «Например, употребление сниженной лексики заключает в себе возможность использования её для достижения не только инвективной, но и других разнообразных целей. Потенциал функционально-семантического расширения границ слова внутренне присущ любым их типам <...> Но реализация потенциала прямого и расширенного функционирования сниженной лексики связана с определённой ответственностью по отношению к адресату, особенно если он (адресат) одновременно и “объект” снижения, ибо в этом случае такое инвективное функционирование лексики приближается к сфере действия закона о защите чести и достоинства личности и испытывает его воздействие»⁵.

Чернышова Татьяна Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, литературы и речевой коммуникации Алтайского государственного университета. E-mail: labrlexis@mail.ru

¹ Гуляихин 2013, 135–136.

² Гуляихин 2013, 136.

³ Гуляихин 2013, 136–137.

⁴ Голев 2000, 5.

⁵ Голев 2000, 11–12.

Материалом наблюдения будут конфликтные высказывания, ставшие объектом судебного разбирательства по такой категории речевых правонарушений, как **оскорбление**. Под оскорблением понимается «умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме. Оскорбление относится к правонарушениям, объектом посягательства которых являются права граждан, личность, более конкретно, честь и достоинство личности»⁶. Традиция толковать бранные выражения только как ненормативные, неприличные нашла отражение и в судебной практике, ср.: неприличная форма: «1. В административном праве (ранее — в уголовном) признак объективной стороны правонарушений против личности (против чести и достоинства личности). Отсутствие в объективной стороне правонарушений данного признака исключает административную ответственность по ст. 5.61 <...> 2. Один из фактов, который необходимо установить в ходе проведения лингвистической экспертизы <...> по делам об оскорблении, формулируется в вопросе: «Выражена ли оценка (информация) в неприличной форме?»⁷.

Традиционно к неприличной форме относят слова и выражения русского языка, которые считаются непристойными, неприличными (обсценными) языковыми единицами. О неоднородности и сложности этого предмета свидетельствует поли-терминологичность данного понятия и многозначность его интерпретации обыденным языковым сознанием, представленная в «народной интернет-энциклопедии Wikipedia и в приложении Wiktionary. Так, «бранная лексика» в названных источниках в целом характеризуется как:

1. Русский мат (матерщина, матерный язык, матерная ругань, устаревшее *лая матерная*) — «наиболее грубая, обсценная разновидность ненормативной лексики в русском и в близких к нему языках, которая может быть *трёхэтажным матом* (замысловатая и забористая матерная ругань) или, например, частная разновидность: *большой и малый шлюпочный загиб* и др.»⁸.

2. Обсценная лексика (непечатная брань, нецензурные выражения, ненормативная лексика) — «сегмент бранной лексики различных языков, включающий грубейшие (*похабные, непристойно мерзкие, богомерзкие, невыносимо отвратительные, вульгарные*) бранные выражения, часто выражающие спонтанную речевую реакцию на неожиданную (обычно неприятную) ситуацию <...> Одной из разновидностей обсценной лексики в русском языке является русский мат»⁹.

3. Бранные выражения, определяемые как «Дерьмо, Мат, Ругательства»¹⁰.

Столь же разнообразно интерпретируется словосочетание «бранные слова», ср.: *брань, крепкие выражения, крепкие слова, сильные выражения, сильные слова, лай, мат, ненормативная лексика, поношение, проклятия, ругань, ругательства, ругня, сквернословие, срамное слово, хула, чёрное слово, чертыхание*¹¹.

Однако в современной лингвоэкспертной практике к группе неприличных могут быть отнесены и слова литературного языка. Преодоление отношения к бранной лексике только как к лексике нецензурной находим в следующем тексте постановления мирового судьи одного из районов Алтайского края: «Судебная коллегия по уголовным делам Алтайского краевого суда кассационным определением от 30.08.2007 отменила приговор мирового судьи и постановление районного суда, направив дело на новое судебное рассмотрение и указав, что выводы мирового судьи и суда апелляционной инстанции об оправдании Б-ой Е. А. являются преждевременными, поскольку по смыслу ч. 1 ст. 130 УК РФ под неприличной формой понимаются не только нецензурные слова, но и иные слова, противоречащие установленным правилам поведения, требованиям общечеловеческой морали, унижающие честь и достоинство личности», в результате чего потребовались специальные познания и была назначена лингвистическая экспертиза, в ходе которой нужно было ответить на вопрос, являются ли оскорбительными и выраженными в неприличной форме следующие слова и выражения: «сука», «тварь», «шалава», «паскуда», «скотина».

Очевидно, что отнесение всех бранных слов к группе нецензурных и непечатных отражает оценочное отношение к речи, в котором в качестве наиболее активных являются **прагматический, этический и эстетический** параметры¹².

Апелляция к толковым словарям как авторитетному источнику, указывающему на возможность или невозможность широкого употребления слова и определение его как бранного, нецензурного, является распространенной практикой — на них ссылаются как профессиональные юристы, так и обычные носители языка, метаязыковая рефлексия которых часто опирается на словарные толкования.

В то же время в обыденном сознании носителей языка бранное слово может как приобретать «неприличную» окраску, так и лишаться её — в зависимости от ситуации и условий общения, статуса коммуникантов, характера их отношений и т.п. Например, выражение *ты падла, Андрюха*, произнесённое в адрес главы администрации одного из районов Алтайского края во время заседания (т.е. публично по отношению к лицу, находящемуся при исполнении служебных обязанностей), с учётом ситуации общения и стилистической окраски слова, следует, видимо, признать «оскорблением, выраженным в неприличной форме», ср.: «падла — грубое жаргонное бранное слово, происхождение которого восходит к польскому слову *padło* — «павшая, околевавшая скотина»¹³. Напротив, выражение «пошёл на х**», произнесённое в ситуации обыденного общения, а именно в тот момент, когда говорящий увидел работника полиции, входящего в его дом, может быть истолковано как эмоциональное выражение нежелания общения, т.е., относясь к группе обсценных выражений, оно **не образует** речевого акта оскорбления, поскольку не содержит негативной оценки поступков, действий, личности лица, выраженной в неприличной форме, а лишь характеризует неприятие ситуации общения говорящим.

Таким образом, в ходе судебного лингвистического исследования выражений, квалифицируемых экспертом-лингвистом как неприличные, нужно учитывать как данные толковых словарей, так и особенности речевого взаимодействия коммуникантов в той или иной ситуации общения.

ЛИТЕРАТУРА

Бранные выражения 2013: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F:%D0%9C%D0%B0%D1%82>.

⁶ Бринёв 2013, 56–57.

⁷ Бринёв 2013, 46–47.

⁸ Русский мат 2014.

⁹ Обсценная лексика 2013.

¹⁰ Бранные выражения 2013.

¹¹ Словарь синонимов 2000–2013.

¹² Чернышова 2013, 115.

¹³ Химик 2004, 419.

Бринёв К. И. 2013: Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.

Голев Н. Д. 2000: Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / Н. Д. Голев (ред.). Барнаул, 8–41.

Гуляхин В. Н. 2013: Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // Вопросы права и политики. 4, 135–158.

Общественная лексика 2013: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%81%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BA%D0%B0.

Русский мат 2014: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%B0%D1%82.

Словарь синонимов 2000–2013: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/11344/%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%8C.

Химик В. В. 2004: Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.

Чернышова Т. В. 2012: Метаязыковой потенциал бранной лексики в условиях обыденного и профессионального общения // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: в 4 ч. / Н. Д. Голев (ред.). Ч. IV. Кемерово, 112–124.

PHILOLOGICAL ASPECTS RUSSIAN LEGAL CULTURE (based on the speech act of insult)

T. V. Chernyshova

In the article there is described one of the philological aspects of legal culture which is associated with disorders of speech behavior in society and interpreted by linguists as impairing the honor and dignity of a person, in an unseemly manner (insult). The study concluded that when necessary qualifications of indecent forms can be based not only on data dictionaries, but also on the deep analysis of communicative speech situation as a whole.

Key words: abuse, pejoratives, vulgar form, vocabulary materials, communicative situation

© 2014

М. В. Шибаев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Статья посвящена специфике использования лексикографических данных при производстве судебной лингвистической экспертизы и проблемам, возникающим при использовании материалов словарей в судебном делопроизводстве.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, лексикография, контекст, идеологизированность

Лингвистические словари давно и прочно вошли в инструментарий языковедов, проводящих судебные лингвистические экспертизы. Нередко можно встретить тезисы типа: «слова X, Y, Z являются грубыми, содержат резко отрицательную оценку лица, имеют целью подчеркнуть неполноценность, ущербность адресата», аргументируемые присутствием слов в словаре ненормативной лексики или наличием у них соответствующей стилистической пометы, хотя, строго говоря, логическая цепочка здесь должна быть построена в обратную сторону: слово оскорбительно не потому, что имеет помету «бранное», но имеет помету «бранное», потому что оскорбительно. Разница в применении двух этих логических построений представляется нам важной. В первом случае мы исходим из автономно взятой языковой единицы, лишённой какой бы то ни было связи с окружающим текстовым пространством, а во втором — из микрофрагмента текста, наделённого авторскими интенциями. Лингвист, проводящий экспертизу, должен помнить, что смысловое содержание текста не тождественно совокупности закреплённых в языке значений слов и синтаксических конструкций, из которых этот текст состоит (взять хотя бы хрестоматийные примеры косвенных речевых актов, приводимые Дж. Р. Серлем: «Можете ли вы достать соль?» или «Я был бы вам признателен, если бы вы сошли с моей ноги»¹), а «всякий знак получает свою полноценную значимость только в контексте других знаков...»², соответственно, наличие какой бы то ни было пометы не обязательно должно свидетельствовать о наличии речевого акта оскорбления. Проиллюстрировать это можно с помощью традиционно используемой в инвективных целях зоосемантической метафоры *кобель*. Если отталкиваться от информации, закреплённой в толковых словарях («Перен. Грубо простореч. Бранно»³), то инвективная интенция кажется очевидной, однако в действительности сам речевой контекст может её отрицать. Семантический компонент «похотливость», присутствующий в семантической структуре слова, модифицирует коннотации в зависимости от участников и ситуации общения: сопрягаясь с идеей измены, он получает негативную окраску в случае, если измена адресата оценивается адресантом как нечто плохое или не получает её в остальных случаях. Перефразируя вышеизложенное, можно утверждать: жена, называющая своего мужа *кобелём*, вероятнее всего, совершает речевой акт оскорбления, а делающий то же самое друг мужа, вероятнее всего, нет⁴.

Шибаев Михаил Валерьевич — ассистент кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. E-mail: shibaev.m.v@mail.ru

¹ Серль 1986, 196.

² Лосев 1995, 98.

³ Чернышёв (ред.) 5, 1956, 1083.

⁴ Социологические, физиологические, психологические и иные причины нейтрального (а подчас и позитивного) отношения к похотливости и мужским изменам в мужской коммуникации не входят в компетенцию лингвиста и здесь, разумеется, рассмотрены быть не могут.

Сходную ситуацию можно наблюдать и на примере слова *сука*⁵. Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой отмечает возможность его употребления как бранного, однако обязательность формирования речевого акта оскорбления вокруг лексемы всё же сомнительна. Многочисленные речевые контексты автономии в современной коммуникации говорят нам о возможности использования слова с положительными коннотациями. В частности, в социальной сети «ВКонтакте» автором было найдено сообщество с названием «Да, я сука!!!! Да, я стерва!!! Спасибо, милый, за это!» и следующим описанием: *Здесь, в этой группе, будем все мы — самые умные, хитрые, красивые, мудрые, сексуальные и вообще самые самые девушки на земле*)⁶. Позитивный ассоциативный ряд настолько явен, что не требует доказательств. В сообществе состоит больше трёх с половиной тысяч девушек, а это — три с половиной тысячи носителей языка, не согласных со словарным определением.

Ещё один важный и спорный вопрос, встающий при использовании лексикографических источников как инструмента лингвистической экспертизы: «Может ли словарь помочь нам деидеологизировать значение, избавить его от компонента оценочности?» Рекомендация Х. Касареса составителю словаря пресекать проявления своей личности, начиная с индивидуальной манеры выражения и кончая обнаружением своих симпатий и антипатий⁷, вряд ли может быть использована в реальной жизни: толкового словаря без идеологии нет, как нет человека без идеологии (здесь можно вспомнить хотя бы примеры употребления слова *религия* у Д. Н. Ушакова: «религия есть опиум народа»; «религия есть один из видов духовного гнёта»⁸). Стоит отметить и то, что словари по природе своей консервативны и зачастую отражают уже ставшую архаичной норму. Априорное признание их источником «языковой истины» способно привести к довольно комичным ситуациям: так, например, в одной из статей на сайте Башкирской специализированной коллегии адвокатов юристам рекомендуется использовать для проверки правописания «не теряющий до сих пор своего величия словарь Даля»⁹. Зачем проверять современную орфографию по толковому словарю устной речи с региональными вариантами середины XIX в., остаётся загадкой (впрочем, как от начала Н. Б. Лебедева, «мифологическое отношение к словарям вообще, а к этому словарю в особенности — характерная черта металингвистического компонента обыденного сознания»¹⁰).

Ещё один момент, нуждающийся, на наш взгляд, в освещении, — это тезис об обязательности использования толкового словаря при семантическом анализе в рамках судебной лингвистической экспертизы. Вопрос «Обязан ли эксперт опираться в своем исследовании на лексикографические источники?», решаемый на практике в большинстве случаев положительно, на наш взгляд, очень спорен. При наличии должной квалификации (а лицу без квалификации проведение экспертизы и не должно быть доверено) эксперт способен и самостоятельно определять значение речевых единиц, опираясь на собственный анализ контекстов словоупотребления. Образно переформулируя сказанное: «Н. Ю. Шведова не обязана ссылаться на С. И. Ожегова, потому что её квалификация достаточна и без этих ссылок».

Подытоживая, попробуем тезисно обозначить некоторые проблемные места, возникающие при использовании словарей в экспертной практике.

1. При семантическом анализе внеконтекстуальная словарная статья всегда вторична перед живым контекстом речи.
2. Словарь консервативен и зачастую отражает языковую норму, уже ставшую архаичной.
3. Словарь не может быть внеидеологичен, а значит, в нём неизбежно присутствует не только фиксация конвенций носителей языка, но и личность исследователя.
4. Словарь обладает большим потенциалом авторитета, и эксперту следует быть очень аккуратным, чтобы цитирование источника не свелось к риторически и научно некорректному *argumentum «ipse dixit»*, т.е. аргументации, апеллирующей к авторитету.
5. Система стилистических помет в толковых словарях русского языка не является единообразной, а её применение подвергается влиянию личности составителя словаря.

Вышесказанное, однако, не отрицает значимости той роли, которую может играть лексикографический источник для лингвиста-эксперта. Словарь, правильно подобранный в соответствии с целями и материалом исследования, способен значительно сократить трудозатраты эксперта, избавив его в некоторых случаях от необходимости проводить семантический анализ самостоятельно или дав возможность сверить результаты своего исследования со словарной статьёй.

ЛИТЕРАТУРА

- Ария С. 2011: Язык и стиль процессуальных документов // Башкирская специализированная коллегия адвокатов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bska.su/article/ARTICLE/23/>.
- Евгеньева А. П. (ред.). 1988: Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.
- Касарес Х. 1958: Введение в современную лексикографию / пер. с исп. Н. Д. Арутюновой. М.
- Лебедева Н. Б. 2008: О метаязыковом сознании юристов и предмете юрлингвистики (к постановке проблемы) // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-19>.
- Лосев А. Ф. 1995: Проблема символа и реалистическое искусство. М.
- Серль Дж. Р. 1986: Косвенные речевые акты (пер. с англ.) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 195–222.
- Ушаков Д. Н. (ред.). 1939: Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.
- Чернышёв В. И. (ред.). 1956: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 5. М., Л.

USE OF LEXICOGRAPHICAL SOURCES IN JURIDICAL LINGUISTIC EXPERTISE

M. V. Shibaev

Article is devoted to the specifics of the use of lexicographical data in juridical linguistic expertise and problems that appear when using the mentioned dictionaries within judicial linguistic expertise.

Key words: juridical linguistic expertise, lexicography, context, ideologization

⁵ Евгеньева 4, 1988, 304.

⁶ Здесь и далее цитаты даются в авторской орфографии и пунктуации.

⁷ Касарес 1958, 159.

⁸ Ушаков 3, 1939, 1333.

⁹ Ария 2011.

¹⁰ Лебедева 2008.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— ассоциативное поле
арх.	— архангельский
АСШ	— Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов
АСШС	— Ассоциативный словарь школьников Саратова
БАС	— Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.
БАСЗ	— Большой академический словарь русского языка
БИЭ РМ	— Большая иллюстрированная энциклопедия «Русский мир»
БСРП	— Большой словарь русских поговорок
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
БТС	— Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова
БТСДК	— Большой толковый словарь Донского казачества
БТСРГ	— Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы
БТСРС	— Большой толковый словарь русских существительных. Идеографическое описание: Синонимы. Антонимы
БТССРР	— Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы
волог.	— вологодский
ГБУТО	— Государственное бюджетное учреждение Тюменской области
ГЗИ	— гендерно значимая информация
ГЭС	— гидроэлектростанция
ДИГ	— денотативно-идеографическая группа
ДРС	— Древнерусский словарь
ед. ч.	— единственное число
ЕНТ	— Единое национальное тестирование
ЖАН	— Житие Александра Невского
ЖАС	— Житие Авраамия Смоленского
ЖФП	— Житие Феодосия Печерского
ЗКРЯ	— Звуковой корпус русского языка
Изб. Св. 1073	— Изборник Святослава 1073 г.
им. пад.	— именительный падеж
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИП	— имя прилагательное
ИС	— имя существительное
ИСЛЯ	— Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка
калуж	— калужский
КВ	— крылатое выражение
КЕ	— крылатая единица
КИИС	— Корпусная информационно-исследовательская система
КоАП	— Кодекс об административных правонарушениях
костр.	— костромской
КРР	— культура русской речи
кр. ф.	— краткая форма
КС	— крылатое слово
КСЭС	— ключевой символ этноязыкового сознания
кург.	— курганский
Лексикон 1731	— Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе
Летопись... Миасского завода	— Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882–1897)
ЛИ	— лексический инвариант
ЛКТ	— лингвокультурный типаж
ЛМ	— лексический минимум/лексические минимумы
ЛОКЛЛ	— Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии
ЛСВ	— лексико-семантический вариант
МАС	— Словарь русского языка: в 4 т. / А.П. Евгеньева (ред.)
МДЗ	— Моление Даниила Заточника
мн. ч.	— множественное число
НАРБ	— Национальный архив Республики Бурятия
НКРЯ	— Национальный корпус русского языка
новг.	— новгородский
новосиб.	— новосибирский
НСРЯ	— Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный
ОРД	— Один речевой день
ОУ	— общеупотребительный
ПВ	— поле вербализаторов
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПВМ	— Поучение Владимира Мономаха
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
ПМА	— Полевые материалы автора
ПМДЭЭ	— Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций кафедры общего и сравнительного языкознания ЮФУ
ПОС	— Псковский областной словарь с историческими данными
ПС	— Словарь православной церковной лексики «Прописная— строчная»
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
пск.	— псковский
РАС	— Русский ассоциативный словарь
РАС 2	— Русский региональный ассоциативный словарь (2008–2011)
РКИ	— русский язык как иностранный
РО	— Ростовская область
род. пад.	— родительный падеж
РСС	— Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений

РЯКМ	— Региональная языковая картина мира
САНРЯ	— Словарь ассоциативных норм русского языка
САР	— Словарь Академии Российской
САР2	— Словарь Академии Российской по алфавитному порядку расположенный (1806–1822 гг.)
СБР	— Старобългарски речник
свердл.	— свердловский
СДГ ВО	— Словарь донских говоров Волгоградской области
СДЯ XI–XIV вв.	— Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)
СЕ	— сверхсловная единица
СЗБ	— Слово о Законе и Благодати
сиб.	— сибирский
СК	— субкатегориальный
СлОЛЯМР	— Словарь обиходного русского языка Московской Руси
СМ	— семантический множитель
СМВ	— Слово Моисея Выдубицкого
СМС	— Слово о Меркурии Смоленском
СОВ	— Словарь образных выражений русского языка / В.Н. Телия (ред.).
СОЛЯ	— Словарь обиходного русского языка Московской Руси
СОШ	— Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка
СПГ	— Словарь пермских говоров
СПИ	— Слово о полку Игореве
СПРЗ	— Слово о погибели Русской земли
СПЦК	— Словарь православной церковной культуры
СРГЗ	— Словарь русских говоров Забайкалья
СРГКПО	— Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа
СРГП	— Словарь русских говоров Приамурья
СРГЮП	— Словарь русских говоров Южного Прикамья
СРДГ	— Словарь русских донских говоров
СРНГ	— Словарь русских народных говоров
ср.-обск.	— среднеобский
СРЯ XI–XVII	— Словарь русского языка XI–XVII вв.
СРЯ XVIII в.	— Словарь русского языка XVIII в.
ССВ	— Слова Серапиона Владимирского
СССРЯ	— Словарь синонимов русского языка З.Е. Александровой
ССЯ	— Словарь старославянского языка: в 4 т.
СтСл	— Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)
СУБД	— системы управления базами данных
СЦСРЯ	— Словарь церковнославянского и русского языка
СЯП	— Словарь языка поэзии
тамб.	— тамбовский
твер.	— тверской
тв. пад.	— творительный падеж
ТВ СФУ	— Телевидение Сибирского федерального университета
ТГ	— тематическая группа
тех.	— технический
ТНТ	— (Твое новое телевидение) — телевизионный канал. М.
томск.	— томский
ТФ	— текстовый фрагмент
тюм.	— тюменский
УК РФ	— Уголовный кодекс Российской Федерации
УС	— устойчивое сочетание
УС	— устойчивое сравнение
УСК	— устойчивый словесный комплекс
Ф. 262.	— фонд 262 (архивный фонд документов НАРБ)
ФЕ	— фразеологическая единица
ФМ	— фразеологическая модель
ФСРГС	— Фразеологический словарь русских говоров Сибири
ФСРЛЯ	— Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров (сост.)
ФСРЯ	— Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков (ред.)
ФССРЛЯ	— Фразеологический словарь современного русского литературного языка / А.Н. Тихонов (сост.)
ФЭЭ	— фольклорно-этнолингвистическая экспедиция факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
ХД	— хрустальный дворец
ХИД	— Хождение игумена Даниила
ХКМ	— художественная картина мира
ЦК РКП(б)	— Центральный Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков)
ЭГ	— этимологическое гнездо
эк.	— экономический
ЭЛКТ	— этнолингвокультурный типаж
ЭР	— этимологический ряд
ЭССЯ	— Этимологический словарь славянских языков
ЮФУ	— Южный федеральный университет
ЯКМ	— языковая картина мира
яроsl.	— ярославский
AP	— Ассоциативни речник српског језика
CIDI	— Cambridge International Dictionary of Idioms
CRM	— Customer Relationship Management — система управления взаимоотношениями с клиентами
LID	— Longman Idioms Dictionary. Addison Wesley Longman Limited
MTV (Musical television)	— телевизионный канал. М.
NKPP	— Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich

СОДЕРЖАНИЕ

Международный симпозиум

«Русская культура как объект современной лексикографии и фразеологии»

Предисловие 3

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

<i>Алефиренко Н. Ф.</i> (Белгород), <i>Золотых Л. Г.</i> (Астрахань) — Основы моделирования словарной статьи фразеологического словаря лингвокультурологического типа	5
<i>Бабенко Л. Г.</i> (Екатеринбург) — Большой словарь-тезаурус русского языка в контексте развития идеографической лексикографии	8
<i>Байрамова Л. К.</i> (Казань), <i>Иванова М. В.</i> (Москва) — Русская культура в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка»	10
<i>Воронина Т. М.</i> (Екатеринбург) — Аксиологическая составляющая пространственных концептов: лексикографический аспект	12
<i>Гольдин В. Е.</i> (Саратов) — Ассоциативные словари и образ мира	14
<i>Ковалёва О. Н.</i> (Челябинск) — Ценностно-смысловые ориентиры в русском национальном сознании при оценке профессиональной деятельности: лексикографический аспект	16
<i>Красных В. В.</i> (Москва) — Основные проблемы описания словаря и грамматики лингвокультуры (психолингвокультурологический подход)	19
<i>Плотникова А. М.</i> (Екатеринбург) — Наименования социальных групп и коллективов в идеографических словарях русского языка	22
<i>Трещевая Е. Г.</i> (Саратов) — Ассоциативный словарь как инструмент анализа номинативных свойств слов	24
<i>Уфимцева Н. В.</i> (Москва) — Русский ассоциативный словарь как источник изучения русской языковой картины мира	27
<i>Харченко Е. В.</i> , <i>Шкатова Л. А.</i> (Челябинск) — Лингвокультурный словарь корпорации	29
<i>Шумарин С. И.</i> (Балашов) — Словарное описание аббревиатур: лингвокультурологический аспект	31

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА В ПАРЕМИОГРАФИИ И КРЫЛАТОГРАФИИ

<i>Альдингер О. П.</i> (Смоленск) — Сопоставление ономастического наполнения сборников русских пословиц и поговорок XVII–XIX вв. как инструмент анализа русской фразеологической картины мира	34
<i>Андреева С. Л.</i> (Магнитогорск) — Об авторстве фразеологической единицы хрустальный дворец сквозь призму лингвокультурологического анализа	37
<i>Богачёва Г. Ф.</i> (Москва) — Крылатые выражения в комплексном объяснительном словаре	40
<i>Вальтер Х.</i> (Грайфсвальд, Германия) — Культурологический фон в пословицах-«перевертышах»	42
<i>Дядечко Л. П.</i> (Киев) — Каин, где твой брат Авель? (о лакунах в русской библейской фразеологии)	47
<i>Зыкова Е. И.</i> (Санкт-Петербург) — Крылатые выражения как средство русской смеховой культуры (по материалам эптологических словарей)	49
<i>Локтева И. В.</i> (Челябинск) — Опыт паремиографического описания просторечной лексики	52
<i>Макарова А. С.</i> (Москва) — Отражение вариантных форм крылатых выражений — галлицизмов в национальном корпусе русского языка: трудности поиска	54
<i>Позднякова Е. И.</i> (Белгород) — От сборника к словарю: паремиографический фактор в когнитивно-прагматическом моделировании	56
<i>Селиверстова Е. И.</i> (Санкт-Петербург) — Национальная самобытность пословиц в свете данных многоязычных словарей	58
<i>Семенов Н. Н.</i> (Старый Оскол) — Отражение ключевых символов русского этноязыкового сознания в паремиографической практике	61
<i>Тулина Е. В.</i> (Магнитогорск) — Прецедентные феномены анекдотического пространства: лингвокультурологический и лексикографический аспекты	63
<i>Фокина М. А.</i> , <i>Баскакова Н. Н.</i> (Кострома) — Отражение особенностей языка писателей-народников в современных лексикографических изданиях	66

РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО ИСТОКИ КАК ОБЪЕКТ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ

<i>Батулина А. В.</i> (Великий Новгород) — Лексикографическое представление религиозной лексики микрополя «Титулы и обращения» в современных толковых словарях	69
<i>Будейко В. Э.</i> (Челябинск) — Гносеологическая характеристика словаря русских алфавитных дериватов	71
<i>Деревскова Е. Н.</i> (Магнитогорск) — Метафорическая модель «душа — это субъект» в современном режиссёрском дискурсе (к идее создания словаря православной метафоры)	73
<i>Жигулина Д. В.</i> (Магнитогорск) — Наименования родственников по свойству в Древней Руси (по материалам исторических, этимологических и этнолингвистических словарей)	75
<i>Звездова Г. В.</i> , <i>Руднев Е. Н.</i> (Липецк) — Отражение ментальности в слове. Целостность как основа русского мировосприятия (по материалам толковых словарей XIX в.)	77
<i>Иванова Е. В.</i> (Магнитогорск) — К истории формирования концепта «Странствие» (по материалам исторических словарей)	81
<i>Комшина П. М.</i> (Магнитогорск) — Ядерная зона вербализаторов концепта «Прѣстѣплѣннѣ» в старославянских текстах X–XI вв. (опыт лексикографического описания)	84
<i>Кузнецова И. В.</i> (Чебоксары) — Русские устойчивые сравнения библейского происхождения как объект фразеологии	86
<i>Миранова А. А.</i> (Челябинск) — Церковно-приходские летописи второй половины XIX в. как объект словарного описания	89
<i>Михин А. Н.</i> , <i>Шулежкова С. Г.</i> (Магнитогорск) — Сверхсловные наименования персонажей, упоминаемых в Остромировом евангелии, как объект описания в словаре	90
<i>Панова А. А.</i> (Ростов-на-Дону) — Действенность слова (Дневники митрополита Вениамина Федченкова как материал для исторического словаря 1-й половины XX в.)	93

<i>Покровская И. Л.</i> (Киев) — Религиозная лексика в толковых словарях русского и турецкого языков	95
<i>Чурилина Л. Н.</i> (Магнитогорск) — Метафорическая модель с компонентом <i>Дом</i> в современном православном дискурсе : словарное описание	97

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ. СПЕЦИФИКА РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

<i>Анохина С. А.</i> (Магнитогорск) — Чиновник в русской языковой картине мира по данным словарей	100
<i>Безжоровойна Г. Т.</i> (Москва) — Лингвокультурные типажы «русский дворянин» и «английский джентльмен» (в лексикографических трудах и художественных текстах XIX в.)	102
<i>Васильева Т. И.</i> (Магнитогорск) — Лингвокультурный тип правдоискателя в творчестве Л. И. Бородина (материалы к антологии русских лингвокультурных типов)	105
<i>Деткова В. А.</i> (Челябинск) — Образ мужчины в русских и английских паремиях семантической группы «Семейные отношения» как объект описания в двуязычном словаре	108
<i>Дидковская В. Г.</i> (Великий Новгород) — Лингвокультурный типаж «Журналист» в словаре и массовой литературе	110
<i>Зюлина О. В.</i> (Магнитогорск) — Лингвокультурный типаж «англичанин» в русской культуре (опыт идеографического описания)	112
<i>Карабулатова И. С.</i> (Казань) — Специфика русскоязычной языковой личности в условиях российско-казахстанского приграничья	115
<i>Ланно М. А.</i> (Новосибирск) — Номинации <i>писатель, поэт</i> в автореферентном дискурсе среднелитературной и элитарной языковой личности (по материалам толковых словарей)	117
<i>Пождаева Е. В.</i> (Магнитогорск) — Лексикографический дискурс как репрезентант лингвокультуры питания	119
<i>Позднякова Н. В.</i> (Магнитогорск) — Тип самозванца XVIII столетия по материалам следственного дела Ем. Пугачёва	122
<i>Старостина Е. В.</i> (Саратов) — Специфика языкового сознания россиян разного возраста (по материалам ассоциативных словарей)	124
<i>Чернова О. Е.</i> (Магнитогорск) — Проблема лексикографического описания идеологием российского консерватизма	126
<i>Шевченко Н. М.</i> (Бишкек) — Когнитивные типажы сквозь лексикографическую призму	128

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

<i>Генералова Е. В.</i> (Санкт-Петербург) — Отражение в исторических словарях элементов русской культуры через устойчивые сочетания XVI–XVII вв. модели «прилагательное + существительное»	131
<i>Глинкина Л. А.</i> (Челябинск) — О лингвистической и культурологической содержательности словарей устаревших слов	134
<i>Дадабаева Р. М.</i> (Москва) — Журналы второй половины XVIII в. как один из источников изучения исторической лексикологии русского языка	136
<i>Клишкова И. С.</i> (Магнитогорск) — Архитектурная лексика в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»	139
<i>Коваленко К. И.</i> (Санкт-Петербург) — Придоша пружи на руськую землю... (насекомое <i>саранча</i> в русской лексикографии XVI–XXI вв.)	141
<i>Костючук Л. Я.</i> (Псков) — Лексикографические дискуссии XX в. и достижения отечественной лексикографии и картографии (взгляд рубежа XX–XXI вв.)	144
<i>Лопутько О. П.</i> (Новосибирск) — Лексикографические принципы И. И. Срезневского в общеславянском филологическом контексте	146
<i>Любимова Л. М.</i> (Чита) — Исторические словари как этнолингвистический источник	149
<i>Соколова Е. Н.</i> (Тюмень) — Письменные тексты Киевской эпохи как лексикографические источники изучения славянской ойконимии	151
<i>Стародубцева А. Н.</i> (Тобольск) — Абстрактные имена существительные в деловой письменности второй половины XVIII в. в аспекте исторической лексикографии (на материале фондов губернского правления г. Тобольска)	153
<i>Терентьева О. Г.</i> (Куйбышев) — Словарь этимологических типов, гнезд, рядов как возможность новой систематизации лексики	155
<i>Чернякова М. В., Молокова А. А.</i> (Тобольск) — Астрономическая лексика и фразеология скорописного памятника «Запись астрономических явлений...» как объект культурно-лингвистического описания	158
<i>Шулежова С. Г.</i> (Магнитогорск) — Остромирово Евангелие как лингвокультурологический источник и проблемы старославянской фразеологии	160

ЭЛЕМЕНТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ОТРАЖЁННЫЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ И СУБКУЛЬТУРНЫХ СЛОВАРЯХ

<i>Бекасова Е. Н.</i> (Оренбург) — Лексикографический потенциал прозвищ как этнокультурного феномена	164
<i>Белякова С. М.</i> (Тюмень) — От «Азяма» до «Ящика»: традиционная материальная культура в образном представлении (по материалам для словаря)	166
<i>Васильева Е. Н.</i> (Псков) — Субкультурный фон школьной и студенческой фразеологии (по данным словарей сленга)	168
<i>Воеводина Г. А.</i> (Елец) — Оценочные имена человека в современном русском языке	171
<i>Выхрыстюк М. С., Бакулина Е. А.</i> (Тобольск) — Эмоционально-оценочная лексика говоров Тоболо-Иртышья в аспекте современной лексикографии и фразеологии	173
<i>Данилевская А. С.</i> (Киев) — Диалектная фразеология русских говоров Приамурья как средство выражения региональной языковой картины мира	175
<i>Карпун М. А.</i> (Ростов-на-Дону) — Особенности отражения фитонимической лексики в «Этнолингвистическом словаре Донского казачества»	177
<i>Лиханова Н. А.</i> (Чита) — Диалектная фразеология в этнолингвистическом аспекте (на материале «Словаря русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова)	179
<i>Мочалова Т. И., Ахимова Э. Н.</i> (Саранск) — Структурно-семантические типы фразеологизмов-компаративов во «Фразеологическом словаре русских говоров на территории Республики Мордовия»	181
<i>Никитина Т. Г.</i> (Псков) — Концептосфера молодежной культуры в тематико-идеографическом словаре сленга	184
<i>Попов Р. В.</i> (Северодвинск) — Вопросы лексикографической фиксации жаргонов	186
<i>Русанова С. В.</i> (Новосибирск) — Глагол <i>благоволить</i> в региональном тексте промемории XVIII века и в словаре (на материале Забайкальской деловой письменности)	188
<i>Фельде О. В.</i> (Красноярск) — Ангарская лингвокультура в лексикографическом освещении	190
<i>Шляхова С. С., Вершинина М. Г.</i> (Пермь) — Восприятие устной речи диалектоносителями по данным диалектных словарей	192

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК РЕЦИПИЕНТ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

Валеев Г. К. (Челябинск) — Тюркская составляющая русской культуры в словарном составе языка	195
Гриднева Т. В. (Волгоград) — Особенности фразеографической фиксации различных элементов фразеологического концепта	198
Епимахова А. Ю. (Челябинск) — Русская культура и русский язык в условиях глобализации (по фразеографическим данным)	200
Козько Н. А. (Магнитогорск) — Анализ концепта «Напитки» на материале лексикографических источников	201
Костина Н. Н. (Магнитогорск) — Русский язык как реципиент иноязычных аббревиатур	203
Мухоморова И. К. (Екатеринбург) — Соотношение базовых когнитивных признаков концептов сферы «Питание» (на материале словаря ключевых концептов русского языка)	205
Петкава А. Ю. (Екатеринбург) — Тезаурусная презентация концепта «Здоровье»	207
Радищевская В. К. (Москва) — Функционально-семантическая категория взаимности как феномен русской культуры	210
Табаченко Л. В. (Ростов-на-Дону) — Лики судьбы в диалекте А. П. Чехова: лексико-фразеологический аспект	213

РУССКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ В ДВУЯЗЫЧНЫХ И МНОГОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ. РУСИЗМЫ В ЯЗЫКАХ ЕВРОПЫ

Алексеева М. Л. (Екатеринбург), Павлова А. В. (Майнц) — Отражение проблем русско-немецкого перевода в двуязычной лексикографии ..	216
Воробьева Л. Б. (Псков) — Возможности репрезентации устойчивых сравнений в русско-литовском словаре	219
Георгиева С. И. (Пловдив) — О специализированных русско-болгарских и болгарско-русских бизнес-словарях	221
Зеркина Н. Н. (Магнитогорск) — Мультикультурализм английской фразеологии. Русские лингвокультурологические заимствования	223
Лазий-Ковчик И. Л., Милошевич Ж. (Белград) — Русская культура у сръбском језику у светлу вербалних асоцијација	225
Машикова С. Н. (Костанай) — Обогащение русского языка казахскими фразеологическими образами в условиях казахско-русского двуязычия	228
Михина О. В. (Магнитогорск) — Межкультурные особенности выражения приветствия в русском и немецком языках, отраженные в нормативных словарях	230
Петренко О. В., Атнагулов И. Р. (Магнитогорск) — Влияние русской культуры на язык российских немцев, проживающих на территории Челябинской области (к проекту создания словаря-справочника «Немцы Южного Урала»)	232
Ратушная Е. Р., Ратушная Е. И. (Курган) — Фразеологизмы-антропонимы в русскоязычных и англо-русских фразеологических словарях	235
Соловьёва Н. С. (Магнитогорск) — Отражение гендерно значимой информации во фразеологических словарях русского и английского языков	238
Финк Ж. (Загреб) — Русизмы в хорватском языке: употребление и лексикографическая фиксация	240
Шалимбекова К. С., Штуккина Е. Э. (Костанай) — Словарь лингвокультурной грамотности жителей северного региона Казахстана: опыт составления	243
Шляхова С. С., Шестакова О. В. (Пермь) — Этническая картина мира по данным фоносемантических словарей	245
Шушарина И. А. (Курган) — О работе над словарём польско-русских «ложных друзей переводчика»: отбор материала	247

УСТНАЯ СПОНТАННАЯ РЕЧЬ. ПРОБЛЕМА СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ «СКРЕП», «ДИСКУРСИВОВ» И ДРУГИХ НЕЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Адамян З. К. (Тбилиси) — Просторечие как компонент в лексике кодифицированного языка и его отражение в толковых словарях	250
Бодянова-Бегларян Н. В. (Санкт-Петербург) — Дискурсивная единица <i>типа (того что)</i> : функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания	252
Вязовик Т. П. (Санкт-Петербург) — Сочетания типа «вот что» в отечественной лексикографической практике	255
Морозов Е. А. (Магнитогорск) — Дискурсивные слова <i>ведь</i> и <i>doch</i> : опыт семантического анализа (на материале словарей современного русского и немецкого языков)	258
Пермякова Т. Н. (Новосибирск) — Принципы описания союзов и союзных скреп в отечественной лексикографии (на примере союзной скрепы <i>коль скоро</i>)	260
Соколова Е. П. (Магнитогорск) — Переходные явления в системе неполнозначных частей речи русского языка: лексикографический аспект	263
Суровцева С. И. (Челябинск) — К вопросу о принципах лексикографирования (на материале предлогов)	265
Харченко В. К. (Белгород) — Акустическая русская культура как объект лексикографирования	267
Шиганова Г. А. (Челябинск) — Основные принципы создания семантико-грамматического словаря фразеологических предлогов	269

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ И ЭЛЕКТРОННЫЕ СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Акимова Э. Н., Акимов В. Л., Маслова А. Ю., Мочалова Т. И. (Саранск) — Электронный словарь диалектных фразеологизмов как источник изучения картины мира в русских говорах Мордовии	272
Баранов В. А. (Ижевск) — Организация поиска и демонстрации коллокаций в корпусе «Манускрипт»	275
Выхрыстюк А. Д. (Тобольск) — Национальные и интернациональные аспекты формирования современной русской компьютерной терминологии	277
Галиуллин К. Р., Каримуллина Г. Н., Каримуллина Р. Н., Мартынов Д. А. (Казань) — Сверхсловные единицы в русской лингвографии первой половины XIX в.	279
Дударева Я. А. (Кемерово) — «Нейминговый словарь русского языка»: теоретические и практические опыты разработки	282
Луцкова О. М., Шельская Л. И. (Магнитогорск) — К вопросу лексикографического описания интернет-мемов	284
Михальская О. В. (Киев) — Феномен визуальности в контексте печатного дискурса	286
Тарса Я. (Ополе) — Интернетовские словари жаргона как источник информации для лексикографа	288
Фесенко О. П. (Омск) — Об идее создания компьютерного дискурсивного динамического словаря фразеологизмов дружеских писем пушкинской поры	290
Шумарина М. Р. (Балашов) — Народная лексикография — феномен современной российской лингвокультуры	291

КОДИФИЦИРУЮЩАЯ РОЛЬ СЛОВАРЕЙ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Андрюшина Н. П.</i> (Москва) — Лексикография в аспекте описания уровней владения русским языком как иностранным	294
<i>Дорфман О. В.</i> (Магнитогорск) — Формирование лингвопоэтического словаря школьника на уроках русского языка	296
<i>Жукова А. Г.</i> (Москва), <i>Мандрикова Г. М.</i> (Новосибирск) — Лексема <i>зло</i> в словаре и в языке: динамика семантической структуры	298
<i>Кротова А. Г.</i> (Новосибирск) — Словарь лексических трудностей русского языка: теоретические основы технологии лексикографического описания	300
<i>Максимчук Н. А.</i> (Смоленск) — Учебный ономастический словарь в аспекте межкультурной коммуникации	303
<i>Николаева Е. К.</i> (Санкт-Петербург) — Пословицы в «Букваре для обучения юношества чтению по-русски и по-польски» (1796 г.)	305
<i>Песина С. А.</i> , <i>Латушкина О. Л.</i> (Магнитогорск) — Лексический инвариант как способ организации словарной статьи	308
<i>Пономарёва Л. Д.</i> (Магнитогорск) — Лексикографическое моделирование художественной речетворческой деятельности учащихся	310
<i>Роголёва Е. И.</i> (Псков) — Культурологический потенциал фразеологизма в учебной лексикографической интерпретации	313
<i>Собонова А. П.</i> (Саратов) — Ассоциативный словарь школьников как лексикографический источник исследования русской культуры	315
<i>Фокина О. В.</i> (Москва) — Использование словаря коммуникативно значимых цитат при обучении русскому языку как иностранному	317
<i>Шпильная Н. Н.</i> (Новосибирск) — Лексема и текст (к вопросу о деривационной корреляции)	320

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В СЛОВАРЕ ПИСАТЕЛЯ

<i>Бедрикова М. Л.</i> (Магнитогорск) — Концепт «Родная земля» в прозе В. Распутина последней трети XX–XXI вв. как материал для антологии художественных концептов	323
<i>Васильев Н. Л.</i> (Саранск) — Опыт сравнения поэтических лексиконов Н. М. Языкова и А. И. Полежаева	325
<i>Гаева Е. В.</i> (Курган) — О слове редких слов по художественным произведениям П. Д. Боборыкина, Н. С. Лескова, Б. М. Маркевича	327
<i>Гладких Ю. Г.</i> (Пермь), <i>Осипова А. А.</i> (Магнитогорск) — Взаимосвязь концептов «Жизнь», «Смерть» и «Время» в художественной картине мира В. П. Астафьева (к проблеме отбора материала для словаря ключевых концептов писателя)	330
<i>Кудрина Н. В.</i> (Курган) — Фразеология поэтических текстов А. Ахматовой как объект фразеологии	333
<i>Ломкина О. В.</i> (Москва) — Историко-этимологическая справка в авторском словаре	335
<i>Мокиенко В. М.</i> (Санкт-Петербург) — Русская народная культура в словаре писателя (из опыта составления словаря крылатых выражений И. А. Крылова)	338
<i>Осадчая М. Н.</i> (Старый Оскол) — Индивидуально-авторский дискурс О. Мандельштама в фокусе современной фразеологии	341
<i>Парфёнова С. А.</i> (Куйбышев) — Словарь фразеологизмов писателя (на материале творчества В. М. Шукшина)	344
<i>Прокофьева А. В.</i> (Магнитогорск) — К истории фиксации крылатых выражений В. Высоцкого в современных словарях	346
<i>Рожкова Т. И.</i> (Магнитогорск) — Принципы поэтической речи А. П. Сумарокова (размышления над материалами к «Словарю русского языка XVIII в.	349
<i>Севастьянова В. С.</i> (Магнитогорск) — Текст Ницше в словаре Андрея Белого	352
<i>Сидоренко К. П.</i> (Санкт-Петербург) — Басни И. А. Крылова как объект интертекстовой лексикографии	354
<i>Суровцева Е. В.</i> (Москва) — Создание конкорданса переписки М. Горького с советскими вождями: постановка проблемы	356
<i>Халитова Н. Р.</i> (Магнитогорск) — К проблеме создания словаря языка В. Т. Шаламова	357
<i>Цуркан В. В.</i> (Магнитогорск) — Концепт «Круг» в прозе А. Битова (материалы для антологии концептов литературы второй половины XX в.)	359

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

<i>Зиновьева Е. И.</i> , <i>Алёшин А. С.</i> (Санкт-Петербург) — Лексикографические средства представления внутренней формы и динамики значения фразеологизма (на примере выражения <i>хлопнуть дверью</i>)	362
<i>Кабыш В. И.</i> (Курган) — Каузативы как объект фразеологического описания	364
<i>Лаптева М. Л.</i> (Астрахань) — Особенности словарного описания инокультурных фразеологических единиц	365
<i>Радченко Е. В.</i> (Челябинск) — Динамизм в сфере значения фразеологизмов с грамматически главным компонентом-соматизмом	367
<i>Соколова А. А.</i> (Тюмень) — Отражение фразеологизмов военной тематики в словарях	368
<i>Туркина Б. В.</i> , <i>Туркин О. М.</i> (Курган) — Процессуальные фразеологизмы с компонентом <i>голова</i> как объект фразеологического описания	370
<i>Усачёва Н. Б.</i> (Курган) — Словарное описание фразеологических связей, выражающих эмоциональную оценку действия	372
<i>Фёдорова К. Л.</i> (Курган) — Фразеологизмы с компонентами-метеонимами <i>свет</i> во фразеологических словарях	373
<i>Хайдарова В. Ф.</i> (Магнитогорск) — Серийные явления во фразеологии и проблема их словарного описания	375
<i>Чепуренко А. А.</i> (Челябинск) — Словарь обстоятельственных единиц русского языка	377
<i>Шведова Н. В.</i> (Курган) — Словарная трактовка фразеологизма категории состояния <i>всё равно</i>	379

ЛИНГВИСТИКА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. СЛОВО ЛЕКSIKOГPAΦA КАК АРГУМЕНТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

<i>Гневж О. В.</i> (Магнитогорск) — К проблеме лингвистической диагностики инвективы	381
<i>Макаров В. И.</i> (Великий Новгород) — Словарная статья в юрлингвистическом фразеологическом словаре	384
<i>Салеев В. А.</i> (Орёл) — «Неприличная форма выражения» как проблема лексикографии и лингвоэкспертологии	386
<i>Чернышова Т. В.</i> (Барнаул) — Филологические аспекты русской правовой культуры (на материале речевого акта оскорбления)	389
<i>Шибанов М. В.</i> (Красноярск) — Использование лексикографических источников при проведении судебной лингвистической экспертизы	391

CONTENTS

International Symposium
 «Russian culture as an object of modern lexicography and phraseography»

Preface.....	3
--------------	---

CHALLENGES OF LINGUISTIC, CULTUROLOGICAL AND IDEOGRAPHIC LEXICOGRAPHY

N. F. Alefirenko (Belgorod), L. G. Zolotykh (Astrakhan) — Basic principles of modelling a vocabulary article in a phraseological dictionary of linguistic and culturological type.....	7
L. G. Babenko (Yekaterinburg) — The Big Thesaurus Dictionary of Russian language in the context ideographic lexicography development.....	10
L. K. Bayramova (Kazan), N. V. Ivanova (Moscow) — Russian culture in «Axiological phraseological dictionary of Russian language: the dictionary of values and anti-values».....	12
T. M. Voronina (Yekaterinburg) — Evaluative component of spatial concepts: lexicographical aspect.....	14
V. E. Goldin (Saratov) — Associative dictionaries and the picture of the world.....	16
O. N. Kovaleva (Chelyabinsk) — Value-notionable guidelines in Russian national consciousness in evaluation of professional activity: lexicographic description.....	18
V. V. Krasnykh (Moscow) — Main problems of linguistic culture vocabulary and description of grammar (psychological, linguistic and culturological approach).....	22
A. M. Plotnikova (Yekaterinburg) — Denominations of social groups and collectives in ideographic dictionaries of the Russian language.....	24
E. G. Treshcheva (Saratov) — An associative dictionary as an instrument for the analysis of nominative properties of words.....	26
N. V. Ufimtseva (Moscow) — Russian associative dictionary as a source of Russian language world picture study.....	29
E. V. Kharchenko, L. A. Shkatova (Chelyabinsk) — Linguistic-cultural dictionary of corporation.....	31
S. I. Shumarin (Balashov) — Lexicographic description of abbreviations: linguistic and culturological aspect.....	33

THE REFLECTION OF RUSSIAN MENTALITY IN PARIOMIOGRAPHY AND CATCH-WORD STUDY

O. P. Aldinger (Smolensk) — Comparison of the onomastic content in the Russian proverbs and sayings collections of the 17 th — 19 th centuries as a tool of Russian phraseonomastic worldview analysis.....	36
S. L. Andreyeva (Magnitogorsk) — The Question of Authorship of Phraseological Unit «Crystal palace» through the prism of linguistic and culturological analysis.....	40
G. F. Bogacheva (Moscow) — Catch-words in a comprehensive explanatory dictionary.....	42
H. Walter (Greiswald) — Culturological background of “Twisted Proverbs”.....	47
L. P. Dyadechko (Kiev) — Cain, where is Abel, thy brother? (on gaps in Russian biblical phraseography).....	49
E. I. Zykova (St. Petersburg) — Catch-expressions as a means of Russian culture of laughter (on the basis of etiological dictionaries).....	51
I. V. Lokteva (Chelyabinsk) — Experience of the pariomiographic description of colloquial vocabulary (vernacular).....	53
A. S. Makarova (Moscow) — Reflection of variant forms of catch-phrases-Galicisms in national Russian language corps: difficulties of search.....	56
E. I. Pozdnyakova (Belgorod) — From collection of proverbs to the dictionary of proverbs: pariomiographical factor in cognitive-pragmatic modelling.....	58
E. I. Seliverstova (St. Peterburg) — National identity of proverbs in the context of multilingual dictionaries.....	61
N. N. Semenenko (Staryi Oskol) — Reflection of the main symbols of the Russian ethnic language consciousness in the practice of creating dictionaries parables.....	63
E. V. Tulina (Magnitogorsk) — Precedent phenomena of anecdotes: linguistic, cultural and lexicographic aspects.....	66
M. A. Fokina, N. N. Baskakova (Kostroma) — Reflection features of folk-writers language in modern lexicographical publications.....	68

RUSSIAN ORTHODOX DISCOURSE AND ITS ORIGIN AS AN OBJECT OF DICTIONARY DESCRIPTION

A. V. Batulina (Velikiy Novgorod) — Lexicographic concept of religious vocabulary of the microfield «Titles and addresses» in modern explanatory dictionaries.....	71
V. E. Boudyko (Chelyabinsk) — Gnosiological description of the dictionary of Russian alphabetical derivatives.....	72
E. N. Derevsikova (Magnitogorsk) — The metaphorical model “soul is the subject” in contemporary discourse of directors (to the idea of creating a dictionary of orthodox metaphor).....	75
D. V. Zhygulina (Magnitogorsk) — Names of in-law relatives in ancient Russia (on materials of historical, etymological and ethnic and linguistic dictionaries).....	77
G. V. Zvezdova, E. N. Rudnev (Lipetzki) — Reflection of mentality of the word. Integrity as the foundation of Russian world view (on the basis of explanatory dictionaries of the 19 th century).....	81
E. V. Ivanova (Magnitogorsk) — To the history of “Pilgrimage” concept formation (on the materials of the historical dictionaries).....	83
P. M. Komshina (Magnitogorsk) — The kernel area of the concept “Crime” in Old Slavonic texts of the 10 th — 11 th centuries (experience of lexicographical description).....	86
I. V. Kuznetsova (Cheboksary) — Biblical set of Russian fixed similes as an object of phraseography.....	88
A. A. Mironova (Chelyabinsk) — Church parish chronicles in the second half of the 19 th century as an object of dictionary description.....	90
A. N. Mikhin, S. G. Shulezhkova (Magnitogorsk) — Larger-than-the word characters’ names in Ostromir Codex as a dictionary objective.....	93
A. A. Panova (Rostov-na-Donu) — The word appeal (diaries of the metropolitan Veniamin Fedchenkov as the material for the historic diary of the 1-st half of the 20 th century).....	95
I. L. Pokrovskaya (Kiev) — The religious lexemes in the dictionaries of the Russian and Turkish languages.....	97
L. N. Churilina (Magnitogorsk) — The metaphorical model with a component <i>Dom (House)</i> in the modern orthodox discourse: dictionary description.....	99

LINGUOCULTUROLOGICAL PROTOTYPES. RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS SPECIFICS

<i>S. A. Anokhina</i> (Magnitogorsk) — The official in the Russian language picture of the world according to dictionaries.....	102
<i>G. T. Bezkorovaynaya</i> (Moscow) — Linguistic and cultural prototypes “Russkiy dvoryanin” (Russian nobleman) and “English gentleman” (in lexicographic and fiction texts of the XIX century).....	105
<i>T. I. Vasileva</i> (Magnitogorsk) — Linguistic and cultural type of a truth-seeker in works of L. I. Borodin (materials to the anthology of Russian linguistic-cultural types).....	107
<i>V. A. Detkova</i> (Chelyabinsk) — The image of a man in the Russian and English proverbs of a semantic group “Family relationships” as a description object in a bilingual dictionary.....	110
<i>V. G. Didkovskaya</i> (Velikiy Novgorod) — Linguistic-cultural type «Journalist» in a dictionary and mass literature.....	112
<i>O. V. Zyulina</i> (Magnitogorsk) — Linguistic-cultural type “Englishman” in Russian culture (the experience of ideographical description).....	114
<i>I. S. Karabulataeva</i> (Kazan) — Specifics of Russian linguistic personality in the Russia-Kazakhstan borderland.....	116
<i>M. A. Lappo</i> (Novosibirsk) — Nominations <i>writer</i> and <i>poet</i> in autoreferencing discourse of average and elitist language personalities (based on explanatory dictionaries).....	119
<i>E. V. Pozhidaeva</i> (Magnitogorsk) — Lexicographical discourse as food linguoculture representative.....	121
<i>N. V. Pozdnyakova</i> (Magnitogorsk) — Type pretender XVIII century according to the materials of the investigation of the case E. Pugachev.....	124
<i>E. V. Starostina</i> (Saratov) — Specificity of the linguistic minds of Russians of different age (based on associative dictionaries).....	126
<i>O. E. Chernova</i> (Magnitogorsk) — The problem of lexicographic description of Russian conservatism ideologemes.....	128
<i>N. M. Shevchenko</i> (Bishkek) — Cognitive types in lexicographic description.....	130

HISTORICAL DICTIONARIES OF RUSSIAN AND OTHER SLAVONIC LANGUAGES AS LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL SOURCE

<i>E. V. Generalova</i> (St.-Petersburg) — The reflection of the elements of Russian culture through sustainable combination of XVI–XVII centuries models “an adjective + noun” in historical dictionaries.....	133
<i>L. A. Glinkina</i> (Chelyabinsk) — On linguistic and cultural content of obsolete words dictionaries.....	136
<i>R. M. Dadabayeva</i> (Moscow) — The magazines of the second half of XVIII century as one of the sources for studies historical lexicology of the Russian language.....	138
<i>I. S. Klinkova</i> (Magnitogorsk) — Architecture vocabulary in «Dictionary of the Russian language of XI–XVII centuries».....	141
<i>K. I. Kovalenko</i> (St.-Petersburg) — Pridosha pruzi na rus'kuyu zemlu... «Locusts came into the Russian land...» (insect <i>locust</i> in Russian lexicography of the XVI–XXI centuries).....	143
<i>L. Ya. Kostuchuk</i> (Pskov) — Lexicographic discussions in XX century and achievements of Russian lexicography and cartography (from XX–XXI-century point of view).....	146
<i>O. P. Loput'ko</i> (Novosibirsk) — I. I. Sreznevsky's lexicographical principles in Slavonic philological context.....	148
<i>L. M. Lubimova</i> (Chita) — The historical dictionaries as an ethnolinguistic source.....	150
<i>E. N. Sokolova</i> (Tyumen) — Written texts of the Kiev period as lexicographic sources of studying Slavonic oikonimiya.....	153
<i>A. N. Starodubtseva</i> (Tobolsk) — Abstract nouns in business writing in the second half of XVIII century in aspect of historical lexicography (based on funds of provincial government in Tobolsk).....	155
<i>O. G. Terentyeva</i> (Kuibyshev) — Etymological type dictionary, sockets, ranks as a possibility of a new systematization of vocabulary.....	157
<i>M. V. Chernyakova, A. A. Molokova</i> (Tobolsk) — Astronomical vocabulary and phraseology of cursive monument “Astronomical phenomena record...” as an object of cultural and linguistic description.....	159
<i>S. G. Shulezhkova</i> (Magnitogorsk) — Ostromirov Codex as a Linguoculturological Source and Problems of Old Slavonic Phraseology.....	163

THE ELEMENTS OF RUSSIAN CULTURE REFLECTED IN REGIONAL AND SUBCULTURAL DICTIONARIES

<i>E. N. Bekasova</i> (Orenburg) — Lexicographic potential of nicknames as ethnocultural phenomenon.....	166
<i>S. M. Belyakova</i> (Tyumen) — From “Azyam” to “Yaschik”: traditional material culture in figurative representation (on materials for a dictionary).....	168
<i>E. N. Vasil'yeva</i> (Pskov) — Subcultural background of school and students phraseology (according to the dictionaries of slang).....	170
<i>G. A. Voevodina</i> (Yelets) — Evaluation names of a person in modern Russian language.....	172
<i>M. S. Vykhrystyuk, E. A. Bakulina</i> (Tobolsk) — Emotional evaluative vocabulary dialects of Tobol-Irtys in aspects of modern lexicography phraseography.....	175
<i>A. S. Danilevskaya</i> (Kiev) — Phraseology of Russian Amur dialects as the way of expressing of regional language picture of the world.....	177
<i>M. A. Karpun</i> (Rostov-na-Donu) — Peculiarities of presentation of phytonymic vocabulary in “Ethnolinguistic dictionary of Don Cossacks”.....	179
<i>N. A. Lihanova</i> (Chita) — The dialect phraseology in ethnolinguistic aspect (on the material of “Dictionary of Russian dialects of Transbaikalia” L. E. Eliasova).....	181
<i>T. I. Mochalova, E. N. Akimova</i> (Saransk) — Structural semantic types of phraseologisms-comparatives in “Phrasebook of Russian dialects in Republic of Mordovia”.....	183
<i>T. G. Nikitina</i> (Pskov) — Concept sphere of youth culture in the subject-ideographic dictionary of slang.....	186
<i>R. V. Popov</i> (Severodvinsk) — Issues on lexicon records of jargons.....	187
<i>S. V. Rusanova</i> (Novosibirsk) — The verb <i>favored</i> in the regional text of promemoriya in XVIII century and in the dictionary (on the material of Transbaikalian official writing).....	190
<i>O. V. Felde</i> (Krasnoyarsk) — Angarsk linguistic culture in lexicographical aspect.....	192
<i>S. S. Shlyakhova, M. G. Vershinina</i> (Perm) — The perception of dialect-bearers of oral speech on the facts of the dialect dictionaries.....	194

**PECULIARITY OF RUSSIAN NATIONAL CONCEPT SPHERE. RUSSIAN LANGUAGE
AS A RECIPIENT OF FOREIGN WORDS**

<i>G. K. Valeev</i> (Chelyabinsk) — Turkic component of Russian culture in Russian vocabulary.....	197
<i>T. V. Gridneva</i> (Volgograd) — The specific of representation of the different elements of phraseological concept.....	199
<i>A. Y. Epimakhova</i> (Chelyabinsk) — Russian culture and the Russian language in globalization (according to phraseographic data).....	201
<i>N. A. Kozko</i> (Magnitogorsk) — The concept “Drink” analysis by the example of lexicographical sources.....	203
<i>N. N. Kostina</i> (Magnitogorsk) — Russian as a recipient of foreign-language abbreviations.....	204
<i>I. K. Mukhina</i> (Ekaterinburg) — Ratio of basic cognitive signs of concepts of the sphere “Food” (on a material of the dictionary of key concepts of the Russian language).....	207
<i>A. Y. Petkau</i> (Ekaterinburg) — Thesaurus presentation of the concept “Health”.....	210
<i>V. K. Radzikhovskaya</i> (Moscow) — The functional and semantic category of reciprocity as a Russian culture’s phenomenon.....	213
<i>L. V. Tabachenko</i> (Rostov-na-Donu) — Faces of destiny in Anton Chekhov’s idiolect: lexicological and phraseological aspects.....	215

**RUSSIAN CULTURE AS AN OBJECT OF DESCRIPTION IN BILINGUAL AND
MULTILINGUAL DICTIONARIES. RUSSISMS IN EUROPEAN LANGUAGES**

<i>M. L. Alekseyeva</i> (Ekaterinburg), <i>A. V. Pavlova</i> (Mainz) — Problems of Russian-German translation and their reflection in the bilingual lexicography.....	219
<i>L. B. Vorobyeva</i> (Pskov) — The possibility of steady comparisons representation in the Russian-Lithuanian dictionary.....	221
<i>S. I. Georgieva</i> (Plovdiv) — About specialized Russian-Bulgarian and Bulgarian-Russian business dictionary.....	223
<i>N. N. Zerkina</i> (Magnitogorsk) — Multiculturalism of the English phraseology. Russian linguocultural borrowings.....	225
<i>I. Lazic-Konjik, J. Milosevic</i> (Belgrade) — Russian culture in Serbian language in the light of verbal associations.....	227
<i>S. N. Mashkova</i> (Kostanay) — Enrichment of Russian language by Kazakh phraseological images in terms of Russian and Kazakh bilingual.....	229
<i>O. V. Mikhina</i> (Magnitogorsk) — Intercultural peculiarities of Russian and German greetings reflected in standard dictionaries.....	232
<i>O. V. Petrenko, I. R. Atagulov</i> (Magnitogorsk) — The influence of Russian culture on the language of Germans from Russia living in Chelyabinsk region (the project of the dictionary “Germans of South Ural”).....	235
<i>E. R. Ratushnaya, E. I. Ratushnaya</i> (Kurgan) — Phraseological units-anthroponimines in Russian and English-Russian phraseological dictionaries.....	237
<i>N. S. Solovyeva</i> (Magnitogorsk) — Gender-relevant sense presentation in Russian and English phraseological dictionaries.....	240
<i>Ž. Fink</i> (Zagreb) — Russisms in Croatian: their use and lexicographic fixation.....	242
<i>K. S. Shalgimbekova, E. E. Shukina</i> (Kostanay) — Linguocultural literacy dictionary of citizens of Kazakhstan north region: compilation experience.....	245
<i>S. S. Shlyakhova, O. V. Shestakova</i> (Perm) — Ethnic picture of the world according to phonosemantic dictionaries.....	247
<i>I. A. Shusharina</i> (Kurgan) — The work for the dictionary polish-Russian “false friends”: the selection of material.....	249

**ORAL SPONTANEOUS SPEECH. THE PROBLEM OF A DICTIONARY DESCRIPTION
OF “CONJUNCTION BRACES” “DISCOURSIVES” AND OTHER INCATEGOREMATIC
PARTS OF SPEECH**

<i>Z. K. Adamia</i> (Tbilisi) — Popular speech as a component in a codified language.....	252
<i>N. V. Bogdanova-Beglarian</i> (St.-Petersburg) — Discursive item <i>tipa (togo chto)</i> , it’s functioning in oral token and alternatives of lexicographical description.....	255
<i>T. P. Vyazovik</i> (St.-Petersburg) — A combination of interrogative pronouns and demonstrative particle “vot” (that) in Russian dictionaries.....	257
<i>E. A. Morozov</i> (Magnitogorsk) — Discourse words <i>ved’</i> and <i>doch’</i> : semantic analysis experience (based on the dictionaries of contemporary Russian and German languages).....	260
<i>T. N. Permyakova</i> (Novosibirsk) — Description principles for conjunctions and conjunction braces in the Russian lexicography (on the example of the conjunction brace “ <i>kol’ skoro</i> ” (as soon as).....	263
<i>E. P. Sokolova</i> (Magnitogorsk) — Phenomenon of transitivity in the system of the synsemantic parts of speech in Russian language: lexicographic aspect.....	265
<i>S. I. Surovtseva</i> (Chelyabinsk) — To a question of the principles of a lexicographic (on a material of prepositions).....	267
<i>V. K. Kharchenko</i> (Belgorod) — Russian acousmatic culture as an object of lexicography.....	269
<i>G. A. Shiganova</i> (Chelyabinsk) — Main principles of semantic and grammatical dictionary of phraseological prepositions construction.....	271

**ELECTRONIC RESOURCES AND ELECTRONIC DICTIONARIES AS THE SOURCES
OF STUDY OF RUSSIAN CULTURE**

<i>E. N. Akimova, V. L. Akimov, A. Y. Maslova, T. I. Mochalova</i> (Saransk) — Electronic dictionary of dialect phraseological units as a source of study picture of the world in Russian dialects of Mordovia.....	274
<i>V. A. Baranov</i> (Izhevsk) — Search for collocations and their demonstration in the text corpus «Manuscript».....	277
<i>A. D. Vyhrystyuk</i> (Tobolsk) — National and international aspects of formation of modern Russian computer terminology.....	279
<i>K. R. Galiullin, G. N. Karimullina, R. N. Karimullina, D. A. Martyanov</i> (Kazan) — Secondary compound units in Russian Linguography (the 1 st half of the 19 th century).....	281
<i>Y. A. Dudareva</i> (Kemerovo) — “Naming dictionary of the Russian language”: Theoretical and practical experience of development.....	283
<i>O. M. Luntsova, L. I. Shvydkaya</i> (Magnitogorsk) — On lexicographic presentation of internet-memes.....	285
<i>O. V. Mykhalskaya</i> (Kiev) — The phenomenon of visibility in the printed discourse context.....	287
<i>J. Tarsa</i> (Opole) — Internet jargon dictionaries as a source of information for a lexicographer.....	289
<i>O. P. Fesenko</i> (Omsk) — On the idea of compilation a computer discursive dynamic dictionary of idioms of friendly letters of the Pushkin era.....	291
<i>M. R. Shumarina</i> (Balashov) — Folk lexicography is a phenomenon of modern Russian linguistic culture.....	293

CODIFIED ROLE OF DICTIONARIES AND THEIR PLACE IN THE SYSTEM OF RUSSIAN EDUCATION

<i>N. P. Andryushina</i> (Moscow) — Lexicography in terms of skill levels description of the Russian language as a foreign one	296
<i>O. V. Dorfman</i> (Magnitogorsk) — Formation of lingual-poetic dictionary of school student at the Russian language lessons	298
<i>A. G. Zhukova</i> (Moscow), <i>G. M. Mandrikova</i> (Novosibirsk) — Lexeme <i>evil</i> in the dictionary and in the language: dynamics of the semantic structure	300
<i>A. G. Krotova</i> (Novosibirsk) — The dictionary of lexical difficulties of the Russian language: theoretical foundation of the technology of lexicographical description	302
<i>N. A. Maximchuk</i> (Smolensk) — Training onomastic dictionary in aspects of intercultural communication	305
<i>E. K. Nikolaeva</i> (St.-Petersburg) — Proverbs in the «primer for teaching youth to read Russian and Polish» (1796)	307
<i>S. A. Pesina</i> , <i>O. L. Latushkina</i> (Magnitogorsk) — Lexical invariant as a means of vocable organization	310
<i>L. D. Ponomareva</i> (Magnitogorsk) — Lexicographical modelling of students' artistic speech creation	313
<i>E. I. Rogaleva</i> (Pskov) — Culturological potential of phraseologisms in educational lexicographic interpretation	315
<i>A. P. Saobnova</i> (Saratov) — Associative dictionary for schoolchildren as lexicographical source of Russian culture studying	317
<i>O. V. Fokina</i> (Moscow) — Use of the dictionary of communicative meaningful quotes in teaching Russian as a foreign language	319
<i>N. N. Shpilnaya</i> (Novosibirsk) — Lexeme and text (the question of correlation derivational)	322

RUSSIAN CULTURE IN A WRITER'S VOCABULARY

<i>M. L. Bedrikova</i> (Magnitogorsk) — Concept "Native land" in Rasputin's prose of the last third of the XX–XXI centuries as material for the anthology of literary concepts	325
<i>N. L. Vasilyev</i> (Saransk) — Comparison experience of poetic lexicons in N. M. Yazykov and A. I. Polezhayev	327
<i>E. V. Gayeva</i> (Kurgan) — On rare words' dictionary in works of P. D. Boborykin, N. S. Leskov, B. M. Markevich	329
<i>Y. G. Gladkikh</i> (Perm), <i>A. A. Osipova</i> (Magnitogorsk) — Correlation of the concepts "Life" and "Time" in the artistic picture of the world of V. P. Astafyev (to the problem of selection of the material for the key concepts' dictionary)	333
<i>N. V. Kudrina</i> (Kurgan) — Phraseology of poetic texts by Anna Akhmatova as an object of fraseography	335
<i>O. V. Lomakina</i> (Moscow) — The historical and etymological reference in the author's dictionary	337
<i>V. M. Mokylenko</i> (St.-Petersburg) — Russian folk culture in the writer's vocabulary (from the experience of catch-words dictionary compilation of I. A. Krylov)	341
<i>M. N. Osadchaja</i> (Stary Oskol) — Personal and artistic discourse of O. Mandelstam under consideration of modern phraseography	344
<i>S. A. Parfenova</i> (Kuibyshev) — The use of phrase writer's dictionary (on the basis of creativity of V. M. Shukshin)	346
<i>A. V. Prokofyeva</i> (Magnitogorsk) — The history of winged expressions by V. Vysotsky in modern dictionaries	349
<i>T. I. Rozhkova</i> (Magnitogorsk) — Principles of the poetic language of A. P. Sumarokov (reflections on some materials to "Dictionary of the Russian language in the 18 th century")	351
<i>V. S. Sevastyanova</i> (Magnitogorsk) — Nietzsche's text in Andrei Bely's vocabulary	354
<i>K. P. Sidorenko</i> (St.-Petersburg) — Fables of I. A. Krylov as an object of intertextual lexicography	356
<i>E. V. Surovtseva</i> (Moscow) — Creation of a concordance of correspondence between M. Gorky and the Soviet leaders: statement of problem	357
<i>N. R. Khalitova</i> (Magnitogorsk) — Compiling a linguistic personal glossary by V. T. Shalamov	359
<i>V. V. Tsurkan</i> (Magnitogorsk) — Concept "Circle" in a prose by A. Bitov (materials for concept anthology of the 20 th century literature)	361

PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN PHRASEOGRAHY

<i>E. I. Zinovyeva</i> , <i>A. S. Alyoshin</i> (St.-Petersburg) — The lexicographical representation of inner form and development of phraseological units (with the phrase to slam the door as example)	364
<i>V. I. Kabysh</i> (Kurgan) — Causative verbs as a subject of phraseological description	365
<i>M. L. Lapteva</i> (Astrakhan) — Features of dictionary descriptions of phraseological units of foreign culture	367
<i>E. V. Radchenko</i> (Chelyabinsk) — Dynamism in the field of value of phraseological units with grammatically main component-somatism	368
<i>A. A. Sokolova</i> (Tyumen) — Reflection of military phraseological units in dictionaries	370
<i>B. V. Turkina</i> , <i>O. M. Turkin</i> (Kurgan) — Procedural phraseological units with a component <i>head</i> as an object of the phraseographic description	372
<i>N. B. Usacheva</i> (Kurgan) — phraseographical development of fixed phraseological connectives with the value of the emotional evaluation of the actions	373
<i>K. L. Fedorova</i> (Kurgan) — The phraseological units with the component-metonyms "light" in various phraseographical dictionaries	375
<i>V. F. Khaidarova</i> (Magnitogorsk) — Serial phenomenon in phraseology and the problem of their dictionary description	377
<i>A. A. Chepurensko</i> (Chelyabinsk) — Dictionary of Russian adverbial units	379
<i>N. V. Shvedova</i> (Kurgan) — The dictionary description of the phraseological unit of the category of state "(it is) all the same"	380

LINGUISTICS AND LEGAL CULTURE. A WORD BY A LEXICOGRAPHER AS AN ARGUMENT IN A LINGUISIC TEST

<i>O. V. Gnevek</i> (Magnitogorsk) — The problem of linguistic identification of the invective	384
<i>V. I. Makarov</i> (Velikiy Novgorod) — Dictionary entry in the forensic phraseological dictionary	386
<i>V. A. Salyaev</i> (Orel) — "Indecent form of expression" as an issue of lexicography and linguistic expertology	389
<i>T. V. Chernyshova</i> (Barnaul) — Philological aspects Russian legal culture (based on the speech act of insult)	391
<i>M. V. Shibaev</i> (Krasnoyarsk) — Use of lexicographical sources in juridical linguistic expertise	392

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме на русском и английском языках (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис.2; 1972b, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК. 63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position // East and West. 50, 97-145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указывается фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95 / A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed). Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2014

Сдано в набор 08.07.2014. Подписано в печать ???.2014.
Формат 70x100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-58784 от 28 июля 2014 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514.
Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.